«НАУКА, МЕНЯЮЩАЯ ЖИЗНЬ»

3-4 июня
2026 г.

ФГБОУ ВО «ВЛАДИВОСТОКСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

НАУКА, МЕНЯЮЩАЯ ЖИЗНЬ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
НАЦИОНАЛЬНОГО НАУЧНОГО ФОРУМА
МАГИСТРАНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

г. ВЛАДИВОСТОК,
3–4 ИЮНЯ 2026 г.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Владивостокский государственный университет»

НАУКА, МЕНЯЮЩАЯ ЖИЗНЬ

Электронный сборник материалов Национального научного форума
магистрантов, аспирантов и молодых ученых
с международным участием

(г. Владивосток, 3–4 июня 2026 г.)

Под общей редакцией
канд. пед. наук Г.В. Петрук

Электронное научное издание

Владивосток
Издательство ВВГУ
2026

УДК 378.4
ББК 74.584(255)я431
Н34

Наука, меняющая жизнь : электронныйсборник материалов национального научного форума магистрантов, аспирантов и молодых учёных (г. Владивосток, 3–4 июня 2026 г.) / под общ. ред. канд. пед. наук Г.В. Петрук ; Владивостокский государственный университет ; Электрон. текст. дан. (1 файл: 15,3 Мб). – Владивосток: Изд-во ВВГУ, 2026. – 552 с. – 1 электрон., опт. диск (CDROM). – Систем. требования: Intel Pentium (или аналогичный процессор других производителей), 500 МГц; 512 Мб оперативной памяти; видеокарта SVGA, 1280×1024 High Color (32 bit); 5 Мб свободного дискового пространства; операц. система Windows XP и выше; Acrobat Reader, Foxit Reader либо любой другой их аналог.

ISBN 978-5-9736-0804-0

Сборник подготовлен по итогам проведения Национального научного форума магистрантов, аспирантов и молодых ученых с международным участием «Наука, меняющая жизнь», состоявшегося во Владивостокском государственном университете 3–4 июня 2026 года. Включает доклады российских и зарубежных участников форума, предметом обсуждения которых стали актуальные научные тенденции, новые научные, прикладные и технологические решения в различных областях науки.

УДК 378.4
ББК 74.584(255)я431

Электронное научное издание

Минимальные системные требования: Компьютер: Pentium 3 и выше, 500 МГц; 5,6 Мб; 5 Мб на жестком диске; видеокарта SVGA, 1280×1024 High Color (32 bit); привод CD-ROM. Операционная система: Windows XP/7/8. Программное обеспечение: Internet Explorer 8 и выше или другой браузер; Acrobat Reader, Foxit Reader либо любой другой их аналог.

ISBN 978-5-9736-0804-0

© ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», издание, 2026
© Рекламно-производственная компания ООО «Хелиос», макет, изготовление, 2026

В авторской редакции

Объем Мб. 15,3. Уч.-изд.л. 50,76.
Тираж 300 (1–25) экз.
Подписано к использованию 30.09.2026 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Алёшин А.А. Управление изменениями при внедрении ИИ в логистической отрасли: анализ и рекомендации 8
Алёшина Л.М. Саморегуляция как фактор достижения субъективного благополучия на примере представителей социономических профессий 11
Андреева Е.А. Проблемы и перспективы развития молодёжного предпринимательства в условиях государственной поддержки 19
Арискина И.В. Эмпирическое исследование эмоциональных переживаний лиц, изменяющих своему партнеру, и их взаимосвязь с «образом Я» 22
Арясова А.А. Действующая система подготовки кадров для детских оздоровительных лагерей 29
Асаёнок Д.Р. Логистика «последней мили» на Дальнем Востоке: специфика дорожной сети и точки роста в Приморье 32
Ахметова А.С., Иваненко Н.В., Ярусова С.Б. Экологическая компетентность студентов колледжа Владивостокского государственного университета 36
Базылев А.А., Метляева Т.В. Влияние культурных кодов на территориальную идентичность: на примере города Владивостока 40
Барышевцев И.В., Тунгусова Е.В. Развитие интермодальных транспортных коридоров Россия – Южная Америка: переориентация на азиатское направление 44
Березникова А.Г. Современный подход к оценке вклада режима свободный порт Владивосток в региональное развитие 51
Берлинская В.Ю., Юхновец Д.Ю., Тунгусова Е.В. Повышение конкурентоспособности транспортных компаний на рынке пассажирских перевозок с учетом применения инструментов искусственного интеллекта 55
Блюдик А.Р, Масюк Н.Н. Верификация типологии приграничных морских регионов России 62
Борвенко А.А., Тунгусова Е.В. Интеллектуальная автоматизация процессов консолидации LCL-грузов на складах для повышения операционной эффективности 68
Борзова Т.А. Высшее образовательное учреждение как пространство формирования культуры личности наставника в контексте традиционных российских ценностей 71
Борзова Т.А., Щипачева А.П. Детский туризм как инструмент социокультурной адаптации и формирования ценностных ориентиров в условиях глобальных вызовов 75
Борисенко Н.А., Гибова В.В. Формализация протоколов технологических операций лазерного аддитивного производства 80
Бугаёв В.С., Тунгусова Е.В. Совершенствование перевозки скоропортящихся грузов с учётом современных технологий 90
Буданова Е.А., Гриванова О.В. Влияние санкционного режима на трансформацию логистической системы Российской Федерации 93
Ван Сюеи, Пилюгина Н.Ю. Специфика социальной рекламы в русском и китайском языках: языковой и лингвокультурный аспекты 97
Виинокурова М.А., Коноплева Н.А. Культурно-антропологические основания гастрономического туризма как современной формы продвижения Республики Саха (Якутия) 101
Водяницкий М.В., Гриняк В.М. Восстановление пропущенных участков судовых траекторий с использованием нейросетевой модели 106
Ворожбит К.К. Взаимосвязи показателей образа будущего и результатов проективных методик у современных подростков 111
Вьюн В.И. Экологическая оценка воздействия причалов морского порта на атмосферный воздух (на примере г. Владивосток) 118

Гратовский Н.Э. Предикторный вклад субъективного переживания одиночества и суверенности психологического пространства в выраженность депрессивных тенденций у молодёжи 121
Громенко И.В. Русское переселенческое поселение Дальнего Востока XIX века в сравнительно-планировочном контексте: Сибирь, Приамурье, Приморье 128
Грукова М.О., Титовская А.В. Фразовые глаголы как средство создания зловещей атмосферы (на примере романов Стивена Кинга «Сияние» и «Кристина») 132
Гуцуляк А.В., Батурина О.А. Пространственная дифференциация студенческого технологического предпринимательства в регионах Российской Федерации 136
Давыденко Е.С., Тарасова Е.В. Экологическое образование, как фактор воспитания патриотизма 141
Даниловский Т.Е., Ушкова А.Д. Анализ современных методик финансового анализа и их применимость для малых предприятий розничной торговли 146
Джулеба А.В. Информационное обеспечение мероприятий вузов как инструмент развития программы молодежного и студенческого туризма 150
Ду Юаньмин. Цифровая экономика и зелёная экономика Китая: механизмы взаимосвязи и перспективы развития 157
Дятлов А.А. Четырёхсторонний диалог по безопасности (Quad) в условиях трансформации американской стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе (2025–2026 гг.) 160
Евсюкова К.Е. Факторы, затрудняющие обращение за психологической помощью, и феномен избегания в консультировании комбатантов: анализ системных проблем и стигматизации 170
Задорожина Ю.В., Смык Н.В., Макарова В.Н. Инвентаризация отходов производства и потребления на предприятии АО «Примавтодор» 180
Заприса Т.М., Ден В.Г. Влияние известных наград и рейтинга ресторана на желание гостя посетить его (на примере города Владивостока) 184
Знаменских Д.Е., Лайчук О.В. Классификация цифровых технологий в управлении цепями поставок: теоретико-методологический анализ 189
Зорикова Е.В. Трансформация геополитической роли Владивостока в рамках интеграции в систему Трансарктического транспортного коридора 195
Иванова Ю.В., Журавская Н.С. Актуальность комплексной реабилитации детей с ОВЗ и инвалидов в рамках инклюзивного образования в средней общеобразовательной школе 199
Игнатенко И.И. Система устойчивого лесоуправления в лесном хозяйстве ДФО 203
Ильченко Ю.М. Методика формирования концепции мероприятия в музейной деятельности 207
Инь Фань. Визуальная репрезентация гендерных образов в китайской «живописи шрамов» 212
Калюжная Т.В. Современное состояние рынка въездного туризма Приморского края 217
Каневская Д.В. Ранние дезадаптивные схемы как психологические предикторы тревожности у лиц молодого возраста 220
Касьяненко Г.В., Коноплева Н.А. Культурно-антропологический подход в адаптации иностранных студентов к традициям России (на примере Владивостокского государственного университета) 224
Ким П.А. Цифровая дипломатия как инструмент мягкой силы современного государства 227
Кисилева Е.В., Анисимова Д.А. Сухие порты как элемент транспортно-логистической инфраструктуры: история развития и современные классификации 232
Колчанова Е.С., Смольянинова Е.Н. Региональная экономика и логистика: факторы и ограничения развития 236
Коноплева Д.А, Пак Л.Е. Дискретно-комбинаторный механизм грамматики как источник синтаксической неоднозначности (на материале американских СМИ) 240
Коноплева Н.А., Поветкина А.А. Этническая культура удэгейцев. История и современность 243
Костырева Д.Е. Развитие общественного активизма молодежи России в XXI веке 247

Крестников Г.С. Разработка прототипа системы оценки показаний судового компаса на основе видеонаблюдения ... 251
Кривец Е.А., Коноплева Н.А. Цветовая символика в работах Владимира Захаровича Алексеева с точки зрения православной художественной культуры ... 254
Ли Дунюй. Художественный образ в искусстве китайского плаката как аналитическая категория визуальных исследований ... 260
Лин Тун. Университетские выставки-конкурсы современной скульптуры как институциональный механизм формирования культурной идентичности в Китае ... 264
Литвинов А.В., Ушанова П.В. Иновещание в контексте растущего взаимовлияния политических и коммуникационных процессов ... 275
Литвинова Л.А. Конфликтный потенциал в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 2025-2026 гг. ... 279
Ломоткин П.Р. Цифровая среда как фактор развития проектного управления в экономическом пространстве Приморского края (ДФО) ... 283
Лян Чжэнминь. Диалог эпох в орнаментальных кодах Южного Китая: институциональные аспекты сохранения наследия и этнической идентичности Гуандуна ... 286
Майсурадзе А.Г., Екинцев В.И. Архитектура жизненного мира как фактор психологического благополучия личности ... 293
Макарова С.В., Черемискина И.И. Взаимосвязь автономности женщин и их психологического благополучия в отношениях с мужчинами ... 296
Малеева А.Е., Титовская А.В. К проблеме перевода каламбуров с английского на русский язык (на материалах современных видеоигр) ... 299
Марченко И.А. К вопросу об оценке влияния рисков международной бизнес-среды на деятельность российских компаний ... 303
Марченко М.О. Экологические проблемы функционирования автомобильного транспорта во Владивостоке и пути их решения на примере микрорайона «Зеленый Бульвар» ... 306
Масленникова Е.В. Методы управления строительством социальных объектов в разных странах ... 310
Масленникова Е.В. Эффективность закупок инвестиционно-строительных контрактов в регионах ДФО: 2014-2024 гг. ... 317
Мельникова А.М. Категории счастья и субъективное благополучие у студентов ... 322
Михальков А.Д., Гриванов Р.И. Свободная экономическая зона «Находка» (Приморский край): от замысла к перспективам развития ... 326
Мишина А.А., Хисамутдиногва Н.В. Педагогический дизайн в современной отечественной педагогике ... 330
Моисейцев А.В. Разработка метода создания адаптивных интерфейсов для сервисов поддержки решений при подборе лечения ... 333
Москвитина А.А. Развитие учетно-аналитического обеспечения системы внутреннего контроля банковской организации в условиях цифровизации ... 339
Му Вэньхэ, Пилюгина Н.Ю. Национально-культурная специфика жанра «поздравление» на сайте университета в русском и китайском языках ... 343
Нехай А.А. Опорный туристско-рекреационный каркас Артемовского городского округа (Приморский край) ... 346
Никитина С.О. Событийный маркетинг как инструмент продвижения музеев ... 358
Окунев В.Д., Гренкин Г.В. Разработка упрощённой технологии для навигации в зданиях ... 365
Ослопова М.В., Ким И.А. Совершенствование учета и оценки нематериальных активов в условиях цифровизации ... 369
Параев М.А. Организационно-правовое обоснование модели опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока России в современных условиях ... 374
Пархоменко Д.И. Посттравматические стрессовые расстройства у военнослужащих. Психологические факторы возникновения ... 380

Перминова Ю.М. Загрязнение воздуха автомобильным транспортом в городе Владивостоке 384
Пехота Н.В. Лестничный тренинг как элемент кардиореабилитации для городских пациентов с сердечно-сосудистой патологией: результаты 6-месячного наблюдения 391
Покидько К.С. Грамматический, семантический и прагматический подходы к описанию предлогов английского языка: сравнительная характеристика 395
Прадедов С.К. Прогнозирование деформаций на основе геодезических данных 400
Прокудина А.В., Покидько К.С. Трансформация ключевых концептов в русской языковой картине мира (на материале песенных текстов XX–XXI веков) 404
Пустовит О.А. Формирование комфортной городской среды в условиях экстремального климата: роль общественных пространств в мастер-плане г. Якутск 408
Пэн Лимин, Коноплева Н.А. Изобразительное творчество в репрезентации китайского этноса Мяо: гендерный аспект 411
Рогачева А.В., Чернышева А.С. Дидактический потенциал грамматических сказок при обучении иностранному языку в высшем учебном заведении 417
Самофалова С.А. Стандартизация процессов обслуживания в гостиничном бизнесе 421
Секисова К.А., Коноплева Н.А. Художественная культура как форма компенсации последствий цифровизации в молодёжной среде (на примере учащихся 5-7 классов г. Владивостока) 425
Смакотина О.А. Реальный и идеальный отец в представлениях современной молодежи 431
Соколов О.О., Юдин П.В. Проектирование дорожной инфраструктуры с применением методов имитационного моделирования 435
Стаценко Б.А. Сущность и современные формы интеграции гостиничного бизнеса и образования 439
Строганова В.С. Нативизация английского языка в КНР: опосредованная репрезентация национальных ценностей в миссиях университетов 446
Толкач Р.Е., Гнездечко О.Н. Особенности создания речевого портрета персонажа (на примере видеоигры «Warhammer 40000: Rogue Trader») 451
Тюкавкива И.Л. Пейзажный объект в понятийной системе искусствоведения: оппозиции, иерархии и границы 455
Усова Ю.В. Исследование процессов влияния трансграничного экономического сотрудничества на экономику субъектов ДФО 459
Фань Лиминь. Исторический и культурный смысл изучения женских церемониальных украшений Китая 464
Федоров А.И. Меры адаптации строительного сектора Российской Федерации к санкционным ограничениям: эффективность государственной поддержки 469
Федорчук Д.Д., Бубновская Т.В. Методика оценки рисков недобросовестных действий при признании выручки: отраслевая специфика 472
Фуркало Е.В. Личностные характеристики студентов IT-направлений с разными уровнями макиавеллизма: связь с «Большой пятеркой» и принятием других 479
Храповицкий Н.И. Проблемы и перспективы социально-экономического развития сельских муниципальных образований Камчатского края 483
Храпонова А.А., Ченцов Г.В. Реализация государственной политики в социально-экономической сфере Приморского края: оценка эффективности государственных программ 488
Цзюй Чжо. Многоуровневая ценностная структура бумажных источников в китайском традиционном искусстве 491
Цитцер А.А., Ден В.Г. Перспективы развития студенческого туризма на примере ФГБОУ ВО «ВВГУ» 496
Чебова С.Г., Вронская М.В. Юридическая ответственность за нецензурную лексику в цифровой среде 504
Черемискина И.И., Яланжи И.И. Особенности самоотношения у людей с выраженным сензитивным нарциссизмом 508

Чжан Жуйсинь, Хисамутдинова Н.В. Межкультурная коммуникация
и обучение иностранным языкам в Харбине 512
Чжан Итин. Экспорт образования или образовательных услуг: вопросы терминологии 516
Чжоу Ин, Пилюгина Н.Ю. Национально-культурная специфика
лексико-семантического поля «музыка» в русском и китайском языках 519
Чунихин Н.С., Васильева Е.И. Теоретико-методологические подходы
к изучению видеоигр: междисциплинарный анализ 523
Шишкина А.Е. Развитие сбытовых каналов предприятия на основе
использования цифровых технологий 526
Шэнь Чжуянь, Гускина Е.Н. Русские и китайские фразеологизмы, содержащие названия
животных 531
Щипачева А.П., Кулямаев В.А. Современное состояние развития детского туризма
в Приморском крае 535
Юдаков А.А. Сравнительный анализ российской и китайской моделей управления качеством
автотранспортного логистического сервиса 540
Яковлева А.Г. Взаимосвязь ранних дезадаптивных схем и эмоционального интеллекта
у женщин разного возраста 545

УДК 656:005.591.6

УПРАВЛЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯМИ ПРИ ВНЕДРЕНИИ ИИ В ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ: АНАЛИЗ И РЕКОМЕНДАЦИИ

А.А. Алёшин, аспирант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В данной статье анализируется тема внедрения инструментов искусственного интеллекта в логистике при реализации проектов устойчивого развития. Рассматриваются сферы применения инструментов искусственного интеллекта в логистике крупными российскими логистическими компаниями, основные направления использования искусственного интеллекта в логистике. Цель данного исследования заключается в изучении логистической стратегии внедрения ИИ систем российскими предприятиями и критериев эффективности внедрения*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, устойчивое развитие, логистическая отрасль, критерии эффективности*

AN ANALYTICAL REVIEW OF THE EXPERIENCE OF DOMESTIC ORGANIZATIONS IN MANAGING CHANGES WHEN IMPLEMENTING AI IN THE LOGISTICS INDUSTRY

Abstract. *This article analyzes the topic of implementing artificial intelligence tools in logistics during the implementation of sustainable development projects. It examines the areas of application of artificial intelligence tools in logistics by major Russian logistics companies, as well as the main directions of using artificial intelligence in logistics. The purpose of this study is to examine the logistics strategy of implementing AI systems by Russian enterprises and the criteria for evaluating the effectiveness of implementation*

Keywords: *artificial intelligence, sustainable development, logistics industry, performance criteria*

Искусственный интеллект (ИИ) в логистике используют для оптимизации процесса планирования и мониторинга транспортных операций. Он способен автоматизировать обыденные логистические задачи: управление складскими запасами, отслеживание перевозок, разработка маршрутов и рассредоточение ресурсов [6]. ИИ занимается сборкой и анализом большого объема данных о маршрутах, транспорте, рынке, климатических условиях и многих других факторов, способных повлиять на логистические операции. Внедрение ИИ также способствует повышению эффективности и прозрачности логистических процессов. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской федерации (сокр. Минцифры России) определило внедрение технологий ИИ важнейшим направлением цифровизации, особое место в котором занимает решение проблемы «импортзамещения технологий».

В рамках исследования проанализированы годовые отчеты об устойчивом развитии пяти крупных российских компаний: «Глобал Портс» (2023) [17], ПАО «Магнит» (2022) [14], FESCO (2024) [12], «ТрансКонтейнер» (2024) [15], и «Транснефть» (2020) [16] и ПАО «РЖД» (2024) [13].

В результате выполненной работы можно подвести некоторые итоги:

Группа Global Ports применяет машинное обучение (далее — ML) для предиктивной аналитики состояния портовой техники (кранов, погрузчиков), прогнозирования сроков ремонта и оптимизации маршрутов внутритерминального транспорта, что снижает простои. Технологию компьютерного зрения компания использует для автоматического распознавания и классификации контейнеров по их номерам и типам на терминалах. Системы анализируют видео потоки для контроля процессов погрузки-разгрузки, отслеживания перемещения оборудования и обеспечения безопасности на территории порта.

ПАО «Магнит» использует ML в своей обширной логистике для прогнозирования спроса, управления запасами на распределительных центрах и оптимизации маршрутов доставки в магазины, что критично для свежести продукции и минимизации излишков. Компания активно применяет анализ изображений на распределительных центрах и в магазинах. Камеры и алгоритмы CV помогают контролировать заполненность складов, распознавать ассортимент товаров на полках для автоматического управления запасами, а также анализировать поведе-

ние покупателей (без идентификации личности) для оптимизации комплекса мероприятий в сфере розничной торговли, направленных на стимулирование продаж.

FESCO внедряет технологии для анализа данных мультимодальных перевозок. ML-алгоритмы помогают оптимизировать загрузку контейнеров, планировать расписание судов и ж/д-перевозок, а также прогнозировать сроки доставки с учетом множества факторов, внедряет технологии распознавания для обработки транспортных документов (сканирование и автоматический ввод данных в системы), а также для контроля состояния грузов (например, анализ изображений для выявления повреждений контейнеров или оборудования).

ПАО «ТрансКонтейнер» использует машинное обучение для повышения эффективности управления парком контейнеров. Алгоритмы прогнозируют перемещение и потребность в оборудовании, оптимизируют его распределение по станциям, сокращая порожние пробеги, использует системы компьютерного зрения на сортировочных станциях и терминалах для автоматического считывания номеров контейнеров и их классификации, что значительно повышает скорость и точность обработки информации в логистических цепочках.

ООО «Транснефть-Логистика» применяет AI/ML для планирования и мониторинга перевозок крупногабаритного оборудования для нефтегазовой отрасли. Модели анализируют маршруты, трафик и погодные условия для выбора оптимальных решений. Компания применяет системы компьютерного зрения для мониторинга состояния перевозимого крупногабаритного оборудования с помощью анализа фото и видео материалов, а также для автоматизации документооборота, связанного с сложными разрешениями на транспортировку.

ОАО «РЖД» является лидером по масштабу внедрения. ML-решения используются для: предиктивного обслуживания подвижного состава и инфраструктуры, оптимизации графиков движения поездов, анализа изображений с видеокамер для контроля безопасности и состояния объектов. Основные направления внедрения: предиктивная аналитика (Predictive Maintenance), оптимизация цепочек поставок, управление активами и автоматизация процессов планирования. Внедрение носит поэтапный характер, часто начиная с пилотных проектов, и направлено на снижение операционных затрат, повышение надежности и качества услуг.

В результате анализа сформулированы направления развития использования ИИ технологий для компаний.

«Global Ports» рекомендуется начать пилотные проекты с ИИ в области предиктивного обслуживания или оптимизации маршрутов, чтобы сохранить конкурентоспособность среди лидеров (FESCO, «ТрансКонтейнер»). ПАО «Магнит» рекомендовано, обратить внимание не только роботизировать процессы, связанные с логистической цепочкой доставки клиентам, а также использовать широкий опыт использования ИИ технологий в теплично-аграрном бизнесе в логистической сфере.

FESCO, ПАО «РЖД» как лидерам по GenAl среди логистических компаний, рекомендуется вести образовательную деятельность в области цифровизации логистической сферы, опубликовывать кейсы успешного внедрения ИИ в открытом доступе.

Автором обосновано, что ПАО «ТранКонтейнер» и ООО «Транснефть-логистика» целесообразно внедрить ML для прогноза спроса и оптимизации маршрутов (стратегия 2024 г.). Показано, что ИИ в трубопроводной логистике применяется при проектировании, диагностике и контроле безопасности. Рост соответствующего рынка оценивается в 31–35 % ежегодно. С 2024 г. «Транснефть» перешла к обязательному применению ИИ: в стратегии цифровой трансформации (согласована с Минцифры) установлены ежегодные проценты внедрения ИИ в логистику [3].

Таким образом, крупнейшие российские транспортные и логистические компании активно внедряют технологии искусственного интеллекта и машинного обучения, что стало стратегическим императивом для повышения эффективности. Внедрение технологий компьютерного зрения и распознавания в указанных компаниях является ключевым направлением цифровой трансформации, направленным на автоматизацию, контроль безопасности и обработку данных. Следующим важным моментом является распространение лучших практик, так как успешные кейсы крупных компаний часто становятся основой для тиражирования решений. Например, системы оптимизации маршрутов, разработанные для конкретных логистических задач, могут быть адаптированы для использования в других компаниях или отраслях. В некоторых случаях технологии, изначально разработанные внутри компании, выводятся на рынок как отдельные продукты или SaaS-платформы, что делает их доступными для малого и среднего бизнеса

В работе определена область применения теоретических положений в контексте внедрения систем ИИ систем в логистические процессы российских компаний. Установлено, что ключевые направления реализации проектов к 2026 году включали операционные технологии как приоритетные наряду с процессами автоматизации. Новые стандарты устойчивого развития требует гармоничного сочетания прямой эффективности текущих решений с достижением долгосрочных стратегических целей и определяют, как зону развития аналитические и организационно-управленческие направления применения ИИ систем. Параллельно с этим усиливается давление экологических регуляторов национальных целей устойчивого развития.

На основе анализа теоретических публикаций, открытых источников информации по использованию ИИ определены пять основных принципов внедрения ИИ. Это совместимость с существующими решениями, обучение персонала, постоянный анализ данных, обеспечение безопасности данных, а также гибкость и масштабируемость. Наиболее значимыми векторами развития ИИ названы автономные транспортные средства, интеллектуальные транспортные системы, анализ больших данных, интеграция с интернетом вещей, а также устойчивое развитие — внедрение искусственного интеллекта для оптимизации использования ресурсов и снижения негативного воздействия на окружающую среду [11].

Таким образом, проведённый анализ показывает, что отсутствие отлаженных процессов управления внедрением ИИ в логистике приводит к нестабильным результатам. Устойчивая эффективность, по мнению автора, достигается только при формировании «зрелых процессов управления данными». Именно такой уровень зрелости выступает эволюционным шагом для цифровой экономики, на котором становится возможной полноценная трансформация логистической отрасли.

1. Мусина Д.Р., Ганиева М.Р. Цифровая зрелость отрасли и предприятия: понятие и методы оценки // Human Progress. 2024. Т. 10, Вып. 4. С. 5. URL: http://progresshuman.com/images/2024/Tom10_4/Musina.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2024-4a-22
2. Расторгуев А.В. Применение искусственного интеллекта в управлении устойчивым развитием предприятий: от теории к практике// Инновационная наука. 2025. № 6-1. С. 148-152.
3. Скороход А.Ю. ESG-риски и устойчивое развитие компаний транспортно-логистической сферы// Экономика предприятий, регионов, отраслей. 2023. С. 91-97.
4. Садикова М.А., Авазова Н.К. Самообучение искусственного интеллекта, базовые принципы работы искусственного интеллекта на простом примере// Потомки Аль-Фаргани: электронный научный журнал. 2023. Т. 1, вып. 4. С. 246-250.
5. Хорошилова Т.Н. Роль искусственного интеллекта в логистике: эффективность, вызовы решения // Технические науки. 2024. № 11(128). С. 41-45. DOI 10.32743/UniTech.2024.128.11.18548
6. Шмаль В. Н. Применения элементов искусственного интеллекта на транспорте и в логистике / В. Н. Шмаль, Д. В. Абрамов, А. В. Корпуков. – Екатеринбург: Издательские решения по лицензии Ridero, 2021. – 147 с.
7. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. No 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). URL: https://base.garant.ru/72838946
8. Аналитический центр Сбер Про. URL: https://sber.pro/publication/prognoz-logistiki-2026/; Аналитические материалы АНО «Цифровая экономика». URL: https://d-economy.ru/research/?napr=48
9. Транспортная группа FESCO: годовой отчёт (раздел «Устойчивое развитие») за 2024, 2025 гг. URL: ar2025.fesco.com (дата обращения: 15.04.2026).
10. ОАО «РЖД»: отчёт об устойчивом развитии за 2024 г. URL: sr2024.rzd.ru (дата обращения: 15.04.2026)
11. ПАО «Магнит»: отчёт в области устойчивого развития за 2020, 2024 гг. URL: magnit.com (дата обращения: 15.04.2026)
12. ПАО «ТрансКонтейнер»: отчёт об устойчивом развитии за 2024 г. URL: trcont.com (дата обращения: 15.04.2026)
13. ООО «Транснефть-Логистика»: отчет об устойчивом развитии за 2020 г. URL: https://xn--80afpakcv0aj.xn--80akxamidgr5f.xn--p1ai/development; Global Ports: отчёт об устойчивом развитии за 2023-2024 г. URL: globalports.com (дата обращения: 15.04.2026).

Сведения об авторе

А.А. Алёшин, аспирант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 159.9

САМОРЕГУЛЯЦИЯ КАК ФАКТОР ДОСТИЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЦИОНОМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ

Л.М. Алёшина, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Изменения условий среды, особенно развитие цифровых технологий, приводит к существенной трансформации моделей взаимодействия в сферах помогающих профессий. В статье на основе эмпирического исследования осознанной саморегуляции, получены факты о различиях в факторной структуре субъективного благополучия педагогов и психологов, как представителей социономических профессий в современных условиях*

Ключевые слова: *субъективное благополучие, осознанная саморегуляция, устойчивость, гибкость, представители социономических профессий.*

SELF-REGULATION AS A FACTOR IN ACHIEVING SUBJECTIVE WELL-BEING USING THE EXAMPLE OF REPRESENTATIVES OF SOCIOECONOMIC PROFESSIONS

Abstract. *Changes in environmental conditions, especially the development of digital technologies, are leading to a significant transformation of interaction models in the fields of helping professions. Based on an empirical study of conscious self-regulation, the article presents findings on the differences in the factor structure of subjective well-being among teachers and psychologists as representatives of socionomical professions in modern conditions*

Keywords: *subjective well-being, conscious self-regulation, resilience, flexibility, and representatives of socioeconomic professions*

Современное социальное пространство, обладающее широкими информационными возможностями, предлагает человеку и большое разнообразие способов поведения, при этом быстрота, гибкость, своевременность переключения с одного способа действий на другой в зависимости от ситуации оказывается условием его успешности и одновременно стресса.

Большое значение в современных условиях приобретает, с нашей точки зрения, актуализация и развитие ресурсов осознанной саморегуляции человека, которые необходимы для самоорганизации своей внешней и внутренней активности при решении непростой задачи достижения различных целей в ситуации резкого изменения условий жизнедеятельности при повышении уровня неопределенности во всех жизненных сферах [6].

В последние годы количество исследований, связанных с саморегуляцией достижения целей для решения задач, затрагивающих различные аспекты и сферы жизни современного человека, продолжает увеличиваться. Проведённое теоретическое обобщение научных статьей и результатов эмпирических исследований по данной теме позволило получить подтверждение научных представлений о том, что осознанная саморегуляция достижения целей является системой универсальных и специальных регуляторных ресурсов человека в зависимости от значимости задач, для решения которых они предназначены. Регуляторные навыки, реализующие данную систему, способствуют продуктивному достижению профессиональных и личных целей [9]. Кроме того, они выступают механизмом мобилизации, координации и накопления резервов человека, необходимых для решения важных профессиональных и разнообразных жизненных задач. (другими словами – придание значимости и смысла своим целям, выбор значимых целей на основе актуальных потребностей и ценностей).

Среди этих задач могут быть — личностное саморазвитие и самовоспитание, профессиональное самоопределение, поддержание и повышение психологического и субъективного благополучия. Развитие ресурсов осознанной саморегуляции способствует успешному обучению и работе в условиях стремительных изменений среды, является основой адаптации и формирования новой самоорганизации жизни, а также препятствует развитию острых стрессовых реакций и негативных эмоциональных состояний в современных условиях. Осознанная само-

регуляция является метаресурсом человека, так как не только вносит значимый вклад в достижение целей практической и профессиональной деятельности, но и способствует решению более широких задач жизнедеятельности [6]. Система саморегуляции человека носит черты управляющего уровня системы психической саморегуляции, так как является инструментом организации активности человека на основе рефлексивности и самоорганизации различных подсистем регуляторных процессов операционально-когнитивного и регуляторно-личностного уровней [5]. Эти подсистемы, в свою очередь, мобилизуют первичные психические процессы и состояния (когнитивные, личностные, эмоциональные), выступающие средствами реализации регуляторной активности человека в инициации и достижении целей. (Моросанова, 2016, 2017).

На основе изучения и анализа исследований осознанной саморегуляции жизнедеятельности человека как системы психологических средств осознанного выдвижения целей и управления их достижением нами было проведено исследование среди представителей социономических профессий. Его целью стало выявление ресурсной роли, осознанной саморегуляции и стилевых особенностей поведения в поддержании субъективного благополучия.

Методы и материалы. В исследовании приняли участие 93 респондента. Использованы опросные методики: Стиль саморегуляции поведения В.И. Моросановой — ССПМ 2020, Открытый определитель DISC (Assessment Test, ODAT), Шкала субъективного благополучия, адаптированный М.В.Соколовой (ШСБ), Диагностика переживаний в деятельности (ДПД). Результаты: осознанная саморегуляция и наполненность смыслом, удовольствие в деятельности представителей социономических профессий вносят значимый положительный вклад в их субъективное благополучие. Исследование надежности саморегуляции как универсального и специального регуляторного ресурса достижения целей на примере деятельности специалистов социономических профессий не показали существенных различий.

Это подтвердило условия исследования специальных и универсальных регуляторных ресурсов личности, определенные концепцией психологии саморегуляции. Идея об универсальных и специальных регуляторных ресурсах, операционализированная на модельных выборках профессионалов, соотносится также с исследованиями оперативности профессионального развития личности, авторы которых заключают, что, чем сильнее профессиональные виды деятельности отличаются друг от друга, тем в большей степени различаются их системы саморегуляции, в первую очередь на качественном и структурном уровнях [7]. Следует отметить, что разделение регуляторных ресурсов на универсальные и специальные достаточно относительно и зависит от того, по отношению к какому кругу задач оно применяется. Например, надежность является специальным ресурсом для достижения успешности в профессии спасателей ЧС и универсальным — для класса профессий высокого риска [6]. В нашем случае профессиональные виды деятельности психологов и педагогов относятся к одной сфере.

В настоящее время мы рассматриваем психическую саморегуляцию человека (СР) как многоуровневую и динамическую систему процессов, состояний и свойств, являющуюся инструментом инициации и поддержания произвольной активности человека. Система психической СР имеет свои субсистемы в различных видах активности человека, специфичность которых определяется используемыми для осуществления регуляции поведения психическими средствами: когнитивными, личностными, темпераментальными, эмоциональными и т.д. (Моросанова, 2016).

Осознанная саморегуляция (ОСР) понимается как рефлексивный психологический инструмент человека, позволяющий выдвигать цели и управлять их достижением на основе самоорганизации различных подсистем первичных психических процессов, свойств и состояний, выступающих средствами реализации его активности [5].

Таким образом, теоретической основой исследования является ресурсный подход к изучению факторов успешного достижения жизненных целей, в том числе в ситуациях неопределенности. Исследование уровня саморегуляции педагогов и психологов мы проводили с помощью методики «Стиль саморегуляции поведения (ССПМ-20)» В.И. Моросановой. Опросник ССПМ пригоден как для научных исследований, так и в качестве инструмента практической диагностики различных аспектов индивидуальной саморегуляции. Цель методики — диагностика развития индивидуальной саморегуляции и её индивидуального профиля, включающего показатели планирования, моделирования, программирования, оценки результатов, а также показатели развития регуляторно-личностных свойств — гибкости, устойчивости и надежности. Следует отметить, что надежность СР является в целом специальным регуляторным

ресурсом в профессиях, предъявляющих особые требования к стрессоустойчивости. В свою очередь, у нас есть данные о том, что у педагогов надежность СР значимо ниже, чем в профессиях высокого риска (спасателей, моряков и пилотов) [9]. А специальными регуляторными ресурсами, от которых зависит продуктивность педагогической деятельности, выступают регуляторно-когнитивные компетенции в планировании целей, программировании действий, моделировании значимых условий, оценивании результатов, а также регуляторно-личностное качество ответственности (Моросанова, Кондратюк, Гайдамашко, 2020). Тем не менее, надежность осознанной саморегуляции вносит значимый вклад в преодоление острого стресса и его симптоматики (Morosanova et al., 2018b). И в этом смысле надежность осознанной саморегуляции может быть рассмотрена уже как универсальный регуляторный ресурс достижения целей для широкого круга ситуаций, когда нужно безошибочно действовать в психологически напряженных условиях [3].

В нашем исследовании мы расширили спектр личностных свойств используя методику «Открытый определитель DISC (Assessment Test, ODAT)», разработанную в рамках проекта OpenPsychometrics. Данный опросник создан на основе модели оценки поведенческих реакций людей, помогает определить тип реакции, а также профиль личности, определяемый сочетанием показателей. Модель описывает поведение человека через две ключевые оси: восприятие среды (дружественная или враждебная) и реакция на события (активная или пассивная). Цель методики — выявить доминирующие поведенческие тенденции человека в различных ситуациях, в том числе в психологически напряженных условиях, что помогает лучше понять его сильные и слабые стороны и скорректировать поведенческие стратегии. Именно возможность изменения степени субъектной активности в преодолении негативных, с точки зрения достижения целей, индивидуальных особенностей темперамента и характера — есть сущностная характеристика человека как субъекта достижения цели [8]. Особая роль в этом процессе отводится развитию субъектных (регуляторно-личностных) качеств индивидуальности и самосознания как отражения ее личностной направленности (Моросанова, 2012b, Morosanova, 2013) (другими словами, например, предрасположенность к деталям и формализации процессов типа С снижают гибкость, но укрепляют устойчивость системы регуляции).

«Диагностика переживаний в деятельности (ДПД)» — методика, разработанная Д.А. Леонтьевым и его коллегами для измерения эмоциональных состояний, сопровождающих различные виды деятельности. Она опирается на трёхмерную модель переживаний, которая включает компоненты удовольствия, смысла, усилия или их отсутствия (пустоты). все три компонента (усилие, удовольствие и смысл) образуют оптимальное переживание— увлечённость. Используя методику «Диагностика переживаний в деятельности» (ДПД), мы рассматривали взаимосвязи уровня осознанной мотивации с профилями переживаний в деятельности (по шкалам удовольствия, смысла, усилия и пустоты). При высоком уровне осознанности мотивации у испытуемых чаще наблюдались профили, характеризующиеся наличием смысла, умеренным усилием и устойчивым удовольствием, что отражает внутренне согласованную, целенаправленную и ресурсную организацию деятельности. В свою очередь, при низком или конфликтном уровне осознанной мотивации преобладали дезадаптивные профили: бессмысленность, дисфория и чрезмерное усилие либо пустота как отсутствие значимых переживаний, что свидетельствует о разрыве между целями и личностной направленностью, а также о снижении эффективности саморегуляции. Другими словами, у людей со средними и высокими значениями общей саморегуляции и осознанной саморегуляцией (гибкость, устойчивость, надежность) – непосредственные цели более связаны с внутренними ценностями и личностной направленностью, следовательно, в деятельности ДПД чаще всего выявляется высокий уровень смысла и удовольствия, а не пустоты и недовольства. Таким образом, ДПД позволяет определить качество осознанной мотивации в конкретных видах деятельности: чем более осознанно человек формулирует и согласует свои цели с представлением о себе и ценностями, тем более интегрированными, осмысленными и устойчивыми оказываются его переживания, что создаёт условия для поддержания высокого уровня субъективного благополучия в долгосрочной перспективе [4].

Проблема преднамеренного управления своими физическими и психическими процессами, особенно в условиях стресса и напряженности, и сейчас остается одной из ключевых в современной психологии. Возникающие в сложных условиях психические состояния обозначаются «стресс», «тревожность», «эмоциональная неустойчивость», «раздражительность», «психическая напряженность», «эмоциональная напряженность», «депрессивные состояния»,

«снижение концентрации внимания» и др. Стрессовые состояния характеризуются значительными сдвигами в работе всех нейрофизиологических систем организма и задача исследователей заключается в том, «чтобы проследить и выявить переходы, ведущие от физиологии к психологии…», – писал С.Л. Рубинштейн (1959) [10]. Следовательно, предметно-смысловое содержание психики, отражающее объективный мир, и составляет тот специфически психологический уровень исследования, который мы видим в современных исследованиях и публикациях. Так же растет количество исследований, в которых показана особая роль актуализации процессов саморегуляции для поддержания адекватного уровня субъективного благополучия и других форм благополучия в терминах психологии, улучшающих качество жизни [2]. Так, например, показано, что значимый вклад в благополучие вносят самооценка; самоэффективность; самоконтроль; самонаправленность; внутренняя мотивация; саморегуляция (Converse et al., 2018; Orkibi, & Ronen, 2017; van Genugten et al., 2017). В психологии существуют различные, близкие по содержанию, но различающиеся по широте термины, описывающие феноменологию благополучия, в частности, психологического и субъективного.

Установлено, что развитие ресурсов осознанной саморегуляции деятельности вносит значимый вклад в поддержание и повышение как субъективного, так и психологического благополучия. В нашем исследовании мы использовали показатели опросника Шкалы субъективного благополучия. Шкала субъективного благополучия (ШСБ) в адаптации М.В. Соколовой — это скрининговый психодиагностический инструмент для измерения эмоционального компонента субъективного благополучия. Методика оценивает качество эмоциональных переживаний человека в диапазоне от оптимизма, бодрости и уверенности в себе до подавленности, раздражительности и ощущения одиночества. Мы включили Шкалу субъективного благополучия (ШСБ) в исследование для того, чтобы получить количественную оценку эмоционального фона личности, которая непосредственно отражает текущий уровень субъективного благополучия. Эта шкала позволила нам выявить, насколько респонденты, представители социономических профессий переживают позитивные эмоциональные состояния (оптимизм, бодрость, уверенность) в повседневной жизни, учитывать интенсивность негативных эмоциональных переживаний (подавленность, раздражительность, одиночество), которые могут снижать общую оценку качества жизни. ШСБ стала дополнительным индикатором общего благополучия, позволяющим связать развитие ресурсов осознанной саморегуляции деятельности с конкретными изменениями в эмоциональном состоянии: чем более целенаправленно и осознанно человек организует свою деятельность, тем выше оказываются его показатели по шкале субъективного благополучия, а паттерны переживаний (по ДПД) приближаются к интегрированным и ресурсным профилям.

Нами был произведен факторный анализ данных, полученных с помощью методик ССПМ-2020, ШСБ, ДПД, DISC-определитель, ODAT у представителей разных социономических профессий – педагогов и психологов. Рассматривая данные факторы как психологические характеристики группы «психологов» и группы «педагогов» в контексте их стилевых особенностей саморегуляции и субъективного благополучия, мы выявили ряд существенных различий и общих закономерностей. Особого внимания в сравниваемых группах специалистов социономических профессий заслуживают выявленные различия по показателям когнитивно-регуляторных процессов планирования целей и моделирования значимых условий, так как их анализ, на наш взгляд, вносит вклад в понимание регуляторной специфики рассматриваемых профессий в данной выборке. Результаты факторного анализа показателей саморегуляции, включенных в обработку, представителей социономических профессий представлены в таблицах 1, 2.

Таблица 1

Факторная структура субъективного благополучия и саморегуляции профессии «психолог»

Название фактора	Наполнение фактора	Вес фактора
Осмысленность усилий, обеспечивающих профессиональное СБ	Показатель смысла (0,79) Показатель усилия (0,70) Показатель пустоты (-0,70)	13,7 %

Окончание табл. 1

Название фактора	Наполнение фактора	Вес фактора
Гибкость системы как основа саморегуляции	Гибкость системы к условиям изменений (0,81) Общий показатель саморегуляции (0,76)	13,0 %
Преподавание, как основа психологической устойчивости психолога	Педагог (0,81)	10,1 %
Целеустремленность	Настойчивость в достижении цели (0,70)	10,1 %

Фактор Осмысленности усилий, обеспечивающих профессиональное субъективное благополучие нами был назван в связи с тем, тем что, показатель усилия (0,70) отражает связь между осознанностью профессиональной деятельности и субъективным благополучием психолога. Высокий вес фактора по показателям смысла и усилия говорят о том, что ощущение осмысленности работы напрямую влияет на благополучие «психологов». Отрицательная нагрузка показателя пустоты подтверждает, что чем меньше ощущение бессмысленности или опустошенности в работе, тем выше субъективное благополучие представителей этой выборки. Для этой категории респондентов можно подчеркнуть важность создания условий, поддерживающих ощущение смысла в работе, например, через организацию супервизии, проведение рефлексивных практик, так как значения фактора указывают на риск снижения показателя благополучия при появлении ощущения «пустоты» в профессиональной деятельности. Фактор Гибкости системы как основы саморегуляции для выборки «психолог» демонстрирует, что способность гибко адаптироваться к меняющимся условиям является ключевым компонентом саморегуляции психолога. Высокая нагрузка по гибкости (0,81) показывает, что именно эта характеристика определяет эффективность саморегуляции в целом. Тесная связь с общим показателем саморегуляции позволяет рассматривать гибкость как некую основу профессиональной устойчивости психолога. Фактор Преподавание, может выступать одним из существенных факторов психологической устойчивости психолога и указывает на то, что включение в профессиональную деятельность элементов преподавания (обучение студентов, проведение тренингов, супервизий) создает условия для развития профессиональных и личностных ресурсов психолога. Высокая нагрузка (0,81) говорит о том, что:

– передача опыта другим помогает психологу структурировать собственные знания;

– роль «преподавателя» повышает профессиональную самооценку;

– взаимодействие с аудиторией (даже в формате обучения) создаёт дополнительные социальные связи, укрепляющие устойчивость.

Фактор Целеустремленности, отражает роль волевых качеств в профессиональном благополучии психолога. Настойчивость в достижении цели, несмотря на относительно простую структуру фактора, вносит существенный вклад в общую модель: это означает, что даже в профессии, ориентированной на эмпатию и гибкость, целеустремлённость остаётся важным ресурсом, она помогает преодолевать профессиональные трудности, сохранять фокус на долгосрочных целях, например, на профессиональном росте, а также помогает сопротивляться ситуативным стрессам.

Общие выводы: факторная структура профессии «психолог» показывает, что успешность психолога определяется сочетанием:

– когнитивных компонентов (осмысленность);

– регуляторных навыков (гибкость);

– социальных ролей (преподавание);

– волевых качеств (целеустремлённость).

Полученные данные могут быть полезны для: разработки программ психологического сопровождения специалистов, составления рекомендаций по профилактике профессионального выгорания, оптимизации условий труда психологов с учётом выявленных факторов благополучия.

Таблица 2

Факторная структура субъективного благополучия и саморегуляции профессии «педагог»

Название фактора	Наполнение фактора	Вес фактора
Удовольствие как основа субъективного благополучия	Показатель удовольствия (0,80) Показатель смысла (0,82) Показатель пустоты (-0,84)	17,5 %
Психологическая практика зрелого педагога	Возраст (18-30 лет)(-0,94) Психолог (0,72) Опыт работы в данном направлении (0,72)	13,9 %
Спонтанность иррелевантности	Программирование действий (-0,82) Соответствие С (-0,74)	10,0 %
Саморегуляция посредством гибкого моделирования условий без геймификации	Игропрактик (-0,74) Моделирование условий (0,73) Гибкость системы к условиям изменений (0,73) Общий показатель саморегуляции (0,79)	17,8 %

Фактор Удовольствие, как основа субъективного благополучия подчёркивает, что субъективное благополучие педагога в первую очередь связано с эмоциональным компонентом — получением удовольствия от работы. Высокая нагрузка показателя смысла указывает на значимость осмысленности деятельности. Отрицательная нагрузка показателя пустоты подтверждает, что ощущение бессмысленности или опустошённости снижает уровень ощущения благополучия. Для представителей профессии «педагог» важно создавать условия, усиливающие позитивные эмоции в работе (признание заслуг, комфортная атмосфера), необходимо поддерживать ощущение значимости педагогической деятельности. Фактор Психологическая практика зрелого педагога, в наполнение которого входят возраст от 18 до 30 лет с отрицательной нагрузкой, связь с профессиональной деятельностью «психолог», опыт работы в данном направлении, отражает специфику субъективного благополучия опытных педагогов, интегрирующих психологические знания в свою работу, и наоборот, молодые специалисты менее склонны к такому подходу в начале своего профессионального пути. Также педагоги с психологическим образованием или опытом взаимодействия с психологами демонстрируют более высокий уровень субъективного благополучия, возможно, с ростом стажа педагог начинает осознанно использовать психологические методы в работе, что укрепляет его профессиональную устойчивость. Таким образом, интеграция психологических знаний является ресурсом для опытных педагогов, и может стать таковым для молодых педагогов в перспективе. Фактор Спонтанность иррелевантности описывает стратегию при которой снижение жесткого контроля планирования и формальных требований, возможно повышает такие качества педагога, которые обеспечивают его спонтанную релевантность, его способность быстро находить уместные примеры и связи, включение интуиции, даёт богатый набор ассоциаций и примеров, некая профессиональная импровизация, которая делает педагогическую деятельность живой и непредсказуемой. Отрицательные нагрузки указывают, что чрезмерное программирование действий ограничивает спонтанность и вызывает напряжение, а строгое соответствие стандартам снижает гибкость и творческий подход. Для представителей данной выборки профессии «педагог» будет рекомендована полезность внедрения гибких форматов работы (вариативные планы, творческие проекты и т.п.). Фактор саморегуляции посредством моделирования условий без геймификации показывает, что эффективная саморегуляция представителей профессии «педагог» данной группы респондентов строится на умении адаптивно моделировать рабочие условия, а не на использовании игровых методик. Предположительно, отрицательная нагрузка связи с «игропрактиком» говорит о том, что чрезмерная геймификация может отвлекать от сути педагогической деятельности. Высокая нагрузка показателя по моделированию и гибкости подчеркивают важность адаптивного планирования, связь с общим показателем саморегуляции подтверждает, что гибкость – основа регуляторных навыков педагога. Рекомендации для этой группы педагогов будут в том, что важно поставить в приоритет профессионального развития навыки моделирования и адаптации, навыки умеренной геймификации, не

доминирующей, но расширяющий творческий компонент повысят профессиональную устойчивость.

Общие выводы: факторная структура профессии «педагог» показывает на ключевые механизмы субъективного благополучия представителей данной группы:

– эмоциональный компонент (удовольствие);

– адаптивная саморегуляция (гибкость);

– роль опыта и психологии (фактор 2);

– баланс структуры и спонтанности

Полученные данные раскрывают специфику саморегуляции педагогов, которая заключается в том, что педагоги эффективнее регулируют деятельность через моделирование условий, а не игровые методы и вкладом в их субъективное благополучие могут быть рекомендации внедрять программы эмоциональной поддержки педагогов, развивать психологическую компетентность, снижать избыточную формализацию работы.

В исследовательской работе нами подверглось сомнению утверждение, что метод исследования, представленный в виде группы опросников, направленные на измерение различных особенностей личности, виляющих на показатели саморегуляции является доказательным с точки зрения взаимосвязей. Статистические данные указанных опросников расширяют знание об участниках исследования, но не обеспечили достаточных оснований для подтверждения причинно-следственных связей между особенностями личности и показателями саморегуляции.

Обобщая полученные результаты исследования нами били выделены предсказуемые, соответствующие общепринятым представлениям о профессии и мало предсказуемые результаты по профессиям «психолог» и «педагог». Мало предсказуемые результаты: фактор с отрицательным весом программирования и соответствия типу «С», что противоречит классическому образу педагога, возможно, это отражает ценность импровизации в нестандартных ситуациях. Неожиданно также, что молодые педагоги демонстрируют меньшую психологическую устойчивость, отрицательный вес «игропрактика», выделение их как неэффективными в долгосрочной перспективе. Интересным фактом явилось то, что в обеих профессиях гибкость выступает ключевым механизмом саморегуляции (13% у психологов, против 17,8 у педагогов). Осмысленность деятельности значима для благополучия (фактор Осмысленности у психологов и связь смысла и удовольствия у педагогов). Обобщающие выводы по различиям представлены в таблице 3.

Таблица 3

Различия показателей в структуре субъективного благополучия и саморегуляции профессий «психолог» и «педагог»

Критерий	Психолог	Педагог
Основной показатель субъективного благополучия	Когнитивный (осмысленность)	Эмоциональный (удовольствие)
Роль опыта	Не выделена явно	Критически важна (фактор «психологической практики)
Социальные роли	Преподавание как дополнительная функция	Не артикулировано, но косвенно связано с моделированием условий
Неочевидные механизмы	В профессии ориентированном на эмпатию и гибкость целеустремленность определилась как ресурс	Спонтанность как ресурс, отрицание игровых методов

Ключевые выводы: осознанная саморегуляция позволяет адаптироваться к стрессовым ситуациям, эффективно восстанавливаться после эмоциональных нагрузок, мы становимся способными к более глубокому и полному самопознанию, что положительно отражается как на нашем внутреннем состоянии, так и на отношениях с окружающими. Высокий уровень развития осознанной саморегуляции является психологическим ресурсом активной самореализации, позволяющим сосредотачивать усилия на планировании близкого или отдаленного будущего, выстраивать последовательность необходимых шагов, проявлять гибкость и настойчивость в достижении поставленных целей [1]. Планирование ближайшего и отдаленного будущего становится особенно эффективным, если использовать сочетание рациональных и экс-

прессивных методов поиска решений. Такая стратегия позволяет задействовать и аналитическое мышление, и творческий потенциал личности.

В настоящее время выделены особенности проявления ОСР: готовность к преодолению нетипичных, незнакомых ситуаций во всех жизненных сферах, продуктивная самостоятельность, упорство и настойчивость в достижении принятой цели. Эти результаты достигаются за счет устойчивости осознанной саморегуляции в новых, нетипичных ситуациях, благодаря наличию внутреннего плана взаимодействия с действительностью и активному поиску возможностей, безошибочного и быстрого достижения выбранной цели (Моросанова, Бондаренко, 2016; Morosanova, Bondarenko, 2017). С позиции этих подходов, развитие общей способности к осознанной саморегуляции проявляется в готовности и возможности человека не только использовать накопленные в опыте регуляторные компетенции, но и создавать новые при значительных изменениях привычных условий существования, возникновении новых требований или для освоения новых видов деятельности (другими словами формирование конструктивного отношения к неудачам, ошибкам, способности начинать заново, способность оценить время и усилия и т.п.).

Осознанная саморегуляция выступает одним из предикатов субъективного благополучия и представителей социономических профессий, таких как психология, педагогика, медицина, социальная работа. Компоненты саморегуляции – планирование, моделирование, программирование, самоконтроль, настойчивость, самоэффективность и т.д. – тесно связаны с ощущением жизненного удовлетворения и благополучия, позволяет выстраивать гармоничную траекторию жизненного и профессионального пути.

1. Андреева А.Д., Лисичкина А.Г., Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция и готовность к самореализации в юношеском возрасте // Теоретическая и экспериментальная психология. 2024. Т.17, №4. С. 165-181.
2. Голубева Н.М. К проблеме дифференциации понятий психологического и субъективного благополучия личности // Ученые записки. 2010. Т. 3. Сер. Психология. Педагогика. № 3 (11). С. 26-30.
3. Кондратюк Н.Г., Моросанова В.И, Надежность осознанной саморегуляции как ресурса психологической безопасности личности в условиях стресса и неопределенности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. №1. С. 77-95.
4. Леонтьев Д. А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1 (155). С. 14–37.
5. Митина Л. М. Личностно-профессиональное развитие педагога как стратегическая задача системы непрерывного образования // Педагог в контексте личностного и профессионального развития: реальность и перспективы. – Москва: Психологический институт Российской академии образования; Издательский дом «Бахрах», 2022. – С. 10–25.
6. Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2021. №1. С. 3-37.
7. Моросанова В.И. Психология осознанной саморегуляции: от истоков к современным исследованиям // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Т. 15, № 3. С. 57–82.
8. Моросанова В.И. Саморегуляция и индивидуальность человека: 2-е изд. – Москва: Наука, 2012. 519 с.
9. Моросанова В.И., Кондратюк Н.Г., Гайдамашко И.В. Надежность осознанной саморегуляции как ресурс достижения целей в профессиях высокого риска// Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 1.
10. Моросанова В.И., Кондратюк Н.Г. Влияние стресса и психологических ресурсов на благополучие и профессиональное развитие российских студентов// Теоретическая и экспериментальная психология. 2025. № 18(4). С. 9–56. URL: https://doi.org/10.11621/TEP-25-29
11. Печеркина А.А., Катькало К.Д. Связь личностно-профессиональной самореализации, удовлетворенности жизнью и субъективного благополучия педагога-психолога // Педагогическое образование в России. 2025. № 2. С. 285–292.

Сведения об авторе

Алёшина Л.М., магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 316.334.23

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МОЛОДЁЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ

Е.А. Андреева

Владивостокский государственный университетниверситет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы развития молодёжного предпринимательства, а также перспективы развития в условиях реализации государственной политики поддержки малого и среднего бизнеса в Российской Федерации. В качестве примера рассматривается федеральной программы развития молодёжного предпринимательства «Я в деле». В работе рассмотрены основные барьеры развития молодёжного бизнеса, включая недостаточную информированность, финансовые ограничения и административные сложности. Предложены направления совершенствования механизмов государственного управления в сфере поддержки молодёжного предпринимательства.*

Ключевые слова: *молодёжное предпринимательство, государственная поддержка, государственное управление, малый и средний бизнес, программа «Я в деле», молодёжная политика, предпринимательская активность.*

PROBLEMS AND PROSPECTS OF YOUTH ENTREPRENEURSHIP DEVELOPMENT IN THE CONDITIONS OF STATE SUPPORT

Abstrfact. *The article discusses the current problems of youth entrepreneurship development, as well as the prospects for development in the context of the implementation of state policy to support small and medium-sized businesses in the Russian Federation. As an example, the federal program for the development of youth entrepreneurship "I'm in Business" is considered. The article examines the main barriers to the development of youth business, including lack of awareness, financial constraints, and administrative difficulties. The article proposes ways to improve the mechanisms of public administration in the field of support for youth entrepreneurship.*

Keywords: *youth entrepreneurship, government support, public administration, small and medium-sized businesses, the "I'm in Business" program, youth policy, and entrepreneurial activity.*

Введение

В современных социально-экономических условиях молодёжное предпринимательство является одним из наиболее перспективных направлений повышения экономического и инновационного потенциала государства. Вовлечение активной молодёжи в экономический сектор способствует повышению занятости населения, а также созданию новых предложений на рынке.

Особую актуальность данная тема приобретает в условиях цифровизации экономики и необходимости соответствовать технологическим требованиям современного мира. Молодёжь обладает высоким уровнем инновационного потенциала и готовностью к внедрению новых технологий, однако на практике сталкивается с рядом ограничений при реализации предпринимательских инициатив. К основным проблемам относятся недостаток стартового капитала, отсутствие практического опыта ведения бизнеса, низкий уровень финансовой грамотности, а также бюрократические барьеры. Тем не менее, последние годы государством реализуется ряд программ, направленных на поддержку и развитие молодёжного предпринимательства.

Существует несколько подходов к определению понятия «молодёжное предпринимательство», значительный интерес представляет подход новозеландских исследователей K. Lewis и C. Massey, которые предложили классификацию молодых предпринимателей на основе двух критериев: уровня готовности к предпринимательской деятельности и уровня намерения заниматься бизнесом. Данная типология позволяет более точно определить потребности различных групп молодёжи и разработать адресные меры государственной поддержки.

Таблица 1

Классификация потенциальных молодых предпринимателей по K. Lewis и C. Massey
Теоретические основы молодёжного предпринимательства

Группа	Характеристика	Основные потребности
Группа A (высокий уровень готовности / низкий уровень намерения)	Работник или студент, обладающий определённой квалификацией и опытом ведения бизнеса. Имеет необходимые навыки, однако не проявляет высокой заинтересованности в открытии собственного дела.	Информационная поддержка, консультирование по вопросам организации бизнеса, популяризация предпринимательства.
Группа B (высокий уровень готовности / высокий уровень намерения)	Молодой человек, работающий или готовящийся к трудовой деятельности. Имеет предпринимательские знания, опыт либо предпринимательское окружение. Проявляет высокую заинтересованность в создании собственного бизнеса.	Специализированные консультации, наставничество, бизнес-инкубаторы, акселерационные программы, развитие деловых контактов.
Группа C (низкий уровень готовности / низкий уровень намерения)	Работник или студент без предпринимательского опыта и специальных знаний. Не проявляет выраженного интереса к предпринимательской деятельности.	Популяризация предпринимательства, профориентационные мероприятия, демонстрация успешных предпринимательских практик.
Группа D (низкий уровень готовности / высокий уровень намерения)	Молодой человек, заинтересованный в открытии собственного бизнеса, однако не обладающий достаточными компетенциями. Может иметь предпринимательское окружение и бизнес-идею.	Обучение предпринимательским компетенциям, повышение квалификации, сопровождение стартапов, консультационная поддержка.

Анализ представленной классификации показывает, что молодёжь не является однородной социальной группой с точки зрения предпринимательской активности. Различия в уровне готовности и намерений требуют применения дифференцированных инструментов государственной поддержки. В частности, образовательные программы, такие как федеральная программа развития молодёжного предпринимательства «Я в деле», ориентированы преимущественно на представителей групп B и D, поскольку направлены на развитие предпринимательских компетенций, формирование практических навыков ведения бизнеса и сопровождение молодых людей на этапе запуска собственных проектов.

Анализ программы «Я в деле» как инструмента государственной поддержки

Программа «Я в деле» – федеральная программа развития молодёжного предпринимательства, инициированная в 2022 году. Основной целью программы выступает вовлечение молодёжи в предпринимательскую деятельность через практико-ориентированное обучение и создание предпринимательского сообщества. Организатором программы является Благотворительный фонд поддержки образовательных программ «Капитаны». (sut.ru)

Программа реализуется в очном формате и включает:

– предпринимательские курсы;
– образовательные интенсивы;
– мастер-классы;
– проектную деятельность;
– систему наставничества;
– защиту бизнес-проектов.

Одной из ключевых особенностей является подача материала на доступном языке. Реализаторами программы являются представители молодёжи, которые ранее проходили предпринимательский курс и школу наставника. Все образовательные продукты отличаются нестандартной подачей и лёгкой формой, сложные понятия объясняются на простых примерах и популярных «мемах». Такой подход снимает один из входных барьеров и популяризирует молодёжное предпринимательство. На данный момент программа охватила более 350 тысяч участников из 72 регионов России. Результатом является 22 622 бизнес-проекта, многие из которых

после завершения программы продолжили развитие проектов, зарегистрировали ИП и получили гранты на развитие продуктов. (https://явделе.рф)

Анализ реализации программы позволяет выделить ряд положительных результатов:

– повышение интереса молодёжи к предпринимательству;

– развитие предпринимательских компетенций;

– формирование системы наставничества;

– создание молодёжных бизнес-сообществ;

– развитие проектной деятельности.

Вместе с тем существуют определённые ограничения эффективности программы. Несмотря на высокий уровень вовлеченности участников, далеко не все проекты переходят в стадию устойчивого бизнеса. Основными причинами являются недостаток финансирования, отсутствие опыта коммерциализации проектов и сложности выхода на рынок.

Проблемы развития молодёжного предпринимательства

Основным барьером, препятствующим масштабному развитию молодёжного предпринимательства, является отсутствие финансовой поддержки и системы наставничества на старте работы проекта. Среди доступных мер поддержки существует ряд программ, направленных на генерацию идей и обучению стартапостроению. При этом финансовую поддержку могут получить только действующие предприниматели. Многие проекты не могут получить эту поддержку по причине отсутствия финансов на старте, а также недостатка уверенности в открытии ИП. На этом этап командам нужна максимальная поддержка, которая позволит пройти этот непростой этап.

Несмотря на реализацию государственных программ поддержки, молодёжное предпринимательство в России продолжает сталкиваться с рядом системных проблем, существенно ограничивающих его развитие. Одной из ключевых проблем развития молодёжного предпринимательства является недостаток стартового капитала, поскольку молодые предприниматели зачастую не располагают достаточными финансовыми ресурсами для запуска собственного дела и испытывают трудности с привлечением кредитных средств из-за отсутствия кредитной истории и залогового обеспечения. Существенным препятствием также выступает недостаток практического опыта: многие молодые люди обладают перспективными предпринимательскими идеями, однако не имеют необходимых компетенций в области управления бизнесом, что нередко приводит к закрытию стартапов на ранних стадиях развития. Дополнительными барьерами являются сложность процедур регистрации бизнеса, налогового администрирования и получения мер государственной поддержки, что снижает мотивацию молодёжи к предпринимательской деятельности. Практически все финансовые меры поддержки нацелены на действующих предпринимателей с ведением бизнеса не менее 1 года, по этой причине многие перспективные команды не могут дойти до стадии реализации и воспользоваться этой возможностью. Все эти причины в совокупности снижают уровень вовлеченности молодёжи в предпринимательскую деятельность,

Перспективы развития молодёжного предпринимательства

В современных условиях развитие молодежного предпринимательства обладает значительным потенциалом, что обусловливает необходимость дальнейшего совершенствования системы государственной поддержки. Одним из перспективных направлений является цифровизация механизмов поддержки, предполагающая создание единой цифровой платформы, которая позволит повысить доступность информации о существующих мерах государственной помощи и упростить взаимодействие молодых предпринимателей с органами власти. Важное значение имеет развитие системы наставничества, поскольку практика федеральной программы «Я в деле» демонстрирует высокую эффективность сопровождения начинающих предпринимателей опытными экспертами, что способствует повышению устойчивости молодёжных стартапов. Кроме того, актуальным направлением является повышение адресности поддержки за счёт перехода от универсальных мер к более гибким инструментам, учитывающим особенности различных категорий молодёжи и региональную специфику. Существенную роль играет и развитие предпринимательского образования, поскольку формирование предпринимательских компетенций должно начинаться ещё в образовательных организациях посредством реализации практико-ориентированных программ, образовательных интенсивов и проектной дея-

тельности, направленных на развитие навыков ведения бизнеса и предпринимательского мышления.

Заключение

Таким образом, молодежное предпринимательство является важным направлением государственной социально-экономической политики. Реализация программ государственной поддержки способствует повышению предпринимательской активности молодёжи, развитию инновационной экономики и формированию человеческого капитала.

Анализ программы «Я в деле» показывает, что современные образовательные и наставнические проекты способны эффективно вовлекать молодёжь в предпринимательскую деятельность. Вместе с тем сохраняются проблемы финансовой доступности, административных барьеров и недостаточной устойчивости стартапов.

В целях повышения эффективности государственной поддержки необходимо совершенствовать механизмы государственного управления, развивать цифровые сервисы, расширять практику наставничества и обеспечивать адресный характер поддержки молодёжных инициатив.

1. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».
2. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации.
3. Материалы Министерства экономического развития РФ.
4. Материалы Министерства науки и высшего образования РФ.
5. Программа развития молодёжного предпринимательства «Я в деле». (sut.ru)
6. Аналитические материалы Корпорации МСП.
7. Данные Росстата по развитию малого бизнеса.
8. Научные публикации по вопросам молодёжного предпринимательства.
9. Материалы образовательных организаций — участников программы «Я в деле». (amursu.ru)
10. Материалы федеральных СМИ о реализации программы «Я в деле».

Сведения об авторе

Андреева Е.А., Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 159.9

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ ЛИЦ, ИЗМЕНЯЮЩИХ СВОЕМУ ПАРТНЕРУ, И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ С «ОБРАЗОМ Я»

И.В. Арискина, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Измена – распространенное явление, оказывающее значительное влияние на эмоциональное состояние и самовосприятие. В данной статье представлены результаты исследования эмоциональных переживаний и трансформации «образа Я» у лиц, совершивших измену, с учетом гендерных различий. Анализ качественных характеристик и сравнительная оценка состояния респондентов, представленные в работе, могут быть полезны консультирующим психологам.*

Ключевые слова и словосочетания: *измена, гендерные различия, эмоциональные переживания, образ Я, самооценка, кризис идентичности, психология отношений, супружеская неверность.*

AN EMPIRICAL STUDY OF THE EMOTIONAL EXPERIENCES OF PEOPLE CHEATING ON THEIR PARTNER AND THEIR RELATIONSHIP TO THE «SELF-IMAGE»

Abstract. *Cheating is a common phenomenon that has a significant impact on emotional state and self–perception. This article presents the results of a study of emotional experiences and the transformation of the*

«self-image» in people who have committed adultery, taking into account gender differences. The analysis of qualitative characteristics and the comparative assessment of the respondents' condition presented in the work can be useful to consulting psychologists.

Keywords: *infidelity, gender differences, emotional experiences, self-image, self-esteem, identity crisis, relationship psychology, marital infidelity.*

Измена, будучи актуальной и болезненной темой на протяжении многих лет, продолжает оказывать значительное влияние на семейные отношения и общественное сознание. Несмотря на стремление большинства людей к гармоничной совместной жизни, предательские поступки остаются распространенной причиной разрывов. Согласно статистическим данным, почти 40% опрошенных Всероссийским центром изучения общественного мнения признались в измене своему партнеру. 42% заявили, что сами столкнулись с супружеской неверностью [4]. Кроме того, по данным того же источника, за последние пять лет, измена стала одной из наиболее часто указываемых причин развода в России, затрагивая более 18 % распавшихся пар [3]. Однако за сухой статистикой скрываются глубокие эмоциональные переживания людей, вовлеченных в такие ситуации. Особый интерес представляет изучение внутреннего мира тех, кто совершает измену – их эмоциональных состояний и влияния на «образ Я».

Актуальность темы исследования обусловлена высокой распространенностью супружеской измены в современном обществе, которая является одной из ключевых причин деструкции семейных отношений и разводов. Несмотря на обширные статистические данные, недостаточным остается исследование глубинных эмоциональных переживаний лиц, совершающих измену, и их влияния на самовосприятие («образ Я»). Понимание этих аспектов важно для разработки эффективных программ психологической помощи и профилактики, а также для более глубокого понимания межличностной динамики в долгосрочных отношениях.

Научная новизна исследования заключается в комплексном изучении специфики эмоциональных переживаний у лиц, совершивших измену, с акцентом на связь этих переживаний с «образом Я» в контексте долгосрочных отношений. В работе предпринята попытка не только описать спектр эмоциональных реакций (вина, страх, гнев, раскаяние, и др.), но и проанализировать, как эти переживания трансформируют самовосприятие человека. Использование теоретических моделей, таких как теория привязанности, социального обмена, сексуальной стратегии, теории стресса и копинга, а также психоаналитических подходов и теорий качества отношений, позволяет выявить многогранные детерминанты измены и связанные с ней эмоциональные процессы. Анализ работ современных исследователей, таких как Э. Перель, М. Травковой и Ш. Гласс, расширяет понимание феномена, смещая фокус с морализаторства на глубинные психологические причины и динамику парных отношений.

Э. Перель в своей книге «Право на «лево»» пишет: «Почему люди изменяют? Последние несколько лет я снова и снова задаюсь этим вопросом. Хотя в литературе нам рассказывают о сложных метаниях изменников, в моей практике их мотивы обычно сводятся к одной из двух проблем: либо в браке, либо в человеке. Следовательно, как заметила М. Шайнкман: «То, что мадам Бовари когда-то называла поисками романтической любви, сегодня… заключено в рамки «предательства», которое считается не столько проявлением любви и желания, сколько требующим лечения симптомов болезни» [2, с. 176]. Эта мысль подчеркивает важность исследования не только самого поступка, но и контекста, в котором он происходит, а также внутренних причин, толкающих человека на измену.

М. Травкова говорит, что «Измена – это маленькая смерть» [5, с. 450]. В своих работах она акцентирует внимание на том, что измена может быть импульсивным выбором, но ее последствия неизбежно затрагивают самооценку, чувство вины и трансформацию личности. Ее подход помогает понять, как переживания, связанные с изменой, влияют на «образ Я», формируя новую самоидентификацию индивида. Ш. Гласс, изучавшая причины и последствия измен, подчеркивает, что «измена разрушает доверие, но также может стать катализатором для личностного роста и переосмысления отношений, если пара способна справиться с последствиями» [1 с. 170]. Цитата отражает потенциал трансформации, который несет в себе подобный кризис, и указывает на важность осознания последствий для формирования нового «образа Я».

Основная цель исследования – изучить эмоциональные переживания людей, совершивших измену, и их взаимосвязь с «образом Я». Для достижения поставленной цели, были определены следующие задачи: провести теоретический анализ научной литературы по теме эмоциональных переживаний в контексте измен в долгих отношениях, осуществить обзор и обос-

нование применения методик для оценки эмоциональных переживаний и «образа Я» у лиц, изменивших партнеру, провести эмпирическое исследование, направленное на выявление специфики эмоциональных переживаний у лиц, изменивших своему партнеру, с соблюдением норм этики и конфиденциальности, осуществить анализ и интерпретацию полученных результатов, выявляя взаимосвязь эмоциональных переживаний и «образа Я», сформулировать выводы по результатам исследования и разработать рекомендации, основанные на полученных данных.

В рамках исследования был проведен теоретический анализ литературы, охватывающий отечественные и зарубежные научные источники по психологии отношений, эмоциональных переживаний и «образу Я». Эмпирический этап включал применение качественного метода – феноменологического интервью, и количественного метода – анкетирования, направленного на изучение особенностей семейных отношений и спектра эмоциональных переживаний. Собранные данные прошли математическую обработку с использованием методов первичной статистики. Завершающим этапом стал анализ полученных результатов, включающий их интерпретацию и обобщение для формулирования выводов.

В основном исследовании приняли участие 23 респондента (13 женщин – 56,5%, 10 мужчин – 43,5%). Выборка состоит из людей двух возрастных групп — 26–35 и 36–45 лет, с абсолютным доминированием последней (61%). Самый редкий сегмент — молодые женщины (18–25 лет). Люди старше 45 лет в исследовании не участвовали.

Таблица 1

Семейное положение на момент измены по полу

Семейное положение	Мужчины	Женщины	Всего
В браке/зарегистрированных отношениях	8	9	17
В гражданском браке/длительных отношениях	2	4	6
В другом типе отношений	0	0	0
Итого	10	13	23

Большинство респондентов (74%), совершивших измену, состояли в официальном браке. Семейное положение «гражданский брак/длительные отношения» составило 26% выборки. Мужчины: 80% изменивших находились в браке, 20% — в гражданском браке. Женщины: 69% изменивших были в браке, 31% — в гражданском браке.

Таблица 2

Уровень страха разоблачения (если отношения продолжаются) по полу

Уровень страха	Мужчины	Женщины	Всего
5 (очень боюсь)	6	5	11
1 (совсем не боюсь)	1	2	3
Ответы/Без Ответа	7/3	7/6	14/9

Исследование выявило, что большинство респондентов, решивших сохранить отношения после измены, испытывают высокий уровень страха разоблачения. Почти половина опрошенных (48%, или 11 из 23 человек) оценили свой страх как максимальный («очень боюсь», 5 баллов).

Среди 14 респондентов, давших оценку своему страху (поровну мужчин и женщин – по 7 человек), этот показатель оказался высоким. Примечательно, что 9 человек (5 мужчин и 4 женщины) не предоставили такую оценку.

Гендерный анализ демонстрирует существенную разницу: 60% мужчин (6 из 10) заявили, что «очень боятся» разоблачения, тогда как среди женщин этот показатель составил 38% (5 из 13).

В целом, результаты указывают на значительный страх разоблачения среди большинства участников, продолжающих отношения. Мужчины демонстрируют более выраженный страх по сравнению с женщинами.

Таблица 3

Сожаление о произошедшем (если отношения закончились из-за измены) по полу

Степень сожаления	Мужчины	Женщины	Всего
5 (очень сожалею)	2	0	2
1 (совсем не сожалею)	0	4	4
Ответы/Без Ответа	2/8	4/9	6/17

Данные указывают на то, что мужчины, выражающие сожаление после разрыва из-за измены, могут испытывать его сильнее, тогда как женщины в данной небольшой выборке чаще демонстрировали отсутствие сожаления, возможно, воспринимая разрыв как положительное изменение. Однако высокая доля не ответивших и малый размер выборки требуют осторожности в интерпретации.

Таблица 4

Эмоциональное состояние респондентов (по шкале от 1 до 5)

Эмоциональное состояние / Респонденты	(М)[1]	(Ж)[2]
Чувство вины	4.20	4.85
Тревога/беспокойство (за разоблачение, последствия)	3.90	3.54
Стыд	3.50	3.31
Разочарование (в себе, в партнере, в ситуации)	3.30	3.23
Ощущение возбуждения/эйфории (связанное с новой связью)	2.70	3.77
Одиночество/пустота (даже находясь в отношениях)	4.20	3.31
Радость/удовлетворение (от новой связи или ситуации)	3.40	3.62
Надежда (на новую жизнь, на улучшение ситуации)	3.40	3.23
Страх разоблачения	3.80	3.69
Чувство ответственности (перед кем-либо/чем-либо)	3.40	3.38
Ностальгия (по прошлым отношениям, чувствам)	2.10	2.15
Любопытство/желание исследовать новое	3.50	3.92
Злость/обида (на партнера, на себя, на обстоятельства)	4.00	3.54
Чувство свободы/облегчения	1.90	2.15

Представленная таблица раскрывает удивительно сложную и многогранную палитру эмоций, которые испытывают мужчины и женщины, находящиеся в ситуации измены. Несмотря на общие темы, такие как чувство вины и тревога, их эмоциональный опыт имеет заметные различия, определяемые полом. Данные рисуют картину, где измена – это эмоционально заряженное состояние, несущее в себе как значительный негатив (вина, тревога, злость), так и, в зависимости от пола, разные формы поиска новых ощущений. Мужчины в этом исследовании выглядят более «отягощенными» изменой: у них выше показатели одиночества (даже в браке), злости/обиды, и они, кажется, меньше получают позитива от новой связи. Их чувство вины и тревога также очень сильны. Женщины, напротив, проявляют большую склонность к получению удовольствия и эйфории от новой связи, сопровождаемой высоким любопытством. При этом они также испытывают сильное чувство вины, но, возможно, оно легче перевешивается позитивными аспектами новой ситуации.

Независимо от пола, измена – это не легкое бегство, а сложный эмоциональный компромисс, в котором страх разоблачения и чувство вины переплетаются с поиском удовлетворения, надеждой или даже злостью. И, судя по низким показателям свободы, это «путешествие» часто оказывается для респондентов гораздо более нагруженным, чем они изначально могли предполагать.

Таблица 5

Сравнительный анализ переживания измены по гендерному признаку

Аспект исследования	Женщины	Мужчины
До измены (Исходное состояние)	Одиночество, невидимость, «быть фоном», «пустота», «тень», усталость от роли, эмоциональный голод, «тишина», жизнь как «музей», «смотрительница фасада», «интеллектуальный голод".	Унижение, бессилие, «чувство гадости» после провала, «пустота», «оскорбленное самолюбие», инфантильная тоска, зависть, ощущение жизни в «золотой клетке», «домашний арест», чувство второсортности.
Мотивация (Внутренний/Внешний контекст)	Внутренний контекст: Поиск признания своей личности, прорыв из «тюрьмы» идеальной роли, подтверждение своей «видимой» человечности, самоощущение, идентичность. Экзистенциально-психологический мотив.	Внешний контекст: Инструмент компенсации профессиональных неудач, самоутверждение, служба, статус. Нарциссически-статусные и инфантильно-бунтарские мотивы.
Непосредственно во время измены (пик события)	Признание и вина, «вспышка жизни» от взгляда + «леденящий ужас» от предательства; облегчение и ужас, «дикое облегчение» от того, что напряжение увидели + «леденящий ужас» от этого облегчения. Рецептивные, интровертированные состояния.	Триумф, контроль, «азарт игры», «удовлетворение» от контроля, «спокойная мощь», чувство восстановленной компетентности; бунт, эйфория, живость, «дерзкий побег», «азарт», «ощущение живости», «дикая радость» быть «большим». Активные, экстравертированные состояния.
Эмоциональные переживания во время измены	Чувства: вина, облегчение, ужас, признание.	Чувства: триумф, контроль, азарт, эйфория, живость, «побег».
После измены (Рефлексия и последствия)	Трагическое прозрение, осознание вечной «тени» и недостижимости подлинной близости, «я предала не его, а саму себя»; разделённая душа, знание, «вечное знание о способности на низкое предательство», «самоубийственный акт честности». Экзистенциальная трагедия, метафизическая вина.	Прагматичный цинизм, осознание «суррогатности» и «бегства», измена как «симптом»; саморазрушение и пустота, осознание себя как «мальчишки, сломавшего игрушку», «темнота после вспышки», чувство главной ошибки. Самообвинение в слабости и инфантильности.
Ключевые метафоры и самовосприятие	«Быть двойным агентом», «преступник и следователь», «диверсант» в собственной жизни. Акцент на расколе целостности личности. «Я-предатель/лжец», «Я-слабая/инфантильная», «Я-разрушитель», «разделенная душа».	«Хитрый бунтарь», «двойной агент» (в контексте игры), «идол». Акцент на мастерстве манипуляции и поддержании контроля. «Симптом», «мальчишка, сломавший игрушку».

Измена, в зависимости от гендерной принадлежности, становится различным способом реагирования на неудовлетворенность и внутренний конфликт. Для женщин это чаще всего механизм прорыва из экзистенциальной стагнации, поиска подтверждения собственной личности и признания, который, однако, приводит к глубокому экзистенциальному трагизму и самоосуждению. Для мужчин же измена является инструментом компенсации низкого статуса, самоутверждения и «побега» от ограничений, сопровождаемым временным триумфом и последующей рефлексией, окрашенной цинизмом и самообвинением в инфантильности.

Таким образом, анализ показывает, что за актом измены скрываются куда более глубокие вопросы: поиск идентичности, борьба с внутренней пустотой, удовлетворение статусных потребностей и, в конечном итоге, разительно отличающиеся способы взаимодействия личности с самой собой и миром при столкновении с собственным «темным» потенциалом.

Таблица 6

Динамика трансформации «Образа Я» в результате измены

Этап трансформации	Характер изменений	Особенности у женщин	Особенности у мужчин
1. ДО измены: (Источник кризиса)	Диссонанс между «Я-реальным» и «Я-идеальным»/ «Я-социальным». «Образ Я» как ловушка, воспринимаемая как тюрьма для идентичности. Истинное «Я» невидимо, не признано, подавлено.	«Я-реальное» (усталая, живая, сомневающаяся женщина) против «Я-социальное» (идеальная офицерская жена, смотрительница фасада). «Я была не хозяйкой, а смотрительницей в музее собственной жизни» (Инт.4).	«Я-реальное» (униженный сотрудник, «второй сорт» в семье) против «Я-идеальное» (успешный профессионал, сильный мужчина, глава семьи). «Я был для неё… готовым продуктом. Украшением» (Инт.3).
2. ВО ВРЕМЯ измены: (Кратковременная реконструкция "Я")	Создание «Я-альтернативного» (Я-в-измене): новая, эйфорически переживаемая идентичность. Иллюзия целостности: временное ощущение, что «альтернативное Я» – подлинное. Мощный, но иллюзорный катарсис.	«Я-видимый/настоящий» (Инт.1,4): момент, когда их наконец «увидели», признали их напряжение и человечность. «Он… назвал вещи своими именами. Увидел моё напряжение» (Инт.4).	«Я-компетентный» (Инт.2: восстановление контроля через «оперативную игру»), «Я-бунтарь/герой» (Инт.3: «дерзкий побег» из золотой клетки).
3. ПОСЛЕ измены:	(Кризис и распад «Образа Я») Наиболее драматичная трансформация.	А) Распад: «До» и «После» раскалываются: «Я-до-измены» (цельный, моральный, но несчастный) и «Я-после-измены» (разрушенный, «запятнанный», но познавший запретное). «Моя душа разделилась на «до» и «после». «После» — это вечное знание» (Инт.4). Самоопределение через негатив: «Я-предатель», «Я-лжец», «Я-слабая»/ «Я-инфантильная», «Я-разрушитель». Б) Интеграция «теневого Я» (редко): Признание поступка как части личности, принятие амбивалентности. «Я понял, что измена была не решением, а симптомом. Симптомом моей внутренней пустоты» (Инт.2).	А) Распад: Самоопределение через негатив: «Я-слабак», «Я-неудачник», «Я-инфантил». «Я был мальчишкой, который сломал игрушку, потому что не мог ею владеть» (Инт.3). Б) Интеграция «теневого Я» (редко): См. выше (указано как общий путь). В) Уход в нарциссическую защиту: Конструирование «Образа Я-жертвы» (слабо выражено в выборке).

Измена, как ни парадоксально, становится катализатором самопознания. Она выявляет скрытые или подавленные черты личности, заставляя человека увидеть себя настоящего и сравнить с тем, кем он хочет быть. Для женщин этот процесс часто оборачивается экзистенциальным кризисом и принятием своей «теневой» стороны. Мужчины же, напротив, чаще переживают трансформацию через переоценку достижений, удовлетворение амбиций и осознание собственной инфантильности или слабости, скрывавшихся под маской. В обоих случаях результатом становится раздробленный «Образ Я», требующий дальнейшей, порой болезненной, интеграции.

Таблица показывает, что «Образ Я» и эмоции находятся в состоянии постоянного, динамичного взаимодействия. «Образ Я» формирует рамки для нашего эмоционального восприятия, а эмоции, в свою очередь, перекраивают и изменяют этот «Образ Я».

Таблица 7

Сравнительный анализ эмоциональных переживаний и «Образа Я»

Аспект влияния	Как «Образ Я» влияет на эмоции	Как эмоции влияют на «Образ Я»
Влияние «Образа Я»	1. Уровень самооценки: Высокая самооценка → устойчивость к стрессу, позитивные эмоции. Низкая самооценка → тревожность, печаль, вина.	1. Эмоциональное подкрепление: Положительные эмоции (успех, достижения) → укрепление положительного «Образа Я».
	2. Соответствие «Я-реального» и «Я-идеального»: Большой разрыв → фрустрация, разочарование.	2. Эмоциональное обесценивание: Негативные эмоции (вина, стыд, страх) → противоречие «Образу Я», трансформация в более негативный.
	3. Восприятие угроз: Стабильный «образ Я» → вызов, нейтральная информация.	3. Изменения под влиянием сильных эмоций: Травмы, разочарования, эйфория → существенные изменения «Образа Я». (Измена – кардинально меняет самовосприятие).
	4. Возможности и социальное сравнение: Ощущение «хуже других» → зависть, неполноценность.	4. Эмоциональная регуляция: Способность регулировать эмоции → здоровый «образ Я». Неумение → приписывание себе негативных черт.

Измена выделяется как событие, которое, вероятно, находится на пересечении этих влияний. Она не только вызывает шквал сильных, часто противоречивых эмоций (что, согласно таблице, способно кардинально менять «Образ Я»), но и сама по себе бьет по «Образу Я», особенно если он был построен на основе идеализированных представлений или приводил к подавлению «реального Я». Таким образом, измена становится ярким примером того, как сбой в гармонии между «Образом Я» и эмоциональным состоянием может привести к глубокому кризису самовосприятия, требующему переосмысления и, часто, болезненной перестройки как своих эмоций, так и своего представления о себе.

Проведенное исследование посвящено глубокому изучению эмоциональных переживаний лиц, совершивших измену, и их взаимосвязи с «образом Я». Актуальность темы обусловлена высокой распространенностью супружеской неверности и ее деструктивным влиянием на семейные отношения, несмотря на недостаточную изученность внутренних переживаний вовлеченных в нее людей.

Измена – это эмоционально сложный феномен, не сводящийся к простым моральным оценкам. Она характеризуется широким спектром как негативных (вина, тревога, злость, стыд), так и, в зависимости от пола, позитивных (эйфория, возбуждение, радость, удовлетворение) эмоций.

Существуют выраженные гендерные различия в переживании измены:

Женщины чаще мотивированы поиском признания своей личности, самоощущения и прорывом из экзистенциальной стагнации. Их переживания во время измены включают как признание и облегчение, так и ужас. После измены они склонны к экзистенциальной трагедии и самоосуждению, осознавая свою «теневую» сторону.

Мужчины используют измену как инструмент компенсации профессиональных неудач, самоутверждения и «побега», что сопровождается триумфом и чувством восстановленной компетентности. Впоследствии они склонны к прагматичному цинизму, осознанию «суррогатности» измены и самообвинению в инфантильности.

Измена оказывает драматическое влияние на «образ Я». До измены часто наблюдается диссонанс между «Я-реальным» и «Я-идеальным/социальным», где истинное «Я» подавлено. Во время измены происходит кратковременная реконструкция «Я» через создание «Я-альтернативного», которое ощущается как эйфорическое и подлинное, но является иллюзорным. После измены происходит кризис и распад «образа Я», приводящий к самоопределению через негатив («Я-предатель», «Я-слабак») или, в редких случаях, к интеграции «теневого Я». «Образ Я» и эмоции находятся в постоянном динамичном взаимодействии. «Образ Я» формирует нашу эмоциональную реакцию, а сильные эмоции, в свою очередь, кардинально трансформируют «образ Я». Измена является ярким примером такого события, вызывая как шквал эмоций, так и глубокий кризис самовосприятия.

Страх разоблачения является значимым фактором среди респондентов, которые продолжают отношения после измены, причем мужчины проявляют его более выраженно. Сожаление о произошедшем различается по полу: мужчины, выражающие сожаление, делают это сильнее, тогда как женщины в этой небольшой выборке чаще демонстрировали его отсутствие.

В целом, исследование показывает, что измена – это не просто нарушение супружеской верности, но многогранный психологический феномен, глубоко затрагивающий эмоциональную сферу и самовосприятие личности, с выраженными гендерными особенностями в мотивации, переживании и последствиях. Понимание этих аспектов критически важно для разработки эффективных программ психологической помощи и профилактики, а также для более глубокого осмысления динамики межличностных отношений.

1. Гласс Ш. П. Не «просто друзья»: защитите свои отношения от неверности и исцелите травму предательства / [пер. с англ. И. Зильберман]. — [б. м.]: Simon & Schuster, Inc., 2003. 451 с. Текст: электронный. URL: https://archive.org/details/notjustfriendsre00glas_0/mode/2up (дата обращения: 20.05.2026).

2. Перель Э. Право на «лево»: почему люди изменяют и можно ли избежать измен/ [пер. с англ. З. Мамедьярова]. – Изд. 2-е, испр. – Москва: Эксмо, 2025. – 352 с.

3. Проблема супружеской неверности Текст: электронный. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring

4. Разводы в России: мониторинг Текст: электронный. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/7605703.

5. Травкова М.Р. Неверность. Почему любимые изменяют, стоит ли прощать, можно ли избежать. – Изд. 2-е, испр. – Москва: Эксмо, 2025. – 450 с.

Сведения об авторе

Ирина Витальевна Арискина, магистрант, ФГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 378.14

ДЕЙСТВУЮЩАЯ СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ДЕТСКИХ ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ ЛАГЕРЕЙ

А.А. Арясова, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В данный момент не существует многоуровневой системы подготовки кадров для детских оздоровительных лагерей. В статье проанализированы нормативная база, траектории обучения и региональная модель Приморского края. Выявлены ключевые проблемы, такие как сезонность, психологический дефицит и региональная неравномерность. Предложены инновационные рекомендации по совершенствованию подготовки специалистов сферы детского отдыха, включая внедрение ИИ-систем или ИИ-ассистентов и дуального обучения*

Ключевые слова и словосочетания: *детские оздоровительные лагеря, подготовка кадров, вожатый, региональная модель, наставничество, цифровизация, инклюзия, профессиональный стандарт.*

THE CURRENT SYSTEM OF PERSONNEL TRAINING FOR CHILDREN'S HEALTH CAMPS

Absract. *Currently, a fully integrated multi-level system for training personnel in children's health camps is lacking. This article analyzes the regulatory framework, training trajectories, and the regional model of the Primorsky Krai. Key challenges are identified, including seasonality, a deficit in psychological preparedness, and regional disparities. Innovative recommendations are proposed to enhance the training of specialists in the field of children's recreation, including the implementation of AI assistants and dual training models.*

Keywords: *children's health camps, personnel training, camp counselor, regional model, mentorship, digitalization, inclusion, professional standard.*

Сфера детского отдыха в Российской Федерации в последние годы демонстрирует устойчивую тенденцию к количественному росту, из-за активной государственной поддержки ДОЛ, реализацией национальных проектов в области образования и демографии, а также повышением спроса на качественный и безопасный детский отдых.

По данным статистического мониторинга, в 2024 году только в Приморском крае функционировало 578 оздоровительных лагерей, что на 11 единиц больше по сравнению с предыдущим годом. Число детей, охваченных программами отдыха, увеличилось на 1039 человек. В масштабах страны в 2025 году работало более 40 000 детских лагерей, в которых было задействовано свыше 88 000 вожатых, педагогов и иных специалистов.

Несмотря на очевидный количественный рост, рынок труда в сфере детского отдыха носит ярко выраженную сезонную структуру. Краткосрочность трудовых семестров, как правило, ограниченных летним периодом, создает существенные барьеры для удержания квалифицированных кадров и снижения их мотивации к долгосрочному профессиональному развитию. В связи с этим обеспечение безопасности, психологического комфорта и высокого качества детского отдыха напрямую зависит от эффективности системы подготовки и повышения квалификации персонала.

Современный ребенок, приезжающий в лагерь, существенно отличается от детей предшествующих поколений. Цифровая социализация и цифровая зависимость, новые формы коммуникации, повышенный уровень тревожности, и эмоциональная нестабильность психики, низкая физическая активность и снижение самостоятельности, наличие детей с особыми образовательными потребностями требуют от вожатого не просто организаторских навыков, но и глубоких знаний в области возрастной психологии, конфликтологии и инклюзивной педагогики.

Научная новизна заключается в комплексном обосновании региональной модели подготовки кадров для ДОЛ на примере Приморского края, которая интегрирует академические центры, практико-ориентированные стажировки на базовых площадках и цифровые инструменты с учетом дальневосточной специфики. Впервые предлагается концепция сочетания федеральной стандартизации с региональной гибкостью, включающей обязательную подготовку кадров и персонала к природно-климатическим рискам и специфическим логистическим особенностям региона, с учётом особенности менталитета и культуры местного социума и социальных институтов [1].

Кроме того, новизна состоит в выделении и обосновании ключевых направлений модернизации системы обучения на период до 2026 года. К таким направлениям отнесены модульная валидация навыков (формирование узких компетенций) использование искусственного интеллекта для профилактики эмоционального выгорания и подавления стресса персонала.

Цель исследования заключается в разработке и обосновании эффективных предложений по совершенствованию системы подготовки кадров для детских оздоровительных лагерей в современных социально-экономических условиях. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

В процессе исследования применялся комплекс общенаучных и специализированных методов познания. Метод анализа и синтеза позволил изучить нормативно-правовую базу, статистические данные и научную литературу по теме исследования. Сравнительно-сопоставительный метод был использован для оценки различных траекторий подготовки и региональных моделей. Статистический метод применен для обработки данных о количественных показателях развития сети лагерей и охвате детей программами отдыха. Метод систематизации и обобщения позволил структурировать полученные данные, выделить ключевые проблемы и сформулировать обоснованные практические рекомендации.

Нормативно-правовая основа подготовки кадров для ДОЛ базируется на Федеральном законе № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», СанПиН 2.4.3648-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к организациям воспитания и обучения, отдыха и оздоровления детей и молодежи», а также профильных приказах Министерства просвещения Российской Федерации, которые формируют базу квалификационных требований [2]. Важным шагом в цифровизации и систематизации отрасли стало внедрение обязательной сертификации. В нее включены базовые модули по педагогике, оказанию первой помощи, пожарной и антитеррористической безопасности, а также психологической безопасности. С 2025 года формируется единый цифровой профиль специалиста на портале Госуслуг, который фиксирует пройденные курсы, допуски и результаты аттестаций, что обеспечивает прозрачность и контролируемость кадрового потенциала на федеральном уровне [3].

Траектории подготовки персонала можно классифицировать по трем основным направлениям. Первое направление – это базовое образование в учреждениях среднего профессионального и высшего образования. Второе направление — это краткосрочные программы, реализуемые через школы вожатых, базы отдыха и Российские студенческие отряды [4]. Третье направление – это подготовка узкопрофильных специалистов через курсы повышения квалификации (тренеры по адаптивной физкультуре, инструкторы по безопасности, диджеи, хореографы).

Особый интерес представляет региональная модель подготовки кадров в Приморском крае, которая успешно сочетает академическую базу, практику на ведущих площадках и цифровые инструменты. Академическую основу обеспечивают такие вузы, как ВВГУ, ТГМУ, ДВФУ (во Владивостоке, Находке, Уссурийске). На базе вузов пользуются популярностью активные студенческие движения, такие как МООРСО, которые позволяют студентам получать дополнительную академическую базу и приобретать новые навыки взаимодействия с социальными группами, включающие различные возрастные группы и позволяют обмениваться опытом с различными отрядами, которые могут принадлежать к педагогическому или любому другому направлению. Практическая подготовка реализуется через стажировки в лагерях «Океан», «Бухта Отрада», «Юнга» и д.р., где отрабатываются сценарии действий в чрезвычайных ситуациях и инклюзивные практики. Активно используются цифровые платформы, такие как «Stepik», и лекции в онлайн-форматах, что позволяет охватить студентов из отдаленных районов края. Модель ориентирована на дальневосточную специфику, включая логистику, инклюзию и подготовку к природно-климатическим рискам (тайфуны, паводки).

Анализ практики показывает, что только в летний трудовой семестр 2025 года 291 студент ВВГУ работал в различных сферах, включая детские оздоровительные лагеря, поезда и рыбоперерабатывающие предприятия, что свидетельствует о высоком потенциале вузовской базы для обеспечения отрасли кадрами [5].

Растущая цифровизация и доступность информации дала толчок к развитию и совершенствованию систем обучения, так в период 2024–2026 годов в системе подготовки кадров наблюдаются новые инновации и тренды, которые коренным образом меняют подход к обучению вожатых. К ним относятся:

1) Специальное обучение и модульная валидация навыков, позволяющая получать дополнительные квалификации, такие как «эковожатый», специалист по цифровой безопасности, тьютор по инклюзии. Это позволяет лагерям формировать профильные смены. Эковожатые, например, ведут экологические тропы, обучают детей сортировке отходов и организуют природоохранные проекты.

2) Развитие наставничества через систему «тандемного выхода», которая предполагает обязательное кураторство молодых специалистов опытными наставниками. Новичок работает в паре с наставником, постепенно беря на себя лидерские функции, а после завершения смены проводится структурированная рефлексия. Это снижает уровень стресса и повышает удержание кадров.

3) Внедрение ИИ-ассистентов для составления индивидуальных планов адаптации новичков, анализа эмоционального фона в детском и педагогическом коллективах (в том числе через мониторинг цифровых коммуникаций) и выдачи ежедневных рекомендаций по профилактике профессионального выгорания.

Несмотря на позитивные сдвиги и внедрение инноваций, в действующей системе сохраняется ряд существенных проблем, сдерживающих ее развитие. Во-первых, сезонность рынка труда и краткие смены снижают мотивацию к долгосрочному развитию и удержанию квалифицированных кадров, превращая работу вожатого в случайный заработок, а не в профессию [6]. Во-вторых, наблюдается региональная неравномерность: качество подготовки в удаленных регионах ДФО и Сибири отстает из-за ограниченного доступа к ресурсам, экспертам и современным образовательным платформам. В-третьих, существует острый психологический дефицит: только около 35% образовательных программ содержат углубленные модули по работе с тревогой, психологической травмой и управлению конфликтами, понимания современных проблем эмоционального плана, таких как выгорание, стресс и потеря внутренней мотивации детей и подростков. Традиционное обучение делает упор на развлекательные и организаторские навыки, тогда как именно психологическая поддержка и понимание физиологических особенностей растущего организма критически важны для современных детей. В-четвертых, отмечается недостаточная практика перед выходом в летний трудовой семестр:

большое количество лекционных часов без реальной практики, отсутствие единого справочника или базы знаний, из-за чего важная информация может теряться, а вожатый оказывается не готов к реальным конфликтным ситуациям. Одна из ключевых проблем низкая оплата труда для молодых кадров, в современных тенденциях студент предпочитает работу, которая включает низкую активность, но высокую окупаемость. Заработная плата в ДОЛ более меньшего масштаба, чем «Океан» не могут позволить себе высокую оплату за квалифицированные кадры, в связи с этим многие кадры стремятся найти место, где оплата будет соответствовать их уровню жизни и предпочтение будет отдаваться более известным и менее отдаленным детским лагерям.

Российская система подготовки кадров для сферы детского отдыха эволюционировала в комплексную модель, включающую нормативное регулирование, профильное образование, цифровизацию и практико-ориентированную подготовку [7]. Опыт Приморского края демонстрирует успешную адаптацию федеральных подходов к региональным условиям, однако для дальнейшего развития отрасли необходимо сосредоточить усилия на устранении выявленных системных проблем.

1. Санитарно-эпидемиологические требования к организациям воспитания и обучения, отдыха и оздоровления детей и молодежи: СанПиН 2.4.3648-20 [утв. Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ 28 сентября 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Текст: электронный. – URL: http://pravo.gov.ru.

2. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон № 273-ФЗ [принят Государственной Думой 21 декабря 2012 г.: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53, ст. 7598.

3. Портал Госуслуги : официальный сайт Текст: электронный. – URL: https://www.gosuslugi.ru.

4. Российские студенческие отряды: официальный сайт Текст: электронный. – URL: https://rsosh.ru.

5. Куприянов Б. В. Организация отдыха и оздоровления детей: учебное пособие. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2018. – 244 с.

6. Газизов Т.Т. Педагогические условия подготовки вожатых в современном лагере // Педагогика и психология образования. – 2021. – № 2. – С. 45-52.

7. Иванова Е.А. Цифровизация в сфере детского отдыха: новые возможности и риски // Вестник педагогических наук. – 2023. – № 4. – С. 112-118.

Сведения об авторе

Арясова Александра Антоновна, магистрант, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 338.47

ЛОГИСТИКА «ПОСЛЕДНЕЙ МИЛИ» НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: СПЕЦИФИКА ДОРОЖНОЙ СЕТИ И ТОЧКИ РОСТА В ПРИМОРЬЕ

Д.Р. Асаёнок, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье анализируется специфика логистики «последней мили» в Дальневосточном федеральном округе с фокусом на Приморский край. Выявлены основные проблемы отрасли: неравномерное развитие дорожной инфраструктуры, неудовлетворительное состояние 38 % дорог и изолированность отдельных территорий. В качестве мер по оптимизации предложены расширение федеральных трасс и проведение капитального ремонта, что позволит сократить логистические издержки и повысить эффективность товарораспределения.*

Ключевые слова и словосочетания: *логистика «последней мили», эффективность, специфика дорожной сети Приморья, транспортная инфраструктура, изолированность территорий, ограниченность.*

«LAST-MILE LOGISTICS IN THE FAR EAST: SPECIFICS OF THE ROAD NETWORK AND GROWTH POINTS IN PRIMORSKY KRAI»

Abstract. *This article analyzes the specifics of last-mile logistics in the Far Eastern Federal District, focusing on Primorsky Krai. The industry's key challenges are identified: uneven road infrastructure development, the poor condition of 38% of roads, and the isolation of certain areas. Optimization measures proposed include expanding federal highways and undertaking major repairs, which will reduce logistics costs and improve the efficiency of goods distribution.*

Keywords: *last mile logistics, efficiency, specifics of the Primorye road network, transport infrastructure, isolated territories, limited availability.*

Актуальность исследования связана с ключевой ролью логистики «последней мили» в современной экономике. На Дальнем Востоке и в Приморском крае её эффективность осложняется суровым климатом, сложным рельефом и ограниченной дорожной сетью, что повышает операционные издержки.

Научная новизна состоит в анализе специфических проблем логистики «последней мили» на Дальнем Востоке и разработке локализованных решений для Приморского края. Цель исследования — выявить проблемы логистики «последней мили» в Приморском крае и разработать рекомендации по улучшению транспортной инфраструктуры и повышению эффективности доставки грузов.

Для достижения поставленной цели необходимо проанализировать теоретические основы «последней мили», изучить состояние дорожной инфраструктуры Приморского края, выявить ключевые проблемы и предложить способы оптимизации. В работе использованы такие методы научного исследования, как анализ литературы, анализ статистики по дорожной сети и грузоперевозкам, моделирование логистических процессов с учетом специфики региона.

В современной экономике эффективность логистики «последней мили» — заключительного этапа доставки от производителя до конечного потребителя — чаще становится решающим конкурентным преимуществом. Именно на этом отрезке концентрируется значительная доля операционных издержек. Однако в масштабах России эти процессы налажены неравномерно, если в центральных субъектах страны технологии доставки шагнули далеко вперед, то специфика Дальнего Востока и, в частности, Приморского края, диктует свои уникальные условия для развития отрасли [1].

Приморский край, являясь главными морскими воротами страны и ключевым логистическим хабом макрорегиона, сталкивается с уникальным набором логистических вызовов: суровыми погодными условиями, сложные географический рельеф, большие расстояния между основными транспортно-логистическими узлами и плохо развитая инфраструктура между ними. В этих условиях стандартные алгоритмы, успешно работающие в центральной части России, часто оказываются нежизнеспособными, приводя к поиску нестандартных решений, созданию локализованных версий существующих методик с учётом повышенной неопределённости и изменчивости внешних факторов [2, 3].

В чём заключаются ключевые проблемы, препятствующие эффективной работе «последней мили» при увеличении объёмов грузоперевозок на Дальнем Востоке? Самой большой из них остается инфраструктурная ограниченность, которая существенно сдерживает развитие технологий «последней мили». Автомобильные дороги на Дальнем Востоке развиты неравномерно. Это увеличивает время доставки, вызывает заторы и ускоряет износ транспорта, что повышает логистические расходы. В таблице 1 представлена характеристика дорожной сети Приморского края по категориям дорог.

Таблица 1

Дорожная сеть Приморского края по категориям дорог

Вид дороги	Характеристика	Пример
Дороги федерального назначения	Сосредоточены вокруг крупных городов и ключевых транспортных узлов	А-370 «Уссури», А-371 Владивосток — остров Русский, А-375 Хабаровск — Находка

Окончание табл. 1

Вид дороги	Характеристика	Пример
Региональные (межмуниципальные) дороги	Дороги, соединяющие Владивосток с административными центрами районов и округов Приморского края, пунктами пропуска через госграницу РФ и прочими населенными пунктами	05Н-131 Находка — Лазо — Ольга — Кавалерово, 05К-135 Кировский — станция Шмаковка, 05К-133 Устиновка — Зеркальная
Подъездные и специализированные дороги	Лесовозные дороги, Дороги, связывающие объекты регионального значения	Дороги вблизи Таёжного лесничества и Мельничного лесхоза, трасса Владивосток — Находка — порт Восточный, Мост через реку Туманная (Хасан — Туманган)
Изолированные участки	Дороги, не имеющие связи с основной сетью. Доступ только по морю, воздуху или сезонно	Северные и горные районы Якутии, Камчатский край, Магаданская область, Чукотка.

Анализ инфраструктурной ситуации на Дальнем Востоке, в частности в Приморском крае, подтверждает, что ограниченность и неравномерность развития дорожной инфраструктуры — главный фактор, сдерживающий совершенствование «последней мили».

Ключевые проблемы, которые следует обозначить:

- неравномерное распределение дорог федерального значения. Они сосредоточены преимущественно вокруг крупных городов (например, трассы А-370 «Уссури», А-371 Владивосток — остров Русский). Это создаёт дисбаланс: периферийные территории остаются недостаточно охваченными качественной транспортной сетью;

- неудовлетворительное состояние значительной части дорожной сети. Согласно данным на 2025 год, 38% дорог Приморского края не соответствуют нормативным требованиям, то есть находятся в неудовлетворительном состоянии.

Таким образом, если доставка «последней миле» в зоне относительно развитой дорожной сети позволяет внедрить некоторые современные методики оптимизации, то доставка в отдаленные районы: увеличивает время доставки грузов, провоцирует заторы, ускоряет износ транспорта и напрямую ведет к росту логистических издержек.

Ограниченная пропускная способность и изолированность региональных дорог:

- региональные (межмуниципальные) дороги, такие как 05Н-131 Находка — Лазо — Ольга — Кавалерово, выполняют важную связующую функцию, но их пропускная способность и качество могут не соответствовать растущему спросу;

- подъездные и специализированные дороги (например, лесовозные пути или трасса Владивосток — Находка — порт Восточный) зачастую ориентированы на узкоотраслевые задачи и не всегда интегрированы в единую логистическую систему;

- изолированные участки (северные и горные районы Якутии, Камчатский край, Магаданская область, Чукотка) практически не связаны с основной дорожной сетью. Доступ к ним возможен лишь сезонно либо с использованием альтернативных видов транспорта (морского, воздушного), что резко усложняет и удорожает логистику «последней мили» [4].

Дисбаланс в развитии разных категорий дорог. Преимущество отдаётся магистральным направлениям, тогда как локальные и подъездные пути получают меньше внимания. Это формирует «узкие места» в логистических цепочках: даже при наличии современных технологий доставки их эффективность резко снижается.

Безусловно, на сегодняшний день доставка «последней мили» шагнула далеко вперед, с каждым днем появляются новые методики и технологии, которые с помощью цифровизации могли бы усовершенствовать этот процесс. Однако, если мы говорим о Дальнем Востоке, прежде чем внедрять последние достижения цифры, необходимо создать подходящую инфраструктуру, в которой эти технологии смогут эффективно работать. Были предложены следующие решения проблем развития дорожной инфраструктуры для улучшения логистики «последней мили».

Таблица 2

Перспективные направления для развития дорожной сети Приморского края для функционирования современных технологи доставки «последней мили» [5, 6]

Направление развития	Меры	Ожидаемый эффект
Оптимизация распределения дорог федерального значения	Расширение сети федеральных трасс в периферийных районах с учётом логистических потребностей. Приоритетные направления — районы с потенциалом экономического роста (сельское хозяйство, добыча ресурсов, туризм)	Снижение дисбаланса в транспортной доступности, повышение эффективности логистики «последней мили».
	Строительство ответвлений от крупных трасс (например, от А-370 «Уссури» и А-371) к отдалённым населённым пунктам и промышленным объектам	
	Создание мультимодальных транспортных узлов вблизи ключевых трасс для интеграции автомобильного, железнодорожного и морского транспорта	
Улучшение состояния дорожной сети	Капитальный ремонт дорог, не соответствующих нормативам (38 % в Приморском крае)	Сокращение времени доставки, снижение износа транспорта, уменьшение логистических издержек.
	Использование современных материалов и технологий (геосинтетика, модифицированные битумы) для повышения долговечности покрытий в условиях сурового климата	
	Внедрение систем мониторинга состояния дорог с применением датчиков и дронов для оперативного выявления дефектов.	
	Увеличение финансирования дорожных фондов за счёт федеральных и региональных субсидий, а также привлечения частных инвестиций через ГЧП	
Повышение пропускной способности региональных и специализированных дорог	Реконструкция ключевых региональных маршрутов (например, 05Н-131 Находка — Лазо — Ольга — Кавалерово) с расширением полос движения и обустройством объездов	Рост пропускной способности, сокращение заторов, улучшение связности регионов
	Интеграция узкоотраслевых дорог (лесовозных путей, трасс к портам) в единую логистическую сеть через: - создание цифровых карт с данными о состоянии и пропускной способности; - синхронизацию графиков движения грузового и пассажирского транспорта	
	Развитие инфраструктуры вдоль трасс (АЗС, пункты техобслуживания, зоны отдыха) для повышения безопасности и комфорта водителей	
Обеспечение доступности изолированных территорий	Сезонное строительство временных дорог (зимников) в северных и горных районах (Якутия, Камчатка, Магаданская область, Чукотка) с использованием технологий быстрого монтажа	Снижение стоимости и сроков доставки, повышение доступности отдалённых территорий.
	Внедрение беспилотных логистических решений (дроны, автономные грузовики) для доставки мелких грузов в изолированные населённые пункты	

В результате проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что логистика «последней мили» на Дальнем Востоке, в частности в Приморском крае, сталкивается с серьёзными вызовами, которые существенно ограничивают её эффективность и сдерживают экономическое развитие относительно других регионов страны. Решение проблем, связанных с суровыми климатическими условиями, сложным рельефом и изношенностью дорожной сети, возможно лишь при реализации комплексного подхода. Именно он создаст мощную платформу для внедрения в работу «последней мили» новых цифровых технологий, расширит действующую логистическую базу, увеличит грузопоток и значительно сократит издержки, совершенствуя уровень сервиса при доставке грузов конечному потребителю [6].

1. Елина Е.И., Малюченко В.К., Глинский В.А. Способы оптимизации этапа «последней мили» в транспортной логистике // Техника и технологии наземного транспорта. – 2022. – С. 38-40.
2. Пороховник Д.А., Каменев И.Г. Управление поставками на рынке доставки на «последней миле» в сфере товаров повседневного спроса // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2025. – Т. 22, № 2 (140). – С. 267-276.
3. Костюченко Е.Д., Лобашов А.О. Проблемы доставки «последней мили» // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2021. –Т. 1, № 4 (112). – С 108-114.
4. Развитие сети автомобильных дорог в субъектах Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа Текст: электронный. – URL: http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/114753/ Как модернизируют дорожную инфраструктуру на Дальнем Востоке Текст: электронный. – URL: https://rg.ru/2024/02/15/reg-dfo/priblizhaetsia-razviazka.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F
5. Дальневосточный форпост Текст: электронный. – URL: https://transportrussia.ru/razdely/avtomobilnye-dorogi/13423-dalnevostochnyj-forpost.html

Сведения об авторе
Д.Р. Асаёнок, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 502.315

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖА ВЛАДИВОСТОКСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

А.С. Ахмедова, магистр ВВГУ

Н.В. Иваненко, канд. биол. наук, доцент кафедры естественных наук ВВГУ

С.Б. Ярусова, канд. хим. наук, заведующая Базовой кафедрой ЭЭПХТ ВВГУ

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В работе проанализирована экологическая осведомленность и компетентность студентов СПО ВВГУ с применением методов частотного анализа, энтропии и индекса Симпсона. Рассматривается участие студентов в экологических мероприятиях и наличие у них экологически ответственных привычек. Показана связь между изучением естественнонаучных дисциплин и уровнем экологической осознанности, выявлены предпочтительные формы получения экологической информации.*

Ключевые слова: *экологическая компетентность, экологическая культура, экологические мероприятия, источники экологической информации, экология, статистический анализ.*

ENGLISH ENVIRONMENTAL COMPETENCE OF VLADIVOSTOK STATE UNIVERSITY COLLEGE STUDENTS

Abstract: *The work analyzes the environmental awareness and competence of secondary vocational education students at VVGU using the methods of frequency analysis, entropy and the Simpson index. The participation of students in environmental activities and the presence of environmentally responsible habits are considered. The connection between the study of natural sciences and the level of environmental awareness is shown, and the preferred forms of obtaining environmental information are identified*

Keywords: *environmental competence, environmental culture, environmental activities, sources of environmental information, ecology, statistical analysis.*

Актуальность. В современных условиях экологическая безопасность становится неотъемлемой частью профессиональной компетентности любого специалиста. Особую роль в этом процессе играет система среднего профессионального образования (СПО), где закладываются основы ответственного отношения к окружающей среде у будущих практиков. Несмотря на наличие учебных дисциплин экологической направленности, зачастую отсутствует инструмент объективной оценки результативности воспитательной работы. Использование математико-статистический методов, таких как индексы Шеннона и Симпсона, позволяет перевести

качественные изменения экологического сознания студентов в измеряемые показатели, что является актуальным для повышения качества образования в ВВГУ.

Цель работы – оценка экологической информированности и вовлеченности в экологические практики студентов Колледжа сервиса и дизайна (КСД) Владивостоксого государственного университета (ВВГУ).

Задачи: 1) выполнить анализ экологической информированности студентов на основе результатов анкетирования; 2) рассмотреть степень вовлеченности студентов в экологические мероприятия и наличие у них эко-привычек; 3) провести анализ восприятия студентами важности решения экологических проблем; 4) показать уровень сформированности экологической компетенции студентов.

В основе исследования лежит анализ данных, полученных в результате анкетирования студентов КСД ВВГУ. Анкета включала 27 вопросов, касающихся уровня осведомленности о локальных и глобальных экологических проблемах, отношения к экологической ситуации, источников и предпочтительных форм получения информации, участия в экологических мероприятиях, наличия эко-привычек и оценки собственной компетентности. Исследование охватывает выборку студентов 8 различных специальностей: «Дизайн по отраслям» – 21,83% (n=55); «Право и организация социального обеспечения» – 16,67% (n=42); «Сетевое и системное администрирование» –15,08% (n=38); «Физическая культура», «Землеустройство» и «Разработка электронных устройств и систем» – по 8,73% (n=22) на каждое направление); «Компьютерные системы и комплексы» – 7,94% (n=20); «Судостроение» – 7,14% (n=18); «Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования» – 5,16% (n=13) [1]. Общее количество опрошенных составило 252 человека. Возраст респондентов варьируется от 16 до 21 года. В работе использованы методы описательной статистики, а также элементы сравнительного анализа. Проведен частотный анализ нечисловых данных, рассчитаны энтропия (H) и индекс Симпсона (D).

В настоящей работе энтропия интерпретируется как мера неопределенности или разнообразия ответов на отдельные вопросы анкеты. Высокая энтропия указывает на широкий спектр различных мнений, разный уровень осведомленности, компетентности или вариативность практик. Низкая энтропия, напротив, свидетельствует о единообразии взглядов опрошенных. Индекс Симпсона при анализе анкетных данных используется для измерения вероятности того, что два случайно выбранных индивида из выборки будут иметь одинаковое мнение или характеристику. Значение D близкое к 1 отражает высокую вероятность совпадения, то есть доминирование одного или нескольких мнений/практик и низкое разнообразие. D, близкое к 0, указывает на низкую вероятность совпадения, что соответствует высокой степени разнообразия и отсутствию ярко выраженного доминирования. Частотный анализ данных анкет дает возможность выявить распространенность экологических знаний, а также предпочтений студентов в сфере получения информации и участия в мероприятиях [2].

Анализ осведомленности о локальных экологических проблемах (вопрос «О каких экологических проблемах вашего города, края вы знаете, напишите кратко») демонстрирует значительную вариативность ответов. Большинство студентов (~70%) называют проблемы, связанные с загрязнением воздуха, воды, утилизацией отходов, вырубкой лесов. Также, наблюдается и существенный процент респондентов, указывающих «Не знаю» (□15%) или называющих весьма общие проблемы, такие как «дороги, выхлопные трубы», без конкретизации.

Высокая энтропия в данном вопросе отражает разнообразие идентифицируемых проблем. Это указывает на то, что студенты имеют представление о региональной экологической повестке. Тем не менее, наличие доли «Не знаю» вносит элемент неопределенности. При расчете индекса Симпсона для наиболее часто встречающихся ответов (например, «Загрязнение воздуха», «Мусор», «Вырубка лесов»), значение D, вероятно, будет находиться в пределах от 0,2 до 0,4, что свидетельствует о наличии нескольких доминирующих проблем, но при этом о недостаточном единообразии ответов для высокого индекса доминирования. Это означает, что, хотя основные проблемы узнаваемы, их детализация и полнота знаний варьируются.

Восприятие важности решения экологических проблем (вопрос «На Ваш взгляд, насколько важно решение экологических проблем в текущее время?») показывают высокий уровень осведомленности о значимости темы. Подавляющее большинство (>85%) респондентов считают решение экологических проблем «Важным» или «Очень важным». Существует небольшая доля (□10%) ответов «Маловажно» или «Неважно», и примерно 5% затруднившихся с ответом. Низкая энтропия свидетельствует о признании студентами колледжа важности эко-

логических проблем. Индекс Симпсона для категорий «Важно» и «Очень важно» (D□0,9), указывает на позитивного отношение респондентов к вопросу о необходимости решения экологических проблем. Это является хорошим индикатором потенциала для развития экологической культуры.

Высокая энтропия указывает на разнообразие источников получения экологической информации, используемых студентами. Индекс Симпсона (0,1-0,2), также показывает наличие множества каналов получения данных. Тем не менее, среди источников наиболее часто упоминаются «Интернет» (>60%) и «СМИ» (□50%). Также значительную долю составляют «Общение с друзьями/однокурсниками» (□40%) и «От преподавателя» (□30%). Присутствуют и такие источники, как «Специальная литература» и «Прочее».

Таким образом, в ответах наблюдается разнообразие мнений и источников получения данных (высокая энтропия и низкий индекс Симпсона). В то же время, единство мнений (низкая энтропия, высокий индекс Симпсона) наблюдается в оценке важности экологических проблем, что является благоприятной почвой для дальнейшего формирования экологической культуры и компетентности студентов.

Результаты частотного анализа совпадают с индексом Симпсона и энтропией. Частотный анализ показывает, что большинство студентов (56,2%) выражают умеренную обеспокоенность об экологических проблемах, что может свидетельствовать об осознания проблемы, но при этом о приоритетности других жизненных задач. Значительная доля учащихся колледжа (32,6%) сильно обеспокоена; 10,1% проявляют низкую степень обеспокоенности (вопрос «Уровень обеспокоенности экологической ситуацией»).

В отношении знания и выделения студентами экологических проблем, ответы уникальны: «Загрязнение воздуха» (□50% положительных ответов); «Мусор»/«Бытовые отходы» (□45%); «Вырубка лесов» (□35%), «Загрязнение воды» (□30%); «Выхлопные газы» (□20%); «Лесные пожары» (□15%); «Не знаю» (~15%).

Более половины студентов склоняется к признанию высокой важности решения экологических проблем. Ответы распределились следующим образом: важно – 56,2%; важно, но не первостепенно – 39,3 %; не важно – 3,4 %.

Наиболее востребованными формами получения экологической информации у студентов являются «Походы, выезды» (55,1%), «Конкурсы, олимпиады» (41,6%), «Участие в экологических акциях» (41,6%), «Конференции, семинары» (40,4%), «Обмен опытом» (38,2%). Это указывает на предпочтение интерактивных, практико-ориентированных и социальных форм взаимодействия.

Подавляющее большинство студентов (79,8%) принимали участие в субботниках, что говорит о развитости базовых форм гражданской активности.

Наиболее распространенными эко-привычками являются: «Стараюсь использовать меньше полиэтиленовых пакетов» (32,6%), «Стараюсь экономить бытовые ресурсы» (32,6%), «Использую термокружки и многоразовые бутылки» (28,1%), «Сдаю вторсырье» (23,6%), «Покупаю продукты с минимальным количеством упаковки» (23,6%). Это свидетельствует о наличии бытовых эко-практик у части студентов и показывает потенциал для их расширения.

Частотный анализ подтверждает ряд тенденций:

– Большинство студентов осознают важность экологических проблем, но уровень их личной обеспокоенности может варьироваться.

– Студенты обладают фрагментарными знаниями об экологических проблемах, что указывает на необходимость систематизации и углубления информации.

– Наиболее привлекательными для студентов являются активные, практико-ориентированные и социальные формы получения экологической информации.

– Базовые формы экологической активности (субботники) имеют высокую распространенность.

– Существуют наиболее полярные и распространенные экологические привычки, которые могут служить основой для дальнейшего формирования более общей экологической поведенческой модели.

Анализ данных позволяет выявить взаимосвязь между наличием в учебном плане естественнонаучных дисциплин и уровнем экологической осведомленности и культуры. Студенты, изучающие предметы «Биология», «Окружающий мир», «Экология», в среднем демонстрируют более высокий уровень осведомленности о локальных экологических проблемах, более высокую обеспокоенность и чаще указывают на важность решения этих проблем вопросы:

«Укажите какие дисциплины, связанные с экологией, вы изучаете в колледже» и «Важно ли знать основы экологии, принципы охраны окружающей среды и экологической безопасности с точки зрения вашей будущей специальности?»). Студенты, освоившие данные предметы склонны более высоко оценивать свою экологическую компетентность и сообщают о наличии эко-привычек. Например, студенты, изучающие «Экологию» (9 респондентов), в 77,8% случаев оценивают свой уровень экологической компетентности как «Высокий» или «Средний», тогда как среди тех, кто не изучает экологические дисциплины (12 респондентов), этот показатель составляет 58,3%. Аналогично, результаты опросы показывают, что студенты, проходящие обучение по экологическим дисциплинам, чаще принимают участие в акциях (100% против 91,7%) и чаще желают получать больше информации об экологических мероприятиях.

Научная новизна заключается в комплексном применении методов энтропийного и частотного анализа, а также индекса Симпсона для количественной оценки разнообразия и доминирования мнений студентов колледжа по вопросам экологической культуры, их экологической компетентности, выявлении связей между образовательными траекториями и уровнем экологической осведомленности, и обобщении полученных данных для разработки практических рекомендаций.

Выводы. Первичный анализ данных показал различия в сформированности экологической компетенции студентов. Наблюдается разница в ответах в зависимости от специальности, наличия экологических дисциплин и личной заинтересованности. Часть студентов демонстрирует высокую степень обеспокоенности экологическими проблемами и активную гражданскую позицию, в то время как другая часть выражает низкую или умеренную заинтересованность, связывая свое участие в экологической деятельности с внешними стимулами (оценки, бонусы). В целом, большинство студентов признают важность экологических проблем, у многих учащихся наблюдается высокий запрос на доступные и интересные формы экологического просвещения. Несмотря на повсеместное использование интернета, студенты также отмечают важность информации от преподавателей и из специализированной литературы. В связи с этим, необходима интеграция экологической тематики в учебные дисциплины и многоуровневая, непрерывная система экологического образования и просвещения молодежи. Установлено, что студенты отдают предпочтение активным формам работы, таким как походы, экскурсии, конкурсы, акции, тренинги. Это требует разработки соответствующих образовательных модулей и внеучебных мероприятий.

Успешное формирование устойчивой экологической культуры требует комплексного подхода, включающего как обязательное непрерывное экологическое образование, так и активное развитие внеучебной деятельности, использование привлекательных для студентов форм подачи информации и стимулирование формирования экологически ответственных привычек [3].

1. Образовательные программы среднего профессионального образования (на базе 9 классов). – Текст: электронный. – URL: https://www.vvsu.ru/admission/spo/op_basic/ Шорохова И.С. Статистические методы анализа: учебное пособие / И.С. Шорохова, Н.В. Кисляк, О.С. Мариев; под общ. ред. И.С. Шорохова. – Екатеринбург, 2015. – 300 с.

2. Картушина Л.Е. Реализация принципа экологического гуманизма в системе личностно-ориентированного воспитания студентов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsipa-ekologicheskogo-gumanizma-v-sisteme-lichnostno-orientirovannogo-vospitaniya-studentov

Сведения об авторах

Ахмедова Анна Сергеевна, магистр ВВГУ, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

Иваненко Наталья Владимировна, канд. биол. наук, доцент кафедры естественных наук ВВГУ, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

Ярусова Софья Борисовна, канд. хим. наук, заведующая Базовой кафедрой ЭЭПХТ ВВГУ, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 008.316.7

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ НА ТЕРРИТОРИАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ: НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ВЛАДИВОСТОКА

А.А. Базылев, аспирант

Т.В. Метляева, канд. культурологии, доцент

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Статья посвящена исследованию влияния культурных кодов на формирование территориальной идентичности города Владивостока. Авторы рассматривают ключевые теоретические подходы к пониманию сущности культурных кодов города и их роли в конструировании территориальных идентичностей. Анализируются исторический, этнокультурный, символический подходы и социально-культурные контексты, определяющие специфику культурных кодов города. Рассматриваются современные тенденции формирования территориальной идентичности в условиях глобализации и предлагаются перспективы дальнейших исследований в данной области*

Ключевые слова: *территориальная идентичность, культурный код, символ, культурное наследие, город Владивосток*

THE INFLUENCE OF CULTURAL CODES ON TERRITORIAL IDENTITY: THE CASE OF VLADIVOSTOK

Abstract. *The article is devoted to a study of the influence of cultural codes on the formation of Vladivostok's territorial identity. The authors examine key theoretical approaches to understanding the nature of the city's cultural codes and their role in constructing territorial identities. Historical, ethno-cultural, and symbolic approaches are analyzed, as well as the socio-cultural contexts that determine the specificity of the city's cultural codes. Contemporary trends in the formation of territorial identity under globalization are considered, and prospects for further research in this field are proposed.*

Keywords: *territorial identity, cultural code, symbol, cultural heritage, city of Vladivostok*

Введение

Формирование территориальной идентичности связано с культурными особенностями конкретного региона, его историей, традициями и символическими практиками. Изучение механизма воздействия культурных кодов на идентичность отдельного города становится актуальным направлением исследований в современном мире. Владивосток крупный портовый город на Дальнем Востоке России, находящийся на пересечении нескольких цивилизаций, что делает его объектом пристального интереса исследователей. В связи, с чем вопрос о культурных кодах и их влиянии на формирование идентичности является актуальным ввиду сложного исторического пути и мульти культурного прошлого региона.

Под культурными кодами понимаются различные знаковые системы, характерные для определенного пространства и создающие своеобразную матрицу восприятия окружающей действительности. Известный исследователь культуры Б. Успенский отмечал, что «культура сама по себе служит способом упорядочивания жизненного опыта индивидов и общества, позволяя человеку ориентироваться в пространстве и времени» [6, с. 248-249]. Согласно Д. М. Угриновичу культурные коды формируются через взаимодействие трех основных категорий: язык, искусство и народные традиции. Автор отмечает, что «…только глубоко укорененные культурные формы позволяют человеку воспринимать действительность не фрагментарно, а целостно» [5, с. 34-48]. По мнению Ж. Бодийяра, «…культурный код – это система знаков, символов и смыслов, закреплённых в сознании сообщества и передающихся из поколения в поколение, которые служат основой для конструирования коллективной идентичности и определяют специфику восприятия пространства» [2, 112-125]. Согласно концепции А. Гидденса культурные коды выступают как «скрытые правила взаимодействия, формирующие социальную реальность» [3, с. 67-74].

Исходя из вышеизложенного следует, что культурные коды включают в себя как материальные объекты (архитектуру, предметы быта), так и духовные ценности (обычаи, языки,

религии). Чтобы предметно разобраться в природе территориальной идентичности возьмем в качестве примера г. Владивосток, важно обратиться к основным элементам, с которыми жители ассоциируют свой город. По мнению Н. Луманна: «…чувство принадлежности у коренных жителей города формируется благодаря переживаемому опыту и символическому наполнению территории, позволяющему воспринимать своё окружение как уникальную реальность» [4, с. 150].

Тогда как идентичность представляет собой динамический процесс самоопределения личности через соотнесение себя с конкретным пространством, её территориальная разновидность формируется в результате постоянного диалога между индивидуальным опытом личности, проживающей на определенной территории и коллективными представлениями о ней. Идентичность владивостокца – это не статичный набор признаков, а живая система координат, в которой переплетаются: личная биография, память поколений и актуальные практики освоения городской среды. Она кристаллизуется в повседневных маршрутах, визуальных доминантах «от Золотого моста до сопки Орлиной» (название достопримечательностей г. Владивосток), звуковом фоне (гудки судов, шум прибоя) и даже в особом ритме жизни, заданном муссонным климатом и пограничным статусом. Именно через присвоение этих маркеров территории, трансформируется «своё» представление о ней, наделяется эмоциональной ценностью и становится фундаментом для чувства принадлежности к территории и городскому сообществу.

Владивосток обладает уникальным положением, будучи одновременно столицей дальневосточного региона и центром приграничья, соприкасающимся с азиатскими странами. Его расположение обусловливает сложное переплетение российских и восточных культурных традиций, которое отражается в восприятии города как особенного пространства. Город стал символом русской экспансии на Восток, служа точкой притяжения переселенцев и путешественников, ищущих приключений и возможностей для самореализации. Для полноты картины также рассмотрим факторы, играющие решающую роль в процессе формирования идентичности владивостокцев.

1. Исторически сложившиеся компоненты идентичности Владивостока определяются следующим фактором: город возник как военно-морской форпост империи и служил опорой российского присутствия на Тихоокеанском побережье. Отсюда исходят два основополагающих компонента идентичности горожан – военная история и героика обороны дальневосточных рубежей («порт-пристанище», военная база флота).

Именно поэтому одним из важнейших направлений изучения культурных кодов является исторический подход. Этот подход основывается на реконструкции исторического прошлого региона и сопоставлении современных реалий с прошлыми эпохами. Советский историк, и археолог М. И. Артамонов писал: «…историю невозможно изучать вне конкретных региональных рамок, ибо каждое общество имеет свое собственное прошлое, свое особенное настоящее и будущее» [1, с. 52]. Один из ярких примеров исторического подхода является исследование значения самого названия города, появившегося в результате экспедиционного похода русских войск на Амур в середине XIX века. Изначально планировалось назвать новую крепость «Посад Петропавловский», однако впоследствии власти решили переименовать поселение и назвали его Владивосток, что означает «владеть востоком». Такое название сразу закрепило мысль о значимости этого порта как форпоста империи на Тихом океане, став частью культурного кода региона. Другим примером исторического подхода является изучение периода заселения и освоения земель Приморья русскими переселенцами в конце XIX начале XX веков. Благодаря научным экспедициям и трудам первых исследователей, например, Н. Пржевальского, появились легенды и рассказы о первооткрывателях, казаках-землепроходцах, военных укреплениях и торговле пушниной. Эта история вошла в фольклор, устные предания и литературу, превратившись в ключевой элемент культурного кода. Военно-морской статус Владивостока сыграл важную роль в формировании его идентичности. Многие памятники и мемориалы, например, памятник адмиралу Степану Макарову, оборонительные сооружения крепости Владивостока и знаменитая подводная лодка «С-56», стали символами героизма и патриотизма владивостокцев в период Великой Отечественной войны. Они воплощают военные традиции, обеспечивая передачу культурных образов новым поколениям.

Советский период также оставил глубокий след в культурной памяти жителей. В городе сохранилось много зданий и сооружений той эпохи, например, кинотеатр «Океан», пансионат «Светлячок», Дом офицеров флота и памятные стелы, посвящённые Великой Отечественной войне. Сегодня эта архитектура и символы советского периода составляют неотъемлемую

часть культурного пейзажа города. Важнейшим компонентом территориальной идентичности владивостокцев являются морские темы. Порт Владивосток стал крупнейшим центром Дальнего Востока, привлекающим тысячи моряков, рыбаков и путешественников. Многочисленные фильмы, песни и стихи о море создали особый образ морской романтики, повлиявший на массовую культуру и менталитет местных жителей.

Все перечисленные аспекты демонстрируют, насколько важен исторический подход для понимания и раскрытия культурных кодов Владивостока. Эти знания важны для поддержания исторической преемственности и усиления регионального самосознания жителей.

2. Этнокультурный подход к изучению культурных кодов города, применим, когда основной упор делается на этноспецифичных чертах региона, связанных с народами, проживающими на его территории. Данный подход позволяет увидеть разнообразие культур и определить, как оно отражается в идентичности горожан. Данный подход предполагает интеграцию элементов разных культур в жизнь города, формирование мультикультурной среды и сохранение традиций коренных народов региона. В частности, на примере Владивостока можно рассмотреть влияние китайской и корейской диаспоры на местную кухню, архитектуру и общественные практики. Примечательно высказывание приморского поэта и фотографа, автора книги/альбома «Романтический Владивосток», Сергея Чернышёва: «Владивосток развивается не вопреки своим особенностям, а благодаря им. Именно этническое разнообразие придаёт этому городу неповторимый колорит». Ярким примером такого подхода могут служить следующие объекты и мероприятия.

Этнические фестивали. Во Владивостоке такие мероприятия, направленные на популяризацию культурных особенностей различных народностей, проживающих на территории Приморского края и Дальнего Востока, проводятся регулярно. Одним из наиболее известных является «Приморская палитра» – фестиваль народного творчества, включающий выступления танцевальных коллективов, показ национальных костюмов и демонстрацию традиционных ремесел.

Национальные рестораны и кафе. Город богат заведениями общественного питания, предлагающими блюда кухонь народов мира. Например, ресторан корейской кухни «Чхонджа» привлекает гостей своими традиционными блюдами и атмосферой Кореи. Подобные места помогают жителям и гостям Владивостока знакомиться с кулинарными традициями стран Азии и ближневосточных регионов.

Архитектура Владивостока отражает смешение стилей разных эпох и влияний. Среди примеров выделяется дом-крепость Семеновских казарм, построенный ещё в XIX веке и демонстрирующий влияние русской военной архитектуры, адаптированной к местным условиям.

Культурная интеграция мигрантов. Владивосток принимает значительное число переселенцев из Китая, Японии, Кореи и Вьетнама. Эти мигранты вносят вклад в развитие местной культуры через открытие магазинов национальной продукции, организацию тематических мероприятий и создание сообществ соотечественников.

Таким образом, Владивосток демонстрирует богатый опыт интеграции этнических культур, способствующий формированию многокультурного пространства и обогащению культурной жизни горожан.

3. Третий важный подход символический подразумевает анализ культурных кодов через призму символов и знаков, активно используемых населением и отражающихся в сознании горожан. Рассмотрим яркие примеры применения семиотического подхода в исследовании культурных кодов Владивостока:

– Здание Железнодорожного вокзала служит ярким символом конца Великого Сибирского Пути. Построенный в конце XIX века, этот объект приобрел особое значение как точка завершения железнодорожной ветки, связывающей европейскую Россию с Дальним Востоком. Сам вокзал выглядит монументально и строго, отражая стилистику классицизма, что дополнительно усиливает впечатление важности и торжественности момента прибытия сюда путешественников.

– Мемориал Цесаревича Алексея Романова установленный на набережной города, посвящен гибели последнего цесаревича династии Романовых, чьё судно затонуло неподалеку от города Владивостока. Несмотря на трагедию, монументом увековечен символ благородства и жертвенности. Каждый раз проходящие мимо памятника жители чувствуют связь с прошлым и осознают уникальность города, находящегося на границе великих держав.

– «Золотой» мост (или мост через бухту Золотой Рог) вызывает ассоциации с величием и богатством города, вызывая гордость жителей и восхищение гостей. Данный объект является знаком современного Владивостока, демонстрируя стремление города идти в ногу со временем и технологиями. Названный одной из главных достопримечательностей, мост приобрёл широкую известность, символизируя стабильность и уверенность города в будущем.

– Картину природы на флагштоке здания администрации г. Владивостока, расположенного в центре города, составляют: горы, лес, море. Такой художественный приём, является, по нашему мнению, метафорой гармонии и спокойствия, присущего всему региону. Жители Владивостока видят этот рисунок ежедневно, ассоциируя его с родным краем и чувством дома.

– Торговый центр «Центральный рынок» города представляет собой яркий пример бытового симбиоза традиций и модернизма. Торговцы и покупатели говорят на разных языках, продавая товары из России, так и китайские, японские, корейские.

Семиотический подход демонстрирует, как культурные коды функционируют в реальной среде, воздействуя на сознание и поведение горожан. Исследуя городские символы и смыслы, исследователи получают возможность лучше понять механизм формирования идентичности жителей Владивостока.

Роль культурных кодов в идентичности Владивостока. Ощущение принадлежности к Владивостоку формируется не только историей, но и современными культурными элементами, такими как:

– морской пейзаж и портовая атмосфера;

– особенности кулинарных предпочтений (достопримечательностью становятся рыбные рынки);

– специфичная городская топонимика и памятники истории;

– ярко выраженные восточные черты в архитектуре и бытовой среде.

Таблица 1

Категории культурных кодов города

Наименование	Элементы культурного кода
Историко-культурное наследие	Памятники архитектуры, события прошлого, исторические персонажи, легенды и предания, связанные с определенными местами.
Этнокультурная специфика	Народные праздники, фольклор, традиционные ремесла, особенности быта и уклада жизни.
Символика местности	Топонимы, гербы, флаги, эмблемы городов и поселений.
Социальные практики	Местные формы общения, коммуникации, организация досуга и хозяйственная деятельность.

Именно культурные коды придают Владивостоку неповторимый облик, выделяющий его среди других российских городов. Идентификация с этими кодами усиливает внутреннее чувство принадлежности и укрепляет гордость за собственное происхождение. Эмпирические наблюдения показывают прямую зависимость между характером культурных кодов и уровнем идентичности субъектов. Среди наиболее значимых культурных кодов выделяются следующие категории (таблица 1).

Таким образом, практическое использование культурных кодов направлено на создание позитивного образа Владивостока как открытого, динамичного и притягательного города. Применяемые инструменты охватывают разные сферы: образование, туризм, творчество, социальное участие. Вместе они формируют сильную территориальную идентичность, необходимую для успешного развития и процветания города. Являются основой стратегий развития, повышающих привлекательность региона и укрепляющих его идентичность.

Сегодня город сталкивается с серьезными вызовами, связанными с глобализационными процессами. Международные экономические проекты, активное сотрудничество с Китаем, ведут к росту туристического потока и увеличению инвестиций. Тем не менее, существует риск утраты уникальной идентичности города под давлением мировых тенденций. Авторы отмечают важно сохранять баланс между открытостью миру и сохранением собственной идентичности, так как, именно уникальный культурный опыт отличает один город от другого.

Заключение

В заключение отметим, что культурные коды служат фундаментальным фактором формирования территориальной идентичности. Важно учитывать историю, этнокультурное наследие и символические практики региона при разработке стратегических планов его развития. Лишь гармонично объединяя собственные традиции с возможностями современного взаимосвязанного мира, город сможет стать привлекательным центром притяжения, как для самих жителей, так и для его гостей.

1. Артамонов, М. И. Происхождение славян. – Москва ЭКСМО, 2016. – 52 с.
2. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / пер. с франц. – Москва: Goodbook, 2020. – С. 112-125.
3. Гидденс, Э. Социальная теория и современность / пер. с англ. – Москва: Вече, 2021. – С. 67-74.
4. Луман, Н. Социальные системы / пер. с нем. – Санкт-Петербург: Наука, 2020. – 150 с.
5. Угринович, Д. М. Философия культуры. – Москва: Эдиториал УРСС, 2019. – С. 34-48.
6. Успенский, Б. А. Семиотика искусства. – Москва: Языки славянской культуры, 2021. – С. 248-249.

Сведения об авторах

Базылев Андрей Александрович, аспирант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

Метляева Татьяна Викторовна, канд. культурологии, доцент, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 656.6

РАЗВИТИЕ ИНТЕРМОДАЛЬНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ РОССИЯ – ЮЖНАЯ АМЕРИКА: ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ НА АЗИАТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

И.В. Барышевцев, бакалавр

Е.В. Тунгусова, канд. экон. наук, доцент кафедры ТПТ

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Статья посвящена анализу развития интермодальных транспортных коридоров между Россией и странами Южной Америки. Рассматриваются современные геополитические изменения, оказывающие существенное влияние на внешнеторговые связи и способствующие переориентации логистических потоков на азиатское направление. Целью работы является исследование существующих маршрутов и определение роли стран Азии в организации перевозок, а также сопоставление структуры экспорта и импорта России с ключевыми торговыми партнёрами в Южной Америке и Азии. В статье анализируются основные транспортные коридоры и выявляются факторы, сдерживающие их развитие. В результате формулируются выводы о целесообразности сохранения традиционных маршрутов Россия – Южная Америка, а также оценивается возможность их частичной или полной замены азиатскими направлениями в условиях усложнения торговых связей*

Ключевые слова: *Интермодальные перевозки, транспортные коридоры, логистика, Россия, Южная Америка, Азия, Бразилия, Китай, внешнеторговые связи, международные перевозки, переориентация торговли, геополитические изменения*

DEVELOPMENT OF INTERMODAL TRANSPORT CORIDORS RUSSIA – SOUTH AMERICA: REORIENTATION TO THE ASIAN DIRECTION

Abstract. *This article analyzes the development of intermodal transport corridors between Russia and South American countries. It examines current geopolitical shifts that are having a significant impact on foreign trade relations and contributing to the reorientation of logistics flows toward Asia. The aim of this study is to examine existing routes and determine the role of Asian countries in organizing transportation, as well as to*

compare the structure of Russia's exports and imports with its key trading partners in South America and Asia. The article analyzes the main transport corridors and identifies factors hindering their development. As a result, conclusions are drawn regarding the advisability of maintaining traditional Russia–South America routes, and the possibility of their partial or complete replacement by Asian routes is assessed in the context of increasingly complex trade relations

Keywords: *intermodal transportation, transport corridor, logistics, Russia, South America, Asia, Brazil, China, foreign trade relations, international transportation, trading reorientation, geopolitical shifts*

Современные мировые торговые маршруты формировались на протяжение столетий и окончательно оформились к нынешнему виду к концу двадцатого века. Всю историю существования человеческой цивилизации торговля шла рука об руку с политикой и наше время не исключение. События после 24 февраля 2022 года хорошо продемонстрировали насколько мировая торговля связана с геополитикой и насколько важна гибкость в адаптации к геополитическим изменениям. Россия, будучи крупной региональной державой, смогла адаптироваться к введенным ограничениям, экономика устояла, бизнес справился с обходами санкций, был налажен параллельный импорт и страна не оказалась в экономической изоляции. Устоять нам помогли в том числе наши ключевые торговые партнеры в Южной Америке и Азии, сегодня о них и поговорим.

Прежде чем говорить более предметно, необходимо рассмотреть основные понятия в области международных перевозок.

Основные понятия

Интермодальные перевозки – это система транспортировки грузов, в которой они перемещаются как минимум двумя различными видами транспорта, такими как грузовики, поезда, корабли или самолеты. Важная особенность интермодального транспорта – использование одной интермодальной транспортной единицы на протяжении всего процесса. Например, стандартизированный контейнер, цистерну или съемный кузов.

Пример интермодальной перевозки: перевозка грузов, импортируемых из Китая в Польшу. В этом процессе груз в контейнере обычно перевозится на грузовике от отправителя/производителя на перегрузочный терминал в Китае. Там контейнер перегружается на поезд, корабль или самолет, а затем в стране назначения перегружается на грузовик и доставляется получателю груза.

Отличия интермодальных перевозок от мультимодальных и смешанных: Интермодальные, мультимодальные и смешанные перевозки используют несколько видов транспорта, но различаются ответственностью и документацией.

Мультимодальные перевозки:

– ответственность: полную ответственность за весь маршрут несет один оператор;

– документы: единый договор и один транспортный документ (например, коносамент) на всю перевозку;

– управление – централизованное управление на всех этапах.

Интермодальные перевозки:

– документы – несколько договоров и документов (для каждого вида транспорта);

– ответственность – каждый перевозчик отвечает только за свой этап транспортировки согласно договору и сопроводительной документации;

– особенность – в большинстве случаев используется только одна транспортная единица (контейнер, цистерна, кузов), которая просто перегружается с одного вида транспорта на другой.

Смешанные (комбинированные) перевозки:

самый широкий термин, используется при перемещении груза минимум двумя видами транспорта**,** может включать в себя как интермодальную перевозку, так и мультимодальную.

Международные транспортные коридоры – это глобальные логистические сети или международные транспортные магистрали, которые служат основными связующими звеньями между государствами. Сочетают разнообразные способы перевозок для облегчения перемещения товаров и людей через границы и континенты.

К основным видам транспортных коридоров можно отнести: морские канала, проливы, транснациональные железнодорожные сети, шоссе и авиалинии. Они сформировались из исторических торговых маршрутов, например, известного Великого Шелкового пути, и продолжают развиваться и улучшаться, адаптируясь к вызовам глобализации и увеличивающемуся потреблению в перемещении ресурсов и услуг. В современном мире эти транспортные сети

несут критическую роль в укреплении торговых связей, уменьшении затрат на доставку и улучшении доступности экономических возможностей для различных регионов.

Глобальные транспортные коридоры можно разделить на категории с учетом нескольких факторов, включая типы транспорта, используемые для перемещений (морской, железнодорожный, автомобильный, воздушный), их географическое расположение (например, евразийские, трансатлантические, транспацифические) и основную функцию (перевозка грузов, пассажиров или оба). Важнейшие глобальные маршруты, такие как Новый Шелковый путь, создающий путь от Китая до Европы через Центральную Азию, Панамериканское шоссе, охватывающее территорию от Аляски до Огненной Земли и Транссибирская железная дорога, связывающая Западную Россию с ее восточными регионами, играют ключевую роль в поддержании и развитии международных торговых и экономических отношений.

Влияние на мировую экономику

Международные транспортные коридоры – это «артерии» мировой экономики, они оказывают прямое влияние на экономическое положение в мире. Если один из таких коридоров окажется закрыт (недавний пример: Ормузский пролив, который был заблокирован из-за конфликта в Иране), мировая экономика будет терять миллиарды долларов в сутки, торговля будет парализована, цены во всем мире резко вырастут. Пример с Ормузским проливом не случайный, один день блокировки этого пролива обходится мировой экономике в $7’000’000’000.

Блокировка Ормузского пролива иранскими силами в конце февраля-апреле 2026 года спровоцировала резкий рост цен: нефть марки Brent приблизилась к $100 за баррель. Стоимость дизельного топлива в мире взлетела на 17%, а европейские цены на газ увеличились на 30%, что вызвано неопределенностью поставок из региона Персидского залива.

Международная логистика (логистика внешнеторговых операций) — это планирование, организация, контроль и управление движением материального, финансового, информационного и других потоков, пересекающих национальные границы, от точки их возникновения до конечного потребителя в пространстве и времени.

Отличия применения логистики на национальном и международном уровнях основаны на отличиях организации соответствующих логистических систем. Применение логистики на национальном уровне лимитировано прежде всего границами государства, которые не пересекаются сформированными логистическими цепями. Логистические системы здесь функционируют в соответствии с национальным законодательством. Применение логистики на международном уровне предполагает пересечение национальных границ стран, в связи с чем в первую очередь и возникают отличия.

Логистические цепочки – это сложная, линейно-упорядоченная и жестко структурированная последовательность физических и юридических лиц, участвующих в перемещении товаров и людей от точки А до точки В. В условиях глобализации такие цепочки пересекают границы государств и регламентируются международными нормами. Существует также понятие «транзитное государство». Транзитное государство не является ни производителем, ни конечным потребителем товара, но обеспечивает его перемещение через свою территорию.

Роль транзитных стран:

– инфраструктурная поддержка – предоставляют дороги, воздушное пространство, территориальные воды, национальные железнодорожные сети;

– консолидация и переработка – на территориях таких стран часто расположены транспортные хабы, обеспечивающие складирование, упаковку и маркировку груза;

– таможенное оформление – один из минусов, часто транзитные страны требуют отдельные документы и взымают плату за провоз груза по своей территории;

– экономическое и политическое развитие – сотрудничество в сфере транзита товаров и услуг обеспечивает дружественные отношения между странами-участниками и повышает экономическое и инфраструктурное развитие транзитной страны.

Современные международные транспортные коридоры России

Россия, благодаря размерам территории и выгодному географическому положению, имеет большое количество как действующих, так и потенциальных транспортных коридоров для международной торговли.

На момент 2026 года наша страна имеет шесть основных, самых крупных транспортных коридоров: «Приморье 1», «Приморье 2», Азово-Черноморское направление, Северный морской путь (СМП), Восточный полигон («БАМ» и «Транссиб»), МТК «Север – Юг ».

«Приморье 1» и «Приморье 2»: Международные транспортные коридоры, обеспечивающие связь северо-восточных провинций Китая с морскими портами Приморского края.

Азово-Черноморское направление: развитие портовой инфраструктуры на юге для связи с Турцией, странами Ближнего Востока и Африки.

Северный морской путь (СМП): потенциально главный коридор для экспорта углеводородов и грузов из Северной Европы в Азию, интегрированный в Северный морской транзитный коридор.

Восточный полигон («БАМ» и «Транссиб»): Главная железнодорожная артерия для экспорта грузов на Восток. В 2026 году продолжается модернизация для увеличения пропускной способности в сторону Китая и портов Дальнего Востока.

Переориентация транспортных потоков России на азиатское направление.

Развитие транспортных связей России с Южной Америкой все больше зависит не от прямых маршрутов, а от интеграции России в азиатские логистические сети.

После 2022 года произошло значительное изменение географической схемы внешнеторговых перевозок России. Основной акцент был смещен на азиатское направление, прежде всего на Китай. В 2023 году товарооборот России и Китая достиг рекордных 240,1 млрд долларов, а в 2024 году увеличился до 244,8 млрд. долларов. Рост внешнеторгового оборота привел к увеличению нагрузки на транспортную инфраструктуру восточного направления. В 2023 году объем только ж\д перевозок между Россией и Китаем достиг 161 млн тонн, что на 36% превысило показатели 2022 года. Одновременно усилилось значение дальневосточных транспортных узлов. В 2023 году товарооборот Дальнего Востока России со странами АТР составил около 47 млрд долларов, а объем обработки импортных контейнеров достиг 669 тысяч единиц.

Чтобы сохранить торговые связи с Южной Америкой, России необходим ее ключевой торговый партнер – Китай, который с 2024 года вернулся к активному развитию логистической инфраструктуры в Южной Америке, включая открытие глубоководного порта «Чанкай» (Puerto de Chancay) в Перу, который поспособствует формированию новых транспортных цепочек между Азией и странами Латинской Америки.

Ключевым торговым партнером России в Южной Америке была и остается Бразилия на которую, по данным за 2023 год, приходилось около 48% всего товарооборота между Россией, Латинской Америкой и странами Карибского бассейна. По итогам 2023 года товарооборот России и Бразилии, несмотря на санкционные ограничения, достиг рекордных 11 млрд долларов. В декабре 2023 года товарооборот РФ и Бразилии вырос в 1,8 раза, впервые достигнув 1,6 млрд долларов за месяц.

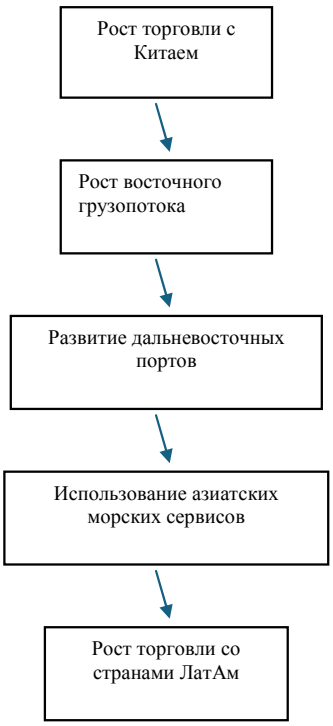
В первой половине 2024 года российско-бразильский товарооборот увеличился еще на 22% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года.

Таблица 1

Ключевые статистические показатели

Показатель	Значение
Товарооборот РФ-Китай (2023)	$240,1 млрд
Ж\Д перевозки РФ-Китай	161 млн т
Доля Бразилии в торговле РФ с ЛатАм	48%
Товарооборот РФ-Бразилия (2023)	$11млрд
Рост торговли с Бразилией (2023-2024)	+22%
Рекордный месячный товарооборот	$1,6 млрд

Таким образом, можно построить готовую логистическую цепь, которая связывает Россию со странами Латинской Америки:

Проблемы и ограничения развития интермодальных транспортных коридоров Россия – Южная Америка.

Инфраструктурные ограничения восточного направления

Российская транспортная сеть до 2022 года была практически полностью ориентирована на торговлю с Западом. Резкая смена маршрутов и растущая нагрузка на транспортные коридоры, вызвали острый запрос на модернизацию и развитие инфраструктуры БАМа, Транссиба и дальневосточных портов. Россия столкнулась с внутренней проблемой международных перевозок – недостаточно развитой инфраструктурой.

На момент конца 2022 года провозная способность Восточного полигона (БАМа и Транссиба) составляла около 158 млн тонн, что оказалось недостаточно для необходимого объема перевозок.

В связи с этим: увеличились сроки доставки грузов, возникли задержки контейнеров, кратно возросли логистические издержки

На момент 2026 года провозная способность составляет 180-190 млн тонн грузов в год, что значительно упростило внешнюю торговлю. Несмотря на значительное увеличение провозной способности, инфраструктуры и количества единиц обслуживающего транспорта все еще недостаточно для бесперебойной торговли. Если ж\д пути и федеральные трассы справляются с объемом перевозок, то морской транспорт перегружен. Контейнерооборот портов Дальневосточного бассейна РФ по итогам 2025 года составил 2,33 млн TEU, снизившись на 13% (относительно 2024 года) в связи с нехваткой обслуживающего транспорта.

Железнодорожные перевозки взяли на себя часть нагрузки, и на данный момент демонстрируют устойчивый рост. За 2024 год перевозки ж\д транспортом увеличились на 9%, превысив отметку в 290 млн тонн. В 2025 рост продолжился и увеличился на 5,9% относительно 2024 года, составив примерно 307,11 млн тонн.

Высокая зависимость от морского транспорта

Как уже упоминалось, значительные трудности существуют именно в сфере морских перевозок. Рассматривая торговлю между континентами, даже с учетом маршрутов перевозки через Китай, Россия сталкивается с недостатком судов и очень большим расстоянием перевозки.

Следовательно: из-за высокого спроса, растет стоимость фрахта, увеличенный срок ожидания груза, зависимость от мировых контейнерных линий и торговых путей (например, Панамский канал).

Недостаток прямых транспортных путей

К сожалению, Россия и Латинская Америка не имеют прямых коротких транспортных коридоров между друг другом, поэтому всегда приходится торговать с участием третьих стран, например: Индия, Турция, Китай, страны Ближнего Востока. Это увеличивает стоимость перевозок, а также увеличивает время транспортировки.

Рост логистических издержек

После событий февраля 2022 года, Россия потеряла многих торговых партнеров, а многие транспортные коридоры и транзитные страны оказались закрыты. Изменение привычной структуры перевозок привело к увеличению транспортных и страховых расходов, а также усложнило организацию международных расчетов и логистических операций.

Таким образов, развитие интермодальных транспортных коридоров Россия – Южная Америка сопровождается рядом инфраструктурных, организационных и экономических ограничений. Основными проблемами остаются высокая нагрузка на восточное направление, зависимость от морских перевозок и недостаточное развитие прямых транспортно-логистических сервисов.

Перспективы развития интермодальных транспортных коридоров Россия – Южная Америка через страны Азии

Развитие транспортного сообщения между Россией и Южной Америкой невозможно рассматривать в отрыве от развития внутренней транспортной инфраструктуры России, а также в отрыве от развития торговых отношений с Китаем.

Развитие инфраструктуры восточного направления

Выше мы уже рассматривали тему модернизации Восточного полигона (Транссиб и БАМ), там мы говорили о его провозной способности в текущем году, однако планы по его модернизации рассчитаны до 2032 года. Если в нынешнем году провозная способность составляет 180–190 млн тонн грузов в год, то к 2030 объем планируется увеличить до 210 млн тонн, а в 2032 до 270 млн тонн грузов в год.

Расширение портов Дальнего Востока России является приоритетной целью развития инфраструктуры на территории ДФО. Ожидается, что наибольший прирост портовых мощностей получат 5 ключевых портов ДФО, а именно:

– Порт «Восточный» (Находка): расширение мощностей, развитие единственного глубоководного порта региона

– Ванино (Хабаровский край): развитие портовой инфраструктуры, создание мощностей по перевалке угля.

– Владивосток: модернизация, строительство новых терминалов, в том числе для развития контейнерных перевозок

– Корсаков (Сахалинская область): модернизация порта, строительство новых терминалов, в том числе развитие контейнерных перевозок

– Анадырь (Чукотка): модернизация, включен в число приоритетных объектов.

Планы модернизации делятся на 2 основных этапа:

1. До 2030 года
2. До 2036 года

Основным документом является нацпроект «Эффективная транспортная система», который стартовал в 2025 году.

К началу 2025 года базовая мощность всех портов Дальнего Востока составляла около 380 млн тонн.

К 2030 планируется увеличить мощность до 465-500 млн тонн.

К 2036 планируется рост мощностей еще на 136-166 млн тонн относительно 2030 года.

Развитие контейнерных и мультимодальных перевозок

Повышение эффективности перевозок возможно за счет дальнейшего развития интермодальных и мультимодальных логистических схем, обеспечивающих интеграцию железнодорожного и морского транспорта в единую транспортную систему.

Расширение сотрудничества с Азиатскими странами

В случае продолжения эффективного и взаимовыгодного сотрудничества между Россией и странами АТР, мы сможем эффективно продолжать торговлю со странами Южной Америки

через азиатские логистические платформы и иметь доступ к развитой морской и контейнерной инфраструктуре Азии.

Цифровизация транспортной логистики

Дополнительным фактором повышения эффективности интермодальных перевозок является внедрение цифровых технологий, включая электронный документооборот и собственные системы мониторинга грузопотоков.

Реализация указанных направлений позволит повысить устойчивость международных транспортных коридоров, снизить логистические издержки и укрепить транспортно-экономические связи России со странами АТР и Южной Америки.

Заключение

В современных условиях нестабильности и изменения мировой логистики особое значение приобретает развитие интермодальных транспортных коридоров, обеспечивающих связь России с Азией и Южной Америкой.

В ходе работы было установлено, что после 2022 года произошло существенное смещение российских внешнеторговых и транспортных потоков с Европейское на Азиатское направление. Что в свою очередь привело к усилению роли Дальнего Востока, железнодорожных маршрутов и азиатских морских логистических сетей.

Развитие торгово-экономических связей России со странами Латинской Америки все в большей степени зависит от использования азиатской транспортной инфраструктуры и интермодальных цепочек поставок грузов. Несмотря на существенные ограничения инфраструктуры и нехватки мощностей, проекты по модернизации дальневосточных портов, Восточного полигона и ветвей железных дорог позволяют прогнозировать расширение международного сотрудничества в сфере торговли между Россией, странами АТР и Южной Америкой.

Таким образом, развитие интермодальных транспортных коридоров через азиатское направление, является ключевым фактором укрепления внешнеэкономической интеграции России в Азиатские и Южно-американские рынки.

1. Голубчик А.М., Пак Е.В. New logistics of Russia’s foreign Trade and Induced Problem of identifying the Carrier’s Status» // Новая логистика во внешней торговле России и вызванная этим проблема статуса перевозчика, 2024.

2. Трансформация грузоперевозок: тенденции и перспективы развития российско-китайского транспортного коридора // «Экономика Профессия Бизнес», 2025.

3. Карчевникова А.О. Features of transportation of export-import goods between Latin American countries and Russia» // Особенности перевозки экспортно-импортных грузов между странами Латинской Америки и России. 2024.

4. Голубчик А.М., Холопов К.В. Проблемы и направления интеграции России в международные транспортные системы // Российский внешнеэкономический вестник. 2011.

5. Титова С.С., МакуринаВ.М., Карпова А.И., Смольянинов А.В. Научные основы создания и функционирования международных транспортных коридоров на территории России / 2021

6. Плачинда Л. Ю., Феномен глобальной фрагментации. // Новые императивы трансконтинентального сотрудничества Евразии и Латинской Америки», 2023. https://ru.investing.com/news/commodities-news/article-3133502 https://www.logistic-service.biz/info/articles/chto-takoe-mezhdunarodnye-transportnye-koridory https://customsolutions.ru/blog/smeshannye-multimodalnye-intermodalnye-razbiraemsya-v-terminakh-gruzoperevozok/ https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg https://www.mintrans.gov.ru/eye/press-center/news/10898 https://mintrans.gov.ru/ https://cargo.rzd.ru/ https://vostport.ru/info/

Сведения об авторах

Барышевцев Илья Валентинович, бакалавр, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

Тунгусова Елена Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры ТПТ, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 332.142.2

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ВКЛАДА РЕЖИМА СВОБОДНЫЙ ПОРТ ВЛАДИВОСТОК В РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

А.Г. Березникова, аспирант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье рассматривается проблема оценки эффективности режима свободный порт Владивосток (СПВ). Автором предлагается методика, состоящая из 5 блоков и 25 показателей, операционализирующих цели ФЗ об СПВ. Апробация методики на данных 2020–2024 гг. выявила низкую фискальную эффективность, высокую долю проблемных резидентов. На основании этого обоснованы приоритетные направления совершенствования управления режимом: ужесточение прединвестиционного фильтра и внедрение KPI для управляющей компании*

Ключевые слова: *свободный порт Владивосток, особая экономическая зона, экономико-правовой режим, региональное развитие, оценка эффективности, налоговые льготы*

A MODERN APPROACH TO ASSESSING THE CONTRIBUTION OF THE VLADIVOSTOK FREE PORT REGIME TO REGIONAL DEVELOPMENT

Abstract. *The article examines the problem of evaluating the efficiency of the Free Port of Vladivostok (FPV) regime. The author proposes a methodology consisting of 5 blocks and 25 indicators that operationalize the goals of the Federal Law on the FPV. Testing of the methodology on 2020–2024 data revealed low fiscal efficiency and a high share of problematic residents. On this basis, priority directions for improving the management of the regime are substantiated: stricter pre-investment screening and the introduction of KPIs for the management company.*

Keywords: *Free Port of Vladivostok, special economic zone, economic-legal regime, regional development, efficiency evaluation, tax incentives.*

Введение

Одним из ключевых инструментов социально-экономического развития Дальнего Востока, созданным в 2015 году, является режим свободный порт Владивосток (СПВ). В отличие от классических ОЭЗ или ТОР, СПВ относится к институциональной (средовой) модели: государство не вкладывает бюджетные средства в инфраструктуру, а предоставляет налоговые и административные преференции [1]. Однако, как показал анализ, по прошествии почти десяти лет работы режима возникла необходимость в пересмотре подходов к оценке его реального вклада в региональное развитие[2].

Актуальность исследования обусловлена сохраняющимися на Дальнем Востоке пространственным неравенством, депопуляцией и сырьевой структурой экономики. Проведённый нами анализ выявил серьёзные недостатки: реализовано лишь 28,1% от заявленных инвестиций, отдача с 1 рубля предоставленных льгот снизилась в 9 раз, резиденты нередко переходят к рентной модели поведения. Существующая методика оценки (Постановление Правительства РФ № 199) [3] фокусируется исключительно на фискальной отдаче, оставляя без измерения такие стратегические цели, как интеграция в АТР, создание высокотехнологичных производств и повышение качества жизни[4].

Цель исследования – разработка методического инструментария оценки эффективности режима СПВ, позволяющего измерять его вклад в региональное развитие. Для достижения цели решались следующие задачи: 1) провести анализ действующих методик оценки режимов в РФ и за рубежом; 2) разработать авторскую методику оценки эффективности СПВ, учитывающую цели создания и устраняющую выявленные недостатки, действующей методики; 3) апробировать авторскую методику на данных 2020–2024 гг.; 4) обосновать направления совершенствования государственной политики управления режимом СПВ.

Основная часть

В работе использованы методы сравнительного и системного анализа, экономико-статистические методы, методы построения индексов. Информационной базой послужили публичные отчёты АО «КРДВ» [5], агрегированные данные ФНС и Минфина России (система «Эффективность льгот») [6], таможенная статистика ФТС, данные Росстата и Примросстата, а также база данных «Руспрофайл». Дополнительно по согласованию с АО «КРДВ» были получены внутренние данные для апробации.

Ключевым выводом сравнительного анализа российских и зарубежных методик (Китай, Корея, Бразилия) [7, 8, 9] стало следующее: утверждённые в РФ подходы непригодны для измерения достижения стратегических целей СПВ. В зарубежных аналогах, напротив, присутствуют показатели качества жизни, экологической составляющей и чёткие управленческие последствия (неэффективные зоны подлежат закрытию).

Логика авторской методики строится на четырёх принципах: 1) целевая привязка (система показателей производна от пяти целей ст. 1 ФЗ № 212-ФЗ); 2) комплексность (учёт социальных эффектов и институциональной среды); 3) учёт пространственной поляризации (ядро – Приморский край, периферия); 4) риск-ориентированность (двухуровневый фильтр для выявления рентного поведения) (рис. 1.).

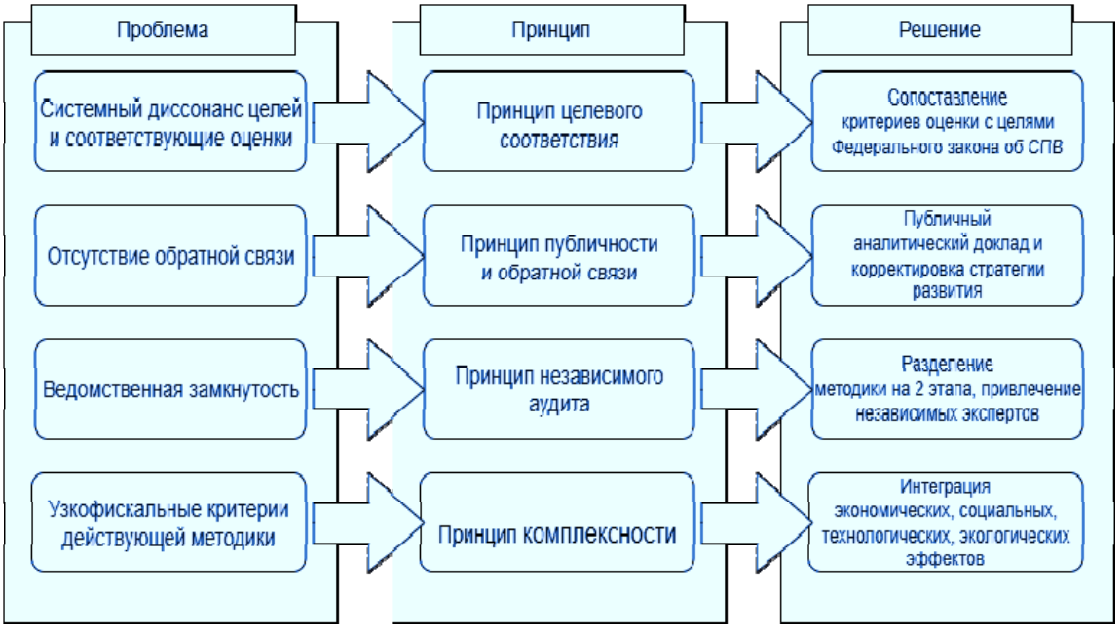

Рис. 1. Логика разработки методики оценки СПВ

Разработанная методика базируется на пяти стратегических целях, закреплённых в ст. 1 Федерального закона № 212-ФЗ. Каждой цели соответствует тематический блок показателей: институциональная среда, геоэкономический потенциал, международная торговля, высокотехнологичные производства, социально-экономическое развитие. Всего используется 25 конкретных индикаторов, для каждого из которых установлены пороговые значения («хорошо», «удовлетворительно», «плохо»).

Блок 1 (институциональная среда) оценивается через индекс благоприятности деловой среды СПВ (ИБС-СПВ). Шкала: 80–100 баллов – очень благоприятная среда, 60–79 – умеренно благоприятная, 40–59 – нейтральная, ниже 40 – неблагоприятная.

Блок 2 (геоэкономический потенциал и интеграция в АТР) включает динамику грузооборота портов (целевой темп роста ≥5% в год), долю транзита через инфраструктуру СПВ (ориентир ≥25%) и объём привлечённых прямых иностранных инвестиций из стран АТР (норматив ≥500 млн долл. США).

Блок 3 (международная торговля) оперирует показателями экспорта резидентов в страны АТР (доля в региональном экспорте ≥30% – хорошо), долей экспорта продукции обрабатывающей промышленности (≥30%) и количеством предприятий с иностранным капиталом из АТР среди резидентов (≥10%).

Блок 4 (высокотехнологичные производства) отслеживает число полученных патентов (≥50 накопленных – хорошо), количество высокотехнологичных производств (≥100), капиталоёмкость создания одного рабочего места (≥5 млн руб./место) и пространственное распределение капвложений (доля периферии в общем объёме инвестиций ≥30%).

Блок 5 (социально-экономическое развитие) включает коэффициент фискальной эффективности (КФЭ ≥1 – хорошо), индекс качества рабочих мест (≥1,2), долю резидентов в налоговых доходах региона (≥10%), а также показатели доступности жилья, квалификационной структуры занятых и сравнительные темпы роста периферийных регионов по отношению к региону-ядру (Приморский край). Для каждого показателя заданы измеримые целевые ориентиры, что позволяет однозначно классифицировать результат и формировать управленческие решения.

В таблице 1 приведены ключевые отличия от официальной методики.

Таблица 1

Сравнение утвержденной и авторской методик оценки эффективности СПВ

Критерий	Официальная методика	Авторская методика
Связь с целями закона	Системный диссонанс	Прямая операционализация: 5 целей → 25 показателей
Перечень показателей	6 финансовых показателей	25 показателей (индекс деловой среды, капиталоёмкость рабочих мест, пространственное распределение и др.)
Учёт социальных эффектов	Отсутствует	Индекс качества рабочих мест, доступность жилья, квалификационная структура
Пространственный анализ	Не предусмотрен	Блок 5.3: доли периферии, темпы роста, показатели на душу населения
Механизм обратной связи	Отсутствует	Жёсткая увязка: от предписаний до расторжения соглашений
Независимость оценки	Ведомственная замкнутость	Независимый аудит (ФАНУ «Востокгосплан») и публичные доклады

Результаты апробации

Апробация методики на фактических данных 2020–2024 гг. позволила получить следующие результаты.

1. Институциональная среда. Индекс благоприятности деловой среды (ИБС-СПВ) составил 42,9 балла из 100 (нейтральный уровень). Инвестиционная активность резидентов (доля капвложений СПВ в общих инвестициях региона) – лишь 10,5 балла. Информационная прозрачность сайта КРДВ – 41,7 балла. При этом институциональная стабильность (отсутствие судебных исков) – 97,8 балла. Вывод: конфликтов мало, но прозрачность и инвестиционная активность низкие.

2. Проблемные резиденты. Более 40% резидентов раннего пула (включённых в реестр в 2016–2019 гг.) к 2024 году либо прекратили существование, либо не приступили к реальной деятельности. Государство предоставило им льготы и земельные участки без торгов, но не получило взамен заявленных инвестиций, рабочих мест и налогов.

3. Фискальная эффективность. Коэффициент фискальной эффективности (КФЭ) = 0,647. Это означает, что на 1 рубль предоставленных льгот приходится лишь 0,65 рубля уплаченных налогов. Однако с учётом неучтённых таможенных платежей и возможного завышения оценки льгот реальное значение может быть несколько выше.

4. Качество рабочих мест. Индекс качества рабочих мест (компромиссный сценарий) – 0,912, т.е. зарплата резидентов практически сопоставима со средней по региону. Капиталоёмкость одного рабочего места выросла до 28,4 млн рублей в 2023 году, что указывает на переход к более технологичным проектам с отложенным эффектом занятости.

5. Коэффициент доступности жилья. Коэффициент относительной доступности жилья (компромиссный сценарий) – 0,912, что означает практически сопоставимую доступность жилья для сотрудников резидентов СПВ и в среднем по региону. В зависимости от метода оценки заработной платы показатель варьируется от 0,586 до 1,237, что указывает на отсутствие устойчивых жилищных преимуществ в рамках режима.

6. Пространственное распределение. Приморский край остаётся ядром (более 80% инвестиций и рабочих мест). В то же время периферийные регионы (Чукотка, Сахалин) демонстрируют более высокие темпы роста – зарождающиеся эффекты распространения.

На основе апробации сформулированы две группы мер.

Первое направление – ужесточение прединвестиционного фильтра. Рекомендуется: требовать документальное подтверждение финансовой состоятельности заявителя (выписки о собственных средствах, банковские гарантии, кредитные договоры); рассчитывать прогнозные показатели эффективности (рентабельность, срок окупаемости, инвестиционный мультипликатор) до получения статуса; ввести коэффициент дополнительности инвестиций (новые вложения после получения статуса должны превышать средний объём инвестиций компании за предыдущие три года); для экологически значимых проектов – обязательная экологическая оценка.

Второе направление – повышение ответственности управляющей компании. Введение KPI для АО «КРДВ» (например, доля резидентов, не приступивших к деятельности через три года после включения в реестр, не должна превышать установленного порога). Внедрение этих мер позволит снизить долю проблемных резидентов с текущих 42% до 15–20%, повысить фискальную отдачу от льгот и восстановить доверие к режиму СПВ.

Заключение

Предложенная двухкомпонентная методика позволяет перейти от узкофискального учёта к системному измерению реального вклада СПВ в региональное развитие. Апробация подтвердила её работоспособность и выявила конкретные дефициты: низкую инвестиционную активность, высокую долю проблемных резидентов, недостаточную прозрачность. Предложенные меры направлены на устранение этих дефицитов. Результаты исследования представлены в АО «КРДВ» и могут быть использованы при корректировке Постановления Правительства № 199.

1. Березникова А. Г. Понятийный аппарат и классификация особых экономико-правовых режимов в Российской Федерации // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. – 2026. – Т. 18, № 1. – С. 18-28. – DOI 10.29039/2949-1258/2026-1/018-028. – EDN MCLAYU.
2. Березникова А. Г. Диссонанс стратегических целей и фактических результатов функционирования свободного порта Владивосток: эмпирический анализ // Вестник Академии знаний. – 2026. – № 2(73). – С. 84-88. – EDN QWBCST.
3. Федеральный закон от 13.07.2015 № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток».
4. Постановление Правительства РФ от 16.03.2021 № 199 «Об утверждении методики оценки эффективности функционирования свободного порта Владивосток».
5. Отчеты о деятельности // Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики (КРДВ): официальный сайт. – URL: https://erdc.ru/about/reports/ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов Текст: электронный // Министерство финансов Российской Федерации: официальный сайт. – 2025. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=314027-osnovnye_napravleniya_byudzhetnoi_nalogovoi_i_tamozhenno-tarifnoi_politiki_rossiiskoi_federatsii_na_2026_god_i_na_planovyi_period_2027_i_2028_godov
6. Free Economic Zones and Firm Performance: Evidence from Korea Текст: электронный // KDI Journal of Economic Policy. – 2025. – Vol. 47, No. 2. – P. 81-97. – URL: https://doi.org/10.23895/kdijep.2025.47.2.81
7. Министерство науки и технологий Китайской Народной Республики. Уведомление Министерства науки и технологий о выпуске «Комплексной системы индексов оценки для национальных зон высокотехнологичного промышленного развития» Текст: электронный : [пер. с кит.] : № 106 (2021) от 22.04.2021. – URL: https://www.most.gov.cn/xxgk/xinxifenlei/fdzdgknr/fgzc/-gfxwj/gfxwj2021/202104/t20210429_174232.html
8. Министерство экономики Бразилии, Организация Объединённых Наций по промышленному развитию (ЮНИДО). Министерство экономики и ЮНИДО публикуют оценку воздействия Зоны по переработке экспортной продукции Сеара Текст: электронный: [пер. с португ.]: 09.10.2024. – URL: https://www.gov.br/mdic/pt-br/assuntos/zpe/publicacoes/avaliacao-dos-impactos-da-zpe-ceara/ministerio-da-economia-e-unido

Сведения об авторе

А.Г. Березникова, аспирант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 656.6

ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ТРАНСПОРТНЫХ КОМПАНИЙ НА РЫНКЕ ПАССАЖИРСКИХ ПЕРЕВОЗОК С УЧЕТОМ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В.Ю. Берлинская, бакалавр

Д.Ю. Юхновец, бакалавр

Е.В. Тунгусова, канд. экон. наук, доцент кафедры ТПТ

Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

Аннотация. *В статье исследуются механизмы повышения конкурентоспособности транспортных компаний, осуществляющих пассажирские перевозки, посредством внедрения инструментов искусственного интеллекта (ИИ). На основе комплексного анализа отечественного и зарубежного опыта рассмотрены ключевые направления применения искусственного интеллекта: автоматическая маршрутизация, предиктивная аналитика технического состояния флота, динамическое ценообразование и управление клиентским опытом. Представлены актуальные статистические данные о динамике рынка пассажирских перевозок (2019-2024 гг.) и экономическом эффекте от цифровизации. Проведен сравнительный анализ конкурентных позиций компаний, использующих и не использующих ИИ-решения. Сформулированы практические рекомендации по поэтапному внедрению технологий искусственного интеллекта в операционные процессы транспортных предприятий с оценкой ожидаемого экономического эффекта.*

Ключевые слова: *конкурентоспособность транспортных компаний; пассажирские перевозки; искусственный интеллект; машинное обучение; динамическое ценообразование; предиктивная аналитика; цифровая трансформация; логистика.*

INCREASING THE COMPETITIVENESS OF TRANSPORT COMPANIES IN THE PASSENGER TRANSPORTATION MARKET, TAKING INTO ACCOUNT THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TOOLS

Abstract. *The article examines mechanisms for improving the competitiveness of passenger transportation companies through the implementation of artificial intelligence (AI) tools. Based on a comprehensive analysis of domestic and international experience, the key areas of AI application are considered: intelligent routing, predictive fleet condition analytics, dynamic pricing, and customer experience management. Current statistical data on passenger transportation market dynamics (2019-2024) and the economic impact of digitalization are presented. A comparative analysis of the competitive positions of companies using and not using AI solutions was conducted. Practical recommendations for the phased implementation of artificial intelligence technologies in the operational processes of transport enterprises are formulated with an assessment of the expected economic effect*

Keywords: *competitiveness of transport companies; passenger transportation; artificial intelligence; machine learning; dynamic pricing; predictive analytics; digital transformation; logistics*

Современный рынок пассажирских перевозок претерпевает глубокую трансформацию под воздействием двух взаимосвязанных процессов: ужесточения конкуренции со стороны цифровых агрегаторов и каршеринговых сервисов, а также стремительного развития технологий искусственного интеллекта. По данным McKinsey Global Institute, к 2030 году решения на базе искусственного интеллекта способны генерировать до 180 млрд долларов США дополнительной стоимости в транспортном секторе, причем значительная ее часть придется именно на сегмент пассажирских перевозок.

Отечественные транспортные компании, которые исторически были ориентированы на экстенсивные модели развития: наращивание парка и увеличение численности персонала, оказались в ситуации системного давления. Пассажиропоток, за исключением отдельных

периодов восстановления после пандемии COVID-19, не обеспечивает достаточной доходности при традиционных операционных подходах. В 2023 году рентабельность продаж среднестатистической российской транспортной компании в сегменте автобусных и железнодорожных перевозок составляла 3,2-4,8%, что существенно ниже показателей европейских компаний-лидеров отрасли (7-12%).

Именно в этом контексте применение инструментов искусственного интеллекта приобретает стратегическое значение: речь идет не о технологическом тренде, а о фундаментальном сдвиге в источниках конкурентного преимущества. Компании, освоившие предиктивную аналитику, интеллектуальное управление маршрутами и персонализацию клиентского опыта, демонстрируют принципиально иные операционные и финансовые результаты по сравнению с теми, кто придерживается традиционных моделей управления.

Целью настоящего исследования является обоснование механизмов повышения конкурентоспособности транспортных компаний на рынке пассажирских перевозок посредством систематизации и оценки эффектов от внедрения инструментов искусственного интеллекта (далее – ИИ). Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: анализ конкурентной среды рынка пассажирских перевозок; систематизация инструментов ИИ, применяемых в транспортной отрасли; количественная оценка экономического эффекта от цифровизации; разработка практических рекомендаций по поэтапному внедрению ИИ-решений.

Конкурентная среда рынка пассажирских перевозок: современное состояние

Рынок пассажирских перевозок России характеризуется высокой степенью фрагментации и усиливающимся конкурентным давлением. По данным Росстата, в 2024 году на рынке функционировало свыше 14 200 организаций, осуществляющих перевозки пассажиров автомобильным транспортом, при этом 68% из них относились к категории малого бизнеса. Подобная структура создает специфическую конкурентную динамику: крупные игроки конкурируют как с традиционными перевозчиками, так и с принципиально новыми форматами: платформами агрегации поездок, корпоративными шаттлами и интегрированными мобильными сервисами.

Аналитический обзор конкурентных факторов рынка пассажирских перевозок (2022-2024 гг.) представлен в таблице 1. Данные свидетельствуют о том, что параметры стоимостной конкуренции приближаются к точке исчерпания: дальнейшее снижение тарифов в условиях роста цен на топливо и запасные части невозможно без ущерба для рентабельности. Следовательно, конкурентное преимущество должно формироваться в иных плоскостях – качества, надежности и персонализации услуги.

Таблица 1

Динамика ключевых конкурентных факторов рынка пассажирских перевозок в России (2022-2024 гг.)

Конкурентный фактор	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Источник
Средний тариф на автобусный маршрут, руб./км	3,1	3,6	4,1	[3]
Индекс удовлетворенности пассажиров (CSI), балл (1–10)	6,4	6,7	6,9	[4]
Средний возраст парка транспортных средств, лет	9,2	8,7	8,1	[3]
Доля цифровых продаж билетов, %	31	44	57	[5]
Доля задержек рейсов свыше 10 мин., %	18,4	16,2	14,3	[4]
Конкурентный фактор	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Источник
Число жалоб на 1 000 пассажиров	12,1	10,7	9,3	[4]

Наиболее динамичным показателем выступает доля цифровых продаж: ее рост с 31% до 57% за два года свидетельствует о кардинальном изменении потребительского поведения. Пассажиры, привыкшие к удобству цифровых сервисов в других отраслях – банковской, розничной торговле, предъявляют аналогичные требования к транспортным компа-

ниям. Это формирует технологический разрыв: компании, не располагающие соответствующей цифровой инфраструктурой, утрачивают не только эффективность операций, но и прямой контакт с клиентом.

Другой критической тенденцией является нарастающая ассиметрия данных: крупные цифровые платформы накапливают детальную информацию о предпочтениях пассажиров, маршрутных паттернах и ценовой чувствительности, тогда как традиционные перевозчики нередко лишены даже базовой аналитики по загруженности рейсов. Данная ассиметрия превращается в ключевой источник конкурентного неравенства, устранить которое без применения инструментов ИИ практически невозможно.

Инструменты искусственного интеллекта в пассажирских перевозках: систематизация и распространенность

Понятие «инструменты искусственного интеллекта» в контексте транспортной отрасли охватывает широкий спектр технологических решений: от алгоритмов машинного обучения, используемых для прогнозирования спроса, до нейронных сетей, лежащих в основе систем компьютерного зрения для мониторинга технического состояния подвижного состава. В целях настоящего исследования предлагается следующая классификация ИИ-инструментов применительно к пассажирским перевозкам по функциональному признаку.

Первую группу образуют системы интеллектуальной маршрутизации и планирования. Они используют алгоритмы оптимизации (в том числе генетические алгоритмы и методы имитационного отжига) в сочетании с нейросетевыми моделями прогнозирования пассажиропотока для динамического формирования расписания. Практика применения показывает, что использование таких систем позволяет снизить холостой пробег на 12-18%, что непосредственно транслируется в снижение операционных затрат.

Вторую группу составляют системы предиктивного технического обслуживания (Predictive Maintenance). На основе данных телематики и IoT-датчиков алгоритмы машинного обучения выявляют аномалии в работе агрегатов транспортного средства до наступления отказа. Анализ опыта европейских автобусных компаний показывает, что внедрение предиктивной аналитики технического обслуживания (далее – а ТО снижает незапланированные простои на 27-35% и сокращает расходы на техническое обслуживание на 15-22%.

Третья группа – системы динамического ценообразования: адаптирует стоимость билетов в режиме реального времени с учетом текущего и прогнозируемого спроса, заполняемости транспортного средства, времени суток и специальных событий. Модели динамического ценообразования, ставшие стандартом в авиаотрасли, постепенно проникают и в наземный пассажирский транспорт: по оценкам KPMG, их применение позволяет увеличить выручку на 8-14% без изменения производственных мощностей.

Четвертую группу формируют системы управления клиентским опытом – чат-боты на базе больших языковых моделей (LLM), системы персонализированных рекомендаций и предиктивные сервисы оповещения пассажиров об изменениях в расписании. Их ценность состоит не только в снижении нагрузки на контакт-центры, но и в формировании устойчивой лояльности, которая, по данным исследований, увеличивает пожизненную ценность клиента (LTV) в среднем на 20-30%.

Данные, отраженные на рисунке 1, свидетельствуют о стремительном росте проникновения ИИ-инструментов в операционные процессы транспортных компаний. Особенно показательна динамика интеллектуальной маршрутизации: за два года доля компаний, применяющих данный инструмент, возросла с 28% до 47%. Вместе с тем следует констатировать, что сохраняется значительный разрыв между лидерами цифровизации и компаниями, находящимися на ранних этапах технологической трансформации.

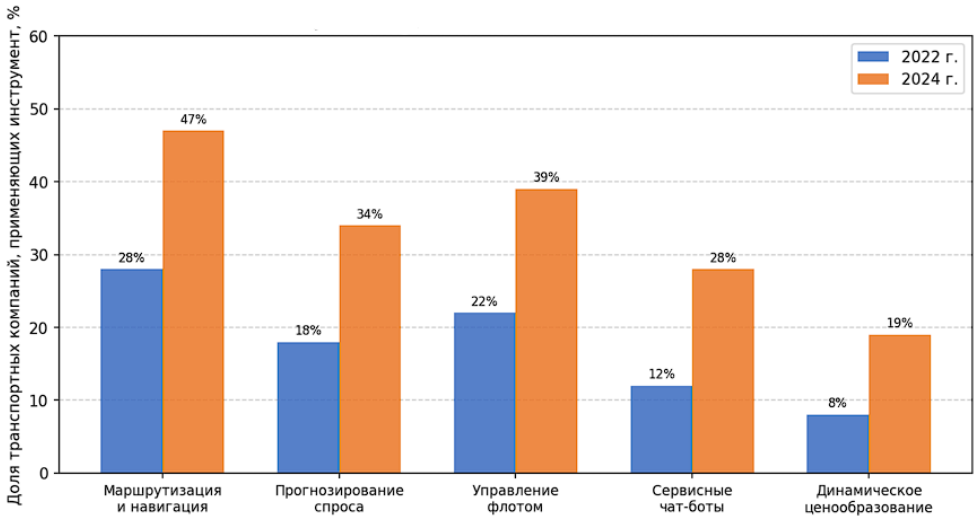

Рис. 1. Распространенность инструментов ИИ в транспортных компаниях (пассажирские перевозки, 2022-2024 гг.)

Влияние инструментов ИИ на конкурентоспособность: количественная оценка

Оценка влияния ИИ-инструментов на конкурентоспособность требует четкого определения самого понятия конкурентоспособности применительно к транспортной компании. В контексте настоящего исследования конкурентоспособность понимается как способность компании создавать и удерживать ценность для пассажиров при сохранении достаточного уровня доходности, то есть как результирующая операционной эффективности и клиентской привлекательности.

Для количественного измерения конкурентных позиций была применена методика составного индекса конкурентоспособности, включающего пять субиндексов: операционная эффективность, ценовая конкурентоспособность, качество обслуживания (индекс CSI, доля своевременных рейсов), инновационная активность (доля цифровых каналов продаж, объем данных для аналитики) и финансовая устойчивость (рентабельность продаж, коэффициент ликвидности).

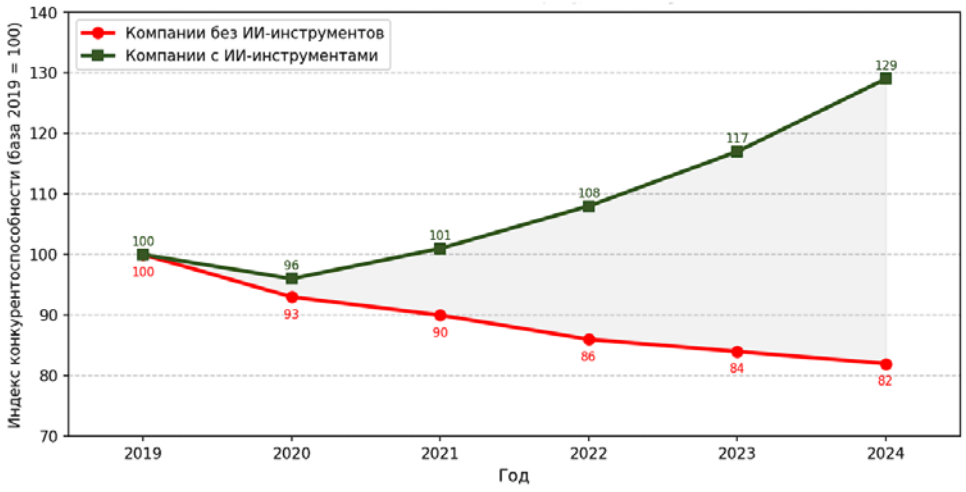

Рис. 2. Динамика индекса конкурентоспособности транспортных компаний в зависимости от применения инструментов ИИ (2019-2024 гг.)

Рисунок 2 наглядно демонстрирует нарастающую дивергенцию конкурентных позиций двух групп компаний. Если в 2019 году их показатели были сопоставимы, то к 2024 году разрыв составил 47 пунктов индекса. Принципиально важно, что данный разрыв носит не статичный, а ускоряющийся характер: каждый год компании с ИИ-инструментами наращивают отрыв на 5-8 пунктов. Это свидетельствует о том, что конкурентное преимущество, обеспечиваемое технологиями ИИ, носит кумулятивный характер: накопленные данные и обученные модели формируют все более высокий барьер для входа.

Ключевые количественные эффекты от внедрения ИИ-решений в пассажирских перевозках, подтвержденные практикой ведущих российских и зарубежных компаний, систематизированы в таблице 2.

Таблица 3

Количественные эффекты от внедрения инструментов ИИ в пассажирских перевозках

Инструмент ИИ	Параметр эффекта	Диапазон эффекта	Срок окупаемости	Источник
Интеллектуальная маршрутизация	Снижение холостого пробега	12–18%	1–2 года	[6]
Интеллектуальная маршрутизация	Экономия топлива	8–14%	1–2 года	[6]
Предиктивное ТО	Снижение незапланированных простоев	27–35%	2–3 года	[7]
Предиктивное ТО	Сокращение затрат на ТО	15–22%	2–3 года	[7]
Динамическое ценообразование	Прирост выручки	8–14%	до 1 года	[8]
Управление клиентским опытом (LLM-чат-боты)	Снижение затрат контакт-центра	30–45%	до 1 года	[9]
Управление клиентским опытом	Рост индекса лояльности (NPS)	+12–19 пунктов	1–2 года	[9]
Компьютерное зрение (мониторинг ТС)	Снижение числа ДТП	18–26%	2–4 года	[10]

Совокупный экономический эффект от одновременного внедрения нескольких ИИ-инструментов носит синергетический, а не аддитивный характер. Так, объединение систем интеллектуальной маршрутизации и динамического ценообразования создает единую систему оптимизации «предложение – спрос», эффективность которой существенно превышает сумму отдельных компонент. По оценкам аналитической компании «Oliver Wyman», комплексная ИИ-трансформация транспортного предприятия обеспечивает суммарное снижение операционных затрат на 18-24% при одновременном росте выручки на 10-16%.

Отдельного внимания заслуживает структура экономического эффекта, представленная на рисунке 3. Доминирование оптимизации маршрутов (35% совокупного эффекта) обусловлено тем, что неэффективное планирование маршрутной сети традиционно является одним из основных источников избыточных затрат в пассажирских перевозках. Значимый вклад предиктивного ТО (25%) отражает хроническую проблему российских транспортных компаний, исторически практиковавших реактивное, а не профилактическое обслуживание парка.

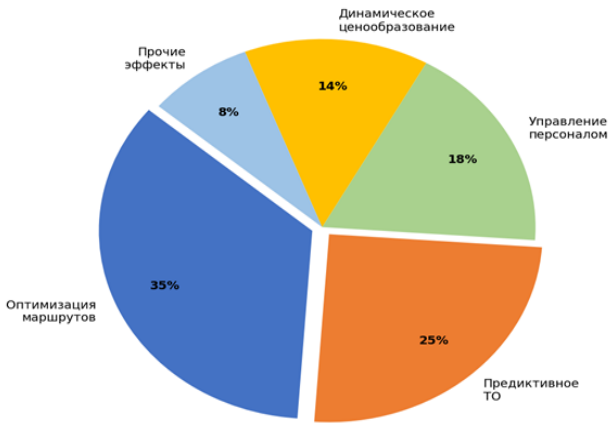

Рис. 3. Структура экономического эффекта от применения инструментов ИИ в пассажирских перевозках

Барьеры внедрения ИИ и практические рекомендации по поэтапной цифровизации

Несмотря на очевидные конкурентные преимущества, темпы внедрения ИИ-решений в отечественных транспортных компаниях остаются недостаточными. Это обусловлено рядом системных барьеров, понимание природы которых необходимо для разработки действенных рекомендаций.

Первым и наиболее значимым барьером является дефицит качественных данных. Большинство ИИ-алгоритмов требуют значительных объемов исторических данных для обучения: данных о пассажиропотоке в разрезе рейсов и временных периодов, телематических данных по каждому транспортному средству, информации о жалобах и инцидентах. Многие российские компании не располагают систематизированными данными даже за последние три года, что существенно ограничивает возможности применения передовых методов машинного обучения.

Вторым барьером является дефицит кадров с компетенциями в области ИИ и Data Science. Конкуренция за специалистов по обработке данных со стороны IT-компаний, банков и телекоммуникационного сектора ставит транспортные предприятия в заведомо невыгодное положение. Ответом на этот вызов является взаимодействие с технологическими партнерами при одновременном развитии компетенций среди менеджеров среднего звена, способных формулировать аналитические задачи и интерпретировать результаты.

Третий барьер носит организационно-культурный характер. Внедрение ИИ предполагает изменение устоявшихся процессов принятия решений: диспетчеры должны доверять рекомендациям алгоритма маршрутизации, механикам необходимо планировать техническое обслуживание на основе данных датчиков, а не субъективного опыта. Преодоление этого барьера требует целенаправленной работы с персоналом и последовательной демонстрации эффективности алгоритмических решений.

С учетом обозначенных барьеров предлагается трехэтапная модель цифровой трансформации транспортного предприятия, детально раскрытая в таблице 4.

Таблица 4

Поэтапная модель внедрения инструментов ИИ в транспортной компании

Этап	Временной горизонт	Ключевые мероприятия	Целевые показатели	Инвестиции, млн руб.
Фундамент данных	6–12 месяцев	Внедрение телематики, цифровизация продаж, создание единого хранилища данных, базовая BI-аналитика	100% рейсов с телематикой; >50% продаж онлайн	3–7
Пилотная автоматизация	12–24 месяца	Внедрение предиктивного ТО, пилот динамического ценообразования на 30% рейсов, чат-бот для типовых обращений	Простои −20%; выручка пилотных рейсов +8%	8–15
Масштабирование и оптимизация	24–48 месяцев	Интеллектуальная маршрутизация всей сети, полное динамическое ценообразование, персонализация клиентских коммуникаций на основе ML	Операционные затраты −18%; NPS +15 п.	15–30

Принципиально важным условием успеха предложенной модели является детальная проработка первого этапа, а именно создания надежного фундамента данных. Распространенной ошибкой является стремление немедленно внедрить передовые ИИ-решения, минуя этап систематизации данных, что неизбежно приводит к низкому качеству моделей и разочарованию результатами. Только компании, последовательно прошедшие через этап цифровизации базовых процессов, способны в полной мере реализовать потенциал ИИ.

Немаловажную роль в преодолении инвестиционного барьера играет возможность привлечения финансирования через механизмы государственно-частного партнерства и специализированные программы поддержки цифровизации. В частности, в рамках федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика» предусмотрено субсидирование до 50% затрат на внедрение отечественных ИИ-решений в транспортном секторе.

Анализ опыта ведущих компаний

Для подтверждения теоретических выводов рассмотрим опыт нескольких транспортных компаний, реализовавших масштабные ИИ-проекты в сегменте пассажирских перевозок.

Группа компаний «Автолайн» (Россия) в 2022-2024 гг. реализовала проект по внедрению системы интеллектуального управления расписанием на базе алгоритмов машинного обучения. Система анализирует исторические данные о пассажиропотоке в разрезе часовых периодов, учитывает прогноз погоды, расписание городских мероприятий и данные о дорожной обстановке в реальном времени. По итогам двух лет эксплуатации удалось сократить средний интервал ожидания пассажиров с 18 до 12 минут (-33%), снизить расход топлива на 11% и повысить индекс удовлетворенности пассажиров с 6,2 до 7,4 балла.

Принципиально иной подход реализован британской транспортной группой FirstGroup: компания сделала ставку на предиктивное техническое обслуживание автобусного флота. Система анализирует данные с более чем 200 датчиков на каждом транспортном средстве и формирует прогноз вероятности отказа ключевых агрегатов с горизонтом 30 дней. За три года внедрения количество отказов в рейсе сократилось на 31%, а стоимость технического обслуживания снизилась на 19%. Экономия составила около 42 млн фунтов стерлингов ежегодно.

Немаловажен опыт московского каршерингового оператора BelkaCar, внедрившего систему динамического ценообразования на основе алгоритмов Deep Reinforcement Learning. Тарифная модель учитывает текущий уровень спроса, доступность парка в конкретном районе, время суток и день недели, прогноз спроса на ближайший час. По данным компании, после перехода на динамическое ценообразование выручка на единицу флота выросла на 13,4%, а коэффициент использования парка – с 62% до 71%.

Представленные случаи объединяет одна закономерность: наибольший эффект достигается не точечным внедрением отдельного инструмента, а созданием интегрированной системы управления данными, в рамках которой различные ИИ-решения взаимодействуют и усиливают друг друга. Компания, располагающая качественной аналитической платформой, способна последовательно надстраивать новые прикладные модули с убывающими предельными затратами на каждый следующий.

Выводы

Рынок пассажирских перевозок входит в фазу, при которой традиционные факторы конкуренции, такие как тарифная политика и объем парка, утрачивают свое прежнее значение. На первый план выходят технологические компетенции: способность компании генерировать, обрабатывать и монетизировать данные о пассажиропотоке, технических параметрах флота и потребительских предпочтениях. Разрыв индекса конкурентоспособности между компаниями, применяющими ИИ-инструменты, и традиционными игроками достиг 47 пунктов к 2025 году и продолжает нарастать.

Инструменты ИИ обеспечивают документально подтвержденный экономический эффект по всем ключевым направлениям: интеллектуальная маршрутизация снижает холостой пробег на 12-18%, предиктивное ТО сокращает внеплановые простои на 27-35%, динамическое ценообразование увеличивает выручку на 8-14%, а системы управления клиентским опытом повышают индекс лояльности NPS на 12-19 пунктов. Совокупный эффект комплексной ИИ-трансформации оценивается в снижение операционных затрат на 18-24% при одновременном росте выручки на 10-16%.

Успешность внедрения ИИ определяется не столько финансовыми возможностями компании, сколько последовательностью трансформации. Построение качественного фундамента данных на первом этапе является необходимым условием эффективности всех последующих ИИ-решений. Игнорирование этого принципа ведет к деградации качества моделей и дискредитации самой концепции цифровой трансформации.

Системный переход транспортных компаний к ИИ-управлению создает новые возможности для государственно-частного партнерства: цифровизация муниципального транспорта одновременно повышает эффективность государственных расходов и формирует спрос на отечественные ИИ-решения, развитие которых является приоритетом национальной цифровой политики.

Практическая значимость результатов исследования определяется возможностью их непосредственного применения при разработке стратегий цифровой трансформации транспортных предприятий различного масштаба. Предложенная трехэтапная модель внедрения ИИ-

инструментов носит универсальный характер и может быть адаптирована как для крупных региональных перевозчиков, так и для компаний среднего сегмента, располагающих ограниченными инвестиционными ресурсами.

1. McKinsey Global Institute. Artificial Intelligence in Transportation: Value Creation Roadmap. – New York: McKinsey & Company, 2024. – 84 p.
2. Росстат. Транспорт в России: статистический сборник. – Москва: Росстат, 2024. – 112 с.
3. Федеральная служба государственной статистики. Сведения о работе автомобильного транспорта (форма № 1-автотранс). – Москва: Росстат, 2024.
4. НАФИ. Индекс удовлетворенности пассажиров общественного транспорта в России. – Москва: Аналитический центр НАФИ, 2024. – 38 с.
5. НИУ ВШЭ. Цифровая трансформация транспортного сектора России: аналитический доклад. – Москва: Издательский дом ВШЭ, 2024. – 96 с.
6. Кузьменко А. В., Привалов Д. С. Интеллектуальные системы управления маршрутной сетью пассажирского транспорта // Транспортное дело России. – 2024. – № 2. – С. 41–48.
7. FirstGroup plc. Annual Report and Accounts 2024. – London: FirstGroup, 2024. – 148 p.
8. KPMG International. Dynamic Pricing in Passenger Transport: From Aviation to Ground Mobility. – Amsterdam: KPMG, 2023. – 52 p.
9. Gartner. AI-Powered Customer Experience in Transportation: Benchmark Study 2024. – Stamford: Gartner, Inc., 2024.
10. Мокрова Т. А. Применение технологий компьютерного зрения для мониторинга безопасности на транспорте // Современные проблемы транспортного комплекса России. – 2024. – Т. 14, № 1. – С. 22–31.
11. Oliver Wyman. The AI-Powered Transport Enterprise: Measuring Total Value Creation. – New York: Oliver Wyman, 2024. – 61 p.
12. Иванова О. Б., Романов Е. В. Проблемы цифровизации малых и средних транспортных компаний России // Вестник транспорта. – 2023. – № 11. – С. 12–19.
13. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. Федеральный проект «Искусственный интеллект»: итоги и перспективы. – Москва: Минцифры России, 2024.
14. Захаров И. П. Опыт внедрения интеллектуальной системы управления расписанием на городских автобусных маршрутах // Логистика. – 2024. – № 4. – С. 34–39.
15. BelkaCar. Годовой отчет о результатах деятельности и технологическом развитии за 2023 год. – Москва: BelkaCar, 2024.

Сведения об авторах

Берлинская Вероника Юрьевна, бакалавр, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет (ВВГУ)», г. Владивосток, Россия

Юхновец Дарья Юрьевна, бакалавр, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет (ВВГУ)», г. Владивосток, Россия

Тунгусова Елена Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры ТПТ, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет (ВВГУ)», г. Владивосток, Россия

УДК 332.1:656.6

ВЕРИФИКАЦИЯ ТИПОЛОГИИ ПРИГРАНИЧНЫХ МОРСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ

А.Р. Блюдик, аспирант

Н.Н. Масюк, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Предмет исследования – приграничные морские регионы России как территориальные образования, где государственная сухопутная граница соседствует с выходом к морю, образовывая тем самым «двойную границу». Цель статьи – осуществить эмпирическую верификацию многомерной типологии приграничных морских регионов, разработанной авторами в предшествующих исследованиях. Верификация подразумевает уточнение способа измерения каждого критерия типологии, распределение выборки российских приграничных морских регионов по шести типологическим профи-*

лям. Методология исследования включает многокритериальную классификацию, сравнительный анализ. В результате исследования установлены значения критериев типологии, определены гибридные профили для исследуемых регионов: «глобальный транзитный хаб», «ресурсно-экспортный анклав», «стратегический арктический форпост», «интегрированный промышленный регион», «периферийный транзитный узел», «диверсифицированный хаб роста». Результаты верификации подтвердили, что позиция региона в глобальных морских сетях и характер экономической специализации определяют типологический профиль не менее значимо, чем степень институциональной интеграции. Типология применима для формирования дифференцированных стратегий развития приграничных морских регионов.

Ключевые слова: *приграничный морской регион, типология, институциональная интеграция, экономическая специализация, сетевая позиция, классификационная матрица, портовая экономика*

VERIFICATION OF THE TYPOLOGY OF RUSSIA'S BORDERLAND MARITIME REGIONS

Abstract. *The subject of the study is Russia's coastal border regions—territorial entities where the state land border adjoins the sea, thereby creating a "dual border." The article aims to empirically verify a multidimensional typology of coastal border regions developed by the authors in previous studies. This verification involves refining the measurement method for each typology criterion and classifying the sample of Russian coastal border regions into six typological profiles. The research methodology employs multi-criteria classification and comparative analysis. The study established the values of typology criteria and identified hybrid profiles for the regions under analysis: "global transit hub," "resource-export enclave," "strategic Arctic outpost," "integrated industrial region," "peripheral transit node," and "diversified growth hub." Verification results confirmed that a region's position in global maritime networks and the nature of its economic specialization determine its typological profile just as significantly as the degree of institutional integration. This typology is applicable to the formulation of differentiated development strategies for coastal border regions.*

Keywords*: border maritime region, typology, institutional integration, economic specialization, network position, classification matrix, port economy.*

Введение. Многомерная типология приграничных морских регионов, разработанная авторами в предыдущих исследованиях, основана на трёх измерениях: степени институциональной интеграции с соседними государствами, характере экономической дополняемости, позиции в глобальных морских транспортных сетях [1]. Типология носила концептуальный характер и завершалась тезисом о необходимости её эмпирической верификации на эмпирических данных регионов. В этой связи настоящая статья представляет собой продолжение работы авторов. На пересечении измерений выделены шесть гибридных типологических профилей. В рамках исследования необходимо уточнить критерии типологии через установление их измеримых пороговых значений и верифицировать типологические гибридные профили на выборке из российских приграничных морских регионов, охватывающих основные морские бассейны России.

Актуальность исследования подкреплена условиями геополитической трансформации 2022–2024 годов, при которой изменились российские морские грузовые потоки, в результате чего изменилось положение некоторых портов [2]. Изменение положения портов влечёт смену возможностей, появление либо устранение ограничений, а значит текущие планы развития региона, опирающиеся на морской транспорт. нуждаются в корректировке. Также исследование укладывается в предусмотренную Транспортной стратегией РФ до 2030 года задачу формирования региональных стратегических планов развития транспортных систем, для которой уместно предварительно определить тип приграничного морского региона [3].

Результаты исследования. Авторская многомерная типология приграничных морских регионов строится на пересечении трёх аналитических измерений: институциональной интеграции, экономической специализации и сетевой позиции. Теоретически сочетание трёх уровней институциональной интеграции, четырёх типов экономической специализации и трёх градаций сетевой позиции порождает 36 возможных комбинаций. Однако эмпирический анализ российской выборки из 12 приграничных морских регионов выявил лишь 6 устойчивых конфигураций, обладающих содержательной интерпретацией, которые показаны на рисунке 1.

Рис. 1. Индикаторы верификации типологии приграничных морских регионов
Источник: составлено авторами.

Сокращение числа типов с 36 до 6 объясняется тем, что часть теоретических комбинаций логически несовместима. Например, «глобальный транзитный хаб» практически невозможен при низкой институциональной интеграции, поскольку привлечение международных грузопотоков требует развитой нормативной базы и инвестиционного климата. Также некоторые сочетания параметров не находят устойчивых региональных примеров в российской действительности.

Установлены критерии для измерений в рамках типологии приграничных морских регионов. Для измерения институциональной интеграции (далее – ИИ) учитывалось наличие особой экономической зоны или территории опережающего развития, количество действующих межправительственных соглашений в сфере транспорта и таможни, доля транзитного грузооборота в общем обороте порта. Для экономической специализации (далее – ЭС) учитывалась доля портового сектора в ВРП региона, соотношение стоимостных объёмов экспорта и импорта через морские пункты пропуска, наличие перерабатывающих мощностей в портовой зоне. Для сетевой позиции (далее – СП) учитывалось значение индекса линейного судоходного сообщения LSCI[1] по данным UNCTAD[2], количество регулярных контейнерных линий.

Для критериев измерений установлены пороговые значения в количественном выражении, именованные качественным образом – высокий, средний, низкий порог по измерению, как показано в таблице 1.

Таблица 1

Критерии измерений авторской типологии и их пороговые значения

Измерение	Высокий порог	Средний порог	Низкий порог
Институциональная интеграция (ИИ)	Наличие как минимум одной экономической зоны, от 3 единиц межправительственных соглашений, доля транзита в общем грузообороте от 30%	Наличие как минимум одной экономической зоны или 1-3 единицы межправительственных соглашений, доля транзита 10-30%	Особые экономические зоны отсутствуют, межправительственные соглашения отсутствуют, доля транзита в общем грузообороте менее 10%

[1] Liner Shipping Connectivity Index – индекс линейного судоходства (логистической связности портов и стран), рассчитываемый ЮНКТАД (UNCTAD) с 2004 года.

[2] United Nations Conference on Trade and Development – Конференция ООН по торговле и развитию, орган Генеральной Ассамблеи ООН, созданный в 1964 году.

Окончание таблицы 1

Измерение	Высокий порог	Средний порог	Низкий порог
Экономическая специализация (ЭС)	Ресурсно-экспортный тип специализации, доля портового сектора в структуре ВРП более 10%, стоимостное соотношение экспорта к импорту 5:1 – значительное доминирование экспорта, перерабатывающие мощности отсутствуют или преимущественно первичная перевалка навалочных и наливных грузов	Транзитно-логистический или индустриально-портовый тип специализации, доля портового сектора в структуре ВРП 5-10% для транзитно-логистического типа или 7-15% для индустриально-портового типа, стоимостное соотношение экспорта к импорту 1,5-4:1, имеются перерабатывающие мощности (нефтепереработка, удобрения, зерновые терминалы с переработкой), наличие развитой портовой инфраструктуры, контейнерных терминалов	Диверсифицированный тип специализации, доля портового сектора в структуре ВРП менее 5%, стоимостное соотношение экспорта к импорту 1:1, имеется промышленная кооперация и интеграция порта в городскую экономику
Сетевая позиция (СП)	Глобальный хаб, более 15 международных судоходных линий, индекс судоходного сообщения LSCI более 50 пунктов	Региональный узел, 5-15 международных линий, индекс судоходного сообщения LSCI 20-50 пунктов	Периферийный порт, менее 5 международных линий, индекс судоходного сообщения LSCI менее 20 пунктов

Источник: составлено авторами.

Пороговые значения критериев по измерениям из таблицы 1 установлены на основе статистического распределения показателей в выборке и соображений содержательной интерпретации. Например, граница между «высокой» и «средней» институциональной интеграцией совпадает с наличием режима особой экономической зоны в сочетании с не менее чем тремя действующими межправсоглашениями, из чего возможным становится отличать регионы с действительным институциональным взаимодействием и регионы, где такая интеграция носит декларативный характер.

Отобраны приграничные морские регионы, соответствующие требованиям, включающим наличие выхода к морю, наличие морского порта с грузооборотом более 1 млн тонн и наличие государственной сухопутной границы. Выбора составила 12 регионов-представителей морских бассейнов России. Для иллюстрации предложенной типологии использованы данные о грузообороте морских портов в регионах РФ в 2025 году, представленные на рисунке 2.

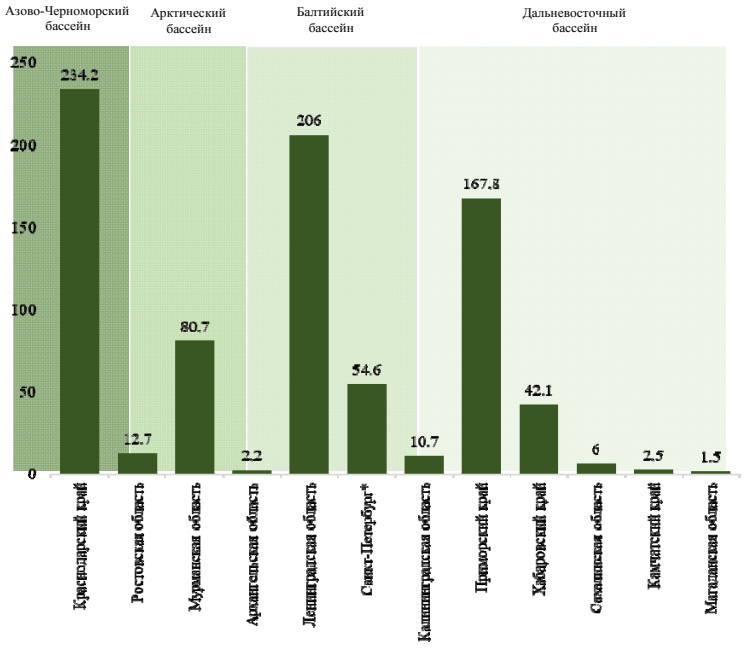

Рис. 2. Грузооборот портов России в 2025 году (млн тонн) Источник: составлено авторами на основании [4].

Из рисунка 2 следует, что общий грузооборот морских портов РФ в 2025 году составил 821 млн тонн. Для портов, не выделенных отдельно в официальной статистике 2025 года (Калининград, Сахалин, Камчатка, Магадан), использованы оценки, основанные на данных 2024 года и динамике соответствующих бассейнов. В Краснодарском крае дополнительно учтены порты Тамань, Туапсе и Кавказ. Разделение портов Санкт-Петербурга и Ленинградской области выполнено по административно-территориальному принципу. Из выборки исключены регионы Каспийского бассейна (Астраханская область и Республика Дагестан) по той причине, что Каспийское море, в соответствии с Конвенцией о правовом статусе Каспийского моря 2018 года [5], не подпадает под действие ЮНКЛОС[3] и имеет замкнутый правовой режим, исключающий доступ судов океанского класса и включение портов в глобальные морские маршруты. Индекс LSCI для каспийских портов UNCTAD не рассчитывает. Следовательно, данные регионы лишены системообразующего признака приграничного морского региона – «двойной границы» – открывающей доступ к глобальному морскому пространству, что делает применение третьего измерения типологии (сетевой позиции) методологически некорректным.

На основе критериев измерений и их значений составлена классификационная матрица приграничных морских регионов, распределяющая их по шести типологическим гибридным профилям, как представлено в таблице 2.

Таблица 2

Классификационная матрица приграничных морских регионов России (n = 12)

Гибридный профиль	ИИ	ЭС	СП	Регионы
Глобальный транзитный хаб	Высокая	Транзитно-логистический тип специализации	Глобальный хаб	Ленинградская область, Краснодарский край
Ресурсно-экспортный анклав	Низкая	Ресурсно-экспортный тип специализации	Периферийный порт	Архангельская область, Магаданская область, Камчатский край
Стратегический арктический форпост	Средняя	Ресурсно-экспортный тип специализации	Региональный узел	Мурманская область, Сахалинская область
Интегрированный промышленный регион	Высокая	Индустриально-портовый тип специализации	Региональный узел	Калининградская область, Ростовская область
Периферийный транзитный узел	Средняя	Транзитно-логистический тип специализации	Региональный узел	Хабаровский край (Ванино)
Диверсифицированный хаб роста	Высокая	Диверсифицированный тип специализации	Глобальный хаб	Приморский край

Источник: составлено авторами.

Гибридный профиль «Глобальный транзитный хаб» включает Ленинградскую область и Краснодарский край, характеризующиеся высокой долей транзита, зрелой системой межправительственных соглашений и наибольшими значениями LSCI среди российских портов – свыше 50 пунктов.

«Ресурсно-экспортный анклав», представителями которого являются Архангельская, Магаданская области и Камчатский край, отличается слабым институциональным взаимодействием с зарубежными партнёрами, явным перевесом экспорта над импортом (более чем в 5 раз по стоимости) и низкой включённостью в международные судоходные маршруты – LSCI ниже 20 пунктов. Совокупный грузооборот трёх регионов составляет менее 6,2 млн тонн, что объясняется сырьевой структурой грузопотоков.

Гибридный профиль «Стратегический арктический форпост», представленный Мурманской и Сахалинской областями, характеризуется умеренным уровнем институциональной интеграции, которая обеспечена прежде всего государственными инвестициями в инфраструктуру Северного морского пути, тогда как частная трансграничная кооперация развита слабо. По

[3] Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) или «Конституция океанов» заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982). Ратифицирована Федеральным законом РФ от 26 февраля 1997 года N 30-ФЗ. Вступила в силу для России 11 апреля 1997 года.

экономической специализации данные регионы близки к «анклавам», однако более высокая связность с международными маршрутами выводит их в отдельную группу.

«Интегрированный промышленный регион» включает Калининградскую и Ростовскую области. Указанным регионам присущи наличие особых экономических зон, режимов промышленной переработки, исторически развитых межправительственных соглашений, что формирует высокий уровень институциональной интеграции при устойчивой промышленно-портовой специализации.

Гибридный профиль «Периферийный транзитный узел», состоящий из Хабаровского края с портом Ванино, выполняет вспомогательную транзитную функцию в системе коридоров Байкало-Амурская магистраль и Северный морской путь при средней институциональной интеграции, что не представляет возможным отнести его к полноценному «глобальному хабу».

Последний профиль «Диверсифицированный хаб роста», которым представлен Приморский край, имеет наибольшее из дальневосточных регионов значение LSCI, диверсифицированную экономическую базу, режим Свободного порта Владивосток и транспортные коридоры «Приморье-1», «Приморье-2». Описанные факторы обеспечивают высокий уровень институциональной интеграции и глобальную сетевую позицию.

Верификация типологии на эмпирическом материале позволяет сделать ряд принципиальных наблюдений.

Во-первых, развитая система межгосударственных институтов не является обязательным условием для высокого транспортного результата. Мурманская область при среднем уровне институциональной интеграции обработала в 2025 году 47 млн тонн грузов, и прежде всего – за счёт контроля над участком Северного морского пути, а не благодаря межправительственным соглашениям/ В данном случае наличие контроля над Северным морским путём позволяет в полном объёме использовать ресурсный потенциал территорий [6]. Ленинградская область сформировала профиль «глобального транзитного хаба» с суммарным грузооборотом 206 млн тонн, нарастив его в том числе за счёт переориентации российских грузов с прибалтийских портов на Усть-Лугу и Приморск после 2022 года [7]. Соответственно, решающую роль сыграло геополитическое перераспределение, а не совершенствование институтов.

Во-вторых, геополитические изменения затронули российские регионы по-разному. Для Калининградской области разрыв связей с ЕС обернулся фактическим обесцениванием особой экономической зоны как инструмента трансграничного сотрудничества [8]. При грузообороте около 10,7 млн тонн регион формально сохраняет профиль «интегрированного промышленного региона». Схожая картина наблюдается в Ростовской области, где грузооборот порта Ростов-на-Дону в 2025 году сократился на 19,7% до 12,7 млн тонн, что указывает на важное свойство типологии – присвоенный профиль может временно расходиться с реальным потенциалом региона в период геополитических потрясений, что требует регулярного пересмотра классификационной матрицы.

В-третьих, Приморский край оказался наиболее устойчивым в условиях внешних потрясений именно потому, что одновременно силён по всем трём измерениям. В условиях глобальных шоков восстановлению способствуют меры государственной поддержки, возможности перейти на рынки с дружественными странами и заменить актора в цепочках добавленной стоимости, то есть адаптивность и диверсификация определяют способность региона принять на себя новые функции при изменении условий [9]. Суммарный грузооборот портов края составил 167,8 млн тонн, при этом Владивосток показал рост на 11,1%. Отсутствие слабого звена позволило краю принять на себя роль главных «ворот» страны для торговли со странами АТР. Схожую адаптационную логику демонстрирует Хабаровский край, где порт Ванино нарастил грузооборот на 43,6% до 42,1 млн тонн за счёт переориентации угольного экспорта [10], что при сохранении профиля «периферийного транзитного узла» свидетельствует о его движении к следующему уровню сетевой позиции.

Выводы. Привязка критериев измерений в разработанной типологии к конкретным числовым порогам (LSCI, доля транзита, соотношение экспорта и импорта, наличие особых экономических зон) делает её пригодной для практической классификации реальных регионов по открытым статистическим данным, что подтверждается верификацией на данных за 2025 год. Отобранные регионы распределились по шести гибридным профилям, при этом внутри каждого профиля регионы демонстрируют схожие стратегические черты, что демонстрирует содержательную состоятельность типологии. Включённость приграничного морского региона в глобальные морские маршруты и отраслевая специализация экономики влияют на профиль региона не меньше, чем уровень институциональной интеграции с соседями, что ставит под

сомнение практику единых стратегических рекомендаций для всех приграничных регионов без учёта их различий. Типологический профиль региона не является постоянным. Геополитические трансформации 2022–2024 годов создали асимметрию между формальным профилем и реальными возможностями ряда регионов, потому профили необходимо актуализировать по мере изменения статистических показателей и условий. Перспективы исследования связаны с разработкой дифференцированных стратегий развития для каждого из шести профилей, а также с оценкой того, насколько морской транспорт реально реализует свой интеграционный потенциал в приграничных морских регионах.

1. Блюдик А.Р. Многомерная типология приграничных морских регионов // Вестник академии знаний. – 2026. – №2(73) – С. 89–95. – URL: https://academiyadt.ru/zhurnal-vestnik-akademii-znanij-vaz-73/ (дата обращения 25.03.2026).

2. Прудникова А.А., Пинчук У.В. Трансформация морской логистики России в новых геоэкономических условиях // Мировая экономика и мировые финансы. – 2025. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-morskoy-logistiki-rossii-v-novyh-geoekonomicheskih-usloviyah (дата обращения 12.02.2026).

3. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года. – URL: https://rosavtodor.gov.ru/docs/transportnaya-strategiya-rf-na-period-do-2030-goda-s-prognozom-na-period-do-2035-goda (дата обращения 11.02.2026).

4. Грузооборот морских портов России за 2025 год – Текст: электронный / Ассоциация морских торговых портов [сайт]: 2026. – URL: https://www.morport.com/rus/news/gruzooborot-morskih-portov-rossii-za-2025-god (дата обращения 26.03.2026).

5. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря – Текст: электронный / Министерство иностранных дел Российской Федерации [сайт]: 2026. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/53319/ (дата обращения 28.03.2026).

6. Батахов П.П., Овчинникова Ю.С. Северный морской путь: вопросы правового обеспечения / Арктика и Север. – 2024. – № 54. – С. 131–143. – DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.54.131.

7. Кувалин Д.В., Щербанин Ю.А. Адаптация экономики российских регионов к разрыву отношений с Европой (на примере портов Балтийского моря) // Балтийский регион. – 2023. – Т.15. – № 4. – С. 62-78. – DOI: 10.5922/2079-8555-2023-4-4.

8. Гуменюк И.С. Адаптация механизмов обеспечения транспортной безопасности Калининградской области в новых геополитических и геоэкономических реалиях // Псковский регионологический журнал. – 2023. – Т. 19. – № 2. – С. 41–51. – DOI: 10.37490/S221979310025345-2.

9. Якимова В.А. Прогнозные модели формирования инновационных и цифровых экосистем в приграничных регионах // Terra Economicus. – 2024. – Т.22. – №3. – С. 96-114. – DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-3-96-114.

10. Экспорт угля через порты Дальнего Востока в 2025 году вырос на 15,8% – Текст: электронный / Новости топливные // Сетевое издание NEDRADV [сайт]: 2026. – https://nedradv.ru/nedradv/ru/-page_news?obj=a19aa1b594d1aee83b145c7060dda180 (дата обращения 30.03.2026).

Сведения об авторах

Блюдик Ангелина Руслановна, аспирант, ассистент кафедры маркетинга и логистики, ORCID: 0000-0003-1923-5005, Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия

Масюк Наталья Николаевна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления, Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия

УДК 004.896

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ АВТОМАТИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ КОНСОЛИДАЦИИ LCL-ГРУЗОВ НА СКЛАДАХ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ОПЕРАЦИОННОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

А.А. Борвенко, магистрант

Е.В. Тунгусова, канд. экон. наук, доцент

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье рассматриваются критические места операционной деятельности компании N, выполняющей сборные (LCL) перевозки по маршруту «Москва / Новосибирск — Владивосток — Сахалин/Магадан». На основе анализа текущих процессов и мировых логистических трендов предложена интегрированная модель цифровизации склада, включающая RFID-идентификацию, компьютерное зрение, событийно-ориентированную WMS, шину данных Kafka и клиентский трекинг-портал. Показано, что её внедрение способно снизить пересорт и расхождения «учёт-факт» до 0,1 %, повысить прозрачность для клиентов и окупить инвестиции менее чем за два года. Представлены методология разработки, результаты имитационного моделирования и технико-экономическое обоснование, подтверждающие целесообразность запуска пилотного проекта*

Ключевые слова и словосочетания: *складская обработка, LCL-логистика, RFID, компьютерное зрение, WMS 4.0, событийно-ориентированная архитектура, цифровой двойник, клиентский трекинг, эффективность логистики.*

INTELLIGENT AUTOMATION OF LCL CARGO CONSOLIDATION PROCESSES IN WAREHOUSES TO ENHANCE OPERATIONAL EFFICIENCY

Abstract. *The article examines the critical operational bottlenecks of Company N, which handles Less-than-Container-Load (LCL) shipments on the "Moscow / Novosibirsk – Vladivostok – Sakhalin / Magadan" corridor. Based on an analysis of current processes and global logistics trends, an integrated warehouse-digitalization model is proposed. The model combines RFID identification, computer vision, an event-driven WMS, a Kafka data bus, and a customer-tracking portal. Findings show that its implementation can cut miss-sorting and "book-to-physical" discrepancies to 0.1 %, improve client transparency, and achieve payback in under two years. The paper presents the development methodology, simulation results, and a techno-economic justification that confirm the feasibility of launching a pilot project.*

Keywords: *warehouse processing, LCL logistics, RFID, computer vision, WMS 4.0, event-driven architecture, digital twin, customer tracking, logistics efficiency.*

LCL-сегмент растёт на 6–8 % ежегодно благодаря экспоненциальному развитию e-commerce и миграции промышленных компаний к just-in-time-поставкам. На дальневосточном направлении уже сегодня до 30 % контейнеров формируются как сборные. Ошибки сортировки в московских и новосибирских узлах или задержки синхронизации данных во Владивостоке приводят к повторной морской отправке (дополнительные 6–12 суток) и прямым потерям до 150 000 руб. на один контейнер.

Усиливают проблему:

– дефицит складского персонала 15–20 % и рост средней зарплаты кладовщика на 34 % за пять лет;

– информационный разрыв между 1С-учётом и фактическим товародвижением: операции закрываются «на бумаге», пока груз физически остаётся на площадке;

– отсутствие буферного хранения в порту Владивостока, делающего любую ошибку критичной [1];

– отсутствие сквозного трекинга, что повышает нагрузку на call-центр и снижает удовлетворённость клиентов социально чувствительных регионов Сахалина и Магадана.

В совокупности это формирует объективный запрос на комплексное, технологически «бесшовное» решение, снимающее ограничения человеческого фактора и обеспечивающее непрерывность и прозрачность операций.

Цель работы — разработать и обосновать интегрированную цифровую модель консолидации LCL-грузов, способную:

– снизить коэффициент пересорта до 0,1 %;

– уменьшить лаг «учёт — факт» до минут;

– повысить KPI заполнения контейнеров с 85 до 92 %;

– обеспечить ROI < 24 месяцев.

Для достижения цели решается комплекс задач: диагностируется «как есть»-процесс, проектируется событийно-ориентированная WMS 4.0, создаётся цифровой двойник для валидации, проводится имитационное моделирование «what-if»-сценариев, формируется технико-экономическое обоснование пилота. [2].

Методология исследования была выстроена по каскадному принципу «от диагностики к валидации» и включала шесть взаимосвязанных этапов.

Первым шагом стало детальное картирование существующих процессов. С помощью методик Value Stream Mapping и SIPOC-анализа исследовательская группа «расшила» маршрут движения каждой грузовой единицы – от момента приёмки на московском и новосибирском складах до окончательной выдачи на Сахалине или в Магадане. [3]. На карте потока были отмечены все операции, участвующие подразделения, точки передачи ответственности, а также параметры времени цикла и уровня запасов. Такой «рентген» позволил зафиксировать реальные узкие места – прежде всего, задержки между закрытием операции в 1С и фактическим выходом груза за ворота склада, а также неоптимальный алгоритм комплектации, порождавший высокую долю пересорта.

Затем для получения достоверных исходных данных была выгружена шестимесячная выборка эксплуатационных логов: записи WMS о движении паллет, файлы чтения RFID-порталов и хронология измерений с напольных весов. Совокупный объём массива превысил 28 млн строк, что обеспечило статистическую репрезентативность и позволило выделить как стандартные сценарии, так и нетипичные аварийные случаи.

Третий этап предполагал построение цифрового двойника всей цепочки в среде AnyLogic. [4]. Модель воспроизводила структуру трёх основных складов, железнодорожные плечи и контейнерный терминал во Владивостоке с учётом реальных расписаний поездов и судов.

Каждая грузовая единица в симуляции следовала тем же правилам, что и в действительности, благодаря чему исследователи получили возможность безопасно «проигрывать» альтернативные варианты обработки и тут же видеть их влияние на финальные KPI поставки.

Четвёртый шаг был посвящён разработке и обучению интеллектуального модуля — DQN-агента на базе TensorFlow, который динамически принимал решения о размещении очередной партии внутри контейнера. Для обучения использовались исторические данные о габаритах грузов, приоритетах клиентов и правилах совместимости. Агент оптимизировал сразу две функции: максимизацию коэффициента заполнения и минимизацию количества перестановок. В качестве награды использовался комбинированный показатель, учитывающий недогруз контейнера и трудоёмкость переложений.

Параллельно велась техническая интеграция оборудования «поля» с потоковой шиной Apache Kafka. RFID-порталы, камеры компьютерного зрения и весы подключались через MQTT-шлюзы; каждый триггер генерировал событие, которое поступало в Kafka-топик со средней латентностью 37 мс. Это обеспечивало фактически online-связку между физическими объектами и WMS нового поколения, построенной по событийно-ориентированной архитектуре.

На заключительном этапе корректность гипотез проверялась строгими статистическими процедурами. Для этого в цифровом двойнике формировались две когорты: контрольная (работа по старой логике) и экспериментальная (работа с «умной» WMS и DQN-агентом). [5]. Различия в целевых показателях оценивались методом A/B-тестов; значимость проверялась односторонним t-критерием при $\alpha = 0{,}05$. Такое сочетание гарантировало, что выявленный эффект не является случайным отклонением.

Результаты имитационного моделирования оказались убедительными. При доверительном интервале 95 % доля пересорта опустилась с 1,8 % до диапазона от 0,08 % до 0,12 %, то есть фактически снизилась более чем в двадцать раз. Метрика Time-Lag Inconsistency, отражающая рассинхронизацию между учётом и фактом, сократилась с четырёх часов десяти минут до промежутка между двадцатью семью и сорока пятью минутами, что в восемь-девять раз быстрее прежнего. Средний коэффициент загрузки сорокафутового контейнера поднялся до 92,3 %, обеспечив экономию ёмкости, эквивалентную выводу из оборота каждого двенадцатого контейнера. Наконец, количество внутрискладских перестановок паллет уменьшилось на тридцать два процента, что напрямую высвободило рабочее время персонала и снизило риск повреждения упаковки. (таблица 1).

Таким образом, последовательная методология — от процессного «сканирования» и накопления «сырых» данных до создания цифрового двойника и статистической валидации — позволила не только выявить корневые проблемы, но и количественно доказать эффективность предлагаемой цифровой архитектуры ещё до её физического запуска на складе.

Таблица 1

Компоненты интегрированной цифровой платформы

Уровень	Ключевые элементы	Назначение
Полевая автоматика	RFID-порталы, весы, CV-камеры Бесконтактная идентификация и верификация	бесконтактная идентификация и верификация
Связность данных	Apache Kafka, MQTT-шлюзы	Потоковая передача событий ≤ 50 мс
Операционный слой	WMS 4.0 (event-driven)	Управление складами в режиме реального времени
Интеллектуальный уровень	DQN-агент, аналитические витрины (ClickHouse)	Оптимизация загрузки, прогнозирование KPI
Клиентский слой	Портал/мобильное приложение	Сквозной трекинг, SLA-уведомления

Капитальные затраты (CAPEX) на оборудование, лицензии WMS 4.0 и интеграцию оцениваются в 42 млн руб. Экономический эффект достигается за счёт снижения пересорта (9 млн руб./год), сокращения простоя контейнеров (6,5 млн руб./год) и высвобождения ФОТ (5,2 млн руб./год). С учётом OPEX ROI составляет 21 месяц, NPV при ставке дисконтирования 12 % — 18,6 млн руб.

Интеграция RFID, компьютерного зрения и событийно-ориентированной WMS 4.0 в единую потоковую архитектуру на базе Apache Kafka обеспечивает кратное снижение ошибок и формирует сквозную цифровую нить от приёмки до отгрузки. Моделирование и экономический расчёт подтверждают, что пилот окупится менее чем за два года, после чего масштабирование решения на сеть складов даст устойчивое конкурентное преимущество компании N в сегменте дальневосточных LCL-перевозок.

Полученные результаты и предложенная методика могут быть использованы как реперная модель цифровизации складов для других логистических операторов, работающих в условиях высокой волатильности грузопотоков и кадрового дефицита.

1. Луковников В. А. Логистические системы и цепи поставок: учебник. – 3-е изд. – Москва: Инфра-М, 2024. – 472 с.
2. Баринов И. Н., Киселёв А. Р. Складская логистика: процессы, оборудование, IT-решения. – Москва: Форум, 2022. – 384 с.
3. Шапкин А. С. Управление запасами и складом в цепях поставок. – Санкт-Петербург: Питер, 2023. – 336 с.
4. Виноградов Л. А. Цифровые двойники логистических систем. – Москва: Логистика, 2021. – 216 с.
5. Ефремов В. С., Иванова Т. П. Событийно-ориентированные WMS: эволюция от 3.0 к 4.0 // Управление складом. – 2023. – № 5. – С. 12–19.

Сведения об авторах

А.А. Борвенко, магистрант, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

Е.В. Тунгусова, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 008.4:378.147.3

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КАК ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ НАСТАВНИКА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Т.А. Борзова, доцент, канд. культурологии

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье рассматривается высшее учебное заведение как социокультурное пространство формирования ценностно-смыслового ядра личности наставника. Обосновывается переход от коррекционно-адаптационной модели наставничества к культурологической парадигме «медиатора культуры» на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей*

Ключевые слова и словосочетания: *высшее образование, наставничество, культура личности, традиционные ценности, образовательное пространство, медиатор культуры, антропопрактика.*

A HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION AS A SPACE FOR THE FORMATION OF A MENTOR'S PERSONALITY CULTURE IN THE CONTEXT OF TRADITIONAL RUSSIAN VALUES

Abstract. *The article considers higher education institutions as a socio-cultural space for the formation of the value-semantic core of the mentor's personality. The transition from the correctional and adaptive model of mentoring to the cultural paradigm of a "cultural mediator" based on traditional Russian spiritual and moral values is substantiated.*

Keywords*: higher education, mentoring, personal culture, traditional values, educational space, cultural mediator, anthropopractics.*

Актуальность исследования заключается в том, что современное высшее образование переживает этап трансформации, обусловленной необходимостью интеграции традиционных российских духовно-нравственных ценностей в образовательный процесс в соответствии с Указом Президента РФ № 809 [9]. В условиях поликультурной и цифровой среды вуз перестает быть исключительно транслятором профессиональных компетенций, выступая институтом сохранения культурной идентичности. Особую значимость приобретает фигура наставника, чья личностная культура определяет эффективность трансляции ценностей. Однако традиционные модели наставничества часто сводятся к утилитарному сопровождению или административному контролю, игнорируя антропологическое измерение становления самого наставника как носителя и медиатора культурных кодов. Формирование культуры личности наставника требует перехода от парадигмы «педагогики необходимости» к парадигме «культура достоинства», где образовательное пространство вуза выступает не фоном, а активной средой ценностно-смыслового самоопределения наставника.

Цель исследования заключается в исследовании специфики образовательного пространства высшего учебного заведения и разработке культурологических механизмов формирования культуры личности наставника на основе традиционных российских ценностей.

Задачи исследования:

1) раскрыть теоретико-методологические основания понимания образовательного пространства вуза как феномена культурной трансляции;

2) проанализировать эволюцию концепта «наставничество» от административного сопровождения к культурному медиаторству;

3) выявить культурные барьеры и формы стигматизации, препятствующие реализации ценностно-ориентированного наставничества;

4) разработать и обосновать авторскую модель формирования культуры личности наставника, интегрирующую принципы традиционных духовно-нравственных ориентиров российского общества.

Новизна исследования состоит в том, что впервые в рамках культурологического подхода в образовательном пространстве высшей школы обоснована концепция университета как социокультурного пространства антропопрактики, направленной на становление культуры личности наставника через признание «иного» как субъекта с собственными культурными кодами. Введено понятие «наставник-медиатор культуры», раскрывающее механизм перевода, интерпретации и легитимации разнородного жизненного опыта в академической среде. Разработана типология технологий наставничества (эмпатическое сопровождение, действие через актуализацию принципов взаимодействия культур, включение через творчество), операционализирующих традиционные ценности (соборность, милосердие, служение Отечеству) не как догматические установки, а как ресурсы для совместного смыслообразования с учетом специфики культуры стран обучающихся.

Методологическую основу работы составили культурно-исторический, феноменологический и ценностно-смысловой подходы. Использованы: теоретический анализ психолого-педагогической и культурологической литературы; герменевтический метод интерпретации наставнических практик; моделирование для проектирования авторской модели академического наставничества; кейс-стади успешных форматов наставнического сопровождения; рефлексивный анализ ценностно-смысловых трансформаций участников образовательного процесса.

В культурологической парадигме образовательное пространство высшего учебного заведения рассматривается не как статичная инфраструктура или нормативно-регламентированная среда, а как динамичная семиотическая система, генерирующая смыслы и выступающая трансляционной площадкой культурных кодов [5; 8]. Согласно концепции Ю.М. Лотмана, пространство культуры функционирует как «семиосфера», где непрерывно происходит обмен сообщениями, трансформация текстов и порождение новых значений [7]. Применительно к вузу это означает, что образовательная среда становится пространством ценностно-смысловой идентификации, где происходит не просто усвоение профессиональных компетенций, но и экзистенциальное самоопределение личности. В логике культурной антропологии [11] образовательное пространство предстает как «со-бытийная общность», являющаяся онтологическим условием формирования субъектности. Именно в этом пространстве закладываются основы культуры личности наставника, который, в свою очередь, становится ключевым агентом трансляции ценностей.

Эволюция концепта наставничества в российской культуре прошла путь от сакрально-духовной традиции старчества и ученичества через советскую модель производственного и педагогического контроля к современному гуманистическому пониманию. Если ранее наставничество сводилось к утилитарной передаче навыков и административному надзору (феномен «педагогики необходимости»), то в современных условиях оно трансформируется в практику культурного сопровождения и медиаторства.

В русле «педагогики здравого смысла» [6] и концепции «культуры достоинства» [1] наставничество переосмысливается как пространство свободного выбора, взаимного уважения и совместного поиска смыслов. Наставник перестает быть носителем монополии на истину, становясь фасилитатором самостоятельного ценностного самоопределения подопечного. В этом контексте традиционные российские духовно-нравственные ценности, закрепленные в Указе Президента РФ № 809 [9], приобретают статус не идеологических догм, а живых культурных кодов, формирующих ценностно-смысловое ядро личности не только обучаемых, но и наставников. Соборность, милосердие, служение Отечеству, принятие «иного» и историческая память выступают базовыми ориентирами, которые через деятельностное проживание в образовательной среде трансформируются во внутренние убеждения педагога. Как показывает анализ современной культурологической и педагогической литературы, эффективность трансляции этих ценностей возможна лишь при отказе от нормативно-директивных методов в пользу герменевтического и феноменологического подходов. Ценности усваиваются не через назидание, а через эмпатическое соучастие, диалог культур и совместное проектирование образовательных событий.

Ключевым теоретическим конструктом исследования выступает фигура «наставника-медиатора культуры». В условиях поликультурной, цифровой и инклюзивной среды современного вуза наставник выполняет функцию переводчика и интегратора разнородных жизненных опытов (студентов из малочисленных народов, лиц с ОВЗ, мигрантов, участников СВО).

Опираясь на идеи философской герменевтики (П. Рикёр, Х.-Г. Гадамер), медиатор культуры не стирает различия, а легитимирует их, превращая разнородность в ресурс взаимного обогащения. Этот процесс требует от наставника высокой межкультурной компетентности, этической рефлексивности и готовности к позиции «со-автора» образовательной реальности.

Теоретический анализ подтверждает, что только при таком подходе наставничество преодолевает технократическую редукцию и становится действенным инструментом формирования целостной, ценностно укорененной личности. Таким образом, теоретические рамки исследования интегрируют семиотический, антропологический и ценностно-смысловой подходы, позволяя рассматривать высшее учебное заведение как сферу антропопрактики и ценностно-смыслового становления не только обучаемых [10], но и целенаправленного становления культуры личности наставника. В этом пространстве традиционные ценности [9] операционализируются через конкретные технологии сопровождения, а роль наставника эволюционирует

от администратора к культурному медиатору [1]. Именно эти теоретические предпосылки стали основанием для эмпирической разработки и апробации авторской модели, результаты которой представлены ниже.

Проведенный анализ позволил определить образовательное пространство вуза как динамичную семиотическую систему, где трансляция культуры личности осуществляется через совместную разделенную деятельность. Установлено, что культура личности наставника формируется не через внешнее нормирование, а через проживание «со-бытийной общности» [4]. В ходе исследования выявлено, что эффективным условием становления наставника является отказ от патернализма и переход к позиции «путника-сталкера» [2], рефлексирующего и находящего свой путь в диалоге с подопечным.

Разработаны четыре ключевые технологии культурологического наставничества: 1. Технология эмпатического сопровождения, основанная на феноменологии «бытия-с-другим» и отказе от позиции «эксперта-корректора». 2. Технология культурной адаптации, предполагающая сохранение идентичности подопечного при его включении в общее образовательное поле. 3. Технология диалога культур, трансформирующая разнородность студенческой среды из проблемы в ресурс взаимного обогащения. 4. Технология «включения через творчество» (арт-практики, проектная деятельность, цифровые нарративы), обходящая вербальные барьеры и актуализирующая ценности созидательного труда и милосердия.

Предложена авторская модель «Академического наставничества», где ядром выступают ценности Русского мира (соборность, смирение, принятие «иного»), а внешним контуром – институциональные условия (научно-педагогические школы, нормативная база, методическое сопровождение).

Эмпирическая апробация модели в формате Клуба создателей смыслов «Точка опоры» ВВГУ показала, что 78% наставников демонстрируют переход от позиции «специалиста» к позиции «профессионала-медиатора», а 85% отмечают усиление чувства принадлежности к академическому сообществу [3].

Выводы. Высшее образовательное учреждение представляет собой сложное социокультурное пространство, концептуализируемое через синтез системного, личностно-развивающего и деятельностного подходов. Его эффективность в формировании культуры личности наставника зависит от качества совместной деятельности, выстраиваемой на принципах субъектности, диалога и ценностной укорененности.

Наставничество в современном вузе должно трансформироваться из инструмента административного контроля в социокультурную практику медиаторства, где наставник выступает не транслятором истины, а фасилитатором самостоятельного выбора и творческого самоопределения подопечного.

Традиционные российские духовно-нравственные ценности эффективно усваиваются и транслируются не через лекционные форматы, а через деятельностное проживание в рамках разработанных технологий эмпатического сопровождения, диалога культур и творческого включения.

Устойчивость воспитательных результатов возможна только при наличии институциональной основы и фигуры наставника-медиатора культуры, способного легитимировать иной жизненный опыт в академической среде. Критерии эффективности должны выходить за рамки академических показателей и включать культурную адаптацию, становление субъектности и ценностную идентификацию.

Интеграция культурологических механизмов формирования культуры личности наставника в учебно-воспитательный процесс вуза выступает действенным инструментом обеспечения культурного суверенитета российской высшей школы и подготовки специалистов, способных к ответственному гражданскому выбору в контексте «единства в многообразии».

1. Асмолов А. Г. Непройденный путь: от культуры полезности – к культуре достоинства // Вопросы психологии. – 1990. – № 5. – С. 5–12.

2. Бондаревская Е. В. Теория и практика личностно-ориентированного образования. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. пед. ун-та, 2000. – 351 с.

3. Борзова Т. А., Серова Е. П. Клуб создателей смыслов как антропопрактика в системе высшего образования: теоретическое обоснование и модель реализации. – Текст: непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2024. – № 4. – С. 163–175.

4. Зверев С. М. Рябцев В. К. К введению понятия «антропопрактика» в системе социально-гуманитарного знания // Наука и школа. – 2023. – № 4. – С. 92–103.

5. Крылова Н. Б. Социокультурный контекст образования // Новые ценности образования. – 1995. – Вып. 2. – С. 45–52.
6. Леонтьев А. А. Педагогика здравого смысла: гуманистическая философия. – Москва: Смысл, 2008. – 280 с.
7. Лотман Ю.М. Семиосфера. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2010. – 704 с.
8. Ненахова Е. Н. Теоретико-методологические подходы к формированию социокультурного пространства образовательного учреждения // Вестник образования. – 2012. – № 4. – С. 172–181.
9. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.05.2026).
10. Розин В. М. Понятие и типы антропопрактик // Человек. – 2017. – № 12. – С. 13–33.
11. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология образования человека. Становление субъектности в образовательных процессах. – Москва: Издательство ПСТГУ, 2013. – 432 с.

Сведения об авторе
Борзова Т.А., доцент, кандидат культурологии, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 008; 379.85

ДЕТСКИЙ ТУРИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Т.А. Борзова, канд. культурологии, доцент

А.П. Щипачева, аспирант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Статья посвящена исследованию роли детского туризма как эффективного инструмента для социокультурной адаптации и формирования ценностных ориентиров подрастающего поколения в условиях современных глобальных вызовов. В условиях стремительно меняющегося мира, глобализации и информационного изобилия, детскому туризму отводится особая роль в воспитании гибких, адаптивных и толерантных личностей. Рассматривается, как путешествия способствуют расширению кругозора, развитию межкультурного понимания, формированию эмпатии, уважения к природе и культурному наследию*

Ключевые слова: *детский туризм, социокультурная адаптация, ценностные ориентиры, глобальные вызовы, толерантность, воспитание, личностное развитие, адаптивность, глобальное гражданство.*

CHILDREN'S TOURISM AS A TOOL FOR SOCIO-CULTURAL ADAPTATION AND FORMATION OF VALUES IN THE MIDDLE OF GLOBAL CHALLENGES

Abstract. *This article explores the role of children's tourism as an effective tool for socio-cultural adaptation and the formation of value orientations in the younger generation in the face of modern global challenges. In a rapidly changing world, with globalization and information overload, children's tourism plays a special role in nurturing flexible, adaptable, and tolerant individuals. The article examines how travel contributes to broadening horizons, developing intercultural understanding, fostering empathy, and respect for nature and cultural heritage*

Keywords: *children's tourism, socio-cultural adaptation, value orientations, global challenges, tolerance, education, personal development, adaptability, global citizenship*

Мир стремительно меняется, ставя перед человечеством сложные и многогранные задачи. Глобализация, ускоренное развитие технологий, миграционные процессы, экологические кризисы – все это формирует новую реальность, требующую от каждого человека, и в особенности от молодого поколения, гибкости, адаптивности и глубокого понимания ценностей. В этом контексте, детский туризм, выходя за рамки простого отдыха, приобретает особое значение как мощный инструмент формирования личности, способной ориентироваться в многообразном и постоянно меняющемся мире.

Цель исследования заключается в определении роли детского туризма в процессе социокультурной адаптации и формирования ценностных ориентиров подрастающего поколения в контексте современных глобальных вызовов.

Актуальность исследования обусловлена различными факторами. Во-первых, современные дети сталкиваются с беспрецедентными глобальными вызовами, такими как климатические изменения, информационный шум, ксенофобия, необходимость межкультурного диалога и формирование устойчивой системы ценностей и способности к адаптации становится критически важным для успешной жизни и гармоничного развития. Во-вторых, в условиях растущей мобильности населения и мультикультурализма, умение понимать и принимать чужие культурные нормы, традиции и ценности, а также интегрироваться в новые социальные среды, становится жизненно необходимым навыком. В-третьих, «детство» – это период активного формирования мировоззрения и системы ценностей. Целенаправленное воздействие через различные формы деятельности, включая туризм, может помочь привить такие качества, как толерантность, уважение к разнообразию, ответственность, эмпатия, гражданская позиция. И в-четвертых, несмотря на растущее понимание роли туризма в личностном развитии, социокультурные и ценностные аспекты детского туризма в условиях глобальных вызовов требуют более глубокого и системного изучения.

Согласно Федеральному закону от 24 ноября 1996 года №122-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» детский туризм – это туризм организованной группы несовершеннолетних туристов в сопровождении руководителя, который несёт обязанности их законного представителя [10]. С точки зрения понятия детский туризм рассматривается в соответствии со следующими подходами: как средство развития детей [9, 12]; вид социального туризма [8, 1]; вид досуга детей; организованное путешествие детей [2, 10-11]. Выделяют такие ключевые особенности детского туризма как: частичное бюджетное и внебюджетное финансирование, имеет социальный характер, предполагает массовость, направлен на развитие личности и здоровья ребенка, имеет высокие требования к организации с педагогической и медицинской позиции, выполнения нормативных требований к питанию и транспорту.

По мнению ряда исследователей, к основным задачам детского туризма можно отнести следующие [4, 7, 13]:

– возможность самоопределения и роста самостоятельности в условиях рыночной экономики; приобщение к культурным и общечеловеческим ценностям;

– укрепление здоровья;

– развитие гармоничной личности;

– удовлетворение потребности общества в квалифицированных специалистах для туристского бизнеса.

Поэтому детский туризм выступает важным инструментом социокультурной адаптации и формирования ценностных ориентиров у детей, особенно в условиях глобальных вызовов. Он сочетает оздоровительные, образовательные, воспитательные и социальные функции, способствуя всестороннему развитию личности [3].

Сам рынок детского туризма в России растёт на фоне увеличения числа школьников и появления новых форматов отдыха. В 2025 году детские лагеря приняли около 5,7 млн детей – это 30% от общего числа учеников, что указывает на значительный резерв роста. При этом охват ограничен дефицитом загородной инфраструктуры, а также высокой стоимостью путёвок: в 2026 году их цена увеличилась на 15-25% в зависимости от региона [6].

В России, согласно отчёту Future Market Insights (FMI), индустрия детских и рекреационных услуг демонстрирует устойчивый рост. Ожидается, что в период с 2026 по 2035 год рынок будет расти в среднем на 4,9% в год.

Рис. 1. Структура детского отдыха в России [5-6]

Как можно увидеть на рисунке 1, по данным Российского союза туриндустрии (РСТ), в настоящее время больше всего лагерей, прежде всего пришкольных, на всю страну 31 209 (78%), загородных – 2 237 (5,6%), лагерей труда и отдыха – 4405 (11%), палаточных – 658 (1,5%) [5-6].

Детский туризм в России формируется как стратегически важный сегмент внутреннего рынка – с высоким спросом, заметным социальным эффектом и долгосрочным бизнес-потенциалом.

Детский туризм выступает эффективным пространством для социокультурной адаптации детей – помогает встроиться в многообразный мир, освоить социальные нормы и культурные ценности, развить ключевые жизненные навыки.

Если рассматривать детский туризм как пространство социокультурной адаптации, то необходимо отметить такие особенности как:

1. Расширение кругозора и знакомство с разнообразием, т.е. путешествия знакомят детей с различными культурами, традициями, обычаями, языками, кухней, что в свою очередь разрушает стереотипы, развивает любознательность и формирует понимание многообразия мира. Посещение разных стран и регионов позволяет увидеть, как живут люди, какие у них ценности, как они решают свои проблемы.

2. Развитие толерантности и межкультурного понимания, например, столкновение с непривычным, но при этом без агрессии и осуждения, учит детей принимать и уважать различия. Общение с детьми из других стран, участие в совместных мероприятиях, даже просто наблюдение за повседневной жизнью других народов способствует развитию толерантности.

3. Формирование навыков коммуникации и взаимодействия, например, в поездках дети вынуждены общаться с новыми людьми, находить общий язык, договариваться, решать возникающие проблемы и это развивает их коммуникативные навыки, умение работать в команде, строить отношения.

4. Преодоление барьеров и приобретение уверенности, это самостоятельное преодоление трудностей в незнакомой среде, будь то ориентация на местности, общение на иностранном языке или адаптация к новым условиям, что способствует формированию уверенности в себе, самостоятельности и независимости.

5. Воспитание гражданской ответственности, например, знакомство с историей, культурой и природой родной страны, а также с достижениями и проблемами других государств, способствует формированию у детей чувства причастности к миру, понимания своих прав и обязанностей как гражданина.

Таким образом, детский туризм создаёт уникальную среду для всесторонней социокультурной адаптации. Он не просто расширяет кругозор ребёнка, но и:

– формирует толерантное мировоззрение;

– развивает коммуникативные компетенции;

– воспитывает самостоятельность;

– закладывает основы гражданской позиции.

Организованные с учётом возрастных особенностей и педагогических задач туристские программы становятся мощным инструментом социализации, помогая детям успешно интегрироваться в современное многокультурное общество и подготовиться к активной жизни в нём.

Детский туризм создаёт условия для личностной идентификации и адаптации к новым условиям. В путешествиях дети сталкиваются с разными ситуациями – от преодоления трудностей до общения со сверстниками, что способствует формированию социально приемлемых черт личности.

Конечно же детский туризм – это не просто отдых и новые впечатления, но и мощный инструмент воспитания, который помогает формировать у детей важные ценностные ориентиры. Разберём подробнее, какие качества и установки можно развить с его помощью:

1. Развитие эмпатии и сострадания (посещение мест, связанных с историей страданий (например, мемориалы), или знакомство с социально уязвимыми группами населения, может пробудить в детях чувство эмпатии и сострадания, побудить к желанию помогать другим).

2. Воспитание уважения к природе и экологическая осведомленность, например, туристические поездки, особенно в природные заповедники, национальные парки, знакомят детей с красотой и хрупкостью природы, что формирует осознанное отношение к окружающей среде, понимание необходимости ее сохранения.

3. Формирование патриотизма и любви к Родине через знакомство с историческими памятниками, культурными объектами, природными достопримечательностями своей страны, позволяет детям глубже понять ее историю, уникальность и красоту, что способствует формированию чувства гордости и любви к Родине.

4. Приобщение к культурному наследию посредством посещения музеев, театров, архитектурных памятников, участие в народных праздниках и обрядах – все это позволяет детям прикоснуться к богатому культурному наследию, понять его значение и ценность.

5. Развитие критического мышления и осознанного потребления, так как в условиях информационного изобилия и потребительской культуры, туристические поездки могут стать площадкой для развития критического мышления. Дети учатся анализировать информацию, различать истинное и ложное, формировать собственные суждения.

Все вышесказанное говорит о том, что детский туризм комплексно влияет на формирование личности ребёнка. Он не только расширяет кругозор и дарит яркие эмоции, но и воспитывает эмпатию, экологическую культуру, патриотизм, уважение к традициям, критическое мышление. Грамотно организованные поездки становятся важным этапом в становлении ценностных ориентиров подрастающего поколения.

Как уже говорилось, современный мир сталкивается с целым рядом глобальных вызовов: ростом ксенофобии и национализма, ускоряющимися темпами изменений во всех сферах жизни, углублением цифрового разрыва между реальным и виртуальным опытом. В этих условиях особую важность приобретает воспитание подрастающего поколения, способного жить и действовать в многокультурной, динамичной и взаимосвязанной среде.

Одним из таких эффективных инструментов решения задач выступает детский туризм, так как он не ограничивается развлечением и отдыхом, а является мощным ресурсом, помогающий детям:

– преодолевать культурные барьеры и развивать толерантность;

– учиться адаптироваться к меняющимся условиям;

– осознавать свою роль как граждан мира;

– получать непосредственный жизненный опыт за пределами цифрового пространства.

Поэтому роль детского туризма в контексте глобальных вызовов можно выразить следующим образом:

– противодействие ксенофобии и национализму (общение с представителями других культур, знакомство с их обычаями и традициями, рассеивает страхи и предрассудки, способ-

ствует формированию открытого и толерантного мировоззрения, что является противоядием к ксенофобии и национализму);

– формирование навыков адаптации к изменяющимся условиям (в условиях изменения мира детям важно научиться гибко реагировать на эти изменения, так, например, путешествия, с их непредсказуемостью и необходимостью приспосабливаться, тренируют эти навыки);

– развитие глобального гражданства, через призму детского туризма, позволяет взглянуть на мир глазами глобального гражданина, помогает осознать взаимосвязь всех людей и народов, ответственность каждого за будущее планеты;

– преодоление цифрового разрыва и информационных пузырей, ведь в эпоху цифровизации, когда дети проводят много времени в виртуальном пространстве, реальные путешествия помогают им получить непосредственный опыт, увидеть мир «изнутри», а не только через экран.

Анализ роли детского туризма в контексте современных глобальных вызовов позволяет сделать вывод о его высокой социально-педагогической ценности.

Во-первых, детский туризм эффективно противодействует ксенофобии и национализму. Непосредственное общение с представителями других культур, знакомство с их традициями и обычаями рассеивает страхи и предрассудки. Ребёнок получает возможность увидеть общее в разных народах и научиться уважать различия, формируя открытое и толерантное мировоззрение.

Во-вторых, путешествия развивают навыки адаптации к быстро меняющимся условиям. Непредсказуемость поездки, необходимость быстро ориентироваться в новой среде, решать неожиданные задачи учат детей гибкости, находчивости и самостоятельности – качествам, критически важным в современном мире.

В-третьих, детский туризм способствует формированию глобального гражданства. Посещая разные страны и регионы, ребёнок осознаёт взаимосвязь всех людей и народов, понимает свою ответственность за будущее планеты. Это помогает воспитать чувство сопричастности к глобальным процессам и развить активную гражданскую позицию.

В-четвёртых, реальные путешествия преодолевают цифровой разрыв и разрушают информационные пузыри. В отличие от виртуального опыта, который часто ограничен алгоритмами и фильтрами, живое знакомство с миром даёт многогранное, непосредственное восприятие реальности. Дети учатся видеть мир во всей его сложности и красоте, а не через экран «гаджета».

Таким образом, детский туризм – это не просто отдых, а важный элемент воспитания современного человека. Систематическое включение туристических программ в образовательный и воспитательный процесс способно существенно повысить готовность подрастающего поколения к жизни в условиях глобальных вызовов, формируя социально ответственных, культурно грамотных и психологически устойчивых граждан будущего.

Однако хотелось бы отметить, что для достижения включения туристических программ в образовательный и воспитательный процесс необходимо иметь разнообразие форм детского туризма, что говорит о необходимости развивать различные формы детского туризма – образовательные, экологические, культурно-познавательные, спортивные, волонтерские и другие.

Также нельзя забывать и про специализированные программы, учитывающие возрастные особенности детей и направленных на решение конкретных задач социокультурной адаптации и формирования ценностных ориентиров. Конечно же, немаловажную роль играет и подготовка квалифицированных кадров (вожатые, педагоги, гиды, сопровождающие детей и т.п.), которые должны обладать не только знаниями, но и навыками межкультурной коммуникации, психологической поддержки и педагогической работы.

В свою очередь актуальным является сотрудничество с образовательными учреждениями через интеграцию детского туризма в образовательный процесс, использование его как формы внеурочной деятельности. А вовлечение родителей играет одну из ключевых ролей в формировании ценностных ориентиров детей, поэтому необходимо вовлекать их в планирование и организацию семейных путешествий. В эпоху цифровизации использование современных технологий позволяет создать интерактивные платформы, мобильные приложения для подготовки к поездкам, проведения виртуальных экскурсий, обмена впечатлениями.

Детский туризм, при правильной организации и целенаправленном подходе, представляет собой уникальный и мощный инструмент для решения актуальных задач современного общества. Он способен эффективно способствовать социокультурной адаптации детей, расширяя их кругозор, развивая толерантность и коммуникативные навыки. Одновременно путешествия

становятся площадкой для формирования прочной системы ценностных ориентиров, основанной на уважении к разнообразию, ответственности, эмпатии и осознанности. В условиях глобальных вызовов, инвестиции в детский туризм – это инвестиции в будущее, в формирование поколения, готового к диалогу, сотрудничеству и построению гармоничного мира.

Детский туризм – это не просто отдых, а стратегический инструмент для воспитания молодого поколения, способного успешно ориентироваться в сложном, многообразном и постоянно меняющемся мире. Однако, чтобы детский туризм приносил максимальную пользу, необходимо действовать системно. Важно развивать разнообразные формы путешествий, создавать программы, которые целенаправленно работают над формированием ценностей.

1. Бахвалова А.А. Отличительные особенности услуги детско-юношеского // Вестник Российской академии естественных наук. – 2015. – № 19(3). – С. 79-81.
2. Ветитнев А.М., Оргина Е.В. Управление рынком детского оздоровительного туризма: монография. – Москва: Инфра-М, 2012. – 138 с.
3. Гомилевская Г.А. Детский туризм как социально-экономическая форма образования школьников // Научное обозрение: теория и практика. – 2017. – № 10. – С. 90-99.
4. Зеленкова С.М. Детско-подростковая экспедиция: коррекция и профилактика девиантного поведения // Социальная педагогика. – 2011. – № 3. – С. 75-81.
5. Значительная доля детских поездок в регионах организуется без официального оформления. 30 марта 2026г. Текст: электронный. – URL: https://rst.ru/novosti/novosti-turizm/znachitelnaya-dolya-detskih-poezdok-v-regionah-organizuetsya-bez-oficialnogo-oformleniya.html
6. Как развивается в России рынок детского туризма: вызовы и бизнес-потенциал. 01 июня 2026г. Текст: электронный. – URL: https://sber.pro/publication/kak-razvivaetsya-v-rossii-rinok-detskogo-turizma-vizovi-i-biznes-potentsial/
7. Колесниченко Е.С. Развитие детского оздоровительного туризма в социально-экономической системе воспроизводства человеческого потенциала: автореф. дис...канд. экон. наук. – Москва: РГСУ, 2009. 26с.
8. Морозов М.А. Маркетинговое исследование российского рынка детского туризма // Маркетинг в России и за рубежом, 2004. №2. С.18-26.
9. О детском и юношеском туризме: модельный закон Содружества Независимых Государств от 4 декабря 2004 г. – Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ. 2005. №35. С. 21-45.
10. «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» федеральный закон от 24 ноября 1996 года №122-ФЗ / Консультант. Плюс Текст: электронный. – URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/bb9e97fad9d14ac66df4b6e67c453d1be3b77b4c/
11. Оргина Е.В.? Ветитнев А.М. Формирование системы детского оздоровительного туризма и ее регулирование на основе государственно-частного партнерства // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела, 2011. – № 3.
12. Остапец А.А. Педагогика и психология туристско-краеведческой деятельности учащихся. – Москва: РМАТ, 2001. – 87 с.
13. Чумичева О.Н. Управление конкурентоспособностью детского туризма в России: дис …. канд. экон. наук. – Москва: ГУУ, 2006.169 с.

Сведения об авторах
Т.А. Борзова, кандидат культурологии, доцент, г. Владивосток, Россия
А.П. Щипачева, аспирант, г. Владивосток, Россия

УДК 004.891.2

ФОРМАЛИЗАЦИЯ ПРОТОКОЛОВ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ ЛАЗЕРНОГО АДДИТИВНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Н.А. Борисенко, магистрант

Владивостокский государственный университет

В.В. Грибова, преподаватель

Институт автоматики и процессов управления ДВО РАН
Владивосток, Россия

Аннотация. *Данное исследование посвящено анализу и выбору наиболее эффективных подходов к трансформации текстовых корпусов в машинопонимаемое структурированное представление. В качестве предварительной подготовки текстов были проанализированы и использованы различные методы нормализации, такие как очистка шумовых символов, обработка синтаксических и орфографических ошибок с использованием инструментов Python-библиотек*

Ключевые слова и словосочетания: *лазерное аддитивное производство, машинопонимаемость текста, большие языковые модели, обработка естественного языка, технологические операции.*

FORMALIZING LASER ADDITIVE MANUFACTURING PROCESS OPERATION PROTOCOLS FOR MACHINE-INTERPRETABLE REPRESENTATION

Abstract. *This study is devoted to the analysis and selection of the most effective approaches to transforming textual corpora into a machine-interpretable structured representation. As part of the preliminary text preparation stage, various normalization methods were analyzed and applied, including the removal of noisy characters and the correction of syntactic and spelling errors using tools provided by Python libraries*

Keywords: *laser additive manufacturing; machine interpretability of text; large language models; natural language processing; process operations*

Введение

В начале 1980-х начали развиваться новые методы производства деталей, основанные на послойном изготовлении изделия по трехмерной модели, полученной в САПР[1], за счет добавления материала в виде пластиковых, керамических, металлических порошков и их связки термическим, диффузионным или клеевым методом [1]. Группа этих технологий на западе получила название «аддитивное производство». За три десятилетия технология перешла от изготовления прототипов к непосредственному получению готовых функциональных изделий [14]. Аддитивные технологии активно применяются в высокотехнологичных отраслях, включая авиастроение, атомную промышленность и медицину, позволяя изготавливать изделия сложной геометрии с высокой экономической эффективностью.

В настоящее время существует несколько десятков разновидностей технологии, каждая из которых имеет свои особенности и области применения. Одной из наиболее перспективных и востребованных является лазерное аддитивное производство, которое использует лазер для плавления материала и послойного формирования объекта. Эта технология позволяет достигать высокой точности и качества изделий, что делает её особенно актуальной для сложных и ответственных сфер, таких как авиация и медицина [6].

Лазерное аддитивное производство предъявляет высокие требования к профессиональной подготовке инженеров, включая глубокие знания в области физико-химических свойств материалов, специфики применяемых сплавов, параметров режимов наплавки, а также обязательного соблюдения нормативных требований. Инженеры должны быть особенно компетентны и обладать высокой квалификацией в области настройки режимов лазерного наплавления, учитывая широкий спектр технологических нюансов [2].

Объем информации, необходимой для принятия обоснованных технологических решений, чрезвычайно велик, и даже незначительные ошибки в параметрах могут привести к дефектам изделий или повреждению оборудования. В таких условиях актуальной становится задача создания и ведения структурированного архива (библиотеки) протоколов (технологических карт) операций лазерной обработки, который позволяет систематизировать данные, сокращать временные затраты на поиск и обработку информации, а также представляет собой единый источник проверенных сведений для инженеров.

Автоматизация пополнения архива путем преобразования текстовых протоколов в машинопонимаемое представление делает возможным оперативное включение в него новых данных, поддержание их актуальности, а также делает возможным дальнейшее использование этих сведений в аналитических и прикладных задачах и способствует повышению эффективности работы персонала.

[1] САПР – Система автоматизированного проектирования или система автоматизации проектных работ.

Текстовые представления и выходные данные

В качестве входных данных были использованы протоколы технологических операций, представляющих собой описания процессов лазерной наплавки, включающие несколько ключевых разделов. Вначале указывается общая информация о протоколе: его номер, дата, цель и место проведения. Далее описываются условия окружающей среды, за которыми следуют техническое задание и используемые материалы. Затем подробно приводятся требования к результату (например, геометрические параметры), характеристики применяемого оборудования, а также параметры выполнения операции: настройки лазерного излучения, режимы подачи технологических газов и материала, параметры движения установки. Завершается протокол указанием результата выполненной операции.

Протоколы технологических операций сохраняются в облачной базе данных на платформе IACPaaS, представляющей собой централизованное хранилище (архив, библиотеку) формализованных, машинопонимаемых описаний операций лазерной аддитивной обработки металлических материалов. Регулярное пополнение этого хранилища осуществляется после завершения и протоколирования очередной технологической операции, разработанной и реализуемой сотрудниками Центра инженерных разработок ИАПУ ДВО РАН. В перспективе для пополнения базы могут использоваться также протоколы технологических операций (по технологии направленного энерговклада), выполняемые другими научно-исследовательскими и производственными коллективами (рис.1).

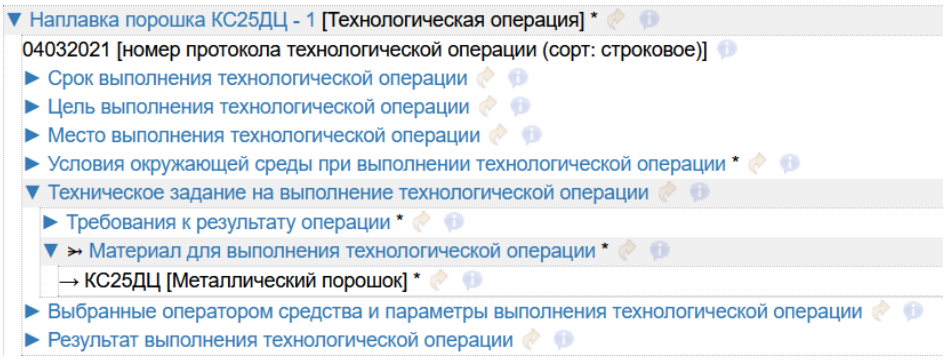

Рис. 1. Фрагмент протокола технологической операции на платформе IACPaaS

Предполагается два основных формата выходного представления в JSON: универсального и онтологоориентированного. Универсальный формат отличается простотой структуры: все атрибуты обозначаются англоязычными ключами (например, title, name, path, comment), а дочерние элементы дерева группируются под общим атрибутом successors, что делает формат удобным для универсальной обработки и отображения. В онтологоориентированном формате структура более специализирована: атрибуты получают префикс $ (например, $name, $path), а дочерние элементы не объединяются под единым ключом, а распределяются по отдельным атрибутам, названия которых соответствуют типам (метавершинам) этих элементов. Это облегчает навигацию и выборку элементов определённого типа, что особенно важно при использовании онтологий и семантического анализа данных [5].

Этапы процесса трансформации

В исследовании были рассмотрены современные подходы и инструменты, предназначенные для преобразования неструктурированных текстов в машинопонимаемое структурированное представление. На основании полученных результатов был сформирован многоэтапный пайплайн.

Первым этапом в рассматриваемом пайплайне является предварительная подготовка текстовых данных, включающая процедуры нормализации, такие как удаление шумовых символов, приведение к единому регистру, коррекция орфографических и синтаксических ошибок, для исключения артефактов, которые могут исказить интерпретацию содержания.

Из очищенного текста извлекается семантически релевантное представление, пригодное для машинной обработки. Для этого используются методы векторизации, токенизации и/или, получение эмбеддингов с помощью предобученных языковых моделей, таких как SBERT. Эти эмбеддинги представляют собой плотные векторы, отражающие контекстуальное и смысловое

содержание фрагментов текста, что обеспечивает сохранение логических связей и семантики при переходе к формальным структурам.

Заключительным этапом является передача полученных векторных представлений в трансформерную модель T5, которая выполняет семантическое преобразование, превращая эмбеддинги и сопровождающие текстовые сигналы в формализованные описания. Предложенный пайплайн обеспечивает полный процесс преобразования неформализованного текста в структуру, пригодную для автоматической обработки. Полученный файл в формате JSON затем импортируется в архив протоколов на платформе IACPaaS с использованием предоставляемого API (рис. 2).

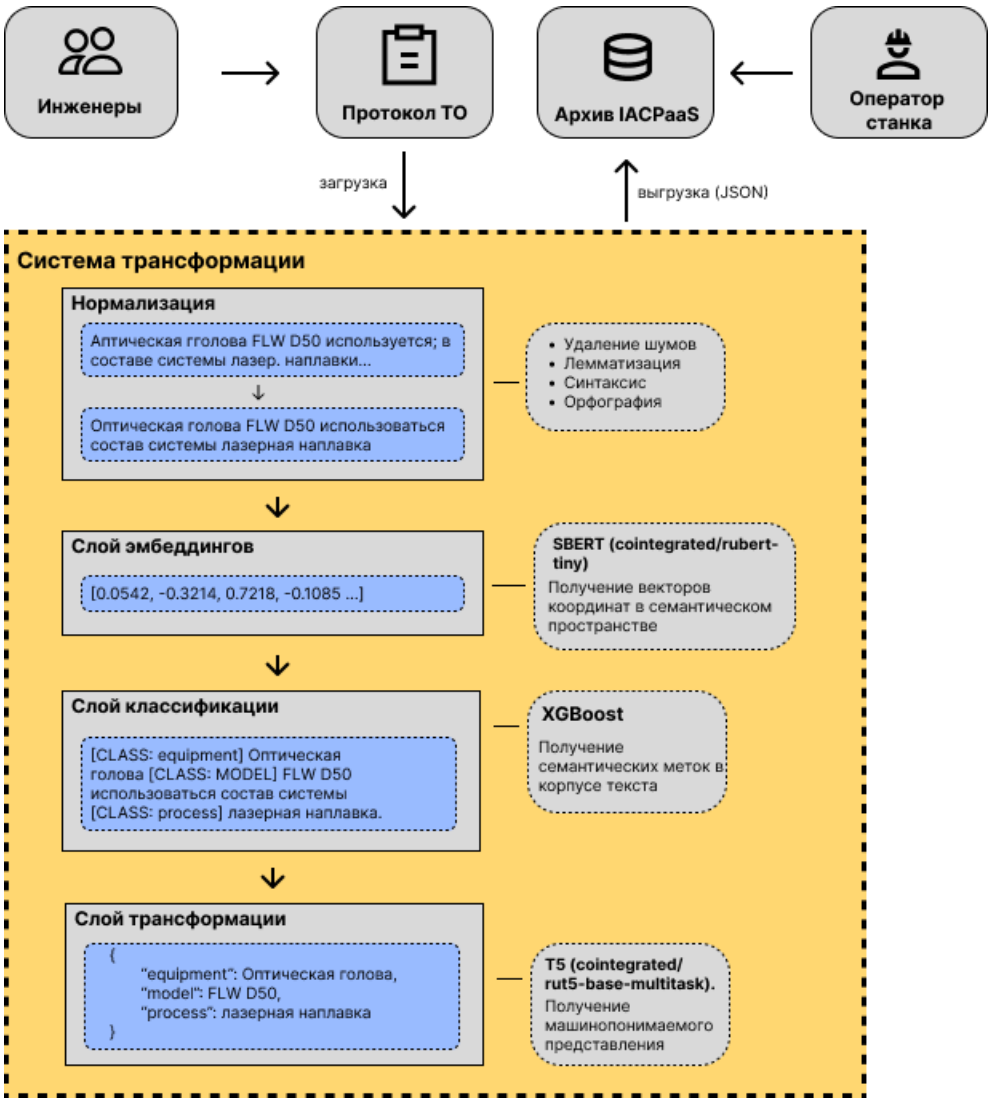

Рис. 2. Схема и применение системы трансформации

Нормализация входных данных

На этапе предварительной обработки текстов нормализация играет ключевую роль в обеспечении чистоты и единообразия данных. Её основное назначение — устранение шумовых символов, приведение текста к единому регистру, удаление пунктуации, стандартизация числовых выражений и единиц измерения. Это позволяет устранить артефакты ввода и обеспечить однозначность дальнейшей интерпретации. Например, символы табуляции, спецзнаки и форматирующие символы, такие как \t и \n, удаляются для получения чистого текстового фрагмента. Приведение к нижнему регистру и удаление знаков препинания позволяют избежать лишней вариативности, а стандартизация чисел и единиц измерения обеспечивает корректную обработку физических параметров, что критично для технических данных [3].

Нормализация также решает более тонкие задачи: исправление орфографических и синтаксических ошибок, лемматизация[1] и стемминг[2], удаление стоп-слов и шумов. Эти операции позволяют сократить влияние вариативных и неинформативных компонентов текста и повысить качество семантического анализа. Всё это критически важно в контексте рассматриваемого пайплайна, поскольку даже незначительные искажения на этом этапе могут привести к существенным ошибкам в интерпретации и классификации данных на последующих этапах [9].

Для оценки качества нормализации были использованы восемь фрагментов из текстовых протоколов, содержащих параметры, обозначения оборудования и формулировки условий. Входной корпус включал фразы с различными типами «шума»: пунктуацией, вариативностью написания, лишними словами, разным порядком слов и регистрами:

- Исходный текст: «Мощность: 700 ватт.», «Диаметр пучка ~ 0,98мм!», «Голова: FLW d-50», «Температура: около 300K».

- Нормализованный текст: «мощность 700Вт», «диаметр пучка 0 98мм», «оптическая голова FLW D50», «температура 300».

- Эталон: «мощность 700Вт», «диаметр пучка 0.98мм», «оптическая голова FLW D50», «температура 300K».

Оценка достаточности и адекватности нормализации проводится с помощью следующих меток качества:

- BLEU (от 0 до 1): оценивает совпадение нормализованного текста с эталоном по n-граммам. (>0.8 — высокая точность и лексическая близость, ~0.5–0.7 — приемлемый результат, <0.4 — значительное расхождение).

- METEOR (от 0 до 1): точность, полнота, порядок и морфологическое сходство. (>0.85 — высокое лексико-семантическое соответствие, 0.6–0.85 — хорошее или среднее качество, <0.6 — риск смыслового искажения).

- Edit Distance (расстояние Левенштейна) (натуральные числа): количество изменений, необходимых для получения эталона. (0 — идентичные строки (лучший результат), 1–3 — незначительные правки, >5 — значительное вмешательство в текст, требующее анализа на смысловую корректность).

Преобразование текстового корпуса в машинопонимаемое представление

Токенизация и векторизация представляют собой фундаментальные этапы в процессе преобразования текстов в структурированное, машинопонимаемое представление.

Токенизация выполняет разбиение текста на минимальные смысловые единицы — токены (слова, подслова или символы), подготавливая его к дальнейшей обработке. Выбор метода токенизации, от простого разделения по пробелам до нейросетевых подходов, влияет на способность модели воспринимать редкие и сложные термины, характерные для технических текстовых корпусов [16].

Векторизация преобразует текст в числовую форму, с которой может работать модель и играет решающую роль в генерации. Суть векторизации заключается в преобразовании токенов в числовые представления — векторы, отражающие статистическую или семантическую информацию. Простые методы (BoW, TF-IDF) учитывают только частотные характеристики, в то время как современные модели, такие как SBERT, формируют контекстуальные эмбеддинги, способные улавливать смысл слов с учётом их лексического окружения [12].

В рамках данного исследования модель SBERT рассматривается в качестве вспомогательного инструмента для промежуточной семантической разметки текстового корпуса. Фрагменты текста преобразуются в эмбеддинги — векторы фиксированной длины, отражающие семантическое содержание фрагментов текста [19]. Эти числовые представления позволяют сравнивать тексты между собой, группировать их, определять тип содержимого и искать смысловые аналогии.

После извлечения эмбеддинги могут классифицироваться алгоритмами с учителем или кластеризоваться алгоритмами без учителя по семантическим категориям, что позволяет присвоить каждому фрагменту соответствующую метку (например, параметр, материал, оборудование и т. д.) [13]. Такая разметка служит основой для последующей структурной трансформации (рис. 3).

[1] Лемматизация — процесс приведения слова к лексической норме (лемме), которая соответствует его грамматической категории, учитывая часть речи, морфологические признаки и контекст (пр.: наносились – наносить, бегающих – бегать).

[2] Стемминг — упрощённый метод, при котором от слова отсекаются окончания, суффиксы и приставки с целью выделить «корень” (стем) (пр.: наносились – нанос, бегающих – бега).

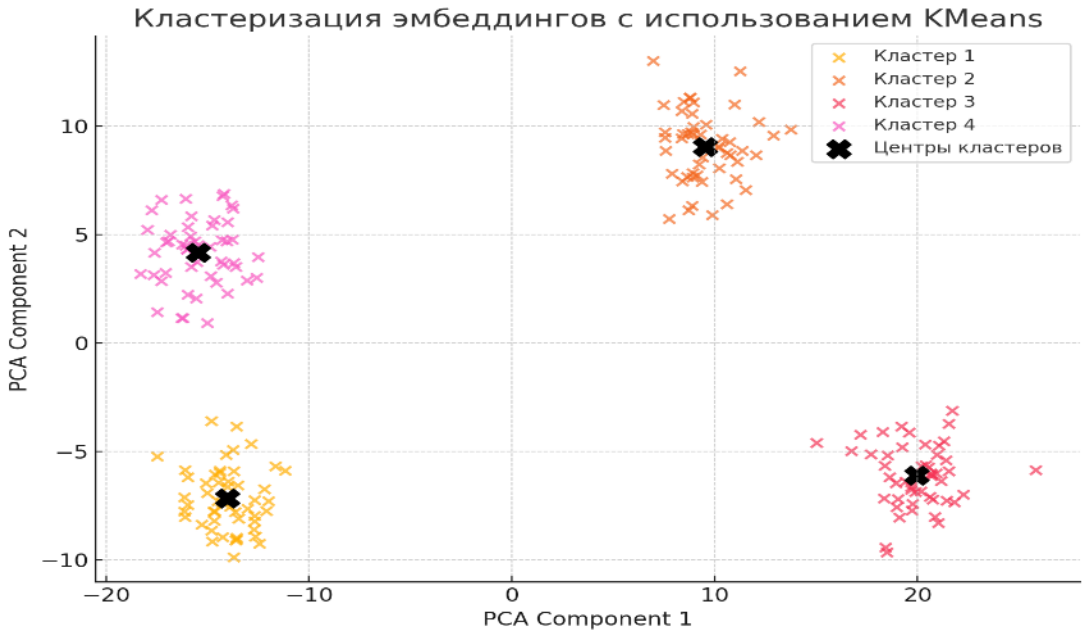

Рис. 3. Визуализация кластеризации эмбеддингов с использованием KMeans, проецированном с помощью PCA

Пример: «[CLASS: equipment] Оптическая голова [MODEL: FLW D50] используется в составе системы [CLASS: process] лазерной наплавки. [CLASS: parameter] Мощность излучения составляет [VALUE: 700 Вт], а [CLASS: parameter] диаметр пучка равен [VALUE: 0.98 мм]. [CLASS: material] Порошок марки [GRADE: ПГ-ЮНХ16СР3] подаётся через [CLASS: feeder] ПП7103-1.»

Инструменты для кластеризации и классификации были отобраны и проанализированы на основании их функциональной релевантности и популярности (таблицы 1, 2).

Таблица 1

Метод	Описание
KMeans	Центроидная кластеризация, требует указания числа кластеров.
DBSCAN / HDBSCAN	Плотностная кластеризация, определяет количество кластеров автоматически.
Agglomerative Clustering	Иерархическая кластеризация, объединение по близости.
FAISS	Поиск ближайших соседей в векторном пространстве (для кластеризации и поиска аналогий).
Косинусная близость	Метрика для оценки семантической близости между эмбеддингами.

Таблица 2

Методы кластеризации

Метод	Описание
LogReg (Логистическая регрессия)	Линейный классификатор, эффективен на простых и интерпретируемых данных.
XGBoost (Градиентный бустинг)	Мощный ансамблевый алгоритм градиентного бустинга для табличных и эмбеддинг-данных.
DeepPavlov	Фреймворк для задач классификации, извлечения сущностей (NER), диалогов и др.

Для выбора наиболее эффективного инструмента результаты экспериментов сравнивались по матрицам ошибок и основным метрикам качества. Анализ представленных инструментов позволяет выделить следующие конфигурации пайплайна трансформации текстов в структурированное представление:

1. Текст → Нормализация → TF-IDF → T5
2. Текст → Нормализация → FastText → T5
3. Текст → Нормализация → Whitespace Tokenization → T5
4. Текст → Нормализация → WordPiece / SentencePiece Tokenization → T5
5. Текст → Нормализация → BPE/Character-level Tokenization → T5
6. Текст → Нормализация → SBERT → T5
7. Текст → Нормализация → SBERT → KMeans → T5
8. Текст → Нормализация → SBERT → DeepPavlov → T5
9. Текст → Нормализация → SBERT → DBSCAN → T5
10. Текст → Нормализация → SBERT → HDBSCAN → T5
11. Текст → Нормализация → SBERT → Agglomerative Clustering → T5
12. Текст → Нормализация → SBERT → Косинусная близость → T5
13. Текст → Нормализация → SBERT → FAISS → T5
14. Текст → Нормализация → SBERT → LogReg → T5
15. Текст → Нормализация → SBERT → XGBoost → T5

Оптимальный метод выбирался по качеству итогового результата. При этом особое внимание уделяется не только формальной корректности преобразования, но и сохранению семантики, точности структуры, а также соответствию целевым задачам. Для объективной оценки используются как лексико-синтаксические, так и семантические метрики, каждая из которых фиксирует определенный аспект качества:

***- F1-score** (от 0 до 1): гармоническое среднее между **Precision** (точностью) и **Recall** (полнотой) (используется при нормализации с аннотацией токенов). (**>0.9** — высокая точность и полнота выделения целевых элементов, **~0.7–0.9** — приемлемый уровень, **<0.6** — слабое соответствие разметке).*

***- BLEU** (от 0 до 1): n-граммное совпадение между результатом и эталоном. (**>0.8** — высокое сходство, **~0.5–0.7** — допустимое качество, **<0.4** — сильное расхождение).*

***- ROUGE** (от 0 до 1): оценивает полноту и длину совпадений ключевых фраз. (**>0.8** — значительное сохранение информации, **<0.5** — риск потери критически важных фрагментов).*

В процессе первичного тестирования пайплайна в качестве базовых моделей были выбраны мультиязычные архитектуры: модель **T5 (google/t5-base)** и модель **SBERT (paraphrase-multilingual-MiniLM-L12-v2)**. Эти модели использовались как базовый вариант для проверки основных этапов обработки, позволяя провести первичную оценку качества трансформации, сопоставления и генерации семантически значимых структур.

По результатам первичного тестирования экспериментальный набор моделей был расширен за счёт русскоязычных и дообученных архитектур, адаптированных к техническому корпусу текстов на русском языке. В качестве кандидатов для дальнейшего отбора и анализа были выбраны следующие модели:

***Модели T5**: sberbank-ai/ruT5-small, sberbank-ai/ruT5-base, cointegrated/rut5-base-multitask, google/mt5-small, google/mt5-base, google/t5-base.*

***Модели SBERT**: paraphrase-multilingual-MiniLM-L12-v2, cointegrated/rubert-tiny, cointegrated/LaBSE-en-ru, distiluse-base-multilingual-cased-v1, LaBSE (Google), paraphrase-multilingual-mpnet-base-v2.*

Нормализация текстового корпуса

В рамках проведенного эксперимента по оценке эффективности различных методов нормализации текстов были последовательно протестированы шесть этапов предобработки на 8 текстовых корпусах, включающих:

- удаление шума и стоп-слов;
- лемматизация;
- стемминг;
- исправление орфографических и синтаксических ошибок;

А также две комплексные конфигурации, сочетающие вышеуказанные методы:

- удаление шума, лемматизация, синтаксис и орфография
- удаление шума, стемминг, синтаксис и орфография.

Результаты анализа (рис. 4) показывают, что наилучшие значения BLEU и METEOR достигаются при использовании комбинированных стратегий нормализации (шаги 5 и 6), демонстрируя улучшение лексико-семантической точности. При этом минимальное расстояние Левенштейна (в среднем 2 единицы) зафиксировано также на последних двух шагах, что свидетельствует о высоком уровне текстовой близости к исходной целевой форме.

На основании метрик можно заключить, что наиболее эффективным является метод: *удаление шума, лемматизация, синтаксис и орфография*.

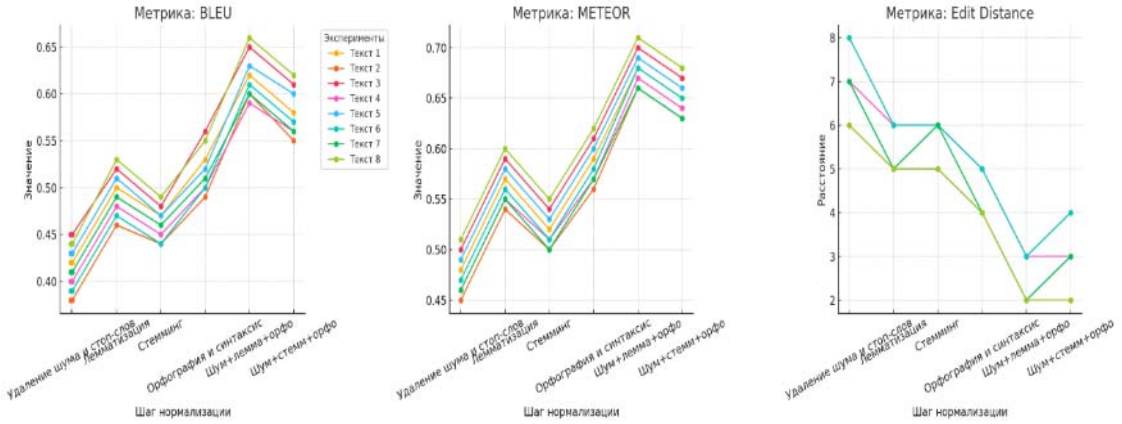

Рис. 4. Графики по метрикам качества нормализации BLEU, METEOR, Edit Distance

Сравнительный анализ методов определения семантических меток

Анализ матриц ошибок показал превосходство методов классификации над алгоритмами кластеризации в задаче семантической идентификации технических фрагментов текста. Наилучшие результаты продемонстрировала модель XGBoost – точность классификации свыше 85% по всем категориям, что указывает на высокую способность к корректной интерпретации входных данных. Алгоритмы кластеризации без учителя, включая KMeans, DBSCAN, HDBSCAN и Agglomerative Clustering, характеризуются слабым дифференцированием классов, что ограничивает их применение в рамках настоящего исследования (рис. 5).

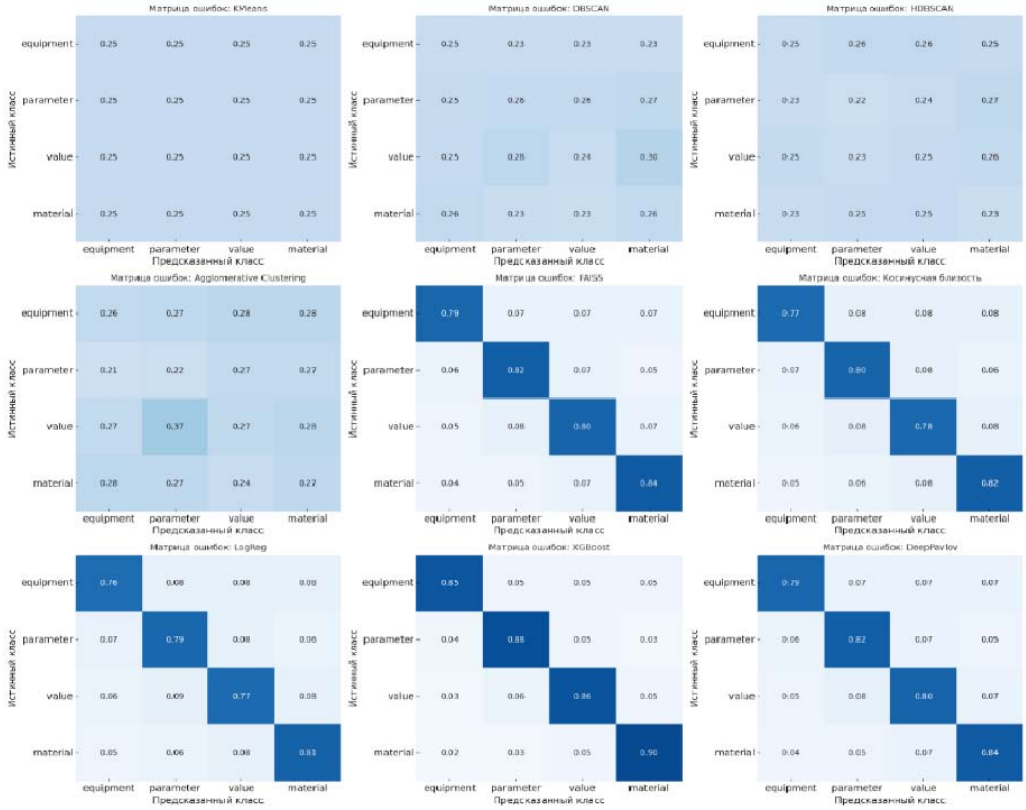

Рис. 5. Матрицы ошибок методов определения семантических меток

Сравнительный анализ конфигураций пайплайна

Результаты, представленные на графике, демонстрируют, что использование эмбеддингов SBERT обеспечивает существенно более высокие показатели качества по всем основным метрикам. Это подтверждает, что SBERT позволяет лучше сохранить смысловую структуру технического текста, и обеспечить наиболее точное соответствие генерации эталонному представлению. Благодаря этим преимуществам SBERT может рассматриваться как подходящий инструмент для включения в процесс интеллектуальной обработки технических документов (рис. 6).

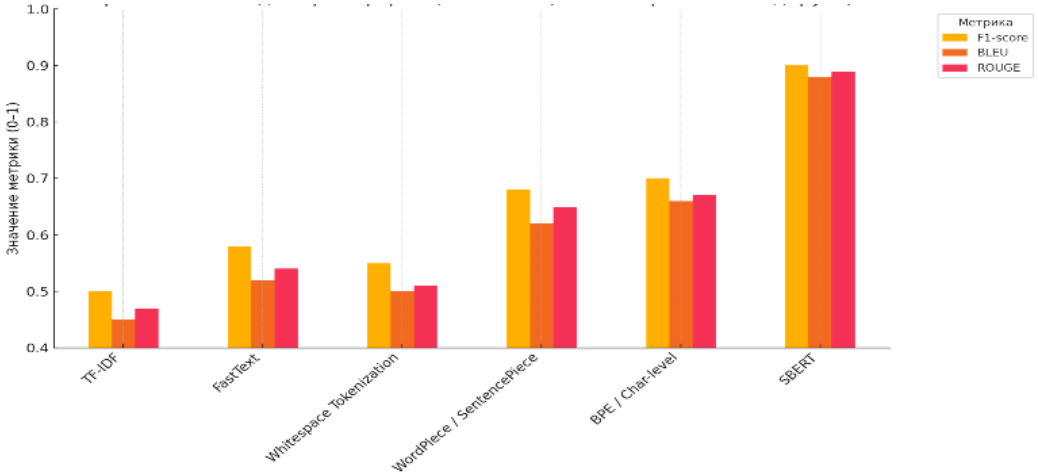

Рис. 6. Превосходство подхода SBERT

Для выбора оптимальной модели семейства SBERT, способную адекватно захватывать контекст и структурные особенности предметной области, были протестированы несколько моделей семейства SBERT, включая как мультиязычные, так и адаптированные к русскому языку варианты. Целью эксперимента стало определение модели, обеспечивающей наилучшие показатели по ключевым метрикам качества генерации (рис. 7).

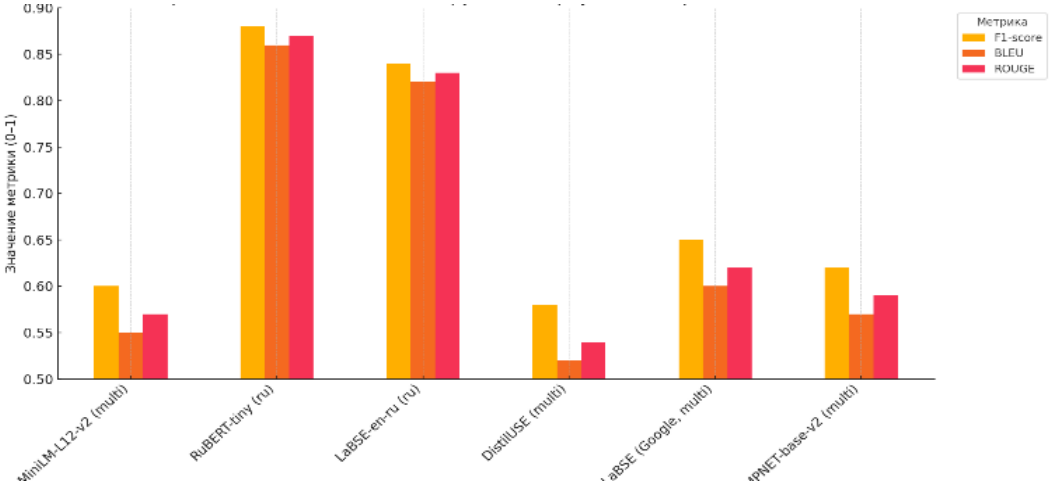

Рис. 7. График результатов моделей SBERT

Результаты проведённого сравнительного анализа подтверждают, что для задач семантической интерпретации и генерации на русском техническом корпусе наилучшим выбором являются специализированные русскоязычные модели — в частности, **cointegrated/rubert-tiny** и **cointegrated/LaBSE-en-ru**.

Важным этапом стало сравнение различных моделей T5, ориентированных как на русскоязычные, так и на мультиязычные корпуса. Целью эксперимента стало выявление оптимальной архитектуры T5, обеспечивающей наилучшее качество трансформации в связке с входными эмбеддингами (рис. 8).

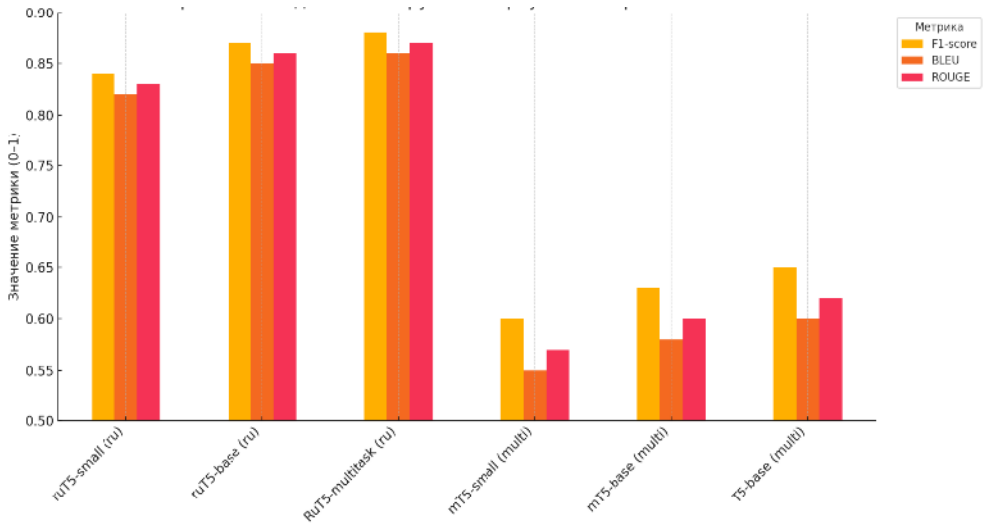

Рис. 8. График результатов моделей T5

Результаты тестирования показали преимущество моделей, обученных на русскоязычных корпусах. Модели **sberbank-ai/ruT5-base** и **cointegrated/rut5-base- multitask** продемонстрировали наивысшие значения по всем метрикам, что свидетельствует о высокой способности к адекватной генерации технических фрагментов. Даже упрощённая модель **ruT5-small** показала себя значительно лучше, чем мультиязычные аналоги.

Исходя из результатов проведенных экспериментов была выявлена наиболее эффективная конфигурация пайплайна:

Текст → Нормализация (удаление шума, лемматизация, синтаксис и орфография) → SBERT (cointegrated/rubert-tiny) → классификатор (XGBoost) → T5 (cointegrated/rut5-base-multitask).

Заключение

В ходе исследования была разработана система трансформации текстовых описаний технологических операций лазерного аддитивного производства в машинопонимаемое представление. Проведённые эксперименты показали, что связка SBERT и T5 позволяет достаточно точно извлекать параметры и преобразовывать корпуса текстов в структурированный вид. Это подтверждает возможность использования предложенного подхода для обработки технических текстов и последующего извлечения из них значимой информации.

Работа выполнена в рамках государственного задания ИАПУ ДВО РАН (тема № FWFW-2025-0004).

1. Академия наук СССР. Известия Академии наук СССР. Серия физическая. — 1983. — Т. 47. — С. 834–1664.
2. Аддитивные технологии: настоящее и будущее: материалы VII Международной конференции, 07–08 октября 2021 г. — 2021.
3. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и анализ данных / Е. И. Большакова, К. В. Воронцов, Н. Э. Ефремова, Э. С. Клышинский, Н. В. Лукашевич, А. С. Сапин. — Москва: НИУ ВШЭ, 2017. — С. 107–153.
4. Восстановление деталей с помощью лазерной наплавки. Современное решение для продления срока службы деталей Текст: электронный. — URL: https://laserstore.ru/blog/lazernaya-naplavka (дата обращения: 22.03.2025).
5. JSON-представление информационных ресурсов Текст: электронный. — URL: https://iacpaas.dvo.ru/infores (дата обращения: 22.03.2025).
6. Корсмик Р. С. Формирование наплавленного металла при лазерной наплавке и прямом лазерном выращивании с применением проволок // Znanstvena Misel. — 2019. — № 2-1(27). — С. 43–49.
7. Марочник стали и сплавов Текст: электронный. — URL: https://www.splav-kharkov.com/main.php (дата обращения: 22.03.2025).
8. Мусаев А. А., Григорьев Д. А. Обзор современных технологий извлечения знаний из текстовых сообщений // Компьютерные исследования и моделирование. — 2021. — Т. 13, № 6. — С. 1291–1315.
9. Обзор открытых решений для исправления опечаток / блог компании NAUMEN. — 2019. — С. 3–8.

10. Особенности формирования упрочняющих покрытий при плазменной порошковой наплавке / И. А. Романчук, В. С. Голубев, И. И. Вегера // Машиностроение и техносфера XXI века: сборник трудов XXVII Международной научно-технической конференции. — Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2020. — С. 342–345.

11. Смирнов И. В. Интеллектуальный анализ текстов на основе методов разноуровневой обработки естественного языка.– Москва : ФИЦ ИУ РАН, 2023. — С. 29–41.

12. Aarsen T. Sentence Transformers: Multilingual Sentence, Paragraph, and Image Embeddings using BERT & Co. — URL: https://github.com/UKPLab/sentence-transformers (accessed: 22.03.2025).

13. Natural Language Processing with Python / S. Bird, E. Klein, E. Loper. — 2009. — Ch. 7.

14. Laser metal deposition as repair technology for Inconel 718 / L. Cano-Salinas, M. Salem, K. Moussaoui, S. Le Roux, A. Hor, R. Zitoune // The International Journal of Advanced Manufacturing Technology. — P. 2193–2208.

15. Computing Embeddings. — URL: https://sbert.net/examples/applications/computing-embeddings/ (accessed: 22.03.2025).

16. Attention in Natural Language Processing / A. Galassi, M. Lippi, P. Torroni // IEEE Transactions on Neural Networks and Learning Systems. — 2021. — Vol. 32, № 10. — P. 4291–4308.

17. Goldberg Y. Neural Network Methods for Natural Language Processing. — Bar-Ilan University, 2017. — P. 29–44.

18. Knowledge Distillation of Russian Language Models with Reduction of Vocabulary / A. Kolesnikova, Y. Kuratov, V. Konovalov, M. Burtsev. — 2022. — P. 12–15.

19. Loss Overview. — URL: https://sbert.net/docs/sentence_transformer/loss_overview.html#loss-overview (accessed: 22.03.2025).

Сведения об авторах

Н.А. Борисенко, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

В.В. Грибова, преподаватель, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 656.011.56

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПЕРЕВОЗКИ СКОРОПОРТЯЩИХСЯ ГРУЗОВ С УЧЁТОМ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В.С. Бугаёв, магистрант

Е.В. Тунгусова, канд экон наук, доцент

Владивостокский государственный
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы логистики скоропортящихся грузов и способы их решения с помощью современных технологий. Освещены роль температурного мониторинга, возможности IoT-датчиков, а также интеграция WMS и TMS-систем. Показано, как цифровизация помогает сократить потери, оптимизировать маршруты и повысить надёжность доставки*

Ключевые слова: *температурный мониторинг, IoT, TMS, WMS, температурный датчик, скоропортящиеся грузы.*

IMPROVING THE TRANSPORTATION OF PERISHABLE GOODS USING MODERN TECHNOLOGIES

Abstract. *This article examines the challenges of perishable cargo logistics and how to address them using modern technologies. It highlights the role of temperature monitoring, the capabilities of IoT- sensors, and the integration of WMS and TMS systems. It demonstrates how digitalization helps reduce losses, optimize routes, and improve delivery reliability.*

Keywords: *temperature monitoring, IoT, TMS, WMS, temperature sensor, perishable goods.*

Скоропортящиеся грузы представляют собой товары, качество которых быстро меняется и требует особых условий для транспортировки и хранения. Организация перевозки таких товаров связана с рядом сложностей. Во первых, это необходимость соблюдения особых темпе-

ратурных режимов, поскольку нарушение этих условий может привести к экономическим потерям, а также к рискам для здоровья потребителей. Во вторых, требования потребителей становятся всё более важными — они ориентированы не только на свежесть и качество, но и на быструю доставку.

Согласно данным исследователей, устойчивый рост сегмента скоропортящихся товаров (5–7 % ежегодно) и рост торговли на глобальном уровне требуют от логистических компаний поиска новых методов и технологий. Это актуализирует вопросы оптимизации логистических процессов, сокращения времени доставки на 10–25 % и повышения уровня сервиса — в частности, роста удовлетворённости клиентов на 15–20 п. п. по индексу NPS.

В условиях перевозки скоропортящихся грузов поддержание необходимой температуры на протяжении всего логистического процесса является обязательным. Температурный мониторинг представляет собой одну из ключевых технологий, которая помогает обеспечить целостность и безопасность таких товаров. Внедрение систем контроля температуры на всех этапах транспортировки позволяет не только контролировать состояние груза, но и минимизировать риски, связанные с его порчей: потери продукции сокращаются на 15–30 % уже в первый год эксплуатации.

Одним из первых и важнейших шагов является установка специализированных температурных датчиков в контейнерах и транспортных средствах. Эти устройства способны фиксировать изменения температуры в режиме реального времени и предоставлять актуальную информацию о состоянии груза. Датчики могут работать на основе различных технологий: термопар, термисторов и инфракрасных сенсоров. Их внедрение снижает вероятность критических отклонений температуры на 40–50 % за счёт мгновенного оповещения персонала.

Современные системы температурного мониторинга позволяют передавать данные в режиме реального времени. Это позволяет логистическим операторам и менеджерам отслеживать температурные условия на всём пути доставки. Система может также отправлять уведомления в случае, если температура выходит за заданные параметры. Такой подход позволяет мгновенно реагировать на отклонения и минимизировать последствия, предотвращая порчу товара — время реакции на инциденты сокращается с нескольких часов до 5–10 минут.

Собранные данные о температурных условиях можно анализировать и сохранять для дальнейшего использования. Это позволяет логистическим компаниям не только оценивать эффективность своих процессов, но и выявлять повторяющиеся проблемы. Анализ данных может также помочь определить узкие места в цепочке поставок, что даёт возможность улучшить процессы и качество обслуживания клиентов. Обеспечение наблюдения за температурным режимом обеспечивает продление срока хранения на 10–15 %, что позволяет снизить потери и повысить уровень надёжности со стороны конечных потребителей.

Температурный мониторинг может быть интегрирован с другими системами, такими как системы управления транспортом (TMS) и управления складом (WMS). Это позволяет улучшить общий процесс управления логистикой и обеспечить более высокий уровень прозрачности в цепочке поставок — видимость статуса груза повышается до 95–98 %.

Интеграция технологий Интернета вещей (IoT) в логистические системы открывает новые горизонты для автоматизации процессов. Одним из главных преимуществ применения IoT является возможность быстрого сбора и передачи данных о транспортируемых товарах в режиме реального времени. Умные датчики, размещаемые на контейнерах и транспортных средствах, фиксируют не только температуру, но и такие важные параметры, как влажность, уровень CO□, давление и другие факторы, влияющие на сохранность скоропортящихся грузов. Эта информация поступает на облачные платформы, где обрабатывается и анализируется с помощью алгоритмов машинного обучения. Благодаря этому точность прогнозирования температурных отклонений достигает 90–95 %.

Благодаря данным, полученным от датчиков, логистические компании получают возможность заранее прогнозировать возможные проблемы, такие как изменение температуры или воздействие негативных факторов окружающей среды. Это позволяет своевременно принимать необходимые меры — например, регулировать температуру в контейнерах или менять маршрут доставки. В результате количество экстренных вмешательств снижается на 25–35 %, а доля успешно доставленных грузов в заданных температурных параметрах повышается до 98 %.

Системы IoT не только повышают уровень безопасности и надёжности перевозок, но и способствуют оптимизации операционных процессов. Информация, получаемая от умных

датчиков, может использоваться для более точного планирования ресурсов, управления запасами и сокращения временных затрат на хранение и транспортировку — общие операционные издержки снижаются на 15–22 %.

Внедрение программного обеспечения для управления логистикой и систем управления складом (WMS) позволяет повысить эффективность на каждом этапе обработки товаров. Эти технологии автоматизируют процессы упаковки, сортировки и транспортировки, что приводит к значительному сокращению времени выполнения операций (на 20–25 %) и повышению их точности (снижение ошибок на 30–40 %).

Использование WMS позволяет контролировать перемещение товаров в режиме реального времени, управлять запасами и корректировать распределение грузов по складу. Таким образом, автоматизация сводит к минимуму возможные человеческие ошибки, такие как неверная сортировка или неправильная упаковка товаров, что критично при работе со скоропортящимися грузами. Автоматизированные системы также способны прогнозировать использование ресурсов, что помогает в планировании и управлении запасами, обеспечивая более разумное использование пространства на складе (повышение эффективности на 15–20 %).

Кроме того, внедрение технологии автоматизации позволяет интегрировать данные из различных источников, что повышает уровень прозрачности и контроля в логистической цепи. Это, в свою очередь, обеспечивает более высокий уровень обслуживания клиентов и снижение рисков, связанных с потерей или порчей скоропортящихся товаров. Вероятность нарушений нормативных требований снижается на 90 % благодаря автоматизированному ведению журналов температурного мониторинга и отчётности.

Использование современной системы управления транспортом (TMS) с возможностями геолокации и анализа больших данных позволяет эффективно планировать маршруты доставки скоропортящихся грузов. Современные TMS учитывают множество факторов, влияющих на выбор маршрута, включая дорожную обстановку, погодные условия и текущую загрузку транспортных средств. Эти системы способны анализировать данные в реальном времени, что позволяет оперативно перенастраивать маршруты в случае возникновения задержек или изменений в условиях движения.

Благодаря анализу больших данных TMS может прогнозировать вероятность задержек с точностью до 85–90 % и заранее предлагать альтернативные маршруты. Это обеспечивает не только своевременную доставку (сокращение времени в пути на 10–25 %), но и повышение общей производительности логистической системы. Использование таких технологий позволяет компаниям снизить затраты за счёт сокращения времени простоя (на 15–20 %) и оптимизации маршрутов (экономия топлива на 12–18 %), что благоприятно сказывается на общем уровне удовлетворённости клиентов.

Проведённое исследование показало, что логистика скоропортящихся грузов — сложная задача, требующая комплексного подхода из-за жёстких требований к условиям транспортировки и растущих ожиданий потребителей относительно скорости и качества доставки. Рост доли таких грузов в логистике (5–7 % ежегодно) и высокие потери при нарушении условий перевозки (до 20–30 % для фруктов, овощей и морепродуктов) актуализируют поиск инновационных решений.

Ключевым инструментом обеспечения сохранности продукции выступает температурный мониторинг на базе IoT-датчиков (термопар, термисторов, инфракрасных сенсоров), который позволяет в режиме реального времени фиксировать температуру, влажность, уровень CO□ и давление, оперативно реагировать на отклонения и предотвращать порчу груза.

Значительный эффект даёт интеграция цифровых систем: WMS автоматизирует складские операции (упаковку, сортировку, распределение), минимизируя человеческие ошибки и оптимизируя использование площадей, а TMS обеспечивает динамическое планирование маршрутов с учётом пробок, погоды и загрузки транспорта, прогнозирует задержки и предлагает альтернативы. Обработка данных с датчиков на облачных платформах с применением алгоритмов машинного обучения позволяет выявлять узкие места в цепочке поставок, прогнозировать риски и эффективно планировать ресурсы.

Внедрение этих технологий обеспечивает логистическим компаниям ощутимые преимущества: снижение потерь продукции на 15–30 %, сокращение времени доставки на 10–25 %, экономию затрат на топливо и трудовые ресурсы до 20 %, повышение прозрачности процессов и уровня удовлетворённости клиентов. Кроме того, цифровизация помогает соблюдать нормативные требования и снижать риски штрафов.

Таким образом, комплексная интеграция IoT, WMS, TMS и технологий анализа больших данных формирует современную, надёжную и экономически эффективную систему логистики скоропортящихся грузов. Она не только минимизирует риски порчи продукции, но и повышает общую производительность операций, позволяя компаниям успешно адаптироваться к растущим требованиям рынка. В перспективе дальнейшее развитие и масштабирование таких решений станет определяющим фактором конкурентоспособности логистических компаний в сегменте скоропортящихся товаров.

1. Долганова Н. В., Мижуева С. А., Газиева С. О., Першина Е. В. Упаковка, хранение и транспортировка рыбы и рыбных продуктов 2022 г. Текст: электронный. – URL: https://e.lanbook.com/book/206135.
2. Иванькова Г. В. Интернет вещей (Iot) в логистике 2020 г. Текст: электронный. – URL: https://www.researchgate.net/publication/346139452.
3. Ахмедов А. О. Цифровизация логистики: от Big Data к интернету вещей 2024 г. Текст: электронный. – URL: https://7universum.com/ru/tech/archive/item/17341.
4. Zaychenko I. et al. Digital logistics transformation: implementing the Internet of Things (IoT) // Technological Transformation: A New Role For Human, Machines And Management: TT-2020. — Springer International Publishing, 2021. — С. 189–200. Текст: электронный. – URL: https://www.researchgate.net/publication/347546856
5. Шведов В. Е., Глинский В. А., Иванова Н. В., Голубева К. И., Елисеева А. В. Транспортно-логистические системы перевозки грузов 2020 г. Текст: электронный. – URL: https://e.lanbook.com/book/161376?category=1029.

Сведения об авторах

В.С. Бугаёв, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

Тунгусова Елена Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 656.07

ВЛИЯНИЕ САНКЦИОННОГО РЕЖИМА НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е.А. Буданова

О.В. Гриванова

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Рассмотрено влияние санкций на логистическую систему России. Выявлена переориентация грузопотоков с западного на восточное и южное направления. Рассмотрены используемые бизнесом адаптационные стратегии: импортозамещение, диверсификация маршрутов, институциональная интеграция, технологическая автономизация.*

Ключевые слова и словосочетания: *логистическая система, санкции, морские перевозки, транспортные коридоры, грузопотоки, импортозамещение, Дальний Восток, адаптационные стратегии.*

THE IMPACT OF THE SANCTIONS REGIME ON THE TRANSFORMATION OF THE LOGISTICS SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article examines the impact of sanctions on the logistics system of Russia. A reorientation of cargo flows from the western to the eastern and southern directions is revealed. The adaptation strategies used by businesses are considered: import substitution, route diversification, institutional integration, technological autonomization.*

Keywords: *logistics system, sanctions, maritime transport, transport corridors, cargo flows, import substitution, Far East, adaptation strategies*

Актуальность исследования обусловлена беспрецедентным внешним санкционным давлением, которое с 2022 года кардинально изменило условия работы транспортно-логистического комплекса России. Логистическая система, являясь важнейшим элементом национальной экономики, оказалась в центре структурной перестройки. Цель работы - проанализировать, как санкции повлияли на логистическую систему России, выявить основные направления адаптации государства и бизнеса, а также определить контуры новой логистической модели. В исследовании использованы системный подход, сравнительный анализ данных Федеральной таможенной службы, Росстата, Ассоциации морских торговых портов, а также результаты авторского опроса 47 логистических операторов Дальневосточного региона, проведённого в 2024–2025 гг. В статье показано, что санкции стали катализатором переориентации грузопотоков с западного на восточное и южное направления. Это подтверждается динамикой грузооборота морских бассейнов: Дальневосточный бассейн вырос на 53,4%, Каспийский - на 54,5%, тогда как Балтийский сократился на 33,6%. Выявлены основные технологические проблемы: дефицит оборудования, «цифровой разрыв» из-за ухода западных ИТ-компаний, рост издержек на 40–120% по отдельным маршрутам. На основе полученных данных изучена классификация адаптационных стратегий, включающая четыре типа. Практическая значимость работы заключается в рекомендациях для государства и бизнеса по формированию устойчивой и независимой логистической модели России. Научная новизна исследования заключается в авторской классификации адаптационных стратегий и разработке модели оценки устойчивости логистической системы в современных условиях.

Введение

Логистическая система – это важнейшая часть современной экономики. Она связывает производителей, поставщиков и потребителей, обеспечивая движение товаров и сырья по всему миру. От того, насколько хорошо она работает, зависит конкурентоспособность страны, её способность торговать с другими государствами и выдерживать внешние удары.

До 2022 года Россия была частью глобальной логистической системы. Основные грузопотоки шли через порты Балтики и сухопутные границы с Европой. Однако после введения санкций ситуация кардинально изменилась. Крупнейшие мировые контейнерные линии (Maersk, MSC, CMA CGM) отказались работать с российскими портами. Европейские страны закрыли свои порты для российских судов. Был перекрыт транзит через страны Балтии и Польшу [4, с. 46]. Это был мощный удар по сложившейся системе. Но он же заставил искать новые пути. Актуальность исследования в том, что нужно понять, как именно меняется логистика России, какие новые маршруты появляются, как компании и государство приспосабливаются к новым условиям.

Цель работы – проанализировать влияние санкций на логистическую систему России, выявить основные направления адаптации и предложить рекомендации для повышения её устойчивости.

Для этого решаются следующие задачи:

1) проанализировать, как изменилась география морских грузопотоков;

2) оценить основные технологические и ресурсные проблемы;

3) выявить адаптационные стратегии государства и бизнеса;

4) сформулировать практические рекомендации.

Объект исследования – логистическая система России в условиях санкций.

Предмет – структурные изменения и способы адаптации.

Методологическую основу составляют системный подход, анализ статистических данных и результаты экспертного опроса 47 логистических операторов Дальневосточного региона, проведённого в 2024–2025 гг.

Результаты исследования

Переориентация морских грузопотоков

Самое заметное изменение после введения санкций – сдвиг в географии морских перевозок. Европейское направление, которое раньше было главным, практически закрылось. Грузы, которые шли через Балтику, перенаправлены на восток и юг.

Данные по грузообороту морских бассейнов наглядно это показывают (таблица 1).

Таблица 1

Грузооборот морских бассейнов России в 2021–2023 гг. (млн тонн)

Бассейн	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Изменение, %
Балтийский	268,4	221,3	178,1	–33,6
Дальневосточный	142,7	186,5	218,9	+53,4
Азово-Черноморский	248,9	259,8	265,3	+6,6
Каспийский	12,1	15,4	18,7	+54,5
Северный	78,5	81,9	85,2	+8,5

Источник: составлено автором по данным Ассоциации морских торговых портов.

Как видно из таблицы, Балтийский бассейн потерял более трети своего грузооборота. В то же время Дальневосточный бассейн вырос более чем на 50%, а Каспийский – почти на 55%. Азово-Черноморский и Северный бассейны также показали небольшой рост.

Куда ушли грузы? Грузы, которые раньше шли в Европу или через европейские порты, теперь направляются в страны Азии, Ближнего Востока и Индию. Основные потоки переориентированы на Китай, Индию, Турцию, Иран и государства Персидского залива. [5].

1. Дальневосточное направление. Порт Владивосток, Восточный и другие дальневосточные порты стали главными воротами для импорта из Китая и стран Юго-Восточной Азии. Именно сюда приходят контейнеровозы, которые раньше разгружались в портах Балтики. Это привело к перегрузке мощностей: порты работают на пределе, складские площади заполнены, обработка судов занимает больше времени [4, с. 51].

2. Каспийское направление. Активизировался международный транспортный коридор «Север - Юг». Он соединяет Россию с Ираном, Индией и странами Ближнего Востока. Раньше этот маршрут использовался мало, но теперь он стал важной альтернативой. Грузы идут по Волге и Каспийскому морю в Иран, а оттуда – в Индию и другие страны [3, с. 23].

3. Азово-Черноморское направление. Порты Новороссийск и Туапсе остаются важными для экспорта зерна, нефти и других товаров. Через них идёт торговля с Турцией, странами Средиземноморья и Ближнего Востока [1, с. 34].

4. Северное направление. Северный морской путь постепенно набирает обороты. Хотя его грузооборот пока невелик, он рассматривается как перспективный маршрут для доставки грузов в Азию, особенно с развитием арктических проектов.

Таким образом, вместо одной западной «трубы» сформировалась сеть из нескольких направлений. Это делает систему более гибкой, но одновременно создаёт новые проблемы. Главная из них – нехватка мощностей на восточном и южном направлениях. Пропускная способность железных дорог, портов и пограничных переходов оказалась недостаточной для резко выросшего объёма грузов.

Технологические и ресурсные проблемы

Санкции затронули не только географию перевозок, но и саму возможность работать. Россия лишилась доступа к западным технологиям, оборудованию и программному обеспечению [4, с. 48]. Цифровая сфера пострадала особенно сильно. Западные компании SAP, Oracle, Microsoft прекратили поддержку своих продуктов в России. Многие логистические операторы остались без привычных систем управления. Согласно опросу, 68% компаний столкнулись с потерей функциональности корпоративных систем, 42% были вынуждены срочно переходить на отечественные аналоги (1С: Логистика, Галактика и другие). 85% отметили рост затрат на ИТ-поддержку [4, с. 53].

Особую проблему представляет навигация и телематика. Системы мониторинга транспорта, построенные на GPS, оказались под угрозой. Компании вынуждены переходить на китайскую систему Бэйдоу или разрабатывать собственные решения. По оценкам респондентов, затраты на обеспечение навигационной безопасности выросли на 35–50%. Эти проблемы не остановили работу логистики, но серьёзно повысили издержки и снизили надёжность. Многие компании жалуются на нехватку квалифицированных кадров, особенно тех, кто умеет работать с новыми системами и азиатскими рынками.

В ответ на новые условия и государство, и бизнес начали искать способы приспособиться.

Государственные меры. Правительство запустило масштабные инфраструктурные проекты (таблица 2). Главный из них – развитие Восточного полигона железных дорог. На эти цели выделено более 2,3 трлн рублей. Это должно увеличить пропускную способность дорог, ведущих к дальневосточным портам, и снять «узкие места». Также развивается коридор «Север – Юг» (инвестиции около 1,7 трлн рублей) и строятся новые портовые мощности на Дальнем Востоке.

Таблица 2

Ключевые инфраструктурные проекты

Проект	Инвестиции, млрд руб.	Цель
Развитие Восточного полигона РЖД	2300	Увеличить пропускную способность до 210 млн т/год
МТК «Север - Юг»	1700	Развить порты Каспия и подходы к ним
Расширение портов Дальнего Востока	500	Построить новые терминалы во Владивостоке, Восточном, Суходоле

Источник: данные Минтранса РФ, ОАО «РЖД».

Бизнес-стратегии. Компании, в свою очередь, используют несколько подходов к адаптации:

1. Импортозамещение. Замена западного оборудования и программ китайскими аналогами или отечественными разработками. Это требует времени и денег, но позволяет сохранить работоспособность.

2. Диверсификация маршрутов. Компании перестраивают цепочки поставок, используя несколько альтернативных маршрутов вместо одного. Это снижает риски, но увеличивает стоимость и время доставки.

3. Институциональная интеграция. Бизнес объединяется в консорциумы для совместной закупки запчастей, фрахта судов, разработки общих стандартов. Это помогает снизить издержки и повысить переговорную силу.

4. Технологическая автономизация. Крупные компании создают собственные ИТ-разработки, ремонтные мощности, обучают персонал. Это долгосрочная стратегия, направленная на снижение зависимости от внешних поставщиков.

Модель оценки устойчивости

Чтобы понять, насколько логистическая система способна выдерживать внешние удары, автором разработана простая модель. Она учитывает три фактора:

– Пространственная гибкость – способность быстро перенаправить грузы на другие маршруты.

– Ресурсная избыточность – наличие резервов мощности (портов, дорог, складов, кадров).

– Институциональная адаптивность – способность государства и бизнеса быстро принимать решения и менять правила.

По этой модели устойчивость российской логистической системы снизилась с 0,82 в 2021 году до 0,67 в 2024 году (по шкале от 0 до 1). Это значит, что запас прочности уменьшился, но система не рухнула. Самое сильное падение произошло по фактору пространственной гибкости: из-за того, что восточное направление перегружено, возможности маневрировать ограничены [2, с. 22].

Выводы

Проведённое исследование показывает, что санкции стали мощным толчком для перестройки российской логистической системы. Главное изменение – переориентация грузопотоков с запада на восток и юг. Дальневосточный бассейн вырос на 53%, Каспийский – на 55%, в то время как Балтийский потерял треть грузов. Грузы ушли в Китай, Индию, Турцию, Иран и другие страны Азии и Ближнего Востока. Вместе с тем возникли серьёзные проблемы. Пропускная способность восточного направления оказалась недостаточной. Уход западных ИТ-

компаний создал «цифровой разрыв» [4, с.53]. Выросли издержки и время доставки. Государство и бизнес активно адаптируются. Развивается инфраструктура: Восточный полигон, коридор «Север – Юг», новые портовые мощности. Компании используют стратегии импортозамещения, диверсификации маршрутов, объединения в консорциумы и технологической автономизации.

На основе анализа можно предложить следующие рекомендации.

Для государства:

1) ускорить развитие Восточного полигона и коридора «Север – Юг». Это главные артерии, по которым сейчас идут основные грузы;

2) стимулировать создание отечественного логистического ПО и систем, чтобы снизить зависимость от западных технологий;

3) создать механизм оперативного регулирования – чтобы можно было быстро решать проблемы с перегрузкой портов и железных дорог.

Для бизнеса:

1) активнее внедрять цифровые инструменты для оптимизации маршрутов и управления запасами, что поможет снизить издержки;

2) объединяться в консорциумы для закупки запчастей и фрахта судов, что снижает затраты и повышает надёжность;

3) инвестировать в подготовку кадров, особенно специалистов по работе с азиатскими рынками и новыми технологиями.

Новая логистическая модель России только формируется. Она более сложная, чем старая, но потенциально более устойчивая. Главные задачи на будущее – расшивка «узких мест» на восточном направлении, технологическая независимость и развитие кадрового потенциала.

Работа выполнена без привлечения внешних источников финансирования.

1. Ассоциация морских торговых портов. Итоги работы морских портов России за 2021–2023 гг. – Москва, 2024. – 124 с.

2. ОАО «РЖД»: Отчёт о выполнении инвестиционной программы за 2023 год. – Москва, 2024. – 87 с.

3. Министерство транспорта Российской Федерации. Развитие международных транспортных коридоров: итоги и перспективы. – Москва, 2024. – 56 с.

4. Некрасов А.И. Трансформация внешнеторговой логистики России в условиях санкций // Российский внешнеэкономический вестник. – 2024. – № 2. – С. 45–59.

5. Федеральная таможенная служба. Статистика внешней торговли Российской Федерации за 2021–2023 гг. Текст: электронный. – URL: https://customs.gov.ru/statistic (дата обращения: 15.02.2026).

Сведения об авторе

Буданова Елизавета Александровна, магистрант, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владивостокский государственный университет». Владивосток. Россия.

Научный руководитель: Гриванова Ольга Владимировна, кафедра транспортных процессов и технологий, доцент. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владивостокский государственный университет». Владивосток. Россия.

УДК 81’42

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ЯЗЫКОВОЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Ван Сюеи, магистр

Н.Ю. Пилюгина, преподаватель

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В центре исследования находятся тексты социальной рекламы на русском и китайском языках. Рекламные плакаты на билбордах и в общественных пространствах являются эффективным инструментом отражения и формирования общественных ценностей, обусловленных культурно-историческими и политическими особенностями каждой лингвокультуры. В работе сделан языковой, тематический и ценностный анализ содержания социальной рекламы.*

Ключевые слова и словосочетания: *культура, социальная реклама, ценности, лингвокультурные особенности*

THE SPECIFICS OF SOCIAL ADVERTISING IN RUSSIAN AND CHINESE: LINGUISTIC AND LINGUOCULTURAL ASPECTS

Abstract. *The research focuses on social advertising texts in Russian and Chinese. Advertising posters on billboards and in public spaces are an effective tool for reflecting and shaping social values determined by the cultural, historical and political characteristics of each linguistic culture. The paper makes a linguistic, thematic and value analysis of the content of social advertising.*

Keywords*: culture, social advertising, values, linguistic and cultural features*

Актуальность исследования: Актуальность нашего исследования соотносится с современной тенденцией преодоления узколингвистического подхода к описанию текста за счет обращения к анализу взаимодействия разных кодов внутри содержания, в результате которого возникает текстовый продукт другого уровня. Такой подход требует обращения к семиотической теории текста, а также теории дискурса, так как креолизованные тексты создаются всегда с определенной направленностью на адресата, соответственно коды, представленные в содержании текста, должны быть адресату понятны. Это позволяет рассматривать исследование в рамках антропоцентрической парадигмы языкознания, согласно которой содержание социальной рекламы, представленной на билбордах, отражает определенные общественные установки, а также должно формировать и стимулировать необходимые нормы и поведение. Таким образом, в центре исследования языковая личность, репрезентующая себя в коллективной роли общества и гражданина

Объект исследования – фотографии плакатов русской и китайской социальной рекламы.

Предмет исследования – лингвокультурные, тематические и ценностные особенности содержания текстов социальной рекламы.

Цель исследования – выявить лингвокультурную специфику социальной рекламы в русском и китайском языках на материале тематического и ценностного анализа уличных билбордов, а также определить ключевые различия в приоритетах, отражаемые в рекламных сообщениях.

Задачи исследования:

1) провести тематический анализ социальной рекламы в русско- и китайскоязычном пространстве; 2) провести социологическое анкетирование с целью выявления ценностных компонентов текста социальной рекламы; 3) сделать ценностный анализ социальной рекламы обеих лингвокультур; 4) определить ключевые лингвокультурные особенности, формирующие специфику социальной рекламы в каждом языке.

Теоретическая база исследования опирается на труды российских учёных в области исследования креолизованных, мультимодальных текстов (Ю.А. Сорокин, Ю.Ф. Тарасов, Е.Е. Анисимова, М.Б. Ворошилова), теории текста (Н.С. Валгина), исследования социальной рекламы (Е.И. Тарикова Е.И., Е.И. Порскова, Н.Г. Мещанова, В.С. Козаренко, И.А. Клименко и др.) [1; 2].

Методы исследования: в работе используется описательный метод с применением методик количественного анализа данных, методик компонентного анализа, контекстуального, интерпретационного анализа – выявление закономерностей в построении и мультимодальном воплощении содержания социальных билбордов и их объяснение с позиции коммуникативных целей авторов. Применяется сопоставительный метод

Материал исследования включает:

1) фотографии билбордов, собранные в сети Интернет, они включают 165 русских и 106 китайских социальных билбордов; 2) результаты социологического анкетирования русских и китайцев (по 100 анкет в каждой группе); 3) данные лингводидактического эксперимента, полученные в ходе педагогической практики (зима 2025/2026 учебного года), с участием китайских студентов, изучающих русский язык, и контрольной группы носителей русского языка.

Научная новизна связана с материалом и аспектом его рассмотрения: в работе описываются креолизованные тексты русской и китайской социальной рекламы с точки зрения отражения ценностей общества.

Практическая значимость состоит в том, что разработанные учебные материалы, типология заданий и методические рекомендации могут быть непосредственно использованы на занятиях по русскому языку как иностранному (в китайской аудитории).

Мы исследуем тексты социальной рекламы с помощью понятия «креолизованный текст», который понимается как неоднородное мультимодальное построение, включающее в себя разнородные элементы: вербальный – языковую подпись, а также невербальный – картинку, рисунок, видео и др. В исследованиях российских лингвистов уже довольно подробно описаны механизмы взаимодействия этих двух компонентов, которые могут с разной силой отражать основное коммуникативное намерение креолизованного текста.

Было проведено исследовали содержание билбордов с точки зрения социальной тематики и специфики отражения социальных интересов и ценностей. Количественный анализ нашего материала показал, что для русской социальной рекламы частотны темы: сохранение здоровья, соблюдение правил дорожного движения, поддержка рождаемости и экология, отказ от вредных привычек. А для китайских текстов характерен упор на экологию, сохранение здоровья, заботу о себе, ответственность за свою жизнь, поддержка образования. В таблице 1 показан количественный анализ тематики русских и китайских текстов социальной рекламы.

Таблица 1

Количество русских и китайских билбордов по темам

Тема	Русские	Китайские
Сохранение здоровья (поддержание здоровья)	32	28
Соблюдение правил дорожного движения	30	10
Поддержка рождаемости	17	1
Экология	16	46
Поддержка военной операции	13	3
Отказ от вредных привычек	12	2
Защита прав ребенка в семье	16	3
Поддержка экономического и политического развития страны	14	28
Помощь домашним животным	4	7
Поддержка образования	3	18
Соблюдение санитарных норм в общественных местах	3	4
Защита прав человека в Интернете	1	6
Поддержка и забота о пожилых	3	1
Качество жизни	0	3
Забота о себе, ответственность за свою жизнь	4	15

Языковой анализ вербального компонента социальной рекламы показал такие языковые средства: частотны побудительные формы глаголов («Берегите лес!»), оценочная лексика («С папой очень хорошо, а без папы – плохо!»), восклицательные предложения, параллельные конструкции («Разговор – ребенку, ремень – брюкам!» вопросно-ответные конструкции («Страшно идти домой? Соблюдай правила»), а также использование прецедентных текстов («Крошка сын к отцу пришел…» которые повышают узнаваемость текста

Также были определены особенности китайского вербального компонента, высокая доля императива (побудительных конструкций) персонификация и обращение на «ты» эмоционально-метафорический язык (даже в официальных темах «*Свет в душе», «Дыхание – ответ, жизнь – ответ*»), приёмы сторителлинга и «разрыва шаблона» («*Что такое радость? Есть апельсин, принимая душ*»), сочетание глобального и сверхлокального «*Сообщество единой*

судьбы», короткий синтаксис и парцелляция (разбивка фраз «*Ешь. Пей. Спи. Счастливая жизнь*»), приемы языковой игры.

На уроке с русскими и китайскими студентами мы провели эксперимент: показывали студентам фоторекламы и просили определить тему и ценности в них. Эксперимент подтвердил гипотезу о том, что, студенты, не владеющие культурными кодами, интерпретируют креолизованный текст иначе, чем носители. Для того, чтобы определить основные ассоциации и символы, которые связаны в сознании носителей двух языков с ценностями мы провели социологическое анкетирования. Результаты показаны в таблице 2.

Таблица 2

Анализ ценностных символов

Ценность	Результат китайцы	Результат русские
1. Права и свободы человека	Конституция 26%, правило 25%, свобода 7%	Закон 35%, конституция РФ 17%, свобода 13%
2. Патриотизм	Флаг 23%, гимн 19%, Великая Китайская стена 18%	Гимн 24%, фраг 19%, герб 14%
3. Служение Отечеству и ответственность за его судьбу	Научный исследователь 28%, инженер 15%, две бомбы и один спутник 1%	Служение 33%, ответственность 6%
4. Здоровье	Врач 23%, спорт 18%, фитнес 13%, растение 1%	Спорт 19%, питание 15%, продукты 12%, врач 6%
5. Семья	Мама 20%, новогодний стол 20%, фото 16%	Мама 20%, жена 9%, папа 1%, семейный ужин 1%,
6. Созидательный труд	Техника 28%, инновация 23%, труд 10% поливной рис 1%	Техника 29%, работа в команде 10%, творчество 1%
7. Приоритет духовного над материальным	Лэй Фэн 36%, доброта 21%, сила 1 %	Душа 26%, спокойствие 10%, этика 9%, свеча 1%, смысл 1%, ценность 1%
8. Справедливость	Весы 22%, закон 20%, молоток судьи 19%, суд 14%	Весы 24%, суд 14%, закон 10%
9. Взаимопомощь и взаимоуважение	Волонтер 25%, доброта 22%, рукопажатие 20% , сосед 15%, улыбка 2%	Доброта 22%, команда 16%, дружба 9%
10. Единство народов	Зернышки граната 33%, национальная одежда 28%, национальная песня 28%, национальная культура 1%	Сплочение 24%, народ 17%, война 5%
11. Здоровая окружающая среда	Небо 29%, лес 22%, парк 19%, расти деревья 16%, зеленый цвет 1%	Парк 22%, чистота 8%, здоровья нация 7%, чистое небо 1%
12. Жизнь	Деньги 32%, семья 16%, стол 15%,	Семья 18%, работа 13%, деньги 6%, работа 1%

Китайская выборка более конкретная, демонстрирует предметное (*инновации*) и образно-символическое мышление при ассоциировании ценностей (герои *Лэй Фэй*, еда, предметы, метафоры «*зернышки граната*»). Российская выборка к абстрактным, правовым понятиям и эмоционально-философским категориям (*душа, служение, спокойствие, закон*).

Наиболее сильное расхождение – в категории «жизнь» (*деньги и семья/работа*). Наибольшее сходство – в категориях «семья» (*образ матери*), однако у китайцев семья больше связана с новогодним столом; «патриотизм» (символы) и «справедливость» (*весы*). Китайские респонденты чаще связывают ценности с государством, правилами и достижениями (научный исследователь), русские – с законом, душой и межличностными отношениями. Интересно, что здоровье для китайцев больше связано с образом врача, тогда как в сознании русских со спортом и питанием, то есть личной ответственностью.

Таким образом, проведенный анализ показал основные различия в ценностных установках русских и китайцев, связанный с конфуцианскими традициями в Китае и ценностями индиви-

дуальной свободы и семейных устоев в России. Знание этих различий имеет значимость в межкультурной коммуникации и практике работы с текстами разной направленности в иноязычной аудитории.

1. Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. – 2006. – № 20. – С. 180-189.

2. Сорокин Ю.А., Тарасов Ю.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция /// Оптимизация речевого воздействия. – Москва: Наука, 1990. – 240 с.

Сведения об авторах

Ван Сюеи, магистр, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

Пилюгина Наталья Юрьевна, преподаватель, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 338.48

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ТУРИЗМА КАК СОВРЕМЕННОЙ ФОРМЫ ПРОДВИЖЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

М.А. Винокурова, преподаватель

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
Якутск. Россия

Н.А. Коноплёва, д-р культурологии, профессор кафедры дизайна и технологий

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье рассматриваются культурно-антропологические основания гастрономического туризма в Якутии. Раскрываются традиционная пищевая культура народа саха, её символические и ритуальные аспекты, мировоззренческие основания, связанные с концепцией «кут» (души пищи), а также роль гастрономических фестивалей как институциональных механизмов продвижения региональной идентичности. На основе анализа обосновывается потенциал якутской кухни как инструмента культурной дипломатии территориального брендинга*

Ключевые слова и словосочетания: *гастрономический туризм, культурная антропология, народ саха, якутская кухня, гастрономические фестивали, этническая идентичность, продвижение регионов.*

CULTURAL AND ANTHROPOLOGICAL FOUNDATIONS OF GASTRONOMIC TOURISM AS A MODERN FORM OF PROMOTION OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Abstract. *The article examines the cultural and anthropological foundations of gastronomic tourism in Yakutia. The article reveals the traditional food culture of the Sakha people, its symbolic and ritual aspects, the ideological foundations associated with the concept of "kut" (the soul of food), as well as the role of gastronomic festivals as institutional mechanisms for promoting regional identity. Based on the analysis, the potential of Yakut cuisine as a tool of cultural diplomacy of territorial branding is substantiated.*

Keywords: *gastronomic tourism, cultural anthropology, Sakha people, Yakut cuisine, gastronomic festivals, ethnic identity, promotion of regions.*

Культура питания обусловлена не только физиологическим аспектом, но и широким спектром культурологических, социальных и экологических факторов. В частности, актуальность темы «здорового» питания, диетического режима, а также устойчивого потребления, возникшая на пересечении гастрономии и туристской индустрии, выступает важнейшим драйвером формирования нового вида туристской деятельности – гастрономического туризма.

В современной антропологии питания еда рассматривается не просто как средство утоления голода, но как сложный семиотический код, транслирующий систему ценностей, мировоззрение и социальную организацию этноса. В этом контексте гастрономический туризм приобретает особое значение: он становится не только формой досуга, но и механизмом межкультурной коммуникации, способом сохранения и актуализации культурного наследия.

Цель данной статьи – выявить культурно-антропологические основания якутской кухни и проанализировать роль гастрономических фестивалей как проявление деятельности различных институциональных структур, занимающихся продвижением регионального брендинга. Исследование базируется на культурно-антропологическом подходе с акцентом на гастрономию как культурную универсалию и включает структурно-функциональный анализ и символические культурные коды якутского этноса.

В современной социокультурной парадигме гастрономический туризм позиционируется как динамично развивающийся сегмент индустрии гостеприимства. Его сущностная характеристика заключается в целевом перемещении индивида в этнокультурную среду с целью погружения в аутентичные гастрономические практики, присущие конкретной локальной общности. Данный вид туризма выполняет комплексные функции, включая познавательную, рекреационную и имиджевую, способствуя продвижению дестинации и популяризации данного туристского продукта.

В своей работе О.Р. Железова рассматривает гастрономический туризм как инновационный вектор, обладающий значительным потенциалом. Он выступает катализатором для сохранения и воспроизводства традиционной хозяйственной деятельности, выступает гарантом сбережения нематериального культурного наследия и является неотъемлемым стратегии устойчивого регионального развития. В работе М.В. Капкан, Л.С. Лихачева дается следующее определение: гастрономическая культура — это система правил, предписаний и образцов, определяющих способ приготовления пищи, набор принятых в данной культуре продуктов и их сочетания, практики потребления пищи, а также рефлексия над вышеперечисленными феноменами.

Культура питания характеризуется как система пищевых привычек определенной культурной общности. Однако очевидно, что сами эти привычки имеют разную природу. Можно выделить ряд подсистем в зависимости от того, какой критерий лежит в основе их формирования. Так, можно говорить о религиозной системе питания, основанной на религиозных требованиях и подкрепленной развитой системой догматов и практик. На основе физиологического критерия выделяется диетическое питание, базирующееся на принятых в данной культуре представлениях о здоровье.

Близко к культуре питания и понятие системы питания этноса, введенное С.А. Арутюновым. Система питания этноса включает в себя «набор основных продуктов и типы блюд, наличие тех или иных дополнительных компонентов (приправ и специй), способы обработки продуктов и приготовления блюд, пищевые ограничения и предпочтения, правила поведения, связанные с приемом пищи». Таким образом, это понятие во многом перекликается с данным нами определением гастрономической культуры. Однако С.А. Арутюнов использует данный термин для характеристики наличной, эмпирически наблюдаемой реальности, в то время как мы применяем термин «гастрономическая культура» при анализе представлений носителей той или иной культуры о том, какой должна быть эта реальность.

Французский структуралист Клод Леви-Стросс ещё в середине XX века показал, что переход от сырой пищи к приготовленной знаменует переход от природы к культуре [3]. Применительно к якутскому материалу этот тезис приобретает особое звучание: строганина – сырая замороженная рыба – находится на границе между «природным» и «культурным». Она почти не подвергается обработке, но её нарезка требует высокого мастерства, а потребление регулируется строгими правилами.

Британский антрополог Мэри Дуглас, исследовав пищевые запреты, пришла к выводу, что классификация «чистых» и «нечистых» продуктов отражает более общие представления о космическом порядке [2]. В якутской культуре «белая пища» (молочные продукты, кумыс) ассоциируются с верхним миром и божествами. Как фиксируется в якутской обрядовой практике и мифологии с духами нижнего мира ассоциируется не конкретный продукт, а ритуал пролития крови и жертвенного мясо, чья душа (кут) «обменивается» на душу человека.

Пьер Бурдье, разработавший понятие «габитуса», предложил рассматривать пищевые предпочтения как воплощенную в теле культуру. Человек не выбирает, что ему есть, исходя из рациональных соображений – он ест так, как его приучили с детства. [1] Этот подход

демонстрирует тот факт, что в условиях глобализации и кросс-культурного взаимодействия народ саха сохраняет привязанность к традиционным блюдам.

Таким образом, теоретическая оптика данного исследования включает три взаимосвязанных аспекта: структурный (пищевые классификации), символический (значение отдельных продуктов) и практический (габитус как телесное знание).

На наш взгляд, исследование гастрономического туризма предполагает применение интегративных методологических подходов, характерных для культурологии и этнологии, поскольку данный вид туризма следует рассматривать как разновидность этнокультурной формы. В этом контексте важным является опора на теории, объясняющие понятия «этнос» и «этничность», поскольку гастрономический аспект напрямую связан с культурной идентичностью народа и его традиционной практикой питания.

Прежде чем переходить к анализу конкретных блюд, необходимо понять, в каких условиях формировалась якутская кухня. Республика Саха (Якутия) представляет собой уникальный регион, где традиционная пищевая культура сохранила архаические черты, ограничено вплетённые в современные гастрономические практики. Экстремальные климатические условия – температура зимой достигает минус 60°С, а летом подниматься до +35°С. Большая часть территории находится в зоне вечной мерзлоты.

Эти географические и климатические обстоятельства определили несколько ключевых особенностей местного питания. Традиционное якутское хозяйство было основано на скотоводстве и коневодстве, а также на рыболовстве и охоте. Земледелие практически отсутствовало. Это означало, что рацион сильно зависел от времени года: летом – молочные продукты, осенью – мясо забитого скота, зимой – заготовленные припасы. В условиях вечной мерзлоты естественное замораживание оказалось самым надёжным и простым способом консервации. Рыбу, мясо, молочные продукты превращали в «запасники», которые могли храниться годами. Со временем заморозка перестала быть способом хранения и стала самостоятельным кулинарным приёмом. В суровом климате каждый ресурс имел ценность. То, что в более благоприятных регионах отправилось бы в мусор (кровь, внутренности, сухожилия), в Якутии превращалось в полноценные блюда. Это не было следствием бедности – это было рациональное использование скудных ресурсов природы.

Таким образом, именно эти три фактора – сезонность, заморозка и безотходность составляют материальную основу якутской гастрономии. Однако было бы ошибкой сводить якутскую кухню только к практической адаптации. За каждым блюдом и каждым ритуалом стоит определённая картина мира.

Центральное место в традиционном мировоззрении саха занимает представление о трёх душах: ийэ-кут (материнская душа), буор-кут (земляная душа) и салгын-кут (воздушная душа). Эта триада пронизывает все сферы жизни, включая питание. Считается, пища также обладает своего рода душой, поэтому обращаться с ней нужно уважительно. Нельзя выбрасывать остатки еды куда попало – их полагается сжигать в очаге или отдавать духам.

Особое значение придаётся кумысу – напитку из кобыльего молока. По якутским представлениям, лошадь – это животное, пришедшее из верхнего мира, а потому на национальном празднике Ысыах – это не просто питьё, а ритуальное действие, восстанавливающее связь между людей и миром божества.

Пищевые запреты также играют важную роль. Например, до недавного времени существовало табу на употребление отдельных видов рыб или мяса определённых животных в определённое время года. Нарушение запретов, по поверьям, могло привести к болезни или неудаче на охоте.

Интересна и практика «кормления духов». Перед началом трапезы или в ходе значимых событий (свадьба, рождение ребенка, отъезд в дальнюю дорогу) полагается бросать в огонь кусочки лучшей еды, произнося при этом слова благословения – алгыс. Огонь выступает посредником между людьми и потусторонними силами.

Переходя к конкретному содержанию якутской кухни, следует выделить несколько ключевых категорий продуктов и блюд.

Жеребятина. Вопреки распространённому стереотипу, главным мясом в Якутии является не оленина, а именно мясо молодых жеребят. Оно обладает нежной текстурой и своеобразным сладковатым привкусом. Современные исследования подтверждают, что мясо якутской лошади содержит высокий процент ненасыщенных жирных кислот, что делает его диетическим продуктом. Жеребятину варят, замораживают (строганина), из неё делают колбасы.

Строганина. Визитная карточка якутской кухни. Это тонко наструганные пластики замороженной рыбы (чир, нельма, муксун, голец) или мяса (жеребятина, печень). Употребляется в

сыром виде с солью, перцем и черемшой. Особенность строганины в том, что она не просто насыщает, но и даёт ощущение чистоты и свежести. Многие приезжие отмечают, что после строганины не бывает тяжести в желудке.

Молочные продукты. Здесь ассортимент чрезвычайно широк. Помимо упомянутого кумыса, это суорат (сквашенное молоко), кёрчэх (взбитые сливки с ягодами), чохоон (замороженный молочный десерт). Особый интерес представляет так называемая «мартышка» - кёрчэх, замороженный до твёрдого состояния. Получается нечто среднее между мороженым и сливочным маслом.

Хаан. Кровяная колбаса из жеребячьей или говяжьей крови с добавлением молока. Блюдо это имеет древнее происхождение и связано с идеей максимального использования животного – без отходов.

Суп из потрохов. Включает сердце, лёгкие, печень, почки, рубец. Долгое время это блюдо считалось едой простолюдинов, однако сегодня входит в меню ресторанов как аутентичный гастрономический опыт.

Рыбные блюда. Помимо строганины, популярная «индигирка» – салат из замороженной рыбы, нарезанной мелкими кубиками, приправленной луком, маслом и солью. Рыбу также варят, сушат, вялят.

Важно подчеркнуть, что каждое из перечисленных блюд имеет не только вкусовую, но и культурную ценность. Подача строганины, например, сопровождается определённым этикетом. Нарезать её должен мужчина, причем нож должен быть особенно острым, чтобы стружка получалась тонкой и прозрачной.

Особого внимания заслуживает роль пищи в обрядах перехода – прежде всего в свадебном ритуале. У якутов еда здесь выступает не просто угощением, а средством соединения двух родов. Традиционная якутская свадьба (сюрт) включала несколько этапов, на каждом из которых подавалась определённая пища. Особое значение имели варёная печень и сердце. В первую брачную ночь эти органы клали под подушку молодожёнам. Считалось, что совместное вкушение печени и сердца должно породить взаимную привязанность – ведь именно эти органы мыслились вместилищем чувств. Также символическим значением наделялись лепёшки и молочная каша. Их раздача гостям знаменовала включение новых родственников в систему взаимных обязательств.

В свою очередь, на похоронно-поминальных обрядах пища присутствовала, но совершенно иного рода. Умершего «кормили», оставляя у могилы еду, а иногда и закапывая котёл с угощением. Считалось, что в загробном мире человек нуждается в тех же вещах, что и в земной жизни.

Важно отметить, что с принятием православия часть этих ритуалов видоизменялись, но традиционным пищевым практикам, не придавая им уже прежнего сакрального смысла, но сохраняя их как элемент культурной идентичности.

В последние пятнадцать лет в Якутии набирает силу движение гастрономических фестивалей. Эти мероприятия выполняют несколько функций одновременно: они привлекают туристов, создают информационные поводы для СМИ, дают возможность местным производителям заявить о себе и, что самое важное, переводят архаические пищевые практики в формат, понятный и доступный внешней аудитории.

Фестиваль «Вкус Якутии» является ключевым событием в этой сфере. Проводится обычно в преддверии Нового года и входит в более широкую кампанию «Зима начинается с Якутии». Программа включает конкурс строганины, где участники демонстрируют мастерство нарезки рыбы, кулинарные баттлы ресторанов, дегустационные залы. По оценкам организаторов фестиваль посещают несколько тысяч человек. В 2023 году при Russian Event Awards этот фестиваль признан в двух номинациях – как лучшее гастрономическое событие и как лучший проект по продвижению народных традиций.

Фестиваль «Якутия – место встречи» проводится весной и ориентирован прежде всего на профессионалов туриндустрии. Здесь представители гостиничного бизнеса, туроператоры, ремесленники и фермеры знакомятся друг с другом, обсуждают новые маршруты и продукты. Гастрономическая оставляющая – лишь часть программы, но часть значимая. Именно на таких площадках заключаются договорённости о включении тех или иных блюд или мастер-классов в туры.

Быырпах-фест – новое событие, запланированное на июль 2026 года. Быырпах – это кисломолочный напиток из коровьего молока, менее известный широкой публике, чем кумыс. Проведение специализированного фестиваля именно этого напитка показывает, что продвижение якутской кухни становится более дифференцированным: речь идёт не просто о «якутской кухне» как едином целом, а о продвижении отдельных локальных продуктов.

С антропологической точки зрения, любой фестиваль представляет собой акт «перевода» внутренней традиции на внешний язык. У себя дома народ саха едят строганину, не задумываясь о её символическом значении – для них это просто привычная еда. Но когда строганина оказывается на фестивальной площадке, её окружает пояснительный текст: вам расскажут, какая рыба используется, почему она заморожена, как её правильно нарезать и с чем есть.

Этот процесс имеет как плюсы, так и минусы. С одной стороны, он способствует сохранению традиции: пока о ней говорят, пока она вызывает интерес – она жива. С другой стороны, неизбежно некоторая «музеефикация» – превращение живого обычая в экспонат. Однако в случае с Якутией, судя по всему, баланс соблюдается. Гастрономические фестивали не отменяют повседневного бытования этнической пищевой культуры. Более того, они создают экономические стимулы для её сохранения – фермеры получают рынок сбыта, рестораны – клиентов, мастера строганины – возможность показать своё искусство.

Важен также аспект культурной идентичности. Для самих якутов участие в фестивалях (или даже просто знание о том, что их кухня представляет интерес за пределы республики) является фактором самоуважения. Еда, которую раньше могли считать слишком простой или даже «дикой», внезапно обретает статус экзотического деликатеса.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Традиционная пищевая культура народа саха представляет собой системное явление, укоренённое в природных, хозяйственных и мировоззренческих условиях. Её ключевые особенности – доминирование заморозки, безотходность, развитая молочная кухня и особый статус продуктов из жеребятины – не являются случайными, а представляют собой продуманные стратегии выживания в экстремальном климате.

2. Пища в якутской культуре наделена не только утилитарным, но и символическим значением. Она участвует в ритуалах, сопровождает переходы из одного социо-культурного состояния в другое, служит средством коммуникации с потусторонними силами. Даже те практики, которые сегодня кажутся сугубо рациональными (например, максимальное использование всех частей животного), имеют глубокое культурное обоснование.

3. Современное фестивальное движение в Якутии является институциональной формой презентации этого наследия внешней аудитории. Такие события, как «Вкус Якутии», «Якутия – место встречи», Быырпах-фест выполняют функцию культурного перевода: они превращают внутреннюю этническую традицию в туристический продукт, не разрушая её при этом, а, напротив, создавая стимулы для сохранения.

4. Гастрономический туризм в Якутии сегодня – это не просто сектор экономики, а стратегия регионального развития, в которой культурная антропология оказывается востребованным инструментом. Понимание символического измерения пищи позволяет не только привлекать туристов, но и формировать уважительное отношение к культуре саха.

1. Бурдье П. Различение: социальная критика суждения. — Москва, 2005. — 560 с.

2. Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу. — Москва, 2000. — 288 с.

3. Леви-Стросс К. Мифологики: в 4 т. — Москва, 2000–2007.

4. Никитин В. И. Обряды и верования народа саха. — Новосибирск, 2005. — 214 с.

5. Попов В. А. Традиционное питание якутов: историко-этнографическое исследование. — Якутск, 1995. — 178 с.

6. Саввинов Д. Д. Культурное наследие Якутии: гастрономический аспект // Этнографическое обозрение. — 2020. — № 3. — С. 45–58.

7. Ушницкий В. В. Пищевые запреты у якутов: генезис и эволюция // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2018. — Т. 46, № 2. — С. 112–120.

8. Отчёт о проведении фестиваля «Вкус Якутии» 2024. — Якутск: Архив Министерства предпринимательства, торговли и туризма Республики Саха (Якутия), 2024. — 45 с.

9. Якутская кухня: между традицией и инновацией: сборник материалов конференции. — Якутск, 2023. — 124 с.

Сведения об авторах

Винокурова Марфа Александровна, преподаватель, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова»

Коноплёва Нина Алексеевна, доктор культурологии, профессор кафедры дизайна и технологий, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 004.457

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРОПУЩЕННЫХ УЧАСТКОВ СУДОВЫХ ТРАЕКТОРИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НЕЙРОСЕТЕВОЙ МОДЕЛИ

М.В. Водяницкий, аспирант

В.М. Гриняк, профессор, д-р техн. наук

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В работе рассматривается метод восстановления пропущенных участков судовых траекторий для подготовки более полных наборов навигационных данных. Подход основан на растровом представлении локального фрагмента маршрута и использовании карты плотности исторического трафика как дополнительного пространственного контекста. Нейросетевая модель формирует вероятностную маску полного фрагмента траектории, после чего результат преобразуется в связную маршрутную линию алгоритмической постобработкой. Метод проверен на фрагментах реальных судовых маршрутов с искусственно созданными пропусками.*

Ключевые слова и словосочетания: *судовые траектории, AIS, восстановление пропусков, машинное обучение, U-Net, карта плотности трафика, автономные.*

RESTORATION OF MISSING VESSEL TRAJECTORY SEGMENTS USING A NEURAL NETWORK MODEL

Abstract. *This paper considers a method for restoring missing segments of vessel trajectories for preparing more complete navigation datasets. The approach is based on a raster representation of a local route fragment and uses a historical traffic density map as additional spatial context. A neural network model produces a probability mask of the complete trajectory fragment, which is then converted into a connected route line by algorithmic post-processing. The method is evaluated on fragments of real vessel routes with artificially generated gaps.*

Keywords: *vessel trajectories, AIS, gap restoration, machine learning, U-Net, traffic density map, autonomous ships*

Актуальность

Развитие автономного судовождения требует навигационных моделей, способных учитывать реальные схемы движения судов. Для будущих автономных судов важны координатные наблюдения и обобщенные траекторные данные, отражающие устойчивые направления движения, подходы к портам, судоходные коридоры и особенности движения в конкретных акваториях. Такие данные могут использоваться при планировании маршрутов, прогнозировании движения, анализе навигационной обстановки и подготовке обучающих наборов для интеллектуальных систем управления [1, 2].

Практическое использование судовых траекторий осложняется разреженностью исходных наблюдений. Между соседними точками одного маршрута могут возникать значительные временные и пространственные разрывы. В результате траектория становится неполной, а ее прямое использование в задачах машинного обучения и пространственного анализа может приводить к искажению фактической структуры движения. Особенно заметно это на участках маневрирования, в районах подхода к портам и в акваториях с несколькими возможными направлениями прохода [3]. Пример разрывов показан на рисунке 1.

Восстановление пропущенных участков позволяет повысить пригодность траекторных данных для дальнейшей обработки. Предлагаемый метод связывает начало и конец пропуска с учетом фарватеров, зон интенсивного движения, типичных маршрутов судов и исторически наблюдаемой структуры движения в рассматриваемой области [4].

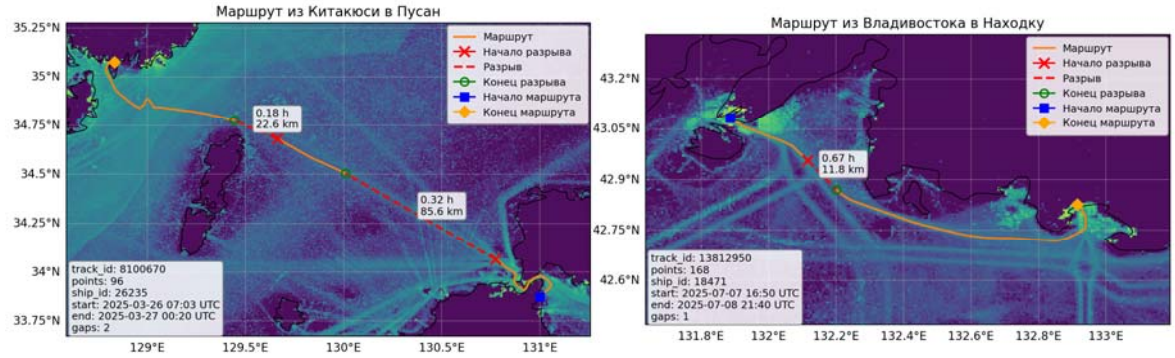

Рис. 1. Примеры разрывов в траекторных данных

Научная новизна

Новизна работы заключается в представлении задачи восстановления пропуска как задачи сегментации локального растрового фрагмента траектории. Предлагаемая модель использует карту плотности исторического трафика вместе с известными координатами маршрута. Это позволяет учитывать пространственный контекст: типичные судоходные направления, области высокой концентрации маршрутов и участки с редким прохождением судов.

Вход модели формируется как многоканальное изображение. В него включаются известная часть траектории, локальный срез карты плотности трафика и координатные каналы. Целевым результатом является маска полного фрагмента маршрута до искусственного удаления участка. Такая постановка позволяет использовать нейросетевую архитектуру encoder-decoder типа U-Net и обучать ее на фрагментах реальных судовых маршрутов [5]. Отдельной особенностью является переход от вероятностного выхода модели к географической линии маршрута. После предсказания выполняется постобработка: выделение связного коридора, скелетизация, построение графа и поиск пути между граничными точками пропуска. В результате растровое предсказание преобразуется в линию, пригодную для включения в траекторный набор данных.

Цель и задачи

Целью исследования является разработка и проверка метода восстановления геометрии пропущенных участков судовых траекторий с учетом исторической структуры движения судов.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

– подготовить локальные фрагменты судовых маршрутов с искусственно созданными пропусками;

– представить известную часть маршрута и историческую плотность трафика в виде многоканальных растровых карт;

– разработать нейросетевую модель для предсказания маски полного фрагмента траектории;

– реализовать алгоритмическое извлечение связной маршрутной линии из вероятностной карты;

– проверить работу метода на валидационных фрагментах и визуальных примерах восстановления.

Методы исследования

Для решения поставленной задачи использовались методы машинного обучения, обработки растровых изображений и графового поиска. Обучающие примеры формировались из локальных фрагментов судовых маршрутов. В каждом фрагменте искусственно удалялась последовательная часть точек. Оставшиеся точки задавали известную часть траектории, а исходная полная линия использовалась как целевой результат.

Каждый фрагмент переводился в локальную растровую сетку размером 128 на 128 ячеек. Известная часть маршрута кодировалась бинарной маской. Между соседними точками выполнялось соединение линии на растре, чтобы координатная последовательность задавала непрерывный след движения. Аналогичным образом строилась целевая маска полного фрагмента.

В качестве дополнительного признака использовалась карта плотности исторического трафика. Для каждого фрагмента из нее извлекался локальный срез, соответствующий грани-

цам рассматриваемой области. Этот канал показывает зоны с высокой и низкой интенсивностью ранее наблюдавшегося движения. Дополнительно использовались координатные каналы широты и долготы, нормированные в пределах общего набора данных. Пример входных каналов показан на рис. 2.

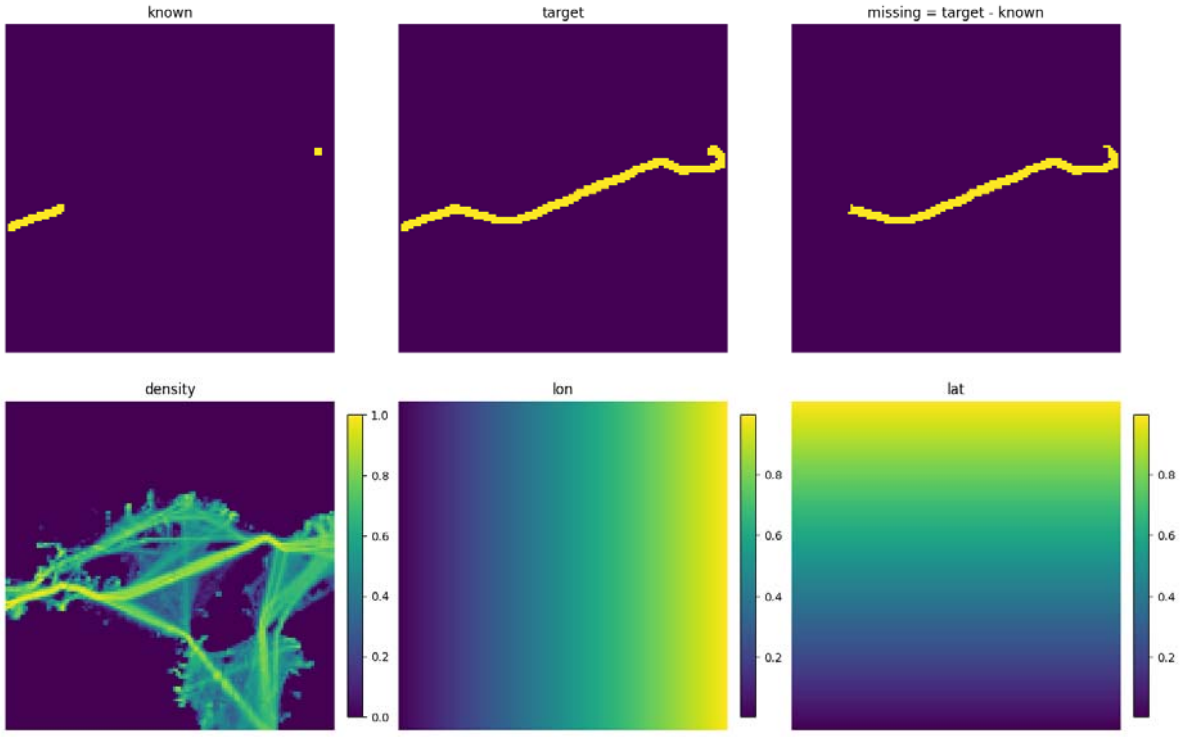

Рис. 2. Пример растрового представления фрагмента: известная часть маршрута, карта плотности, координатные каналы и целевая маска

Задача восстановления формулировалась как предсказание маски полного фрагмента траектории по многоканальному входу. На выходе модель формирует вероятностную карту, где значение каждой ячейки отражает вероятность прохождения маршрута через данную область. После этого вероятностная карта переводится в одну связную линию между последней известной точкой перед пропуском и первой известной точкой после него.

Архитектура нейросетевой модели

В работе использовалась U-Net-подобная архитектура типа encoder-decoder. Модель принимает многоканальную карту размером 128 на 128 ячеек и выдает одноканальную карту той же пространственной размерности. Кодирующая часть извлекает признаки на нескольких масштабах, центральный блок согласует признаки с учетом общего контекста фрагмента, а декодирующая часть восстанавливает пространственное разрешение выходной маски.

Архитектура включает начальный сверточный блок, несколько блоков понижения разрешения, bottleneck с механизмом self-attention, блоки повышения разрешения и выходной слой. Skip-соединения между encoder и decoder сохраняют локальные признаки, важные для тонкой структуры траекторной линии. Остаточные блоки и нормализация применяются для повышения устойчивости обучения. Схема архитектуры представлена на рис. 3.

Обучение проводилось на фрагментах реальных маршрутов с искусственно созданными пропусками. Для обучающей и валидационной выборок использовались разные маски удаления, что снижало вероятность проверки модели на тех же пропусках, которые встречались при обучении. Качество оценивалось по совпадению предсказанной бинарной маски с целевой маской полного фрагмента.

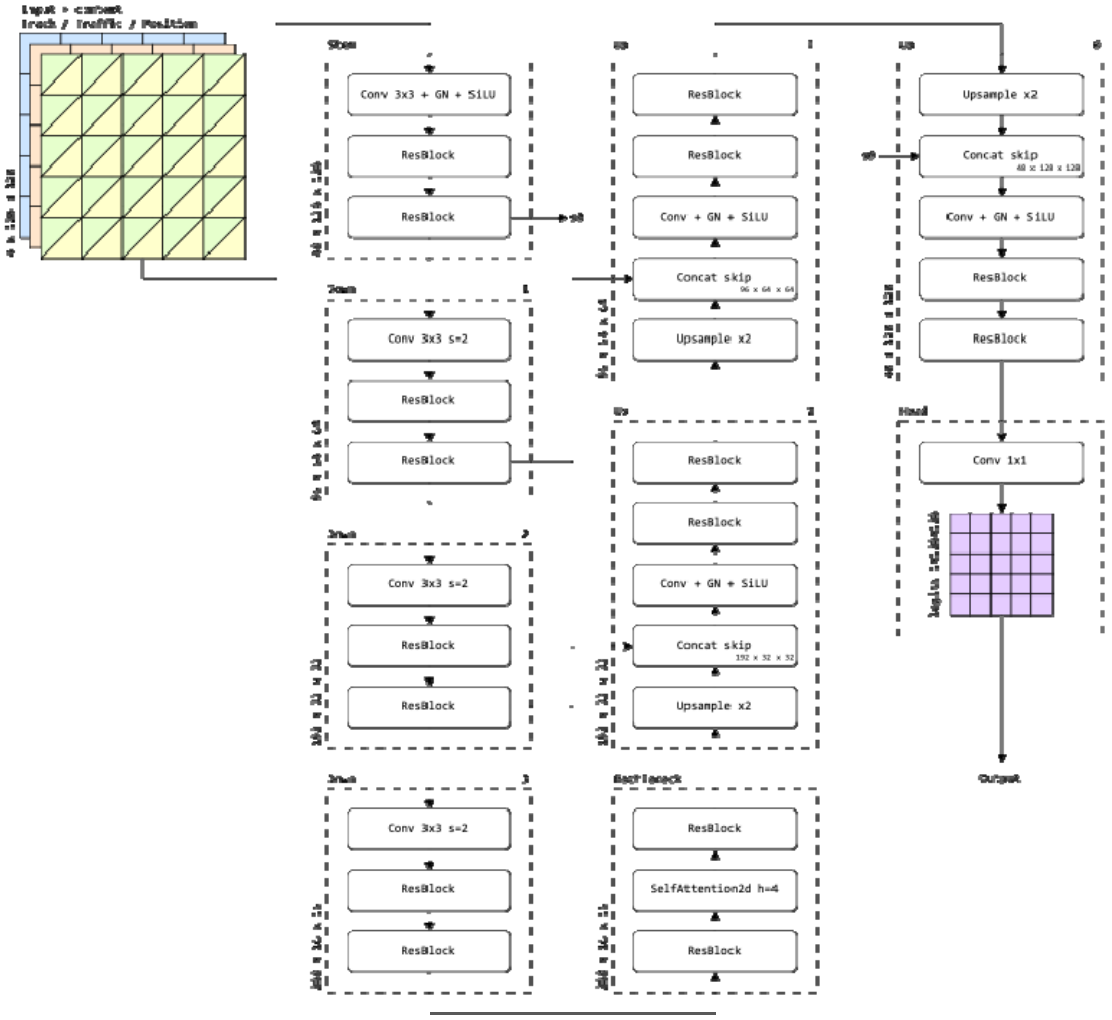

Рис. 3. Схема архитектуры нейросетевой модели с кодирующей частью, bottleneck, декодирующей частью и skip-соединениями

Извлечение маршрутной линии

Вероятностная карта преобразуется в последовательность точек, образующих одну связную линию. Эта линия начинается в последней известной точке перед пропуском и завершается в первой известной точке после пропуска.

На первом этапе вокруг начальной и конечной точек формируются небольшие якорные области. Затем по вероятностной карте выделяется коридор кандидатов. Для этого используются два порога: один задает уверенные участки предсказания, второй расширяет допустимую область вокруг них. Такой подход позволяет сохранить слабые, но связанные части маршрута и одновременно удалить изолированный шум.

Полученный коридор преобразуется в тонкую линию методом скелетизации. Далее по активным ячейкам скелета строится граф: ячейки становятся вершинами, а соседние ячейки соединяются ребрами. Стоимость перехода зависит от вероятности прохождения маршрута через соответствующие ячейки. После этого выбирается кратчайший путь между начальной и конечной областями. Для сложных случаев применяется резервный поиск по полной вероятностной карте с дополнительным штрафом за выход из основного коридора. Пример работы всех этапов постобработки представлен на рис. 4.

После поиска пути найденная растровая линия переводится обратно в географические координаты. Число восстановленных точек определяется геометрией найденного пути. Результатом является восстановленная геометрия маршрута, представленная последовательностью координат.

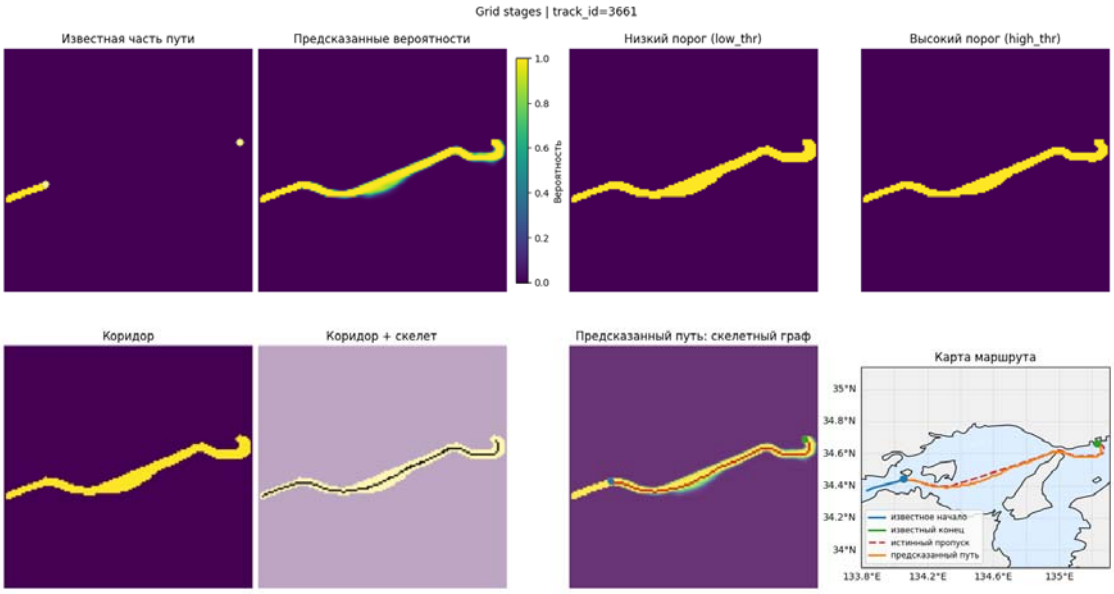

Рис. 4. Пример постобработки вероятностной карты и итогового восстановленного маршрута

Полученные результаты

Проверка выполнялась на валидационных фрагментах, отделенных от обучающей выборки. Для каждого примера сравнивались целевая маска полного фрагмента и маска, предсказанная нейросетью. Дополнительно оценивалась работоспособность алгоритмической постобработки, которая переводит растровый результат в последовательность координат.

Визуальные примеры показывают, что модель способна восстанавливать пропущенные участки в районах с выраженной структурой движения. Наиболее устойчивые результаты получаются там, где карта плотности содержит хорошо заметный судоходный коридор или характерный проход между начальной и конечной точками. В таких случаях восстановленная линия следует типичному направлению движения с учетом структуры исторического трафика. На рисунке 5 представлены примеры восстановленных фрагментов.

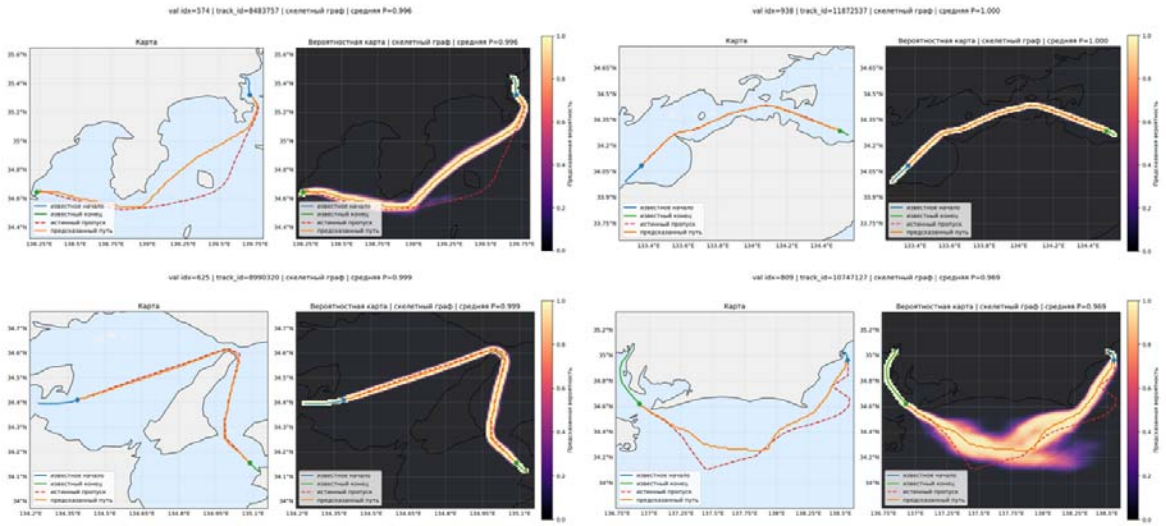

Рис. 5. Примеры восстановления пропущенных участков на валидационных фрагментах

Постобработка обеспечивает связность итоговой линии даже в случаях, когда вероятностная маска имеет неоднородную структуру. Основной путь обычно выделяется через скелетизацию и графовый поиск. Резервный поиск используется для разорванных или недостаточно уверенных предсказаний. Это делает метод применимым для визуальной оценки результата и автоматического дополнения траекторных данных.

Предлагаемый подход восстанавливает геометрию пропущенного участка и формирует координатную основу для последующего расширения траекторного набора. На ее основе

могут задаваться временные метки, скорость, курс и режим движения судна внутри восстановленного фрагмента.

Выводы

Разработанный метод демонстрирует возможность восстановления пропущенных участков судовых траекторий с использованием нейросетевой модели и карты плотности исторического трафика. Подход учитывает структуру движения в конкретной акватории и позволяет строить более правдоподобную геометрию маршрута.

Представление траектории в виде многоканальной растровой карты позволяет использовать U-Net-подобную архитектуру для предсказания полного фрагмента маршрута. Алгоритмическая постобработка преобразует вероятностную маску в связную линию, которую можно перевести обратно в географические координаты и использовать для дополнения траекторных данных.

Метод может применяться при подготовке наборов данных для задач анализа морского трафика, планирования маршрутов и разработки интеллектуальных навигационных систем. Дальнейшее развитие работы связано с восстановлением временных характеристик движения и проверкой метода на более широком наборе акваторий и типов судов.

1. Баракат Л., Квятковская И. Ю. Планирование безопасных маршрутов безэкипажных судов на основе методов искусственного интеллекта. DOI: 10.24143/2072-9502-2023-3-46-54.
2. Szarmach M., Czarnowski I. Reconstructing Damaged Data in AIS and Other Telecommunications Systems: A Survey. DOI: 10.26408/127.02.
3. Li H., Jiao H., Yang Z. AIS data-driven ship trajectory prediction modelling and analysis based on machine learning and deep learning methods. DOI: 10.1016/j.tre.2023.103152.
4. Capobianco S., Millefiori L. M., Forti N., Braca P., Willett P. Deep Learning Methods for Vessel Trajectory Prediction Based on Recurrent Neural Networks. URL: https://arxiv.org/abs/2101.02486.
5. Ronneberger O., Fischer P., Brox T. U-Net: Convolutional Networks for Biomedical Image Segmentation. DOI: 10.1007/978-3-319-24574-4_28.

Сведения об авторах

Водяницкий Марк Вадимович, аспирант, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

Виктор Михайлович Гриняк, профессор, д.т.н., ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 159.9

ВЗАИМОСВЯЗИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОБРАЗА БУДУЩЕГО И РЕЗУЛЬТАТОВ ПРОЕКТИВНЫХ МЕТОДИК У СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

К.К. Ворожбит, магистр

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Данное исследование выявляет особенности формирования образа будущего у подростков в возрасте 13–15 лет. Представлены данные демонстрируют восприятие и понимание подростков себя и образа своего возможного будущего, а также показывают влияние тревожности, уязвимости и недостаточной социальной зрелости на их жизненные установки. Результаты исследования подчеркивают необходимость психологической поддержки в этом важном возрастном этапе.*

Ключевые слова: *образ будущего, миропроект, подростки, возрастные особенности, эмоциональные характеристики, субъективное отношение.*

THE IMAGE OF THE FUTURE OF THE MODERN TEENAGER

Abstract. *This study identifies the characteristics of future image formation in adolescents aged 13-15. The data presented demonstrates adolescents' perception and understanding of themselves and their possible*

future, as well as the influence of anxiety, vulnerability, and lack of social maturity on their life attitudes. The study's findings highlight the need for psychological support during this important age stage
Keywords: *image of the future, world project, teenagers, age characteristics, emotional characteristics, subjective attitude*

Актуальность исследования обусловлена возрастанием неопределённости в представлениях современных подростков о собственном будущем. В условиях социальной нестабильности, цифровизации, изменения ценностных ориентиров и у подростков всё чаще формируется фрагментарный и краткосрочный образ будущего, не связанный с целостным пониманием жизненной перспективы. Подростковый возраст 13-15 лет является важным этапом формирования самосознания, жизненных целей и личностной идентичности, именно в этот период у подростков формируется способность к рефлексии, пониманию своего места в мире, а также желание строить собственный образ желаемого будущего. Для подростков построение образа будущего становится процессом, тесно связанным с возрастными кризисами, развитием самосознания и социальной идентичности личности.

Научная новизна исследования заключается в анализе образа будущего у современных подростков в возрасте 13-15 лет с учетом взаимосвязей его компонентов с эмоционально-личностными характеристиками и субъективным отношением к будущему.

Миропроект человека определяет, как он будет действовать в определенной ситуации и какие у него характерные черты и симптомы, а также это то, что соединяет человека с миром, в котором он живет с помощью процесса восприятия. Сам же человек является отражением миропроекта, в котором он живет. Своим поведением и своим существованием человек проявляет созданный им самим внутренний мир. Центральным понятием экзистенциального анализа является миропроект [1].

На формирование самосознания подростков влияет множество факторов, особенно психологические особенности этого возрастного этапа. Одним из таких факторов является негативизм, который воздействует на попытки подростка найти своё «Я» как среди сверстников, так и в семье. Подросток старается дистанцироваться от семьи, проявляя свою уникальность, но ответственности за себя и свои действия он все еще нести не в состоянии. Он полагает, что в кругу семьи не находят понимания его взглядов, и потому стремится общаться с теми, кто их разделяет. Сверстники оказывают значительное влияние на самосознание подростка; их поддержка помогает повысить самооценку и уверенность в себе, тогда как её отсутствие может привести к обратному эффекту. Важным фактором является и социальная среда, в которой подросток растет. Психически здоровые и заботливые родители стремятся вместе со взрослеющим ребёнком решать возникающие проблемы, всеми силами стараясь создать ему чувство защищенности и благоприятные условия для нормального развития и существования. Подросток начинает обретать опыт, учится пониманию других и идти на компромиссы [3].

Психологические характеристики подросткового возраста получили название «подросткового комплекса». Его суть заключается в том, что подростки создают собственные поведенческие паттерны, которые свойственны данному возрасту и определенным психологическим особенностям. В подростковом возрасте один из источников психологических сложностей связан с половым созреванием, из-за чего происходит неравномерное развитие по различным векторам. Данный возрастной период выражается в эмоциональной неустойчивости и резкими скачками настроения. Отметим, что пик эмоциональной неустойчивости различается по полу: он приходится у мальчиков на возраст 11-13 лет, у девочек – 13-15 лет [2].

Так же в условиях социальной нестабильности, ускоряющихся темпов технологических изменений и глобальной неопределенности особую актуальность приобретает изучение образа будущего у подростков. Образ будущего, является важнейшим компонентом жизненного самоопределения и внутреннего мира личности, задавая направление и смысл жизнедеятельности. Современные подростки формируют свои представления о будущем под влиянием многочисленных факторов: семейного воспитания, социальной среды, медиаинформации и государственной идеологии. В этой связи научное изучение особенностей образа будущего у подростков позволяет не только понять характер их жизненных установок, но и спрогнозировать возможные социокультурные тенденции.

Подростковый возраст характеризуется значительными изменениями в психическом и физическом развитии. В этот период происходит формирование идентичности, что делает подростков особенно восприимчивыми к влиянию окружающей среды и социальным факторам. Понимание этих изменений является ключевым для разработки эффективных миропроектов.

Взаимодействие включает в себя как внутренние, так и внешние факторы, влияющие на развитие личности подростка. Самоопределение является центральным элементом миропроекта личности. Подростки должны иметь возможность осознавать свои желания, цели и ценности, что способствует их активному участию в процессе формирования своей жизни. Это включает в себя выбор образовательного пути, профессиональной деятельности и социальных связей. Социальная среда, включая семью, школу и сверстников также играет важную роль в формировании образа будущего подростка. Поддержка и понимание со стороны значимых других могут значительно повысить мотивацию подростка к достижению поставленных целей. Таким образом, феноменология миропроекта и образа будущего позволяет понимать человека целостно, исходя из его собственного устройства в мире.

Цель исследования – изучение образа будущего у подростков 13-15 лет.

Объект исследования: образ будущего о подростков 13-15 лет.

Предмет исследования: взаимосвязи показателей образа будущего и результатов проективных методик у современных подростков.

Гипотеза: существуют взаимосвязи между показателями образа будущего у подростков и результатами проективных методик.

Задачи исследования:

1) рассмотреть теоретические аспекты понятия «образа будущего личности» и «миропроекта личности» основываясь на работы Л. Бинсвангера и других исследователей;

2) изучить психологические особенности подросткового возраста, включая кризис 13 лет;

3) провести эмпирическое исследование, направленное на выявление особенностей формирования ОВБ у подростков;

4) интерпретировать полученные результаты.

Методы исследования: теоретический анализ научной литературы для изучения существующих теорий и исследований, связанных с понятием «миропроект личности» и «образ будущего», а также эмпирический анализ полученных данных на основании **м**етодик исследования: проективная методика «Дом-Дерево-Человек» Дж. Бук [4]; проективная методика «Образа возможного будущего» В.Н. Петрова [5]; незаконченные предложения относящиеся к будущему Сакса-Леви [6].

Результаты исследования: эмпирическое исследование было проведено в МОБУ «ЦО № 39» в г. Владивосток, а также в Академическом лицее ВВГУ г. Владивосток. Выборку составили 93 ученика из 8 и 9-х классов. Возрастная категория школьников составила диапазон от 13-15 лет.

На этапе обработки эмпирических данных было проведено описание результатов, полученных по методике «Методика изучения образа возможного будущего» В.Н. Петровой. Данная методика позволяет оценить отдельные компоненты образа будущего подростков, включая смысловую жизненную перспективу, уровень самосознания, социальную зрелость в восприятии макросоциума и микросоциума, а также готовность к профессиональному самоопределению. Для каждого показателя были рассчитаны среднее значение, стандартное отклонение, минимальное и максимальное значения. Это позволило определить общую выраженность компонентов образа будущего в исследуемой выборке и выявить наиболее сильные и наиболее слабо сформированные стороны представлений подростков о собственном будущем. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Распределение показателей образа будущего по методике В.Н. Петровой (N=93)

Показатель	M	SD	Min	Max
Смысловая жизненная перспектива	3,02	2,09	-2	6
Уровень самосознания	2,89	2,25	-3	6
Социальная зрелость, восприятие макросоциума	2,8	2,76	-4	8
Социальная зрелость, восприятие микросоциума	1,62	2,07	-2	6
Готовность к профессиональному самоопределению	1,03	2,42	-5	5

По результатам методики В. Н. Петровой можно сделать вывод, что образ будущего подростков в исследуемой выборке имеет неоднородный характер. В большей степени у подростков представлены смысловая жизненная перспектива, уровень самосознания и социальная зрелость в восприятии макросоциума. В то же время менее сформированными являются социальная зрелость в восприятии микросоциума и особенно готовность к профессиональному самоопределению.

На следующем этапе было проведено описание результатов, полученных по проективной методике «Дом — Дерево — Человек». Данная методика использовалась для выявления эмоционально-личностных характеристик подростков, которые могут быть связаны с особенностями восприятия себя, окружающего мира и собственного будущего. В рамках обработки данных были проанализированы такие показатели, как незащищенность, тревожность, недоверие к себе, чувство неполноценности, враждебность, конфликтность / фрустрация, трудности общения и депрессивность. Для каждого показателя были рассчитаны среднее значение, стандартное отклонение, минимальное и максимальное значения. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Распределение симптомокомплексов по результатам диагностики с помощью методики «Дом-Дерево-Человек» (N=93)

Показатель	M	SD	Min	Max
Незащищенность	3,88	2,02	0	10
Тревожность	4,55	2,22	0	10
Недоверие к себе	1,17	1,27	0	6
Чувство неполноценности	0,54	0,73	0	3
Враждебность	1,12	1,05	0	5
Конфликтность / фрустрация	1,88	1,18	0	5
Трудности общения	1,74	1,54	0	6
Депрессивность	1,37	1,1	0	4

Так, в эмоционально-личностном профиле подростков наиболее заметны тревожность и незащищенность. Это указывает на то, что формирование образа будущего у подростков может происходить на фоне эмоционального напряжения, переживания неопределённости и потребности в поддержке. При этом такие показатели, как конфликтность / фрустрация и трудности общения, имеют умеренную выраженность и могут отражать дополнительные психологические трудности, влияющие на восприятие будущего.

На завершающем этапе были проанализированы результаты, полученные по методике «Незаконченные предложения». В данной работе эта методика использовалась для выявления субъективного эмоционально-смыслового отношения подростков к собственному будущему. Методика «Незаконченные предложения» позволяет зафиксировать более свободные, индивидуальные и эмоционально окрашенные высказывания испытуемых, отражающие ожидания, опасения, надежды и степень определённости жизненной перспективы. Для показателя отношения к будущему были рассчитаны среднее значение, стандартное отклонение, минимальное и максимальное значения. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

Отношение к будущему как результат применения методики «незаконченные предложения» (N=93)

Показатель	M	SD	Min	Max
Отношение к будущему	3,05	2,66	-5	9

Анализ результатов по методике «Незаконченные предложения» показывает, что в целом у испытуемых присутствуют определённые представления о будущем, однако они не всегда

являются достаточно конкретными, устойчивыми и эмоционально позитивными. Для одних подростков будущее выступает как достаточно осмысленная и привлекательная перспектива, тогда как для других оно может восприниматься как неясное, вызывающее напряжение или недостаточно связанное с конкретными жизненными планами.

Для выявления взаимосвязей между показателями образа возможного будущего подростков и личностно-эмоциональными характеристиками, отражёнными в проективной методике «Дом — Дерево — Человек», был проведён корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. В анализ были включены показатели методики изучения образа возможного будущего В. Н. Петровой: смысловая жизненная перспектива, уровень самосознания, социальная зрелость в восприятии макросоциума, социальная зрелость в восприятии микросоциума, готовность к профессиональному самоопределению. Они были сопоставлены с показателями проективной методики «Дом — Дерево — Человек»: незащищенность, тревожность, недоверие к себе, чувство неполноценности, враждебность, конфликтность, трудности общения и депрессивность. Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 4.

Таблица 4

Взаимосвязи показателей методики «Образа возможного будущего» и симптомокомплексов методики «Дом-Дерево-Человек» (N=93)

Показатели	Незащищенность	Тревожность	Недоверие к себе	Чувство неполноценности	Враждебность	Конфликтность / фрустрация	Трудности общения	Депрессивность
Смысловая жизненная перспектива	0,223*	0,113	-0,101	-0,019	-0,141	-0,102	0,024	-0,118
Уровень самосознания	0,176	0,064	0,033	0,045	-0,188	0,144	-0,138	-0,028
Социальная зрелость, восприятие макросоциума	0,117	0,147	-0,078	0,023	-0,08	-0,011	0,056	0,084

Результаты корреляционного анализа показывают, что большинство связей между показателями методики В. Н. Петровой и показателями проективной методики «Дом — Дерево — Человек» не достигают уровня статистической значимости. Это позволяет говорить о том, что компоненты образа возможного будущего подростков в данной выборке не имеют выраженной прямой зависимости от большинства эмоционально-личностных признаков, выявляемых с помощью проективной методики.

Вместе с тем были обнаружены две статистически значимые корреляционные связи. Первая значимая связь выявлена между показателем смысловой жизненной перспективы и незащищенностью: $r = 0{,}223$ при $p \leq 0{,}05$. Данная связь является положительной и слабой по силе. Это означает, что при повышении выраженности смысловой жизненной перспективы у подростков одновременно может наблюдаться некоторое усиление признаков незащищенности. На первый взгляд такая связь может казаться противоречивой, однако её можно объяснить тем, что обращённость подростка к будущему, размышления о жизненных целях и перспективах могут сопровождаться повышенной чувствительностью, внутренней уязвимостью и переживанием неопределённости.

Вторая статистически значимая связь обнаружена между готовностью к профессиональному самоопределению и незащищенностью: $r = -0{,}222$ при $p \leq 0{,}05$. Связь отрицательная и слабая по выраженности. Это указывает на то, что чем выше готовность подростков к профессиональному самоопределению, тем ниже выраженность признаков незащищенности. Данный результат является содержательно важным для темы исследования, поскольку профессио-

нальное самоопределение выступает одним из ключевых компонентов образа будущего в подростковом возрасте. Более чёткое понимание возможного профессионального пути, наличие представлений о будущей деятельности и готовность к выбору профессии могут снижать чувство неопределённости и внутренней уязвимости.

Остальные показатели методики В. Н. Петровой не продемонстрировали статистически значимых связей с тревожностью, недоверием к себе, чувством неполноценности, враждебностью, конфликтностью, трудностями общения и депрессивностью. Это может свидетельствовать о том, что образ будущего подростков имеет сложную структуру и не сводится только к текущему эмоциональному состоянию. Его формирование может зависеть не только от личностной тревожности или эмоционального напряжения, но и от уровня рефлексии, жизненного опыта, социальной поддержки, образовательной ситуации, семейного контекста и степени сформированности ценностных ориентиров.

В результате анализа можно сделать вывод о том, что наиболее значимым эмоционально-личностным показателем, связанным с компонентами образа будущего, является незащищенность. Она положительно связана со смысловой жизненной перспективой, но отрицательно — с готовностью к профессиональному самоопределению. Это говорит о неоднозначности подросткового отношения к будущему: с одной стороны, размышления о будущем могут усиливать переживание неопределённости, с другой — конкретизация профессионального выбора может снижать чувство уязвимости и способствовать большей психологической устойчивости.

Для выявления взаимосвязей между эмоционально-личностными характеристиками подростков, отражёнными в проективной методике «Дом — Дерево — Человек», и их субъективным отношением к будущему был проведён корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. В качестве показателей проективной методики рассматривались незащищенность, тревожность, недоверие к себе, чувство неполноценности, враждебность, конфликтность / фрустрация, трудности общения и депрессивность. Данные показатели были сопоставлены с результатами методики «Незаконченные предложения», отражающими эмоционально-смысловое отношение подростков к собственному будущему. Результаты корреляционного анализа представлены в таблице.

Таблица 6

Взаимосвязи показателей методики «Незаконченные предложения» и методики «Дом — Дерево — Человек» (N=93)

Показатели	Отношение к будущему
Незащищенность	0,021
Тревожность	0,117
Недоверие к себе	-0,109
Чувство неполноценности	0,046
Враждебность	0,058
Конфликтность / фрустрация	-0,215*
Трудности общения	-0,072
Депрессивность	-0,031

Результаты корреляционного анализа показывают, что большинство показателей проективной методики «Дом — Дерево — Человек» не имеют статистически значимых связей с отношением подростков к будущему по методике «Незаконченные предложения». Это свидетельствует о том, что субъективное отношение к будущему в данной выборке не определяется напрямую большинством эмоционально-личностных характеристик, выявленных с помощью проективной методики.

При этом была выявлена одна статистически значимая отрицательная связь между показателем конфликтности / фрустрации и отношением к будущему: $r_{\square} = -0{,}215$ при $p \leq 0{,}05$. Связь является слабой по силе, однако её направление имеет важное содержательное значение. Отрицательный характер корреляции указывает на то, что при повышении выраженности кон-

фликтности, внутреннего напряжения и фрустрированности у подростков наблюдается менее благоприятное отношение к собственному будущему.

Данный результат можно объяснить тем, что переживание фрустрации и внутренней конфликтности снижает способность подростка воспринимать будущее как понятное, достижимое и эмоционально привлекательное. При наличии внутреннего напряжения, неудовлетворённости, трудностей в принятии ситуации или себя самого подросток может чаще демонстрировать неопределённость, тревожность или негативную окраску высказываний о будущем. Следовательно, конфликтность / фрустрация может выступать психологическим фактором, затрудняющим формирование позитивного и устойчивого образа будущего.

Проведённый корреляционный анализ позволил выявить особенности взаимосвязей между компонентами образа будущего подростков, эмоционально-личностными характеристиками и субъективным отношением к будущему. В целом результаты показывают, что большинство корреляционных связей между исследуемыми показателями являются слабыми и не достигают уровня статистической значимости. Это свидетельствует о том, что образ будущего подростков имеет сложную, неоднородную структуру и не может быть объяснён только отдельными эмоциональными проявлениями или проективными характеристиками личности.

Наиболее значимые результаты были получены по показателю незащищенности. Он оказался связан с двумя компонентами методики изучения образа возможного будущего В. Н. Петровой. Положительная связь между смысловой жизненной перспективой и незащищенностью показывает, что обращённость подростка к будущему и размышления о жизненных целях могут сопровождаться переживанием внутренней уязвимости и неопределённости. В то же время отрицательная связь между готовностью к профессиональному самоопределению и незащищенностью указывает на то, что более чёткое представление о профессиональном будущем может снижать чувство неуверенности и психологической незащищенности.

Отдельно следует отметить значимую отрицательную связь между конфликтностью / фрустрацией и отношением к будущему. Этот результат является особенно важным для темы исследования, поскольку показывает, что при усилении внутреннего напряжения, противоречивости переживаний и фрустрированности отношение подростков к будущему становится менее благоприятным. Следовательно, эмоциональная напряжённость может выступать фактором, затрудняющим формирование позитивного, устойчивого и содержательно наполненного образа будущего. При этом отсутствие значимых связей между большинством показателей методики В. Н. Петровой и методики «Незаконченные предложения» позволяет предположить, что рационально осознаваемые представления подростков о будущем не всегда совпадают с их эмоционально-смысловым отношением к нему. Подросток может иметь определённые представления о социальной зрелости, самосознании или профессиональном самоопределении, но при этом эмоционально воспринимать будущее неоднозначно, тревожно или недостаточно определённо.

Вывод: таким образом, мы можем сделать вывод, что на данной выборке подростки осознают значимость своего будущего, но их представления остаются недостаточно конкретизированными, что может вызывать тревогу и ощущение нестабильности. Их образ будущего частично сформирован, но недостаточно устойчив из-за недостатка уверенности в себе, социальной зрелости и профессиональных ориентиров. Это свидетельствует о необходимости поддержки в развитии социальной компетентности, эмоциональной устойчивости и формировании четких жизненных целей. В целом полученные данные позволяют сделать вывод о том, что образ будущего подростков связан не столько с отдельными изолированными личностными характеристиками, сколько с общим уровнем внутренней устойчивости, переживанием защищенности, снижением фрустрированности и готовностью к конкретизации жизненных и профессиональных перспектив. Это подтверждает значимость группового психологического консультирования как формы работы, направленной на поддержку подростков в осмыслении будущего, снижении внутреннего напряжения, развитии уверенности и формировании более конструктивного отношения к жизненной перспективе.

1. Бинсвагнер Л. Бытие в мире. Введение в экзистенциальную психиатрию. – URL: https://www.klex.ru/73g

2. Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков / под ред. Д. Б. Эльконина, Т. В. Драгуновой. – Москва: Просвещение, 1967.

3. Прихожан А. М. Проблема подросткового кризиса // Психологическая наука и образование. — 1997. Текст: электронный. – URL: http://elib.osu.ru/bitstream/123456789/13038/1/%D0%95%-

D0%BF%D0%B0%D0%BD%D1%87%D0%B8%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%B2%D0%B03.pdf Текст: электронный. – URL: https://journals.tsu.ru/uploads/import/1402/files/016-017-032.pdf Текст: электронный. – URL: https://sz326.gov45.ru/rescentr/%D0%9D%D0%B5%D0%B7%D0%B0%-D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%A1%D0%B0%D0%BA%D1%81%D0%B0-%D0%9B%D0%B5%D0%B2%D0%B8-1.pdf

Сведения об авторе
К.К. Ворожбит, магистр, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 504.05

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИЧАЛОВ МОРСКОГО ПОРТА НА АТМОСФЕРНЫЙ ВОЗДУХ (НА ПРИМЕРЕ Г. ВЛАДИВОСТОК)

В.И. Вьюн, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Актуальность работы обусловлена необходимостью минимизации негативного воздействия портовой инфраструктуры на качество атмосферного воздуха и здоровье населения. В статье представлены результаты комплексной оценки загрязнения атмосферы и шумового воздействия двух причалов морского порта Владивосток.*

Ключевые слова и словосочетания: *санитарно-защитная зона, морской причал, загрязнение атмосферы, рассеивание выбросов, порт Владивосток.*

ENVIRONMENTAL IMPACT ASSESSMENT OF SEAPORT BERTHS ON ATMOSPHERIC AIR (CASE STUDY OF VLADIVOSTOK)

Abstract. *The relevance of the work is due to the need to minimize the negative impact of port infrastructure on atmospheric air quality and public health. The article presents the results of a comprehensive assessment of air pollution and noise impact from two berths of the Vladivostok seaport.*

Keywords: *sanitary protection zone, sea berth, air pollution, emission dispersion, port of Vladivostok*

В условиях интенсификации промышленного производства, роста грузооборота морских портов и урбанизации прибрежных территорий особую значимость приобретает проблема обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Санитарно-защитная зона (СЗЗ) выступает ключевым инструментом минимизации негативного воздействия промышленных объектов, транспортных магистралей и иных источников загрязнения на здоровье граждан и состояние окружающей среды. Морские причалы, являясь важными элементами портовой инфраструктуры, генерируют выбросы загрязняющих веществ в атмосферу (от судовых двигателей, погрузочно-разгрузочных работ, вспомогательной техники) и создают шумовое воздействие. В связи с этим комплексная оценка их влияния на атмосферный воздух и акустическую среду является актуальной задачей.

Целью данного исследования является комплексная оценка уровня загрязнения атмосферного воздуха и шумового воздействия, генерируемых в результате деятельности Причала №1 и Причала №2 морского порта Владивосток, а также обоснование необходимости (или отсутствия необходимости) установления санитарно-защитной зоны.

Задачи исследования:

1) провести инвентаризацию источников загрязнения атмосферного воздуха и источников шума на территории обоих причалов;

2) выполнить расчётное моделирование рассеивания выбросов загрязняющих веществ с учётом фоновых концентраций и метеорологических условий;

3) рассчитать уровни шумового воздействия в дневное и ночное время;

4) провести сравнительный анализ максимальных приземных концентраций на границе промплощадок и на расстоянии ориентировочной СЗЗ (100 м);

5) сформулировать вывод о соответствии воздействия гигиеническим нормативам и о необходимости установления СЗЗ.

Научная новизна исследования заключается в разработке и апробации комплексного подхода к оценке воздействия морских причалов, включающего:

– детальную инвентаризацию выбросов от судов различных типов (буксиры, ледоколы, нефтемусоросборщики, учебные суда) с учётом маневрового режима и стоянки;

– расчёты рассеивания загрязняющих веществ с применением актуальной методики (Приказ Минприроды №273) и учётом фоновых концентраций, а также розы ветров для муссонного климата Владивостока;

– акустическое моделирование с выделением дневного и ночного времени;

– сравнительный анализ двух причалов, различающихся по номенклатуре судов и интенсивности операций.

Методы исследования. В ходе работы использованы следующие методы:

– анализ и обобщение нормативно-правовой документации (Федеральный закон №52-ФЗ, СанПиН 2.2.1/2.1.1.1200-03, Постановление Правительства РФ №222) [1, 2, 3];

– моделирование рассеивания выбросов с помощью программного комплекса УПРЗА «Эколог» версия 4.70 (сертифицирован, реализует Приказ Минприроды №273) [4];

– расчётные методы определения выбросов загрязняющих веществ согласно утверждённым методикам (Методическое пособие НИИ Атмосфера, 2012; методики расчёта выбросов от судовых двигателей, окрасочных работ, автотранспорта) [5];

– сравнительный анализ полученных концентраций и уровней шума с нормативами (ПДК, ПДУ) [6];

– акустическое моделирование в программе «Эколог-Шум» и «Шум от автомобильных дорог» [7];

– картографический метод для визуализации источников выбросов и расчётных точек.

Характеристика объектов исследования. Причал №1 и Причал №2 морского порта Владивосток (Дальневосточный бассейновый филиал ФГУП «Росморпорт») расположены по адресу: Приморский край, г. Владивосток, р-н Морского вокзала. Согласно СанПиН 2.2.1/2.1.1.1200-03 объекты относятся к IV классу опасности с ориентировочным размером СЗЗ 100 м (п. 14.4.7 – места перегрузки светлых нефтепродуктов) [2]. На Причале №1 осуществляется швартовка и стоянка до 6 судов одновременно (катера, буксиры, МНМС), также производятся окрасочные работы (краска ПФ-115, растворитель Р-10), имеется парковка на 16 легковых автомобилей и площадка ТБО. Причал №2 имеет большую длину (255,6 м) и способен принимать до 8 судов, включая ледоколы, учебные суда, земснаряды; парковка на 46 машино-мест.

Инвентаризация источников выбросов. Количественные и качественные характеристики выбросов загрязняющих веществ в атмосферу определены их расчетами на основе методических данных.

Расчеты выбросов проведены согласно методикам расчетов, утвержденных в соответствии с Постановлением Правительства РФ №422 от 16.05.2016, с учетом выполняемых технологических процессов.

Специфика производства исключает залповые выбросы загрязняющих веществ в атмосферу и значительные выбросы при аварийных ситуациях [8].

На предприятии не предусмотрено пылегазоочистное оборудование.

В результате инвентаризации на Причале №1 выявлено 66 источников выбросов (62 организованных – дымовые трубы судов, 4 неорганизованных), суммарный годовой выброс составил 47,40 т/год по 16 загрязняющим веществам. Основные вещества: диоксид азота (NO2), оксид углерода (CO), диоксид серы (SO2), формальдегид, бенз(а)пирен, керосин. На Причале №2 – 92 источника (88 организованных, 4 неорганизованных) с суммарным выбросом 291,44 т/год по 19 веществам (дополнительно взвешенные вещества, уайт-спирит). Превышение валового выброса на Причале №2 связано с более мощными судами (ледоколы, земснаряды) и большей интенсивностью операций.

Расчёты рассеивания. Расчёты выполнены для летнего и зимнего периодов с учётом фоновых концентраций (справка ФГБУ «Приморское УГМС», фон: диоксид азота (NO2) – 0,128 мг/м³, диоксид серы (SO2) – 0,014 мг/м³, оксид углерода (CO) – 4,13 мг/м³). Метеорологические параметры: коэффициент стратификации A=200, скорость ветра 5% обеспеченности 12,4

м/с, роза ветров с преобладанием северного направления зимой (64%) и южного летом (43%). Рельеф – коэффициент 1. Расчётная сетка – 10 м, расчётные точки на границе промплощадки и на расстоянии 100 м [9].

Результаты показали, что на границе промплощадки и за её пределами максимальные приземные концентрации (с учётом фона) не превышают 1 ПДКм.р. Для Причала №1 максимальные значения: диоксид азота (NO2) – 0,75 ПДКм.р., диоксид серы (SO2) – 0,31 ПДКм.р., оксид углерода (CO) – 0,94 ПДКм.р. Для Причала №2: диоксид азота (NO2) – 0,71 ПДКм.р., диоксид серы (SO2) – 0,28 ПДКм.р., оксид углерода (CO) – 0,96 ПДКм.р. Группа суммации 6010 (NO2+ SO2+ CO +фенол) на Причале №2 достигает 0,54 ПДКм.р. (умеренный уровень), на Причале №1 – 0,31 ПДКм.р. (низкий уровень). Среднесуточные и среднегодовые концентрации также не превышают нормативов.

Сравнительный анализ причалов. Суммарная концентрация по семи показателям на Причале №2 выше на 64,6%. Основной вклад вносит диоксид серы (в 2,27 раза выше) и группа 6010. Это объясняется более интенсивной работой судов с дизельными двигателями большой мощности на Причале №2.

Акустическое воздействие. На Причале №1 определено 8 источников шума (двигатели судов, окрасочные работы, автотранспорт). Эквивалентный уровень звука на границе ориентировочной СЗЗ составил не более 32 дБА днём, максимальный – 46,9 дБА на границе промплощадки, что ниже ПДУ (55 дБА днём, 45 дБА ночью). На Причале №2 – 9 источников, уровни на границе СЗЗ не превышают 40,4 дБА днём, на границе промплощадки – 41,8 дБА. Ночные уровни также в пределах нормы.

Выводы.

1. Проведённая инвентаризация и расчёты показали, что максимальные приземные концентрации загрязняющих веществ на границе промплощадок Причалов №1 и №2, а также на расстоянии 100 м (ориентировочная СЗЗ) не превышают 1 ПДКм.р. для всех веществ и групп суммации. Уровни шума также не превышают предельно допустимых уровней как в дневное, так и в ночное время.

2. В соответствии с п. 1 Правил установления санитарно-защитных зон (утверждены Постановлением Правительства РФ от 03.03.2018 №222) установление СЗЗ для объекта не требуется, поскольку уровни химического и физического воздействия на границе промышленной площадки соответствуют гигиеническим нормативам [2].

3. Выявлены приоритетные загрязнители: диоксид серы (SO2) и группа суммации 6010. На Причале №2 концентрация SO2 в 2,27 раза выше, чем на Причале №1, что связано с большей мощностью судовых энергетических установок. Рекомендуется регулярный мониторинг этих веществ в рамках производственного контроля.

4. Применённый комплексный подход (инвентаризация + расчётное моделирование + акустический анализ) может служить методологической основой для оценки экологической безопасности других объектов портовой инфраструктуры.

Таким образом, деятельность Причалов №1 и №2 морского порта Владивосток не создаёт угрозы для здоровья населения и окружающей среды, что подтверждает экологическую обоснованность отсутствия санитарно-защитной зоны.

1. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: федеральный закон от 30.03.1999 №52-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/ (дата обращения: 18.05.2026).

2. Об утверждении Правил установления санитарно-защитных зон и использования земельных участков, расположенных в границах санитарно-защитных зон: Постановление Правительства РФ от 03.03.2018 №222 (ред. от 03.03.2022). – URL: https://docs.cntd.ru/document/556716724 (дата обращения: 18.05.2026).

3. СанПиН 2.2.1/2.1.1.1200-03 «Санитарно-защитные зоны и санитарная классификация предприятий, сооружений и иных объектов» (новая редакция). – URL: https://base.garant.ru/12158477 (дата обращения: 18.05.2026).

4. Об утверждении методов расчетов рассеивания выбросов вредных (загрязняющих) веществ в атмосферном воздухе: Приказ Минприроды России от 06.06.2017 №273. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_222765 (дата обращения: 18.05.2026).

5. Методическое пособие по расчету, нормированию и контролю выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух. – Санкт-Петербург: НИИ Атмосфера, 2012. – 224 с.

6. СанПиН 1.2.3685-21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания». – URL: https://base.garant.ru/400505344 (дата обращения: 18.05.2026).
7. СП 51.13330.2011 «Защита от шума». Актуализированная редакция СНиП 23-03-2003. – URL: https://docs.cntd.ru/document/1200084097 (дата обращения: 18.05.2026).
8. Касимов Н.С. Тематическое и атласное картографирование: современное состояние и перспективы // Геодезия и картография. – 2012. – №11. – С. 40-47.
9. Смирнова И.В., Безуглая Э.Ю. Воздух городов и его изменения. – Санкт-Петербург: Астерион, 2008. – 245 с.

Сведения об авторе
Вьюн Виктория Игоревна, магистрант, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 159.922.8

ПРЕДИКТОРНЫЙ ВКЛАД СУБЪЕКТИВНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА И СУВЕРЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ВЫРАЖЕННОСТЬ ДЕПРЕССИВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ У МОЛОДЁЖИ

Н. Э. Гратовский, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье представлены результаты исследования предикторного вклада субъективного переживания одиночества и суверенности психологического пространства в выраженность депрессивных тенденций у молодёжи (N = 104). В исследовании использовались шкала депрессии Бека, дифференциальный опросник переживания одиночества Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева, опросник «Суверенность психологического пространства» С. К. Нартовой-Бочавер. Результаты множественного регрессионного анализа показали, что общее переживание одиночества и суверенность психологического пространства объясняют 36,4 % дисперсии депрессивных тенденций. Общее переживание одиночества выступает фактором риска, а суверенность психологического пространства выступает ресурсным фактором, связанным со снижением депрессивных тенденций*

Ключевые слова: *депрессивные тенденции, субъективное переживание одиночества, общее переживание одиночества, суверенность психологического пространства, личностные границы, молодёжь, регрессионный анализ.*

PREDICTIVE CONTRIBUTION OF SUBJECTIVE EXPERIENCE OF LONELINESS AND SOVEREIGNTY OF PSYCHOLOGICAL SPACE TO THE SEVERITY OF DEPRESSIVE TENDENCIES AMONG YOUNG PEOPLE

Abstract. *The article presents the results of a study of the predictive contribution of subjective experience of loneliness and sovereignty of psychological space to depressive tendencies among young people (N = 104). The study used the Beck depression scale, the differential loneliness questionnaire by E. N. Osin and D. A. Leontiev, and the Sovereignty of Psychological Space questionnaire by S. K. Nartova-Bochaver. The results of multiple regression analysis showed that the overall experience of loneliness and the sovereignty of psychological space explain 36.4% of the variance of depressive tendencies. The overall experience of loneliness is a risk factor, and the sovereignty of the psychological space is a resource factor associated with a decrease in depressive tendencies*

Keywords: *depressive tendencies, subjective experience of loneliness, overall experience of loneliness, sovereignty of psychological space, personal boundaries, youth, regression analysis*

Актуальность исследования обусловлена устойчивым ростом интереса к проблеме психологического благополучия молодёжи. Современные исследования показывают, что студенческий и юношеский возраст являются периодами повышенной психологической уязвимости.

Этот возраст характеризуется решением задач профессионального самоопределения, построением межличностных отношений, формированием устойчивой идентичности и самостоятельной жизненной позиции [1].

Исследования, посвящённые изучению ментального здоровья студентов, свидетельствуют о высокой распространённости тревожных и депрессивных состояний в данной возрастной группе. По данным И. Н. Вальчук и Е. С. Кириленко, признаки депрессивного состояния выявляются более чем у половины обследованных студентов, а тревожные тенденции обнаруживаются почти у двух третей респондентов [1]. Результаты исследований ВЦИОМ также указывают на сохранение высокого уровня стрессовой нагрузки в обществе и растущую значимость вопросов психологического благополучия, особенно среди молодёжи [6]. Аналогичные тенденции отражены в публикации «Научная Россия», где указывается на выраженность тревожно-депрессивной симптоматики и более низкие показатели психологического благополучия у молодёжи 18–24 лет [7].

Одним из важных факторов, связанных с эмоциональным неблагополучием молодёжи, является субъективное переживание одиночества. В современных психологических исследованиях одиночество рассматривается не только как объективный дефицит социальных контактов, но и как субъективное ощущение недостатка эмоциональной близости, социальной включённости и значимых межличностных отношений [4]. Согласно данным Е. А. Сафроновой и Ф. А. Кондратьевой, распространённость одиночества среди молодёжи остаётся на высоком уровне, что сопровождается риском усиления тревожных и депрессивных тенденций [4]. Исследования Е. Ф. Ященко, Е. Г. Щелоковой и Ю. С. Евдокимовой показали, что повышение субъективного переживания одиночества связано со снижением экзистенциальной исполненности и удовлетворённости жизнью студентов [5].

Другим значимым фактором психологического благополучия является суверенность психологического пространства личности. В рамках концепции С. К. Нартовой-Бочавер суверенность психологического пространства рассматривается как характеристика сохранности личностных границ, автономности и способности человека поддерживать устойчивость собственного психологического пространства в условиях взаимодействия с окружающей средой [10]. Научные данные свидетельствуют о том, что сформированность личностных границ тесно связана с самоотношением, психологической устойчивостью, субъектностью и способностью противостоять неблагоприятным внешним воздействиям [2; 3]. Нарушение суверенности психологического пространства связано со снижением чувства защищённости, автономности и контроля над собственной жизнью, что обусловливает его потенциальную значимость как фактора депрессивных тенденций.

Несмотря на наличие исследований, посвящённых проблемам одиночества, суверенности психологического пространства и психологического благополучия молодёжи, вопрос об их совместном предикторном вкладе в выраженность депрессивных тенденций остаётся недостаточно изученным. Особое внимание заслуживает анализ данных факторов в рамках более общей модели психологических предикторов депрессивных тенденций, которая включает различные личностные, межличностные и экзистенциальные характеристики. Настоящее исследование направлено на изучение отдельного аспекта этой модели и позволяет уточнить вклад субъективного переживания одиночества и суверенности психологического пространства в выраженность депрессивных тенденций среди молодёжи.

Проблема исследования заключается в недостаточной изученности предикторного вклада субъективного переживания одиночества и суверенности психологического пространства в выраженность депрессивных тенденций у молодёжи. В научной литературе представлены работы, посвящённые изучению одиночества в студенческом и юношеском возрасте [4; 5]. Также рассматриваются вопросы суверенности психологического пространства и самоотношения [2; 3] и нарушения ментального здоровья студентов [1]. Однако совместное рассмотрение субъективного переживания одиночества и суверенности психологического пространства в контексте их связи с выраженностью депрессивных тенденций требует дополнительного эмпирического анализа для более глубокого понимания данной проблемы.

Цель – выявить предикторный вклад субъективного переживания одиночества и суверенности психологического пространства в выраженность депрессивных тенденций у молодёжи, рассматривая эти показатели как часть более общей модели психологических факторов депрессивных тенденций.

Объект: депрессивные тенденции у молодёжи.

Предмет: предикторный вклад субъективного переживания одиночества и суверенности психологического пространства в выраженность депрессивных тенденций у молодёжи.

Гипотеза: субъективное переживание одиночества и суверенность психологического пространства выступают статистически значимыми предикторами депрессивных тенденций у молодёжи.

Задачи:

1) провести исследование выраженности депрессивных тенденций, субъективного переживания одиночества и суверенности психологического пространства среди молодёжи;

2) выполнить корреляционный анализ взаимосвязей между показателями депрессивных тенденций, субъективного переживания одиночества и суверенности психологического пространства;

3) определить предикторный вклад субъективного переживания одиночества и суверенности психологического пространства в выраженность депрессивных тенденций у молодёжи с использованием множественного линейного регрессионного анализа;

4) сформулировать значение полученных результатов в контексте изучения более общей модели психологических факторов, связанных с депрессивными тенденциями у молодёжи.

Методы и методики

Теоретические методы исследования включали анализ и систематизацию научной литературы по вопросам депрессивных тенденций, субъективного переживания одиночества и суверенности психологического пространства личности. На базе анализа научных источников были выявлены ключевые теоретические положения, раскрывающие взаимосвязь эмоционального неблагополучия молодёжи с межличностной изолированностью, состоянием личностных границ и уровнем психологической устойчивости.

Эмпирические методы исследования включали психодиагностическое тестирование. Для оценки уровня депрессивных тенденций использовалась шкала депрессии Бека. Полученные результаты рассматривались исключительно как психометрические данные, отражающие степень выраженности депрессивных тенденций, и не использовались в качестве основания для постановки клинического диагноза [8].

Для диагностики субъективного переживания одиночества применялся дифференциальный опросник, разработанный Е. Н. Осиным и Д. А. Леонтьевым. Данная методика позволяет оценить общее переживание одиночества, степень зависимости от общения и позитивное отношение к одиночеству. В рамках данного исследования основное внимание уделялось показателю общего переживания одиночества, так как он отражает интегральную выраженность субъективного одиночества, отчуждения и недостатка эмоциональной близости [9].

Для оценки уровня суверенности психологического пространства применялся опросник «Суверенность психологического пространства – 2010», разработанный С. К. Нартовой-Бочавер. Методика направлена на изучение состояния личностных границ, защищённости собственного психологического пространства, автономности и способности личности сохранять устойчивость во взаимодействии с внешней средой [10].

Количественный анализ результатов исследования был выполнен с использованием программы IBM SPSS Statistics 23.0. Для обработки данных применялись описательные статистики, корреляционный анализ Пирсона и множественный линейный регрессионный анализ. Корреляционный анализ использовался для оценки направления и силы статистических связей между уровнем депрессивных тенденций, общим переживанием одиночества и суверенностью психологического пространства.

Основной анализ был проведён с помощью множественной линейной регрессии. В качестве зависимой переменной выступили депрессивные тенденции. Независимыми переменными стали общее переживание одиночества и суверенность психологического пространства. Включение переменных в модель осуществлялось методом принудительного ввода переменных, что позволило одновременно оценить вклад общего переживания одиночества и суверенности психологического пространства в объяснение депрессивных тенденций.

Выборка

В исследовании приняли участие 104 респондента молодёжного возраста. Из них 66 человек находились в возрастной группе от 18 до 20 лет, а 38 человек – в возрастной группе от 21

до 24 лет. Средний возраст выборки составил 21,4 года. Обработка данных проводилась на основе наблюдений без пропущенных значений по переменным, включённым в анализ.

Средний показатель уровня депрессивных тенденций составил 13,13 при стандартном отклонении 9,89. Средний показатель общего переживания одиночества был равен 28,88 при стандартном отклонении 10,67. Средний показатель суверенности психологического пространства составил 16,21 при стандартном отклонении 23,63.

На первом этапе исследования была проведена корреляционная оценка исследуемых показателей. Это позволило оценить направление и силу связей между депрессивными тенденциями, общим переживанием одиночества и суверенностью психологического пространства. Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

Предварительная корреляционная оценка факторов депрессивных тенденций

Показатель	r Пирсона	p	Интерпретация
Общее переживание одиночества	0,557	<0,001	выраженное прямое статистическое отношение
Суверенность психологического пространства	-0,373	<0,001	умеренное обратное статистическое отношение

По данным корреляционной оценки, общее переживание одиночества и суверенность психологического пространства имеют статистически значимые связи с депрессивными тенденциями у молодёжи.

Общее переживание одиночества прямо связано с депрессивными тенденциями ($r = 0,557$; $p < 0,001$). Это означает, что увеличение общего переживания одиночества связано с усилением депрессивных тенденций. Содержательно это отражает связь между переживанием отчуждения и выраженностью негативного эмоционального состояния. Полученные результаты согласуются с исследованиями, в которых одиночество в юношеском и студенческом возрастах рассматривается как значимый фактор психологического неблагополучия, связанного с изоляцией, неудовлетворённостью отношениями и снижением субъективной насыщенности жизни [4; 5].

Суверенность психологического пространства имеет обратную связь с депрессивными тенденциями ($r = -0,373$; $p < 0,001$). Это свидетельствует о том, что более выраженная сохранность личных границ связана с меньшей выраженностью депрессивных тенденций. Данный результат соответствует представлению о суверенности психологического пространства как характеристики личностных границ, субъектности и способности сохранять собственное «Я» в условиях взаимодействия с социальной средой [2; 3].

Таким образом, полученные корреляционные данные показывают, что субъективное одиночество и суверенность психологического пространства взаимосвязаны с депрессивными тенденциями, но в противоположных направлениях. Одиночество связано с усилением депрессивных тенденций, тогда как суверенность психологического пространства связана со снижением их выраженности. В рамках рассматриваемой модели это указывает на то, что депрессивные тенденции у молодёжи связаны с межличностным уровнем, отражающим переживание отчуждения и недостаток близости, а также с личностно-границевым уровнем, характеризующим устойчивость психологического пространства и сохранность личностных границ.

Перед проведением регрессионного анализа была выполнена оценка стандартизированных остатков. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Статистика остатков регрессионной модели

Показатель	Минимум	Максимум	M	SD	N	Интерпретация
Стандартизованные остатки	-2,379	2,973	0,000	0,990	104	Распределение приемлемо, критические выбросы отсутствуют

Минимальное значение равно -2,379, максимальное - 2,973. Среднее значение составляет 0,000, а стандартное отклонение - 0,990. Эти показатели находятся в допустимом диапазоне и не превышают критические границы ±3. Это свидетельствует об отсутствии выраженных выбросов, которые могли бы нарушить устойчивость регрессионной модели. Распределение стандартизированных остатков приемлемо для дальнейшего анализа. Следовательно, данные подходят для построения множественной линейной регрессии, где депрессивные тенденции выступают в качестве зависимой переменной, а общее переживание одиночества и суверенность психологического пространства рассматриваются как независимые переменные.

На втором этапе исследования был проведён множественный линейный регрессионный анализ для оценки предикторного вклада общего переживания одиночества и суверенности психологического пространства в выраженность депрессивных тенденций у молодёжи. Результаты представлены в таблице 3. В качестве зависимой переменной выступили депрессивные тенденции, а независимыми переменными стали общее переживание одиночества и суверенность психологического пространства.

Регрессионная модель достигла статистической значимости: $R = 0,603$; $R^2 = 0,364$; скорректированный $R^2 = 0,351$; $F = 28,911$; $p < 0,001$. Это означает, что общее переживание одиночества и суверенность психологического пространства в совокупности объясняют 36,4% дисперсии депрессивных тенденций среди молодёжи. Значение R^2 указывает на достаточный вклад указанных переменных в объяснение различий в уровне депрессивных тенденций.

Таблица 3

Регрессионная модель факторов депрессивных тенденций

Предиктор	B	β	t	p	Значимость
Общее переживание одиночества	0,456	0,492	5,975	<0,001	значимо
Суверенность психологического пространства	-0,100	-0,240	-2,912	0,004	значимо

Общее переживание одиночества является значимым положительным предиктором депрессивных тенденций. Коэффициент регрессии B равен 0,456, стандартизованный коэффициент β составляет 0,492, значение t-критерия равно 5,975, уровень значимости $p < 0,001$. Положительное значение коэффициента B указывает на то, что при увеличении общего переживания одиночества выраженность депрессивных тенденций возрастает. При повышении общего переживания одиночества на один балл показатель депрессивных тенденций увеличивается на 0,456 балла при контроле суверенности психологического пространства.

Суверенность психологического пространства также является значимым предиктором депрессивных тенденций. Коэффициент регрессии B составляет -0,100, стандартизированный коэффициент β равен -0,240, значение t-критерия составляет -2,912, уровень значимости $p = 0,004$. Отрицательное значение коэффициента B указывает на то, что при повышении суверенности психологического пространства выраженность депрессивных тенденций снижается. При увеличении суверенности психологического пространства на один балл показатель депрессивных тенденций уменьшается на 0,100 балла при контроле общего переживания одиночества.

Сравнительный анализ стандартизованных коэффициентов позволяет сделать вывод, что общее переживание одиночества вносит более выраженный вклад в модель, чем суверенность психологического пространства (таблица 3). Значение β для общего переживания одиночества составляет 0,492, тогда как значение β для суверенности психологического пространства составляет -0,240. Таким образом, среди включённых в модель предикторов общее переживание одиночества более тесно связано с депрессивными тенденциями.

Уравнение регрессионной модели можно представить следующим образом:

Депрессивные тенденции = 1,584 + 0,456 × Общее переживание одиночества - 0,100 × Суверенность психологического пространства.

Исходя из полученных данных можно заключить, что депрессивные тенденции у молодёжи связаны с двумя различными психологическими механизмами. Первый механизм отражает субъективное переживание одиночества. Усиление этого переживания связано с ростом чувства отчуждения, недостатка эмоциональной близости, внутренней изолированности и сниже-

нием включённости в значимые отношения. Эти переживания, в свою очередь, связаны со снижением настроения, негативной самооценкой и трудностями в восприятии жизненной перспективы.

Второй механизм связан с суверенностью психологического пространства. Высокий уровень суверенности отражает сохранение личностных границ, автономность, защищённость собственного пространства и способность поддерживать внутреннюю устойчивость во взаимодействии с другими людьми. При повышении этого показателя депрессивные тенденции снижаются, что указывает на ресурсное значение психологических границ для эмоционального состояния молодёжи.

Итоговые результаты регрессионного анализа показали, что общее переживание одиночества выступает фактором риска большей выраженности депрессивных тенденций, в то время как суверенность психологического пространства является ресурсным фактором. Оба предиктора сохраняют статистически значимый вклад в модель при совместном включении. Это подтверждает, что депрессивные тенденции у молодёжи связаны как с уровнем субъективной изолированности, так и с устойчивостью личностных границ.

Выводы

Проведённое исследование продемонстрировало, что депрессивные тенденции среди молодёжи тесно связаны с субъективным переживанием одиночества и суверенностью психологического пространства. Депрессивные тенденции рассматривались как психометрический показатель, который отражает сниженный эмоциональный фон, негативную оценку себя и жизненной ситуации, внутреннее напряжение и трудности в восприятии жизненной перспективы.

Корреляционный анализ выявил прямую статистическую связь между общим переживанием одиночества и депрессивными тенденциями ($r = 0,557$; $p < 0,001$), что указывает на усиление депрессивных тенденций при увеличении субъективного переживания одиночества. Также было обнаружено обратное статистическое отношение между суверенностью психологического пространства и депрессивными тенденциями ($r = -0,373$; $p < 0,001$), что свидетельствует о снижении депрессивных тенденций при повышении защищённости и устойчивости собственного психологического пространства.

Перед построением регрессионной модели была проведена оценка стандартизированных остатков. Минимальное значение составило -2,379, максимальное значение - 2,973, среднее значение - 0,000, стандартное отклонение - 0,990. Полученные значения не выходят за пределы ±3, что подтверждает отсутствие критических выбросов и приемлемость данных для проведения множественного линейного регрессионного анализа.

Регрессионная модель достигла статистической значимости: $R = 0,603$; $R^2 = 0,364$; скорректированный $R^2 = 0,351$; $F = 28,911$; $p < 0,001$. Это означает, что общее переживание одиночества и суверенность психологического пространства совместно объясняют 36,4% дисперсии депрессивных тенденций среди молодёжи, что указывает на их значительный вклад в объяснение различий по уровню депрессивных тенденций.

Общее переживание одиночества оказалось наиболее сильным предиктором депрессивных тенденций ($B = 0,456$; $\beta = 0,492$; $t = 5,975$; $p < 0,001$). При увеличении общего переживания одиночества на один балл показатель депрессивных тенденций возрастает на 0,456 балла при контроле уровня суверенности психологического пространства. Суверенность психологического пространства также выступила значимым предиктором депрессивных тенденций ($B = -0,100$; $\beta = -0,240$; $t = -2,912$; $p = 0,004$). При увеличении показателя суверенности психологического пространства на один балл показатель депрессивных тенденций снижается на 0,100 балла при контроле уровня общего переживания одиночества.

Сравнение стандартизированных коэффициентов показало, что общее переживание одиночества вносит более выраженный вклад в модель, чем суверенность психологического пространства. Значение β для общего переживания одиночества составило 0,492, тогда как значение β для суверенности психологического пространства составило -0,240. Таким образом, в данной модели субъективное переживание одиночества сильнее связано с депрессивными тенденциями, чем состояние психологических границ.

Интерпретация полученных результатов показывает, что депрессивные тенденции среди молодёжи связаны с двумя уровнями личностного функционирования. Первый уровень относится к межличностной сфере. Высокое общее переживание одиночества ассоциировано с чувством от-

чуждения, недостатком эмоциональной близости, слабой включённости в значимые отношения и дефицитом социальной поддержки. Для таких респондентов характерны внутренняя изолированность, ощущение эмоциональной ненужности, снижение доверия к социальному окружению и трудности в переживании собственной значимости через социальные отношения.

Второй уровень связан с состоянием психологических границ. Высокая суверенность психологического пространства отражает автономность, защищённость личного пространства, способность сохранять собственную позицию и удерживать границы во взаимодействии с другими людьми. Для респондентов с высокой суверенностью психологического пространства характерны большая устойчивость к внешнему давлению, меньшая зависимость от оценок окружающих и более выраженное чувство контроля над собственной жизнью. Низкая суверенность психологического пространства, напротив, связана с уязвимостью к нарушению границ, трудностями в отделении собственных переживаний от внешних воздействий и снижением чувства защищённости.

В контексте исследования общее ощущение одиночества представляет собой фактор риска, поскольку оно усиливает депрессивные тенденции через недостаток близости, поддержки и субъективного участия в отношениях. Суверенность психологического пространства, напротив, выступает ресурсным фактором, снижающим выраженность депрессивных тенденций за счёт сохранения автономности, личностных границ и внутренней устойчивости. Однако более значительный вклад одиночества указывает на то, что для данной выборки межличностная изоляция является более значимым фактором, способствующим росту депрессивных тенденций, чем состояние психологических границ.

Гипотеза исследования подтверждена. Субъективное переживание одиночества и суверенность психологического пространства выступают статистически значимыми предикторами выраженности депрессивных тенденций среди молодёжи. Усиление одиночества коррелирует с повышением уровня депрессивных тенденций, в то время как повышение суверенности психологического пространства связано с их снижением.

Полученные результаты согласуются с результатами исследований, в которых одиночество рассматривается как фактор психологического неблагополучия среди студентов и молодёжи, а суверенность психологического пространства связывается с личностными границами, самоотношением и психологической устойчивостью [2–5]. В прикладном аспекте результаты указывают на необходимость психологической профилактики, направленной на снижение уровня субъективного одиночества, развитие поддерживающего общения, укрепление личностных границ и повышение устойчивости собственного психологического пространства.

Настоящее исследование представляет собой фрагмент более общей модели психологических факторов, связанных с депрессивными тенденциями. Оно демонстрирует вклад межличностного фактора, выраженного через субъективное переживание одиночества, а также личностно-границевого фактора, представленного через суверенность психологического пространства. Дальнейший анализ более широкой модели позволит сравнить данные показатели с другими характеристиками, связанными с депрессивными тенденциями среди молодёжи.

1. Вальчук И. Н., Кириленко Е. С. Эпидемиологические аспекты нарушений ментального здоровья: от предикторов к следствию // Бюллетень медицинской науки. 2023. № 4 (32). С. 25–31. DOI: https://doi.org/10.31684/25418475-2023-4-25.

2. Закирова Г. М. Структурно-содержательные особенности суверенности психологического пространства юношей и девушек студенческого возраста // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2024. № 3. С. 15–23. DOI: https://doi.org/10.24147/2410-6364.2024.3.15-23.

3. Камзина О. А. Взаимосвязь самоотношения и суверенности психологического пространства у молодёжи // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 3. С. 66–81. DOI: https://doi.org/10.18384/2949-5105-2024-3-66-81.

4. Сафронова Е. А., Кондратьева Ф. А. Кросс-культурное исследование субъективного переживания одиночества в студенческом возрасте // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2025. № 04. ART 252008. DOI: https://doi.org/10.24412/2304-120X-2025-12008. URL: http://e-koncept.ru/2025/252008.htm (дата обращения: 31.05.2026).

5. Ященко Е. Ф., Щелокова Е. Г., Евдокимова Ю. С. Субъективное переживание одиночества, экзистенциальная исполненность и удовлетворенность жизнью студентов вуза // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 12. С. 70–76. DOI: https://doi.org/10.24158/spp.2023.12.9.

6. Смак Т. Стресс и как с ним бороться Текст: электронный // ВЦИОМ: аналитический обзор. 2025. 1 декабря. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/stress-i-kak-s-nim-borotsya (дата обращения: 31.05.2026).

7. Фурсова Е. Между тревожностью и депрессией? ... Текст: электронный // Научная Россия. 2025. 4 марта. URL: https://scientificrussia.ru/articles/ot-trevogi-do-boazni-paukov-i-bulimii-psihologi-i-sociologi-ob-aktualnyh-obsestvennyh-nastroeniah-i-metodah-sohranenia-dusevnogo-zdorova (дата обращения: 31.05.2026).
8. Beck A. T., Ward C. H., Mendelson M., Mock J., Erbaugh J. An inventory for measuring depression // Archives of General Psychiatry. 1961. Vol. 4. No. 6. P. 561–571. DOI: https://doi.org/10.1001/archpsyc.1961.01710120031004.
9. Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 55–81.
10. Нартова-Бочавер С. К. Новая версия опросника «Суверенность психологического пространства — 2010» // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 105–119.

Сведения об авторах
Гратовский Николай Эдуардович, магистрант, Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия. ORCID: 0009-0007-5227-7940. SPIN-код: 3266-4660.
Чернявская Валентина Станиславовна, д-р пед. наук, профессор кафедры общей и юридической психологии, Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия.
Выражаю благодарность научному руководителю Чернявской Валентине Станиславовне, доктору педагогических наук, профессору кафедры общей и юридической психологии, Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия.

УДК 7.01

РУССКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА XIX ВЕКА В СРАВНИТЕЛЬНО-ПЛАНИРОВОЧНОМ КОНТЕКСТЕ: СИБИРЬ, ПРИАМУРЬЕ, ПРИМОРЬЕ

И.В. Громенко, аспирант

Тихоокеанский государственный университет
Хабаровск, Россия

Аннотация. *Статья посвящена сравнительному анализу планировочных структур русских переселенческих поселений Сибири, Приамурья и Приморья в XIX веке. На основе картографических источников, архивных материалов переселенческих управлений и данных военно-топографических съёмок выявляется региональная специфика формирования поселенческих морфотипов. Устанавливается, что при общей принадлежности к восточнославянской традиции расселения дальневосточные поселения демонстрируют существенные отклонения от сибирских аналогов, обусловленные природно-климатическими, геополитическими и социальными факторами освоения рубежных территорий. Предложена типология поселений по планировочному признаку применительно к условиям Приамурья и Приморья.*
Ключевые слова: *переселенческое поселение, планировочная структура, Дальний Восток, Приамурье, Приморье, Сибирь, освоение, морфология поселения, XIX век.*

THE RUSSIAN COLONIZATION SETTLEMENT OF THE 19TH CENTURY IN THE FAR EAST IN A COMPARATIVE PLANNING CONTEXT: SIBERIA, THE AMUR REGION, AND PRIMORYE

Abstract. *The article is devoted to a comparative analysis of the planning structures of Russian resettlement settlements in Siberia, the Amur region, and Primorye in the 19th century. Based on cartographic sources, archival materials from resettlement offices, and data from military topographic surveys, the article identifies the regional specifics of the formation of settlement morphotypes. It establishes that, despite their common affiliation to the East Slavic tradition of settlement, Far Eastern settlements exhibit significant deviations from their Siberian counterparts due to the natural, climatic, geopolitical, and social factors of the development of border territories. The typology of settlements based on their planning features is proposed for the conditions of the Amur and Primorye regions*
Keywords: *resettlement settlement, planning structure, Far East, Amur region, Primorye region, Siberia, development, settlement morphology, 19th century*

Введение

Изучение пространственной организации русских переселенческих поселений Дальнего Востока представляет одну из актуальных, но недостаточно разработанных проблем искусствоведения и архитектурно-градостроительных исследований. Несмотря на значительный массив работ по истории заселения Сибири и Дальнего Востока [2; 5], планировочная структура поселений как самостоятельный объект исследования оставалась на периферии научного внимания. Между тем именно в пространственной организации поселения концентрируется информация о стратегиях адаптации переселенцев, их социальной иерархии, хозяйственных приоритетах и культурных нормах.

Вторая половина XIX века стала временем интенсивного управляемого государством переселения на территории, присоединённые к России по Айгунскому (1858) и Пекинскому (1860) договорам. В сжатые исторические сроки на берегах Амура, Уссури, в долинах Приморья возникли поселения, сформированные в принципиально иных условиях по сравнению с поселениями Западной и Восточной Сибири. Именно это обстоятельство делает сравнительно-планировочный анализ методологически продуктивным инструментом понимания дальневосточного расселения.

Цель исследования состоит в определении специфики планировочных структур переселенческих поселений Приамурья и Приморья в сравнении с сибирскими образцами, предложении типологии на основе региональной морфологии поселенческого освоения.

Основная часть. Отечественная историография переселенческого движения на Дальний Восток традиционно концентрировалась на демографических, хозяйственных и административных аспектах [1; 2]. Вопросы пространственной организации поселений затрагивались преимущественно в рамках этнографических и историко-архитектурных исследований, не претендовавших на системность [4]. Применительно к Дальнему Востоку наиболее близкими по тематике являются работы Н. П. Крадина о военных постах и станицах Приамурья, а также исследования В. Ф. Печерицы по общественному быту переселенцев. Тем не менее, комплексное сравнительно-планировочное исследование для данного региона до сих пор не определено.

Источниковую базу исследования составляют:

- картографические материалы военно-топографических съёмок 1860–1890-х годов (фонды Российского государственного военно-исторического архива, РГВИА);
- планы земельных отводов и межевые документы из фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ, Владивосток);
- отчёты Приамурского генерал-губернатора за 1884–1900 годы;
- материалы Переселенческого управления МВД Российской империи;
- описания поселений в «Памятных книжках» Приморской и Амурской областей;
- публикации Русского географического общества, содержащие описания экспедиционных обследований поселений.

Для понимания дальневосточной специфики необходимо обозначить исходную модель, относительно которой фиксируется отклонение. Русское переселенческое поселение Западной и Восточной Сибири XVII–XIX веков воспроизводило, с определёнными модификациями, северно- и среднерусские планировочные традиции.

Основной морфологический тип представлен линейным уличным селом, вытянутым вдоль единственной улицы параллельно реке или дороге. Усадьбы располагались по обе стороны улицы с чёткой ориентацией главного фасада на улицу. Сакральная доминанта (православная церковь) фиксировала центр поселения, как правило совмещённый с торговой площадью и административным зданием (волостным правлением или писарской избой). Зона хозяйственных построек (амбары, бани, огороды) выносилась на периферию усадьбы или за её пределы.

Сибирский вариант отличался от среднерусского рядом устойчивых черт, определяемых:

- значительными размерами приусадебных участков, обусловленными земельным изобилием;
- слабыми конструкциями ограждений между усадьбами (открытое поселение);
- нередким отсутствием регулярного плана даже в относительно крупных сёлах;
- тяготением к берегам рек как транспортных артерий при одновременном размещении на незатопляемых террасах.

Казачьи станицы Сибири, в отличие от крестьянских сёл, отличались регулярной планировкой, что было связано с их военно-административной функцией. Прямолинейная планировка, выраженная площадь перед церковью и атаманским правлением, чёткое разграничение жилой и служебной зон представляют характерные признаки казачьего поселения от Иртыша до Забайкалья. Условия переселения на Дальний Восток отличались от сибирских по нескольким параметрам, определяющим планировочные решения.

Природно-климатический фактор. Муссонный климат Приамурья и Приморья с летними осадками и регулярными паводками на Амуре, Уссури и их притоках определял требования к выбору места поселения и его внутренней организации. В отличие от Сибири, где угроза затопления существовала, но не была столько выраженной, переселенцы были вынуждены системно защищать постройки жилой зоны, создавая:

- поселения в надпойменных террасах первого и второго уровня;
- смещения поселения вглубь от берега реки (в отличие от сибирской традиции прибрежного размещения);
- приподнятые основания под постройками (высокий подклет, поднятые полы).

В то же время рельеф приморских территорий, будучи сопочным, определял вытянутые, однорядные планировочные структуры, неспособные реализовывать традиционную двухрядную уличную схему.

Административный фактор. Пограничное положение Приамурья и Приморья обеспечивало оборонительный характер поселениям. Первые амурские сёла 1850–1860-х годов основывались как оборонные посты, обеспечивающие сплошную цепь социальных объектов, расположенных на расстоянии видимости между друг другом. Станицы Амурского и Уссурийского казачьих войск проектировались как форпосты: регулярная сетка улиц, площади церковью и зданиями правления, оборонительных элементы (частокол, угловые постройки с бойницами в ранних станицах) были общими элементами планировочных решений.

Социальный состав переселенцев был неоднородным по сравнению с сибирским. Кроме крестьян в регион прибывали бывшие каторжане и ссыльнопоселенцы, самовольные переселенцы («самоходы»), отставные военные нижних чинов, переселенцы из южных губерний Европейской России и Малороссии (эта группа была особо ярко представлена в Приморье с 1880-х годов). Каждая из этих групп привносила собственные строительные и планировочные традиции, объясняющие морфологическую неоднородность даже внутри одного поселения.

Фронтирный характер освоения. Понятие «фронтир», введённое в американскую историографию Ф. Дж. Тёрнером и адаптированное применительно к российской восточной экспансии рядом отечественных исследователей (Ремнёв, Суворова), описывает ситуацию подвижной границы освоения, в которой нормативные образцы поселения воспроизводятся неполно и с существенными импровизациями. Дальневосточный фронтир XIX века характеризовался слабостью государственного архитектурно-планировочного контроля, острой нехваткой строительных материалов (особенно в первые десятилетия), высокой мобильностью населения, при которой значительная часть поселений забрасывалась в течение первых 5–10 лет существования.

На основе анализа картографических и описательных источников можно выделить следующие планировочные типы, характерные для дальневосточных поселений XIX века:

- линейно-береговой, как максимально распространенный, наследующий сибирскую традицию, характерный для равнин Амурской долины;
- террасно-адаптированный, характерный для сопочного рельефа Приморья, с деформированной структурой из-за условий рельефа, характерный для Южно-Уссурийского края 1860–1880-х годов;
- регулярный (казачий), характерный для станиц Амурского и Уссурийского казачьих войск, геометрически правильный, четко зонированный функционально, схожий с забайкальскими и сибирскими казачьими станицами;
- смешанный (полиэтнический контактный), определяемый гибридными планировочными решениями, обнаруживающими противоречие между хуторским расселением и русской уличной схемой, характерный для Приморья с 1880-х годов;
- военно-постовой (переходный), определяемый военно-инженерными задачами, обладающий прямоугольной формой, укреплённым периметром и др.

Сопоставление трёх региональных вариантов позволяет зафиксировать следующие закономерности.

Во-первых, общая планировочная матрица восточнославянского расселения (уличное линейное село с сакральной доминантой в центре) воспроизводится во всех трёх регионах, однако степень её реализации существенно убывает по направлению с запада на восток: от относительно правильных западносибирских сёл к нерегулярным приморским деревням.

Во-вторых, адаптационное давление природной среды на планировочную структуру нарастает в том же направлении. Если в Западной Сибири природные условия допускали относительно свободное следование традиционным нормам, то в Приморье морфология поселения оказывалась в значительной мере продиктована рельефом и гидрологическим режимом рек.

В-третьих, военно-административный фактор, незначительный для крестьянских сёл Сибири, приобретает на Дальнем Востоке системообразующее значение: сеть казачьих станиц формировала планировочный каркас региона, задавая пространственные ориентиры для последующего крестьянского заселения.

В-четвёртых, социальная неоднородность дальневосточного переселенческого потока порождала большее морфологическое разнообразие поселений по сравнению с социально более однородным сибирским крестьянским заселением.

Заключение

Проведённый сравнительно-планировочный анализ позволяет сделать следующие выводы. Русские переселенческие поселения Дальнего Востока XIX века не являются механическим воспроизведением сибирских образцов. Они представляют самостоятельный региональный морфотип, сформировавшийся под воздействием специфического сочетания природно-климатических, геополитических и социальных факторов. Муссонный климат, сопочный рельеф Приморья, пограничное положение региона и неоднородность переселенческого потока создали условия, при которых традиционная уличная планировочная схема подверглась существенной трансформации.

Предложенная типология (линейно-береговой, террасно-адаптированный, казачье-регулярный, смешанный полиэтнический, военно-постовой) отражает реальное многообразие планировочных решений и может служить основой для дальнейших историко-архитектурных и историко-географических исследований дальневосточного расселения.

Перспективными направлениями дальнейшего изучения представляются: реконструкция динамики планировочных структур на протяжении XIX – начала XX века, анализ трансформации поселений под воздействием Столыпинской реформы, а также применение методов геоинформационного анализа для пространственного изучения поселенческих сетей региона.

1. Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. – Москва: Наука, 1982. – 288с.

2. Кабузан, В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640-1917): ист.-демогр. очерк / В. М. Кабузан; отв. ред. А. Л. Нарочницкий. – Москва: Наука, 1985. – 260 с.

3. Крадин Н.П.. Русское деревянное оборонное зодчество. – Москва: Искусство, 1988. – 190 с.

4. Липинская В.А. Старожилы и переселенцы Русские на Алтае, XVIII - нач. XX в. / Рос. акад. наук. ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Науч.-произв. центр «Наследие» Ком. Администрации Алт. края по культуре и туризму. – Москва: Наука, 1996. – 267 с.

5. Ремнёв А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX-начала XX веков = Имперская география власти XIX-начала XX веков. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. – 548 с.

6. Канцелярия Приамурского генерал-губернатораб управленческая документация. 1861-1920, Оп.1-7.

7. Сердюк М.Б. Религиозная жизнь Дальнего Востока (1858—1917): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 1998. – С. 18-19.

8. Turner F. J. The Significance of the Frontier in American History. – Chicago, 1893.

Сведения об авторе

Громенко Ирина Викторовна, аспирант, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск, Россия

УДК 811

ФРАЗОВЫЕ ГЛАГОЛЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ЗЛОВЕЩЕЙ АТМОСФЕРЫ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ СТИВЕНА КИНГА «СИЯНИЕ» И «КРИСТИНА»)

М.О. Грукова, магистрант

А.В. Титовская, преподаватель

Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

Аннотация. *В статье исследуются фразовые глаголы как инструмент создания угрожающей атмосферы в романах «Сияние» и «Кристина». В ходе проведенного анализа подтверждается ключевая роль фразовых глаголов в оказании эмоционального и психологического воздействия на читателя.*

Ключевые слова и словосочетания: *фразовые глаголы, Стивен Кинг, зловещая атмосфера, романы в жанре хоррор, художественные книги*

PHRASAL VERBS AS A MEANS OF CREATING A SINISTER ATMOSPHERE (BASED ON STEPHEN KING'S NOVELS «THE SHINING» AND «CHRISTINE»)

Abstract. *The article examines phrasal verbs as a tool for creating a threatening atmosphere in the novels «The Shining» and «Christine». The analysis confirms the key role of phrasal verbs in exerting an emotional and psychological impact on the reader.*

Keywords: *phrasal verbs, Stephen King, sinister atmosphere, horror books, fiction books*

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к языковой специфике литературы жанра хоррор. В произведениях этого жанра задействовано множество языковых средств, направленных на создание страха. В связи с этим изучение фразовых глаголов помогает понять, каким образом формируется атмосфера ужаса и безумия.

Научная новизна работы состоит в определении особенностей использования фразовых глаголов в создании зловещей атмосферы. Полученные результаты могут найти применение в составлении учебных материалов, связанных со стилистикой, в анализе текстов художественных романов, а также в исследовании литературного языка книг жанра хоррор.

Цель данного исследования — проанализировать роль фразовых глаголов как языкового средства создания атмосферы ужаса, тревоги и психологической дестабилизации в романах «Сияние» и «Кристина».

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1) изучить основные теоретические положения о фразовых глаголах;

2) рассмотреть функции фразовых глаголов в художественной литературе;

3) сопоставить особенности употребления фразовых глаголов в двух романах.

Для достижения поставленной цели, мы использовали следующие методы исследования: контекстный анализ (для демонстрации того, как конкретные фразовые глаголы работают в конкретных ситуациях и влияют на атмосферу), лексико-семантический анализ (для определения значения фразовых глаголов и их связи с темами страха, агрессии и

безумия) и сравнительный анализ (для определения сходств и различий фразовых глаголов, используемых в романах).

Д.С. Малых пишет: «Фразовый глагол — это устойчивое сочетание лексем с полностью или частично переосмысленным значением, ядром которого является глагол» [3, p. 104].

Чтобы понять функции фразовых глаголов в литературе жанра хоррор, необходимо для начала обратиться к их структуре. Уникальные способы взаимодействия глаголов и различных частиц определяют семантическую специфику этих единиц и их выразительность. М. Жамбылкызы выделяет следующие типы фразовых глаголов:

1) предложные глаголы (prepositional verbs), состоящие из глагола и предлога, за которыми всегда следует прямое дополнение (например, wait for somebody, approve of something,

argue with somebody). Как правило, данные единицы имеют то же значение, что и исходный глагол;

2) непосредственно фразовые глаголы (phrasal verbs), которые состоят из глагола и наречия (например, give up, take off, turn down). Значения фразовых глаголов обычно отличаются от значений исходных глаголов;

3) фразово-предложные глаголы (phrasal-prepositional verbs), включающие в себя глагол, наречие и предлог (например, look forward to, run out of, feel up to). Как и в случае с предложными глаголами, после структуры данного типа всегда ставится прямое дополнение [1, p. 109].

Наряду с классификацией, представленной выше, фразовые глаголы делятся на переходные и непереходные. Переходные требуют при себе прямого дополнения, тогда как после непереходных оно не употребляется [4]. Такие глаголы, как *look for (a wallet), get along with (neighbors) и turn on (the light) являются переходными. Break down, go away и stand up классифицируются как непереходные.*

Фразовые глаголы могут быть разделяемыми и неразделяемыми. К разделяемым относятся такие единицы, в которых между базовым глаголом и частицей может находиться дополнение [5]. Однако, в случае если дополнение выражено личным местоимением, разделение обязательно, например, *I turned the light off и I turned off the light, но I turned it off. Фразовый глагол является неразделяемым, если между базовым глаголом и частицей нельзя поставить дополнение. В этом случае дополнение будет стоять после частицы. Например, I am looking forward to your reply или He is waiting for you.*

Чтобы лучше понять роль фразовых глаголов в романах Стивена Кинга, необходимо прежде всего обратить внимание на то, как они используются в художественной литературе и какие функции выполняют. Фразовые глаголы являются незаменимым инструментом для создания определенной атмосферы, раскрытия характера персонажей и передачи особого психологического состояния.

Экспрессивность — это одна из самых важных функций фразовых глаголов. Как отмечает А.А. Качанова, «в романах фразовые глаголы встречаются чаще, чем их эквиваленты, выраженные обычным глаголом, из-за большей эмоциональной наполненности» [2]. По сравнению с однословными глаголами такие конструкции точнее выражают характер, интенсивность, направление действия и внутреннее напряжение. Экспрессивность фразовых глаголов связана с их частицами. Например, *down может ассоциироваться с разрушением, а away — с исчезновением или потерей. Для произведений жанра хоррор данная функция особенно значима, так как она помогает описать внезапное нападение, чувство неминуемой угрозы или ощущение потери контроля.*

Демонстрация эмоционального состояния персонажей — это еще одна функция, которую выполняют фразовые глаголы в художественных книгах [6]. Авторы используют их,

чтобы описать действия персонажей, их реакции и изменения в поведении. Фразовые глаголы не только обозначают статичное состояние, но и передают сам процесс изменения эмоций — их усиление, подавление или внезапный всплеск.

Фразовые глаголы помогают выстраивать стиль текста. Они способствуют формированию авторской манеры письма, придавая тексту определенную тональность и плавность изложения. Фразовые глаголы могут придавать речи рассказчика или персонажей более разговорное звучание, что делает повествование живым и естественным.

Рассмотренные выше особенности фразовых глаголов позволяют перейти к их анализу в книгах жанра хоррор. Теоретический анализ структуры, семантики и функций данных конструкций раскрывает их стилистический потенциал и способность формировать определенную эмоциональную атмосферу. Таким образом, анализ романов «Сияние» и «Кристина» представляется важным, поскольку фразовые глаголы в этих произведениях играют существенную роль как языковые средства выражения страха, тревоги, агрессии и безумия.

Фразовые глаголы активно задействуются в романе «Кристина» для создания атмосферы ужаса. Стивен Кинг использует их для того, чтобы показать, как надвигается угроза и как Арни утрачивает свои прежние качества. Для наглядности стоит обратиться к конкретным примерам использования фразовых глаголов при описании машины и поведения Арни.

(1) Arnie threw me a smoking look of pain and anger that I backed off a step [7, с. 21].

В данном примере стоит обратить внимание на фразовый глагол *backed off. Здесь back off следует понимать не как обычное движение назад, а как немедленную реакцию на сильное эмоциональное воздействие. Следует подчеркнуть, что причиной физического отступления*

стало действие Арни, который «бросил взгляд, полный боли и ярости». Фразовый глагол показывает, что человека, попавшего под воздействие такого взгляда, буквально вытолкнули из коммуникативного пространства. С помощью back off автор создает ощущение нестабильности и угрозы, показывая, как психическое состояние Арни становится тревожным и опасным для человека, с которым он разговаривает.

(2) I pulled it, and the hood went up with a rusty scream that made me think of the sound effects you hear on some of those haunted-house records [7, с. 26].

Фразовый глагол *went up здесь работает в связке с цепочкой тревожных образов. После поднятия капота, раздается «протяжный скрип ржавого металла», который «можно услышать на пластинках с историями о домах, одержимых призраками». Таким образом, went up становится важной частью эпизода, в котором автомобиль превращается в жуткое, живое и потенциально опасное существо. Открытие капота, само по себе будничное действие, превращается в короткую историю ужасов, в которой машина предстает скрытой угрозой.*

(3) There was a moment—just then—when I felt like slugging Arnie and dragging him away [7, с. 18].

Фразовый глагол *dragging away играет особую роль в данном примере. Он подчеркивает необходимость буквально «вытянуть» человека из опасной и психологически сложной ситуации. Dragging away выражает эмоциональное напряжение, раздражение, отчаяние и непреодолимое желание персонажа немедленно прекратить происходящее. Употребление данного фразового глагола показывает, что конфликт нарастает, а Арни постепенно оказывается во власти чего-то губительного.*

Таким образом, фразовые глаголы, которые используются в романе «Кристина», способствуют созданию атмосферы ужасов, характерной для литературы жанра хоррор. Они оживляют сцены, подчеркивают эмоциональные реакции персонажей и делают угрозу более реальной или, наоборот, скрытой.

Роман «Сияние» тоже представляет интерес для исследования, поскольку фразовые глаголы в тексте способствуют созданию закрытой, давящей атмосферы, которая предвосхищает постепенно нарастающее безумие Джека Торранса.

(4) Jack kept looking back over his shoulder as if someone was following him [8, с. 94].

Ключевой фразовый глагол в этом примере — *look back over. В данном контексте look back over сигнализирует о страхе, ожидании опасности и ощущении преследования. Фраза as if someone was following him усиливает это значение и превращает фразовый глагол в способ создания психологической напряжённости. Таким образом, Джек не просто оглядывается, а показывает своё внутреннее состояние — страх и настороженность.*

(5) Danny tried to hold back his scream when he saw the dead woman in the bathtub [8, с. 89].

Фразовый глагол *hold back выражает крайнюю степень испуга — персонаж не просто* кричит, а пытается подавить естественную реакцию на увиденное, чтобы не быть замеченным. *Hold back подчеркивает противостояние между чувством страха и попыткой сохранить контроль над происходящим. Употребление этого фразового глагола помогает показать реакцию Дэнни на сверхъестественное существо через телесные и поведенческие проявления.*

(6) The shadows seemed to close in around him as he walked down the corridor [8, с. 167].

В данном примере ключевую роль играет фразовый глагол *close in. Он усиливает* ощущение сужающегося пространства и развивает тему изоляции, важную для романа «Сияние». Фразовый глагол формирует образ враждебного пространства, где сам отель начинает психологически давить на героя. Таким образом, *close in помогает выстроить атмосферу клаустрофобии, страха и создать ощущение сверхъестественного вмешательства.*

Фразовые глаголы, которые используются в романе «Сияние», играют важную роль в создании психологической атмосферы, наполненной ужасом, внутренним напряжением и нарастающим безумием. Через них передаются как эмоции персонажей, так и их страх потери контроля.

В использовании фразовых глаголов в романах «Кристина» и «Сияние» есть и сходства, и различия. В обоих произведениях они служат формированию особой атмосферы, направленной на то, чтобы вызвать у читателя страх. Фразовые глаголы делают повествование более выразительным, передавая эмоциональное состояние персонажей и усиливая напряжение перед надвигающейся угрозой. Кроме того, они помогают показать панику, утрату контроля и то, как враждебная сила причиняет вред главным героям.

Вместе с тем ужас, создаваемый фразовыми глаголами, в этих произведениях несколько различен по своей природе. В романе «Кристина» преобладают фразовые глаголы, связанные с движением, физическим воздействием, агрессией и внешне проявленной угрозой. Они делают повествование более резким, динамичным и напряженным. В «Сиянии» же фразовые глаголы преимущественно служат для создания ощущения потусторонней угрозы, клаустрофобии и постепенного погружения персонажа в безумие.

В таблице 1 представлено, как фразовые глаголы используются в романах «Кристина» и «Сияние».

Таблица 1

Сопоставительный анализ фразовых глаголов в романах «Кристина» и «Сияние»

Показатели	«Кристина»	«Сияние»
Пугающий объект	Машина, внешняя материальная угроза	Одержимый призраками отель и сверхъестественные силы
Природа ужаса	Активный, подвижный, агрессивный, физически ощутимый	Скрытый, гнетущий, проникающий в сознание, постепенно усиливающийся
Роль фразовых глаголов	Акцентируют внимание на движении, агрессии, насилии и внезапных действиях	Передают страх, внутреннее напряжение и изоляцию
Способ передачи ужаса	Через действия и физические столкновения	Через внутренние реакции, навязчивые состояния и психологическое давление
Эффект, оказываемый на читателя	Ощущение непредсказуемости, опасности, физической угрозы	Ощущение тревоги, клаустрофобия
Подача истории	Резкая, динамичная, напряженная	Угнетающая, мрачная
Примеры фразовых глаголов	Back off, went up, drag away, come back, shut up, break down, turn on, pick up, pull away, run down	Hold back, put aside, close in, look back, give in, shut out, wake up, fade away

В ходе исследования были рассмотрены основные теоретические положения о фразовых глаголах, включая их типы, а также признаки переходности/непереходности и разделяемости/неразделяемости. Кроме того, было установлено, что в художественном тексте фразовые глаголы выполняют ряд значимых функций: усиливают экспрессивность повествования, передают эмоциональное состояние персонажей и участвуют в формировании индивидуального стиля произведения.

В обоих романах чаще всего встречаются двухкомпонентные фразовые глаголы с послелогом (verb + particle); трехкомпонентные конструкции (verb + adverb + preposition) тоже есть, но заметно реже. При этом прослеживается понятная закономерность: в эпизодах, где герои испытывают иррациональный страх и внутреннюю растерянность, Кинг чаще использует переходные и разделяемые фразовые глаголы. А там, где важны столкновения, агрессия и «внешняя» угроза, чаще появляются непереходные и неразделяемые конструкции. Данное распределение показывает, что грамматика фразового глагола влияет на эффект сцены. Разделяемые конструкции чаще создают ощущение внутреннего «сбоя»: действие как будто распадается на два шага, из-за чего усиливается впечатление паузы, колебания, попытки контролировать реакцию или, наоборот, сдержать ее. Переходность в таких случаях дополнительно фокусирует внимание на объекте переживания или воздействия. Неразделяемые и непереходные фразовые глаголы, наоборот, воспринимаются более цельно, поэтому хорошо работают в сценах прямого действия и угрозы извне: они задают движение, фиксируют направление, поддерживают темп и помогают выстроить последовательность событий без лишних остановок.

Сравнение романов также выявило различия в том, как именно работают фразовые глаголы. В «Кристине» чаще доминируют конструкции, связанные с физическим воздействием, быстрым движением и резкими изменениями ситуации, что логично для сюжета, построенного на преследовании и осязаемой, почти «телесной» угрозе. В «Сиянии» заметнее глаголы, которые передают медленное расшатывание психики, потерю опоры и распад привычной картины реальности.

Таким образом, практический анализ подтверждает, что фразовые глаголы у Кинга — это работающий стилистический инструмент, который помогает выстраивать хоррор-эффект на уровне текста. Полученные результаты можно использовать для стилистического анализа художественной прозы, при подготовке учебных материалов по практической стилистике английского языка, а также в переводоведении: при переводе фразовых глаголов на русский часто требуются компенсаторные решения, чтобы сохранить темп, напряжение и эмоциональный тон оригинала.

1. Жамбылкызы М. Структурно-семантические особенности фразовых глаголов // Евразийский союз ученых ЕСУ. – 2015. – Т. 4. – № 12. – С. 110-112.
2. Качанова А.А. Особенности употребления фразовых глаголов в художественной литературе // Вестник науки. – 2022. – Т. 1. – № 1. – С. 40-43.
3. Малых Д.С. Определение фразового глагола и проблема послелога // Lingua mobilis. – 2009. – Т. 3. – № 17. – С. 104-107.
4. Михайлюков Л.В. Семантико-синтаксические особенности предложно-переходных глаголов в современном английском языке // Балтийский гуманитарный журнал. – 2016. – Т. 5. – № 2. – С. 61-66.
5. Набиуллина Е.Э., Бобырева Н.Н. Лексико-семантические особенности фразовых глаголов с послелогами in и out // Новое слово в науке и практике. – 2016. – Т. 2. – № 24. – С. 48-53.
6. Серкова Н.И., Козина Е.В. Английские фразовые глаголы и их функционирование в комических произведениях П.Г. Вудхауза // Филологические науки. – 2016. – Т. 3. – С. 148-151.
7. King, S. (1983). Christine. – New York, NY: Pocket Books, 2016. – 736 p.
8. King, S. (1977). The Shining. – New York, NY: Vintage, 2012. – 672 p.

Сведения об авторах
Грукова М.О., магистрант, г. Владивосток, Россия
Титовская А.В., преподаватель, г. Владивосток, Россия

УДК 332.1:334.722

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СТУДЕНЧЕСКОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. В. Гуцуляк, аспирант

О.А. Батурина, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и управления

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Статья анализирует пространственную дифференциацию студенческого технологического предпринимательства через четырехуровневую воронку поддержки: тренинги платформы университетского технологического предпринимательства (ПУТП) — акселераторы Национальной технологический инициатоивы (НТИ) — гранты Фонда содействия инновациям (ФСИ) — стартап-студии. На основе данных 2022–2026 гг. выделены три группы федеральных округов по охвату инструментами воронки*

Ключевые слова: *студенческое технологическое предпринимательство; пространственная дифференциация; воронка поддержки; тренинги ПУТП; акселераторы НТИ; грант «Студенческий стартап»; стартап-студии; малые технологические компании.*

SPATIAL DIFFERENTIATION OF STUDENT TECHNOLOGICAL ENTREPRENEURSHIP IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article analyzes the spatial differentiation of student technological entrepreneurship through a four—level support funnel: trainings of the University Technological Entrepreneurship Platform (UTEP) — accelerators of the National Technology Initiative (NTI) — grants from the Foundation for the*

Promotion of Innovation (FSI) - startup studio. Based on the data from 2022-2026, three groups of federal districts have been identified in terms of funnel coverage

Keywords: *student technological entrepreneurship; spatial differentiation; support funnel; PUTP trainings; NTI accelerators; Student Startup grant; startup studios; small technology companies*

Актуальность. Концепция технологического развития Российской Федерации до 2030 года закрепляет малые технологические компании (МТК) в качестве ключевого субъекта национальной технологической трансформации, устанавливая целевой ориентир роста их числа с 8,9 тыс. в 2022 году до 20 тыс. к 2030 году [1]. Для достижения данного показателя государство формирует управляемую воронку создания МТК, центральным звеном которой выступает студенческое технологическое предпринимательство (СТП) [2].

Воронка «студент — МТК» представляет собой последовательную цепочку переходов: вовлечение в тренинговые программы → акселерация проекта → получение гранта и регистрация ООО → масштабирование в стартап-студии → переход в статус МТК. Каждому уровню воронки соответствует конкретный федеральный инструмент поддержки: тренинги предпринимательских компетенций Платформы университетского технологического предпринимательства (ПУТП), акселераторы Национальной технологической инициативы (НТИ), конкурс «Студенческий стартап» Фонда содействия инновациям (ФСИ), стартап-студии ПУТП. При этом одинаковые условия доступа к федеральным инструментам порождают принципиально неоднородные результаты в разных регионах страны.

Научная новизна. Впервые пространственная дифференциация СТП проанализирована последовательно по всем четырем уровням воронки поддержки на данных 2022–I кв. – 2026 г. в разрезе 8 федеральных округов. Предложена группировка ФО по интегральному охвату инструментами воронки, результат визуализирован на карте федеральных округов Российской Федерации.

Цель — выявить пространственную дифференциацию развития СТП в России, последовательно анализируя каждый уровень воронки поддержки. Методы: сравнительный и структурный анализ, группировка, анализ пространственной концентрации. База исследования: ежеквартальная отчетность ПУТП за 2022–I кв. 2026 г. и реестр грантов ФСИ 2022–2025 гг.

Первым или «входным» уровнем воронки являются тренинги предпринимательских компетенций ПУТП. Тренинговые программы формируют «входной поток» воронки — первичный пул студентов, готовых к формированию проектных команд. Мероприятия проводятся для обучающихся первых и вторых курсов, которые ранее не были знакомы с технологическим предпринимательством или элементами Платформы, что позволяет сформировать первичный поток участников будущих программ. За 2022 – I кв. 2026 г. охвачено 299 867 чел. в ходе 4 154 тренинговых мероприятий по всей стране (таблица 1).

Таблица 1

Распределение тренингов предпринимательских компетенций ПУТП по федеральным округам, 2022 – I кв. 2026 г.

Федеральный округ	Обучившихся, чел.	Доля, %	Тренингов, ед.	Чел./ тренинг
Центральный ФО	98 530	32,9	1 303	75,6
Приволжский ФО	55 559	18,5	780	71,2
Северо-Западный ФО	34 237	11,4	527	65,0
Сибирский ФО	33 292	11,1	479	69,5
Южный ФО	30 151	10,1	457	66,0
Уральский ФО	19 747	6,6	205	96,3
Северо-Кавказский ФО	15 687	5,2	220	71,3
Дальневосточный ФО	12 664	4,2	183	69,2
Итого	**299 867**	**100,0**	**4 154**	**72,2**

Источник: составлено автором по данным проведенных интервью с организаторами тренингов предпринимательских компетенций в ФО, 2026 г.

Лидер — ЦФО (98 530 чел., 32,9%), второй — ПФО (55 559 чел., 18,5%). ДВФО — последний: 12 664 чел. (4,2%). Среднее число обучившихся на один тренинг везде сопоставимо и составляет диапазон от 65 до 96 человек на тренинг, что свидетельствует о структурном, а не качественном характере разрыва: ДВФО проводит в 7 раз меньше тренингов, чем ЦФО, при сопоставимой их наполняемости.

Вторым уровнем в воронке развития СТП являются акселерационные программы НТИ [3]. Студенты, которые успешно освоили базовые тренинги и были вовлечены в саму экосистему техпреда, теперь могут стать участниками полноценной образовательной активности и доработать проект до следующей стадии развития. Акселерационные программы (АП) НТИ при университетах обеспечивают переход от идеи к прототипу и первым клиентам и появились в стране практически одномоментно с первыми тренингами, что позволило сформировать единую траекторию развития студенческих технологических предпринимателей (таблица 2).

Таблица 2

Распределение акселераторов НТИ по федеральным округам, 2022–2025 гг.

ФО	2022	2023	2024	2025	Итого АП	Проектов (2025)
Центральный ФО	45	38	35	37	155	1 536
Приволжский ФО	33	34	43	45	155	1 983
Сибирский ФО	17	20	20	22	79	953
Северо-Западный ФО	14	22	21	17	74	694
Северо-Кавказский ФО	11	7	8	9	35	413
Южный ФО	20	13	14	9	56	358
Дальневосточный ФО	3	7	4	7	21	418
Уральский ФО	8	10	6	6	30	293
Итого	**151**	**151**	**151**	**152**	**605**	**6 648**

Источник: составлено автором по данным списка победителей конкурса на предоставление субсидий из федерального бюджета на проведение акселерационных программ, 2026 г.

По числу АП в 2025 году лидирует ПФО (45), второй — ЦФО (37), третий — СФО (22). Общее число АП стабильно около 151–152 в год. ДВФО — 7 АП в 2025 г. (4,6% от итога), однако по числу созданных стартап-проектов в 2025 г. (418) округ неожиданно опережает ЮФО (358) и УФО (293), что указывает на более высокую «производительность» каждой АП округа.

Уровень 3 воронки: гранты ФСИ «Студенческий стартап». Конкурс ФСИ — ключевой финансовый инструмент воронки: победа предполагает регистрацию общества с ограниченной ответственностью (ООО) и получение 1 млн рублей для реализации технологического проекта. Таким образом появляется первый формальный переход в воронке развития – от стадии идеи, до стадии реального рынка с действующим юридическим лицом. За период с 2022 г. по 2025 г. выдано 7 000 грантов студентам по всей России (таблица 3) [4].

Таблица 3

Распределение грантов ФСИ «Студенческий стартап» по федеральным округам, 2022–2025 гг.

ФО	2022	2023	2024	2025	Итого, грантов	Доля, %
ПФО	257	502	651	814	2 224	31,8
ЦФО	265	332	501	658	1 756	25,1
СФО	144	158	250	305	857	12,2
СЗФО	129	190	214	295	828	11,8
ЮФО	86	168	188	150	592	8,5
СКФО	43	67	80	132	322	4,6

Окончание табл. 3

ФО	2022	2023	2024	2025	Итого, грантов	Доля, %
УФО	58	58	75	92	283	4,0
ДВФО	18	25	41	54	138	2,0
Итого	**1000**	**1500**	**2000**	**2500**	**7000**	**100,0**

Источник: составлено автором по данным реестра победителей ФСИ, 2022–2025 гг.

ПФО — абсолютный лидер: 2 224 гранта (31,8%), рост с 257 в 2022-м до 814 в 2025-м. ЦФО — второй (1 756, 25,1%). ДВФО — аутсайдер: 138 грантов (2,0%), хотя динамика роста (с 18 до 54) положительна. Обращает внимание разрыв между уровнями 2 и 3 воронки для ДВФО: акселерированные команды округа не в полной мере конвертируются в победителей конкурса ФСИ.

Уровень 4 воронки: стартап-студии. Стартап-студии — наиболее зрелый инструмент, обеспечивающий серийный запуск технологических компаний с equity-участием и максимально приближенный к переходу проекта в статус МТК (таблица 4) [5].

Таблица 4

Распределение стартап-студий ПУТП по федеральным округам (на I кв. 2026 г.)

ФО	Студий, ед.	Создано стартапов*	Вовлеченных, чел.
Центральный ФО (ЦФО)	6	~50	229
Северо-Западный ФО (СЗФО)	6	~55	191
Приволжский ФО (ПФО)	5	~118	598
Сибирский ФО (СФО)	4	~73	341
Южный ФО (ЮФО)	3	~30	115
Уральский ФО (УФО)	2	~38	172
Северо-Кавказский ФО (СКФО)	1	~42	90
Дальневосточный ФО (ДФО)	1	~14	42
Итого	**28**	**~420**	**1778**

* Оценка по числу зарегистрированных ООО в реестре студий. *Источник:* составлено автором по данным ежеквартальной отчетности ПУТП, I кв. 2026 г.

ЦФО и СЗФО — по 6 студий (максимум). Однако по числу созданных стартапов лидирует ПФО (~118): 5 студий округа создали вдвое больше компаний, чем 6 студий ЦФО (~50). ДВФО и СКФО — по одной студии с минимальным числом вовлеченных (42 и 90 чел.).

Сводная оценка и группировка ФО. Сопоставление данных четырех уровней воронки позволяет сформировать интегральную группировку федеральных округов по уровню охвата инструментами СТП (таблица 5, рисунок 1). Где каждый показатель первично оценивает ФО по уровню вовлечения регионов в СТП, что непосредственно влияет на эффективность региона в достижении общенационального показателя по развитию МТК.

Таблица 5

Сводная оценка охвата федеральных округов инструментами воронки «студент — МТК» (актуальные данные по каждому инструменту)

ФО	Тренинги, чел.	Акселераторы НТИ 2025, АП	Гранты ФСИ итого	Стартап-студии, ед.	Группа
ЦФО	98 530	37	1 756	6	I — высокий
ПФО	55 559	45	2 224	5	I — высокий
СЗФО	34 237	17	828	6	II — средний

Окончание табл. 5

ФО	Тренинги, чел.	Акселераторы НТИ 2025, АП	Гранты ФСИ итого	Стартап-студии, ед.	Группа
СФО	33 292	22	857	4	II — средний
ЮФО	30 151	9	592	3	II — средний
УФО	19 747	6	283	2	III — низкий
СКФО	15 687	9	322	1	III — низкий
ДВФО	12 664	7	138	1	III — низкий

Источник: составлено автором по данным ежеквартальной отчетности ПУТП, I кв. 2026 г., и реестра ФСИ, 2022–2025 гг. Группировка по совокупности четырех показателей.

На основе полученного в ходе анализа пространственной дифференциации вовлечения ФО в СТП результата, можно получить средний интегральный охват федерального округа инструментами воронки студенческого технологического предпринимательства. Результативность регионов отражена на карте РФ (рисунок 1).

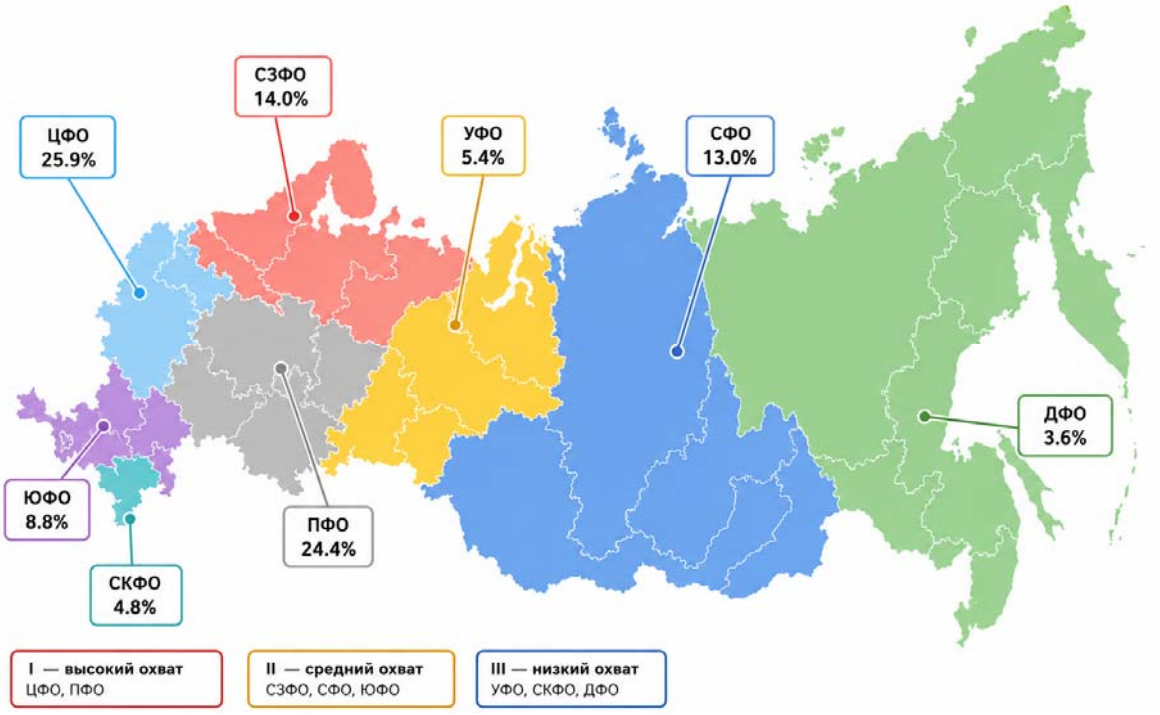

Рис. 1. Пространственная дифференциация среднего интегрального охвата инструментами студенческого технологического предпринимательства по федеральным округам РФ, %

Выводы. Пространственная неоднородность СТП в России воспроизводится последовательно на всех четырех уровнях воронки поддержки. Группа I (ЦФО, ПФО): лидируют по всем инструментам, приоритет политики — коммерциализация и переход в МТК. Группа II (СЗФО, СФО, ЮФО): умеренно развитая инфраструктура с дисбалансами по отдельным уровням воронки, приоритет — устранение точечных разрывов. Группа III (УФО, СКФО, ДВФО): системный дефицит на всех уровнях, начиная с тренингов; приоритет — масштабирование первого уровня воронки, без чего наращивание грантовой и студийной активности структурно невозможно.

1. Концепция технологического развития на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р Текст: электронный. — URL: http://government.ru/docs/48714/

2. Гуцуляк А. В. Студенческое технологическое предпринимательство как самостоятельная экономическая категория: обоснование необходимости выделения и уточнение содержания // Вестник академии знаний (ВАЗ). — 2026. — № 3 (74).

3. Конкурсный отбор образовательных организаций высшего образования в целях финансового обеспечения организации акселерационных программ поддержки проектных команд и студенческих инициатив для формирования инновационных продуктов // Платформа НТИ Текст: электронный. – URL: https://platform.nti.work/docs.
4. Программа «Студенческий стартап» // Фонд содействия инновациям: официальный сайт Текст: электронный. – URL: https://fasie.ru/programs/programma-studstartup/.
5. Зинов В. Г., Кураков Н. Г. Университетские стартап-студии как новая модель трансфера технологий // ЭКО. — 2022. — Т. 52, № 4. — С. 57–80.
6. Ряпухина В. Н. Молодежное предпринимательство: понятие и подходы к управлению // Вопросы инновационной экономики. — 2018. — Т. 8, № 3. — С. 391–404.
7. Lundvall B.-Å. National Systems of Innovation. — London: Pinter, 1992.

Сведения об авторах
А. В. Гуцуляк, аспирант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия
О.А. Батурина, канд .экон. наук, доцент кафедры экономики и управления, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 37.06

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, КАК ФАКТОР ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА

Е.С. Давыденко, магистрант

Е.В. Тарасова, канд. геогр. наук, доцент

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье обосновывается актуальность эколого-патриотического воспитания в современных условиях. Анализируются понятия патриотизма и гражданственности, раскрывается сущность экологического патриотизма. Обосновывается необходимость формирования экологически ответственного поведения как неотъемлемой составляющей патриотического воспитания подрастающего поколения.*
Ключевые слова и словосочетания: *экологическое образование, экология, патриотизм, воспитание, экологически осознанное поведение*

ENVIRONMENTAL EDUCATION AS A FACTOR IN FOSTERING PATRIOTISM

Abstract. *The article substantiates the relevance of ecological-patriotic education in modern conditions. The concepts of patriotism and citizenship are analyzed, and the essence of ecological patriotism is revealed. The necessity of forming environmentally responsible behavior as an integral component of patriotic education for the younger generation is justified*
Keywords: *Environmental education, ecology, patriotism, upbringing, environmentally responsible behavior*

Когда речь заходит о сохранении природной среды и разумном использовании ресурсов, экологическое образование выступает одним из центральных средств общественной просвещенности. Смысл такого образования состоит в том, чтобы у людей формировалась экологическая грамотность, понимание экологических рисков и проблем, способность выбирать взвешенные решения в сфере экологии, а еще готовность действовать в логике долговременного развития. После такого обучения экологически ориентированное мышление укрепляется, а личная ответственность за состояние окружающей среды приобретает большую осознанность. Нынешняя ситуация с масштабными угрозами природной и климатической устойчивости, в том числе изменением климата и сокращением биоразнообразия, придает экологическому образованию статус обязательной части обучения и общественной практики. Через него создается сообщество, способное сохранять долгосрочную жизнеспособность, человеческая деятельность в нем соотносится с природными процессами, а внимание направлено на поддержание природного баланса ради благополучия людей нынешнего дня и тех, кто придет им на смену.

Отправной точкой для экологического образования явилась Международная конференция ЮНЕСКО в Париже 1968 года, а спустя два года на Международном совещании в Неваде (США) данные положения получили подтверждение. На конференции ООН в Стокгольме в 1972 году тоже было указано, что образование и состояние природы находятся в тесной связи.

В результате этих событий в 1975 году была создана Международная программа экологического образования, в которой были закреплены ключевые принципы данного направления. Среди них – понимание взаимосвязей между человеком, обществом и окружающей средой, осознание важности сохранения природных ресурсов, развитие экологической грамотности и ответственности перед будущими поколениями, стимулирование принятия экологически обоснованных решений и действий, поддержка устойчивого развития и создание экологически устойчивого общества, интеграция экологических принципов в образовательные программы на всех уровнях образования, а также поддержка и развитие международного сотрудничества в области экологического образования.

Вопросы экологии и экологического образования в нынешних реалиях актуальна как никогда. В век гонки перевооружения, стремительного развития технологий разрушаются естественные богатства, данные человечеству природой. В мире растет потребление полезных ископаемых, энергетический и экономический кризисы, пандемия коронавируса снижают внимание к международным экологическим проблемам. Национальное природоохранное законодательство, несмотря на все позитивные замыслы, озвученные руководством страны, пока остается практически без изменений. На повестке дня остаются изменения климата, возможности улучшения экономической ситуации в кризис, а также сохранение природной составляющей. Экологические проблемы характерны для всех этапов общественного развития, поскольку является проблемой нормализации жизненных условий. Соблюдения членами общества правовых норм для сохранения стабильности в экологии и иных сферах жизнедеятельности недостаточно. Переход к устойчивому развитию общества возможен при его активном участии в политической, социальной, культурной жизни [1].

Предпосылки возникновения понятия «патриотизм» складываются еще в первобытном обществе и связаны с привязанностью к семье, роду, племени, своей земле. В современном мире, появляется все больше определений патриотизма. Сейчас, несмотря на стремительно протекающие в мире поляризационные процессы, России важно сохранить свою национальную и духовно-нравственную идентичность. Каждый обязан уважительно относиться к национальным традициям, истории своего Отечества, стремиться к собственной самореализации во благо Родины, соотечественников. Именно желание сделать окружающий мир лучше, чище, характеризующееся зачастую самопожертвованием, отличает патриота от рядового обывателя. Патриотизм и гражданственность нельзя навязывать или внедрять в сознание людей посредством каких-то формальных приемов. Эти чувства воспитываются с малых лет и прививаются в процессе взросления. Гражданственность в самом широком понимании связана с ценностными ориентирами личности. Что же касается экологического патриотизма, то его разумно рассматривать не только с точки зрения ответственного юридического поведения, но и с позиции морали, гражданской сознательности. Необходимо проводить грань между патриотизмом и экологическим поведением.

Гражданин может любить свою Родину, отмечать праздники своей страны, рьяно болеть за ее сборную, но при этом нарушать правила экологического образа жизни, иным образом препятствовать реализации законных прав и интересов других членов общества. Понятия «патриот» и «гражданин» взаимосвязаны, обладают рядом сходств, но в то же время являются двумя разными по своей природе феноменами. Патриотизм – собирательное философское понятие, которое отличают различные качества, и свою любовь к Родине вовсе не обязательно афишировать наглядно. Гражданин – понятие правовое, а значит, связано с комплексом прав и обязанностей. Законопослушный гражданин отчасти является патриотом, поскольку кроме своих прямых обязанностей может совершать действия, направленные на улучшение общественного блага, состояния окружающей среды, или может воспрепятствовать совершению противоправного действия, таких как экологические правонарушения

В рамках исследования формирование экологическо-патриотического образования обучающихся МБОУ СОШ №1 имени А.А. Курбаева осуществлялось через интеграцию проектной деятельности школьников и включение обучающихся в активность первичного отделения Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение Первых».

В этом контексте проектная деятельность выступает не как отдельный школьный предмет или эпизодическое мероприятие, а как технология достижения социально значимых результа-

тов и одновременно как механизм реализации задач, поставленных перед современной системой общего образования.

Базовым инструментом формирования заявленных компетенций выступила разработанная программа создания экологического портфолио в рамках проектной деятельности. Портфолио представляет собой совокупность работ, проектов, документов или других материалов, собранных в целях демонстрации навыков, достижений или опыта человека в определенной области. Это организованная коллекция материалов, включающая примеры работ, резюме, сертификаты, отзывы, а также рефлексии и самооценку. Портфолио используется для оценки профессиональных качеств, образовательных достижений или творческого потенциала человека [2]. В отличие от традиционного понимания портфолио как формы накопления индивидуальных достижений, предложенная модель включает не только документы — сертификаты и грамоты — но и проектные работы, фотоотчеты, рефлексивные эссе, в которых учащийся осмысливает связь между защитой природы, любовью к малой родине и уважением к историческому прошлому своего края.

Важнейшей особенностью разработанной модели является то, что проектная деятельность, оформляемая в экологическом портфолио, не существует изолированно от учебного процесса, а выступает связующим звеном между урочной работой и внеурочной активностью в рамках «Движения Первых». Реализация проектов осуществляется по следующей логике.

Методологически значимым результатом магистерского исследования является переосмысление роли проектной деятельности в формировании экологическо-патриотического образования. Если в традиционной практике проектная деятельность часто носит локальный, имитационный или сугубо учебный характер, то в предлагаемой модели, встроенной в работу первичного отделения «Движения Первых», она приобретает черты социально значимой практики. Учитель при этом меняет свою позицию: он перестает быть единственным источником знаний и контролирующим органом, превращаясь в куратора, который сопровождает проектные инициативы школьников, помогает формулировать цели, находить ресурсы и осмысливать полученные результаты. Сами же учащиеся становятся не пассивными получателями экологической информации, а активными авторами проектов, что формирует у них чувство ответственности и сопричастности к судьбе своей малой родины и ее природного наследия.

Проведенные мероприятия можно разделить на 4 раздела. Рассмотрим конкретные примеры действий с каждого раздела, которые смогут внести существенный вклад в повышение уровня эколого-патриотического образования и воспитания

1. Практическая природоохранная деятельность

Первый блок мероприятий объединяет формы практической природоохранной деятельности, направленные на непосредственное участие школьников в улучшении состояния окружающей среды своей малой родины. Данный блок имеет ключевое значение для экологическо-патриотического образования, поскольку именно через личное участие в конкретных делах у обучающихся формируется чувство сопричастности к судьбе родного края, осознание собственной способности влиять на экологическую ситуацию и, как следствие, патриотическая позиция, подкрепленная реальными действиями. Мероприятия этого блока органично встраиваются в проектную деятельность школьников и могут реализовываться как в урочное время (в рамках уроков биологии, географии, технологии), так и во внеурочной деятельности

Мероприятия, которые были проведены в рамках практического блока не являются разовыми. Они предполагают долгосрочное сопровождение и регулярный уход, что формирует у обучающихся не только экологические навыки, но и такие личностные качества, как ответственность, последовательность и способность к долгосрочному планированию. Результаты участия школьников в данных мероприятиях фиксируются в различных формах отчетности от фотоматериалов до дневников наблюдений, что позволяет отслеживать динамику сформированности экологическо-патриотических компетенций.

Одним из ключевых мероприятий практического блока является посадка деревьев на территории школьного двора. Выбор данной формы обусловлен тем, что посадка деревьев обладает мощным символическим ресурсом: каждое посаженное дерево связывается у школьников с конкретным действием, а последующее наблюдение за его ростом создает долговременную эмоциональную связь с местом посадки. Организация мероприятия начинается с предварительной подготовки, в ходе которой школьники под руководством учителя знакомятся с видовым составом древесных пород, произрастающих в регионе, условиями их приживаемости и особенностями ухода. Важно, чтобы выбор мест для посадки и пород деревьев осуществлялся

с участием самих обучающихся — это повышает их мотивацию и чувство ответственности за результат. Непосредственное мероприятие по посадке проводится в форме уличного мероприятия, где каждый участник или небольшая группа выполняет полный цикл работ: от подготовки почвы до финального полива и установки колышка для подвязки молодого саженца. После завершения посадки организуется коллективное обсуждение, на котором школьники делятся впечатлениями, фиксируют возникшие трудности и предлагают способы их решения в будущем. Важнейшим элементом рефлексии является осознание того, что посаженные деревья останутся на десятилетия, станут частью ландшафта, и будущие поколения увидят результат их труда. Это формирует у обучающихся чувство исторической преемственности и ответственности перед будущим — качество, напрямую связанное с патриотическим воспитанием.

2. Исследовательско-аналитическая деятельность

Второй блок мероприятий направлен на исследовательско-аналитическую деятельность обучающихся. Это направление очень важное, для того чтобы сформировать осознанное эколого-патриотическое население. Знакомство с природой родного региона, уникальными особенностями, проблемами, уязвимостями создают сильную основу для создания, осознанного личностно окрашенного патриотизма.

Одним из ключевых мероприятий исследовательско-аналитического блока является проведение экологического мониторинга, направленного на выявление актуальных проблем в регионе. Данная форма работы имеет особое значение для экологическо-патриотического образования, поскольку именно самостоятельное обнаружение экологической проблемы, её осмысление и анализ ощущение личной вовлеченности и ответственности. В отличие от получения готовых знаний из учебника или рассказа учителя, мониторинг позволяет обучающимся увидеть реальную картину состояния окружающей среды своими глазами, зафиксировать конкретные нарушения и сделать собственные выводы, что существенно повышает мотивацию к последующим природоохранным действиям.

Экологический мониторинг в рамках данного мероприятия понимается как система регулярных наблюдений за состоянием окружающей среды, проводимых силами школьников под руководством педагога и куратора. Школьники осваивают простейшие визуальные методы оценки: выявление несанкционированных свалок, оценку степени замусоривания лесопарковых зон и берегов водоемов, наблюдение за состоянием родников, колодцев и других гидрологических объектов [3].

Организация мониторинга строится таким образом, чтобы школьники прошли полный цикл исследования — от постановки цели и выбора методики до анализа результатов, и формулировки выводов.

3. Просветительско-коммуникационная деятельность

Третий блок мероприятий направлен на просветительско-коммуникационную деятельность обучающихся. Данное направление играет важную роль в экологическо-патриотическом образовании, поскольку полученные знания и сформированные ценности требуют трансляции вовне, в окружающее социальное пространство. Школьник, выступающий в роли просветителя, не только закрепляет и углубляет собственные знания, но и приобретает опыт активной гражданской позиции, осознавая себя агентом позитивных изменений в своем сообществе. Просветительская деятельность позволяет вынести результаты экологических исследований и природоохранных инициатив за пределы школы, вовлекая в обсуждение экологическо-патриотических тем более широкую аудиторию — родителей, жителей района, сверстников из других образовательных учреждений.

В рамках данного блока обучающиеся осваивали различные формы и каналы коммуникации, позволяющие доносить экологическо-патриотическую информацию до широкой аудитории. Одной из наиболее доступных и эффективных форм стало создание информационных постов в социальных сетях, посвященных конкретным природоохранным мероприятиям и инициативам. Школьники готовили публикации о проведении субботников, организации зеленых дней, высадке деревьев на пришкольной территории и в местах. Также создавались посты, популяризирующие раздельный сбор мусора, разъясняющие, как правильно сортировать отходы и куда их можно сдать на переработку. Особое внимание уделялось просветительским материалам о том, как с пользой для природы и для себя можно провести каникулы или выходные: посетить краеведческий музей, сходить на экскурсию в природный парк или заповедник, принять участие в волонтерском экологическом проекте. Такие посты не только информировали, но и формировали позитивный образ экологически ответственного и патриотически

настроенного человека, для которого забота о природе родного края является естественной частью повседневной жизни

4. Игровая и дискуссионная деятельность

Четвертый блок мероприятий объединяет формы игровой и дискуссионной деятельности, которые занимают особое место в системе экологическо-патриотического образования. Если практические мероприятия формируют непосредственный опыт взаимодействия с природой, исследовательские — дают знания, а просветительские — учат транслировать ценности, то игровые и дискуссионные формы позволяют «прожить» экологическо-патриотические смыслы в безопасной, соревновательной и эмоционально насыщенной среде. Именно в игре и дискуссии снимается страх ошибиться, исчезает скованность, и учащиеся начинают искренне выражать свои мысли, аргументировать позицию, сталкивать разные точки зрения и приходить к глубокому пониманию сложных вопросов.

Рассматриваемый раздел имеет принципиальное значение, поскольку патриотическое отношение к природе родного края не возникает вне системы ценностей. Даже в ситуации, когда школьник свободно перечисляет редкие виды Приморья и регулярно выходит на субботники, без внутренней уверенности в необходимости охраны региональной природы и без осознания того, что забота о ней составляет личную, а не навязанную извне обязанность, подобная активность вряд ли приобретет устойчивый характер. Игровые и дискуссионные форматы влияют на ценностно-мировоззренческий уровень, так как предполагают не простое повторение сведений, а усвоение материала на личностном уровне, формулирование собственной позиции, умение аргументированно ее защищать либо корректировать под влиянием убедительной аргументации оппонентов [4].

В данном блоке у школьников постепенно укрепляется набор нужных умений, они учатся критически оценивать сведения, разбираться в информационных потоках, смотреть на вопрос под разными углами, уверенно выстраивать публичное высказывание, подтверждать позицию доводами и сотрудничать внутри группы, находя согласие. Такие качества нужны человеку, соединяющему гражданскую ответственность с подлинной любовью к родине в сегодняшнем обществе не декларативно, а через продуманные, выверенные и результативные поступки.

Для оценки эффективности проведенной работы было организовано анкетирование обучающихся до начала реализации программы и после её завершения. Сравнительный анализ результатов показал устойчивую положительную динамику по всем измеряемым параметрам: уровень экологических знаний, понимание уникальности природы Приморского края, осведомленность о краснокнижных видах, личное участие в природоохранных акциях, сформированность патриотического отношения к природе родного региона. Результаты тестирования подтвердили успешность разработанных мероприятий и обоснованность выбранных форм работы.

В широком смысле, реализация программы экологическо-патриотических мероприятий представляет собой способ фиксирования, накопления и оценки индивидуальных достижений школьников, где инициатива переходит к самим обучающимся. Учащийся получает возможность представить свои способности в различных областях самостоятельно, что способствует развитию саморефлексии и самоопределения. Основной целью здесь выступает повышение ответственности учеников, их самостоятельности в организации деятельности и участия в оценке качества полученных результатов. Оценивается не только конечный результат, но и весь путь, пройденный школьником: от получения знаний до их практического применения и ценностного осмысления.

Образовательная инициатива дает шанс решать значимые задачи в сфере обучения и воспитания. У школьников укрепляется подготовка, соединяющая природоохранные представления и гражданско-патриотические ценности, они приобретают обстоятельное понимание природной среды родной местности, ее самобытности и хрупкости, а еще приходят к осознанию связи между сбережением природы и интересами Родины. Вместе с тем складываются более зрелая экологическая культура и прочное гражданское понимание ценности родной земли, а отношение к окружающей среде приобретает последовательную ответственность, поскольку она воспринимается как часть общенационального богатства.

1. Сухачёв А.А. Экологические основы природопользования: учебник. – Москва: КноРус, 2022. – С. 391.

2. Сорокина А.А. Использование современных медиаинститутов // Век информации. – 2022. – №1. – С. 41-46.

3. Salman. Z. The importance of ecological education in school // Echoing sustainability in Mena. – URL: https://www.ecomena.org/education-environmental-protection/
4. Маликова А.М., Борисевич А.М. Принципы формирования экологического образования и воспитания // Материалы VII Международного молодежного экологического форума. – 2024. – №7. – С. 446-450.

Сведения об авторах
Е.С. Давыденко, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия
Е.В. Тарасова, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 336.64

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДИК ФИНАНСОВОГО АНАЛИЗА И ИХ ПРИМЕНИМОСТЬ ДЛЯ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ

Т.Е. Даниловских, канд. экон. наук, доцент

А.Д. Ушкова, магистрант

Владивостокский государственный
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье проводится критический анализ современных методик финансового анализа на предмет их применимости для малых предприятий розничной торговли. Выявлены ключевые ограничения классического коэффициентного анализа, связанные со спецификой малого бизнеса: высокая доля оборотных активов, преобладание арендованных основных средств, невысокая маржинальность и ограниченный доступ к долгосрочному финансированию*
Ключевые слова и словосочетания: *финансовый анализ, малые предприятия, розничная торговля, методики финансового анализа, коэффициентный анализ, ликвидность, оборачиваемость запасов.*

ANALYSIS OF MODERN FINANCIAL ANALYSIS METHODS AND THEIR APPLICABILITY FOR SMALL RETAIL ENTERPRISES

Abstract. *The article provides a critical analysis of modern financial analysis methods for their applicability to small retail enterprises. The key limitations of classical ratio analysis are identified, related to the specifics of small businesses: a high share of current assets, predominance of leased fixed assets, low profitability and limited access to long-term financing.*
Keywords: *financial analysis, small enterprises, retail trade, financial analysis methods, ratio analysis, liquidity, inventory turnover.*

Развитие малого предпринимательства в розничной торговле является значимым фактором экономической стабильности, однако малые предприятия сталкиваются с повышенными рисками финансовой неустойчивости. Существующий пробел заключается в отсутствии целостной методики финансового анализа, адаптированной к специфике малых розничных предприятий. Классические подходы ориентированы на крупные корпорации, отраслевые – учитывают торговую специфику, но игнорируют ресурсные ограничения малого бизнеса. Цель статьи – провести критический анализ наиболее распространенных современных методик финансового анализа и определить направления их адаптации для малых предприятий розничной торговли. Методы исследования: анализ и сравнение.

Согласно Федеральному закону № 209-ФЗ к малым предприятиям в РФ относятся организации с численностью до 100 человек и годовой выручкой до 800 млн руб. [1]. В 2025 г. в структуре малого бизнеса 47% составляют предприятия оптовой и розничной торговли [2].

Особенности розничной торговли, влияющие на финансовый анализ, включают: преобладание оборотных активов (80% и более), арендованные основные средства, высокую долю товарных запасов в оборотных активах (свыше 90%), незначительную долю собственного капитала, высокую оборачиваемость активов при низкой норме чистой прибыли, ярко выраженную

сезонность продаж. Для малого розничного предприятия критическое значение имеют показатели ликвидности, оборачиваемости запасов, денежного потока и доли аренды в выручке, тогда как классические коэффициенты финансовой устойчивости часто дают искаженную картину.

Рассмотрим классические современные методики оценки финансовой безопасности предприятий.

Д.А. Сулейманова предлагает методику анализа финансовой устойчивости на основе расчета абсолютных и относительных показателей [3]. Методика включает анализ структуры совокупного капитала, расчет коэффициентов автономии, финансовой зависимости, финансового рычага, а также анализ обеспеченности запасов собственными источниками и оценку финансового равновесия между активами и пассивами. К плюсам данной методики можно отнести комплексность, возможность выявления типа финансовой устойчивости (абсолютная, нормальная, неустойчивая, кризисная). Однако для розницы, где собственный капитал часто незначителен, а запасы являются основой бизнеса, нормативы (коэффициент автономии >0,5) могут быть недостижимы, при этом предприятие может быть успешным. Методика не учитывает оборачиваемость запасов как ключевой фактор.

С.Д. Майор развивает методику анализа финансовой независимости торгового предприятия на примере ООО «ИнтерТорг» [4]. Автор рассчитывает коэффициент финансовой независимости и проводит факторный анализ не только первого, но и второго порядка, разделяя влияние изменения уставного капитала и нераспределенной прибыли. Используется прием цепных подстановок. Методика включает довольно углубленный факторный анализ, учет структуры собственного капитала, ориентацию на торговое предприятие, но не учитывает качество запасов и денежные потоки. Нормативное значение коэффициента финансовой независимости (около 0,5) для малой розницы часто завышено – магазин может успешно работать при низкой доле собственного капитала за счет быстрой оборачиваемости. Также не анализируется кредиторская задолженность перед поставщиками, которая является бесплатным источником финансирования.

Д.А. Нагаева рассматривает методики оценки финансовой безопасности, включая метод Л.Т. Снитко (расчет финансовых показателей с нормативными значениями) и индикаторный метод Р.С. Папехина [5]. В методике Снитко рассчитываются коэффициенты оборачиваемости капитала, ликвидности, автономии, финансового риска, рентабельности. В индикаторном методе Папехина используются пороговые значения: коэффициент покрытия (<1), автономии (>0,3), финансового левериджа (<3), рентабельности активов (выше индекса инфляции) и собственного капитала (>10%).

К плюсам методик можно отнести простоту, использование пороговых значений, наличие оборачиваемости капитала, однако норматив коэффициента абсолютной ликвидности ≥1 (по Снитко) для розницы недостижим и не нужен – розница живет за счет быстрой оборачиваемости, а не запасов денег. Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами >0,5 для малого розничного предприятия, где основные средства часто арендованы, а оборотные активы финансируются за счет кредиторской задолженности, нереалистичен.

А.А. Аристов и О.М. Купрошина провели сравнительную характеристику основных методик анализа финансового состояния [6]. Они выделили методики Н.П. Любушина и В.Г. Дьяковой (акцент на сбалансированность активов и пассивов, денежных потоков), Л.В. Донцовой и Н.А. Никифоровой (классификация по степени риска на основе балльной оценки), А.Д. Шеремета, Р.С. Сайфулина и Е.В. Негашева (рейтинговая оценка), Г.А. Савицкой (причинно-следственные связи, поиск резервов).

В методиках есть обобщение различных подходов, выделение приемов анализа (горизонтальный, вертикальный, коэффициентный, факторный). Однако большинство сравниваемых методик ориентированы на крупные предприятия из-за нормативных значений, которые были выведены на основе анализа деятельности преимущественно крупных промышленных предприятий с длительным производственным циклом, значительными внеоборотными активами и стабильной структурой капитала.

И.В. Круглов и Д.С. Алырщиков предлагают методику анализа финансового состояния на основе расчета интегрального показателя, учитывающего внешние и внутренние факторы [7]. Используется метод балльной оценки, где каждый фактор имеет весовой коэффициент. Интегральный показатель рассчитывается по формуле:

$$\Phi_{итог} = \frac{\phi_i}{f_i},$$

где фi – балльная оценка i-того фактора;

fi – вес i-того фактора.

Чем выше значение, тем выше риск ухудшения финансового состояния. Выделяются три степени риска: низкий (до 1,6), средний (1,6–2), высокий (свыше 2).

К плюсам можно отнести учет внешних факторов (инфляция, процентные ставки, налоговые изменения), что редко встречается в классических методиках, однако методика не конкретизирует, какие именно факторы и с какими весами должны учитываться, что создает риск субъективизма. Для малого предприятия вес внешних факторов может быть выше, чем для крупного, но это не отражено. А.В. Влас и Г.В. Исаева обобщили трактовки понятия «финансовая устойчивость» и предложили единую методику, включающую три этапа: расчет относительных коэффициентов (автономии, финансирования, финансовой активности, зависимости, маневренности, финансовой устойчивости), определение типа финансовой устойчивости через абсолютные показатели (СОС, СДИ, ОИЗ) и факторный анализ коэффициента автономии [8].

Данная методика содержит детальную проработку этапов, использование расширенной модели факторного анализа. Норматив коэффициента маневренности (0,5) для розницы, где внеоборотные активы минимальны, может быть легко достигнут, но это не гарантирует успеха. Главный риск – затоваривание – не анализируется.

К.А. Шишкин представил развернутую методику расчета основных показателей финансового состояния и диагностики банкротства [9]. Методика включает анализ ликвидности, финансовой устойчивости (автономии, маневренности, обеспеченности собственными средствами), деловой активности (оборачиваемость оборотных средств, запасов, дебиторской и кредиторской задолженности), рентабельности, а также обзор моделей прогнозирования банкротства (Альтмана, Фулмера, Бивера, Спрингейта, Таффлера, Зайцевой, Ковалева, Сайфуллина-Кадыкова, Иркутской ГЭА) с их сравнительной характеристикой. Методика имеет наиболее полный охват показателей, включая оборачиваемость запасов, сравнение моделей банкротства, акцент на необходимость учета отраслевой специфики. Однако автор отмечает, что зарубежные модели не учитывают отраслевые особенности, инфляцию и различия в законодательстве. Нормативы (коэффициент текущей ликвидности ≥1,5, автономии ≥0,5) для розницы завышены.

С.А. Томко провел сравнительный анализ методик оценки финансовой устойчивости для предприятий торговли нефтепродуктами [10]. Сравнивались: оценка по трехкомпонентному показателю Шеремета-Негашева, балльная оценка, индикаторная оценка Ковалева и комплексная методика Барри. Результаты по разным методикам различались: от неустойчивого до финансово-устойчивого состояния.

Эмпирическая демонстрация проблемы – разные методики дают разные оценки, что подтверждает необходимость адаптации. Методики не учитывают особенности привлечения кредитных ресурсов на условиях овердрафта и возобновляемых кредитных линий, что критично для малой розницы. Томко отмечает ретроспективность, подверженность инфляции и отсутствие единых нормативов как ключевые проблемы.

Е.С. Высоцкая рассматривает финансовую устойчивость как важнейшую характеристику финансово-хозяйственной деятельности, определяет этапы анализа (экспресс-оценка, анализ тенденций, оценка чистых активов, анализ платежеспособности и ликвидности, оценка финансовой устойчивости) [11]. По Шеремету выделяются: предварительная оценка, экспресс-анализ, углубленный анализ, прогнозный анализ. Плюсы методики: системный подход, выделение этапов, учет краткосрочной и долгосрочной перспектив. Однако не учитывается сезонность и специфика работы с товарными запасами.

А.С. Ишкова предложила рекомендации по совершенствованию методики финансового анализа, включающие этапы: анализ ликвидности баланса, оценка относительных показателей ликвидности и платежеспособности, анализ финансовой устойчивости, анализ формирования собственных финансовых ресурсов, оценка привлечения собственного капитала, определение общей потребности в собственных финансовых ресурсах по формуле:

$$Фр = (Кп \times Пу) / 100 – Кс + Пп,$$

где Фр – величина общей потребности в собственных финансовых ресурсах организации на планируемый период;

Кп – общая потребность в капитале на конец планового периода;

Пу – планируемый удельный вес собственного капитала в общей его величине;

Кс – величина собственного капитала на начало планируемого периода;

Пп – величина прибыли, направляемой на соответствующие цели в плановом периоде [12].

Плюсы методики: практическая направленность, формула расчета потребности в собственных ресурсах. Но методика ориентирована на крупное металлургическое предприятие, не учитывает специфику розницы (аренда, оборачиваемость, сезонность).

Э.Р. Абдрахманова и Л.Е. Алтынбаева провели сравнение методик анализа финансовых результатов по Г.В. Савицкой, А.Д. Шеремету, А.Ф. Ионовой и Н.Н. Селезневу [13]. По Савицкой: вертикальный анализ, анализ структуры выручки, анализ коэффициентов рентабельности, факторный анализ. По Шеремету: формирование ключевых коэффициентов, предварительный анализ, углубленный анализ с учетом инфляции, анализ качества прибыли, анализ рентабельности активов, маржинальный анализ. По Ионовой и Селезневу: классификация прибыли, факторный анализ, анализ денежных потоков. Плюсы: полнота охвата анализа финансовых результатов, учет инфляции и качества прибыли, анализ денежных потоков. Большинство показателей рентабельности (ROA, ROE) имеют нормативы, не учитывающие низкую маржинальность розницы.

О.А. Кавыршина разработала методику балльной оценки уровня финансовой безопасности предприятия. На первом этапе рассчитывается система показателей, включающая коэффициенты финансовой устойчивости, платежеспособности и ликвидности, деловой активности и рентабельности, а также средневзвешенная стоимость капитала WACC.

На втором этапе каждому показателю присваиваются баллы в зависимости от отклонения от нормативного значения: 4 балла – если значение превышает норматив; 3 балла – если равно нормативу; 2 балла – если отклонение не более 25%; 1 балл – если отклонение достигает 50%; 0 баллов – если отклонение более 50% или показатель отрицательный. Затем баллы суммируются, и по шкале определяется уровень финансовой безопасности: высокий (80–64 балла), средний (63–43), низкий (42–20), критический (21–11) или уровень опасности (10–0). Методика имеет четкое ранжирование баллов, что минимизирует субъективность, а также достаточно широкий охват показателей. Однако, также как и в других методиках, нормативные значения коэффициентов (коэффициент абсолютной ликвидности ≥0,2, текущей ликвидности 1,5–2, рентабельности активов 5% и собственного капитала 10%) разработаны для крупных производственных предприятий, а не для розничной торговли. В малой рознице высока доля оборотных активов и кредиторской задолженности, а собственный капитал часто минимален, поэтому норматив коэффициента автономии ≥0,5 труднодостижим. Кроме того, методика не включает критически важный для розницы показатель оборачиваемости товарных запасов в днях (вместо этого используется общая оборачиваемость совокупных активов).

Существующие методики финансового анализа обладают рядом ограничений при применении к малым предприятиям розничной торговли: завышенные нормативы ликвидности и автономии, игнорирование качества запасов и денежных потоков, отсутствие учета сезонности, неприменимость зарубежных моделей банкротства. Наиболее перспективными направлениями адаптации являются: корректировка нормативных значений коэффициентов с учетом отраслевых средних, включение показателей оборачиваемости товарных запасов в днях, анализ операционного денежного потока, учет сезонных колебаний, использование интегральных показателей с весами, учитывающими специфику розницы. Дальнейшие исследования будут направлены на разработку и апробацию такой специализированной методики.

1. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_52144/08b3ecbcdc9a360-ad1dc314150a6328886703356/

2. Доклад территориального органа Федеральной службы государственной статистики // СПС «Гарант». – Текст: электронный. – URL: https://base.garant.ru/412654567/-741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/
cons_doc_LAW_52144/08b3ecbcdc9a360ad1dc314150a6328886703356/

3. Сулейманова Д.А. Методика анализа финансовой устойчивости организации по показателям бухгалтерской отчетности (на примере предприятия РД) // Актуальные вопросы современной экономики. – 2020. – № 1. – С. 687-692. – DOI 10.34755/IROK.2020.49.42.099. – EDN HSSTHR.

4. Майор С.Д. Развитие методики анализа финансовой независимости торгового предприятия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – №9-4 (96).
5. Нагаева Д.А. Методика анализа финансовой безопасности предприятия // Актуальные вопросы современной экономики. – 2023. – № 5. – С. 674-678. – DOI 10.34755/IROK.2023.93.38.039. – EDN AJOKSH.
6. Аристов А.А., Купрюшина О.М. Сравнительная характеристика основных методик анализа финансового состояния предприятия // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития: Сборник материалов XXXIV Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 10–31 января 2017 года под общей редакцией С.С. Чернова. – Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Центр развития научного сотрудничества», 2017. – С. 158-160. – EDN ZTUBAT.
7. Круглов И. В., Алырщиков Д.С. Методика анализа финансового состояния предприятия // Вестник науки. – 2019. – Т. 5, № 12(21). – С. 169-171. – EDN NDEATC.
8. Влас А.В., Исаева Г.В. Методика анализа финансовой устойчивости предприятия / // Экономический обзор. – 2020. – № 4(5). – С. 3-6. – EDN WSOGAW.
9. Шишкин К.А. Расчет основных показателей финансового состояния предприятия и методика анализа его несостоятельности (банкротства) // Вестник Национального Института Бизнеса. – 2020. – № 40. – С. 48-61. – EDN DHIHXQ.
10. Томко С.А. Сравнительный анализ методик оценки финансовой устойчивости как фактора обеспечения финансовой составляющей экономической безопасности предприятий торговли нефтепродуктами // Учет, анализ и аудит: проблемы теории и практики. – 2019. – № 22. – С. 240-247. – EDN UBESVH.
11. Высоцкая Е. С. Методика анализа финансовой устойчивости предприятия // Трибуна ученого. – 2020. – № 12. – С. 836-848. – EDN UBQXNE.
12. Ишкова А.С. Предложения по совершенствованию методики финансового анализа предприятия // Социально-экономические процессы современного общества: теория и практика : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 21 мая 2021 года. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2021. – С. 194-197. – EDN SVXWBS.
13. Абдрахманова Э.Р. Методики анализа финансовых результатов деятельности предприятия // E-Scio. – 2022. – № 6(69). – С. 517-522. – EDN YBDPDC.
14. Кавыршина О.А. Экспресс-оценка уровня экономической безопасности предприятия // Таврический научный обозреватель. – 2015. – №4-1.

Сведения об авторах
Т.Е. Даниловских, канд. экон. наук, доцент, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия
А.Д. Ушкова, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 004

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ВУЗОВ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ПРОГРАММЫ МОЛОДЕЖНОГО И СТУДЕНЧЕСКОГО ТУРИЗМА

А.В. Джулеба, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье обосновывается роль информационного обеспечения мероприятий вузов как инструмента развития молодёжного и студенческого туризма. Анализируются каналы информирования, барьеры и форматы сопровождения. Доказано, что системное информационное обеспечение повышает вовлеченность студентов и способствует росту популярности внутреннего туризма*

Ключевые слова и словосочетания: *информационное обеспечение, студенческий туризм, молодёжный туризм, мероприятия вуза.*

INFORMATION SUPPORT FOR UNIVERSITY EVENTS AS A TOOL FOR DEVELOPING YOUTH AND STUDENT TOURISM PROGRAMS

Abstract. *The article substantiates the role of information support for university events as a tool for developing youth and student tourism. Communication channels, barriers and formats of support are analyzed. It is proved that systematic information support increases student engagement and contributes to the growth of domestic tourism popularity.*

Keywords*: information support, student tourism, youth tourism, university events.*

Введение

В современных условиях развитие молодежного и студенческого туризма рассматривается как одно из приоритетных направлений государственной молодежной политики Российской Федерации. Данный вид туризма способствует не только повышению туристской мобильности молодежи, но и развитию межрегионального взаимодействия, культурного обмена, образовательной интеграции и формированию позитивного имиджа регионов. Особую роль в развитии данного направления играет программа «Студтуризм», реализуемая при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Цель исследования – на основе комплексной оценки системы электронных ресурсов высших учебных заведений России выявить роль информационного обеспечения как инструмента развития программы молодежного и студенческого туризма.

Объектом исследования являются информационные процессы, сопровождающие образовательную, научно-исследовательскую, профориентационную и культурную жизнь вуза.

Для решения поставленной цели необходимо проанализировать уровень использования информационных технологий в обеспечении мероприятий вузов России. В процессе исследования использованы следующие методы:

– методы классификации, сравнения, наблюдения и системный подход – для анализа международного и отечественного опыта внедрения информационных технологий в студенческий туризм;

– методы дедукции и индукции, моделирования – для анализа существующих моделей информационного обеспечения туристских мероприятий вузов.

Основная часть

Программа «Студтуризм» является федеральным проектом, направленным на развитие молодежного и студенческого туризма на территории Российской Федерации. Проект был запущен в 2021 году по инициативе Президента Российской Федерации в рамках реализации государственной молодежной политики и задач по развитию внутреннего туризма. Координацию программы осуществляет Министерство науки и высшего образования Российской Федерации совместно с Росмолодежью при поддержке Правительства Российской Федерации. Основной целью программы является создание единого пространства молодежного туризма, развитие академической мобильности студентов и повышение доступности путешествий по стране.

Особенностью программы является интеграция образовательной, культурной и туристской деятельности. В рамках проекта студенты получают возможность посещать различные регионы Российской Федерации, участвовать в научных, культурных, спортивных и образовательных мероприятиях, а также знакомиться с туристским потенциалом территорий. При этом образовательные организации выступают не только как площадки для обучения, но и как субъекты формирования туристского продукта, обеспечивающие проживание, событийное сопровождение и информационную поддержку участников программы.

Управление программой осуществляется по многоуровневой системе, включающей федеральные органы власти, профильные организации и образовательные учреждения. Федеральный уровень обеспечивает нормативно-правовое регулирование, финансирование и координацию деятельности участников программы, тогда как образовательные организации реализуют практическое сопровождение туристских и образовательных мероприятий.

Важную роль в функционировании программы играет информационное обеспечение, поскольку эффективное взаимодействие между участниками невозможно без использования современных цифровых технологий и коммуникационных платформ. Федеральный уровень реализации программы предполагает создание единой информационной среды, обеспечивающей координацию деятельности вузов-участников, информирование пользователей и продвижение туристских возможностей образовательных организаций. Информационная система программы включает официальные интернет-ресурсы, цифровые сервисы, платформы регистрации участников, социальные сети и иные каналы коммуникации.

Рис. 1. Структура управления программой «Студтуризм»

Примечание: составлено автором.

Развитие информационного обеспечения программы обусловлено современными тенденциями цифровизации туристской отрасли. Молодежная аудитория ориентирована преимущественно на получение информации через интернет-ресурсы и мобильные сервисы, что требует активного использования цифровых коммуникаций, интерактивного контента и инструментов онлайн-взаимодействия. В связи с этим вузы, участвующие в программе, вынуждены адаптировать свои информационные ресурсы под потребности современной аудитории, обеспечивая доступность, актуальность и визуальную привлекательность размещаемой информации.

Таблица 1

Количество вузов страны, зарегистрированных на платформе «Студтуризм» в 2026 г.

Округа	Вузы	Размещение	Амбассадоры	Мероприятия
Центральный	71	55	28	41
Северо-западный	24	16	16	10
Южный	17	12	8	7
Северо-Кавказский	17	11	2	0
Приволжский	45	33	15	18
Уральский	16	10	6	8
Сибирский	28	33	8	28
Дальневосточный	15	17	5	5

Примечание: составлено автором.

Данные таблицы 1 показывают, что наибольшее количество вузов сосредоточено в Центральном округе, там же представлено самое большое число средств размещения и мероприятий. Несмотря на положительную динамику развития программы, современное состояние информационного обеспечения вузов характеризуется определенной неоднородностью. Уровень цифровой инфраструктуры, качество контентного сопровождения и эффективность коммуникационных каналов существенно различаются в зависимости от возможностей конкретных образовательных организаций.

В условиях высокой цифровой активности молодежной аудитории ключевым фактором успешной реализации туристских проектов становится наличие развитой цифровой инфра-

структуры, обеспечивающей оперативное распространение информации, взаимодействие участников и продвижение туристских возможностей образовательных организаций. В рамках программы «Студтуризм» цифровая инфраструктура выступает основой координации взаимодействия между вузами, студентами, туристскими организациями и органами государственной власти.

Несмотря на активное развитие программы «Студтуризм», уровень вовлеченности образовательных организаций в реализацию молодежного и студенческого туризма остается неоднородным. Значительная часть вузов принимает ограниченное участие в программе либо реализует отдельные мероприятия без формирования полноценной системы туристского и информационного сопровождения. Данная ситуация обусловлена совокупностью организационных, инфраструктурных, кадровых, финансовых и логистических факторов.

Одной из основных причин низкой активности вузов является недостаточная мотивация образовательных организаций к развитию туристской деятельности. Для многих университетов приоритетными остаются образовательная и научная функции, тогда как развитие студенческого туризма рассматривается как второстепенное направление деятельности. Существенное влияние оказывает уровень инфраструктурного обеспечения вузов. Для полноценного участия в программе образовательная организация должна обладать возможностями размещения участников, развитой транспортной доступностью, площадками для проведения мероприятий, объектами питания и досуговой инфраструктурой. Однако многие региональные вузы располагают ограниченными материально-техническими ресурсами, что затрудняет организацию приема студентов из других субъектов Российской Федерации.

Еще одной значимой проблемой является недостаток кадровых ресурсов. Реализация мероприятий в сфере студенческого туризма требует наличия специалистов, обладающих компетенциями в области туризма, маркетинга, цифровых коммуникаций и организации событийных мероприятий.

Ограничивающим фактором выступает также недостаточный уровень финансирования. Участие в программе требует затрат на развитие цифровой инфраструктуры, продвижение мероприятий, организацию приема участников, создание информационного контента и техническое сопровождение проектов. Для многих образовательных организаций, особенно региональных, данные расходы являются существенными.

Отдельное влияние оказывает сложность логистики и территориальная удаленность отдельных регионов Российской Федерации. Высокая стоимость транспортных расходов, ограниченная доступность авиасообщения и значительные расстояния между регионами затрудняют развитие межрегионального студенческого туризма. Особенно это характерно для дальневосточных и северных регионов страны, где организация поездок требует значительных временных и финансовых затрат.

Кроме того, среди проблем можно выделить недостаточную информированность студентов о возможностях программы, слабую активность вузов в цифровом пространстве, нерегулярное обновление контента, отсутствие единых стандартов информационного сопровождения и недостаточное использование современных технологий продвижения.

Центральным элементом информационного обеспечения программы является официальный цифровой портал, который выполняет функции единой платформы взаимодействия участников. На платформе размещается информация о вузах-партнерах, туристских маршрутах, мероприятиях, программах мобильности, условиях участия и проживания. Важным компонентом цифровой инфраструктуры программы являются официальные сайты образовательных организаций, участвующих в проекте. На сайтах вузов размещаются специализированные разделы, посвященные программе «Студтуризм», а также информация о мероприятиях, экскурсионных программах, форумах, фестивалях и иных событиях.

Таблица 2

Вузы-лидеры программы Студтуризм по итогам 2024–2025 гг.

Вуз	Регион	Факторы лидерства	Особенности информационного обеспечения
Балтийский федеральный университет имени И. Канта	Калининградская область	Высокий уровень приема студентов, развитая туристская инфраструктура	Активное продвижение в соцсетях, мультимедийный контент, цифровые сервисы

Окончание табл. 2

Вуз	Регион	Факторы лидерства	Особенности информационного обеспечения
Северо-Кавказский федеральный университет	Ставропольский край	Организация межрегиональных мероприятий и форумов	Развитая система онлайн-информирования
Иркутский государственный университет	Иркутская область	Развитие научно-популярного и экологического туризма	Продвижение туристских маршрутов региона
Российский университет дружбы народов	Москва	Международное сотрудничество	Активное использование цифровых платформ
Южный федеральный университет	Ростовская область	Масштабная событийная деятельность	Активное медиасопровождение мероприятий
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова	Архангельская область	Развитие арктического и экспедиционного туризма	Использование тематического контента
Казанский (Приволжский) федеральный университет	Республика Татарстан	Развитая инфраструктура приема студентов	Комплексное цифровое сопровождение
Владивостокский государственный университет	Приморский край	Международная направленность	Интерактивные сервисы и активное продвижение в соцсетях
Юго-Западный государственный университет	Курская область	Активность амбассадоров программы	Использование цифровых каналов коммуникации
Тюменский государственный университет	Тюменская область	Развитие молодежных туристских инициатив	Развитые онлайн-коммуникации

Примечание: составлено автором.

Значительную роль в системе информационного обеспечения играют социальные сети и цифровые коммуникационные платформы. Для молодежной аудитории именно социальные сети становятся основным каналом получения информации о мероприятиях.

В настоящее время сохраняются определенные проблемы информационного обеспечения программы. К ним относятся различия в качестве цифровых ресурсов вузов, недостаточная унификация контента, нерегулярное обновление.

Информационное обеспечение вузов, участвующих в программе «Студтуризм», является одним из ключевых факторов развития молодежного и студенческого туризма на федеральном уровне. Вузы, являясь участниками программы, формируют собственные информационные ресурсы, направленные на привлечение студентов, развитие межрегионального взаимодействия и популяризацию образовательного туризма.

Анализ информационного обеспечения вузов показывает, что большинство образовательных организаций используют официальные сайты в качестве основного канала представления информации о программе. На интернет-ресурсах вузов размещаются сведения о туристских маршрутах, программах академической мобильности, культурных и научных мероприятиях, условиях участия и проживания студентов. Вместе с тем уровень проработки специализированных разделов существенно различается. Часть университетов формирует полноценные цифровые платформы с навигацией, мультимедийным контентом и возможностью онлайн-регистрации, тогда как другие ограничиваются краткими новостными публикациями без системного информационного сопровождения.

Особое значение в системе информационного обеспечения приобретает визуальное и контентное сопровождение мероприятий. Молодежная аудитория ориентирована преимущественно на цифровой формат потребления информации, поэтому эффективность продвижения туристских возможностей вузов во многом зависит от качества фото- и видеоматериалов, интерактивного контента и активности в социальных сетях. Наиболее активно образовательные организации используют платформу ВКонтакте, через которую публикуются анонсы мероприятий, отчеты о поездках, пользовательский контент и отзывы участников.

Проведенный анализ показывает, что крупные федеральные и национальные исследовательские университеты обладают более развитой системой информационного обеспечения по сравнению с региональными образовательными организациями. Это связано с наличием более развитой цифровой инфраструктуры, кадровых ресурсов и возможностей продвижения в интернет-пространстве. Региональные университеты, в свою очередь, чаще сталкиваются с ограничениями, связанными с недостаточной технической оснащенностью и нерегулярным обновлением информации.

Важным критерием оценки информационного обеспечения является доступность информации для пользователей. В ряде случаев информация о программе «Студтуризм» размещается фрагментарно и требует дополнительных действий со стороны пользователя для поиска необходимых сведений. Недостаточная структурированность контента и отсутствие единых стандартов оформления информационных ресурсов снижают эффективность взаимодействия с потенциальными участниками программы.

Таким образом, анализ информационного обеспечения вузов, участвующих в программе «Студтуризм», показывает, что в настоящее время наблюдается активное развитие цифровых коммуникаций и инструментов продвижения молодежного туризма. Вместе с тем сохраняются различия в уровне цифровой инфраструктуры образовательных организаций, качестве контентного сопровождения и эффективности взаимодействия с аудиторией.

Наиболее распространенными каналами цифровых коммуникаций в настоящее время являются социальные сети и мессенджеры. Среди российских образовательных организаций основными платформами выступают ВКонтакте, а также российская цифровая платформа MAX. Использование данных ресурсов позволяет вузам оперативно распространять информацию о мероприятиях, публиковать анонсы туристских программ, информировать студентов о возможностях участия в форумах, фестивалях, экскурсиях и образовательных поездках. Кроме того, социальные сети обеспечивают интерактивное взаимодействие с аудиторией через комментарии, опросы, прямые эфиры и пользовательский контент.

Важным направлением цифровых коммуникаций является контент-маркетинг, предполагающий создание информационных материалов, ориентированных на интересы молодежной аудитории. Вузы публикуют истории участников программы, рекомендации по путешествиям, обзоры регионов, материалы о культурных и образовательных объектах. Подобный формат способствует формированию эмоциональной вовлеченности и стимулирует интерес к участию в туристских проектах. Дополнительным преимуществом цифровых коммуникаций становится возможность таргетированного распространения информации и персонализации контента в зависимости от интересов пользователей.

Цифровые коммуникации являются одним из ключевых инструментов продвижения студенческого туризма и формирования информационной среды программы «Студтуризм». Использование социальных сетей, мессенджеров, мультимедийного контента и цифровых платформ способствует расширению охвата аудитории, повышению вовлеченности молодежи и формированию устойчивого интереса к туристским возможностям образовательных организаций.

Таблица 4

Наиболее используемые цифровые каналы продвижения студенческого туризма

Цифровой канал	Основные функции	Преимущества	Особенности использования вузами
ВКонтакте	Публикация новостей, фото, видео, проведение опросов	Высокий охват молодежной аудитории	Основная социальная сеть большинства вузов
Цифровой канал	Основные функции	Преимущества	Особенности использования вузами
Telegram	Оперативное информирование, рассылки	Быстрая коммуникация	Используется для анонсов и сопровождения мероприятий
MAX	Каналы, сообщества, обмен медиаконтентом	Развитие отечественной цифровой среды	Перспективное направление коммуникации
Rutube	Размещение видеоматериалов	Продвижение визуального контента	Используется крупными вузами

Окончание табл. 4

Цифровой канал	Основные функции	Преимущества	Особенности использования вузами
Официальные сайты вузов	Размещение основной информации	Централизованность данных	Основной источник официальной информации
Email-рассылки	Информирование участников	Персонализированное взаимодействие	Используются для организационных уведомлений

Примечание: составлено автором.

Данные таблицы 3 показывают, что наиболее эффективными каналами продвижения студенческого туризма являются социальные сети и мессенджеры, обеспечивающие высокий уровень вовлеченности молодежной аудитории.

Современное состояние информационного обеспечения программы «Студтуризм» демонстрирует активное развитие цифровых коммуникаций и формирование единой инфраструктуры молодежного и студенческого туризма. Однако при наличии положительной динамики сохраняется ряд системных проблем, связанных с неоднородностью цифрового развития вузов, недостаточной унификацией информационных ресурсов и ограниченной интеграцией цифровых сервисов на федеральном уровне. Эти факторы оказывают влияние на эффективность продвижения туристского продукта и уровень вовлеченности студенческой аудитории.

Одной из ключевых проблем является неравномерность цифровой зрелости образовательных организаций. Крупные федеральные университеты, как правило, обладают развитой системой цифровых платформ, включающей мультимедийные ресурсы, онлайн-регистрацию, интерактивные сервисы и активное присутствие в социальных сетях. В то же время ряд региональных вузов ограничивается фрагментарным информационным сопровождением, размещая отдельные новости о мероприятиях без формирования целостной цифровой экосистемы программы. Это приводит к различиям в доступности информации для пользователей и снижает общий уровень восприятия программы как единого туристского продукта.

В качестве перспективного направления следует также рассматривать развитие интерактивных сервисов, включая чат-боты, автоматизированные системы поддержки пользователей и цифровые помощники. Такие технологии позволяют повысить оперативность взаимодействия, снизить нагрузку на административный персонал вузов и улучшить качество обслуживания участников программы. Дополнительно важным направлением является развитие систем обратной связи и мониторинга пользовательского опыта, что позволяет оперативно корректировать информационную стратегию.

Развитие информационного обеспечения программы «Студтуризм» на федеральном уровне характеризуется сочетанием существующих проблем и значительных перспектив цифровой трансформации. Повышение эффективности возможно при условии унификации информационных ресурсов, расширения цифровых сервисов, внедрения персонализации и усиления координации между вузами-участниками программы.

Выводы

Программа «Студтуризм» является эффективным инструментом государственной молодёжной политики, развивающим туристскую мобильность студентов и межрегиональное взаимодействие. Информационное обеспечение выступает ключевым фактором реализации программы, определяя уровень вовлеченности студентов и доступность туристских возможностей вузов. Наиболее эффективными инструментами информационного обеспечения являются официальные сайты вузов, социальные сети, мессенджеры и мультимедийный контент.

Выявлена существенная неоднородность цифрового развития вузов: крупные федеральные университеты обладают развитой инфраструктурой, тогда как региональные вузы часто ограничиваются фрагментарным информационным сопровождением. Основными проблемами являются отсутствие единых стандартов размещения информации, слабая адаптация ресурсов под мобильные устройства и ограниченное использование интерактивных сервисов. Ключевыми барьерами участия вузов в программе выступают недостаточная мотивация, нехватка инфраструктурных, кадровых и финансовых ресурсов, а также логистическая удалённость регионов.

Перспективными направлениями развития являются создание единой цифровой платформы, внедрение персонализированных сервисов и активное использование отечественных цифровых платформ. Повышение эффективности программы возможно при условии унификации информационных ресурсов, разработки единых стандартов контентного сопровождения и усиления координации между вузами-участниками.

1. Министерство науки и высшего образования РФ - развитие программы «Студтуризм» Текст: электронный. – URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/
2. Положение о программе молодежного и студенческого туризма Текст: электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431080/
3. Официальный портал программы «Студтуризм» Текст: электронный. – URL: https://xn--d1agcrrehbhc.xn--p1ai/?ysclid=mps4o07g4n855240444
4. Положение о программе молодежного и студенческого туризма Текст: электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431080/
5. Официальный сайт Дальневосточного федерального университета Текст: электронный. – URL: https://www.dvfu.ru/
6. Официальный сайт Казанского федерального университета Текст: электронный. – URL: https://kpfu.ru/
7. Официальный сайт Российского университета дружбы народов Текст: электронный. – URL: https://www.rudn.ru/
8. Официальный сайт Владивостокского государственного университета Текст: электронный. – URL: https://www.vvsu.ru/
9. Официальный сайт Северо-Кавказского федерального университета Текст: электронный. – URL: https://www.vvsu.ru/
10. Официальный сайт НИУ ВШЭ Текст: электронный. – URL: https://www.hse.ru/
11. Официальный сайт Санкт-Петербургского государственного университета Текст: электронный. – URL: https://spbu.ru/
12. Официальный сайт Уральского федерального университета Текст: электронный. – URL: https://urfu.ru/ru/
13. Официальный сайт Томского государственного университета Текст: электронный. – URL: https://www.tsu.ru/
14. Официальный сайт Тихоокеанского государственного университета Текст: электронный. – URL: https://togudv.ru/ru/
15. Официальный сайт Кемеровского государственного университета Текст: электронный. – URL: https://kemsu.ru/
16. Официальный сайт Алтайского государственного университета Текст: электронный. – URL: https://www.asu.ru/
17. Официальный сайт Псковского государственного университета Текст: электронный. – URL: https://pskgu.ru/

Сведения об авторе
А.В. Джулеба, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 338.2:338.23(510)

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ЗЕЛЁНАЯ ЭКОНОМИКА КИТАЯ: МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ду Юаньмин, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Цифровая и зелёная экономика Китая – стратегические векторы развития. Рассмотрены механизмы их взаимодействия в контексте целей «двойного углерода». На основе статистики и литературы выявлены каналы влияния цифровых технологий на снижение выбросов и эффективность природопользования. Отмечена пространственная неоднородность по регионам.*

Ключевые слова: *цифровая экономика, «зеленая» экономика, Китай, устойчивое развитие, углеродная нейтральность, двойной углерод, цифровизация, экологическая политика.*

DIGITAL ECONOMY AND GREEN ECONOMY OF CHINA: INTERACTION MECHANISMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract. *China's digital economy and green economy represent two strategic directions that determine the country's long-term development. The article examines the mechanisms of interaction between the digital and green economy of China in the context of achieving the dual carbon goals. Based on the analysis of current statistics and scientific literature, key channels of digital technologies' influence on reducing carbon emissions and improving the efficiency of environmental management are identified. Special attention is paid to the spatial heterogeneity of digital and green development across different regions of China.*

Keywords: *digital economy, green economy, China, sustainable development, carbon neutrality, dual carbon, digitalization, environmental policy.*

В современном мире цифровая и «зеленая» экономика – два фундаментальных тренда глобального развития. Для Китая, крупнейшего эмитента парниковых газов и лидера по масштабу цифровой экономики, поиск механизмов их взаимодействия стратегически важен. В 2020 году страна провозгласила цели «двойного углерода»: пик выбросов к 2030 году и углеродную нейтральность к 2060 году [1, с. 4], что требует глубокой трансформации экономики при ключевой роли цифровых технологий [2, с. 25].

Актуальность работы обусловлена переходом Китая к высококачественному развитию, масштабом цифровой экономики (около 60 трлн юаней, более 10% ВВП в 2025 г. [3, с. 2]) и запуском с 2026 года системы двойного контроля выбросов углерода [4, с. 1]. Новизна состоит в комплексном анализе механизмов взаимодействия двух секторов в 2020–2026 гг. в политическом, технологическом и региональном измерениях. Цель – выявить эти механизмы и оценить перспективы сопряжённого развития. Задачи:

1) проследить эволюцию политической базы;
2) раскрыть каналы влияния цифровизации на декарбонизацию;
3) оценить региональную дифференциацию;
4) определить барьеры и предложить рекомендации.

1. Методология исследования

Использован системный анализ политических документов КНР [1; 4], сравнительный анализ статистики 2020–2025 гг. [3; 5] и обзор литературы [2; 6]. Теоретическая основа – концепция сопряжённой координации. Исследования Zhang и Yin (2023) на данных 30 провинций выявили восходящий тренд координированного развития двух секторов [2, с. 5], Zhang и Luo (2026) подтвердили его при сохранении разрыва восток–запад [6, с. 2]. Li с соавторами (2024) эмпирически доказали, что цифровая экономика способствует достижению целей «двойного углерода», снижая выбросы и повышая их эффективность [5, с. 1].

2. Политическая основа

Формирование цифровой и «зеленой» экономики Китая прошло три этапа. На первом (2015–2020) документ «Сделано в Китае 2025» впервые увязал цифровизацию с «зеленым» производством [4, с. 3], Китай присоединился к Парижскому соглашению, а в 2017 году концепция «высококачественного развития» стала национальной стратегией. Второй этап (2021–2025) был ознаменован 14-м пятилетним планом, зафиксировавшим целевые показатели: доля цифровой экономики – 10% ВВП, снижение углеродоёмкости – на 18% [1, с. 12, 15]. Запущена национальная система торговли углеродными квотами, ставшая крупнейшей в мире, а объем «зеленых» облигаций достиг 1,2 трлн юаней [7, с. 4, 6]. С 2026 года (третий этап) вводится двойной контроль выбросов углерода, что превращает цифровые технологии в критическое условие соблюдения новых норм – по оценкам, промышленный интернет и ИИ способны обеспечить до 35% необходимого сокращения выбросов к 2030 году [8, с. 3]. Проект 15-го пятилетнего плана предполагает рост доли цифровой экономики до 15% ВВП и доли неископаемой энергии до 25% [8, с. 5].

3. Механизмы взаимодействия

Взаимодействие двух секторов реализуется по двум основным каналам. Первый – технологическая оптимизация производства и энергии. Большие данные и промышленный интернет

позволяют в реальном времени отслеживать и снижать энергопотребление, а цифровые двойники – экономить топливо, что в масштабах страны может дать до 20% сокращения индустриальных выбросов [5, с. 6–7]. Одновременно интеллектуальные сети на базе ИИ балансируют нагрузку между традиционной и возобновляемой генерацией, способствуя рекордному росту солнечных и ветровых мощностей [8, с. 5]. Второй канал – трансформация потребительского поведения и финансов. Цифровые платформы через программы лояльности формируют массовый спрос на низкоуглеродные практики [2, с. 8], а технологии ИИ и блокчейна обеспечивают прозрачность «зеленых» кредитов и облигаций, повышая приток капитала в экологические проекты [7, с. 8–9].

Вместе с тем сохраняются ограничения: двукратный цифровой разрыв между восточными и западными регионами [6, с. 6] с риском консервации отставания; барьеры доступа МСП к дорогостоящим технологиям; растущее энергопотребление дата-центров, уже достигающее 3% от общенационального [8, с. 7], что делает актуальной задачу «озеленения» самого ИКТ-сектора.

4. Результаты и их анализ

Как показывают сводные данные (табл. 1), за пять лет масштаб цифровой экономики вырос в полтора раза при снижении углеродоёмкости ВВП почти на 20%, что подтверждает положительную макродинамику.

Таблица 1

Динамика ключевых индикаторов (2020–2025 гг.)

Показатель	2020	2025	Источник
Цифровая экономика, трлн юаней	39,2	~60	[3]
Доля в ВВП, %	38,6	>42	[3]
Углеродоёмкость ВВП (% к 2020)	100	80,4	[1]
Солнечные мощности, ГВт	253	>1000	[8]
«Зеленые» облигации, трлн юаней	0,2	1,2	[7]

На технологическом уровне прямое сокращение ресурсопотребления и цифровизация энергосетей создают основной эффект, однако энергозатраты дата-центров требуют компенсационных мер. В региональном плане восточные провинции более чем вдвое опережают западные по цифровизации, что транслируется в разрыв углеродной эффективности [6, с. 6]; кластеризация «низкий–низкий» [6, с. 3] сигнализирует о необходимости ускоренного трансферта технологий. На микроуровне МСП ограничены в инвестициях и доступе к «зеленому» финансированию, что требует стандартизации ESG-отчётности и развития платформенных решений.

Выводы

Цифровая и «зеленая» экономика Китая демонстрируют усиливающуюся сопряжённость, поддерживаемую политикой и технологиями. Во-первых, цифровизация выступает катализатором декарбонизации, способным обеспечить до трети требуемого сокращения выбросов к 2030 году [8, с. 3]. Во-вторых, сохраняется высокая региональная дифференциация: восточные регионы конвертируют цифровое преимущество в углеродную эффективность, тогда как западные рискуют остаться в ресурсно-экстенсивной модели, что диктует необходимость целенаправленного технологического выравнивания. В-третьих, барьерами остаются энергоёмкость ИКТ-инфраструктуры и слабый охват МСП инструментами «зеленого» финансирования. Ключевые рекомендации: внедрение стандартов энергоэффективности дата-центров, создание общенациональной блокчейн-платформы углеродного учёта для МСП и расширение продуктов для совместных цифро-экологических инвестиций. Дальнейший успех будет зависеть от способности государства и бизнеса устранить накопленные диспропорции и превратить цифровой рывок в драйвер инклюзивного устойчивого развития.

1. Четырнадцатый пятилетний план национального экономического и социального развития (2021–2025 гг.) Текст: электронный. – URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 03.05.2026).

2. Zhang Y., Yin Z. Coupling coordination between digital economy and green development in China // Journal of Cleaner Production. – 2023. – Vol. 385. – P. 135–148.
3. Доклад о развитии цифрового Китая в 2025 году / Национальная администрация данных КНР. – Пекин: Изд-во НАД, 2026. – 52 с.
4. Государственная политика Китая в области цифровой и «зеленой» экономики: сборник документов (2015–2026) / сост. Ли В. – Пекин: Изд-во «Чжунго чжэнфа», 2026. – 204 с.
5. Li J., Wang X., Chen H. Can digital economy help achieve the dual carbon goals? // Energy Economics. – 2024. – Vol. 129. – P. 107–124.
6. Zhang Y., Luo H. Spatial-temporal evolution of coupling coordination between digitalization and greenization in Chinese cities // Journal of Cleaner Production. – 2026. – Vol. 422. – P. 138–152.
7. Народный банк Китая. Годовой доклад о развитии «зелёного» финансирования (2025). – Пекин, 2025. – 78 с.
8. Министерство промышленности и информатизации КНР. Стратегические направления цифровой и экологической трансформации промышленности Китая до 2030 года. – Пекин: МПИ, 2025. – 88 с.

Сведения об авторе
Ду Юаньмин, магистрант, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 327.5

ЧЕТЫРЁХСТОРОННИЙ ДИАЛОГ ПО БЕЗОПАСНОСТИ (QUAD) В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ АМЕРИКАНСКОЙ СТРАТЕГИИ В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ (2025–2026 ГГ.)

А.А. Дятлов, аспирант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье анализируется роль Quad в условиях трансформации американской стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). Показано, что формат занимает промежуточное положение между альянсом и многосторонней организацией, усиливает сетевую координацию США, Японии, Индии и Австралии, но к настоящему времени сталкивается с кризисом из-за курса Д. Трампа и американо-индийских разногласий*
Ключевые слова и словосочетания: *Quad, Индо-Тихоокеанский регион, США, Китай, американо-индийские отношения, минилатерализм, альянсы, региональная безопасность.*

THE QUADRILATERAL SECURITY DIALOGUE (QUAD) AND THE TRANSFORMATION OF THE U.S. STRATEGY IN THE INDO-PACIFIC

Abstract. *The article examines Quad's role in transforming U.S. Indo-Pacific strategy. It argues that Quad occupies an intermediate position between an alliance and a multilateral organization, strengthens coordination among the United States, Japan, India and Australia, but by 2026 faces a crisis amid the Trump administration's course and U.S.-India disagreements.*
Keywords*: Quad, Indo-Pacific, the United States, China, U.S.-India relations, minilateralism, alliances, regional security.*

Актуальность. В ещё только формирующейся архитектуре безопасности ИТР на наших глазах разворачиваются два параллельных процесса, определяющие контуры и форму региональной политики. Первый – продолжающийся рост совокупного потенциала Китайской Народной Республики (КНР), ведущий к трансформации сложившегося регионального баланса сил. Второй – растущее осознание ограниченности прежней американоцентричной модели союзов, функционирующей по модели «ступицы и спиц», сформированной ещё в первое десятилетие после Второй мировой войны и предполагавшей преимущественно двусторонний характер связей между США и их региональными партнёрами. В таком контексте союзническая

сеть двусторонних альянсов достраивается гибкими минилатеральными форматами. Помимо диалога Quad с участием США, Японии, Индии и Австралии, сюда же относятся партнёрство AUKUS (США, Австралия, Великобритания) и ряд трёхсторонних форматов с участием Японии, Республики Корея, Филиппин и других региональных игроков. Среди этих структур Quad является, пожалуй, наиболее политически развитым и одновременно наиболее символически нагруженным.

При этом к началу 2026 г. перспективы дальнейшего развития Quad стали менее определёнными. Срыв саммита лидеров, который осенью 2025 г. должен был пройти в Индии, стал лишь одним из проявлений этой тенденции. Президент США Д. Трамп, вернувшийся в Белый дом в январе 2025 г., отказался от поездки в Индию на фоне резкого ухудшения американо-индийских отношений [7]. Важной точкой отсчёта стал 35-минутный телефонный разговор президента Трампа и премьер-министра Моди, состоявшийся 17 июня 2025 г. после того, как их запланированная встреча на полях саммита G7 в Кананаскисе не состоялась. Как сообщала The New York Times, особое недовольство в Нью-Дели в ходе этого разговора вызывали повторяющиеся заявления Д. Трампа о том, что США, прежде всего благодаря усилиям самого Трампа, сыграли ключевую роль в прекращении индо-пакистанского конфликта, разгоревшегося в мае того же года [14]. Кроме того, в августе Вашингтон ввёл 50-процентную пошлину на ряд товаров, импортируемых из Индии: к ранее установленной 25-процентной ставке была добавлена фактически «штрафная» 25-процентная пошлина за продолжающиеся закупки Индией российской нефти [14]. А уже в мае 2026 г. президент США совершил государственный визит в КНР; на этом фоне всё более отчётливо проявлялись признаки осторожного индийско-китайского сближения. В совокупности эти факторы ставят под сомнение перспективы дальнейшего поступательного развития Quad, по крайней мере на период президентства Д. Трампа.

Важно подчеркнуть, что полностью отказываться от формата ни одна из сторон не намерена. Состоявшуюся 26 мая 2026 г. в Нью-Дели встречу руководителей внешнеполитических ведомств государств-членов Quad можно рассматривать как «проверку на прочность» и как попытку «четвёрки» сохранить динамику укрепления взаимодействия в новых условиях [6]. Данную встречу вряд ли можно считать «прорывной», поскольку она имела преимущественно практико-ориентированный характер. Кроме того, её политический вес был ограничен тем, что саммит изначально планировался на уровне министров, а не глав государств.

Позиция самого Д. Трампа остаётся внутренне противоречивой и плохо вписывается в последовательную стратегическую линию. Так, с одной стороны, между США и Индией заключаются крупные торговые сделки и на официальном уровне поддерживается риторика партнёрства, с другой – глава Белого дома публикует в своей социальной сети Truth Social различные провокационные материалы - например, заявление консервативного американского радиоведущего М. Сэвиджа, называющего Индию и Китай «адскими дырами» (*hellhole*), от которых, по мнению Сэвиджа, страдают США [19]. Такая противоречивость лучше других обстоятельств показывает, в каком стратегическом «полуподвешенном» состоянии пребывает в настоящее время американская повестка в отношении партнёров в ИТР.

Сложность и многоаспектность этой институциональной динамики придают изучению Quad в контексте трансформации американской стратегии в ИТР особое значение. Без понимания того, чем именно является и чем не является этот механизм безопасности, практически невозможно адекватно оценивать ни перспективы американского присутствия в ИТР, ни связанные с этим стратегические вызовы и риски для других стран, в частности, для России – конечно, прежде всего в Северо-Восточной Азии (СВА), но также и в макрорегионе в целом.

Цель работы – определить роль Quad в условиях трансформации американской стратегии в ИТР и оценить возможности и ограничения этого формата в условиях кризиса 2025-2026 гг. Объектом исследования выступает трансформация американской стратегии в ИТР, предметом – роль и эволюция Quad в этом процессе. Для достижения поставленной цели сформулированы следующие **задачи**: а) рассмотреть историко-институциональные предпосылки возникновения Quad и этапы его эволюции; б) показать институциональную природу формата как минилатеральной коалиции, отличной от классического договорного альянса; в) определить ключевые направления практического взаимодействия участников; г) систематизировать структурные ограничения формата, отчётливо проявившиеся в 2025-2026 гг.; д) обозначить значение происходящих процессов для российских внешнеполитических интересов в СВА.

Научная новизна исследования связана с попыткой комплексной оценки потенциала и ограничений Quad как минилатерального формата в условиях «фактора Трампа», то есть на

пересечении транзакционного или наступательного курса администрации Трампа, углублением американо-индийских разногласий и повышения в целом региональной нестабильности. В отличие от подходов, отождествляющих Quad с «азиатским НАТО», в работе он рассматривается как промежуточная форма между жёстким договорным альянсом и широким многосторонним институтом, сохраняющая такую степень политической гибкости, которая необходима как для участия Индии, так и для гармоничного функционирования с центральностью АСЕАН. Практическая значимость работы состоит в возможности использования её выводов при анализе среды безопасности в СВА и прогнозировании поведения ключевых региональных игроков, что представляет интерес как для исследователей-международников, так и для практиков восточного направления российской внешней политики.

Методологическую основу исследования составляют институциональный анализ, сравнительный метод, элементы неореалистического подхода к изучению региональной политики, а также качественный контент-анализ официальных стратегических документов и дипломатических заявлений, направленный на выявление заявленных приоритетов, представлений об угрозах и функциональных направлений сотрудничества в рамках формата Quad.

Степень научной разработанности проблемы

Проблематика Quad и индо-тихоокеанского поворота получила достаточно широкое освещение в научной литературе, однако степень разработанности отдельных аспектов этой темы остаётся неравномерной. Теоретико-методологический фундамент анализа региональных подсистем и силовых конфигураций заложен в работах А.Д. Богатурова и ряда других российских учёных, предложивших, в частности, концепцию «плюралистической однополярности» [2]. Сам концепт ИТР как новой пространственной рамки мировой политики разработан в отечественной науке, в частности, в работах Д.В. Стрельцова [5]. Индийское измерение формата – прежде всего сквозь призму стратегической автономии Нью-Дели – подробно рассмотрено А.В. Куприяновым [3], а место Quad в геополитической архитектуре региона – О.Г. Леоновой [4]. В зарубежной литературе теоретическая рамка минилатерализма и периодизация «Quad 3.0» наиболее последовательно развиваются К. Когой [11; 12]; институциональные пределы и перспективы четырёхстороннего сотрудничества систематизированы Л. Ли [13], а его индийский и функциональный аспекты – А. Джашем [8]. Методологически важное предостережение против «ложных бинарных схем» (Binary Fallacy) в анализе азиатской политики сформулировано Б. Каусиканом [10].

Вместе с тем во многих работах Quad рассматривается либо как относительно устойчивый элемент региональной архитектуры, либо через призму его поступательного развития в период с 2017 по 2024 г. Кризисная динамика 2025-2026 гг., связанная с возвращением Д. Трампа в Белый дом и обострением американо-индийских противоречий, пока не получила достаточного освещения в академической литературе, особенно в отечественной, и большинство работ всё ещё носит по преимуществу публицистический или экспертно-аналитический характер [7]. Именно здесь, на наш взгляд, и выявляется исследовательский пробел: пока недостаточно представлены комплексные оценки Quad как института, испытывающего давление со стороны трансформации американской стратегии, американо-индийских разногласий и общей региональной нестабильности, а также соотнесение этой динамики с интересами России в СВА. Восполнение данного пробела и составляет содержательное ядро настоящей работы.

Историко-институциональный контекст

После Второй мировой войны проамериканский кластер безопасности в Азии развивался по принципиально иной логике, чем в Западной Европе. Если европейский порядок довольно быстро обрёл плотную институциональную форму в виде НАТО, то в Азии Вашингтон в конечном счёте оказался во главе жёсткой иерархической сети американоцентричных двусторонних договоров о безопасности США с рядом государств Тихоокеанского региона: Японией (1951 г.), Республикой Корея (1953 г.), Филиппинами (1951 г.), Австралией и Новой Зеландией (1951 г.), Таиландом (1954 г.). Такая модель, получившая название «оси и спиц», где США выступали «осью», а союзники – «спицами», была приспособлена к постколониальной, политически неоднородной и нестабильной среде, в которой отсутствовало единое восприятие угроз, а многие государства стремились избежать жёсткого блокового выбора. После 1945 г. по настоящее время так и не возник региональный центр-гегемон «не столько из-за ошибок «верха» (лидеров), сколько в силу объективного отсутствия «низа»», то есть более или менее мно-

гочисленной группы слабых стран, которые были бы способны и согласны стать опорой общерегиональной иерархической структуры, построенной по типу европейских [1, с. 39]. В силу обозначенных причин азиатский порядок безопасности долгое время сочетал американское военное присутствие, договорные союзы и более инклюзивные дипломатические площадки, связанные с АСЕАН, как основу региональной стабильности. Конструкция эта, на удивление, оказалась довольно устойчивой и в общих чертах до сегодняшнего дня сохраняется практически в неизменной форме.

В терминологии А.Д. Богатурова описанная конфигурация может быть представлена как региональное преломление «плюралистической однополярности» – порядка, в котором государство-лидер действует в координации со своими союзниками, признающими его преимущество, но сохраняющими ту или иную возможность влиять на принимаемые им решения [2]. Такой угол зрения здесь позволяет увидеть в нынешней перестройке американской стратегии в Азии – и прежде всего её союзной архитектуры – не радикальный разрыв, а скорее достройку и уплотнение прежней конструкции в условиях, когда лидерская позиция Вашингтона уже не воспринимается как нечто само собой разумеющееся.

Переход от Азиатско-Тихоокеанского к Индо-Тихоокеанскому региону отражает одновременно расширение географической рамки и смену логики стратегического планирования. Концепция АТР строилась преимущественно на идее экономической взаимозависимости, а концепт ИТР, напротив, акцентирует морское измерение региональной политики, «сшивает» Тихий и Индийский океаны в единый стратегический контур, акцентирует роль Индии и фиксирует зависимость мировой торговли от свободы навигации. Японское видение «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (Free and Open Indo-Pacific, FOIP) увязывает региональную стабильность с верховенством права, свободой морских коммуникаций, качественной инфраструктурой и управляемой взаимосвязанностью [17].

Quad возник на пересечении двух процессов. Первый – усложнение и нарастание конфронтационности региональной среды, прежде всего за счёт роста китайской военной и экономической мощи. Второй – поиск гибких форм координации между государствами, которые не готовы создавать жёсткие блоковые структуры, но крайне заинтересованы в сохранении благоприятного для них баланса сил. Не случайно сингапурский дипломат Б. Каусикан предупреждает об опасности «ложных бинарных схем», сводящих азиатскую политику к выбору между Вашингтоном и Пекином [10, p. 72–88]. Представляется, что отчасти именно отказ от такого выбора и обеспечивает минилатеральным механизмам известную распространённость в регионе.

Возникновение и эволюция Quad

Истоки Quad обычно связывают с координацией гуманитарной помощи после цунами в Индийском океане в 2004 г., когда США, Япония, Индия и Австралия совместно действовали в рамках так называемой Tsunami Core Group. Первая политическая институционализация формата произошла в 2007 г. на полях Регионального форума АСЕАН по инициативе премьер-министра Японии С. Абэ в контексте сближения «морских демократий» региона. Несмотря на ведущую роль США в последующем развитии формата, важно зафиксировать, что исходное предложение исходило именно от японской стороны, что принципиально для понимания Quad как проекта с региональными корнями [12, p. 20-38].

Первая «версия»[1] Quad просуществовала относительно недолго. В 2007-2008 гг. формат вызвал настороженность Пекина и глубокие опасения Канберры и Нью-Дели относительно решительной китайской реакции [15, p. 4]. Смена политического руководства в Японии и Австралии, балансирование Индии и отсутствие конкретной практической повестки в совокупности привели к фактическому прекращению Quad 1.0. Этот ранний опыт продемонстрировал, что институциональная устойчивость Quad зависит от трёх условий: совпадения интересов участников, их готовности нести политические и экономические издержки от возможного жёсткого китайского ответа и наличия понятной практической повестки.

Вторая, более устойчивая фаза формата началась в 2017 г., когда представители четырёх стран вновь встретились в Маниле на полях Восточноазиатского саммита. В официальных индийских документах указывается преемственность между гуманитарной координацией

[1] В литературе встречается классификация этого формата как Quad 1.0 (2004 г.), Quad 2.0 (2007 г.) и современный Quad 3.0 (2017 г. – н. в.).

2004 г., первой встречей 2007 г. и восстановлением консультаций 2017 г., а также то, что современная повестка включает морскую безопасность, контртерроризм, взаимосвязанность, продвижение свободного и открытого ИТР и противодействие ряду разделяемых «четвёркой» угроз [16]. В литературе данная фаза нередко описывается как «Quad 3.0», поскольку отличается от раннего эпизода более регулярными консультациями, существенно расширенной повесткой и нормативной базой сотрудничества [12, p. 20-38].

В период пандемии COVID-19 и уже после неё повестка Quad перешагнула рамки традиционных вопросов безопасности и уже включала вопросы поставок вакцин, устойчивости цепочек поставок, доверенных цифровых сетей, кибербезопасности, критических минералов и инфраструктуры [8, p. 78-85]. С 2021 г. при администрации Дж. Байдена формат впервые перешёл к регулярным ежегодным встречам на уровне лидеров, последняя из которых состоялась в Уилмингтоне в сентябре 2024 г., и там же было решено провести следующий саммит в Индии [6].

Третий этап оказался прерван, притом достаточно резко. Начало второй администрации Д. Трампа поначалу не свидетельствовало о намерении понизить значение данного формата. Например, уже на следующий день после инаугурации, в январе 2025 г., в Вашингтоне прошла встреча министров иностранных дел Quad, ставшая сигналом сохранения внимания новой американской администрации к формату. Однако в целом внешнеполитический курс США быстро приобрёл выраженно транзакционный характер: речь идёт о давлении на союзников в вопросах торгового баланса и военных расходов, акцент на двусторонних сделках, относительное снижение ценности многосторонних форматов в Вашингтоне. Запланированный на ноябрь прошлого года саммит лидеров Quad в Индии так и не состоялся из-за отмены поездки Д. Трампа, что в условиях обострившихся торговых разногласий было воспринято как удар по политическому статусу формата [7; 14]. После срыва запланированного саммита лидеров Quad в Индии вопрос о следующей встрече на высшем уровне перешёл к Австралии как возможной принимающей стороне, однако её сроки и формы проведения остаются непрояснёнными. Прошедшую майскую встречу руководителей внешнеполитических ведомств стран Quad в Нью-Дели, можно рассматривать как попытку сохранить институциональный континуитет формата, а также как сигнал того, что диалог Вашингтона с Пекином не означает снижения вовлечённости США в ИТР [6]. Сам путь формата от высокого приоритета в первые дни администрации до сорванного саммита менее чем за год наглядно демонстрирует, сколь сильно судьба Quad оказалась зависима от пертурбаций американской политики.

Quad как форма минилатерализма, а не военный альянс

Для корректной оценки роли Quad важно разграничить дипломатическое партнёрство и договорный альянс. Военный альянс в классическом понимании предполагает юридически закреплённые обязательства взаимной обороны, постоянные органы планирования, устойчивые командные механизмы и процедуры совместного применения силы. Ничего из этого Quad не имеет. Его участники проводят регулярные консультации, согласуют политические заявления, развивают совместные проекты и наращивают совместимость в отдельных областях, но не создают какую-либо наднациональную военную структуру и не принимают на себя обязательств, аналогичных знаменитой 5-й статье Североатлантического договора.

Именно поэтому формула «азиатское НАТО», активно используемая в различных научно-экспертных дискурсах, методологически неточна. В китайском дискурсе она довольно точно передаёт восприятие Quad как инструмента сдерживания КНР, но плохо описывает институциональную природу самой площадки. В действительности Quad ближе к минилатеральной коалиции – объединению малого числа государств с частично совпадающими интересами, сопоставимыми возможностями и готовностью реализовывать конкретные инициативы. При этом совокупный вес участников весьма значителен: на четыре страны приходится около четверти населения планеты и порядка трети мирового валового продукта, что само по себе является существенным даже в отсутствие формальных союзных обязательств. Подобная конструкция отвечает логике ИТР, где многие государства заинтересованы в сохранении американского присутствия, но избегают блоковой дисциплины, характерной для европейской традиции. Параллельно США развивают AUKUS – трёхстороннее военно-технологическое партнёрство с Австралией и Великобританией, сосредоточенное на оборонных технологиях и атомных подводных лодках. Тем самым складывается своеобразное функциональное «разде-

ление труда»: AUKUS расширяет потенциал в военно-технологической сфере, тогда как Quad обеспечивает преимущественно политико-дипломатическую координацию.

В Стратегии национальной безопасности (СНБ) США от 2025 г. ИТР обозначается как приоритетное пространство долгосрочного соперничества с КНР. Примечательно, что в этом документе также заметно смещаются акценты в сторону экономической безопасности, перебалансировки торговли и более жёстких требований к союзникам по разделению бремени ответственности по обеспечению региональной стабильности [18, p. 13, 24]. В документе подчёркивается необходимость укрепления отношений с Индией и продолжения сотрудничества с Нью-Дели в рамках Quad как одного из инструментов обеспечения безопасности в ИТР [18, p. 24]. Иными словами, формат сохраняется в американской стратегической риторике, но в обстановке, когда прежняя восходящая динамика сменилась периодом неопределённости.

Индийский фактор во многом определяет институциональную специфику Quad. Нью-Дели стремится использовать формат для укрепления собственных позиций в ИТР, развития сотрудничества с США, Японией и Австралией и ограничения китайского влияния в Индийском океане. При этом Индия последовательно сохраняет стратегическую автономию, избегает формального союзничества и не готова превращать Quad в блоковую структуру [3]. О.Г. Леонова справедливо подчёркивает значение Индии для Quad через её авторитет среди развивающихся стран, особые связи с Китаем и Россией и геополитический вес в Индийском океане [4, с. 113-114]. Эти обстоятельства в совокупности придают ценность Индии для формата и ограничивают глубину его военной институционализации. Особенно отчётливо это проявилось в 2025 г., когда американское давление на индийские закупки российской нефти обернулось кризисом и явным охлаждением двусторонних отношений.

Функциональная повестка Quad и его институциональный потенциал

Основная институциональная функция Quad заключается в создании промежуточного уровня взаимодействия между двусторонними союзами США и широкими многосторонними форумами в глобализирующемся мире. В классической системе «оси и спиц» союзники Вашингтона были связаны прежде всего с США, но не друг с другом. Quad стимулирует горизонтальную координацию между Японией, Австралией и Индией, что снижает «нагрузку» на американское лидерство и повышает устойчивость региональной архитектуры. Для Вашингтона это означает справедливое разделение бремени: для Токио и Канберры – укрепление стратегической связки с Индией; для Нью-Дели – доступ к технологиям, разведывательно-информационным возможностям и дипломатической поддержке без отказа или ограничения своей стратегической автономии. Показательно, что на фоне нынешнего кризиса в отдельных экспертных оценках стала обсуждаться идея «трёхстороннего Quad», то есть углубления связки Япония–Индия–Австралия как страховки на случай дальнейшего ослабления американского участия [7].

Вторая функция связана с морской безопасностью. ИТР по самой своей природе пространство преимущественно морское, а потому его стратегическая логика определяется свободой навигации, устойчивостью морских коммуникаций, контролем «серых зон» и способностью реагировать на кризисы в различных точках этого колоссального по масштабам региона. Участие Австралии в учениях «Malabar» с 2020 г. стало важным символом восстановления четырёхсторонней военной совместимости, хотя сам Quad так и не был преобразован в военный блок [8, p. 81-82]. Для Пекина подобная координация становится фактором беспокойства относительно возможной коллективной реакции четырёх стран на одностороннее изменение статус-кво, и прежде всего в Тайваньском проливе, который в последней СНБ США выделяется как «географическая точка разделения Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии на два отдельных театра» [18, p. 24].

Третья функция заключается в формировании стандартов экономической и технологической безопасности. Как уже было сказано, в официальных документах Quad повестка уже давно вышла за пределы традиционных вопросов безопасности и охватывает здравоохранение, климат, инфраструктуру, кибербезопасность, чистую энергетику, критические и новые технологии [6; 9]. Австралийская сторона дополнительно выделяет совместные проекты в области подводной кабельной инфраструктуры, подготовки инфраструктурных специалистов (Infrastructure Fellowships), цепочек поставок чистой энергетики и мониторинга морской обстановки [6]. Тем самым Quad предлагает региональным партнёрам – разумеется, наряду со стратегическим позиционированием в отношении КНР – и пакет «общественных благ», в ко-

торых китайская инициатива «Пояс и путь», ориентированная преимущественно на финансово-инфраструктурную часть, объективно проигрывает. Обновлённая повестка министерской встречи в Вашингтоне в июле 2025 г. была систематизирована вокруг четырёх крупных направлений: морская и транснациональная безопасность, экономическое процветание и безопасность, критические и новые технологии, гуманитарная помощь и реагирование на чрезвычайные ситуации [9].

Структурные ограничения и кризис формата (2025–2026 гг.)

Несмотря на расширение повестки, Quad сталкивается с рядом структурных ограничений, которые обозначились в период с 2025 по 2026 г.

Во-первых, у участников существенно расходятся представления об угрозах. США, безусловно, продолжают рассматривать Китай как главного долгосрочного конкурента, но администрация Д. Трампа всё активнее ставит экономические задачи выше идеологически окрашенной коалиционной риторики. Япония имеет территориальный спор вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао и заинтересована в усилении сдерживания Китая на море. Австралия совмещает союзническую приверженность США с высокой чувствительностью к экономическому давлению Пекина. Индия имеет пограничные конфликты с КНР, но не стремится к блоковой конфронтации и в условиях ухудшения отношений с Вашингтоном постепенно сближается с Пекином. Уже одна только эта базовая структура интересов не позволяет Quad превратиться в дисциплинированный антикитайский блок.

Во-вторых, наиболее «проблемным» участником по-прежнему остаётся Индия. С одной стороны, её включение расширяет географию Quad и превращает его в подлинно индотихоокеанский механизм. С другой – стратегическая культура Индии основана на отказе от жёсткого союзничества, а её внешняя политика ориентирована на многовекторность [3]. Военное сотрудничество США и Индии действительно углубляется, в том числе через соглашения, повышающие функциональную совместимость и обеспечивающие обмен геопространственными данными. Однако конфликт вокруг американских тарифов августа 2025 – февраля 2026 г., связанный в первую очередь с индийскими закупками российской нефти [14], и параллельное возобновление на высоком уровне диалога Вашингтона с Пекином усилили в Нью-Дели стремление подстраховаться через диверсификацию партнёрств, включая Китай, Россию, Европейский союз и ряд стран Глобального Юга.

В-третьих, особое значение имеет позиция стран Юго-Восточной Азии. Для АСЕАН Quad может выглядеть как конкурент и вызов асеановской региональной центральности, особенно если данный формат начнёт претендовать на самостоятельное нормотворчество в сфере безопасности. К. Кога показывает, что институциональные трения между Quad и механизмами АСЕАН могут временно компенсироваться стратегической неопределённостью и разделением функций, но полностью его таким образом искоренить невозможно [11, p. 27-48]. Поэтому участники Quad последовательно выражают поддержку центральности АСЕАН, избегая риторики, которая представляла бы их формат как вызов существующей региональной структуре безопасности.

В-четвёртых, формату не хватает единого институционального ядра. У Quad нет постоянного секретариата, договорной основы, коллективного штаба и достаточного бюджета, сопоставимого, например, с НАТОвским. Такая слабая формализация обеспечивает гибкость и снижает политические риски, но вместе с тем препятствует выработке долгосрочного планирования, контролю исполнения инициатив и быстрому и эффективному принятию решений в кризисной обстановке, что парадоксально, ведь минилатеральные структуры формируются во многом по этим причинам. По этой причине Quad заметно эффективнее действует в сферах координации, стандартов, инфраструктуры, технологий и гуманитарного реагирования, нежели в задачах военно-политической стабилизации. Срыв саммита 2025 г. наглядно показал, что без личного участия лидеров – и прежде всего президента США – формат теряет политическое содержание, превращаясь по преимуществу в платформу технического сотрудничества.

В-пятых, участники существенно различаются по степени готовности идти на конфронтацию с Китаем. Как справедливо отмечает Л. Ли, расхождения в восприятии угроз, военных возможностях, стратегических приоритетах, степени экономической зависимости и конституционных ограничениях не отменяют сотрудничества, но задают его пределы [13]. Для Японии чувствительным фактором остаётся конституционно-правовой режим применения силы. Для Австралии – риск экономического давления со стороны Пекина. Для США, в том числе при

Трампе – распределение ресурсов между несколькими геополитическими театрами и поддержание доверия союзников, даже при наступательном дипломатическом стиле. Для Индии – опасение потерять свободу манёвра между США, Россией, Китаем и «отпочковаться» от номинально Глобального Юга. Сведём ключевые результаты анализа в формате SWOT (см. табл. 1).

Таблица 1

SWOT-анализ Quad

Сильные стороны	Возможности
1. Гибкость и низкие политические издержки участия. 2. Включение Индии расширяет охват до масштабов Индо-Пацифики. 3. Многоплановая повестка: морская безопасность, технологии, инфраструктура, гуманитарное реагирование и др. 4. Функциональная сцепка с AUKUS как следствие разделения функционала между военным и политико-дипломатическим контурами. 5. Формальная поддержка центральности АСЕАН снижает потенциальные трения.	1. Запрос ИТР на распределение бремени и сетевую координацию. 2. Спрос партнёров на технологические, инфраструктурные и гуманитарные общественные блага вне «Пояса и пути». 3. Потенциал «трёхстороннего Quad» (Япония-Индия-Австралия) как страховки на случай колебаний курса США. 4. Опора на существующие двусторонние и трёхсторонние форматы (США-Япония, США-Австралия, Япония-Австралия). 5. Использование учений «Malabar» для углубления оперативной совместимости.
Слабые стороны	**Угрозы**
1. Отсутствие обязательств коллективной обороны и постоянных институтов (секретариата, штаба, бюджета и т.п.). 2. Зависимость от личного участия лидеров (прежде всего от политики президента США); 3. Существенное расхождение представлений об угрозах среди участников. 4. Стратегическая автономия Индии, в частности, ограничивает рост институционализации. 5. Разная/низкая готовность участников выступать против Китая.	1. Транзакционный курс Д. Трампа и давление тарифами на партнёров. 2. Индийско-китайское сближение на фоне охлаждения американо-индийских отношений. 3. Параллельный американо-китайский диалог как риск решений «через головы» партнёров. 4. Сопротивление КНР и опасения АСЕАН относительно блоковой логики. 5. Региональные кризисы при отсутствии институциональных механизмов реагирования.

Из представленного следует, что текущее равновесие в значительной мере уравновешивается возможностями и угрозами внешней среды. Иначе говоря, способность формата выжить и сохранить актуальность зависит не столько от его внутренней эффективности, сколько от того, как будут разворачиваться отношения между ведущими полюсами региональной структуры – США, КНР и Индией.

Quad в условиях трансформации американской стратегии в ИТР и российский ракурс

Как можно заметить, роль Quad в трансформации американской стратегии в ИТР состоит в том, что он переводит её союзный контур от линейной модели двусторонних обязательств к сетевому механизму взаимосвязанных партнёрств. Договорные альянсы при этом сохраняют фундаментальное значение, обеспечивая американское военное присутствие, инфраструктуру базирования и гарантии союзникам. Однако в условиях наращивания китайских возможностей одной вертикальной связки «США – союзник» уже недостаточно. Вашингтону требуется архитектура, в которой союзники и партнёры взаимодействуют между собой, формируя плотную сеть горизонтальных связей. Quad решает эту задачу сразу в нескольких измерениях – дипломатическом, военном, экономико-технологическом и гуманитарном, выступая не вершиной американской союзной системы, а её связующим звеном между договорными союзниками США, Индией и более широкой повесткой АСЕАН, Индийского океана и островных государств Тихого океана.

В Российской Федерации Quad традиционно оценивается критически как механизм американского сдерживания, потенциально способный перерасти в «азиатское НАТО». Между тем нынешний кризис формата объективно отвечает интересам Москвы сразу по нескольким

направлениям. Во-первых, последовавшее за неопределённостью в силу «фактора Трампа» ослабление политического веса Quad снижает давление на КНР как стратегического партнёра России. Во-вторых, индийская диверсификация и сохранение особых отношений Нью-Дели с Москвой ограничивают возможности США выстраивать антикитайскую коалицию. В-третьих, параллельный американо-китайский диалог понижает риск регионального кризиса. Вместе с тем для российского Дальнего Востока сохраняет первостепенное значение стабильность СВА и предсказуемость поведения всех ключевых игроков. Потенциальная эскалация в Тайваньском проливе или в Южно-Китайском море затронула бы морские коммуникации, существенные для российской экспортной экономики, и нарушила бы инвестиционный климат во всём макрорегионе. Тем самым взгляд из Москвы и российского Дальнего Востока на Quad, по нашему мнению, не должен сводиться к идеологической оценке, но должен включать и прагматический интерес к недопущению силовой развязки и повышению уровня эскалации.

Выводы

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов.

Во-первых, Quad является результатом масштабной трансформации регионального порядка, при которой американская жёсткая система «оси и спиц» достраивается сетью минилатеральных форматов, и в условной их иерархии Quad, отталкиваясь от определённых положений, занимает центральное место. Этот процесс обусловлен ростом совокупного потенциала Китая и институциональной спецификой Азии, состоящей в отсутствии единого союзного пространства, высокой ценностью суверенной автономии региональных государств и значением инклюзивных форумов АСЕАН.

Во-вторых, Quad следует рассматривать как дипломатическое партнёрство с выраженной стратегической функцией, а не как военный альянс в строгом смысле. Он не содержит обязательств коллективной обороны и не располагает постоянными командными структурами, однако его практическая повестка усиливает способность четырёх государств координировать свои действия в условиях китайско-американского соперничества. Функциональным дополнением Quad выступает AUKUS, на который в принципе и перенесена основная нагрузка по жёсткому военному измерению сотрудничества в ещё только формирующейся индо-тихоокеанской архитектуре безопасности.

В-третьих, возможности Quad связаны с сетевизацией американской союзной системы, разделением стратегического бремени, укреплением горизонтальных связей между партнёрами США и формированием альтернативных стандартов регионального развития. Его ограничения вытекают из различий в восприятии угроз, экономической зависимости участников от Китая, индийской стратегической автономии, осторожности государств АСЕАН и слабой формализации формата.

В-четвёртых, события последних полутора лет – срыв саммита лидеров в Индии, тарифный конфликт США и Индии, государственный визит президента США в КНР в мае 2026 г. и переход к министерскому формату взаимодействия – выявили зависимость Quad от внутриполитической динамики в Вашингтоне и от качества двусторонних отношений между его участниками. Министерская встреча в Нью-Дели в мае 2026 г. свидетельствует, что формат не теряет своей институциональной инерции, но его восходящая траектория теперь находится под вопросом, а сценарий «азиатского НАТО» в обозримой перспективе представляется крайне маловероятным, и не столько в силу решительности Китая, сколько ввиду внутренней неоднородности и непредсказуемости американской политики.

В обозримой перспективе наиболее вероятным представляется сохранение Quad в его нынешнем «облегчённом» виде как площадки министерского и рабочего уровня с акцентом на функциональную повестку, без скорого возвращения к полноформатным саммитам лидеров. Меньшей вероятностью, как представляется, обладают два следующих сценария:

1) реанимация и укрепление формата при нормализации американо-индийских отношений и смене тональности в Вашингтоне;

2) его фактическое замораживание в случае дальнейшего индийско-китайского сближения и углубления американо-китайского диалога. На наш взгляд, для России наиболее благоприятен промежуточный сценарий институциональной инерции без эскалации, оставляющий пространство для манёвра и не провоцирующий жёсткой блоковой консолидации у её восточных рубежей.

Таким образом, значение Quad состоит в постепенной институциональной адаптации американского присутствия в ИТР в рамках стратегии по перераспределению бремени ответственности. США создают возможность одновременно опираться как на договорных союзников, так и на партнёров, готовых к частичной координации без необходимой для формального союза дисциплины. Для России в этой связи формируются благоприятный статус-кво, контур, в котором приоритетом остаётся поддержание стабильности в СВА и недопущение силовой эскалации.

1. Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане: история и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995). – Москва: Конверт – МОНФ, 1997. – 353 с.
2. Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталёв М. А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. – Москва: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. – 384 с.
3. Куприянов А. В. Концепция Индо-Тихоокеанского региона в работах индийских политологов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 47-65.
4. Леонова О. Г. Квад (Quad) в геополитической архитектуре Индо-Тихоокеанского региона // Век глобализации. – 2022. – № 4 (44). – С. 111-126.
5. Стрельцов Д. В. Индо-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений // Международная жизнь. – 2018. – № 9. – С. 65-74.
6. Australian Government Department of Foreign Affairs and Trade. The Quad Текст: электронный. – URL: https://www.dfat.gov.au/international-relations/regional-architecture/quad (дата обращения: 03.06.2026).
7. Grossman D. Trump Is Pushing the Quad to the Brink of Extinction Текст: электронный // Foreign Policy. – 2026. – April 23. – URL: https://foreignpolicy.com/2026/04/23/trump-quad-india-japan-australia-modi-china-summit-diplomacy-geopolitics/ (дата обращения: 03.06.2026).
8. Jash A. The Quad Factor in the Indo-Pacific and the Role of India // Journal of Indo-Pacific Affairs. – 2021. – P. 78–85.
9. Joint Statement from the Quad Foreign Ministers' Meeting in Washington D.C. (July 01, 2025) Текст: электронный // Ministry of External Affairs, Government of India. – URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/39733 (дата обращения: 03.06.2026).
10. Kausikan B. The Binary Fallacy: How Not to Think about Geopolitics in East Asia // Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development. – 2018. – No. 11. – P. 72-88.
11. Koga K. Institutional Dilemma: Quad and ASEAN in the Indo-Pacific // Asian Perspective. – 2023. – Vol. 47, no. 1. – P. 27-48.
12. Koga K. Quad 3.0: Japan, Indo-Pacific and Minilateralism // East Asian Policy. – 2022. – Vol. 14, no. 1. – P. 20-38.
13. Lee L. Assessing the Quad: Prospects and Limitations of Quadrilateral Cooperation for Advancing Australia's Interests. – Sydney: Lowy Institute, 2020. – 39 p.
14. Mashal M., Pager T., Das A. The Nobel Prize and a Testy Phone Call: How the Trump-Modi Relationship Unraveled Текст: электронный // The New York Times. – 2025. – August 30. – URL: https://www.nytimes.com/2025/08/30/us/politics/trump-modi-india.html (дата обращения: 03.06.2026).
15. Miller J.B. The Quad: Security Cooperation Between the US, Japan, India and Australia Текст: электронный // Indo-Pacific Insight Series. – 2018. – Vol. 11. – URL: https://puac-wp-uploads-bucket-aosudl-prod.s3.ap-southeast-2.amazonaws.com/wp-content/uploads/2023/11/03162847/The-Quad-Security-Cooperation-Between-the-US-Japan-India-and-Australia.pdf (дата обращения: 03.06.2026).
16. Ministry of External Affairs, Government of India. Quad Текст: электронный. – URL: https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/Quad_brief_October_2023.pdf (дата обращения: 03.06.2026).
17. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Japan's Vision on a Free and Open Indo-Pacific (FOIP) Текст: электронный. – URL: https://www.mofa.go.jp/files/100056243.pdf (дата обращения: 03.06.2026).
18. National Security Strategy of the United States of America Текст: электронный. – Washington: The White House, November 2025. – URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf (дата обращения: 03.06.2026).
19. Qin A. Trump Reposts Tirade Against Chinese and Indian Immigrants Текст: электронный // The New York Times. – 2026. – April 23. – URL: https://www.nytimes.com/2026/04/23/us/politics/trump-china-india-immigrants.html (дата обращения: 03.06.2026).

Сведения об авторе

Дятлов А.А., аспирант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 159.96

ФАКТОРЫ, ЗАТРУДНЯЮЩИЕ ОБРАЩЕНИЕ ЗА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩЬЮ, И ФЕНОМЕН ИЗБЕГАНИЯ В КОНСУЛЬТИРОВАНИИ КОМБАТАНТОВ: АНАЛИЗ СИСТЕМНЫХ ПРОБЛЕМ И СТИГМАТИЗАЦИИ

К. Е. Евсюкова, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В данной статье анализируются основные препятствия, мешающие комбатантам обращаться за психологической поддержкой. Рассматриваются феномены избегания, стигматизации, недоверия к специалистам, организационных ограничений психологического сопровождения и роли семьи в процессе реадаптации. Делается вывод о том, что отказ от психологической помощи обусловлен не только личными установками индивида, но и социальными факторами, воспринимаемыми как риск. Предложена практико-ориентированная модель поэтапного, конфиденциального и междисциплинарного сопровождения*

Ключевые слова: *комбатанты, участники боевых действий, психологическая помощь, боевой стресс, посттравматическая реакция, избегание, стигматизация, психологическая поддержка, реадаптация, факторы, препятствующие обращению за помощью.*

FACTORS MAKING IT DIFFICULT TO SEEK PSYCHOLOGICAL HELP AND THE PHENOMENON OF AVOIDANCE IN COMBATANT COUNSELING: ANALYSIS OF SYSTEMIC PROBLEMS AND STIGMATIZATION

Abstract. *This article analyzes the main obstacles preventing combatants from seeking psychological support. The phenomena of avoidance, stigmatization, distrust of specialists, organizational limitations of psychological support and the role of the family in the process of readaptation are considered. It is concluded that the refusal of psychological help is due not only to the individual's personal attitudes, but also to social factors perceived as a risk. A practice-oriented model of step-by-step, confidential and interdisciplinary support is proposed.*

Keywords: *combatants, psychological assistance, combat stress, post-traumatic response, avoidance, stigmatization, psychological support, readaptation, factors hindering help-seeking*

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью рассматривать отказ от помощи как системную проблему. Без учёта факторов, затрудняющих обращение за психологической помощью, даже высококачественные программы реабилитации теряют свою эффективность. При отсутствии ранней помощи психологические трудности могут закрепляться, усиливать семейное напряжение и переходить в устойчивые формы дезадаптации. В таких условиях семья не всегда понимает природу изменений в поведении комбатанта, что снижает эффективность поддержки и повышает риск ухудшения качества жизни.

Проблема обращения комбатантов за психологической помощью занимает важное место в современной военной, кризисной и консультативной психологии. Участие в боевых действиях связано с угрозой жизни, переживанием утрат, вынужденным применением силы, постоянной неопределённостью и высоким уровнем ответственности. После возвращения к мирной жизни эти переживания продолжают оказывать значительное влияние на сон, эмоциональную регуляцию, телесное состояние, семейные отношения, профессиональную адаптацию и способность доверять другим людям.

Боевой стресс, в отличие от кратковременной реакции на опасность, представляет собой многоуровневое явление, включающее конструктивные, деструктивные, травматические и посттравматические формы [1]. Это понимание важно для консультирования, поскольку комбатант приходит к специалисту не только с воспоминаниями о прошлом, но и с изменениями в системе реагирования в настоящем. При неблагоприятном течении боевой опыт может закрепиться в форме гипербдительности, нарушений сна, эмоционального онемения, раздражи-

тельности, вспышек агрессии, чувства отчуждения и избегания стимулов, связанных с травматическим опытом. Боев подчёркивает, что боевая психическая травма может привести к личностным декомпенсациям, поведенческим дезадаптациям, аддиктивному поведению, агрессивности, аутоагрессивности, обсессивным, фобическим, дистимическим и астеническим нарушениям у военнослужащих-комбатантов [2].

При этом значительная часть комбатантов не обращается за психологической помощью или прекращает контакт после первых встреч. Причина не ограничивается отсутствием потребности. На решение влияют такие факторы, как избегание, стигматизация, страх оценки, недоверие к системе, недостаточная информированность о маршрутах помощи и опасения по поводу конфиденциальности. В такой системе координат помощь психолога нередко воспринимается не как ресурс для восстановления, а как угроза для статуса и образа собственной силы.

Сходные данные представлены в зарубежных исследованиях военнослужащих, участвовавших в боевых действиях. C. W. Hoge с соавторами указывают, что наличие психологических трудностей не всегда сопровождается обращением за профессиональной помощью, а восприятие стигмы выступает одним из значимых факторов, препятствующих получению психологической поддержки [3]. Это подтверждает, что проблема отказа от помощи имеет не только индивидуальный, но и социально-психологический характер.

Цель статьи – на основе анализа научной литературы выявить психологические, социальные и организационные факторы, затрудняющие обращение комбатантов за психологической помощью.

Объект исследования: психологическое сопровождение комбатантов после участия в боевых действиях.

Предмет исследования: факторы, затрудняющие обращение за психологической помощью и феномен избегания в консультировании комбатантов.

Теоретическое предположение исследования: отказ комбатантов от психологической помощи связан с сочетанием трех групп факторов: посттравматического избегания, стигматизации обращения к специалисту и системных ограничений организации психологического сопровождения.

Задачи:

1) на основе анализа научных публикаций раскрыть основные подходы к пониманию боевого стресса, посттравматического реагирования и психологических последствий участия в боевых действиях;

2) проанализировать представленные в научных статьях данные о феномене избегания как психологическом механизме, затрудняющем обращение комбатантов за профессиональной помощью и их включение в консультативный процесс;

3) описать по материалам научных публикаций основные личностные, социальные и организационные факторы, затрудняющие обращение комбатантов за психологической помощью;

4) рассмотреть на основе анализа научной литературы роль стигматизации в снижении готовности комбатантов признавать психологические трудности и обращаться к специалистам;

5) обобщить представленные в научных статьях подходы к организации психологического сопровождения комбатантов и определить условия, способствующие снижению избегания и повышению доверия к психологической помощи.

Методы исследования

Исследование выполнено в формате теоретико-аналитической статьи. Эмпирическое исследование, психодиагностическое обследование и статистическая обработка данных в рамках данной работы не проводились. Материалами исследования выступили научные статьи, посвящённые проблемам боевого стресса, посттравматического реагирования, психологического сопровождения комбатантов, стигматизации обращения за психологической помощью и факторам, затрудняющим включение в консультативную работу.

В работе использованы следующие методы исследования:

1) теоретический анализ научной литературы. Метод применялся для изучения основных подходов к пониманию боевого стресса, посттравматических реакций и психологических последствий участия в боевых действиях;

2) сравнительный анализ научных публикаций. Метод использовался для сопоставления разных подходов к описанию факторов, затрудняющих обращение комбатантов за психологической помощью;

3) обобщение научных данных. Метод применялся для выделения общих закономерностей, связанных с феноменом избегания, стигматизацией и системными трудностями психологического сопровождения;

4) систематизация теоретического материала. Метод использовался для группировки выявленных факторов на личностные, социальные и организационные;

5) интерпретационный анализ. Метод применялся для раскрытия психологического содержания избегания как защитного механизма, затрудняющего обращение комбатантов за профессиональной помощью.

Теоретическое обоснование проблемы

Проблема обращения комбатантов за психологической помощью тесно связана с особенностями боевого стресса и его последствиями. Участие в боевых действиях характеризуется угрозой жизни, длительным эмоциональным напряжением, необходимостью быстрого и часто не до конца осознанного принятия решений, переживанием утраты близких и знакомых, а также наблюдением насилия и разрушением привычных представлений о безопасности. В условиях боевых действий психика человека работает в режиме мобилизации, что позволяет ему эффективно выполнять боевые задачи. Однако после завершения экстремальной ситуации этот режим не всегда переключается на обычный, мирный ритм жизни. В результате возвращение к мирной жизни часто сопровождается сохранением внутреннего напряжения, нарушением сна, повышенной раздражительностью, эмоциональной замкнутостью и трудностями в межличностном взаимодействии.

А. Г. Караяни рассматривает боевой стресс как сложное многоуровневое явление и выделяет его конструктивные, деструктивные, травматические и посттравматические формы [1]. Такая классификация важна для понимания темы данной статьи. Конструктивный стресс поддерживает мобилизацию и помогает действовать в опасной ситуации. Деструктивный и травматический стресс нарушают эмоциональную регуляцию, снижают адаптивность поведения и создают условия для последующих психологических нарушений. Посттравматический стресс показывает, что влияние боевого опыта продолжается после выхода из зоны боевых действий. Следовательно, психологические трудности комбатанта нельзя объяснять только текущими жизненными обстоятельствами. Они связаны с опытом экстремальной ситуации, который продолжает воздействовать на личность, поведение и социальные отношения.

Исследования, посвящённые анализу поведения субъектов экстремальной деятельности, показывают, что устойчивость человека в условиях высоких нагрузок определяется его психофизиологическим состоянием, профессиональным опытом, жизнеспособностью и качеством межличностного взаимодействия [4]. Эти факторы не только влияют на способность успешно выполнять задачи в экстремальных ситуациях, но и на последующую адаптацию после их завершения. Если ресурсы восстановления ограничены, боевой опыт может закрепиться в форме повышенной напряжённости, подозрительности, эмоционального отчуждения и трудностей в установлении доверительных отношений. В таких условиях обращение за психологической помощью требует от человека значительной внутренней готовности. Комбатанту необходимо признать наличие проблем, довериться специалисту и вступить в процесс работы с тем содержанием, которое часто вызывает болезненные эмоции, такие как стыд, вина или страх.

Данные исследований психического состояния комбатантов подтверждают, что последствия боевого опыта затрагивают разные уровни функционирования личности. Рассоха, Ичитовкина, Злоказова и Соловьёв указывают на необходимость совершенствования психиатрической помощи, медицинского сопровождения и динамического наблюдения за комбатантами [5]. О. И. Боев описывает у военнослужащих-комбатантов проявления личностной декомпенсации, поведенческой дезадаптации, агрессивности, тревожных, астенических, дистимических и аддиктивных нарушений [2]. Эти данные показывают, что психологические последствия участия в боевых действиях имеют не единичный, а системный характер. Они проявляются в эмоциональной сфере, поведении, коммуникации, семейных отношениях и отношении человека к самому себе.

А. Г. Караяни и Ю. М. Караяни также подчёркивают, что психологические последствия войны связаны не только с отдельными симптомами, но и с процессом социально-

психологической реадаптации участников боевых действий [6]. В этом контексте обращение за психологической помощью становится частью более широкого процесса возвращения к мирной жизни, восстановления социальных связей и перестройки способов взаимодействия с ближайшим окружением. При этом наличие психологических трудностей не означает автоматической готовности обращаться за помощью. Напротив, чем сильнее травматическое напряжение, тем выше риск избегания. Избегание является одним из центральных механизмов посттравматического реагирования, проявляющимся в нежелании обсуждать боевой опыт, стремлении не вспоминать отдельные эпизоды, избегании эмоционально значимых разговоров, ограничении социальных контактов и отказе от ситуаций, напоминающих о травматических событиях. В процессе консультирования это может выражаться в закрытости клиента, формальных ответах, обесценивании психологической помощи, раздражении, молчании или преждевременном прекращении работы.

Избегание не следует рассматривать исключительно как отсутствие мотивации. В психологическом контексте оно выполняет защитную функцию. Комбатант избегает не только специалиста, но и контакта со своими переживаниями. Разговор о боевом опыте активирует воспоминания, телесное напряжение, чувство вины, стыда, бессилия, злости или утраты. Поэтому отказ от помощи часто становится способом сохранить контроль над своим внутренним состоянием. В краткосрочной перспективе избегание действительно снижает тревогу, однако в долгосрочной перспективе оно может закрепить травматический опыт, усилить изоляцию и препятствовать восстановлению.

Проблема усугубляется тем, что избегание часто поддерживается стигматизацией психологической помощи. Для многих комбатантов обращение к психологу связано с угрозой своему образу сильного, устойчивого и контролирующего себя человека. В военной и силовой среде психологические трудности нередко воспринимаются как слабость, ненадёжность или признак профессиональной несостоятельности. Поэтому комбатант часто скрывает своё состояние, отказывается от консультации или обращается за помощью только при выраженном ухудшении самочувствия. Эта закономерность подтверждается исследованиями факторов, затрудняющих обращение за психологической помощью, где ключевыми факторами выступают страх оценки, недоверие, низкая психологическая грамотность и опасения социальных последствий [7; 8].

Стигматизация оказывает влияние на нескольких уровнях. На индивидуальном уровне она выражается в установке «Я должен справиться сам». На групповом уровне стигматизация связана со страхом осуждения со стороны сослуживцев, командиров, коллег или членов семьи. На организационном уровне она проявляется в опасении, что обращение к специалисту может негативно сказаться на службе, профессиональном статусе, допуске к задачам или репутации. На социальном уровне стигматизация поддерживается недостаточным пониманием последствий участия в боевых действиях. От комбатанта ожидают быстрого возвращения к обычной жизни, эмоциональной устойчивости и сдержанности, однако не всегда признают реальность постстрессовых реакций.

Таким образом, отказ от психологической помощи не может быть объяснён только индивидуальной закрытостью комбатанта. Он формируется на пересечении личностных, социальных и организационных факторов. Комбатант может испытывать потребность в помощи, но одновременно бояться признания своих трудностей, не доверять специалистам, не понимать маршрут обращения и опасаться последствий консультации. Поэтому факторы, затрудняющие обращение за психологической помощью, имеют системный характер [2; 3; 5; 7–9].

Организационно-методический аспект проблемы психологической помощи комбатантам и их семьям рассматривается в ряде исследований, посвящённых вопросам психологического сопровождения этой категории лиц [9]. Важно отметить, что психологическая помощь в данном контексте не должна ограничиваться разовой консультацией. Для эффективного восстановления комбатантам необходим структурированный маршрут сопровождения, обеспечивающий конфиденциальность, преемственность оказываемой помощи и активное вовлечение семьи в процесс реабилитации. В случае фрагментарности маршрута помощи, частой смены специалистов, отсутствия чётких правил конфиденциальности и недостаточного информирования семьи о природе посттравматических реакций, возрастает риск отказа от сопровождения.

Семья занимает особое место в системе восстановления. С одной стороны, она является ресурсом поддержки, принятия и возвращения к мирной жизни. С другой стороны, без психологического просвещения семья становится источником дополнительного напряжения. Близ-

кие могут воспринимать эмоциональную холодность, раздражительность, молчание, нарушения сна или стремление к изоляции как равнодушие, грубость или нежелание общаться. В ответ они усиливают контроль, требуют объяснений или обвиняют человека в изменении поведения. Это повышает напряжение и укрепляет избегание. Поэтому сопровождение комбатантов требует работы не только с самим человеком, но и с его ближайшим окружением.

Теоретический анализ источников позволяет рассматривать проблематику обращения комбатантов за психологической помощью как следствие взаимодействия трех ключевых факторов. Первый фактор ассоциируется с посттравматическим избеганием, которое существенно снижает готовность комбатантов открыто говорить о своём травматическом опыте и устанавливать контакт с консультантами. Второй фактор связан с явлением стигматизации, которое превращает обращение к специалистам в угрозу для личной и социальной идентичности военнослужащих. Третий фактор обусловлен системными ограничениями, оказывающими влияние на доступность и качество помощи, включая недостаточную преемственность сопровождения, неясность маршрутов обращения, дефицит доверия к специалистам и слабое вовлечение семьи в процесс реабилитации.

Исходя из этого, психологическое сопровождение комбатантов должно строиться поэтапно. На начальном этапе приоритетом выступает установление доверия, разъяснение границ конфиденциальности и снижение чувства угрозы. Затем необходима стабилизация состояния, психообразование, работа с избеганием, подключение семьи и междисциплинарная маршрутизация. Такая логика позволяет рассматривать психологическую помощь не как разовое вмешательство, а как систему восстановления, направленную на снижение влияния факторов, затрудняющих обращение за психологической помощью, укрепление доверия и постепенное возвращение комбатанта к более устойчивому функционированию.

Феномен избегания в консультировании комбатантов

Избегание является важным механизмом посттравматического реагирования, проявляющимся в стремлении не обсуждать травматический опыт, не вспоминать отдельные эпизоды, избегать мест, разговоров и контактов с людьми, напоминающими о пережитом. В консультативной практике избегание проявляется как уклонение от темы, формальные ответы, раздражение, ирония, обесценивание помощи или отказ от повторных встреч.

Это поведение не следует рассматривать как проявление упрямства или отсутствия мотивации. Избегание выполняет защитную функцию, помогая психике избежать контакта с материалом, связанным с угрозой жизни, потерями, виной, стыдом, бессилием, страхом и агрессией. Психологическое консультирование может стать источником соприкосновения с этими переживаниями, что вызывает у клиента ощущение угрозы внутреннему контролю.

В литературе по психотерапии посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) у комбатантов часто описываются такие симптомы, как эмоциональная закрытость, социальная изоляция, недоверие, сложности в интеграции травматического опыта и потребность в снижении чувства отчуждённости [10]. Эти признаки тесно связаны с избеганием, которое комбатанты используют для сохранения устойчивости. Однако цена этой устойчивости заключается в сужении социальных контактов, снижении способности говорить о своих переживаниях и усилении дистанции в семье.

В краткосрочной перспективе избегание способствует снижению напряжения, так как комбатант не обсуждает травму и не вспоминает отдельные эпизоды, что позволяет ему сохранять ощущение контроля. Однако в долгосрочной перспективе избегание закрепляет травматический материал, препятствуя его переработке, усиливая изоляцию, нарушая близость и снижая готовность к восстановлению.

В консультативной практике это создаёт особую задачу. Психолог не должен стремиться к немедленному получению подробного рассказа о травме, так как преждевременное давление может усилить сопротивление и привести к прекращению контакта. Первоочередная задача заключается в создании атмосферы безопасности, предсказуемости и доверия. Комбатанту необходимо чётко понимать цели встреч, границы конфиденциальности, приемлемый темп работы и право не обсуждать отдельные эпизоды до того, как он будет готов к этому внутренне.

Стигматизация как фактор, затрудняющий обращение за помощью

Стигматизация представляет собой устойчивое препятствие для обращения за психологической помощью, особенно в контексте военной и силовой культуры. Для комбатантов сам

факт обращения к психологу может восприниматься как признание личной слабости, утраты контроля или неспособности самостоятельно справиться с проблемами. В рамках этой культуры, где высоко ценятся такие качества, как выдержка, дисциплина, самообладание и готовность переносить трудности без внешней поддержки, стигматизация становится ещё более значимой.

Стигматизация проявляется на нескольких уровнях. На личностном уровне она выражается в установке: «Я должен справиться сам». На групповом уровне стигматизация связана с опасением негативной оценки со стороны сослуживцев, командиров, коллег и родственников. На организационном уровне возникает страх последствий для служебной деятельности, доступа к выполнению задач, медицинского статуса или профессиональной репутации. На социальном уровне обращение за психологической помощью ассоциируется с мифами о слабости, учёте и дискриминации.

Анализ исследований, проведённых в различных группах, помогает понять общую структуру факторов, затрудняющих обращение за психологической помощью. Антонова, Ерицян, Казанцева и Дубровский указывают, что среди значимых препятствий выделяются, приемлемость и качество помощи, стигматизация, нарушение конфиденциальности, страхи и низкий уровень доверия [7]. Для комбатантов эти факторы приобретают усиленный характер, поскольку обращение к специалисту затрагивает не только их личное состояние, но и профессиональную идентичность.

Аникина, Попова и Васильева рассматривают субъективные аспекты обращения мужчин за психологической помощью и подчёркивают значимость отношения к профессиональной помощи, уровня психологической грамотности, препятствующих факторов обращения и гендерно-ролевых установок [8]. В контексте комбатантов мужская гендерная норма часто переплетается с военной нормой самоконтроля, что приводит к восприятию просьбы о помощи как нарушения образа мужественности и профессиональной состоятельности.

Стигматизация способствует избеганию обращения за помощью. Если человек испытывает стыд за сам факт наличия психологических трудностей, он избегает обсуждения этой темы. Если он опасается негативной оценки со стороны группы, он скрывает свои симптомы. Если у него нет доверия к системе, он отказывается от раннего обращения за помощью. Поэтому дестигматизация должна стать неотъемлемой частью организации психологической помощи. Это включает в себя нормализацию постстрессовых реакций, разъяснение принципов конфиденциальности, создание понятных маршрутов обращения и использование уважительного языка со стороны специалистов.

Семья как ресурс и зона риска

Семья является одним из ключевых ресурсов для реадаптации комбатанта, однако она также может стать источником вторичного напряжения. После возвращения из зоны боевых действий человек включается в привычную семейную среду, где его система реагирования претерпела изменения. Члены семьи ожидают прежнего стиля общения, эмоциональной открытости и участия в бытовых делах. Однако комбатант часто приносит в семью повышенную бдительность, замкнутость, раздражительность и потребность в контроле, а также низкую толерантность к конфликтам.

Ситуация усугубляется, когда близкие воспринимают эти изменения как личное отчуждение, равнодушие или грубость. В ответ на это они требуют объяснений и эмоциональной вовлеченности, к которым комбатант может быть не готов. Возникает порочный круг: семья усиливает давление, комбатант стремится избежать общения, дистанция между ними растёт, а конфликт становится хроническим.

Для снижения этого риска необходимо проводить психообразование членов семьи. Им следует объяснять природу постстрессовых реакций, признаки дезадаптации, границы допустимой поддержки и ситуации, в которых требуется профессиональное вмешательство. Члены семьи должны понимать, что избегание разговоров о травме не всегда свидетельствует о нежелании быть рядом. Часто это попытка удержать переживания под контролем.

Работа с семьёй также способствует снижению стигматизации. Когда близкие воспринимают психологическую помощь как нормальный элемент восстановления, комбатанту легче согласиться на консультацию. Однако если семья использует обращение к психологу как упрёк или доказательство «ненормальности», это может усилить факторы затрудняющий психологическое консультирование. Поэтому семейное сопровождение должно быть построено на

уважении к опыту комбатанта, сохранении его достоинства и постепенном восстановлении доверия.

Системные факторы, затрудняющие психологическое сопровождение комбатантов

Системные факторы играют значимую роль в процессе реабилитации комбатантов. Даже при внутренней готовности к получению помощи, человек сталкивается с рядом вопросов: куда обратиться, кому доверять, какие последствия могут возникнуть после обращения, кто будет иметь доступ к информации о содержании консультации, как помощь может повлиять на его статус и какие шаги будут предприняты дальше. Отсутствие чётких ответов на эти вопросы часто приводит к откладыванию обращения за помощью.

Обзор публикаций, посвящённых психологической помощи участникам боевых действий, показывает, что данная проблема активно рассматривается в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU, однако сохраняется необходимость дальнейшей систематизации подходов к сопровождению, маршрутизации помощи и профилактике последствий боевого стресса [11]. Это позволяет рассматривать психологическое сопровождение комбатантов как область, требующую не только отдельных консультативных вмешательств, но и организационно выстроенной системы помощи.

Первый системный фактор связан с недостаточной преемственностью сопровождения комбатантов. Психологическая помощь зачастую активизируется только после значительного ухудшения состояния, а не на ранних этапах их возвращения из зоны боевых действий. Это приводит к тому, что помощь приобретает реактивный характер, а не профилактический. В результате практика сталкивается с дефицитом профилактических мер и слабой подготовкой к долгосрочной реадаптации.

Второй системный фактор связан с фрагментарностью маршрута помощи. Комбатанты и их семьи не всегда понимают различия между психологом, психотерапевтом, психиатром, социальным работником и медицинской реабилитацией. Неясность этого маршрута повышает уровень тревоги и усиливает негативные фантазии о возможных последствиях обращения за помощью. В таких условиях, даже если помощь доступна, она остаётся психологически недоступной из-за неопределённости и страха перед последствиями.

Третий системный фактор связан с доверием к компетентности специалиста. Комбатанты особенно чувствительны к формальности, оценочности, морализаторству и поверхностным рекомендациям. Специалист, не обладающий пониманием специфики боевого опыта, быстро теряет доверие со стороны клиента. Поэтому подготовка психологов к работе с комбатантами должна включать знание посттравматического реагирования, методов кризисного консультирования, особенностей семейной динамики, границ компетенции и навыков междисциплинарного взаимодействия.

На значимость профессиональной подготовки специалистов указывают С. Б. Пашкин, С. А. Мозеров и Е. С. Мозерова, рассматривающие актуальные аспекты оказания психологической помощи военнослужащим [12]. В рамках данной статьи этот источник позволяет обосновать необходимость учёта специфики военной среды, служебной идентичности, групповых норм и особых требований к доверию в процессе консультирования.

Четвёртый системный фактор связан с вопросами конфиденциальности. Для комбатанта консультация становится приемлемой только в условиях чётких профессиональных границ. Неопределённость относительно передачи информации командованию, родственникам, медицинским организациям или другим структурам разрушает доверие и может стать препятствием для обращения за помощью. Конфиденциальность следует чётко объяснять клиенту ещё до начала содержательной работы.

Пятый системный фактор связан с недостаточным включением семьи в процесс реабилитации. Семья часто первой замечает изменения в поведении комбатанта, такие как нарушения сна, вспышки раздражения, эмоциональная холодность, злоупотребление алкоголем, подозрительность и социальная изоляция. Однако без соответствующего психообразования близкие могут реагировать упрёками, тревожным контролем или отстранением, что усиливает защитную позицию комбатанта и снижает вероятность его обращения за профессиональной помощью.

Условия эффективного консультирования и практическая модель

Консультирование комбатантов требует поэтапного подхода. На первом этапе основным приоритетом является не глубокая работа с травматическими воспоминаниями, а установле-

ние доверительного контакта. Специалист создаёт безопасное пространство, где клиент не ощущает давления, оценки или угрозы раскрытия информации. Важнейшие элементы этого этапа включают ясные правила взаимодействия, спокойный и уважительный язык, а также чёткое объяснение целей консультации.

На втором этапе осуществляется стабилизация состояния клиента. Это включает оценку его актуального состояния, включая качество сна, уровень тревоги, раздражительности, потребление психоактивных веществ, наличие суицидальных мыслей, уровень семейного напряжения и способность к повседневному функционированию. Принципы оказания помощи при посттравматическом стрессовом расстройстве (ПТСР) у лиц, уволенных с военной службы, подчёркивают важность доступности, эффективности, индивидуального подхода и междисциплинарного взаимодействия [13].

На третьем этапе проводится психообразование клиента. Комбатанту объясняют, что нарушения сна, вспышки раздражительности, эмоциональная замкнутость, навязчивые воспоминания и избегание ситуаций являются распространёнными последствиями экстремального опыта. Это помогает снизить чувство патологичности и стыда. Психообразование должно быть ориентировано на конкретные вопросы клиента и способствовать восстановлению ощущения управляемости.

На четвёртом этапе специалист помогает клиенту осознавать ситуации, которые вызывают избегание, телесное напряжение, раздражение или оцепенение. Работа включает развитие навыков саморегуляции, постепенное приближение к сложным темам, восстановление способности говорить о своих переживаниях и включение безопасных форм поддержки.

На пятом этапе осуществляется более глубокая работа с травматическим опытом, чувствами вины, стыда, утратами и изменениями в картине мира. Психотерапевтическая помощь направлена на интеграцию травматического опыта, восстановление контроля над эмоциональными реакциями и возвращение способности полноценно участвовать в жизни [10]. Этот этап требует достаточной стабилизации состояния клиента и устойчивого уровня доверия.

С. Н. Мосолов рассматривает терапию и профилактику посттравматического стрессового расстройства при чрезвычайных ситуациях и подчёркивает необходимость комплексного подхода к помощи при выраженных посттравматических проявлениях [14]. В контексте настоящей статьи это подтверждает необходимость междисциплинарного сопровождения, при котором психологическая работа сочетается с медицинской, психотерапевтической и социальной поддержкой при наличии соответствующих показаний.

Язык, используемый в процессе консультирования, имеет особое значение. Для комбатантов более продуктивно применять термины, связанные с восстановлением, контролем, устойчивостью, ресурсами, адаптацией и возвращением к управляемости. Эти формулировки минимизируют стигматизирующий эффект и способствуют восприятию психологической помощи как технологии восстановления после экстремальных нагрузок.

На основе анализа источников предложена практико-ориентированная модель, направленная на снижение влияния факторов, затрудняющих обращение комбатантов за психологической помощью. Данная модель включает три уровня: информационный, мотивационно-контактный и реабилитационный. Каждый из этих уровней выполняет отдельную функцию в создании условий для обращения комбатантов за психологической помощью.

Информационный уровень направлен на повышение психологической грамотности. Комбатанту и его семье необходимо знать, какие реакции после боевого опыта требуют внимания, чем психологическая консультация отличается от психиатрической помощи, какие гарантии конфиденциальности существуют и куда обращаться при ухудшении состояния. Информация должна быть краткой, конкретной и доступной в разных форматах.

Мотивационно-контактный уровень направлен на преодоление стигматизации и формирование первичного доверия к помощи. Здесь значимы авторитетные посредники, первичные низкопороговые консультации, возможность анонимного обращения, уважительный язык и отсутствие принуждения. Р. Н. Митянин и А. В. Кокурин указывают на значение доверия, психологического актива и посредников, способных помочь военнослужащим преодолеть затруднения при обращении за психологической поддержкой в условиях длительного пребывания в зоне активных боевых действий [15].

Реабилитационный уровень предполагает комплексное оказание психологической, психотерапевтической, медицинской, социальной и семейной помощи. Важно отметить, что этот процесс не ограничивается разовыми консультациями. Комбатант требует постоянного сопро-

вождения, которое учитывает динамику его состояния: от первичной стабилизации до восстановления межличностных отношений, профессиональной интеграции и переосмысления полученного опыта.

Оценка эффективности помощи должна включать не только количественные показатели, такие как количество проведённых консультаций. Важно также учитывать доверие к службе, частоту повторных обращений, завершённость маршрута помощи, вовлечение семьи, снижение вероятности срыва контакта и удовлетворённость клиентов качеством предоставляемых услуг. Если человек посетил только одну встречу и больше не вернулся, система должна провести анализ не только его мотивации, но и собственной доступности, приемлемости и качества предоставляемых услуг.

Выводы

В результате теоретического анализа научных публикаций установлено, что обращение комбатантов за психологической поддержкой затрудняется рядом психологических, социальных и организационных факторов. Эти факторы включают последствия боевого стресса, посттравматическое реагирование, феномен избегания, стигматизацию психологической помощи, недоверие к специалистам, недостаточную информированность о маршрутах сопровождения и опасения по поводу конфиденциальности.

Боевой стресс имеет многоуровневый характер и сохраняет устойчивое влияние на психическое состояние человека после завершения экстремальной ситуации. Его последствия проявляются в различных формах: нарушениях сна, повышенной раздражительности, эмоциональной замкнутости, гипербдительности, проблемах с доверием, социальной изоляции и изменениях в семейных отношениях. В связи с этим психологические трудности, с которыми сталкиваются участники боевых действий, нельзя рассматривать исключительно как индивидуальную проблему. Эти трудности формируются в контексте пережитого боевого опыта, последующей реадаптации и условий, в которых человек возвращается к мирной жизни.

Особое внимание уделяется феномену избегания, который, по результатам анализа научной литературы, является одним из ключевых механизмов, существенно затрудняющих консультативную работу с комбатантами. Избегание проявляется в различных формах: нежелание обсуждать травматический опыт, стремление не возвращаться к болезненным воспоминаниям, уход от эмоционально значимых тем, формальные ответы, раздражение, обесценивание помощи или преждевременное прекращение контакта со специалистом. Избегание не следует интерпретировать как простое отсутствие мотивации к получению помощи. В психологическом контексте оно выполняет защитную функцию, направленную на сохранение субъективного контроля над своим внутренним состоянием.

Стигматизация обращения за психологической помощью усиливает отказ от получения профессиональной поддержки. Для комбатантов обращение к психологу часто связано с риском быть воспринятым как слабый, ненадёжный или профессионально несостоятельный человек. На личностном уровне это проявляется в установке на самостоятельное решение проблем и преодоление трудностей. На групповом уровне возникает страх осуждения со стороны сослуживцев, командиров, коллег или родственников. На организационном уровне комбатанты опасаются за свой служебный статус, репутацию и возможные негативные последствия обращения за психологической помощью. Таким образом, стигматизация способствует избеганию профессиональной поддержки и снижает вероятность раннего обращения за помощью.

В результате анализа различных факторов было определено, что семья занимает двойственное положение в процессе реадаптации комбатантов. С одной стороны, семья является важным ресурсом поддержки, принятия и возвращения к мирной жизни. С другой стороны, при отсутствии должного психологического просвещения семья может стать источником дополнительного напряжения. Эмоциональная закрытость, раздражительность, нарушения сна, стремление к изоляции и отказ от обсуждения травматического опыта могут восприниматься близкими как равнодушие, грубость или отчуждение. Это усиливает конфликтность, способствует избеганию и снижает готовность комбатанта обращаться за профессиональной помощью.

Было установлено, что организационные факторы также существенно затрудняют доступ к психологической помощи. К ним можно отнести фрагментарность маршрута сопровождения, недостаточную преемственность помощи, неясность различий между психологической, психотерапевтической, психиатрической и социальной поддержкой, дефицит доверия к компетентности специалистов и неопределённость правил конфиденциальности. В таких услови-

ях помощь может быть формально доступной, но психологически восприниматься как риск, связанный с возможной оценкой, разглашением информации или негативными последствиями для статуса комбатанта.

По результатам проведённого теоретического анализа обосновано, что эффективное психологическое сопровождение комбатантов должно строиться поэтапно. На начальном этапе необходимо создавать доверительный контакт, разъяснять цели консультации и границы конфиденциальности, снижать ощущение угрозы и проводить первичную стабилизацию состояния. На следующем этапе требуется психообразование, работа с избеганием, развитие навыков саморегуляции, постепенное обращение к травматическому опыту, подключение семьи и междисциплинарная маршрутизация. Такая последовательность обеспечивает учёт защитной функции избегания и снижает риск преждевременного прекращения консультирования.

В статье предложена практико-ориентированная модель сопровождения, включающая информационный, мотивационно-контактный и реабилитационный уровни. Информационный уровень направлен на повышение психологической грамотности комбатантов и членов их семей. Мотивационно-контактный уровень связан со снижением стигматизации и формированием доверия к помощи. Реабилитационный уровень предполагает комплексное сопровождение, включающее психологическую, психотерапевтическую, медицинскую, социальную и семейную поддержку.

Обобщая результаты теоретического анализа, следует заключить, что психологическая помощь комбатантам должна рассматриваться не как разовая консультация, а как система сопровождения. Ее эффективность определяется уровнем доверия к специалистам, повторной обращаемостью, завершённостью маршрута помощи, включением семьи, снижением риска преждевременного прекращения консультирования и субъективным ощущением безопасности у самого комбатанта. Основным условием снижения влияния факторов, затрудняющих обращение за психологической помощью, выступает создание понятной, конфиденциальной, поэтапной и междисциплинарной системы сопровождения, учитывающей специфику боевого опыта, феномен избегания, влияние стигматизации и роль ближайшего социального окружения.

1. Караяни А. Г. Боевой стресс: проблемы определения и классификации // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1. С. 254-264. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-1-254-264. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/boevoy-stress-problemy-opredeleniya-i-klassifikatsii (дата обращения: 06.06.2026).

2. Боев О. И. Пограничные психические и личностные расстройства у военнослужащих-комбатантов в мирное время // Медицинский вестник Северного Кавказа. 2024. Т. 19. № 1. С. 47-49. DOI: 10.14300/mnnc.2024.19010. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pogranichnye-psihicheskie-i-lichnostnye-rasstroystva-u-voennosluzhaschih-kombatantov-v-mirnoe-vremya (дата обращения: 06.06.2026).

3. Hoge C. W., Castro C. A., Messer S. C., McGurk D., Cotting D. I., Koffman R. L. Combat duty in Iraq and Afghanistan, mental health problems, and barriers to care // The New England Journal of Medicine. 2004. Vol. 351. № 1. P. 13-22. DOI: 10.1056/NEJMoa040603.

4. Котовская С. В., Махнач А. В. Психофизиологические и социально-психологические особенности субъектов экстремальной деятельности с оптимальным уровнем жизнеспособности // Организационная психология. 2023. Т. 13. № 4. С. 9-35. DOI: 10.17323/2312-5942-2023-13-4-9-35. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihofiziologicheskie-i-sotsialno-psihologicheskie-osobennosti-subektov-ekstremalnoy-deyatelnosti-s-optimalnym-urovnem (дата обращения: 06.06.2026).

5. Рассоха А. А., Ичитовкина Е. Г., Злоказова М. В., Соловьёв А. Г. Динамика формирования психических расстройств у комбатантов МВД России // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2022. № 2. С. 52-59. DOI: 10.25016/2541-7487-2022-0-2-52-59. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49265563 (дата обращения: 06.06.2026).

6. Караяни А. Г., Караяни Ю. М. Психологические последствия войны и социально-психологическая реадаптация участников боевых действий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2014. Т. 7. № 4. С. 59-66. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-posledstviya-voyny-i-sotsialno-psihologicheskaya-readaptatsiya-uchastnikov-boevyh-deystviy (дата обращения: 06.06.2026).

7. Антонова Н. А., Ерицян К. Ю., Казанцева Т. В., Дубровский Р. Г. Барьеры и фасилитаторы обращаемости за психологической помощью в системе общего образования // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27. № 4. С. 77-87. DOI: 10.17759/pse.2022270408. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2022_n4/Antonova_et_al (дата обращения: 06.06.2026).

8. Аникина В. О., Попова А. Г., Васильева Н. Л. Субъективные факторы обращения за психологической помощью мужчин // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 5. С. 26. URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnye-faktory-obrascheniyaza-psihologicheskoy-pomoschyu-muzhchin (дата обращения: 06.06.2026).

9. Москвитина М. А., Москвитин П. Н. Организационно-методические аспекты психологического сопровождения комбатантов и членов их семей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 7. С. 61-68. DOI: 10.23672/SAE.2023.34.57.019. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-metodicheskie-aspekty-psihologicheskogo-soprovozhdeniya-kombatantov-i-chlenov-ih-semey (дата обращения: 06.06.2026).

10. Соловьёва С. Л. Психология и психотерапия посттравматического стрессового расстройства у комбатантов // Медицинская психология в России. 2022. Т. 14. № 6. Электронный ресурс. Доступ через: Психологическая газета. 2026. 24 февраля. URL: … (дата обращения: 06.06.2026).

11. Черепанов А. С. Психологическая помощь участникам боевых действий: обзор публикаций, размещённых в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU за период 2020-2023 гг. // Вестник адъюнкта. 2023. № 3. URL: https://vestnik-adyunkta.ru/images/2023/3/Cherepanov-2023-3.pdf (дата обращения: 06.06.2026).

12. Пашкин С. Б., Мозеров С. А., Мозерова Е. С. Актуальные аспекты оказания психологической помощи военнослужащим // Военный инженер. 2019. № 3 (13). С. 48-57. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-aspekty-okazaniya-psihologicheskoy-pomoschi-voennosluzhaschim (дата обращения: 06.06.2026).

13. Васильева А. В., Караваева Т. А., Незнанов Н. Г., Идрисов К. А., Радионов Д. С., Шойгу Ю. С. Принципы оказания медицинской помощи при посттравматическом стрессовом расстройстве лицам, уволенным с военной службы, и членам их семей // Социальная и клиническая психиатрия. 2023. Т. 33. № 4. С. 55-66. DOI: 10.34757/0869-4893.2023.33.4.007. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-okazaniya-meditsinskoy-pomoschi-pri-posttravmaticheskom-stressovom-rasstroystve-litsam-uvolennym-s-voennoy-sluzhby-i (дата обращения: 06.06.2026).

14. Мосолов С. Н. Терапия и профилактика посттравматического стрессового расстройства при чрезвычайных ситуациях: алгоритм биологической терапии // Современная терапия психических расстройств. 2022. № 3. С. 32-44. DOI: 10.21265/PSYPH.2022.92.41.004. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49748204 (дата обращения: 06.06.2026).

15. Митянин Р. Н., Кокурин А. В. Организация психологической помощи военнослужащим в условиях длительного пребывания в зоне активных боевых действий // Российский военно-психологический журнал. 2023. № 1 (1). С. 96-107. URL: https://psy.su/feed/11609/ (дата обращения: 06.06.2026).

Сведения об авторах

Евсюкова Кристина Егоровна, магистрант, Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия.

Выражаю благодарность научному руководителю Яровенко Варваре Романовне, кандидату психологических наук, Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия.

УДК 504.064.4

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ ОТХОДОВ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИИ АО «ПРИМАВТОДОР»

Ю.В. Задорожина, Н.В. Смык, бакалавры

В.Н. Макарова, преподаватель

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье рассмотрены особенности проведения инвентаризации отходов производства и потребления на предприятии АО «Примавтодор». Проанализированы этапы учета, классификации, паспортизации и хранения отходов, а также их роль в обеспечении экологической безопасности, соблюдении нормативных требований и оптимизации процессов обращения с отходами*

Ключевые слова и словосочетания: *инвентаризация отходов, обращение с отходами, экологический менеджмент, экологическая безопасность, предприятия дорожно-строительной отрасли, паспортизация отходов, воздействие на окружающую среду, управление экологическими рисками.*

INVENTORY OF PRODUCTION AND CONSUMPTION WASTE AT THE PRIMAVTODOR JSC ENTERPRISE

Abstact. *The article examines the features of inventory management for production and consumption waste at Primavtodor JSC. The stages of waste accounting, classification, certification, and storage are analyzed, along with their role in ensuring environmental safety, regulatory compliance, and optimizing waste management processes.*

Keywords*: waste inventory, waste management, environmental management, environmental safety, road construction enterprises, waste certification, environmental impact, environmental risk management.*

В условиях роста промышленного производства и увеличения антропогенной нагрузки на окружающую среду вопросы обращения с отходами приобретают особую значимость. АО «Примавтодор» (г. Владивосток, Приморский край) – крупное предприятие, занимающееся строительством, ремонтом и содержанием автомобильных дорог, – является источником разнообразных отходов производства и потребления.

Инвентаризация отходов выступает обязательным элементом системы экологического менеджмента. Она позволяет точно определить объёмы и виды образующихся отходов, оценить их воздействие на окружающую среду, обеспечить соблюдение природоохранного законодательства и оптимизировать процессы обращения с ними.

В российском законодательстве понятие «отходы производства и потребления» закреплено в Федеральном законе от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления». Согласно статье 1 данного закона, отходы – это вещества или предметы, которые образованы в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг или в процессе потребления, которые удаляются, предназначены для удаления или подлежат удалению в соответствии с законом [1]. При этом донный грунт, используемый в порядке, определённом законодательством РФ, к отходам не относится.

Систематизация отходов по различным признакам необходима для эффективного управления ими. Она лежит в основе разработки нормативов, выбора методов утилизации, расчёта платы за негативное воздействие на окружающую среду, составления отчётности и планирования мероприятий по снижению объёмов образования отходов.

Законодательство РФ предусматривает комплексную классификацию отходов, учитывающую разные аспекты их природы и воздействия на экосистему (таблица 1).

Таблица 1

Классификация отходов по степени опасности (согласно приказу Минприроды России от 04.03.2016 № 536)

Класс опасности	Наименование	Воздействие на экосистему	Период восстановления	Параметры отходов
I	Чрезвычайно опасные	Вызывает необратимые нарушения	Отсутствует	Ртутные лампы, отходы, содержащие ртуть, свинец, полоний
II	Высокоопасные	Сильное нарушение экосистемы	Не менее 30 лет	Отработанные аккумуляторы, электролиты
III	Умеренно опасные	Нарушение экосистемы	Не менее 10 лет	Отработанные масла, органические растворители, дизельное топливо, лаки, краски
IV	Малоопасные	Незначительное нарушение	Не менее 3 лет	Строительный мусор, резиновые изделия, металлолом
V	Практически неопасные	Почти не нарушает	Менее 3 лет	Бумага, пищевые отходы, картон, керамика

Инвентаризация отходов – это не формальная процедура, а стратегический инструмент управления экологическими рисками и затратами. Для АО «Примавтодор» её грамотное проведение обеспечивает соответствие законодательным требованиям, оптимизацию расходов на обращение с отходами и снижение экологической нагрузки. Внедрение современных методик расчёта, автоматизированных систем учёта и регулярное обновление нормативов позволяют сделать этот процесс максимально эффективным и прозрачным [2].

Процесс инвентаризации на предприятии выстраивается как последовательность взаимосвязанных этапов, каждый из которых решает конкретные задачи.

Предприятия дорожно-строительной отрасли, включая АО «Примавтодор», формируют особый спектр отходов: асфальтовая крошка, битумные материалы, изношенные шины, металлолом, отходы лакокрасочных покрытий и отработанные аккумуляторы.

Сам асфальтобетон представляет собой смесь различных твердых частиц таких, как щебень, песок, минеральный порошок и битум. Такая категория отхода не обладает токсичностью или пожароопасностью. Его относят к V классу опасности. Если в лаборатории проведен анализ такого отхода и выясняется, что на нем были другие загрязняющие вещества: масло, нефтепродукт или же некий химический реагент, то класс опасности значительно меняется после подтверждающего документа лаборатории. Процедура паспортизации обычно проводится в несколько этапов:

- определяется название по Федеральному классификационному каталогу отходов (ФККО). Асфальтобетонному лому как правило присваивается – 7 42 110 01 42 5 и наименование «отходы асфальтобетона и асфальтобетонной смеси»;

- проводится количественный учет отхода по расчетам проектной документации или актам демонтажа, которые находятся на предприятии. Также можно просто измерить фактический объем/массу образуемого отхода. Чаще всего высчитывается в кубических метрах с пересчетом в тонны. Плотность асфальтобетона обычно составляет примерно 2,2-2,5 т/м³.

- устанавливается класс опасности на основе состава конкретного отхода. Если проводился анализ в лаборатории, то присвоение зависит только от экспертного заключения;

- составляется паспорт отхода на основании Установленного Приказа Минприроды России №721 от 05.12.2022. Паспорт отхода должен содержать в себе такую информацию, как: данные о предприятии, которое образовывает эти отходы, код и наименование отхода по ФККО, сведения от чего произошел отход, агрегатное состояние, химический состав, класс опасности, сведения об опасных свойствах, на примере асфальтобетонного лома они отсутствуют, данные об организации, которая утилизирует или размещает отход. Паспорта отходов как правило утверждаются только с руководителем предприятия, образующий эти отходы

- прикладывается документация расчета массы отхода, при наличии экспертное заключение на класс опасности, технологический регламент или акт демонтажа, свидетельство о постановке на учет в качестве объекта НВОС при наличии.

Особенно можно выделить, что паспорт отходов позволяет рассмотреть варианты вторичного использования отхода, что приведет к экономному пути.

Немаловажным фактором является правильное хранение данного отхода и лимит его накопления. Лимит накопления асфальтового лома – это в первую очередь максимально допустимое количество этого отхода, который устанавливается ст. 13 ФЗ-89 «Об отходах производства и потребления» и можно хранить на временной площадке предприятия до определенного срока, обычно до момента передачи на утилизацию. Лимит накопления обычно составляет не более 11 месяцев для того, чтобы производственная площадка не превращалась в несанкционированную свалку [3].

Лимит определяется для каждого предприятия и руководствуется следующей информацией: образующее количество выражается в тоннах/год и рассчитывается на основе того же проекта объема демонтажа, смета, договоров, статистических отчетов и данных прошлых лет. Например, в АО «Примавтодор» Асфальтобетонный лом вывозился каждый квартал, так как это ранее обговаривалось с лицензированным предприятием.

Основным документом, который позволяет определить лимит, является проект образования отходов и лимитов их размещения (ПНООЛР). Он утверждается Росприроднадзором в том случае, если объект относится к I, II категории НВОС, для III категории же составом Отчета, который хранится на предприятии. АО «Примавтодор» является объектом II категории, эколог на предприятии брал проект ПНООЛР у Росприроднадзора.

К каждому отходу есть определенные требования к месту временного накопления, несмотря на класс опасности. Малоопасные отходы не значит без требовательны. Так для того же самого асфальтобетонного лома должна быть специально отведенная площадка на территории предприятия, в свою очередь, имеющая твердое и водонепроницаемое покрытие. Это для того, чтобы предотвратить загрязнение почв. По возможности создаётся ограждение для исключения размыва и растаскивания отхода. Каждый отход должен находиться друг от друга на расстоянии, чтобы предотвратить их смешивание. Для техники, которая забирает отходы, предусматривается подъезд к площадке. Если говорить про масла, которые должны храниться

в закрытых бочках, то на них должна быть в обязательном порядке маркировка, которая позволит понять, что за вид отхода находится внутри и его класс опасности [4].

При превышении лимитов по проекту ПНООЛР предприятие ждет административная ответственность по ст. 8.2 КоАП РФ «Несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами», штрафы для юридических лиц от 100 000 до 250 000 рублей или приостановление деятельности до 90 суток, а также может быть повышенная плата за НВОС, взимаясь в пятикратном размере за сверхлимитное размещение.

Когда предприятие выполняет все требующие действия, готовится отчет, в котором предприятие фиксирует факт наличия, происхождения, количество и дальнейшую судьбу отходов. Данный отчет, так скажем, дает ответы на вопросы, которые нужны Росприроднадзору, так как это и является основой для разработки того же ПНООЛР, НВОС, подготовки ежегодной статистической отчетности по форме 2-ТП (отходы), лицензии на деятельность с отходами I-IV классов, планирования экологических снижений затрат на обращение с отходами. Такой отчет заполняет сотрудник на предприятии: эколог, инженер по охране труда или привлеченная экологическая компания.

Структура Отчета инвентаризации представляет собой титульный лист, на котором написано наименование предприятия-заказчика, наименование разработчика отчета, год проведения, подписи и печати организаций. Вводная часть, по-другому же пояснительная записка включает в себя цели и задачи, проведенной инвентаризации, ссылка на конкретный закон, так скажем основа, описание предприятия: различные схемы участков или цехов, адреса, коды ОКВЭД и расчетные методы. Результаты инвентаризации представляют собой оформление таблицы (ведомости) всех отходов на предприятии (таблица 2).

Таблица 2

Отходы на предприятии АО «Примавтодор»

№ п/п	Наименование отхода	Код по ФККО	Класс опасности	Процесс / Источник образования	Норматив образования т/год	Места временного накопления	Дальнейшее обращение
1	Лом асфальтобетона	7 42 110 42 5	V	Демонтаж дорожного покрытия	150,0	Открытая площадка №1	Использование (переработка)
2	Обтирочный материал, загрязненный маслами	9 19 204 02 04 3	III	Техническое обслуживание техники	0,12	Металлический контейнер в гараже	Обезвреживание

Далее составляется детальная схема предприятия, в которой отражены движения каждого отдельного вида отхода. Маршрут указывается от места образования отхода до места его временного хранения и накопления и после завершается вывозом установленных границ предприятия на схеме. Каждая отдельная площадка хранения отходов должна содержать информацию об местоположении и видах отходов, которые размещаются на ней. Также все выделенные пространства под хранение имеют строго установленный лимит в тоннах, либо же кубометрах, свыше которого размещение и хранение запрещено. Так как превышение лимитов приводит не позволит хранить отходы безопасно для окружающей среды. В соответствии с классом и требованиями к различным классам опасности требуется указывать площадь участка с отходами, тип покрытия для расположения отходов, наличие установленных ограждения, а также защищенность от воздействий погодных условий навесами [2].

Для подтверждения выполнения всех условий расположения отходов и последующий их вывоз прилагается доказательная база. Проводят фотофиксацию мест условия и хранения отходов. Прилагаются уже заключенные договора с перерабатывающими предприятиями и полигонами, а также копии их лицензий, подтверждающие аккредитацию и разрешение на выполнение работ по проведению утилизации. Прикладываются расчеты всех нормативов образования отходов и при наличии используются заключения присеваемого класса опасности. Заключающими документами доказательной базы являются акты выполненных работ по вывозу и утилизации накопившихся отходов и товарные накладные, которые в свою очередь подтверждают факт передачи лицензированным перерабатывающим предприятиям.

Инвентаризация является ключевым инструментом управления и контроля, который дает массу практических преимуществ как для государства, так и для общества в целом. Инвентаризация позволяет реализовывать экономическую эффективность и оптимизировать процессы. Само предприятие по учету может выявить перепроизводство отходов и найти вариант повторного использования внутри производства. Также минимизация платежей за счет низкого класса опасности: чем ниже класс опасности, тем ниже плата за НВОС. Знание о том, какой состав и объем отходов можно рассмотреть выгодного контрагента, который предложит наиболее выгодную стоимость для утилизации данных отходов. В экологической безопасности сама инвентаризация помогает оценить воздействия на окружающую среду. На основании инвентаризации разрабатываются меры по снижению опасного воздействия отходов, что позволяет спланировать мероприятия по сокращению образования этих отходов. Знание и понимание сути отходов и их лимиты позволяет предупредить возникновения чрезвычайных ситуаций и организовать правильное хранение на установленных площадках [5].

1. Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109/956d1dcea455ef81b53bead212e-013f2096e4b64/?ysclid=mknpcjvarn489191891 (дата обращения: 28.05.2026).

2. Должностная инструкция инженера по охране окружающей среды (эколога) Текст: электронный // Каус. – URL: https://www.kaus-group.ru/knowledge/duty/category/manufacture/material/673/ (дата обращения: 28.05.2026).

3. Эколог Текст: электронный // Выбери свой путь. – URL: https://careerpath.pro/ru/professions/ecologist/ (дата обращения: 28.05.2026).

4. Обязанности эколога на предприятии Текст: электронный // Экологические услуги. – URL: https://ecolusspb.ru/articles/funktsii-i-obyazannosti-ekologa/?ysclid=mknmupt04p124092807 (дата обращения: 28.05.2026).

5. Должностная инструкция эколога Текст: электронный // «AC&Partners». – Режим доступа: https://acpartners.kz/dolzhnostnaya-instruktsiya-ekologa?ysclid=mkp1s6p66f657230498 (дата обращения: 28.05.2026).

Сведения об авторах

Ю.В. Задорожина, бакалавр, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

Н.В. Смык, бакалавр, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

В.Н. Макарова, преподаватель, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 379.85

ВЛИЯНИЕ ИЗВЕСТНЫХ НАГРАД И РЕЙТИНГА РЕСТОРАНА НА ЖЕЛАНИЕ ГОСТЯ ПОСЕТИТЬ ЕГО (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ВЛАДИВОСТОКА)

Т.М. Заприса, бакалавр

В.Г. Ден, канд. культурологии, доцент кафедры туризма и гостинично-ресторанного бизнеса

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье исследуется влияние ресторанных рейтингов и престижных наград, таких как звезды Мишлен и премия WHERETOEAT, на формирование потребительского интереса и решение о посещении заведения. На основе опроса жителей Владивостока показано, что при выборе ресторана пользовательский рейтинг на картах играет более значимую роль, чем профессиональные награды, а локальные премии практически не выполняют функцию «магнита» для массового гостя.*

Ключевые слова и словосочетания: *Владивосток, ресторанный рейтинг, звезда Мишлен, WHERETOEAT, потребительское поведение, гастрономический брендинг.*

THE INFLUENCE OF RENOWNED AWARDS AND RESTAURANT RATINGS ON A GUEST'S DESIRE TO VISIT (USING THE EXAMPLE OF THE CITY OF VLADIVOSTOK)

Abstract. *The article explores the influence of restaurant ratings and prestigious awards, such as Michelin stars and the WHERETOEAT award, on shaping consumer interest and decisions to visit an establishment. Based on a survey of Vladivostok residents, it demonstrates that when choosing a restaurant, user ratings on maps play a more significant role than professional accolades, and local awards practically fail to act as a «magnet» for the mass guest.*

Keywords: *Vladivostok, restaurant rating, Michelin star, WHERETOEAT, consumer behavior, gastronomic branding.*

В современных условиях гастрономическая среда становится одним из ключевых элементов туристской привлекательности и имиджа города. Рестораны перестают быть просто местами для утоления голода, превращаясь в маркеры статуса, культурные центры и самостоятельные аттракции. На этом фоне особую значимость приобретают символы признания – профессиональные награды и рейтинги, которые теоретически должны служить для потребителя гарантом качества и ориентиром в многообразии предложений. Особенно остро вопрос влияния таких символов стоит в региональном контексте, на примере Владивостока – города, активно развивающего свой гастрономический бренд, но удаленного от признанных центров мировой ресторанной критики [1].

Объектом исследования выступает ресторанный бизнес, а предметом – символический капитал (наград и картографических рейтингов) на выбор заведения. Целью настоящей статьи является изучить взаимосвязь между знанием о наличии престижных наград, рейтингом заведения и реальным желанием его посетить.

Для достижения поставленной цели был выполнен ряд задач:

– изучено понятие «ресторанная награда»;

– проанализирована сущность популярных ресторанных премий;

– проведено пилотное исследование для выявления уровня влияния ресторанных наград на выбор предприятий питания среди жителей города Владивостока Приморского края.

В ходе исследован использованы общенаучные методы анализа, сравнения и обобщения, а также эмпирический метод анкетирования.

Основная часть. Теоретическое осмысление ресторанных наград позволяет определить их как знак признания достижений заведения в области качества продукции, сервиса, инноваций или общей концепции. Такие награды могут присуждаться в рамках отраслевых конкурсов, ведомственных поощрений или специализированных гидов.

На глобальном уровне существуют общепризнанные, в частности «гид Мишлен», который, согласно недавним эмпирическим исследованиям, действительно усиливает восприятие социальной и гедонической ценности ресторана, однако не оказывает прямого влияния на функциональные аспекты, такие как качество еды или атмосфера [2]. Процесс получения звезды «Мишлен» состоит из строгих критериев оценивания – качества ингредиентов, мастерства поваров, выражения личности шеф-повара, гармонии вкусов, постоянства. Решение о награждении принимает коллегия из анонимных инспекторов — штатных сотрудников компании, которые действуют строго инкогнито, всегда оплачивают счет и не раскрывают личность ни владельцам, ни персоналу заведения. Чтобы составить полное представление, они совершают несколько визитов в разное время года, на протяжении нескольких лет. Процесс инспекции инициируется самим гидом или по заявке ресторана, при этом подача заявки является бесплатной, и окончательное решение всегда остается за экспертами гида.

На региональном уровне Дальнего Востока ориентиром служит премия «WHERETOEAT FAR EAST», которая с 2013 года развивается как независимая система оценки, основанная на голосовании коллегии экспертов [3].

В отличие от тайных инспекций «Мишлен», премия «WHERETOEAT FAR EAST» функционирует на принципах профессионального сообщества. Рестораны не подают заявки на участие — оргкомитет премии их не принимает. Главным критерием отбора и инструментом формирования рейтинга служит закрытое голосование коллегии экспертов. Основными критериями являются – личный взгляд профессионалов, соответствие последним трендам, повышенные стандарты качества в индустрии. В коллегию входят признанные профессионалы рес-

торанного, гостиничного и винного бизнеса, а также наиболее авторитетные представители специализированных СМИ Дальневосточного региона.

В рамках исследования было проведено пилотное исследование среди 78 жителей города Владивостока, который позволил сформировать следующий портрет респондента:

– молодой человек в возрасте 18-24 лет;

– посещение предприятий питания реже одного раза в месяц;

– обычно в компании друзей или партнера;

– ориентир на средний чек в диапазоне до 2000 рублей.

Так, для данной аудитории ресторан – это скорее событие или повод для встречи, чем бытовая привычка, что накладывает отпечаток на механизмы принятия решения.

При выборе предприятия респонденты, в первую очередь, полагаются на рекомендации друзей и знакомых (36,1%), а также на рейтинг и отзывы на «Яндекс Картах» и «Google Maps» (30,3%), в то время как ресторанные премии и рейтинги как источник информации используют лишь 2,6% опрошенных.

Распределение значимости и минимально приемлемого уровня рейтинга заведений на картах представлено на рисунке 1.

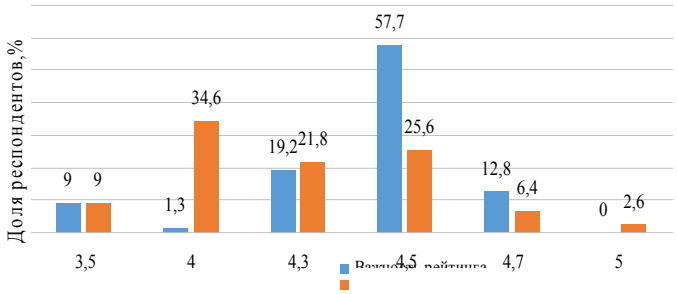

Рис. 1. Распределение значимости и минимально приемлемого уровня рейтинга заведений на картах, %

Составлено автором

Полученные данные согласуются с современными исследованиями потребительского поведения. Согласно результатам совместного исследования «Markway» и «Anketolog.ru», 98,9% покупателей знакомятся с отзывами перед совершением покупки, а 43% потребителей готовы выбрать бренд, только если его рейтинг составляет не менее 4,5 баллов [4]. Более того, алгоритмы геосервисов, таких как «Яндекс Карты», эволюционируют: сегодня они анализируют не просто усредненную оценку, а семантику отзывов, выявляя «вау-эффекты» и конфликтные сигналы, что делает работу с репутацией в цифровой среде критически важной для заведений [4].

Анализ осведомленности о профессиональных наградах показал значительный разрыв. В то время как о гиде Мишлен знают 45% опрошенных, узнаваемость российской премии «WHERETOEAT» остается критически низкой (7%) (таблица 1).

Таблица 1

Сравнительная осведомлённость о ресторанных наградах среди посетителей Владивостока

№	Награда / гид	Осведомлённость, %
1	Michelin (звезды Мишлен)	45,0
2	Лучший ресторан России по версии GQ	16,3
3	Ни с одной из перечисленных	10,9
4	Премия «Пальмовая ветвь ресторанного бизнеса»	9,3
5	WHERETOEAT (Россия)	7,0
6	The World's 50 Best Restaurants	6,2
7	Gault&Millau	5,4

Составлено автором

Можно заключить, что национальные и локальные премии пока не выполняют роль инструмента потребительской навигации несмотря на то, что сама премия «WHERETOEAT» за 12 лет существования выросла из локального петербургского эксперимента в крупную независимую гастрономическую премию с международной экспансией [3].

В исследовании детально рассмотрен феномен звезды Мишлен. Результаты опроса демонстрируют двойственное отношение: несмотря на высокий престиж, доверие к данному гиду как к индикатору качества распределяется неравномерно (рис. 2).

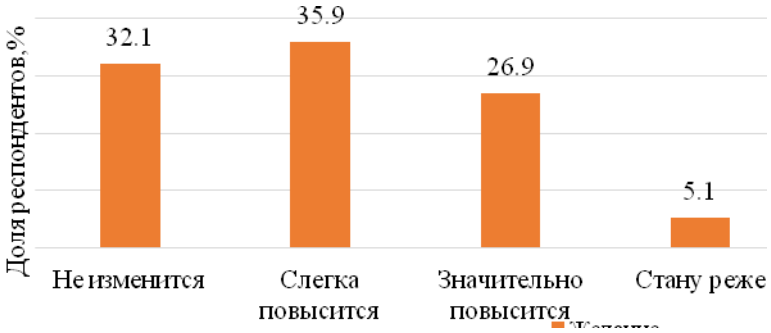

Рис. 2. Изменение желания посетить награжденный ресторан во Владивостоке, %

Составлено автором

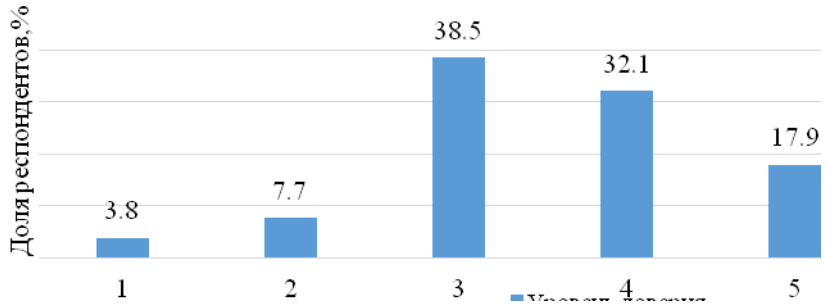

Рис. 3. Уровень доверия к звездам Мишлен

Составлено автором

С одной стороны, большинство опрошенных ассоциируют звезду Мишлен с высочайшим качеством еды (32,3% ответов) и безупречным сервисом (26,2%). С другой –30,8% респондентов когда-либо посещали мишленовские рестораны, а 48,7% вообще не знают, есть ли такой ресторан во Владивостоке. Это согласуется с выводами зарубежных исследователей, которые отмечают, что звезды Мишлен усиливают именно нефункциональные ценности – социальный престиж и гедоническое удовольствие, но не всегда конвертируются в массовый спрос из-за высоких ценовых ожиданий [2].

Принципиально важным результатом является вывод о том, что для массового потребителя высокий рейтинг на картах важнее звезды Мишлен, что подтверждается прямым сравнением: 37,2% опрошенных считают рейтинг важнее, и только 7,7% отдают безусловный приоритет награде. Исследование также выявляет низкую конверсию награды в готовность платить больше и путешествовать ради нее: большинство (52,6%) не поедут в другой город только ради ресторана, а максимальная сумма за ужин ограничивается для большинства рамками 100–200.

Эти результаты можно интерпретировать в контексте углубленного анализа систем оценок качества. Как отмечается в академической литературе по стратегическому менеджменту, оценочному механизму не всегда следует «угождать» – если он требует значительных вложений и при этом оказывает минимальное влияние на потребительский спрос, его рациональнее игнорировать [5]. Для локального рынка Владивостока это означает, что рестораторам, возможно, выгоднее инвестировать в управление пользовательскими отзывами и рейтингом на

картах, нежели стремиться к получению формальных, но малопонятных массовой аудитории регалий.

Барьеры, сдерживающие посещение награжденных ресторанов, также заслуживают внимания. Среди ключевых ограничений респонденты указывают ожидание завышенной цены и излишнего пафоса, что формирует разрыв между символическим статусом награды и реальными ценностями демократичной локальной аудитории. Заметна корреляция с данными о том, что для потребителей Владивостока ресторан остается прежде всего местом социального взаимодействия, а не статусного потребления.

Вывод. Проведённое исследование позволило эмпирически подтвердить, что система оценки ресторанов в сознании массового потребителя Владивостока выстроена вокруг пользовательских рейтингов, а не профессиональных премий. Гипотеза о том, что звезда «Мишлен» или знак «WHERETOEAT» автоматически генерирует высокий спрос, не нашла подтверждения. Награды выполняют функцию имиджевого маяка, но их знание фрагментарно и не конвертируется напрямую в немедленное желание посетить заведение у большинства опрошенных. Даже звезда «Мишлен2, обладающая глобальным авторитетом, воспринимается локальной аудиторией с умеренным уровнем доверия.

Российские и локальные ресторанные премии практически неизвестны широкой аудитории, что сводит к нулю эффективность данной награды как инструмента потребительской навигации, несмотря на её значимую роль в профессиональной среде. Одновременно с этим барьером для визита в награждённый ресторан выступает ожидание неоправданно высокого чека, что противоречит преобладающей модели потребления, ориентированной на бюджет до 2000 рублей.

Таким образом, в контексте Владивостока более эффективным инструментом привлечения гостей является системная работа с репутацией на цифровых картографических сервисах и формирование позитивного имиджа в пользовательских отзывах, чем стремление к получению формальных, но непонятных массовой аудитории регалий. Материалы исследования могут быть полезны рестораторам при формировании маркетинговой стратегии, а также администрациям городов для понимания реальных механизмов функционирования гастрономического бренда территории.

1. Латкин А.П. Иностранный туризм как перспективный вектор развития рынка туристских услуг регионов Дальнего Востока // Территория новых возможностей. – 2016. – № 3 (34). – Текст: электронный. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/inostrannyy-turizm-kak-perspektivnyy-vektor-razvitiya-rynka-turistskih-uslug-regionov-dalnego-vostoka (дата обращения: 11.05.2026).

2. Bang D., Choi K., Kim A.J. Does Michelin effect exist? An empirical study on the effects of Michelin stars // International Journal of Contemporary Hospitality Management. – 2022. – Vol. 34, № 6. – P. 2298–2319. – Текст: электронный. – URL: https://www.researchgate.net/publication/359799770_Does_Michelin_effect_exist_An_empirical_study_on_the_effects_of_Michelin_stars (дата обращения: 11.05.2026).

3. Как запустить гастропремию в России и за рубежом: история WhereToEat // РБК Стиль. – 01.10.2024. – Текст: электронный. – URL: https://style.rbc.ru/impressions/66fab08c9a7947b3d6f46b9c (дата обращения: 11.05.2026).

4. Ловушка четырех звезд: почему алгоритмы «Яндекс Карт» уже не те // Markway. – 29.11.2025. – Текст: электронный. – URL: https://markway.ru/blog/lovushka-chetyreh-zvezd-pochemu-algoritmy-yandeks-kart-uzhe-ne-te/ (дата обращения: 11.05.2026).

5. Опасные звезды: почему награды и рейтинги могут навредить // Большие Идеи. – Текст: электронный. – URL: https://big-i.ru/kompaniya/strategiya/p18475/(дата обращения: 11.05.2026).

Сведения об авторах

Заприса Тимофей Максимович, бакалавр, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

Ден Валерия Гихоевна, кандидат культурологии, доцент кафедры туризма и гостинично-ресторанного бизнеса, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 658.7:004

КЛАССИФИКАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УПРАВЛЕНИИ ЦЕПЯМИ ПОСТАВОК: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Д.Е. Знаменских, магистрант

О.В. Лайчук, канд. экон. наук, доцент, научный руководитель

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *На основе сетевого подхода и теории цифровой зрелости разработана двумерная матричная классификация цифровых технологий в SCM. По данным Gartner и MHI/Deloitte (2025-2026) рассчитаны средний уровень внедрения и диапазон вариации. Выявлен «парадокс ИИ»: разрыв между инвестиционными намерениями и формализацией стратегий и реинжинирингом. Предложены рекомендации.*

Ключевые слова и словосочетания: *управление цепями поставок (SCM), цифровая трансформация, сетевой подход, цифровая зрелость, матричная классификация, искусственный интеллект, парадокс ИИ, реинжиниринг процессов.*

CLASSIFICATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN SUPPLY CHAIN MANAGEMENT: A THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. *Based on the network approach and digital maturity theory, a two-dimensional matrix classification of digital technologies in SCM has been developed. Based on Gartner and MHI/Deloitte data (2025–2026), the average adoption rate and the range of variation were calculated. The "AI paradox" has been identified, revealing a gap between investment intentions, strategy formalization, and process reengineering. Relevant recommendations are proposed.*

Keywords: *supply chain management (SCM), digital transformation, network approach, digital maturity, matrix classification, artificial intelligence, AI paradox, process reengineering.*

Актуальность обращения к теоретико-методологическим основам классификации цифровых технологий в управлении цепями поставок (SCM) обусловлена тремя группами факторов. Во-первых, в условиях глобальной макроэкономической нестабильности, геоэкономического давления и обострившегося дефицита линейного персонала устойчивость и гибкость логистических систем становятся ключевыми факторами выживания и конкурентоспособности бизнеса. Во-вторых, современная научная парадигма требует пересмотра классических подходов к логистике в связи с переходом от жестких линейных цепей к многомерным цифровым сетям поставок (Supply Networks), что кардинально меняет требования к ИТ-инфраструктуре предприятий. В-третьих, стремительное развитие и коммерциализация интеллектуальных решений (включая агентский искусственный интеллект и предиктивную аналитику) в период 2025-2026 гг. делают теоретический анализ цифровой зрелости не формальным описанием трендов, а необходимой базой для стратегического планирования. При этом до настоящего времени недостаточно изученным остается влияние внутренних операционных ограничений и структурных барьеров на реальную эффективность внедрения ИТ-инноваций, что порождает системные разрывы («парадокс ИИ») и существенно усиливает актуальность настоящего исследования.

Научная новизна статьи заключается в системном объединении функционального подхода к элементам SCM с концепцией многоуровневой трансформации бизнес-архитектуры посредством разработки авторской двумерной матричной классификации цифровых технологий. В работе впервые на основе обобщения новейших эмпирических данных Gartner и MHI/Deloitte за 2025-2026 гг. математически верифицирован и содержательно раскрыт институциональный разрыв между высокими инвестиционными намерениями компаний и игнорированием предварительного реинжиниринга рабочих процессов. Это позволило выделить внутренние операционные ограничения (неготовность регламентов, отсутствие ИИ-стратегий, инфраструктурные разрывы данных) в качестве самостоятельного объекта управления в рамках цифровой логистической политики.

Цель статьи – разработать теоретико-методологическую основу классификации цифровых технологий в управлении цепями поставок, включающую обоснование эволюции парадигмы SCM, определение экономических драйверов цифровой трансформации, создание двумерной матричной модели, эмпирический анализ интенсивности внедрения ИТ-инструментов и математико-статистическую верификацию операционных барьеров цифровизации.

Для достижения поставленной цели сформулированы следующие задачи:

1) исследовать эволюцию парадигмы SCM от классических линейных цепей к концепции цифровых сетей поставок;

2) определить экономическую сущность цифровой трансформации в логистике и ключевые драйверы ее реализации;

3) разработать двумерную матричную модель классификации современных логистических цифровых технологий;

4) проанализировать эмпирический уровень интенсивности внедрения ключевых ИТ-инструментов по актуальным данным за 2025-2026 гг.;

5) выполнить математико-статистический расчет показателей цифровизации, интерпретировать результаты и выявить характерные операционные барьеры («парадокс ИИ»).

Методологической базой статьи выступают общенаучные методы: теоретический анализ, синтез, системный подход, сравнительный анализ, а также элементы матричного, экономико-статистического и институционального анализа. В качестве теоретического фундамента применены современные концепции сетевого управления (Supply Networks), теории цифровой зрелости организаций, а также методы математико-статистического расчета средних величин и диапазона вариации признака для содержательной интерпретации глобальных аналитических отчетов (Gartner, MHI/Deloitte).

1. Эволюция парадигмы SCM: от линейных цепей к концепции цифровых сетей поставок

В современной экономической науке и практике менеджмента концепция управления цепями поставок (Supply Chain Management – SCM) претерпевает глубокую парадигмальную трансформацию. Исторически, в рамках классических подходов к организации производства и дистрибуции, управлению цепями поставок отводилась сугубо вспомогательная, изолированная роль. Логистические операции рассматривались менеджментом как обеспечивающая инфраструктура, ключевой задачей которой было бесперебойное поддержание физического функционирования производственного процесса.

Однако традиционный линейный подход, предполагающий последовательное и жестко регламентированное движение материального потока от первоначального источника сырья через цепочку посредников к конечному потребителю, в условиях современной волатильной глобальной среды демонстрирует свою ограниченность. Линейные модели управления неизбежно ведут к возникновению системных дисбалансов:

- последовательное искажение информации о спросе при движении от потребителя вверх по цепи поставок;

- необходимость содержания избыточных страховых запасов на каждом изолированном складе для компенсации рисков срыва поставок;

- высокая инертность системы при резких колебаниях рыночной конъюнктуры или возникновении макроэкономических шоков.

Ввиду указанных ограничений в современной теории логистики утвердился сетевой подход, предполагающий стратегический переход от дискретных «цепей поставок» (supply chains) к многомерным «сетям поставок» (supply networks) [1, 35].

Сеть поставок – это динамическая, гибко настраиваемая экосистема интегрированных, взаимозависимых и информационно прозрачных контрагентов (поставщиков, производителей, логистических провайдеров, дистрибьюторов), вовлеченных в процессы совместного создания, распределения и потребления ценности.

Экономическая сущность сетевого подхода заключается в том, что процессы разветвления и интеграции связей создают синергетический эффект. Каждое структурное подразделение или привлеченный контрагент, выполняя операцию, добавляет конечному продукту определенную стоимость и ценность. Возникает ситуация сквозной взаимозависимости: каждый потребитель информации или ресурсов одновременно становится поставщиком для следующего вида деятельности или операции. Процесс «разветвления» и параллельного выполнения операций продолжается до момента получения продукта конечным покупателем.

Как следствие, в современных условиях рыночная конкуренция трансформируется из плоскости соперничества отдельных вертикально-интегрированных компаний в плоскость глобального противостояния и соперничества высокоадаптивных сетей поставок со сложной топологией связей.

2. Понятие цифровой трансформации в SCM и ее экономические драйверы

Главным катализатором, технологической основой и платформой для практической реализации сетевого подхода выступает цифровая трансформация. В контексте SCM под цифровой трансформацией понимается не просто точечная автоматизация рутинных ручных операций или внедрение обособленных программных продуктов, а фундаментальная реорганизация текущих бизнес-процессов, подходов к управлению и способов взаимодействия между всеми участниками сети на основе внедрения сквозных цифровых технологий, инструментов и интеллектуальных платформ.

Целью цифровой трансформации сетей поставок является создание принципиально новой операционной модели, обладающей свойствами:

- прозрачности: доступность достоверных данных о движении материальных и информационных потоков в реальном времени для всех верифицированных участников сети.
- гибкости: способность сети мгновенно перестраивать маршруты, менять объемы производства и перераспределять запасы при изменении внешних условий.
- надежности: устойчивость к сбоям за счет предиктивного выявления рисков и автоматического поиска альтернативных сценариев логистики [2, с. 155].

Экономическая целесообразность масштабных инвестиций в цифровые преобразования подтверждается макроструктурными исследованиями ведущих консалтинговых институтов. Современные технологические лидеры, сделавшие ставку на цифровую оркестрацию SCM, демонстрируют долгосрочные конкурентные преимущества:

- время реакции на изменения рыночного спроса сокращается более чем на 25%;
- объем связанного рабочего капитала оптимизируется на величину до 30%;
- операционная маржинальность бизнеса возрастает в диапазоне от 40% до 110% за счет ликвидации скрытых потерь и неэффективности;
- оборачиваемость оборотных средств в днях ускоряется на 17-64%.

Для перехода к целевой модели цифровой сети поставок менеджменту предприятий требуется четкое понимание структуры ИТ-ландшафта. Ввиду чрезвычайного многообразия и высокой скорости появления новых технологических решений актуальной научной задачей становится их систематизация и классификация.

3. Матричная модель классификации цифровых технологий в SCM

Для формирования системного представления о структуре цифровых инноваций в логистике была разработана двумерная матричная модель классификации. В отличие от упрощенных линейных классификаций, данная модель распределяет технологии по двум ключевым осям:

- уровень воздействия на архитектуру бизнеса (инфраструктурный базис, оптимизация процессов, стратегическая трансформация).
- функциональный охват цепи поставок (внутренняя логистика и производство, внешняя логистика и дистрибуция, сквозное планирование и координация).

Концептуальное распределение современных технологических решений в рамках предложенной матрицы систематизировано в таблице 1.

Таблица 1

Матричная модель классификации цифровых технологий по уровням трансформации и функциональному охвату

Уровень трансформации / Функциональный охват	Внутренняя логистика и производство	Внешняя логистика и дистрибуция	Сквозное планирование и координация
Стратегическая трансформация (Инновационные прорывные технологии)	Автономные роботизированные комплексы (AMR), безлюдные склады (Dark Warehouses)	Автономные транспортные средства, интеллектуальные дроны-доставщики	Агентский искусственный интеллект (Agentic AI), цифровые двойники цепей поставок (DSCT)

Окончание табл. 1

Уровень трансформации / Функциональный охват	Внутренняя логистика и производство	Внешняя логистика и дистрибуция	Сквозное планирование и координация
Оптимизация процессов (Технологии повышения операционной эффективности)	Системы WMS/MES с элементами ИИ, датчики IoT на оборудовании	Предиктивное управление маршрутизацией, TMS нового поколения, RFID-идентификация	Системы предиктивной аналитики спроса, автоматизированное управление запасами
Инфраструктурный базис (Фундаментальные цифровые решения)	Локальные цифровые платформы сборки и учета данных	Облачные трекеры мониторинга грузов (GPS/ГЛОНАСС)	Облачные вычисления (Cloud Computing), масштабируемые хранилища данных

Предложенный теоретический каркас позволяет уйти от хаотичного восприятия ИТ-трендов. Для оценки практической применимости данных элементов далее необходимо проанализировать эмпирический уровень их реального освоения современным рынком.

4. Эмпирический анализ интенсивности внедрения цифровых технологий в SCM (2025-2026 гг.)

Для определения реального уровня цифровой зрелости цепей поставок были проанализированы и систематизированы данные глобальных исследований, проведенных консалтинговыми и исследовательскими агентствами Gartner и MHI / Deloitte в период конца 2025 – первой половины 2026 года [3,4]. Вместо устаревших среднесрочных прогнозов в практику анализа введены показатели реального операционного использования и подтвержденных инвестиционных планов компаний на ближайший пятилетний цикл (таблица 2).

Таблица 2

Интенсивность внедрения ключевых цифровых технологий в управлении цепями поставок

№ п/п	Группа цифровых технологий	Уровень внедрения / перспективного планирования (%)	Источник данных	Ссылка на первоисточник (URL)
1	Оптимизация запасов и сетевой структуры	92%	Исследование MHI & Deloitte (2025-2026)	https://www.mhi.org/annual-industry-reports
2	Облачные вычисления и масштабируемые хранилища	91%	Исследование MHI & Deloitte (2025-2026)	https://www.businesswire.com/news/home/20250319048739/en/New-MHI-and-Deloitte-Report-Focuses-on-Orchestrating-End-to-End-Digital-Supply-Chain-Solutions
3	Датчики и системы автоматической идентификации	88%	Исследование MHI & Deloitte (2025-2026)	https://www.mhi.org/annual-industry-reports
4	Предиктивная аналитика цепей поставок	87%	Исследование MHI & Deloitte (2025-2026)	https://www.businesswire.com/news/home/20250319048739/en/New-MHI-and-Deloitte-Report-Focuses-on-Orchestrating-End-to-End-Digital-Supply-Chain-Solutions
5	Робототехника и интеллектуальная автоматизация	83%	Исследование MHI & Deloitte (2025-2026)	https://www.mhi.org/annual-industry-reports
6	Искусственный интеллект и машинное обучение	82%	Исследование MHI & Deloitte (2025-2026) / Gartner Survey (2025)	https://www.gartner.com/en/newsroom/2025-06-11-gartner-survey-shows-just-23-percent-of-supply-chain-organizations-have-a-formal-ai-strategy

Окончание табл. 2

№ п/п	Группа цифровых технологий	Уровень внедрения / перспективного планирования (%)	Источник данных	Ссылка на первоисточник (URL)
7	Промышленный интернет вещей	77%	Исследование MHI & Deloitte (2025-2026)	https://www.businesswire.com/news/home/20250319048739/en/New-MHI-and-Deloitte-Report-Focuses-on-Orchestrating-End-to-End-Digital-Supply-Chain-Solutions
8	Мобильные и носимые технологии	72%	Исследование MHI & Deloitte (2025-2026)	https://www.mhi.org/annual-industry-reports

5. Математико-статистический анализ и содержательная интерпретация результатов

На основе обновленного эмпирического массива, который наглядно представлен в таблице 2, был проведен повторный расчет базовых статистических показателей, характеризующих современную динамику цифровизации SCM.

Для совокупности восьми ключевых групп технологических решений среднее арифметическое значение показателя внедрения и целевого планирования (X) рассчитывается следующим образом:

$$X = \frac{x_i}{n},$$

где X – средний арифметический уровень внедрения цифровых технологий в управлении цепями поставок, %;

x_i – показатель уровня внедрения i-й группы цифровых технологий, %;

n – общее количество анализируемых групп цифровых технологий (n = 8).

Полученное значение в формуле 1 свидетельствует, что средний уровень проникновения передовых цифровых решений в стратегические планы и практику ведущих мировых компаний достиг 84%. Это свидетельствует о том, что цифровизация цепей поставок полностью вышла из стадии точечных экспериментов. Высокотехнологичные инструменты стали базовым условием выживания компаний на рынке (так называемым «гигиеническим минимумом» бизнеса) в условиях растущей геополитической волатильности и дефицита рабочей силы.

Диапазон вариации признака находится в пределах от 72% до 92%, что указывает на относительно высокую однородность инвестиционных приоритетов компаний.

Абсолютными лидерами внедрения являются технологии оптимизации запасов и сетей (92%) в синергии с облачными вычислениями (91%) [4,5]. Данный тренд обусловлен тем, что постпандемическая нестабильность заставила бизнес отказаться от жестких моделей «точно в срок» (Just-in-Time) в пользу концепции обеспечения устойчивости и гибкости. Облачная ИТ-инфраструктура выступает в роли фундаментального каркаса, без которого невозможно развертывание сложных аналитических систем.

Датчики автоматической идентификации (88%) и робототехника (83%) демонстрируют ускоренный рост (прирост воспринимаемой ценности робототехники за последний год составил рекордные 11%) [4]. Компании активно замещают дефицитный складской и линейный персонал автономными мобильными роботами (AMR) и автоматизированными конвейерными системами.

Несмотря на то, что агрегированный показатель планируемого внедрения искусственного интеллекта и машинного обучения составляет 82%, а 74% топ-менеджеров называют ИИ главным драйвером трансформации бизнеса на ближайшие три-пять лет, детальный кросс-анализ исследований Gartner вскрывает глубокие структурные проблемы (институциональные разрывы) [3]:

- стратегический дефицит. Лишь 23% руководителей цепей поставок имеют зафиксированную и формализованную долгосрочную стратегию развертывания ИИ в своих подразделениях. Большинство проектов реализуются хаотично, в формате «project-by-project», ради дос-

тижения сиюминутных тактических побед (быстрого снижения затрат), что ставит под угрозу долгосрочный трансформационный эффект [3];

- игнорирование реинжиниринга процессов (Критический разрыв). Согласно майскому исследованию Gartner 2026 года, только 17% организаций осуществляют предварительный радикальный пересмотр и оптимизацию архитектуры своих бизнес-процессов перед внедрением ИИ-решений. Остальные 83% компаний занимаются поверхностным «накладыванием» (bolt-on) современных алгоритмов машинного обучения на устаревшие, неэффективные ручные регламенты.

Подобный «поверхностный» подход приводит к резкому падению эффективности инноваций. Предиктивные модели ИИ способны улучшать точность прогнозирования спроса в среднем на 25%, однако показатели оборачиваемости запасов на складах остаются неизменными, так как логистические регламенты пополнения, графики поставок и политики расчета страховых запасов внутри компаний не перестраивались под скорость работы алгоритмов.

Для минимизации выявленных диспропорций и обеспечения перехода компаний из квадранта краткосрочной оптимизации процессов в квадрант стратегической трансформации (таблица 1) предлагается внедрение комплексного подхода, базирующегося на трех столпах:

- переход к автономному бизнес-мышлению. Интеграция агентского ИИ (Agentic AI) должна осуществляться не в качестве надстройки над существующими интерфейсами, а как делегирование сквозных рутинных решений автономным цифровым агентам. По прогнозам Gartner, к 2028 году до 15% ежедневных операционных решений в логистике будут приниматься ИИ полностью автономно;

- динамический реинжиниринг рабочего процесса. Внедрение любой технологии из таблицы 2 (особенно уровня ИИ и предиктивной аналитики) должно предваряться перепроектированием матрицы полномочий. Необходимо четко определять три параметра: тип решения, его временное окно, уровень автономности ИИ;

- ликвидация инфраструктурных разрывов данных. Поскольку алгоритмы ИИ критически чувствительны к полноте входящей информации, первоочередной задачей становится развертывание систем автоматической идентификации (IoT/Sensors, уровень внедрения которых составляет 88%) для формирования непрерывного потока чистых данных в реальном времени [4].

Заключение

Исследование подтвердило ограниченность линейных цепей поставок и эффективность сетевого подхода. Определены экономические драйверы цифровой трансформации SCM (сокращение времени реакции >25%, оптимизация рабочего капитала до 30%, рост маржинальности 40-110%, ускорение оборачиваемости 17-64%). Разработана двумерная матричная классификация цифровых технологий по уровню трансформации и функциональному охвату. Эмпирический анализ данных Gartner и MHI/Deloitte (2025-2026) показал средний уровень внедрения 84% (диапазон 72-92%), лидеры – оптимизация запасов (92%) и облака (91%). Выявлен «парадокс ИИ»: при 82% инвестиционных намерений лишь 23% компаний имеют формальную стратегию ИИ и только 17% осуществляют реинжиниринг процессов. Главный барьер – неготовность операционной архитектуры, а не доступность технологий. Предложены пути преодоления: агентский ИИ, динамический реинжиниринг и ликвидация инфраструктурных разрывов данных на основе IoT.

1. Дыбская В.В, Сергеев В.И., Сергеев И.В. Эволюция управления цепями поставок в направлении цифровой трансформации // Развитие логистики в условиях санкционных ограничений и международной экономической интолерантности. – 2022. – С. 33-40. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54015311

2. Капский П. Д., Ларин О. Н., Жудро М. К. Многокритериальная классификация модификаций цепей поставок в транспортно-логистической деятельности // Наука и техника. – 2026. – Т. 25, – № 2. – С. 154-166. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mnogokriterialnaya-klassifikatsiya-modifikatsiy-tsepey-postavok-v-transportno-logisticheskoy-deyatelnosti

3. Gartner Survey Shows Just 23 Percent of Supply Chain Organizations Have a Formal AI Strategy Текст: электронный. – URL: https://www.gartner.com/en/newsroom/2025-06-11-gartner-survey-shows-just-23-percent-of-supply-chain-organizations-have-a-formal-ai-strategy

4. MHI Annual Industry Reports Текст: электронный. – URL: https://www.mhi.org/annual-industry-reports

5. New MHI and Deloitte Report Focuses on Orchestrating End-to-End Digital Supply Chain Solutions Текст: электронный. – URL: https://www.businesswire.com/news/home/20250319048739/en/New-MHI-and-Deloitte-Report-Focuses-on-Orchestrating-End-to-End-Digital-Supply-Chain-Solutions

Сведения об авторах

Д.Е. Знаменских, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

Лайчук О.В., канд. экон. наук, доцент, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 327

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ ВЛАДИВОСТОКА В РАМКАХ ИНТЕГРАЦИИ В СИСТЕМУ ТРАНСАРКТИЧЕСКОГО ТРАНСПОРТНОГО КОРИДОРА

Е. В. Зорикова, аспирант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье исследуется эволюция геополитического значения Владивостока и Приморского края, предложена периодизация их роли. Выявлена их двойственная функция как восточного элемента ТАТК и как узла соединения с азиатскими транспортными системами. Определено, что регион становится активным субъектом парадипломатии и актором международных отношений. Интеграция Владивостока в систему ТАТК усиливает его геополитическое значение*

Ключевые слова: *Арктика, Владивосток, СМП, Трансарктический транспортный коридор, геополитический анализ.*

TRANSFORMATION OF VLADIVOSTOK'S GEOPOLITICAL ROLE IN THE FRAMEWORK OF INTEGRATION INTO THE TRANS-ARCTIC TRANSPORT CORRIDOR SYSTEM

Abstract. *The article examines the evolution of the geopolitical significance of Vladivostok and Primorsky Krai, and proposes a periodization of their role. Their dual function as the eastern element of the Trans-Arctic Transport Corridor (TATC) and as a hub connecting with Asian transport systems is revealed. It is determined that the region is becoming an active subject of paradiplomacy and an actor in international relations. The integration of Vladivostok into the TATC system strengthens its geopolitical significance.*

Keywords: *The Arctic, Vladivostok, the Northern Sea Route, the Transarctic transport Corridor, geopolitical analysis.*

Актуальность исследования. В последние годы Арктика стала одной из активно перестраиваемых геополитических зон. Большинство приарктических стран обновили свои арктические стратегии, что свидетельствует об увеличении значимости региона для этих государств и о качественном изменении роли Арктики в мировой политике и экономике. Для России, которая нормативно закрепляет Северный морской путь в качестве исторически сложившейся национальной транспортной коммуникации Российской Федерации, развитие арктической логистики и самого СМП выдвигается в число приоритетных направлений государственной политики [1].

В марте 2025 г. в ходе Международного арктического форума Президент РФ В. В. Путин поручил правительству с участием «Росатома», ВЭБа, профильной комиссии Госсовета до 1 августа утвердить финансово-экономическую модель развития трансарктического транспортного коридора [5].

В официальном и экспертном дискурсе все чаще используется расширительное понимание Северного морского пути: не только как морской трассы (акватории) в географическом значении (от Новой Земли до Берингова пролива) протяженностью примерно 5600 км, но и как экономико-логистической системы, соединяющей Санкт-Петербург или Мурманск с Вла-

дивостоком. Это концепция Большого СМП, который включает в себя всю акваторию СМП как центральное звено, но кроме того интегрирует крупные порты Баренцева и Берингова морей, формально находящиеся за административными границами акватории СМП, общей протяженностью примерно 14000 км.

Подобное смешение понятий (СМП как акватория, СМП и Большой СМП) затрудняет анализ, так как значение для России имеет не только СМП как акватория, но и большой альтернативный транспортный маршрут Европа – Азия, Азия – Европа, включающий акваторию СМП, но не ограниченный только акваторией.

В марте 2025 г. на выступлении в Мурманске в рамках Международного форума «Арктика – территория диалога» президент России Владимир Путин ввел в официальный оборот термин «Трансарктический транспортный коридор» (далее по тексту – ТАТК или ТТК), который в дальнейшем стал широко использоваться в научной среде [10]. В. П. Журавель и С. Н. Гриняев определяют ТАТК как мультимодальный маршрут, объединяющий Северный морской путь (СМП) с железнодорожными и речными артериями, что обеспечивает транзит грузов между Европой и Азией с минимальными затратами времени и ресурсов [4].

В такой конструкции г. Владивосток прямо обозначается как отправная и конечная точка ТАТК, что позволяет позиционировать город не только как форпост России на Тихом океане. Несмотря на то, что ни Владивосток, ни Приморский край не относятся к Арктической зоне РФ, именно их рассматривают как значимое звено альтернативного маршрута Европа – Азия, Азия – Европа через СМП, как площадку для сопряжения транспортных коридоров России с коммуникациями азиатских стран – с китайскими маршрутами «Приморье-1» и «Приморье-2», с коридором Ченнаи – Владивосток, связывающим Россию и Индию. Это дает основание для рассмотрения изменения геополитического значения Владивостока.

Научная новизна исследования:

1. Разработана периодизация геополитической роли Владивостока и Приморского края: от форпоста страны на Тихом океане и торгового порта к элементу сопряжения арктических транспортных коридоров с азиатскими транспортным коммуникациями.

2. Выявлена двойственная геополитическая роль Владивостока и Приморского края - как восточного элемента ТАТК и как узла соединения с азиатскими транспортными системами.

3. Владивосток и Приморский край рассматриваются как субъект парадипломатии, как актор международных отношений.

Цель исследования: выявление основных этапов и значимых изменений геополитического значения Владивостока и Приморского края, связанных с их интеграцией в формирующийся Трансарктический транспортный коридор, а также определение геополитической функции Владивостока и Приморского края в системе глобальных коммуникаций Европа – Азия.

Задачи исследования:

1) определить геополитически значимые исторические этапы Владивостока и Приморского края в качестве тихоокеанского форпоста страны, торгового порта и элемента транспортной коммуникации;

2) проанализировать современный этап интеграции Владивостока в ТАТК;

3) определить перспективу изменения геополитической роли Владивостока и Приморского края как точки сопряжения с коммуникациями азиатских стран.

Предмет исследования: эволюция геополитического значения Владивостока и Приморского края в процессе интеграции в Трансарктический транспортный коридор.

Объект исследования: международные отношения, складывающиеся в ходе формирования и функционирования Трансарктического транспортного коридора как глобальной коммуникации Европа – Азия.

Основными методами исследования выступают сравнительно-исторический метод, контент-анализ официальных документов, а также системный анализ.

В рамках сравнительно-исторического анализа можно выделить несколько геополитически значимых исторических этапа Владивостока.

Первый этап – с 1860 до 1952 г. – представляет собой формирование Владивостока в качестве морского форпоста страны на Тихом океане. На этом этапе Владивосток и Приморский край не только стали значимыми в военно-стратегическом плане, но и благодаря установленному с 1862 по 1909 годы режиму порто-франко стали центром торговли с азиатскими странами. Также в город прибывали торговцы из США, Англии, Германии и других стран, что сделало Владивосток местом международной торговли. В этот этап вошел и период Граждан-

ской войны, период иностранной интервенции, когда Владивосток стал местом борьбы за контроль над тихоокеанским побережьем. Во время Великой Отечественной войны Владивосток был стратегическим портом ленд-лиза: на порт Владивосток пришлось около 45% потока грузов из США в рамках программы ленд-лиза, по которой в СССР всего за годы войны было доставлено более 17 млн тонн [7]. Так, на первом этапе основанный в 1860 г. как военный пост, Владивосток в геополитическом плане достаточно быстро превратился в международный порт.

Второй этап – с 1952 до 1992 г. – Владивосток является закрытым городом для посещения иностранцами. В указанный период иностранные суда направляли в порт г. Находка Приморского края в качестве альтернативы, тогда как сам Владивосток в большей степени имел значение для решения военно-стратегических задач. Таким образом, в период второго этапа Владивосток фактически не являлся местом международных транспортных коммуникаций.

Третий этап – с 1992 до 2010-х гг. – на этом этапе Владивосток вновь стал местом для международной торговли. За этот период значительно вырос контейнерооборот. Став площадкой для проведения в 2012 году саммита АТЭС-2012, Владивосток в геополитическом плане развивается в качестве российского центра для международного сотрудничества в АТР. В 2015 г. принимается Федеральный закон № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток», благодаря которому географические и экономические преимущества Владивостока и Приморского края используются как восточные морские ворота Российской Федерации для интеграции в экономическое пространство государств Азиатско-Тихоокеанского региона [2].

Третий этап играет большую роль в становлении Владивостока местом для международного сотрудничества, особенно с азиатскими государствами. Благодаря регулярному проведению Восточных экономических форумов и других мероприятий, за городом закрепляется роль площадки для сотрудничества и инвестиций в различные масштабные проекты.

Кроме того, уже на третьем этапе Владивосток становится узлом для сопряжения российских и азиатских транспортных коммуникаций. Через порты Владивостока проходят грузопотоки, двигающиеся в направлениях Европа – Азия и Азия – Европа, в том числе с использованием Транссибирской магистрали и, в перспективе, Северного морского пути как альтернативы южным маршрутам.

Четвертый этап – с 2020 по 2026 год (текущее время). В качестве современного этапа можно выделить становление Владивостока элементом Большого северного морского пути и в дальнейшем – Трансарктического транспортного коридора. На официальном уровне Владивосток указывается в качестве начала (или окончания) транспортного пути из Санкт-Петербурга.

Так, в 2021 г. в рамках ВЭФ госкорпорацией «Росатом» был представлен проект Большого Северного морского пути [6]. А в марте 2025 г. президент России Владимир Путин ввел и обозначил концепцию Трансарктического транспортного коридора (ТАТК) во время рабочей поездки в Мурманск. Трансарктический транспортный коридор - это фактически «ребрендинг» федпроекта «Развитие Большого Северного морского пути» (БСМП) в составе нацпроекта «Эффективная транспортная система»: «Федпроект актуализируется на фоне возросшего интереса к Арктике как макрорегиону со стороны не только России, но и других стран, например, в связи с планами США по присоединению Гренландии [3].

На современном этапе возрастает и роль Приморского края: так, например, с 2020 г. на судостроительном комплексе «Звезда» (г. Большой Камень) началось строительство головного атомного ледокола проекта 10510 «Лидер» для обеспечения навигации по Северному морскому пути [8].

На современном этапе Владивосток и Приморский край обретают новую геополитическую роль. Во Владивостоке создаются глубоководные терминалы мощностью 1 миллион контейнеров, эти терминалы будут специализироваться на обработке судов ледового класса [9]. Морская коллегия Российской Федерации поручила актуализировать концепцию развития международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2», эти коридоры, связывающие регион с северо-восточными провинциями КНР, рассматриваются как составная часть Трансарктического транспортного коридора [9].

Интеграция Владивостока в систему Трансарктического транспортного коридора позволяет рассматривать его в двойственную геополитическую роль. Так, с одной стороны, Владивосток и Приморский край становятся элементом самого ТАТК, его отправной (или конечной) точкой. При этом с другой стороны Владивосток выступает местом соединения с транспортными системами стран АТР.

В перспективе десяти лет геополитическая роль Владивостока и Приморского края будет усиливаться, создавая реальную возможность альтернативы маршрута Европа – Азия, ведь на первый план может выйти не столько дешевизна, сколько безопасность. И хотя южные маршруты на текущий момент объективно дешевле, а БСМП или ТАТК – пока только возможная альтернатива, для развития которой требуются существенные финансовые вложения, – в перспективе 10 лет, особенно в рамках сотрудничества России со странами АТР, эта альтернатива может стать действительно выгодной. Само же сотрудничество с Индией, Китаем, другими странами АТР, активно заинтересованными в использовании СМП, также делает Владивосток местом для входа коммуникаций азиатских партнеров в арктическую транспортную систему России.

Помимо роли транспортного узла Владивосток и Приморский край все активнее проявляются как самостоятельные акторы международных отношений, субъекты парадипломатии. Эта роль возрастает ввиду интеграции Владивостока в систему ТАТК. Приморский край участвует в формировании грузовой базы транспортного коридора, в привлечении зарубежных инвестиций.

Кроме того, во Владивостоке проводится ВЭФ, в рамках которого ежегодно подписывается большое количество соглашений, в том числе с зарубежными инвесторами. Предполагается, что интеграция Владивостока в ТАТК повлечет увеличение количества инвестиционных проектов, совместно реализуемых со странами АТР, заинтересованными в этом транспортном коридоре и Арктике в целом.

Выводы исследования. Проведенное исследование позволило выявить основные этапы геополитического значения Владивостока и Приморского края, которые прошли путь от форпоста страны на Тихом океане и международного торгового порта до узла сопряжения арктических транспортных коридоров с коммуникациями азиатских стран. Современный этап интеграции в ТАТК закрепляет за Приморским краем и Владивостоком двойственную геополитическую роль, представляющих собой, с одной стороны, элемент самого Трансарктического транспортного коридора, с другой – являющихся местом стыковки с транспортными системами азиатских стран. Помимо этого, Владивосток и Приморский край все активнее реализуют себя в качестве субъектов парадипломатии, тем самым в системе международных отношений, складывающихся в ходе формирования и развития ТАТК, они превращаются в активного актора, способного влиять на конфигурацию транспортных коммуникаций Европа – Азия, а также на международное сотрудничество со странами АТР, в том числе в арктических проектах.

Таким образом, геополитическая функция Владивостока и Приморского края в системе глобальных коммуникаций Европа – Азия заключается в том, что регион выступает в качестве узла сопряжения арктических транспортных коридоров и азиатских транспортных коммуникаций, в качестве значимого элемента Трансарктического транспортного коридора, а также в качестве активного субъекта парадипломатии, играющего важную роль в привлечении иностранных инвестиций в арктические проекты и логистику.

1. Федеральный закон от 31.07.1998 № 155-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации». Статья 14 // Собрание законодательства РФ. - 1998. – № 31. – Ст. 3833.

2. Федеральный закон от 13.07.2015 № 212-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) «О свободном порте Владивосток» // Собрание законодательства РФ. - 2015. - № 29 (ч. I). - Ст. 4340.

3. Арзуманов И., Львова А. Большой Северный морской путь стал трансарктическим // Эксперт.Медиа. 2025. Текст: электронный. – URL: https://expert.ru/ekonomika/bolshoy-severnyy-morskoy-put-stal-transarkticheskim (дата обращения: 24.05.2026).

4. Журавель В.П., Гриняев С.Н. Трансарктический транспортный коридор: политико-экономический и стратегический потенциал для России // Арктика и Север. 2025. № 60. Текст: электронный. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transarkticheskiy-transportnyy-koridor-politiko-ekonomicheskiy-i-strategicheskiy-potentsial-dlya-rossii (дата обращения: 24.05.2026).

5. Путин поручил утвердить модель развития трансарктического коридора // РИА Новости. 2025. Текст: электронный. – URL: https://ria.ru/20250327/putin-2007797604.html (дата обращения: 24.05.2026).

6. «Росатом» представил на ВЭФ проект Большого Северного морского пути // Российская газета. 2021. Текст: электронный. – URL: https://rg.ru/2021/09/03/reg-dfo/rosatom-predstavil-na-vef-proekt-bolshogo-severnogo-morskogo-puti.html (дата обращения: 24.05.2026).

7. Снабжение фронта и перевалка жизненно важных грузов: как работал порт Владивосток в годы Великой Отечественной войны // Азово-Черноморское территориальное управление Федерального

агентства по рыболовству. 2025. Текст: электронный. – URL: https://rostov.fish.gov.ru/press/news/Snabgenie_fronta_i_perevalka_giznenno_vagnyh_gruzov%3A_kak_rabotal_port_Vladivostok_v_gody_Velikoy_Otechestvennoy_voyny/ (дата обращения: 24.05.2026).

8. Строительство головного атомного ледокола «Россия» (проект 10510) // Росатомфлот. 2026. Текст: электронный. – URL: https://www.rosatomflot.ru/flot/sverhmoshnyy-atomnyy-ledokol-rossiya-proekta-10510/ (дата обращения: 24.05.2026).

9. Трансарктический транспортный коридор начинается с Приморья // Официальный сайт Правительства Приморского края. 2026. Текст: электронный. – URL: https://primorsky.ru/news/315213/ (дата обращения: 24.05.2026).

10. Трансарктический транспортный коридор станет «проектом проектов» // GoArctic.ru. 2026. Текст: электронный. – URL: https://goarctic.ru/news/transarkticheskiy-transportnyy-koridor-stanet-proektom-proektov/ (дата обращения: 24.05.2026).

Сведения об авторе

Е. В. Зорикова, аспирант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 376.3

АКТУАЛЬНОСТЬ КОМПЛЕКСНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ С ОВЗ И ИНВАЛИДОВ В РАМКАХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СРЕДНЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Ю.В. Иванова, магистрант

Н.С. Журавская, преподаватель, д-р мед. наук, профессор

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Инклюзивное образование детей с ОВЗ и инвалидов становится ключевым направлением развития общеобразовательной школы в современной России. Для всестороннего развития детей необходима комплексная реабилитация. Полноценное социальное, психологическое и физическое развитие личности должно включать педагогическую, психологическую, медицинскую, социальную поддержку, адаптивную физическую культуру с применением упражнений для развития когнитивных и моторных функций учащихся.*

Ключевые слова: *комплексная реабилитация, адаптивная физическая культура, когнитивные функции, дети с ОВЗ, дети-инвалиды, инклюзивное образование, междисциплинарное сопровождение, индивидуальная программа*

RELEVANCE OF COMPREHENSIVE REHABILITATION FOR CHILDREN WITH DISABILITIES AND LIMITED HEALTH CAPABILITIES WITHIN INCLUSIVE EDUCATION IN GENERAL SECONDARY SCHOOLS

Abstract. *Inclusive education for children with disabilities and limited health capabilities (LHC) has become a key priority in the development of general secondary schools in modern Russia. To ensure holistic development of these children, comprehensive rehabilitation is essentialFull social, psychological, and physical development requires a multidisciplinary approach that includes pedagogical, psychological, medical, and social support, as well as adaptive physical education incorporating exercises aimed at improving students' cognitive and motor functions.*

Keywords: *comprehensive rehabilitation, adaptive physical education, cognitive functions, chidren with LHC, children with disabilities, inclusive education, interdisciplinary support, individual program*

Введение

В условиях реализации Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) инклюзивное образование приобретает всё большее значение в системе общего среднего образования. Основная цель инклюзии – обеспечение равных возможностей для всех

обучающихся, включая детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидов. Однако само по себе присутствие таких детей в общеобразовательной школе не гарантирует их успешной социализации и академического прогресса. Для достижения реального включения требуется системная поддержка, ключевым элементом которой является комплексная реабилитация.

Комплексная реабилитация — это междисциплинарный процесс, направленный на восстановление и развитие физических, когнитивных, эмоциональных и социальных функций личности. В условиях школы она становится неотъемлемой частью образовательного процесса, обеспечивая преодоление барьеров, мешающих ребёнку учиться и взаимодействовать с окружающими.

Цель исследования

Раскрыть актуальность комплексной реабилитации детей с ОВЗ и инвалидов в рамках инклюзивного образования и обосновать необходимость интеграции адаптивной физической-культуры в реабилитационные программы для развития когнитивных и моторных функций.

Задачи исследования:

– проанализировать теоретические основы комплексной реабилитации в образовательной среде;

– выявить роль адаптивной физической культуры в развитии когнитивных и моторных функций у детей с ОВЗ;

– определить принципы междисциплинарного сопровождения учащихся с ОВЗ в общеобразовательной школе,

– разработать проект модели комплексной реабилитации для учащихся с ОВЗ в условиях инклюзивного образования.

Методология и дизайн исследования

Данное исследование носит смешанный характер – сочетает качественные и количественные методы:

– анализ литературных источников;

– социологический опрос в форме анкетирования;

– тестирование;

– метод математической статистики;

– контент-анализ;

– корректурные пробы.

Этапы исследования

Теоретический этап:

– анализ нормативно-правовой базы (ФГОС, Закон «Об образовании в РФ», Конвенция о правах инвалидов),

– систематический обзор научной литературы по теме комплексной реабилитации и инклюзивного образования,

– контент-анализ программ реабилитации в российских школах.

Эмпирический этап:

– опрос 15 педагогов (учителей, дефектологов, психологов, учителей физической культуры) из 3 общеобразовательных школ, реализующих инклюзивное образование,

– подробное интервью с 10 родителями детей с ОВЗ,

– наблюдение за уроками физической культуры в 3 школах с высоким уровнем включения.

Организация исследования

Участники: 20 учащихся 2-4 классов с ОВЗ и инвалидностью.

Продолжительность эксперимента: 8 недельЧастота уроков физической культуры: 2 раза в неделю по 40 минут.

Занятия с педагогом-психологом: 2 раза в неделю по 20 минут.

Занятия с учителем начальных классов: ежедневно по 5-10 минут с интервалами для снятия умственного напряжения и стабилизации эмоционального фона.

Занятия дома с родителями: ежедневно по 5-10 минут для снятия умственного напряжения и повышения концентрации при выполнении домашнего задания.

Занятия с учителем и с родителями должны быть встроены в повседневные дела школьника, учащийся не должен воспринимать эти упражнения как принуждение, должны быть выполнены в игровой форме и войти в привычку. Особое внимание должно быть уделено эмоциональному отклику учащегося для формирования позитивного опыта.

Занятия на уроках физической культуры и занятия с педагогом-психологом должны восприниматься как элемент урочной деятельности.

Таблица 1

Программы занятий контрольной и экспериментальной группы

Наименование программы	Контрольная группа	Экспериментальная группа
Федеральная адаптированная основная общеобразовательная программа обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями) вариант 1	Занятия проводились в соответствии с программой, в модуль «Физическая культура» включены общеукрепляющие упражнения, упражнения с соревновательным и игровым компонентом	К традиционным занятия по физической культуре добавлены упражнения на развитие когнитивных и моторных функций: упражнения на координацию, упражнения на развитие концентрации, крупной моторики, упражнения с мячом, пальчиковая гимнастика, физкультминутки на уроках для переключения внимания и снятия умственного напряжения
Федеральная адаптированная основная образовательная программа начального общего образования) для обучающихся с задержкой психического развития (ЗПР) варианта 7.1 и 7.2	Занятия проводились в соответствии с программой, в модуль «Физическая культура» включены общеукрепляющие упражнения, упражнения с соревновательным и игровым компонентом	К традиционным занятия по физической культуре добавлены упражнения на развитие когнитивных и моторных функций: упражнения на координацию, упражнения на развитие концентрации, крупной моторики, упражнения с мячом, пальчиковая гимнастика, физкультминутки на уроках для переключения внимания и улучшения концентрации

Примеры упражнений для детей экспериментальной группы для выполнения на уроках физической культуры, в классе во время физкультминуток:

Упражнения на уроках физической культуры:

– координационные (равновесие, лабиринты);

– упражнения с когнитивной нагрузкой («ходьба с задачей», в определённом ритме);

– игровые формы (эстафеты с памятью, командные задания);

– игры с мячом разного диаметра;

– упражнения на развитие крупной моторики («лодочка», «бревнышко», «гусеничка»).

Упражнения для выполнения в классе:

– упражнения на развитие мелкой моторики (перебор круп, шнуровки, прищепки);

– самомассаж пальцев рук;

– пальчиковая гимнастика (упражнение «ребро-ладонь-кулак», «зеркальное рисование»).

Диагностика до и после эксперимента:

– корректурные пробы (уметь рассказать);

– методика «10 слов» (А. Р. Лурия);

– оценка состояния глагольного и предметного словаря, понимания речи – «Глагольный поток»;

– тесты на координацию.

Аналитический этап:

– сравнительный анализ результатов до и после эксперимента;

– качественный анализ интервью и наблюдений (метод тематического анализа);

– формулировка рекомендаций по совершенствованию реабилитационных программ.

Результаты и обсуждение

Анализ показал, что в большинстве школ реабилитация детей с ОВЗ носит фрагментарный характер и не интегрирована в образовательный процесс.

Наиболее слабо представлена адаптивная физическая культура, несмотря на её доказанное влияние на когнитивные функции.

Результаты пилотного вмешательства продемонстрировали значимое улучшение:

- увеличение объёма кратковременной памяти на 23,4%;

- рост скорости переработки информации на 18,7%

- улучшение показателей координации — на 31%.

-ученики стали более активны на уроках, у них снизился уровень тревожности,

Выросла самооценка. Родители отметили улучшение поведения и коммуникативных навыков детей в быту.

Ключевым фактором успеха стало междисциплинарное сопровождение: педагог, психолог, врач и инструтор ЛФК работали по единой индивидуальной реабилитационной программе (ИРП), которая корректировалась раз в 4 недели.

Заключение

Комплексная реабилитация является не просто дополнительной услугой, а необходимым условием эффективного инклюзивного образования. Только системный подход, объединяющий педагогические, медицинские, психологические и социальные ресурсы, позволяет ребёнку с ОВЗ не просто присутствовать в школе, но и активно участвовать в жизни класс, развиваться и достигать успехов.

Особое значение в этом процессе принадлежит адаптивной физической культуре, которая, будучи правильно организованной, становится мощным инструментом не только физическго, но и когнитивного и эмоционального развития. Внедрение регулярных, дозированных и индивидуализированных физических упражнений в образовательный процесс способствует формированию устойчивых нейронных связей, улучшает концентрацию и снижает уровень стресса.

Для дальнейшего развития инклюзивной практики необходимо:

-разработать единые методические рекомендации по комплексной реабилитации в школе;

- обеспечить подготовку педагогов в области адаптивной физической культуры и реабилитации;

- внедрить ИРП как обязательный элемент индивидуального образовательного маршрута ребёнка с ОВЗ.

1. Федеральный закон № 273 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (ФГОС ООО). – Москва: Просвещение, 2021.
3. Конвенция о правах инвалидов (принята резолюцией A/РЕЗ/61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 г.).
4. Воронкова В. А. Инклюзивное образование: теория и практика. – Москва: Академия, 2020. – 288 с.
5. Каюда Т. А. Комплексная реабилитация детей с ОВЗ: междисциплинарный подход // Дефектология. – 2021. – № 4. – С. 12–21.
6. Лубовский В. И. Психолого-педагогическая диагностика детей с нарушениями развития. – Москва: Изд-во МГППУ, 2019. – 350 с.
7. Петрова Е. В. Адаптивная физическая культура как средство развития когнитивных функций у детей с ОВЗ // Адаптивная физическая культура. – 2022. – № 2. – С. 3–9.
8. Смирнова Е. О. Реабилитация в образовании: интеграция или изоляция? // Вопросы образования. – 2020. – № 3. – С. 45–67.
9. Шабанова О. А. Междисциплинарное сопровождение учащихся с ОВЗ в условиях инклюзии // Коррекционная педагогика. – 2023. – № 1. – С. 15–24.
10. Ботвинкина, Н. Г. Индивидуальная реабилитационная программа: от разработки к практике // Дефектолог. – 2022. – № 5. – С. 33–42.
11. Tomchik, S. M., & Brady, N. C. (2021). Effects of movement-based intervention on cognitive and motor outcomes in children with developmental disabilities: A systematic review. Research in Developmental Disabilities, 110, 103868.
12. Diamond, A. (2015). Executive functions. Annual Review of Psychology, 66, 809–839.
13. Shurtleff, T. L., & Darragh, A. R. (2019). School-based occupational therapy and physical therapy. American Journal of Occupational Therapy, 73(3), 7303390010.
14. Diamond, A., & Ling, D. S. (2016). Improving children's executive functions through physical activity: A review. Pediatric Exercise Science, 28(3), 325–336.
15. UNESCO. (2020). Global Education Monitoring Report: Inclusion and Education – All Means All. Paris: UNESCO.

Сведения об авторах

Ю.В. Иванова, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

Н.С. Журавская, преподаватель, д-р мед. наук, профессор, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 630*63

СИСТЕМА УСТОЙЧИВОГО ЛЕСОУПРАВЛЕНИЯ В ЛЕСНОМ ХОЗЯЙСТВЕ ДФО

И. И. Игнатенко, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Статья посвящена проблемам устойчивого управления лесными ресурсами на территории Дальнего Востока России. Рассматриваются основные экологические, экономические и социальные аспекты, влияющие на развитие лесного хозяйства региона. Особое внимание уделено вопросам сохранения биоразнообразия, рационального использования лесных ресурсов и минимизации негативных последствий антропогенного воздействия на окружающую среду*

Ключевые слова: *устойчивое лесоуправление, биоразнообразие, рациональное использование, лесные ресурсы, экология, экономика, социальные аспекты, охрана природы, законодательство.*

SUSTAINABLE FOREST MANAGEMENT SYSTEM IN THE FORESTRY SECTOR OF THE RUSSIAN FAR EAST

Abstract. *This article is devoted to the issues of sustainable forest resource management in the Russian Far East. The study examines the main environmental, economic, and social aspects influencing the development of the region's forestry sector. Particular attention is paid to the preservation of biodiversity, the rational use of forest resources, and the minimization of negative consequences of anthropogenic impact on the environment*

Keywords: *sustainable forest management, biodiversity, rational use, forest resources, ecology, economy, social aspects, environmental protection, legislation*

Актуальность темы обусловлена тем, что лес является одним из главных богатств ДФО, однако его ресурсная и экологическая значимость снизилась. Вследствие интенсивной эксплуатации лесов и воздействия крупных лесных пожаров, ресурсная и экологическая значимость их существенно снизилась. Значительная часть лесов региона выполняет защитные и эколого-стабилизирующие функции.

Целью данного исследования является анализ и разработка рекомендаций для эффективной системы устойчивого лесоуправления в лесном хозяйстве Дальневосточного федерального округа, учитывающей уникальные экологические, экономические и социальные условия региона.

Задачи:

– изучить действующее законодательство в области лесоуправления;

– выявить лесоводственно-экологические особенности лесного фонда ДФО;

– проанализировать существующие проблемы устойчивого лесоуправления;

– подготовить конкретные рекомендации для улучшения управления лесными экосистемами на данной территории.

В ходе написания статьи были применены следующие методы:

– отбор текстового материала;

– анализ и синтез источников информации;

– сравнение различных научных позиций по проблеме исследования;

– обобщение полученных теоретических и практических знаний.

Лесное хозяйство ДФО занимает особое место в системе управления природными ресурсами России. Одной из главных характеристик лесов ДФО является их биологическое разнообразие. Так, например, Хабаровский край имеет уникальную смешанную бореально-субтропическую флору и фауну и занимает одно из лидирующих мест в России с точки зрения биоразнообразия. Здесь насчитывается около 2000 видов растений и свыше 1100 видов животных, включая 167 растений и 74 животных, находящихся на грани исчезновения и занесенных в Красную книгу Хабаровского края в 1999 г. Это национальное богатство сохраняется через систему особо охраняемых территорий, которых насчитывается порядка 240 единиц федерального, краевого и местного значения [1, с. 120].

Леса ДФО включают в себя как хвойные, так и лиственные породы, среди которых можно выделить такие виды, как ель, сосна, лиственница, дуб, кедр и многие другие. Важно отметить, что многие из этих видов имеют значительное экономическое значение, как для местного населения, так и для всей страны. Например, кедр является ценным источником древесины и орехов, которые используются в пищевой промышленности. Также леса являются домом для многих редких и исчезающих видов животных и растений.

Леса региона играют ключевую роль в экономике, обеспечивая рабочие места, доходы и социальное развитие. Лесозаготовительная промышленность, переработка древесины, производство мебели и других изделий из дерева представляют собой важные сектора экономики региона. Однако, несмотря на экономическую важность, лесное хозяйство сталкивается с рядом проблем, включая устаревшие технологии, недостаток инвестиций и низкую эффективность управления. Эти факторы могут ограничивать потенциал лесного хозяйства и его способность к устойчивому развитию.

Функции лесного хозяйства ДФО:

1) охрана и защита: обеспечивает охрану лесов от пожаров, вредителей и болезней, а также осуществляет надзор за их состоянием;

2) воспроизводство: включает в себя лесовосстановительные работы и создание лесных дорог, необходимых для использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов;

3) регулирование лесопользования: контролирует законное использование лесных ресурсов, включая заготовку древесины, рекреационную деятельность и охоту;

4) экономическое развитие: способствует развитию лесопромышленного комплекса, повышению конкурентоспособности и созданию рынка лесной продукции, что положительно сказывается на экономике региона;

5) социальная функция: обеспечивает социальную безопасность региона путем создания рабочих мест в сельских районах и поддержки социально-экономического развития;

6) информационная поддержка: формирует и использует федеральные информационные ресурсы, анализирует отчеты регионов и взаимодействует с другими органами власти для повышения эффективности управления лесным хозяйством.

Лесное хозяйство в ДФО сталкивается с рядом вызовов, связанных с изменением климата, лесными пожарами, незаконной вырубкой и другими формами антропогенного воздействия. Изменения климата, проявляющиеся в виде повышения температуры и изменения режимов осадков, могут существенно повлиять на состояние лесных экосистем. Например, увеличение частоты и интенсивности лесных пожаров становится серьезной проблемой для сохранения лесов и биоразнообразия. Пожары могут не только уничтожать большие площади леса, но и приводить к деградации почв, изменению гидрологического режима и потере биоразнообразия.

Согласно аналитическим материалам Рослесхоза и Федерального штаба по тушению лесных пожаров, ухудшение лесопожарной обстановки в Дальневосточном федеральном округе напрямую связано с климатическими аномалиями последних лет – длительными периодами засухи и рекордными температурами. Как отмечает ведомство, именно эти неблагоприятные погодные условия регулярно становятся основанием для введения режимов чрезвычайной ситуации (ЧС) федерального характера в субъектах ДФО [2]. Ряд проблем поможет решить устойчивое лесоуправление.

По меткому выражению М. М. Орлова, лесоустройство является важнейшим инструментом управления лесами через планирование и организацию лесного хозяйства, которое является отраслью материального производства ресурсов и услуг леса. Отсюда появилось его крылатое выражение: «Лесоустройство без лесоуправления мертво, лесоуправление без лесоустройства слепо. Они неразрывно связаны между собой; одно дополняет и подготавливает другое; хорошее лесоустройство облегчает лесоуправление; рациональное лесоуправление содействует лесоустройству» [3, с. 8].

Одной из ключевых задач устойчивого лесоуправления является предотвращение незаконной вырубки лесов. В ДФО проблема незаконной вырубки стоит особенно остро, так как она наносит значительный ущерб экосистемам и экономике региона. Для борьбы с этой проблемой необходимо внедрение современных технологий мониторинга, а также повышение ответственности и прозрачности в управлении лесами. Важно также проводить просветительскую работу среди местного населения, чтобы повысить осведомленность о значении лесов и необходимости их охраны.

Еще одной важной задачей является восстановление деградированных лесных экосистем. Восстановление лесов может включать как естественные, так и искусственные методы, такие

как посадка деревьев, создание защитных лесных полос и другие мероприятия. Важно, чтобы восстановление проводилось с учетом местных условий и особенностей экосистем, чтобы обеспечить максимальную эффективность и устойчивость восстановленных лесов. Для этого необходимо привлекать ученых, экологов и местное население, чтобы разработать и реализовать эффективные программы восстановления.

Важным аспектом устойчивого лесоуправления является также сохранение биоразнообразия. Леса ДФО являются домом для множества редких и исчезающих видов, поэтому их охрана должна быть приоритетной задачей. Это может включать создание заповедников, национальных парков и других охраняемых территорий, а также разработку программ по сохранению редких видов. Важно, чтобы охрана биоразнообразия не противоречила экономическим интересам региона, а наоборот, способствовала их развитию. Например, экотуризм может стать важным источником дохода для местного населения, обеспечивая при этом сохранение природных ресурсов.

Система устойчивого лесоуправления в ДФО также должна учитывать социальные аспекты. Леса являются важным ресурсом для местных сообществ, которые зависят от них для своего существования. Устойчивое управление лесами должно обеспечивать права местного населения на доступ к лесным ресурсам и их использование. Это требует разработки и внедрения механизмов, которые позволят местным сообществам участвовать в управлении лесами и принимать решения, касающиеся их использования.

Система устойчивого лесоуправления в ДФО должна учитывать все аспекты и обеспечивать баланс между экономическими интересами, охраной окружающей среды и социальными потребностями. Устойчивое лесоуправление подразумевает использование лесных ресурсов таким образом, чтобы удовлетворять потребности нынешнего поколения, не нанося ущерба возможностям будущих поколений. Необходимо продолжать работу над совершенствованием законодательства, внедряя более гибкие и адаптивные подходы, которые смогут учитывать специфику региона. Перспективы устойчивого лесоуправления зависят от успешного баланса между экологическими, экономическими и социальными факторами.

Выводы: исследование подтверждает важность проблемы устойчивого лесоуправления в лесном хозяйстве ДФО, которое требует комплексного подхода, включающего в себя как законодательные инициативы, так и практические меры, такие как: законодательные ограничения на вырубку, создание охраняемых территорий (заповедников, национальных парков), усиление борьбы с лесными пожарами через мониторинг и профилактические меры, а также повышение эффективности лесного хозяйства путем санитарных рубок и регулирования состава лесов. Эти меры направлены на сохранение экологической, экономической и социальной ценности лесов.

Для достижения целей устойчивого лесоуправления необходимо реализовать комплекс мероприятий, направленных на сохранение природных богатств и повышение эффективности лесного хозяйства. Изучив различные источники, были составлены следующие рекомендации по устойчивому лесоуправлению в ДФО:

1) совершенствование законодательной базы. Необходимо разработать четкую нормативно-правовую базу, регламентирующую принципы устойчивого лесоуправления. Законы и постановления должны учитывать особенности региональных условий и обеспечивать защиту прав всех заинтересованных сторон;

2) создание эффективных инструментов мониторинга. Создание автоматизированных систем мониторинга состояния лесов позволит оперативно выявлять нарушения и предотвращать негативные последствия хозяйственной деятельности. Использование спутниковых технологий и дронов повысит точность оценки состояния лесных массивов;

3) повышение квалификации работников отрасли. Организация регулярных курсов повышения квалификации и семинаров для сотрудников лесного хозяйства обеспечит передачу передового опыта и внедрение инновационных методов управления лесами;

4) активизировать международное сотрудничество и сертификация (сертификация FSC: получение сертификатов Лесного попечительского совета (FSC), подтверждающих соблюдение принципов устойчивого лесопользования; международные проекты: участие в зарубежных программах, таких как REDD+ и Global Forest Watch, для улучшения практики управления лесами; привлечение инвестиций: привлечение финансирования из международных фондов и грантов для поддержки проектов по восстановлению лесов);

5) разработать комплексные планы лесоустройства, учитывающие экологические, экономические и социальные аспекты;

6) оптимизировать рубки и восстановление лесов (выборочные рубки: предпочтение выборочным санитарным рубкам над сплошными вырубками, минимизация негативных последствий для экологии; повышение плотности посадки: увеличение числа молодых деревьев при восстановлении лесов, улучшение регенерации древесных пород; экологические коридоры: создание непрерывных участков растительности вдоль рек и дорог, способствующих сохранению биологического разнообразия);

7) поддержка малого бизнеса и кооперации (развитие малых предприятий: поддержка частных инициатив по переработке древесины, созданию пиломатериалов и мебели; кооперация местных производителей: объединение усилий мелких хозяйств для совместной закупки оборудования и реализации продукции; обучение и консультации: организация образовательных программ для владельцев небольших деревообрабатывающих производств);

8) применять меры по сохранению биоразнообразия, таких как создание ООПТ и ограничение вырубки, и проведение санитарно-оздоровительных мероприятий;

9) внедрять экологические чистые технологии (например, использование современных методов обработки древесины);

10) развивать альтернативные отрасли. Иными словами, поддерживать другие виды экономической деятельности, которые не наносят ущерб лесам;

11) внедрять экологическое просвещение (информационные кампании: информирование населения о важности сохранения лесов и последствиях нелегальных рубок, волонтерские инициативы: привлечение добровольцев к мероприятиям по посадке деревьев и охране окружающей среды);

12) ограничивать хозяйственную деятельность (запретить строительство и другие виды деятельности, например, садоводство и огородничество, в пределах особо охраняемых участков лесного фонда);

13) повышать культуру поведения (призывы к соблюдению правил пожарной безопасности, уборке мусора и бережному отношению к природе);

14) использовать комплексный подход, включающий в себя, как законодательные инициативы, так и практические меры (законодательные и административные меры: усиление законодательства, управление использованием ресурсов; меры по противопожарной безопасности: предупреждение и мониторинг, профилактика, регулирование состава лесов; меры по восстановлению и поддержанию лесов: санитарные рубки).

Таким образом, реализация предложенных мер создаст необходимые предпосылки для формирования эффективной системы устойчивого лесоуправления в ДФО, обеспечивающей долгосрочное использование лесных ресурсов и сохранение уникальной природы региона.

1. Антонова Н. Е. Вовлечение местного населения в управлении лесопользованием в странах АТР // Россия и АТР. – 2005. – №. 3. – с. 117–130. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vovlechenie-mestnogo-naseleniya-v-upravlenii-lesopolzovaniem-v-stranah-atr

2. Официальный сайт Федерального агентства лесного хозяйства (Рослесхоз). URL: https://rosleshoz.gov.ru

3. Моисеев Н. А. Профессор М. М. Орлов и его труды в области лесной экономики, лесоустройства и лесоуправления // Лесной вестник. – 2007. – № 3. – С. 4–10.

4. Бурлов А. Н., Казаков Н. В. Динамика еловых лесов Дальневосточного федерального округа // Технические науки – от теории к практике. – 2012. – №. 15. – С. 120–129.

5. Соколов В. А. Проблемы лесоустройства в России/ Сибирский лесной журнал. – 2021. – № 1. – С. 3–12.

6. Алексеев А.А., Сергеев Н.Н. Проблемы устойчивого лесоуправления на Дальнем Востоке // Вестник ДВО РАН. – 2023. – № 1. – С. 18–26.

7. Белозеров И.В., Игнатьев О.И. Анализ состояния лесного фонда Приморского края // Природные ресурсы России. Экономика и право. – 2023. –Т. 20, № 3. – С. 45–53.

8. Григорьева Ю.Г., Новикова А.М. Современные тенденции изменения лесного покрова Дальнего Востока России // Сибирский эколого-журнальный сборник. – 2023. – № 1. – С. 67–75.

9. Иванов В.Ю., Морозов К.К. Концептуальные основы перехода к устойчивым методам эксплуатации лесов Дальнего Востока // Российский журнал лесного хозяйства. – 2023. – № 4. – С. 89–98.

Сведения об авторе

И. И. Игнатенко, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 379.85

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ МЕРОПРИЯТИЯ В МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ю. М. Ильченко, бакалавр

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Рассматривается понятие концепции мероприятия в музейной деятельности, её сущность, структура и значение в современной музейной практике. Исследуется роль концепции как основы организации культурно-просветительских, образовательных и событийных мероприятий в музеях. Особое внимание уделено анализу структурных элементов концепции мероприятия, методическим подходам к её разработке и современным тенденциям музейной деятельности. Выявлено, что концепция мероприятия выступает важным инструментом формирования коммуникации между музеем и посетителем, способствует расширению аудитории и повышению культурной значимости музея в современном обществе. Рассмотрены особенности событийной деятельности музеев Дальнего Востока и современные интерактивные форматы работы с посетителями.*

Ключевые слова: *музейная деятельность, концепция мероприятия, музей, культурно-просветительская деятельность, событийное мероприятие, интерактивные форматы.*

CONCEPT OF AN EVENT IN MUSEUM ACTIVITY

Abstract. *The article examines the concept of an event in museum activity, its essence, structure and significance in modern museum practice. The role of the concept as the basis for organizing cultural, educational and event activities in museums is studied. Particular attention is paid to the analysis of the structural elements of the event concept, methodological approaches to its development and modern trends in museum activity. The study reveals that the event concept acts as an important tool for building communication between the museum and visitors, contributes to audience expansion and increases the cultural significance of museums in modern society. The features of event activities of museums in the Far East and modern interactive formats of work with visitors are considered.*

Keywords: *museum activity, event concept, museum, cultural and educational activity, event activity, interactive formats.*

Введение. Современные музеи постепенно выходят за рамки традиционной экспозиционной деятельности и превращаются в многофункциональные культурно-коммуникационные пространства. В условиях развития цифровых технологий, изменения потребностей аудитории и усиления конкуренции в сфере досуга возрастает значение событийной деятельности музеев. Проведение культурно-просветительских, образовательных, интерактивных и тематических мероприятий становится одним из ключевых инструментов взаимодействия музея с посетителями.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что концепция мероприятия является основой успешной организации музейного события. Именно концепция определяет содержание мероприятия, его тематическую направленность, целевую аудиторию, формат взаимодействия с посетителями и ожидаемый культурный эффект. Современные музеи стремятся не только сохранить историко-культурное наследие, но и создать эмоционально насыщенную среду, способствующую активному вовлечению посетителей в культурный диалог.

Объектом исследования выступает музейная деятельность.

Предметом исследования является концепция мероприятия как основа организации событийной деятельности музея.

Цель исследования – изучение сущности и особенностей разработки концепции мероприятия в музейной деятельности.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

1) рассмотреть понятие концепции мероприятия в музейной деятельности;
2) определить основные структурные элементы концепции мероприятия;
3) проанализировать современные подходы к организации музейных мероприятий;
4) выявить особенности событийной деятельности современных музеев.

В ходе исследования использовались методы анализа научной литературы, сравнительного анализа, обобщения, систематизации и анализа музейной практики.

Основная часть. Музейная деятельность представляет собой совокупность культурно-просветительских, научно-исследовательских, образовательных и экспозиционных процессов, направленных на сохранение, изучение и популяризацию культурного наследия. В современных условиях важной частью музейной практики становится организация мероприятий, ориентированных на расширение аудитории и формирование устойчивого интереса к музею.

Под мероприятием в музейной деятельности понимается организованная форма культурного взаимодействия музея и посетителей (таблица 1) [3-4, с. 6], направленная на передачу знаний, формирование культурных ценностей и создание условий для познавательного и эмоционального восприятия музейного пространства [1-2, с. 5].

Таблица 1

Основные форматы мероприятий в музейной деятельности Существенное значение имеет выбор формата мероприятия. В современной музейной практике используются следующие форматы

Формат мероприятия	Характеристика
Выставки	Постоянные и временные экспозиции
Экскурсии	Тематические и обзорные программы
Лекции	Образовательные и научно-просветительские встречи
Мастер-классы	Практические творческие занятия
Ночь музеев	Массовые культурные акции
Интерактивные программы	Игровые и мультимедийные форматы
Онлайн-мероприятия	Виртуальные экскурсии и трансляции

Составлено автором по [2-4, с. 6].

Представленные форматы свидетельствуют о том, что музейная деятельность постепенно приобретает более гибкий и интерактивный характер. Традиционные формы работы сочетаются с цифровыми технологиями и мультимедийными решениями, что позволяет расширять аудиторию музея.

При этом основой любого события выступает концепция мероприятия, представляющая собой комплексную систему идей, целей, задач и организационных решений, определяющих содержание и формат музейного события. Она формирует смысловую основу мероприятия и обеспечивает единство всех его элементов. Концепция позволяет связать миссию музея, особенности музейной коллекции и интересы аудитории в единую культурно-коммуникационную систему.

В концепцию мероприятия входят следующие элементы:

1) цели и задачи мероприятия;
2) тема и название;
3) целевая аудитория;
4) формат и масштаб проведения;
5) место и время проведения;
6) ресурсы и организационная база;
7) партнёрские связи;
8) сценарная структура;
9) критерии оценки эффективности [1, с. 5].

Таким образом, концепция мероприятия выступает своеобразным стратегическим ориентиром, обеспечивающим целостность музейного события и эффективность взаимодействия с посетителями.

Разработка концепции мероприятия в музейной деятельности представляет собой сложный и многоэтапный процесс. Эффективность мероприятия напрямую зависит от качества предварительного планирования, анализа аудитории и содержания культурной программы.

Одним из ключевых элементов концепции является определение цели мероприятия. Цели могут носить образовательный, культурно-просветительский, имиджевый или социальный характер. Например, музей может стремиться к популяризации исторического наследия региона, привлечению молодёжной аудитории или развитию семейного досуга. Не менее важным элементом является определение целевой аудитории. Современные музеи ориентируются на различные категории посетителей: школьников, студентов, семейные группы, туристов, представителей профессионального сообщества и людей старшего возраста. От особенностей аудитории зависит формат взаимодействия, визуальное оформление, уровень интерактивности и содержание программы.

Особое значение в разработке концепции имеет создание эмоциональной атмосферы мероприятия. Современные музеи стремятся сформировать у посетителя не только познавательный, но и эмоциональный опыт. Для этого используются элементы театрализации, музыкального сопровождения, интерактивных зон, визуальных эффектов и игровых технологий.

Организация музейного мероприятия требует последовательного применения методических подходов и этапов проектирования. Процесс разработки концепции включает несколько взаимосвязанных стадий (таблица 2) [9-10, с. 6].

Таблица 2

Этапы разработки концепции музейного мероприятия

Этап	Ориентировочные сроки	Основные направления	Описание
Предпроектный	1-2 недели	Анализ миссии и бренда музея	– соответствие концепции стратегическим целям учреждения – укрепление позиционирования на культурной карте – отражение корпоративных ценностей в будущем мероприятии
		Исследование аудитории	– сегментация посетителей по интересам, возрасту и социальному статусу – анализ потребностей и ожиданий – изучение моделей поведения и предпочтений
		Ресурсный аудит	– оценка возможностей музея (кадры, материально-техническая база, финансы) – внешние инструменты (партнеры, спонсоры, доп.площадки)
Стратегическое планирование	около недели	Формулировка концептуальной идеи	– создание уникального смыслового «стержня» мероприятия – объединение всех элементов в целостную композицию
		Постановка целей по критериям SMART	– цели должны быть конкретными, измеримыми, достижимыми, релевантными миссии музея и ограниченными во времени
		Точное определение целевой аудитории	– выделение первичной, вторичной и косвенной групп – проектирование специальных форматов взаимодействия
Содержательное проектирование	2-3 недели	Разработка детальной программы мероприятия	– сценарный план с точным хронометражем, содержательное наполнение каждой части и логические переходы между отдельными блоками
		Выбор и обоснование формата	– соответствие поставленным целям и особенностям целевой аудитории –учитывание специфику музея
		Создание атмосферы и визуального образа	– разработка уникального фирменного стиля, сценариографии пространства, светового и звукового решения

Окончание табл. 2

Этап	Ориентировочные сроки	Основные направления	Описание
Операционное планирование	1-2 недели	Детальный календарный план	– тайминг подготовки, график ответственности сотрудников и контрольные точки для мониторинга прогресса
		Составление комплексного бюджета	– смета расходов, план доходов и стратегия поиска дополнительного финансирования
		План продвижения	– подготовка пресс-релизов и медиа-китов, контент-план для социальных сетей и программы партнерского взаимодействия

Составлено автором по [9-10, с. 6].

Процесс разработки концепции мероприятия начинается с предпроектного анализа, который включает изучение миссии и бренда музея, анализ целевой аудитории и оценку имеющихся ресурсов – пространственных, кадровых, материально-технических и финансовых. Этот этап позволяет соотнести будущую концепцию со стратегическими целями учреждения и реальными возможностями её реализации.

Далее осуществляется стратегическое планирование, в рамках которого формулируется концептуальная идея мероприятия, определяются цели по критериям SMART и уточняется целевая аудитория с выделением основных и сопутствующих групп. На этом этапе закладывается смысловой каркас мероприятия и принципы взаимодействия с посетителями.

Содержательное проектирование представляет собой творческое ядро концепции и включает разработку программы и сценария, выбор формата мероприятия, а также создание его визуального и атмосферного образа с учётом специфики музейного пространства.Завершающим этапом является операционное планирование, направленное на практическую реализацию концепции: составление календарного плана, бюджета и плана продвижения. Взаимосвязь и последовательность всех этапов обеспечивают целостность и эффективность концепции музейного мероприятия.

Разработанная по такому алгоритму концепция становится не просто планом проведения события, а стратегическим инструментом развития музея, способствующим укреплению его позиций в культурном пространстве и повышению социальной значимости.

Следует отметить, что важной тенденцией современной музейной практики становится использование интерактивных технологий. Музеи активно внедряют мультимедийные системы, виртуальные экскурсии, цифровые инсталляции и онлайн-форматы взаимодействия с аудиторией. Особенно активно цифровые технологии используются в деятельности крупных музеев и музейных комплексов. Они позволяют преодолевать территориальные ограничения, расширять охват аудитории и повышать доступность культурного контента.

Современная музейная деятельность характеризуется активным развитием событийных и интерактивных форматов. Музеи всё чаще становятся пространствами культурного общения, досуга и образовательного взаимодействия. В условиях цифровизации общества и изменения потребностей аудитории музейные учреждения стремятся создавать не только экспозиционные проекты, но и полноценные культурные события, ориентированные на эмоциональное вовлечение посетителей (таблица 3) [12-15].

Таблица 3

Цифровые технологии в музейной деятельности

Технология	Примеры применения в музее
VR (Виртуальная реальность)	Создание полного погружения в исторические события (например, «Побег из Петропавловской крепости»); VR-реконструкции утраченных объектов или интерьеров; виртуальные филиалы музеев и туры по залам
AR (Дополненная реальность)	Наложение цифровой информации на экспонаты через смартфон; «оживление» картин; проведение AR-квестов; AR-экскурсии в крупнейших музеях мира (Британский музей, Метрополитен)

Окончание табл. 3

Технология	Примеры применения в музее
3D-сканирование	Создание высокоточных цифровых копий (цифровых двойников) экспонатов; документирование состояния предметов культурного наследия с возможностью отслеживания изменений
3D-печать	Изготовление утраченных фрагментов скульптур и предметов; создание тактильных копий экспонатов для незрячих посетителей
Интерактивные киоски и панели	Предоставление подробной информации об экспонатах в залах; организация навигации по музею
Мобильные приложения и аудиогиды	Прослушивание экскурсий; навигация по залам с помощью QR-кодов; использование приложений для самостоятельного изучения коллекций
ИИ-боты и виртуальные ассистенты	Обеспечение круглосуточной информационной поддержки посетителей; виртуальные гиды на сайтах музеев
Игровые механики и геймификация	Проведение квестов по экспозиции (например, «Музейный Encounter»); интерактивные задания, делающие посещение музея более увлекательным
Автоматизированные музейные ИС (АМИС/КАМИС)	Централизованный учет предметов музейного фонда; автоматизация документооборота и фондовой работы; управление взаимоотношениями с посетителями
Нейросети и ИИ	Обработка и классификация оцифрованных коллекций; построение семантических связей между экспонатами и темами
Умные датчики и «Интернет вещей» (IoT)	Мониторинг состояния (температура, влажность) хрупких экспонатов; сбор данных о перемещении посетителей для улучшения логистики и безопасности
QR-коды	Быстрый доступ к дополнительной информации об экспонате через смартфон; интеграция с веб-проектами и квестами
Социальные сети и блоги	Продвижение музея и мероприятий; формирование лояльного сообщества вокруг культурного бренда; сбор обратной связи

Составлено автором по [12-15, с. 6].

В ходе исследования была рассмотрена методика формирования концепции мероприятия в музейной деятельности, а также проанализированы современные цифровые технологии, используемые в музейной практике.

Относительно методики установлено, что концепция мероприятия представляет собой системообразующий элемент музейного события, объединяющий цели, задачи, тему, целевую аудиторию, формат, ресурсы и критерии эффективности в единую смысловую и организационную структуру. Разработка концепции базируется на последовательной реализации четырёх этапов: предпроектного анализа (изучение миссии музея, аудитории и ресурсов), стратегического планирования (формулировка идеи и SMART-целей), содержательного проектирования (создание программы, сценария и атмосферы) и операционного планирования (календарный план, бюджет, продвижение). Предложенная методика позволяет музею не просто провести разовое событие, а выстроить долгосрочную событийную стратегию, ориентированную на укрепление позиций музея в культурном пространстве и повышение его социальной значимости.

Что касается цифровых технологий, в статье показано, что современные музеи активно используют широкий спектр инновационных решений — от VR/AR и 3D-технологий до мобильных приложений, ИИ-ботов, автоматизированных систем учёта (АМИС/КАМИС) и IoT-датчиков. Эти технологии применяются как в экспозиционной работе (создание виртуальных туров, «оживление» экспонатов, тактильные копии для незрячих), так и в событийной деятельности (AR-квесты, онлайн-трансляции, геймификация, продвижение через социальные сети и подкасты). Цифровые инструменты не заменяют подлинные музейные предметы, но существенно расширяют возможности взаимодействия с посетителями, повышают инклюзивность и доступность культурного контента, а также позволяют музею выходить за рамки физического пространства и времени.

Таким образом, методика формирования концепции мероприятия в совокупности с грамотным применением цифровых технологий создаёт фундамент для эффективной событийной деятельности музея. Это даёт возможность музею перейти от традиционной трансляции зна-

ний к созданию эмоционально насыщенного, интерактивного и личностно ориентированного культурного опыта, отвечающего запросам современной аудитории.

1. Академик. Музейная деятельность: Текст: электронный. – URL: https://official.academic.ru/12827/Музейная_деятельность
2. Открытый текст. Формы деятельности музея: Текст: электронный. – URL: https://opentextnn.ru
3. Юренева Т. Ю. Музееведение: учебник для высшей школы. – Москва: Академический Проект, 2004. – 560 с.
4. Абрамова П. В., Иванов Е. В. Музейный праздник как форма культурно-образовательной деятельности // CyberLeninka. – 2025.
5. UNESCO. Музеи: Текст: электронный. – URL: [https://www.unesco.org/ru/museums
6. Statista. Museums worldwide – statistics and facts: Текст: электронный. – URL: https://www.statista.com
7. Государственный объединённый музей-заповедник истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева: Текст: электронный. – URL: https://arseniev.org
8. Концепция мероприятия: Текст: электронный. – URL: https://eventum-premo.ru
9. Контур. Методы стратегического планирования: Текст: электронный. – URL: https://kontur.ru
10. Team Playbook. Операционное планирование: Текст: электронный. – URL: https://www.atlassian.com/ru/team-playbook
11. Зарождение и развитие музеев // CyberLeninka: Текст: электронный. – URL: https://cyberleninka.ru
12. Музей в смартфоне: AR и VR как инструмент привлечения новой аудитории – Текст: электронный // ВЕДОМОСТИ. – Москва, 2026. – 20 января. – URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2026/01/20/muzei-v-smartfone-ar-i-vr-kak-instrument-privlecheniya-novoi-auditorii
13. Опубликован сборник кейсов по использованию цифры в музеях – Текст: электронный // Музеи Русского Севера. – Архангельск, 2026. – 11 апреля. – URL: https://museums.severstal.com/keys-2026/#content
14. Мегион 24. 3D-сканер для мегионского музея: Текст: электронный. – URL: https://megion24.ru/novosti/culture/3d_skaner_dlya_megionskogo_muzeya/
15. Пешкова В. Цифровой переход для музеев: будущее в настоящем – Текст: электронный // Вестник Права. 2024. – 16 сентября. – URL: https://vestnikip.ru/news/7816/#content

Сведения об авторе

Ю.М. Ильченко, бакалавр, ФБГОУ «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 75.011.2

ВИЗУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОБРАЗОВ В КИТАЙСКОЙ «ЖИВОПИСИ ШРАМОВ»

Инь Фань, аспирант

Владивостокский государственный
Владивосток, Россия

Аннотация. *Исследование актуализирует тему репрезентации гендерных образов в истории китайской реалистической живописи, сложившейся в художественной культуре «шрамов» как ответной реакции на антигуманный режим Культурной революции. Аргументация исследования построена на историческом подходе к поиску оснований трансформации гендерных образов в реалистической живописи. Результатом теоретических обобщений выступают культурологические комментарии эмоционального контекста ностальгии в программных живописных произведениях представителей «искусства шрамов»*

Ключевые слова и словосочетания: *китайская реалистическая живопись, Культурная революция, «живопись шрамов», ностальгия, травма исторического прошлого.*

VISUAL REPRESENTATION OF GENDER IMAGES IN CHINESE «SCAR PAINTING»

Abstract. *The study actualizes the theme of the representation of gender images in the history of Chinese realistic painting, which has developed in the artistic culture of «scars» as a response to the inhumane regime of the Cultural Revolution. The argumentation of the research is based on a historical approach to the search for the grounds for the transformation of gender images in realistic painting. The result of the theoretical generalizations are cultural comments on the emotional context of nostalgia in the programmatic paintings of the representatives of the «art of scars».*

Keywords: *Chinese realistic painting, Cultural Revolution, "scar painting", nostalgia, trauma of the historical past.*

Актуальность темы исследования. «Живопись шрамов» относится к специфическому явлению общественной и культурной жизни Китая с конца 70-х гг. XX века, когда стало возможным подвергнуть критике политику Культурной революции и оценить масштаб тех социальных и гуманитарных проблем, которые она принесла за десятилетия нового нациестроительства под руководством Мао Цзэдуна. В центре внимание художников-реалистов, сделавших тему «шрамов» основной идеей своего творчества, стоит человек, мужчина, женщина, ребенок, старик, крестьянин, юная девушка, представители малых народов и т.п. В отличие от соцреализма с его стремлением упразднить традиционные гендерные стереотипы восприятия мужчины и женщины в соответствие с их патриархальным качеством, и предложить образ нового человека, свободного от «предрассудков» старины, в том числе от гендерных устойчивых противопоставлений мужчины как главы и женщины как зависимой от него, «живопись шрамов», как и все «шрамовое» искусство возвращало все на свои места. Именно этой особенностью гуманистического поворота оно не только вернуло общественное самосознание к своим национальным истокам, но и гармонизировало саму культуру гендерных связей и отношений.

Новизна исследования. В представленном исследовании описание картин художников, принадлежавших к направлению «живописи шрамов», дано в историческом контексте развития реалистической живописи, ставшей центральным изобразительным средством эпохи социалистического строительства в КНР от его образования и до настоящего времени. Без истории общественно-политического развития реалистического искусства и, реалистической живописи в том числе, невозможно понять силу резонирующего действия и психологической травмы, отображенных в творческом методе «шрамирования» коллективной памяти. По сути, в китайской художественной культуре XX века произошло, исключительное по форме, становление коллективного опыта рефлексии своей национальной памяти, исторической памяти поколения, пережившей массовые репрессии, гонения, казни и пытки, причиненные во имя доктрины власти, стремящейся к построению социального идеала путем истребления и увечения своего народа. Китайская художественная культура осознала этот трагический опыт как «шрамирование», т.е. такой след от раны, который напоминает о себе постоянно, независимо от конкретной исторической ситуации.

Цель и задачи исследования. Цель – обосновать историческую последовательность смены реалистических гендерных образов в китайской живописи периода образования Нового Китая от основания республики до начала XX века. В соответствие с целью ставятся и решаются задачи: во-первых, раскрыть предпосылки перехода от соцреализма к живописи «шрамов»; во-вторых, определить культурный контекст трансформации гендерных образов; описать характерные черты эмоционального переживания «травмы» в живописи «шрамов».

Структура и методы исследования. В этой связи, структура проведенного исследования включает описание исторического контекста становления и развития художественной культуры в условиях образования новой китайской государственности, а затем в период Культурной революции и после, когда стало возможным восстановить баланс сил политической идеологии, партийного и государственного строительства с общественным и культурным наследием китайского народа. Отдельным аспектом темы выступила репрезентация гендерных образов, по которым можно судить о трансформации общественного сознания и общественной оценки прошлого. Кроме того, «шрамовое» искусство было не только направлением и ключевым методом психологической адаптации к своей истории, но также буквально репрезентировало «щрамы» в виде морщинистой кожи, опаленных солнцем губ, искалеченных рук и ног, истерзанного тела и многих других деталей внешнего и внутреннего «ранения», которые испытали на себе мужчины и женщины.

Полученные результаты. Итак, после основания Китайской Народной Республики развитие реалистической масляной живописи вступило в новую фазу. В первые годы после осно-

вания Китайской Народной Республики западная блокада вынудила Китай принять одностороннюю политическую позицию, опираясь на советские художественные модели. Этот период частично восполнил пробелы в китайском художественном образовании, удовлетворив при этом потребности пропаганды. Однако искусство этой эпохи демонстрировало «механическую однородность» как в художественном языке, так и в тематике. Основание Китайской Народной Республики в 1949 году ознаменовало вступление страны в новую историческую фазу, принесшую с собой ряд институциональных и культурных преобразований. Литературные и художественные начинания в основном следовали принципам, изложенным в работе председателя Мао Дзэдуна «О литературной и художественной работе в Яньане».

Второе пленарное заседание VIII Национального съезда КПК в мае 1958 г. приняло Общую линию построения социализма, что привело к общенациональной кампанию «Большой скачок». В сентябре 1962 года на десятом пленуме восьмого Центрального комитета Мао Цзэдун выдвинул лозунг: «Никогда не забывайте о классовой борьбе». Китайские художники-реалисты, работающие маслом, начали создавать произведения, изображающие классовую борьбу, наряду с историческими картинами, такими как «Лэй Фэн никогда не забывает о трудностях рабочего класса» Лю Цин (1964) и «Всегда готовы» Инь Голян (1962).

Пропагандистский аппарат той эпохи провозгласил, что героями эпохи были «рабочие, крестьяне и солдаты», которые заслуживали полной огласки и похвалы. Их изображали как фигуры, никогда ранее не встречавшиеся в исторической литературе или искусстве. Сразу после этого китайский мир искусства был охвачен «яростной и интенсивной» Культурной революцией. В мае 1964 года художникам было сообщено, что предыдущие «семнадцать лет» искусства и литературы подверглись «шквалу атак со стороны темных сил буржуазии». Следовательно, новое искусство должно стать подлинно пролетарским, что требует переворота в истории посредством «великой социалистической революции на культурном фронте». В произведениях этого периода использовалась «красная, яркая и сияющая» эстетика для выражения горячих и позитивных духовных тенденций, а художники широко придерживались «принципа трех акцентов».

Молодые художники, получившие художественное образование в 1950-х и 1960-х годах, составили творческую основу этой эпохи. Их понимание искусства было сформировано академическим образованием и печатными материалами в условиях политических и социальных потрясений. Они усваивали основные директивы через объявления о выставках, издаваемые Ассоциацией художников, сохраняя непоколебимую приверженность служению политическим целям. В этот момент любое стремление к индивидуалистическому стилю живописи было смертельно опасным. Художники могли только постоянно следовать указаниям чиновников, ответственных за искусство, и центральному духу. Для художественных работников того времени возможность вообще взять в руки кисть в условиях массовой критики и борьбы, направленной против профессиональных художников, была самым большим утешением.

Искусство эпохи Культурной революции обычно воспринимается как глубоко искаженное, регрессивное, насыщенное фарсовым абсурдом и болезненными воспоминаниями. Однако с другой стороны, именно в этом контексте реалистическая живопись маслом нашла значительное пространство для развития в течение длительного периода, став неизменно популярной. Почти все пропагандистские картины использовали реалистические техники в сочетании с романтическими подходами, такими как преувеличение, символизм и аллегория, что удачно передавало горячую страсть той эпохи. Политические требования к формульной и концептуальной живописи не позволяют нам разглядеть истинный замысел художника в этих работах. Оценки искусства Культурной революции часто окрашены личным сопротивлением, переплетенным с глубокой психологической и физической травмой, а не учитывают его независимую художественную ценность. Хотя это искусство полностью отражает отчужденное мышление той эпохи, с технической точки зрения влияние советской русской живописи сохранялось. К представительным произведениям этого периода относятся «Председатель Мао присоединяется к рабочим в Аньюане» (1976) и «Мы должны довести пролетарскую культурную революцию до конца» Хоу Имина.

На третьем пленарном заседании XI Центрального комитета внимание партии постепенно сместилось «с 1979 года на строительство социалистической модернизации». С этого момента политическая, экономическая и культурная сферы Китая вступили в фазу упорядоченного восстановления. Подобно тому, как в экономике и политике требовалось восстановление стандартов истины, искусство естественным образом вернулось к вопросу «аутентичности».

Художники, пережившие эстетику Красной гвардии, начали набираться смелости, чтобы подвергнуть сомнению искусство Культурной революции, определяемое критериями «красного, яркого и сияющего» и «тремя акцентами». Первоначально художники изображали старшее поколение пролетарских революционеров, как, например, на выставке 1977 года, посвященной 50-летию основания Народно-освободительной армии, где такие работы, как «Восстание в Наньчане» Цай Цзинкая, Цянь Чжилина и Ван Чжэнхуа и «Обычный солдат» Гэ Юэ, установили историческую аутентичность, характерную для художественных сюжетов Художественная выставка, посвященная 50-летию Народно-освободительной армии, где такие работы, как «Восстание в Наньчане» Цай Цзинкая, Цянь Чжилина и Ван Чжэнхуа и «Обычный солдат» Гэ Юэ, установили концепцию исторической достоверности в художественной тематике.

Однако художественное выражение по-прежнему было пропитано стилем Культурной революции. Аналогичным образом, такие произведения, как «Вечны заслуги недостаки» Инь Голяна и «Дочь земли» Вэнь Липэна, впервые появившиеся во время Движения 5 апреля, прославляли не Лю Хулань, погибшую от рук реакционеров, а тех, кто погиб от рук «Банды четырех», когда-то считавшихся «товарищами». Восхваляя этих революционеров, произведения предлагали критику истории. Такие начинания требовали мужества в то время; эти образы выражали политическую позицию, поскольку художники начали внутреннее пробуждение. Они постепенно осознали, что только через неприкрашенное изображение правды искусство может вернуть утраченную аутентичность.

Так появилось искусство, проникнутое духом реалистической критики. В 1979 году в Национальном художественном музее Китая прошла первая после Культурной революции национальная художественная выставка «Национальная художественная выставка, посвященная 30-летию основания Китайской Народной Республики». В отличие от привычных «позитивных» и «здоровых» произведений прошлого, на этой выставке зрители столкнулись с трагическими темами и мрачным настроением. Появились такие произведения, как «Почему» Гао Сяохуа (1979) и «1968 х месяц х день» Чэн Цунлиня, которые позже были названы «искусством шрамов». Художники стремились достоверно отразить опыт образованной молодежи и сельской жизни в произведениях, возвращающихся к их личной истории. Их цель состояла в том, чтобы направить суть искусства вовнутрь мира, выраженного в меланхоличном тоне. Это произвело глубокий шок на китайскую публику, которая задалась вопросом: почему такое мрачное изображение реальности?

Однако вскоре они очнулись от удивления, осознав, что это была история, это была правда. К представительным произведениям «искусства шрамов» и движения «Поток жизни» относятся «Отец» Ло Чжунли, «Пробудился весенний ветер» Хэ Дуолин и «Тибетская серия» Чэнь Даньцина. Оглядываясь назад, мы можем ясно увидеть связи с современным зарубежным искусством: «Отец» (гиперреализм), «Весенний ветер пробудил» (Вис) и «Тибетская серия» (Миллер). К этому моменту художники начали сознательно впитывать и адаптировать западные формы и техники живописи, чтобы передать эмоции, мысли и художественный язык художника. Картины этого периода были под сильным влиянием литературы, а преобладающий социокультурный климат естественным образом наполнял их определенными коннотациями. Их работы были прославлением человечества, жизни и самого существования. Несомненно, они представляли собой форму бунта и вызова культурному авторитаризму, который когда-то отрицал и подавлял человечность.

В этот период китайское правительство срочно стремилось изучить и исправить ошибки, допущенные во время Культурной революции. Эти работы, известные как движение «Поток жизни», были сохранены в нежно реалистичном стиле. После своего появления в 1980-х годах движения «Литература шрамов», «Сельская литература» и «Поток жизни» неизменно занимали ведущее положение в китайском основном течении новой эры реализма в китайском искусстве. Даже движение «Новая волна в искусстве», возникшее в середине 1980-х годов, не смогло угрожать его ортодоксальному статусу.

Движение «живопись шрамов», возникшее в 1980-х годах под влиянием «литературы шрамов» было ознаменовано работами, в основном созданными группой художников из провинции Сычуань, которые использовали в качестве темы свои личные воспоминания об этой необычной эпохе, выражая их через масляную живопись. Это вызвало коллективные воспоминания об этом периоде и привлекло значительное внимание. Художники, родившиеся в 1950-х годах, как правило, выражали это ностальгическое чувство в своих работах, которые уходили корнями в пережитый опыт той особенной эпохи. На первый взгляд «ностальгия»

могла показаться просто воспоминанием о прошлой жизни. Однако, если рассматривать ее в историческом контексте быстрых социальных преобразований, обнаруживается, что это «ностальгическое» искусство, глубоко передающее духовные устремления людей, имеющее также и современное значение. Художники «шрамов» пробуждали воспоминания, воссоздавая в своих работах конкретные исторические контексты.

На уровне визуальной формы эти реалистичные картины о ностальгии представляли собой некую «инородность» по отношению к прошлым временам и пространствам, однако на самом деле они передавали актуальный духовный опыт художника; память и реальность, образующие связи, превосходящие время и пространство, через холст. Эта художественная форма касалась не просто воссоздания памяти, а скорее представляла особый способ, с помощью которого современные художники переосмысливали временные и пространственные сдвиги от прошлого к настоящему. Весь творческий процесс последовательно выражал понимание и заботу художника о современном обществе.

Выводы. На примере «искусства шрамов» можно сказать, что в рамках этой художественной формы художники стремились интегрировать культурные и литературные атрибуты «шрамов» в живопись. Используя изобразительное повествование для провоцирования размышлений, именно эта потребность в повествовании обусловила преимущественно реалистичный подход в таких работах. Обучение, которое получили художники «искусства шрамов» в ту эпоху, было именно тем реалистическим художественным образованием в советском стиле, о котором говорилось ранее. Они выдержали тяжелые занятия, используя ограниченные и элементарные учебные материалы, оттачивая свои навыки, чтобы развить исключительные реалистические способности.

Именно это мастерство соответствовало требованиям творчества «искусства шрамов». Действительно, базовое образование позволило этим художникам взяться за темы, которые ранее было трудно эффективно выразить. Луо Чжунли, Хэ Дуолин, Чэн Цунлинь, Гао Сяохуа и другие являются представительными фигурами «искусства шрамов». Как и их современники, они получили строгое художественное образование в советском стиле реализма, и их работы несут на себе характерные черты реализма. Сильная художественная выразительность этих произведений проистекает именно из глубокого владения художниками техниками реалистической живописи. Суровая реалистичность образов искусства шрамов точно соответствовала преобладающим эстетическим требованиям эпохи, позволяя зрителям быстро уловить чувства и концепции, передаваемые через содержание картин — мощную отличительную черту реализма.

1. Воронина О. А. Женщина в «мужском обществе» // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 104-110.

2. Гендерная теория и искусство. Антология: 1970—2000 / пер. с англ.; под ред. Л.М. Бредихиной, К. Дипуэлл. – Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005.

3. Го Сяо Бинь. Влияние советской живописи 1950-1960-х годов на развитие китайского изобразительного искусства: рецепции и традиции в художественной жизни Китая // Культура и искусство. – 2017. – № 2.

4. Коннел Р. Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика / авториз. пер. с англ. Т. Барчуновой. –Москва: Новое литературное обозрение, 2015. – С. 248-258.

5. Коробова А.Н. Полемика о «литературе шрамов» и политика КНР в области литературы в конце 1970-х - середине 1980-х годов // Шаги/Steps. – 2022. – №4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/polemika-o-literature-shramov-i-politika-knr-v-oblasti-literatury-v-kontse-1970-h-seredine-1980-h-godov (дата обращения: 12.06.2026).

6. Лю Цзяци. Феномен «деревенского реализма» в творчестве художников юго-запада Китая // Искусство Евразии. – 2024. – №2 (33). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-derevenskogo-realizma-v-tvorchestve-hudozhnikov-yugo-zapada-kitaya (дата обращения: 12.06.2026).

Сведения об авторе

Инь Фань, аспирант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 314.74

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РЫНКА ВЪЕЗДНОГО ТУРИЗМА ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Т.В. Калюжная, бакалавр

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье раскрываются современное состояние и перспективы развития въездного туризма в Приморском крае. Проанализированы новые требования к туристскому продукту, вступающие в силу с 1 марта 2026 года, включая расширенный перечень услуг для внутреннего и въездного туризма. На основе статистических данных за 2024–2025 годы рассмотрена структура въездного потока в Российскую Федерацию и Приморский край. Проведён анализ рынка въездного туризма из КНР: туроператоры, типы туров, популярные объекты, размещение, питание, проблемы инфраструктуры. Выявлены ключевые тенденции китайского выездного. Предложены направления адаптации региона под меняющиеся предпочтения китайских туристов для повышения конкурентоспособности Приморья на международном туристическом рынке.*

Ключевые слова: *въездной туризм, Приморский край, туристский продукт, законодательство 2026 года, китайские туристы, статистика туризма, Владивосток, туроператоры, индивидуальные туры, качество сервиса, инфраструктура размещения, тенденции выездного туризма КНР.*

CURRENT STATE OF THE INBOUND TOURISM MARKET IN PRIMORSKY KRAI

Abstract. *The article reveals the current state and development prospects of inbound tourism in Primorsky Krai. New requirements for the tourist product, coming into force on March 1, 2026, are analyzed, including an expanded list of services for domestic and inbound tourism. Based on statistical data for 2024–2025, the structure of the inbound flow to the Russian Federation and Primorsky Krai is considered. The inbound tourism market from the PRC is analyzed: tour operators, types of tours, popular attractions, accommodation, meals, infrastructure problems. Key trends in Chinese outbound tourism are identified. Directions for adapting the region to changing preferences of Chinese tourists are proposed to increase the competitiveness of Primorye in the international tourism market*

Keywords: *inbound tourism, Primorsky Krai, tourist product, 2026 legislation, Chinese tourists, tourism statistics, Vladivostok, tour operators, individual tours, quality of service, accommodation infrastructure, outbound tourism trends, China*

Туризм является одной из самых динамично развивающихся отраслей экономики, способствующей как экономическому росту регионов, так и культурному обмену между народами. Приморский край, благодаря своему уникальному природному и культурному наследию, привлекает множество иностранных туристов.

Цель данной работы – изучить текущую ситуацию и определить, как развивается въездной туризм в Приморье сейчас.

Актуальность исследования обусловлена тем, что въездной туризм Приморского края находится в стадии активного восстановления. После возобновления безвизового обмена с Китаем поток иностранных туристов начал расти, но до сих пор не достиг прежних значений.

С 1 марта 2026 года вступает в силу закон, изменяющий понятие «туристский продукт» и устанавливающий расширенный перечень услуг для внутреннего и въездного туризма [1].

Основные изменения:

– в сфере выездного туризма туристским продуктом будет считаться комплекс услуг по перевозке туриста из Российской Федерации в страну (страны) временного пребывания и (или) обратно в Российскую Федерацию из страны (стран) временного пребывания и услуги по размещению в стране (странах) временного пребывания;

– ранее в формулировке закона не было уточнения о перевозке из России в страну пребывания;

– в сфере внутреннего и въездного туризма туристским продуктом является услуга по размещению в средстве размещения на территории Российской Федерации и хотя бы одна дополнительная услуга из установленного перечня:

перевозка туриста любым видом транспорта;

услуги экскурсовода (гида);

услуги гида-переводчика;

услуги инструктора-проводника (обязательны при включении в турпродукт маршрута, требующего сопровождения).

В состав формируемого турпродукта могут включаться и иные услуги, оказываемые за общую цену по договору о реализации туристского продукта.

–В случае заключения туристом и (или) иным заказчиком с одним юридическим или физическим лицом отдельных договоров на оказание услуг, включенных в состав туристского продукта, на одно и то же лицо и на один и тот же период услуги, оказываемые по таким договорам, приравниваются к услугам, оказываемым при реализации туристского продукта, за исключением случая, если дополнительные услуги предоставляются указанному в таких договорах туристу непосредственно лицом, предоставляющим услугу по размещению в средстве размещения.

Требование закона о передаче сведений в информационную систему электронных путевок для турпродукта в сфере внутреннего и въездного туризма, сформированного с учетом новых особенностей, не будет применяться с 1 марта 2026 года до 1 сентября 2026 года.

По итогам 2025 года количество туристических поездок иностранных граждан в Российскую Федерацию составило 1 643 654, что на 4,5% превышает показатель 2024 года. В структуре въездного туризма абсолютно доминирует китайский рынок: граждане КНР совершили 834 тыс. туристических поездок – это 50,8% от общего турпотока [2]. При этом отмечается снижение на 1,6% по сравнению с 2024 годом, что связано со структурной корректировкой после бурного роста в период восстановления турпотока, можно увидеть на рисунке 1.

Топ 10 стран пребывания туристов в Российскую Федерацию можно увидеть на рисунке 1.

Рис. 1 Топ 10 стран по количеству пребываний в Российскую Федерацию на 2024-2025 год [3]

В первую десятку стран въездного туризма входят:

– Катар (117 тыс. визитов в 2025, на 23% больше, чем в 2024);

– Саудовская Аравия (75 тыс. визитов в 2025, на 36% больше, чем в 2024);

– ОАЭ (66 тыс. визитов в 2025, на 54% больше, чем в 2024);

– Турция (59 тыс. визитов в 2025, на 23% больше, чем в 2024);

– Армения (1,1 млн. визитов в 2025, на 27% больше, чем в 2024);

– Шри-Ланка (197 тыс. визитов в 2025, на 24% больше, чем в 2024);

– Иран (50 тыс. визитов в 2025, на 65% больше, чем в 2024);

– Индия (77 тыс. визитов в 2025, на 30% больше, чем в 2024);

– Германия (66 тыс. визитов в 2025, на 20% больше, чем в 2024);

– Куба (18 тыс. визитов в 2025, на 50% больше, чем в 2024).

За последние годы Приморский край демонстрирует устойчивый рост въездного туризма, особенно со стороны соседних стран: Китая, Японии и Южной Кореи. Наибольший прирост приходится на китайских туристов, что связано с улучшением транспортной доступности, развитием приграничной инфраструктуры и активным продвижением региона как туристического направления.

В 2025 году Приморский край посетили 635,7 тыс. иностранных граждан, в основном из Китая, Японии и Южной Кореи. Китайцы составляют 85% туристов, прибывших из регионов России, 10% туристы из Японии и 5% из Южной Кореи.

Китай занимает лидирующую позицию по количеству въездных туристов в Приморский край. Они составляют около 60-65% от общего числа иностранных гостей региона, что обу-

словлено как географической близостью, так и сотрудничества между регионами России и Китая [4].

Анализ рынка въездного туризма из КНР в Приморский край представлена в таблице 1.

Таблица 1

Анализ рынка въездного туризма из КНР в Приморский край [5]

Категория	Параметры	Примеры
Туроператоры	Количество (2025) Требования	17 108 туристических компаний в реестре Минэкономразвития РФ. Включение в межправсоглашение РФ–КНР. Сопровождение групп; аттестованные гиды-переводчики.
Типы туров	Групповые (2–5 дней) Индивидуальные, авторские	Стандартные экскурсии по Владивостоку, шоппинг. Дайвинг, парусные прогулки, вертолётные туры; экотуризм, гастрономия.
Популярные объекты	Владивосток, Уссурийск	ЖД и морской вокзалы, фуникулёр, Токаревский маяк, подлодка С-56, Триумфальная арка, Центральная площадь, музей им. Арсеньева. Океанариум, набережная ДВФУ, мыс Тобизина. Уссурийск, Хасанский район (Кравцовские водопады).
Размещение	Типы Продолжительность Проблемы	Гостиницы, хостелы. 3–5 дней. Дефицит номеров в пик сезона (июль–август).
Питание	Предпочтения, Заведения с китайской кухни	Морепродукты (гребешки, кальмары, кукумария). Lotus Room, Цап-ля, Циндао.
Особенности	Регламент Тренды	Только аттестованные гиды -обязательное сопровождение групп. Рост доли самостоятельных туристов - интерес к премиум-услугам.
Рейтинг	Рейтинг Владивостока на Ctrip Турпоток	4,4 из 10. Владивосток - лидер ДФО (Дальневосточный федеральный округ).

Таким образом, рынок въездного туризма из КНР в Приморье демонстрирует восстановление, но требует инвестиций в инфраструктуру и адаптацию под меняющиеся предпочтения китайских туристов.

Современные тенденции в туризме включают рост внутреннего туризма, экологические и гастрономические направления, а также технологические инновации, которые формируют новые предпочтения путешественников. Тенденции развития выездного туризма (КНР) можно увидеть в таблице 2.

Таблица 2

Ключевые тенденции въездного туризма (КНР) [6]

Тенденции	Описание
Туристическая индустрия	Китайская туристическая индустрия все больше склоняется к высококачественным и опытным вариантам путешествий, поскольку предпочтения путешественников развиваются. Индивидуальные и гибкие туристические пакеты становятся все более популярными среди путешественников
Самостоятельные туры	Еще одной тенденцией развития индустрии выездного туризма в Китае является склонность к самостоятельным турам. Специализированные туристические предложения, разработанные с учетом конкретных интересов, привлекают внимание людей
Китайские авиакомпании	Китайские авиакомпании значительно выиграют от растущего спроса на выездные путешествия. По прогнозам, рост числа авиаперевозок также приведет к увеличению трафика в аэропортах, что повысит спрос на беспошлинные покупки

Таким образом, китайский рынок выездного туризма переходит от массовых поездок к более персонализированным и качественным форматам. Путешественники всё чаще предпочитают гибкие самостоятельные туры и специализированные предложения, соответствующие их индивидуальным интересам. Этот рост спроса на премиальный опыт и независимые маршруты, в свою очередь, стимулирует развитие смежных отраслей, в первую очередь авиаперевозок и услуг аэропортов, включая беспошлинную торговлю.

1. Туризм по-новому [сайт]. – URL: https://www.atorus.ru/article/turizm-po-novomu-gosduma (дата обращения 11.04.2026).
2. Бугорский, В. П. Организация туристской индустрии. Правовые основы: учебное пособие для среднего профессионального образования / В. П. Бугорский. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 165 с.
3. Кабушкин Н.И. Менеджмент туризма: учебник. – 5-е изд. – Минск: Новое знание, 2020. – 408 с.
4. Шубаева, В. Г. Маркетинг в туристской индустрии: учебник и практикум для вузов / В. Г. Шубаева, И. О. Сердобольская. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 120 с.
5. Посещаемые страны для китайских туристов [сайт]. – URL: https://oknanews.info/ten-most-visited-countries-china (дата обращения: 12.04.2026)
6. Туристический поток из Китая [сайт]. – URL: https://travel.yandex.ru/pro/za-chto-kitayskie-turisty-polyubyat-vash-otel (дата обращения: 13.04.2026)
7. Тенденции, рост и анализ возможностей выездного туризма в Китае [сайт]. – URL: https://www.futuremarketinsights.com/ru/reports (дата обращения: 13.04.2026)

Сведения об авторе

Т.В. Калюжная, бакалавр, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 159.9

РАННИЕ ДЕЗАДАПТИВНЫЕ СХЕМЫ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ ТРЕВОЖНОСТИ У ЛИЦ МОЛОДОГО ВОЗРАСТА

Д. В. Каневская, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В данной статье, мы рассматриваем связь ранних дезадаптивных схем, неблагоприятного детского опыта и тревожности у лиц молодого возраста. Установлено, что наиболее значимыми психологическими предикторами тревожности выступают схемы уязвимости, покинутости, зависимости, негативизма и жёстких стандартов.*

Ключевые слова и словосочетания: *тревожность, ранние дезадаптивные схемы, неблагоприятный детский опыт, молодёжь, схемная терапия, личностная тревожность.*

EARLY MALADAPTIVE SCHEMAS AS PSYCHOLOGICAL PREDICTORS OF ANXIETY IN YOUNG ADULTS

Abstract. *The article examines the relationship between early maladaptive schemas, adverse childhood experiences and anxiety in young adults. The study found that the most significant predictors of anxiety are vulnerability, abandonment, dependence, negativity and unrelenting standards schemas.*

Keywords: *anxiety, early maladaptive schemas, adverse childhood experiences, youth, schema therapy, trait anxiety*

Высокая распространённость тревожности среди лиц молодого возраста и необходимость поиска глубинных психологических факторов, которые не только сопровождают тревожные переживания, но и участвуют в их формировании и закреплении, определили актуальность данного исследования [6, 8]. Молодой возраст – это период интенсивного личностного, социального, профессионального и учебного становления, когда человеку одновременно приходится решать задачи адаптации к растущей ответственности, самоопределения, выстраивания

межличностных отношений, профессионального выбора и другие [2, 6]. Именно поэтому тревожность в данной возрастной группе выступает не как случайная эмоциональная реакция, но и как значимый показатель успешности или нарушений психической адаптации [8].

Тревога как эмоциональное состояние выполняет мобилизующую функцию, однако при высокой интенсивности и длительности она перестаёт быть адаптивной и начинает дестабилизировать деятельность человека в процессе решения жизненных задач. Тревожность как личностная черта, в свою очередь, представляет собой более устойчивую характеристику, определяющую вероятность возникновения и интенсивность тревожных реакций, и проявляющуюся в склонности переживать беспокойство, напряжение и ожидание неблагоприятных событий в ситуациях неопределенности [6]. Разграничение тревоги и тревожности имеет принципиальное значение, поскольку позволяет понять, какие реакции являются ситуативными, а какие отражают устойчивые внутренние установки человека [14].

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении ранних дезадаптивных схем и многокомпонентной структуры тревожности у молодых людей [7, 8, 10]. В работе тревожность анализируется не только как общий показатель эмоционального неблагополучия, но и как система взаимосвязанных компонентов, включающая эмоциональный дискомфорт, астенические проявления, фобический компонент, тревожную оценку перспективы и социальную защиту [13]. Такой подход позволяет более точно определить, какие именно схемы являются наиболее значимыми психологическими предикторами тревожности у лиц молодого возраста [8, 10].

Теоретической основой исследования выступает концепция ранних дезадаптивных схем Д. Янга, согласно которой устойчивые негативные паттерны мышления, чувств и поведения формируются в детстве при хроническом неудовлетворении базовых эмоциональных потребностей [1, 7]. Эти схемы включают воспоминания, эмоции, когниции и телесные ощущения, касающиеся собственной личности и отношений с другими людьми. В последствии они активируются в ситуациях, субъективно напоминающих ранее пережитый негативный опыт [7, 11]. В результате человек начинает воспринимать мир как опасный, других людей как ненадёжных, а себя как уязвимого, беспомощного или недостаточно ценного [7, 10].

Анализ литературных источников показывает, что молодые люди особенно чувствительны к влиянию ранних дезадаптивных схем, поскольку именно в этот период происходит активное становление идентичности, автономии и устойчивых способов саморегуляции [2, 8]. Если на данном этапе у человека уже присутствуют схемы уязвимости, покинутости или негативизма, они могут существенно осложнять освоение социальных ролей, обучение, межличностные отношения и профессиональное самоопределение [8, 10, 12]. Поэтому раннее выявление подобных схем имеет не только теоретическое, но и практическое значение для психологической профилактики тревожных нарушений [7, 12].

Цель исследования состояла в изучении уровней тревожности у юношей и девушек и их связи с ранними дезадаптивными схемами и неблагоприятным детским опытом. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи: проанализировать теоретические подходы к изучению тревожности и схемной проблематики; подобрать адекватные психодиагностические методики; провести эмпирическое исследование у молодых людей; выявить статистически значимые взаимосвязи между показателями тревожности и ранними дезадаптивными схемами; определить основные психологические предикторы тревожности.

В исследовании использовались анализ научной литературы, психодиагностический метод и методы математико-статистической обработки данных. Эмпирическая часть проводилась дистанционно; в исследовании приняли участие 104 человека в возрасте от 18 до 30 лет, из них 62 женщины и 42 мужчины. Для изучения ранних дезадаптивных схем использовался опросник Янга YSQ [7], а для диагностики тревоги и тревожности —Интегративный тест тревожности [13]. Корреляционный анализ осуществлялся с помощью коэффициента ранговой корреляции Ч. Спирмена.

Выбор указанных методик представляется обоснованным, так как каждая из них позволяет изучить один из ключевых уровней проблемы. Опросник YSQ позволяет выявить сформировавшиеся схемы как глубинные когнитивно-эмоциональные образования [7], а Интегративный тест тревожности даёт возможность оценить не только общий уровень тревожности, но и её структурные компоненты [13]. Комплексное применение этих методик делает возможным переход от описания отдельных показателей к анализу их психологической взаимосвязи.

Результаты исследования показали, что высокий уровень ситуативной тревожности выявлен у 34 респондентов, средний у 28 и низкий уровень у 42. При этом личностная тревожность оказалась выражена сильнее: высокий уровень был обнаружен у 49 участников, средний — у 25, низкий — у 30 студентов. Уже это соотношение позволяет предположить, что у значительной части молодых людей тревожность носит не только реактивный, но и устойчивый характер, выступая личностной основой эмоционального реагирования.

Анализ средних значений по шкалам Интегративного теста тревожности показал, что среди компонентов тревожности наиболее выраженными являются фобический и астенический компоненты, а также тревожная оценка перспективы. Иными словами, у обследованных молодых людей тревожность проявляется не только в форме эмоционального напряжения, но и через переживание неопределённой угрозы, неуверенность в себе, повышенную утомляемость, нарушения сна и склонность видеть будущее в негативном свете. Подобная структура тревожности указывает на её многокомпонентный характер и подтверждает необходимость анализа не только общего уровня тревожности, но и её внутренних составляющих.

Корреляционный анализ показал наличие достоверной прямой связи между показателями личностной и ситуативной тревожности ($r = 0,73$; $p \leq 0,05$), что свидетельствует о тесной сопряжённости текущих тревожных реакций и общей личностной склонности к тревожному восприятию действительности. Иначе говоря, чем выше у человека выражена личностная тревожность, тем большее число жизненных ситуаций он склонен воспринимать как опасные и предрасположен к более выраженным ситуативным тревожным реакциям.

По результатам корреляционного анализа между показателями опросника Янга (YSQ) и Интегративного теста тревожности (ИТТ) выявлены преимущественно положительные связи умеренной и средней силы ($r = 0,10–0,62$; $n = 104$). Полученные данные свидетельствуют о том, что усиление выраженности ранних дезадаптивных схем закономерно сопровождается повышением как ситуативной, так и личностной тревожности и её отдельных компонентов.

Наиболее высокие корреляции с показателями тревожности обнаружили схемы Зависимость/Беспомощность (r до 0,62), Уязвимость (r до 0,59), Покинутость/Нестабильность (r до 0,56), Негативизм/Пессимизм (r до 0,58) и Жёсткие стандарты/Придирчивость (r до 0,55). Указанные схемы связаны с тревожностью наиболее последовательно — как по ситуативному, так и по личностному уровню, а также по большинству структурных компонентов ИТТ. Наши данные согласуются с данными Смышляевой и Галимзяновой (2016), показавших схемы зависимости и уязвимости среди ведущих предикторов страхов у взрослых [8], а также с результатами Delattre et al. (2004), показавших высокую представленность схем нарушения автономии у пациентов с тревожными расстройствами[10]. Схема Уязвимости дала столь же высокие корреляции, особенно с фобическим компонентом, что воспроизводит данные исследования Cousineau (2004), классифицировавшего уязвимость как одну из трёх категорий схем, непосредственно предрасполагающих к тревожности [12].

Схема Покинутости/Нестабильности является ведущим предиктором социальной тревожности. Наибольшая её корреляция зафиксирована именно с показателями социальной защиты (ситуативная: $r = 0,56$, $p \leq 0,05$; личностная: $r = 0,51$, $p \leq 0,05$). Это согласуется с данными Yan et al. (2018), в исследовании которых на выборке из 983 подростков схема Покинутости вошла в число значимых предикторов тревожных симптомов наряду с Уязвимостью и Жёсткими стандартами. Аналогичные результаты получены в исследовании социальной тревожности у студентов университетов: схемы домена «нарушение связей» (к которому относится Покинутость) значимо предсказывали выраженность социально-тревожных симптомов [15].

Схемы Жёстких стандартов/Придирчивости и Привилегированности/Грандиозности выступают значимыми предикторами личностной тревожности и хронического эмоционального дискомфорта. Схема Жёстких стандартов обнаружила наиболее тесные связи с личностной тревожностью ($r = 0,55$, $p \leq 0,05$) и личностным эмоциональным дискомфортом ($r = 0,53$, $p \leq 0,05$), что согласуется с представлениями о роли дезадаптивного перфекционизма, постоянного самоконтроля и страха ошибок в формировании устойчивого тревожного фона. Схема Привилегированности/Грандиозности также продемонстрировала высокие корреляции с личностной тревожностью ($r = 0,56$, $p \leq 0,05$) и тревожной оценкой перспективы ($r = 0,50$, $p \leq 0,05$). Подобные результаты могут объясняться хроническим несоответствием завышенных ожиданий и реальных жизненных ограничений, что приводит к переживанию фрустрации и внутреннего напряжения. Теоретически данные выводы соотносятся с исследованиями Sharafi et al. связи РДС с тревожными расстройствами [16].

Фобический компонент тревожности (ситуативной и личностной) продемонстрировал наиболее тесные связи со схемами Уязвимость и Зависимость/Беспомощность (r = 0,58–0,59), что отражает механизм формирования устойчивого ощущения угрозы при убеждённости в собственной беззащитности и неспособности справиться. Тревожная оценка перспективы (ситуативная и личностная) в наибольшей степени связана со схемами Уязвимость, Негативизм/Пессимизм и Жёсткие стандарты/Придирчивость (r = 0,47–0,55), что согласуется с представлениями о роли катастрофизации и перфекционизма в формировании тревоги о будущем. Социальная защита (ситуативная и личностная) наиболее тесно связана со схемами Покинутость/Нестабильность и Зависимость/Беспомощность (r = 0,49–0,56), указывая на то, что тревожность в межличностной сфере опирается прежде всего на ожидание нестабильности отношений и недоверие к собственным ресурсам.

Схема Эмоциональная депривированность обнаружила наиболее слабые и нередко незначимые связи с показателями тревожности (r ≈ 0,02–0,35), что может объясняться её преимущественной ролью в формировании депрессивных, а не тревожных реакций.

Таким образом, результаты подтверждают гипотезу исследования: существует значимая положительная взаимосвязь между ранними дезадаптивными схемами и уровнями тревожности у лиц молодого возраста. Ключевыми схемами-предикторами выступают Зависимость/Беспомощность, Уязвимость, Покинутость/Нестабильность, Негативизм/Пессимизм и Жёсткие стандарты/Придирчивость, охватывающие различные аспекты переживания небезопасности, беспомощности и хронического напряжения. Полученные результаты в целом согласуются с положениями схемной терапии и данными предшествующих исследований.

Практическое значение исследования заключается в том, что выявленные схемы могут рассматриваться как приоритетные мишени психологической помощи молодым людям с высоким уровнем тревожности [7, 10]. Наибольшее внимание в консультативной и психотерапевтической работе целесообразно уделять схемам уязвимости, покинутости/нестабильности, зависимости/беспомощности, негативизма/пессимизма и жёстких стандартов/придирчивости, поскольку именно они наиболее последовательно связаны с различными аспектами тревожности [8, 10, 12]. Работа с этими схемами может способствовать снижению чувства внутренней небезопасности, уменьшению самокритики и расширению более адаптивных способов эмоциональной регуляции [7, 9].

Таким образом, проведённое исследование подтверждает, что ранние дезадаптивные схемы действительно выступают значимыми психологическими предикторами тревожности у лиц молодого возраста [7, 8, 10]. Наибольший вклад в структуру тревожности вносят схемы, связанные с переживанием беспомощности, нестабильности отношений, ожидания угрозы и завышенных требований к себе. Полученные результаты дополняют данные зарубежных исследований и отечественных работ в области схемной терапии и психологии тревожности, что свидетельствует об их достоверности и возможности обобщения. Это позволяет рассматривать тревожность молодых людей как результат сложного взаимодействия раннего опыта, глубинных когнитивно-эмоциональных паттернов и актуальных жизненных требований [5, 7, 8].

1. Боулби, Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей / Дж. Боулби ; пер. В. В. Старовойтова. – Москва: Академический проект, 2004. – 232 с.

2. О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ.

3. Farah, M. J., Shera, D. M., Savage, J. H., Betancourt, L. M., Giannetta, J. M., Brodsky, N. L., Hurt, H. Childhood poverty: specific associations with neurocognitive development // Brain Research. – 2006. – Vol. 1110. – P. 166–174.

4. Isgor, C., Kabbaj, M., Akil, H., Watson, S. J. Delayed effects of chronic variable stress during peripubertal-juvenile period on hippocampal morphology and on cognitive and stress axis functions in rats // Hippocampus. – 2004. – Vol. 14, No. 5. – P. 636–648.

5. Куприянова, И. Е., Дашиева, Б. А., Карауш, И. С. Психическое здоровье детей с ограниченными возможностями: профилактический аспект // Бюллетень сибирской медицины. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 72–84.

6. Афонина, С. А., Каракьян, Г. А. Высокая тревожность у молодежи: причины и способы преодоления // Молодой ученый. – 2021. – № 15 (357). – С. 291–293.

7. Young, J. E., Klosko, J. S., Weishaar, M. Schema therapy: A practitioner’s guide. – New York : Guilford Press, 2003. – 436 p.

8. Смышляева Е. Д., Галимзянова М. В. Ранние дезадаптивные схемы и тревоги у взрослых // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. – 2016. – Вып. 4. – С. 191–198.

9. Boden, M. T., John, O. P., Goldin, P. R., Werner, K., Heimberg, R. G., Gross, J. J. The role of maladaptive beliefs in cognitive-behavioral therapy: evidence from social anxiety disorder // Behaviour Research and Therapy. – 2012. – Vol. 50, No. 5. – P. 287–291.
10. Delattre, V., Servant, D., Rusinek, S., Lorette, C., Parquet, P. J., Goudemand, M., Hautekeete, M. The early maladaptive schemas: a study in adult patients with anxiety disorders // Encephale. – 2004. – Vol. 30, No. 3. – P. 255–258.
11. Галимзянова М. В., Касьяник П. М., Романова Е. В. Восприятие родительских отношений взрослыми в связи с ранними дезадаптивными схемами // Вестник СПбГУ. Психология и педагогика. – 2017. – Т. 7, № 4. – С. 382–394.
12. Jaouahir, I., Azzaoui, F.-Z., Aham, A., Faid, M. Early maladaptive schemas among young Moroccan students // International Journal of Neuropsychopharmacology. – 2016. – Vol. 19, No. 1. – P. 1–11.
13. Бизюк А. П., Вассерман Л. И., Иовлев Б. В. Применение интегративного теста тревожности // Психологическая диагностика расстройств эмоциональной сферы и личности. – Санкт-Петербург: НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2003. – С. 23–45.
14. Изард К.Э. Психология эмоций / пер. с англ. А. Татлыбаевой. – Санкт-Петербург: Питер, 2007. – 464 с.
15. Yulei Yan, Wang J., Yu W., He L., Oei T. P. S. Young Schema Questionnaire: Factor Structure and Specificity in Relation to Anxiety in Chinese Adolescents. Psychiatry Investigation. 2018;15(1):41–48. DOI: 10.4306/pi.2018.15.1.41
16. Sharafi M., et al. Study of Early Maladaptive Schemas in Depressed, Anxious and Obsessive Patients and Non-Clinical Group // Biomedical & Pharmacology Journal. – 2016; 9(3).

Сведения об авторе
Д.В. Каневская, магистрант, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 008. (075.8)

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ К ТРАДИЦИЯМ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИВОСТОКСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Г.В. Касьяненко, специалист по работе с иностранными студентами

Н.А. Коноплёва, д-р культурологии, профессор кафедры дизайна и технологий

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *в статье рассматривается процесс адаптации иностранных студентов, обучающихся по программе бакалавриата в одном из российских вузов. автор обращает внимание на проблемы, с которыми сталкиваются студенты, и предлагает принципы решения, обусловленные личным профессиональным опытом*
Ключевые слова: *социокультурная адаптация, иностранные студенты, образование в России.*

A CULTURAL AND ANTHROPOLOGICAL APPROACH TO ADAPTING FOREIGN STUDENTS TO RUSSIAN TRADITIONS (ON THE EXAMPLE OF VLADIVOSTOK STATE UNIVERSITY)

Abstract. *The article explores the process of sociocultural adaptation of international undergraduate students to the educational environment. Particular attention is paid to the challenges encountered by international students. Drawing on personal professional experience, the author proposes a set of principles aimed at facilitating their successful adaptation.*
Keywords: *sociocultural adaptation, international students, education in Russia*

Все чаще в последнее время в профессиональных образовательных сообществах обсуждается проблематика международной деятельности российских вузов. Причем подходы к этому

вопросу основываются на многоаспектности возникающих у иностранных студентов проблем в иной культурной среде. По нашему мнению, специалистам по работе с иностранными студентами необходимо опираться в своей деятельности прежде всего на антропологический подход. Это методологический принцип, при котором человек, его сущность, потребности, ценности, биосоциальная природа и культурная деятельность ставятся в центр любого исследования или практической деятельности.

В нашем учебном заведении с 1999 года обучаются иностранные студенты. Преимущественно это студенты из КНР, а также Лаоса, Монголии и других стран (всего из 25 стран) сегодня в университете обучается более 500 иностранных студентов. Независимо от того какую страну представляет студент подходы к работе с ними в основном одинаковые. Они основываются на принципах отхода от сухой передачи знаний к построению образовательного процесса как к пространству для развития личности, учитывающего физиологические психологические, но, в первую очередь, культурные особенности студентов.

При этом сущностные характеристики и принципы антропологического подхода обусловливают целостность изучения человека во всем многообразии его проявлений – от биологических особенностей до духовного мира и культуры. В центр процесса ставится личность студента, используя уникальные культурные коды, традиции его страны, ее ценности и обязательно социокультурный опыт. Стремимся принимать его поведение, понимая, что оно обусловлено национальной картиной мира, сформированными в своей стране поведенческими нормами, ценностями и стереотипами. Причем вначале все иностранные студенты обучаются на подготовительном факультете русского языка. Это дает им не только знания о языке. Это погружение в студенческую жизнь.

Методом анонимного анкетирования было опрошено 120 иностранных студентов вуза. Это были учащиеся института педагогики и лингвистики, международного института бизнеса, подготовительного факультета. Респонденты представляли страны – КНР, Северная Корея, Замбия, Новая Гвинея, Египет, Сенегал. Монголия. Среди участников опроса 60% юноши и 40% девушки. Возрастной диапазон 22-28 лет. Результаты опроса:

– Почему вы приехали учиться именно в Россию? 56% - в России можно получить хорошее образование. 35% - рекомендации друзей, 9% - советы родителей.

– Что вам понравилось в городе? Мосты, улицы – 65%, легко добраться от общежития до центра города – 35%, Набережная – 10%.

– На какие информационные источники вы ориентировались при выборе ВВГУ? Интернет, где увидел, как красив город – 55%. Сайт вуза – 30%, совет друзей, учившихся ранее - 15%.

– С какими трудностями вы столкнулись в России? – Разница во времени – 25%, Много дел сразу – 45%, финансовые затраты – 70%. Разрешалось отметить – все значимые для респондента варианты ответов.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что обучение в современной России привлекает иностранных студентов, но задача любого вуза сделать обучение для них комфортным.

Для успешной адаптации в университете иностранных студентов, обучающихся в ВВГУ, разработана программа, и выработаны определенные принципы и приемы. Обычно учебный с год начинается с организации и проведения коммуникативных игр, в которых учитываются ожидания студентов, а также не только популяризации российского высшего образования, а, прежде всего, знакомство с российской культурой, ее традициями, обычаями и мировоззрением россиян, особенностями национальной идентичности. Что может в дальнейшем помочь иностранным студентам в их социокультурной адаптации.

С первых дней волонтеры университета, закрепленные за ребятами иностранцами, устанавливают с ними социальные связи, определяющие в последствии успешность адаптации. Волонтеры проводят игры на знакомство, сплоченность, в течение месяца осуществляют экскурсии по городу для знакомства иностранных обучающихся с значимыми культурными объектами города: музеями, театрами и проч. Их знакомят с интересными объектами городского центра и набережной, где для студентов организовано катание на лодках класса «Дракон». Ребята разбиваются по команды, для них проводят мастер класс и команды уходят в море. Данная форма организации внеучебной деятельности дает следующие результаты:

– новые знакомства, новые друзья;

– знакомство с городскими достопримечательностями, морем, железнодорожным (электричка) и морским транспортом;

– пополнение словарного запаса (лодка, гребем, вместе, весло и проч.).

В этих мероприятиях очень важным становится эмоциональный компонент коммуникаций, что способствует развитию эмпатии студентов, их активности и групповой сплоченности. В процессе адаптивной деятельности создается психологически безопасная среда. Это помогает иностранным студентам справиться с культурным шоком, уменьшить языковой барьер, преодолеть страх ошибок, оторванность от своей культуры и близких, преодолеть чувство одиночества и адаптироваться к новой академической среде. Доброжелательность волонтеров, преподавателей, сотрудников университета способствует открытости студентов, желанию саморазвития. Чем чаще мы используем ключевые аспекты работы с эмоциями, тем больше эффективность обучения и общения.

В Институте педагогики и лингвистики ВВГУ работает международный клуб «Самовар», где на заседаниях ребята и русские, и иностранцы ведут разговоры на разные темы. Особенно ребятам нравятся игры, предлагаемые организаторами. Чаще всего это игры на знакомство и сплочение. В результате происходит преодоление эмоциональных барьеров, студенты и те, и другие не боятся показаться смешными, идет установка доверительных отношений, что позволяет снять психологические зажимы. Одно из заседаний клуба посвящено культуре тех стран, из которых приехала молодежь для обучения в России. Это несомненно вызывает интерес, и не только у российских ребят. После представления информации о традиционной культуре своих стран ребята обсуждают нормы, правила взаимодействия. Знание национального этикета помогает избежать обид и недопонимания.

Самым значимым событием для адаптации иностранных студентов является постановка спектакля. Приглашаются все желающие. Организаторы заранее выбирают спектакль, где есть возможность участия большему количеству как российских, так и иностранных обучающихся. В процессе репетиций происходит сближение представителей всей большой творческой команды, ребята узнают новые слова, обучаются актерскому мастерству, учатся танцевать. Все это способствует обогащению знаний по русской литературе, развитию речевых навыков, артистизма, создания дружбы между молодыми людьми разных стран. А самое главное, что после спектакля у ребят иностранцев снимается много барьеров в коммуникациях и психологических зажимов.

В свою очередь, все преподаватели отмечают то, что от сформированного эмоционального комфорта в коммуникациях напрямую зависит эффективность усвоения знаний. Исследования и продемонстрированные нами результаты личного опыта работы с иностранными студентами ВВГУ, показывают, что именно правильно организованная эмоциональная работа педагога способствует наиболее успешной интеграции обучающихся в новую для них культурную среду.

1. Воробьева И.М. Иностранные студенты в российском вузе: повышение конкуренции российского образования или вынужденная необходимость // Молодой ученый. –2015. – №10. – С. 1115–1119. Текст: электронный. – URL: https://moluch.ru/archive/90/18764/ (дата обращения: 04.03.2024).

2. Краснощёков В.В. Адаптация иностранных студентов: теоретические подходы и практики формального и неформального образования (Фундаментальное исследование СПбПУ, рассматривающее процессы интеграции иностранных учащихся в российскую образовательную среду).

3. Понятийный аппарат новых дисциплин как пространство межкультурной коммуникации Текст: электронный. – URL: http://www.taby27.ru/tvorcheskie_raboty/50/pr-reklama-brending/mezhkulturn-kommunikacija.html (дата обращения: 04.03.2024).

4. Привлекательность российских вузов на международном рынке образовательных услуг Текст: электронный. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/privlekatelnost-rossiyskih-vuzov-na-mezhdunarodnom-rynke-obrazovatelnyh-uslug (дата обращения: 01.03.2024).

5. Элитарное образование: специфика, равенство и доступность Текст: электронный. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elitarnoe-obrazovanie-spetsifika-ravenstvo-i-dostupnost (дата обращения: 04.03.2024).

Сведения об авторах

Г.В. Касьяненко, специалист по работе с иностранными студентами, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет». Россия, г. Владивосток, Россия

Н.А. Коноплёва, д-р культурологии, профессор кафедры дизайна и технологий, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет». Россия, г. Владивосток, Россия

УДК 327.8

ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ МЯГКОЙ СИЛЫ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

П.А. Ким, аспирант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье раскрывается сущность цифровой дипломатии как эффективного инструмента «мягкой силы». Рассматриваются ключевые механизмы реализации цифровой дипломатии, среди которых особое место занимает активное присутствие государств в социальных медиа, формирование позитивного национального имиджа и продвижение культурных и политических ценностей. Примеры успешного применения цифровой дипломатии как инструмента «мягкой силы» такими государствами, как Россия, Китай и США, демонстрируют, как эффективное использование цифровых каналов коммуникации позволяет политическим лидерам укреплять международное влияние и завоевывать поддержку зарубежных аудиторий. Особое внимание уделяется опыту России, которая, начав активную цифровую дипломатию с 2012 года, смогла достичь высоких позиций в мировых рейтингах эффективности использования цифровых инструментов.*

Ключевые слова: *цифровая дипломатия, мягкая сила, публичная дипломатия, социальные сети, международные отношения, внешняя политика.*

DIGITAL DIPLOMACY AS A TOOL OF SOFT POWER OF THE MODERN STATE

Abstract. *This article explores the essence of digital diplomacy as an effective tool of soft power. Key mechanisms are examined for implementing digital diplomacy, including the active presence of states on social media, the development of a positive national image, and the promotion of cultural and political values. Examples of the successful application of digital diplomacy as a soft power tool by states such as Russia, China, and the United States demonstrate how the effective use of digital communication channels enables political leaders to strengthen international influence and win the support of foreign audiences. Particular attention is paid to the experience of Russia, which, having begun active digital diplomacy in 2012, has achieved high positions in global rankings of the effectiveness of digital tools.*

Keywords*: digital diplomacy, soft power, public diplomacy, social network, expansion of relations, foreign policy.*

Современная международная политика переживает глубокие трансформации под влиянием развития информационно-коммуникационных технологий. Цифровые технологии оказывают значительное влияние на формирование внешней политики государств, начиная от регулирования конкретных операций деятельности международных субъектов до решения глобальных вопросов, позволяя оперативно реагировать на изменения международной обстановки, эффективно взаимодействовать с зарубежными партнерами и укреплять позиции государства на международной арене [1].

Одним из важнейших направлений этих изменений становится цифровая дипломатия. Цифровая дипломатия – это использование информационно-коммуникационных и цифровых технологий во всем их комплексе и многообразии (Интернет, социальные сети, масс-медиа, информационные системы, цифровые платформы, большие данные, искусственный интеллект и другое) в процессе осуществления дипломатической деятельности и решении внешнеполитических и внешнеэкономических задач с целью эффективного продвижения интересов государства на мировой арене. В условиях развития информационных технологий и искусственного интеллекта цифровая дипломатия становится важным инструментом реализации национальных интересов и укрепления международного сотрудничества [2].

Цифровая дипломатия является одним из важных инструментов распространения «мягкой силы» государства. Концепция «мягкой силы» была разработана американским исследователем и теоретиком Джозефом Наем в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Широкую известность данная концепция получила после публикации его книги под названием «Bound to Lead: the Changing Nature of American Power» в 1990 году. В ней Дж. Най так писал о мягкой силе: «Мягкая сила – это способность воздействовать на других с целью получения нужного ре-

зультата посредством, скорее притяжения, нежели принуждения или выплат. «Мягкая сила» страны основывается на ее ресурсах культуры, ценностях и политике» [3].

Особенность «мягкой силы» заключается в ее универсальности и многогранности. Инструменты «мягкой силы» охватывают ряд направлений, включая культурные мероприятия, программы академического обмена, информационные кампании и цифровые технологии. С развитием цифровой дипломатии, Интернета, социальных сетей возможности «мягкой силы» значительно расширяются благодаря доступу к социальным сетям, онлайн-платформам и цифровым каналам. С помощью данных инструментов государства могут напрямую взаимодействовать с международной аудиторией, транслируя свои культурные ценности и политические идеи.

Практика ведущих международных акторов демонстрирует различные модели интеграции цифровой дипломатии в стратегию «мягкой силы». Базовыми инструментами цифровой дипломатии являются: блоги – личные сайты политических лидеров и активистов, как основной инструмент для работы с населением; веб-сайты – базовая платформа для размещения информации, которую необходимо донести до широкого круга пользователей; социальные сети – используются для привлечения соответствующих пользователей на сайты органов власти и т.п. [4].

В современную эпоху цифровой коммуникации личные аккаунты должностных лиц в социальных сетях так же стали важным инструментом цифровой дипломатии, который позволяет влиять на позитивный имидж страны и способствует усилению «мягкой силы». Благодаря социальным сетям, официальные представители государства могут отвечать на вопросы, комментировать события, а также делиться личным опытом и мнением. Имея аккаунты в социальных сетях, дипломатические миссии могут распространять сообщения в режиме реального времени и поддерживать связь с цифровой аудиторией по всему миру.

США. Соединенные Штаты Америки традиционно рассматриваются как первопроходцы в использовании цифровых инструментов для продвижения внешнеполитического влияния. Цифровая дипломатия как инновационный, высокотехнологичный продукт публичной дипломатии, берет свое начало в 1990-х годах. В 2001 г. США объявили о создании сетевой дипломатии (NetDiplomacy), ключевой особенностью которой является установление диалога между правительством США и зарубежными участниками социальных сетей [5]. Главную роль в обеспечении цифровой дипломатии играет Государственный департамент, в составе которого образовано большое количество отделов и служб, отвечающих за своей сектор деятельности. Благодаря проводимой Госдепартаментом США работе была сформирована разветвленная сеть web-сайтов, официальных аккаунтов в известных социальных медиа, переведены в цифровой формат теле- и радиоканалы.

В 2003 г. в составе Управления информационными ресурсами (IRM) Госдепартамента США была создана Служба e-дипломатии (Office of e-Diplomacy), которая стала заниматься вопросами IT-обеспечения [6].

При госсекретаре Х. Клинтон цифровая дипломатия и в целом использование «новых медиа» в политическом процессе получило широкое развитие. Одним из важных документов стал «Стратегический план развития информационных технологий в 2011–2013 гг.: цифровая дипломатия» [7], в котором новые средства коммуникации стали рассматриваться правительством США как связующее звено между обществом и аппаратом публичной дипломатии, а также как средство вовлечение пользователей в диалог с властью. С 2009 г. Государственный департамент США активно начал демонстрировать свою деятельность в социальных сетях - Twitter, YouTube и Facebook (на данный момент запрещены в РФ).

Активным пользователем социальных сетей является нынешний 47-й президент США Д. Трамп. Так, например, в социальных сетях Facebook и Twitter он высказывает свою позицию и дает оценку тем или иным международным событиям. Twitter (X) является одной из наиболее влиятельных социальных сетей, которая активно используется в политических и дипломатических целях. По мнению Е. Ефановой, «аккаунт Д. Трампа в Twitter – это пример того, как пользоваться преимуществами социальных сетей для удержания лидирующих позиций у власти и сохранения за собой таких ролей, формирования собственного имиджа и сравнения его с другими политиками, создания политической и медийной повестки» [8]. Деятельность президента США освещает пресс-секретарь Белого дома. Он является официальным представителем от администрации президента США по общению с представителями СМИ. С января 2025 года пресс-секретарем Белого дома является Каролайн Левитт. Пресс-секретарь Белого дома

может информировать представителей СМИ о работе президента США и также высказывать официальную позицию от имени администрации президента США по тем или иным международным событиям. В обязанности пресс-секретаря Белого дома также входит взаимодействие со СМИ и пресс-корпусом Белого дома на ежедневной основе через проведение брифинга для прессы.

Китай. Проводимая Китаем политика «мягкой силы» преследует цель построения привлекательного имиджа страны на международной арене. Важную роль в медиапространстве Китая занимает Информационное бюро Госсовета КНР. Бюро не только получает новостную информацию, но и занимается выпуском книг, журналов, кинофильмов, содействует ознакомлению местного населения с медиапродуктами. Прежде всего это делается для Тайваня, Гонконга и китайских диаспор за рубежом, которые руководство Китая хотело бы ввести в курс обстановки в стране в первую очередь.

Представители официальной власти Китая активно используют социальные сети, однако делают это исключительно в рамках китайских платформ, таких как WeChat и Weibo. Председатель КНР Си Цзиньпин не использует социальные сети, вся информация о его деятельности распространяется через государственные СМИ (Центральное телевидение Китая CCTV, газета «Жэньминь Жибао») и официальные аккаунты партийных органов в социальных сетях. «Жэньминь Жибао» является официальной газетой Центрального Комитета Коммунистической партии Китая. Она была основана 15 июня 1948 года. 1 августа 1949 года (незадолго до образования Китайской Народной Республики) Центральный комитет КПК принял решение превратить её в свою официальную газету [9]. В настоящее время штаб-квартира газеты «Жэньминь жибао» находится в Пекине. Председатель КНР Си Цзиньпин неоднократно посещал штаб-квартиру издательства, лично давал важные указания по работе газеты. В 1985 году выходит зарубежное издание газеты, ориентированное в основном на китайцев, проживающих за границей, а также на соотечественников в Гонконге, Макао и на Тайване. Интернет-издание газеты (People's Daily) было запущено в 1997 году. Помимо китайской версии, материал издается на 18 иностранных языках, включая русский, английский, японский и корейский. База данных выступлений Си Цзиньпина была просмотрена на сайте интернет-издания 1,44 миллиарда раз, что делает ее важным источником информации для зарубежных СМИ при подготовке репортажей о Китае [10].

Китайские СМИ также активно участвуют в продвижении интересов и в повышении имиджа КНР за рубежом и в формировании необходимой для Китая повестки дня. Центральное телевидение Китая CCTV, информационное агентство Синьхуа, газета «Жэньминь жибао» и многие другие китайские ресурсы довольно успешно распространились за рубеж во многие регионы мира и публикуют информацию о современном Китае на языке страны, в которой работает их филиал, что помогает охватить гораздо большую аудиторию. Такие китайские СМИ, как CGTN и China Daily, имеют мощные англоязычные онлайн-присутствия и аккаунты в соцсетях [11]. Ещё одним ярким примером являются регулярные брифинги официальных представителей МИД КНР, содержание которых можно найти на официальном сайте Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики [12]. Также китайские дипломаты открыто высказывают свою позицию по тем или иным международным событиям на иностранных площадках, которые запрещены внутри КНР. Многие из них имеют личный аккаунт в такой социальной сети, как Twitter. Таким образом, правительство показывает свое видение ситуаций, происходящих внутри страны и на мировой арене, а благодаря огромному многообразию языков, на которых происходит вещание, влияние оказывается на широкие массы.

Стоит отметить, что Китай придерживается собственного подхода к деятельности в сети. Важной его особенностью является эффективная система интернет-цензуры, которая ограничивает китайским пользователям доступ к нежелательной информации и многим зарубежным сайтам. В цифровой сфере Китай продвигает собственные платформы, например, WeChat, в качестве альтернативы западным социальным сетям. WeChat и Weibo являются популярными соцсетями в Китае, но они ориентированы на местную аудиторию, так как их основной язык – китайский [13].

Россия. Распространение дипломатической «мягкой силы» России на современном этапе проводится не только с помощью традиционного для российских дипломатов формата деятельности – переговоров, саммитов, конференций и др., но и с помощью информационных технологий. Развитие концепции «мягкой силы» в России началось с 2012 года, когда президент Владимир Путин предложил использовать ее для достижения внешнеполитических це-

лей. В обновленной Концепции внешней политики РФ 2023 г. прописан целый блок направлений по развитию информационного сопровождения внешнеполитической деятельности Российской Федерации. В частности, Россия намерена уделять приоритетное внимание: 1) доведению до максимально широкой иностранной аудитории правдивой информации о внешней и внутренней политике России; 2) содействию распространению за рубежом информации, способствующей упрочению международного мира и взаимопонимания; 3) обеспечению защиты от дискриминации за рубежом и содействию в укреплении позиций в мировом информационном пространстве российских средств массовой информации и массовых коммуникаций, в том числе отечественных цифровых информационных платформ; 4) совершенствованию инструментов и методов информационного сопровождения внешнеполитической деятельности страны, в том числе современных информационно-коммуникационных технологий, включая социальные сети; 5) совершенствованию международных механизмов и норм регулирования и защиты деятельности средств массовой информации и массовых коммуникаций, обеспечения свободного доступа к ним, создания и распространения информации; 6) созданию благоприятных условий для деятельности иностранных средств массовой информации на территории России на основе принципа взаимности [14].

В государственной политике России международный имидж является приоритетной задачей государственной политики, поэтому над этой деятельностью работает Министерство иностранных дел (МИД) России, а его задачи состоят из улучшения восприятия и имиджа России за рубежом через дипломатические мероприятия и развитие двусторонних отношений. МИД РФ считается одним из пионеров по праву использования социальных сетей для информационно-разъяснительной работы. Страницы МИД России в социальных сетях на русском и английском языках были созданы в 2011 г. Инициатором активности российского внешнеполитического ведомства в «новых медиа» стала директор Департамента информации и печати МИД России Мария Захарова. Достижения российского внешнеполитического ведомства на новой ниве были отмечены в ноябре 2014 г., когда Департамент информации и печати стал лауреатом «Премии Рунета» в номинации «Культура, СМИ и массовые коммуникации» [15].

Президент России Владимир Путин не использует социальные сети в личных целях. Информация о деятельности президента России размещается на официальном сайте президента России, который ведет пресс-служба президента. В нем публикуются новости о деятельности главы государства, стенограммы, фотографии, видео– и аудиозаписи мероприятий с его участием, тексты подписываемых Президентом документов, информация о поездках и визитах, телеграммы [16]. Руководителем пресс-службы президента является заместитель руководителя администрации президента РФ, пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков. Пресс-секретарь президента является официальным голосом президента, представляющим его позицию, а также позицию Кремля в отношении различных событий, и осуществляющим связь со средствами массовой информации. Дмитрий Песков освещает деятельность президента Владимира Путина, формирует основную позицию Кремля, взаимодействует с представителями различных СМИ. Официальные страницы Кремля, где каждый день публикуются новости о работе президента, созданы на таких платформах, как МАКС и Телеграм, "ВКонтакте", RuTube и YouTube* [17]. Также на федеральном канале «Россия-1» в эфир выходит телепередача «Москва. Кремль. Путин», авторами которой являются российский телеведущий Владимир Соловьев и журналист Иван Зарубин. Каждый выпуск телепрограммы посвящен последним событиям Кремля за неделю. В данной передаче обозреваются актуальные события и повестки рабочих дней президента России Владимира Путина. В 2018/2019 телепрограмма стала одной из самых рейтинговых по просмотрам на российском телевидении, а в 2023 году получила премию ТЭФИ в номинации «Вечернее общественно-политическое ток-шоу» [18].

Российские политики и представители политических партий активно используют социальные сети для общения с избирателями и продвижения законодательных актов. Например, из российских политиков свои личные аккаунты в социальных сетях имеют зампредседателя Совета Безопасности РФ Дмитрий Медведев и спикер Государственной Думы Вячеслав Володин. Также у них есть свой собственный канал в такой социальной сети, как Telegram, где они дают комментарии и свою оценку событиям, происходящим в мире. На канале Дмитрия Медведева в Telegram число подписчиков насчитывает больше 1,7 млн человек.

Представители МИД России официально присутствуют в сети Интернет, в том числе в социальных сетях. Например, Мария Захарова, директор департамента информации и печати Министерства иностранных дел Российской Федерации, активно использует свои социальные

сети для продвижения российской позиции и создания определённого имиджа России за рубежом. В своём Telegram-канале, на который подписано 497 тысяч человек, она часто выражает свою позицию на международные заявления.

Важную роль в распространении дипломатической «мягкой силы» играет телевизионная компания RT, которая предназначена для отстаивания интересов России на международной арене. Данный канал был запущен в 2005 году с целью донести до иностранной аудитории российскую точку зрения по основным мировым событиям. Так, к 2018 г. входящий в медиагруппу «Россия сегодня» телеканал RT обошел по числу просмотров своего сайта на YouTube таких медиагигантов, как BBC, CNN или Euronews [19]. В последние годы в ряде стран (например, ЕС, Канада) вещание канала RT ограничено. Тем не менее, на сегодняшний день вещание RT сегодня осуществляется больше чем в 100 странах, в его сеть входят новостные каналы, документальный канал RTDoc, информационные порталы, а аудитория приблизилась к 700 миллионам зрителей по всему миру [20].

Платформы соцсетей играют важную роль и для международных организаций. Например, ООН активно использует соцсети для увеличения своей аудитории. Это стало особенно заметно в период распространения COVID-19, когда численность подписчиков Всемирной организации здравоохранения взлетела вверх.

Таким образом, цифровая дипломатия выступает одним из ключевых инструментов реализации «мягкой силы» современного государства. Благодаря развитию интернет-технологий, социальных сетей и цифровых платформ, государства получили новые возможности для продвижения своих ценностей, формирования позитивного имиджа и влияния на международное общественное мнение. В отличие от традиционных методов дипломатии, цифровая дипломатия позволяет осуществлять прямое взаимодействие с зарубежной аудиторией, оперативно реагировать на глобальные вызовы и формировать благоприятную информационную среду. Успешное использование цифровой дипломатии способствует укреплению авторитета государства на мировой арене, повышению его привлекательности для иностранных партнёров и формированию устойчивых международных альянсов.

1. Красова Е.В., Останина В.М. Роль и проблемы института таможенных представителей в развитии внешнеэкономической деятельности // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2021. – № 2. – С. 108-118.
2. Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2020. – № 2. – С. 37-47.
3. Nye J.S. Bound to Lead: the Changing Nature of American Power. New York, 1990. –336 p.
4. Малик Е.Н., Шедий М. В. "Цифровая дипломатия" как инструмент внешней политики: перспективы и вызовы // Вестник Российской нации. – 2021. – № 4(80). – С. 105-118.
5. Цветкова Н.А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США // США и Канада: Экономика, политика, культура / Н.А. Цветкова. – 2011. – № 3. – С. 109–122.
6. Гришанина Т.А. Цифровая дипломатия США в 2009-2020 гг. в свете развития инновационных технологий // Манускрипт. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 682-688.
7. IT Strategic Plan: Fiscal Years 2011–2013 Digital Diplomacy // U.S. Department of State Текст: электронный. – URL: https://2009-2017.state.gov/m/irm/rls/148572.htm (дата обращения: 08.05.2026).
8. Ефанова Е.В. Twitter-дипломатия в формировании внешнеполитической повестки США в период президентства Д. Трампа // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – № 3.
9. 人民日报社简介--关于我们 Текст: электронный. – URL: https://www.people.com.cn/GB/50142/104580/index.html (дата обращения: 08.05.2026).
10. About Us – People’s Daily Online Текст: электронный. – URL: https://en.people.cn/n3/2020/0729/c90000-9716018.html (дата обращения: 08.05.2026).
11. . Мягкая сила во внешней политике России и Китая: особенности национальных стратегий / Д. А. Владимирова, Е. В. Журбей, А. А. Карловская // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2020. – № 1(52). – С. 123-137.
12. Официальный сайт Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики (на русском языке) Текст: электронный. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/ (дата обращения: 13.04.2026).
13. Семедов С.А. Специфика "мягкой силы" КНР / С. А. Семедов // Обозреватель. – 2020. – № 10(369). – С. 32-42.
14. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Сайт МИД РФ Текст: электронный. 31.03.2023. – URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения 27.04.2026).

15. Рябинченко А. Цифровая дипломатия вчера и сегодня. Российский совет по международным делам (РСМД) Текст: электронный: – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/digitaldiplomacy/tsifrovaya-diplomatiya-vchera-i-segodnya/ (дата обращения: 09.05.2026).
16. Информация о портале. Президент России Текст: электронный. – URL: http://kremlin.ru/about (дата обращения: 09.05.2026).
17. Песков рассказал, почему Путин не заводит соцсети // Информационное агентство ТАСС Текст: электронный. – URL: https://tass.ru/obschestvo/25201003 (дата обращения: 09.05.2026).
18. Москва. Кремль. Путин // Сетевое издание «Смотрим» Текст: электронный. – URL: https://smotrim.ru/brand/63170 (дата обращения: 09.05.2026).
19. Ордовский Д., Кожемякин Е.А. 2025. Цифровая публичная дипломатия в эпоху социальных медиа: эволюция и современное состояние // Полис. Политические исследования. – № 2. – С. 157-166.
20. RT набрал 10 миллиардов просмотров на YouTube // Российская газета Текст: электронный. – URL: https://rg.ru/2020/01/29/rt-nabral-10-milliardov-prosmotrov-na-youtube.html?utm_referrer=-https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 27.04.2026).

Сведения об авторе
П.А. Ким, аспирант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 656.09

СУХИЕ ПОРТЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ КЛАССИФИКАЦИИ

Е. В. Киселева, канд. техн. наук, доцент

Д. А. Анисимова, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье рассматривается эволюция концепции сухих портов как ключевого элемента транспортно-логистической инфраструктуры. Исследованы классификационные подходы к типологии сухих портов, выявлены основные критерии систематизации: территориальная удаленность от морского порта, функциональное назначение, обслуживаемые виды транспорта, специализация грузопереработки. Установлено, что отсутствие единой классификации обусловлено многообразием моделей организации сухих портов в различных странах и изменчивостью возлагаемых на них функций. Определены перспективы формирования российской сети сухих портов на принципах государственно-частного партнерства*

Ключевые слова и словосочетания: *сухие порты, транспортно-логистическая инфраструктура, интермодальные перевозки, классификация сухих портов, транспортные узлы, контейнерные терминалы, грузопереработка*

DRY PORTS AS AN ELEMENT OF TRANSPORT AND LOGISTICS INFRASTRUCTURE: HISTORY OF DEVELOPMENT AND MODERN CLASSIFICATIONS

Abstract. *The article examines the evolution of the dry port concept as a key element of transport and logistics infrastructure. Classification approaches to the typology of dry ports are investigated, and the main systematization criteria are identified: territorial distance from the seaport, functional purpose, types of transport served, and cargo handling specialization. It is established that the absence of a unified classification is due to the diversity of dry port organization models in different countries and the variability of functions assigned to them. The prospects for forming a Russian network of dry ports based on public-private partnership principles are identified.*

Keywords: *dry ports, transport and logistics infrastructure, intermodal transport, dry port classification, transport nodes, container terminals, cargo handling*

Концепция сухого порта стала предметом интенсивного изучения в последние два десятилетия, отражая трансформацию глобальных цепей поставок и переосмысление роли портовой инфраструктуры. Первые упоминания внутренних транспортных узлов, выполняющих функции морских портов на удалении от береговой линии, относятся к 1980-м годам – периоду стремительного роста контейнерных перевозок и территориальных ограничений традиционных портовых комплексов. Термин «сухой порт» (dry port) закрепился в международной практике в 1990-е годы благодаря работам скандинавских исследователей, изучавших шведский опыт организации внутренних терминалов [1]. Новизна концепции заключалась в системной интеграции сухого порта с морским портом через стабильное железнодорожное или автомобильное сообщение высокой частоты, что фактически превращало их в единый производственно-технологический комплекс.

К 2010-м годам функциональное наполнение сухих портов эволюционировало от простой перевалки контейнеров к комплексу логистических услуг. На начальном этапе сухие порты выполняли преимущественно транспортную функцию – перегрузку контейнеров между железнодорожным и автомобильным транспортом. Постепенно расширился спектр операций:

- складирование и временное хранение грузов;
- таможенное оформление и контроль;
- консолидация и деконсолидация грузов;
- упаковка, маркировка, сортировка;
- ремонт и обслуживание контейнеров;
- дополнительные услуги, такие как страхование, финансовые операции, информационное сопровождение.

Важным направлением эволюции стала цифровизация процессов. Современные сухие порты оснащаются автоматизированными системами учета и контроля грузов, используют технологии электронного документооборота, интегрируются в цифровые платформы бесшовной логистики [2]. Это позволяет сократить время обработки грузов, минимизировать документарные барьеры и повысить прозрачность грузопотоков для всех участников цепи поставок.

Классификационные подходы к типологии сухих портов

Отсутствие унифицированной классификации сухих портов – одна из наиболее заметных проблем в академической литературе и практике управления транспортной инфраструктурой. Различные исследователи предлагают собственные системы группировки, основанные на разных критериях, что затрудняет сопоставление объектов и обобщение опыта.

Наиболее распространенная классификация базируется на расстоянии от морского порта. В работах Росо и соавторов выделяются три типа сухих портов [3]:

- ближние (близкие) сухие порты, расположенные на расстоянии 50-100 км от морского порта;
- средние сухие порты, удаленные на 100-500 км;
- дальние сухие порты, находящиеся на расстоянии свыше 500 км.

Ближние сухие порты выполняют преимущественно функцию разгрузки морского порта, принимая на хранение контейнеры и освобождая прибрежные площади для оперативной обработки судов. Средние сухие порты обслуживают региональные грузопотоки, выступая распределительными центрами для прилегающих территорий. Дальние сухие порты ориентированы на обслуживание удаленных внутренних регионов, часто выполняя роль транзитных узлов на стыке нескольких транспортных коридоров.

Однако эта классификация не учитывает функциональное разнообразие объектов. Альтернативный подход, предложенный Ноттебумом и Родригом, основан на типе выполняемых функций [4]. Выделяются:

- спутниковые терминалы, обслуживающие один конкретный морской порт и фактически являющиеся его удаленным подразделением;
- грузовые центры, обслуживающие регионы с высоким объемом контейнерных грузов и работающие с несколькими морскими портами;
- трансмодальные центры, расположенные на пересечении транспортных коридоров и обеспечивающие перераспределение грузопотоков между направлениями.

Эта типология лучше отражает роль сухого порта в транспортной системе, но не описывает специфику обрабатываемых грузов и технологическую оснащенность. Российские исследователи дополнили классификацию критериями специализации и типа взаимодействия видов

транспорта [5]. Выделяются универсальные сухие порты, работающие с различными типами грузов, и специализированные, ориентированные на конкретные категории – контейнеры, насыпные грузы, автомобили. По типу взаимодействия транспорта различаются интермодальные узлы, где происходит смена вида транспорта без перегрузки содержимого контейнеров, и мультимодальные узлы, где возможна перегрузка и дополнительная обработка грузов.

Классификация по степени открытости разделяет сухие порты на открытые (общего пользования), доступные для всех грузовладельцев, и закрытые (корпоративные), обслуживающие ограниченный круг клиентов, часто в рамках вертикально интегрированных холдингов. Открытые сухие порты, как правило, создаются государством или крупными транспортными операторами, закрытые – промышленными компаниями для обслуживания собственных грузопотоков.

Размер терминала также служит основанием для группировки:

- крупные сухие порты обладают годовой пропускной способностью свыше 500 тыс. контейнеров (ДФЭ);
- средние – от 100 до 500 тыс. ДФЭ;
- малые – до 100 тыс. ДФЭ.

Эта классификация во многом коррелирует с функциональным типом: крупные сухие порты чаще выступают трансмодальными центрами, малые – спутниковыми терминалами.

Опыт показывает, что эффективное функционирование сухого порта требует выполнения ряда условий: во-первых, стабильного транспортного сообщения с морским портом высокой частоты – ежедневные контейнерные поезда или регулярное автомобильное сообщение; во-вторых, развитой инфраструктуры грузопереработки – контейнерных площадок, складских помещений, перегрузочной техники; в-третьих, наличия таможенных и контролирующих органов, обеспечивающих оперативное оформление грузов. В-четвертых, информационной интеграции с морским портом и участниками логистических цепей.

Развитие сухих портов в России

Формирование сети сухих портов в России началось значительно позже, чем в Европе или Азии. Переориентация товарных потоков на восточное и южное направления, рост торговли с Китаем и странами Каспийского региона выявили инфраструктурные ограничения – недостаточную пропускную способность железных дорог, дефицит мощностей морских портов Дальнего Востока, отсутствие современных логистических комплексов во внутренних регионах [6].

Крупнейшим реализованным проектом стал транспортно-логистический центр «Артем» в Приморском крае – сухой порт проектной мощностью свыше 500 тыс. ДФЭ в год, обслуживающий порты Владивостока и Находки. Введенный в эксплуатацию в 2023 году, комплекс оснащен современной терминальной и складской инфраструктурой, позволяющей обрабатывать контейнерные поезда повышенной длины и обеспечивать ускоренную обработку грузов [7]. Близость к государственной границе с Китаем и интеграция в международные транспортные коридоры «Приморье-1» и «Приморье-2» определяют стратегическое значение объекта для развития российско-китайской торговли.

Еще один проект реализуется в Благовещенске Амурской области – сухой порт для перевалки грузов между Россией и Китаем с годовой мощностью более 1 млн тонн. Комплекс создается на условиях государственно-частного партнерства в рамках территории опережающего развития «Амурская» с общим объемом инвестиций свыше 3,8 млрд рублей [8].

Развитие сухих портов в России сталкивается с рядом специфических проблем. Первая – отсутствие нормативно-правовой базы, регламентирующей статус, функции и режим работы сухих портов. В российском законодательстве понятие «сухой порт» не закреплено, что создает правовую неопределенность для инвесторов и операторов. Вторая проблема – неразвитость транспортной инфраструктуры для обеспечения стабильного сообщения между сухим и морским портами. Узкие места на железнодорожных магистралях, дефицит подвижного состава ограничивают реализацию потенциальных преимуществ сухих портов [5].

Третья проблема – высокие капитальные затраты и длительный срок окупаемости. Создание сухого порта требует инвестиций в земельные участки, строительство производственных и складских помещений, закупку перегрузочной техники, прокладку подъездных путей. Совокупные вложения для объекта средней мощности составляют несколько миллиардов рублей при сроке окупаемости 10–15 лет, что делает проекты малопривлекательными для частных инвесторов без государственной поддержки.

Четвертая проблема – недостаточная координация между участниками транспортно-логистического процесса. Эффективная работа сухого порта требует синхронизации действий морских портов, железнодорожных перевозчиков, таможенных и контролирующих органов, грузовладельцев. Отсутствие единой цифровой платформы для обмена информацией и координации операций приводит к задержкам, дополнительным издержкам, снижению конкурентоспособности российских логистических маршрутов.

Пятая проблема связана с территориальной спецификой России – огромными расстояниями и очаговым характером размещения производства и населения. Если в Европе сухой порт, расположенный в 200–300 км от морского порта, обслуживает несколько густонаселенных регионов, то в Сибири или на Дальнем Востоке аналогичный объект может оказаться изолированным от основных грузообразующих центров, что снижает его загрузку и эффективность.

Заключение

Концепция сухих портов прошла путь от локальных экспериментов в отдельных европейских странах до признанного инструмента развития транспортно-логистической инфраструктуры в глобальном масштабе.

Разнообразие классификационных подходов свидетельствует о многофункциональности и адаптивности концепции. Сухие порты могут выполнять роль спутниковых терминалов, разгружающих прибрежные площади, региональных распределительных центров, обслуживающих внутренние территории, или трансмодальных хабов на пересечении международных маршрутов. Специализация, технологическая оснащенность, модель управления варьируются в зависимости от национальных условий, характера грузопотоков, стратегических приоритетов развития транспортной системы.

Российский опыт формирования сети сухих портов находится на начальном этапе. Реализованные проекты в Приморском крае и Амурской области демонстрируют потенциал концепции для решения инфраструктурных ограничений и интеграции в международные транспортные коридоры. Однако масштабное развитие сухих портов требует создания нормативно-правовой базы, модернизации транспортной инфраструктуры, формирования эффективных механизмов финансирования на принципах государственно-частного партнерства.

Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на разработке методологии оценки эффективности сухих портов с учетом российской специфики, анализе оптимальных моделей интеграции сухих и морских портов, изучении механизмов координации участников транспортно-логистических процессов. Важным направлением является адаптация международного опыта классификации и стандартизации сухих портов к условиям российской транспортной системы, что создаст основу для формирования единой терминологической и нормативной базы.

1. Бритвина И.Б., Хван Ю.А. Сухие порты как элемент транспортно-логистической инфраструктуры // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Морская техника и технология. – 2024. – № 3. – С. 95–103. – URL: https://vestnik.astu.org/ru/nauka/article/100469/view (дата обращения: 24.04.2026).

2. Захаров А.Г., Кузнецов А.Л. Тенденции и перспективы развития бесшовной мультимодальной логистики // Вестник государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова. – 2023. –Т. 15, № 4. –С. 578–592. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-i-perspektivy-razvitiya-besshovnoy-multimodalnoy-logistiki (дата обращения: 24.04.2026).

3. Roso V. The dry port concept: Connecting container seaports with the hinterland / V. Roso, J. Woxenius, K. Lumsden // J. of Transport Geography. – 2010.

4. Бритвина И.Б., Семенова О.И. Сухие порты как основные элементы транспортно-логистических кластеров: Европейский опыт // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2016. – № 4. – С. 56–64. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/suhie-porty-kak-osnovnye-elementy-transportno-logisticheskih-klasterov-evropeyskiy-opyt (дата обращения: 24.04.2026).

5. Кузнецов А.Л. Сухие порты как часть транспортной инфраструктуры. Направления развития // Вестник государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова. – 2012. – № 2. – С. 87–92. – URL: https://oldjournal.gumrf.ru/article/24/87-92 (дата обращения: 24.04.2026).

6. Лаврикова Ю.Г., Петров М.Б., Кожов К.Б. Сухой порт Северного морского пути в концепции формирования Урало-Арктического сектора России // Экономика региона. – 2024. – Т. 20, № 2. – С. 574–590. – URL: https://sciact.uiec.ru/public/article/4301 (дата обращения: 24.04.2026).

7. Минаков С.Н., Морозов Ю.В., Хмельницкий А.Д. Интеграция Северного морского пути с международными транспортными коридорами // Вестник Московского государственного технического

университета им. Н.Э. Баумана. Серия: Естественные науки. – 2024. – № 4. – С. 112–129. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-severnogo-morskogo-puti-s-mezhdunarodnymi-transportnymi-koridorami (дата обращения: 24.04.2026).

8. Сухой порт в Приамурье в III квартале отправит первый контейнерный поезд // Интерфакс Россия. – 2024. – 23 мая. – URL: https://www.interfax-russia.ru/far-east/news/suhoy-port-v-priamure-v-iii-kvartale-otpravit-pervyy-konteynernyy-poezd (дата обращения: 24.04.2026).

Сведения об авторах

Е.В.Киселева, канд. техн. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет» г. Владивосток, Россия

Д.А. Анисимова, магистрант, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 332.1

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА И ЛОГИСТИКА: ФАКТОРЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Е.С. Колчанова, магистрант

Е.Н. Смольянинова, научный руководитель

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье представлен теоретико-методологический анализ региональной экономики, её сущности, функций и факторов развития. Особое внимание уделено проблемам логистики как системному ограничению развития Дальнего Востока России*

Ключевые слова: *региональная экономика, факторы развития, Дальний Восток, логистика, транспортная инфраструктура, пространственное развитие.*

REGIONAL ECONOMICS AND LOGISTICS: FACTORS AND CONSTRAINTS OF DEVELOPMENT

Abstract. *The article presents a theoretical and methodological analysis of regional economics, its essence, functions and development factors. Special attention is paid to the problems of logistics as a systemic constraint on the development of the Russian Far East.*

Keywords: *regional economics, development factors, Far East, logistics, transport infrastructure, spatial development*

Актуальность обращения к теоретическим основам региональной экономики обусловлена тремя группами факторов. Во-первых, в условиях глобальной нестабильности и усиления геоэкономической конкуренции регионы становятся ключевыми субъектами, обеспечивающими устойчивость национальной экономики. Во-вторых, современная научная парадигма требует пересмотра классических подходов к региональному развитию в связи с внедрением новых инструментов управления – территорий опережающего развития, свободного порта, инфраструктурных бюджетных кредитов. В-третьих, специфика Дальнего Востока России делает теоретический анализ региональной экономики не формальным введением, а необходимой базой для понимания социально-экономических процессов. При этом до настоящего времени недостаточно изученным остаётся влияние логистических ограничений на реализацию конкурентного потенциала макрорегиона, что усиливает актуальность настоящего исследования.

Научная новизна статьи заключается в системном объединении традиционных факторов регионального развития (природно-ресурсных, трудовых, агломерационных) с анализом логистической составляющей как самостоятельного структурного фактора региональной экономики применительно к дальневосточным условиям. В работе впервые в рамках обобщения теоретических подходов к региону выделены логистические ограничения (транспортная доступность, пропускная способность БАМа и Транссиба, тарифные барьеры, сезонность поставок) как отдельный объект региональной политики.

Цель статьи – раскрыть теоретическую сущность региональной экономики как научной категории и сформировать концептуальную основу для анализа социально-экономического развития Дальнего Востока России с учётом логистических проблем.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1) уточнить понятие и функции региональной экономики;

2) систематизировать факторы развития региона;

3) выявить роль логистики в региональной экономике;

4) охарактеризовать логистические ограничения Дальнего Востока.

Методологической базой статьи выступают общенаучные методы: теоретический анализ, синтез, системный подход, сравнительный анализ, а также элементы экономико-географического и институционального анализа. Применены классические теории размещения (А. Вебер, Й. Тюнен), концепции региональной экономики как квазигосударства и рынка, а также методы логистического анализа транспортных потоков.

Региональная экономика представляет собой научное направление, изучающее закономерности функционирования и взаимодействия хозяйственных систем на территориальном (мезо-) уровне. Её становление как самостоятельной научной дисциплины произошло во второй половине XX века, когда стало очевидно, что макроэкономический подход, рассматривающий национальное хозяйство как единое целое, не позволяет объяснить причины пространственной неравномерности развития и дифференциации социально-экономических показателей отдельных территорий. Предметная область региональной экономики охватывает широкий круг вопросов: закономерности размещения производительных сил, формирование отраслевой и территориальной структуры хозяйства, межрегиональные экономические связи, а также механизмы управления социально-экономическим развитием территорий [1]. Ключевая особенность данной дисциплины заключается в том, что она акцентирует внимание на пространственной неоднородности, выявляя причины и следствия различий в уровнях развития субъектов федерации. Регион в этом контексте выступает не просто как часть территории, а как сложная социально-экономическая система, обладающая внутренним единством и специфическими закономерностями функционирования. В современной трактовке региональная экономика рассматривается как синтез макро- и микроэкономики применительно к одному из уровней иерархической структуры глобальной экономики.

В современной науке сущность региональной экономики раскрывается через полифункциональное понимание категории «регион». Исторически сложилось множество подходов к его определению: как административно-территориальной единицы (в рамках государственного устройства), как экономико-географического ареала (обладающего специфическими природными условиями и специализацией), как социокультурной общности (с уникальной идентичностью населения) [2]. Д. В. Василенко, обобщая существующие научные представления, выделяет восемь основных парадигм региона: квазигосударство, квазикорпорация, рынок, социум, единица административно-территориального обустройства, территория, пространство и система. В контексте настоящего исследования наибольшее методологическое значение имеют три взаимодополняющие парадигмы. Во-первых, регион как квазигосударство - относительно обособленная подсистема государства, реализующая функции перераспределения ресурсов, социальной защиты и обладающая органами законодательной и исполнительной власти. Во-вторых, регион как рынок - пространство, где пересекаются спрос и предложение, взаимодействуют экономические агенты, а экономический рост зависит от внешнего спроса на продукцию специализации региона [3]. Применение данной триединой модели позволяет комплексно оценить потенциал и ограничения развития Дальнего Востока России, который одновременно выступает как объект государственной региональной политики (квазигосударство) и как экспортно-ориентированная территория, интегрированная в рынки Азиатско-Тихоокеанского региона (рынок).

Сущность региональной экономики как системы проявляется в ее структурной организации и совокупности факторов, определяющих динамику развития. Согласно паспорту научной специальности 5.2.3 «Региональная и отраслевая экономика», к числу ключевых направлений исследования относятся: пространственное распределение экономических ресурсов, региональное экономическое развитие и его факторы, проблемы сбалансированности региональных социально-экономических комплексов, а также структура региональной экономики по отраслям и формам собственности [4]. Ключевыми элементами, образующими каркас региональной экономической системы, выступают: природно-ресурсный потенциал территории, демографи-

ческие ресурсы и качество человеческого капитала, производственная и социальная инфраструктура, а также институциональная среда, включающая региональную политику и особые режимы хозяйствования. В классических теориях размещения, восходящих к работам Й.Г. фон Тюнена, В. Лаунхардта и А. Вебера, в качестве основополагающих факторов рассматривались транспортные издержки, трудовые затраты и агломерационные эффекты [5]. А. Вебер, разработавший первую целостную теорию размещения промышленности, обосновывал минимизацию суммарных издержек производства и сбыта с учетом транспортных и трудовых издержек, расходов на сырье и энергию, а также фактора агломерации, который определяется технической и пространственной концентрацией производства и возможностью использования специализированной инфраструктуры. Для Дальнего Востока ключевыми системообразующими факторами выступают его приморское положение, близость к динамично растущим рынкам АТР, наличие уникальных природных ресурсов и, одновременно, острейший дефицит трудовых ресурсов и инфраструктурные ограничения.

Логистика в региональной экономике выполняет интеграционную и распределительную функции, обеспечивая связь между производством, распределением и потреблением. Для Дальнего Востока России проблемы логистики приобретают критическое значение, поскольку они непосредственно блокируют реализацию перечисленных выше конкурентных преимуществ макрорегиона.

К основным проблемам логистики применительно к Дальневосточному федеральному округу относятся:

– низкая пропускная способность транспортных коридоров. Байкало-Амурская и Транссибирская железнодорожные магистрали работают на пределе пропускной способности, что приводит к задержкам грузов, росту логистических издержек и снижению экспортного потенциала;

– высокая логистическая составляющая в цене продукции. Из-за удалённости от центральных регионов России транспортные расходы могут достигать 30–50% себестоимости товаров, что снижает конкурентоспособность дальневосточных производителей;

– сезонные ограничения поставок. Северный завоз, зависимость от навигации по Северному морскому пути и речным артериям создают риски срыва поставок жизненно важных товаров в удалённые территории;

– неравномерность развития портовой инфраструктуры. Морские порты (Владивосток, Находка, Ванино) перегружены, тогда как портовая инфраструктура в арктической зоне развита слабо;

– дефицит современных складских и контейнерных мощностей, что увеличивает время обработки грузов;

– тарифные и административные барьеры, включая различия в железнодорожных тарифах и длительные таможенные процедуры.

Указанные логистические проблемы замедляют реализацию инвестиционных проектов, снижают инвестиционную привлекательность региона и усиливают межрегиональную дифференциацию. Без их решения даже успешные институциональные инструменты (территории опережающего развития, свободный порт Владивосток) не обеспечат устойчивого долгосрочного роста.

Инструментальным воплощением теоретических положений региональной экономики выступает региональная политика. Она представляет собой систему целей и мер государственного воздействия, направленных на сбалансированное развитие территорий, снижение межрегиональной дифференциации и эффективное использование конкурентных преимуществ каждого региона [6, с. 28]. Современная парадигма региональной политики претерпевает существенную эволюцию: происходит смещение от патерналистской модели поддержки депрессивных территорий к политике «полюсов роста», стимулирующей точки экономической активности, способные генерировать импульсы развития для окружающих территорий. Как отмечается в исследованиях, современная региональная политика должна учитывать множество факторов, включая географическое положение региона, его ресурсную базу, демографическую ситуацию, уровень развития инфраструктуры и качество человеческого капитала.

Проведенный теоретический анализ сущности региональной экономики позволяет сформировать методологическую основу для оценки социально-экономического развития Дальнего Востока России. Данный макрорегион представляет собой уникальный объект исследования, обладая рядом специфических характеристик. С одной стороны, это его геополитическое по-

ложение и значительный ресурсный потенциал (алмазы, золото, нефть, газ, биоресурсы) [7]. С другой, – периферийность по отношению к основным центрам экономической активности страны, экстремальные природно-климатические условия, низкая плотность населения и инфраструктурные ограничения. Изучение Дальнего Востока как сложной региональной системы, сочетающей черты экспортно-ориентированной экономики и территории опережающего развития. Особую значимость приобретает понимание региона как квазикорпорации, конкурирующей за инвестиции в условиях глобализации, что напрямую корреспондирует с задачами государственной политики по интеграции Дальнего Востока в экономическое пространство АТР.

Обобщая изложенное, можно выделить следующие ключевые положения, вытекающие из проведённого анализа. Проведённый теоретико-методологический анализ региональной экономики показал, что её сущность раскрывается через полифункциональное понимание региона как квазигосударства, рынка и квазикорпорации, а система факторов развития включает природно-ресурсные, трудовые, агломерационные и инфраструктурные элементы. Применительно к Дальнему Востоку России ключевым системным ограничением, нивелирующим конкурентные преимущества макрорегиона (приморское положение, ресурсный потенциал, близость к рынкам АТР), выступают проблемы логистики: низкая пропускная способность БАМа и Транссиба, высокая доля транспортных затрат (30–50% себестоимости), сезонность поставок, дефицит портовых и складских мощностей, а также тарифные и административные барьеры. Региональная политика, ориентированная на «полюса роста» и институциональные инструменты (ТОР, свободный порт Владивосток), не может быть полностью эффективной без учёта выявленных логистических ограничений и требует включения специализированных мер (развитие транспортной инфраструктуры, тарифное стимулирование, логистические субсидии). Таким образом, теоретическая сущность региональной экономики применительно к дальневосточным условиям должна рассматриваться через призму синтеза ресурсного потенциала и логистической доступности, поскольку без преодоления логистических разрывов устойчивое социально-экономическое развитие макрорегиона и его интеграция в экономическое пространство России и АТР остаются ограниченными.

1. Гамидуллаева Л. А., Страхов Е. П. Теоретические подходы к территориально-отраслевой дифференциации российских регионов: отраслевой аспект // Экономика промышленности. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 214-225. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=48831030
2. Рахими Ш. Классификация подходов к определению понятия "регион" в контексте устойчивого развития // Вестник ПИТТУ имени академика М.С. Осими. – 2016. – № 1(1). – С. 61–72. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=44624087
3. Василенко Д. В. Научная система представлений о регионе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2018. – №3 (9). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-sistema-predstavleniy-o-regione
4. Паспорт научной специальности 5.2.3 «Региональная и отраслевая экономика» // Иркутский национальный исследовательский технический университет Текст: электронный. – URL: https://www.istu.edu/nauch_spets/73823
5. Лекционный материал по теме «Теории размещения, регионального роста, государственного регулирования экономического развития регионов» // MOODLE КНИТУ (КХТИ) Текст: электронный. – URL: https://moodle.kstu.ru/mod/book/tool/print/index.php?id=46547
6. Демченко С.К., Мельникова Т.А., Демченко О.С. Региональная политика как инструмент регулирования пространственного развития экономики // Фундаментальные исследования. – 2023. – № 1. – С. 27-32.
7. Минакир П.А., Рензин О.М. Экономическая наука и региональное экономическое развитие: Дальний Восток // Пространственная экономика. – 2021. – №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-nauka-i-regionalnoe-ekonomicheskoe-razvitie-dalniy-vostok

Сведения об авторах

Смольянинова Е.Н., ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

Е.С. Колчанова, магистрант, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 81

ДИСКРЕТНО-КОМБИНАТОРНЫЙ МЕХАНИЗМ ГРАММАТИКИ КАК ИСТОЧНИК СИНТАКСИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКИХ СМИ)

Д.А. Коноплёв, магистрант 1 курса, кафедра педагогики и лингвистики

Л.Е. Пак, научный руководитель, доцент, кафедра межкультурных коммуникаций и переводоведения

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье представлены результаты анализа синтаксической неоднозначности в корпусе новостных текстов ведущих американских СМИ. Исследование показывает, как дискретно-комбинаторный механизм грамматики порождает множественные структурные интерпретации одной линейной последовательности слов. Выявляются типы неоднозначности, их частотность и прагматические функции в медиадискурсе.*

Ключевые слова: *синтаксическая неоднозначность, дискретно-комбинаторный механизм, грамматика, американские СМИ, синтаксические структуры.*

THE DISCRETE-COMBINATORIAL MECHANISM OF GRAMMAR AS A SOURCE OF SYNTACTIC AMBIGUITY (BASED ON AMERICAN MEDIA)

Abstract. *The article presents the results of an analysis of syntactic ambiguity in a corpus of news texts from major American media. The study demonstrates how the discrete-combinatorial mechanism of grammar generates multiple structural interpretations of a single linear word sequence. Types of ambiguity, their frequency, and pragmatic functions in media discourse are identified.*

Keywords: *syntactic ambiguity, discrete-combinatorial mechanism, grammar, American media, syntactic structures.*

Современный медиадискурс требует быстроты восприятия, но именно в условиях информационной плотности синтаксическая неоднозначность становится не просто курьезом, а системным явлением. Цель данного исследования – выявить и описать типы синтаксической неоднозначности, порождаемые дискретно-комбинаторным механизмом грамматики, на материале американских СМИ.

Актуальность обусловлена необходимостью понимания, как сама структура языка — его конечные элементы и бесконечные комбинации – создает множественные интерпретации, влияющие на восприятие новостей. Новизна исследования заключается в применении моделей Хомского («Синтаксические структуры») и Пинкера («Язык как инстинкт») к эмпирическому корпусу современных газетных заголовков и предложений.

Задачи исследования:

1) классифицировать типы синтаксической неоднозначности в корпусе;

2) определить их структурные условия возникновения;

3) описать, как дискретно-комбинаторный механизм порождает неоднозначность;

4) сформулировать общие выводы о роли неоднозначности в медиадискурсе.

Согласно Ноаму Хомскому, грамматика представляет собой дискретно-комбинаторную систему: конечное число элементов (слов, морфем) комбинируется по правилам, порождая бесконечное множество предложений [1-2]. Именно эта комбинаторика – источник структурной неоднозначности, когда одна последовательность слов соответствует двум и более деревьям зависимостей.

Стивен Пинкер в книге «Язык как инстинкт» развивает идеи Хомского в когнитивном направлении. Согласно Пинкеру, ментальная грамматика человека представляет собой дискретно-комбинаторную систему, работающую подсознательно и автоматически [3]. Именно эта

автоматичность порождает структурную неоднозначность: парсер строит все возможные синтаксические деревья одновременно, а затем человек выбирает одну интерпретацию.

В теории Хомского синтаксическое дерево – это графическое представление непосредственно составляющих (НС) предложения. Дерево показывает, как линейная последовательность слов группируется в иерархические единицы (фразы). Одна последовательность слов может соответствовать двум разным деревьям – это и есть структурная неоднозначность.

В «Синтаксических структурах» Хомский не предлагает формальной типологии синтаксической неоднозначности, однако работы его последователей систематизировали это явление [4-6]:

1) присоединительная неоднозначность предложной группы (PP-Attachment Ambiguity);

2) координационная (сочинительная) неоднозначность (Coordination Ambiguity);

3) кванторная неоднозначность (Quantifier Scope);

4) номинализационная неоднозначность (Nominalization Ambiguity);

5) неоднозначность переразложения (Re-decomposition Ambiguity);

6) неоднозначность присоединения придаточной клаузы (Clause/Complement Attachment Ambiguity).

Для проведения лингвистического анализа синтаксической неоднозначности был сформирован корпус примеров из нескольких типов источников. корпус включает примеры из современных американских СМИ, включая заголовки и материалы CNN, The Washington Post и других изданий за период 2019–2025 годов. Во-вторых, использованы данные психолингвистических экспериментов и анализов, опубликованных в блоге Language Log (Пенсильванский университет), включая недавние исследования способности языковых моделей распознавать синтаксическую неоднозначность. Такой состав корпуса позволяет проследить как теоретические основания явления, так и его реальное функционирование в медийном дискурсе.

Рассмотрим заголовок, ставший классической иллюстрацией присоединительной неоднозначности: «West Point cancels ceremony to honor Tom Hanks» [7]. Данный пример относится к типу PP-Attachment Ambiguity (присоединительная неоднозначность предложной группы). В терминологии Хомского это случай, когда одна поверхностная структура соответствует двум разным глубинным структурам. неоднозначность возникает, когда за именной группой (NP), выполняющей роль прямого дополнения, следует инфинитивная группа (to + VP), которая может быть присоединена либо к этой именной группе (как постмодификатор), либо к глагольной группе (как инфинитив цели). В грамматике непосредственно составляющих это отражено в конфликте между двумя возможными применениями правил: VP → V NP (S) и NP → NP S.

Дискретно-комбинаторный механизм порождает эту неоднозначность следующим образом. Конечный набор правил переписывания (например, S → NP VP, VP → V NP PP, NP → NP PP) комбинируется рекурсивно для порождения бесконечного множества предложений. Однако те же самые правила, применённые в разном порядке, дают разные деревья разбора для одной линейной последовательности слов.

Заголовок «All companies did not comply with the new regulation» (The Wall Street Journal, экономические новости) [8] послужит примером кванторной неоднозначности. Это случай, когда поверхностная структура не определяет порядок кванторов в логической форме предложения. неоднозначность возникает при наличии в предложении двух или более кванторных элементов — кванторов всеобщности (every, all, each), кванторов существования (some, a, two, many), отрицания (not, no, never), модальных глаголов или наречий частоты. В глубинной структуре эти элементы могут быть расположены в разном порядке: в одном прочтении квантор существования имеет широкую сферу действия, в другом — квантор всеобщности.

Дискретно-комбинаторный механизм порождает эту неоднозначность потому, что трансформационные правила, преобразующие глубинную структуру в поверхностную, «стирают» информацию об изначальном порядке кванторов. Как показывает Хомский в главе 8 «Синтаксических структур», именно необходимость объяснить кванторную неоднозначность стала одним из аргументов в пользу введения уровня логической формы (LF) как отдельного компонента грамматики [1]. Пинкер развивает эту идею, утверждая, что ментальный парсер человека строит не только синтаксическое, но и логическое представление предложения, причём порядок кванторов в этом представлении может варьироваться независимо от линейного порядка слов [3].

Хомский в «Синтаксических структурах» разбирает пример «The shooting of the hunters» как иллюстрацию неоднозначности, связанной с отглагольными существительными. В медийном дискурсе аналоги встречаются в заголовках о насилии или военных действиях: «The killing of the protesters» (CNN) [9], «The detention of the activists» (The Washington Post) [10]. неоднозначность возникает при использовании отглагольного существительного (V→N, образованного по правилу номинализации) с предложной группой X. В глубинной структуре X может занимать позицию либо субъекта (подлежащего) исходного глагола, либо его объекта (прямого дополнения).

Дискретно-комбинаторный механизм порождает эту неоднозначность потому, что правила деривации (словообразования) в грамматике взаимодействуют с синтаксическими правилами. Отглагольное существительное shooting сохраняет валентности исходного глагола to shoot (субъект и объект), но синтаксические правила для именной группы не различают актанты по их семантической роли. Это ещё один пример того, как комбинаторная продуктивность грамматики приводит к множественным интерпретациям.

Таким образом, проведённый анализ корпуса примеров синтаксической неоднозначности в американских СМИ позволяет сделать следующие выводы, непосредственно отвечающие на поставленные в начале работы задачи:

1. Анализ показал, что синтаксическая неоднозначность в медиатекстах имеет неравномерное распределение. В коротких новостных заголовках плотность потенциально неоднозначных конструкций значительно выше, чем в развёрнутых статьях.

2. Синтаксическая неоднозначность, порождаемая дискретно-комбинаторным механизмом грамматики, является не дефектом языка, а его имманентным свойством, которое в условиях современного медиадискурса проявляется особенно ярко.

3. Анализ показал, что синтаксическая неоднозначность возникает в строго определённых конфигурациях: (а) при наличии модификатора (PP, инфинитивной группы, придаточной клаузы), который может быть присоединён к разным узлам дерева (пример «West Point cancels ceremony to honor Tom Hanks»); (б) при взаимодействии кванторных слов разного типа, когда сфера их действия в логической форме может быть обратной (пример «All companies did not comply with the new regulation»); (в) при использовании отглагольных существительных, сохраняющих валентности исходного глагола (примеры «The killing of the protesters», «The detention of the activists»). Во всех этих случаях неоднозначность коренится не в лексике или контексте, а в самой структуре грамматических правил.

4. Дискретно-комбинаторный механизм, который Хомский считает центральным свойством языка, порождает неоднозначность как неизбежный побочный продукт своей продуктивности. Конечный набор правил переписывания (S → NP VP, VP → V NP PP, NP → NP PP и др.) комбинируется рекурсивно, порождая бесконечное множество предложений. Однако те же самые правила, применённые в разном порядке, дают разные деревья разбора для одной линейной последовательности слов. Пинкер, развивая эту идею, подчёркивает, что ментальный парсер человека строит все возможные структуры одновременно, а выбор интерпретации происходит за счёт эвристик.

Таким образом, синтаксическая неоднозначность в медиадискурсе — не случайный дефект, а функциональный ресурс, выполняющий две основные функции: компрессирующую (сжатие смысла) и аттракционную (привлечение внимания). Знание её механизмов позволяет не только анализировать, но и контролировать этот ресурс.

1. Chomsky N. Syntactic Structures. — The Hague: Mouton & Co., 1957. — 117 p.
2. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. — Cambridge, MA: MIT Press, 1965.
3. Pinker S. The Language Instinct: How the Mind Creates Language. — New York: Harper Perennial, 1994. — 494 p.
4. Karimova R.A. Structural ambiguity in N. Chomsky’s syntactic doctrine // European Journal of Humanities and Social Sciences. — 2019. — № 2. — P. 45-52.
5. Frazier L., Fodor J.D. The sausage machine: A new two-stage parsing model // Cognition. — 1978. — Vol. 6, No. 4. — P. 291-325.
6. Boland J.E., Tanenhaus M.K., Garnsey S.M. Verb argument structure in parsing and interpretation: Evidence from wh-questions // Journal of Memory and Language. — 1995. — Vol. 34, No. 6. — P. 774-806.
7. West Point cancels ceremony to honor Tom Hanks as ‘outstanding US citizen’ // The Guardian. — 2025. — September 5.

8. All companies did not comply with the new regulation // The Wall Street Journal. — 2024. — April 15.
9. The killing of the protesters // CNN. — 2024. — June 10.
10. The detention of the activists // The Washington Post. — 2023. — November 5.

Сведения об авторах
Л. Е. Пак, доцент, кафедра межкультурных коммуникаций и переводоведения, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия
Д.А. Коноплёв, магистрант 1 курса, кафедра педагогики и лингвистики, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 39. 392.9

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА УДЭГЕЙЦЕВ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Н.А. Коноплева, д-р культурологии, профессор

А.А. Поветкина, преподаватель

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Этническая культура играет ключевую роль в формировании и сохранении коллективной памяти народов, являясь мощным носителем исторического опыта, ценностей и традиций, передаваемых от поколения к поколению. Приморский край обладает уникальным ресурсом для изучения этнической культуры, так как на территории края проживают коренные малочисленные народы, такие как удэгейцы, нанайцы и тазы, обладающие богатым и уникальным культурным наследием. Культура удэгейцев – предмет междисциплинарных исследований благодаря своей многоаспектностью, сочетанием преемственности и сохранения традиций, отчасти дошедших до наших дней. Их быт, ремесла, обряды и верования формировались под влиянием природных условий региона и окружающей среды, что отчетливо прослеживается в материальной культуре и духовных практиках. Таким образом, культурное наследие удэгейцев и других коренных народов Приморья представляет собой живую и многомерную систему, объединяющую материальные, духовные и обрядовые компоненты.*
Ключевые слова: *Коренные малочисленные народы, этническая культура, удэгейцы, событийные мероприятия, Приморский край.*

ETHNIC CULTURE OF THE UDEGE: HISTORY AND MODERNITY

Abstract. *Ethnic culture plays a key role in the formation and preservation of the collective memory of peoples, serving as a powerful vehicle for historical experience, values, and traditions passed down from generation to generation. Primorsky Krai offers unique resources for the study of ethnic culture, as it is home to indigenous peoples such as the Udege, Nanai, and Taz, who possess a rich and unique cultural heritage. Udege culture is a subject of interdisciplinary research due to its multifaceted nature, a combination of continuity and the preservation of traditions, some of which have survived to this day. Their way of life, crafts, rituals, and beliefs were shaped by the region's natural conditions and environment, which is clearly evident in their material culture and spiritual practices. Thus, the cultural heritage of the Udege and other indigenous peoples of Primorsky Krai represents a vibrant and multidimensional system, combining material, spiritual, and ritual components*
Keywords: *Indigenous peoples, ethnic culture, Udege people, events, Primorsky Territory*

Этническая культура играет значимую роль в процессе формирования идентичности народов и представляет собой фундаментальное основание для развития этнокультурного туризма. Данный концепт охватывает широкий спектр традиционных элементов этнической идентичности, таких как обычаи, верования, языковые характеристики, приемы народных ремесел, ритуалы и прочие компоненты, отражающие уникальность и своеобразие каждой этнической общности.

Научное исследование этнической культуры способствует выявлению специфики её внутренней структуры, а также позволяет анализировать механизмы функционирования и просле-

живать динамику изменений, обусловленных влиянием как экзогенных, так и эндогенных факторов.

Этническая культура выступает носителем коллективной памяти, транслируемой от поколения к поколению посредством усвоения социального опыта, деятельности институтов обучения и различных культурных практик. В данной парадигме она функционирует не только как фактор формирования культурной идентичности, но и как инструмент обеспечения внутригрупповой консолидации, способствуя укреплению социальных связей и поддержанию интеграции членов этнического сообщества.

В Российской Федерации признаётся особая ценность этнокультурного многообразия, а также необходимость сохранения культурной идентичности, традиционных норм и обычаев различных народов. С целью обеспечения правовой защиты этнических общностей и поддержания их культурного наследия создана специализированная нормативно-правовая система, регулирующая соответствующие отношения и обеспечивающая сохранение этнокультурных ценностей:

1) Федеральный закон от 30 апреля 1999 года N 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [7];

2) Федеральный закон «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [Российская Федерация. Законы. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: Федеральный закон №3612-1-ФЗ: [2];

3) Федеральный закон от 20 июля 2000 г. N 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [8].

На территории Приморского края зарегистрировано постоянное проживание коренных малочисленных народов (далее КМН), включая удэгейцев, нанайцев и тазов. В рамках статистического учёта по данным переписи населения 2020 года численность удэгейцев составляет 713 человека (из них 366 мужчин и 347 женщин) [10]. Они преимущественно концентрируются в Тернейском, Пожарском и Дальнереченском районах, что обусловлено историческими миграционными маршрутами и природно-климатическими особенностями данной территории.

Культура удэгейцев представляет собой уникальный концепт этнолингвистического и антропологического исследований, поскольку на сегодняшний день она сохранилась лишь частично, оставляя значительный пласт сакральных смыслов традиционных практик и верований в рамках локальных культурных слоёв. Аналогично другим коренным малочисленным народам, удэгейцы интегрировали в свою повседневную жизнь элементы окружавшей их среды, при этом формируя особый этнокультурный мир, отражающий взаимодействие человека с природной стихией.

В литературе по этнографии значительную роль играет работа В.К. Арсеньева, который называл удэгейцев «лесными людьми» [1], подчёркивая их глубокое знание лесных и водных экосистем, а также их гармоничное существование в тайге. Географическое размещение их стойбищ в речных бассейнах способствовало не только обеспечению общины рыбой, но и использованию рек как важнейших транспортных артерий, связывающих их стойбища. Точное знание маршрутов, умение ориентироваться в лесных условиях и знание приемов навигации по водным путям позволяли удэгейцам формировать эффективные и удобные маршруты передвижения, сочетая пешие переходы и водные перемещения. В летний период основным транспортом служили лодки, в зимний – нарты, что подчеркивает их адаптивность и мастерство в использовании природных ресурсов региона. Исходя из классификации В.В. Антиповой, лодки были разных видов, изготавливаемых по амурскому варианту [9, с.128] Их можно разделить по конструкции носа. Первый тип – остроконечные, это более маленькие лодки, предназначенные для одного человека – *оморочка (утунгиэ)*. В оморочке подстерегали зверя на охоте в ночной период времени по протокам [3, с.46]. Второй тип лодок имеет лопатообразный нос. Это большие лодки-долбленки, с XIX века известны переселенцам как *бат* или более старые названия: *а`на* (на Хору) или *угда* (на Бикине)). Отметим, что после сруба необходимого дерева для создания лодки в пень втыкалась веточка того же дерева, символизирующая душу дерева (*соогини*). Делалось это для того, чтобы дерево не погибало, начало расти заново, а лодка не переворачивалась в воде и сохраняло жизнь охотнику, так как удэгейцы не умели плавать [9, с128].

Несмотря на современные технологии и средства, которые также присутствуют в быту удэгейцев, стоит отметить, что лодки по типу батов можно встретить не только в музее, в качестве экспоната, но и в современной жизни удэгейцев.

Духовная культура коренных малочисленных народов (КМН) Приморского края представляет собой важнейший аспект их этнокультурного наследия. Удэгейцы, являющиеся одним из таких народов, отличаются глубоким духовным восприятием мира: они не только бережно относятся к окружающей природе, но и наделяют её душевными качествами. Эта концепция отражает их анимизм – мировоззрение, предполагающее, что природные объекты и явления наделены душами (силами). В соответствии с их мифологией, деревья, горы, животные и воды являются носителями духов-хозяев: так, Ганихи – господин морей и рек, а Онку – защиты лесов и гор. Особую почтительность удэгейцы проявляли к духам-предкам, которые занимали важное место в их культуре. Как отмечал В.Г. Ларькин, удэгейцы считают, что человек обладает двойственной душой – *чалипи ханя*, то есть сам живой человек, и *ханя* – представляющая его тень [4 с. 72].

Шаманизм занимает в жизни удэгейцев центральное место, являясь неотъемлемым элементом их духовных практик. Шаманские ритуалы – сложные и многогранные обряды, которые активно используют и в современный период. Шаманство выступает формой первобытных религиозных верований: вера в особые ритуальные действия, позволяющие установить контакт с духовным миром для получения помощи, защиты, а также проведения обрядов поминовения умерших. Шаманами могли быть как мужчины (*самани*), так и женщины (*анига сама*), а их преемственность осуществлялась через наследование от предков-колдунов.

Одним из ярких примеров сохранившихся ритуалов является обрядовая игра, связанная с праздниками солнечного цикла. В работе В.В. Подмаскина «Духовная культура удэгейцев» подробно описывается один из таких обрядов – весенний праздник *унди (уней)*. Его продолжительность составляет 2–3 дня и включает театрализованные действия, символизирующие борьбу зимы и лета, в конечном итоге одерживающее верх лето. В ходе этого праздника мужчины спускали лодки по реке, украшали их орнаментами, вырезанными из дерева, дети участвовали в играх у костров, а женщины исполняли танцы с двумя побрякушками в руках под ритмы бубна. Также проводилась обрядовая игра *мафа гусити*, имитирующая охоту на медведя. Следующий день был посвящён карнавалу на украшенных лодках, которые «проходили» по селениям. Участники посещали дома, где их угощали варёной юколой и жидкой кашей [6, с. 46–47]. В этом празднике шаман принимал участие как один из участников, а по возвращении организовывались пиры, дарообмен, жертвоприношения и поклонение духам, что служило выражением уважения к предкам и укреплению связи с духовным миром. В это день забывались все обиды и люди желали счастья и благополучия. Подобный праздник проводился поздней осенью, его связывали с началом охотничьего сезона. Сценарий осеннего праздника похож на весенний, с одним отличием. Вместо лодок использовали нарты с собаками. Участие шамана и проведение ритуалов было неотъемлемой частью торжества.

Эти традиционные праздники и обряды находят современное отображение в культурной жизни удэгейцев. В частности, в селе Красный Яр ежегодно проводится фестиваль «Ва:кчай ни» – праздники, посвящённые открытию и закрытию охотничьих сезонов. В осенний период (конец октября – начало ноября) фестиваль приурочен к открытию охотничьего сезона в северной части Приморского края. Весной (март) проводится мероприятие, символизирующее завершение охотничьего периода. В рамках фестивальной программы организуются соревнования по традиционным видам спорта. Участникам, как местным жителям, так и гостям праздника, предоставляется возможность проявить навыки в таких дисциплинах, как метание копья, стрельба из лука и огнестрельного оружия на точность, командная ходьба на лыжах, прыжки через нарты, а также метание тынзяна на хорей [**5].** В течение праздника устраиваются спортивные состязания, которые показывают, как ловкость и умелость удэгейцев, так и элементы охоты и рыболовства. Подобные фестивали отлично способствуют погружению не только обывателей, но и местных жителей разного возраста в этническую культуру удэгейцев, а также помогает сохранить знания в обрядовой части (так как участие шамана и камлание обязательный элемент любого мероприятия, проводимого у КМН), культурной жизни представителей КМН Приморья.

Важным этапом по ознакомлению с удэгейцами Приморья, а также сохранению и популяризации знаний об их культуре, как материальной, так и духовной, по нашему мнению, является участие КМН в событийных мероприятиях города и края. Так, в рамках праздника дня

народного единства в ноябре 2025 года были приглашены представители территориально-соседской общины коренных малочисленных народов Приморского края «Адига» (пгт. Лучегорск) и творческого коллектива «Кэсихи» с. Красный Яр. Творческие коллективы представили мастер-классы, где обучали резьбе по кости и маньчжурскому ореху, все мастер-классы сопровождались рассказами о традициях, поверьях предков удэгейцев и смыслов, заложенных в сделанные обереги. В программе были танцевальные номера, где дети демонстрировали этнические ритуальные обряды, охотничьи действия, а завершению дня был хоровод дружбы. Важным акцентом данного праздника было участие шамана из с. Красный яр. Праздник начался с шаманского обряда, направленного на общение с духами, в процессе обрядового действия шаман просит защиты и помощи для народа. Процесс камлания сопровождается организацией ритуального костра с дароподношениями духам. Как отметили сами приглашенные удэгейцы, подобный формат интеграции в современные событийные мероприятий элементов сакральной культуры является уникальным, а главное, действенным способом показать многогранность региона и привлечь к изучению краеведения, топонимики, истории родного края молодежь.

Несмотря на влияние внешних культурных факторов и процессы ассимиляции, современные удэгейцы активно сохраняют и возрождают свои богатые духовные и материальные традиции. В качестве примера можно отметить фестивали, проводимые на территориях традиционного проживания. К ним можно отнести фестивали «Бикин», «Багдилафаи», «Ва:кчай ни» и другие, а также участвуют в городских мероприятиях дальневосточной столицы, например в фестивале «День тигра». В их деятельности прослеживается стремление не только к сохранению аутентичных элементов культуры, но и к их адаптации под современные условия, что способствует вовлечению молодого поколения и популяризации уникального наследия среди широкой аудитории. Участие в культурных и праздничных мероприятиях, таких как праздники, фестивали и мастер-классы, как самих удэгейцев, так и других этносов региона – важнейшие средства сохранения этнической идентичности удэгейцев в современном обществе.

Этническая культура является одним из базисных факторов, определяющих процессы самоидентификации и культурной динамики этнических групп, формируя коллективную память народов, выступая в роли медиатора передачи социальных знаний и жизненного опыта через институты образования, семейные традиции и культурные практики, тем самым обеспечивая преемственность и устойчивость культурных ценностей, а также способствует консолидации внутренней структуры этнических групп.

В Российской Федерации признана высокая ценность сохранения этнокультурного многообразия, что закреплено в нормативно-правовых актах, обеспечивающих защиту традиций и прав этнических меньшинств. Исследование этнической культуры коренных малочисленных народов Дальнего Востока демонстрирует сложную структуру культурной динамики, обусловленную историческим опытом, природно-климатическими условиями и влиянием соседних этнических групп. В их традициях прослеживаются элементы синтеза различных верований и языковых особенностей, а также уникальные формы материальной и духовной культуры (ремесла, фольклор, ритуальные праздники). Удэгейцы сохранили элементы традиционного быта и мировоззрения, адаптируя их к современным условиям.

Таким образом, этническая культура выступает не только в роли «архива» исторического и коллективного опыта, но и как активный ресурс развития этнокультурного туризма, удовлетворяя потребности общества в познании, сохранении культур различных этносов и межкультурном обмене, что способствует росту культурного и национального многообразия. В свою очередь, поддержание этнокультурных ценностей способствует устойчивости и процветанию этнических сообществ, обладая значительным потенциалом для формирования положительного имиджа территории и привлечения туристов, заинтересованных в аутентичном опыте.

1. Арсеньев В. К. Лесные люди удэхейцы. – Владивосток: Книжное дело, 1926. – 48 с.

2. Верховный Совет Российской Федерации принимает настоящие Основы законодательства о культуре в качестве правовой базы сохранения и развития культуры в России] // КонсультантПлюс. – Текст: электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/

3. Звиденная О.О., Н.И. Новикова. Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин (Этнологическая экспертиза 2010 года). – Москва: ИД «Стратегия», 2010. – 154 с.

4. История и культура удэгейцев / Н.В. Васильева, Л.Я. Иващенко, В.В. Подмаскин, А.Ф. Старцев [и др.] ; под редакцией А.И. Крушанова. – Ленинград: Наука, 1989. – 187 с.

5. Поветкина А.А. Этнический туризм: ценности и смыслы организации в российских регионах и за рубежом // Культурный код. – 2024. – №1. – С.93 – 108.
6. Подмаскин В.В. Духовная культура удэгейцев XIX-XX вв.: Историко-этнографические очерки. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. – 160 с.
7. Российская Федерация. Законы. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: Федеральный закон №82-ФЗ: [Принят Государственной Думой 16 апреля 1999 года: Одобрен Советом Федерации 22 апреля 1999 года] // Консоциум Кодекс. – Текст: электронный. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901732262?section=text
8. Российская Федерация. Законы. Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: Федеральный закон № 104-ФЗ: [Принят Государственной Думой 6 июля 2000 года: Одобрен Советом Федерации 7 июля 2000 года] // Консоциум Кодекс. – Текст: электронный. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901765288
9. Старцев А.Ф. Материальная культура удэгейцев (вторая половина XIX-XX в.). – Владивосток: ДВО РАН, 1996. – 160 с.
10. Федеральная служба государственной статистики // Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками. – Текст: электронный. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/-Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami.

Сведения об авторах
Н.А. Коноплева, д-р культурологии, профессор, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия
А.А. Поветкина, преподаватель, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 930

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО АКТИВИЗМА МОЛОДЕЖИ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

Д.Е. Костырева, ассистент

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье изучены особенности общественного активизма молодежи в первой четверти XXI века. Автор анализирует факторы, оказавшие влияние на характер общественной деятельности молодежи, формулирует тенденции развития общественного активизма молодежи XXI века. Особое внимание уделено трансформации условий для активизма молодежи и модернизации форм общественного участия. Для демонстрации динамики развития общественной деятельности представлены примеры активизма молодежи.*
Ключевые слова: *молодежь, общественная деятельность молодежи, активность молодежи*

THE DEVELOPMENT OF YOUTH SOCIAL ACTIVITY IN RUSSIA IN THE 21ST CENTURY

Abstract. *The article explores the features of socially youth activism in the first quarter of the 21st century. The author analyzes the factors that influenced the character of youth social activity, formulates trends in the The author analyzes the factors that influenced the Character of youth social activity, formulates trends in the evolution of social activism among young people of the 21st century. Special attention is paid to the transformation of conditions for youth activism and the modernization of forms of public participation. For demonstration the dynamics of the development of social activity, examples of youth activism in the public sphere are presented.*
Keywords: *youth, youth social activism, activities of youth*

Молодежь – это потенциал страны и гарант общественного благосостояния. Социальная позиция молодежи и степень ее участия в общественных процессах является показателем эффективности государственной политики и уровня гражданского развития общества.

Первая четверть XXI века продемонстрировала неоднородный характер активности молодежи. Ввиду существования острых социальных и экономических проблем в начале века, вы-

званных транзитным периодом, вопросы молодежной политики ставились на второй план. Молодежь сохраняла потребность в сообществе, но, предоставленная сама себе, была склонна к присоединению в движения субкультур. Среди актуальных проблем в молодежной среде этого периода были склонность к вредным привычкам, высокий уровень молодежной преступности, размытость духовных ценностей, ухудшение состояния здоровья молодежи [10]. Общественный и политический курс в сторону повышения внимания к молодежи привел к формированию условий для развития общественно-полезной активности молодежи.

Социализация молодежи, адаптация к трансформирующимся общественным условиям и изменения в характере деятельности находятся в фокусе внимания исследователей разных направлений. Отечественные ученые Е.Л. Омельченко [9], И.М. Ильинский [5], М.С. Комарова [6], Ю.Н. Зарубина [3], Р.А. Захаркин [4] и другие в своих работах изучали вопросы и проблемы, связанные с молодежь. В то же время остается особенно актуальным анализ характера общественной деятельности молодежи и тенденции ее развития в новейшей истории России с целью соотнесения общественно-полезной активности молодежи с курсом государственной политики.

В настоящей статье ставится цель изучить общественный активизм молодежи России в первой четверти XXI века. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

– обозначить факторы, оказавшие влияние на характер общественной деятельности молодежи XXI века;

– представить примеры общественного активизма молодежи XXI века;

– выявить характерные особенности общественного активизма молодежи России в XXI веке.

Для определения общественно-полезной деятельности молодежи будет использовано понятие «молодежный активизм», как форма целенаправленной деятельности, а не проявление активности. В целях выявления характерных особенностей общественного активизма молодежи, необходимо учитывать влияние множества внутренних и внешних факторов. К основным факторам в первой четверти XXI века можно отнести следующие:

1. Модернизация социальных и экономических условий внутри страны. Особое влияние оказал транзитный период на рубеже XX-XXI веков, вызванный сменой общественно-политического уклада в стране. Изменения общемирового контекста и глобализация также оказали влияние на развитие социальной и экономической сферы. Социальные, экономические и политические особенности нашли отражение в характере деятельности молодежи.

2. Национальная безопасность. В XXI веке особое значение приобрели обеспечение безопасности страны, гражданская идентичность и сохранение исторической памяти. Политика обрела национально-ориентированный характер. В этот период особую роль заняли гражданские инициативы, а молодежь рассматривалась как инновационный и трудовой потенциал, научный резерв, который важно развивать на благо страны.

3. Смена идеологии. В начале 2000-х годов наблюдалось отсутствие единой идеологии в молодежной среде. Советская идеология социализации молодежи перестала быть актуальной [7], на смену ей началось формулирование актуальной повестки воспитания молодого поколения.

4. Обновление государственной стратегии в сфере работы с молодежью. Молодежи делегировали позицию активного субъекта общественно-политической жизни. Государство закладывало фундамент для активизма молодежи, снабжало ресурсами, выстраивало механизмы, а молодежь раскрывала свой потенциал, самореализовывалась, проявляла инициативу.

5. Цифровизация общественной жизни. Распространение информационных технологий и стремительно растущие возможности Интернета оказали влияние на характер коммуникации и скорость обработки информации. Этот фактор способствовал появлению новых форм активности молодежи. Социальные сети, интернет порталы и чаты стали площадками для высказывания своего мнения, поиска единомышленников, организации мероприятий и деятельности в онлайн формате.

6. Смена мотивации и ценностей молодого поколения. На пути формирования новой общественной идеологии претерпевали изменения ценностные ориентации молодежи, их интересы и жизненные установки. Если в начале века усиливались чувства самореализации и индивидуальных достижений, то во второй половине изучаемого хронологического периода сформировалась тенденция к включению молодежи в общественную деятельность.

Для отражения динамики общественного активизма молодежи в первой четверти XXI века представим примеры общественной активности молодежи – добровольчество, трудовая деятельность в составе студенческих отрядов, активность в молодежных организациях.

Добровольческая (волонтерская) деятельность

К маю 2025 г. общее количество волонтеров, зарегистрированных на специализированной аналитической платформе Добро.рф, составило почти 8 млн. человек [8]. Добровольческая деятельность, как вид общественно-полезной активности, оставалась особенно актуальной среди молодежи. Средний возраст волонтера с 2016 по 2025 гг. колебался в диапозоне 23-30 лет, при этом к 2025 г. наблюдалась динамика к росту привлечения в число волонтеров возрастной категории до 18 лет. Например, в 2016 г. доля волонтеров в возраст 18-34 лет составила 81%, а в 2025 г. данная возрастная категория составила 30%, в то же время доля волонтеров до 18 лет составила 51% [1].

Рис. 1. Динамика активности в добровольческой сфере

Источник. Аналитика Добро.ру (дата обращения: 16.06.2025) [1]

Характер волонтерской деятельности трансформировался от событийного до социально-ориентированного. Проведение отдельных мероприятий и акций перешло в формат системного и программного подхода. Среди наиболее актуальных направлений волонтерской деятельности в 2025 г. были такие, как дети и молодежь, образование и экология [1].

Привлечение молодежи к трудовой деятельности – строительство, сельскохозяйственные работы, медицинское обслуживание, педагогика и воспитание – активно велось Общероссийской общественной организацией «Российские студенческие отряды» (далее – РСО). С 2013 года росло количество региональных отделений РСО и число бойцов в профильных направлениях.

Таблица 2

Количество региональных отделений РСО Трудовая деятельность

Год	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Количество отделений (число)	51	57	64	69	71	72	71	71	73

Таблица 3

Количество бойцов по направлениям (чел.)

Направление	2011	2017	2018	2019	2020	2021
Строительный	50500				12673	17900
Педагогический			50000		25235	36000
Сельскохозяйственные						7264
Проводники	2400			9000		6300
Сервисный				8439	6203	6850
Медицинские		1261				3000

Примечание: Таблица составлена на основании отчета РСО Источник: Трудкрут.рф [с.3, 11]

Рост количества бойцов по определенному направлению был связан с потребностями и тенденциями трудового рынка в определенный период. Во время масштабных всероссийских строек наблюдался рост представителей строительных отрядов. Студенты разных регионов России вносили свой трудовой вклад в создание строительных объектов в рамках Всероссийских студенческих строек «Космодром «Восточный», «Мирный атом», «АТЭС 2012», «Казань 2013», «Сочи – 2014» [13]. По состоянию на 2025 г. РСО стало крупнейшей молодежной организацией страны, которая обеспечила временной трудовой занятостью молодых людей, а также занималась гражданским и патриотическим воспитанием, развитием творческого и спортивного потенциала молодежи.

Общественная деятельность в рамках молодежных движений и организаций

Важным примером проявления общественного активизма молодежи оставалась ее деятельность в рамках молодежных организаций и объединений. В мае 2025 года исполнилось 35 лет Общероссийской общественной организации «Российский Союз Молодежи» (далее – РСМ), общая численность которой достигла более 110 тысяч человек [12]. РСМ привлекает к гражданской активности, занимается патриотическим воспитанием молодёжи, выявляет и поддерживает талантливую молодёжь. Ежегодно около 4 млн. молодых людей по всей России участвуют в более 10 федеральных Программах и более 200 региональных проектах [2].

Выводы

Развитие общественной деятельности молодежи напрямую связано с условиями и особенностями исторического периода первой четверти XXI в. и обусловлено необходимостью привлечения молодежи к решению актуальных вопросов, применения государством потенциала молодых людей не в далекой перспективе, а в реалиях сегодняшнего дня. Особенностью развития общественной деятельности молодежи было ее приобщение к социально важным процессам, делегирование ответственности и полномочий. За изучаемый 25-летний период молодежь смогла закрепить за собой статус активного субъекта, который способен вносить свой вклад в общественное благосостояние. Молодежь демонстрировала положительную динамику активизма в волонтерской деятельности, росла численность бойцов студенческих отрядов и представителей молодежных общественных организаций. Настоящее исследование подчеркнуло важную роль общественного активизма молодежи, характерными чертами которого было повышение уровня ответственности молодежи и делегирования ей полномочий в сфере принятия общественных решений.

1. Аналитика Добро.ру Текст: электронный. – URL: https://dobro.ru/analytics
2. В 2026-м в РСМ пройдет как Год региональных организаций. Текст: электронный. – URL: https://rsm.ruy.ru/press/news/v-2026-m-v-rsm-proydet-kak-god-regionalnykh-organizatsiy-/
3. Зарубина Ю.Н. Причины участия молодежи в деятельности общественно-политических организаций // Вестник социально-политических наук. 2013 г., № 12, стр. 47-52
4. Захаркин Р.А. Молодежный абсентеизм в России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2010. – № 4. – С. 111-114.
5. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. – Москва: Голос, 2001. – 696 с.

6. Комарова М.С. Молодежь как объект государственной политики: специфика формирования общественно-политического потенциала// Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – Т. 10, № 6. – С. 147-151.
7. Коммунист – век XX-XXI. Общественно-политическая массовая газета Саратовского областного отделения политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации». ПИ № ФС8 – 0020 от 10 февраля 2005 года. Текст: электронный. – URL: https://1kommunist.ru/2022/09/27/27-sentyabrya-1991-goda-proshyol-xxii-chrezvychajnyj-sezd-vlksm-obyavivshij-istoricheskuyu-rol-vlksm-ischerpannoj-i-raspustivshij-organizaciyu-29-delegatov-sezda-storonnikov-dvizheniya-molodyozhi/ На платформе Добро.рф зарегистрировано почти 8 млн пользователей и свыше 130 тысяч организаций. Текст: электронный. – URL: https://fadm.gov.ru/news/dmitriy-chernyshenko-na-platforme-dobro-rf-zaregistrirovano-pochti-8-mln-polzovateley-i-svyshe-130-t/?user_lang=en
8. Омельченко Е.Л. Молодежный активизм в России и глобальные трансфрмации его смысла // Журнал исследований социальной политики. – 2005. – Т.3, №1. – С.59-86.
9. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2000 г. N 1015 «О федеральной целевой программе «Молодежь России (2001-2005 годы)»
10. Российские студенческие отряды 2011-2021. Отчет за 10 лет. Текст: электронный. – URL: https://трудкрут.рф/theme/documents/Prezentatciia%20M.S.pdf
11. РСМ сегодня. Официальный сайт Общероссийской общественной организации «Российский Союз Молодежи» Текст: электронный. – URL: https://www.ruy.ru/rsm/today/ Трудовые проекты. Деятельность РСО Текст: электронный. – URL: https://трудкрут.рф/deyatelnost/trudovye_proekty

Сведения об авторе
Д.Е. Костырева, ассистент, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 004.8

РАЗРАБОТКА ПРОТОТИПА СИСТЕМЫ ОЦЕНКИ ПОКАЗАНИЙ СУДОВОГО КОМПАСА НА ОСНОВЕ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ

Г.С. Крестников, магистрант, 2 курс

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Развитие систем компьютерного зрения позволяет автоматизировать широкий круг задач, связанных с обработкой визуальной информации. Одним из перспективных направлений является автоматическое считывание показаний измерительных и навигационных приборов по изображениям и видео. В данной статье представлен прототип системы оценки показаний судового магнитного компаса на основе методов компьютерного зрения*
Ключевые слова: *компьютерное зрение, нейронные сети, YOLO, судовой магнитный компас, автоматизация.*

DEVELOPMENT OF A PROTOTYPE SYSTEM FOR EVALUATING SHIP COMPASS READINGS BASED ON VIDEO SURVEILLANCE

Abstract. *The development of computer vision systems allows for the automation of a wide range of tasks related to the processing of visual information. One of the promising areas is the automatic reading of measurements and navigation instruments from images and videos. This article presents a prototype of a system for evaluating the readings of a ship's magnetic compass using computer vision techniques*
Keywords: *and phrases: computer vision, neural networks, YOLO, marine magnetic compass, automation*

Введение

Судовые магнитные компасы продолжают широко использоваться в навигационных системах морских судов в качестве резервного и вспомогательного средства определения курса. Согласно требованиям Международной Морской Организации (далее – ИМО) из резолюции № А 382 (10), магнитный компас должен быть установлен на всех судах, совершающих мор-

ские рейсы, независимо от тоннажа [1]. В чрезвычайной ситуации (далее – ЧС) он остаётся единственным доступным средством навигации.

Контроль показаний компаса осуществляется оператором визуально, что может приводить к ошибкам, связанным с человеческим фактором, утомляемостью и условиями эксплуатации. В связи с развитием методов компьютерного зрения и нейросетевых технологий становится актуальной задача автоматизации считывания показаний судовых приборов с использованием систем видеонаблюдения.

Одним из перспективных направлений является применение нейросетевых моделей детектирования объектов для анализа изображений шкал аналоговых приборов. Современные алгоритмы компьютерного зрения позволяют выполнять обнаружение элементов интерфейса, определение положения указателя и вычисление измеряемого значения в автоматическом режиме.

Существующие альтернативы, такие как использование электронных компасов или специализированных аппаратных считывателей, которые зачастую требуют полной замены существующего оборудования, сопряжены с высокими затратами и не всегда применимы в индивидуальных случаях. Кроме того, аппаратные методы интеграции с аналоговыми приборами могут быть подвержены электромагнитным помехам и не обеспечивают нужную точность в условиях реальной эксплуатации. В отличие от таких решений, подход, основанный на компьютерном зрении, не требует модификации компаса и способен автономно считывать визуальные данные, что особенно важно при ограниченном доступе к электронике или в аварийных ситуациях.

Материалы

Для разработки системы был сформирован набор изображений судового компаса, собранных на базе Морского государственного университета имени адмирала Г. И. Невельского. Изображения имеют фиксированное разрешение 1200×1200 пикселей, содержат шкалу компаса, цифровые метки и указатель направления. Размер набора данных составляет 1000 фотографий с различным положением шкалы.

Разметка данных выполнялась вручную в среде Computer Vision Annotation Tool (далее – CVAT) [2], с использованием ограничивающих прямоугольников (bounding box).

В процессе были выделены основные классы объектов:

– pointer (указатель положения) – с атрибутом angle, обозначающим угол направления;

– scale (шкала);

– digit (числовые отметки) – с атрибутом value, соответствующим значению на шкале (0, 10, 20 и т.д.).

В качестве программных средств использовались:

– язык программирования Python;

– библиотека OpenCV для обработки изображений;

– фреймворк Ultralytics YOLO для обучения и применения нейросетевой модели;

– среда CVAT для разметки изображений.

Обучение и тестирование моделей выполнялось на персональном компьютере с графическим ускорителем NVIDIA GeForce RTX 5060 Ti.

Методы

Разработанный прототип ориентирован на работу с конкретным типом судового компаса и использует особенности его геометрии и структуры шкалы.

В основе разработанного прототипа лежит последовательная обработка изображений с применением методов компьютерного зрения и нейросетевого детектирования объектов. Общая схема работы системы представлена ниже (рис. 1).

На первом этапе входное изображение передаётся в нейросетевой детектор объектов YOLOv8 [3]. Модель выполняет обнаружение цифровых отметок шкалы и указателя компаса. Для каждого найденного объекта определяются координаты ограничивающего прямоугольника. После этого вычисляются горизонтальные координаты центров цифровых отметок шкалы. Далее выполняется поиск двух соседних цифровых отметок, между которыми располагается указатель. Значение угла вычисляется методом линейной интерполяции между соседними отметками [4]. Для корректной обработки перехода через нулевую метку применяется дополнительная обработка циклической шкалы, исключающая искажение результата при переходе между значениями 350 и 0.

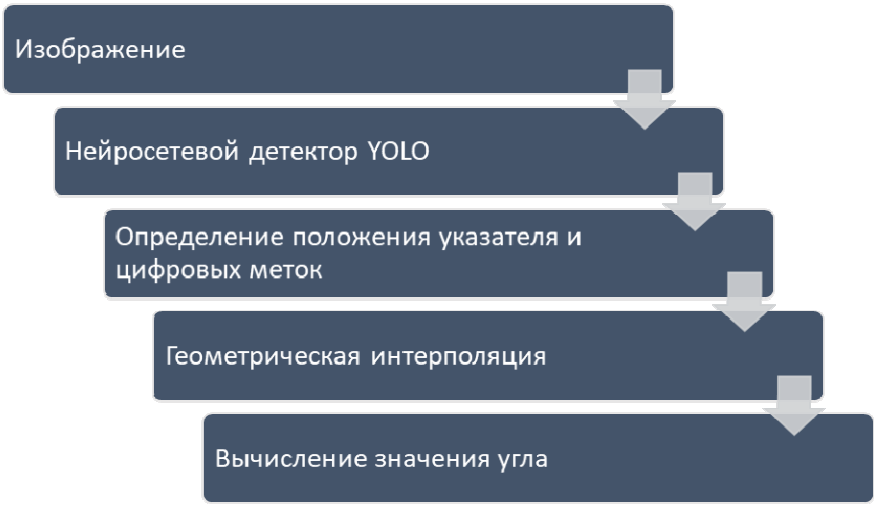

Рис. 1. Схема системы

Для определения значений цифровых отметок использовался дополнительный классификатор изображений, обученный на выделенных фрагментах шкалы компаса. Классификатор позволяет определять значение цифровой отметки по изображению соответствующего участка шкалы.

На рисунке 2 представлен пример работы разработанного прототипа при обработке изображения. Система выполняет обнаружение цифровых отметок шкалы и указателя, после чего автоматически вычисляет текущее значение угла.

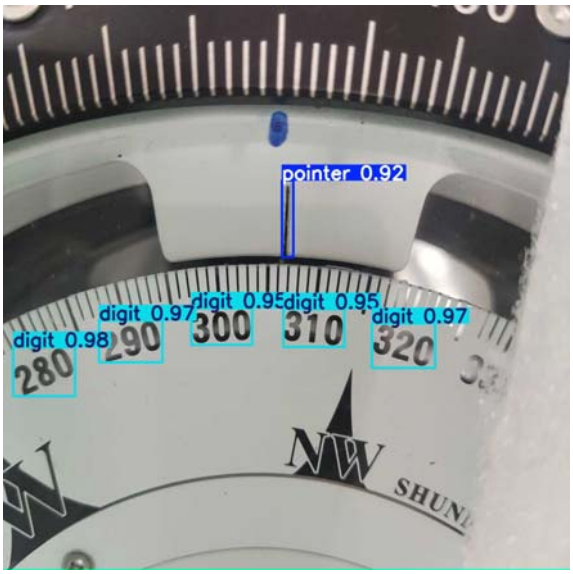

Рис. 2. Пример обработки изображения

Результаты

Для оценки эффективности и производительности разработанного прототипа была проведена серия экспериментов на тестовом наборе изображений судового компаса.

В ходе экспериментов измерялись:

– средняя абсолютная ошибка определения угла (MAE)[5];

– максимальная ошибка;

– среднее время обработки кадра;

– производительность системы в кадрах в секунду (FPS).

Тестирование проводилось на наборе из 20 изображений. Для каждого изображения вручную определялось эталонное значение угла, после чего результат работы системы сравнивался с реальным значением.

Результаты тестов представлены в таблице 1.

Таблица 1

Метрики эффективности и производительности

Метрика	Значение
Средняя абсолютная ошибка (MAE)	0,05°
Максимальная ошибка	0,13°
Среднее время обработки кадра	83,84 мс
Производительность	11,9 FPS

Результаты показывают высокую точность разработанного подхода при анализе изображений судового компаса. Среднее время обработки одного изображения составило 83,84 мс, что соответствует производительности около 11,9 кадров в секунду. Полученные показатели позволяют использовать разработанный прототип для обработки видеопотока в режиме, близком к реальному времени.

Заключение

В ходе работы был разработан прототип системы оценки показаний судового компаса на основе методов компьютерного зрения и нейросетевого анализа изображений. Реализован программный комплекс, выполняющий обнаружение элементов шкалы компаса, определение положения указателя и вычисление значения угла по изображениям, полученным средствами видеонаблюдения. Для решения задачи использовалась нейросетевая модель YOLOv8, обеспечивающая обнаружение цифровых отметок и указателя компаса. Также был реализован алгоритм геометрической интерполяции, позволяющий вычислять значение угла между соседними отметками шкалы с учётом цикличности структуры угловой системы координат.

Экспериментальная оценка разработанного прототипа показала высокую точность определения угла, а также скорость, позволяющую системе обрабатывать видеопоток в режиме, близком к реальному времени.

1. Резолюция ИМО А382 Текст: электронный // vunivere.ru – URL: https://vunivere.ru/work16088.
2. CVAT Текст: электронный // data-light.ru – URL: https://data-light.ru/blog/cvat-samyj-polnyj-gajd-po-razmetke/.
3. Ultralytics YOLOv8 Текст: электронный // ultralytics.com – URL: https://docs.ultralytics.com/ru/models/yolov8.
4. Метод линейной интерполяции Текст: электронный // nauteh-journal.ru – URL: http://www.nauteh-journal.ru/files/2ae73921-a88a-4138-a124-fa457fbfb49d.
5. Средняя абсолютная ошибка (MAE) Текст: электронный // geeksforgeeks.org – URL: https://www.geeksforgeeks.org/computer-vision/what-are-different-evaluation-metrics-used-to-evaluate-image-segmentation-models/#mean-absolute-error-mae.

Сведения об авторе
Г.С. Крестников, магистрант, 2 курс, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 008.

ЦВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА В РАБОТАХ ВЛАДИМИРА ЗАХАРОВИЧА АЛЕКСЕЕВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Е.А. Кривец, аспирант

Н.А. Коноплева, д-р культурологии, профессор, профессор кафедры ДЗТ

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Рассматривается цветовая символика в произведениях художника Владимира Захаровича Алексеева в контексте православной художественной культуры. Авторами обосновывается актуальность систематизации индивидуальных цветовых решений мастера для современной иконописной практики в условиях возрождения российских храмов и дискуссий о границах творческой свободы в церковном искусстве. На основе анализа таких работ, как «Спас в силах», «На Голгофу» и настенной росписи Свято-Никольского храма (д. Николо-Яровня Смоленской области), выявляется соответствие колорита в произведениях В.З. Алексеева канонической символике цвета в православии: золотой как знак Божественного света и Царствия Небесного, охристые оттенки как указание на тленность земного, красный как символ жертвенности и воинской славы. Особое внимание уделяется тому, как художник, следуя строгой традиции, сохраняет собственный художественный почерк. В статье также раскрывается православный взгляд на светское и церковное творчество (в том числе через суждения святителя Филарета (в миру В.М. Дроздов), В.Н. Лосского, И.А. Ильина, протоиерея. А.Д. Шмемана. Делается вывод, что творчество В.З. Алексеева может служить содержательным ориентиром для современных иконописных мастеров и способствовать осмыслению православного изобразительного искусства как части национальной культурной традиции*

Ключевые слова: *цветовая символика, православная художественная культура, иконопись, Владимир Захарович Алексее, церковное искусство, современная иконописная практика.*

COLOR SYMBOLISM IN THE WORKS OF VLADIMIR ZAKHAROVICH ALEXEYEV FROM THE PERSPECTIVE OF ORTHODOX ARTISTIC CULTURE

Abstract. *The article examines the color symbolism in the works of the artist Vladimir Zakharovich Alexeyev through the lens of Orthodox artistic culture. The author substantiates the relevance of systematizing the master's individual color solutions for contemporary icon-painting practice in the context of the revival of churches and discussions on the boundaries of creative freedom in ecclesiastical art. Based on an analysis of works such as "Savior in Power," "To Golgotha," and the mural painting of the Church of St. Nicholas (the village of Nikolo-Yarovnya, Smolensk region), the article reveals the correspondence of Alexeyev's color palette to the canonical symbolism of color in Orthodoxy: gold as a sign of Divine light and the Kingdom of Heaven, ochre shades as an indication of the transience of the earthly, and red as a symbol of sacrifice and military glory. Special attention is paid to how the artist, while following strict tradition, preserves his own artistic handwriting. The article also expounds the Orthodox perspective on secular and ecclesiastical creativity (including through the judgments of Philaret (Drozdov), V.N. Lossky, I.A. Ilyin, and Archpriest A. Schmemann). It is concluded that the work of V.Z. Alexeyev can serve as a meaningful reference point for contemporary icon-painting workshops and contributes to the understanding of Orthodox visual art as part of the national cultural tradition*

Keywords: *color symbolism, Orthodox artistic culture, icon painting, Vladimir Zakharovich Alexeyev, ecclesiastical art, contemporary icon-painting practice*

Актуальность данного исследования заключается в том, что анализ и систематизация цветовой символики конкретного художника позволяет сформировать определенный взгляд на современную православную иконописную культуру. В условиях возрождения российских храмов и роста количества иконописных мастерских, изучение примера В.З. Алексеева может стать важным как в рамках современной православной художественной культуры, так и для ее дальнейшего развития.

Цвет в иконе – это не просто эстетическая категория, но богословский язык, источник информации для осмысления культурных православных кодов и авторского художественного выражения. Исследование раскрывает, как художник, работая в строгих рамках православных канонов, сохраняет свою уникальную манеру. Для современной церковной культуры, где идет дискуссия о границах творческой свободы, такие работы особенно значимы. В данной статье представлены результаты анализа значимых работ В.З. Алексеева с точки зрения символики цвета в православной традиции, а также продемонстрировано значение произведений православного изобразительного творчества как формы национальной культуры.

Православная художественная культура – это литургическое по своей природе творчество. Ее произведения существуют не как музейные экспонаты, а как часть богослужебного пространства и молитвенной практики.

Это культура, в которой художественный язык является формой вероучения. Цвет, свет, жест, композиция это в первую очередь визуальная догматика.

На протяжении многих веков Церковь и светское искусство развивались как отдельные, но взаимосвязанные сферы. В православной традиции, особенно до начала XX века, российская Церковь занимала центральное место в жизни общества, и её влияние на культуру и искусство было значительным, но при этом оставалось в определенных рамках отличая церковное творчество от светского. Церковное искусство традиционно служило целям духовного просвещения и поклонения. Иконопись, архитектура храмов и церковная музыка создавались с намерением возвеличить Бога и углубить веру прихожан. Каждое произведение искусства в церковном контексте было пронизано духовным смыслом и символикой, направленной на духовное просвещение. Иконы, например, не просто изображали святых, но служили окном в Небесное царство, помогая верующим приблизиться к духовному миру.

В суждениях отечественных святых Филарета (В.М. Дроздов), епископа Игнатия (Д.А. Брянчанинов), архиепископа и духовного писателя Феофана, в последствии затворника Вышенской пустыни (Г.В. Говорова), преподобных Оптинских старцев мы находим дифференцированный подход к светской культуре и искусству.

Значимость художественного творчества не отрицается, признается, что само стремление человека созидать прекрасное является одним из проявлений его духовной природы, его богоподобия. Искусство способно приобщать человека к высоким нравственным ценностям. При этом отечественные подвижники благочестия отмечают, что искусство может быть разным по своему смысловому наполнению, а человеческая творческая деятельность может быть мотивирована не только стремлением служить Богу, но и тщеславием художника. А само «вдохновение» может исходить как от божественного источника, так и от противостоящих ему демонических сил. Поэтому в отношении к произведениям светского искусства, как и ко всему, с чем встречается христианин в своей жизни, необходимо проявлять рассудительность [6].

В сочинениях крупных богословов XX века архимандрита и церковного историка Киприана (в миру К.Э. Керн), *протоиереев:* Г.В. Флоровского, А.Д. Шмемана, протопресвитера Американской православной церкви и церковного историка И.Ф. Мейендорфа, а также выдающихся религиозных философов В.Н. Лосского, И.А. Ильина отражен православный взгляд на творчество и светскую культуру [8]. К сквозным мотивам их размышлений можно отнести следующие: «…творческие способности человека – это отражение его богоподобия» [2]. Человек призван через творчество, понимаемое как духовное служение, участвовать в преображении мира. Христиане не должны ни идеализировать культуру, ни отвергать ее, но обязаны относиться к ней критически, оценивая её с точки зрения Евангелия. Культурное творчество не является самоцелью, оно есть средство для выражения христианских ценностей. Культура рассматривается в эсхатологической перспективе [3]. Хотя плоды творчества в этом мире подвержены разрушению, если человек творит не только ради себя, но и ради исполнения воли Божией, это делает его творчество осмысленным, а ему помогает обрести благую вечность [5].

Что касается В.З. Алексеева, то он появился на свет в Смоленске в 1948 году. В Калининградскую область семья художника переехала в 1959-м. Первые навыки творческой деятельности он получил в Советске, где занимался в художественной студии под руководством Василия Петровича Горбунова. В период 1963–1968 гг. проходил обучение в Палехском художественном училище имени М. Горького. После завершения учебы трудился в Палехских художественно-производственных мастерских.

Согласно сведениям сайта Виртуального музея лаковой миниатюры, тематика произведений В.З. Алексеева в те годы была связана с фольклором и бытовыми сценками. В 1972 г. Алексеев возвратился в Калининградскую область. В разные годы проживал и трудился в областном центре и в поселке Янтарном. Определенное время состоял в Калининградском отделении Художественного фонда СССР, исполнял заказы от книжных иллюстраций до монументальной живописи, многократно участвовал в региональных выставках. Первый православный образ Алексеев создал в 1972 году по просьбе священника из Псковской области. С того момента мастер непрерывно работал для Церкви. Из-за отсутствия в Калининградской области православных приходов, выполнял заказы для храмов Смоленска и Пскова. В настоящее время сохранились выполненные Алексеевым росписи трапезной части Никольского храма в поселке Николо-Яровня Смоленской области. После легализации православия в Калининграде осуществил несколько работ по заказам местного духовенства. Труды В.З. Алексеева 1990–2000-х годов находятся в четырех церквях Калининградской митрополии: Церковь Казанской иконы Божьей Матери, пос. Янтарный – царские врата и образы местного чина иконостаса; Крестовоздвиженский собор, г. Калининград – алтарная икона «Спас в Силах»;

Троицкая церковь, пос. Взморье – икона «Моление о Чаше» (1993 г.); Храм св. прп. Сергия Радонежского, г. Черняховск – запрестольный Деисис[1].

Для цветового анализа творчества Алексеева были выбраны следующие его работы: «Спас в силах» 1989г; «На Голгофу»; Настенная роспись 1988 г. в Свято-Никольском храме деревни Николо-Яровня Смоленской области.

Символика цвета в иконе так же, как и ее композиция и пластика, отражают Божественную премудрость. У каждого цвета свое место, свое значение. Цвета в иконе никогда не смешивались. Основной цвет в иконе золотой, его мы чаще всего видим на иконе, так как именно он символизирует цвет царствия Божия, Божие присутствие, свет вечности и благодати. Золотом часто покрывают фон иконы, как бы говоря о неземном свете горнего мира.

В работе «Спас в силах», мы как раз видим использование золотого по его классическому для иконописи значению. Он является фоном и очевидно подчёркивает свет божий и его царство. Сам по себе образ Спас в силах, всегда был одним из самых сложных изображений Христа, и самым символичным. Тут важно всё, от красного цвета, который символизирует огонь и славу Христа, вплоть до животных изображённых по углам красного квадрата, которые означают образы евангелистов, взятых из Откровения Иоанна Богослова.

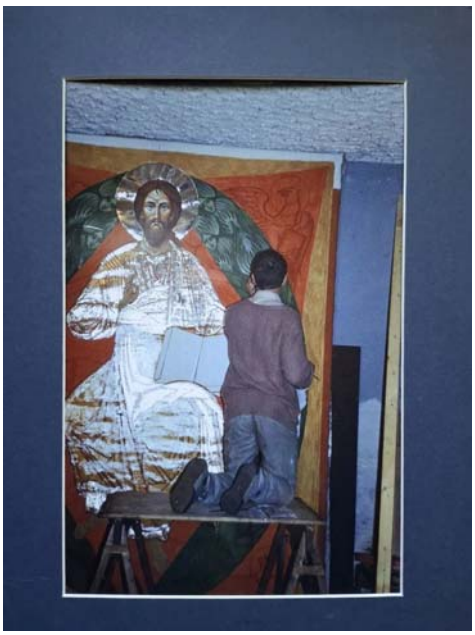
Если мы обратим внимание на тот же золотой цвет в настенной росписи художника, то увидим его в некотором цветовом приближении только на троне, где восседает Понтий Пилат. Как раз из-за своеобразия цвета, который придаёт живописец месту где сидит Понтий Пилат, данное изображение Страстной седьмицы является необычным. В иконописи, мы привыкли, что золотой цвет – это не только цвет царства небесного, но и царствования Христа в целом. А цвет места восседания Пилата в работе В.З. Алексеева не совсем золотой, а больше переходящий в охру, сделанный таковым, чтобы показать тленность земного царствования и вечность царства божьего.

В работе «На Голгофу» Алексеев изображает сюжет «Крестный путь», но с другой перспективы, в отличии от того, как обычно его изображают. Вся картина выполнена в бледно-желтых или охровых тонах. Венец же Христа очень походит по цвету на доспехи служителей власти – солдат, ведут его на гору, а именно, золотой цвет, что в очередной раз показывает нам пример использования символизма и понимания канонов художником [4]. На примерах работ В.З. Алексеева мы видим точное попадание в каноничную цветовую символику, которая является важной не только для православных иконописных канонов, но и для русского изобразительного творчества в целом.

В русском изобразительном творчестве, именно с приходом христианства желтый/золотой стали взаимодействовать с идеей православия – обозначать Царствие небесное в земном доме его Царя – церкви. Желтые свечи, золото алтарей и куполов, окладов икон олицетворяли вход души в дом Божий, дом абсолютного Света, служили символами приобщения к особому Знанию – высшему, духовному. Красный цвет же символизирует воинское начало. Именно он использовался русскими дружинами, как основной в окраске щитов, стягов, парусов на ладьях. Это один из излюбленных цветов русских князей [7].

Анализ цветовой символики в работах Владимира Захаровича Алексеева позволяет утверждать, что его творчество органично вписывается в каноническую традицию православной иконописи. На примере иконы «Спас в силах», работы «На Голгофу» и настенной росписи Свято-Никольского храма было выявлено, что художник осознанно и точно использует символическое значение цвета. Таким образом, в исследовании показано, что В.З. Алексеев, сохраняя индивидуальную манеру письма, остаётся в строгих рамках богословского языка иконописи.

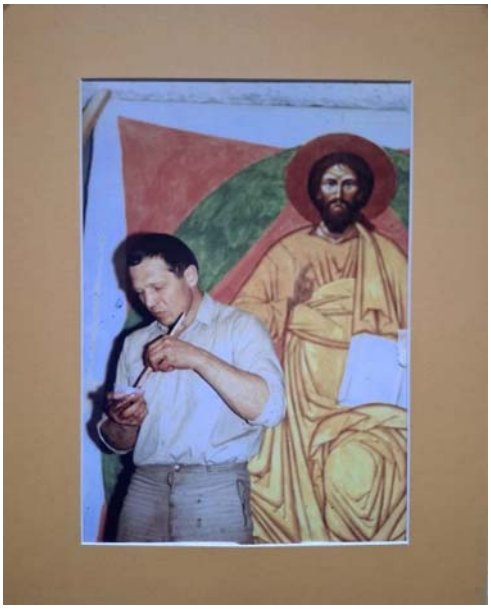
Для того что бы обосновать актуальность изучения конкретного художника для современной православной культуры, в статье показано, что обращение к таким мастерам, как Алексеев, позволяет не только систематизировать приёмы цветовой символики, но и предложить содержательный ориентир для современных иконописных мастерских в условиях возрождения храмов. Исследование таких художников как Алексеев, подтверждает свою значимость для дискуссии о границах творческой свободы в церковном искусстве и вносит вклад в осмысление православного изобразительного творчества как части национальной культурной традиции.

«Спас в силах». 1989 г.

«Взятие Христа под стражу в Гефсиманском саду»

В.З. Алексеев за работой над росписью

«На Голгофу»

Настенная роспись 1988 г. в Свято-Никольском храме деревни Николо-Яровня Смоленской области

1. Аполонская И.В. «Уйти в тишину…» О калининградском художнике В. Алексееве // Балтика. – 2017 – № 3 – С. 144–152.
2. Ильин И.А. Одинокий художник. – Москва: Искусство, 1993. – 348 с.
3. Ильин И.А. Основы христианской культуры. – Москва: Эксмо, 2011. – 701 с. – Текст: электронный. – URL: https://azbyka.ru/osnovy-xristianskoj-kultury
4. Исаева М.В. Символика цвета в иконе // Вопросы культурологии. – 2011. – № 5. – С. 101-104. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=16853013
5. Лосский В.Н. По образу и подобию. – Москва: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1995. – 92 с.
6. Мельник В.И. Православие и культура: святители Филарет Дроздов и Игнатий Брянчанинов о художественной литературе // Филаретовский альманах. – 2009. – № 5. – С. 151-164. – Текст: электронный. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19144134
7. Никольский М.В. Символика цвета в уставной православной иконописи // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 3(49). – С. 190-195. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=19084062
8. Цветаева М.Н. Прот. А.Д. Шмеман: мысли о религии и культуре // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2010. – Т. 11, № 1. – С. 152-158. Текст: электронный. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17673581
9. Apolonskaya I.V. "To Withdraw into Silence…" About the Kaliningrad Artist V. // Baltika. – 2017 - No. 3 – pp. 144–152. 399 Alexeyev Vladimir Zakharovich // Ilyin, I.A. The Lonely Artist / I.A. Ilyin. – Moscow: Iskusstvo, 19 I.A. Foundations of Christian Culture. – Moscow: Eksmo, 2011. – 701 p. – URL: https://azbyka.ru/osnovy-xristianskoj-kultury
10. Isaeva M.V. Symbolism of Color in the Icon // Issues of Cultural Studies. – 2011. – No. 5. – pp. 101-104. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=16853013
11. Lossky V.N. In the Image and Likeness. – Moscow: Publishing House of the St. Vladimir Brotherhood, 1995. – 92 p.

12. Melnik V.I. Orthodoxy and Culture: Hierarchs Philaret Drozdov and Ignatius Bryanchaninov on Fiction // Philaretovsky Almanac. – 2009. – No. 5. – pp. 151-164. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19144134
13. Nikolsky, M.V. Symbolism of Color in Canonical Orthodox Icon Painting // Socio-Economic Phenomena and Processes. – 2013. – No. 3(49). – pp. 190-195. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=19084062
14. Tsvetaeva, M.N. Archpriest A. Schmemann: Thoughts on Religion and Culture // Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. – 2010. – Vol. 11, No. 1. – pp. 152-158.. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17673581

Сведения об авторах
Е.А. Кривец, аспирант, ФГБОУ ВО Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия
Н.А. Коноплева, доктор культурологии, профессор, профессор каф. ДЗТ, ФГБОУ ВО Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 7.038.1(510)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ В ИСКУССТВЕ КИТАЙСКОГО ПЛАКАТА КАК АНАЛИТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ли Дунюй, аспирант

Высшая школа архитектуры и градостроительства ТОГУ
Хабаровск, Россия

Аннотация. *Статья посвящена исследованию художественного образа в искусстве китайского плаката как самостоятельной аналитической категории визуальных исследований. На материале социального и коммерческого плаката Китая XX–XXI веков рассматриваются структурные, семантические и культурно-символические составляющие художественного образа. Анализируются методологические подходы к изучению визуального образа в контексте синтеза традиций европейского искусствоведения и китайской эстетической мысли. Автор предлагает модель многоуровневого анализа художественного образа, учитывающую специфику китайского визуального языка, иконографические коды и идеоформные функции плакатного искусства. Результаты исследования вносят вклад в развитие методологии визуальных исследований в области неевропейских художественных традиций.*

Ключевые слова: *художественный образ, китайский плакат, визуальные исследования, иконография, семиотика, пропаганда, эстетика, визуальный язык.*

ARTISTIC IMAGE IN CHINESE POSTER ART AS AN ANALYTICAL CATEGORY OF VISUAL RESEARCH

Abstract. *This article examines the artistic image in Chinese poster art as an independent analytical category of visual research. Using materials from Chinese social and commercial posters of the 20th and 21st centuries, the article examines the structural, semantic, and cultural-symbolic components of the artistic image. Methodological approaches to the study of the visual image are analyzed within the context of a synthesis of European art criticism traditions and Chinese aesthetic thought. The author proposes a model for multi-level analysis of the artistic image, taking into account the specifics of Chinese visual language, iconographic codes, and the ideoform functions of poster art. The results of this study contribute to the development of visual research methodology in the field of non-European artistic traditions.*

Keywords: *artistic image, Chinese poster, visual research, iconography, semiotics, propaganda, aesthetics, visual language*

Введение. Плакатное искусство Китая представляет собой один из аналитически ёмких объектов визуальных исследований XX–XXI веков. Сформировавшись на пересечении модернистских влияний Западной Европы, советской пропагандистской традиции и традиционной китайской изобразительной культуры, китайский плакат сформировал уникальную систему художественных образов, не подразумевающую однозначной интерпретации в рамках одной теоретической парадигмы [1]. Это обстоятельство позволяет исследовать художественный образ китайского плаката как объект, обладающий большим ресурсом для выбора аналитиче-

ских инструментов, определяемых взаимодействием культур, идеологических стратегий и визуальных традиций. В современном искусствознании категория «художественный образ» нередко воспринимается как базовая единица художественного текста, не требующая специального теоретического обоснования. Между тем применительно к невропейским визуальным традициям эта категория обнаруживает свою методологическую недостаточность: понятийный аппарат, разработанный в рамках европейской эстетики, не всегда удобен для осознания особенностей формобразования в китайском искусстве [2].

Целью данного исследования является анализ художественного образа в искусстве китайского плаката как аналитической категории, требующей теоретического обоснования, структурного описания и методологической рефлексии.

Актуальность темы определяется усиливающимся интересом мирового научного сообщества к визуальным традициям Востока в контексте преобразования гуманитарного знания. Кроме того, китайский плакат насчитывает более ста лет истории и множество произведений, систематическое изучение которых не завершено, а понимание специфики художественного образа в китайском плакате необходимо для изучения актуальных китайских медиа и визуальной коммуникации [3].

В европейской философии искусства понятие образа соотносится с платоновской концепцией мимесиса и аристотелевской теории подражания. В рамках немецкой классической эстетики образ трактуется как чувственно воплощённая идея (форма, в которой абстрактное содержание обретает конкретность и доступность восприятию) [4]. В российском искусствоведении советского периода художественный образ был осознавался на основании тезиса о диалектическом единстве общего и единичного, типического и индивидуального, рационального и эмоционального [5]. Этот подход содержал продуктивное зерно: он указывал на двойственную природу образа: одновременно конкретно-чувственного и обобщающего.

В рамках семиотики и структурализма художественный образ был переосмыслен как знак особого рода, в котором означающее и означаемое связаны не произвольно, а мотивированно, посредством иконического подобия или символической конвенции [6]. Р. Барт в своих работах о фотографии и рекламном изображении указывал, что визуальный образ функционирует на нескольких уровнях одновременно: денотативном (буквальное изображение), коннотативном (культурные ассоциации) и мифологическом (идеологическое послание) [7]. Такая модель оказалась эффективной для анализа плакатного искусства, как жанра, в котором смысловое содержание образа выражено с максимальной интенсивностью.

Основная часть. Китайская традиция осмысления визуального образа отличается от западной. Ключевым понятием здесь является «сян» (象), как образ-символ, занимающий в китайской мысли особое место, восходящее к «Книге перемен» (И Цзин). Сян полагается не только изображением предмета, она представляет динамическую модель, фиксирующую процесс трансформации, движение энергии ци [8]. В контексте изобразительного искусства это означает, что китайский художественный образ обладает процессуальным характером и указывает на скрытые в реальности силы и закономерности.

Интересно ключевое понятие «и» (意), понимаемое как смысл-намерение, которое художник реализует в произведении, обеспечивая зрителю возможно «прочесть» то, что скрыто за границами предложенного изображения. Понятие «и-цзин» (意境), буквально «смысловое пространство» или «атмосфера смысла», описывает особое качество художественного образа, при котором изображённое указывает на не-изображённое, а видимое — на невидимое [9]. Такая концепция повлияла на китайский плакат: даже в максимально ангажированных произведениях художники стремятся к созданию образов, обладающих «и-цзин» (суггестивной глубиной), выходящей за пределы прямого послания.

В данном исследовании рассматривается синтетическое определение художественного образа в китайском плакате, как визуально организованная смысловая структура, работающая на уровнях иконического изображения, культурного символа и послания, обладая при этом эстетическим измерением, которое не сводится ни к одному из этих уровней в отдельности [10]. Такое определение позволяет удерживать в поле анализа как западные семиотические инструменты, так и специфику китайской визуальной традиции.

Истоки китайского плаката восходят к традиционным новогодним картинкам «няньхуа» и коммерческой рекламной графике шанхайских торговых домов конца XIX века. Так называемые «лунпяо» («календари-плакаты») сочетали элементы китайской живописи, западной академической техники и рекламного дизайна, создавая принципиально новый визуальный язык

[11]. Художественный образ этого периода отличается гибридностью: традиционные китайские женские типажи изображались с использованием западных техник светотени и перспективы, что создавало особый эффект и представляло зрителям узнаваемо китайское содержание в непривычно «реалистической, европейской» форме.

В период Китайской Республики плакатное искусство испытало влияние советской конструктивистской традиции [12], и художественный образ этого периода отличался символической нагруженностью. Ключевой особенностью художественного образа плаката до 1976 года была его принципиальная монументальность. Фигуры изображались снизу вверх, в позах, выражающих уверенность и целеустремлённость; цветовая гамма определялась контрастом насыщенного красного и золотого; пространство вызывало ощущение открытости и движения вперёд [14]. При этом образ не предлагался как психологически индивидуализированный, поскольку зритель видел перед собой не личность, а носителя коллективного идеала, актуального в определенном историческом периоде.

После 1976 года плакаты стали ориентироваться на социальную рекламу и коммерцию, это обновило визуальный язык практики [15]. Современный китайский плакат демонстрирует высокую степень эклектизма: традиционные китайские мотивы соседствуют в нём с глобальными дизайнерскими трендами, а политические послания облекаются в формы, апеллирующие к эстетике потребительской культуры. Рассматривая уровни анализа художественного образа в искусстве китайского плаката, необходимо представить их последовательно, как: иконографический, семантический, риторический и эстетический.

Иконографический уровень анализа предполагает описание и классификацию изобразительных мотивов. Китайский плакат располагает богатым иконографическим репертуаром, включающим как универсальные образы (герой, враг, коллектив, вождь), так и специфически китайские символы [16]. Таковыми являются: дракон как символ нации и ильного государства; феникс как символ возрождения и женского начала; сосна, бамбук и слива («три друга зимы») как символы благородства; пионы как символ процветания; Великая стена как образ исторической непрерывности.

На семантическом уровне художественный образ китайского плаката анализируется как система значений, организованная по принципу многослойности:

- буквальное содержание и смысл изображений;
- культурные, исторические и идеологические ассоциации, которые определенный образ вызывает у зрителя;
- символические конструкции, определяемые архетипами, восходящими к коллективной памяти т т.д. [18].

На риторическом уровне художественный образ китайского плаката можно рассматривать как систему стратегий убеждения, т.к. его целью является формировании определённых установок у человека и побуждение к действию. Риторика китайского плаката основана приемами укрупнения (изображение героя крупным планом, снизу вверх); контраста; повторения (серийность образов, создающая эффект массовости) [20].

Эстетический уровень формирования художественного образа, выявляемый анализом произведения, можно представлять его формой, которая обладает выразительностью. Этот уровень требует выхода за пределы семиотических и риторических схем и обращения к категориям эстетического опыта. Применительно к китайскому плакату важным становится понятие «и-цзин», т.к. произведения, обладающие этим качеством, воспринимаются как шедевры вне зависимости от содержания [21].

Особого внимания заслуживает способы «цитирования» в китайском плакате. Плакатный образ нередко формируется как визуальная цитата из классической живописи, народного искусства или революционной иконографии. Этот прием определяет эффект «двойного видения»: зритель воспринимает образ одновременно в его непосредственном значении и в свете традиции, к которой он апеллирует [19].

Одной из важных методологических проблем при изучении китайского плаката является проблема культурного перевода, поскольку не все западные аналитические инструменты при работе с материалом, сформированным в принципиально иной культурной традиции, адеватны. Продуктивным мыслится путь диалога, основанного на использовании западных аналитических инструментов (семиотика, иконология, риторический анализ) в сочетании со знанием китайской эстетической традиции и культурного контекста.

Также, важна проблема рецепции, поскольку художественный образ существует не только в произведении, но и в акте восприятия. Плакат, созданный для китайского зрителя, воспитанного в определённой культурной и идеологической традиции, воспринимается иначе, чем тот же плакат, рассматриваемый иностранным исследователем или современным молодым китайцем, выросшим в эпоху глобализации [24]. Аналитическая категория художественного образа должна включать в себя это рецептивное измерение, и быть открытой к интерпретациям, не углубляясь в релятивизм.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать ряд выводов:

- художественный образ в искусстве китайского плаката является сложной многоуровневой структурой, состоящей из иконографического, семантического, риторического и эстетического уровней;
- анализ образа требует синтетического методологического подхода, сочетающего инструменты западной семиотики и иконологии с понятийным аппаратом китайской эстетической мысли.

Китайский плакат прошёл исторический путь от гибридных коммерческих изображений рубежа XIX–XX веков через монументальную иконографию пропаганды к современным формам визуальной коммуникации. На каждом этапе этого пути художественный образ выполнял специфические функции и обладал особой структурой, определяющей необходимость исторического подхода к его изучению.

Разработка художественного образа китайского плаката как аналитической категории вносит вклад в задачу создания методологии визуальных исследований, соответствующей культурному разнообразию мирового искусства. Эта задача приобретает особую актуальность в условиях глобализации визуальной культуры и нарастающего влияния китайских визуальных практик на мировую художественную среду. Понимание того, как устроен художественный образ в китайском плакате, каковы его структурные механизмы, символические коды и риторические стратегии, необходимо для осмысления современной китайской визуальной коммуникации в её культурно-исторической глубине.

Перспективы дальнейших исследований связаны с несколькими направлениями: сравнительным анализом художественного образа в китайском и советском плакате; изучением трансформации образной системы в эпоху цифровизации; рецептивными исследованиями, фиксирующими различия в восприятии плакатного образа разными аудиториями. Каждое из этих направлений способно обогатить и уточнить предложенную аналитическую модель.

1. Poplin, J. (2024). Chinese Visual Culture: Interpretations of Chinese Art and Design; Visual Metaphors that Shape Social, Political and Historical Narratives. In: Memes, Myth and Meaning in 21st Century Chinese Visual Culture. Contemporary East Asian Visual Cultures, Societies and Politics. Palgrave Macmillan, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-99-2181-2_2.

2. Croizier R. Art and Revolution in Modern China: The Lingnan (Cantonese) School of Painting, 1906–1951. – Berkeley: University of California Press, 1988. – 312 p.

3. War and Popular Culture: Resistance in Modern China, 1937–1945. Berkeley: University of California Press, 1996. – p. 540-552.

4. Гегель Г. В. Ф. Лекции по эстетике: в 2 т. – Санкт-Петербург: Наука, 1999. Т. 1. – 621 с.

5. Каган М. С. Морфология искусства. – Ленинград: Искусство, 1972. – 440 с.

6. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. – Таллин: Ээсти Раамат, 1973. – 135 с.

7. Барт Р. Мифологии / пер. с фр. С. Зенкина. – Москва: Академический проект, 2010. – 351 с.

8. Завадская Е. В. Эстетические проблемы живописи старого Китая. – Москва: Искусство, 1975. – 439 с.

9. Виноградова Н. А. Китайская пейзажная живопись. – Москва: Изобразит. искусство, 1972. – 160 с.

10. Evans, Harriet (Editor); Donald, Stephanie (Editor). / Picturing Power in The People's Republic of China: Posters of The Cultural Revolution. 1st ed. Lanham MD USA : Rowman & Littlefield Publishers, 1999. – 170 p.

11. Laing E. J. Selling Happiness: Calendar Posters and Visual Culture in Early Twentieth-Century Shanghai. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2004. – 305 p.

12. Пострелова Т. А. Академия живописи в Китае в X–XIII вв. – Москва: Наука, 1976. – 240 с.

13. Landsberger S. R. Chinese Propaganda Posters: From Revolution to Modernization. Amsterdam: Pepin Press, 1995. – 240 p.

14. Galikowski M. Art and Politics in China, 1949–1984. – Hong Kong: Chinese University Press, 1998. – 341 p.
15. Всеволодский-Гернгросс В. Н. Теория советского театра. – Ленинград: Искусство, 1933. – 180 с.
16. Eberhard W. A Dictionary of Chinese Symbols: Hidden Symbols in Chinese Life and Thought. – London: Routledge, 1986. – 332 p.
17. Welch P. B. Chinese Art: A Guide to Motifs and Visual Imagery. – North Clarendon: Tuttle Publishing, 2008. – 288 p.
18. Юнг К. Г. Архетип и символ / пер. с нем. В. Зеленского. – Москва: Ренессанс, 1991. – 304 с.
19. Пан Яо. Визуальная риторика китайского революционного плаката // Художественная культура. – 2021. – № 2. – С. 118–139.
20. Andrews J. F. Painters and Politics in the People's Republic of China, 1949–1979. – Berkeley: University of California Press, 1994. – 568 p.
21. Лисевич И. С. Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков. – Москва: Наука, 1979. – 268 с.
22. Mitchell W. J. T. Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation. – Chicago: University of Chicago Press, 1994. – 445 p.
23. Chiu M., Genocchio B. (eds.) Contemporary Art in Asia: A Critical Reader. – Cambridge: MIT Press, 2011. – 504 p.
24. Mirzoeff N. An Introduction to Visual Culture. – London: Routledge, 1999. – 273 p.

Сведения об авторе
Ли Дунюй, аспирант, Высшая школа архитектуры и градостроительства ФГБОУ ВО ТОГУ, г. Хабаровск, Россия

УДК 008:316.7 + 378:73/76 (510)

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ВЫСТАВКИ-КОНКУРСЫ СОВРЕМЕННОЙ СКУЛЬПТУРЫ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КИТАЕ

Лин Тун, аспирант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Проанализирован механизм формирования культурной идентичности в Китае на примере двух ключевых событий - университетских выставок-конкурсов современной скульптуры («Национальная выставка выдающихся скульптурных работ выпускников вузов» и конкурс на «Стипендию имени Цзэн Чжушао»), где выявлены три аналитических измерения: классификация традиционных образов, локальность в глобальном контексте и оценочный дискурс. Показан переход от индивидуального творчества к коллективной идентичности.*

Ключевые слова: *Ключевые слова: университетские выставки-конкурсы скульптуры; культурная идентичность; институциональный механизм; культурные коды; оценочный дискурс; классификация традиционных образов; локальность в глобальном контексте; скульптурное образование в Китае.*

UNIVERSITY EXHIBITIONS AND COMPETITIONS OF MODERN SCULPTURE AS AN INSTITUTIONAL MECHANISM FOR THE FORMATION OF CULTURAL IDENTITY IN CHINA

The article analyzes the mechanism of cultural identity formation in China using the example of two key events – university exhibitions and competitions of contemporary sculpture (the National Exhibition of Outstanding Sculptural Works by University Graduates and the competition for the Zeng Zhushao Scholarship), which revealed three analytical dimensions: classification of traditional images, locality in a global context, and evaluative discourse. The transition from individual creativity to collective identity is shown.

Keywords*: university sculpture exhibitions and competitions; cultural identity; institutional mechanism; cultural codes; evaluative discourse; classification of traditional images; locality in a global context; sculpture education in China.*

Введение

В условиях глобализации и усиления межкультурной коммуникации проблема конструирования культурной идентификации становится одной из центральных в культурологии. Художественное образование выступает действенным инструментом трансляции культурных кодов и формирования чувства принадлежности к национальной традиции. В современном Китае скульптурные выставки-конкурсы, организуемые высшими учебными заведениями, приобрели институционально оформленный характер и играют заметную роль в производстве идентификационных смыслов. Однако в российской академической среде, как и в китайской, отсутствуют систематические исследования, посвящённые микроинституциональным механизмам этих событий.

Актуальность данного исследования обусловлена существующим академическим дефицитом. Имеющиеся работы анализируют либо общие принципы художественного образования, либо макроуровневые процессы публичного искусства, оставляя в стороне конкретные процедуры отбора, семиотические стратегии и оценочные дискурсы, посредством которых университетские выставки-конкурсы скульптуры влияют на культурную идентичность. Данное исследование призвано восполнить этот пробел.

Степень разработанности темы. Исследование университетских выставок-конкурсов скульптуры в Китае как институционального механизма конструирования культурной идентичности находится на пересечении нескольких научных дискурсов: культурологии, искусствоведения, социологии искусства и институциональной теории. В зарубежной (прежде всего китайской) и западной академической традиции сложились предпосылки для анализа данного феномена, однако комплексных работ, посвящённых именно микроинституциональным механизмам выставочно-конкурсных практик, до сих пор недостаточно.

Китайские исследователи заложили теоретический фундамент для понимания связи художественного образования и идентичности. Фэй Сяотун (Fei Xiaotong) в своей концепции «единства во множественности» описал диалектику сохранения культурного разнообразия при формировании общенациональной идентичности, что является базовым принципом для анализа того, как региональные стили скульптуры интегрируются в общекитайский нарратив [1]. Ван Ичуань (Wang Yichuan), развивая понятие «публичного эстетического восприятия», подчеркнул, что современное художественное образование не ограничивается технической подготовкой, но выступает инструментом переформатирования национальной эстетической психологии и укрепления чувства укоренённости в родной культуре [3].

Существенный вклад в институциональное измерение внёс Ван Чжун (Wang Zhong), который в 2000 г. создал первую в Китае бакалаврскую программу по публичному искусству на скульптурном факультете Центральной академии изящных искусств; его инициатива заложила институциональную основу для последующего развития университетских выставок-конкурсов [4]. Ху Шецян (Hu Sheqiang) на примере конкретных выставочных требований (5-я Китайская выставка скульптуры «Китайская поза») продемонстрировал, как формальные критерии отбора (срок создания, отсутствие предыдущих экспозиций) влияют на формирование идентичности [5]. Однако работы этих авторов носят либо общетеоретический, либо описательно-эмпирический характер и не предлагают системного анализа именно конкурсных механизмов как особого института производства идентичности.

Западная культурология предоставляет концептуальный язык для описания динамического характера идентичности. Стюарт Холл (Stuart Hall) трактует культурную идентичность не как фиксированную сущность, а как непрерывный процесс производства и воспроизводства через символические практики, ритуалы и медиа [2]. Этот подход позволяет рассматривать выставки-конкурсы как ритуализированные практики, в которых смыслы циркулируют и трансформируются. Тем не менее исследования Холла и его последователей ориентированы преимущественно на массмедиа и повседневность, а не на институционализированное художественное образование. Российская наука демонстрирует заметный дефицит работ по данной теме. Отдельные исследования посвящены общим вопросам культурной политики Китая, современному китайскому искусству или художественному образованию (например, работы Е.В. Завадской, О.Н. Глухаревой, Н.А. Самойлова), однако специального анализа университетских скульптурных конкурсов как механизма формирования идентичности не проводилось. В российской культурологии практически отсутствует обращение к микроинституциональным процедурам отбора, экспонирования и оценки в контексте китайской высшей школы.

Таким образом, при наличии теоретических предпосылок (Фэй Сяотун, Холл) и отдельных эмпирических наблюдений (Ван Ичуань, Ван Чжун, Ху Шецян) целостное исследование университетских выставок-конкурсов скульптуры в Китае как институционального механизма конструирования культурной идентичности остаётся научной лакуной. Настоящая работа призвана восполнить этот пробел, предлагая трёхмерную аналитическую модель («классификация традиционных образов», «локальность в глобальном контексте», «оценочный дискурс и конструирование идентичности») и вводя в оборот эмпирический материал, ранее не становившийся предметом систематического изучения в российской и западной науке.

Объект — университетские выставки и конкурсы современной скульптуры в Китае (на примере «Национальной выставки выдающихся скульптурных работ выпускников вузов» и конкурса на «Стипендию имени Цзэн Чжушао») как институционализированные культурные практики.

Предмет — институциональный механизм конструирования культурной идентичности, реализуемый через отбор, экспонирование, оценку и трансляцию культурных кодов (включая классификацию традиционных образов, технологическую идеологизацию, стандартизацию региональных стилей и оценочный дискурс).

Цель — выявить, описать и концептуализировать феномен университетских выставок-конкурсов скульптуры в Китае как институционального механизма формирования культурной идентичности.

Задачи:

1) проанализировать институциональную архитектуру ключевых выставочно-конкурсных событий;

2) выделить и обосновать три аналитических измерения: классификацию традиционных образов, локальность в глобальном контексте, оценочный дискурс;

3) раскрыть механизмы трансляции культурных кодов и производства идентификационных смыслов в процедурах отбора и экспертизы;

4) оценить роль выставочно-конкурсных практик в межпоколенческой передаче культурного опыта.

Для решения поставленных задач в работе применяется комплекс культурологических методов, ориентированных на анализ институциональных, семиотических и дискурсивных аспектов выставочно-конкурсных практик:

Структурно-семиотический метод позволяет выявить культурные коды, опосредующие трансляцию традиционных символов в современных скульптурных формах. Через анализ оппозиций «традиция – новация», «локальное – глобальное», «индивидуальное – коллективное» декодируются смыслы, заложенные в конкурсных работах и в критериях их оценки. Метод применяется для изучения того, как абстрактные категории (память, принадлежность, идентичность) материализуются в визуально-пластическом языке.

Институциональный анализ направлен на изучение формальных и неформальных правил, процедур и организационных структур, которые определяют функционирование выставок-конкурсов. Анализируются: уставные документы, положения об отборе, состав жюри, этапы рецензирования, система наград. Это позволяет описать «культурную формализацию» – процесс превращения художественного творчества в управляемый механизм производства идентичности.

Дискурс-анализ применяется для исследования оценочного дискурса – текстов экспертных заключений, кураторских заявлений, критериев жюри, интервью с организаторами и художниками. Выявляются устойчивые риторические стратегии (апелляция к «духовности», «национальным корням», «инновационности»), посредством которых легитимируются те или иные произведения и конструируется образ «желаемой» идентичности.

Метод кейс-стади позволяет провести углублённое изучение конкретных выставочно-конкурсных событий: «Национальная выставка выдающихся скульптурных работ выпускников вузов» и «Стипендия имени Цзэн Чжушао по скульптурному искусству». Кейс-стади обеспечивает целостность анализа, сочетая изучение документальных источников, визуального материала и контекстуальной информации.

Иконологический метод (в интерпретации Э. Панофского) используется для анализа произведений-репрезентантов (например, «City Traveler» Чэнь Сичжао, «The Apparatus of Drips» Ние Шичана). Позволяет перейти от первичного натурального описания (предметный уро-

вень) к вторичному конвенциональному значению (аллегории, символы) и далее к глубинному синтезу, раскрывающему культурные мировоззренческие установки.

Сравнительно-культурологический метод применяется для сопоставления: а) разных конкурсных платформ (общекитайская и специализированная премия); б) региональных стилей в рамках одного конкурса; в) китайских практик с потенциальными западными аналогами (для выделения специфики). Позволяет выявить общие закономерности и уникальные черты механизма формирования идентичности.

Методом анализа документов изучаются официальные положения конкурсов, каталоги выставок, протоколы жюри, новостные репортажи, интервью, опубликованные в специализированных изданиях (журнал «Sculpture» и др.). Документальный анализ обеспечивает эмпирическую обоснованность выводов об институциональной логике. Выбор данной методологической комбинации обусловлен междисциплинарным характером объекта и предмета исследования. Семиотический и иконологический методы отвечают за интерпретацию культурных смыслов, институциональный анализ – за описание правил и структур, дискурс-анализ – за изучение властно-оценочных аспектов, а кейс-стади обеспечивает конкретно-историческую достоверность.

Научная новизна. Впервые в предложена и апробирована трёхмерная аналитическая модель для описания микроинституциональных механизмов китайских университетских скульптурных конкурсов; выявлена их роль как инструментов «культурной формализации» и межпоколенческой передачи идентичности; введён в научный оборот корпус эмпирических данных (конкурсные работы, экспертные интервью, критерии отбора).

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке и апробации трёхмерной аналитической модели («классификация традиционных образов», «локальность в глобальном контексте», «оценочный дискурс и конструирование идентичности»), позволяющей описать специфику институционализированных выставочно-конкурсных практик как механизмов производства культурной идентичности. Введённое в научный оборот понятие «культурной формализации» применительно к скульптурным конкурсам расширяет теоретический аппарат культурологии искусства и институциональной культурологии. Кроме того, работа вносит вклад в сравнительные исследования культурной политики Китая и механизмов трансляции традиционного наследия в условиях глобализации.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов при разработке образовательных программ по культурологии, искусствоведения и музейного менеджмента. Выводы и предложенная аналитическая рамка могут быть применены в практике организации выставок-конкурсов в высших учебных заведениях для целенаправленного конструирования культурной идентичности студентов. Материалы исследования представляют интерес для кураторов выставочных проектов, а также для специалистов, занимающихся вопросами сохранения и актуализации культурного наследия средствами современного искусства.

Основная часть

Проведем анализ институциональных механизмов и культурных кодов на примере двух престижных проектов: «Национальная выставка выдающихся скульптурных работ выпускников вузов» (рис. 1) и конкурс на «Стипендию имени Цзэн Чжушао» (рис. 2) представляют собой многоуровневые системы отбора.

Первый этап — университетский, на котором работы оцениваются по критериям оригинальности, художественной выразительности, следования культурным ценностям и инновационности. Затем работы проходят национальный отбор. Такая процедура обеспечивает высокий профессионализм и репрезентативность, а также играет направляющую роль в производстве культурных смыслов, обеспечивая переход от индивидуального творчества к коллективной идентичности.

Конкурс на «Стипендию имени Цзэн Чжушао» отличается высоким культурным уровнем представленных работ, что усиливает престиж награды как института конструирования идентичности. Ключевая особенность — междисциплинарный состав профессионального жюри (скульпторы, искусствоведы, кураторы). Практики анализируют техническое мастерство, теоретики раскрывают культурные коннотации, кураторы обеспечивают широкую перспективу смыслообразования [4]. Многоуровневая система награждения стимулирует молодых художников к балансу между технологическими новациями и культурным наследием, укрепляя процессы культурной идентификации.

Рис. 1. Афиша национальной выставки выдающихся скульптурных работ выпускников высших учебных заведений

Источник изображения: https://mp.weixin.qq.com/s/kp9Q9k3I8N_QAnkktWxCOg

Рис. 2. Афиша выставки-конкурса на стипендии по скульптурному искусству имени Цзэн Чжу-шао (National Exhibition of Outstanding Sculpture Works by College Graduates, Zeng Zhushao Sculpture Art Scholarship Exhibition)

Источник изображения: https://mp.weixin.qq.com/s/9CwJmsYwpn14ZsrBzO-F9A

В вузовских конкурсах-выставках современной скульптуры прямое цитирование традиционных символов выступает значимой стратегией культурной репрезентации – семиотически насыщенные носители исторической памяти [1]. Придавая абстрактным категориям традиционной культуры осязаемую форму (имитация древних бронзовых сосудов, нефритовых артефактов и т.п.), эти символы обеспечивают переживание исторической преемственности и становятся эффективными культурными кодами (рис. 3).

Особое место занимают элементы нематериального культурного наследия (техники вырезания из бумаги, вышивки). В современных скульптурных практиках они проходят модернизацию: формальный язык традиционных ремёсел реконтекстуализируется, сохраняя культурное ядро и обретая новую актуальность в глобальном контексте. Эта трансформация не только обеспечивает преемственность наследия, но и сама становится процессом конструирования идентичности (рис. 4).

На выставках многие произведения демонстрируют ярко выраженные региональные черты через художественное воплощение местного фольклора, природных ландшафтов и традиционной архитектуры. Эти работы обладают визуальной самобытностью и одновременно передают признание культурного многообразия Китая. Синтез технологий и искусства (компьютерное моделирование, футуристические формы) порождает диалог традиции и современности, в результате чего культурная идентичность обретает многомерность (рис. 5).

Рис. 3. Современная скульптура, основанная на прямом цитировании традиционных символов культуры (имитация древних бронзовых сосудов, нефритовых артефактов и т.п.) Ван Цзяньцюаня (Wang Quanjian) «Роль»: экспонируется на Национальной выставке выдающихся скульптурных работ выпускников вузов (2024)

Источник изображения: https://mp.weixin.qq.com/s/-QBVLSW-SlCXvRHjLvWatA

Рис. 4. Современная скульптура, включающая элементы нематериального культурного наследия (техники вырезания из бумаги, вышивки, традиционной китайской живописи). Чай Синьмэн（Chai Xinmeng） «Новые Тысячи ли рек и гор»: номинация на премию имени Цзэн Чжушао в области скульптуры

Источник изображения: https://mp.weixin.qq.com/s/2qx6oCyb47hh9KwvI3T7mQ

Показательной практикой в рамках конкурса «Стипендии имени Цзэн Чжушао» выступает кинетическая инсталляция Ние Шичана «The Apparatus of Drips» («Устройство капель») (рис.6). Произведение интегрирует традиционные китайские философские концепции с языком современной механики, объединяя компас (символ познания космического порядка) и концентрические волны (метафора принципа «циклического возвращения») [6]. Инсталляция преодолевает статичную материальность традиционной пластики, представляя собой непрерывный процесс, управляемый прецизионной механикой. Как отметил художник в интервью:

«Путь искусства – это марафон, в котором время становится твоим другом» [6]. Конечная цель таких произведений – актуализировать традиционное наследие в повседневности и внести вклад в формирование культурной идентичности.

Рис. 5. Скульптуры молодых художников с ярко выраженным региональным характером, несущем черты местного фольклора, природных ландшафтов и традиционной архитектуры

Источник изображения: https://mp.weixin.qq.com/s/2QQ-bututKqUyEBTKEcSzw

Произведение Чэнь Сичжао «City Traveler» («Городской путешественник») (рис.7), отмеченное на Национальной выставке 2025 года, репрезентирует рефлексию молодых художников над проблемой индивидуальной идентичности в условиях урбанизации. Инсталляция из семи чемоданов из нержавеющей стали интегрирует ИИ-сгенерированные модели «дома» и видеоинтервью, создавая многомерное нарративное поле, затрагивающее темы миграции, принадлежности и памяти. На уровне культурных кодов образ чемодана превращается в символ странствия и пересборки идентичности. Как подчеркнул автор: «"City Traveler" выходит за пределы физической формы, превращаясь в монумент, отлитый из бесчисленных личных воспоминаний» [9]. Эта позиция отражает глобальный тренд обращения к локальным культурным ресурсам.

Ключевые оценки ведущих китайских специалистов задают вектор развития профильного образования. Фан Хаймин и Чжу Шанси (главный редактор журнала Sculpture) (рис. 8), анализируя студенческую выставку, отметил, что молодое поколение является «будущим и надеждой» скульптурного мира, а их работы синхронизированы с курсом национального развития [8]. Инь Дайбо (декан скульптурного факультета Сычуаньского института изящных искусств) акцентирует технологический прорыв: от 3D-печати до кинетических инсталляций, что привело к институциональной реформе учебных планов [7]. Хун Тао (декан Школы скульптуры Академии изящных искусств им.Лу Синя) поднимает проблемный аспект: в реалистической скульптуре опора исключительно на ИИ без классической подготовки порождает «пустые оболочки», лишённые содержания [9].

Эта дилемма сформировала педагогическую философию «взаимодополняемости новых технологий и старых традиций». В профессиональном дискурсе о синтезе художественной традиции и новейших технологий консенсус экспертов сводится к тому, что техническое превосходство не равно художественной ценности. Технология — инструмент, а не создатель; ИИ оперирует усреднёнными вкусами, что порождает произведения-симулякры, лишённые уникального культурного кода. Так, профессор Нгуен Суан Тьен предупреждает: главная задача художника — «не потерять себя и свою национальную идентичность» при работе с ИИ. Эта логика привела к выстраиванию гибридной системы образования, основанной на принципе взаимодополняемости новаций и традиций.

Рис. 6. Не Шичан (Nie shichang) «Аппарат капель» – Выставка скульптурного искусства стипендии Цзэн Чжушао (2025)

Источник изображения: https://mp.weixin.qq.com/s/cd_6zIQYbHddbu6m690SFA

Рис. 7. Чэнь Сичжао (Chen xizhao) «Городской путешественник»: экспонируется на Национальной выставке выдающихся скульптурных работ выпускников вузов (2025).

Источник изображения: https://mp.weixin.qq.com/s/c8CAdDUF4ZjQSEyf2pCJHQ

Рис. 8. Фан Хаймин（Fan Haiming）главный редактор журнала «Скульптура» и Чжу Шанси（Zhu shangxi）исполнительный редактор журнала «Скульптура».

Источник изображения: //mp.weixin.qq.com/s/ShZo-g5RFtEhbh0epHcGfA

Особый интерес для нашего исследования представляет потенциал российских университетских выставок-конкурсов современной скульптуры как институционального механизма

формирования культурной идентичности. В том числе следует более глубоко изучить философскую традицию всеединства Владимира Соловьева, которая, как отмечают многие российские исследователи, служит концептуальным основанием для педагогики изобразительного искусства в России. Эта традиция утверждает особое значение отечественного изобразительного искусства — в том числе скульптуры — для формирования общероссийской культурной идентичности.

Для старта в исследовании нами рассмотрены такие ключевые события: ежегодная выставка дипломных работ выпускников Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина, межвузовского фестиваля «ВЫПУСК» в парке «Зарядье» и отчетные экспозиции Творческих мастерских Российской академии художеств в Красноярске. Нами выявлены три аналитических измерения: академическая преемственность, региональная специфика и профессиональная интеграция. В отличие от жестко централизованной китайской модели, российская система функционирует как полицентричный механизм, где идентичность формируется через диалог академической традиции, локальной самобытности и рыночных институтов. Это обусловлено как историческими традициями (академическая школа всегда была более автономна от государства, чем в Китае), так и современными экономическими реалиями (недостаточность государственного финансирования, необходимость поиска частных партнеров).

Изучив источники на сайтах и СМИ в Интернэт, можно выделить три типа институциональных практик, каждый из которых по-своему участвует в формировании культурной идентичности.

Первый тип – академические выставки как хранители традиции и наиболее ярким примером является ежегодная выставка дипломных работ выпускников Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина. Традиционно проходящая в парадных залах Музея Академии художеств, эта экспозиция представляет собой квинтэссенцию российской академической школы. В 2025 году выставка прошла с 27 сентября по 19 октября, представив работы выпускников из России, а также из Аргентины, КНР, Сербии, Словакии, Эфиопии, Южной Кореи.

В отличие от китайской модели с ее акцентом на идеологическую «синхронизацию с курсом национального развития», российская академическая выставка подчеркивает преемственность мастерства и международный диалог. Культурная идентичность здесь конструируется не через прямые идеологические посылы, а через усвоение и воспроизводство академических канонов: техники, композиции, понимания пластической формы. Примечательно, что иностранные студенты, обучающиеся в Академии, обращаются в своих дипломных проектах к мифам и культурным кодам собственных стран, что создает пространство межкультурной рефлексии и одновременно укрепляет понимание российской идентичности через «взгляд со стороны».

Второй тип – межвузовские фестивали как площадки интеграции и коммерциализации, примером которого является Московский фестиваль «ВЫПУСК» в парке «Зарядье». Он представляет собой пример принципиально иной институциональной логики. В 2025 году фестиваль объединил выпускников и студентов из 27 творческих вузов столицы, представив работы в жанрах от академической живописи и скульптуры до концептуальных инсталляций и новых медиа. Ключевая особенность «ВЫПУСКА» – сочетание выставочной функции с коммерческими механизмами: Маркет молодого искусства и аукцион работ молодых художников становятся неотъемлемой частью фестиваля. Это отражает глобальный тренд, где формирование идентичности молодого художника происходит не столько через государственную идеологию, сколько через профессиональную социализацию и рыночное признание. Фестиваль «ВЫПУСК» выступает институциональным механизмом, который не «вписывает» молодого скульптора в заданный государством идентификационный нарратив, а помогает ему найти свое место в профессиональном сообществе — что само по себе является мощным идентификационным актом.

Третий тип – региональные мастерские как механизм сохранения локальной идентичности, так как в российской глубинке действуют иные механизмы. Творческие мастерские Российской академии художеств в Красноярске, руководимые академиками РАХ, представляют собой уникальный институт, где молодые художники из регионов в течение трех лет обучаются под руководством признанных мастеров, после чего получают звание художника высшей квалификации. На отчетных выставках этих мастерских, в частности на XXII Отчетной выставке, демонстрируется синтез общероссийской академической школы и сибирской регио-

нальной специфики. Монументальные скульптурные композиции «Скиф» Ильи Царинного и «Байкал» Александра Карпова, представленные на площади перед зданием Академии, визуализируют образы Сибири как неотъемлемой части российского культурного пространства. Как показывают исследования, сибирская скульптура вырабатывает уникальные художественные приемы, визуализирующие диалектику общероссийских и региональных ценностей. Межрегиональная олимпиада студентов «Скульптура» с конкурсной темой 2024 года «В дружбе народов – единство России!» является прямым институциональным инструментом трансляции этого смысла: от молодых скульпторов требуется показать через пластические композиции уникальность и самобытность национальной культуры различных народов России.

Таблица 1

Проведенное нами сопоставление российской и китайской моделей университетских конкурсов искусства скульптуры выявляет принципиальные различия

Критерий	Китайская модель	Российская модель
Степень централизации	Высокая: две общенациональные платформы	Низкая: множество региональных и локальных инициатив
Роль государства	Прямое идеологическое сопровождение, «синхронизация с курсом развития»	Косвенная, через систему академических институтов и грантов
Конструирование идентичности	Целенаправленное формирование «желаемого» образа через оценочный дискурс и критерии отбора	«Естественное» формирование через усвоение академической традиции и профессиональную социализацию
Экономический фактор	Минимален; государственное финансирование	Существенен; коммерциализация (маркеты, аукционы)
Региональное измерение	Интеграция региональных стилей в общекитайский нарратив	Сохранение и презентация локальной идентичности как самостоятельной ценности

В Китае выставка-конкурс выступает инструментом «культурной формализации» — превращения художественного творчества в управляемый механизм производства государственно одобряемой идентичности. В России же университетские выставки функционируют как полицентричный механизм, где идентичность формируется на пересечении трех сил: академической традиции (петербургская школа), локальной самобытности (сибирские мастерские) и рыночных институтов (фестиваль «Выпуск»). (табл.1.)

Краткий сравнительный анализ позволяет сделать вывод: университетские выставки-конкурсы современной скульптуры в России представляют собой сложный и многослойный институциональный механизм формирования культурной идентичности, принципиально отличный от китайской модели. В отсутствие единой государственной идеологической рамки российская система демонстрирует полицентричность: академическая традиция сохраняется и транслируется через институт Российской академии художеств и ее региональных мастерских; профессиональная интеграция и рыночная социализация молодых скульпторов происходит через межвузовские фестивали-ярмарки; региональная идентичность находит выражение в локальных конкурсных практиках. Можно предположить, что «слабая» институционализация российских выставок-конкурсов (отсутствие единых критериев, разрозненность, нерегулярность финансирования) одновременно является и их недостатком (фрагментарность, отсутствие системного учета), и их достоинством — они не навязывают единообразия, позволяют сохранять плюрализм художественных языков и идентификационных стратегий. В этом смысле российская модель оказывается более созвучной современным представлениям о множественной, подвижной идентичности, чем жестко централизованная китайская. Дальнейшие исследования мы направим на более детальное изучение оценочного дискурса российских академических комиссий и его роли в формировании канонов «должного» в студенческой скульптуре.

Заключение.

Проведённое нами исследование выявило множественные роли университетских выставок-конкурсов скульптуры в конструировании культурной идентичности в Китае. С институциональной точки зрения, эти мероприятия благодаря сложной системе отбора и организаци-

онной структуре задают «культурную формализацию», предопределяя производство смыслов. На уровне культурных кодов экспонируемые произведения формируют визуальный язык через обращение к традиционным образам и акцент на локальности в глобальном контексте, отражая взаимодействие национальной идеологии и художественного новаторства. Таким образом, разрозненные художественные практики интегрируются в единую национальную нарративную рамку.

Дальнейшие исследования выбранной нами темы требуют внимания поиска региональных различий: в зависимости от местного культурного контекста формы организации, тематика и критерии отбора могут существенно различаться, что по-разному влияет на процесс формирования идентичности. Также необходимо эмпирически изучить социальное воздействие выставок и конкурсов — способны ли они через публичные демонстрации влиять на культурное восприятие широкой аудитории и укреплять национальную сплочённость. Необходимо выявить роль этих мероприятий в межкультурном обмене и достижение динамичного развития культурной идентичности в глобальном контексте.

1. Фэй Сяотун (Fei Xiaotong). Структура многообразия и единства китайской нации. – Пекин: Издательство Китайского университета национальностей, 1999. – С. 3–5.

2. Холл Стюарт (Stuart Hall). Вопросы культурной идентичности / пер. Чжао Лян. – Нанкин: Издательство Нанкинского университета, 2016. – С. 4–8.

3. Ван Ичуань (Wang Yichuan). Публичное восприятие искусства: исследования по искусствоведению и рецепции. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2015. – С. 112–115.

4. Ван Чжун (Wang Zhong). Неправильно понятое публичное искусство // Публичное искусство. – 2011. – № 5. – С. 65–70.

5. Ху Шецян (Hu Sheqiang). Пути выбора в современном китайском скульптурном творчестве: обзор «Китайская поза. 5-я Китайская выставка скульптуры» // Искусствоведение. – 2005. – № 2. – С. 28–34.

6. Мэйюань Мэйшэн (Meiyuan Meisheng). «Стальные кости и литературный дух: оттачивая восточную механическую эстетику» — портрет Ние Шичана Текст: электронный. – URL: https://mp.weixin.qq.com/s/x5bF8mQQlVXWDysyCURrpw (дата обращения: 10.06.2026).

7. Художественный музей озера Иньшань (Yinshan Lake Art Museum). Оценка Инь Дайбо (Yin Daibo) Текст: электронный. – 2026. – 16 янв. – URL: https://channels.weixin.qq.com/finder-preview/pages/feed?entry_card_type=48&comment_scene=39&appid=51&token=djS9ewgBEAMaIAgEEhwxNzgxMDg3MTEzMzkyNjY0MzM3NEpDOVNhL1V1IhgIAxIUCAMSENmqwaLfIKiVBE1yXIp1Gz8%3D&entry_scene=51&eid=export%2FUzFfAgtgekIEAQAAAAAAHqEJdUKIEgAAAAstQy6ubaLX4KHWvLEZgBPEyIMoI0kVbZSOzNPgMFkNAZICevsEWbBvaKd4rz0_T-o24TQmig (дата обращения: 10.06.2026).

8. Художественный музей озера Иньшань. Оценка Чжу Шанси (Zhu Shangxi) Текст: электронный. – 2026. – 4 янв. – URL: https://channels.weixin.qq.com/finder-preview/pages/feed?entry_card_type=-48&comment_scene=39&appid=51&token=G%2FPD5QgBEAMaIAgEEhwxNzgxMDg3MDkyMzkyNjY0MzM3NDc2VlJGWTB0IhgIAxIUCAMSEDDUNHo0dj1TUjc6aRqJFvI%3D&entry_scene=51&eid=export%2FUzFfAgtgekIEAQAAAAAAO5UsCEAPfQAAAAstQy6ubaLX4KHWvLEZgBPE8oMYbz0UV4eOzNPgMFkNAe8BevsEX1x66lGpuSeDglFHQQOqrw (дата обращения: 10.06.2026).

9. Художественный музей озера Иньшань. Оценка Юй Чэнсин (Yu Chenxing) Текст: электронный. – 2026. – 13 янв. – URL: https://channels.weixin.qq.com/finder-preview/pages/feed?entry_card_type=48&comment_scene=39&appid=51&token=WLtOXQgBEAMaIAgEEhwxNzgxMDg2OTg5MzkyNjY0MzM3NGp4b0hOODVyIhgIAxIUCAMSEP6s0AYWmQ8ouk3GHk%2FyhZY%3D&entry_scene=51&eid=export%2FUzFfAgtgekIEAQAAAAAAcz0tRapccwAAAAstQy6ubaLX4KHWvLEZgBPE8INwQ2YMCYiOzNPgMFkNAZYBevsEOvQ6wzLpYgwmXdM9ltd3og (дата обращения: 10.06.2026).

Сведения об авторе

Лин Тун, аспирант, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 070

ИНОВЕЩАНИЕ В КОНТЕКСТЕ РАСТУЩЕГО ВЗАИМОВЛИЯНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

А.В. Литвинов, аспирант ВШКТВ ВВГУ

П.В. Ушанов, д-р фил. наук, профессор ВШКТВ ВВГУ

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Статья посвящена генезису функциональной модели иновещания как особого института медиадипломатии. Охарактеризованы этапы развития иновещания — от бюро переводов до цифровой эпохи, — в рамках которых отслеживается трансформация целеполагания, три последовательные функциональные модели: информационно-референтная, пропагандистско-идеологическая и нарративно-конкурентная. Обоснован переход от линейного информирования к многоуровневой «нарративной игре» как доминантной характеристике современного этапа*

Ключевые слова: *иновещание, медиадипломатия, функциональная модель, генезис СМИ, пропаганда, мягкая сила, нарративная политика, КНР, цифровая эпоха.*

INTERNATIONAL BROADCASTING IN THE CONTEXT OF THE GROWING INTERPLAY OF POLITICAL AND COMMUNICATIVE PROCESSES

Abstract. *The article examines the evolution of international broadcasting as an institution of media diplomacy. Five historical stages are identified, from translation bureaus to the digital era, tracing three functional models: informational-referential, propagandistic-ideological, and narrative-competitive. The shift from linear informing to a multi-level "narrative game" is substantiated.*

Keywords: *international broadcasting, media diplomacy, functional model, media genesis, propaganda, soft power, narrative politics, China, digital era.*

Рост взаимовлияния политических и коммуникационных процессов в XXI веке привёл к переопределению статуса СМИ на иностранных языках (иновещания). Если традиционно иновещание понималось как трансляция информации за рубеж, то сегодня оно превращается в инструмент конструирования глобальной реальности, «оружие» в борьбе нарративов и важнейший ресурс «мягкой силы» [12; 10]. Актуальность исследования обусловлена превращением иновещания в ключевой инструмент геополитической конкуренции в условиях нарративных войн и цифровой трансформации, а также отсутствием в науке общепризнанной типологии его функциональных моделей. Научная новизна заключается в синтезе шести концептуальных подходов к определению иновещания в авторский понятийный аппарат, в выделении пяти исторических этапов его генезиса (от бюро переводов 1830-х годов и газетного синдиката Нью-Йорка 1848 года через радиоэкспансию, холодную войну, «эффект CNN», до цифровой эпохи), в обосновании трёхчленной типологии функциональных моделей (информационно-референтная, пропагандистско-идеологическая, нарративно-конкурентная), в раскрытии специфики современного этапа как «текстоцентричного» и «нарративно-многоуровневого», а также в прогнозе о переходе к алгоритмически-персонализированной модели.

Цель исследования – выявить, обосновать и типологизировать функциональные модели иновещания в их историческом генезисе, проследить генезис функциональной модели иновещания, выделив этапы его эволюции и охарактеризовав смену целевых установок; для её достижения поставлены задачи: синтезировать понятийный аппарат, проследить диахроническую эволюцию с фиксацией переломных моментов, выделить и типологизировать модели, дать характеристику современной модели на примере стратегии КНР и сформулировать прогноз. Методы исследования включают диахронический (историко-генетический), сравнительно-типологический, метод синтеза понятийного аппарата, анализ научной литературы (отечественной, англоязычной и китаеязычной), кейс-стади (стратегия КНР) и логико-прогностический метод. Полученные результаты: разработан авторский понятийный аппарат

и выделены пять ключевых характеристик иновещания; охарактеризованы пять исторических этапов; впервые типологизированы три функциональные модели с определением критериев (цель, аудитория, эффективность); раскрыта специфика нарративно-конкурентной модели на примере многоуровневой системы КНР; обоснован прогноз перехода к алгоритмически-персонализированной модели.

Понятие «иновещание» (international broadcasting, 对外广播) является междисциплинарной категорией, находящейся на стыке журналистики, политологии, лингвистики и теории международных отношений. Анализ научной литературы позволяет выделить несколько концептуальных подходов к его определению, которые предлагается синтезировать в авторский понятийный аппарат.

Первый подход — пропагандистско-идеологический — восходит к периоду зарождения иновещания в первой половине XX века. В рамках данного подхода иновещание трактуется как инструмент государственной пропаганды, направленный на продвижение идеологии за рубежом и ослабление позиций противника. Как отмечается в исследованиях, «международное вещание ассоциировалось с пропагандой из-за социально-политической атмосферы периода, в который оно возникло» [8, с. 2]. В китайской историографии этот подход находит отражение в характеристике раннего этапа иновещания как «революционного голоса», обслуживавшего задачи военно-политической борьбы [13, с. 135].

Второй подход – институционально-государственный – акцентирует роль государства как субъекта иновещательной деятельности. Согласно этому взгляду, иновещание представляет собой «деятельность, которая явно или неявно поддерживается государствами» и исторически занимает важное место в формировании международной коммуникации [8, с. 3]. В российской науке данный подход развивается в работах А.Л. Акоповой, О.А. Дмитриева, Е.В. Иваницкой, рассматривающих иновещание в контексте медиакоммуникаций и государственной информационной политики [5, с. 248].

Третий подход – публично-дипломатический (soft power) – получает распространение в постбиполярный период. Иновещание здесь понимается как инструмент «мягкой силы» и публичной дипломатии, нацеленный на формирование благоприятного образа страны за рубежом. Как подчеркивается в современной литературе, «as international broadcasting became less dependent to states, it started being regarded as an instrument of public diplomacy» [8, с. 4]. Н.Э. Эфендиева определяет иновещание как «технологию позиционирования страны – производителя контента во внешней среде – мировом медиапространстве» при помощи инструментов soft power [5, с. 250]. В этом же русле развивается концепция иновещания как средства повышения национального влияния и культурной экспансии [13, с. 136–137].

Четвертый подход – лингвокультурный – фокусируется на языковой и культурной адаптации контента для иноязычной аудитории. Согласно данному подходу, иновещание – это «основанная на репрезентации контента позиционирующего характера с учетом этнических, религиозных, а вместе с тем языковых и культурных особенностей аудитории-потребителя» деятельность [5, с. 249]. Ключевым понятием здесь становится «лингвокультурная организация иновещания», предполагающая учет культурных измерений целевой аудитории. Как отмечается в зарубежных исследованиях, «язык является ключевым фактором, ограничивающим влияние международного вещания» [6, с. 3]: эффективность вещания напрямую зависит от способности преодолеть языковой барьер.

Пятый подход – технологически-детерминистский – связывает эволюцию иновещания со сменой технологических укладов. Иновещание, начавшееся с коротковолнового радио в первой половине XX века, продолжилось спутниковым телевидением с середины 1980-х годов, а в XXI веке «социальные медиа как часть интернета трансформировали коммуникационную среду […], и международное вещание изменилось с точки зрения значения, охвата и функции» [8, с. 5–6]. Китайские исследователи выделяют этапы развития иновещания от «революционного голоса» через «государственный голос» к «голосу реформ» и «интеграционному голосу» в эпоху цифровой конвергенции [13, с. 138–139].

Шестой подход – коммуникативно-функциональный – рассматривает иновещание сквозь призму его функций. Как предлагает метафорическая модель, функции иновещания могут быть представлены в виде маятника с тремя крайними точками: пропаганда на одном конце, публичная дипломатия в центре и идеал объективности на другом конце [8, с. 7]. Это позволяет анализировать иновещание не как статичное явление, а как динамическую систему, где баланс функций смещается в зависимости от исторического контекста и политических задач.

На основе синтеза перечисленных подходов предлагается следующий авторский понятийный аппарат:

Иновещание – это институционально обеспеченная, технологически опосредованная и лингвокультурно адаптированная система производства и распространения медиаконтента на иностранных языках за пределы национальных границ, реализующая комплекс функций от пропаганды до публичной дипломатии с целью формирования благоприятного внешнеполитического восприятия и продвижения национальных интересов государства-вещателя.

Ключевые характеристики иновещания:

– трансграничность (экстерриториальность) – преодоление национальных границ как физических (сигнал), так и символических (язык, культура) [5, с. 248];

– многоязычие и лингвокультурная адаптация – учет языковых и культурных особенностей целевой аудитории [6, с. 4];

– государственная ангажированность – связь с внешнеполитическими задачами государства (при возможной формальной независимости вещателя) [8, с. 3];

– функциональная динамика – подвижность между полюсами пропаганды, публичной дипломатии и объективного информирования [8, с. 7];

– институциональная оформленность – наличие специализированных структур (радиостанции, телеканалы, цифровые платформы, редакции) [13, с. 135; 7, с. 3].

Предлагаемое определение и понятийный аппарат позволяют перейти к диахроническому анализу генезиса иновещания и выделению его функциональных моделей. Проведённый диахронический анализ позволяет выделить пять этапов генезиса иновещания, каждый из которых характеризуется сменой доминирующей цели.

Зарождение (1830–1910-е гг.). Первые ключевые формы иновещания связаны с деятельностью бюро переводов и газетных синдикатов. В 1830-е годы в Европе и США появляются бюро, переводившие материалы из зарубежных газет. Ключевой момент – 1848 год, когда нью-йоркские газеты (New York Sun, New York Herald, New York Tribune и др.) объединились в ассоциацию (предшественник Associated Press) для совместного приобретения контента у зарубежных изданий. Цель – информационно-референтная: оперативно информировать внутреннюю аудиторию о международных событиях, экономя ресурсы.

Радиоэкспансия и «войны эфира» (1920–1945-е гг.). С появлением радио границы иновещания размываются: сигнал пересекает границы без физических носителей. В 1920–1930-е годы СССР («Радио Москва» с 1929 г. на немецком), нацистская Германия, Великобритания (BBC) и Нидерланды начинают регулярное вещание на зарубежные страны [4]. Во время Второй мировой войны иновещание становится оружием: пропаганда, дезинформация, поддержка движений сопротивления. Цель трансформируется в пропагандистско-идеологическую: не информировать, а влиять, деморализовать противника и мобилизовать союзников. Фраза «Запишите на ваши магнитофоны…» (характерная для радиоэфира холодной войны) фиксирует переход от однонаправленного вещания к фиксируемому, цитируемому слову.

Холодная война и институционализация «суррогатных медиа» (1945–1991 гг.). Иновещание достигает апогея. Создаются специализированные структуры: «Радио Свобода» / «Радио Свободная Европа» (США), «Голос Америки», BBC World Service, «Московское радио». Их задача – не просто информирование, а создание альтернативной повестки для стран соцлагеря. СССР разворачивает сеть радиоподавления («глушение»), что технически подтверждало эффективность иновещания как борьбы за умы [2]. Цель: идеологическая диверсия / идеологическая защита – формирование «пятой колонны» или, напротив, контрпропаганда.

Телевидение и «эффект CNN» (1991 – начало 2000-х гг.). Конец холодной войны и развитие спутникового ТВ создают феномен глобального телевидения. CNN в ходе войны в Персидском заливе (1991) демонстрирует «эффект CNN»: телекартинка в реальном времени начинает влиять на принятие политических решений. Иновещание становится круглосуточным, визуальным, мультиязычным. Цель: присутствие в глобальной новостной повестке и формирование имиджа страны в режиме реального времени. Китай запускает CCTV International (позже CGTN).

Цифровая эпоха и многоуровневая нарративная конкуренция (2000-е – настоящее время). Интернет и социальные сети радикально меняют ландшафт. Иновещание перестаёт быть монополией государств: появляются негосударственные акторы, «гражданские журналисты», фейковые и бот-сети. Государственные иновещательные структуры трансформируются в мультиплатформенные медиахолдинги (CGTN, RT, «Спутник»). Ключевая характеристика —

«текстоцентричность» и «нарративная многоуровневость» [3]. Как показывает анализ китайской стратегии, газетная публикация на иностранном языке (например, в «Жэньминь жибао» онлайн) становится документом, который затем цитируется, переводится, адаптируется в соцсетях и включается в резолюции международных организаций [1]. Цель современного этапа — конкурентное нарративное лидерство: не просто информировать или пропагандировать, а конструировать устойчивую систему смыслов, легитимирующую действия государства в глобальном масштабе.

Обобщение исторического материала позволяет впервые выделить три последовательные функциональные модели иновещания, различающиеся по цели, аудитории, типу контента и критерию эффективности.

Таблица 1

Функциональные модели иновещания

Модель	Даты	Доминирующая цель	Тип аудитории	Критерий эффективности
Информационно-референтная	1830 –1920-е гг.	Информирование внутреннего «своего» о внешнем «другом»	Элиты, Бюрократия, бизнес	Полнота и скорость перевода
Пропагандистско-идеологическая	1920-е – 1991 г.	Идеологическое воздействие на «чужого», деморализация	Массовая аудитория противника / союзника	Изменение установок, «глушение» как индикатор
Нарративно-конкурентная	2000-е – н.в.	Конструирование легитимных смыслов, конкуренция нарративов в глобальной среде	Фрагментированная, транснациональная аудитория	Цитируемость, включение в документы международных организаций

Вывод, вытекающий из данного обобщения, состоит в том, что переход от второй модели к третьей знаменует собой смену парадигмы: от линейного воздействия (от стимула к реакции) к сложной «нарративной игре» [3], где иновещание становится элементом более широкой системы, включающей аналитические центры, социальные сети, цифровых инфлюенсеров и международные форумы. Как убедительно демонстрирует анализ китайских англоязычных медиа, эффективность современного иновещания определяется не столько охватом, сколько способностью внедрить свои «тифа» (фиксированные формулировки) в чужие дискурсивные поля [9–11]. Иновещание демонстрирует маятникообразную динамику между полюсами информирования, пропаганды и публичной дипломатии; переход от пропагандистско-идеологической к нарративно-конкурентной модели знаменует смену парадигмы; китайская стратегия представляет наиболее последовательную реализацию этой модели, опирающуюся на цивилизационную традицию текстоцентричности; перспективы связаны с алгоритмически-персонализированной моделью, порождающей новые этические вызовы; практическая значимость результатов заключается в возможности их использования при разработке государственных стратегий медиадипломатии и в учебных курсах по международной коммуникации.

Генезис функциональной модели иновещания демонстрирует неразрывную связь между технологическими укладами, политическими целями и коммуникационными стратегиями. От первых бюро переводов 1830-х годов через радио «вражьи голоса» холодной войны и телевизионный «эффект CNN» до современной многоуровневой нарративной конкуренции — иновещание прошло путь от вспомогательного сервиса до одного из главных инструментов глобальной политики. Выделенные три функциональные модели (информационно-референтная, пропагандистско-идеологическая, нарративно-конкурентная) позволяют не только систематизировать исторический материал, но и прогнозировать дальнейшую эволюцию: в условиях роста искусственного интеллекта и синтетических медиасред следующей стадией, вероятно, станет алгоритмически-персонализированная модель, где иновещание будет адаптироваться не только под язык, но и под когнитивные профили каждого сегмента аудитории.

1. Го Чжижэнь. Как Китайская медиа-группа (CMG) формирует национальный дискурс через свои механизмы внешней коммуникации / Го Чжижэнь // Litera. — 2025. — № 10. — Текст: электронный. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kak-kitayskaya-media-gruppa-cmg-formiruet-natsionalnyy-diskurs-cherez-svoi-mehanizmy-vneshney-kommunikatsii (дата обращения: 06.06.2026).

2. Голос Америки. «Вражьи голоса»: история борьбы СССР с радиовещанием иноСМИ в современном контексте // Голос Америки. — 2022. — 16 апреля. — Текст: электронный. – URL: https://www.golosameriki.com/a/sw-radio-and-jamming-in-ussr/6532159.html (дата обращения: 06.06.2026).

3. Кривохиж С.В. Большая нарративная игра: многоуровневая система трансляции стратегических нарративов КНР / С.В. Кривохиж, Е.Д. Соболева // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2025. — Т. 20, № 1. — С. 75–88.

4. Толстой И.Н. Глупые шутки и хмурые будни. Иновещание холодной войны // Радио Свобода. — 2021. — 2 августа. — Текст: электронный. – URL: https://www.svoboda.org/a/glupye-shutki-i-khmurye-budni-inoveschanie-kholodnoy-voyny/31387974.html (дата обращения: 06.06.2026).

5. Эфендиева Н.Э. Лингвокультурная организация иновещания в МИА «Россия сегодня» // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. — 2021. — Т. 26, № 2. — С. 247–255. — Текст: электронный. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnaya-organizatsiya-inoveschaniya-v-mia-rossiya-segodnya (дата обращения: 08.06.2026).

6. Browne D.R. Cross-Cultural Broadcasting: Linguistic Effects // ERIC. — 1975. — Текст: электронный. – URL: https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED114122.pdf (дата обращения: 08.06.2026).

7. Deng W. Research on the Development of Bilingual Broadcasting and Hosting under the Background of Globalization // Atlantis Press. — 2018. — Текст: электронный. – URL: https://www.atlantis-press.com/article/25898238.pdf (дата обращения: 08.06.2026).

8. Erciyes İletişim Dergisi. International Broadcasting as a Tool of Propaganda, Public Diplomacy and Objective Broadcasting: A Pendulum Movement / Erciyes İletişim Dergisi. — 2018. — Текст: электронный. – URL: https://dergipark.org.tr/en/pub/erciyesiletisim/issue/42719/473012 (дата обращения: 08.06.2026).

9. Kachru B.B. World Englishes and culture wars // The handbook of World Englishes / ed. by B.B. Kachru, Y. Kachru, C.L. Nelson. — Malden: Blackwell, 2006. — P. 446–471.

10. Li Z. A Study on the English Translation of Chinese Political News from the Perspective of Skopos Theory: A Case Study of China Daily // Lecture Notes in Education, Arts, Management and Social Science. — 2025. — Vol. 3. — P. 59-64.

11. Link P. An anatomy of Chinese: Rhythm, metaphor, politics. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 2013. — 368 p.

12. Nye J. Soft power: The means to success in world politics. — Cambridge, MA: Perseus Books Group, 2004. — 191 p.

13. 高贵武, 乔秀宏 “中国之声”的形塑: 人民广播对外广播80年回望 / 高贵武, 乔秀宏 // 西南民族大学学报. — 2021. — № 9. — С. 134–140. — Текст: электронный. – URL: http://hprc.org.cn/gsyj/whs/jiswmh/202112/P020211120831h5134524211.pdf (дата обращения: 08.06.2026).

Сведения об авторах
А.В. Литвинов, аспирант ВШКТВ ВВГУ, г. Владивосток, Россия
П.В. Ушанов, д-р филологических наук, профессор ВШКТВ ВВГУ, г. Владивосток, Россия

УДК 327.51 + 327.56

КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ В 2025-2026 гг.

Л.А. Литвинова, магистрант направления международные отношения

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Целью статьи является комплексный анализ конфликтного потенциала Азиатско-Тихоокеанского региона на период 2025-2026 гг. Рассматриваются ключевые факторы, способствующие усилению напряжённости в регионе, включая эскалацию американо-китайского стратегического соперничества, обострение ситуации вокруг Тайваня, территориальные споры в Южно-Китайском море и ракетно-ядерную угрозу, исходящую с Корейского полуострова. Методология исследования включает методы анализа научной литературы, геополитический анализ, case-study (применяется для всестороннего анализа конкретных конфликтных ситуаций), а также сравнительноо-исторический метод для сопоставления прошлых и нынешних тенденций, выявление причинно-следственных связей и закономерностей.*

Ключевые слова: *Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), конфликтный потенциал, Южно-Китайское море, Тайваньский вопрос, геополитика, Корейский полуостров.*

CONFLICT POTENTIAL IN THE ASIA-PACIFIC REGION IN 2025-2026

Abstract. *The purpose of this article is to provide a comprehensive analysis of the conflict potential in the Asia-Pacific region for the period of 2025-2026. It examines the key factors contributing to the escalation of tensions in the region, including the intensification of the US-China strategic rivalry, the escalation of the situation around Taiwan, the territorial disputes in the South China Sea, and the nuclear missile threat from the Korean Peninsula. The research methodology includes the analysis of scientific literature, geopolitical analysis, case-study (used for a comprehensive analysis of specific conflict situations), and the comparative-historical method for comparing past and current trends, identifying causal relationships, and establishing patterns.*

Keywords*: Asia-Pacific region (APR), conflict potential, South China Sea, Taiwan issue, geopolitics, and the Korean Peninsula.*

Актуальность данной темы заключается в том, что Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) в 2025-2026 гг. остается зоной высокой геополитической напряжённости из-за соперничества крупных держав таких как КНР и США, территориальных споров и гонки вооружений, что угрожает региональной и глобальной стабильности.

Исследование направлено на анализ территориальных споров в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, включая притязания на острова Спратли, Парасельские острова и Сенкаку/Дяоюйдао. Особое внимание уделяется динамике отношений между Соединёнными Штатами и Китайской Народной Республикой как ключевому фактору региональной напряжённости. Рассматривается статус Тайваня и вероятность его вовлечения в эскалацию конфликта. Также анализируется ситуация на Корейском полуострове в контексте ядерной программы Корейской Народно-Демократической Республики.

Можно поставить следующие задачи:

1) проанализировать динамику территориальных споров в Южно-Китайском и Восточно – Китайском морях в 2025-2026 гг., уделив особое внимание притязаниям на острова Тайвань, Спратли, Парасельские острова и Сенкаку/Дяоюйдао, а также ядерную эскалацию на Корейском полуострове;

2) исследовать эволюцию американо-китайских отношений в 2025-2026 гг. и их воздействие на общую стабильность в АТР.

Когда возникает вопрос об актуальных территориальных спорах в АТР первым делом можно сказать о вопросе территориальных притязаний вокруг острова Тайвань между КНР и Республикой Тайвань. На 2025 – 2026 гг. ситуация вокруг острова ухудшилась, т.к. с 2025 года КНР проводили учения «Гром в проливе — 2025А», которые включали в себя маневры с участием разного вида подразделений с целью отработать возможную блокаду Тайваня нанесения ударов по ключевым объектам структуры, на что Тайвань, в ответ, усилил свою оборону. [8]

В конце 2025 г. стартовали военные учения Народно-освободительной армии Китая «Миссия справедливости 2025» с боевой стрельбой вокруг острова. Силы КНР подошли ближе, чем на прошлых учениях и в них приняло участие более 200 самолетов, что является самым высоким показателем более чем за год. Тайвань сообщил что 27 ракет были выпущены в его сторону и некоторые из них приземлились в пределах 27 миль о его береговой линии. [7, 9].

На 2026 год ситуация вокруг Тайваня только продолжает накаляться и, согласно немецкой газете Bild, военные действия на Тайване могут начаться уже в конце 2026 года после промежуточных выборов в США [3].

Однако конфликт вокруг острова Тайвань нельзя рассматривать изолированно, к северу от него находятся еще одни спорные территории, уже между КНР и Японией, – это острова Сенкаку / Дяоюйдао. Спор вокруг данных территорий начался в конце 19 века и на 2025-2026 гг. острова остаются спорными и притязания, помимо КНР и Японии, выражает и Тайвань, так как архипелаг со временем династии Мин и Цин являлся китайской территорией и географически находился близко к Тайваню. Помимо этого, важным фактором из-за которого ведутся споры является местонахождение островов – они располагаются на крупных залежах природных ископаемых таких как нефть и газ, и помимо этого регион является богатым рыбным местом. Этот вопрос в ближайшее время останется неразрешенным, потому что страны совместно пришли к решению введения политики «Согласованного тупика». [6]

Помимо этих островов, КНР также оспаривает принадлежность остовов Спратли и Парасельских островов с Вьетнамом, Филиппинами, Малайзией, Брунеем и Тайванем. Как и острова Сенкаку/Дяоюйдао, Спратли и Парасельские находятся на крупных залежах природных ископаемых, почему представляют интерес для стран. Пекин обосновывает свои претензии «девятипунктирной линией» на карте 1947 года, но страны с этим заявлением не согласны, ссылаясь на конвенцию ООН по морскому праву 1982. Так в 2016 году международный арбитражный суд в Гааге постановил, что претензии Китая на данные территории безосновательны, на что Пекин не признал решение суда. [6,2,16,13]

На 2026 год ситуация выглядит следующим образом: Китай контролирует значительную часть архипелага, включая несколько ключевых объектов. На 2024 год, под контролем КНР 9 островов, на которых находятся китайские военные силы. Вьетнам удерживает около 20 островов и в 2023 году подтвердил свой суверенитет над архипелагом Спратли и Парасельскими островами. Филиппины контролируют 8 островов, Малайзия имеет гарнизоны на 3х, Тайвань контролирует только один остров, а Бруней не занимает островов, но предъявляет претензии на часть ресурсов в своей экономический зоне [4].

КНР продолжает укреплять свои позиции, создавая искусственные острова и размещая на них военные базы, взлётно-посадочные полосы и иные военные сооружения. На что Вьетнам в 2025 году так же начал строить искусственные острова и размещать на них военные склады и оборонительные сооружения.

США поддерживает страны, противостоящие Китаю, и проводят патрулирование в регионе, а также выражают обеспокоенность милитаризацией островов, считая это угрозой для региона.

В 2025-2026 гг. ракетно-ядерная угроза с Корейского полуострова только усиливается. КНДР продолжает развивать ядерный арсенал и ракетные технологии, что вызывает обеспокоенность международного сообщества.

В феврале 2026 года на IX Съезде ТПК (Трудовой партии Кореи), лидер КНДР объявил о создании более мощных континентальных баллистических ракет. В мае 2026 года Верховное народное собрание КНДР приняло закон, который разрешает нанести автоматический ядерный удар в случае угрозы жизни лидера страны Ким Чен Ына. Документ закрепляет за ним единое командование и все решающие полномочия в отношении ядерного оружия [1].

Наиболее вероятным сценарием развития ситуации считается стабильное сдерживание: Пхеньян продолжит развивать ядерный потенциал, избегая прямых боевых действий, а США и их союзники будут вынуждены адаптироваться к нарастающей силе Северной Кореи и уже более серьезно фокусироваться на контроле эскалации и укреплении обороны союзников. Но риски сохраняются, особенно в случае восприятия Пхеньяном любых действий со стороны Южной Кореи и ее союзников как угрозы.

В 2025-2026 гг. американо-китайские отношения остаются напряженными, при чем эволюция этих отношений связана с рядом ключевых факторов, которые влияют на стабильность АТР. Одним из ключевых факторов является торговая война и экономические разногласия Обе стороны продолжают конкурировать в высокотехнологичных секторах, таких как производство микрочипов, электромобилей, что приводит к торговым ограничениям, тарифам и ответным мерам. В 2025 году наблюдался новый виток торговой эскалации, включая введение Китаем ограничений на экспорт редкоземельных металлов и ответные меры США [14,5].

Также одним из ключевых источников напряженности остается Тайвань. США продолжают развивать экономические, торговые и военные связи с Тайбэем, что противоречит позиции КНР.

Помимо этого, США стремятся сдерживать усиление КНР в регион, укрепляя военные связи с союзниками (Южная Корея, Япония и т.д.), на что Китай стремится расширить свое влияние, включая военно – морскую активность в Южно – Китайском море.

Все эти факторы безусловно влияют на стабильность регионе и вот каким образом:

1. АТР становится ареной соперничества, где сталкиваются экономические интересы, идеологические модели и нормативные режимы что создает для региональной стабильности риски. [15]

2. Углубляющееся американско-китайское соперничество создает вызовы для АСЕАН, которая вынуждена балансировать между державами, что может угрожать ее роли в данном регионе [10].

3. Действия США и Китая в регионе могут усиливать или ослаблять безопасность стран АТР, в зависимости от их способности балансировать между странами и выбирать сторону.

Но, несмотря на все разногласия, стороны стараются прийти к решению разногласий. Так в мае 2026 года Дональд Трамп и Си Цзиньпин обсудили торговое перемирие, ситуацию вокруг Тайваня и иные интересующие вопросы. Си Цзиньпин заявил, что устойчивость американо – китайских отношениях необходима для региональной безопасности, а общие интересы перевешивают разногласия [11].

Проведённое исследование территориальных споров в Южно- Китайском и Восточно – Китайском морях, а также оценка геополитической динамики в регионе, включая статус Тайваня и ситуацию на Корейском полуострове, а также отношения КНР и США на период 2025-2026 позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Обострение вокруг Тайваня может спровоцировать ответные действия КНР в других зонах напряженности, а инциденты вокруг островов Сенкаку способны вовлечь в конфликт США из-за союзнических обязательств перед Японией.

2. Вашингтон усиливает военное присутствие в регионе и поддерживает союзников, проводя операции по обеспечению свободы судоходства в Южно- Китайском море. Пеки в свою очередь укрепляет свои позиции, опираясь на концепцию «девятипунктирной линии2 и наращивая военно -морские силы.

3. Ракетно-ядерные испытания Пхеньяна провоцируют ответные действия со стороны США, Южной Кореи и Японии, что повышает напряжённости на Корейском полуострове. При этом Китай, оставаясь экономическим партером КНДР, сталкивается с давлением ср стороны Вашингтона, что осложняется дипломатические усилия.

Проанализировав все факторы, можно сказать, что стороны избегают прямого столкновения КНР и США, но военные учения и патрулирование вод поддерживают высокий уровень напряжённости. Конфронтация будет продолжаться, однако стороны постараются не допустить перехода к открытому конфликту.

1. Анализ ситуации: IX Съезд ТПК – основные итоги и результаты // AsiaRisk. – URL: https://asiarisk.org/novosti/559-analiz-situatsii-ix-sezd-tpk-osnovnye-itogi-i-rezultaty (дата обращения: 03.06.2026).

2. Архипелаг Спратли как объект территориального спора в Южно-Китайском море // CyberLeninka. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/arhipelag-spratli-kak-obekt-territorialnogo-spora-v-yuzhno-kitayskom-more/viewer (дата обращения: 03.06.2026).

3. Bild: Китай может напасть на Тайвань уже в 2026 году // Ведомости. – 07.11.2025. – URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2025/11/07/1153120-kitai-mozhet-napast (дата обращения: 03.06.2026).

4. Вьетнам подтвердил свой суверенитет над архипелагом Спратли и Парасельскими островами // ТАСС. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17982173 (дата обращения: 03.06.2026).

5. Дональд Трамп на 100% разозлился // Коммерсантъ. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8118356 (дата обращения: 03.06.2026).

6. К вопросу о территориальной принадлежности островов Сэнкаку (Дяоюйдао) // CyberLeninka. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-territorialnoy-prinadlezhnosti-ostrovov-senkaku-dyaoyuydao (дата обращения: 03.06.2026).

7. Китай продолжает военные учения вокруг Тайваня // Anadolu Ajansı. – 30.12.2025. – URL: https://www.aa.com.tr/ru/мир/китай-продолжает-военные-учения-вокруг-тайваня/3784912 (дата обращения: 03.06.2026).

8. КНР на учениях задействовала авианосец «Шаньдун» для отработки ударов по Тайваню // Морские вести России. – 02.04.2025. – URL: https://morvesti.ru/news/1679/114892/ (дата обращения: 03.06.2026).

9. Конвенция Организации Объединённых Наций по морскому праву (10 декабря 1982 года) // Гарант. – URL: https://base.garant.ru/2540700/c9c989f1e999992b41b30686f0032f7d/ (дата обращения: 03.06.2026).

10. Молокоедов Д.И. Политика США в Юго-Восточной Азии в контексте "разворота в АТР" // Международные отношения. – 2025. – № 4. – С. 39-59. – DOI: 10.7256/2454-0641.2025.4.75975. – EDN: GYDQVF. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75975 (дата обращения: 03.06.2026).

11. О чем говорили Трамп и Си Цзиньпин в Пекине: главное // Ведомости. – 14.05.2026. – URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2026/05/14/1197165-o-chem-govorili (дата обращения: 03.06.2026).

12. Парасельские острова как объект территориального спора в Южно-Китайском море // CyberLeninka. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/paraselskie-ostrova-kak-obekt-territorialnogo-spora-v-yuzhno-kitayskom-more (дата обращения: 03.06.2026).
13. Политические и правовые последствия вердикта Гаагского трибунала по иску Филиппин к Китаю // CyberLeninka. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-i-pravovye-posledstviya-verdikta-gaagskogo-tribunala-po-isku-filippin-k-kitayu (дата обращения: 03.06.2026).
14. Почему враждуют США и Китай. И чем это опасно для мировой экономики // T-J. – URL: https://t-j.ru/trade-war/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 03.06.2026).
15. Юго-Восточная Азия в контексте геополитического противостояния США и Китая // Repost.press. – URL: https://repost.press/news/yugo-vostochnaya-aziya-v-kontekste-geopoliticheskogo-protivostoyaniya-ssha-i-kitaya (дата обращения: 03.06.2026).
16. The Nine-Dash Line in the South China Sea: History, Status, and Implications // American Journal of International Law. – January 2013. – Vol. 107, Issue 1. – P. 98-123. – DOI: https://doi.org/10.5305/amerjintelaw.107.1.0098.

Сведения об авторе
К.А. Литвинова , магистрант направления международные отношения, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 334.02

ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРОЕКТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ (ДФО)

П.Р. Ломоткин, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Актуальность исследования обусловлена стратегической ролью Дальневосточного федерального округа (ДФО) и Приморского края в национальной экономике, где эффективное управление инвестиционными и инфраструктурными проектами является ключевым фактором развития. Цель – проанализировать влияние цифровой среды на трансформацию практик проектного управления в экономическом пространстве Приморского края. Научная новизна заключается в комплексной оценке цифровых инструментов в контексте специфики дальневосточных проектов, включая особенности логистики, климата и нормативного регулирования. Методы проведения работы включают системный анализ, сравнительный метод и контент-анализ данных о внедрении цифровых решений в организациях края. Результаты: цифровизация процессов управления проектами способствует повышению прозрачности, снижению рисков, оптимизации сроков и стоимости, а также формированию новой управленческой культуры. Основные выводы: цифровая среда выступает катализатором повышения конкурентоспособности проектного подхода в регионе, однако ее развитие сдерживается кадровым дефицитом, неравномерностью цифровой инфраструктуры и необходимостью адаптации типовых решений. Практическая значимость результатов заключается в формировании рекомендаций для органов власти, корпораций и управленческих команд по эффективной интеграции цифровых инструментов в проектную деятельность в условиях Дальнего Востока.*

Ключевые слова: *цифровая среда, проектное управление, экономическое пространство, Приморский край, Дальневосточный федеральный округ, цифровая трансформация, управленческие технологии.*

DIGITAL ENVIRONMENT AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF PROJECT MANAGEMENT IN THE ECONOMIC SPACE OF PRIMORSKY KRAI (FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT)

Abstract. *The relevance of the study is due to the strategic role of the Far Eastern Federal District (FEFD) and Primorsky Krai in the national economy, where effective management of investment and infrastructure projects is a key development factor. Purpose of the work is to analyze the impact of the digital environment on the transformation of project management practices in the economic space of Primorsky Krai. The scientific novelty lies in a comprehensive assessment of digital tools (BIM, ERP systems, collaboration plat-*

forms, big data) in the context of the specifics of Far Eastern projects, including logistics, climate and regulatory features. The research methodology includes system analysis, comparative method and analysis of statistical data on the implementation of digital solutions in organizations of the region. The results show that the digitalization of project management processes contributes to increased transparency, risk reduction, optimization of time and cost, as well as the formation of a new management culture. The main conclusions: the digital environment acts as a catalyst for increasing the competitiveness of the project approach in the region, but its development is constrained by a shortage of personnel, uneven digital infrastructure and the need to adapt standard solutions. The practical significance of the results lies in the formation of recommendations for government bodies, corporations and management teams on the effective integration of digital tools into project activities in the Far East.

Keywords: *digital environment, project management, economic space, Primorsky Krai, Far Eastern Federal District, digital transformation, management technologies.*

Экономическое пространство Приморского края, являющегося ключевым субъектом Дальневосточного федерального округа (ДФО), характеризуется высокой концентрацией стратегических инициатив государственного и частного характера. Реализация таких проектов, как развитие свободного порта Владивосток, территорий опережающего развития (ТОР), масштабных инфраструктурных объектов (например, мостовые переходы, модернизация транспортно-логистических узлов), требует применения современных подходов к управлению. Традиционные методы проектного управления сталкиваются в регионе с вызовами, связанными с географической удаленностью, сложными климатическими условиями, дефицитом квалифицированных кадров на местах и необходимостью межведомственной координации. В этих условиях цифровая среда становится не просто инструментом, а критическим фактором, переопределяющим сам подход к планированию, исполнению и контролю проектов.

Под цифровой средой в контексте проектного управления мы понимаем комплекс технологических решений, платформ и данных, которые обеспечивают цифровое взаимодействие всех стейкхолдеров, автоматизацию процессов, аналитику на основе данных и удаленную коллаборацию. К ключевым элементам такой среды относятся:

- специализированное программное обеспечение для управления проектами (ПО УП), в т.ч. системы класса PPM (Project Portfolio Management), такие как Microsoft Project, Jira, Asana, отечественные аналоги, позволяющие планировать задачи, распределять ресурсы, контролировать сроки и бюджет;
- информационное моделирование зданий и сооружений (BIM-технологии), критически важны для инфраструктурных и строительных проектов, доминирующих в программе развития ДФО;
- корпоративные ERP- и ECM-системы, которые интегрируют проектные данные в общую бизнес-логику организации, обеспечивая управление финансами, закупками, кадрами в рамках проекта;
- платформы для удаленной коллаборации и коммуникации: (Teams, Zoom, Miro), особенно востребованные для координации между головными офисами в центральной России и Азии и локальными проектными командами в Приморье;
- технологии больших данных и предиктивной аналитики, позволяющие анализировать риски, оптимизировать логистические цепочки, прогнозировать потребность в материалах и рабочей силе с учетом региональной специфики.

Внедрение элементов цифровой среды в практику управления проектами в Приморском крае имеет выраженный трансформационный эффект:

- повышение прозрачности и контроля, т.к. в отличие от традиционной отчётности с задержкой в дни или недели, цифровые дашборды предоставляют актуальную информацию в режиме реального времени, что критически важно для проектов с удалёнными участниками и сжатыми сроками;
- снижение операционных и финансовых рисков представляется возможным с помощью моделирования сценариев в BIM и предиктивной аналитики, что помогает заранее выявлять потенциальные конфликты, срывы сроков и перерасход средств, характерные для сложных дальневосточных проектов;
- оптимизация логистики и управления цепочками поставок, что возможно через использование цифровых платформ позволяет синхронизировать поставки материалов в удаленные районы края, минимизируя простой дорогостоящей техники и рабочей силы;

- цифровая среда создаёт предпосылки для смягчения кадрового дефицита, но не устраняет его полностью, поскольку многие компетенции требуют локального присутствия;

- формирование базы знаний через накопление цифровых данных по завершенным проектам.

Однако процесс цифровизации проектного управления в Приморском крае сталкивается с рядом ограничений, перечисленные ниже. Во-первых, неравномерность развития цифровой инфраструктуры. Высокоскоростной интернет и стабильная связь доступны преимущественно в крупных городах (Владивосток, Находка), в то время как многие проекты реализуются в удаленных и труднодоступных районах.

Во-вторых, дефицит цифровых компетенций. Нехватка специалистов, способных не только использовать, но и адаптировать сложные цифровые инструменты под специфику дальневосточных проектов. В-третьих, проблемы нормативно-правового характера. Внедрение, например, BIM-технологий на государственных объектах требует обновления стандартов и регламентов, что является длительным процессом. В-четвертых, высокая стоимость и сложность интеграции. Для средних и мелких компаний, участвующих в проектах, внедрение комплексных систем УП может быть экономически непосильным.

Кроме того, практика цифровой трансформации в других регионах показывает наличие негативных эффектов: рост киберугроз и утечек данных, сопротивление персонала внедрению, высокий процент неудачных внедрений ERP-систем.

Заключение

Таким образом, цифровая среда может выступать мощным фактором развития проектного управления в экономическом пространстве Приморского края, переводя его на качественно новый уровень эффективности, прозрачности и управляемости, однако её эффективность зависит от качества внедрения, кадрового обеспечения и учёта региональной специфики. Она становится ответом на традиционные вызовы Дальнего Востока. Наиболее критичным ограничением на текущий момент является дефицит цифровых компетенций в проектных командах, поскольку даже при наличии инфраструктуры и нормативной базы отсутствие квалифицированных пользователей делает цифровые инструменты неэффективными. Поэтому приоритетными мерами следует считать переподготовку проектных менеджеров и включение цифровых модулей в образовательные программы вузов Приморского края. Для максимальной реализации этого потенциала необходимы скоординированные действия со стороны государственных органов (развитие цифровой инфраструктуры, обновление нормативной базы, программы поддержки), образовательных учреждений (подготовка кадров, совмещающих проектную и цифровую экспертизу) и бизнес-сообщества (инвестиции в цифровые решения и развитие внутренней культуры data-driven управления). Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку типовых региональных цифровых моделей управления проектами разных типов (инфраструктурными, социальными, инновационными) с учетом уникальных условий Приморского края и всего ДФО.

1. Аньшин В.М., Даммер Н.Д. Проектное управление в России: проблемы и перспективы // Управление проектами и программами. – 2020. – № 4. – С. 2-10.

2. Гульнев Н.С., Ковалев С.В. Цифровая трансформация государственного управления проектами в регионе // Экономика региона. – 2022. – Т. 18, № 1. – С. 154-168.

3. Демченко М.В. BIM-технологии как основа цифровизации строительного комплекса Дальнего Востока // Инженерные изыскания. – 2021. – № 3. – С. 45-52.

4. Иванова А.А. Управление проектами в условиях цифровой экономики: новые вызовы и возможности. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – 256 с.

5. Концепция развития проектной деятельности в Российской Федерации (утверждена распоряжением Правительства РФ от 30.10.2021 № 3053-р).

6. Ларкин Ю.И. Стратегическое развитие Дальневосточного федерального округа: проектный подход. Владивосток: Дальнаука, 2019. 198 с.

7. Панов М.М. Анализ эффективности инвестиционных проектов в Приморском крае с использованием больших данных // Финансы и кредит. – 2023. – Т. 29, № 1. – С. 118-135.

8. Проектное управление: национальные и международные стандарты / под ред. В.И. Воропаева. – Москва: Изд-во МГУ, 2020. – 412 с.

9. Терехова Е.В. Формирование цифровой экосистемы для управления территориальными проектами (на примере ДФО) // Региональная экономика: теория и практика. – 2022. – Т. 20, № 5(512). – С. 950-967.

10. Чистяков В.В. Цифровые платформы в логистике: применение в проектах развития транспортной инфраструктуры Приморья // Логистика. – 2023. – № 2. – С. 34-41.
11. A Guide to the Project Management Body of Knowledge (PMBOK® Guide) – Seventh Edition. Project Management Institute, 2021.
12. Bharadwaj, A., El Sawy, O.A., Pavlou, P.A., Venkatraman, N. Digital Business Strategy: Toward a Next Generation of Insights // MIS Quarterly. 2013. Vol. 37, No. 2. P. 471-482.
13. Davenport, T.H., Westerman, G. Why So Many High-Profile Digital Transformations Fail // Harvard Business Review. 2018. Vol. 96, No. 4. P. 86-93.
14. Nambisan, S., Wright, M., Feldman, M. The Digital Transformation of Innovation and Entrepreneurship: Progress, Challenges and Key Themes // Research Policy. 2019. Vol. 48, No. 8.
15. Schwab, K. The Fourth Industrial Revolution. Geneva: World Economic Forum, 2016.

Сведения об авторе
П.Р. Ломоткин, магистрант, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 008:39:7.04(510)

ДИАЛОГ ЭПОХ В ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ КОДАХ ЮЖНОГО КИТАЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОХРАНЕНИЯ НАСЛЕДИЯ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГУАНДУНА

Лян Чжэнминь, аспирант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *На материале орнаментальной культуры народов Южного Китая (яо, чжуан, шэ) исследуется роль четырёх типов культурных институтов (от провинциального музея до рыночного креативного парка) в сохранении наследия и формировании этнической идентичности в условиях глобализации. Предложена трёхмерная аналитическая рамка «институциональный центр – семантика орнамента – этническая идентичность», раскрывающая механизм композитной идентичности (легальная, историко-культурная, локально-общинная, потребительская составляющие). Каждый тип института реализует особую стратегию — от канонизации до рыночной трансформации; показаны напряжения между стратегиями и обоснована необходимость «уважительных инноваций» с участием носителей культуры*

Ключевые слова и словосочетания: *орнаментальные коды, диалог эпох, культурные институты, сохранение наследия, этническая идентичность, национальные меньшинства Южного Китая, реконтекстуализация, культурная память, креативная трансформация, композитная идентичность.*

THE DIALOGUE OF THE EPOCHS IN THE ORNAMENTAL CODES OF SOUTHERN CHINA: INSTITUTIONAL ASPECTS OF PRESERVING THE HERITAGE AND ETHNIC IDENTITY OF GUANGDONG

Abstract. *Using the material of the ornamental culture of the peoples of Southern China (Yao, Zhuang, she), the role of four types of cultural institutions (from the provincial museum to the market creative park) in preserving heritage and shaping ethnic identity in the context of globalization is studied. A three–dimensional analytical framework "institutional center – semantics of ornament - ethnic identity" is proposed, revealing the mechanism of composite identity (legal, historical, cultural, local-communal, consumer components). Each type of institution implements a special strategy, from canonization to market transformation; the tensions between the strategies are shown and the need for "respectful innovations" involving cultural speakers is justified.*

Keywords: *ornamental codes, dialogue of epochs, cultural institutions, preservation of heritage, ethnic identity, national minorities of South China, recontextualization, cultural memory, creative transformation, composite identity*

Введение

Культуры национальных меньшинств Китая переживают период трансформации, сопряжённый как с новыми возможностями, так и с экзистенциальными вызовами. Вступив в эпоху модернизации и глобализации, они оказываются в ситуации, где универсальное вступает в сложное взаимодействие с локальным знанием [7; 6]. Традиционный орнамент – будь то вышивка на одежде, узоры плетения или декор утвари – предстаёт как семантически насыщенная подсистема культурной репрезентации.

Для народов Южного Китая (яо, чжуан, шэ), дисперсно проживающих в провинции Гуандун, орнамент выступает в качестве связи с предками, своего рода «культурного гена» и визуального кода, аккумулирующего историческую память, космологические представления, социальную иерархию и маркеры этнической идентичности (например, «Печать князя Паня» у яо, «Восьмиугольный узор», «Лягушачий орнамент» у чжуан) [11].

Однако традиционный уклад, ритуальный контекст и механизмы межпоколенческой трансляции, на которых базируются этнические орнаменты, сегодня подвергаются эрозии. Эту ситуацию призваны спасать государственные музеи, центры нематериального культурного наследия (НКН), локальные краеведческие музеи и креативные кластеры. Именно они сохраняют ключевые исторические пространства, интерпретируют и воспроизводят культурное наследие в современной среде, посредством культурно-образовательных практик, коллекционирования, экспонирования и креативной разработки осуществляя реконтекстуализацию этнических орнаментов. Тем самым они инициируют диалог эпох, преодолевающий временные и пространственные границы, и превращаются из пассивных «хранилищ древней старины» в активных производителей смыслов и конструкторов идентичности [1;4].

Актуальность исследования

Обращение к проблематике диалога эпох в орнаментальных кодах народов Южного Китая через призму культурных институтов обусловлено несколькими взаимосвязанными факторами.

Во-первых, глобализационные и модернизационные процессы создают унифицирующее давление на локальные культуры. Традиционные механизмы бытования орнаментов – ритуальная практика, внутриобщинная межпоколенная передача, ремесленный уклад – разрушаются или маргинализируются. Исходная семантика орнаментальных форм (космологическая, социально-регулятивная, мемориальная) утрачивается, что превращает фиксацию, интерпретацию и актуализацию орнаментального наследия из сугубо академической задачи в вопрос культурного выживания этнических сообществ.

Во-вторых, именно культурные институты сегодня становятся главными площадками встречи традиции и современности, беря на себя функции хранения, трансляции и наделения смыслом, ранее принадлежавшие семье и общине. Однако теоретическое осмысление того, как разные типы институтов – от государственного музея до рыночного креативного парка – работают с орнаментальной семантикой и с какими эффектами для этнической идентичности, остаётся фрагментарным. Существующие исследования сосредоточены либо на семиотике орнаментов, либо на музейной работе, либо на дизайне сувенирной продукции, но не предлагают интегрального взгляда на институциональную динамику.

В-третьих, провинция Гуандун представляет собой уникальный регион, где компактно проживают несколько национальных меньшинств (яо, чжуан, шэ) с богатейшей орнаментальной традицией, одновременно находящихся под мощным воздействием урбанизации и экономического развития дельты Жемчужной реки. Это создаёт как риски утраты наследия, так и возможности для инновационных форм его сохранения. Однако сравнительные исследования разноуровневых культурных институтов именно в этом регионе до сих пор не проводились.

В-четвёртых, практическая значимость темы связана с необходимостью выработки сбалансированной политики охраны наследия, учитывающей не только государственные приоритеты (фиксация, статистика, туристический потенциал), но и голоса самих носителей культуры, их право на интерпретацию собственных символов.

Проблематика сохранения культурного наследия национальных меньшинств, семиотики орнаментов и конструирования этнической идентичности разрабатывается в нескольких относительно самостоятельных научных направлениях.

Первое направление связано с культурно-семиотическим анализом орнаментальных систем. Восходя к классическим работам Ф. де Соссюра, Ч.С. Пирса и Р. Барта [5], современные исследователи рассматривают орнамент как знаковую систему, кодирующую космологиче-

ские, социальные и мемориальные смыслы. В китайской академической традиции накоплен значительный материал по орнаментике народов яо, чжуан и шэ (описание мотивов, техник, цветовой символики). Однако эти работы, как правило, сосредоточены на имманентной семантике узоров и не учитывают институциональный контекст их актуализации.

Второе направление представлено исследованиями в области музееведения и охраны НКН, где рассматриваются практики коллекционирования, экспонирования и интерпретации этнических артефактов [3; 11; 2]. Работы Лань Хайхуна [3] и Чэн Чжиин [11] фокусируются на конкретных институтах – например, на Музее народности яо провинции Гуандун – и анализируют их роль в трансляции традиции. Вэй Юнъюэ [2] исследует дизайн музейных креативных продуктов. Вместе с тем эти исследования носят преимущественно описательный или прикладной характер, не выстраивая общей теоретической рамки для сравнения разных типов культурных институтов по критериям работы с орнаментальной семантикой.

Данное исследование опирается на синтез трёх теоретических подходов: культурной семиотики (представление об орнаменте как знаковой системе) [5], теории культурной памяти (механизмы сохранения и трансляции смыслов через символические формы)[1] и теории производства пространства (институциональные практики как способы создания культурных смыслов в физической и социальной среде) [4].

В ходе исследования применён комплекс методов:

– библиографический анализ ключевых трудов по семиотике, культурной памяти, производству пространства, а также исследований по охране НКН и музейному делу [7; 5; 1; 4; 10; 3; 9];

– кейс-стади – отбор и изучение четырёх типичных институтов провинции Гуандун;

– полевое исследование (наблюдение за экспозиционной планировкой, пространственным дизайном и формами общественного обслуживания);

– сравнительный анализ – горизонтальное сопоставление институтов по параметрам позиционирования, нарративной стратегии, целевой аудитории и способам конструирования идентичности.

Орнаментальная культура национальных меньшинств Южного Китая (народы яо, чжуан, шэ) как феномен культурного наследия и визуальная знаковая система, фиксирующая историческую память, космологические представления и социальные регулятивы выступают объектом исследования. Объект охватывает: сами орнаментальные формы (вышивка, плетение, резьба по бытовым предметам); их традиционную семантику (ритуальную, мифологическую, мемориальную); материальные и нематериальные контексты бытования орнаментов в культуре народов Южного Китая.

Предмет исследования – механизмы, стратегии и эффекты актуализации семантики орнаментальных кодов в деятельности культурных институтов разного уровня (от провинциального музея НКН до сельского общинного музея и креативного парка) и их влияние на сохранение наследия и конструирование композитной этнической идентичности. Предмет конкретизируется через: дифференцированные практики декодирования, интерпретации и трансляции орнаментальной семантики в четырёх типах институтов; характер диалога эпох (соотношение традиционных смыслов и современных контекстов), инициируемого каждым типом института; формирование сложной, многослойной идентичности (легальная, историко-культурная, локально-общинная, потребительская) под влиянием этих институциональных практик.

Цель – изучить и систематизировать практики сохранения и инновационного развития орнаментальной культуры национальных меньшинств в различных типах культурных институтов Южного Китая, раскрыть механизмы их воздействия на актуализацию наследия и конструирование этнической идентичности.

Задачи:

1) сформировать теоретическую рамку анализа институциональных практик семантики орнаментов на основе синтеза культурной семиотики, теории культурной памяти и теории производства пространства;

2) провести углублённый анализ дифференцированных стратегий декодирования, трансляции и воспроизводства орнаментальной семантики в четырёх разноуровневых институтах провинции Гуандун;

3) выявить влияние институциональных практик на трансформацию этнокультурной идентичности и предложить теоретическое обоснование для экосистемной кооперативной охраны наследия.

Научная новизна заключается в трёх аспектах:

1. Предложена трёхмерная аналитическая рамка «институциональный центр – семантика орнамента – этническая идентичность», интегрирующая семиотический подход, теорию культурной памяти и теорию производства пространства.

2. Разработана компаративистская парадигма «дифференцированных практик многоуровневых институтов» – впервые проведено горизонтальное сравнение четырёх типов учреждений на полном спектре «государство – локальность», «официальное – народное», «охрана – освоение». Раскрыт механизм «композитной идентичности», сочетающей легальную, историко-культурную, локально-общинную и потребительскую составляющие, что преодолевает ограниченность эссенциалистских подходов [6; 9].

3. Теоретическая значимость заключается в развитии институциональной культурологии наследия (апробация трёхмерной аналитической рамки), концептуализации композитной этнической идентичности, типологии институциональных стратегий актуализации наследия (канонизация, этнографическая фиксация, живая общинная передача, креативная трансформация) и выявлении напряжений в экосистеме наследия (риск культурной апроприации, конфликт официальной и локальной семантики). Вводится понятие «уважительные инновации», где носители культуры выступают соавторами смыслов.

Практическая значимость определяется возможностью использования результатов в музейной и выставочной деятельности (проектирование экспозиций), в региональной культурной политике (разработка программ сохранения НКН), в образовательных курсах («Культурология», «Этнология», «Музейное дело»), а также в креативных индустриях для выстраивания этически ответственных моделей взаимодействия с носителями традиции.

Основная часть

Для формирования объёмного представления из множества институций отобраны четыре, репрезентирующие разные уровни и логики работы с наследием:

1. Провинциальный музей Нематериального культурного наследия (НКН) Гуандуна (макроинтегратор) – расположен в Художественном центре района Байэтань Большого залива (5 надземных этажей, общая площадь 26 000 м², экспозиционная – 10 400 м²). Основная экспозиция «Народное НКН – новые краски эпохи» включает 7 залов и 1 тематический зал. Пространственная композиция строится вокруг образа «баньянового дерева» (древа жизни / древа рода), вплетая «корневые нити семьи и государства» в канву экспозиции [3]. Музей оснащён театром, креативной зоной, мастерскими преемников.

Стратегия: систематизация и канонизация семантики через научную атрибуцию и государственный нарратив. Орнамент помещается в общекитайский культурный контекст, формируя «разрешённую» идентичность, согласованную с политикой культурного единства [6; 9].

2. Музей народности яо уезда Ляньнань-Яоского автономного района (этнический тематический нарратив) – фокусируется на генезисе, миграциях и ритуалах народа яо. Центральное место занимают орнаменты, связанные с культом предков (паньван-инь) и космогонией (бацзяо-вэнь). Экспозиция выстроена как хронологически-символическая линия, где каждый узор получает развёрнутое мифологическое и историческое обоснование [11; 2].

Стратегия: «археология памяти» – орнамент предстаёт как документальное свидетельство этнической истории. Формируется идентичность через общность происхождения и судьбы, посетитель (особенно молодой яо) оказывается включённым в эмоциональное сообщество, скреплённое сакральными визуальными кодами [8].

3. Музей народности шэ посёлка Чжэнго района Цзэнчэн г. Гуанчжоу (локальный общинный носитель) – сельский краеведческий музей, функционирующий как центр общинных мероприятий: занятия по вышивке, праздничные обряды, экскурсии, которые проводят старейшины и хранители НКН. Личные воспоминания, семейные истории и локальное знание передаются в иммерсивной устной форме.

Стратегия: орнамент не изымается из жизненного контекста, а связывается с повседневной практикой. Это максимально аутентичная форма сохранения культурной памяти, противостоящая отчуждению при «музеефикации». Здесь укрепляются кровнородственные связи и внутриобщинная идентичность на основе непосредственного диалога поколений [1; 11].

4. Креативный парк НКН яо «Шиюэ Шилю» (рыночно-ориентированное пространство) – создан путём реконструкции складских помещений бывшей снабженческо-сбытовой конторы. Руководствуясь концепцией «семи единств» (одежда, пища, жильё, передвижение, путешест-

вия, покупки, воспитание), он соединяет элементы культуры яо с современным дизайном. Дизайнеры осуществляют «семиотическую археологию» и «формальную очистку» орнаментов, извлекая цветовые гаммы, геометрические структуры и ключевые мотивы для модной индустрии, креативных продуктов, интерьера.

Стратегия: междисциплинарный диалог приращения стоимости по схеме «традиционный символ → современная эстетика → потребительский рынок». Орнамент переводится из сферы культурного наследия в сферу дизайнерского ресурса и модного символа, что порождает новые формы идентичности, где этническая принадлежность сочетается с позицией современного потребителя. Модель критикуется за риск культурной апроприации, однако она эффективно расширяет границы распространения культуры яо, создавая экономическую основу для обратной поддержки традиционного ремесла [10; 2].

Четыре кейса образуют функционирующую культурную экосистему. Провинциальный музей задаёт общие рамки и наделяет интерпретацию официальной легитимностью. Этнический тематический музей углублённо раскрывает исторические сюжеты, пробуждая культурные чувства этноса. Сельский краеведческий музей укоренён в локальной повседневности, обеспечивая преемственность ремёсел через живую передачу. Креативный парк, опираясь на рынок, расширяет каналы современного применения этнической культуры. Наблюдается комплементарность: административное управление «сверху вниз», общинная практика «снизу вверх» и рыночные стимулы взаимодействуют, образуя полицентричную модель. Однако существуют и внутренние напряжения. Канонизирующая интерпретация провинциального музея может вступать в конфликт с локальными, более вариативными значениями орнаментов, бытующими в деревнях. Рыночная эстетизация креативного парка подчас упрощает сложную космологическую семантику, что вызывает сопротивление хранителей традиции [5; 4]. Именно в зоне этих напряжений рождается динамичный диалог эпох, не позволяющий культурному наследию превратиться в «мёртвый экспонат».

Перед нами стояла задача в ходе исследования выявить феномены, которые представляют собой эмпирически зафиксированные и теоретически осмысленные закономерности, ранее не описанные в научной литературе в систематическом виде.

Феномен 1. Дифференцированные институциональные стратегии актуализации орнаментальной семантики.

Обнаружено, что каждый из четырёх типов культурных институтов реализует принципиально разную модель работы с орнаментом, что обусловлено их позиционированием в системе «государство – рынок – локальное сообщество»:

Таблица 1

Тип института	Выявленный феномен (стратегия)
Провинциальный музей НКН	Канонизация и авторитетная интерпретация – орнамент включается в общегосударственный нарратив, его семантика унифицируется и легитимируется через научную атрибуцию
Этнический тематический музей	Археология памяти – орнамент предстаёт как документальное свидетельство этнической истории, пробуждающее культурную память через хронологически-символическую экспозицию
Сельский краеведческий музей	Живая повседневная передача – орнамент не изымается из жизненного контекста, а связывается с текущей практикой (мастер-классы, обряды); семантика транслируется через устное наставничество старейшин
Креативный парк	Семиотическая экстракция и рыночная рекомбинация – из орнамента извлекаются формальные элементы (цвет, геометрия, мотив), которые затем пересобираются в продукты массового спроса, утрачивая исходную сакральную семантику

2. Феномен «комплементарно-напряжённой экосистемы»

Выявлено, что четыре типа институтов не существуют изолированно, а образуют функциональную культурную экосистему, в которой одновременно присутствуют:

- комплементарность (административное управление сверху вниз, общинная практика снизу вверх и рыночное стимулирование взаимно дополняют друг друга, создавая охват от государственного до локального уровня);

- напряжённость (канонизированная интерпретация провинциального музея может конфликтовать с локальными вариациями семантики; рыночная эстетизация креативного парка воспринимается хранителями традиции как упрощение или профанация).

Эти напряжения не разрушают систему, а, напротив, служат драйвером динамичного диалога эпох, не позволяя наследию превратиться в мёртвый экспонат.

3. Феномен «композитной идентичности»

Установлено, что у представителей национальных меньшинств, вовлечённых в практики разных культурных институтов, формируется не единая и застывшая этническая идентичность, а многослойный гибрид, который непрерывно конструируется и корректируется.

Таблица 2

Четыре слоя идентичности

Слой идентичности	Источник формирования
Легальная этническая принадлежность	Государственная политика, официальные классификаторы
Историко-культурная идентичность	Этнический музей, нарратив общего происхождения и судьбы
Локально-общинная идентичность	Сельский музей, повседневные практики соседства и родства
Идентичность потребителя модной культуры	Креативный парк, рынок сувениров и одежды с этническими мотивами

Важно то, что эти слои могут сосуществовать, а не замещать друг друга; индивид способен одновременно ощущать себя «истинным яо» и «современным городским потребителем».

4. Феномен «реконтекстуализации как механизма диалога эпох»

Обнаружено, что культурные институты осуществляют не просто «сохранение» орнаментов, а их реконтекстуализацию – перемещение из исходного ритуально-бытового контекста в новые пространства (музейный зал, выставочная витрина, креативный продукт).

При этом возникают эффекты:

- десакрализация (орнамент теряет ритуальную функцию, становится объектом эстетического созерцания или коммерции);

- гиперсемиотизация (в музейной экспозиции орнамент наделяется дополнительными объяснительными значениями, которых у него не было в традиции);

- эссенциализация (орнамент начинает восприниматься как «квинтэссенция» этничности, хотя в живой культуре его значение могло быть вариативным).

Именно через эти трансформации и осуществляется диалог между прошлым и настоящим.

5. Феномен «институционального производства этничности».

Установлено, что культурные институты выступают не пассивными «хранилищами», а активными производителями этничности. Они не просто отражают уже существующую идентичность, а конструируют её:

- через отбор того, какие орнаменты экспонировать (одни мотивы попадают в экспозицию, другие остаются в запасниках);

- через интерпретацию (один и тот же узор может быть представлен как «древний космологический символ» или как «народный декор»);

- через адресацию (для кого делается экспозиция – для туристов, для молодых яо, для исследователей).

Тем самым институты легитимируют определённые версии этнического прошлого и желательные формы настоящей идентичности.

6. Феномен «уважительных инноваций» как нормативный идеал (выявлен как потребность)

В ходе исследования зафиксировано, что ни один из существующих типов институтов полностью не удовлетворяет критерию этичной работы с наследием: провинциальный музей грешит унификацией, креативный парк – поверхностной апроприацией, сельский музей – локальной замкнутостью, этнический музей – музеефикацией. Поэтому выявлен феномен отсутствия – лакуна, которая осознаётся участниками процесса (носителями культуры, музейщиками, дизайнерами) как потребность в таких практиках, где носители культуры выступают не «объектами демонстрации», а соавторами смыслов. Этот феномен обозначен как зонтичный термин «уважительные инновации» – модель, которая только ещё должна быть разработана.

Таким образом, выявлены шесть взаимосвязанных феноменов – от конкретных стратегий четырёх типов институтов до общего механизма реконтекстуализации и нормативного дефицита этичных инноваций. Каждый из них вносит свой вклад в понимание того, как орнаментальные коды Южного Китая становятся ареной диалога эпох и институционального конструирования идентичности.

Заключение

Проведённое исследование подтверждает, что культурные институты различного уровня – от провинциального музея до сельского краеведческого центра и рыночного креативного парка – играют ключевую роль в диалоге эпох, обеспечивая сохранение, интерпретацию и актуализацию орнаментальных кодов народов Южного Китая. Каждый тип института реализует специфическую стратегию (канонизация, археология памяти, живая передача, рыночная рекомбинация), и в совокупности они образуют полицентричную экосистему с внутренними напряжениями, которые, однако, поддерживают динамику культурного процесса.

Выявленный феномен композитной идентичности показывает, что современная этническая принадлежность не сводится к эссенциалистским представлениям, а представляет собой гибрид, конструируемый под влиянием разных институциональных дискурсов. Лакуна «уважительных инноваций» указывает на необходимость дальнейшей разработки кооперативных моделей, в которых носители культуры становятся полноправными соавторами смыслов.

Перспективы исследования будут направлены на выработку этических принципов «уважительных инноваций», при которых носители культуры выступают полноправными партнёрами и соавторами смыслов, а не как «демонстраторы традиций». Дать орнаменту заговорить – значит не только позволить прошлому рассказать о себе настоящему поколению, но и вступить в диалог, дав различным голосам «встретиться, столкнуться и слиться» в современном культурном пространстве, предлагая каждому этносу на пути модернизации ответы на вопросы «как оставаться собой» и «как быть вместе» [9].

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – Москва: Языки славянской культуры, 2004.

2. Вэй Юнъюэ. «Предварительное исследование дизайна музейных креативных продуктов на основе квалиа-опыта – на примере Музея народности яо провинции Гуандун» // Литературно-художественный еженедельник. – 2022. – № 4. – С. 77–80.

3. Лань Хайхун. «Исследование защиты нематериального культурного наследия в провинции Гуандун – на примере вышивки яо» // Журнал Цзишоуского университета. – 2016. – № 5. – С. 113–118.

4. Лефевр А. Производство пространства. – Москва: Strelka Press, 2015.

5. Лотман Ю.М. Семиосфера. – Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2000.

6. Фэй Сяотун. Единство во множественности. – Пекин, 1999.

7. Фэн Цзицай. Культурная антропология нематериального культурного наследия. – Пекин, 2014.

8. Ху Лицзюань. «Исследование и размышления о роли этнического музея в передаче и развитии выдающейся традиционной культуры» // Культурная индустрия. – 2020. – № 27. – С. 154–155.

9. Хуан Юнлинь, Ли Юаньюань. «Логика развития политики охраны НКН в Китае в новом столетии и будущие ориентиры» // Фольклорные исследования. – 2023. – № 1. – С. 5–17, 156.

10. Чжан Цзиньвэй. «Исследование креативного развития нематериального культурного наследия в эпоху цифровизации» // Культура и инновации. – 2021. – № 3. – С. 45–52.

11. Чэн Чжиин. «От бытового предмета к культурному символу: роль музея в репрезентации культуры яо» // Культурное наследие. – 2019. – № 2. – С. 88–94.

Сведения об авторе

Лян Чжэнминь, аспирант, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 159.923.2

АРХИТЕКТУРА ЖИЗНЕННОГО МИРА КАК ФАКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ

А. Г. Майсурадзе, магистрант

В. И. Екинцев

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Исследуется концепт «архитектура жизненного мира» в качестве интегрального предиктора психологического благополучия личности. Впервые жизненный мир личности эксплицируется как динамическая многомерная система, включающая ценностно-смысловое ядро, пространственно-временную развертку и регуляторно-деятельностные паттерны. В работе раскрываются психологические механизмы, посредством которых структурно-архитектурные деформации жизненного мира (дезинтеграция, хронотопическая компрессия, смысловой вакуум) провоцируют снижение уровня субъективного благополучия и личностную дезадаптацию. Обосновывается терапевтический потенциал психологического консультирования, направленного на реконструкцию и гармонизацию архитектуры жизненного мира клиента.*

Ключевые слова: *архитектура жизненного мира, психологическое благополучие, экзистенциальная психология, консультативная психология, смысложизненные ориентации, суверенность психологического пространства, психологическое консультирование*

ARCHITECTURE OF THE LIFE WORLD AS A FACTOR OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF THE INDIVIDUAL

Abstract. *The study examines the concept of the "architecture of the life-world" as an integral predictor of an individual's psychological well-being. For the first time, the individual's life-world is explicated as a dynamic, multidimensional system comprising a core of values and meanings, a spatiotemporal unfolding, and regulatory-activity patterns. The paper reveals the psychological mechanisms through which structural-architectural deformations of the life-world—such as disintegration, chronotopic compression, and a vacuum of meaning—precipitate a decline in subjective well-being and lead to personal maladaptation. The therapeutic potential of psychological counseling aimed at reconstructing and harmonizing the architecture of the client's life-world is substantiated.*

Keywords: *architecture of the life world, psychological well-being, existential psychology, counseling psychology, meaningful life orientations, sovereignty of the psychological space, psychological counseling*

Современная социальная реальность характеризуется высокой степенью неопределенности, транзитивности и полифуркационности векторов общественного развития. В этих условиях проблема сохранения и поддержания психологического благополучия личности приобретает статус междисциплинарного консенсуса, требующего переосмысления классических номотетических подходов. Традиционные модели психологического благополучия (в частности, гедонистический подход Э. Динера или эвдемонистический подход К. Рифф) зачастую рассматривают благополучие как результирующую переменную, фиксирующую текущее состояние психики, оставляя за рамками анализа онтологический базис жизнедеятельности субъекта.

В консультативной психологии созрела очевидная необходимость перехода от симптоматического или функционального анализа личности к системно-онтологическому. Наиболее перспективным объяснительным конструктом в данном контексте выступает категория «жизненного мира», уходящая корнями в феноменологию Э. Гуссерля и получившая оригинальную психологическую разработку в трудах С. Л. Рубинштейна, Ф. Е. Василюка, Д. А. Леонтьева. Однако, несмотря на высокую эвристическую ценность данного понятия, до сих пор не осуществлена целостная экспликация архитектуры жизненного мира как жестко структурированного и одновременно динамического фактора, детерминирующего психологическое благополучие.

Цель настоящей статьи – теоретически обосновать и структурно описать архитектуру жизненного мира личности в качестве базового предиктора ее психологического благополучия, а также определить мишени консультативного воздействия для терапевтической реконструкции этой системы.

Теоретико-методологические основания исследования

Теоретическим фундаментом исследования послужил субъектно-деятельностный подход С. Л. Рубинштейна, рассматривавшего человека в контексте его бытия и взаимодействия с миром («Человек и мир»). Развивая эти идеи, Ф. Е. Василюк предложил типологию жизненных миров (простой, сложный, легкий, трудный) в зависимости от структуры внешних условий и внутренних ценностей.

Под архитектурой жизненного мира личности понимают целостную, многомерную, иерархически организованную систему субъективных репрезентаций отношений человека с ключевыми сферами его бытия, определяющую направленность, границы и качество его жизнедеятельности. Метафора «архитектуры» подчеркивает наличие несущих конструкций (базовых смыслов, убеждений), функциональных зон (сфер жизнедеятельности), границ (психологического пространства) и динамического баланса сил (усилий по совладанию с кризисами).

Психологическое благополучие, в свою очередь, рассматривается нами через призму концепции К. Рифф не как статичное переживание счастья, а как активный процесс самоосуществления, включающий шесть ключевых компонентов: автономию, управление средой, личностный рост, положительные отношения с окружающими, цели в жизни и самопринятие. Допущение состоит в том, что каждый из этих компонентов функционально связан со специфическими параметрами архитектуры жизненного мира.

Структурно-функциональная модель архитектуры жизненного мира

Архитектура жизненного мира личности включает в себя три фундаментальных измерения (модуса):

Ценностно-смысловое ядро (архитектоника смыслов). Это «фундамент» всей конструкции, состоящий из экзистенциальных ценностей, предельных смыслов и базовых убеждений (в понимании Р. Янофф-Бульман). Оно определяет устойчивость личности перед лицом экзистенциальных кризисов.

Пространственно-временная развертка (хронотоп жизненного мира). Включает в себя субъективную картину жизненного пути (А. А. Кроник), непрерывность психологического времени (прошлое – настоящее – будущее) и суверенность психологического пространства личности (С. К. Нартова-Бочавер).

Регуляторно-деятельностный паттерн и управление жизненными кризисами

Третье измерение архитектуры жизненного мира – регуляторно-деятельностный паттерн – определяет, насколько эффективно личность справляется с неизбежными вызовами и деформациями своей жизненной конструкции. Система стратегий совладания (копинг-поведение), механизмов психологической защиты и способов саморегуляции, посредством которых личность осуществляет «строительство» и защиту своего жизненного мира. Если копинг-стратегии личности преимущественно неадаптивны (избегание, самообвинение, эмоциональная разрядка без решения проблем), то даже изначально гармоничная деятельность со временем разрушается под грузом неразрешенных противоречий. Напротив, наличие гибкого репертуара проблемно-ориентированных стратегий совладания, подкрепленных развитой саморегуляцией, выступает «амортизирующей системой», позволяющей сохранять психологическое благополучие в условиях жизненных трудностей. Особое значение здесь приобретает способность к рефлексии собственных защитных механизмов, потому что их осознание и трансформация являются ключевыми мишенями консультативной работы.

Архитектура жизненного мира как фактор психологического благополучия

Взаимосвязь между архитектурой жизненного мира и показателями психологического благополучия носит детерминирующий характер. Рассмотрим основные психологические конфигурации этой архитектуры.

1. Смысловая архитектоника и экзистенциальная устойчивость

Гармоничная архитектура предполагает наличие дифференцированной и иерархизированной системы смыслов. Если ценностно-смысловое ядро моноцентрично (например, весь жизненный мир замкнут исключительно на профессиональной деятельности или на симбиотических отношениях), то деструкция этого центра неизбежно ведет к обрушению всей конструкции – экзистенциальному вакууму, депрессивным состояниям и резкому падению субъектив-

ного благополучия (критерии К. Рифф: «цели в жизни» и «самопринятие»). Полицентричная архитектура, напротив, обеспечивает компенсаторный ресурс при утратах в одной из сфер.

2. Хронотопические параметры и управление средой

Нарушение временной связности («разорванное время», фиксация на травматическом прошлом или эскапизм в фантазийное будущее) разрушает автономию и блокирует личностный рост. Сужение психологического пространства (утрата суверенности дома, тела, социальных связей) коррелирует с переживанием беспомощности и неспособностью управлять средой. Здоровая архитектура характеризуется «открытыми границами» при сохранении их жесткости против интервенций, а также сбалансированной временной перспективой (Ж. Нюттен), где прошлое интегрировано как опыт, настоящее насыщено деятельностью, а будущее содержит реалистичные цели.

Задачи и мишени консультативной психологической практики в рамках психологического консультирования и психотерапии: клиент часто предъявляет жалобы на депрессивные состояния, тревогу или утрату вкуса к жизни, что феноменологически является следствием деформаций архитектуры его жизненного мира. Иллюстрацией может служить случаи с жалобами на «полную потерю вкуса к жизни» после увольнения. Как правило в профессиональная деятельность составляла моноцентричное смысловое ядро ее жизненного мира. Утрата работы привела не просто к стрессу, а к тотальному «обрушению» архитектуры: сузилось психологическое пространство (клиентка перестала выходить из дома), временная перспектива сжалась до фиксации на прошлом, исчезли позитивные цели в будущем. Мишенью терапии стало не «восстановление карьеры», а архитектурная реконструкция — постепенное выстраивание полицентричной системы смыслов через актуализацию других сфер бытия (творчество, волонтерство, телесные практики).

Консультативный процесс в данном ключе выстраивается не как коррекция отдельных когнитивных искажений или отреагирование эмоций, а как совместное с консультантом архитектурное проектирование. Психолог выступает в роли «со-архитектора», помогая клиенту: отрефлексировать текущую планировку своего жизненного мира; обнаружить «ветхие» несущие конструкции (дезадаптивные установки); перераспределить внутренние ресурсы для укрепления суверенности и автономии личности.

Заключение

Теоретический анализ позволяет утверждать, что архитектура жизненного мира личности является базисным макрофактором, определяющим уровень ее психологического благополучия. Психологическое благополучие выступает прямым следствием структурной целостности, ценностной полицентричности, хронотопической связности и суверенности границ жизненного мира субъекта.

Внедрение концепта «архитектура жизненного мира» в консультативную практику позволяет системно описать генез личностных дезадаптаций и разработать научно обоснованные стратегии психологической помощи. Перспективы дальнейших исследований видятся в эмпирической валидизации представленной модели и разработке специализированного многофакторного опросника для диагностики параметров архитектуры жизненного мира.

Конкретные направления последующих эмпирических исследований могут включать: сравнительный анализ архитектуры жизненного мира у клинических и неклинических выборок (например, при тревожных и депрессивных расстройствах); лонгитюдное изучение динамики архитектурных параметров в процессе психотерапии; разработку и апробацию краткосрочных консультативных протоколов, ориентированных не на симптоматическую коррекцию, а на реконструкцию базовых измерений жизненного мира. Кроме того, представляет интерес кросс-культурная валидизация предлагаемой модели, позволяющая выявить универсальные и культурно-специфические аспекты архитектуры жизненного мира. Реализация этих направлений позволит перевести представленную теоретическую модель в практико-ориентированный инструмент психологической помощи.

1. Василюк Ф. Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. – Москва: Изд-во Московского ун-та, 1984. – 200 с.

2. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – Москва: Смысл, 2019. – 484 с.

3. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. — Санкт-Петербург: Питер, 2003. — 512 с.

4. Архитектура и психология: учебное пособие для вузов / А. В. Степанов, Г. И. Иванова, Н. Н. Нечаев. – Москва: Стройиздат, 1993. – 295 с. (переизд.: Москва: Юрайт, 2020. – 242 с.)

Сведения об авторах

А. Г. Майсурадзе, магистрант, Владивостокский государственный университет, консультативная психология, г. Владивосток, Россия

В. И. Екинцев, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 159.923.2

ВЗАИМОСВЯЗЬ АВТОНОМНОСТИ ЖЕНЩИН И ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В ОТНОШЕНИЯХ С МУЖЧИНАМИ

С.В. Макарова, магистрант

И.И. Черемискина, канд. психол. наук, доцент

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Представлены результаты эмпирического исследования автономности женщин и её роли в психологическом благополучии в партнёрских отношениях. На выборке из 35 женщин с помощью методики IDI и шкалы К. Рифф выявлено, что сниженная автономность чаще сочетается с низким самопринятием и управлением средой. Намечены мишени консультативной работы.*

Ключевые слова: *автономность, психологическое благополучие, женщины, партнёрские отношения, межличностная зависимость, эмоциональная опора, шкала К. Рифф, методика IDI*

RELATIONSHIP BETWEEN WOMEN'S AUTONOMY AND THEIR PSYCHOLOGICAL WELL-BEING IN RELATIONSHIPS WITH MEN

Abstract. *The article presents an empirical study of women's autonomy and its role in psychological well-being in partner relationships. In a sample of 35 women, using the IDI inventory and C. Ryff's scale, reduced autonomy was found to co-occur more often with low self-acceptance and environmental mastery. Counselling targets are outlined.*

Keywords: *autonomy, psychological well-being, women, partner relationships, interpersonal dependency, emotional reliance, Ryff scale, IDI inventory*

Введение

Современная российская семья переживает заметные изменения. Доля разводов остаётся высокой, и по данным, обобщённым ВЦИОМ и Росстатом, инициаторами расторжения брака чаще всего становятся женщины – на их долю приходится около 68–70% заявлений, особенно в возрастной группе до 50 лет [4]. За этой цифрой стоит не столько отказ от семьи как таковой, сколько возросшая чувствительность к качеству эмоциональной среды внутри пары. Женщины меньше готовы оставаться в отношениях, где они чувствуют себя несвободно – и именно поэтому вопрос об автономности и её связи с психологическим благополучием выходит на первый план.

Психологическое благополучие в современной науке трактуется не как простое отсутствие неблагополучия, а как многокомпонентное состояние, объединяющее самопринятие, наличие целей, способность управлять обстоятельствами своей жизни, личностный рост, качество отношений с окружающими и – что для нашей темы принципиально – автономию [3, 7]. Модель К. Рифф рассматривает автономию как одно из ядерных оснований благополучия: речь о способности опираться на собственные критерии, выдерживать давление социального мнения и регулировать поведение, исходя из внутренних установок.

В партнёрских отношениях автономность женщины приобретает особое звучание. С одной стороны, отношения предполагают близость, эмоциональную включённость, готовность учитывать другого. С другой – близость не равна растворению. Когда у женщины снижается

способность сохранять собственные границы, опираться на свои решения и переживать одиночество без острого чувства угрозы, формируется почва для эмоциональной зависимости от партнёра [1, 6]. Эта зависимость, в свою очередь, отражается практически на всех сторонах внутренней жизни: на отношении к себе, на ощущении контроля над происходящим, на готовности ставить и реализовывать собственные цели.

Проблема состоит в том, что традиционно автономность и зависимость рассматриваются в разных исследовательских рамках: автономность – в контексте позитивной психологии и моделей благополучия, зависимость – в контексте аддиктологии и психологии отношений. Эмпирических работ, где обе эти линии встречаются на материале одной выборки и оцениваются согласованным инструментарием, пока недостаточно. Особенно это касается женщин, находящихся в актуальных партнёрских отношениях с мужчинами, – то есть в ситуации, где автономность ежедневно подвергается проверке близостью.

Целью настоящей работы является выявление взаимосвязи между уровнем автономности женщин и показателями их психологического благополучия в отношениях с мужчинами. Гипотеза формулируется следующим образом: чем ниже выраженность автономности (по шкале IDI и шкале «Автономия» К. Рифф), тем ниже общий уровень психологического благополучия женщины; при этом снижение автономности предположительно сопровождается снижением таких компонентов благополучия, как самопринятие, управление средой и наличие целей в жизни.

Методы, результаты исследования и их обсуждение

Исследование выполнено на выборке из 35 женщин, состоящих в партнёрских (супружеских) отношениях с мужчинами. Возраст, уровень образования, профессиональная сфера и стаж отношений у участниц различались – отбор проводился по принципу случайной выборки, чтобы избежать концентрации признаков в одной возрастной или профессиональной группе. Диагностика проходила в дистанционном формате; такой выбор был обусловлен не только удобством, но и стремлением снизить эффект социальной желательности, который в очной ситуации проявляется особенно сильно при работе с темами зависимости и близости. Участие было добровольным, данные обрабатывались в обобщённом виде.

Методический комплекс включал две процедуры. Первая – тест межличностной зависимости IDI (Interpersonal Dependency Inventory) Р. Гиршфильда в адаптации О.П. Макушиной. Он позволяет оценить выраженность зависимых тенденций по трём шкалам: эмоциональная опора на других, неуверенность в себе и стремление к автономии. Для целей нашей работы центральной выступала именно третья шкала – она измеряет автономность как направленность к самоопределению, готовность нести ответственность за свои решения и опираться на собственные ресурсы [6]. Вторая методика – шкала психологического благополучия К. Рифф (полная версия, 84 утверждения), оценивающая шесть базовых компонентов: позитивные отношения с окружающими, автономию, управление средой, личностный рост, цели в жизни и самопринятие, а также интегральный показатель благополучия [7].

Сырые баллы по обеим методикам переведены в трёхуровневую систему (низкий – средний – высокий уровни выраженности) согласно нормативным данным. Этот шаг даёт возможность не только посчитать количественные распределения, но и зафиксировать качественные сочетания – то есть увидеть, как именно низкая автономность по одной методике пересекается с показателями благополучия по другой. Сводное распределение по ключевым шкалам представлено в таблице 1.

Таблица 1

Распределение респонденток по уровням выраженности автономности и компонентов психологического благополучия (n = 35)

Шкала	Низкий, n	Средний, n	Высокий, n
Стремление к автономии (IDI)	10	16	9
Эмоциональная опора (IDI)	8	15	12
Неуверенность в себе (IDI)	8	17	10
Автономия (Рифф)	9	17	9

Окончание табл. 1

Шкала	Низкий, n	Средний, n	Высокий, n
Управление средой (Рифф)	10	15	10
Самопринятие (Рифф)	8	16	11
Цели в жизни (Рифф)	8	15	12
Личностный рост (Рифф)	8	14	13
Психологическое благополучие (интегр.)	8	17	10

Первое, что обращает на себя внимание – согласованность двух методик. По шкале «Стремление к автономии» (IDI) низкий уровень показали 10 участниц, по шкале «Автономия» К. Рифф – 9 чел. Различие незначительное; обе шкалы фиксируют дефицит автономности у одной и той же подгруппы респонденток. При этом интегральный показатель IDI выявил признаки межличностной зависимости (хотя бы по одной из трёх шкал) у 24 участниц. Иначе говоря, автономность снижена не у меньшинства – это массовый феномен, согласующийся с пониманием зависимости как характерной черты современной культуры близких отношений [1, 5].

Второе наблюдение касается сопряжённости автономности и управления средой. У респонденток со сниженным стремлением к автономии по IDI преимущественно низкие или средне-низкие значения по шкале «Управление средой» Рифф. Женщина, которой трудно опираться на собственные решения в отношениях, столь же часто переживает дефицит контроля в широких жизненных обстоятельствах – в быту, работе, повседневном планировании. Это не два изолированных проявления, а единый паттерн нарушенной субъектности.

Третье – сопряжённость высокой эмоциональной опоры на партнёра со сниженным самопринятием. В подгруппе с высоким уровнем по этой шкале IDI (12 чел.) чаще встречаются низкие значения самопринятия по Рифф. Логика связи прозрачна: когда опорой служит другой человек, его одобрение начинает выполнять функцию подтверждения собственной ценности; без внешней валидации отношение к себе становится критичным. Параллельно у респонденток с высокой неуверенностью в себе (10 чел.) фиксируются низкие баллы по шкале «Автономия» Рифф – две шкалы оказываются почти зеркальными, что подтверждает согласованность диагностических данных.

Четвёртое наблюдение – ключевое для гипотезы. Группа с низким интегральным показателем психологического благополучия (8 чел.) практически полностью совпадает с группой, где сниженная автономность зафиксирована одновременно по двум методикам. То есть низкая автономность редко существует изолированно – она сочетается со снижением благополучия по нескольким направлениям сразу: самопринятие, управление средой, осмысленность целей. Это согласуется с описанным в гипотезе сочетанием признаков.

Пятое – компенсаторная роль личностного роста. Высокий уровень по этой шкале выявлен у 13 участниц. Среди них есть респондентки с признаками межличностной зависимости, и тем не менее общий уровень благополучия у них остаётся в зоне средних или высоких значений. Открытость новому опыту, готовность пересматривать представления о себе работают как ресурс, смягчающий последствия зависимых тенденций. Личностный рост не отменяет зависимости – но удерживает женщину от соскальзывания в полное психологическое неблагополучие.

Обобщение наблюдений даёт три типичных профиля. Ресурсный: высокая автономность, согласованная между методиками, высокие значения самопринятия и целей в жизни. Компенсаторный: сниженная автономность плюс выраженный личностный рост, благополучие в средней зоне. Дефицитарный: низкая автономность по обеим методикам, высокая эмоциональная опора на партнёра, сниженные самопринятие и управление средой – самый уязвимый профиль, требующий адресной психологической помощи. Полученные данные указывают на то, что в консультативной работе с женщинами ключевой мишенью оказывается не сама по себе тема партнёра, а восстановление автономности – она сочетается сразу с несколькими компонентами благополучия, и её укрепление даёт системный эффект.

Выводы

Проведённое исследование согласуется с выдвинутой гипотезой: сниженная автономность женщин в отношениях с мужчинами устойчиво сочетается с признаками снижения психоло-

гического благополучия. У 10 участниц автономность снижена, и эта подгруппа в большинстве случаев пересекается с группой респонденток с низкими показателями самопринятия, управления средой и общего психологического благополучия. Согласованность данных двух разных методик (IDI и шкалы К. Рифф) усиливает достоверность вывода.

Выявлены три типа сочетания автономности и благополучия – ресурсный, компенсаторный и дефицитарный, – каждый из которых задаёт свою стратегию психологического сопровождения. Особую роль играет личностный рост, частично компенсирующий негативное влияние зависимых тенденций и удерживающий уровень благополучия в средней зоне даже при сниженной автономности.

Практическая значимость работы связана с возможностью применения полученных данных в индивидуальном и групповом консультировании женщин: фокус на восстановлении автономности даёт системный эффект, поскольку затрагивает сразу несколько компонентов благополучия. Дальнейшие исследования целесообразно расширить за счёт корреляционного и регрессионного анализа сырых баллов, а также сравнения подгрупп по возрасту и стажу партнёрских отношений.

1. Березин С.В. Зависимость, созависимость, партнёрство: социально-психологический подход // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. – 2010. – № 1 (7). – С. 3–17.
2. Калинина Е.А. Анализ феномена психологической зависимости в парадигме юнгианской психологии: гендерный аспект // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2018. – Т. 24, № 4. – С. 65–69.
3. Карапетян Л.В. Внутреннее благополучие человека. – Москва: Психология и педагогика, 2020. – 199 с.
4. Карцева Л.В. Современная российская семья: проблемы и перспективы // Социологические исследования. – 2019. – № 4. – С. 92–101.
5. Лисецкий К.С. Психологические основы предупреждения наркотической зависимости личности: монография. – Самара: Универс-групп, 2007. – 124 с.
6. Макушина О.П. Психология зависимости: учебное пособие. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2007. – 79 с.
7. Рыбакова Н.А. Психологическое благополучие личности: понятие и основные уровни // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2014. – Т. 3, вып. 2. – С. 131–135.
8. Шамионов Р.М. Психология субъективного благополучия личности. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. – 296 с.
9. Ryff C.D. Psychological well-being revisited: advances in the science and practice of eudaimonia // Psychotherapy and Psychosomatics. – 2014. – Vol. 83, № 1. – P. 10–28.

Сведения об авторах

С.В. Макарова, магистрант, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

И. И. Черемискина, канд. психол. наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой общей и юридической психологии, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 811.111-26

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА КАЛАМБУРОВ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛАХ СОВРЕМЕННЫХ ВИДЕОИГР)

А.Е. Малеева, магистрант

А.В. Титовская, преподаватель кафедры межкультурной коммуникации и переводоведения, канд. ист. наук

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Статья посвящена проблеме перевода каламбуров в текстах видеоигр. Локализация игрового контента требует от переводчика не только передачи смысла, но и сохранения комического*

эффекта. Проведённый анализ показал: доминирующим типом игры слов в нашей выборке стало разрушение фразеологизмов (35%), а наиболее частотной переводческой трансформацией – опущение, зафиксированное в 55% случаев.

Ключевые слова: *каламбур, игра слов, перевод, переводимость, родство языков.*

THE ISSUE OF PUNS' TRANSLATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN (BASED ON MODERN VIDEO GAMES)

Abstract. *The article focuses on the problem of translating puns in video game texts. Localizing game content requires the translator not only to convey the meaning but also to preserve the comic effect. The analysis showed that the dominant type of wordplay in our sample was the deformation of phraseological units (35%), while the most frequent translation transformation was omission, recorded in 55% of cases.*

Keywords: *pun, wordplay, translation, translatability, cognation.*

Перевод каламбуров представляет собой процесс с высокой степенью неопределенности, сопряженный со значительными рисками потери смысловой аутентичности. Если в художественной литературе у читателя есть время на осмысление сноски или авторской иронии, то в видеоигре каламбур почти всегда воспринимается в момент звучания реплики или появления реплики на экране. Неудачное решение способно разрушить не только шутку, но и целостность образа персонажа. Русскоязычная аудитория особенно чувствительна к юмору и идиоматике: искажение привычной языковой игры мгновенно снижает вовлеченность зрителя в диалог на экране.

Актуальность данного исследования связана с тем, что перевод игры слов с английского на русский и сегодня остаётся серьёзным вызовом для переводчиков. Удачная передача каламбура в игровом тексте напрямую работает на вовлечённость: она даёт русскоязычному игроку более плотный, насыщенный и эмоционально точный опыт. Анализ переводческих решений на материале конкретных видеоигр, с учётом специфики интерактивного повествования, помогает выделить приёмы, которые способны обеспечить высокое качество локализации и заметно улучшить восприятие продукта русскоязычной аудиторией.

Теоретическая база перевода каламбура разработана достаточно подробно (работы В. С. Виноградова, С. Влахова и С. Флорина, В. З. Санникова), однако прикладных исследований на материале видеоигр по-прежнему не хватает. Часто выводы, сделанные на классических текстах, механически переносятся на реалии локализации игрового материала без учёта интерактивной специфики среды.

Объектом выступает игра слов в современных видеоиграх. Предметом исследования является анализ особенностей перевода игры слов в современных видеоиграх.

Цель исследования – проанализировать способы передачи игры слов с английского на русский язык на материале шести популярных видеоигр. Для достижения цели мы сформулировали четыре задачи: уточнить структуру и определение игры слов; выделить релевантные для анализа переводческие классификации; провести типологический и статистический разбор отобранных примеров; предложить собственные варианты перевода для тех случаев, где каламбур был утрачен.

Теоретические основы и методика анализа

Понятийный аппарат языковой игры восходит к работам Л. Витгенштейна, который трактовал её как осознанное отклонение от речевой нормы с целью создания экспрессивного эффекта [8]. Внутри этого широкого поля нас интересует более узкое явление – игра слов, или каламбур. Единого мнения о соотношении этих терминов в науке нет. Кембриджский словарь и Ю. М. Скребнев фактически отождествляют их, в то время как авторы «Энциклопедического словаря-справочника лингвистических терминов» видят в каламбуре лишь одну из разновидностей игры слов [7; 2; 3; 9]. Мы присоединяемся к позиции В. С. Виноградова и рассматриваем термины как синонимичные [5]. Вслед за исследователями мы определяем каламбур как стилистический оборот, комический эффект которого строится на объединении в одном контексте разных значений слова, омонимии или паронимии. Структурно он всегда держится на контрасте смыслов при общности графической либо звуковой формы.

В теории перевода под термином «переводимость» понимаются «объективно существующая возможность передать сообщение в условиях коммуникации с использованием двух язы-

ков», «принципиальная возможность перевести текст», «принципиальная возможность достижения эквивалентности относительно всего текста или какой-либо его части» [4].

Сложность перевода каламбура напрямую вытекает из этой двойственной природы. Опора на созвучие или похожее написание слов в одном языке почти никогда не находит прямого аналога в другом, особенно если язык перевода и исходный язык обладают малой степенью родства.

При изучении переводимости основное внимание уделяется тем факторам, которые определяют ход и результаты переводческого процесса. Один из таких факторов – степень родства между исходным языком и языком перевода (в нашем случае речь идёт об английском и русском). Чтобы понять, насколько английский и русский языки родственны, стоит обратиться к шкале, разработанной отечественным лингвистом С.Е. Яхонтовым. Исследователь выделил шесть степеней языкового родства. Английский и русский попадают лишь на пятую степень. Это означает, что заметить их родство может только специалист; сравнивать в таком случае приходится не весь словарный состав, а только те слова, которые выглядят общими – с большой вероятностью они окажутся недавними заимствованиями [10]. Поэтому при поиске подходящих соответствий для передачи игры слов нередко возникают серьёзные трудности.

Для системного описания переводческих решений мы обратились к двум классификациям. Типологию игры слов взяли из Большой советской энциклопедии (далее – БСЭ). В ней выделяются сопоставление омонимов, созвучие в узком контексте, столкновение омофонов и омографов, разрушение фразеологизмов, полисемия и шуточная этимологизация [6]. Стратегии перевода мы оценивали по восьмичастной сетке Д. Делабаститы – от прямого переноса «каламбур → каламбур» до нулевого перевода и редакторских примечаний [1].

Материал собирался методом сплошной выборки при просмотре 45 часов игрового процесса. Мы старались фиксировать каждый случай обыгрывания многозначности или звукового сходства, который был значим для развития диалога или характеристики персонажа. Итоговая выборка составила 20 единиц.

Результаты анализа

После проведения отбора языкового материала с содержанием каламбуров, мы распределили примеры по типам на основе классификации БСЭ. Абсолютным лидером оказалось разрушение и переосмысление устойчивых словосочетаний – 35% от общего числа. По 20% пришлось на созвучие в узком контексте и на полисемию. Омонимия и шуточная этимологизация встретились лишь по одному разу (по 5%). Случаи обыгрывания омографов не были обнаружены. Результат привел нас к следующему выводу: в играх с озвучкой графическая провокация без звуковой поддержки практически не работает.

Доминирующей переводческой стратегией стало опущение: 11 случаев из 20, то есть 55%. В терминах Д. Делабаститы, это схема «каламбур → не-каламбур». Иными словами, больше чем в половине фрагментов игра слов просто исчезла из русского текста, будучи заменённой нейтральным высказыванием. Калькирование применили в четырёх случаях (20%) – оно срабатывало только там, где внутренняя форма английского оборота имела полный русский аналог. Ещё в пяти примерах (25%) мы зафиксировали компенсацию – наиболее творческий, но и самый трудозатратный приём.

Приведём два контрастных примера. Яркий случай удачного калькирования находим в игре The Quarry. Персонаж Дилан, после неудачного броска телефона, иронизирует: «Maybe you should have put it in airplane mode?». Фразовый глагол и технический термин здесь сталкиваются, рождая каламбур на основе переосмысления прямого значения словосочетания «режим полёта». Русская локализация – «Может, нужно было включить режим полёта?» – полностью сохраняет и структуру, и юмор. По Д. Делабастите, это чистая модель «каламбур → каламбур». Такого результата при переводе, как мы видим, можно добиться только при условии, когда в исходном языке и языке перевода есть полные лексические эквиваленты. Словосочетания «Режим полёта» на русском и “Airplane mode” на английском в данном случае таковыми являются, что помогло нам перевести этот каламбур, используя прием «каламбур → каламбур».

Противоположную картину видим в диалоге из The Quarry про медведей. Оригинальная игра слов построена на омофонии herd (стадо) и heard (услышал). Дилан ошибочно говорит “swarm of bears” – «рой медведей», Райан поправляет: «herd of bears» (в переводе на русский: «косяк медведей»), на что Дилан, не расслышав, отвечает: «Yeah, I’ve heard of bears». Официальный перевод даёт: «Рой медведей... – Косяк медведей. – Косяк же вроде у птиц…». Калам-

бур разрушен полностью, более того – термин «косяк» биологически некорректен применительно к медведям. Мы предложили компенсаторный вариант с отсылкой к сказке «Три медведя»: «Рой медведей... – Семья медведей. – Ну да, я читал такую сказку». Здесь работает механизм аллюзии, который по классификации Д. Делабаститы можно маркировать как «каламбур → сходный стилистический приём».

В целом распределение стратегий по Д. Делабастите выглядит так: «каламбур → некаламбур» – 60%; «каламбур → сходный стилистический приём» – 10%; «каламбур → каламбур» – 10%; «каламбур ИЯ = каламбур ПЯ» (то есть с заменой образа) – тоже 10%. Стратегии нулевого перевода и редакторских примечаний не использовались ни разу – по-видимому, формат игрового диалога этого не предполагает.

Подводя итог, подчеркнём главный вывод: перевод игры слов в видеоиграх действительно остаётся зоной высокого риска. Опущение, занявшее 55% в нашей выборке, представляется нам вынужденной, но крайне нежелательной нормой для коммерческой локализации. Когда из каждых трёх каламбуров исчезают два, это неизбежно обедняет речевую характеристику персонажей и снижает качество локализации. Вместе с тем мы увидели, что компенсация позволяет удержать прагматику даже при полной смене семантики. Особенно хорошо это работает, если переводчик апеллирует не к словарным соответствиям, а к фоновым знаниям русскоязычного игрока (как в примере со сказкой про трёх медведей).

Ограничения нашего исследования связаны прежде всего с объёмом выборки. Также мы не учитывали визуальный ряд и невербальные аудиальные подсказки, которые иногда берут на себя часть смысловой нагрузки.

В перспективе возможно проведение опытно-экспериментального исследования: предоставить носителям альтернативные варианты перевода и замерить, насколько точно они считывают комический эффект. Кроме того, отдельного внимания заслуживает обратная стратегия «ноль → каламбур», которую мы в материале не встретили, но которая активно обсуждается в профессиональном сообществе локализаторов.

1. Delabastita, D. Wordplay as a translation problem: a linguistic perspective /D. Delabastita // Übersetzung, translation, traduction / H. Kittel, A. P. Frank,N. Greiner, T. Hermans, W. Koller, J. Lambert, F. Paul (eds.). – Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. – Vol. 1. – P. 600–606.
2. Translation of pun – English–Russian dictionary// Dictionary Cambridge – 2026 – Текст: электронный. – URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/pun (дата обращения 15.05.2026)
3. Translation of wordplay – English–Russian dictionary// Dictionary Cambridge – 2026 Текст: электронный. – URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/wordplay (дата обращения 15.05.2026).
4. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов высших учебных заведений. / И. С. Алексеева. –Москва: Изд. центр «Академия», 2004. – 352 с.
5. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – Москва: Издательство ИОСО РАО, 2001. – 224 с.
6. Каламбур: значение слова – Текст: электронный // Большая советская энциклопедия / гл. ред. О. Ю. Шмидт. - Москва: Советская энциклопедия, 1926-1947. – 400 с. Текст: электронный. – URL: https://gufo.me/dict/bse/Каламбур (дата обращения 20.05.2026)
7. Скребнев Ю. М. Основы стилистики английского языка: учебник для институтов и факультетов иностранного языка / Ю. М. Скребнев. - 2-е изд., испр. – Москва: Астрель, 2003. – 222 с.
8. Стилистический энциклопедический словарь. Языковая игра. – Текст: электронный // Наука. Искусство. Величие: Текст: электронный. – URL: http://rus-yaz.niv.ru/doc/stylistic-dictionary/articles/171/yazykovaya-igra.htm (дата обращения 15.05.2026)
9. Тихонов А. Н. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык / А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов. – Изд-е 4-е, перераб. – Москва: ФЛИНТА, 2014. – 840 с.
10. Яхонтов С.Е. Оценка степени близости родственных языков – Текст: электронный // Русский филологический портал Текст: электронный. – URL: http://www.philology.ru/linguistics1/yakhontov-80.htm (дата обращения 20.05.2026).

Сведения об авторах

А.Е. Малеева, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

А.В. Титовская , преподаватель кафедры межкультурной коммуникации и переводоведения, кандидат исторических наук, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 339.138

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ВЛИЯНИЯ РИСКОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ БИЗНЕС-СРЕДЫ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

И.А. Марченко, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье обобщены подходы к оценке уровня влияния рисков меняющейся международной бизнес-среды на деятельность российских компаний. Наиболее значительным риском в настоящий момент времени является риск усиления санкционного давления, поэтому основное внимание в статье уделено оценке влияния санкционных ограничений на деятельность российских компаний. В результатах отмечается, что непосредственно методика оценки влияния рисков международной бизнес-среды не изменилась, но требуется применение более вариативных методик (сценарного анализа, анализа чувствительности).*

Ключевые слова и словосочетания: *международная бизнес-среда, оценка рисков, санкции, оценка влияния санкций, риски международной бизнес-среды*

ON THE ISSUE OF ASSESSING THE IMPACT OF INTERNATIONAL BUSINESS ENVIRONMENT RISKS ON THE ACTIVITIES OF RUSSIAN COMPANIES

Abstract. *This article summarizes approaches to assessing the impact of risks from the changing international business environment on the activities of Russian companies. The most significant risk currently is the risk of increased sanctions pressure, so the article focuses on assessing the impact of sanctions restrictions on the activities of Russian companies. The results note that the methodology for assessing the impact of risks from the international business environment has not changed, but the use of more variable methods (scenario analysis, sensitivity analysis) is required.*

Keywords*: international business environment, risk assessment, sanctions, sanctions impact assessment, international business environment risks*

Международной бизнес-средой или внешней средой в международном бизнесе принято называть совокупность внешних факторов, оказывающих влияние на производственную и финансово-хозяйственную деятельность компании-участника внешнеэкономической деятельности. Внешнеэкономическая деятельность компаний сопряжена с большим количеством рисков, чем деятельность внутри страны. В первую очередь – это валютные риски (различная динамика курсов валют компаний-контрагентов). В настоящее время ключевое значение получили политические риски, так как санкционные ограничения в отношении российских компаний затрагивают не только их, непосредственно, но и к контрагентам могут быть применены вторичные санкции.

Актуальность исследования связана с усилением нестабильности международной бизнес-среды, в том числе с введением все новых ограничений и санкций в отношении российских компаний, что существенно затрудняет ведение внешнеэкономической деятельности, совершения экспортных и импортных операций, а также вынуждает компании больше времени уделять прогнозированию и оценке влияния данных видов рисков на результаты своей деятельности.

Данная тема достаточно широко представлена в научной литературе. Изучены виды рисков во внешнеэкономической деятельности [1-3], большое количество публикация посвящено вопросам санкционного давления [4-8]. Данилова Д.Г. и др. [3] отмечают, что предпринимательские риски в трансграничной торговле и бизнесе делятся на две категории по степени чувствительности к предпринимаемым мерам по минимизации: риски, на которые невозможно повлиять с целью минимизации, и те, на которые влияние возможно.

Несмотря на то, что первые санкции в отношении РФ были введены в 2014 году, и часть публикаций посвящена оценке их влияния на российский бизнес, с 2022 года и по настоящее время санкционное давление только усиливается, что приводит к необходимости учитывать

все новые и новые риски. Цзюй Сяосюе [4] отмечает, что «санкции, направленные против России, безусловно, создали серьезные проблемы для международных компаний, работающих на российском рынке. Данным компаниям приходится ориентироваться в сложной ситуации торговых ограничений, финансовых санкций и требований соответствия. Хотя они используют различные стратегии для снижения рисков, долгосрочные последствия санкций остаются неопределенными, потенциально воздействуя на динамику рынка и международные отношения».

В работе Годжаева Э.И [5] показано, что «после 2022 года санкции стали носить комплексный характер, они затронули расчёты, доступ к капиталу, страхование перевозок, поставки оборудования и программного обеспечения, а также механизмы контроля за обходом ограничений через третьи страны». Также он отмечает, что «в современных условиях анализ санкций уже не может ограничиваться юридическим описанием запретов. Он требует рассмотрения того, как меняются торговые маршруты, механизмы расчётов, экспортно-импортные потоки, структура посредников, страхование перевозок, инвестиционные решения и стоимость доступа к зарубежным рынкам».

В продолжение эволюции санкционного давления, А.П. Сомова и др. [6] подтверждают, что «санкционные ограничения перестали восприниматься как временный кризис, а стали основой для долгосрочного стратегического планирования». Также в их работе приводятся примеры, свидетельствующие «о формировании новой модели экспортной деятельности, основанной на диверсификации рынков и гибкой адаптации к меняющимся внешним условиям». Абросимова и др. [7] в своем исследовании анализируют государственные меры поддержки российских компаний, нацеленные на преодоление ими негативных последствий санкций. Донникова А.Ю. [9] рассматривает, как санкции сказываются на стоимости компаний. Теория экономических санкций рассматривает ограничения как инструмент внешнего давления, влияющий на поведение компаний через финансовые, торговые и технологические каналы [9]. «Однако для бизнеса эффект санкций проявляется не абстрактно, а через конкретные управленческие показатели: выручку, расходы, оборотный капитал, ликвидность и ставку риска. Следовательно, анализ санкционной среды целесообразно связывать с управлением стоимостью компании, а не только с описанием внешнеполитических ограничений».

Несмотря на то, что вопросы санкций и усиливающихся рисков международной бизнес-среды рассмотрены широко, отдельные аспекты, касающиеся методик оценки влияния рисков международной бизнес-среды, в литературе не освещены. Цель данного исследования проанализировать различные аспекты влияния рисков международной бизнес-среды (в том числе санкций) на эффективность как российского, так и международного бизнеса на российском рынке.

Оценивая влияние санкций на результаты деятельности компании, на примере РУСАЛ, Шальнева М.С и Меркулова А.Р. [10], рассматривают динамику производства алюминия, динамику выручки, чистой прибыли, рентабельности продаж. Активов и собственного капитала, завершается анализ расчетом капитализации. На основании анализа экономических показателей деятельности компании РУСАЛ они отмечают «высокую адаптационную способность компании в период санкционного давления на экономику страны, что позволило успешно преодолевать вынужденные ограничения с минимальными потерями». Более того, они пришли к выводу, что «в новых условиях у компании есть потенциал для развития и роста финансовых результатов за счет создания новых логистических сетей и развития навыков быстрого реагирования на вновь возникающие экономические вызовы и угрозы, а также посредством переориентации на новые рынки». При этом в исследовании отсутствует четкая корреляция между санкциями и, например, ростом цен на алюминий и сырье для его производства.

Оценивая влияние санкций ЕС на динамику инфляции в РФ в 2022–2023 гг., обусловленную в том числе ростом цен на газ населению в условиях сокращения выручки от продажи газа ПАО «Газпром» в контексте снижения экспорта природного газа России в Европу, Руднева А.О. [11] отмечает наличие ряда исследований, посвященных оценке эффектов от введенных санкций. Эффективность санкций повышается, если они носят недолговременный характер, и эффекты для стран-инициаторов менее выражены, нежели для России [12]. Последствия энергетических санкций определяются исходя из их влияния на финансовые показатели компаний топливно-энергетического сектора, а также на динамику ВВП, иностранных инвестиций, валютного курса российского рубля к доллару США и инфляции. В своей работе, Руднева А.О., на основании анализа статистических данных о направлениях экспорта газа и динамике выручки ПАО «Газпром», построила МНК-модель, согласно которой «при росте экспор-

та трубопроводного газа России в Европу на 1 млрд куб. м выручка ПАО «Газпром» увеличивается по итогам следующего года на 0,0243 трлн руб. или на 24,3 млрд руб» [11].

Д.А. Будадина и др [13] провели оценку хеджируемых рисков российских металлургических компаний в условиях санкций. «Санкции негативно влияют не только на производство и экспорт продукции металлургических компаний, но и порождают огромные риски, влияющие на их деятельность, в частности финансовые. Риск изменения процентных ставок может отрицательно сказаться на финансовых результатах металлургических компаний, так как у них имеются кредиты и займы с плавающими процентными ставками. Большая доля кредитных организаций представлена в долларах США и евро с плавающими процентными ставками, что может в дальнейшем привести к валютному риску». В целом финансовые результаты металлургических компаний чрезвычайно связаны с валютным курсом, потому что имеют обязательства в валюте, считают выручку от экспорта металлов в долларах, имеют активы, которые числятся в валюте.

Интересным в плане формулировки рисков является исследование Е. Чаткиной и др. [13]. В своей работе они выявили отраслевые риск-факторы (рыночные риски, риски ликвидности, кредитные риски, политические риски, операционные риски), сгруппировали их и сформулировали потенциальные возможности их снижения. Далее ими был проведен анализ устойчивости компаний АПК к воздействию выявленных ранее риск-факторов, которая включал следующие направления оценки: тренды производственных показателей, эффективность операционной деятельности, эффективность инвестиционной деятельности, оценка финансовой устойчивости и эффективность развития бизнеса.

П.П. Кипарисов [14] акцентирует внимание на необходимости разработки более адаптивных и гибких методов оценки, позволяющих международным компаниям успешно противостоять санкционным вызовам и сохранять стабильность. Резюмируя, он рекомендует использовать такие методы анализа как сценарный анализ, стресс-тестирование, анализ уровня уязвимости компании перед угрозами, метод реальных опционов, а также эконометрические модели.

Таким образом, оценка влияния (воздействия) рисков в международной бизнес-среде (в том числе санкций) во всех публикациях сводится к оценке финансового состояния компании до и после реализации того или иного риска. И в этом смысле наиболее наглядный результат дает анализ чувствительности отдельных показателей финансового состояния компаний к факторам риска международной бизнес-среды. Непосредственно санкционное влияние выявить невозможно, потому что это не экономический показатель, который мы могли бы включить в модель, а некий запрет, регуляторное условие. А уже этот запрет приводит к тем или иным изменениям экономических показателей, воздействие которых на эффективность работы российской компании мы уже можем оценить путем использования эконометрических моделей или сценарного анализа, анализа чувствительности.

Кроме того, наличие негативных факторов в международной бизнес-среде (запреты на поставки товаров, запреты на осуществление расчетов, запреты на перемещения членов руководства компаний) приводят к повышению операционных затрат деятельности компаний (смена покупателей, изменение логистики: доставки товаров и сырья, формирование новых способов международных расчетов) и снижению выручки, в результате чего компания может получить убытки. Изменение затрат и выручки вполне возможно спрогнозировать и оценить дальнейшее их влияние на величину прибыли компании. Отметим, что при этом важно различать, например, повышение цены в результате инфляции или изменения валютного курса, от повышения цены в результате санкционных ограничений.

В качестве вывода отметим, что существующие методики оценки влияния рисков на деятельность компаний, вполне применимы для оценки влияния рисков международной бизнес-среды на деятельность российских компаний, занимающихся ВЭД. Отличие будет заключаться в идентифицируемых рисках, а также степен воздействия.

1. Полякова М.А., Илышева М.А. Возможности и риски для российских компаний при выходе на международные рынки // Маркетинг и управление проектами и современных реалиях России: проблемы, вызовы, решения. – 2024. – №3. – С.388-390.

2. Хренов М.В. Анализ рисков внешнеэкономической деятельности для российских компаний в современных условиях // Экономические науки. Научно-информационный журнал. – 2024 – N 9. – С.396-399.

3. Данилова Д.Г., Ишик И.Н. Предпринимательские риски в трансграничных торговле и бизнесе: вызовы и решения // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 4. – С. 210-215.

4. Цзюй Сяосюе. Влияние санкций на эффективность компаний международного бизнеса на российском рынке // Столыпинский вестник. – 2023. – №9. – С. 4676-4682.
5. Годжаев Э. И. Эволюция санкционного давления на Российскую Федерацию и его влияние на внешнеэкономическую деятельность // Вестник науки. – 2026. – №4 (97). – С. 107-115.
6. Сомова А. П., Виноградова Е. Д. Адаптация российского бизнеса к санкционному режиму в 2024-2025 годах // Вестник науки. – 2026. – №1 (94). – С. 140-144.
7. Влияние санкций на внешнеэкономическую деятельность российских компаний и меры государственной поддержки / Т. Ф. Абросимова, Ю. В. Рыбина, И. И. Рязанцев, Л.А. Кабардокова // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2024. – № 12. – С. 169-172.
8. Рощина Л. Н., Гнатковский А. А. Особенности внешнеэкономической деятельности России: основные тенденции и перспективы развития в условиях новых вызовов // Прогрессивная экономика. – 2026. – №2. – С. 157-177.
9. Донникова А. Ю., Иванова О. С. Влияние санкционных ограничений на стоимость бизнеса в международной логистике: цифровые платежные механизмы и риск-менеджмент // Вестник науки. – 2026. – №5 (98). – С. 103-112.
10. Шальнева М.С., Меркулова А. Р. Влияние экономических санкций на финансовую результативность российских компаний цветной металлургии на примере РУСАЛ // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15. – № 6. – С. 1-10.
11. Руднева А. О. Инфляционные риски санкционного давления ЕС на газовую отрасль РФ // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2025. – Т. 16, № 2. – С. 316-334.
12. Гринберг Р.С., Белозеров С.А., Соколовская Е. Оценка эффективности экономических санкций: возможности систематического анализа // Экономика региона. – 2021. – Т. 17, № 2. – С. 354–374.
13. Чаткина Е.И., Казакова Н.А. Анализ риск-факторов и оценка устойчивости развития АПК в условиях санкций // Финансы: теория и практика. – 2024. – №2. – С. 166-177.
14. Кипарисов П.П. Идентификация ключевых проблем в методах оценки воздействия экономических санкций на операционную деятельность и финансовую устойчивость международных компаний // Kant. – 2024. – №4 (53). – С. 55-62.

Сведения об авторе
И.А. Марченко, магистрант, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 504.3.054

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА ВО ВЛАДИВОСТОКЕ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ МИКРОРАЙОНА «ЗЕЛЕНЫЙ БУЛЬВАР»

М.О. Марченко, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Рассмотрено влияние автомобильного транспорта на качество атмосферного воздуха в микрорайоне «Зеленый Бульвар» во Владивостоке. Проведена оценка транспортной инфраструктуры, выявлены основные загрязняющие вещества, представлены расчеты рассеивания, проанализировано воздействие поллютантов на здоровье человека и окружающую среду, предложены мероприятия по снижению негативного воздействия.*

Ключевые слова и словосочетания: *автотранспорт, атмосферный воздух, загрязнение, выбросы, Владивосток, жилая застройка, рассеивание загрязняющих веществ, воздействие на здоровье.*

ENVIRONMENTAL PROBLEMS OF MOTOR TRANSPORT IN VLADIVOSTOK AND WAYS TO SOLVE THEM USING THE EXAMPLE OF THE GREEN BOULEVARD MICRODISTRICT

Abstract. *The article examines the impact of motor vehicles on air quality in the Zeleny Bulvar microdistrict of Vladivostok. The transport infrastructure is assessed, the main pollutants are identified, dispersion cal-*

culations are presented, the impact of pollutants on human health and the environment is analyzed, and measures to reduce negative impacts are proposed.

Keywords: *motor vehicles, air pollution, emissions, Vladivostok, residential development, pollutant dispersion, health impact*

Актуальность. Автомобильный транспорт является одним из основных источников загрязнения атмосферного воздуха. Увеличение уровня автомобилизации населения, рост интенсивности транспортных потоков и комплексная точечная жилая застройка приводят к повышению нагрузки на атмосферный воздух. Во время эксплуатации автотранспорта в окружающую среду поступает широкий спектр загрязняющих веществ, оказывающих негативное влияние на здоровье населения и состояние городских экосистем. Основными источниками загрязнения являются выхлопные газы двигателей внутреннего сгорания, испарения топлива, продукты износа шин и тормозных механизмов, а также дорожная пыль.

Особую актуальность проблема загрязнения атмосферного воздуха выбросами автотранспорта имеет во Владивостоке. Это утверждение основано на данных Государственного доклада об экологической ситуации в Приморском крае за 2023–2024 годы. Владивосток – город со сложным рельефом и специфическими природно-климатическими условиями, а также один из самых автомобилизированных городов России. Помимо сложного рельефа, Владивосток характеризуется точечной застройкой ранее застроенных районов, комплексным строительством жилых комплексов в новых районах, узкими дворовыми и прилегающими дорогами, высокой концентрацией транспортных потоков, неразвитой инфраструктурой общественного транспорта и значительным количеством личного автотранспорта на душу населения [1, с. 45].

Микрорайон «Зеленый Бульвар» является типичным примером современной жилой застройки Владивостока с высокой плотностью населения и дефицитом парковочных мест. Данная территория характеризуется плотной комплексной жилой застройкой с преобладанием многоквартирных домов средней и повышенной этажности, ограниченными размерами дворовых территорий, узкими внутридворовыми и прилегающими дорогами, а также недостаточной обеспеченностью организованными парковочными местами. Въезды и выезды из микрорайона представляют собой дороги с двусторонним движением шириной в одну полосу для каждого направления. Внутридворовое пространство преимущественно используется для размещения автомобилей и пешеходного движения. Автомобили располагаются не только на санкционированных парковках, но и припаркованы вторым рядом, вдоль фасадов зданий, детских площадок, на проездах и тротуарах — на иных не предназначенных для этого участках дворовой территории.

Научная новизна заключается в комплексной оценке воздействия автомобильного транспорта на качество атмосферного воздуха в условиях конкретного микрорайона Владивостока с применением программного комплекса УПРЗА «Эколог», детальным анализом воздействия каждого загрязняющего вещества на организм человека и окружающую среду, а также разработкой адресных мероприятий, учитывающих специфику приморского города.

Цель и задачи. Цель исследования – анализ экологических проблем функционирования автомобильного транспорта во Владивостоке и поиск путей их решения на примере микрорайона «Зеленый Бульвар».

Задачи:

1) оценить транспортную инфраструктуру микрорайона и условия размещения автомобилей;

2) провести подсчет количества автомобилей на придомовых территориях;

3) определить перечень и объемы выбрасываемых загрязняющих веществ;

4) выполнить расчет рассеивания выбросов с определением максимальных концентраций в контрольных точках;

5) проанализировать воздействие каждого загрязняющего вещества на здоровье человека и окружающую среду;

6) предложить мероприятия по снижению негативного воздействия.

Методы исследования. Использован метод прямого полевого подсчета припаркованных автомобилей по адресам: ул. Зеленый Бульвар, 28, 30, ул. Нейбута, 141. Расчет рассеивания загрязняющих веществ выполнен в программном комплексе УПРЗА «Эколог» в соответствии с Приказом Минприроды России от 06.06.2017 № 273 (МРР-2017) [5]. Для определения долей ПДК выбрано 12 расчетных (контрольных) точек на углах жилых домов. Анализ воздействия

веществ проведен на основе данных отечественных и зарубежных исследований в области экологической токсикологии и гигиены окружающей среды.

Полученные результаты. Транспортная нагрузка и объемы выбросов. В результате полевых подсчетов выделено 17 источников загрязнения атмосферы (ИЗА), на которых суммарно насчитано 510 автомобилей. При расчетах в программе УПРЗА «Эколог» были определены следующие вещества: оксид углерода (код 0337), бензин (нефтяной, малосернистый) (2704), диоксид азота (0301), керосин (2732), диоксид серы (0330), оксид азота (II) (0304), углеводороды предельные С1-С5 (0415), углерод (сажа) (0328). Суммарный разовый выброс составил 13,406 г/с, годовой — 5,390 т/год. Наибольшая доля приходится на оксид углерода — 87,6 % от разовых выбросов и 84,6 % от годовых. Бензин составляет 8,6 % от разовых выбросов. Остальные шесть веществ в сумме дают менее 4 % от общего объема выбросов: диоксид азота — 1,82 %, керосин — 0,70 %, диоксид серы — 0,54 %, оксид азота — 0,30 %, сажа — 0,12 %, углеводороды — 0,01 % [2, с. 112].

Максимальные концентрации загрязняющих веществ. По результатам расчетов в программе УПРЗА «Эколог» для 12 контрольных точек были определены максимальные концентрации (в долях ПДК и в мг/м³). Данные представлены в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, максимальные превышения долей ПДК наблюдаются в трех контрольных точках по трем веществам: 10,91 ПДК в РТ №8 для диоксида азота (3 класс опасности), 4,37 ПДК в РТ №5 для оксида азота (3 класс опасности), 1,01 ПДК для сажи (3 класс опасности). Также превышение фиксируется для бензина — 1,34 ПДК. Оксид углерода при концентрации 70,44 мг/м³ превышает ПДК в 14,09 раза. Полученные данные подтверждают, что плотная застройка и недостаток организованных парковок создают условия для накопления загрязняющих веществ в приземном слое атмосферы [3, с. 78].

Таблица 1

Максимальные концентрации загрязняющих веществ в расчетных точках микрорайона «Зеленый Бульвар»

Код	Наименование вещества	ПДК м.р., мг/м³	Макс. концентрация, доли ПДК	Макс. концентрация, мг/м³	№ КТ	Источник с макс. вкладом
0301	Азота диоксид	0,20	10,91	2,182	8	6014
0304	Азот (II) оксид	0,40	4,37	1,748	5	6014
0328	Углерод (Сажа)	0,15	1,01	0,152	8	6014
0330	Сера диоксид	0,50	0,53	0,265	8	6008
0337	Углерод оксид	5,00	14,09	70,444	10	6014
0415	Углеводороды предельные С1-С5	200,00	0,002	0,422	5	6007
2704	Бензин (нефтяной)	5,00	1,34	6,715	8	6014
2732	Керосин	1,20	0,29	0,344	10	6008

Диоксид азота (NO□, код 0301). Диоксид азота относится к 3 классу опасности. Это газ красно-бурого цвета с резким запахом. Даже в небольших концентрациях (0,2–0,5 мг/м³) диоксид азота вызывает раздражение слизистых оболочек глаз и дыхательных путей, кашель, затруднение дыхания. При длительном воздействии снижается иммунитет, возрастает частота бронхитов и пневмоний, особенно у детей. Диоксид азота способствует развитию бронхиальной астмы. Воздействие на окружающую среду: NO□ участвует в фотохимических реакциях, приводя к образованию приземного озона и фотохимического смога. Также диоксид азота способствует образованию кислотных дождей, которые подкисляют почвы и водоемы. В нашем исследовании максимальная концентрация NO□ составила 10,91 ПДК, что является критическим значением для жилой зоны [3, с. 76].

Оксид азота (NO, код 0304). Оксид азота — бесцветный газ, менее токсичен, чем NO□, однако в атмосфере быстро окисляется до диоксида азота. При высоких концентрациях (выше 1,5–2,0 мг/м³) вызывает головокружение, слабость, снижение артериального давления. Длительное воздействие способствует развитию хронических заболеваний дыхательной системы и

нарушению кислородтранспортной функции крови. В микрорайоне зафиксировано 4,37 ПДК по оксиду азота, что также свидетельствует о серьезной нагрузке.

Углерод (сажа, код 0328). Сажа представляет собой твердые частицы углерода размером от 10 нм до 1 мкм. Класс опасности — 3. Сажа является канцерогеном (группа 2В по классификации МАИР). Частицы сажи глубоко проникают в легкие, вызывая воспалительные процессы, способствуют развитию рака легких, сердечно-сосудистых заболеваний. На поверхности сажи адсорбируются тяжелые металлы и бенз(а)пирен, что многократно усиливает ее токсичность. Воздействие на окружающую среду: сажа оседает на листьях растений, нарушая фотосинтез, загрязняет почву и снежный покров, снижает альбедо снега, ускоряя его таяние. Полученное превышение в 1,01 ПДК является значимым, особенно с учетом способности сажи к накоплению в жилых помещениях.

Диоксид серы (SO□, код 0330). Диоксид серы — бесцветный газ с резким запахом, 3 класс опасности. Вызывает спазм бронхов, раздражение слизистых оболочек глаз и верхних дыхательных путей. При концентрациях выше 0,5 мг/м³ (наши данные — 0,265 мг/м³, что ниже ПДК, но систематическое воздействие опасно) ухудшается легочная вентиляция. Хроническое воздействие приводит к хроническому бронхиту и бронхиальной астме. Воздействие на окружающую среду: SO□ — основной компонент кислотных дождей, вызывающий закисление почв, озер и разрушение известняковых зданий и памятников архитектуры.

Оксид углерода (CO, код 0337). Оксид углерода — бесцветный газ без запаха, 4 класс опасности. Связывается с гемоглобином в 200–300 раз активнее кислорода, образуя карбоксигемоглобин, что блокирует транспорт кислорода к тканям. При длительном воздействии даже в концентрациях 10–20 мг/м³ возникают головные боли, снижение внимания, утомляемость. Высокие концентрации (выше 100 мг/м³) приводят к потере сознания и смерти. В нашем случае максимальная концентрация CO составила 70,44 мг/м³, что превышает ПДК (5 мг/м³) в 14,09 раза. Воздействие на окружающую среду: CO влияет на климат, участвуя в реакциях с гидроксильными радикалами, что увеличивает время жизни метана в атмосфере.

Углеводороды предельные C1-C5 (код 0415). Легкие углеводороды (метан, этан, пропан, бутан, пентан). В высоких концентрациях обладают наркотическим действием, вызывают головокружение, тошноту. Длительное воздействие может приводить к поражению центральной нервной системы. Воздействие на окружающую среду: метан является мощным парниковым газом (в 25 раз активнее CO□). Углеводороды участвуют в образовании фотохимического смога.

Бензин (нефтяной, малосернистый, код 2704). Сложная смесь углеводородов. Пары бензина вызывают раздражение слизистых оболочек, головную боль, тошноту, при длительном воздействии — поражение печени, почек, нервной системы. Бензин содержит бензол (канцероген). В исследовании максимальная концентрация достигла 1,34 ПДК (6,715 мг/м³ при норме 5 мг/м³), что является прямым превышением. Воздействие на окружающую среду: проливы бензина загрязняют почву и грунтовые воды, бензин токсичен для почвенной биоты и водных организмов.

Керосин (код 2732). Смесь углеводородов. Пары керосина при высоких концентрациях вызывают раздражение дыхательных путей, головную боль, слабость. Длительное воздействие может привести к хроническим заболеваниям легких. Концентрация керосина в исследовании составила 0,29 ПДК (превышения нет, однако при систематическом воздействии возможны негативные эффекты). Воздействие на окружающую среду: керосин умеренно токсичен для водных организмов, при разливах образует пленку на поверхности воды, нарушая газообмен.

Сравнительный анализ воздействия. Наибольшую опасность для здоровья населения в микрорайоне «Зеленый Бульвар» представляют диоксид азота (10,91 ПДК), оксид азота (4,37 ПДК) и сажа (1,01 ПДК). Эти вещества относятся к 3 классу опасности и обладают способностью вызывать хронические заболевания органов дыхания, сердечно-сосудистой системы и онкопатологии. Оксид углерода (14,09 ПДК) также создает серьезную угрозу, особенно для людей с анемией, сердечной недостаточностью и для детей. Превышение ПДК по бензину (1,34 ПДК) указывает на наличие источников испарения топлива, что характерно для длительной стоянки автомобилей с работающими или горячими двигателями [4, с. 210].

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1) Автомобильный транспорт в микрорайоне «Зеленый Бульвар» является основным источником загрязнения атмосферного воздуха. Суммарный разовый выброс загрязняющих веществ от 510 автомобилей, размещенных на 17 стихийных площадках-источниках, составляет 13,406 г/с.

2) Зафиксированы превышения предельно допустимых концентраций по четырем веществам: диоксид азота (до 10,91 ПДК), оксид азота (до 4,37 ПДК), сажа (до 1,01 ПДК), бензин (до 1,34 ПДК), а также оксид углерода (до 14,09 ПДК).

3) Наиболее опасное воздействие на здоровье населения оказывают диоксид азота (поражение дыхательной системы, снижение иммунитета), сажа (канцероген, накопление в легких) и оксид углерода (кислородное голодание тканей). Экологический ущерб проявляется в подкислении почв (SO_2, NO_2), парниковом эффекте (метан, CO), загрязнении почвы и воды (бензин, керосин, сажа).

Для снижения выбросов необходимо:

– обновление автомобильного парка в сторону более высоких экологических классов (Евро-5, Евро-6);

– развитие электрического и гибридного транспорта;

– оптимизация организации дорожного движения (увеличение пропускной способности, синхронизация светофоров, снижение работы на холостом ходу);

– в условиях сложившейся застройки – строительство многоуровневых и подземных парковок, запрет длительной стоянки во дворах;

– создание озелененных санитарно-защитных зон с использованием газоустойчивых пород деревьев (липа, клен, тополь бальзамический);

– расширение системы экологического мониторинга атмосферного воздуха с установкой стационарных постов контроля в районе «Зеленого Бульвара».

Результаты исследования могут быть использованы администрацией г. Владивостока и управляющими компаниями при разработке схем организации дорожного движения, планировании парковочных пространств и обосновании санитарно-защитных зон в условиях сложившейся жилой застройки.

1. Шматков А.А., Козырева Ю.В. Методика расчета выбросов загрязняющих веществ от автотранспорта. — Москва: Инфра-М, 2021. — 156 с.

2. Копылов А.Ю. Экологические аспекты городского автомобильного транспорта // Экология и промышленность России. — 2022. — № 3. — С. 74–80.

3. Луканин В.Н., Трофименко Ю.В. Промышленно-транспортная экология. — Москва: Высшая школа, 2020. — 352 с.

4. Об утверждении методов расчётов рассеивания выбросов вредных (загрязняющих) веществ в атмосферном воздухе: Приказ Минприроды России от 06.06.2017 № 273. – Текст: электронный. — URL: https://www.mnr.gov.ru (дата обращения: 15.05.2026).

5. Ахметова Е.С. Мониторинг атмосферного воздуха в городах с высокой автомобильной нагрузкой // Экология урбанизированных территорий. — 2023. — № 2. — С. 85–92.

6. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Приморского края в 2023 году». — Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2024. — 210 с.

Сведения об авторе

М.О. Марченко, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 338.012

МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ СТРОИТЕЛЬСТВОМ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ В РАЗНЫХ СТРАНАХ

Е.В. Масленникова, аспирант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Представлены результаты исследования методов управления строительством социальных объектов в разных странах. В статье применены сравнительно-правовой анализ, контент-анализ, экспертные интервью, методы систематизации. Сопоставление существующего опыта позволяет выявить ключевые различия, общие тенденции и наиболее эффективные векторы для совершенствования строительных практик, определить направления оптимизации управленческих систем управления строительством, учитывая уникальные условия страны*

Ключевые слова: *и сочетания: контроль строительства, строительный контроль, строительство социальных объектов, сопоставление систем строительства, методы управления строительством, оптимизация систем управления, система управления, строительство.*

CONSTRUCTION MANAGEMENT METHODS OF SOCIAL FACILITIES IN DIFFERENT COUNTRIES

Abstract. *The article presents the results of a study of social construction management methods in various countries. The article utilizes comparative legal analysis, content analysis, expert interviews, and systematization methods. Comparing existing practices allows us to identify key differences, common trends, and the most effective vectors for improving construction practices, as well as identify areas for optimizing construction management systems, taking into account the unique conditions of each country.*

Keywords: *and combinations: construction control, building control, construction of social facilities, comparison of construction systems, construction management methods, optimization of management systems, management system, construction*

Актуальность. Управление строительством социальных объектов – сложный многоуровневый процесс и определяется экономическими моделями, степенью государственного участия, а также историко-культурными особенностями каждой страны. В разных государствах применяют различные методы и инструменты, направленные на обеспечение качества, эффективности и доступности социальной инфраструктуры. Социальные объекты (школы, больницы, жилые комплексы для малоимущих, культурные учреждения) играют ключевую роль в развитии общества, поэтому их строительство требует особого подхода. Методы управления в этой сфере охватывают планирование, финансирование, контроль и взаимодействие между государственными органами, частными компаниями и местными сообществами. Актуальность изучения методов управления строительством социальных объектов в разных странах обусловлена следующими факторами: глобализация и обмен опытом, социальные вызовы, экономические аспекты, правовые различия.

Научная новизна заключается в комплексном подходе к изучению и систематизации методов управления строительством социальных объектов с учетом их экономических, правовых и культурных особенностей, позволяющем объективно сравнивать методы управления в разных странах, выявлять универсальные и уникальные элементы успешных моделей.

Цель: исследовать методы управления строительством социальных объектов в разных странах и выявить общие тенденции и специфические особенности, которые могут быть полезны для совершенствования практик в конкретной юрисдикции.

Задачи исследования:

- проанализировать теоретические основы управления строительством социальных объектов в Китае, Германии, России;
- выявить общие тенденции и специфические особенности методов управления.

Методы исследования. В исследовании были использованы сравнительно-правовой анализ, контент-анализ, экспертные интервью, методы систематизации и типологизации. Были изучены нормативно-правовые акты, регулирующие строительство в Китае, Германии, Российской Федерации. При проведении экспертного анализа рассматривались результаты интервью с представителями профильных министерств и ведомств, руководителями строительных организаций, проектировщиками и инженерами, сотрудниками надзорных органов. При подготовке результатов исследования были использованы методы систематизации и типологизации.

Полученные результаты. Сопоставление систем строительства Китая и Германии демонстрирует фундаментальное различие управленческих парадигм: приоритет скорости строительства в противовес акценту на качество и долговечность конструкций [1, 2]. Компаративный опыт этих стран является одним из самых показательных в мировой практике, так как представляет две альтернативные модели организации реализации строительных проектов. Интеграция опыта трех стран (Китая, Германии, России) показателен для изучения лучших мировых практик и анализа их эффективности, позволяет выявить различные подходы к управлению строительством и использоваться для разработки эффективных стратегий в этой сфере.

Методы управления строительством объектов в КНР, Германии, Российской Федерации представлены на рисунке 1. Методы управления строительством в Китае — это уникальный синтез жесткого государственного контроля, масштабируемых технологий и рыночной эффективности, позволившей стране реализовывать мегапроекты с невероятной скоростью [3].

В отличие от немецкой модели, где независимый частный эксперт, проводящий строительный контроль на объекте, несет персональную ответственность, в Китае ответственность за контроль и качество лежит в первую очередь на государственных органах и государственных комиссиях, что создает высокие риски бюрократизации и формального подхода.

Система строительства социальных объектов в Китае представляет собой многоуровневую организационную модель, интегрирующую государственное планирование, рыночные механизмы регулирования и инвестиции частного сектора [4]. На федеральном уровне определяется общая стратегия развития, утверждаются единые нормативы (в том числе параметры площади образовательных учреждений или оснащение медицинских организаций), а также предусматривается субсидирование отстающих регионов. Реализация проектов преимущественно осуществляется на местном уровне (провинции, города, уезды), где региональные власти отвечают за финансирование, строительство и последующее управление социальными объектами.

В Китае возведение объектов капитального строительства отличается ускоренными темпами реализации, что обусловлено широким применением современных промышленных методов, включая модульные технологии. Завершающий этап строительства предусматривает строгую процедуру приемки, базирующуюся на государственных стандартах качества. Данная система контроля обеспечена детально проработанной нормативной базой, охватывающей все стадии жизненного цикла объекта: от инженерных изысканий и проектирования до строительства и антикоррозионной защите сооружений [5]. Государственный надзор гарантирует соответствие строительных проектов установленным требованиям безопасности и качества [6]. Для успешной сдачи объекта необходимо соблюдение стандартов качества, наличие полного комплекта инженерно-технической и экономической документации, а также предоставление технической гарантии.

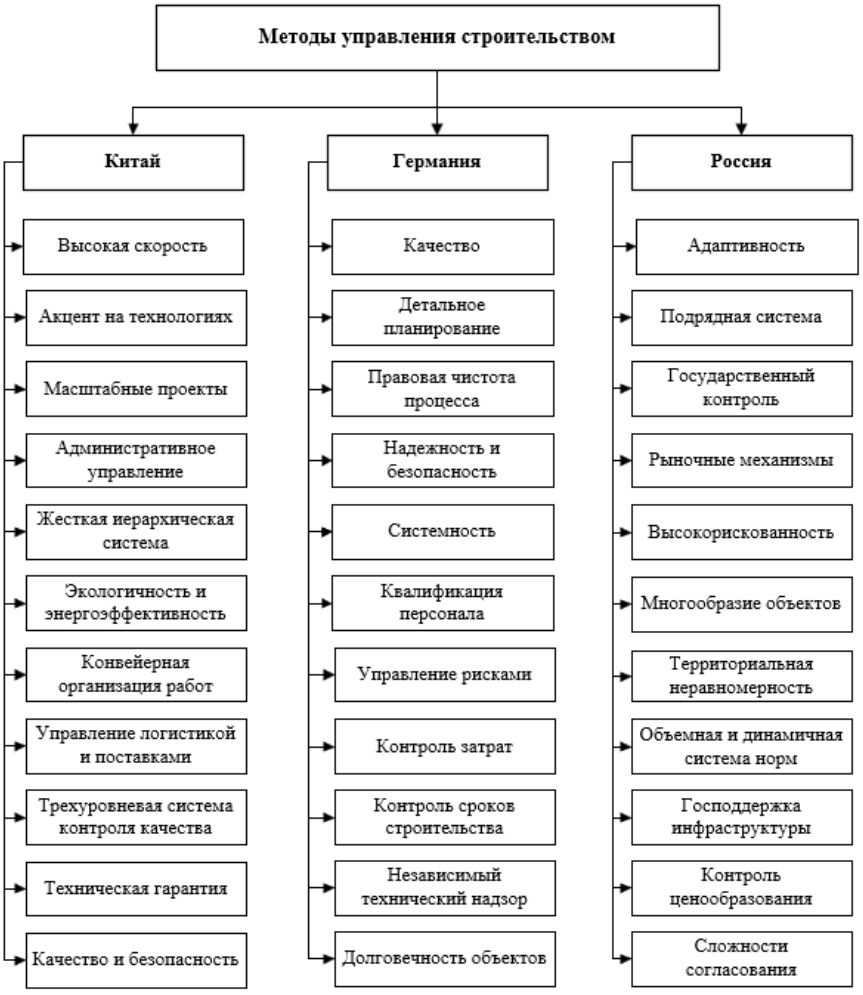

Рис. 1. Методы управления строительством объектов капитального строительства в социальной сфере в КНР, Германии, Российской Федерации

Источник: обобщено и систематизировано автором на основании [1-29].

Одним из ключевых методов, применяемых в китайской строительной отрасли, является жесткая иерархическая система и административное управление. Государство является главным заказчиком, регулятором и часто непосредственным исполнителем через государственные строительные корпорации (например, China State Construction Engineering Corporation – CSCEC). Строительство объектов, особенно социальных и инфраструктурных, интегрировано в общегосударственные планы развития, отображающиеся в системе пятилетних планов, что задает жесткие показатели эффективности и сроки для всех участников. Иерархия ответственности строго определена: отмечается четкое вертикальное подчинение от Министерства жилищного и городско-сельского строительства (MOHURD) до местных строительных комитетов. Решения сверху спускаются быстро и должны выполняться неукоснительно.

Отмечаются передовые методы организации строительства. Широкое распространение получили модульное и сборочное производство, при котором элементы зданий (фасады, сантехнические кабины, целые комнаты) производятся на заводах, а на строительной площадке лишь монтируются. Это является ключевым фактором высокой скорости. При конвейерной организации работ проект разбивается на четкие последовательные этапы, а бригады рабочих перемещаются от одного объекта к другому, выполняя одну и ту же работу, что повышает производительность и качество выполняемых работ за счет специализации кадров.

В последние годы активно внедряются цифровые технологии. Обязательное использование системы информационного моделирования на всех крупных государственных проектах позволяет координировать действия всех подрядчиков, выявлять коллизии на этапе проектирования, управлять стоимостью и сроками жизненного цикла объекта. Интернет вещей и большие данные позволяют анализировать полученные данные для оптимизации процессов. Датчики на строительных площадках отслеживают в реальном времени работу техники, расход материалов, безопасность рабочих. Искусственный интеллект используется для проектирования, планирования логистики, контроля качества (например, проверка качества сварных соединений или отклонения от геометрии поверхностей с помощью дронов с компьютерным зрением).

Управление рисками и безопасностью выражается в строгих национальных стандартах, единой детальной нормативной базе, обязательной к исполнению. В Китае имеется трехуровневая система безопасности, ответственность за безопасность несут корпорация, управление проектами и непосредственно сотрудники строительной площадки, которые проходят регулярные обязательные проверки и инструктажи.

Большое значение имеет управление логистикой и поставками. Крупные государственные корпорации часто контролируют всю цепочку создания стоимости – от производства цемента до готового изделия. Вертикальная интеграция позволяет избежать простоев по причине нехватки материалов. При точечном планировании логистики материалы доставляются на строительную площадку точно к моменту их использования, что экономит место на строительной площадке. Этому фактору способствует развитая инфраструктура (порты, автомобильные дороги, железнодорожное сообщение).

Методы управления строительством в Германии отражают общие принципы немецкого подхода: системность, качество, планирование и минимизация рисков. Они значительно отличаются от китайских и ориентированы не на скорость, а на надежность, долговечность и правовую чистоту процесса. Основой строительного процесса в Германии является детальное планирование. Техническое задание, являющегося основой для проводимого тендера и заключаемого по его итогам контракта, представляет собой невероятно подробный документ, описывающий все материалы, технологии, стандарты и даже методы выполнения работ. Стоимость строительства просчитывается с высокой точностью еще до начала стройки. Популярен метод стоимостного планирования по стандарту DIN 276 [7], который разбивает все затраты по стадиям и категориям.

Особое внимание уделяется управлению рисками. На этапе планирования объекта идентифицируются все возможные риски (геологические, технические, юридические) и разрабатываются меры по их минимизации.

Процедура выбора подрядчика в Германии является строго регламентированным процессом в соответствии с правилами Евросоюза и немецкого законодательства. Основным документом управления является контракт, положения которого, согласно отраслевым стандартам, детально регулируют права и обязанности сторон, порядок сдачи-приемки этапов выполненных работ, внесение изменений в контракт и разрешение споров. Любое отклонение от перво-

начальных условий договора оформляется официальным дополнением к контракту, что позволяет контролировать бюджет и сроки строительства.

Одной из ключевых особенностей немецкой системы строительства, обеспечивающей высокое качество, является непрерывный независимый технический надзор. Для осуществления строительного надзора нанимается независимая компания или частный инженер, постоянно присутствующий на объекте, которые следят за точным соблюдением проектной документации, технических норм и условий контракта [8].

Особое внимание также уделяется финансовому управлению и контролю затрат. В процессе детального финансового контроля проводится сравнение плановых и фактических показателей, ведется детальный учет и отчетность по всем статьям затрат. С целью финансового контроля подрядчика регулярно проводятся проверки с предоставлением отчетов о выполнении работы и затратах.

Управление сроками строительства в Германии производится на основе регулярного мониторинга соблюдения детальных календарных планов – общего графика проекта, графиков выполнения этапов работ, недельных и дневных планов работ. Для выявления ключевых задач, от которых зависит общий срок проекта, широко используется метод критического пути. Германия активно внедряет системы информационного моделирования (BIM-технологии) на государственных и крупных частных объектах, что позволяет координировать всех специалистов, от архитекторов и инженеров до подрядчиков, в едином информационном пространстве, избегать коллизии и оптимизировать затраты.

Система управления строительством в России обладает рядом специфических черт, определяющих ее функционирование в условиях сложной экономической, правовой и географической среды. Основным приоритетом государственной политики в сфере строительства и управления государственными капитальными вложениями Российской Федерации является увеличение объемов строительства объектов современной инфраструктуры, необходимой для формирования комфортной и безопасной среды для проживания граждан [9].

Методы управления строительством в России отличаются комплексом взаимосвязанных особенностей:

- адаптивность требуется из-за изменчивости экономических, правовых и климатических условий;

- подрядная система строительства (на основе Гражданского кодекса Российской Федерации [10, глава 37] задает базовые принципы взаимодействия заказчика и исполнителя через конкурсные процедуры и вариативные формы договоров;

- государственный контроль реализуется через экспертизу проектов, надзор и мониторинг целевых программ;

- рыночные механизмы включают электронные торги, биржевые индикаторы стоимости материалов и страхование ответственности, но сопряжены с рисками демпинга и ценовой волантильности;

- высокорискованность обусловлена изменениями законодательства, форс-мажорами и финансовыми колебаниями, что требует создания резервных фондов;

- многообразие объектов (жилые дома, социальные объекты, объекты инфраструктуры) диктует дифференцированные подходы – от типовых проектов до полного цикла реализации строительства объектов «под ключ»;

- территориальная неравномерность проявляется в разнице стоимости строительства между регионами (до 2,5 раз), климатических ограничениях и кадровом дефиците, что предполагает использование региональных коэффициентов и вахтовых методов;

- объемная и динамичная система норм (СП, СНиПы, ГОСТы, региональные регламенты) усложняет согласование из-за частых правок и пересечения требований;

- господдержка инфраструктуры осуществляется через национальные проекты, субсидии, льготные кредиты и инфраструктурные облигации, но влечет жесткую отчетность;

- контроль ценообразования опирается на сметные нормативы и индексацию цен, однако сталкивается с расхождением сметных и рыночных показателей;

- сложности согласования документов усложняются бюрократическими процессами.

Выводы. Сравнительный анализ методов управления строительством в Китае, Германии, России демонстрирует принципиальные различия в подходах, обусловленные особенностями экономических моделей, правового регулирования, степенью государственного участия, уровнем цифровизации, спецификой финансирования, географическими и социально-

экономическими условиями и другими факторами. Методы управления строительством определяются балансом между регулированием и гибкостью, а также способностью интегрировать инновации с учетом национальных особенностей. Научно-практический результат сравнения методов управления строительством в разных странах заключается в выявлении ключевых различий и общих тенденций, которые могут быть использованы для совершенствования строительных практик. Сравнение методов управления строительством в разных странах предоставляет возможность идентифицировать наиболее эффективные практики и определить направления оптимизации систем управления строительством, учитывая уникальные условия страны.

1. China builds industries while German debates responsibilities. This article shows what counts today. Dr. Iordanis Savvopoulus // Linkedin. – URL: https://www.linkedin.com/pulse/china-builds-industries-while-germany-debates-article-savvopoulos-xhlzf/ (дата обращения 02.02.2026).
2. Chinese Innovation vs. German Quality: Navigating Cultural Differences in International Project Management // China Insights & Solutions/ MSF. – URL: https://m-f-consulting.com/zh/publications/chinese-innovation-vs-german-quality-navigating-cultural-differences-in-international-project-management-3/#:~:text=Chinese%20Innovation%20vs.-,German%20Quality%3A%20Navigating%20Cultural%20Differences%20in%20International%20Project%20Management,of%20doing%20business%20in%20China/ (дата обращения 02.02.2026).
3. Лю Южэнь, Зуб А. Т. Влияние государственного строя в управлении крупными строительными проектами в Китае // Инновации и инвестиции. – 2020. – №11. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-gosudarstvennogo-stroya-v-upravlenii-krupnymi-stroitelnymi-proektami-v-kitae/ (дата обращения: 19.09.2025).
4. Табуева, Е. Ю. Система стратегического планирования в Китайской Народной Республике / Е. Ю. Табуева, А. А. Консовский. // Молодой ученый. — 2020. — № 42 (332). — С. 138-141. — URL: https://moluch.ru/archive/332/74204/ (дата обращения: 26.01.2026).
5. Достижения в области организации строительства в Китайской Народной Республике – опыт и практика, результаты / Д. М. Пикус [и др.] // Инжиниринг и экономика: современное состояние и перспективы развития: сборник материалов студенческой научно-технической конференции в рамках 21-й международной научно-технической конференции БНТУ "Наука – образованию, производству и экономике" и 79-й студенческой научно-технической конференции БНТУ, 18-19 мая 2023 г. / редкол.: О. С. Голубова [и др.] ; сост. Н. А. Пашкевич. – Минск: БНТУ, 2023. – С. 166-175.
6. Чжан Ханьсюй. Управление качеством в строительной отрасли Китая / Х. Чжан, И.И. Хафизов // Научный форум: сборник статей V Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 1. – Пенза: МЦНС "Наука и Просвещение". – 2023. – С. 43-45. – URL: https://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/177717 (дата обращения: 26.01.2026).
7. DIN 276: 2018 Building costs. – URL: https://www.baunormenlexikon.de/norm/din-276/c2c8d430-8f0d-465c-b1cd-bb12f1febad5/ (дата обращения: 26.01.2026).
8. Полетаев К. Н., Юферева А. Д. Сравнение отечественной и зарубежной систем управления качеством строительства // StudArctic forum. – 2017. – № 1 (5). – С. 65–76.
9. Об утверждении комплексной государственной программы Российской Федерации «Строительство»: Постановление Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2022 г. № 1730 (ред. от 17.10.2025) // СПС «Гарант». – URL: https://ivo.garant.ru/#/document/405431481/paragraph/183/doclist/454/1/0/0/Постановление%20Правительства%20РФ%20от%2030%20сентября%202022%C2%A0г.%20N%C2%A01730%20%20Об%20утверждении%20комплексной%20государственной%20программы%20Российской%20Федерации%20%22Строительство%22:0 (дата обращения: 26.01.2026).
10. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть вторая: Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 16.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 26.01.2026).
11. Закон КНР «О строительстве». – Принят на 28-й сессии Постоянного Комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей восьмого созыва 1 октября 1997 г. (Исправлен в соответствии с решением 20-й сессии Постоянного Комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей 11-го созыва об изменениях Закона о строительстве от 22 апреля 2011 г.) – URL: https://asia-business.ru/law/law3/building/ (дата обращения: 26.01.2026).
12. Юй Цзинчэнь. Строительная отрасль в Китае: генезис, статус и возможности// Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2024. – №4 (80). Номер статьи: 8021. – URL: https://eee-region.ru/article/8021/ (дата обращения: 26.01.2026).
13. Пикус Д.М., Березан В.В., Морозов А.Д., Прудников И.М. Достижения в области организации строительства в Китайской Народной Республике – опыт и практика, результаты//Инжиниринг и экономика: современное состояние и перспективы развития: сборник материалов студенческой научно-технической конференции в рамках 21-й международной научно-технической конференции БНТУ «Наука-образованию, производству и экономике» и 79-й студенческой научно-технической конферен-

ции БНТУ, 18-19 мая 2023 г./редкол.: О.С. Голубова [и др.]; сост. Н.А. Пашкевич. – Минск: БНТУ, 2023. – С. 166-175.

14. Чжан Ханьсюй. Управление качеством в строительной отрасли Китая / Х. Чжан, И.И. Хафизов // Научный форум: сборник статей V Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 1. – Пенза: МЦНС "Наука и Просвещение", 2023. – С. 43-45.

15. Чудных В. В., Абакумов Р. Г. Правовые основы регулирования процесса строительства в Германии // Инновационная наука. – 2017. – №2-2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-regulirovaniya-protsessa-stroitelstva-v-germanii/ (дата обращения: 19.09.2025).

16. Постановление о регулировании размещения госзаказов ("Vergabeverordnung vom 12. April 2016 (BGBl. I S. 624), die zuletzt durch Artikel 1 der Verordnung vom 7. Februar 2024 (BGBl. 2024 I Nr. 39) geändert worden ist. URL: https://www.buzer.de/gesetz/16293/a309028.htm (дата обращения: 26.01.2026).

17. Морозова О.С. Финансовое выравнивание и его принципы в бюджетном законодательстве Германии // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – №10 (71). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/finansovoe-vyravnivanie-i-ego-printsipy-v-byudzhetnom-zakonodatelstve-germanii/ (дата обращения: 19.09.2025).

18. GB 11968-2006. «Autoclaved aerated concrete blocks». – Ministry of urban and rural housing construction, People's Republic of China, – 6 с. (на кит. языке). – URL: https://www.chinesestandard.net/PDF/BOOK.aspx/GB11968-2006/ (дата обращения 27.01.2026).

19. Baugesetzbuch (BauGB) // Bundesamt fur Justiz. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bbaug/ (дата обращения 27.01.2026).

20. OECD Report. Urban Policy Reviews: Germany. // OECD. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/urban-policy-in-germany_9789264173194-en.html (дата обращения 27.01.2026).

21. EU Directive 2014/24/EU // EUR-Lex. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2014/24/oj/eng/ (дата обращения 27.01.2026).

22. Flächennutzungsplan // Berlin. – URL: https://www.berlin.de/sen/stadtentwicklung/-planung/flaechennutzungsplanung/ (дата обращения 27.01.2026).

23. EU Directive 2014/24/EU, Art. 24–26 // EUR-Lex. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2014/24/oj/eng/ (дата обращения 27.01.2026).

24. Arbeitsschutzgesetz (ASiG) // Bundesamt fur Justiz. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/asig/index.html/ (дата обращения 27.01.2026).

25. Eurocodes (EN 1990–1999) // An official website of the European Union. – URL: https://eurocodes.jrc.ec.europa.eu/ (дата обращения 27.01.2026).

26. Валеева А. С. Сравнительный анализ контрактных систем России и Германии / А. С. Валеева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 22 (364). – С. 281-283. — URL: https://moluch.ru/archive/364/81750/ (дата обращения: 26.01.2026).

27. СП 68.13330.2017 Свод правил. Приемка в эксплуатацию законченных строительством объектов. Основные положения. Актуализированная редакция СНиП 3.01.04-87 // Главное управление государственного строительного надзора Московской области. – URL: https://gusn.mosreg.ru/hranenie/nadzor-za-ekspluataciey-obektov-nedvizhimosti/normativno-pravovye-akty-soderzhashie-obyazatelnye-trebovaniya/14-09-2018-12-24-38-sp-68-13330-2017-svod-pravil-priemka-v-ekspluatats/ (дата обращения: 26.01.2026).

28. Цопа Н. В., Халилов А. Э. Исследование основных подходов к управлению инвестиционными проектами строительства социальных объектов // Экономика строительства и природопользования. – 2021. – №4 (81). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-osnovnyh-podhodov-k-upravleniyu-investitsionnymi-proektami-stroitelstva-sotsialnyh-obektov/ (дата обращения: 27.04.2025).

29. Малеев Д.А. Сравнение методов проектного управления строительством на инфраструктурных объектах // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – № 6. – URL: https://web.snauka.ru/issues/2016/06/69441/ (дата обращения: 24.04.2025).

Сведения об авторе

Е.В. Масленникова, аспирант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 338.45:69(338.001.36)

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЗАКУПОК ИНВЕСТИЦИОННО-СТРОИТЕЛЬНЫХ КОНТРАКТОВ В РЕГИОНАХ ДФО: 2014-2024 гг.

Е.В. Масленникова, аспирант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Проанализирована эффективность закупок для заключения инвестиционно-строительных контрактов в регионах ДФО (2014-2024 г.г.). На основе данных ЕИС и статистических показателей выделены ключевые факторы низкой эффективности: отмены закупок, отсутствие заявок или отклонение всех заявок, низкий уровень конкуренции, региональные особенности. Предложены рекомендации для заказчиков, контрольных органов, органов государственной власти*

Ключевые слова и словосочетания: *эффективность закупок, инвестиционно-строительный контракт, госзакупки, ключевые факторы, социальные объекты, государственный контракт, госконтракт*

EFFICIENCY OF PROCUREMENT OF INVESTMENT AND CONSTRUCTION CONTRACTS IN THE REGIONS OF THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT: 2014-2024

Abstract. *This article analyzes the effectiveness of procurement for investment and construction contracts in the Far Eastern Federal District (2014-2024). Using data from the Unified Information System (UIS) and statistical indicators, key factors contributing to low efficiency are identified: canceled procurements, no bids or rejection of all bids, low competition, and regional specifics. Recommendations are offered for customers, regulatory bodies, and government agencies.*

Keywords: *procurement efficiency, investment and construction contract, government procurement, key factors, social facilities, government contract, government contract*

Актуальность. Строительство социальных объектов (школы, детские сады, больницы и т.п.) – ключевой элемент развития инфраструктуры Дальнего Востока. Эффективность государственных закупок напрямую влияет на темпы и качество реализуемых инвестиционно-строительных проектов. Однако значительная часть объявленных закупок не доходит до стадии заключения контракта. Несмотря на повышенное внимание к вопросам эффективности государственных закупок в России, в действующих нормативных актах отсутствует унифицированное определение данного понятия, а в научной среде не сформировалось единого подхода к его трактовке.

Новизна исследования. В научной литературе недостаточное внимание уделяется мониторингу закупочных процедур в разрезе строительства социальных объектов на Дальнем Востоке. Исследование доли объявленных закупок, которые доходят до стадии заключения контракта позволяет оценить реальную эффективность закупочного процесса и выявить проблемные места. Впервые введено понятие эффективности проведения закупок как соотношение количества заключенных контрактов и объявленных закупок.

Цель статьи – определить динамику соотношения количества объявленных закупок и заключенных контрактов в рамках Федерального закона № 44-ФЗ в регионах ДФО за 2014-2024 гг., а также выявить ключевые факторы, являющие эффективность проведения инвестиционно-строительных закупок.

Задачи исследования:

- собрать и систематизировать данные по закупкам на строительство социальных объектов;
- проанализировать эффективность проведения процедур закупок на заключение инвестиционно-строительных контрактов в разрезе регионов и периодов;
- выявить факторы, влияющие на эффективность проведения закупок;
- сформировать рекомендации по увеличению эффективности закупочного процесса.

Методы исследования. Для сбора и исследования данных по закупкам на право заключения инвестиционно-строительных контрактов в регионах Дальневосточного федерального округа

(Приморский край, Хабаровский край, Сахалинская область) в период 2014-2024 гг. использовались источники данных из ЕИС в сфере закупок (далее – ЕИС.Закупки) [1]: извещения, документация, протоколы, реестры контрактов, экспертные оценки. Для анализа полученных данных после их систематизации были использованы расчет коэффициента эффективности проведения закупок, временной ряд (динамика коэффициента по годам), сравнительный анализ.

Полученные результаты. Государственные и муниципальные контракты (далее-контракты) заключаются и исполняются в соответствии с требованиями Федерального закона № 44-ФЗ [2] на конкурентной основе, при этом процесс выбора контрагента заказчиком контролируется Федеральной антимонопольной службой РФ (ФАС РФ) [3] на основании Методических указаний ФАС РФ [4]. Информация об исполнении указанных контрактов размещается в открытом доступе на официальном сайте ЕИС.Закупки. В целях проведения исследования были собраны данные о закупках с целью заключения контрактов на строительство социальных объектов, проводимых в рамках Федерального закона № 44-ФЗ по трем регионам Дальнего Востока (Приморский край, Хабаровский край, Сахалинская область) в период с 2014 по 2024. Полученные данные были систематизированы по годам, регионам, результатам проведения закупок (таблицы 1, 2).

Таблица 1

Количество закупок, проведенных с целью заключения государственных контрактов на строительство социальных объектов в Приморском крае, Хабаровском крае, Сахалинской области за счет бюджетных средств в период с 2014 по 2024 г.г

Регион	Количество закупок, шт.											
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Всего
Приморский край	10	8	11	4	16	15	22	43	12	3	12	156
Хабаровский край	25	8	8	18	30	19	31	48	9	0	6	202
Сахалинская область	35	34	38	14	28	44	44	1	7	10	1	256

Таблица 2

Количество государственных контрактов, заключенных на строительство социальных объектов в Приморском крае, Хабаровском крае, Сахалинской области за счет бюджетных средств в период с 2014 по 2024 г.г

Регион	Количество заключенных контрактов, шт.											
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Всего
Приморский край	4	6	6	3	9	8	13	21	10	2	6	88
Хабаровский край	18	6	5	8	19	9	14	15	6	0	5	105
Сахалинская область	19	20	20	11	27	36	30	1	3	6	1	174

Эффективности государственных закупок в России уделяется особое внимание [5, 6], при этом под эффективностью в классическом узко-экономическом контексте понимается достижение каких-либо результатов с минимально возможными издержками или получение максимально возможного объема продукции из данного количества ресурсов [7] и, в частности, отношение эффекта от итогов проведения закупки к количеству таких закупок.

Федеральный закон № 44-ФЗ нацелен на повышение эффективности, результативности закупок, предусматривает осуществление мониторинга с отображением оценки эффективности закупок в сводном аналитическом отчете, подлежащем обязательному размещению в от-

крытом доступе (ч. 1 ст. 1, ч. 1-9 ст. 97 Федерального закона № 44-ФЗ), при этом показатели эффективности закупок законодательно не установлены.

В работах российских ученых оценка эффективности закупок не нашла единого мнения. Так, Скворцов Е.В. [8] рассматривает показатели среднего количества поданных заявок на один лот. Другие ученые (Белокрылов О.С., Мельников В.В.) [9] рассматривают такие показатели закупок, как число несостоявшихся закупок, размер относительной экономии бюджетных средств. Стаченко А.А., Шатов Ю.Ю. [10] рассматривают экономию бюджетных средств, конкуренцию, качество поставляемых товаров, работ, услуг вкупе с соблюдением законодательства в сфере закупок. Крамин Т.В., Григорьев Р.А., Крамин М.В. [11, 12] рассматривают конкуренцию и экономию бюджетных средств как ключевые факторы эффективности закупок.

Однако, показатели конкуренции и экономии при проведении закупок не отображают эффективность проведения процедур закупки с точки зрения их результата – заключения контракта, а тем более, его исполнения надлежащим образом. В целях изучения эффективности проведения закупок на заключение инвестиционно-строительных контрактов используется расчет коэффициента эффективности проведения закупок как отношение количества заключенных контрактов к количеству объявленных закупок (таблица 3). Расчет коэффициента эффективности проведения закупок производится по формуле:

$$К_{эф} = \frac{N_к}{N_р},$$

где $К_{эф}$ – коэффициент эффективности проведения закупок, %

$N_к$ –количество контрактов, заключенных по итогам проводимых закупок, шт.

$N_з$ – количество объявленных закупок, шт.

Источник: https://www.business.ru/article/1810-raschet-ekonomicheskoy-effektivnosti

Любое использование материалов допускается только при наличии гиперссылки

Таблица 3

Эффективность проведения процедур по определению подрядчика на строительство социальных объектов в Приморском крае, Хабаровском крае, Сахалинской области за счет бюджетных средств в период с 2014 по 2024 г.г

Регион	Доля контрактов, заключенных по итогам закупки, %											
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	В среднем за период
Приморский край	40,00	75,00	54,55	75,00	56,25	53,33	59,09	48,84	83,33	66,67	50,00	56,41
Хабаровский край	72,00	75,00	62,50	44,44	63,33	47,37	45,16	31,25	66,67	0	83,33	51,98
Сахалинская область	54,29	58,82	52,63	78,57	96,43	81,82	68,18	100	42,86	60,00	100	67,97
Среднее по регионам	55,43	69,61	56,56	66,01	72,00	60,84	57,48	60,03	64,29	63,33	77,78	58,79

Рассматривая процесс проведения процедур по определению подрядчика на строительство социальных объектов в Приморском и Хабаровском краях, Сахалинской области за счет бюджетных средств в период с 2014 по 2024 гг., можно отметить стабильно низкую эффективность проведения таких процедур: количество контрактов, заключенных по итогам закупок в среднем по регионам Дальнего Востока составляет менее 59%.

При рассмотрении региональных значений можно отметить минимальный коэффициент эффективности проведения закупок в Хабаровском крае (в среднем за рассматриваемый период – 51,98%), что немного выше, чем в Приморском крае (56,41%). Сахалинская область показывает лучшие результаты (67,97%) из-за меньшей протяженности территорий. Минимальная эффективность отмечается по итогам 2021 г. в Хабаровском крае (31,25%), максимальная – в 2021 и 2024 гг. в Сахалинской области (100%), в 2022 г. в Приморском крае (83,33%) и в 2024 г. в Хабаровском крае (также 83,33%).

Для рассмотрения основных факторов, влияющих на эффективность проведения закупок, были рассмотрены факты отмены закупок заказчиком, отсутствие заявок на участие в закупке, отклонения заказчиком всех заявок по причине несоответствия требованиям закупки (таблица 4).

Согласно действующего законодательства [2], закупка признается несостоявшейся, если на участие в ней не было подано ни одной заявки, все заявки были отклонены комиссией по итогам рассмотрения, подана только одна заявка либо только один участник допущен к процедуре проведения торгов.

Таблица 4

Информация о результатах проведения электронных процедур на право заключения государственного контракта на строительство объектов социального назначения на территориях Приморского края, Хабаровского края и Сахалинской области в 2014-2024 гг.

Показатели	Приморский край		Хабаровский край		Сахалинская область		В среднем по регионам
	шт.	%	шт.	%	шт.	%	%
Всего закупок	156		202		256		
Отменено	8	5,13	14	6,93	34	13,28	8,45
Проведено	148	94,87	188	93,07	222	86,72	91,55
Не подано заявок	36	23,08	58	28,71	29	11,33	21,04
Подана одна заявка	61	39,10	62	30,69	87	33,98	34,59
Отклонены все заявки	20	12,82	23	11,39	8	3,13	9,11
Допущена только одна заявка	72	46,15	60	29,70	96	37,50	37,79
Аукцион состоялся	20	12,82	44	21,78	38	14,84	16,48
Заключено контрактов	92	58,97	105	51,98	174	67,97	59,64

По итогам такой закупки заказчик вправе заключить контракт с единственным поставщиком на условиях проведения закупки. Закупки на право заключения инвестиционно-строительных контрактов на территориях Приморского края, Хабаровского края и Сахалинской области в 2014-2024 г.г. состоялись в среднем в 16,48% случаях от количества опубликованных процедур. При этом закупки, проводимые в Приморском крае, состоялись в 12,82% случаев, в Хабаровском крае и Сахалинской области – в 21,78% и 14,84% случаев соответственно.

По суммарным данным за 2014-2024 гг., наблюдается значительное количество закупок, на участие в которых заявки не были поданы: Приморский край (36 из 156 закупок, или 23,08 %), Хабаровский край (58 из 202 закупок, или 28,72%), Сахалинская область (29 из 256 закупок, или 23,05%). Наиболее частой причиной признания закупочных процедур несостоявшимися является отсутствие поданных заявок или подача единственной заявки (более 59 % случаев), что связано с низкой привлекательностью условий закупок для подрядчиков в условиях ДФО.

Наиболее распространенным сценарием в рассматриваемых регионах является подача участниками закупок 1-2 заявок, что говорит о низкой конкуренции в сфере госзакупок строительства социальных объектов в большинстве процедур: ограниченный круг квалифицированных подрядчиков, готовых участвовать в строительстве социальных объектов за счет бюджета, высокие барьеры для входа (требования к опыту, финансам, квалификации), недостаточную привлекательность условий контрактов, недостаточная поддержка малого и среднего бизнеса в участии в госзакупках, а также высокие риски, связанные с исполнением государственного заказа.

При анализе агрегированных данных можно отметить, что Сахалинская область выделяется наибольшей долей допущенных заявок (95,34%), что может свидетельствовать о более

качественной подготовке заявок участниками, лучшей проработке аукционной документации заказчиками. Остальные регионы (Приморский и Хабаровский край) демонстрируют близкие показатели (82,14 % и 77,69% соответственно), что говорит о схожей практике проведения закупок, что может быть следствием как более жесткого рассмотрения заявок, так и низко квалификацией потенциальных подрядчиков. Проблемами низкой доли состоявшихся процедур во всех рассматриваемых регионах могут быть снижение качества исполнения контрактов, неэффективное расходование бюджетных средств. Региональные различия в соотношении заключённых контрактов и объявленных закупок обусловлены спецификой логистики, климатическими условиями и уровнем развития строительной отрасли: в Сахалинской области показатель выше, чем в Приморском и Хабаровском краях, из-за меньшей протяжённости территорий и лучшей транспортной доступности.

Низкая заинтересованность подрядчиков в заключении контрактов на строительство объектов за счет бюджетных средств подтверждается крайне малым количеством подрядчиков, подавших заявки на участие в электронных процедурах, проводимых заказчиками на территории Дальнего Востока, а также соответствующим требованиям, установленным заказчиком в документации закупки. Необходимо отметить региональную специфику –удаленность строительных площадок, дефицит кадров, сезонность работ. Все это может приводить к срыву сроков строительства объектов и дополнительным затратам на повторные процедуры. Проблема несостоявшихся аукционов требует корректировки закупочной политики, снижение системных барьеров для подрядчиков, более тщательной подготовки закупочной документации заказчиком, учета сезонности строительства при планировании закупок, государственной поддержки подрядчиков.

Выводы. Проведение закупок на право заключения инвестиционно-строительных контрактов в рассматриваемых регионах Дальнего Востока в указанный период характеризуется низкой эффективностью по причине большой доли отмененных заявок (8,45%), низким количеством состоявшихся процедур (16,48%), низкой долей заключенных контрактов (59,64%), низким уровнем конкурентности. Ключевыми факторами, влияющими на эффективность проведения закупок, являются количество отмененных закупок заказчиком, отсутствие заявок или отклонение всех заявок на участие в закупке, низкий уровень конкуренции, региональные особенности. Для повышения эффективности закупочных процедур в строительной сфере необходимо снижение системных барьеров для подрядчиков, более тщательной подготовки закупочной документации заказчиком, учета сезонности строительства при планировании закупок, государственной поддержки подрядчиков.

1. Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок https://zakupki.gov.ru/. Текст: электронный. – URL: https://zakupki.gov.ru/ (дата обращения: 06.05.2026).
2. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд". – КонсультантПлюс. Текст: электронный. – URL: http://base.consultant.ru. (дата обращения: 06.05.2026).
3. Приказ Федеральной антимонопольной службы от 11.02.2014 № 75/14 «Об осуществлении Федеральной антимонопольной службой и территориальными органами Федеральной антимонопольной службы полномочий по контролю в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в связи с вступлением в силу Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». – КонсультантПлюс. Текст: электронный. – URL: http://base.consultant.ru. (дата обращения: 06.05.2026).
4. Письмо ФАС РФ от 25.05.2007 №АЦ/8325 «О направлении Методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по проведению плановых и внеплановых проверок при размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд Федеральной антимонопольной службой и ее территориальными органами», «Методическими рекомендациями по рассмотрению Федеральной антимонопольной службой и ее территориальными органами жалоб на действия (бездействие) заказчика, уполномоченного органа, специализированной организации, конкурсной аукционной или котировочной комиссии при размещении заказа на поставку товара, выполнение работы, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» – КонсультантПлюс. Текст: электронный. – URL: http://base.consultant.ru. (дата обращения: 06.05.2026).
5. Малькова Д. Д., Федосенко А. Д. Эффективность государственных закупок в строительной сфере: проблемы и современные подходы // Вестник науки. – 2023. – №6 (63). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-gosudarstvennyh-zakupok-v-stroitelnoy-sfere-problemy-i-sovremennye-podhody (дата обращения: 06.05.2026).

6. Овчаров А. О., Игнатьева Ю. И. Правовые механизмы формирования эффективной контрактной системы в сфере государственных закупок // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – №3 (88). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-mehanizmy-formirovaniya-effektivnoy-kontraktnoy-sistemy-v-sfere-gosudarstvennyh-zakupok (дата обращения: 06.05.2026).
7. Блэк, Джон. Экономика. Толковый словарь / Джон Блэк. – Москва: ИНФРА-М: Весь Мир, 2000. – 829 с. (дата обращения: 06.05.2026).
8. Скворцов Е.В. Проблема планирования закупок, правила описания объекта закупки по строительству, определение способа закупки в Сахалинской области // Вестник науки и образования. – 2021. – №5-2 (108). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-planirovaniya-zakupok-pravila-opisaniya-obekta-zakupki-rabot-po-stroitelstvu-opredelenie-sposoba-zakupki-v-sahalinskoy (дата обращения: 06.05.2026).
9. Белокрылова О.С., Мельников В.В. (2025). Развитие технологий и цифровизация публичных закупок в России: эмпирическое исследование. Terra Economicus 23(2), 92–106. DOI:10.18522/2073-6606-2025-23-2-92-106 (дата обращения: 06.05.2026).
10. Старченко А.А., Шатов Ю.Б. Оценка эффективности закупок товаров, работ, услуг для нужд учреждений культуры Уссурийского городского округа // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. – 2021. – №55. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-zakupok-tovarov-rabot-uslug-dlya-nuzhd-uchrezhdeniy-kultury-ussuriyskogo-gorodskogo-okruga (дата обращения: 08.05.2026).
11. Крамин Т. В., Григорьев Р. А., Крамин М. В. К вопросу об оценке экономической эффективности госзакупок в России // Russian Journal of Economics and Law. – 2017. – №4 (44). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otsenke-ekonomicheskoy-effektivnosti-goszakupok-v-rossii (дата обращения: 06.05.2026).
12. Крамин Т.В., Григорьев Р.А., Крамин М.В. Оценка влияния Федеральной контрактной системы на эффективность государственных закупок: региональный анализ // Цифровая экономика и инновации. – 2015. – №3. – С. 30-33 (дата обращения: 06.05.2026).

Сведения об авторе
Е.В. Масленникова, аспирант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 159.9.072

КАТЕГОРИИ СЧАСТЬЯ И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ У СТУДЕНТОВ

А.М. Мельникова, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В условиях социальной нестабильности современной России и высоких ожиданий, предъявляемых к студентам, остро встаёт вопрос об их удовлетворённости жизнью. Приведены результаты исследования взаимосвязи представлений о счастье с субъективным благополучием студентов. Выделены четыре смысловые категории счастья. Показано, что ключевую роль играют внутренние опоры и близкие отношения.*

Ключевые слова: *счастье, субъективное благополучие, удовлетворённость жизнью, студенческий возраст, смысловые категории, внутренняя гармония, близкие отношения.*

CATEGORIES OF HAPPINESS AND SUBJECTIVE WELL-BEING IN STUDENTS

Abstract. *In the context of social instability in modern Russia and the high expectations placed on students, the issue of their life satisfaction becomes acute. The results of a study on the relationship between conceptions of happiness and the subjective well-being of students are presented. Four meaningful categories of happiness are distinguished. It is shown that internal supports and close relationships play a key role.*

Keywords*: happiness, subjective well-being, life satisfaction, student age, semantic categories, inner harmony, close relationships.*

Актуальность исследования: в студенческом возрасте, несмотря на высокий интерес к проблематике счастья и благополучия, остается недостаточно изученным вопрос о том, как

именно качественное содержание представлений о счастье связано с реальным уровнем удовлетворенности жизнью. Большинство исследований либо ограничиваются измерением общего субъективного благополучия, либо перечисляют только внешние факторы (успеваемость, материальное благополучие, успех), игнорируя внутренние смысловые категории – такие как ориентация на близкие отношения, внутреннюю гармонию или сиюминутные удовольствия. Выявление этих связей необходимо для разработки адресных программ психологической поддержки студентов. Направленных не на «внешнее улучшение» жизни, а на укрепление внутренних опор молодых людей.

Теоретические подходы

В нашем исследовании мы опираемся на идеи Д.А. Леонтьева, поскольку именно они позволяют разграничить внешние и внутренние источники счастья, что соответствует нашей гипотезе о приоритете внутренних психологических опор у студентов [3]. Дело в том, что Д.А. Леонтьев, преодолевая упрощённое понимание счастья, предложил различать два его качественных уровня. Дефицитарное счастье (Д-счастье) связано с удовлетворением базовых потребностей (в безопасности, принадлежности, уважении), зависит от внешних ресурсов и имеет предел насыщения. Бытийное счастье (Б-счастье) возникает на уровне самоактуализации и личностного роста, его источник — осмысленная деятельность и реализация собственного потенциала; оно не имеет верхнего предела и не может быть получено извне, а только выстроено собственными усилиями [3]. Кроме того, в своей модели «Эвдемония 3D» Леонтьев выделил три измерения полноценного благополучия: приятное (удовольствие), успешное (компетентность и контроль) и осмысленное (связь с глубокими ценностями и значимость для других) [3; 4].

Также для нашей работы важны теоретические положения Р.М. Шамионова, так как они объясняют высокую значимость категории «Близкие отношения», выявленную в эмпирических результатах, и подтверждают, что качество социальных связей является важным ресурсом благополучия студентов Р.М. Шамионов рассматривает субъективное благополучие через призму бытия личность и как социального субъекта [6; 7]. Ключевая идея заключается в том, что переживание счастья формируется в пространстве «со-бытия» – совместного бытия и взаимодействия с другими людьми. Именно в диалоге, согласовании с позициями и ожиданиями окружающих личность усваивает нормы и формирует критерии собственного благополучия. Чувство принадлежности, поддержка и понимание становятся фундаментом благополучия, тогда как одиночество и социальное неприятие — источниками неблагополучия [7]. При этом человек способен к активной внутренней работе по перестройке ценностно-смысловых систем, что позволяет сохранять благополучие даже в неблагоприятных условиях [6].

Теоретической основой нашего исследования послужили также работы И.А. Джидарьян, которая, опираясь на субъектно-деятельностный подход, обосновала необходимость изучать счастье в широком контексте бытия человека — его связей с миром и другими людьми [1]. Этот интегративный взгляд важен для нашей работы, так как он позволяет рассматривать представления студентов о счастье не изолированно, а как феномен, укоренённый в их реальной учебной деятельности и социальных отношениях. Кроме того, выводы Джидарьян о связи удовлетворённости жизнью со стратегиями совладания с трудностями подтверждают практическую значимость нашего исследования для разработки мер психологической поддержки студентов [2].

Научная новизна работы заключается в интеграции качественного (контент-анализ ответов на открытый вопрос) и количественного (шкала удовлетворённости жизнью «ШУЖ» Э. Динера) подходов для изучения счастья в выборке студентов младших курсов Тихоокеанского государственного медицинского университета (ТГМУ). Эмпирически проверена связь выделенных смысловых категорий счастья с показателем субъективного благополучия, что позволило выявить иерархию значимости этих категорий как психологических ресурсов.

Цель исследования: выявить взаимосвязь между категориями счастья и уровнем субъективного благополучия у студентов.

Задачи исследования:

1) сформировать выборку испытуемых из числа студентов вуза и провести эмпирическое исследование;

2) провести контент-анализ ответов студентов на открытый вопрос «Что для тебя счастье?» и выделить основные смысловые категории;

3) измерить уровень субъективного благополучия (удовлетворённости жизнью) с помощью «Шкалы удовлетворённости жизнью» Э. Динера [5];

4) для каждого респондента проранжировать выраженность выделенных категорий счастья;

5) с помощью коэффициента ранговой корреляции Ч. Спирмена установить силу и направленность связей между каждой смысловой категорией счастья и уровнем субъективного благополучия;

6) интерпретировать полученные закономерности и сформулировать практические рекомендации для психологического сопровождения студентов.

Объект исследования: субъективное переживание счастья и благополучия у студентов.

Предмет исследования: взаимосвязь между смысловыми категориями в ответах на вопрос «Что для тебя счастье?» и баллами по «Шкале удовлетворённости жизнью» Э. Динера (ШУЖ) у студентов [5].

Гипотеза исследования: предполагается, что взаимосвязь между уровнем и качеством переживания счастья у студентов вузов определяются не столько внешними условиями (успеваемость, материальный достаток, социальный статус), сколько развитием внутренних психологических опор (ориентацией на внутреннюю гармонию и самопринятие, понимание значимости близких отношений – ценности семьи, любви, дружбы); выступающих ключевым личностным ресурсом в период ранней взрослости [1; 3; 6].

Методы и методики исследования:

Выборка: в исследовании приняли участие 34 респондента (22 женщины и 12 мужчин) в возрасте от 18 до 19 лет. Выборка сформирована методом добровольного участия, опрос проводился в формате тестирования. Участники исследования — студенты второго курса Тихоокеанского государственного медицинского университета (ТГМУ).

Качественный метод:

Открытый опрос с вопросом «Что для тебя счастье?». Полученные ответы подвергнуты контент-анализу. На его основе выделены 4 обобщённые смысловые категории.

Каждому студенту по его ответу присвоен ранг (от 1 до 4) по степени выраженности каждой категории, где 1 – категория не отражена в ответе, 4 – основная, доминирующая категория.

Количественный метод:

Оценка уровня субъективного благополучия.

Психодиагностическая методика: «Шкала удовлетворённости жизнью» (ШУЖ, Satisfaction with Life Scale — SWLS) Э. Динера в русскоязычной адаптации [5].

Использована для измерения когнитивного компонента субъективного благополучия — глобальной оценки человеком степени удовлетворённости своей жизнью в целом. Это одномерная шкала, состоящая из 5 утверждений (например, «Моя жизнь в большей степени соответствует моим идеалам»). Респондент оценивает своё согласие по 7-балльной шкале Ликерта (от 1 — «полностью не согласен» до 7 — «полностью согласен»). Подсчитывается суммарный балл (диапазон от 5 до 35), где более высокий балл соответствует более высокой удовлетворённости жизнью [5].

Статистический анализ: Для оценки связи использован непараметрический коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена (), что обосновано ранговой природой обеих переменных. Статистическая значимость принималась при

Результаты исследования:

В результате контент-анализа ответов на открытый вопрос «Что для тебя счастье?» были выделены четыре смысловые категории:

– Самореализация и достижения (упор на успехи в учебе/карьере, личностный рост, независимость, планы на будущее).

– Близкие отношения (упор на любовь, дружбу, поддержку семьи, чувство принадлежности, доверие).

– Внутренняя гармония и свобода (упор на душевный покой, принятие себя, отсутствие тревог, автономию, жизнь в согласии с собой).

– Мгновенные удовольствия (упор на развлечения, отдых, гедонистические радости «здесь и сейчас»).

Расчет корреляции по Спирмену проводился таким образом:

Для каждого из 34 студентов баллы по ШУЖ были проранжированы по выборке (1 — самый низкий балл, 34— самый высокий). Также для каждой из 4-х категорий счастья была соз-

дана своя ранговая переменная (1-4) на основе качественного анализа ответа, где 1 – категория не отражена, 4 – категория, доминирующая в ответе. Коэффициент Спирмена вычислялся на основе разницы рангов () для каждого испытуемого:]. То есть, значение, к примеру, обозначает, что чем выше студент ранжировал категорию «Внутренняя гармония», тем выше был его ранг по шкале благополучия (сильная монотонная связь).

Результаты корреляционного анализа связи этих категорий с баллом по Шкале удовлетворённости жизнью (ШУЖ) представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты контент-анализа и корреляции с субъективным благополучием ()

№№	Категория представлений о счастье	Примеры ответов	Средний ранг выраженности категории (1-4)	Средний балл ШУЖ в группе, где категория доминировала (ранг 3-4)	Коэффициент корреляции Спирмена (ρ) с баллом ШУЖ	Интерпретация силы связи
11	Самореализация и достижения	«Построить карьеру», «Стать профессионалом», «Реализоваться в помогающей профессии	2.8	27.2	+0.48	Умеренная положительная связь
22	Близкие отношения	«Взаимопонимание с близкими», «Найти свою любовь», «Настоящая дружба».	3.4	30.1	**+0.72**	Сильная положительная связь
3	Внутренняя гармония и свобода	«Внутренний покой», «Свобода быть собой», «Внутренняя уверенность».	3,0	32,5	**+0.81**	Сильная положительная связь
44	Мгновенные удовольствия	«Путешествия с друзьями», «Вечеринки», «Провести вечер в кафе».	2.7	21.5	-0.05	Отсутствие связи

Итоги проведенного исследования

1. Наиболее тесная связь с субъективным благополучием (СБ) обнаружена у категории «Внутренняя гармония и свобода». Это свидетельствует, что студенты, чьё представление о счастье центрировано на внутреннем состоянии и самодетерминации, демонстрируют наиболее высокий уровень общего благополучия. Данный результат служит прямым эмпирическим подтверждением идей Д.А. Леонтьева о «бытийном счастье» [3].

2. Категория «Близкие отношения» также показала сильную положительную связьρ = +0.72, p < 0.01. И это означает, что те студенты, которые строят тёплые, доверительные связи со своей семьей и друзьями, также имеют более высокий уровень удовлетворённости жизнью, чем их сверстники, что подтверждает теоретические положения Р.М. Шамионова [6; 7].

3. Категория «Самореализация и достижения» продемонстрировала умеренную положительную связьρ = +0.48, p < 0.05, что указывает на важность чувства прогресса, компетентности и движения к целям, однако вклад этого фактора в общее благополучие уступает вкладу внутренней гармонии и близких отношений.

4. Отсутствие значимой связи у категории «Мгновенные удовольствия» позволяет утверждать, что гедонистическая ориентация, сфокусированная на сиюминутных развлечениях и отдыхе, сама по себе не является надежным ресурсом для устойчивого переживания счастья и высокой удовлетворенности жизнью в студенческом возрасте.

Общий вывод проведенного исследования для практической работы в психологическом консультировании

Полученные на выборке из 34 респондентов результаты демонстрируют сильную положительную корреляционную связь для категории «внутренней гармонии» и для категории «близких отношений», что позволяет рассматривать их не просто как ориентировочные тенденции, а как эмпирически подтвержденные закономерности для данной возрастной группы. Стати-

стически значимы также результаты корреляции, которые продемонстрировала категория «Самореализация и достижения». Однако вклад этого фактора в субъективное благополучие респондентов уступает вкладу категорий: «внутренней гармонии» и «близких отношений».

В работе со студентами, жалующимися на неудовлетворенность жизнью, целесообразно смещать фокус с поиска внешних источников удовольствий на развитие внутренних опор (самопринятие, навыки саморегуляции, внутренний покой), а также на укрепление и осмысление ценности близких отношений (семьи, любви, дружбы) [1; 2; 3; 6]. Такой подход позволяет в период ранней взрослости находить источник радости и удовлетворения внутри себя и в качественных близких социальных связях, а не во внешних обстоятельствах.

Тем не менее, для распространения выводов на всех обучающихся по программам высшего образования рекомендуется дальнейшее исследование на более репрезентативной и расширенной выборке, а также проверка на студентах других вузов.

1. Джидарьян И. А. Психология счастья и оптимизма . — Москва: Институт психологии РАН, 2013. — 268 с.

2. Джидарьян И. А. Удовлетворенность жизнью как психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование: монография. — Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. — 327 с.

3. Леонтьев Д. А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2020. — № 2. — С. 14—37. — URL: https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.02 (дата обращения: 01.06.2026).

4. Мешков А. Ю., Берзин Б. Ю. Феномен выбора в научных трудах Д.А. Леонтьева // Психология в меняющемся мире: проблемы, гипотезы, перспективы: сборник материалов X юбилейной всероссийской научной конференции с международным участием, Челябинск, 14 мая 2025 года. – Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2025. – С. 204-208.

5. Осин, Е. Н. Факторная структура русскоязычной версии шкалы удовлетворенности жизнью Э. Динера // Психологическая диагностика. — 2012. — № 2. — С. 85–103.

6. Шамионов Р. М. Субъективное благополучие личности как субъекта социального бытия // Психологические исследования. — 2019. — Т. 12, № 65. С. 1-15. — URL: https://psystudy.ru/index.php/num/2019v12n65/1725-shamionov65.html (дата обращения: 01.06.2026).

7. Шамионов Р. М., Бескова Т. В. Методика диагностики субъективного благополучия личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. — 2022. — Т. 11, № 1. — С. 78–95.

Сведения об авторе

А.М. Мельникова, магистрант, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 332.122

СВОБОДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА «НАХОДКА» (ПРИМОРСКИЙ КРАЙ): ОТ ЗАМЫСЛА К ПЕРСПЕКТИВАМ РАЗВИТИЯ

А.Д. Михальков, магистрант

Р. И. Гриванов, научный руководитель, доцент

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Опыт СЭЗ «Находка» представляет особый интерес для развития Дальнего Востока. Первоначальный проект, призванный внедрить рыночные механизмы, провалился из-за несовершенства законодательства и кризиса 90-х. Сегодня, на фоне «поворота на Восток», зона получает новое стратегическое значение, реализуя потенциал через конкретные мега-проекты, получает вторую жизнь в качестве ключевого промышленного и логистического хаба*

Ключевые слова и словосочетания: *проект СЭЗ «Находка», Порт Восточный, перспектива развития, транспортно-логистический потенциал региона*

NAKHODKA FREE ECONOMIC ZONE (PRIMORSKY KRAI): FROM CONCEPT TO DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract. *The experience of the Nakhodka SEZ is of particular interest for the development of the Far East. The initial project, designed to implement market mechanisms, failed due to legislative imperfections and the economic crisis of the 1990s. Today, amid the "pivot to the East," the zone is gaining new strategic importance, realizing its potential through specific mega-projects and enjoying a second life as a key industrial and logistics hub*

Keywords: *the Nakhodka SEZ project, Vostochny Port, development prospects, and the region's transport and logistics potential*

Актуальность темы исследования обусловлена стратегическим значением Дальнего Востока для экономики России и необходимостью поиска эффективных инструментов для его комплексного развития. Приморский край Дальнего Востока, обладая уникальным географическим положением и выходом к акваториям Тихого океана, является ключевым звеном в международных транспортных коридорах. В этом контексте опыт создания и функционирования Свободной экономической зоны (СЭЗ) «Находка» представляет особый интерес.

Анализ причин, по которым первоначальный амбициозный проект не достиг ожидаемых высот, в сочетании с оценкой новых глобальных вызовов и возможностей (поворот на Восток, развитие Северного морского пути), позволяет не только извлечь исторические уроки, но и сформулировать обоснованные предложения по реанимации и модернизации этой территории. Особое значение имеют современные проекты, такие как порт Восточный, угольный терминал «Порт Вера» и планируемый завод минеральных удобрений, которые могут стать драйверами нового экономического роста в регионе [10–12].

Научная новизна работы заключается в комплексном анализе эволюции СЭЗ «Находка» с учетом меняющихся геополитических и геоэкономических условий. В отличие от большинства исследований, фокусирующихся на правовых или экономических аспектах в отрыве от контекста, данная работа предлагает рассматривать неудачу 1990-х годов не как провал самой идеи, а как результат системных проблем переходной экономики и несовершенства первоначального законодательства. Новизна также состоит в попытке спрогнозировать потенциал СЭЗ в современных реалиях, где её роль может кардинально измениться – из зоны привлечения иностранного капитала в хаб для переориентации российских экспортных потоков на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона.

Целью исследования является анализ истории создания, причин неэффективности и перспектив возрождения СЭЗ «Находка» на основе оценки её инфраструктурного потенциала.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

– изучить исторические предпосылки и первоначальную концепцию создания СЭЗ «Находка» в конце 1980-х – начале 1990–х годов;

– выявить ключевые факторы, которые привели к невыполнению поставленных экономических показателей и фактическому сворачиванию проекта;

– проанализировать современное состояние и потенциал ключевых инфраструктурных объектов зоны: порта Восточный, угольного терминала «Порт Вера»;

– оценить перспективы проекта строительства завода минеральных удобрений и его влияние на экономику региона;

– сформулировать выводы о возможностях и условиях для успешной реализации потенциала СЭЗ «Находка» в текущих экономических условиях.

Методы исследования включают в себя системный анализ для комплексного рассмотрения проблемы, историко-логический метод для изучения генезиса СЭЗ, сравнительный анализ для сопоставления первоначальных планов с фактическими результатами, а также методы экономического анализа для оценки потенциала современных проектов.

На фоне масштабных экономических и политических преобразований в стране было принято Постановление ВС РСФСР от 24.10.1990 «О создании в Приморском крае в районе г. Находки свободной экономической зоны», а также последующие документы, положившие начало созданию СЭЗ «Находка» [2, 3, 5].

Ключевыми причинами, которые привели к созданию этих документов, стали: переход к рыночной экономике, потребность в иностранных инвестициях, развитие международного сотрудничества, политическая децентрализация.

Полученные результаты.

1. Первоначальный замысел и причины неудачи.

Свободная экономическая зона «Находка» была создана в 1990 г. как один из первых масштабных экспериментов по внедрению рыночных механизмов в плановую экономику СССР. Замысел был грандиозным: превратить Находку в «советский Гонконг» – восточные ворота страны, привлекающие иностранный капитал через льготный налоговый режим (в частности, ставку налога на прибыль в размере 15% для иностранных компаний), упрощенный валютный контроль и режим свободной таможенной зоны. Предполагалось создание тысяч рабочих мест и массовый приток инвестиций в производство, логистику и сферу услуг.

Проект не достиг своих целей по ряду причин:

1. Несовершенство законодательства: Прежде всего закон о СЭЗ Находка, несмотря на сопутствующие постановления и указы, был рамочным, а конкретные механизмы его реализации отсутствовали [2]. Постоянные изменения в налоговом и таможенном законодательстве РФ создавали нестабильность.

– Общесистемный кризис: Создание СЭЗ совпало с распадом СССР и началом «шоковой терапии» в экономике России. Гиперинфляция, политическая нестабильность и отсутствие защищенных прав собственности делали любые долгосрочные инвестиции крайне рискованными [9].

– Конкуренция: В 1990-е годы на Дальнем Востоке возникали другие точки роста (например, СЭЗ «Янтарь» в Калининградской области) [6], а иностранные инвесторы предпочитали более стабильные рынки Юго-Восточной Азии.

– Инфраструктурные ограничения: Несмотря на наличие порта, сопутствующая инфраструктура (дороги, энергетика, коммунальное хозяйство) не была готова к резкому росту нагрузки [8].

2. Современный потенциал.

Спустя десятилетия, на базе той же географической локации, формируется новый промышленный кластер, который может дать СЭЗ «Находка» вторую жизнь. Этот новый этап развития опирается на уникальный транспортно-логистический потенциал региона, что подтверждается современными аналитическими обзорами и реализуется в рамках обновлённой правовой базы.

Инфраструктурные проекты:

Порт Восточный: Порт Восточный, является одним из крупнейших портов на Дальнем Востоке, служит ключевой точкой для перевалки угля, добываемого в Сибири и Кузбассе. Его развитие в настоящее время напрямую связано со строительством и модернизацией специализированных угольных терминалов, таких как «Порт Вера», для увеличения экспортных мощностей в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Это превращает порт в опорный узел для реализации стратегии по переориентации российского сырьевого экспорта на восток [11].

– Угольный терминал «Порт Вера»: Терминал «Порт Вера», введенный в эксплуатацию, уже стал значимым элементом инфраструктуры для экспорта российского угля в страны АТР. Это проект, который уже сегодня реализует транзитный потенциал территории, но также ставит перед регионом серьезные экологические вызовы [12].

– Завод минеральных удобрений: Это проект совершенно иного уровня сложности и значимости. Речь идет о создании одного из крупнейших в мире производств метанола и аммиака (проект «КСКК», ранее - «Находкинский завод минеральных удобрений»). В отличие от экспорта сырья (угля), этот проект предполагает производство продукции с высокой добавленной стоимостью [13].

Стратегическое значение: Завод позволит России занять значительную долю на высоколиквидном рынке удобрений Азиатско-Тихоокеанского региона.

Мультипликативный эффект: Проект создаст тысячи рабочих мест, как на этапе строительства, так и при эксплуатации. Он стимулирует развитие смежных отраслей: газохимии (поставка газа), строительства, транспорта. Кроме того, для отгрузки таких объемов продукции потребуется глубокая модернизация портовой инфраструктуры Восточного.

Экология: Проект сопровождается созданием современных очистных сооружений, что может частично компенсировать негативное воздействие угольного терминала.

Выводы:

– Первоначальный проект СЭЗ «Находка» провалился не из-за ошибочности самой идеи создания свободной экономической зоны, а из-за наложения ряда негативных факторов: несо-

вершенного законодательства, системного экономического кризиса 1990-х годов и отсутствия политической воли для его полноценной реализации.

– Современная экономическая ситуация кардинально отличается от начала 1990-х. Сегодняшняя задача — не столько привлечение иностранного капитала для развития пустующей территории, сколько переориентация собственных экономических потоков на Восток. В этом контексте СЭЗ «Находка» получает новое стратегическое значение как ключевой логистический и промышленный узел.

– Потенциал зоны сегодня реализуется не через общие налоговые льготы для всех видов деятельности, а через реализацию конкретных мега-проектов. Угольный терминал «Порт Вера» уже работает, обеспечивая экспорт сырья.

– Проект завода минеральных удобрений имеет все шансы стать тем самым драйвером, который придаст экономике Находки новое качество. Он способен превратить город из преимущественно портово-логистического центра в крупный промышленный узел с высокой добавленной стоимостью.

Перспектива развития современного промышленного кластера в зоне «Находка» напрямую опирается на обновленную нормативно-правовую базу. Федеральный закон № 116-ФЗ и Указ Президента РФ № 427 формируют общенациональный курс на создание благоприятных условий для инвестиций и ускоренного развития Дальнего Востока [1, 2].

На региональном уровне эти стратегические документы реализуются через конкретные механизмы, заложенные в Государственной программе Приморского края № 903-пп, которая обеспечивает правовую и финансовую поддержку приоритетных проектов, таких как портовые мощности и заводы по переработке сырья, тем самым давая СЭЗ «Находка» вторую жизнь [7].

Для полной реализации этого потенциала необходимо решение ряда системных задач: завершение строительства завода (которое сталкивается с технологическими и финансовыми сложностями), обеспечение проекта необходимыми ресурсами (в первую очередь газом), а также решение экологических проблем и развитие социальной инфраструктуры для обеспечения новых производств кадрами. Таким образом, у СЭЗ «Находка» есть реальные перспективы на будущее, но их реализация зависит от успешного воплощения конкретных индустриальных проектов и грамотной государственной политики по развитию Дальнего Востока.

1. Об особых экономических зонах в Российской Федерации: Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 30 (ч. II). — Ст. 3127.
2. О развитии Дальнего Востока: Указ Президента РФ от 26.06.2020 № 427 // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 27. — Ст. 4196.
3. О создании в Приморском крае в районе г. Находки свободной экономической зоны: Постановление ВС РСФСР от 24.10.1990 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. – 1990, N 21, ст. 235. (Документ не применяется)
4. О первоочередных мерах по развитию свободной экономической зоны в районе г. Находки (СЭЗ Находка) Приморского края: Постановление Совмина РСФСР от 23.11.1990 N 540 (ред. от 03.10.2002) (вместе с «Положением о свободной экономической зоне в районе г. Находки Приморского края») // СП РСФСР. – 1991, N 4, ст. 50. (Документ утратил силу)
5. О первоочередных мерах по развитию свободных экономических зон в Калининградской и Читинской областях: Постановление Совмина РСФСР от 25.09.1991 N 497 (ред. от 03.10.2002) (вместе с «Положением о свободной экономической зоне в Калининградской области (СЭЗ «Янтарь»)», "Положением о свободной экономической зоне в Читинской области (СЭЗ «Даурия")») Текст: электронный. – URL: СПС КонсультантПлюс. (Документ утратил силу)
6. О государственной программе Приморского края «Экономическое развитие и инновационная экономика Приморского края»: Постановление Правительства Приморского края от 27.12.2019 № 903-пп (в ред. от 20.12.2023). Текст: электронный. – URL: СПС КонсультантПлюс.
7. Минакир П.А., Прокапало О.М. Государственная политика на Дальнем Востоке России: от ожидаемых к реальным результатам // Пространственная экономика. — 2021. — Т. 17, № 4. — С. 68-98.
8. Королев П.Е., Чхутиашвили Л.В. Экономические реформы Е.Т. Гайдара: Панорама шоковой терапии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2022. – № 3 (59). – С. 227–236.
9. Свободная экономическая зона «Находка»: история, проблемы, перспективы (к 30-летию создания) / отв. ред. А.П. Латкин. — Владивосток: Дальнаука, 2020.
10. Транспортно-логистический вектор Дальнего Востока. / ФАНУ Восточный центр государственного планирования. Москва, 2024. 54 с. Текст: электронный. – URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/dajdzhest-transportno-logisticheskij-vektor-dalnego-vostoka.pdf.

11. Официальный сайт АО «Восточный Порт» Текст: электронный. – URL: https://www.vostport.ru/info/ (дата обращения: 29.05.2026).
12. Официальный сайт ООО «Порт Вера» Текст: электронный. – URL: https://portnews.ru/companies/port_vera/ (дата обращения: 29.05.2026).
13. Официальный сайт проекта «Находкинский завод минеральных удобрений» (КСКК) Текст: электронный. – URL: https://nzmu.ru/development// (дата обращения: 29.05.2026).
14. Официальный сайт Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики (КРДВ) Текст: электронный. – URL: https://erdc.ru/ (дата обращения: 29.05.2026).
15. Официальный сайт Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики Текст: электронный. – URL: https://minvr.gov.ru/ (дата обращения: 29.05.2026).

Сведения об авторах
Р. И. Гриванов, доцент, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия
А.Д. Михальков, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 81’27

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИКЕ

А.А. Мишина, магистрант

Н.В. Хисамутдинова, преподаватель

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Приводится обзор понятия педагогический дизайн как инструмента проектирования современного обучения. Прослеживается история его становления, анализируются ключевые модели (ADDIE, 4C/ID). В качестве практической составляющей представлен образовательный кейс — проектирование мини-курса по написанию мотивационного письма на английском языке с применением модели 4C/ID*

Ключевые слова: *педагогический дизайн, модель ADDIE, модель 4C/ID, академическое письмо, дистанционное обучение, образовательные компетенции.*

INSTRUCTIONAL DESIGN IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN EDUCATION

Abstract. *This article provides an overview of instructional design as a tool for modern learning development. It traces the history of its formation and examines key models (ADDIE, 4C/ID). As a practical component, an educational case study is presented – the design of a mini-course on writing a motivation letter in English using the 4C/ID model.*

Keywords*: instructional design, ADDIE model, 4C/ID model, academic writing, distance learning, educational competencies.*

Введение. Современный этап социально-экономического развития характеризуется нарастающей скоростью изменений, которая напрямую отражается на сфере занятости. Стремительное устаревание профессий и появление новых компетенций превращают непрерывное образование из желательной опции в насущную необходимость. В этих условиях традиционная модель обучения, основанная на простой ретрансляции готового знания, обнаруживает свою недостаточность. Ей на смену идёт подход, в центре которого формирование компетентности, развитие практических навыков и мыслительных способностей, позволяющих человеку действовать эффективно в неопределённых и быстро меняющихся обстоятельствах. Именно поиск инструментов, отвечающих этой новой образовательной реальности, выводит на передний план педагогический дизайн — междисциплинарную область, соединяющую теорию обучения, когнитивные науки и технологические решения.

В то время как зарубежная педагогическая наука на протяжении десятилетий активно оперирует понятиями instructional design, learning design, learning experience design или

pedagogical design, которые в данном контексте можно считать синонимичными, в отечественной дидактике систематическое осмысление педагогического дизайна только набирает обороты. Это терминологическое и концептуальное расхождение побуждает обратиться к истокам, эволюции и ключевым моделям педагогического дизайна с тем, чтобы точнее определить его место и потенциал в российской образовательной практике.

История педагогического дизайна. Одно из первых определений педагогического дизайна дали в 60-х годах XX века М.Д. Меррилл (M. David Merrill), Л. Дрейк (L. Drake), М. Лейси (M. Lacy) и Дж. Пратт (J. Pratt) [1], которые определяли его как научную дисциплину, которая занимается разработкой наиболее эффективных, рациональных и комфортных способов, методов и систем обучения, которые могут быть использованы в сфере профессиональной педагогической практики.

В 1977 г. Лесли Бриггс (L. Briggs) назвала педагогический дизайн целостным процессом, который включает в себя анализ потребностей и целей обучения, а также разработку системы передачи знаний [2]. Основной идеей педагогического дизайна она определила его ученикоцентричность: весь процесс проектирования обучения должен начинаться с постановки значимой для ученика цели. Именно она будет определять сущность процесса обучения и его событийность. Отечественные авторы [3] провели ретроспективный анализ развития педагогического дизайна и выделили три основных этапа. Первый этап характеризуется становлением педагогического дизайна как научной дисциплины и практики. Он связан с появлением практических решений, которые впоследствии подкреплялись теориями из разных дисциплин, масштабировались и переросли в научно обоснованные модели, в том числе для обучения взрослых.

Второй этап связан с развитием информационных технологий, их внедрением в образовательный процесс, новыми учебными форматами (дистанционного, смешанного, синхронного, асинхронного обучения). Он характеризуется созданием журналов по педагогическому дизайну, например, Learning and Instruction (1991), Language Learning & Technology (1997).

Современный этап связан с поиском вариативных моделей для максимальной персонализации, кастомизации обучения, построения индивидуальных образовательных траекторий. Он отличается, с одной стороны, широтой ресурсов (МООК, системы управления обучением/LMS, интерактивные коворкинги, подкасты, виртуальные экскурсии и др.), с другой – вариативностью методических приемов при проектировании образовательного опыта. Эти технологии обеспечили широкие возможности для разработки инновационных образовательных решений в педагогическом дизайне, позволяющих влиять на образовательный результат, обеспечивать новое качество образования.

Основные модели педагогического дизайна. В широком смысле педагогический дизайн понимается как концептуальная архитектура построения образовательной программы, основа организации учебного процесса. Педагогический дизайн строится на анализе индивидуальных потребностей и целей обучения, принципах построения учебного курса, его содержания, логики изложения материала, ситуаций обучения. В то же время педагогический дизайн рассматривается как практический инструмент, способ доставки образовательного контента, благодаря которому обучение становится более результативным [1].

Е.В. Абызова определяет педагогический дизайн в двух проявлениях: как теорию (т.е. исследование эффективности учебных материалов и средств, создающих благоприятные ситуации, условия и среду обучения) и как практику (т.е. процесс разработки, создания, применения и оценки условий и средств) [4].

Модели, применяемые в педагогическом дизайне, описала Д.В. Воронина [5]. Из предложенного ей интерес вызывает модель ADDIE для проектирования дистанционного курса. Она включает в себя пять этапов: A – анализ (analysis); D – дизайн (design); D – разработка (development); I – реализация (implementation); E – оценка (evaluation).

АНАЛИЗ – это определение целей и задач учебного курса. Именно с его помощью намечается круг знаний, умений и компетенций студента после прохождения обучения.

ДИЗАЙН – это формирование в зависимости от ответов на вопросы первого этапа не только учебной рабочей программы, но – что особенно важно для дистанционного и онлайн образования – и способов обучения. Например: соотношение самостоятельной и аудиторной учебной нагрузки, формы дистанционной связи (чаты, электронные семинары, вебинары) и многое другое, что составляет специфику дистанционного образования.

РАЗРАБОТКА – это конкретная реализация учебного проекта, создание электронного контента, работа с учебным сайтом и пр.

РЕАЛИЗАЦИЯ – это непосредственный процесс обучения.

ОЦЕНКА – это результаты обучения: достижения студентов после прохождения курса, соответствие целей АНАЛИЗА результатам ОЦЕНКИ, и вновь обращение к первому этапу – анализу, что позволяет провести столь необходимую корректировку курса обучения.

Рассмотрим еще одну популярную модель, применяемую в педагогическом дизайне – 4C/ID (Four-Component Instructional Design). Её автор Й.ван Мериенбор с соавторами впервые описал её прототип, представив моделью для обучения сложным когнитивным навыкам. Осваиваемые навыки он предлагает разбивать на две составляющие:

1) набор повторяющихся навыков, которые остаются неизменными в проблемных ситуациях;

2) набор неповторяющихся навыков, которые требуют различного проявления в разных ситуациях.

Далее разрабатываются условия выполнения практики, приводящей, опять же, либо к автоматизации действий для повторяющихся навыков, либо к усвоению схемы действий для неповторяющихся навыков. Помимо этого, задаются требования к представлению информации, которая поддерживает выполнение повторяющихся или неповторяющихся навыков. Применение модели призвано приводить учащихся к «рефлексивному опыту» по переносу изученного в профессиональную практику, делать этот перенос более эффективным [4].

Кейс: мини-курс по написанию академического письма на английском языке. Переходя от теоретического осмысления педагогического дизайна к его практическому воплощению, рассмотрим конкретный кейс — проектирование мини-курса по написанию мотивационного письма на английском языке. Данный выбор продиктован реальной образовательной трудностью: многие студенты, в том числе владеющие языком на хорошем уровне, испытывают серьёзные затруднения при создании мотивационного письма для поступления в зарубежный ВУЗ или подачи на грант. Высокий уровень языковой компетенции сам по себе не обеспечивает овладения специфическим форматом академического письма, а разовых просветительских мероприятий оказывается недостаточно — данный навык требует системной, многочасовой отработки. Таким образом, перед нами не столько языковая, сколько комплексная когнитивная задача: обучающемуся необходимо одновременно сохранять логическую структуру текста, применять уместные клише и риторические приёмы, адаптируя их под собственную ситуацию.

Именно эта двойственная природа навыка — сочетание повторяющихся, алгоритмизируемых компонентов и неповторяющихся, требующих ситуативного переноса, — делает его идеальным объектом для применения модели 4C/ID. Она предлагает разделить осваиваемые действия на рутинные и нерутинные, предусматривая для первых автоматизацию, а для вторых — формирование гибких схем действий, что в полной мере отвечает задаче формирования устойчивого навыка академического письма. Представленный далее пример проектирования курса демонстрирует, как принципы 4C/ID могут быть реализованы в среде смешанного обучения.

В начале разработки курса по модели 4C/ID был поставлен ряд вопросов: какая форма обучения подойдет для данного курса: смешанное или асинхронное обучение. Есть ли необходимость предоставления видео инструкций? Возможен ли формат тестов? Из этого следовал выбор платформы (Moodle, Stepik, ProgressMe). В данном случае лучшим вариантом стала платформа ProgressMe, так как она больше всех отвечает нашим запросам: асинхронность, возможность встроить видеоинструкции, тестовые задания, развернутые ответы.

Для проектирования электронного курса по модели 4C/ID необходимо на первом этапе поставить обучающие задачи:

- выделить соответствующие умения и навыки для написания эссе (какая лексика и грамматика может понадобится для написания письма),

- создание инструмента оценивания (для первых шагов отработки отдельных навыков может подойти машинная проверка, для заключительного этапа – оценка преподавателя),

- проанализировать имеющиеся мотивационные письма в открытых источниках и выделить основные приемы написания, клише, формы.

На втором этапе определить, что будет являться сопровождающей информацией:

- составить базу необходимой лексики для изучения;

- составить базу примеров писем;

- составить список советов по оформлению.

Третий этап – частичная практика. На данном этапе необходимо отработать каждый навык поэтапно. К примеру, первый модуль – это составление плана. Второй модуль – написание введения и заключения. Третий – написание краткого описания достижений с использованием примеров. Четвертый – написание итогового письма.

Четвертый этап – процедурная информация. На данном этапе происходит непосредственно проектирование курса, учитывая когнитивные правила и предварительные знания. После реализации курса собирается и анализируется обратная связь для коррекции поставленных задач.

При проектировании курса по письму необходимо учитывать: количество предоставляемой информации в моменте; количество времени, которое учащийся потратит на задание; обеспечить всплывающие подсказки, как инструмент сопутствующей помощи, предлагающие улучшенную альтернативу.

Проектирование мини-курса, используя 4C/ID модель показывает, как разделение сложного когнитивного навыка на рутинные и нерутинные компоненты, поэтапное развитие модулей и грамотный выбор платформы позволяют сделать навык написания академического письма доступным для целенаправленного и последовательного освоения.

Заключение. Таким образом, проведя анализ толкования термина «педагогический дизайн» различными авторами, его компонентов, принципов применения, мы выяснили, что педагогический дизайн представляет собой эффективный инструмент проектирования современного обучения, позволяющий системно выстраивать образовательный опыт. Применение моделей ADDIE и 4C/ID на практике, как показывает рассмотренный кейс, обеспечивает формирование устойчивых профессиональных компетенций и создаёт условия для осмысленного переноса навыков в реальную деятельность.

1. Merrill M. D., Drake L., Lacy M. J. [et al.] Reclaiming instructional design. Educational Technology, 1966, vol. 36(5), pp. 5-7.
2. Briggs L.J. Instructional design: Principles and applications. Educational Technology Publications, 1977. 532 p.
3. Кичерова М. Н., Трифонова И. С., Паюсова Т. И. Принципы педагогического дизайна для обучения взрослых: векторы изменений и возможности моделирования на основе образовательных технологий // Science for Education Today. – 2024. – Т. 14, № 3. – С. 44–69. Текст: электронный – URL: http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2403.03 (дата обращения: 21.05.2026).
4. Абызова Е. В. Педагогический дизайн: понятие, предмет, основные категории // Вестник Вятского государственного университета. – 2010. – Т. 3, No3. – С. 12-16. Текст: электронный. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskiy-dizayn-ponyatie-predmet-osnovnye-kategorii (дата обращения: 21.05.2026).
5. Воронина Д. В. Педагогический дизайн как средство развития учебной мотивации студентов дистанционной формы обучения // Ярославский педагогический вестник. 2016. №5. Текст: электронный. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskiy-dizayn-kak-sredstvo-razvitiya-uchebnoy-motivatsii-studentov-distantsionnoy-formy-obucheniya (дата обращения: 21.05.2026).

Сведения об авторах

А.А. Мишина, магистрант, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

Н.В. Хисамутдинова , преподаватель, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 004.9:61

РАЗРАБОТКА МЕТОДА СОЗДАНИЯ АДАПТИВНЫХ ИНТЕРФЕЙСОВ ДЛЯ СЕРВИСОВ ПОДДЕРЖКИ РЕШЕНИЙ ПРИ ПОДБОРЕ ЛЕЧЕНИЯ

А.В. Моисейцев, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Рассматривается проблема автоматизации поддержки принятия врачебных решений на основе клинических рекомендаций. Предлагается метод построения систем генерации советов о лечении, адаптируемых под различные нозологии без изменения программного кода и интегрирующих множество нозологий в единой системе. Для этого разработан динамический пользовательский интерфейс на основе JSON-шаблонов, алгоритм сопоставления данных пациента с категориями из базы знаний. Проведён сравнительный анализ эффективности предложенного подхода и AI-ассистента на базе LLM mistral:7b*

Ключевые слова: *поддержка принятия врачебных решений, адаптивные интерфейсы, клинические рекомендации, JSON-шаблоны, большие языковые модели, ИИ в медицине.*

DEVELOPMENT OF A METHOD FOR CREATING ADAPTIVE INTERFACES FOR DECISION SUPPORT SERVICES IN TREATMENT SELECTION

Abstract. *The article considers the problem of automating medical decision support based on clinical recommendations. A method for building treatment advice generation systems is proposed, which can be adapted to various nosologies without code modification and integrates multiple nosologies into a single system. For this purpose, a dynamic user interface based on JSON templates, an algorithm for matching patient data with categories from the knowledge base, and a treatment scoring system are developed. A comparative analysis of the effectiveness of the proposed approach and an AI assistant based on the mistral:7b LLM is conducted.*

Keywords: *clinical decision support, adaptive interfaces, clinical recommendations, JSON-templates, large language models, AI in medicine*

Введение

Актуальность. В современной медицине наблюдается экспоненциальный рост объёма клинических данных и медицинской документации. По данным Всемирной организации здравоохранения, за период 1999-2025 гг. зафиксирован «steady rise in the number of newly recruiting trials registered» [12]. Ежегодно публикуются тысячи новых клинических исследований, обновляются национальные и международные клинические рекомендации, появляются новые методы диагностики и лечения. Перед практикующим врачом стоит сложная задача: оперативно обработать большой объём информации о пациенте, сопоставить её с актуальными клиническими рекомендациями и принять обоснованное решение о тактике лечения. Как отмечается в исследовании NHS Resolution, «diagnostic error» (диагностическая ошибка) является одной из основных причин клинической халатности, а среди факторов, способствующих таким ошибкам, выделяются «problems with history taking» (проблемы со сбором анамнеза), «failure to investigate» (отсутствие должного обследования) и «missed, incorrect and delayed diagnosis» (пропущенный, неверный или отсроченный диагноз) [11].

Особую сложность представляет работа с пациентами, имеющими множественные сопутствующие заболевания. Кроме того, существующие клинические рекомендации часто представлены в виде объёмных текстовых документов, структура которых может существенно различаться в зависимости от заболевания и утвердившей организации. Это затрудняет их практическое использование в условиях ограниченного времени приёма. Согласно исследованию, проведённому агентством RX CODE совместно с порталами «Медицинский вестник» и «МирВрача» (опрошено 1540 специалистов здравоохранения со всей России), «большинство врачей (64%) тратят на поиск данных от 30 до 60 минут ежедневно, часто жертвуя личным временем: половина респондентов ищет информацию уже после рабочего дня, и только 41% успевают делать это в рабочие часы. Только 20% находят нужные данные быстро и легко» [13]. Главными барьерами становятся «перегруженность интернета потребительским контентом, обилие рекламы и требования регистрации на сайтах» [13]. Кроме того, как показало международное исследование, «physicians often have poor search skills and struggle to find information on the web, which may have detrimental consequences for patient care» (врачи часто имеют слабые навыки поиска и испытывают трудности при поиске информации в интернете, что может иметь пагубные последствия для ухода за пациентами) [14].

В последние годы активно развиваются подходы на основе больших языковых моделей (LLM), которые способны отвечать на вопросы по текстам клинических рекомендаций. Однако такие системы обладают принципиальными ограничениями [1, с. 1935]: они могут генерировать недостоверные ответы (галлюцинации), не обеспечивают объяснимости принимаемых решений и чувствительны к формулировке запроса.

Таким образом, актуальной является разработка метода создания адаптивных интерфейсов для сервисов поддержки решения задач, способной работать с различными клиническими рекомендациями.

Цель и задачи исследования

Целью исследования является разработка метода создания адаптивных интерфейсов для сервисов поддержки решения задач в практической медицине.

Задачи исследования:

1) разработать универсальную модель описания структуры пользовательского интерфейса для ввода наблюдений о состоянии пациента на основе JSON-шаблонов;

2) спроектировать структуру базы знаний для хранения формализованных клинических рекомендаций;

3) создать механизм адаптивных объяснений и обратной связи;

4) провести апробацию системы на клинических сценариях и сравнить с AI-ассистентом на базе Ollama [10].

Научная новизна

– Предложена универсальная модель формализации клинических рекомендаций в виде иерархической JSON-структуры, позволяющая описывать различные нозологии в едином формате.

– Разработан алгоритм сопоставления данных пациента с категориями из базы знаний, использующий многоуровневый поиск с учётом синонимов и нормализации терминов.

– Реализован механизм адаптивных объяснений с обратной связью, позволяющий системе указывать врачу на недостающие данные.

Материалы и методы

Текстовые представления и выходные данные. В качестве входных данных для системы используются два JSON-файла:

GUI-шаблон (gui.json) - описывает структуру пользовательского интерфейса: вкладки, группы полей, типы полей (числовые, качественные, множественного выбора, поля-признаки). Формат позволяет динамически генерировать форму ввода данных без изменения программного кода.

База знаний (knowledge_base.json) - содержит формализованные клинические рекомендации в иерархической структуре. Местом накопления иерархически структурированных клинический рекомендаций является платформа IACPaaS [9] (Институт автоматики и процессов управления ДВО РАН) – централизованный формализованных клинических протоколов.

Предполагается два основных формата выходного представления:

Формат выходного представления (сохранённой истории болезни) - JSON-файл, в котором данные распределяются по трём секциям: «Общие сведения», «Сведения о состоянии», «Сведения в динамике». Внутри каждой секции каждое поле представлено объектом с англоязычными ключами «Тип» и «Значение», что обеспечивает единообразие обработки при загрузке и сохранении.

Логическая структура этапов процесса анализа

В ходе исследования была разработана последовательность этапов поддержки принятия врачебных решений.

Первый этап – загрузка и валидация входных данных. Система загружает GUI-шаблон и базу знаний, проверяет корректность JSON-синтаксиса и наличие обязательных полей.

Второй этап – динамическое построение пользовательского интерфейса. На основе GUI-шаблона система автоматически генерирует HTML-форму с вкладками, группами полей и элементами ввода поддерживаемых типов.

Третий этап – ввод данных пациента и поиск рекомендаций. Врач заполняет форму, система извлекает диагноз, находит соответствующий раздел в базе знаний и перебирает врианты лечения.

Четвёртый этап – проверка категории пациента. Для каждого варианта проверяется соответствие пациента критериям из базы знаний (факторы, наблюдения, возраст, стадия).

Пятый этап – формирование объяснения и обратная связь. Система формирует текстовое обоснование выбора, при недостаточности данных указывает незаполненные поля и подсвечивает их.

Обработка входных данных и состав базы знаний

На этапе ввода данных пациента важную роль играет нормализация терминов и учёт синонимов. Основное назначение – обеспечение устойчивости к вариативности формулировок, которые может использовать врач при заполнении формы.

Нормализация выполняется приведением строк к нижнему регистру, удалением лишних пробелов и знаков препинания. Учёт синонимов реализован через специальные маппинги (например, «цирроз печени» и «ЦП»), а также через поиск, по ключевым словам, и частичное совпадение строк.

База знаний устроена так, чтобы содержать блоки инструкций по лечению множества заболеваний. Для проведения экспериментов в нее были включены сведения по 15 заболеваниям (рисунок 1):

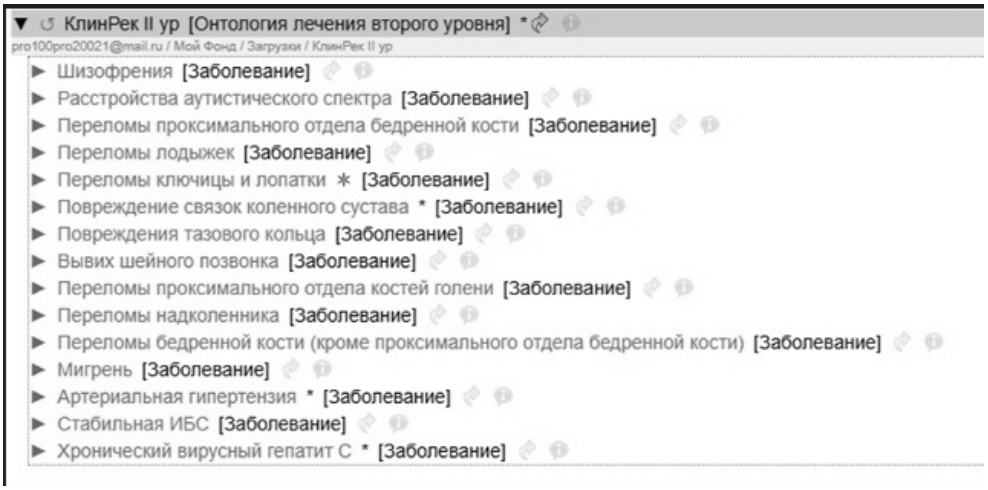

Рис. 1. База знаний

Механизм адаптивных объяснений. При недостаточности данных система формирует панель предупреждения с перечнем незаполненных полей и предоставляет кнопку перехода к ним. Функция highlightFieldByName выполняет:

– определение вкладки, содержащей поле,

– программное переключение на нужную вкладку,

– поиск элемента в DOM,

– визуальное выделение [8, с. 18] (оранжевая рамка, подсветка фона)

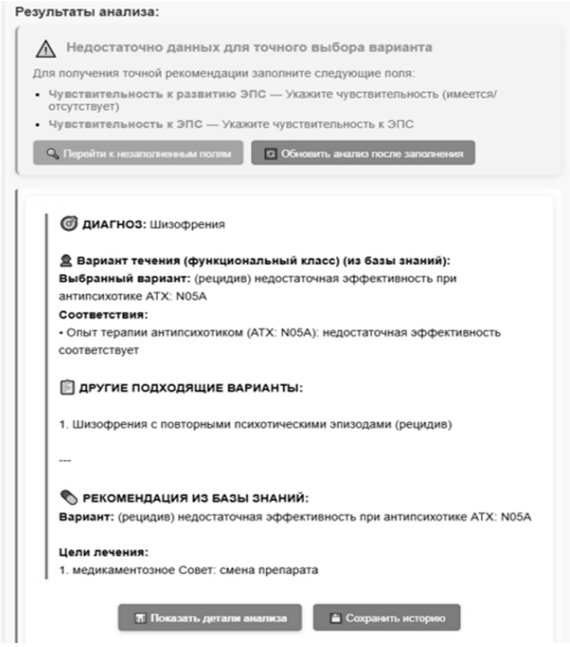

Рис. 2. GUI интерфейс

Результаты

Оценка качества работы механизма поиска значений. Цель эксперимента. В ходе эксперимента оценивалась эффективность поиска значений полей пациента, необходимых для проверки категорий из базы знаний. Категория пациента содержит критерии (факторы, наблюдения), которым должен соответствовать пациент. Система должна найти в данных пациента значение для каждого такого критерия (например, для критерия «генотип» найти значение «1b»).

Источник данных. Эксперимент проведён на 15 полях из трёх клинических сценариев (хронический вирусный гепатит С, шизофрения, перелом лодыжки). Данные взяты из реальных протоколов, хранящихся на платформе IACPaaS.

Стратегии поиска. Были протестированы четыре стратегии:

Прямой поиск – точное совпадение имени поля.

Поиск по ключевым словам - из названия поля извлекаются значимые слова (длиной не менее 3 символов) и ищутся в данных пациента.

Комбинированная стратегия – объединение всех трёх подходов с добавлением частичного совпадения строк.

Результаты. Прямой поиск обеспечил точность 0,85 (найдено 85% полей). Поиск, по ключевым словам, повысил точность до 0,91. Специальные маппинги дали точность 0,88. Комбинированная стратегия достигла точности 0,97.

Вывод. Комбинированная стратегия поиска подтвердила свою эффективность, обеспечивая высокую точность (0,97).

Апробация системы и сравнительный анализ с AI-ассистентом на единичных сценариях. В данном разделе представлена демонстрация работы сервиса, сконструированного с помощью адаптивного интерфейса (с подключаемой БЗ клинических инструкций о лечении и алгоритмом поиска и сопоставления введенным данным клинических инструкций) на двух тестовых случаях (сценариях). Полноценное экспериментальное исследование с большим объёмом данных (валидация) не входило в задачи данной работы; целью является проверка возможности их конструирования и корректности функционирования.

Понятие категории пациента и недостающих полей.

Под категорией пациента в базе знаний понимается набор критериев (факторов и наблюдений), которым должен соответствовать пациент для применения конкретной инструкции. Например, категория «ХВГС без ЦП, без опыта ПВТ и без трансплантации печени (при генотипе 1b)» включает критерии: генотип 1b, отсутствие цирроза, отсутствие опыта ПВТ, отсутствие трансплантации.

Недостающими полями считаются те критерии, для которых в данных пациента не найдено значение. При анализе система для каждого варианта лечения извлекает категорию пациента и проверяет наличие введённых данных по каждому критерию.

Сценарий 1. Шизофрения (резистентная форма).

Диагноз «Шизофрения», симптоматика «резистентная», опыт терапии антипсихотиком - «недостаточная эффективность».

Разработанная система выявила недостающие данные (чувствительность к ЭПС) и рекомендовала смену препарата. AI-ассистент правильно определил проблему, предложил увеличение дозы, смену препарата, добавление второго антипсихотика, ЭКТ, но не назвал Клозапин (золотой стандарт).

Сценарий 2. Перелом лодыжки (со смещением).

Диагноз «Переломы лодыжек», возраст 65 лет, локализация «медиальная лодыжка», тип «со смещением».

Разработанная система выдала детальную хирургическую рекомендацию: остеосинтез с репозицией «зубец в зубец», фиксация стягивающим винтом. AI-ассистент ошибся, рекомендовав консервативное лечение (ограничение соли, снижение веса) и выдумав несуществующий диагноз «деформирующий артроз» (галлюцинация).

Сводные результаты сценариев

Таблица 1

Сравнение разработанной системы и AI-ассистента

Критерий	Разработанная система	AI-ассистент
Обнаружение неполноты данных	Да	Нет
Галлюцинации	Нет	Да
Конкретность рекомендаций	Высокая (в переломе - детальная хирургическая техника)	Низкая (общие советы, не связанные с лечением перелома)

Выводы по результатам апробации:

– Решатель гарантирует отсутствие галлюцинаций и обеспечивает полную объяснимость решений.

– LLM-подход эффективен для генерации списка возможных препаратов.

– AI-ассистент интегрирован в систему как дополнительный модуль, но в данном сравнении рассматривается как альтернативный подход к получению рекомендаций.

Обсуждение

Когда какой подход предпочтительнее

Разработанная система предпочтительнее, когда:

– требуется строгое следование клиническим рекомендациям;

– важна объяснимость решения;

– критически важно избежать ошибок (выбор между консервативным и хирургическим лечением);

– важна безопасность и отсутствие галлюцинаций.

AI-ассистент может быть полезен, когда:

– нужны общие пояснения или перефразирование сложных терминов;

– требуется генерация текстовой выписки;

– врач хочет получить «второе мнение» или список возможных вариантов.

Заключение

В рамках исследования разработан метод создания адаптивных интерфейсов для сервисов поддержки принятия врачебных решений. Применение JSON-шаблонов для формализации GUI и базы знаний показало высокую эффективность при обработке клинических данных. Разработанный алгоритм поиска рекомендаций с нормализацией терминов и учётом синонимов обеспечивает устойчивость к вариативности вводимых данных.

Экспериментально подтверждено, что разработанная система имеет право на существование и не может быть полностью заменена универсальным AI-ассистентом, особенно в областях, требующих строгого следования протоколам лечения.

1. Thirunavukarasu A.J., Ting D.S.J., Elangovan K., et al. Large language models in medicine: opportunities and challenges // Nature Medicine. – 2023. – Vol. 29. – P. 1930-1940.
2. Lee J., Yoon W., Kim S., et al. BioBERT: a pre-trained biomedical language representation model for biomedical text mining // Bioinformatics. – 2020. – Vol. 36, No. 4. – P. 1234-1240.
3. Meskó B. Prompt engineering as an important emerging skill for medical professionals: tutorial // Journal of Medical Internet Research. – 2023. – Vol. 25. – P. e50638.
4. Щетинин Е.Ю., Велиева Т.Р., Юргина Л.А. и др. Методы разработки и внедрения больших языковых моделей в здравоохранении: проблемы и перспективы в России // Вестник РУДН. Серия: Математика. Информатика. Физика. – 2025. – Т. 33, № 3. – С. 327-344.
5. ISMIE Mutual Insurance Company. Diagnostic Errors Top Reason for Lawsuits Against Radiologists Текст: электронный. – 2025. – 13 May. – URL: https://www.ismie.com/articles/risk-management/may-13-2025-diagnostic-errors-top-reason-for-lawsuits (дата обращения: 07.05.2026).
6. World Health Organization (WHO). Number of clinical trials by year, country, WHO region and income group (1999-2025) Текст: электронный. – 2025. – November. – URL: https://www.who.int/observatories/global-observatory-on-health-research-and-development/monitoring/number-of-clinical-trials-by-year-country-who-region-and-income-group (дата обращения: 07.05.2026).

7. Сколково МедФарм. Где и сколько врачи ищут профессиональную информацию Текст: электронный. – 2025. – 25 ноября. – URL: https://skolkovomedpharm.ru/news/73136 (дата обращения: 07.05.2026).
8. Chevalier A., Dosso C. The Influence of Medical Expertise and Information Search Skills on Medical Information Searching: Comparative Analysis From a Free Data Set // JMIR Formative Research. – 2025. – Vol. 9. – P. e62754. – DOI: 10.2196/62754.
1. Touvron H., Martin L., Stone K., et al. Llama 2: Open foundation and fine-tuned chat models // arXiv preprint arXiv:2307.09288. – 2023.
2. Vaswani A., Shazeer N., Parmar N., et al. Attention is all you need // Advances in Neural Information Processing Systems. – 2017. – Vol. 30. – P. 5998-6008.
3. Gao Y., Xiong Y., Gao X., et al. Retrieval-augmented generation for large language models: A survey // arXiv preprint arXiv:2312.10997. – 2023.
4. Корончик Д.Н. Пользовательские интерфейсы интеллектуальных систем // Кибернетика и программирование. – 2012. – № 1. – С. 16-22.
5. JSON-представление информационных ресурсов Текст: электронный. – URL: https://iacpaas.dvo.ru/infores (дата обращения: 30.04.2026).
6. Ollama. Get up and running with large language models Текст: электронный. – URL: https://github.com/ollama/ollama (дата обращения: 30.04.2026).

Сведения об авторе
А.В. Моисейцев, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 336.71.078.3

РАЗВИТИЕ УЧЕТНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СИСТЕМЫ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ БАНКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

А.А. Москвитина, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Рассматриваются особенности развития учетно-аналитического обеспечения банковской организации в условиях цифровизации. Исследовано влияние цифровых технологий на эффективность системы внутреннего контроля. Проведен анализ современных методов обработки данных и инструментов автоматизации контрольных процедур. Определены основные проблемы цифровой трансформации банковской деятельности и предложены направления совершенствования учетно-аналитического обеспечения.*

Ключевые слова: *банковская деятельность, внутренний контроль, цифровизация, учетно-аналитическое обеспечение, банковские риски, автоматизация, Big Data, искусственный интеллект.*

DEVELOPMENT OF ACCOUNTING AND ANALYTICAL SUPPORT FOR THE INTERNAL CONTROL SYSTEM OF A BANKING ORGANIZATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Abstract. *The article examines the development of accounting and analytical support in banking organizations under digitalization. The impact of digital technologies on the effectiveness of the internal control system is analyzed. Modern methods of data processing and automation of control procedures are studied. The main problems of digital transformation in the banking sector are identified and directions for improving accounting and analytical support are proposed*

Keywords: *banking activity, internal control, digitalization, accounting and analytical support, banking risks, automation, Big Data, artificial intelligence*

В настоящее время цифровая трансформация значительно влияет на функционирование банковского сектора. Развитие информационных технологий, рост объемов обрабатываемых данных и усиление регуляторных требований формируют необходимость совершенствования системы внутреннего контроля и учетно-аналитического обеспечения банковской деятельно-

сти [1, с. 18; 5]. В условиях высокой нестабильности финансовой среды именно качество аналитической информации становится одним из ключевых факторов устойчивости кредитной организации.

Актуальность исследования обусловлена тем, что цифровизация банковской деятельности приводит к трансформации традиционных методов учета, анализа и контроля. Современные банки активно внедряют технологии искусственного интеллекта, Big Data, автоматизированные аналитические платформы и системы непрерывного мониторинга операций [4, 9]. При этом развитие цифровой среды повышает эффективность обработки информации и формирует новые риски, связанные с киберугрозами, устойчивостью информационных систем и качеством аналитических моделей [7].

Научная новизна исследования заключается в обосновании роли учетно-аналитического обеспечения как интегрированной цифровой среды управления банковскими рисками, обеспечивающей непрерывный мониторинг операций и повышение эффективности внутреннего контроля.

Цель исследования состоит в анализе влияния цифровизации на учетно-аналитическое обеспечение банковской организации и разработке направлений повышения эффективности системы внутреннего контроля.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

– исследовать сущность учетно-аналитического обеспечения банковской деятельности;

– определить влияние цифровизации на систему внутреннего контроля;

– проанализировать современные цифровые технологии в банковской сфере;

– выявить проблемы цифровой трансформации учетно-аналитических процессов;

– предложить направления совершенствования системы внутреннего контроля.

Методологическую основу исследования составили системный подход, методы сравнительного анализа, обобщения, классификации и экономического анализа.

Учетно-аналитическое обеспечение представляет собой совокупность процессов формирования, обработки и анализа информации, необходимых для принятия управленческих решений и обеспечения устойчивого функционирования банковской организации [3, с. 52]. На сегодняшнее время его роль значительно расширяется. Если ранее учет выполнял преимущественно фиксационную функцию, то сегодня он становится основой риск-ориентированного управления и цифрового контроля [11, с. 442].

Особенностью банковской деятельности является высокая скорость обработки финансовых операций и значительный уровень государственного регулирования. В связи с этим система учетно-аналитического обеспечения должна обеспечивать оперативность, достоверность и непрерывность информационных потоков. Согласно Положению Банка России №242-П внутренний контроль должен быть направлен на обеспечение эффективности банковских операций, управление рисками и соблюдение требований законодательства [5].

В современных банках учетно-аналитическая система постепенно интегрируется с инструментами внутреннего контроля и риск-менеджмента. Такой подход обеспечивает возможность своевременно выявлять отклонения, снижать вероятность финансовых потерь и повышать устойчивость кредитной организации [12]. Развитие риск-ориентированного подхода становится одним из ключевых направлений совершенствования банковского контроля [13].

Система внутреннего контроля играет важную роль в обеспечении финансовой устойчивости банка. Ее функции включают контроль ликвидности, управление кредитными и операционными рисками, соблюдение требований Банка России, а также обеспечение достоверности финансовой отчетности [6]. В современной цифровой среде внутренний контроль постепенно переходит от выборочных проверок к непрерывному мониторингу операций в режиме реального времени [10].

Современные цифровые технологии ощутимо изменяют организацию учетно-аналитических процессов. Наиболее активно в банковском секторе используются:

– технологии Big Data;

– искусственный интеллект;

– машинное обучение;

– автоматизированные аналитические платформы;

– системы электронного документооборота;

– цифровые сервисы дистанционного банковского обслуживания [4, 15].

Практика крупнейших российских банков показывает, что цифровые технологии уже стали частью системы внутреннего контроля. Российские банки активно используют автоматизированный мониторинг операций. Например, в Сбербанке применяются алгоритмы анализа аномалий клиентского поведения, а ВТБ внедряет LLM-модели автоматизации внутренних процессов. В АО «Банк ДОМ.РФ» автоматическая проверка операций позволяет ускорить выявление отклонений и снизить нагрузку на персонал [4, 9, 15].

Цифровой аудит становится ключевым направлением в банковском секторе. В Сбербанке используются технологии проверки операций и программного кода с применением искусственного интеллекта, тогда как ВТБ автоматизирует процедуры внутреннего аудита и комплаенс-контроля. В АО «Банк ДОМ.РФ» цифровые инструменты применяются при анализе строительной документации и договоров, что повышает точность обработки документов и снижает вероятность ошибок [4, 9, 15].

Использование цифровых технологий помогает серьезно повысить скорость обработки данных, сократить влияние человеческого фактора и повысить качество принимаемых управленческих решений [1, с. 20]. Например, применение алгоритмов машинного обучения обеспечивает автоматически выявлять подозрительные операции и прогнозировать вероятность возникновения рисков.

Практика российских банков показывает, что цифровизация способствует повышению эффективности внутреннего контроля и управлению рисками. К примеру, внедрение автоматизированных антифрод-систем позволяет анализировать клиентские операции в режиме реального времени и своевременно выявлять признаки мошенничества [9]. Одновременно развитие предиктивной аналитики обеспечивает возможность прогнозирования потенциальных отклонений еще до момента их возникновения [8]. Вместе с тем цифровая трансформация банковской деятельности сопровождается рядом проблем. Одной из значимых угроз становятся киберриски, которые связаны с возможностью утечки конфиденциальной информации и нарушением устойчивости информационных систем [7]. Дополнительные сложности возникают вследствие зависимости качества аналитических моделей от полноты и достоверности исходных данных [16, с. 120].

Существенной проблемой остается также недостаточная интеграция учетных, аналитических и контрольных систем. На практике это приводит к фрагментации информационных потоков, снижению скорости обработки данных и дублированию отдельных процедур контроля [17, с. 1097]. Несмотря на высокий уровень автоматизации отдельных процессов, многие банки продолжают использовать частично разрозненные информационные системы.

В последние годы особое значение приобретает риск-ориентированный подход к организации внутреннего контроля. Его сущность заключается в концентрации контрольных процедур на наиболее уязвимых направлениях деятельности банка [14]. Использование цифровых аналитических инструментов направлено на повышение эффективности такого подхода и обеспечение непрерывного мониторинга операций.

Одним из перспективных направлений развития учетно-аналитического обеспечения является создание единой цифровой платформы, объединяющей учет, анализ, внутренний контроль и риск-менеджмент в едином информационном пространстве [16, с. 121]. Это позволит обеспечить сквозную обработку данных и повысить прозрачность управленческой информации. Также перспективным направлением является расширение применения технологий искусственного интеллекта и предиктивной аналитики. Их использование позволит перейти от ретроспективного анализа к прогнозированию рисков и формированию сценарных моделей развития банковской деятельности [4, 9]. Международный опыт показывает, что эффективность внутреннего контроля в значительной степени возрастает при использовании комплексных моделей управления рисками, основанных на принципах COSO и интегрированного риск-менеджмента [18]. Применение данных подходов способствует повышению устойчивости банковской системы и эффективности управления финансовыми рисками.

В результате цифровизация оказывает комплексное влияние на учетно-аналитическое обеспечение банковской организации и систему внутреннего контроля. Использование современных технологий способствует повышению эффективности обработки информации, снижению операционных затрат и усилению контрольных процедур [2, 17, с. 1101]. Но также цифровая среда формирует новые угрозы, связанные с кибербезопасностью, устойчивостью информационных систем и качеством аналитических моделей.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что дальнейшее развитие учетно-аналитического обеспечения должно быть направлено на формирование интегрированной цифровой среды управления данными, обеспечивающей непрерывный контроль операций и повышение эффективности риск-ориентированного управления. На сегодняшний день именно качество учетно-аналитической информации становится ключевым фактором устойчивого функционирования банковской организации [8, 16].

1. Абрамова А.Е. Внедрение цифровизации в глобальную финансовую систему: тенденции и последствия // Вестник науки. – 2023. – №6 (63). – С. 14–23.
2. Ажогина Н.Н. Использование современных технологий в организации внутреннего контроля коммерческого банка // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 1. – С. 70–74. – DOI 10.22394/2079-1690-2022-1-1-70-74.
3. Акатьева М.Д., Бирюков В.А. Бухгалтерский учет и анализ: учебник. – Москва: ИНФРА-М, 2020. – 274 с.
4. Акбашева Д.М., Айбазов А.М., Урусов М.И., Эскиндарова А.М. Автоматизация банковского учета: перспективы и вызовы // Journal of Monetary Economics and Management. –2025. – №1.
5. Банк России. Положение от 16.12.2003 № 242-П «Об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах» (ред. от 15.11.2023). – Текст: электронный. – URL: https://base.garant.ru/584330/ (дата обращения: 10.05.2026).
6. Банк России. Развитие риск-ориентированного банковского регулирования. – Москва, 2023. – Текст: электронный. – URL: https://www.cbr.ru/ (дата обращения: 08.05.2026).
7. Бойченко О.В., Польская С.И. Аналитика проблем кибербезопасности критической информационной инфраструктуры банков // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2023. – №3 (64).
8. Ветрова Е.А. Цифровизация и надежность коммерческих банков // Вестник ТИУиЭ. – 2024. – №1 (41).
9. Вовченко Н.Г., Солёная О.С. Оценка адаптации российских коммерческих банков к инновационным технологиям // Финансовые исследования. – 2025. – №1 (86).
10. Гусев В.И. Цифровизация системы внутреннего контроля как фактор обеспечения финансовой безопасности организации // Современные технологии управления. – 2023. – № 4 (104). – Текст: электронный. – URL: https://sovman.ru/en/article/10425/ (дата обращения: 10.05.2026).
11. Дадаев Я.Э. Развитие учетно-аналитического обеспечения в условиях цифровизации // Миллионщиков-2023. – 2023. – С. 441–444.
12. Дегтяренко А.И., Гаджибек В.П. Развитие учетного обеспечения управления рисками в коммерческих банках // Вестник науки. – 2022. – №7 (52).
13. Земсков Е.А., Карпунин В.И. Современные особенности развития системы риск-ориентированного внутреннего контроля и аудита в российской банковской системе // Вестник евразийской науки. – 2023. – №2S.
14. Карпунин В.И., Ефремова Ю.С. Системная парадигма риск-ориентированного внутреннего контроля кредитной организации // Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова. – 2020. – №2 (110).
15. Курныкина О.В. Методические аспекты применения электронных технологий в информационно-аналитическом обеспечении отчетности банка // Учет. Анализ. Аудит. – 2022. – №5.
16. Одинцов В.А. Учетно-аналитическое обеспечение системы управления рисками в условиях цифровой трансформации // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2022. – №4 (124). – С. 115–123.
17. Растегаева Ф.С., Пережогин И.С. Трансформация системы внутреннего контроля коммерческой организации в условиях цифровизации экономики // Креативная экономика. – 2020. – Т. 14. – №6. – С. 1091–1104.
18. Chen H., Wang S., Yang D., Zhou N. COSO-Based Internal Control and Comprehensive Enterprise Risk Management // Encyclopedia. – 2025.

Сведения об авторе

А.А. Москвитина, магистрант, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 81’42

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЖАНРА «ПОЗДРАВЛЕНИЕ» НА САЙТЕ УНИВЕРСИТЕТА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Му Вэньхэ, магистрант

Н.Ю. Пилюгина, преподаватель

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В центре внимания исследования – структурные, языковые, тематические и лингвопрагматические особенности жанра «поздравление» на сайте русского и китайского университетов. В работе показаны результаты анализа тематической ориентированной поздравлений на сайте университете в двух языках. Описаны основные различия в структурной и языковой организации текстов. Сделаны выводы о различиях в прагматических функциях русских и китайских поздравительных текстов на сайте университетов.*

Ключевые слова: *жанр, поздравление, культура, прагматический потенциал, структура, сайт университета.*

THE GENRE "CONGRATULATIONS" ON THE UNIVERSITY'S WEBSITE IN RUSSIAN AND CHINESE: NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICS

Abstract. *The research focuses on the structural, linguistic, thematic and linguistic–pragmatic features of the genre of "congratulations" on the website of Russian and Chinese universities. The paper shows the results of an analysis of thematically oriented greetings on the university's website in two languages. The main differences in the structural and linguistic organization of texts are described. Conclusions are drawn about the differences in the pragmatic functions of Russian and Chinese congratulatory texts on the universities' website.*

Keywords*: genre, congratulations, culture, pragmatic potential, structure, university website.*

Актуальность исследования: определяется несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, стремительное развитие интернет-коммуникации привело к формированию новых жанровых форм, изучение которых является одной из приоритетных задач современной лингвистики. Традиционные речевые жанры, перемещаясь в цифровую среду, претерпевают существенные изменения, что требует специального научного осмысления. Во-вторых, жанр «поздравление» является одним из наиболее частотных этикетных жанров, функционирующих в различных типах дискурса, включая академический. Исследование его реализации на сайтах университетов позволяет выявить, как институциональные цели влияют на жанровую структуру и языковое оформление текста. В-третьих, сопоставительный анализ русских и китайских поздравительных текстов даёт возможность установить, как универсальные, так и национально-специфические черты данного жанра, что представляет особый интерес в контексте межкультурной коммуникации.

Объект исследования – тексты-поздравления, размещённые на официальных сайтах Владивостокского государственного университета (ВВГУ) и Хэйлунцзянского университета.

Предмет исследования – лингвопрагматические, структурные и языковые особенности жанра «поздравление», функционирующего в гипертекстовом пространстве сайтов российского и китайского университетов.

Цель исследования – выявление и описание общих и национально-специфических черт жанра «поздравление» на сайтах российского и китайского университетов.

Поставлены следующие задачи:

1) провести тематическую классификацию текстов-поздравлений на сайтах ВВГУ и Хэйлунцзянского университета;

2) выявить структурные элементы текста-поздравления, определить обязательные и факультативные компоненты в русских и китайских текстах;

3) описать языковые особенности поздравительных текстов на обоих сайтах;

4) проанализировать прагматические функции жанра «поздравление» в гипертекстовом пространстве университетского сайта и провести сопоставительный анализ русских и китайских текстов.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных учёных в нескольких научных областях. Теория речевых жанров разработана в трудах М.М. Бахтина, Т.В. Шмелевой, В.Е. Гольдина, К.А. Долинина, В.В. Дементьева, К.Ф. Седова. Изучению жанра «поздравление» посвящены исследования Н.И. Формановской, В.А. Масловой, Ю.А. Эмер, Т.В. Тарасенко, В.В. Кашпур. Проблемы виртуального жанроведения рассматриваются в работах Е.И. Горошко, О.В. Лутовиновой, Л.Ю. Щипициной, Е.Н. Галичкиной, Е.А. Баженовой [1; 3].

Методы исследования: в работе используется комплексная методика, включающая описательный метод, реализуемый в методиках компонентного анализа, дискурсивного анализа, количественного анализа, а также используется сопоставительный метод.

Материалом исследования послужили 100 текстов-поздравлений с официального сайта Владивостокского государственного университета [2] и 100 текстов-поздравлений с официального сайта Хэйлунцзянского университета [4]. Временной охват российского материала составляет 2026 г., китайского материала – 2009-2026 гг**.**

Научная новизна работы заключается в том, что впервые проведён сопоставительный лингвопрагматический анализ жанра «поздравление» на материале сайтов российского и китайского университетов. Был проведен тематический анализ текстов-поздравлений на сайтах двух университетов. Результаты показаны в таблице 1.

Таблица 1

Тематика поздравлений вузов

Тематическая группа	ВВГУ (Россия) %	Хэйлунцзянский университет (Китай) %
1. Профессиональные праздники	8	5
2. Государственные праздники	6	2
3. Защита диссертации	5	0
4. День рождения и юбилеи	3	3
5. Личные достижения	28	18
6. Высокие показатели работы университета	35	68
7. Спортивные достижения	15	4

Поздравления с показателями работы и успехами вуза составляют 35% в российском корпусе и подавляющие 68% в китайском. На долю личных достижений сотрудников в России приходится 28%, а в Китае 18%. В России 15% текстов посвящены спорту и 5% защите кандидатских и докторских диссертаций. В китайском же корпусе поздравлений с защитой диссертации на сайте вуза не обнаружено вовсе (0%), что отражает разницу в понимании публичности научных побед.

Анализ композиционной организации текстов-поздравлений показал следующие результаты. Проведённый анализ показал, что ядро жанра «поздравление» на сайте ВВГУ образуют четыре обязательных элемента: обращение, собственно поздравление, пожелание и подпись адресанта. Наличие данных четырёх компонентов является необходимым условием для идентификации текста как принадлежащего к жанру «поздравление»; отсутствие любого из них ведёт либо к жанровой трансформации, либо к восприятию текста как коммуникативно неполноценного. Помимо обязательных, тексты-поздравления на сайте ВВГУ регулярно включают ряд факультативных элементов, наличие и степень развёрнутости которых варьируются в зависимости от тематической группы и конкретной коммуникативной ситуации. Такая детализация превращает поздравление из краткого этикетного высказывания в развёрнутый информационный текст, что является одной из отличительных особенностей функционирования жанра в гипертекстовой среде университетского сайта.

Благодарность адресату – факультативный элемент, выражающий признательность адресату за его заслуги, вклад в развитие университета, науки, образования. Данный элемент встречается преимущественно в текстах, посвящённых профессиональным достижениям и

юбилеям. Характеристика адресата, его достижений и личных качеств представляет собой текст-вый блок, в котором описываются профессиональные успехи, карьерный путь, личные достоинства получателя поздравления.

Языковое оформление поздравительных текстов на сайте ВВГУ несёт на себе отпечаток интернет-среды, в которой они функционируют. Во-первых, текст часто включает гиперссылки, интегрированные в основной массив. Они могут быть оформлены как имена собственные, названия организаций, наименования проектов, что делает текст нелинейным и расширяет его информационный потенциал. Во-вторых, для текстов характерно включение цифровых данных, статистических показателей, точных дат и цифр, что повышает их информативность и достоверность. Примерами могут служить указания сумм грантов, количества участников, сроков реализации проектов, мест в рейтингах: «*Грант в 21 миллион рублей пойдёт на реализацию трёхлетнего проекта*» (03.04.2026); «*Более 140 конкурсантов из 36 регионов России поборются за победу*» (09.04.2026). В-третьих, в текстах широко представлены географические наименования, обозначающие масштаб события: от Калининграда до Владивостока, во Владивостоке, в Москве, в Хабаровске, на Дальнем Востоке, в Приморском крае, из 19 субъектов России. Это подчёркивает включенность университета в общероссийский и международный контекст.

Заголовок поздравительного текста на сайте китайского университета играет особую роль, не свойственную русским текстам. В китайском корпусе именно заголовок, а не собственно обращение, выполняет функцию первичного обозначения адресата и повода поздравления. Более того, в значительной части текстов обращение как отдельный структурный элемент, выделенный в тексте графически, отсутствует вовсе, а его функцию принимает на себя заголовок. Заголовки китайских текстов-поздравлений отличаются высокой информативностью и стандартизованностью.

Если в русских текстах преобладает модель прямого поздравления с использованием глаголов «поздравлять», «поздравить», то в китайских текстах наряду с прямыми формулами (祝贺, 恭喜, 庆祝) активно используется модель опосредованного поздравления – через констатацию факта достижения с использованием глаголов со значением успеха: 荣获 (rónghuò – «иметь честь получить, удостоиться»), 获批 (huòpī – «получить утверждение»), 入选 (rùxuǎn – «быть избранным, включённым»), 获评 (huòpíng – «быть удостоенным оценки»). В таких текстах собственно поздравительный компонент может быть выражен имплицитно, через сам факт сообщения о значимом достижении: «我校获评全国民族团结进步示范单位» («*Наш университет удостоен звания образцовой организации национального единства и прогресса*», 29.01.2026). Данная особенность объясняется общей установкой китайской институциональной коммуникации на фактографичность и сдержанность в выражении эмоций.

Пожелание в китайских текстах, как правило, менее развёрнуто, чем в русских. Если русские пожелания нередко занимают несколько предложений и содержат детализированные благопожелания, охватывающие различные сферы жизни адресата, то китайские пожелания тяготеют к лаконичности и стандартизованности. Типичными являются формулы, содержащие пожелания дальнейших успехов, новых достижений, процветания.

В русских текстах преобладает персональное обращение по имени и отчеству («Дорогие коллеги!», «Уважаемый Егор Анатольевич!»). В китайских текстах обращение чаще деперсонализировано или носит институциональный характер («我校» – «Наш университет», «全体师生» – «Преподаватели и студенты»).

В России ядром являются этикетные глаголы («Поздравляем!», «От всей души желаем!»). В Китае же ключевыми становятся маркеры государственного признания и успеха (喜报 «Радостная весть», 荣获 «Удостоился чести получить»).

Лингвистический анализ показал, что русский поздравительный стиль на сайте вуза отличается высокой экспрессивностью и метафоричностью. Используются яркие эпитеты и метафоры (*покорять научный Олимп, золотой финиш*). Характерно имиджевое позиционирование вуза через ценности: «*ВВГУ остается домом, где рождаются таланты и крепнет дух единства*». Напротив, китайские тексты характеризуются строгой фактографичностью, обилием точных цифр, дат и официальных клише (实现历史性突破 – *достичь исторического прорыва*). Китайский стиль более академичен, формален и сдержан.

Анализ прагматических функций этих текстов показал, что в российском вузе преобладает смешанный тип (60%), гармонично сочетающий этикетную искренность с имиджевой зада-

чей. Чисто этикетную функцию выполняют 25% текстов. В китайском вузе поздравление практически полностью превращается в инструмент имиджевого позиционирования (45%) и административной отчетности перед министерством, тогда как чистый этикет занимает всего 5%.

Таким образом, проведённое сопоставительное исследование показало, что под влиянием интернет-среды жанр «поздравление» на сайтах вузов трансформировался из этикетного в рекламно-имиджевый. Сопоставительное изучение этих процессов помогает иностранным студентам лучше понять русскую академическую культуру и успешно интегрироваться в нее. Выявленные различия отражают общие тенденции русской и китайской академической коммуникации: ориентацию на личность и сохранение межличностных отношений в русской традиции и ориентацию на коллективные достижения и институциональное позиционирование в китайской.

1. Акентьева К.А., Эмер Ю.А. Трансформация жанра «поздравления» в рекламном дискурсе Текст: электронный // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020. – Т. 11, № 4. – URL: https://sfk-mn.ru/PDF/08FLSK420.pdf (дата обращения: 22.05.2024).

2. Владивостокский государственный университет. Новости и анонсы Текст: электронный. – URL: https://www.vvsu.ru/latests/ (дата обращения: 07.05.2026).

3. Карасик В.И. Жанры сетевого дискурса // Жанры речи. – 2019. – № 1 (21). – С. 49–55.

4. Хэйлунцзянский университет. Новости университета Текст: электронный. – URL: https://hdxw.hlju.edu.cn/ (дата обращения: 07.05.2026).

Сведения об авторах

Му Вэньхэ, магистрант, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

Н.Ю. Пилюгина, преподаватель, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 314.74

ОПОРНЫЙ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫЙ КАРКАС АРТЕМОВСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА (ПРИМОРСКИЙ КРАЙ)

А.А. Нехай, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Представлены результаты исследования опорного туристско-рекреационного каркаса Артемовского городского округа. Источниковой базой послужили данные официального сайта Артемовского городского округа. Для идентификации опорного туристско-рекреационного каркаса округа были использованы методы: метод тепловых карт, картографический, территориальный, аналоговый, сравнение, метод вертикального анализа. Тип туристского каркаса определяется путем создания карты округа на платформе GoogleMyMaps, формирования маркеров на созданной тепловой карте на платформе QGIS. Результатом исследования стала идентификация опорного туристско-рекреационного каркаса Артемовского городского округа.*

Ключевые слова: *Артемовский городской округ, опорный туристско-рекреационный каркас, современное состояние ресурсной базы, тепловая карта.*

ASSESSMENT OF THE TOURIST ATTRACTIVENESS OF THE ARTEMOVSK URBAN DISTRICT (PRIMORSKY KRAI)

Adstract. *The article presents the results of a study of the basic tourist and recreational framework of the Artyomovsky urban district. The data from the official website of the Artyomovsky city district served as the source base. The following methods were used to identify the main tourist and recreational framework of the district: the method of heat maps, cartographic, territorial, analog, comparison, and the method of vertical analysis. The type of tourist frame is determined by creating a county map on the GoogleMyMaps platform,*

and formatting markers on the created heat map on the QGIS platform. The result of the study was the identification of the basic tourist and recreational framework of the Artyomovsky urban district.

Keywords: *Artemovsky urban district, supporting tourism and recreational framework, current state of the resource base, heat map*

Туризм в муниципальном образовании имеет большое значение для развития региона и поддержания его экономического благополучия. Муниципалитеты обладают уникальными природными и культурными ресурсами, которые могут привлекать туристов со всего мира. Развитие туризма в муниципальном образовании требует комплексного подхода, включающего в себя создание туристской инфраструктуры, продвижение туристских маршрутов, поддержку местных предпринимателей в сфере гостеприимства, развитие культурных и спортивных мероприятий для привлечения посетителей.

Одним из ключевых аспектов развития туризма в муниципальных образованиях является опорный туристско-рекреационный каркас. Туристская индустрия имеет огромный потенциал для развития и стимулирования экономического роста в современных городах. Множество регионов и городов в России стремятся создать привлекательные условия для туристов, чтобы привлечь инвестиции, увеличить число посетителей и улучшить качество жизни местных жителей. В статье представлено современное состояние туристско-рекреационного потенциала города Артёма, на основе которого сформирован опорный туристско-рекреационный каркас Артемовского городского округа.

Актуальность исследования обусловлена стратегической значимостью туризма для развития муниципальных образований и необходимостью научно-обоснованной пространственной организации туристско-рекреационной деятельности в Артемовском городском округе.

Результаты исследования будут иметь высокую практическую значимость для органов местного самоуправления Артемовского городского округа, региональных органов власти, потенциальных инвесторов, представителей малого и среднего бизнеса в сфере туризма и гостеприимства, а также для местного населения. Разработанный опорный каркас станет ключевым инструментом стратегического планирования развития территории, основой для формирования муниципальных программ и проектов, привлечения целевого финансирования и частных инвестиций.

Опорный туристско-рекреационный каркас – линейно-сетевое пространство, где пересекаются в определенных точках (узлах) элементы экологических экономических каркасов, опираясь на историко-культурный каркас (который определяет туристско-рекреационный потенциал узловой территории) и социально-инфраструктурный каркас, являющийся индикатором туристско-рекреационной освоенности и развитости территории. Таким образом, при пространственном совмещение узлов каркасов возникает возможность грамотного проектирования и использования составных элементов опорного туристско-рекреационного каркаса, с учетом комплексного сохранения природного и историко-культурного наследия [1, с.13].

Актуальность рассматриваемой проблемы, ее практическая значимость определили выбор темы научно-исследовательской работы и послужили основой для формулирования ее цели и задач. Цель научно-исследовательской работы – идентифицировать опорный туристско-рекреационный каркас Артемовского городского округа. Достижение поставленной цели потребовало решения ряда задач:

– исследовать дефиницию опорный туристско-рекреационный каркас;

– провести анализ существующих теоретических и методологических подходов к формированию туристско-рекреационных каркасов;

– провести анализ ресурсной базы Артемовского городского округа;

– определить опорный туристко-рекреационный каркас Артемовского городского округа.

В системе научного знания о территориальной структуре хозяйства, в том числе туризма, особое место занимает концепция опорного каркаса территории. Впервые идея об остове, на котором все держится, который формирует территорию и придает ей определенную конфигурацию, была высказана еще в середине 50-х годов XX в. Н.Н. Баранским. Но как научная концепция она оформилась позднее в трудах Г.М. Лаппо. По его образному выражению, опорный каркас – это «обобщенный портрет территориальной структуры хозяйства», её интегральная часть. Он скрепляет все составные части и формы территориальной структуры хозяйства, образуя целое. Идеи каркасности развиваются во многих работах отечественных географов, доказывающих плодотворность избранного подхода. Со временем появилось много «каркасных»

терминов: городской каркас, инфраструктурный каркас, опорный каркас расселения, каркас освоения новых районов, опорный экологический каркас и т.д [2, с.13].

Освоение и изучение территориально-планировочной структуры пространства тесно связано с каркасным подходом. Понятие «опорный каркас» использовали в своих работах многие ученые. Каркасный подход нашёл широкое отражение в трудах социально-экономической географии: Б.Б. Родоман, А.Э. Гутнов, И.М. Маергойз и другие, данные работы посвящены особенностям его формирования и функционирования [3].

В современной науке и практике туристской индустрии термин «опорный туристско-рекреационный каркас» учеными и практиками туризма понимается по-разному (таблица 1).

Таблица 1

Определения опорного туристско-рекреационного каркаса

Автор (источник)	Определение	Характеристика
К.В. Кушнир	Категория динамичная, многокомпонентная и многофункциональная, которая составляет основу при территориальном планировании туристско-рекреационной деятельности в регионе	Опорный туристско-рекреационный каркас автор определяет как территориальное планирование
Д.А. Дирин	Иерархичная система пространственной организации туризма и отдыха	Автор подчеркивает пространственный аспект организации туристской деятельности
А.Ю. Александрова Д.П. Сорокин	Наиболее устойчивая часть, обеспечивающая связанность и целостность туристского пространства	Авторы фокусируется на устойчивости ОТРК как фундаментальной структуры
Г.М. Лаппо	Методологические указания, подход к изучению природных, социальных и экономических процессов, происходящих в регионе	Автор не раскрывает сущности ОТРК как реальной пространственной структуры, а сводит его к методологическому инструменту
И.М. Маергойз	Каркас, влияющий на характер развития и пространственную организацию многих территориальных подсистем -расселенческих, экономико-хозяйственных, инженерно-технических, составляющих инфраструктуру для туризма	Определение Маергойза полно отражает влияние ОТРК на различные аспекты развития территории и подчеркивает роль в формировании пространственной организации региона

Многие авторы рассматривают ОТРК как пространственную структуру, систему взаимосвязанных элементов, формирующуюся на основе анализа природного, историко-культурного и социально-экономического потенциала территории. Другая группа авторов обращает внимание на функциональную взаимосвязь элементов ОТРК. Они рассматривают его не только как пространственную структуру, но и как систему взаимодействия различных субъектов туристской деятельности (государственные органы, бизнес-структуры, местное население).

А.Ю. Александрова, Д.П. Сорокин в своей книги «туристский опорный каркас территории» считают, что основу территориальной структуры туризма образует туристский опорный каркас. [3, с.13]. Туристско-рекреационный каркас представляет собой иерархическую систему пространственной организации туризма и отдыха. Можно выделить основные иерархические уровни (рисунок 1).

Глобальный уровень ОТРК характеризует общие пространственные закономерности функционирования мировой индустрии туризма. Узлами ОТРК глобального уровня являются ключевые туристские дестинации, представляющие собой крупные туристские регионы, иногда охватывающие несколько стран (например, Альпы, Карибские острова, Юго-Восточная Азия и т.д.).

Национальный уровень ОТРК предполагает выделение в качестве узлов - главных ареалов туристско-рекреационной деятельности, «стягивающих» на себя большую часть внутреннего турпотока страны и практически весь турпоток из-за рубежа.

На региональном уровне узлами ОТРК выступают крупные туристско-рекреационные центры, привлекающие значительную часть туристов из соседних регионов и других частей

страны. Эти узлы характеризуются развитой инфраструктурой, широким спектром туристских услуг, и известностью в масштабах региона.

Узлами ОТРК местного уровня являются поселки, небольшие города или отдельные районы внутри региона, обладающие специфическими туристскими ресурсами и привлекательностью.

На локальном уровне узлами ОТРК выступают отдельные туристско-рекреационные объекты или небольшие группы объектов, расположенные вблизи друг друга. Это могут быть отдельные природные достопримечательности, исторические памятники, малые гостиницы или кемпинги. В этом случае, линии связи между узлами минимальны и часто представлены пешеходными тропами или небольшими дорогами.

Таким образом, ОТРК представляет собой многоуровневую систему, включающую объекты различного масштаба и значимости. Взаимодействие между уровнями обеспечивает целостность и эффективность функционирования всей системы, позволяя туристам планировать маршруты различной продолжительности и сложности, а также способствуя равномерному распределению туристского потока по территории.

Колбовский Е.Ю. выделяет элементы пространственной структуры туристско-рекреационного пространства, которые гармонично вписываются в концепцию опорного туристстко-рекреационного каркаса (таблица 2) [4, с.13].

Таблица 2

Элементы пространственной структуры туристско-рекреационного пространства

Элемент	Понятие
Ядра	Функциональные центры ареалов различной иерархии. Это объекты максимальной концентрации туристско-рекреационного потенциала внутри ареалов, организующие распределение туристских потоков.
Оси	Транспортно-маршрутные коридоры, связывающие между собой ареалы, а также ядра внутри них, в единый территориальный каркас. Оси определяют транспортную доступность и возможности использования имеющихся ареалов, освоение новых.
Локусы	Точечные элементы в опорном туристско-рекреационном каркасе, представленные отдельными памятниками, природными достопримечательностями, санаториями, турбазами, домами отдыха и т.п.

Разработанный В.П. Чибилевой и визуализированный опорный туристско-рекреационный каркас состоит из ядер, линейных образований, локусов и локалитетов, где локалитеты это туристские центры (узлы) в которых сходятся точечные (города или крупные населенные пункты, сюжетные центры разработанных маршрутных сценариев) и туристско-рекреационные линейные элементы

На основе анализа трудов отечественных ученых и опираясь на собственные исследования можно выделить несколько основных типов туристско-рекреационного опорного каркаса территории: линейный (ленточный); звёздочно-радиальный, с ярко выраженным центром и рядом опорных точек близ него; радиально-кольцевой, который представляет собой более развитую модель звёздочно-радиального каркаса, когда между второстепенными центрами туризма, расположенными вокруг ядра, возникают транспортные коридоры и формируются дополнительные туристские маршруты; каскадный (рассредоточенный), в котором несколько ядер каркаса, сформирована развитая сеть транспортных коридоров и туристских маршрутов. Таким образом, выделяются опорные ядра каркаса, опорные точки – локалитеты первого и второго уровня, транспортные коридоры и туристские маршруты.

В настоящее время выделяется несколько типов туристского каркаса территории, формирующихся под влиянием пространственно-временных факторов (рисунок 1).

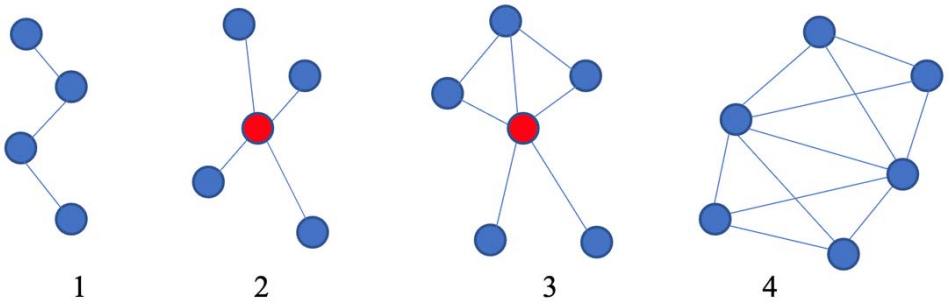

Рис. 1. Существующие типы туристских каркасов

1 – ленточный, или линейный. Явное ядро отсутствует. Каждая опорная точка является центром туризма. Типичный пример – курорты, вытянутые цепью вдоль побережья;

2 – звёздочно-радиальный. Существует ярко выраженный центр прибытий с расходящимися в разные направления опорными точками;

3 – радиально-кольцевой. Представляет собой более развитую модель звёздочно-радиального каркаса, когда между второстепенными центрами туризма, расположенными вокруг ядра, возникают транспортные коридоры и формируются дополнительные туристские маршруты;

4 – рассредоточенный, или каскадный. Имеющиеся туристские центры представляют одинаковый интерес для посетителей. Отсутствует выраженный центр прибытий. Сформирована развитая сеть транспортных коридоров и разнообразных туристских маршрутов.

Концепция туристского каркаса территории имеет большое значение для территориального планирования. В первую очередь, она отличается особой конструктивностью и комплексностью, рассматривая каждый из элементов туристской системы под определенным углом зрения, будь то сохранение древнерусского городища, представляющего высокую историческую ценность, или состояние пригородной железнодорожной инфраструктуры туристского центра. Кроме того, туристский каркас имеет чёткую географическую привязку к местности, учитывает особенности экономико-географического положения территории, что позволяет выявить преимущества и недостатки туристской системы еще на этапе ее проектирования.

Завершая перечисление, применение этой концепции позволяет легко моделировать процесс формирования, а также функционирование и развитие туристского района. Элементы каркаса имеют три вида локализации (точечная, площадная и линейная) и легко могут быть отображены на карте для проведения дальнейших расчётов и исследований (ретроспективных, дистанционных). Туристский опорный каркас является основой территориальной организации туризма в регионе. Каркасный подход позволяет вскрыть проблемы и наметить пути их решения. Он содействует выявлению территорий чрезмерно популярных среди туристов – районов сверхтуризма и одновременно «белых пятен» на туристской карте и дает возможность определить способы оптимизации туристской системы.

Г.М. Лаппо описывал, что все разновидности опорных каркасов территории по особенностям конфигурации своих ключевых элементов могут быть отнесены к одному из типов планировочной структуры (таблица 3).

Таблица 3

Основные теоретико-методологические подходы к определению пространств оценки и идентификации ОТРК

Подход	Описание	Ключевые авторы подхода	Содержание	Методика
Ресурсно-географический	Является классическим и базируется на инвентаризации природного и культурно-исторического потенциала	В.С. Преображенский, Н.С. Мироненко, И.Т. Твердохлебов	Каркас идентифицируется как совокупность «ареалов сосредоточения» уникальных ресурсов.	Оценка проводится через балльное лимитирование, расчет плотности памятников культур-ного наследия и оценку ландшафтного разнообразия

Окончание табл. 3

Подход	Описание	Ключевые авторы подхода	Содержание	Методика
Функционально-планировочный	Здесь акцент смещается с ресурсов на инфраструктуру и геометрию пространства	Г.А. Гольц, П.М. Полян, М.Я. Вильнер.	Рассматривается как подсистема общего опорного каркаса территории. Он состоит из и линейных элементов (транспортные коридоры, панорамные дороги)	Идентификация идет через анализ транспортной доступности и иерархии поселений. Опорными точками становятся узлы, обладающие «связностью»
Системно-структурный	Рассматривает каркас не просто как набор точек, а как живой организм, где важны связи и потоки	А.Ю. Александрова, Д.В. Николаенко.	Идентифицируется через туристскую дестинацию. Пространство оценки – это совокупность «полей», создаваемых спросом и предложением	Каркас формируется за счет взаимодействия ядра (главного аттрактора) и периферии
Кластерный	Фокусируется на экономической эффективности и синергии бизнеса.	М. Портер, В.И. Кружалин, Н.В. Зигерн-Корн.	Идентификация каркаса происходит через поиск точек концентрации бизнеса, связанных единой технологической цепочкой	Оценка пространства строится на коэффициентах локализации, индексах специализации региона и плотности размещения объектов КСР
Центро-периферийный	Основан на теории «Центральных мест» и пространственной дифференциации	В. Кристаллер (применительно к туризму), Дж. Фридман, С.С. Лавров.	Территория делится на «полюса роста» (интенсивный каркас) и «рекреационную периферию»	Методика идентификации базируется на расчете радиусов доступности.
Ландшафтно-экологический	Ставит во главу экологическую устойчивость	Б.И. Кочуров, А.В. Дроздов	ОТРК должен совпадать с экологическим каркасом территории	Пространство оценки анализируется через геосистемы и речные бассейны.
Современный цифровой подход	Основан на анализе Больших данных (Big Data)	Группы ученых на базе МГУ, ВШЭ, ИТМО (например, работы под руководством А.С. Пузанова или С.А. Тархова)	Идентификация каркаса происходит на основе анализа реального поведения потребителей, а не только размещения ресурсов	Используются данные сотовых операторов (геоаналитика), треки GPS, анализ социальных сетей (фотоснимки с геометками)

Формирование и идентификация опорного туристско-рекреационного каркаса (ОТРК) территории – это сложная междисциплинарная задача, находящаяся на стыке географии, экономики, архитектурно-планировочного проектирования и экологии. Под «каркасом» понимается совокупность наиболее устойчивых, интенсивно используемых элементов территории (узлов и связей), которые определяют её пространственную структуру и потенциал развития.

ОТРК должен совпадать с экологическим каркасом территории, чтобы минимизировать антропогенную нагрузку. Пространство оценки анализируется через геосистемы и речные бассейны. Каркас идентифицируется как система «экологических коридоров» и «ядер жесткого резервирования» (заповедники), по краям которых допустимо развитие туризма.

Использование методик таких авторов, как В.И. Кружалин (в части системного проектирования) и А.Ю. Александрова (в части дестинационного управления), позволяет создать наиболее жизнеспособную модель развития территории, где каркас служит «скелетом» для наращивания «мышц» туристской индустрии.

Артёмовский городской округ занимает уникальное геоэкономическое положение в Приморском крае, выступая важнейшим транспортно-логистическим узлом региона. Его непосредственная близость к краевому центру Владивостоку, наличие единственного международного аэропорта Приморья и ключевых автомобильных и железнодорожных магистралей обу-

славливают его стратегическое значение. В настоящее время туризм на этой территории находится в стадии развития, привлекая внимание как местных жителей, так и туристов из различных регионов и стран.

Артем имеет выход на морское побережье. Уже сегодня эта зона привлекает в сезон тысячи отдыхающих, не только из районов Приморья, но и из Хабаровского края, Амурской области, Якутии, Магадана. Однако, несмотря на эти фундаментальные преимущества, туристско-рекреационный потенциал города остается в значительной степени нереализованным. На текущий момент, округ воспринимается преимущественно как транзитная территория, а не как самостоятельное направление для отдыха и туризма.

Таблица 4

Природные объекты Артемовского городского округа

№ п/п	Название	Характеристика	Географическое положение	Уровень значимости объекта
1.	Бухта Муравьиная	Бухта в Уссурийском заливе Японского моря, расположенная между мысами Черепахи и Обрывистый. К северо-востоку от бухты берег высокий, местами от скалистых участков этого берега на небольшое расстояние отходят рифы и камни. Имеется пляж Тавайза (Муравьиный).	В 5 км от г. Артем	Объект регионального значения
…	…	…	…	…
15.	Озеро Черепашье	Пресноводное озеро на северо-западном побережье Уссурийского залива. До 1974 года - озеро Амбабоза. Одно из трех озёр природного происхождения на полуострове Муравьёва-Амурского. Памятник природы. Вода в озере чистая, произрастают кувшинка и водяной орех. Длина: 667 м. Максимальная ширина: 530 м. Длина береговой линии: 2872 м. Высота над уровнем моря: 1 м.	Расположено в 1,5 км от бухты Пионерской, на северо-западном побережье Уссурийского залива.	Объект регионального значения

Хотя Артем преимущественно урбанизирован, он окружен живописными природными ландшафтами. На территоии Артемовского городского округа зарегистрировано 15 природных объектов. [5, с.13].

Таблица 5

Памятники истории и культуры Артемовского городского округа

№ п/п	Наименование памятников	Месторасположение	Категория историко-культурного значения
1.	Бюст генерала Н.А. Острякова	г. Артем, ул. Севастопольская, 29/1	регионального значения
2.	Бюст А.Ф. Сергеева (Артема)	г. Артем, пл. Ленина, 15	местного (муниципального) значения
3.	Дворец культуры угольщиков	г. Артем, пл. Ленина, 15	регионального значения
4.	Здание бывшей церкви св. Богородицы (Свято–Покровский Храм)	г. Артем, ул. Гагарина, 70	регионального значения
…	…	…	…

Окончание табл. 5

№ п/п	Наименование памятников	Месторасположение	Категория историко-культурного значения
31.	Стела погибшим артемовцам в годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг.	г. Артем, примерно в 142 метрах в северо-западном направлении от здания по ул. Фрунзе, 70	местного (муниципального) значения
32.	Угольный комбайн ПК–3	г. Артем, ул. Кирова, 48	местного (муниципального) значения

В округе расположены памятники, посвященные Великой Отечественной войне, а также исторические здания, отражающие архитектуру и быт прошлых десятилетий. Разработка пешеходных и автобусных маршрутов, объединяющих ключевые памятники, с подробными описаниями и гидами, в том числе аудиогидами могут также стать одним из путей развития туризма. Реставрация и поддержание в надлежащем состоянии объектов культурного наследия, что способствует сохранению идентичности города. Использование этих объектов как площадок для проведения торжественных мероприятий, акций памяти, встреч с ветеранами и краеведами, укрепляя историческую память, также станут путем развития территории. Интеграция в туристические программы: Включение посещения памятников в более широкие туристические пакеты, например, в рамках поездок по Приморскому краю.

Таблица 6

Культурно-развлекательные объекты Артемовского городского округа

№ п/п	Название учреждения, описание	Адрес местонахождения	Описание	Кол-во залов	Количество вмещаемых посетителей
1.	ДК шахты «Амурская»	г. Артём, ул. Донбасская, 20	1955 год	1	300 человек
2.	ДК «Индустрия»	г. Артём, ул. Ленина, 2	1979 год	2	580 человек
…	…	…	…	…	…
31.	Дворец культуры угольщиков	г. Артем, пл. Ленина, 15	1954 год	5	1 050 человек
32.	Кинотеатр «Шахтер»	г. Артем, ул. Кирова, 33	1960 год	3	370 человек (Зал № 1 – 212 мест Зал № 2 – 80 мест Зал № 3 – 78 мест)

Культурно-развлекательных объектов в Артемовском городском округе насчитывается 32 единицы. Культурно-развлекательные объекты включают в себя Дома культуры, кинотеатры, библиотеки, парки отдыха и т.п.

Таблица 7

Спортивные объекты Артемовского городского округа

№ п/п	Название объекта	Место расположения	Кол–во мест для болельщиков, чел.	Виды спорта
1.	Плавательный бассейн МКУ «Центр физической культуры и спорта»	г. Артем, ул. Севастопольская, 36	134	Плавание, подводное плавание,водное поло, синхронное плавание.
…	…	…	…	…

Окончание табл. 7

№ п/п	Название объекта	Место расположения	Кол–во мест для болельщиков, чел.	Виды спорта
5.	Стадион Угольщик МКУ «Центр физической культуры и спорта»	г. Артем, пл. Ленина, 15а	2100	Баскетбол, волейбол, футбол, легкая атлетика, хоккей, бадминтон, бейсбол

В Артеме есть стадион, спортивные комплексы, бассейн, ледовая арена, а также спортивные площадки. Объектов крупного значения насчитывается 5 единиц.

Таблица 8

Коллективные средства размещения Артемовского городского округа

№ п/п	Название	Адрес, телефон, e-mail, сайт	Стоимость номеров руб.	Кол-во мест	Номерной фонд
1.	«Tigre De Cristal Hotel & Resort» 5* ООО «Джи1 Интертейнмент»	г. Артем б. Муравьиная, 73 тел. 8(423) 246-88-88 факс: 8 (423) 231-68-95 e-mail: cristal-line@tdc.ru.com сайт: http://tigredecristal.ru	«Президентский Сюит» - 105 000 руб. «Апартаменты Премьер» - 85 000 руб. «Угловой Люкс» - 42 000 руб. «Люкс» - 26 000 руб. «Джуниор сюит» - 19 000 руб. «Делюкс первой категории» - 13 500 руб. «Стандарт первой категории» - 12500 руб.	242	«Президентский Сюит» - 1 «Апартаменты Премьер» - 1 «Угловой Люкс» - 2 «Люкс» - 6 «Джуниор сюит» - 30. «Делюкс первой категории» - 43 «Стандарт первой категории» - 38 Всего: 121 номер
…	…	…	…	…	…
28.	«Шамбала» 4* Непубличное акционерное общество «Шамбала»	г. Артем б. Муравьиная, 73 корпус 5 тел. 8 914 072 7300 8 800 201 1777 e-mail: info@shambala-mail.ru сайт: http://shambalacasino.ru/hotel	Standart King: тариф базовый – 4500 руб. Standart Twin: тариф базовый – 4500 руб. Standart King Plus: тариф базовый – 6000 руб. Luxe: тариф базовый – 10000 руб.	70	Standart King – 12 Standart Twin – 19 Standart King Plus – 1 Junior Suite King – 2 Luxe - 1 Всего: 35 номеров
				1231	611

Анализируя данную таблицу «Коллективные средства размещения Артемовского городского округа по состоянию на 2026 год», которая представлена в приложении Б в полном объеме, можно сделать вывод, что Артемовский городской округ имеет необходимое количество средств размещений, в количестве 21 единицы, номерной фонд которых составляет 611 номеров. В то время, как в 2020 году номерной фонд составил 258 единиц. За шесть лет наблюдается значительный рост количества номерного фонда, на 353 единицы, а также количества КСР в Артемовском городском округе. По статистическим данным коллективных средств размещения на 2020 и 2026 года можно сказать, что состояние туризма в Артемовском городском округе развивается и стремится к расширению сферы гостеприимства.

Еще одним из источников туристского спроса являются базы отдыха, которые способствуют развитию туризма и удовлетворению потребностей разнообразных категорий отдыхающих.

Таблица 9

Базы отдыха Артемовского городского округа

№ п/п	Наименование объекта	Фактический адрес осуществления деятельности	Кол-во номеров
1	База отдыха «Морской берег»	г Артем, ул. Муравьиная, 11	64
2	База отдыха «Волна»	г. Артем, ул. Муравьиная, 3	24
	…	…	…
8	База отдыха «Юность»	г. Артем, ул. Муравьиная, 1	52
9	База отдыха «Лазурная черепаха»	г. Артем, ул. Муравьиная, 55	62

Анализ данной таблицы показывает, что город Артём имеет 9 баз отдыха, тогда как еще в 2023 году их было всего 5 единиц, которые можно развивать со стороны возможностей для отдыха и развлечений, а также создания инфраструктуры для проживания туристов.

Таблица 10

Предприятия общественного питания Артемовского городского округа

№ п/п	Наименование предприятия	Место расположения	Количество посадочных мест	Специализация
1	Ресторан «Кедровый дом» ИП Ануфриева В.В.	г. Артем, ул. Западная, 26б	80	Европейская
2	Ресторан «Шик» ООО «Вечерний блюз»	г. Артем, ул. Западная, 6а	120	Кавказская
	…	…	…	…
29	Ресторан в казино «Шамбала» НАО «Шамбала»	г. Артем, бухта Муравьиная, 73/5	150	Европейская Азиатская
30	Ресторан в казино «Tigre De Cristal»	г. Артем, бухта Муравьиная, 73	150	Европейская Азиатская

Предприятия общественного питания имеют большое значение как источник туристского спроса. Они предлагают возможность попробовать местную кухню, представляя аутентичный опыт для туристов. Развитие инфраструктуры общественного питания и повышение ее качества играют важную роль в привлечении туристов.

Туристские фирмы играют важную роль в формировании и удовлетворении туристского спроса. Они выполняют функции по организации и продвижению туристских продуктов и услуг, предоставляют информацию и консультируют клиентов по путешествиям, а также обеспечивают туристские пакеты и маршруты.

Таблица 11

Турфирмы Артемовского городского округа

№ п/п	Наименование отрасли, организации, учреждения	Адрес местонахождения
1.	Всероссийская сеть «Билетур»	г. Артем, ул. Владимира Сайбеля, 45
…	…	…
7.	Туристское агентство «АртемТур»	г. Артем, ул. Кирова 39а (бизнес-центр «Лидер»), офис 21/1

На территории города на 2026 год представлено 7 турфирм: «Билетур», «РИТМ», «Морской клуб», «ЕвроАзия», «Рост–Тур», «АртемТур» и «Квадро».

Таблица 12

Объекты промышленного туризма Артемовского городского округа

№ п/п	Наименование предприятия	Описание
1.	ООО «Птицефабрика Уссурийская»	На птицефабрике насчитывается 860 тысяч кур–несушек высокопродуктивной породы Хайсекс Коричневый
2.	АО ГМЗ «Артёмовский»	Крупнейший гормолокозавод в Приморском крае. В ассортимент изготовляемой продукции входят молочные продукты под торговой маркой: «ГринАгро»
…	…	…
11.	АО «Артемовский Хлебокомбинат»	Производство хлеба и мучных кондитерских изделий, тортов и пирожных недлительного хранения
12.	«АРМУ» ПЕ ООО «Приморскуголь»	Производит ремонт производственной техники, электрооборудования, гидравлики, имеет собственное литейное производство, лабораторию неразрушающего контроля.

В целом, ресурсная база Артемовского городского округа представляет собой прочную основу для развития разнообразных видов туризма (исторического, экологического, культурного, промышленного, спортивного, а также событийного) и повышения качества жизни населения. Современное состояние туристско-рекреационного потенциала округа характеризуется не отсутствием ресурсов, а их фрагментарностью, слабой инфраструктурной обеспеченностью, недостатком единой стратегии.

В ходе исследования была создана карта туристских ресурсов Артемовского городского округа с определенными слоями на платформе GoogleMyMaps, включающими вышеперечисленные объекты туристского пользования и показа, для дальнейшего изучения территории округа.

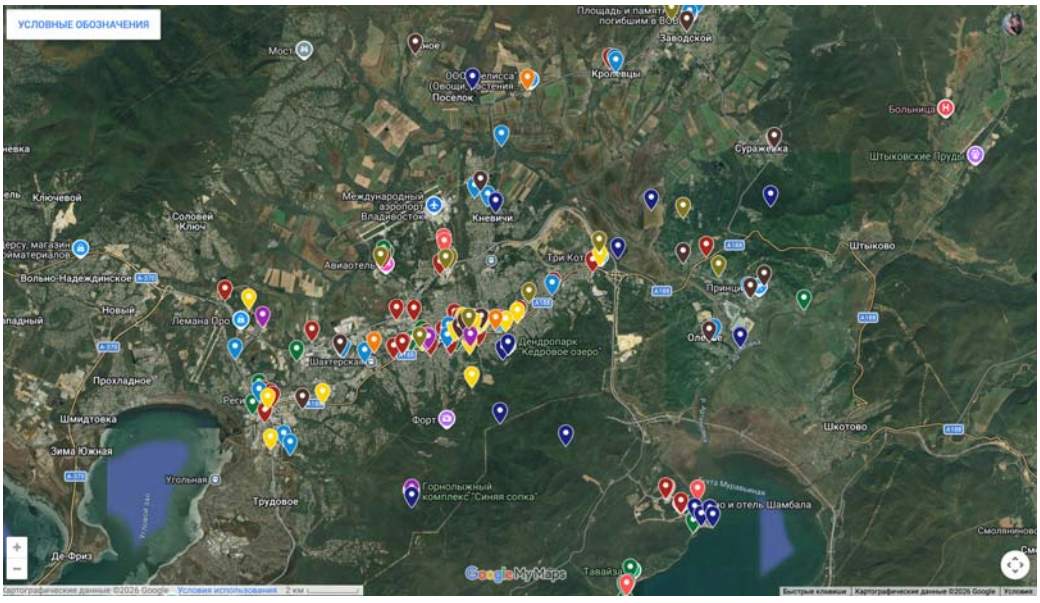

Рис. 2. Карта объектов туристского показа Артемовского городского округа

Тепловая карта туристско-рекреационных объектов создана в программе QGIS. С помощью карты отражено количество объектов туристского показа в одной точке, таким образом ядром тепловой карты является центр города, где сосредоточено большее количство точек притяжения.

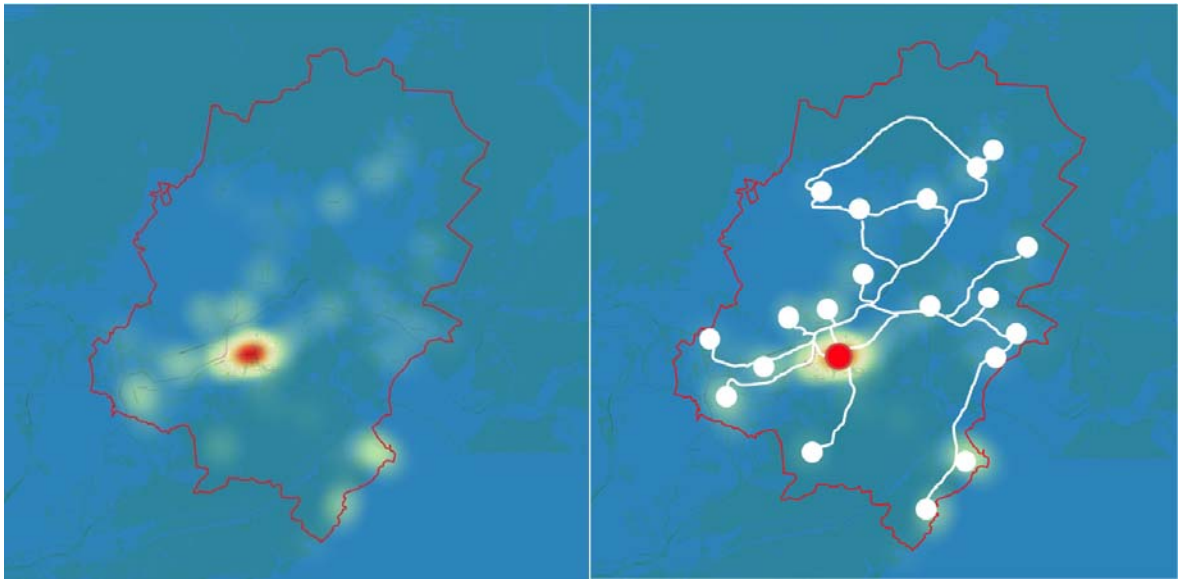

Рис. 3. Опорный туристско-рекреационный каркас Артемовского городского округа

Исходя из результатов исследования город Артём имеет радиально-кольцевой тип туристского каркаса, в силу большего количества скоплений мест туристского показа в центре города. Эта точка зрения предлагает интересный ракурс для анализа текущего состояния и перспектив развития туризма в округе. Данный тип предполагает наличие мощного центрального ядра, вокруг этого ядра формируются радиальные связи (маршруты, транспортные артерии, потоки посетителей), ведущие к периферийным, но взаимосвязанным объектам, и кольцевые элементы, представляющие собой более отдаленные зоны или дополнительные аттракции, которые могут опоясывать ядро или располагаться на определенном удалении.

Центральное Ядро – центр города, в силу большего размещения объектов туристского показа. ИРЗ «Приморье» неоспоримо выступает в роли такого доминирующего ядра, но является самодостаточным туристским продуктом, привлекающим туристов целенаправленно. Её расположение на территории Артемовского городского округа делает её ключевым, если не единственным, внешним драйвером для всего местного туристского каркаса.

Радиальные Связи – Международный аэропорт Владивосток (Кневичи). Это основной радиальный входной пункт для всей зоны. Туристы прибывают сюда и далее по радиальным транспортным артериям направляются к ИРЗ. Однако, значительная часть этого потока минует сам город Артём, направляясь либо напрямую в ИРЗ, либо во Владивосток. Транспортные магистрали: Основные автомобильные дороги, ведущие из аэропорта, Владивостока и других населенных пунктов к ИРЗ, формируют эти радиальные векторы движения туристов. Гостиницы и объекты питания в самом Артёме можно рассматривать как слабо выраженные радиальные «выносы» услуг. Туристы, не нашедшие мест в отелях ИРЗ или ищущие более бюджетные варианты, «отклоняются» по этим радиальным связям в город Артём для ночлега или базового обслуживания. Кольцевые элементы в данном контексте – это те объекты и территории в Артеме, которые могли бы предложить дополнительный или альтернативный опыт для туристов. Детский парк «Артемка», каскад прудов «Озерные ключи», городские скверы могут стать точками для семейного отдыха или прогулок.

Окружающие природные ландшафты, реки, леса предлагают возможности для экологического туризма и активного отдыха. Памятники, связанные с угольной промышленностью и ВОВ.

Таким образом, взгляд на Артемовский городской округ как на территорию с радиально-кольцевым типом туристского каркаса, центрированным, несмотря на ИРЗ «Приморье», в центре города, весьма обоснован. Однако, современное состояние этого каркаса характеризуется дисбалансом, где мощное ядро не создает достаточного «эффекта распространения» на остальную территорию. Для полного раскрытия потенциала необходимо целенаправленно развивать и активно продвигать радиальные и кольцевые компоненты – местные достопримечательности, услуги, мероприятия – создавая единую, привлекательную для туриста систему, которая позволит эффективно интегрировать центр города, где расположены основные места туристского спроса, в более широкий туристский продукт Артемовского городского округа.

В целом, туристско-рекреационный каркас Артемовского городского округа характеризуется наличием ценных, но разобщенных элементов. Отсутствие единой стратегии развития туризма, недостаточно развитая инфраструктура туризма и ограниченный спектр организованных туристических продуктов не позволяют Артему выйти из тени Владивостока и реализовать свой значительный потенциал в полной мере. Современное состояние указывает на необходимость комплексного подхода к развитию, интеграции существующих ресурсов и создания новых, конкурентоспособных предложений для различных категорий туристов, особенно с учетом потенциала ИРЗ «Приморье».

1. Опорный туристско-рекреационный каркас Текст: электронный. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-formirovaniya-turistsko-rekreatsionnogo-opornogo-karkasa-stepnyh-regionov-na-primere-orenburgskoy-oblasti-v-usloviyah
2. Александрова А.Ю., Сорокин Д.П. Туристский опорный каркас территории: монография. – Москва, Берлин, 2022. – 23 с.
3. Александрова А.Ю., Сорокин Д.П. Туристский опорный каркас территории: монография. – Москва, Берлин, 2022. – 3 с.
4. Опорный туристско-рекреационный каркас России и перспективы его развития Текст: электронный. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opornyy-turistsko-rekreatsionnyy-karkas-rossii-i-perspektivy-ego-razvitiya
5. Сайт Артемовского городского округа Текст: электронный. – URL: https://artemokrug.gosuslugi.ru/

Сведения об авторе
А.А. Нехай, магистрант, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 338.48

СОБЫТИЙНЫЙ МАРКЕТИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ МУЗЕЕВ

С.О. Никитина, бакалавр

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Рассматривается роль событийного маркетинга в музейной деятельности, отличие от традиционных маркетинговых подходов, а также его форматы и инструменты. Проведен сравнительный анализ мировых и отечественных событийных проектов. Особое внимание уделено опыту музеев Дальневосточного федерального округа. Определены перспективные направления развития событийного маркетинга для повышения конкурентоспособности российских музеев*

Ключевые слова: *событийный маркетинг, музейная деятельность, маркетинговая стратегия, интерактивные форматы, Дальневосточный федеральный округ.*

EVENT MARKETING AS A TOOL FOR MUSEUM PROMOTION

Abstract. *The article examines the role of event marketing in museum activities, its distinction from traditional marketing approaches, as well as its formats and tools. A comparative analysis of global and domestic event projects is conducted. Particular attention is paid to the experience of museums in the Far Eastern Federal District. Prospective directions for the development of event marketing to enhance the competitiveness of Russian museums are identified.*

Keywords: *event marketing, museum activity, marketing strategy, interactive formats, Far Eastern Federal District*

Введение. Современный музей переживает глубокую трансформацию, переходя от пассивного хранилища историко-культурного наследия к активному участнику культурно-коммуникативного пространства. Исторически сформировавшись как институт сохранения свидетельств прошлого, сегодня музей функционирует в условиях цифровизации, глобализации досуга и усиливающейся конкуренции за свободное время аудитории.

Исследования фиксируют спад интереса к традиционным форматам: так, в Великобритании число визитов в региональные музеи сократилось в 2024 г. на 50% по сравнению с 2018 г., а поколение «Z», выросшее под влиянием социальных сетей, традиционные экспозиции не вдохновляют [1, с. 5].

Таким образом, актуальность работы обусловлена снижением интереса к традиционным форматам музейной работы, особенно среди молодого поколения, что делает необходимым поиск новых инструментов взаимодействия с аудиторией. Одним из наиболее действенных инструментов выступает событийный маркетинг, позволяющий создать уникальный эмоционально-интеллектуальный опыт посетителя [2, с. 6].

Объектом исследования является музей как культурный институт, нуждающийся в продвижении.

Предмет исследования – событийный маркетинг как инструмент продвижения музейных организаций.

Цель настоящей статьи – на основе анализа мирового и отечественного опыта выявить ключевые элементы и форматы событийного маркетинга в музейной деятельности, способствующие укреплению позиций музеев в конкурентной среде.

Для ее достижения решаются следующие задачи:

– разграничить понятия традиционного и событийного маркетинга;

– проанализировать успешные проекты в ведущих музеях мира, России, Дальневосточного федерального округа (ДФО);

– выделить факторы эффективности событийного маркетинга.

Методологическую базу исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, сравнительный анализ, а также методы систематизации, классификации и графической интерпретации данных. Теоретическая база исследования строилась на изучении открытых статистических данных Министерства культуры Российской Федерации, официальных сайтах и пресс-релизах музеев, а также публикаций в профильных научных и отраслевых изданиях.

Основная часть. Музей представляет собой сложный социально-культурный институт, чья деятельность базируется на трех взаимосвязанных направлениях: научно-фондовой работе, экспозиционно-выставочной деятельности и культурно-образовательной (просветительской) работе (таблица 1). Все они, в отличие от коммерческих организаций, подчинены некоммерческой миссии – сохранению, исследованию и актуализации культурного наследия [3, 4].

Таблица 1

Специфика музейной деятельности

Направление	Сущность	Задачи
Научно-фондовая работа	Фундамент музейной деятельности, включает системное комплектование, учет, хранение, консервацию, реставрацию и изучение музейных предметов	– обеспечение сохранности артефактов и исторического наследия – введение предметы в научный оборот
Экспозиционно-выставочная деятельность	Форма презентации наследия публике, заключается в научном и художественном проектировании экспозиций и выставок на основе музейных артефактов	– организация площадки для взаимодействия с аудиторией – сохранение и презентация культурных ценностей
Научно-просветительская деятельность	Диалог с аудиторией, реализуется через экскурсии, лекции, мастер-классы и интерактивные программы	– интерпретация исторического наследия – удовлетворение познавательных потребностей разных групп потребителей

Составлено автором по [3, 4].

В условиях рынка музей вынужден использовать маркетинговые инструменты, однако его маркетинг носит преимущественно некоммерческий характер. Событийный маркетинг (event-marketing) выделяется среди прочих видов (маркетинга впечатлений, отношений, внутреннего маркетинга) своей способностью создавать личностно значимый опыт через специально организованные события [5]. Его коренное отличие от традиционного маркетинга заключается в смещении фокуса с одностороннего информирования на интерактивный диалог и формирова-

ние долгосрочной эмоциональной связи с брендом музея. Сравнение подходов традиционного маркетинга и маркетинга событий представлено в таблице 2 [2, 6].

Таблица 2

Сравнительный анализ традиционного и событийного маркетинга

Критерий сравнения	Традиционный маркетинг	Событийный маркетинг
Основная цель	Формирование осведомленности, стимулирование сбыта продукции/услуг, увеличение доли рынка.	Создание глубокого эмоционального вовлечения и личной связи с брендом через опыт.
Ключевой продукт	Материальный товар или стандартизированная услуга.	Уникальное событие.
Характер коммуникации	Односторонняя, массовая.	Интерактивный диалог, вовлечение в реальном времени.
Аудитория	Широкие сегменты рынка.	Конкретная, фокус-группа участников события.
Измеримость результата	Рост продаж, трафик, охват.	Включает количественные (посещаемость) и качественные метрики (лояльность, эмоциональный отклик).
Длительность эффекта	Часто ограничена периодом рекламной кампании.	Долгосрочный, основанный на ярких воспоминаниях и личных отношениях.

Составлено автором по [2, 6].

Традиционный маркетинг нацелен на формирование осведомленности и стимулирование сбыта через массовую одностороннюю коммуникацию, его продукт – материальный товар или услуга, эффект обычно ограничен периодом рекламной кампании и измеряется количественно. Событийный маркетинг, напротив, ориентирован на создание эмоциональной связи с брендом через уникальное событие в режиме интерактивного диалога с конкретной фокус-группой.

Результативность событийного маркетинга сочетает количественные и качественные метрики, а достигаемый эффект носит долгосрочный характер благодаря формированию ярких воспоминаний и личных отношений с аудиторией.

Инструментарий событийного маркетинга в музейной деятельности охватывает три направления (рисунок 1) [6, 7].

Рис. 1. Форматы событийного маркетинга в музейной деятельности

Составлено автором по [6, 7].

Классические event-форматы (фестивали, тематические экскурсии, «Ночь музеев») привлекают широкую аудиторию и создают содержательный каркас. Иммерсивные технологии

(театрализация, квесты, VR/AR-инсталляции) углубляют вовлечение, превращая зрителя в участника. Цифровой инструментарий (онлайн-трансляции, SMM-кампании, виртуальные туры) расширяет музейное пространство за физические и временные рамки, привлекая особенно молодую аудиторию.

Мировая музейная индустрия насчитывает более 104 тысяч учреждений, распределенных крайне неравномерно. Лидирующие позиции по их количеству занимают США (33 082 ед.), Германия (6741 ед.), Китай (6183 ед.), Япония (5690 ед.) и Франция (4811 ед.). Россия с 3119 музеями находится на 9-м месте (рисунок 2) [8].

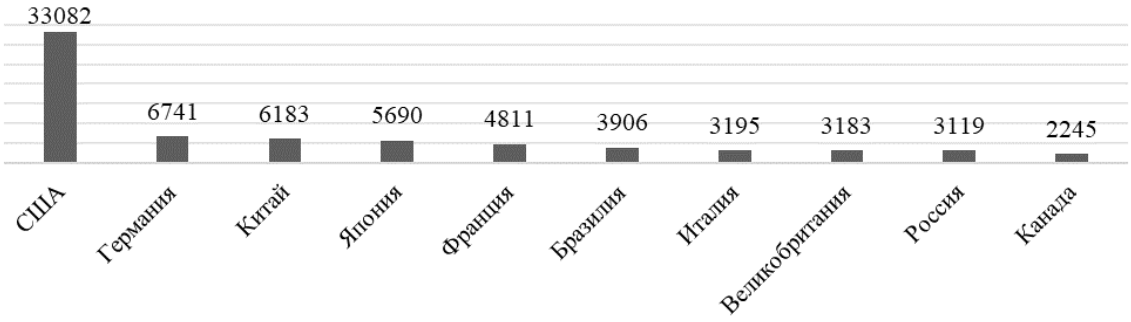

Рис. 2. Страны-лидеры по количеству музейных учреждений, ед.

Составлено автором по [8].

Высокая концентрация музеев в развитых странах формирует острую конкуренцию за посетителя, что стимулирует внедрение инновационных маркетинговых подходов.

Лидерство по посещаемости также удерживают музеи, активно вкладывающиеся в событийную составляющую. По итогам 2024 года первую пятерку составляют Лувр (8,7 млн посетителей), Музеи Ватикана (6,9 млн), Британский музей (6,2 млн), Национальный музей Кореи (6,0 млн) и Метрополитен-музей (5,5 млн) [9, 10]. Высокий интерес публики поддерживается не только уникальностью коллекций, но и системной работой по созданию масштабных событий-блокбастеров.

В 2024 г. в России насчитывалось 3216 музеев, распределение которых по территории страны крайне неравномерно, как можно увидеть на рисунке 3. Почти четверть всех учреждений (771 ед.) сконцентрирована в Центральном федеральном округе, далее следуют Приволжский (713 ед.) и Сибирский (405 ед.) округа. Дальневосточный федеральный округ с 274 музеями замыкает пятерку.

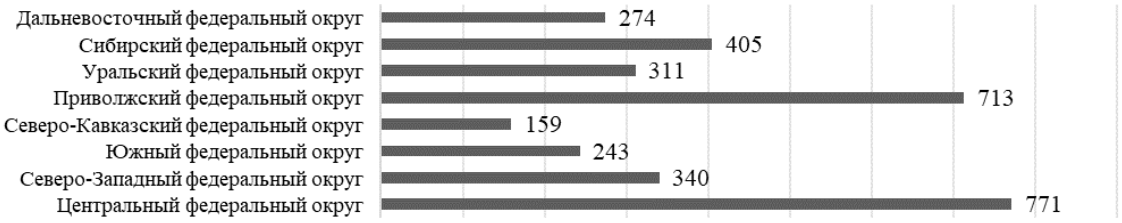

Рис. 3. Количество музеев в федеральных округах России, ед.

Составлено автором по [11].

Рейтинг посещаемости российских музеев в 2024 г. возглавили Государственный музей-заповедник «Петергоф», Государственный Эрмитаж и ГМЗ «Царское Село». Примечательно, что основные позиции занимают музеи Санкт-Петербурга, что подтверждает его статус культурной столицы и главного центра событийного туризма [11].

Сравнительная характеристика музейных мероприятий 2025 года, представленная в таблице 3, демонстрирует многообразие форматов: от камерных ночевок в Американском музее естественной истории до глобальных выставочных проектов, таких как «Louvre Couture» в Лувре. Практически все успешные проекты объединяет несколько элементов: высокая инте-

рактивность участия, кросс-индустриальные партнерства, активное использование цифровых платформ и работа с актуальной повесткой (мода, экология, инклюзия) [12–17].

Таблица 3

Крупнейшие музейные события 2025 года в мире и России

Мероприятие	Музей	Посещаемость, чел.	Краткое описание
Костюмированный конкурс «National Museum of Korea Costume Contest”	Национальный музей Кореи, Сеул	6 000	Необычное событие, где участники соревновались в создании костюмов по мотивам музейных экспонатов. Мероприятие привлекло внимание молодой аудитории и широко освещалось в соцсетях
A Night at the Museum: The Overnight Experience	Американский музей естественной истории, Нью-Йорк	375 (на одно мероприятие)	Возвращение легендарной программы ночевок для детей и их родителей, вдохновленной фильмом «Ночь в музее». После пятилетнего перерыва мероприятие вновь состоялось в октябре 2025 года
25-летие галереи Тейт Модерн	Тейт Модерн, Лондон	76 000	Трехдневный фестиваль в честь 25-летия музея, включавший перформансы, показы, кинопоказы и мастер-классы. Более 70% посетителей были младше 35 лет
Мероприятие	Музей	Посещаемость, чел.	Краткое описание
Серия концертов «На нотах красоты»	Музеи Ватикана	520 000	Инструментальные и вокальные таланты со всей Италии выступаютт вживую среди шедевров папских коллекций
Фестиваль фонтанов «Петергоф»	Государственный музей-заповедник «Петергоф», Россия	150 000	– фестиваль (музыкально-световое шоу под открытым небом, объединяющее исторический праздник и современный саунд-дизайн) – музыкальная программа – костюмированные реконструкции петровской эпохи, уличные театры
«Арт-ферма Царского Села»	Государственный музей-заповедник «Царское Село», Россия	85 000	– экспозиция «Crypto/Ферма» (совместно с Центром Art & Science ИТМО) – арт-лаборатория и выставка работ современных художников (совместно с изданием The Blueprint при участии Сбер) – фестиваль современных художников – мастер-классы
Проект «Русский музей: виртуальный филиал»	Государственный Русский музей, Россия	500 000 (онлайн- и офлайн-аудитория)	– виртуальный лекторий – фестиваль современного искусства (мультимедийные выставки, видео-арт, digital-перформансы) – театральные постановки и медиа-спектакли

Составлено автором по [12-17].

Анализируемые мероприятия демонстрируют разнообразие форматов: от костюмированных конкурсов до многодневных фестивалей и гибридных форматов. Посещаемость варьируется от 375 человек (на одно мероприятие в Американском музее естественной истории) до 520 000 (серия концертов в Музеях Ватикана) и 500 000 (совокупная онлайн- и офлайн-аудитория проекта Русского музея).

Содержательное наполнение событий делится на три категории: игровая/развлекательная (костюмированные конкурсы, ночевки), художественно-музыкальная (фестивали, концерты в экспозициях) и технологически-гибридная (Crypto/Ферма с участием ИТМО, виртуальный филиал с медиа-спектаклями). Примечательно, что многие мероприятия ориентированы на молодежную аудиторию, что подтверждает переход музеев от пассивного экспонирования к взаимодействию с посетителем в рамках событий.

Ведущие отечественные музеи активно перенимают глобальные тренды событийного маркетинга, однако с выраженной национальной спецификой: если западные институции чаще опираются на кросс-индустриальные коллаборации с коммерческими организациями и глобальными медиаплатформами, то российские лидеры делают ставку на масштабные исторические реконструкции, партнерство с образовательными учреждениями и государственными структурами, а также на развитие мультимедийных и гибридных форматов (см. таблицу 3) [12, 14].

Особого внимания заслуживает опыт музеев Дальневосточного федерального округа, где в условиях географической удаленности от столичных центров и ограниченных ресурсов сформировалась уникальная модель событийной активности. Анализ статистики за 2019–2024 гг. демонстрирует устойчивый рост числа культурно-образовательных мероприятий – с 15 622 до 27 313 (прирост 75 %) и массовых мероприятий – с 3917 до 8225, за исключением спада в пандемийный 2020 год. Общая посещаемость музейных событий в ДФО в 2024 году достигла 1311,8 тыс. человек [18].

Региональные различия внутри округа весьма значительны. Лидером по масштабу музейной сети и событийной активности выступает Республика Саха (Якутия) – 100 музеев и 239,2 тыс. посещений мероприятий. Приморский край, имея 25 музеев, демонстрирует вторую по округу общую посещаемость (195,3 тыс. чел.) и фокусируется на культурно-образовательных программах (5 177 ед.). Флагманские музеи – музей-заповедник истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева (Приморье), Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, Национальный художественный музей Республики Саха – реализуют комплекс событий, в которых синтезируются история, современное искусство, музыка и интерактивные форматы (таблица 4) [11, 18–20].

Таблица 4

Масштабные музейные события в ДФО за 2022–2025 гг.

Название события	Год	Место проведения	Организатор	Элементы событийного маркетинга
Международная якутская биеннале современного искусства BY-18	2022	Республика Саха(Якутия), г. Якутск	Национальный художественный музей Республики Саха (Якутия)	– коллаборации с бизнесом (спонсорская поддержка) – PR-кампания в федеральных и арт-медиа – активный SMM с хештегом #BY18 – публичные лекции и встречи с художниками
Выставка «Век Фаберже. Золотой век русского ювелирного искусства»	2024	Приморский край, г. Владивосток	Музей-заповедник истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева	–партнерство с музейным брендом федерального уровня («Московский Кремль») – премиальный визуальный мерчандайзинг – SMM-кампания с акцентом на эксклюзивность – партнёрства с ювелирными домами
Выставка-фестиваль «И.К.Р.А.» (Идеи креативного развития Амура)	2025	Хабаровский край, г. Хабаровск	Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, Ассоциация музеев Хабаровского края	– коллаборации с бизнесом (дизайнерами, производителями) – интерактивные мастер-классы по созданию сувениров – SMM-продвижение нового локального бренда
Музыкальный пикник на форте Поспелова	2022	Приморский край, г. Владивосток (форт Поспелова)	Музей-заповедник «Владивостокская крепость»	– партнёрство с музыкантами – создание уникального атмосферного контента для SMM – коллаборации с локальными фудтраками и барами
Тематические экспозиции в рамках ВЭФ (программа «Владивостокские сезоны»)	2024-2025	Приморский край, г. Владивосток	Программа культурного фестиваля ВЭФ	– коллаборации музеев с организаторами форума – тематические инсталляции – PR-эффект от привязки к крупному международному событию – SMM-освещение в рамках общей программы ВЭФ

Составлено автором по [11, 18-20].

Главным фактором успеха региональных проектов становится комплексный маркетинг, основанный на сочетании стратегических коллабораций (с федеральными музеями, бизнесом, органами власти), активном SMM-продвижении и ставке на интерактивность. Именно такие события позволяют музеям ДФО не только удерживать местную аудиторию, но и формировать современный имидж региона, превращая его из удаленной территории в привлекательный культурный центр.

Обобщая мировой, общероссийский и региональный опыт, можно выделить пять универсальных элементов успешной событийной стратегии музея:

– перевод посетителя из пассивного наблюдателя в активного участника;

– коллаборации с модными домами, IT-компаниями, музыкантами, локальным бизнесом для расширения аудитории;

– производство видеоконтента, прямые эфиры, обеспечивающие вовлечение молодежи;

– интерпретация наследия сквозь призму современных тем (мода, экология, инклюзия, локальная идентичность);

– уникальные, «провокационные» форматы, стимулирующие обсуждение в медиа и социальных сетях.

Таким образом, событийный маркетинг перерастает из вспомогательной коммуникационной тактики в основной стратегический инструмент развития музея. Для российских музеев, обладающих значительным ресурсным потенциалом (9-е место в мире по числу учреждений), но сталкивающихся с неравномерностью распределения аудитории и инфраструктурными ограничениями, актуальным становится переход от традиционной концепции маркетинга к концепции маркетинга взаимоотношений и впечатлений. Это предполагает не только рост числа мероприятий, но и качественное усложнение их форматов – синтез истории, технологий вовлечения и глубокого понимания потребностей целевых аудиторий. Примеры ДФО убедительно доказывают, что даже в условиях удаленного региона грамотно выстроенная событийная стратегия способна превратить музеи в ключевые центры культурного притяжения, способствуя как развитию туризма, так и укреплению региональной идентичности.

1. Лисицына Т. Б. Значение музеев в культурной жизни современного человека // Интерактивная наука. – 2023. – № 6 (82) – С. 16-17.

2. Казюлина Н. Н., Сакович С. М. Event-маркетинг: учебное пособие. – Москва: Русайнс, 2024. – 65 с.

3. Россия и Китай продолжают активное выполнение плана мероприятий в рамках годов культуры России – Китая в 2024-2025 годах Текст: электронный. – URL: https://culture.gov.ru/press/news/rossiya_i_kitay_prodolzhayut_aktivnoe_vypolnenie_plana_meropriyatiy_v_ramkakh_godov_kultury_rossii_k/ (дата обращения: 28.04.2026).

4. Топ музеев Дальнего Востока Текст: электронный. – URL: https://www.tripadvisor.ru/Attractions-g298489-Activities-c49-Far_Eastern_District.html (дата обращения: 28.04.2026).

5. Лаврут Н. С. Современные тенденции и проблемы музейного маркетинга в России // Практический маркетинг. – 2019. – № 4 (266) – С. 23-28.

6. Корнилова К. С. Событийные коммуникации в культурных институтах: опыт музеев // Медиаскоп. – 2020. – № 3 – С. 121-128.

7. Мануилова Е. А. Маркетинговые технологии в продвижении проектной деятельности музеев // Молодой ученый. – 2025. – № 42 (593). – С. 126–131.

8. Plus d'un million de visiteurs pour Louvre Couture! Текст: электронный. – URL: https://presse.louvre.fr/plus-dun-million-de-visiteurs-pour-louvre-couture-1063000228832/ (дата обращения: 28.04.2026).

9. Пресс-релиз музея Метрополитен за 2025 год Текст: электронный. – URL: https://www.metmuseum.org/ru/press-releases/fy25-pressrelease (дата обращения: 28.04.2026).

10. Number of museums by country Текст: электронный // StatBase: статистическая база данных. – URL: https://statbase.ru/datasets/tourism-and-leisure/number-of-museums/ (дата обращения: 30.04.2026).

11. «Царское Село» в 2025 году. Главное Текст: электронный. – URL: https://tzar.ru/news/1767083886 (дата обращения: 28.04.2026).

12. Посещаемость музеев Текст: электронный // StatBase: статистическая база данных. – URL: https://statbase.ru/datasets/tourism-and-leisure/museums-attendance/ (дата обращения: 28.04.2026).

13. Родионова Д. Д. Подходы к созданию музейных и внемузейных экспозиций // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2022. – № 60 – С. 73-79.

14. Саркисова Е. Г. Музей и общество: трансформация социальных функций (Опыт современной России). – Москва: Институт Наследия, 2023. – 188 с.

15. Осенний фестиваль фонтанов в Петергофе 2025: полная программа праздника Текст: электронный. – URL: https://spb.aif.ru/culture/osenniy-festival-fontanov-v-petergofe-2025-polnaya-programma-prazdnika (дата обращения: 28.04.2026).
16. Осенний праздник фонтанов в Петергофе Текст: электронный. – URL: https://spbcult.ru/events/kalendar-sobytiy/osenniy-prazdnik-fontanov-v-petergofe-sentyabr-2025-goda-daty-utochnyayutsya/ (дата обращения: 30.04.2026).
17. Most Visited Museums Worldwide Текст: электронный // VoyeGlobal. – URL: https://voyeglobal.com/most-visited-museums/ (дата обращения: 28.04.2026).
18. Массовые и культурно-образовательные мероприятия в ДФО Текст: электронный // Статистика Министерства культуры Российской Федерации. – Москва, 2025. – URL: https://stat.mkrf.ru/indicators/ (дата обращения: 04.05.2026).
19. Федеральные округа. Показатели музеев Текст: электронный // Статистика Министерства культуры Российской Федерации. – Москва, 2025. – URL: https://stat.mkrf.ru/indicators/ (дата обращения: 04.05.2026).
20. Русский музей представляет выставочный план на 2025 год Текст: электронный. – URL: https://www.culture.ru/news/258561/russkii-muzei-predstavlyaet-vystavochnyi-plan-na-2025-god (дата обращения: 05.05.2026).

Сведения об авторе
С.О. Никитина, бакалавр, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 004.9

РАЗРАБОТКА УПРОЩЁННОЙ ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ НАВИГАЦИИ В ЗДАНИЯХ

В.Д. Окунев, магистрант

Г.В. Гренкин, преподаватель

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Предлагается упрощённая технология indoor-навигации, использующая логическую структуру здания и визуальные ориентиры вместо дорогостоящей инфраструктуры. Рассмотрены существующие стандарты (IFC, CityGML, IndoorGML. Indoor OpenStreetMap, ArcGIS Indoors), проведена их аналогия с предлагаемой моделью. Описан механизм локализации пользователя через выбор микро-карт и уточняющие вопросы. Представлена структура каталога ориентиров*

Ключевые слова и словосочетания: *indoor-навигация, логическая структура здания, трёхуровневая карта, XML-моделирования, ориентиры, контент-карта, навигационные сети, IndoorGML, локализация.*

DEVELOPMENT OF A SIMPLIFIED TECHNOLOGY FOR INDOOR NAVIGATION

Absract. *The paper proposes a simplified indoor navigation technology that uses the logical structure of a building and visual landmarks instead of expensive infrastructure. Existing standards (IFC, CityGML, IndoorGML, Indoor OpenStreetMap, ArcGIS Indoors) are reviewed and compared with the proposed model. A localization mechanism based on micro-map selection and clarifying questions is described. The structure of a landmark catalogue with individual object cards is presented.*

Keywords*: indoor navigation, logical building structure, three-level map, XML modeling, landmarks, content map, navigation networks, IndoorGML, localization.*

Современные общественные здания (университетские кампусы, торговые и медицинские центры) имеют непростую внутреннюю архитектуру, что создаёт трудности для ориентирования посетителей. Существующие картографические сервисы ориентированы на уличную навигацию и при переносе в помещения имеют недостатки: высокая ресурсоёмкость, информационная перегруженность, отсутствие внутренней логики здания. Специализированные про-

тотипы indoor-навигации часто требуют дорогостоящей инфраструктуры (BLE-маячки, QR-коды) либо дают сбои в открытых пространствах [2, с. 80].

В последнее десятилетие было предложено несколько стандартов для описания внутренних пространств зданий, каждый из которых имеет свои сильные и слабые стороны. Наиболее детальным для информационного моделирования зданий является стандарт Industry Foundation Classes (IFC), который содержит классы IfcSpace (помещение), IfcWall (стена), IfcDoor (дверь) и IfcRelSpaceBoundary (граница пространства). Однако IFC избыточно сложен для задач чистой навигации – его полная реализация требует специализированного программного обеспечения и профессиональных навыков, а также не предусматривает лёгкого ручного описания зданий. Стандарт CityGML ориентирован на городское моделирование, и на уровне детализации LOD 4 он позволяет описывать интерьеры. Его преимущество заключается в интеграции с уличной навигацией, но для помещений он даёт лишь обобщённую геометрию без детальной семантики, необходимой для пошаговых инструкций. Более специализированным является IndoorGML, который фокусируется именно на навигационных сетях: узлах принятия решений (Node), рёбрах (Edge), проходимых и соединительных пространствах [5, с. 3]. Этот стандарт концептуально близок к предлагаемой в работе модели, однако он требует наличия подготовленных данных и не предусматривает встроенного механизма работы с визуальными ориентирами [3, с. 7]. Попытка сообщества добавить внутренние помещения в открытую картографию представлена стандартом Indoor OpenStreetMap, однако покрытие таких данных в реальных зданиях крайне низкое, а формат не всегда подходит для автоматической генерации пошаговых инструкций. Наконец, ArcGIS Indoors является коммерческим решением от компании ESRI, которое интегрируется с BIM и CAD, но требует развёртывания тяжеловесной ГИС-инфраструктуры, не является открытым и недоступно для широкого круга разработчиков. В работе Клементини и Пальяро предлагается построение навигационных сетей на основе комбинации прямого скелета и графа видимости, однако такие методы сложны в реализации и не учитывают удобство для человека [4, с. 795]. Таким образом, существующие стандарты либо слишком сложны и дороги, либо требуют специальной подготовки данных, которая в свою очередь невозможна без наличия исходных чертежей. Предлагаемая в данной работе модель призвана восполнить этот пробел за счёт максимально простого и доступного подхода.

Разрабатываемая технология строится на трёх основных идеях: трёхуровневое картографическое представление, лёгкое XML-описание (см. рис. 1) зданий с ориентацией на логику пространства, а также каталог ориентиров с карточками объектов. Пользователь определяет своё местоположение не по GPS или дорогим маячкам, а по ближайшим визуальным ориентирам – урне, дивану, арт-объекту или плакату. Это позволяет генерировать маршруты с минимальной нагрузкой на устройство.

```
<Building>

    <Floor>
        <Square name="Лестничная площадка" to="лестничной площадки">
            <Bound dir="backward">
                <Stair type="up" />
                <Stair type="down" />
            </Bound>
            <Bound dir="right" type="window">
                <Orient type="trash_bin" name="Урна для мусора" to="урны для мусора" />
                <Orient type="rest+charge" name="Диваны с зарядкой" to="диванов с зарядкой" />
            </Bound>
            <Bound dir="forward">
                <Orient type="door" name="Дверь" to="двери" />
                <Orient type="info_desk" name="Плакат СВО" to="плаката СВО" />
            </Bound>
            <Bound dir="left">
                <Part type="free">
                    <Joint id="1" />
                </Part>
                <Part type="wall">
                    <Orient type="fire_extinguisher" name="Огнетушитель" to="огнетушителя" />
                </Part>
            </Bound>
        </Square>
```

Рис. 1. Пример XML-описание лестничной площадки

Трёхуровневая модель карт включает три уровня представления информации (микро-карта, макро-карта, контент-карта). Для локализации пользователя, когда он не знает точного названия своего текущего местоположения, приложение предлагает выбрать несколько вариантов микро-карт. Микро-карта демонстрирует пользователю ближайшие ориентиры (диван, плакат, дверь) и доступные движения вокруг него в текущий момент. В случае, если приложение не найдёт точное положение пользователя, уже макро-карта будет задавать уточняющие вопросы: «На каком вы этаже?», «Вы видите перед собой лестницу или лифт?», «Что вы видите прямо перед собой?». Ответы на эти вопросы позволят системе сузить круг поиска и точно определить местоположение пользователя, компенсируя отсутствие дорогостоящей инфраструктуры позиционирования. Третий уровень, контент-карта, является каталогом того, что находится внутри здания: список аудиторий, кафетериев, зон отдыха, зарядных станций, туалеты. Для торговых центров данная карта может включать магазины, фуд-корты, детские комнаты, примерочные. Такой подход позволяет пользователю сначала понять «что здесь есть» через контент-карту, затем сориентироваться «где я нахожусь» через микро-карту и макро-карту и в дальнейшем построить путь через приложение.

Здание описывается иерархически в формате XML. Каждая площадка (Square) имеет четыре границы (Bound): вперёд, назад, влево, вправо. Каждая граница может быть стеной или свободным проходом, и внутри границ размещаются ориентиры. Коридоры (Corridor) связывают площадки и содержат список комнат и ориентиров вдоль стен. Стыки (Joint) служат точками соединения. Маршрут строится как цепочка связанных элементов: площадка – стык – следующая площадка – стык – целевая площадка (см. рис. 2). Учёт четырёх границ позволяет генерировать инструкции с учётом реального положения пользователя. Предлагаемая модель имеет аналогии с существующими стандартами: Square соответствует IfcSpace в IFC и NavigableSpace в IndoorGML, Joint аналогичен IfcRelSpaceBoundary и Node в IndoorGML, Bound соотносится с IfcRelSpaceBoundary и WallSurface в CityGML, а Orient (ориентир) – с IfcFurniture и PointOfinterest. Таким образом, технология предлагает упрощённую реализацию идей, заложенных в стандартах [1, с. 47], доступную для любого здания даже при отсутствии чертежей.

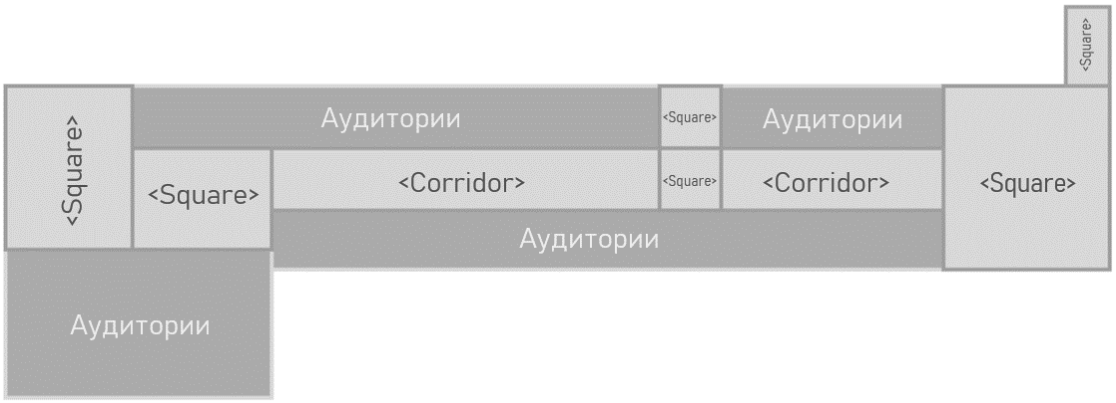

Рис. 2. Описание площадок и коридоров

Каталог ориентиров с карточками объектов (см. рис. 3) являются важной частью пользовательского опыта. Каждый ориентир в каталоге имеет собственную карточку, содержащую название ориентира, его тип (плакат, место отдыха, урна, арт-объект, указатель), краткое описание для визуальной идентификации, фотографию или схематическое изображение, а также его местоположение (этаж, крыло, площадка). Пользователь может открыть карточку ориентира прямо из маршрутной инструкции. Это особенно полезно в незнакомых зданиях, где визуальные ориентиры могут быть неочевидны.

Рис. 3. Представление каталога ориентиров

Разработанная базовая технология открывает широкие возможности для дальнейшего развития. Товарная навигация для крупных магазинов является логическим расширение контент-карты: пользователь сможет найти не только отдел или магазин, но и конкретный товар (например, «молоко без лактозы»), при этом система построит маршрут до полки с этим товаром. Для слабовидящих людей предлагается интеграция с голосовым описанием маршрута. Дополнительно могут быть реализованы уведомления о перекрытиях и изменениях в планировке – например, если коридор закрыт на уборку или аудитория временно недоступна. Эти направления находятся в стадии проработки и по возможности будут реализованы в последующих версиях системы.

В рамках данной работы предложена трёхуровневая картографическая модель, разработана масштабируемая XML-схема описания зданий без привязки к тяжёлой геометрии, предложен каталог ориентиров с карточками объектов и механизм локализации пользователя через выбор микро-карт. Проведённый анализ существующих стандартов показал преимущества предлагаемого упрощённого подхода перед сложными и дорогостоящими аналогами. Разработанная технология может быть применена в университетах, торговых и бизнес-центрах, медицинских учреждениях. Перспективные направления развития включают товарную навигацию в магазинах, адаптацию для слабовидящих, а также система уведомлений об изменениях в планировке. Практическая реализация описанных компонентов и демонстрация работы системы будут представлены в ходе презентации.

1. Гренкин Г.В., Карпов В.В. Комплексный метод упрощённой indoor-навигации // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2024. – № 5(77). – С. 45-49.

2. Щипанова Д.Е., Саламонов А.А. Разработка комплекса indoor-навигации «NaviHelp: инклюзивный навигатор в помещениях» // Современные информационные технологии. – 2022. – № 2. – С. 78-84.

3. Liu L., Li B., Zlatanova S., van Oosterom P. Indoor navigation supported by the Industry Foundation Classes (IFC): A survey // Automation in Construction. – 2021. – Vol. 121. – Article 103436. – DOI 10.1016/j.autcon.2020.103436.

4. Clementini E., Pagliaro A. The Construction of a Network for Indoor Navigation // International Journal of Geographical Information Science. – 2020. – Vol. 34. - № 4. – P. 789-811.

5. Open Geospatial Consortium. IndoorGML. OGC Standard. – URL: https://www.ogc.org/standards/indoorgml (дата обращения: 01.06.2026).

Сведения об авторах

В.Д. Окунев, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

Г.В. Гренкин , преподаватель, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 338.1

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УЧЕТА И ОЦЕНКИ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ АКТИВОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

М.В. Ослопова, канд. экон. наук, доцент

И.А. Ким, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Рассмотрены современные подходы к определению и классификации нематериальных активов, а также особенности отражения цифровых активов в системе бухгалтерского учета. Выявлены основные проблемы учета цифровых нематериальных активов, связанные со сложностью их идентификации, оценки и определения экономических выгод. Предложены направления совершенствования учета и оценки цифровых активов, включающие развитие классификации НМА, применение комбинированных методов оценки и автоматизацию учетных процессов.*

Ключевые слова и словосочетания: *нематериальные активы, цифровизация, цифровые активы, бухгалтерский учет, оценка нематериальных активов, интеллектуальный капитал, цифровая экономика, ФСБУ 14/2022, автоматизация учета*

IMPROVING THE ACCOUNTING AND VALUATION OF INTANGIBLE ASSETS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Abstract. *The article discusses modern approaches to the definition and classification of intangible assets, as well as the specifics of reflecting digital assets in the accounting system. The main problems of accounting for digital intangible assets, related to the complexity of their identification, valuation, and determination of economic benefits, are identified. The article proposes directions for improving the accounting and valuation of digital assets, including the development of the classification of intangible assets, the use of combined valuation methods, and the automation of accounting processes.*

Keywords: *intangible assets, digitalization, digital assets, accounting, valuation of intangible assets, intellectual capital, digital economy, FSBU 14/2022, accounting automation*

В современных условиях цифровой трансформации экономики нематериальные активы становятся одним из ключевых факторов формирования стоимости организаций. Развитие информационных технологий, цифровых платформ, автоматизированных систем управления и интеллектуальных сервисов приводит к изменению структуры корпоративных ресурсов, в которой большую роль играют программные обеспечения, базы данных, результаты научно-исследовательских разработок и иные цифровые активы.

Особую актуальность вопросы учета и оценки нематериальных активов приобретают для крупных инфраструктурных компаний, реализующих масштабные программы цифровизации. Одной из таких организаций является «Российские железные дороги», активно внедряющая цифровые технологии в процессы управления перевозками, логистикой и клиентскими сервисами.

Вместе с тем, действующая система бухгалтерского учета не в полной мере отражает экономическую сущность цифровых активов [1]. Значительная часть внутренних разработок, цифровых платформ и интеллектуальных ресурсов не получает полного отражения в финансовой отчетности, что приводит к расхождению между балансовой и реальной стоимостью компании.

Целью исследования в данной статье является разработка направлений совершенствования учета и оценки нематериальных активов в условиях цифровизации на примере Российские железные дороги.

Переход к цифровой экономике обусловил существенное изменение роли нематериальных активов в деятельности организаций. Если ранее основное значение имели материально-вещественные ресурсы, то в современных условиях ключевым источником конкурентных преимуществ становятся интеллектуальные и цифровые ресурсы [2].

Согласно ФСБУ 14/2022, нематериальные активы представляют собой идентифицируемые нефинансовые активы, не имеющие материально-вещественной формы и способные приносить организации экономические выгоды в будущем [8]. В международной практике аналогичный подход закреплен в IAS 38 «Intangible Assets» [7].

В условиях цифровизации структура нематериальных активов существенно расширяется. Помимо традиционных объектов интеллектуальной собственности, возрастающее значение приобретают, такие как: программные обеспечения, базы данных, цифровые платформы, алгоритмы и аналитические системы, облачные сервисы, цифровые экосистемы, результаты НИОКР. Цифровизация приводит к трансформации экономической сущности нематериальных активов [3]. Их стоимость определяется не только правовой формой, но и способностью генерировать данные, обеспечивать автоматизацию процессов, снижать транзакционные издержки и формировать устойчивые конкурентные преимущества.

В современных условиях именно цифровые нематериальные активы становятся основой инновационного развития организаций и важнейшим элементом формирования их рыночной стоимости.

Таблица 1

Ключевые проблемы учета цифровых нематериальных активов и деловой репутации

Проблема	Содержание	Последствия для учета	Экономические последствия
Идентификация цифровых НМА	Сложность выделения данных, алгоритмов, платформ, клиентских баз как самостоятельных активов	Значительная часть активов не признается в бухгалтерском учете	Занижение стоимости нематериального капитала
Первоначальная оценка	Отсутствие активного рынка, уникальность цифровых ресурсов, неопределенность выгод	Трудности надежной оценки стоимости	Высокий субъективизм и риск искажений
Внутренне созданный бренд и цифровая репутация	Социальные сети, узнаваемость, клиентская лояльность создают стоимость, но не признаются как актив	Внутренне созданный гудвилл не отражается в балансе	Балансовая стоимость существенно ниже рыночной
Ограничения нормативного регулирования	ФСБУ и МСФО не допускают признание внутренне созданного гудвилла	Репутационный капитал остается вне учета	Недооценка инвестиционной привлекательности
Разрыв между балансовой и рыночной стоимостью	Рыночная капитализация учитывает бренд, цифровую аудиторию, данные	Финансовая отчетность не отражает полный потенциал	Снижение аналитической сопоставимости

Одной из ключевых проблем современной учетной методологии является идентификация цифровых ресурсов как самостоятельных объектов нематериальных активов. Согласно действующим принципам бухгалтерского учета, актив должен быть идентифицируемым, контролируемым организацией и способным приносить будущие экономические выгоды [4, 5]. Однако в условиях цифровой экономики выполнение данных критериев существенно осложняется. Прежде всего, многие цифровые активы характеризуются высокой степенью интеграции в бизнес-модель организации и не существуют как автономные объекты. Например, алгоритмы машинного обучения, клиентские базы, цифровые платформы, пользовательские данные, экосистемы сервисов, сетевые каналы взаимодействия и цифровые сообщества формируют стоимость не изолированно, а в совокупности с другими ресурсами компании [6]. Их отделение от общей системы хозяйственной деятельности зачастую невозможно либо экономически нецелесообразно.

Существенные трудности возникают и при оценке стоимости цифровых активов. Для большинства из них отсутствуют активные рынки, а экономические выгоды носят вероятностный характер. Это осложняет применение традиционных методов оценки и снижает достоверность бухгалтерской информации. Дополнительной проблемой является быстрое мораль-

ное устаревание цифровых технологий [9]. Программные продукты и информационные системы требуют постоянного обновления, что затрудняет определение срока полезного использования и расчет амортизации.

Следует отметить и ограничения действующих стандартов учета. Несмотря на внедрение ФСБУ 14/2022, значительная часть внутренне созданных цифровых ресурсов не отражается в бухгалтерской отчетности. В результате формируется разрыв между балансовой и рыночной стоимостью организаций. Таким образом, цифровизация экономики требует совершенствования методологических подходов к признанию, оценке и отражению нематериальных активов в системе бухгалтерского учета [10].

В современных условиях Российские железные дороги реализует масштабную программу цифровой трансформации, направленную на повышение эффективности управления перевозочным процессом, развитие интеллектуальных транспортных систем и автоматизацию корпоративных функций.

В структуре нематериальных активов компании значительную долю занимают: программное обеспечение, базы данных, цифровые сервисы, результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, информационные системы управления перевозками.

Таблица 2

Структура нематериальных активов ОАО «РЖД» в 2023-2025 гг.

Показатель	2023, %	2024., %	2025, %
Исключительные и неисключительные права	98,14	96,32	95,56
т.ч. изобретения, промышленные образцы	1,91	1,56	1,32
программы для ЭВМ, базы данных	92,39	88,92	89,50
секреты производства (ноу-хау)	0,16	0,13	0,10
прочие права	3,68	5,72	4,64
Результаты НИОКР	0,16	0,21	0,37
Концессионные права	1,53	2,97	3,68
Лицензии	0,17	0,49	0,39

Вместе с тем действующая система учета НМА в Российские железные дороги характеризуется рядом проблем: во-первых, отсутствует отдельная классификация цифровых активов, что затрудняет аналитический учет и контроль эффективности их использования; во-вторых, недостаточно разработаны подходы к оценке внутренних цифровых разработок и интеллектуальных ресурсов, создаваемых внутри организации; в-третьих, действующая система документооборота не обеспечивает полного сопровождения жизненного цикла цифровых активов, начиная от этапа разработки и заканчивая списанием или модернизацией.

Кроме того, традиционные методы оценки не всегда позволяют достоверно определить экономическую ценность цифровых платформ и программных комплексов, используемых компанией [11].

В целях повышения достоверности бухгалтерской отчетности и эффективности управления цифровыми ресурсами целесообразно реализовать комплекс мероприятий по совершенствованию учета и оценки нематериальных активов. Прежде всего необходимо расширить классификацию НМА путем выделения цифровых активов в самостоятельную учетную категорию. В состав таких активов могут быть включены:

– цифровые платформы;
– программные комплексы;
– алгоритмы;
– базы данных;
– цифровые сервисы и аналитические системы.

Это позволит повысить прозрачность учета и обеспечить более точный анализ структуры интеллектуальных ресурсов компании.

Важным направлением совершенствования является развитие методов оценки цифровых активов.

Таблица 3

Подходы к оценке стоимости нематериальных активов

Подход	Сущность подхода	Основные методы	Преимущества	Недостатки	Применимость к цифровым активам
Затратный	Оценка стоимости на основе затрат на создание или воспроизводство актива	Метод первоначальных затрат; метод восстановительной стоимости; метод замещения	Простота применения; доступность информации; применим при отсутствии рынка	Не учитывает доходность; не отражает рыночную ценность; занижает стоимость уникальных активов	Ограниченная: применим для разработки сайтов, ПО, но не отражает их реальную ценность
Доходный	Оценка на основе дисконтированной стоимости будущих экономических выгод	DCF (дисконтированные денежные потоки); метод освобождения от роялти; метод избыточной прибыли	Учитывает способность генерировать доход; отражает экономическую сущность	Высокая субъективность; сложность прогнозирования; зависимость от допущений	Наиболее применим: используется для сайтов, приложений, платформ
Сравнительный (рыночный)	Оценка на основе сопоставления с аналогичными объектами на рынке	Метод аналогов; метод мультипликаторов	Ориентация на рынок; относительная объективность	Отсутствие сопоставимых данных; уникальность активов; закрытость информации	Ограниченная: редко применим из-за отсутствия открытых данных
Комбинированный	Сочетание элементов различных подходов	Смешанные модели; сценарный анализ; мультифакторные модели	Повышение точности; учет специфики актива; гибкость	Сложность применения; высокая трудоемкость; субъективность	Наиболее перспективен для цифровых активов
Опционный (реальных опционов)	Оценка с учетом гибкости управления активом и будущих решений	Модель реальных опционов	Учитывает неопределенность и потенциал роста	Сложность расчетов; требует высокой квалификации	Перспективен для стартапов, IT-продуктов

В современных условиях наибольшую эффективность демонстрирует комбинированный подход, сочетающий элементы затратного и доходного методов оценки.

При определении стоимости цифровых активов необходимо учитывать: ожидаемые экономические выгоды, масштаб использования, пользовательскую активность, влияние актива на снижение издержек и повышение эффективности деятельности. Для ОАО «РЖД» целесообразно внедрение специализированного модуля учета нематериальных активов в рамках действующей корпоративной цифровой инфраструктуры (ERP-среды), ориентированного на централизованное сопровождение полного жизненного цикла НМА [12, 13].

Предлагаемая система должна обеспечивать комплексное сопровождение полного жизненного цикла НМА – от первоначального признания и документального оформления до оценки эффективности, модернизации и контроля обесценения. Автоматизация позволит обеспечить контроль жизненного цикла цифровых активов, повысить достоверность учетной информации, сократить риски потери данных, улучшить систему внутреннего контроля.

Таблица 4

Ключевые функции специализированной автоматизированной системы учета и контроля нематериальных активов для ОАО «РЖД»

Функциональный блок	Ключевые функции	Содержание и практическое назначение	Ожидаемый результат
Учет	Централизованный реестр НМА	Формирование единой цифровой базы всех объектов нематериальных активов с распределением по категориям, подразделениям, срокам использования и стоимости	Повышение прозрачности и системности учета
	Автоматическое присвоение инвентарных номеров	Автоматизация идентификации объектов при принятии к учету, исключение дублирования и ошибок ручного ввода	Повышение точности регистрации объектов
	Ведение цифровых карточек	Создание электронных карточек по каждому объекту с отражением стоимости, амортизации, модернизации, лицензий, СПИ и истории изменений	Полный контроль жизненного цикла НМА
Учет	Классификация по категориям	Разделение НМА на программные продукты, базы данных, лицензии, результаты НИОКР, цифровые платформы и иные категории	Повышение аналитичности структуры НМА
Контроль	Мониторинг сроков полезного использования	Автоматическое отслеживание сроков эксплуатации, пересмотра СПИ и окончания периода амортизации	Снижение риска некорректного начисления амортизации
	Контроль лицензий	Отслеживание сроков действия лицензий, прав доступа, регистрационных документов и концессионных соглашений	Минимизация правовых и финансовых рисков
	Отслеживание модернизации	Фиксация капитальных вложений, обновлений, улучшений и изменений первоначальной стоимости объекта	Корректное отражение стоимости и улучшений
	Автоматическое выявление признаков обесценения	Анализ снижения эффективности, устаревания, сокращения использования и иных факторов риска	Повышение достоверности оценки активов
Аналитика	Оценка эффективности использования	Расчет показателей фондоотдачи, рентабельности, оборачиваемости, загрузки и экономической отдачи НМА	Повышение качества управленческих решений
	KPI цифровых активов	Использование специализированных показателей по цифровым активам (загрузка, производительность, эффект цифровизации)	Более точная оценка цифрового капитала
	Связь с проектами НИОКР	Интеграция учета НМА с инновационными проектами, разработками и результатами цифровой трансформации	Повышение контроля инновационной деятельности
	Интеграция с бюджетированием	Связь с инвестиционными программами, затратами на цифровизацию и капитальными вложениями	Повышение стратегической управляемости НМА

Таким образом, внедрение специализированной автоматизированной системы учета и контроля нематериальных активов в ОАО «РЖД» позволит сформировать качественно новый уровень управления интеллектуальным и цифровым капиталом компании. Кроме того, рекомендуется совершенствование учетной политики организации в части отражения цифровых активов и разработки специализированного документооборота для операций с нематериальными ресурсами.

В условиях цифровизации экономики нематериальные активы становятся ключевым фактором формирования стоимости и конкурентоспособности организаций. Для ОАО «РЖД» цифро-

вые технологии, программные продукты и базы данных формируют основу инновационного развития и повышения эффективности деятельности. Вместе с тем существующая система бухгалтерского учета не в полной мере отражает экономическую сущность цифровых активов [3].

В целях совершенствования учета и оценки нематериальных активов предложены направления, включающие расширение классификации цифровых НМА, развитие методов оценки, автоматизацию учетных процессов и совершенствование учетной политики. Реализация предложенных мероприятий позволит повысить достоверность бухгалтерской отчетности, обеспечить более полное отражение интеллектуального потенциала организации и повысить эффективность управления цифровыми ресурсами.

1. Абдикеев Н. М., Богачев Ю. С. Интеллектуальный капитал и нематериальные активы в цифровой экономике. — Москва: Инфра-М, 2024. — 256 с.
2. Войко Д. В., Войко А. В. Нематериальные активы: вопросы учёта и управления в условиях цифровизации экономики // Вестник университета. — 2022. — № 9.
3. Железнякова Е. А., Самойлов Н. Н. Влияние ФСБУ 14/2022 «Нематериальные активы» на финансовую отчётность коммерческих организаций в контексте МСФО // Учёт. Анализ. Аудит. — 2025. — № 12(3). — С. 32–47.
4. Копылова Е. К., Копылова Т. И. ФСБУ 14/2022: новации в амортизации объектов нематериальных активов // Международный бухгалтерский учёт. — 2023. — № 26(2). — С. 149–166.
5. Крайнова И. М., Артыкова С. Н. Актуальные аспекты учёта нематериальных активов в 2024 году // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2024. — № 1(107). — С. 172–175.
6. Мельник, М. В., Суглобов А. Е. Модернизация учётно-аналитических и контрольных процессов в условиях цифровизации экономики // Проблемы экономики и юридической практики. — 2021. — № 17(2). — С. 117–126.
7. Международный стандарт финансовой отчётности (IAS) 38 «Нематериальные активы» : введён в действие на территории Российской Федерации приказом Минфина России от 28.12.2015 № 217н (в ред. от 14.12.2020) Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». — URL: (дата обращения: 20.05.2026).
8. Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учёта ФСБУ 14/2022 «Нематериальные активы»: приказ Минфина России от 30.05.2022 № 86н Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». — URL: (дата обращения: 20.05.2026).
9. Осипова И. В., Пипия Ю. С. Нематериальные активы в условиях цифровизации экономики: теория и практика. — Москва: КНОРУС, 2024. — 198 с.
10. Сулейманкадиева А. Э., Фомичева Н. М. Экономика и управление интеллектуальным капиталом / под ред. А. Э. Сулейманкадиевой. — Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2023. — 183 с.
11. Valuation: Measuring and Managing the Value of Companies / T. Koller, M. Goedhart, D. Wessels. — 8th ed. — Hoboken: Wiley, 2023. — 896 p.
12. Lev B. The End of Accounting and the Path Forward for Investors and Managers. — Updated ed. — Hoboken: Wiley, 2024. — 320 p.
13. Wyatt A. Accounting for Intangible Assets and Intellectual Capital. — London: Routledge, 2023. — 210 p.

Сведения об авторах

М.В. Ослопова, канд. экон. наук, доцент, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

И. А. Ким, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 332.02

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ МОДЕЛИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

М.А. Параев, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Статья посвящена организационно-правовому обоснованию модели опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока России. Проанализированы действующие институциональные механизмы государственной поддержки региона, выявлены проблемы правового регулирования территориального развития и разработаны предложения по их совершенствованию на основе цифровых технологий*

Ключевые слова: *опережающее развитие, Дальний Восток, территории опережающего развития, государственное управление, правовое регулирование, цифровые технологии.*

ORGANIZATIONAL AND LEGAL SUBSTANTIATION OF THE MODEL OF ADVANCED SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FAR EAST IN MODERN CONDITIONS

Abstract. *The article is devoted to the organizational and legal substantiation of the model of advanced socio-economic development of the Russian Far East. The current institutional mechanisms of state support for the region are analyzed, problems of legal regulation of territorial development are identified and proposals for their improvement based on digital technologies are developed*

Keywords: *advanced development, Far East, territories of advanced development, public administration, legal regulation, digital technologies*

Введение

Дальний Восток России занимает уникальное геополитическое и геоэкономическое положение, определяющее его стратегическую значимость для страны. Регион, занимающий более 36% территории Российской Федерации, обладает огромным природно-ресурсным потенциалом и выступает важнейшим мостом между Россией и странами Азиатско-Тихоокеанского региона [1, с. 7]. В современных условиях формирования нового миропорядка и переориентации экономических связей на Восток развитие Дальнего Востока приобретает особую актуальность. Проблема опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока находится в центре внимания государственной политики России на протяжении последних десятилетий. Реализация Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока, создание территорий опережающего развития (ТОР), свободного порта Владивосток и программы «Дальневосточный гектар» направлены на создание условий для ускоренного развития региона [2, с. 352]. Данные меры поддержки призваны компенсировать высокие издержки ведения бизнеса, связанные с транспортной удаленностью, климатическими факторами и дефицитом кадров.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного анализа эффективности действующих механизмов опережающего развития Дальнего Востока в условиях изменившейся геополитической ситуации и структурной трансформации экономики России. Санкционное давление со стороны западных стран, переориентация внешнеэкономических связей на страны Востока, развитие новых транспортных коридоров требуют корректировки подходов к управлению региональным развитием и совершенствования правовых механизмов реализации государственной политики [3, с. 64].

Целью настоящего исследования является создание организационно-правовой модели опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока России в современных условиях. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать теоретико-методологические основы исследования; изучить особенности социально-экономического развития Дальнего Востока; провести анализ экономических показателей региона, состояния социальной сферы и инфраструктуры; выполнить SWOT-анализ региона; разработать предложения по совершенствованию системы государственного и муниципального управления.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе реализации государственной политики опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока. Предметом исследования являются организационно-правовые механизмы реализации модели опережающего развития, включая нормативно-правовое регулирование, институциональные механизмы и цифровые технологии управления.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания: системный анализ, сравнительно-правовой метод, статистический анализ, прогнозирование. Применены также специальные методы: правового моделирования для разработки предложений

по совершенствованию нормативной базы; SWOT-анализ для комплексной оценки положения региона; анализ больших данных (Big Data) для обоснования перспективных направлений развития системы управления [4, с. 16].

Научная новизна исследования заключается в создании комплексной организационно-правовой модели опережающего развития Дальнего Востока, интегрирующей механизмы государственно-частного партнерства, цифровые технологии управления и инструменты стратегического планирования на основе Big Data. Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных результатов при корректировке Национальной программы развития Дальнего Востока и совершенствовании нормативной базы, регулирующей территориальное развитие.

1. Теоретико-методологические основы исследования опережающего развития Дальнего Востока

Проблематика социально-экономического развития Дальнего Востока России привлекает пристальное внимание ученых-экономистов, политологов и правоведов. В фундаментальных исследованиях П.А. Минакира, А.Г. Исаева, О.М. Прокапало, С.П. Земцова, Н.В. Зубаревич анализируются макроэкономические тенденции развития дальневосточных регионов, проблемы инвестиционной привлекательности и демографические вызовы [1, с. 7; 2, с. 352; 3, с. 64]. Данные авторы формируют теоретическую базу для понимания специфики развития территорий с высокими транспортными издержками и ограниченным трудовым потенциалом.

Теоретические основы территориального развития изложены в работах отечественных и зарубежных авторов. Концепция «ловушки роста», разработанная П.А. Минакиром, позволяет объяснить противоречивость результатов реализации государственных программ развития Дальнего Востока: несмотря на значительные финансовые вложения, эффект от них оказывается ниже ожидаемого из-за структурных диспропорций и институциональных ограничений [1, с. 10]. Данная концепция особенно актуальна в условиях необходимости корректировки подходов к государственной поддержке регионов с учетом изменившихся внешнеэкономических условий. Вопросы правового регулирования территориального развития исследуются в работах М.Е. Кривелевич, М.В. Карташова, А.В. Капустина. Авторы анализируют правовые механизмы функционирования территорий опережающего развития, свободного порта Владивосток, особенности налоговых преференций и административных процедур [4, с. 16; 5, с. 312]. Исследования в данной области позволяют выявить правовые пробелы и противоречия, снижающие эффективность институциональных механизмов поддержки регионального развития.

Методология стратегического планирования регионального развития на основе анализа больших данных (Big Data) рассматривается в трудах В.В. Еремина, С.Н. Сильвестрова, Н.Н. Михеевой. Применение цифровых технологий в управлении региональным развитием становится ключевым фактором повышения эффективности государственного управления [6, с. 162; 7, с. 58]. Цифровизация позволяет преодолеть информационные барьеры, характерные для удаленных территорий, и обеспечить принятие управленческих решений на основе актуальных данных.

Практическая значимость исследования обусловлена необходимостью корректировки организационно-правовых механизмов развития Дальнего Востока в условиях изменения геополитической ситуации и переориентации экономических связей России на страны Востока. Анализ опыта реализации Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока позволяет выявить узкие места и разработать предложения по совершенствованию модели опережающего развития. Накопленный опыт функционирования ТОР и свободного порта Владивосток дает возможность оценить эффективность различных механизмов государственной поддержки.

Изучение теоретических подходов к региональному развитию позволяет выделить несколько ключевых концепций, применимых к анализу ситуации на Дальнем Востоке. Теория центра-периферии объясняет отношения между центральными и периферийными регионами в контексте распределения ресурсов и экономической активности. Концепция поляризованного развития Э. Хиршмана и Ф. Перу предполагает концентрацию инвестиций в точках роста с последующим распространением эффекта на окружающие территории. Теория нового экономического географического положения П. Кругмана акцентирует внимание на роли агломерационных эффектов и транспортных издержек в формировании пространственной структуры экономики.

2. Анализ институциональных механизмов и экономических показателей развития региона

Дальневосточный федеральный округ (ДФО) объединяет 11 субъектов Российской Федерации. Территория округа составляет 6,2 млн кв. км (36% территории России), численность населения по состоянию на 2024 год составляет около 8 млн человек [8, с. 12]. Крайне низкая плотность населения (1,3 чел. на кв. км) создает специфические условия для развития инфраструктуры и оказания социальных услуг.

Стратегическое значение Дальнего Востока для России определяется следующими факторами. Во-первых, регион обладает уникальным природно-ресурсным потенциалом: здесь сосредоточено 97% алмазных запасов страны, 85% рыбных ресурсов, 74% природного газа, 72% меди, 56% золота [9]. Во-вторых, Дальний Восток выступает важнейшим геополитическим форпостом России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В-третьих, регион имеет огромный транспортно-логистический потенциал, включая Северный морской путь и выходы к Тихому океану.

Основные демографические проблемы Дальнего Востока хорошо известны: снижение численности населения, отток трудоспособного населения, старение населения, нехватка квалифицированных кадров. По данным Росстата, с 2009 года численность населения ДФО сократилась на 543 тыс. человек [10]. Однако в последние годы наблюдаются позитивные тенденции: по итогам 2024 года миграционный прирост населения составил 24 тыс. человек, что стало максимальным показателем за весь постсоветский период. Положительный миграционный прирост отмечен в 9 из 11 регионов ДФО [11].

Экономическое развитие Дальнего Востока характеризуется опережающими по сравнению со среднероссийскими темпами роста ключевых показателей (таблица 1). В 2025 году ДФО лидирует среди округов по темпам роста инвестиций в основной капитал (+88% к 2024 году), занимает второе место по вводу жилья (+64%) и росту реальных среднедушевых доходов населения (+22%) [12]. Вместе с тем, как отмечают эксперты, успехи в экономике не удалось полностью трансформировать в соответствующее улучшение социальных показателей.

Институциональная модель развития Дальнего Востока включает комплекс специальных мер государственной поддержки. Территории опережающего развития создаются на основании Федерального закона от 29.12.2014 N 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации». По состоянию на конец 2024 года на Дальнем Востоке функционирует 16 ТОР, зарегистрировано более 1200 резидентов, создано более 140 тыс. рабочих мест, привлечено более 441 млрд рублей инвестиций [13].

Свободный порт Владивосток, созданный в 2015 году на основании Федерального закона от 13.07.2015 N 212-ФЗ, предоставляет резидентам значительные налоговые преференции: 0% налога на прибыль в первые 5 лет, 0% налога на землю и имущество в первые 5 лет, страховые взносы 7,6% вместо 30,2% в течение 10 лет. Режим свободного порта распространяется на территории 22 муниципальных образований [14].

SWOT-анализ позволяет систематизировать сильные и слабые стороны Дальнего Востока, а также выявить внешние возможности и угрозы развития региона. Сильные стороны включают геостратегическое положение, огромный природно-ресурсный потенциал, развитую портовую инфраструктуру и действующие институциональные механизмы поддержки. Слабые стороны характеризуются низкой плотностью населения, высокой стоимостью жизни, недостаточным уровнем развития социальной инфраструктуры и значительными транспортными издержками.

Таблица 1

Основные экономические показатели регионов Дальнего Востока (2024–2025 гг.)

Регион	ВРП, млрд руб.	Инвестиции, млрд руб.	Рост ВРП, %
Приморский край	2,3	400+	102,0
Хабаровский край	1,4	180+	103,2
Республика Саха (Якутия)	2,0	795	104,0
Сахалинская область	1,8	150	103,5
Камчатский край	0,5	45	104,8

Источник: составлено автором на основе данных Росстата и региональных правительств.

Возможности для развития связаны с переориентацией экономических связей России на страны Азии, развитием Северного морского пути как глобального транспортного коридора, ростом спроса со стороны Китая и других азиатских стран на энергоресурсы и сырье, а также цифровизацией экономики [15, с. 54]. Угрозы развития региона включают геополитические риски и санкционное давление, зависимость от конъюнктуры мировых цен на сырьевые товары, конкуренцию со стороны портовых инфраструктур других стран АТР и экологические риски.

3. Предложения по совершенствованию организационно-правовой модели опережающего развития

Современное управление региональным развитием требует перехода к data-driven подходу, основанному на анализе больших данных (Big Data) и применении технологий искусственного интеллекта. Внедрение таких технологий позволяет повысить точность прогнозов, оптимизировать распределение ресурсов и повысить эффективность принимаемых решений. Для Дальнего Востока, характеризующегося значительной территориальной протяженностью и разнообразием социально-экономических условий, применение Big Data особенно актуально.

Первым ключевым направлением является создание единой цифровой платформы мониторинга социально-экономического развития Дальнего Востока. Платформа должна интегрировать данные из различных источников: Росстата, ФНС России, Пенсионного фонда, Росреестра, таможенных органов, систем здравоохранения и образования. Применение технологий Big Data позволит выявлять скрытые закономерности и корреляции между различными показателями развития территорий [6, с. 168].

Второе направление – разработка системы предиктивной аналитики для прогнозирования миграционных процессов, демографических изменений и потребностей рынка труда. Машинное обучение на основе исторических данных позволит строить точные прогнозы численности населения регионов, потребности в кадрах по отраслям экономики, оценивать эффективность мер поддержки населения.

Третье направление – создание цифровых двойников ключевых инфраструктурных объектов и городских агломераций. Технология цифрового двойника позволяет моделировать различные сценарии развития, оценивать последствия принимаемых решений до их реализации, оптимизировать управление инфраструктурой. Мастер-планы Хабаровской агломерации и Комсомольска-на-Амуре могут стать пилотными проектами по внедрению данной технологии [16].

Формирование эффективной модели опережающего развития Дальнего Востока невозможно без создания цифровых платформ, обеспечивающих взаимодействие всех заинтересованных сторон. Цифровые платформы позволяют снизить транзакционные издержки, повысить прозрачность процессов и обеспечить вовлеченность населения в управление региональным развитием.

Первый компонент – единая цифровая платформа для инвесторов и резидентов ТОР и свободного порта Владивосток. Платформа должна обеспечивать подачу заявок на получение статуса резидента в электронном виде, отслеживание статуса заявки, получение разрешительной документации, доступ к информации о доступных инвестиционных площадках. Внедрение данной платформы позволит существенно сократить сроки и административные барьеры для начала инвестиционной деятельности.

Второй компонент – платформа для реализации программы «Дальневосточный гектар». Развитие существующей системы должно включать интеграцию с кадастровой картой для визуального выбора участков, онлайн-оформление документов, цифровое сопровождение проектов, маркетплейс для продажи продукции и систему грантовой поддержки с автоматизированным отбором проектов.

Совершенствование правового регулирования территориального развития Дальнего Востока является необходимым условием повышения эффективности государственной политики. Анализ действующего законодательства позволяет выявить ряд проблем, снижающих эффективность институциональных механизмов поддержки. К числу таких проблем относятся неопределенность правового статуса резидентов ТОР, сложности с получением земельных участков, недостаточная развитость механизмов государственно-частного партнерства [4, с. 25].

Первым направлением совершенствования правового регулирования является уточнение правового статуса резидентов территорий опережающего развития. Необходимо четко определить критерии отбора резидентов, процедуры получения статуса, права и обязанности резидентов, ус-

ловия прекращения статуса. Упрощение административных процедур позволит сократить сроки получения статуса резидента и повысить привлекательность ТОР для инвесторов.

Второе направление – развитие механизмов государственно-частного партнерства на Дальнем Востоке. Применение ГЧП позволяет привлекать частные инвестиции для развития инфраструктуры и социальной сферы. Необходимо разработать специальные правовые механизмы ГЧП, учитывающие специфику Дальнего Востока: высокие транспортные издержки, сезонность строительных работ, дефицит квалифицированных кадров. Создание гарантийных фондов и механизмов разделения рисков повысит привлекательность ГЧП-проектов для частных инвесторов [5, с. 320].

Третье направление – совершенствование земельного законодательства в части, касающейся развития Дальнего Востока. Программа «Дальневосточный гектар» требует дополнительных правовых механизмов обеспечения инфраструктурой полученных участков. Необходимо разработать процедуры комплексного освоения территорий, включая строительство дорог, линий электропередач, объектов социальной инфраструктуры. Особое внимание следует уделить защите прав коренных малочисленных народов Севера.

Правовое обеспечение цифровой трансформации управления региональным развитием требует совершенствования нормативной базы в области защиты данных, электронного документооборота, межведомственного взаимодействия. Необходимо разработать специальные правовые механизмы, стимулирующие цифровизацию экономики и общества на Дальнем Востоке. Важным аспектом является обеспечение баланса между доступностью данных для аналитических целей и защитой персональной информации граждан.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы и предложения.

Во-первых, модель опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока России, реализуемая в настоящее время, демонстрирует положительные результаты: опережающие среднероссийские темпы роста инвестиций и промышленного производства, улучшение миграционной ситуации, рост реальных доходов населения. Вместе с тем, экономические успехи не в полной мере трансформируются в улучшение социальных показателей, что требует корректировки приоритетов государственной политики.

Во-вторых, SWOT-анализ выявил значительный потенциал развития региона, обусловленный его геостратегическим положением и природно-ресурсным потенциалом. При этом сохраняются серьезные вызовы, связанные с демографической ситуацией, развитием социальной инфраструктуры и транспортной доступностью территорий.

В-третьих, для повышения эффективности управления региональным развитием необходим переход к data-driven подходу на основе технологий Big Data и искусственного интеллекта. Создание единой цифровой платформы мониторинга, системы предиктивной аналитики, цифровых двойников территорий позволит оптимизировать принятие управленческих решений.

В-четвертых, развитие цифровых платформ для взаимодействия государства, бизнеса и гражданского общества является ключевым условием повышения инвестиционной привлекательности региона. Цифровые платформы позволят снизить административные барьеры и повысить эффективность государственной поддержки.

В-пятых, правовое обеспечение цифровой трансформации управления региональным развитием требует совершенствования нормативной базы в области защиты данных, электронного документооборота, межведомственного взаимодействия. Необходимо разработать специальные правовые механизмы, стимулирующие цифровизацию экономики и общества на Дальнем Востоке.

Таким образом, организационно-правовая модель опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока России в современных условиях должна базироваться на интеграции традиционных инструментов государственной поддержки с современными цифровыми технологиями управления. Такой подход позволит обеспечить устойчивое развитие региона и повысить качество жизни его населения.

1. Минакир П.А. Экономическое развитие в «ловушке» роста: случай Дальнего Востока // Пространственная экономика. – 2021. – Т. 17, № 4. – С. 7–15.

2. Развитие больших социально-экономических систем: Дальневосточный макрорегион / под ред. П.А. Минакира, А.Г. Исаева. – Хабаровск: Институт экономических исследований ДВО РАН, 2023. – 352 с.
3. Прокапало О.М. Макроэкономические тенденции развития Дальнего Востока России в первой половине 2025 г. // Регионалистика. – 2025. – Т. 12, № 4. –С. 64–78.
4. Кривелевич М.Е. Административно-налоговые режимы на Дальнем Востоке: взаимодействие инвесторов и государства // Пространственная экономика. – 2021. – Т. 17, № 2. – С. 16–33.
5. Sinenko O.A. Modeling the Policy of Tax Incentives for Sustainable Development of the Region: The Case of the Far Eastern Federal District of Russia // Journal of Tax Reform. – 2024. – Vol. 10, Is. 2. – P. 312–333.
6. Еремин В.В., Сильвестров С.Н. Методология оценки прямого и косвенного влияния санкций на ресурсный потенциал национальной и региональных экономик // Проблемы прогнозирования. – 2025. – № 1 (208). – С. 162–174.
7. Михеева Н.Н. Дальний Восток как модель геостратегического региона в стратегии пространственного развития // Проблемы прогнозирования. – 2025. – № 4 (211). – С. 58–69.
8. Социально-экономическое положение федеральных округов: Дальневосточный федеральный округ. – Москва: Росстат, 2024. – 85 с.
9. Стратегия развития Дальнего Востока: текущий статус и новые ориентиры // Восток Госплан. – 2025. – URL: https://vostokgosplan.ru/strategija-razvitija-dalnego-vostoka (дата обращения: 20.01.2026).
10. Зубаревич Н.В. Влияние санкций на развитие регионов России в 2022–2024 годах // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2025. – № 1 (66). – С. 274–281.
11. Миграция населения на Дальнем Востоке России: тенденции 2024–2025 гг. // CyberLeninka. – 2025. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/migratsiya-naseleniya-na-dalnem-vostoke-rossii (дата обращения: 20.01.2026).
12. Подведены итоги социального развития Дальнего Востока в 2025 году // Совет по развитию Дальнего Востока. – 2025. – URL: https://www.eawf.ru/news (дата обращения: 20.01.2026).
13. Территория опережающего развития // Минэкономразвития России. – 2025. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/tor (дата обращения: 15.03.2026).
14. Свободный порт Владивосток // Инвестиционный портал Корсаковского муниципального округа. – 2025. – URL: https://invest-korsakov.ru (дата обращения: 20.01.2026).
15. Земцов С.П., Волошинская А.А. Устойчивость к шокам экономик регионов России в условиях санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2024. – № 3 (64). – С. 54–83.
16. Мастер-планы Хабаровской агломерации и Комсомольска-на-Амуре // Правительство Хабаровского края. – 2024. – URL: https://www.khabkrai.ru (дата обращения: 20.01.2026).

Сведения об авторе
М.А. Параев, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 159.9

ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЕ СТРЕССОВЫЕ РАССТРОЙСТВА У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Д.И. Пархоменко, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Даётся исторический обзор формирования знаний о посттравматическом стрессовом расстройстве (ПТСР) начиная с древней эпохи и заканчивая сегодняшним днём. Освещаются ключевые этапы эволюции термина, особенности клиники, предрасполагающие факторы и научное наследие российских специалистов. Обосновывается значимость данного вопроса для представителей профессий, сопряжённых с риском.*

Ключевые слова: *посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), стресс в боевых условиях, психологическая травма, историография психиатрии, военно-психиатрическая наука, психогении.*

POSTTRAUMATIC STRESS DISORDER: RETROSPECTIVE ANALYSIS AND CURRENT STATE OF THE PROBLEM

Abstract. *The paper provides a historical review of the formation of knowledge about post-traumatic stress disorder (PTSD) from ancient times to the present day. The key stages of the evolution of the term, clinical features, predisposing factors and the scientific heritage of Russian specialists are highlighted. The significance of this issue for representatives of high-risk professions is substantiated.*

Keywords: *post-traumatic stress disorder (PTSD), combat stress, psychological trauma, historiography of psychiatry, military psychiatric science, psychogenias.*

Актуальность. Вопрос о сохранении профессионального психического благополучия у лиц, работающих в опасных условиях, в настоящее время входит в число наиболее значимых для отечественной медицины труда. Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) формируется под влиянием однократной либо многократно повторяющейся психотравмирующей ситуации – к ним относят участие в вооружённых конфликтах, тяжёлые физические повреждения, сексуальное насилие или переживание угрозы смерти [1]. В соответствии с МКБ-10 ПТСР входит в категорию «реакция на тяжёлый стресс и нарушения адаптации» (код F43.1). Ключевой особенностью этих нарушений является их явная экзогенная природа и прямая связь с внешним стрессором: без его воздействия психические расстройства не возникают [2]. Изучение того, как с течением времени менялись взгляды на ПТСР, помогает глубже понять современные принципы диагностики, терапии и восстановительных мероприятий для пострадавших.

Научная новизна. В настоящей работе впервые в рамках одной публикации сведены воедино основные исторические вехи исследования ПТСР – от самых ранних упоминаний в античную эпоху до современных классификационных решений, причём особое внимание уделено роли отечественных исследователей (В.М. Бехтерева, П.Б. Ганнушкина, В.А. Гиляровского, Е.К. Краснушкина и др.). Продемонстрирована трансформация представлений от «военного невроза» и «синдрома Да Косты» к признанию ПТСР самостоятельной нозологической единицей в DSM-III.

Цель и задачи. Целью работы является анализ эволюции научных взглядов на посттравматическое стрессовое расстройство начиная с глубочайшей древности и по сегодняшний день. Для её достижения необходимо: 1) описать основные исторические этапы исследования психотравмирующего стресса; 2) охарактеризовать клиническую картину и факторы, повышающие риск развития ПТСР; 3) выделить вклад отечественных психиатров в разработку учения о психической травме; 4) очертить современное состояние проблемы.

Методы исследования. Выполнен историко-аналитический обзор научной литературы, посвящённой проблеме ПТСР. Применялись методы контент-анализа, систематизации и обобщения данных, полученных из российских и зарубежных источников, в том числе из классических трудов XIX–XX веков, а также из современных руководств и классификаторов (МКБ-10, DSM-III).

Полученные результаты. О том, что психотравмирующий стресс известен человечеству с давних пор, свидетельствуют источники древности. Так, древнегреческий историк Геродот сообщает об афинском воине Эпизелосе, который лишился зрения после Марафонской битвы (490 г. до н.э.) вследствие перенесённых душевных волнений [3]. Французский врач-психиатр Ф. Пинель в начале XIX столетия описал состояния после психической травмы у людей, переживших Французскую революцию и Наполеоновские войны, введя в оборот термин «синдром ветра от пушечного ядра» (фр. «vent de boulet») [4]. В 1871 г. американский медик Я. Мендес Да Коста, обобщая опыт Гражданской войны в США (1861–1865), охарактеризовал «синдром солдатского сердца» (впоследствии – синдром Да Косты), проявляющийся головокружением, учащённым сердцебиением, повышенной потливостью, тошнотой и страхом смерти [5].

События Первой мировой войны (1914–1915 гг.) предоставили клиницистам обширный материал как по силе стрессового воздействия, так и по его длительности и массовости вовлечённых лиц. Э. Крепелин, немецкий психиатр, выделил травматический невроз в отдельную нозологическую форму, отведя психогенному фактору ведущую роль в его формировании [6]. В 1941 году американский антрополог и психоаналитик А. Кардинер в своей книге «Травматические неврозы войны» дал развёрнутую характеристику симптоматики данного заболевания [7]. В 1957 году Р. Леопольд и Н. Диллон предложили описание «посттравматического синдрома выживших» – психического расстройства, наблюдаемого у пострадавших в экстремальных обстоятельствах (например, при кораблекрушениях); авторы ввели термин «посттравматическая психологическая болезнь», который впоследствии трансформировался в ПТСР [8].

Существенную роль в признании ПТСР сыграло изучение психических последствий у участников локальных войн второй половины XX века. Анализ состояния ветеранов войн в Корее (1950–1953) и Вьетнаме (1965–1973) обусловил резкое увеличение клинического материала, что нашло отражение в американских классификациях DSM-I (1952–1968) и DSM-II (1968–1980) – в рубрику невротических расстройств были включены группы «больших стрессовых реакций» и «преходящих ситуационных нарушений» [9]. В 1980 году в классификаторе DSM-III появилась самостоятельная нозологическая единица «посттравматическое стрессовое расстройство», критерии которой были разработаны М. Хоровицем [10].

В России явление военного невроза фиксировалось как минимум со времени русско-японской войны (1904–1905), когда через харбинский госпиталь прошло свыше 3000 солдат, не имевших физических ранений, но обнаруживавших отчётливые психические отклонения. В.М. Бехтерев, стоявший у истоков отечественной военной психоневрологии, на основании опыта этой войны сформулировал основные принципы оказания психоневрологической помощи в боевых условиях [11]. В 1914 году Н.Н. Баженов описал «аффекты ужаса» у жертв землетрясения в Мессине (1908 год, Италия), которые включали шоковые реакции – оглушение, безразличие к собственной жизни и жизни близких и т.д. [12]. И.П. Павлов отмечал, что длинный ряд жизненных неудач (потеря близких, несчастная любовь, разорение, крушение убеждений) и вообще тяжёлые жизненные условия (неудачный брак, бедность, уязвлённое самолюбие) вызывают у ослабленного человека сильнейшие реакции с разнообразными ненормальными, так называемыми соматическими симптомами [13].

П.Б. Ганнушкин (1933), описывая одну из разновидностей «нажитой психической инвалидности» у лиц, переживших Гражданскую войну, выделил три группы симптомов: к первой он относил повышенную возбудимость и раздражительность; ко второй (более распространённой) – приступы депрессии (либо длительные и острые, либо более короткие, но интенсивные); третья группа, как наиболее частое осложнение клинической картины, проявлялась в виде разнообразных психогенных истерических расстройств. Заболевание развивалось в течение 2–4 лет и приводило к «стойкому, неизлечимому ослаблению интеллектуальной деятельности» [14].

В конце 1940-х годов В.А. Гиляровский выдвинул понятие «тимогении» – состояний, обусловленных воздействием на эмоциональную сферу. По мнению учёного, психическая травма способна влиять на весь организм, включая биохимические и вегетативные процессы, а внешний раздражитель может запустить перестройку всех систем и изменить реакции на внешние стимулы. Психотравмирующее переживание, внешне никак не проявляясь, длительное время сохраняет патогенное действие, которое впоследствии даёт о себе знать в определённых реакциях. Гиляровский также разработал представление о «соматопсихиатрии» (в отличие от психосоматики), подчёркивая чувствительность нервной системы к любым изменениям внутренней среды [15]. Е.К. Краснушкин в 1948 г. писал, что в военное время психическое воздействие на личность приобретает необычайную остроту, психогенный фактор становится ведущим в большой группе заболеваний, а психотравмы ведут к органическим изменениям в организме [16].

Согласно определению Н.В. Тарабриной (2001), ПТСР представляет собой отсроченную реакцию на травматический стресс (природные и техногенные катастрофы, боевые действия, пытки, изнасилования), которая способна вызвать психические нарушения практически у любого человека [17]. Основными стрессогенными элементами боевой обстановки выступают информационная неопределённость, угроза жизни, эмоциональное перенапряжение, разрушение привычного психофизиологического стереотипа, переоценка личностных ценностей и моральная оценка происходящих событий [18]. Среди характерологических черт, предрасполагающих к развитию ПТСР, отмечают эмоциональную неустойчивость, высокий уровень тревожности и личностную незрелость. Существует также корреляция между конфликтными отношениями с родителями (на третьем году жизни) и последующими нарушениями адаптации. Особо подчёркивается роль матери в формировании устойчивости к стрессу (концепция «достаточно хорошей матери» Д. Винникотта): тёплая эмоциональная поддержка и гибкая адаптация к правильно распознаваемым потребностям ребёнка создают наилучшую основу для выработки адаптивных психологических защит. В ряде случаев обращают внимание на вторичную выгоду от болезни (финансовая компенсация, состояние «особой значимости»), которая может способствовать фиксации симптоматики [19].

В клинической практике различают острые ПТСР (симптомы возникают в течение полугода после травмы и продолжаются не более 6 месяцев), хронические ПТСР (продолжительность симптомов превышает 6 месяцев) и отсроченные ПТСР (симптоматика появляется после

латентного периода – месяцы, годы). Для ветеранов войн типично развитие хронической формы ПТСР. Наиболее распространённый вариант повторного переживания травмы – повторяющиеся ночные кошмары, которые в первые 2–4 года после войны беспокоили всех без исключения ветеранов. Для снов характерны чувство беспомощности, одиночество в потенциально фатальной ситуации, преследование врагами с выстрелами и попытками убить, отсутствие оружия для защиты. Особенно тяжёлыми ночные кошмары бывают у пациентов с последствиями контузии головного мозга. По данным бесед с родственниками ветеранов, нередко во время таких сновидений они совершают движения различной интенсивности [20].

Социально-психологическая характеристика пациентов с ПТСР показывает, что в реальных условиях 100% обследованных сталкиваются с проблемами во взаимоотношениях с окружающими, прежде всего в семье. До 90% из них разведены или находятся на грани развода, что значительно превышает аналогичные показатели в контрольных группах. Большинство вернувшихся к мирной жизни участников боевых действий не желают возвращаться на работу по ранее полученной специальности, предпочитая трудиться вне коллектива («без начальников и подчинённых»). У 80% выражены рентные установки – стремление оформить группу инвалидности, получить льготы и т.п., что подкрепляется активностью в защите групповых интересов воинов-интернационалистов. При этом отсутствует стремление занимать активную жизненную и социальную позицию. В эмоциональной сфере у 100% обследованных отмечаются периодические вспышки немотивированной ярости и дисфории, у 62% снижено чувство самосохранения, отсутствует психологический барьер перед опасностью. Около 77% периодически обращались к нетрадиционным целителям (знахарям, «бабкам»). Практически все респонденты выражают потребность в психотерапевтической помощи [21].

У ветеранов вьетнамской войны описаны реакции «застывшей вины», проявляющиеся в эмоциональной холодности, раздражительности, подозрительности, враждебности и нарастающей аутизации, а также так называемый «поствьетнамский синдром» – сочетание апатии, депрессии, тревоги с навязчивыми воспоминаниями, ночными кошмарами, неконтролируемой враждебностью, чувством «предательства страной», усилением самоизоляции и социального отчуждения, неспособностью адаптироваться к обыденным условиям мирной жизни [22].

Данные, полученные с помощью опросника Спилбергера–Ханина, свидетельствуют о статистически значимо высоком уровне личностной тревожности у обеих групп ветеранов (как с изолированным ПТСР, так и с ПТСР в сочетании с черепно-мозговой травмой) по сравнению с контролем. Это означает, что большинство ситуаций, в которых оказываются ветераны с ПТСР, могут восприниматься ими как угрожающие их престижу или самооценке. Высокая эмоциональная чувствительность сочетается с повышенной ранимостью, обидчивостью; конфликтные ситуации либо избегаются, либо провоцируют чувство вины. Анализ характерологических особенностей эмоционально-волевой сферы (тест Люшера) у участников боевых действий показал, что выраженность стрессового состояния достоверно выше у ветеранов с ПТСР и черепно-мозговой травмой, чем у лиц из контрольной группы. Это указывает на нестабильность эмоционального фона и неготовность к активной деятельности. Достоверное снижение вегетативного коэффициента у ветеранов с ПТСР свидетельствует об общем истощении психических функций. Оценка семисекундного временного интервала у ветеранов с ПТСР оказалась достоверно ниже, чем у ветеранов с черепно-мозговой травмой без ПТСР, что говорит о повышенной невротизации и большей нервно-психической дезадаптации в первой группе [23].

Выводы. Проведённый ретроспективный анализ показывает, что представления о последствиях психотравмирующего стресса эволюционировали от фрагментарных упоминаний отдельных проявлений («солдатское сердце», «синдром ветра от пушечного ядра») до признания ПТСР самостоятельной нозологической формой в международных классификациях. Значительный вклад в развитие учения о психической травме внесли отечественные учёные – В.М. Бехтерев, П.Б. Ганнушкин, В.А. Гиляровский, Е.К. Краснушкин и другие. ПТСР остаётся острой проблемой медицины труда и социальной психиатрии, особенно в отношении участников боевых действий и специалистов опасных профессий. Необходимо дальнейшее совершенствование методов раннего выявления, психотерапевтической помощи и медико-социальной реабилитации пациентов с ПТСР с учётом исторически накопленного опыта.

1. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – 268 с.

2. Международная классификация болезней (10-й пересмотр). Класс V: Психические расстройства и расстройства поведения. – Женева: ВОЗ, 1994.

3. Геродот. История. – Москва: Ладомир, 2001. – Кн. VI. – С. 118.
4. Pinel Ph. Nosographie philosophique. – Paris, 1818. – Vol. 2. – P. 78–82.
5. Da Costa J.M. On irritable heart: a clinical study of a form of functional cardiac disorder and its consequences // American Journal of the Medical Sciences. – 1871. – Vol. 121. – P. 2–52.
6. Крепелин Э. Введение в психиатрическую клинику. – Москва: Медгиз, 1923. – 280 с.
7. Kardiner A. The traumatic neuroses of war. – New York: Hoeber, 1941. – 258 p.
8. Leopold R.L., Dillon N. Psychogenic pain and the survivor syndrome // Journal of the American Medical Association. – 1957. – Vol. 165, No. 12. – P. 1534–1539.
9. American Psychiatric Association. Diagnostic and statistical manual of mental disorders. – 1st ed. – Washington, DC: APA, 1952.
10. Horowitz M.J. Stress response syndromes. – New York: Jason Aronson, 1976. – 366 p.
11. Бехтерев В.М. Избранные труды по социальной психологии. – Москва: Наука, 1994. – 400 с.
12. Баженов Н.Н. Психиатрические беседы. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1914. – 186 с.
13. Павлов И.П. Полное собрание трудов. – Москва: АН СССР, 1951. – Т. 3. – С. 274.
14. Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий: их статика, динамика, систематика. – Москва: Медгиз, 1933. – 144 с.
15. Гиляровский В.А. Старые и новые проблемы психиатрии. – Москва: Медгиз, 1946. – 210 с.
16. Краснушкин Е.К. Психогении военного времени // Невропатология и психиатрия. – 1948. – Т. 17, № 3. – С. 3–10.
17. Тарабрина Н.В. Посттравматическое стрессовое расстройство: теория и практика. – М.: ИП РАН, 2001. – 280 с.
18. Чиж И.М., Жиляев Е.Г. Психофизиологические аспекты боевого стресса // Военно-медицинский журнал. – 1998. – № 5. – С. 52–55.
19. Winnicott D.W. The theory of the parent-infant relationship // International Journal of Psychoanalysis. – 1960. – Vol. 41. – P. 585–595.
20. Ковалев В.В. Психиатрия детского возраста. – Москва: Медицина, 1979. – 608 с.
21. Проблемы посттравматических стрессовых расстройств у ветеранов локальных войн / под ред. В.Н. Краснова. – Киев: УВМА, 2002. – 156 с.
22. Figley C.R. Stress disorders among Vietnam veterans. – New York: Brunner/Mazel, 1978. – 326 p.
23. Ханин Ю.Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера. – Ленинград: ЛНИИТЭК, 1976. – 18 с.

Сведения об авторе
Д.И. Пархоменко, магистрант, ФБГОУ ВО Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 656.11

ЗАГРЯЗНЕНИЕ ВОЗДУХА АВТОМОБИЛЬНЫМ ТРАНСПОРТОМ В ГОРОДЕ ВЛАДИВОСТОКЕ

Ю.М. Перминова, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Для города Владивостока актуальной является проблема загрязнения воздуха автомобильным транспортом. Особенно остро загрязнения происходит в утренние и вечерние часы («час пик») из-за создания заторов на улично-дорожной сети Владивостокского городского округа. Пути решения по снижению загрязнения воздуха с помощью рассматриваемых в данной статье методов, приводящих к снижению количества автотранспорта на дорогах*

Ключевые слова: *автомобильный транспорт, загрязнение воздуха, снижения уровня загрязнения.*

AIR POLLUTION CAUSED BY ROAD TRAFFIC IN VLADIVOSTOK

Abstract. *For the city of Vladivostok, the problem of air pollution by road transport is relevant. Especially acute pollution occurs in the morning and evening hours ("rush hour") due to the creation of congestion on the street and road network of the Vladivostok urban district. Solutions to reduce air pollution using the methods considered in this article, leading to a decrease in the number of road transport on the roads.*

Keywords: *road transport, air pollution, reducing the level of pollution.*

Приморский край, обладающий уникальным природным и культурным наследием, является особой территорией, где вопросы экологического воспитания играют стратегическое значение. Регион сталкивается с серьёзными экологическими проблемами — загрязнением окружающей среды, сокращением природных ресурсов, нарушением экосистем, что усиливает актуальность исследуемой темы.

Владивосток рассматривается Стратегией пространственного развития РФ как перспективный центр экономического роста Российской Федерации – город, образующий крупную городскую агломерацию, способную обеспечить значительный вклад в экономический рост страны. Также, город рассматривается как центр экономического роста, где сложились условия для формирования научно – образовательных центров мирового уровня, необходимых для развития экономики знаний и обеспечение экономического роста.

Автомобильный транспорт имеет роль в социальном и экономическом развитии города Владивосток, являясь главным источником загрязнения окружающей среды (увеличение площади города; точечные застройки домов и увеличение количества жителей в микрорайонах, с дорогами, не предназначенными для такого количества жителей; пробки на автомобильных улицах; рост автопарка; длительное время работа сигнала светофора и другое).

Уровень оснащенности населения автомобилями принимается как уровень автомобилизации и рассчитывается из показателя среднего количества индивидуальных легковых автомобилей, приходящихся на 1000 жителей (человек).

Владивосток является одним из самых автомобилизированных городов в стране, что обеспечивает высокую нагрузку на улично-дорожную сеть города и негативно сказывается на дорожно-транспортной обстановке в целом. Программа комплексного развития транспортной инфраструктуры Владивостокского городского округа (ВГО) на период до 2036 года утверждена Постановлением администрации города Владивостока № 1889 от 19.05.2021.

Таблица 1

Число собственных легковых автомобилей в Приморском крае (на 1000 человек населения) [1, 2, 3]

Год	2000	2005	2010	2015	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Число легковых автомобилей на 1000 человек	205,4	198,6	304,2	390,9	447,3	461,2	477,7	491,9	505,6	525,9

Как видно из таблицы 1, число автомобилей в Приморском крае возрастает с каждым годом. Так, за 24 года, в период с 2000 по 2024 год число автомобилей на 1 человека населения увеличилось на 320,5 автомобилей.

Низкая популярность общественного транспорта оказывает влияние на социально-экономическое развитие городского округа. Жители, резиденты и гости города Владивостока тратят время в пробках, места для парковки личного транспорта в дефиците, экологическая обстановка усугубляется. В целях контроля за уровнем автомобилизации необходимы меры, позволяющие грамотно управлять транспортной системой города, в том числе повышать уровень обслуживания населения общественным транспортом.

Процесс формирования эффективной транспортной системы в крупном городе изначально возможен при условии существования в нем эффективной системы управления городским хозяйством. Достижение качества функционирования транспортной системы города предлагает наличие эффективной системы управления его дорожно – транспортным комплексом. Однако эффективное функционирование транспортной системы, предполагает наличие качественной системы управления различными сферами жизни современного города [4].

Объекты влияния, управление которыми согласно Федеральному закону от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее Закон 131-ФЗ) относится к вопросам местного значения городского округа, могут находится в различных функциональных блоках в системе городского хозяйства и управления в соответствии с подп.2, 3, 5, 7, 15, 25 и 26 ст. 16 Закона 131-ФЗ, определяющими полномочия и зоны ответственности органов местного самоуправления на своих территориях. [4]. Соотношение предметов управления для формирования эффективной транспортной сис-

темы крупного города в виде ограничений к вопросам местного значения согласно Закона 131– ФЗ отражено в таблице 2.

Таблица 2

Соотношение предметов управления к вопросам местного значения [4]

Предметы управления для формирования эффективной транспортной системы крупного города в виде ограничений	Вопросы местного значения согласно Закона № 131-ФЗ
Протяженность улично-дорожной сети города. Протяженность выделенных линий для движения маршрутных транспортных средств в системе улично-дорожной сети города	Статья 16 3) владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в муниципальной собственности городского округа… 5) содержание и строительство автомобильных дорог общего пользования, мостов и иных транспортных инженерных сооружений в границах городского округа, за исключением автомобильных дорог общего пользования, мостов и иных транспортных сооружений федерального и регионального значения
Количество подвижного состава городского пассажирского транспорта общего пользования	Статья 16 7) создание условий для предоставления транспортных услуг населению и организациям транспортного обслуживания населения в границах городского округа
Уровень загрязнения городской атмосферы отработанными газами автомототранспортных средств	Статья 16 11) организация мероприятий по охране окружающей среды в границах городского округа; 12) организация и осуществление экологического контроля объектов производственного и социального назначения на территории городского округа, за исключением объектов, экологический контроль которых осуществляют федеральные органы государственной власти 25) организация благоустройства и озеления территории городского округа, использования и охраны городских лесов, расположенных в границах городских округов
Уровень риска ДТП на улично-дорожной сети города	Нет полномочий

Выбранный в качестве ограничений функционирования транспортной системы набор представляет собой систему неравенств, каждое из которых определяет ту или иную сферу воздействия на режим функционирования транспортной системы. Комплекс (сочетание) этих воздействий определяет текущую предельную эффективность действующей транспортной системы. Дальнейшее развитие транспортной системы предполагает выработку управленческих решений и осуществление воздействий на систему оптимальной модели формирования эффективной транспортной системы крупного города.

Практически все российские регионы и города в настоящий момент стоят на пороге переосмысления общих подходов к развитию дорожно-транспортного комплекса своих регионов. Каждый регион (муниципальное образование) идет своим путем, применяя самые разнообразные формы и методы организации системы управления в сфере как организации дорожного движения, так и дорожного строительства, содержания и благоустройства – комитеты, департаменты, отделы, государственные и муниципальные учреждения, предприятия [4].

Во Владивостокском городском округе на основании Постановления администрации города Владивостока от 17.06.2022. № 1357 создано муниципальное казенное учреждение «Центр организации дорожного движения». Предметом деятельности МКУ «ЦОДД» является обеспечение эффективности организации дорожного движения на территории Владивостокского городского округа. Целью деятельности МКУ «ЦОДД» является оптимизация и развитие системы управления в области организации дорожного движения на территории Владивостокского городского округа.

Улично-дорожная сеть города Владивостока, в отличие от других его территорий, имеет ярко выраженную линейную структуру, но при этом по причине концентрации мест притяже-

ния, высокого уровня автомобилизации и недостаточного парковочного пространства, это приводит к возникновению транспортных заторов, снижению уровня безопасности дорожного движения.

Одним из наиболее загруженным участком улично-дорожной сети города Владивостока является проспект 100-летие Владивостока. Проспект 100-летие Владивостока является продолжением а/д А – 370 «Усури», обеспечивает связи северной и южной частей Владивостока и выход на его внешние связи, беря на себя роль основной транспортной магистрали, как наиболее рациональной для связи указанных районов. По категории данная магистраль является магистральной улицей регулируемого движения с организацией пересечений в разных уровнях путем устройства транспортных развязок в районе пересечений с проспектом Красного Знамени, Океанским проспектом, улицей Русской, улицей Фирсова.

Основным сооружением на проспекте 100-летие Владивостока является Некрасовский путепровод, который в свою очередь является главной дорожной артерией Владивостока и связывает центр Приморского края и морские порты региона с федеральной трассой Владивосток – Хабаровск. Также, загруженным сегментов УДС проспекта 100-летия Владивостока является отрезок в районе пересечения с улицей Фирсова. Проведя сравнение между расчетной пропускной и данными фактического наблюдения, установлено что данные участки дороги перегружены, а именно на данном участке создаются заторы, скорость автомобилей снижена, не хватает полос для движения.

Растущая интенсивность движения без учета пропускной способности улично – дорожной сети города приводит к регулярному возникновению сетевых заторов и повышенному выбросу опасных соединений. Также, ширина проезжей части улиц городов значительно уменьшается за счет припаркованных с обеих сторон улицы автомобилей, что затрудняет движение и способствует увеличению загазованности воздуха. Загрязнения воздуха автотранспортом наносит ущерб не только здоровью населения, но и снижает туристический и инвестиционный потенциал города, что в совокупности приведет к серьезным экономическим последствиям.

Одной из самых серьезных экологических угроз для здоровья человека является загрязнение воздуха. Загрязнение воздуха – это изменение естественного состава атмосферы из-за попадания вредных веществ.

Основными веществами, загрязняющим воздух, является [5]:

- оксид углерода (CO) – бесцветный газ, не имеющий запаха, известный также под названием «угарный газ». Образуется в результате неполного сгорания топлива (угля, газа, нефти) в условиях недостатка кислорода при низкой температуре. При вдыхании угарный газ за счет имеющейся в его молекуле двойной связи образует прочные комплексные соединения с гемоглобином крови человека и тем самым блокирует получение кислорода в кровь;

- диоксид серы (SO_2) (диоксид серы, сернистый ангидрид) – бесцветный газ с резким запахом. Образуется в результате сгорания серосодержащих ископаемых видов топлива, в основном угля, а также при переработке сернистых руд. Длительное воздействие диоксида серы на человека приводит к потере вкусовых ощущений, стесненному дыханию, а затем – к воспалению или отеку легких, перебоям в сердечной деятельности, нарушению кровообращения и остановке дыхания;

- углеводороды – химические соединения углерода и водорода. К ним относятся тысячи различных загрязняющих атмосферу веществ, содержащихся в несгоревшем бензине, жидкостях, применяемых в химчистке. Многие углеводороды опасны сами по себе. Например, бензол, один из компонентов бензина, может вызвать лейкемию, а гексан, который также содержится в бензине, – тяжелые поражения нервной системы;

- оксиды азота (оксид и диоксид азота) – газообразные вещества. При всех процессах горения образуют окислы азота, причем большей частью в виде оксида азота. От общего количества выбрасываемых в атмосферу оксидов азота на транспорт приходится 55%, на энергетику – 28%, на промышленные предприятия – 14%, на мелких потребителей и бытовой сектор – 3%. При остром отравлении диоксидом азота может развиться отек легких. Признаками хронического отравления являются головные боли, бессонница, раздражение слизистых оболочек. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что транспорт является одним из основных загрязнителей атмосферного воздуха.

Мониторинг загрязнения окружающей среды в Приморском крае осуществляет Центр мониторинга загрязнения окружающей среды (далее – ЦМС) ФГБУ «Приморского управления по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды» (Примгидромет), который также

осуществляет мониторинг радиоактивного загрязнения и химического состава атмосферных осадков в Дальневосточном регионе и предоставляет информацию о загрязнении окружающей среды органам государственной власти, природоохранным организациям и хозяйствующим субъектам [6].

Ежедневные наблюдения за состоянием загрязнения воздушного бассейна во Владивостоке проводятся на шести стационарных ПНЗ Государственной наблюдательной сети (далее – ГНС) за состоянием окружающей среды. Посты подразделяются на «авто» – вблизи автомагистралей с интенсивным движением транспорта и условно «промышленные».

Расположены по адресам:

1) ПНЗ№ 1 ул. Светланская, 54 (район остановки транспорта «Лазо»).

2) ПНЗ № 2 ул. Семёновская, 17 Музей пограничного Управления по Приморскому краю.

3) ПНЗ № 3 Проспект 100 лет Владивостоку, 66 (район остановки транспорта «Постышева»).

4) ПНЗ № 6 Площадь Баляева.

5) ПНЗ № 10 Площадь Луговая.

6) ПНЗ № 11 ул. Снеговая, 121 (район остановки транспорта «Дальхимпром»).

Отбор проб воздуха производится три раза в сутки в 7, 13 и 19 часов (наиболее распространённый режим отбора проб на Государственной наблюдательной сети в России). Отбор проб атмосферных осадков производится на аэрологической станции Садгород. Там же производится ежедневный отбор проб атмосферных аэрозолей для определения содержания в них радионуклидов. Радиационный фон измеряется на станции Владивосток в автоматическом режиме. Оценка уровня загрязнения атмосферного воздуха производится путем сравнения концентраций вредных примесей, находящихся в воздушной среде, с гигиеническими нормативами. Наиболее распространенными в настоящее время критериями оценки качества атмосферы являются предельно допустимые концентрации (далее – ПДК) вредных веществ.

В России для загрязняющих веществ в атмосфере установлено, как и во всём мире, два норматива. Два норматива установлено, так как степень воздействия загрязняющего вещества на здоровье человека зависит от степени опасности вещества, его концентрации и времени воздействия.

Согласно ежегодным докладам Правительства Приморского края об экологической обстановке в Приморском крае, ситуация в крае характеризуется как стабильная. При этомВладивосток отнесен к городам, которые оказывают максимальную антропогенную нагрузку на экологию края, где расположены основные промышленные предприятия и транспортные магистрали [7].

Обобщенные сведения о состоянии загрязнения воздуха в городах Приморского края за год и рассчитанные индексы загрязнения свидетельствуют о том за последние семь лет высокий уровень загрязнения воздуха отмечался в г. Владивостоке и г. Уссурийске. По данным ФГБУ «Приморское УГМС», приоритетными загрязнителями атмосферного воздуха выделены: взвешенные вещества (пыль), диоксид азота, формальдегид, бензапирен. Воздух в городе в основном загрязнён окислами азота и бензапиреном, что в свою очередь обусловлено выбросами огромного количества автотранспорта, а также выбросами промышленных и энергетических предприятий.

Пути снижения выбросов загрязняющих веществ от автотранспорта в атмосферу города Владивостока – это мероприятия по совершенствованию структуры пассажирского автопарка, а именно:

1. Увеличение процента применения электромобилей и гибридных автомобилей.

Правительством в последние годы наблюдается значительный рост интереса к электромобилям, что связано как с экологическими инициативами, так и с техническим прогрессом. Владеть электромобилем выгоднее, чем автомашиной с двигателем внутреннего сгорания и причин много. Одна из них — освобождение приморцев от уплаты транспортного налога. На территории Приморского края установлено освобождение от уплаты транспортного налога для физических лиц в отношении одного легкового автомобиля, приводимого в движение исключительно электрическим двигателем. Данный автомобиль должен заряжаться исключительно с помощью внешнего источника электроэнергии. Если у налогоплательщика в собственности несколько электромобилей, то налоговая льгота предоставляется на одно из них с максимальной исчисленной суммой налога. Льгота предоставляется в беззаявительном порядке на основании сведений, представленных государственными регистрирующими органами. Следует подчеркнуть, что наряду с различными факторами, определяющими решение о по-

купке электромобиля, наличие зарядной инфраструктуры является одним из значимых. Исследователи обнаружили, что финансовые стимулы, количество зарядных станций (с поправкой на численность населения) и наличие местного предприятия по производству электромобилей являются положительными и значимыми для прогнозирования темпов распространения электромобилей, причем переменная инфраструктуры зарядных станций является лучшим предиктором развития рынка электромобилей [8].

Таблица 3

Выбросы вредных веществ и расход топлива в городском цикле

Вид силовой установки	Выбросы вредных веществ, г/км			Qs, л/100км	
	CO	CH	CO2	по газовому анализу	по расходомеру
Штатная (бензиновый ДВС)	17,8	3,43	383	18,8	20,45
Гибридная – режим 1	5,3	1,51	211	9,5	10,2
Гибридная – режим 2	7,5	1,21	225	10,2	10,45
Гибридная – режим 3	9,23	2,1	218	10,1	10,76

Ссылаясь на источник [9], можно сделать вывод, что выброс гибридных автомобилей в среднем в 2 раза меньше чем выброс обычными автомобилями.

2. Снижение востребованности личного автотранспорта в пользу общественного, снижение задублированности маршрутов и замена автобусов пассажирского транспорта малого и среднего класса на автобусы. Для анализа данных мероприятий исследовались данные реестра маршрутов регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом, выполняющего перевозки пассажиров по муниципальным маршрутам на территории Владивостокского городского округа. Согласно Реестру:

- в городе Владивостоке осуществляется перевозка пассажиров и багажа по 99 муниципальным маршрутам регулярных перевозок в границах Владивостокского городского округа, 2 троллейбусным и 1 трамвайному маршруту;
- во Владивостокском городском округе маршруты обслуживаются тремя классами автобусов: малым, средним и большим.

Также установлено количество подвижного состава общественного транспорта, проходящего по проспекту 100-летия Владивостока в районе улицы Фирсова в день в районе улицы Фирсова.

Таблица 4

Количество подвижного состава, проходящего по проспекту 100-летие в районе улицы Фирсова

N п/п	Регистрационный № маршрута	Наименование маршрута регулярных перевозок	Протяженность маршрута регулярных перевозок (км)	Вид и класс транспортных средств	Максимальное количество транспортных средств
1	1	Седанка - Окатовая - Змеинка	41,57	БК	9
2	4	Автовокзал - Калинина - Окатовая	36,48	СК	10
3	12	Героев Варяга - Иртышская – 1-я Речка – Семеновская	17,04	МК	1
4	17	Карбышева - Семеновская	16,53	БК	14
5	23	Семеновская - Енисейская - Автовокзал	18,51	БК	19
6	23Л	Луговая – Площадь Борцов Революции – Больница ДВНЦ	31,56	СК	1

Окончание табл. 4

N п/п	Регистрационный № маршрута	Наименование маршрута регулярных перевозок	Протяженность маршрута регулярных перевозок (км)	Вид и класс транспортных средств	Максимальное количество транспортных средств
7	24	Фанзавод - Площадь Борцов Революции - Луговая	58,58	СК	4
8	24К	Проспект 100-летия Владивостока – ТЦ Космос	42,35	СК	4
9	28	Бухта Емар - Семеновская	66,04	СК	4
10	33	Днепровская АЗС - Автовокзал	10,87	МК	3
11	34	Бухта Тихая – Сахарный ключ - Находкинская	63,75	БК	1
12	40	Семеновская – Завод «Варяг»	20,09	МК	6
13	40А	Лесной квартал - Семеновская	19,75	МК	6
14	44Д	ст. Угольная – Фуникулер – ст. Угольная	62,95	СК	8
15	45	Ж/д вокзал – ст. Угольная	77,74	БК	5
16	50	Автовокзал – Моргородок – Тухачевского – Героев Варяга	10,63	МК	1
17	59	Маяк – Фабрика «Заря» - Чкалова	32,78	БК	10
18	60	Маяк – 1-я Речка – Завод «Варяг»	29,59	БК	20
19	64	Бухта Тихая – Луговая - Академическая	37,06	БК	10
20	77	Автовокзал – Парк Победы – Кампус ДВФУ – Приморский океанариум	56,38	БК	10
21	81	Маяк – Енисейская - Автовокзал	27,81	СК	10
22	82	Катерная - Снеговая Падь - Катерная	41,34	БК	12
23	85	Тухачевского – Суханова – Университет прокуратуры Российской Федерации	15,28	МК	5
24	95	Снеговая Падь – Тухачевского – Суханова – Площадь Борцов Революции	28,97	СК	10
25	97	Нейбута – 3-я Рабочая - Автовокзал	27,14	СК	2
26	98Ц	Луговая – Площадь Борцов Революции – Снеговая Падь – Луговая	26,14	БК	10
27	98Д	Луговая – Снеговая падь – Площадь Борцов революции - Луговая	26,54	БК	10
28	99	Адмирала Смирнова – 1-я Речка - Площадь Борцов Революции	27,58	СК	4
29	4Э	Адмирала Смирнова - Фуникулёр	22,3	Авангард 5298	3
Итого					212

Исходя из проведённого расчета установлено, что по проспекту 100-летия Владивостока пролегают 29 маршрутов, по которому ежедневно проходят 202 транспортных средства общего пользования, из них большого класса 120 единиц, среднего класса 57 единиц, малого класса 22 единицы и 3 троллейбуса. Как видно из проведенного исследования, на данном участке дороги происходит задублированость маршрутов общего пользования. Необходимо пересмотреть маршрутную сеть города Владивостока, в части создания 2-3 маршрутов с автобусами большой вместимости, путь которых будет пролегать по основным улицам (на примере маршрутов 98Ц и 98Д), при этом с других районов города подвоз пассажиров к основным улицам осуществлять с помощью маршрутов, путь которых пролегает непосредственно в данном районе. Графики маршрутов необходимо разработать в зависимости от времени загруженности, а именно предусмотреть более частые рейсы в часы «пик». В результате чего, ни только сократится задублированность маршрутов по основным улицам ВГО, но и за счет замены автобусов СК и МК на БК, вместимость которых больше, произойдет снижение количества автобусов и заторов в часы «пик».

Данные мероприятия приведут к привлекательности пассажирского автотранспорта, тем самым будет произведено снижение востребованности личного автотранспорта в пользу общественного.

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Сайт: rosstat.gov.ru Текст: электронный. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/transport).
2. Во Владивостоке насчитали 309 тысяч легковых автомобилей // Вести: Приморье. Статья. 27.06.2019. Текст: электронный. – URL: «https://vestiprim.ru/news/ptrnews/78108-vo-vladivostoke-naschitali-309-tysjach-legkovyh-avtomobilej.html.
3. Статья: загрязнение атмосферы автотранспортом в России сайт: Дыши свободно Текст: электронный. – URL: https://www.dishisvobodno.ru/avto_zagryaznenie.html.
4. Трофименко Ю.В., Якимов М.Р. Транспортное планирование: формирование эффективных транспортных систем крупных городов: монография. – 2013. – С. 76-84.
5. Обоснование общей теории обеспечения экологической безопасности – Текст: электронный // NAROD.RU Текст: электронный. – URL: https://agps-2006.narod.ru/ttb/2014-5/26-05-14.ttb.pdf.
6. Мониторинг загрязнения // ПРИМГИДРОМЕТ (primgidromet.ru) Текст: электронный. – URL: https://www.primgidromet.ru/monitoring_pollution.
7. Доклад об экологической ситуации 2021: ФИНАЛ.pdf (primorsky.ru) – Текст: электронный. – URL: https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/environment/uvedomleniya-ob-obshchestvennykh-obsuzhdeniyakh.
8. Приморцам предоставляются льготы на легковые автомобили с электрическим двигателем Текст: электронный. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn25/ifns/r25_14/info/15729656/.
9. Селифонов В.В., Карпухин К.Е., Филонов А.А., Баулина Е.Е., Авруцкий Е.В. Гибридные автомобили – решение экологической проблемы автомобильного транспорта// Известия МГТУ «МАМИ». – 2007. – №2 (4). – С. 30-43.

Сведения об авторе

Ю.М. Перминова, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 616.1-08-039.76

ЛЕСТНИЧНЫЙ ТРЕНИНГ КАК ЭЛЕМЕНТ КАРДИОРЕАБИЛИТАЦИИ ДЛЯ ГОРОДСКИХ ПАЦИЕНТОВ С СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ ПАТОЛОГИЕЙ: РЕЗУЛЬТАТЫ 6-МЕСЯЧНОГО НАБЛЮДЕНИЯ

Н.В. Пехота, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Для современной России особую актуальность приобретает поиск эффективных решений в сфере кардиореабилитации, доступных широкому кругу пациентов, особенно в условиях ог-*

раниченной инфраструктуры специализированных центров. Одним из перспективных направлений может стать включение лестничного тренинга в программы реабилитации для городских жителей с сердечнососудистой патологией

Ключевые слова: *кардиореабилитация, лестничный тренинг, ишемическая болезнь сердца (ИБС), хроническая сердечная недостаточность (ХСН), самоконтроль, толерантность к физической нагрузке, артериальное давление (АД), частота сердечных сокращений (ЧСС), дневник самоконтроля, городские пациенты, физическая реабилитация.*

STAIR CLIMBING TRAINING AS AN ELEMENT OF CARDIAC REHABILITATION FOR URBAN PATIENTS WITH CARDIOVASCULAR DISEASE: RESULTS OF A 6-MONTH OBSERVATION

Abstract. *For modern Russia, the search for effective solutions in the field of cardiac rehabilitation, accessible to a wide range of patients, is becoming particularly relevant, especially under conditions of limited infrastructure of specialised rehabilitation centres. One promising direction may be the inclusion of stair climbing training in rehabilitation programmes for urban residents with cardiovascular disease.*

Keywords*: Cardiac rehabilitation, stair climbing training, coronary artery disease (CAD), chronic heart failure (CHF), self-monitoring, exercise tolerance, blood pressure (BP), heart rate (HR), self-monitoring diary, urban patients, physical rehabilitation.*

Введение

Сердечно-сосудистые заболевания (ССЗ) остаются ведущей причиной инвалидизации и смертности во всём мире, что подтверждается данными Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). По оценкам ВОЗ, ежегодно от ССЗ умирает около 17,9 миллиона человек, что составляет примерно 32 % всех случаев смерти в глобальном масштабе. При этом значительная часть летальных исходов приходится на трудоспособное население, что создаёт не только медицинскую, но и серьёзную социально-экономическую проблему [4].

Одним из ключевых этапов ведения таких пациентов является кардиореабилитация – комплексный мультидисциплинарный подход, включающий медицинские, физические, психологические и образовательные мероприятия. Её цель - не просто стабилизировать состояние больного, но и: восстановить функциональные возможности сердечно-сосудистой системы; повысить толерантность к физической нагрузке; снизить риск повторных сердечно-сосудистых событий (инфарктов, инсультов); улучшить качество жизни пациента; вернуть человека к активной социальной и трудовой деятельности [3].

Согласно клиническим рекомендациям Европейского общества кардиологов (ESC) и Российского кардиологического общества, кардиореабилитация должна начинаться как можно раньше – уже в стационаре после острого события (инфаркта миокарда, операции на сердце и т.д.) и продолжаться в амбулаторных условиях [2].

Однако для многих жителей городов доступ к специализированным реабилитационным центрам ограничен по ряду объективных причин. Удалённость – в крупных мегаполисах центры могут находиться в других районах, а в малых городах и вовсе отсутствовать. Высокая стоимость – платные программы реабилитации не всегда доступны пациентам с низким доходом. Нехватка времени – длительные поездки и график работы центров не всегда совместимы с занятостью пациента. Организационные сложности – необходимость оформления направлений, очередей, согласований снижает мотивацию к участию. Психологический барьер – некоторые пациенты испытывают тревогу при посещении медицинских учреждений или стесняются заниматься в группах.

В результате многие люди не получают необходимой физической нагрузки, что ведёт к прогрессированию заболевания, снижению функциональной активности, развитию депрессии и ухудшению прогноза. По данным исследований, отсутствие регулярной физической активности повышает риск сердечно-сосудистых осложнений на 20–30 %. [5].

Традиционные программы кардиореабилитации включают: дозированные аэробные нагрузки (ходьба в заданном темпе, занятия на велотренажёре, эллиптическом тренажёре); дыхательные упражнения для улучшения оксигенации тканей и снижения стресса; силовые тренировки низкой интенсивности для поддержания мышечной массы; обучение самоконтролю (измерение артериального давления, частоты сердечных сокращений, оценка одышки и само-

чувствия); психоэмоциональную поддержку и консультации по коррекции образа жизни (питание, отказ от курения, управление стрессом) [1].

Однако при отсутствии возможности посещать центр эти мероприятия часто остаются нереализованными. Пациенты либо полностью отказываются от физической активности, либо пытаются заниматься самостоятельно без чёткого плана, что может быть неэффективным или даже опасным.

Возникает острая необходимость в разработке простых, доступных и безопасных методов кардиореабилитации, которые можно внедрить в повседневную жизнь пациента без необходимости посещения специализированных учреждений. Такие методы должны: быть экономически выгодными; не требовать специального оборудования; учитывать индивидуальные возможности и ограничения пациента; легко интегрироваться в привычный распорядок дня; обеспечивать постепенное повышение нагрузки под контролем самочувствия.

Одним из таких перспективных методов может стать использование лестничных пролётов в качестве тренажёра. Лестничный тренинг: доступен практически в любом многоквартирном доме, офисе или общественном здании; позволяет дозировать нагрузку (количество пролётов, скорость подъёма, паузы для отдыха); сочетает элементы аэробной и силовой нагрузки; задействует крупные группы мышц ног и таза, что способствует улучшению кровообращения и укреплению мышечного корсета; может выполняться в индивидуальном режиме и корректироваться по мере улучшения физической формы пациента; не требует финансовых затрат и дополнительного времени (может быть включён в ежедневные перемещения - подъём домой, на работу и т.д.).

Таким образом, внедрение лестничного тренинга в программы кардиореабилитации может стать эффективным решением для повышения доступности восстановительных мероприятий, особенно для городских жителей с ограниченными возможностями посещения специализированных центров.

Цель настоящего исследования – оценить эффективность лестничного тренинга в составе программы кардиореабилитации у городских пациентов с ИБС и ХСН I–II ФК, не имеющих возможности посещать специализированные центры.

Задачи исследования:

1) разработать протокол лестничного тренинга с индивидуальным дозированием нагрузки и обязательным самоконтролем показателей (АД, ЧСС, одышка, отёки, самочувствие);

2) оценить динамику клинических симптомов (частота и интенсивность приступов стенокардии, одышка) у пациентов на фоне 6-месячного лестничного тренинга;

3) проанализировать изменения объективных показателей (АД, ЧСС в покое, толерантность к нагрузке, масса тела) через 6 месяцев наблюдения;

4) оценить безопасность метода на основании данных самоконтроля и ежемесячных врачебных осмотров.

Материалы и методы

Дизайн исследования. Проспективное наблюдательное исследование длительностью 6 месяцев.

Критерии включения: верифицированная ИБС, ХСН I–II ФК (NYHA), возраст 45–75 лет, стабильная медикаментозная терапия в соответствии с клиническими рекомендациями, согласие на ведение дневника самоконтроля.

Критерии исключения: нестабильная стенокардия, ХСН III–IV ФК, тяжёлые нарушения ритма, неконтролируемая артериальная гипертензия, противопоказания к физической нагрузке.

Характеристика выборки. В исследование включено 30 пациентов (18 мужчин, 12 женщин), средний возраст 58,4 ± 7,2 года. Все пациенты получали стандартную медикаментозную терапию согласно клиническим рекомендациям.

Протокол лестничного тренинга. Перед началом тренировок врач проводил осмотр, оценивал функциональный класс пациента и определял безопасный уровень начальной нагрузки. Для большинства пациентов стартовая рекомендация — подъём на 1–2 пролёта с последующим отдыхом. Пациенты вели дневник, где фиксировали АД и ЧСС до и после нагрузки, уровень одышки по шкале Борга, наличие или отсутствие отёков, общее самочувствие. Под контролем дневника врач ежемесячно корректировал программу, увеличивая количество пролётов на 1–2 в неделю при отсутствии негативных симптомов.

Методы оценки. Первичные конечные точки: динамика клинических симптомов (стенокардия, одышка), толерантность к нагрузке (количество преодолеваемых пролётов без дискомфорта). Вторичные конечные точки: изменение АД и ЧСС в покое, динамика массы тела. Оценка проводилась исходно и через 6 месяцев.

Статистический анализ. Количественные данные представлены как среднее ± стандартное отклонение. Для сравнения средних значений использовался t-критерий Стьюдента для зависимых выборок. Статистически значимым считался уровень $p < 0,05$.

Результаты

Через 6 месяцев наблюдения у 90 % (27/30) пациентов отмечено снижение частоты и интенсивности приступов стенокардии, уменьшение одышки при повседневной активности. Среднее количество пролётов, которое пациенты могли преодолеть без дискомфорта, увеличилось с 2 (исходно) до 8–10 ($p < 0,001$).

Объективные показатели также продемонстрировали положительную динамику: у всех участников наблюдалось снижение систолического АД в среднем на 10–15 мм рт. ст. (с 142,3 ± 11,4 до 128,7 ± 9,8 мм рт. ст.; $p < 0,01$), нормализация ЧСС в покое (с 84,6 ± 8,3 до 72,4 ± 6,7 уд/мин; $p < 0,01$). Средний показатель снижения массы тела составил 3–5 кг (с 87,4 ± 10,2 до 83,1 ± 9,7 кг; $p < 0,05$).

За период наблюдения не зарегистрировано случаев ухудшения состояния, потребовавших экстренной госпитализации. Все пациенты отмечали улучшение качества жизни и повышение уверенности в своих физических возможностях.

Обсуждение

Полученные результаты демонстрируют, что лестничный тренинг может стать эффективным элементом кардиореабилитации для пациентов, не имеющих возможности посещать специализированные центры. Простота метода, его доступность и возможность индивидуального дозирования нагрузки делают его привлекательным для широкого применения. Важным аспектом является ведение дневника самоконтроля: он не только позволяет врачу отслеживать динамику состояния пациента, но и повышает приверженность к лечению, так как пациент видит свои успехи и понимает значимость регулярных тренировок.

Тем не менее, метод имеет ограничения. Он не подходит для пациентов с тяжёлой сердечной недостаточностью, нестабильной стенокардией или другими состояниями, требующими строгого контроля в условиях стационара. Перед началом тренировок обязательна консультация врача. Ограничения исследования: небольшой размер выборки, отсутствие контрольной группы, наблюдательный дизайн. Для подтверждения результатов необходимы рандомизированные контролируемые исследования с более длительным периодом наблюдения.

Заключение

Лестничный тренинг – это простой, доступный и эффективный инструмент кардиореабилитации, который может быть внедрён в повседневную жизнь пациентов, проживающих в городских условиях. При грамотном дозировании нагрузки и регулярном врачебном контроле он способствует улучшению самочувствия, повышению толерантности к физическим нагрузкам и нормализации объективных показателей. Данный метод не заменяет комплексную реабилитацию, но может стать её важной составляющей для тех, кто ограничен в доступе к специализированным центрам.

Практические рекомендации:

1. Перед началом тренировок проконсультироваться с лечащим врачом.
2. Начинать с минимальной нагрузки (1–2 пролёта) и увеличивать её постепенно.
3. Вести дневник самоконтроля, фиксируя АД, ЧСС, одышку и самочувствие.
4. При появлении боли в груди, головокружения или резкой слабости прекратить тренировку и обратиться к врачу.
5. Сочетать лестничный тренинг с рекомендованной лекарственной терапией и другими элементами здорового образа жизни (правильное питание, отказ от курения).

1. Кардиореабилитация Текст: электронный. – URL: https://www.cardio.ru/patsientam/kardioreabilitacziya/

2. Официальный сайт Европейского общества кардиологов (ESC) Текст: электронный. – URL: https://www.escardio.org/

3. Реабилитация в кардиологии и кардиохирургии Текст: электронный. – URL: https://klinitsist.abvpress.ru/Klin/article/viewFile/190/191
4. Сердечно-сосудистые заболевания (ССЗ) Текст: электронный. – URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/cardiovascular-diseases-%28cvds%29
5. Современное состояние системы комплексной реабилитации инвалидов в Российской Федерации: проблемы и пути развития Текст: электронный. – URL: https://alldef.ru/ru/articles/almanac-no-40/current-state-of-the-system-of-complex-rehabilitation-of-invalids-in-the-russian-federation-problems-and-ways-of-development

Сведения об авторе
Н.В. Пехота, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 81-116.3

ГРАММАТИЧЕСКИЙ, СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ОПИСАНИЮ ПРЕДЛОГОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

К.С. Покидько, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Статья посвящена сравнительному анализу трёх основных подходов к изучению английских предлогов – грамматического, семантического и прагматического. Выявляются объяснительные возможности и ограничения каждого подхода; обосновывается необходимость их комплексного применения в лингвистическом описании*

Ключевые слова: *служебные слова, предлог, грамматический подход, семантический подход, прагматический подход, конструкционная грамматика, когнитивная лингвистика.*

GRAMMATICAL, SEMANTIC, AND PRAGMATIC APPROACHES TO DESCRIBING ENGLISH FUNCTION WORDS: A COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. *This article examines three frameworks for analysing English prepositions – grammatical, semantic, and pragmatic – and compares their descriptive scope. For each framework, the paper specifies what aspects of function-word behaviour it accounts for and where its coverage breaks down. The analysis points to a set of linguistic phenomena that resist single-framework description and require a combined analytical approach.*

Keywords: *function words, preposition, grammatical approach, semantic approach, pragmatic approach, constructional grammar, cognitive linguistics*

Служебные слова труднее поддаются систематическому описанию, чем знаменательные, – и дело не в их малочисленности. Предлог, союз, частица, артикль лишены собственной номинативной функции, однако без них высказывание теряет синтаксическую и смысловую связность. Формально зависимые, они структурно незаменимы. Исследовательские парадигмы, сменявшие друг друга на протяжении полутора веков, раскрывали отдельные стороны этого противоречия, не снимая его целиком, – что само по себе свидетельствует о многоуровневости феномена.

Актуальность исследования. В отечественной англистике сложилась практика описывать служебные слова преимущественно в одной системе координат – грамматической, семантической или прагматической. Между тем именно на пересечениях между подходами обнаруживаются явления, которые каждый из них описывает неполно: идиоматизированные конструкции с предлогами, контекстно зависимые значения союзов, анафорические функции артикля. За последние два десятилетия конструкционные и когнитивно-семантические модели существенно расширили аналитический инструментарий, однако их соотношение с грамматиче-

ской традицией в русскоязычной литературе остаётся предметом, требующим специального рассмотрения.

Цель работы – провести сравнительную характеристику трёх названных подходов применительно к английскому материалу. Задачи: охарактеризовать теоретические основания каждого подхода; выявить, какие свойства предлогов он позволяет раскрыть; зафиксировать границы его объяснительных возможностей; определить ситуации, в которых комбинирование подходов методологически оправдано.

Материалом послужили труды по теоретической грамматике английского языка, монографии в области когнитивной семантики и конструкционной грамматики, иллюстративные примеры из корпуса британского английского. Применены методы дефиниционного анализа, компонентного семантического анализа и лингвистического моделирования.

Грамматический подход хронологически предшествует двум другим. Его задача – инвентаризация служебных единиц, их частеречная квалификация и описание синтаксических функций в строе предложения. Теоретический каркас подхода в значительной мере выстроен грамматистами XIX века: то, что их формулировки не утратили аналитической пригодности, объясняется не инерцией традиции, а точностью исходных наблюдений.

Л. Марри определял предлог как слово, «служащее связующим средством между словами и показывающее отношения между ними» [Смирницкий, с. 118]. Определение точно фиксирует реляционную функцию – и в этой точности его предел: содержательная сторона отношения остаётся за рамками описания. А. Бэйн подошёл к вопросу иначе, заметив, что английские предлоги «занимают место падежных окончаний древних языков» [Казанцева, Немчинова, Семенова, с. 87]. Наблюдение типологически существенно: в синтетическом языке реляционная нагрузка распределяется между предлогом и падежной флексией, в аналитическом – концентрируется в предлоге. Отсюда семантическая насыщенность английских предложных значений, которую грамматический подход констатирует, но объяснить не берётся.

В отечественной традиции А. М. Пешковский предложил разграничительный критерий, ориентированный на синтаксическую позицию: служебные слова «сами по себе частями предложения быть не могут» [Пешковский, с. 44]. На английском материале критерий работает последовательно – предлоги, артикли, вспомогательные глаголы не замещают самостоятельных синтаксических позиций, – и именно поэтому он сохраняет операциональную ценность в современных грамматических описаниях, несмотря на возраст формулировки.

Н. А. Кобрина с соавторами предложила развёрнутую типологию по морфологическому составу и семантическим разрядам [Кобрина]: по первому основанию предлоги разграничиваются на простые (*in, on, at, by*), составные (*into, onto, upon*) и групповые (*in front of, by means of, in spite of*); по второму – на предлоги места (*at the table, in the room*), направления (to the station, into the house), времени (at noon, in summer), причины (*because of, owing to*) и образа действия (*with care, by hand*). И. П. Иванова, В. В. Бурлакова и Г. Г. Почепцов зафиксировали двойственность природы предлога: с одной стороны – реляционный маркер, с другой – участник фразовых глагольных образований, где лексическая автономия утрачивается [Иванова, Бурлакова, Почепцов]: в сочетаниях l*ook at, give up, take in* предлог утрачивает самостоятельное пространственное значение и становится неотъемлемым структурным компонентом фразового глагола.

Объяснительные возможности грамматического подхода ограничены уровнем формально-синтаксического описания и не распространяются на семантическую структуру предложенных значений. Предлоги «*in*», «*on*», «*at*» в его рамках получают сходное описание «предлог места», хотя концептуальное расстояние между *in the box, on the shelf* и *at the door* весьма значительно.

Семантическое направление переносит аналитический фокус с формы на содержание. Применительно к предлогам это означает вопрос о том, как устроена полисемия: является ли она случайным накоплением употреблений или поддаётся системному описанию.

Как правило, данный вопрос реашается анализом перечисления значений с иллюстративными примерами. Р. Кверк, С. Гринбаум, Дж. Лич и Дж. Свартвик в «A Comprehensive Grammar of the English Language» описывают предлоги через дистрибутивную схему, выделяя пространственные, временны́е, причинные, целевые предлоги и предлоги образа действия [Goldberg].

Принципиально иную позицию занимают исследователи когнитивного направления. Дж. Лакофф и М. Джонсон показали, что пространственные предлоги образуют основу для

метафорического переосмысления абстрактных отношений: схемы контейнера, пути и поверхностного контакта воспроизводятся в непространственных контекстах закономерно, а не произвольно [Lakoff, Johnson]. Это наблюдение открывало путь к системному описанию полисемии предлогов. Так, схема контейнера, исходно фиксирующая физическое нахождение внутри ограниченного пространства (*in the box*), переносится на область состояний *(in trouble, in love*) и ментальных процессов (*in doubt*); схема пути, описывающая физическое перемещение (*walk through the forest*), метафорически организует представление о временно́й последовательности (*through the years*) и преодолении препятствий (*get through difficulties*); схема поверхностного контакта (*on the table*) распространяется на отношения зависимости и опоры (*rely on, count on*). Это наблюдение открыло путь к системному описанию полисемии предлогов: многозначность перестаёт восприниматься как случайное накопление разрозненных употреблений и получает когнитивное объяснение через единую пространственную протосцену.

А. Тайлер и В. Эванс реализовали этот путь применительно к предлогам непосредственно. В монографии «The Semantics of English Prepositions» (2003) они обосновывают тезис: «значения предлогов не произвольны; напротив, они системно связаны между собой» [12, с. 4]. Каждый предлог получает исходную пространственную протосцену – конфигурацию между «траектором» (локализуемой фигурой) и «ориентиром» (фоновой опорой), – из которой мотивированно разворачивается вся полисемическая сеть. Классическим примером служит «*over*»: протосцена «фигура выше и потенциально покрывающая ориентир» порождает значение траектории (t*he plane flew over the city*), покрытия (*a cloth over the table*), превышения количественного показателя (*over a hundred people*) и завершённости (*the game is over*) [Tyler, Evans, с. 80]. Связь между значениями – когнитивная, а не этимологическая: описание через метафорические проекции пространственной схемы делает полисемию объяснимой, а не просто перечислимой.

Семантический подход даёт то, чего лишён грамматический: объяснение мотивированности значений. Вместе с тем он обнаруживает собственное ограничение в тех случаях, когда значение высказывания не выводится из значений составляющих и правил их комбинации. Фраза in spite of him не описывается через протосцену «in»; on behalf of не строится на поверхностном контакте. Именно здесь исчерпывает себя семантическая модель и вступает прагматический подход.

Прагматическое направление включает в описание служебных слов коммуникативные условия, фоновые допущения и косвенно выводимые смыслы – всё то, что не содержится в лексическом значении единицы, но возникает при её употреблении в определённом дискурсивном контексте. Его теоретической базой в применении к английскому материалу служит конструкционная грамматика.

Программная работа – статья Ч. Филлмора, П. Кея и М. О'Коннор о конструкции let alone (1988). Авторы анализируют высказывания: *I wouldn't give him a penny, let alone a hundred dollars* и показывают, что их значение «не может быть вычислено из знания синтаксиса и семантики составных частей» [Fillmore, с. 505]. Прагматическая нагрузка – установление импликативной шкалы и отрицание более сильного её элемента – закреплена не за лексемой «*let*» или «*alone*», а за конструкцией как целым. Отсюда следует методологический вывод: описание служебного слова неотделимо от описания конструкций, в которых оно участвует.

А. Голдберг в «Constructions at Work» (2006) показала, что служебные слова нередко функционируют как обязательные элементы полуидиоматических конструкций [Goldberg]. Артикль «*the*» в конструкции *The Xer, the Yer* (*The more you read, the better you understand*) не выражает ни определённости, ни анафорической отсылки – его функция формируется самой конструкционной схемой, вне которой она не существует. Такие случаи принципиально не поддаются описанию ни в грамматических, ни в семантических терминах.

Конструкционный принцип позволяет точнее описать ряд явлений, остававшихся проблемными. Предлог «*of*» в сочетании *the city of Boston* выполняет аппозитивную функцию, прагматически отличную от посессивной (*the city of the mayor*): различие между ними – не семантическое, а конструкционное, связанное с характером именной группы и информационной структурой высказывания. Союз «*but*» не просто противопоставляет компоненты, но сигнализирует о нарушении ожидания, сформированного предшествующим контекстом, – прагматический эффект, не сводимый к логической операции контраста.

Ограничение прагматического подхода в изолированном виде – трудность формализации. Коммуникативные эффекты нередко зависят от ситуативных переменных, не поддающихся строгому обобщению. В рамках конструкционной грамматики эта проблема частично снима-

ется: прагматические свойства закрепляются за конструкциями как их инвариантный компонент.

Три подхода работают на разных уровнях языковой абстракции. Грамматический устанавливает состав служебных единиц и частеречную классификацию; семантический раскрывает внутреннюю организацию значений; прагматический описывает условия и эффекты употребления в дискурсе.

Исследование, в рамках которого пишется данная статья, направлено не только на анализ лингвистических особенностей служебных слов, но и на изучение их дидактического потенциала, соответственно описание представленности предлогов в учебниках и анализ заданий с ними, является целесообразным.

Нами был проведен сопоставительный анализ трех учебных изданий с точки зрения методической репрезентации данного класса служебных слов.

В учебнике «Spotlight 11» (В. Эванс, Дж. Дули, Б. Оби, О.В. Афанасьева, И.В. Михеева) предлоги как класс служебных слов не образуют самостоятельного методического блока: они рассредоточены по тематическим модулям в составе лексических блоков и устойчивых словосочетаний, тогда как грамматический комментарий сосредоточен в справочном разделе приложения. Коммуникативная ориентация учебника закономерно смещает акцент с описания грамматической формы на её употребление в контексте – чтении, диалоге, письме, – однако оборотной стороной этого выбора становится отсутствие семантической мотивировки предложных значений. Между тем А. Тайлер и В. Эванс убедительно продемонстрировали: «значения предлогов не произвольны; напротив, они системно связаны между собой» [А. Тайлер, В. Эванс, с. 4], а значит, методика, не раскрывающая этой связи, фактически лишает учащегося инструмента для самостоятельного освоения новых значений уже знакомых единиц. Упражнения на предлоги рассредоточены по модулям и выдержаны в едином подстановочном формате: так, на с. 15 задание 8 («*Fill in: for, about, to*») требует вставить зависимый предлог в клише типа f*eel close … my sister или have respect … his grandparents*, а задание 9 той же страницы предлагает восстановить послелоги фразового глагола *come* (*down with, across, up with, into, over*); на с. 100 задание 5 («*Fill in the gaps with the correct preposition*») воспроизводит ту же логику в тематическом контексте городской среды: *I am really … need of a new car; I'm afraid this old fridge is … repair*. Самостоятельных тренировочных блоков, нацеленных на полисемию или метафорические расширения пространственных схем, учебник не содержит.

Учебник И. П. Агабекяна «Английский язык» (Феникс, рекомендован в соответствии с ФГОС СПО), адресованный студентам учреждений среднего профессионального образования, выстроен по иной логике. Предлоги здесь образуют самостоятельный раздел – Урок 7 («Prepositions», с. 106–110), – организованный по семантическому основанию. Задание 7.1 (с. 106) представляет сводную двуязычную таблицу предлогов места: *above* – над (*The sun is above the clouds*), *beside* – рядом с (*The bank is beside the cinema*) – с последовательным переводом и иллюстративным примером для каждой единицы. Задание 7.2 (с. 107) охватывает предлоги направления (*across, along, into, onto, through*) в той же форме, задание 7.3 (с. 108) – предлоги времени (*at, by, during, for, until*). Подобная классификация воспроизводит логику грамматической традиции, в которой служебные слова описываются прежде всего через синтаксическую функцию и управление. Задание 7.4 (с. 109–110) переключается на иной материал – перевод предложений с фразовыми глаголами (*I woke up with the alarm clock; Don't wait for me, I'll come back late*), – итого четыре разнотипных задания в одном блоке, что по плотности работы с предлогами заметно превосходит «Spotlight 11». Вместе с тем когнитивная составляющая – объяснение полисемии через пространственные схемы или метафорические проекции – в методическом аппарате учебника отсутствует.

Учебник «Pacesetter» Дерека Стренджа и Дианы Холл направлен на студентов подростков с уровнем английского языка A1-A2. В учебнике представлено 15 модулей с делением каждого на подразделы: grammar, function, vocabulary, reading, writing, speaking, pronunciation. В модуле 1 в рамках отработки приветствий и знакомства представлено задание «Work with a partner», где студентам предлагают повторить диалог и рассказать о себе, используя конструкцию I'm from Russia. Переводом настоящее упражнение не сопровождается, однако у студентов не возникает трудности догадаться о значении предлога, и употребить его в диалоге. Использование данного предлога повторяется на протяжении работы не только с данным модулем, но и при работе со следующими, поэтому в процессе изучения студенты не забывают о его значении умеют использовать его в речи. Систематическое повторение обеспечивает

запоминание его значения, тем самым умение использовать предлог “from” становится навыком. В модуле 2 представлена секция, направленная на отработку артиклей a/an, в этом же упражнении авторы учебника знакомят студентов с предлогом «about». Секция включает в себя 3 последовательных упражнения: презентация материала и выведение правила из примеров, написание предложений по образцу, выведение изученного в диалог с партнером. При выполнении данных упражнений часть студентов не знает перевода презентуемого предлога, однако с помощью наводящих вопросов от преподавателя студенты догадываются о значении предлога и далее без проблем используют его в речи.

В модуле 4 студенты изучают такие темы как «дом, комната, мебель, описание своего дома и комнаты», поэтому для углубления и систематизации их знаний авторы учебника презентуют студентам “prepositions of place”: in, on, under, next to, near. Стоит отметить, что выбор данных предлогов понятен, однако стоит дополнить его и другими базовыми предлогами, например, between, above, in front of, behind, сопровождая иллюстрациями, так как данные предлоги позволят студентам построить полную картину о «предлогах места» и использовать их при дальнейшем описании. Учебник предполагает систематическое повторение изученного материала, поэтому в конце каждого модуля студенты выполняют задания на проверку понимания и усвоения материала. Также «предлоги места» встречаются и в следующих модулях, поэтому важно обеспечить усвоение студентами данной темы. В модуле 7 внимание уделяется изучению предлогов “for” «для» и “of” в рамках изучения конструкции “a lot of”. Презентация предлогов студентам предполагает уже описанные выше 3 шага: 1) презентация материала и выведение правила из примеров, 2) написание предложений по образцу, 3) выведение изученного в диалог с партнером. Данные предлоги незнакомы многим студентам, поэтому преподаватель объясняет их значение и роль в речи, а также обеспечивает студентов достаточным количеством упражнения на отработку настоящих предлогов. В модулях 8 и 10 задания посвящены отработке таких предлогов как «at, in, on» при указании времени (at night, in winter, on Monday), а также «by» (I go to school by bus). Презентация предлогов представлена по вышеописанной схеме, при работе с данными предлогами студенты испытывают такие же трудности как при работе с предлогами “for, of”, поэтому схема работы с ними идентичная.

Однако в остальных модулях учебника нет заданий, посвященных предлогам. Вместо этого учебник наполнен текстами и упражнениями, в которых студенты могут встретить предлоги, не выведенными составителями учебника для отдельного изучения. Задания содержат предлоги в составе устойчивых фраз «look for, on the whole и т. д.» или глаголов, требующих после себя определённых предлогов “talk on the phone, smile at и т. д.”.

Сопоставление трех изданий фиксирует следующую границу: учебники написаны рамках структурно-дескриптивного варианта грамматического подхода и не выходят ни к семантическому уровню описания, ни к прагматическому. Это не упрёк в адрес конкретных учебников – их задачи определены образовательным стандартом, а не исследовательской программой. Но именно эта граница обнаруживает, где теоретическая лингвистика и методика преподавания расходятся: вопрос о мотивированности предложных значений в учебных материалах попросту не ставится.

Таким образом, можно сделать вывод, что каждый из подходов – взятый изолированно – не даёт исчерпывающего описания служебного слова. Грамматический устанавливает инвентарь единиц и их синтаксические позиции, но не объясняет, почему предлог *in* сочетает пространственное и ментальное значения. Семантический реконструирует полисемическую сеть, но пасует перед идиоматизированными конструкциями вроде *in spite of*, где значение целого не выводится из значений частей. Прагматический и конструкционный описывают условия употребления и схемы, в которых значение формируется, – однако их формализация остаётся открытой проблемой. Продуктивной в этих условиях оказывается стратегия, при которой выбор аналитического инструмента определяется характером конкретной исследовательской задачи, а не принадлежностью к одной школе.

1. Агабекян И.П. Английский язык : учебник для студентов учреждений среднего профессионального образования / И.П. Агабекян. – 21-е изд., стер. – Ростов н/Д: Феникс, 2023. – 318 с. – (Среднее профессиональное образование).

2. Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – Москва: Высш. шк., 1981. – 285 с.

3. Казанцева Я. Н., Немчинова Н. В., Семенова Е. В. Теоретическая грамматика английского языка: учеб. пособие. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2015. – 135 с.

4. Кобрина Н. А., Корнеева Е. А., Оссовская М. И., Гузеева К. А. Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис: учеб. пособие. – Санкт-Петербург: Союз, 2002. – 496 с.
5. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – Москва: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
6. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. – Москва: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. – 440 с.
7. Шереметьева Е. С. Отыменные релятивы современного русского языка : дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01. – Владивосток: ДВФУ, 2011. – 418 с.
8. Эванс В., Дули Дж., Оби Б., Афанасьева О.В., Михеева И.В. Spotlight 11 / Английский в фокусе. 11 класс: учебник для общеобразовательных организаций / В. Эванс [и др.]. – Москва: Просвещение; Express Publishing, 2023. – 248 с.
9. Bain A. English Grammar. – London: Longman, Green, Longman, Roberts, and Green, 1863. – 219 p.
10. Boas H. C. Cognitive Construction Grammar // The Oxford Handbook of Construction Grammar / ed. by G. Trousdale, T. Hoffmann. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 233–252.
11. Strange D., Hall D. Pacesetter: Starter: Students Book. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 113 p.
12. Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of let alone // Language. – 1988. – Vol. 64, No. 3. – P. 501–538.
13. Fries C. C. The Structure of English: An Introduction to the Construction of English Sentences. – New York : Harcourt, Brace, 1952. – 304 p.
14. Goldberg A. Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language. – Oxford : Oxford University Press, 2006. – 280 p.
15. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
16. Murray L. English Grammar, adapted to the different classes of learners. – Hallowell: Goodale, Glazier & co., 1825. – 309 p.
17. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English Language. – London: Longman, 1985. – 1779 p.
18. Tyler A., Evans V. The Semantics of English Prepositions: Spatial Scenes, Embodied Meaning, and Cognition. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 254 p.

Сведения об авторе
К.С. Покидько, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 004.4

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ДЕФОРМАЦИЙ НА ОСНОВЕ ГЕОДЕЗИЧЕСКИХ ДАННЫХ

С.К. Прадедов, аспирант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Одной из ключевых проблем эксплуатации инженерных сооружений является значительная сезонная и суточная амплитуда температур. В результате этого дорожное основание подвергается интенсивным деформациям. Это приводит к преждевременному разрушению асфальтобетонного покрытия, образованию вол и просадок. Рассмотрены исследования по автоматизированному прогнозированию деформаций автомобильных дорог по данным геодезических наблюдений*

Ключевые слова: *прогнозирование деформаций, геодезический мониторинг, автомобильные дороги, осадки оснований, земляное полотно, кинематические модели, машинное обучение, метод опорных векторов, нейронные сети, цифровые двойники.*

DEFORMATION FORECASTING BASED ON GEODETIC DATA

Abstract. *A significant seasonal and daily temperature range poses a major challenge for the operation of engineering structures, causing intensive deformations of the road base. These processes result in premature failure of asphalt concrete pavements, manifested in the formation of waves and subsidence. This paper provides a review of studies on automated deformation focasting for highways based on geodetic monitoring data.*

Keywords: *deformation forecasting, geodetic monitoring, highways, foundation settlement, roadbed, kinematic models, machine learning, support vector machine, neural networks, digital twins*

Главной задачей при мониторинге эксплуатации автомобильных дорог, является прогнозирование последующих деформаций, а не только фиксация факта разрушения. В отличие от статических сооружений автомобильная дорога является линейным объектом, который в условиях России подвергается значительной сезонной амплитуде температур. Годовая амплитуда температуры дорожного полотна может достигать. Дорожное полотно не может находиться в состоянии покоя в таких температурных условиях, оно сжимается и промерзает с пучением, в летний период оттаивает и выдавливается [5, 4].

Несмотря на очевидную актуальность прогнозирования деформаций автомобильных дорог, рекомендации по построению прогнозных моделей рассмотрены только в нормативно правовых документах, регламентирующих геодезический мониторинг зданий и сооружений только повышенного уровня ответственности. Существующие указания по прогнозированию деформаций носят только рекомендательный характер, обязательные нормативные требования к составлению прогнозных моделей по геодезическим данным – отсутствуют [1, с.20]. Прогноз не является обязательным элементом для автомобильных дорог, линейного объекта, проходящего через десятки геологических зон [1, с. 20].

Анализ научных публикаций по теме прогнозирования деформаций на основе геодезических данных позволил выделить ряд методических подходов, применяемых различными авторами:

– классические кинематические и динамические модели;
– методы машинного обучения (МО);
– интегрированные системы мониторинга и цифровые двойники.

Классические кинематические и динамические модели

В основе модели лежит представление деформационного процесса как случайной функцией времени, описываемой математическим ожиданием и корреляционной матрицей (рис.1).

Рис. 1. Алгоритм прогнозирования деформаций на основе кинематической модели

В научной публикации [3] комплексно используется параметрический способ уравнивания, метод наименьших квадратов и элементы внутренней и внешней надежности геодезических измерений. В основе метода используется экспоненциальная затухающая модель. Данный метод позволяет выявлять ошибочные циклы (внутренняя надежность), оценивать устойчивость прогноза (внешняя надежность).

В исследовании [6] в основе кинематической модели лежит **вероятностно-статистический подход**, опирающийся на теорию случайных процессов. Процесс усадки здания рассматривается не как детерминантная функция, а как случайный процесс. Такой подход

позволяет учитывать неизбежные случайные воздействия, такие как: локальные изменения свойств грунта и погрешности измерений. Прогнозирование основано на вычислении и использовании двух статистических характеристик процесса:

– математическое ожидание – описывает основную тенденцию развития деформаций;

– корреляционная функция – описывает статистическую связь между осадками в разные моменты времени, позволяет оценить, насколько значение прошлой осадки влияет на будущее значение.

Для получения прогноза используются **две условные моментные функции.**

Условное математическое ожидание: позволяет вычислить наиболее вероятное значение осадки в будущий момент времени при условии, что известна осадка в прошлый или текущий момент. Модель подстраивает свой прогноз под последние фактические данные наблюдений.

Условная корреляционная функция: используется для оценки **точности прогноза** (стандартного отклонения, доверительного интервала).

Деформация рассматривается как процесс, состояние которого статистически связано с прошлым, прогноз строится как условное математическое ожидание будущей осадки при условии известных прошлых наблюдений.

Методы машинного обучения

В области прогнозирования осадок наиболее развивающимся направлением в области прогнозирования осадок является машинное обучение, главным преимуществом которого является способность самообучения и адаптация при поступлении новых циклов наблюдения. В исследовании [1] использованы следующие методы машинного обучения:

– линейная регрессия – метод, в котором прогнозное значение осадки вычисляется как взвешенная сумма нескольких предыдущих наблюдений:

– экспоненциальное сглаживание – является алгоритмом фильтрации временного ряда:

– метод опорных векторов – алгоритм, основанный на преобразовании исходных данных в пространство более высокой размерности с помощью радиальной базисной функции:

– случайный лес – метод, состоящий из множества решающих деревьев, каждое из которых строится на случайной выборке данных и случайном подмножестве признаков.

В рамках исследования авторы пришли к выводу, что наиболее пригодным методом прогнозирования осадок по четырем показателям (средняя квадратическая ошибка, средний абсолютный процент ошибки, коэффициент детерминации и коэффициент несоответствия Тейла) является метод опорных векторов.

В исследовании [2] была разработана модель, в основе которой многослойная нейросеть прямого распространения с одним скрытым слоем из 50 нейронов и сигмоидальной функцией активации (рис. 2), необходимая для систематической корректировки прогноза деформаций на основе натурных наблюдений.

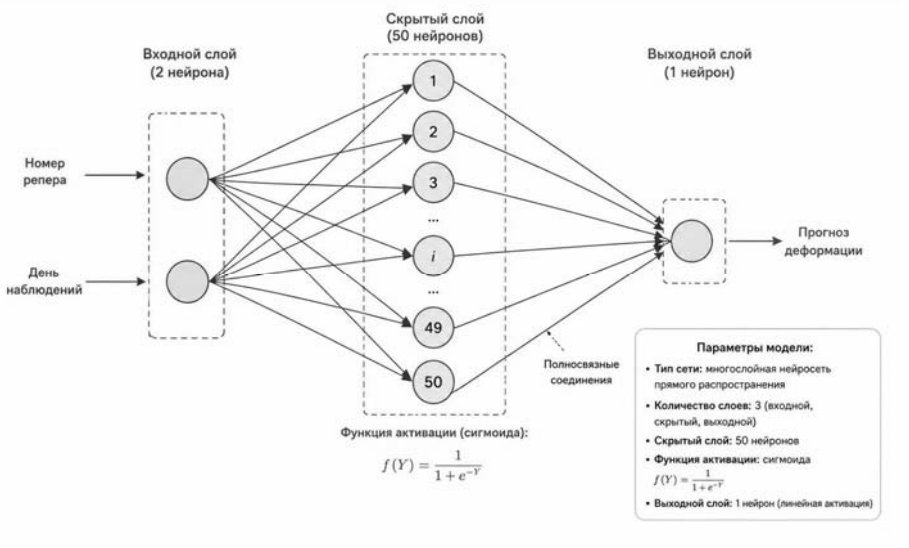

Рис. 2. Архитектура нейронной сети для прогнозирования деформаций

Разработанная модель позволяет повысить точность прогноза деформаций благодаря адаптации к текущем натурным измерениям.

Интегрированные системы мониторинга и цифровые двойники

Интегрированные системы мониторинга позволяют непрерывно получать данные о состоянии объекта наблюдения благодаря объединению GNSS-наблюдений, LiDAR-съемки и данных датчиков, в отличие от методов машинного обучения, ориентированных на построение математических моделей в фиксированных точках.

В исследовании [4] предложена система, которая включает в себя геометрическое нивелирование, GNSS-наблюдения, лазерное сканирование (LiDAR), показания инструментальных датчиков (температуры, порового давления), с последующим формированием цифрового двойника насыпи (рис. 3).

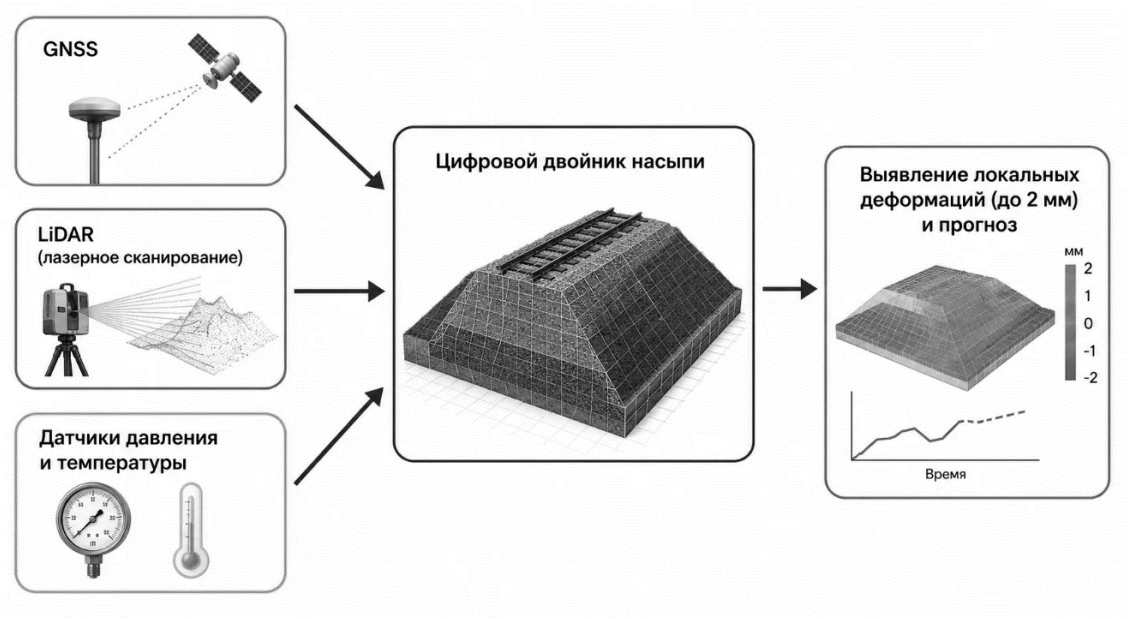

Рис. 3. Структура интегрированной системы мониторинга железнодорожной насыпи

Во время наблюдения было выявлено, что расхождение между различными методами не превышало 2 мм [4, с. 216], при этом LiDAR позволил обнаружить локальные неравномерности осадки (12–17 мм), не фиксируемые точечными методами. Разработанная интегрированная система обеспечивает повышение точности прогнозируемых осадок с высокой степенью надежностью, а также повышает вероятность раннего выявления нестабильных участков до 90–95%.

Проведенный обзор научных публикаций, посвященных прогнозированию деформаций по геодезическим данным, позволяет сделать следующие выводы: Существующая нормативно-правовая база в области геодезического мониторинга автомобильных дорог не регламентирует обязательное прогнозирование их состояния. Это приводит к тому, что на практике деформации дорожного покрытия фиксируются лишь на стадии разрушения, без оценки их развития во времени. Анализ методических подходов выявил три основных направления. **Классические кинематические модели** описывают деформацию как случайный процесс, но их экспоненциальная форма требует адаптации к сезонным циклам, характерным для дорог России. **Методы машинного обучения** демонстрируют высокую точность и способность к самообучению, однако их применение ограничено необходимостью больших массивов натурных данных для обучения сетей. **Интегрированные системы** обеспечивают наиболее полную картину процесса, выявляя локальные деформации, недоступные точечным методам, но требуют значительных экономических затрат.

Перспективным направлением дальнейших исследований является: разработка методик, сочетающих кинематические модели (для прогноза общей тенденции) с алгоритмами машинного обучения (для уточнения локальных аномалий и сезонной изменчивости). Это позволит

создать эффективную систему для прогнозирования линейных объектов в сложных климатических условиях.

1. Баширова Д.Р., Брынь М.Я., Кривоносов Д.А. Прогнозирование осадок оснований автомобильных дорог на высоких насыпях на основе машинного обучения по данным геодезических измерений // Вестник СГУГИТ. – 2022. – №5. – С. 19–29.
2. Грищенкова Е.Н., Мустафин М.Г. Использование нейронной сети для уточнения прогнозируемых деформаций земной поверхности // Маркшейдерский вестник. – 2018. – №1 (122). – С. 53–57.
3. Зубов А.В., Шаметкин В.Ю., Зубова Т.В. Автоматизация прогнозирования осадок по геодезическим данным // Грозненский естественнонаучный бюллетень. – 2023. – №2 (32). – С. 13–17.
4. Кожевников В.В., Барнашова К.М., Курзанов С.А. Мониторинг низких железнодорожных насыпей на высокоскоростных магистралях // Транспортное дело России. – 2025. – №7. – С. 215–217.
5. Новиков Ю.А. Мониторинг и обследование состояния участка автомобильной дороги Пангоды-Правохетинский // International agricultural journal. – 2022. – №2. – С. 728–744.
6. Новиков Ю.А., Хорошилов В.С., Мальцева Т.В. Прогноз деформационного процесса по геодезическим наблюдениям на основе кинематической модели // Вестник СГУГИТ. – 2025. – №2. – С. 36–46.

Сведения об авторе
С.К. Прадедов, аспирант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 008.4:378.147.3

ТРАНСФОРМАЦИЯ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕСЕННЫХ ТЕКСТОВ XX–XXI ВЕКОВ)

А.В. Прокудина, К.С. Покидько, магистранты

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье представлен лингвокультурологический анализ трансформации ключевых концептов русской песенной культуры XX–XXI вв. На материале 100 песенных текстов выявлены векторы смысловых сдвигов от коллективистско-идеологических парадигм к индивидуалистическим и личностно-ориентированным моделям национального сознания*

Ключевые слова: *языковая картина мира, лингвокультурный концепт, песенные тексты, диахронический анализ, национальное сознание, ценностные ориентиры, индивидуализация.*

TRANSFORMATION OF KEY CONCEPTS IN THE RUSSIAN LINGUISTIC WORLDVIEW (BASED ON SONG LYRICS OF THE XX–XXI CENTURIES)

Abstract. *The article presents a linguistic and cultural analysis of the transformation of key concepts of Russian song culture of the XX–XXI centuries. Based on the material of 100 song lyrics, the vectors of semantic shifts from collectivist-ideological paradigms to individualistic and personality-oriented models of national consciousness are revealed.*

Keywords*: linguistic worldview, linguistic and cultural concept, song lyrics, diachronic analysis, national consciousness, value orientations, individualization.*

Актуальность исследования заключается в том, что песенная культура фиксирует изменения в национальном сознании с особой чуткостью: в ней осаждаются коллективный опыт, эмоциональные отклики на социальные переломы и сдвиги в ценностных системах. В эпоху пересмотра культурной памяти и поиска новых смысловых опор популярная песня все чаще рассматривается как самостоятельная область, где запечатлевается языковая картина мира. Отдельные работы, посвященные конкретным периодам или жанрам, существуют. Однако целостной диахронной реконструкции того, как базовые лингвокультурные концепты эволюционировали на протяжении столетия, пока нет. Анализ изменений семантических ядер, оценочных коннотаций и прагматических функций этих концептов – с 1920-х по 2000-е годы –

позволяет не только проследить динамику языковых репрезентаций, но и обнаружить глубинные социокультурные сдвиги: ослабление идеологической доминанты, усиление субъектного начала, переход от пафосной риторики к иронической дистанции. Данное исследование востребовано в рамках современной лингвокультурологии, когнитивной семантики и социологии культуры, предлагая верифицируемый инструмент для мониторинга ценностных трансформаций в массовом сознании.

Цель настоящего исследования заключается в лингвокультурологическом анализе динамики ключевых концептов русской языковой картины мира, репрезентированных в популярной песенной культуре XX–XXI вв., для выявления векторов их трансформации и установления корреляции семантических сдвигов с эволюцией национального сознания, проявляющейся в переходе от коллективистско-идеологических парадигм к индивидуалистическим, иронично-дистанцированным и личностно-ориентированным смысловым моделям.

Задачи исследования:

1) выявить центральные концепты каждого исторического периода и определить задаваемые ими ценностные ориентиры внутри песенной культуры;

2) рассмотреть внутреннюю структуру концептов через чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле на основе модели З.Д. Поповой и И.А. Стернина;

3) определить лексические и образные средства репрезентации концептов, а также зафиксировать их культурные коннотации в разные эпохи;

4) проследить линии диахронической трансформации концептов и обозначить ключевые исторические переломы, повлиявшие на изменение их содержания;

5) показать общую тенденцию смещения фокуса с коллективного субъекта на индивидуальный опыт как важнейший итог эволюции русской языковой картины мира.

Новизна исследования состоит в том, что впервые осуществлен системный диахронный сопоставительный анализ пяти исторических периодов русской песенной культуры (1920–1939, 1940–1959, 1950–1970-е, 1980–1990-е, 2000-е гг.) с применением адаптированной матрицы концептуального анализа З.Д. Поповой и И.А. Стернина. Разработана типология векторов трансформации ключевых концептов («Родина», «труд», «война», «космос», «свобода»), зафиксированы устойчивые линии семантической перестройки: от коллективного «мы» к индивидуальному «я», от сакрализации к десакрализации, от нормативного оптимизма к рефлексивной иронии. В научный оборот введен кросс-эпохальный сравнительный аппарат, позволяющий фиксировать не только изменение лексического наполнения, но и трансформацию интерпретационных полей концептов в условиях исторических разрывов.

Методологическую основу работы составили лингвокультурологический и когнитивный подходы, рассматривающие песенный текст как пространство пересечения языковых форм, культурной памяти и моделей общественного сознания. В качестве основных методов применены: концептуальный анализ (адаптированная модель З.Д. Поповой и И.А. Стернина), позволяющий описывать внутреннюю организацию концепта и его смысловые зоны; диахронический сравнительный анализ, обеспечивающий сопоставление текстов разных десятилетий для выявления устойчивых и меняющихся концептуальных паттернов; метод корпусной лингвистики для отбора и систематизации 100 наиболее репрезентативных песенных текстов каждого периода; семантико-интерпретационный анализ для фиксации лексических маркеров, метафорических моделей и оценочных сдвигов; контекстуальный анализ культурных коннотаций, раскрывающий связь языковых репрезентаций с историческим контекстом и доминирующими идеологическими нарративами.

Теоретико-методологические основания исследования. В основе настоящего исследования лежит концептуальная парадигма современной лингвокультурологии, рассматривающая концепт как ключевую единицу культурно-исторической памяти и ментального пространства носителей языка. В отечественной научной традиции концепт трактуется не просто как лингвистический знак, а как «сгусток культуры в сознании человека» [7], обладающий многоуровневой архитектурой: понятийной, образной и ценностно-интерпретационной [1; 3]. Именно ценностный компонент концепта выступает наиболее подвижным и чувствительным к историческим трансформациям, фиксируя сдвиги в общественном мировоззрении и аксиологических приоритетах [2; 4; 9].

Диахронический анализ концептов опирается на положения культурной семиотики [5] и теории культурной памяти, согласно которым языковая картина мира не является статичным

инвариантом, а представляет собой динамическую семиосферу, где смысловые доминанты переосмысляются в точках исторического слома [2].

Эволюция концептуальных полей отражает переход от доминанты коллективного «мы» к парадигме индивидуального «я», что находит подтверждение в работах по исторической семантике и социологии ценностей [4; 8–10]. В этом контексте диахрония концептов выступает не просто лингвистическим феноменом, а маркером ценностно-смысловой переориентации национального сознания, позволяющим фиксировать, какие культурные константы сохраняются, а какие подвергаются десакрализации или идеологической трансформации.

Выбор песенного текста в качестве материала обусловлен его спецификой как жанра массовой культуры, выполняющего функцию «эмоционального сейсмографа» общества. Песенная поэзия, обладая высокой степенью интертекстуальности, ритуальности и эмоциональной насыщенности, аккумулирует не только языковые нормы, но и аксиологические установки эпохи.

В лингвокультурологическом дискурсе текст песни рассматривается как автономное смысловое поле, где концептуальные метафоры, рефрены и сюжетные модели кристаллизуют доминирующие ценностные сценарии [2; 3]. Диахроническое сопоставление песенных корпусов позволяет фиксировать не только лексические замены, но и трансформацию интерпретационных полей концептов, их оценочной модальности и прагматического потенциала в меняющемся социокультурном контексте.

Для операционализации теоретических положений в исследовании применяется адаптированная матрица концептуального анализа З.Д. Поповой и И.А. Стернина [6], дополненная диахроническим параметром. Адаптация заключается во введении кросс-эпохального сравнительного среза, позволяющего отслеживать динамику трех слоев концепта:

1) чувственно-образного (визуальные, аудиальные и кинестетические ассоциации, меняющиеся под влиянием культурного контекста);

2) информационно-когнитивного (ядерные признаки концепта, их расширение, сужение или замещение в разные исторические периоды);

3) ценностно-интерпретационного (оценочная коннотация, идеологическая нагрузка, степень сакральности или десакрализации, переход от пафоса к иронии).

Такой подход позволяет перейти от описания статической структуры концепта к реконструкции его исторической траектории, выявляя векторы семантических сдвигов и коррелируя их с макроисторическими процессами.

Теоретический аппарат исследования, таким образом, интегрирует лингвокультурологическую, когнитивную и историко-семиотическую парадигмы, создавая прочную основу для эмпирической верификации гипотезы о направленности трансформации языковой картины мира.

Полученные результаты. Анализ песенного материала пяти исторических срезов позволил реконструировать поэтапную трансформацию ключевых концептов русской языковой картины мира.

В период 1920–1939 гг. доминирующим становится концепт «Родина», репрезентируемый через образы «ласковой матери», «верной невесты» и «необъятной страны». Языковые маркеры («за Родину», «как невесту») переводят патриотическое чувство в сферу семейно-личной близости, формируя эмоционально теплую и объединяющую картину мира. Концепт «труд» теряет коннотацию тяжелой повинности, приобретая значение радостной, созидательной деятельности, обеспечивающей коллективное участие в общем деле. Символом эпохи становится «паровоз прогресса», закрепляющий установку на технический подъем и исторический оптимизм. Веселье и бодрость выступают не просто эмоциональным фоном, а государственной ценностью, поддерживающей образ уверенного в завтрашнем дне общества.

Эпоха 1940–1959 гг. кардинально переформатирует ценностное поле. Концепт «враг» осмысляется как предельное зло («фашистская нечисть», «царство тьмы»), а «Родина» приобретает сакральный статус объекта защиты. Чувства тоски и разлуки не разрушают героя, а наделяются очищающим, возвышающим смыслом. Концепт «бесстрашие» изображается как естественная реальность войны, где смерть и подвиг становятся частью единой нравственной вертикали.

В 1950–1970 гг., личное и общественное не разрываются, а, напротив, сплавляются. Концепт «космос» осмысляется как подвиг новой эпохи: человек здесь – «покоритель Вселенной», научный рывок становится знаком исторического расширения горизонтов. Любовь и дружба не отменяют коллективный идеал, а соединяются с ним, при этом патриотический вектор никуда не исчезает. Концепт «Земля-Мать» удерживает нравственную опору, даже когда технический прогресс набирает обороты. А «новый герой» – это уже не только прежняя модель ге-

роизма, а нечто более живое: с эмоциональной свободой, знанием и смелостью. Общая атмосфера открытости рождает ощущение возможного будущего, где личное счастье и общественный подъём друг другу не мешают.

В период 1980–1990 гг. происходит обрыв советской идеологической рамки. Песенная тематика наводняется образами холода, снега, туч – они передают ощущение остановленного времени и эмоционального остывания. Появляется концепт «петля неопределенности»: замкнутость, невозможность выйти из кризиса, где личное переживание сливается с историческим тупиком. Одиночество перестает быть исключением, становясь повседневной нормой, и от этого особенно остро звучит ностальгия по утраченной целостности. Главный сдвиг: от общего голоса переходят к индивидуальной оптике. Прежнее коллективное «мы» уступает место личному «я».

В 2000-е годы индивидуалистическая парадигма закрепляется окончательно. Герой говорит от первого лица, держит дистанцию с прежними нормами и сам выстраивает свою систему смыслов. Тональность меняется на насмешливую и скептическую: серьезные идеологические формулы уходят в игру, самоиронию и демонстративный отказ от пафоса. Формула «WWW Ленинград Спб точка ру» переносит тему принадлежности в цифровую среду – статус теперь определяет не государство, а символический адрес. Мотив «побега в небо» и установка «мы убежим, нас не догонят» выражают стремление к свободе, разрыв с давлением среды и поиск пространства за привычными границами. Если сопоставить все три периода по горизонтали, видно: меняются не просто тематические доминанты, а последовательно усложняется индивидуальное измерение песенного мира к началу XXI века.

Выводы. Подводя итог данного исследования, можно сделать следующие выводы: русская популярная песня действительно чутко реагирует на исторические переломы и на то, как меняется национальное сознание. Сравнение пяти эпохальных срезов показывает устойчивую линию: от коллективной идеологии и обязательного оптимизма – к личной автономии, рефлексивной дистанции и даже ироничному нигилизму. Меняются не просто отдельные слова, а целые ценностные сценарии: заново осмысляются, что такое принадлежность, ответственность, свобода. Переход от сакрализации и пафоса к десакрализации и игровой тональности говорит о том, что складывается новый тип языкового сознания – ориентированный на субъектный опыт и на то, что человек сам конструирует смыслы. Предложенная в работе аналитическая модель-схема показала, что она годится для фиксации межэпохальных сдвигов. Ее можно применять и к другим жанрам массовой культуры. Результаты проведенного исследования дают лингвокультурологии и когнитивной семантике проверяемый инструмент, который позволяет диагностировать ценностные трансформации в современном российском обществе. Дальше имеет смысл расширить корпусный материал – включить региональные песенные традиции и цифровой фольклор. Перспективой дальнейшего исследования данной темы авторы видят в том, чтобы сопоставить полученные данные с тем, что показывают социологические мониторинги национальных ценностей.

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: от теории к практике. – Москва, 1997. – С. 12–25.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – Москва: Языки славянской культуры, 1996. – 560 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 416 с.
4. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – Москва: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
5. Лотман Ю.М. Семиосфера. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Концептуальный анализ как метод описания языка // Когнитивные исследования языка. Вып. 2. – Тамбов, 2006. – С. 45–56.
7. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – Москва: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
8. Стернин И.А. Очерк русского коммуникативного поведения. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 254 с.
9. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. – Москва: Издательский центр «Академия», 2008. – 320 с.
10. Шаховский В.И. Эмоции в коммуникативной деятельности. – Волгоград: Перемена, 1997. – 218 с.

Сведения об авторах

А.В. Прокудина, магистант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

К.С. Покидько, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 338.2

ФОРМИРОВАНИЕ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В УСЛОВИЯХ ЭКСТРЕМАЛЬНОГО КЛИМАТА: РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ В МАСТЕР-ПЛАНЕ Г. ЯКУТСК

О.А. Пустовит, бакалавр

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Анализируются механизмы формирования комфортной городской среды в городе Якутске – крупнейшем населенном пункте мира, расположенном в зоне вечной мерзлоты. На основе концепции мастер-плана и деятельности территориального органа управления «Управа Сайсарского округа» МКУ ГО «город Якутск» раскрываются теоретические, правовые и финансовые аспекты адаптации общественных пространств к экстремальному климату. Представлены данные о реализации программ благоустройства, кадровом и бюджетном обеспечении, оценка эффективности. Определены ключевые проблемы и перспективы совершенствования управления городской средой*

Ключевые слова: *Якутск, Сайсарский округ, комфортная городская среда, экстремальный климат, вечная мерзлота, мастер-план, общественные пространства.*

FORMATION OF A COMFORTABLE URBAN ENVIRONMENT IN EXTREME CLIMATE CONDITIONS: THE ROLE OF PUBLIC SPACES IN THE MASTER PLAN OF YAKUTSK

Abstract. *The article analyzes the mechanisms for forming a comfortable urban environment in Yakutsk, the world's largest city located in the permafrost zone. Based on the master plan concept and the activities of the territorial administration body "Uprava of the Saisarsky District Administration" MKU GO «City of Yakutsk», the theoretical, legal and financial aspects of adapting public spaces to extreme climate are revealed. Data on the implementation of improvement programs, personnel and budgetary support, and an assessment of effectiveness are presented. Key problems and prospects for improving urban environment management are identified.*

Keywords: *Yakutsk, Saysar District, comfortable urban environment, extreme climate, permafrost, master plan, public spaces*

Формирование комфортной городской среды является одним из приоритетных направлений деятельности органов публичной власти в Российской Федерации. Для регионов Дальневосточного федерального округа данная задача приобретает особую значимость в силу их стратегического геополитического положения, удаленности от общероссийских центров экономической активности и суровых природно-климатических условий, требующих дополнительных затрат на проживание.

Город Якутск занимает уникальное место в данном контексте - являясь крупнейшим населенным пунктом в мире, расположенным на вечной мерзлоте, который одновременно сталкивается с комплексом системных вызовов – экстремальной годовой амплитудой температур, доходящий до 102 градусов, дефицитом качественной городской инфраструктуры, высоким износом жилого фонда и рисками деградации вечной мерзлоты грунтов вследствие климатических изменений [1].

Актуальность исследования определяется тем, что, несмотря на значительный объем государственных инвестиций в социально-экономическую сферу города мастер-план предусматривает финансирование в объеме 448 млрд рублей до 2030 года, разрыв между плановыми показателями и реально достигнутыми результатами на муниципальном уровне сохраняется. Анализ механизмов и результатов реализации государственной политики позволяет выявить причины данного разрыва и сформулировать предложения по его устранению.

Цель исследования – провести оценку эффективности реализации мастер-плана городского округа «город Якутск» как основного инструмента государственной политики в сфере формирования комфортной городской среды в условиях экстремального климата и выявить сис-

темные ограничения, препятствующие достижению плановых показателей на примере деятельности «Управы Сайсарского округа» МКУ ГО «город Якутск».

Методы исследования: статистический анализ, метод динамических рядов, сравнительный анализ, программно-целевой метод, анализ документов органов исполнительной власти. Эмпирическую базу исследования составили мастер-план городского округа «город Якутск» [1], отчет Окружной администрации города Якутска за 2024 год [2], данные о кадровом и бюджетном обеспечении «Управы Сайсарского округа» МКУ ГО «город Якутск» [3], результаты рейтинговых голосований за объекты благоустройства [4].

Мастер-план городского округа «город Якутск» определяет систему инвестиционных приоритетов, сформированную на основе комплексного анализа текущего состояния среды, социально-экономических и демографических показателей, климатических особенностей. Общий объём финансирования до 2030 года составляет 448 млрд рублей, из которых 202 млрд рублей планируется выделить из федерального бюджета, 77 млрд рублей – из консолидированного бюджета республики и города, более 160 млрд рублей – за счёт частных инвестиций [2].

Иерархическая структура распределения средств выстраивается в пять последовательных уровней (таблица 1). Первый уровень – снятие базовых инфраструктурных ограничений, прежде всего строительство мостового перехода через реку Лену (142,8 млрд рублей). Этот проект обеспечит ежегодную экономию бюджета в размере 4,7 млрд рублей и повышение круглогодичной транспортной доступности с 20% до 87%. Второй уровень – создание инженерного каркаса безопасности: система отведения поверхностных и надмерзлотных вод (9,95 млрд рублей) и модернизация уличного освещения (5,4 млрд рублей). Третий уровень – всесезонные общественные пространства (набережные, парки, скверы). Четвёртый – культурно-туристические объекты (Арктический центр эпоса, Всемирный центр мамонта, кинопавильон). Пятый – комплексное жилое строительство и социальная инфраструктура: школы, детские сады, комплексное развитие территории (таблица 1).

Таблица 1

Динамика структуры финансирования государственных программ Приморского края по источникам за 2022-2024 годы

Наименование проекта	Срок реализации	Стоимость, млрд руб.	Ожидаемый результат
Мостовой переход через Лену	2023–2028	142,8	Рост транспортной доступности с 20% до 87%
Система водоотведения (100 км)	2028–2032	9,95	Предотвращение деградации вечной мерзлоты
Модернизация освещения (447 км)	2024–2026	5,4	100% освещённость к 2030 г.
Благоустройство озера Сайсары и сквера матери	2023–2024	0,45	215 тыс. посетителей/год
Арктический центр эпоса и искусств	2019–2024	15,55	113 тыс. посетителей/год
Мкр. «Звездный» (КРТ)	2023–2028	28,97	264,8 тыс. кв. м жилья, 904 рабочих места
Микрорайон «Ленские столбы»	2023–2030	60,62	363 тыс. кв. м жилья, 2000 рабочих мест
Школы (12 объектов)	2024–2030	20,0	10,5 тыс. мест

Представленные данные раскрывают главный вектор направления инвестиций: превращение Якутска в город с доступной средой, охватывающей все сферы жизни.

Доступность понимается не узко – как физическая возможность передвижения. Она включает транспортную связанность, инженерную надежность социальную равномерность и рекреационную полноту. Мастер-план выстраивает целостную систему, где жилье, инфраструктура, общественные пространства и соц. учреждения не разрознены, а взаимосвязаны. Каждый проект подчинен единой задаче: создать лучший город для жизни на вечной мерзло-

те. Без такой системной связки даже колоссальные вложения остались бы незначительными и не дали бы подобного эффекта.

Сайсарский округ – один из наиболее динамично развивающихся районов Якутска, где сосредоточены проекты комплексного развития территорий (кварталы 75, 84, 85, 111, 112). Ответственность за повседневное благоустройство, контроль подрядчиков, приём обращений граждан и координацию с ресурсоснабжающими организациями лежит на «Управе Сайсарского округа» МКУ городского округа «город Якутск» [3]. На благоустройство озера Сайсары (набережная озера Сайсары и сквер Матери) в 2024 году направлено 240,1 млн рублей, фактическое освоение – 201,3 млн рублей (83,8%). Оставшиеся средства образовались из-за оценки стоимости работ, что типично для капиталоемких проектов в условиях вечной мерзлоты Оба объекта сданы в эксплуатацию и стали точками притяжения для жителей округа [2]. Кроме того, по программе «1000 дворов на Дальнем Востоке» отремонтировано 15 дворов, из них три расположены в Сайсарском округе. Работы включали замену асфальтового покрытия, установку детских и спортивных площадок, монтаж освещения [4], также в рамках градостроительного планирования запланирована разработка трех мероприятий комплексного развития территории согласно мастер-плану в границах кварталов 75, 84, 85, 111, 112 в Сайсарском округе [2].

Оценка общей эффективности реализации общественных пространств в мастер-плане г. Якутск показывает позитивную динамику. Население Якутска к концу 2025 года превысило 400 тысяч человек, увеличившись на 8% за 5 лет. Бюджет города достиг 36 млрд рублей, собственные доходы выросли на 10% благодаря развитию малого и среднего бизнеса (более 22,8 тыс. субъектов, 4,5 млрд рублей налогов) [5]. К концу 2025 года завершены шесть крупных проектов мастер-плана, включая набережные и площадь Ленина. Введено 415 тыс. кв. м жилья – первое место на Дальнем Востоке. Расселено 1177 человек из аварийного жилья, доля дорог в нормативном состоянии достигла 85% [5]. Вместе с тем сохраняются риски: аварийный фонд насчитывает более 1100 домов, значительный объем аварийных инженерных коммуникаций, запыленность в летний период времени, а деформация малых архитектурных форм после весеннего оттаивания на набережной озера Сайсары свидетельствует о недостаточном учете мерзлотных процессов на этапе проектирования [2].

Системный анализ позволяет выделить три группы проблем, препятствующих повышению эффективности. Правовые: мастер-план не имеет статуса в Градостроительном кодексе, отсутствуют специализированные климатические стандарты благоустройства. Ресурсно-управленческие: острый кадровый дефицит в «Управа Сайсарского округа» МКУ ГО «город Якутск» (10 сотрудников на 45 тыс. жителей), отсутствие финансовой автономии, высокая текучесть персонала. Климатические: ускоренная деградация вечной мерзлоты из-за потепления, короткий строительный сезон (май–сентябрь), эксплуатационные дефекты проектов, не прошедших климатическую экспертизу. В связи с этим предлагаются следующие меры. На федеральном уровне необходимо закрепить статус мастер-планов в Градостроительном кодексе и утвердить климатические стандарты благоустройства для населенных пунктов зоны вечной мерзлоты. На региональном и муниципальном уровне следует увеличить штат Управы Сайсарского округа на 3–4 единицы (прежде всего специалистов по ЖКХ и благоустройству), делегировать территориальным управам право на неотложные расходы без согласования с Департаментом по работе с территориями [6]. В технологической сфере требуется внедрить обязательную климатическую экспертизу всех проектов благоустройства, развить цифровые инструменты контроля качества – фотофиксацию дефектов, электронные паспорта общественных пространств, автоматизированный реестр проблемных точек [7].

Таким образом, проведенный анализ показывает, что общественные пространства, интегрированные в стратегию мастер-плана, становятся структурной основой комфортной среды в условиях вечной мерзлоты. Рост численности населения, рекордные объемы ввода жилья и успешная реновация набережных подтверждают обоснованность выбранного вектора развития. Однако ситуация на уровне муниципального управления, в частности в Управе Сайсарского округа, демонстрирует существенный дисбаланс между масштабом поставленных задач и доступными ресурсами. Острый дефицит кадров и отсутствие финансовой самостоятельности ограничивают способность оперативно реагировать на локальные проблемы, снижая общую отдачу от инвестиций. Для разрешения этого разрыва необходим комплекс взаимосвязанных решений. Прежде всего, требуется законодательно закрепить статус мастер-плана и разработать климатические нормативы, адаптированные к зоне вечной мерзлоты. Одновре-

менно следует укрепить территориальные управы: расширить штат профильными специалистами и предоставить им право автономно распоряжаться лимитами на неотложные расходы. Внедрение же цифровых инструментов, таких как фотофиксация дефектов и электронные паспорта объектов, позволит наладить действенный контроль качества. Реализация этих мер превратит текущие вызовы в точку роста, без чего даже значительные бюджетные ассигнования рискуют не привести к ощутимому повышению качества жизни горожан.

1. Мастер-план городского округа «Город Якутск» // ДОМ.РФ. Текст: электронный. – URL: URL: https://дом.рф/urban/fund/project/509208/.
2. Отчет главы городского округа «город Якутск» и Окружной администрации города Якутск // Окружная администрация города Якутска. Текст: электронный. – URL: https://yakutskcity.ru/administration/otchet/.
3. МКУ «Управа Сайсарского округа» ГО «город Якутск» // Окружная администрация города Якутска. Текст: электронный. – URL: URL: https://yakutskcity.ru/administration/tou/.
4. Итоги проведения рейтингового голосования за объекты благоустройства в 2025 году // Окружная администрация города Якутска. Текст: электронный. – URL: https://yakutskcity.ru/press-tsentr/.
5. Первые итоги реализации мастер-планов Якутска и Нерюнгри // Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики. Текст: электронный. – URL: https://erdc.ru/ko/news/. 6. Постановление Окружной администрации города Якутска от 21.12.2012 № 271п (ред.
6. 09.2021) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Текст: электронный. – URL: https://docs.cntd.ru/document/439086593.
7. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации» // Администрация Президента России. Текст: электронный. – URL: http://kremlin.ru/acts/bank/50542.

Сведения об авторе
О.А. Пустовит, бакалавр, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 008

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КИТАЙСКОГО ЭТНОСА МЯО: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Пэн Лимин, аспирант

Н.А. Коноплева, д-р культурологии, профессор кафедры ДЗТ

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Анализируются исторические, культурно-антропологические и гендерные основания китайского этноса Мяо. Рассматривается преимущественно внешний образ женщин и мужчин данного народа. На основе анализа произведений изобразительного творчества двух китайских художников – Чжао Чуна и Ян Хуншуня показано своеобразие их национальных костюмов, выразительность и красота лиц.*
Ключевые слова: *этническая культура, китайский народ Мяо, гендер, внешний образ, живопись.*

FINE ART IN REPRESENTING THE CHINESE MIAO ETHNIC GROUP:THE GENDER ASPECT

Abstract. *This article analyzes the cultural, anthropological, and gender foundations of the gender foundations of the Chinese Miao ethnic group. It focuses primarily on the lifestyle and men of this people. An analysis of the visual words of two Chinese artists ,Zhou Chun and Yang Hongshun, demonstrates the uniqueness of their national costumes and the expressiveness and beauty of their faces.*
Keywords*: ethnic culture, Chinese Miao people, gender, appearance, painting.*

Представители этноса Мяо (хмонги – так они сами называют себя) проживают во многих странах: Вьетнаме, Лаосе, Таиланде, Китае. Кроме того, небольшие сообщества этого народа имеются в Австралии, Канаде, США и Франции.

Китайские хмонги живут преимущественно в горных районах юга страны: провинции – Гуанси, Гуйчжоу. Гуандун, Сычуань, Хайнань, Хунань, Хубэй, Юньнань. Согласно статистическим данным 2024 года во всем мире представителей этого народа – 11 млн человек. Причем больше всего их в Китае – 8 940 116 человек, из них мужчин – 4 656 974, женщин – 4 283 142. Наибольшее их число живет в автономном округе Гуйчжоу и провинции Юньнань.

Представителей этого этноса отличает свободолюбивый характер, они имеют яркий внешний облик, недаром их называют «радужные люди», у них не только красивые, улыбчивые выразительные лица, но и очень своеобразный дизайн костюмов и аксессуаров.

Истоки народа Мяо восходят к эпохе Янь-ди и Хуан-ди (Пламени и Жёлтого императора), насчитывая около 5000–6000 лет. Исследования в сфере мяологии доказывают, что предки мяо тесно связаны с легендарными персонажами древнекитайской истории – вождем Чи Ю и объединением «Цзюли». Многочисленные исторические факты свидетельствуют о том, что «Цзюли» было древнейшим и крупнейшим союзом племён на юге Китая. Состоявшее из множества родовых групп, оно являлось общим предком для южной конфедерации Байюэ, этнического массива Мяо-мань, а также части южных ханьцев. Иными словами, племенной союз Чи Ю и Цзюли генетически связан с народом Мяо и может считаться его древнейшими предками. «Цзюли» – один из трёх крупнейших племенных союзов, описанных в древнекитайских легендах; Чи Ю был вождём этого объединения. Он является знаменитым деятелем мифической древности Китая и героем, которому поклоняются Мяо из поколения в поколение. Переход от племенного союза к следующему этапу развития означал бы образование государства, поэтому некоторые исследователи называют это объединение «Государством Цзюли». Однако с научной точки зрения, оно всё ещё носило характер племенного союза [2, С. 18–19].

В эпоху Яо, Шуня и Юя (около 4000–5000 лет назад) на исторической арене появился новый племенной союз – «Саньмяо», также известный как «Юмиао» или «Мяоминь». В период Яо, Шуня и Юя «Саньмяо» находилось в стадии перехода от родоплеменного строя к государственности. Оно уже обладало зачатками государства и потому именовалось «Государством Саньмяо», но также имело и этническое ядро, известное как «Юмиао» или «Мяоминь». «Саньмяо» представляло собой часть более раннего объединения «Цзюли». Поэтому потомки часто смешивали эти понятия: иногда «Цзюли» называли «Древним Саньмяо», а иногда Саньмяо приравнивали к «Цзюли». Между ними существует определённая генетическая связь – Саньмяо является одним из потомков Цзюли [3, С. 25-26].

Несмотря на вышесказанное, именно период от эпохи Цинь и Хань до династий Тан и Сун (свыше 1500 лет) считается этапом формирования народа Мяо. Это объясняется тем, что в данный период, в отличие от предшествующих времен, у мяо впервые появился относительно стабильный и компактный ареал расселения. Впоследствии они постепенно обособились от этнического массива «наньмань» (южных варваров), обрели собственное этническое самоназвание и официально закрепились в исторических хрониках под именем «Мяо». К эпохе династии Сун термин «Мяо» уже окончательно стал устойчивым этнонимом, обозначающим самостоятельную нацию (Там же, с. 88). Период династий Юань, Мин и Цин (1271–1911 гг.) считается этапом дальнейшего развития народа Мяо. Значительная часть мяо проживала в районах Улин и Уси (современная провинция Хунань), но и продолжала мигрировать на запад. На территории современной провинции Гуйчжоу уже сформировался крупный ареал их компактного проживания (например, Цяньдуннань-Мяо-Дунский автономный округ). После прихода в Гуйчжоу мяо продолжили расселяться по различным районам Юннаня, что привело к росту численности населения и формированию новых анклавов в этой провинции.

Национальная одежда народа мяо является важнейшей составляющей культуры мяо, обладающей уникальной художественной ценностью и культурным содержанием. Пройдя длительную историческую эволюцию, этот народ постепенно сформировал своеобразную культуру костюма и технологии ее изготовления. Причем этнический костюм не только отвечает практическим потребностям повседневной жизни народа мяо, но и в полной мере отражает их эстетические вкусы и культурные верования. Элементы традиционного костюма – фасоны, цветовые решения, орнаменты – тесно связаны с историей, легендами и обычаями, выступая важнейшим носителем преемственности культуры мяо. С развитием глобализации и прогрессом общества вопросы гендерной идентичности и культурной экспрессии привлекают всё большее внимание.

Гендерная идентичность представляет собой степень самовосприятия и признания индивидом своей социокультурной принадлежности, а культурная экспрессия – это процесс выражения и передачи национальных ценностей посредством языка, искусства, одежды и других форм.

Изучение национальной одежды мяо позволяет глубже понять гендерные роли, социальный статус и систему ценностей в этой культуре, а также способствует дальнейшему исследованию взаимосвязи между гендерной идентичностью и культурной экспрессией, а также их влияния на личность и общество [4, с. 27-29].

Наиболее выраженные гендерные различия выявляются в дизайне костюмов этноса Мяо. Традиционные мужские и женские костюмы заметно отличаются как в дизайне, так и в технологии изготовления; эти различия в первую очередь касаются выбора материалов, орнамента и техники исполнения. Мужской костюм в своем дизайне ориентирован преимущественно на практичность и комфорт. Для него характерны сдержанная цветовая гамма и простые декоративные элементы – чаще всего это линии и геометрические элементы.

Женская же одежда акцентирует внимание на изяществе и эстетике: здесь наблюдается более богатая и сложная цветовая палитра, а также тщательная детализация отделки. Различия в дизайне мужского и женского костюмов отражают разделение гендерных ролей в традиционном обществе мяо. Женщины отвечали за изготовление одежды для всей семьи, поэтому уделяли больше внимания декоративности нарядов. Мужчины же были заняты в основном земледельческими работами (пахотой и посадкой), что обусловило акцент на практичности: их повседневная одежда чаще всего была черного или темно-синего цвета. Ил. 1 (фото) , Ил. 4, 5 (мужской) и Ил. 2, 3, 6, 7 (женский) запечатлены жители Сянси-Туцзя-Мяоского автономного округа в Китае. Хорошо видно, что мужской костюм отличается лаконичностью и простотой, в то время как женский – пышностью и богатством убранства [1, с. 213-214].

Рис. 1. Фотографии традиционного костюма мяо

Источник: https://mp.weixin.qq.com/s/xMdIhxMDhEv4AehCyYtGEQ

Рис. 2. 杨洪顺《 族姑娘》. 2016年. 布面油画. Ян Хуншунь.
«Молодая девушка мяо». 2016. Холст, масло. 110×155cm.

На картине художника Ян Хуншуня «Молодая девушка мяо» изображена в массивном серебряном ожерелье и в сложном головном уборе, которые выступают в качестве основных визуальных элементов. Многослойные металлические кольца и свисающие кисточки не только воспроизводят богатство и техническое мастерство народа Мяо, но и символизируют содержание молитв этой этнической группы о «совершенстве» и «защите» в их верованиях. Серебристый металлический блеск на темном фоне подразумевает чистоту и нетленность священной души. Костюмы преимущественно выполнен в насыщенном синем цвете, дополненном большими участками ярко-красной вышивки в виде квадратов и цветочных узоров на юбке, что соответствует культурной эстетике народа Мяо, пропагандирующей яркие цвета. Синий символизирует небо и спокойствие, а красный напрямую относится к жизни, молодости и этнической памяти китайского этноса. Эти два цвета создают сильный визуальный контраст с серебристо-белым, усиливая присутствие персонажей и подчеркивая их этническую идентичность.

Картина отличается вертикальной композицией и фронтальной позой. Статичный ритуальный жест сложенных рук демонстрирует идентичность изображенного человека как объекта созерцания и носителя культуры. Повседневная жизнь превращается в торжественный ритуал, передавая сдержанный и интровертный характер представительниц этнической группы. Контраст, между темно-серым и черным фоном и насыщенной одеждой изображенной женщины, создает ощущение исторической глубины и таинственности благодаря глубоким серым тонам, в то время как яркие цветовые блоки наполняют картину жизненной силой, создавая чувство напряжения между спокойствием и страстью.

Рис. 3. 赵春《苗族少女》. 2003年. 布面油画.
Чжао Чунь «Девушка этноса мяо». 2003 год. Холст, масло

На картине Чжао Чуня «Девушка этноса мяо» образ девушки не является простым воспроизведением, а раскрывается посредством сложной системы визуальных символов. Яркий луч света, напоминающий сценический прожектор, вертикально падает сверху вниз, точно освещая лицо женщины и серебряные украшения на ее груди. Кроме того, художник искусно использует многослойность красок, создавая текстуру, похожую на выветренную кору дерева или старинную деревянную стену, при изображении фона. Кожа фигуры изображена относительно гладко и деликатно, а серебряные украшения показаны с помощью бликов и отражений, передавая твердость металла. Этот прием эффективно подчеркивает фигуру и костюм народа Мяо. Наиболее впечатляющими являются замысловатые и изысканные серебряные украшения, которыми украшена грудь молодой женщины.

В культуре народа Мяо серебряные украшения несут в себе историю, мифологию и верования нации. Гравированные узоры на головных уборах и серебряных прядях в основном посвящены бабочкам, драконам, фениксам и рыбам. Среди них «Мать-Бабочка» – предок человечества в древних песнях Мяо; поэтому узоры с бабочками не только символизируют красоту, но и олицетворяют почтение к предкам и молитвы о продолжении рода. Девушка на картине одета в красную одежду этнической группы мяо. В эстетической системе мяо красный цвет считается самым ярким и красивым, символизирующим счастье, благополучие, энтузиазм и юношескую энергию, а также принадлежность к данной этнической идентичности. Жест девушки, нежно прикасающейся к серебряным украшениям на груди, – это одновременно и

признак благочестивой молитвы, и демонстрация ее самого драгоценного сокровища. Ее поза наполняет сцену ощущением ритуала, возвышая фигуру не просто как личность, а как воплощение духа культуры народа Мяо.

Рис. 4. 杨洪顺《魂兮-苗族男子》. 2022年. 布面油画.
Ян Хуншунь. «Души мужчин мяо». 2022. Холст, масло. 160×180 cm

В работе Ян Хуншуня «Души мужчин мяо», посвященной культуре мяо, в качестве основного визуального символа используется плотно расположенный лушэн (разновидность тростникового духового инструмента). Его колонновидная структура и ленточные украшения не только воспроизводят сам инструмент, но и символизируют сплоченность этнической группы мяо и чувство порядка в культурном наследии. Вертикальное расположение лушэна метафорически демонстрирует стабильность клановой структуры и преемственность передачи из поколения в поколение.

Костюмы преимущественно чёрные, что соответствует практичности мужчин – представителей народа Мяо и его культурным эстетическим предпочтениям, в которых чёрный цвет является неотъемлемой частью. Белые головные уборы создают сильный визуальный контраст, усиливая демонстрации идентичности этнической группы. Хотя узоры на костюмах размыты, они ненавязчиво содержат геометрические или природные тотемы, несущие в себе историю миграции и память о верованиях. Групповой портрет пожилых людей и детей на картине воссоздает сцену праздничной церемонии с помощью таких действий, как игра на шэне, держание оружия и стояние. Картина демонстрирует повседневную жизнь в культурные представления и передает живое наследие памяти этнической группы. Контраст между темно-серым фоном и насыщенными лентами (красными и зелеными) создает ощущение исторической тайны благодаря тяжелому серому тону основы картины и активизирует чувство жизненной силы героев фестиваля с помощью ярких цветовых блоков, формируя торжественное и восторженное эмоциональное напряжение.

Рис. 5. 姚钟华《苗族汉子》. 1971年. 布面油画.
Яо Чжунхуа «Мужчина этноса мяо». 1971. Холст, масло. 53×42 cm

В этом портрете мужчины этноса Мяо художник отказался от изображений, обычно встречающихся в портретах женщин, таких как роскошные серебряные украшения и нежная кожа. Вместо этого он использовал смелые, тяжелые мазки, бронзовый оттенок кожи и глубокие красновато-коричневые тона, чтобы создать представления о «деревенском труде мужчины и следах времени на его лице, символизирующих стойкость, трудолюбие и мудрость мужчины как «опоры нации» и своей семьи. Резкий контраст между белой (или светлой) одеждой и темным фоном создает визуальный фокус, символически указывая на неукротимую жизненную силу и память земли. Изображая крупные планы и поясную композицию, в сочетании с глубоким и спокойным взглядом мужчины, художник избегает драматической вычурности, позволяя персонажу вернуться к своей истинной природе — спокойной, терпеливой и целеустремленной. Общий подход – «свободная интерпретация одежды и тщательное изображение лица» – передает яркую, мужественную, первобытную и открытую силу, противостоящую смерти.

В отличие от этого, современные картины маслом, изображающие женщин народа Мяо, как правило, используют их в качестве средства выражения эстетики и идентичности женщин этой этнической группы. Во-первых, мазки кисти чрезвычайно тонкие, часто заимствующие приемы из классической реалистической портретной живописи, что указывает на культурные коннотации «чистоты, святости и надежды представительниц этнической группы», которыми наделены женщины Мяо. Во-вторых, поразительно тщательное изображение одежды и серебряных украшений; серебряные украшения в культуре Мяо являются материальными символами семейного богатства, защиты предков и мифологических верований, и благодаря тщательному изображению художник возводит одежду в ранг визуального тотема этнического духа. В-третьих, цвета одежды намеренно подчеркиваются; женщины рассматриваются как «носительницы жизни», а в эстетической системе Мяо красный цвет символизирует жизнь, благополучие и юношескую энергию – важный цветовой код для этнической идентичности.

Рис. 7. Чжао Чунь «Молитва», 2003 год, холст, масло, 53×42 см.
赵春 《祈祷》 2003年 布面油画 53×42 cm

Картина Чжао Чуня «Молитва» возводит образ женщин народа Мяо до вершины «трансцендентных духовных символов». На картине женщина изображена в изысканном, замысловатом серебряном головном уборе с элементом рога, загнутые вверх кончики которых символизируют поклонение предку «Матери-бабочке» и вере народа Мяо в священные горы; здесь этот элемент преувеличен, напоминая нимб святого, символизирующий промежуток между человечностью и божественностью. Женщина одета в свободное, чисто-белое платье, руки сложены перед грудью, серебряные украшения свисают естественно – этот наряд превращает традиционную «материальную роскошь» народа Мяо в демонстрацию «духовно безупречной чистоты» и вероисповедания народа. Здесь белый цвет становится священным визуальным символом: на глубоком коричневом фоне он создает эффект «нимба», символизируя чистоту и духовность. Сочетание белой мантии с серебряной короной символизирует «церемониальный наряд», наделяя персонажа статусом жрицы или духовной хранительницы народа, а не обычной девушки в праздничном платье. Художник использовал классический прием центрального освещения (прием Рембрандта): луч холодного, яркого света льется сверху, освещая фигуру и создавая впечатление, что она парит на темном фоне. Резкий контраст между абсолютной бе-

лизной (фигуры) и абсолютной темнотой (окружающего пространства) устраняет влияние реального пространства, создавая драматическое напряжение, подобное «чуду», метафорически выражающеему абсолютное превосходство сакрального пространства над светским.

Таким образом, в результате осуществленного анализа можно сделать вывод о том, что изобразительное творчество является значимой формой художественной культуры, служащей информационным источником культурных кодов этносов и наций.

1. Ли Байшань, Сюэминь Чэн . Культура одежды народности мяо и художественное выражение в аппликативных орнаментах и узорах // Сто школ искусств. – 2017. – № (2). – С. 213–214 [李柏山 贴片图形与纹饰中的苗族服饰文化及其艺术形式表达/ 李柏山, 成雪敏// 艺术百家
2. История и культура народа мяо / Тингуй Ли, Шань Чжан, Гуанда Чжоу. – Пекин: Издательство Центрального университета национальностей, 1996. – 451 с, с. 18–19 [李廷贵. 苗族历史与文化／李廷贵, 张山, 周光大 – 北京: 中央民族大学出版社
3. Синьфу У. Всеобщая история народа мяо в Китае. – Гуйян : Издательство Гуйчжоуского национального издательства, 1999. – 1101 с, с. 25-26. 伍新福 中国苗族通史／伍新福 – 贵阳: 贵州民族出版
4. Чэнь Сянчжи, Цзэнянь Ли. Анализ традиций и эволюции современного развития одежды народности мяо // Западная кожа. – 2023. – № (20). – С. 27–29. 陈祥志 苗族服饰的传统与现代化演变探析/ 陈祥志, 李泽念// 西部皮革

Сведения об авторах

Пэн Лимин, аспирант, ФГБОУ ВО Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

Н.А. Коноплева, д-р культурологии, профессор, профессор каф. ДЗТ, ФГБОУ ВО Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 372.881.111.1

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГРАММАТИЧЕСКИХ СКАЗОК ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

А.В. Рогачева, магистрант

А.С. Чернышева, канд. ист. наук, доцент кафедры МКП

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В условиях современной цифровизации и глобализации обучение иностранным языкам в высших учебных заведениях требует инновационных подходов, способных повысить мотивацию студентов и улучшить усвоение грамматического материала. Традиционные методы обучения часто не обеспечивают глубокого понимания и не стимулируют активное использование языка в коммуникации. В этом контексте грамматические сказки выступают как перспективный дидактический инструмент, который сочитает в себе обучающие, когнитивные и эмотивные элементы. Особую значимость приобретает использование видеоформата, который усиливает визуальное и аудиальное восприятие, делая обучение более наглядным и увлекательным.*

Ключевые слова: *дидактический потенциал, грамматическая сказка, английский язык, грамматика, психологические особенности сказки, метод преподавания.*

THE DIDACTIC POTENTIAL OF GRAMMATICAL FAIRY TALES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES AT HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

Abstract. *In the context of modern digitalization and globalization, foreign language education in higher education institutions requires innovative approaches capable of increasing student motivation and improving the assimilation of grammatical material. Traditional teaching methods often fail to ensure deep understanding and do not stimulate the active use of language in communication. In this context, grammatical fairy tales emerge as a promising didactic tool that combines educational, cognitive, and emotional elements. The use of*

video format is of particular significance, as it enhances visual and auditory perception, making learning more illustrative and engaging.

Keywords: *didactic potential, grammar tale, English language, psychological features of fairy tale, grammar, method of teaching.*

Актуальность исследования обусловлена потребностью в внедрении инновационных методик, способствующих эффективному усвоению грамматических конструкций. Этот аспект остаётся одним из наиболее сложных в обучении иностранным языкам, поскольку классические подходы зачастую не обеспечивают формирования качественных языковых компетенций. Использование грамматических сказок как дидактического инструмента, интегрирующего грамматические правила в увлекательные и запоминающиеся сюжеты, может повысить уровень грамматической грамотности студентов.

Объектом исследования является обучение английскому языку студентов высших учебных заведений.

Предметом исследования выступают использование грамматических сказок для обучения грамматике студентов высших учебных заведений.

Цель данного исследования заключается в оценке дидактического потенциала грамматических сказок как способа формирования грамматических навыков.

Для достижения цели работы необходимо решить следующие задачи:

1) изучить теоретические аспекты использования грамматических сказок в образовательном процессе и их влияние на обучение иностранному языку;

2) проанализировать степень разработанности проблемы в данном направлении;

3) разработать собственный цикл сказок, направленный на оптимизацию процесса обучения грамматике в рамках преподавания английского языка в высшем учебном заведении;

4) создать мультимедийный контент грамматических сказок при по помощи искусственного интеллекта;

В своем педагогическом трактате «Великая дидактика» Я.Н. Коменский определил дидактику как «универсальную науку о теории образования и обучения, включающая цели, принципы, методы и организацию учебного процесса».

С. Н. Зубарев предлагает рассматривать ДП как «совокупность методов, средств, форм обучения, обеспечивающих эффективность достижения целей обучения и выстроенную с учетом его содержания, закономерностей и принципов». Для лучшего восприятия предложенного определения названный автор представляет такой потенциал в виде формулы: ДП = цели + принципы + методы + средства + формы обучения [2, с. 113].

Грамматические сказки – это предъявление грамматического материала в ходе, которого сложная грамматическая терминология заменяется на сказочные образы, доступные для понимания [3].

Таким образом, дидактический потенциал грамматической сказки — это совокупность методических приёмов, средств и форм обучения, интегрированных в повествовательную структуру, которая заменяет сложную грамматическую терминологию на доступные сказочные образы. Данный подход обеспечивает эффективное достижение образовательных целей за счёт визуализации грамматических правил, упрощения восприятия и повышения вовлеченности в процесс обучения.

Е.Н. Шеменева в своей диссертации писала о том, что психолого-возрастные особенности, которые учитываются при использовании грамматических сказок, связаны с когнитивными, эмоциональными и поведенческими характеристиками разных возрастных групп. Такие сказки помогают облегчить понимание грамматических понятий, повысить мотивацию к обучению и улучшить усвоение материала. Такой вид сказок предполагает передачу обучающимся материала в доступной форме, как раз благодаря своей образности и персонификации абстрактных понятий. Применение дидактических сказок в обучении позволяет повысить познавательную деятельность обучающихся за счет вовлечения в работу как левого, так и правого полушарий головного мозга, так как сказка в равной степени рациональна и эмоциональна, то есть она сочетает логическое мышление с опытом чувств.

А Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. указала в своей работе на то, что грамматические сказки эффективны для младших школьников «так как такое средство подачи материала соответствует их возрастным особенностям. Младшие школьники имеют склонность к одушевлению предметов и явлений природы, из чего можно сделать вывод, что они не только понимают, но и принимают язык сказок» [5].

Изучив теоретические аспекты, составляющие дидактического потенциала грамматических сказок и психолого-возрастные особенности их использования, а также проанализировав уже созданные грамматические сказки таких авторов как Т.С. Ксенофонтова, М.А. Никулина, С.Н. Мушкис. В сказочных историях Т.С. Ксенофонтовой используются грамматические правила для учащихся начальной школы, так как фокус проанализированных нами работ направлен на объяснение грамматики настоящего простого и длительного времен, а также глагола «to be». В грамматических историях задействованы простые герои, часто с уменшительно-ласкательным названием для легкого восприятия детей. Так, например, в ее сказке про отрицательную частицу Not главным героем является «мальчик-отрицайчик». Прямая речь используется редко, в основном повествование идет от лица автора: «Хочу стоять в предложениях и буду стоять, мало того, стоять буду на том месте, которое мне больше всего нравится». Выбрал он себе третье место и с тех пор занимает только его – ни на какое другое не соглашается [6]. Слова автора используются в большем количестве для точного восприятия темы, а также для концентрации детей не на героях, а на грамматических правилах. Никулина М.А. не ограничилась грамматическими временами, а также писала о суффиксах прилагательных, правилах спряжения глагола «have», неопределенном и определенных артиклях. В своих грамматических сказках автор часто использовала рифмы для легкого запоминания правил детьми. Список грамматических сюжетов довольно большой, однако они короткие, так как школьникам тяжело концентрировать внимание на длинных текстах, а также извлекать из них необходимую информацию. В грамматических сказках Мушкис С.Н. содержат в себе краткую, при этом, полноценную информацию об использовании данного грамматического правила. Нами было отмечено, что автор написал сказки с использованием конкретных примеров на английском языке, для того, чтобы мгновенно продемонстрировать функциональность правила.

Нами также был проанализирован сборник грамматических историй для детей зарубежного автора Л. Чарлсуорт. Истории наполнены забавными героями и ситуациями, при которых сами персонажи узнают новые правила грамматики. Проблемность новых сюжетов повышает интерес к теме, посредством чего дети фокусируют свое внимание на правилах. К каждой сказке прилагаются красочные иллюстрации с написанными грамматическими правилами, что способствует быстрому запоминанию изучаемой темы.

Проанализировав грамматические сказки других авторов, мы сделали вывод о том, что представленные истории направлены для детей школьного возраста. Сказки объясняют грамматический материал, базирующийся только на школьной программе, а для студентов грамматика не была продемонстрирована. Мы решили создать грамматические истории, которые будут базироваться на материале для студентов высшего учебного заведения, для облегчения и лучшего восприятия грамматики. Таким образом, нами было принято решение разработать собственный цикл грамматических сказок и адаптировать их использование для обучения студентов высших учебных заведениях посредством создания мультимедийного контента при помощи искусственного интеллекта. Грамматические сказки были разработаны в соответствии рабочей программы дисциплины: Иностранный язык. Модуль 2. Мы проанализировали учебно-методический комплекс «Navigate Pre-Intermediate» издательства «Oxford University Press» высшего учебного заведения и отобрали необходимые грамматические явления, а именно To be going to, Past Simple, Past Perfect, Articles, Comparative and Superlative forms.

Таким образом нами были разработаны 5 грамматических сказок:

1. Сказка про всепланирующую To be going to;
2. Сказка про сестриц артиклей A and An;
3. Сказка про глаголы Past Simple;
4. Сказка про рыцаря Present Perfect;
5. Сказка про подружек Superlative and Comparative.

Перед нами стояла задача создать мултимедийные истории на основе написанных грамматических сказок таким образом, чтобы данный контент был интересен студентам ВУЗа. Для выполнения поставленной задачи был выбран искусственный интеллект Vidu. Этот инструмент содержит функции бесплатной анимации и спецэффектов, которые были нужны нам для видео-формата разработанных грамматических историй. Модель способна генерировать фрагменты видео непосредственно на основе текстовых запросов (промптов) или исходных статических изображений. Одной из ключевых особенностей Vidu является способность сохранять высокую степень визуальной стабильности и согласованности движений, а также понимание сложных физических взаимодействий объектов внутри кадра. Удобный интерфейс

помог создать видео-контект без трудностей. Мы загрузили готовый текст сказок и написали скрипт действий для искусственного интеллекта, а именно описали внешность главных героев и локации действий. Таким образом, мы смогли создать пять мультимедийных грамматических историй, для того, чтобы апробировать их на занятиях со студентами.

Модель способна генерировать фрагменты видео непосредственно на основе текстовых запросов (промптов) или исходных статических изображений. Одной из ключевых особенностей Vidu является способность сохранять высокую степень визуальной стабильности и согласованности движений, а также понимание сложных физических взаимодействий объектов внутри кадра.

Функционал Vidu представляет значительную ценность для специалистов в области мультимедийного производства. Благодаря использованию диффузной архитектуры, нейросеть позволяет создавать визуально насыщенный контент, который по качеству соперничает с профессиональной съемкой. Пользователи могут генерировать сцены в различных стилях – от реализма до анимации – что делает инструмент универсальным для создания рекламных роликов, музыкальных клипов и визуальных эффектов.

Модель Vidu эффективно решает задачу автоматизации трудоемких процессов: она генерирует не только визуальный ряд, но и симулирует сложные движения камеры, такие как панорамирование или наезд, что придает видеоролику динамичность без необходимости ручного монтажа. Это позволяет создателям контента сосредоточиться на креативной идее и сценарии, передавая техническую реализацию искусственному интеллекту. Кроме того, возможность генерации видео на основе изображений открывает новые горизонты для анимации статичного контента, что может быть использовано для оживления иллюстраций в образовательных материалах или презентациях.

Мы загрузили готовый текст сказок и написали скрипт действий для искусственного интеллекта, а именно описали внешность главных героев и локации действий. Таким образом, мы смогли создать пять мультимедийных грамматических историй, для того, чтобы апробировать их на занятиях со студентами.

Таким образом, внедрение генератора Vidu в процесс производства мультимедийного контента способствует значительному снижению временных и финансовых затрат, обеспечивая при этом высокий уровень готового продукта и расширяя творческие возможности авторов.

Первая разработанная нами сказка направлена на понимание конструкции «To be going to» и умение использования ее в предложениях. Данная сказка имеет короткую сюжетную линию и двух основных героев истории. Благодаря этому у учащихся повышается интерес к грамматическому аспекту, а различие между употреблением глаголов становится яснее.

Вторая разработанная нами сказка направлена на освоение знаний об определенных артиклях «a», «an» и определенном артикле «the», а также на умение использовать их в контексте. Данная сказка имеет трех главных героев – артиклей, а также второстепенных персонажей, периодически появляющихся в сказке для визуализации использования правила.

Третья грамматическая сказка была разработана для понимания учащихся прошедшего времени. В этой истории мы задействовали большое количество персонажей, наделив их качествами «правильности» и «неправильности» глаголов. Благодаря данному визуалу учащиеся наглядно видят основной принцип выбор глаголов не только при решении заданий, но и при коммуникации. Таким образом, учащиеся посредством просмотра сказочного сюжета, отмечают для себя особенности данного грамматического явления и запоминают правила использования.

Четвертая сказка, которую мы разработали, была направлена на развитие умения построения предложений в настоящем перфектном времени. В данной истории фигурировал один главный герой – Present Perfect, который на протяжении всего сюжета напоминает о правиле построения предложений как с правильными глаголами, так и с неправильными. Неправильные глаголы изображены утрировано «неправильно» для активизации ассоциативной памяти. В конце истории присутствует обращение к аудитории зрителей, для того, чтобы они потренировали навык использования нового изученного времени.

Пятая сказка направлена на умение использовать сравнительную и превосходную степени сравнения в контексте предложений. В данной истории задействованы два главных героя – подружки степени. Весь сюжет строится на различиях между степенями сравнения и правилами их построения. В конце сказки также присутствует обращение к аудитории с предложением практики нового изученного правила.

Таким образом, на данном этапе исследования мы можем сделать следующие выводы:

1. Грамматические сказки – это представление грамматического материала посредством сказочных сюжетов. Сказки имеют психолого-возрастные особенности, принимая во внимание которых способствует корректному использованию их в разных возрастных группах обучающихся.

2. Проанализирована степень разработанности проблемы в данном направлении.

3. Грамматические сказки были экспериментально введены на уроки английского языка в группах студентов, обучающихся на первом курсе в высшем учебном заведении.

4. Разработанная серия грамматических сказок скорректировала объяснение грамматического материала на уроках английского языка.

Таким образом, из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что грамматические сказки становятся важным методом в обучении английскому языку. Это дает возможность исследовать дидактический потенциал, а именно оценить мотивацию к изучению грамматики при предъявлении грамматических историй в обучении студентов.

1. Коменский Я.А. Великая дидактика. – Москва: Просвещение, 1983.
2. Зубарев С. Н. Дидактический потенциал коммуникативной компетенции // Вестник РМАТ. – 2015. – № 1. – С. 111–117.
3. Пропп В.Я. Русская сказка/ В.Я.Пропп. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1984. – 332с.
4. Шеменева Е. Н. Обучение студентов-филологов жанру лингвистической сказки : специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)» : дис. … канд. пед. наук. – Москва, 2001. – 254 с. – EDN NLXDPJ.
5. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Практикум по сказкотерапии. – Санкт-Петербург: Речь, 2000. – 310 с.
6. Ксенофонтова Т.С. Грамматические сказки // Литмир: электронная библиотека. – URL: https://litmir.club/br/?b=669449
7. Никулина М.А. Сборник грамматических сказок для уроков английского языка в начальной школе // Начальная школа: электронный портал. – URL: https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/inostrannyi-yazyk/2016/01/17/sbornik-grammaticheskih-skazok-po-angliyskomu-yazyku
8. Мушкис С.Н. учебно-методическое пособие по английскому языку //Начальная школа: электронный журнал. – URL: https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/angliiskiy-yazyk/library/2013/09/09/sbornik-skazok-o-grammaticheskikh
9. Liza Charlesworth Grammar Tales: The no-good, rotten, run-on sentence. – Scholastic Teaching Resources, 2004. – 16 c.

Сведения об авторах

А.В. Рогачева, магистрант, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

А.С. Чернышева, канд. ист. наук, доцент кафедры МКП, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 314.74

СТАНДАРТИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ ОБСЛУЖИВАНИЯ В ГОСТИНИЧНОМ БИЗНЕСЕ

С.А. Самофалова, бакалавр

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Раскрывается сущность стандартов обслуживания как ключевого инструмента управления качеством в гостиничном бизнесе. Рассмотрена нормативно-правовая база стандартизации в Российской Федерации. На примере гостиницы «Моряк» (г. Владивосток) проведён анализ действующих процессов обслуживания, выявлены системные разрывы между декларируемым сервисом и реальной практикой. Предложены направления формализации внутренних регламентов для повышения конкурентоспособности предприятия.*

Ключевые слова: *стандарты обслуживания, гостиничный бизнес, качество сервиса, нормативно-правовая база, гостиница «Моряк», внутренние регламенты.*

STANDARDIZATION OF SERVICE PROCESSES IN THE HOTEL BUSINESS

Abstract. *The article reveals the essence of service standards as a key tool for quality management in the hotel business. The regulatory framework for standardization in the Russian Federation is considered. Using the example of the "Moryak" hotel (Vladivostok), an analysis of current service processes is carried out, systemic gaps between declared service and real practice are identified. Directions for formalizing internal regulations to increase the competitiveness of the enterprise are proposed.*

Keywords: *service standards, hotel business, service quality, regulatory framework, "Moryak" hotel, internal regulations*

Индустрия гостеприимства – один из наиболее динамично развивающихся сегментов экономики, где качество сервиса становится главным фактором конкурентной борьбы. В условиях высокой конкуренции и растущих ожиданий гостей стандарты обслуживания превращаются не просто в свод правил, а в стратегический ресурс, обеспечивающий стабильность, предсказуемость и лояльность клиентов. Особенно это актуально для региональных рынков, таких как Владивосток, где туристический поток растёт, а требования к сервису постоянно повышаются. Цель данной работы – на основе теоретического анализа и изучения практики конкретного предприятия (гостиница «Моряк») выявить ключевые проблемы стандартизации процессов обслуживания и определить направления их совершенствования [1].

1. Теоретические и нормативно-правовые основы стандартизации обслуживания в гостиничном бизнесе

Стандарты обслуживания в гостиничном бизнесе представляют собой систему правил, процедур и ожиданий, регламентирующих взаимодействие персонала с гостем на всех этапах пребывания – от бронирования до выезда. Они охватывают внешний вид сотрудников, скрипты общения, регламент уборки, подачу завтраков, решение конфликтных ситуаций и многое другое [2]. Сущность стандартов заключается в унификации действий, минимизации влияния человеческого фактора и обеспечении стабильно высокого качества сервиса независимо от смены или конкретного сотрудника.

Стандартизация выполняет несколько ключевых функций (рисунок 1): обеспечение безопасности гостей, повышение дисциплины персонала, создание основы для объективной оценки качества, помощь потребителю в выборе средства размещения и, как следствие, рост конкурентоспособности предприятия [3].

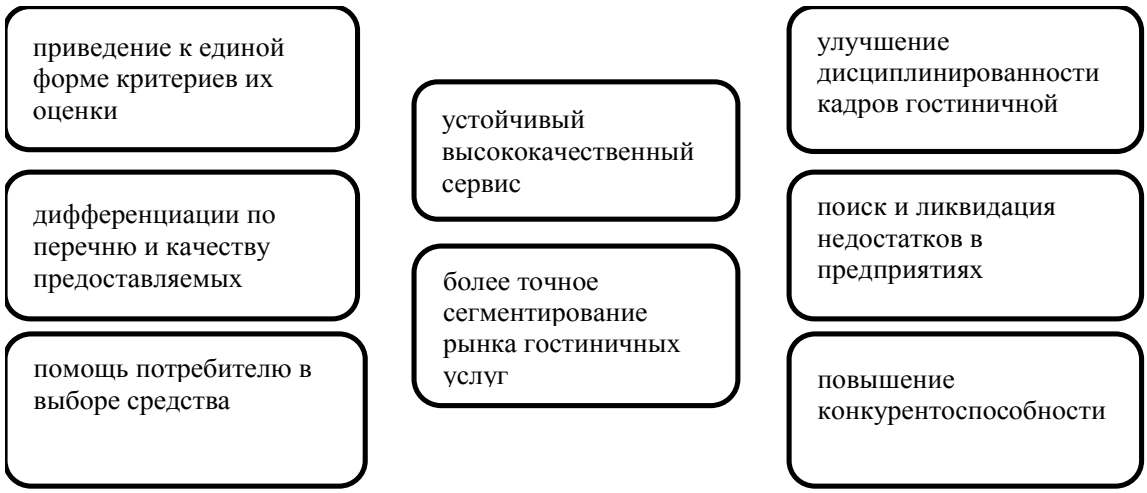

Рис. 1. Ключевые цели и функции стандартов обслуживания

Стандартизация обслуживания приводит к единой форме критериев оценки, помогает потребителю, создает устойчивый сервис, происходит дисциплина кадров, ведет к повышению конкурентоспособности. Нормативно-правовая база стандартизации в России имеет многоуровневую структуру. Базовыми документами выступают Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в РФ», Закон «О защите прав потребителей», а также Правила предоставления гостиничных услуг (Постановление Правительства РФ). Ключевое значение име-

ет Постановление от 27 декабря 2024 г. № 1951 «Об утверждении положения о классификации средств размещения», которое вводит обязательную пятизвёздочную систему для гостиниц и детальные критерии для каждой категории. Кроме того, действуют национальные стандарты – ГОСТ Р 72261-2025 (общие требования к средствам размещения) и специализированные санитарно-эпидемиологические, строительные и противопожарные нормы (СанПиН, СНиП, СП). Все эти документы формируют внешний контур, которому должны соответствовать внутренние стандарты конкретного отеля [4].

В таблице 1 систематизированы основные направления внутренней стандартизации по ключевым службам гостиницы.

Таблица 1

Ключевые стандарты обслуживания и требования по гостиничным подразделениям

Подразделение	Ключевые стандарты	Конкретные требования (примеры)
Служба приёма и размещения (Front Office)	Скорость регистрации, профессионализм, конфиденциальность	Приветствие в течение 30 секунд, check-in не более 5–7 минут, обращение по имени, информирование о Wi-Fi и завтраке
Служба номерного фонда (Housekeeping)	Чистота, безопасность, эстетика	Чек-лист уборки, смена белья по графику, стук в дверь перед входом, оперативность (доп. полотенца за 15 мин)
Питание (кафе/ресторан)	Качество блюд, скорость сервиса, атмосфера	Встреча за 1 минуту, подача меню за 3–5 минут, знание состава блюд, уборка столов
Служба безопасности	Безопасность, реакция на инциденты	Круглосуточное дежурство, прибытие по вызову за 3–5 минут, алгоритм действий при ЧП
Управление	Единые стандарты, мотивация, контроль	Ежеквартальные тренинги, проверки «тайный гость», стандарт работы с жалобой (извинить – выслушать – решить)

Таким образом, проведённый анализ структуры стандартов обслуживания по функциональным зонам гостиницы позволяет утверждать, что они представляют собой не разрозненный набор правил, а целостную систему управления качеством гостиничного продукта. Для каждой службы определены не только направления стандартизации, но и конкретные измеримые действия персонала, что обеспечивает прозрачность контроля и предсказуемость сервиса для гостя. Отсутствие хотя бы одного из этих блоков ведёт к разрыву в восприятии качества: гость может получить чистый номер, но столкнуться с грубостью на ресепшен, или наоборот – вежливый персонал при неубранном номере.

Следовательно, системный подход к разработке и внедрению стандартов охватывает все точки контакта и внутренние процессы, превращая стандартизацию из формального требования в реальный конкурентный ресурс гостиницы.

2. Анализ практики стандартизации в гостинице «Моряк» (ООО «Эра-ДВ», г. Владивосток)

Гостиница «Моряк» работает на рынке с 2002 года, расположена в историческом центре Владивостока (ул. Посьетская, 38), имеет категорию 2 звезды. Номерной фонд насчитывает 102 номера различных категорий – от эконом до люксов. Ключевые конкурентные преимущества: близость к железнодорожному и морскому вокзалам, наличие собственной сауны и конференц-зала, гибкая ценовая политика. Однако сравнительный анализ с ближайшими конкурентами (гостиницы «Жемчужина», «Приморье», конференц-отель «Экватор») показывает, что, по интегральной оценке, «Моряк» уступает им (22 балла против 24–29), прежде всего из-за слабостей в сервисе и физического износа части номеров [5].

В ходе исследования выявлено, что в гостинице «Моряк» отсутствует системная формализация стандартов обслуживания. В ключевой службе Front Office – процессы регулируются преимущественно устными правилами и традициями, передаваемыми от старших сотрудников к новичкам. Такой подход порождает несколько системных проблем представленных в таблице 2.

Таблица 2

Проблемы устной регламентации в гостинице «Моряк»

Область	Текущая практика («стандарт на словах»)	Негативное последствие
Приветствие гостя	Встать и поздороваться	Формальное выполнение, отсутствие эмоционального контакта
Информирование при заселении	Сообщить только о расположении гладильной комнаты и запретах	Гость не знает о сауне, конференц-зале, пароле Wi-Fi; упущенные продажи
Вызов такси	Услуга «как бы» есть, но не все администраторы её предлагают	Непоследовательность, жалобы гостей
Передача смены	Устно «по ходу дела»	Потеря информации, сбои в обслуживании

Особенно критичным является отсутствие прописанных алгоритмов для конфликтных ситуаций, общения с нетрезвыми гостями, а также регламентов телефонного общения. Это создаёт репутационные риски и ведёт к эмоциональному выгоранию персонала. В то же время обеспечивающие службы (безопасность, инженерная, управление) обладают более формализованными документами – чек-листами, инструкциями по охране труда, планово-предупредительным ремонтом. Таким образом, в гостинице сложился «сервисный дисбаланс»: фоновые процессы стандартизированы, а ключевые точки контакта с гостем остаются во власти субъективного фактора.

3. Направления совершенствования и выводы

На основе проведённого анализа предложен пакет внутренних стандартов для службы приёма и размещения, и кафе гостиницы «Моряк», включающий пять блоков:

- Стандарты приветствия и первого впечатления – правило «отложить все дела», единые вербальные формулы, обязательное обращение по имени.
- Стандарты профессиональной коммуникации и работы с возражениями – запрет фраз «Не знаю», «Это не моя обязанность», алгоритм решения жалобы.
- Стандарты процессного взаимодействия и работы – чек-лист передачи смены, приоритет гостя перед телефоном.
- Стандарты сбора обратной связи и завершения обслуживания – активный опрос при выезде, благодарность и приглашение вернуться.

Внедрение этих стандартов позволит гостинице «Моряк» перейти от ситуативного сервиса к управляемому и предсказуемому, повысить удовлетворённость гостей, увеличению повторных посещений, привлечению гостей высшего сегмента, оптимизации затрат и, в итоге, к росту прибыли и стоимости бизнеса в условиях жесткой конкуренции. Рекомендуется также внедрить систему регулярных аудитов («тайный гость») и ежеквартальное обучение персонала [6].

Таким образом, стандартизация процессов обслуживания является необходимым условием конкурентоспособности гостиничного предприятия. Опыт гостиницы «Моряк» показывает, что даже при ограниченных материальных ресурсах формализация внутренних регламентов способна стать ключевым драйвером повышения качества сервиса и лояльности клиентов.

1. ГОСТ Р 72261-2025. Туризм и сопутствующие услуги. Средства размещения. Общие требования. – Москва: Стандартинформ, 2025.
2. Янкевич В.С., Безрукова Н.Л. Маркетинг в гостиничной индустрии и туризме. – Москва: Финансы и статистика, 2021. – 384 с.
3. Кабушкин Н.И. Менеджмент туризма: учебник. – 5-е изд. – Минск: Новое знание, 2020. – 408 с.
4. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2024 г. № 1951 «Об утверждении положения о классификации средств размещения».
5. Полюшко Ю.В. Сборник стандартов обслуживания для персонала службы приема и размещения в гостинице. – URL: https://books.yandex.ru/reader/x6jjNcrt (дата обращения: 10.04.2026).
6. Официальный сайт гостиницы «Моряк» / ООО «Эра-ДВ». – URL: https://saby.ru/profile/2536127644-254001001 (дата обращения: 12.04.2026).

Сведения об авторе

С.Ф. Самофалова, бакалавр, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 008:316.422-053.6

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА КАК ФОРМА КОМПЕНСАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ УЧАЩИХСЯ 5-7 КЛАССОВ г. ВЛАДИВОСТОКА)

К.А. Секисова, ассистент каф. архитектуры,
Института туризма и креативных индустрий (ИТКИ)

Н.А. Коноплева, д-р культурологии, профессор каф. ДЗТ,
Института туризма и креативных индустрий (ИТКИ)

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В публикации рассматривается трансформация процессов усвоения норм, ценностей и традиций региональной культуры у молодежи в эпоху цифровизации. Благодаря анализу полученных эмпирических данных учащихся 5-7 классов. г. Владивостока раскрывается компенсаторная функция художественной культуры, служащая институциональным механизмом для актуализации у подростков национальных культурных кодов и традиционных российских ценностей. Резюмируя, можно утверждать, что подобная практическая деятельность преодолевает виртуальное отчуждение*

Ключевые слова: *инкультурация, цифровизация, молодежь, художественная культура, локальная идентичность.*

ARTISTIC CULTURE AS A FORM OF COMPENSATION FOR THE CONSEQUENCES OF DIGITALIZATION AMONG YOUNG PEOPLE (BASED ON THE EXAMPLE OF STUDENTS IN GRADES 5-7 IN VLADIVOSTOK)

Abstract. *This publication examines the transformation of the processes of assimilating regional cultural norms, values, and traditions among young people in the digital age. An analysis of empirical data from students in grades 5–7 in Vladivostok reveals the compensatory function of artistic culture, serving as an institutional mechanism for updating adolescents' national cultural codes and traditional Russian values. In summary, it can be argued that such practical activities overcome virtual alienation.*

Keywords: *enculturation, digitalization, youth, artistic culture, local identity.*

На сегодняшний день тотальная цифровизация это не столько технологический фактор, сколько трансформационный культурный триггер. В первую очередь в связи с ее влиянием происходят изменения в мышлении и в сознании человека. В мире, где медиа пространство вытесняет объективную действительность [1], уязвимее всего оказывается психика подрастающего поколения.

Проблема исследования обусловлена возрастающим запросом и научным интересом к данной проблеме и к необходимости анализа влияния компенсаторных возможностей художественных культурных форм и традиционных российских ценностей в преодолении негативных последствий цифровизации. Прогрессирование «цифровой детерриториализации» (Ж. Делез и Ф. Гваттари 1972-1980) и глобализационных влияний приводит к диссонансу между человеком и конкретным местом его жительства, к потере смыслового разнообразия регионов, к утрате организованности в социокультурной жизни [13]. В результате наиболее неустойчивая возрастная категория – молодежь теряет базовые основы для адаптации в культуре и привязанность к истории страны, региона, родного города. Напротив, они прочно закрепляются в глобальной вселенной. По опросам ВЦИОМ 1,6 тыс. граждан старше 18 лет больший процент молодежи увлекается видеоиграми (67% в возрасте 18-24 лет) [2]. Непрерывность и избыточность информационных потоков вытесняет и заменяет традиционное познание действительности молодежью [9]. В современной культуре социальные сети и медиаплатформы становятся генераторами ценностных ориентиров. Смыслообразование сегодня переместилось в плоскость медиа. Эту тенденцию подтверждает Российская статистика: Telegram (91%), TikTok

(73%), YouTube (63%) [8]. Интернет-мемы сегодня формируют сетевой язык самовыражения, что определяет специфику коммуникации и культурной самоидентификации [8]. Как следствие, под воздействием массовой поп-культуры происходит размывание локальной идентичности и мышление приводится к стандартам, нивелирующим национальные культурные традиции.

Целью работы становится необходимость теоретического обоснования и прояснения роли традиционной художественной культуры как системной формы в трансляции национальных культурных кодов и стабилизации ценностного фундамента личности подростков и молодежи в век информационных технологий.

Объектом исследования выступает трансформация идентичности подрастающего поколения, подверженного влиянию поп-культуры в цифровом пространстве.

Предмет исследования – художественная культура как форма компенсации последствий цифровизации в молодёжной среде (на примере учащихся 5-7 классов г. Владивостока).

Цифровая среда представляет угрозу для процесса формирования личности молодежи. Исследование трансформации актуального социокультурного пространства и идентичности подростков и молодежи, обусловленных процессами цифровизации, позволяет классифицировать проблемы для постановки задач:

- унификация эстетических кодов и локальной идентичности;
- ценностно-смысловой вакуум, утрата жизненных ориентиров молодежью;
- дисфункция социальных институтов, ответственных за функционирование традиционных механизмов передачи культурного опыта.

Вместе с тем, нами установлено, что тотальная цифровизация актуализировала эмоциональный отклик молодежи на традиционную культуру. Репрезентативной базой эмпирического исследования послужил анализ результатов его пилотного этапа (опроса учащихся школ г. Владивостока (5-7 кл.) в количестве 104 человек.

Важно конкретизировать границы специфики исследования, в виду возможности применения теоретических выводов А.Я. Флиера об адаптивно-компенсаторной концепции культуры. Базой для исследования в данной статье служит г. Владивосток, поскольку он является ключевым узлом урбанизации, административным центром и портом Дальнего Востока. Выбор обусловлен уникальностью социокультурного положения Приморского края и ДВ столицы.

Методологическая база исследования основана на концепции А.Я. Флиера. Он рассматривает культуру как универсальную систему регуляции норм и традиций. Так же Андрей Яковлевич выделяет функции культуры восполняющие, компенсирующие несовершенства и внутренний экзистенциальный кризис личности [11, с. 205]. Процессы глобальной цифровизации особо стремительно развиваются в портовых городах, традиционно открытых для внешних социокультурных влияний. Интеграция цифровых технологий во все сферы жизни неизбежно трансформирует привычную среду в культуре, делая самую нестабильную социальную группу населения наиболее уязвимым участником процесса.

В современной реальности происходит глобальная трансформация социального взаимодействия, видоизменяется коммуникация и досуг. Это следствие технологического сдвига в культуре [12, с. 5]. Для молодого поколения цифровая среда не просто технологии, а базовая среда обитания, мощнейший фактор социализации, порождающая новые культурные смыслы [10]. Мы разделяем мнение Мануэля Кастельса, который считает Интернет и его производные коммуникативным каркасом повседневной жизни [13]. Теперь массовые самокоммуникации приходят на смену традиционному вертикальному транслированию смыслов.

Парадоксален факт посредничества цифровизации. Происходит перекраивание логики потребления культуры: цифровые платформы и онлайн-обучение доминируют над музеями, концертными залами и школами, тем самым у молодежи возрастает экранное времяпровождение, утрачиваются диалогические коммуникации, ограничивается не критическое мышление при анализе поступающей информации. Трансформация такого рода ведет к изоляции от смыслового контекста. Теперь алгоритмы выступают цензором, выстраивают траекторию и отсекают уникальность в пользу усредненного контента [6, с. 8.].

Погружение в цифровую среду формирует у подростков и молодежи «клиповое мышление». В разрезе культуры это становится проблемой. В 1980 году Э. Тоффлер определил клиповое мышление как «принципиально новое явление, которое рассматривается в качестве составляющей общей информационной культуры будущего, основанной на бесконечном мелькании информационных отрезков и становящейся комфортной для людей соответствующего

склада ума» [14], теперь с культурным наследием знакомятся фрагментарно, что лишает понимания смысловых связей, ведет к мозаичности личности, разрыву с культурными кодами. Масштабирование цифровых технологий и создание медиаконтента ведет к формированию новых образов реальности, но вместе с тем, к невозможности контроля масштабов виртуальной реальности, что обусловливает риск утраты связующего компонента личности с внешним миром. Виртуализация лишена подлинности, таким образом превращается в симулякр.

Проблема приобретает острую актуальность в виду глубокого кризиса традиционных каналов трансляции культурного опыта и ценностей. Переход современного общества к префигуративному типу культуры по типологии М. Мид создает смысловой вакуум. Базовые институты не являются главными трансляторами наследия. Их место занимает цифровая среда, предлагающая суррогаты подлинной культуры. Алгоритмы усредняют, упрощают и приводят к шаблону региональные символы, разрушая идентичность. В социокультурном разломе появляется запрос на компенсаторные культурные формы.

В результате фокусом нашего дальнейшего исследования становится компенсаторный механизм культуры. По А.Я. Флиеру культура доминирует и демонстрирует «правила игры» в данный промежуток времени. Одной из важнейших социальных функций культуры является компенсаторная, обладающая способностью уравновешивать психологический дискомфорт, тревожность человека перед лицом пугающего мира за счет воображения, образных способностей и интеллекта [11, с. 205]. Погружение в цифровую среду и бесконечный поток контента, приводит к временному заглушению тревоги цифровым шумом. Молодежь остается «один на один» с виртуальной реальностью, получая взамен культурной защиты – временную иллюзию успокоения, приводящую к дальнейшему росту социокультурного отчуждения.

Согласно концепции М.С. Кагана, предметно-преобразующее освоение является эффективным способом, позволяющим нивелировать эмоциональный детокс, как последствия цифровой депривации.

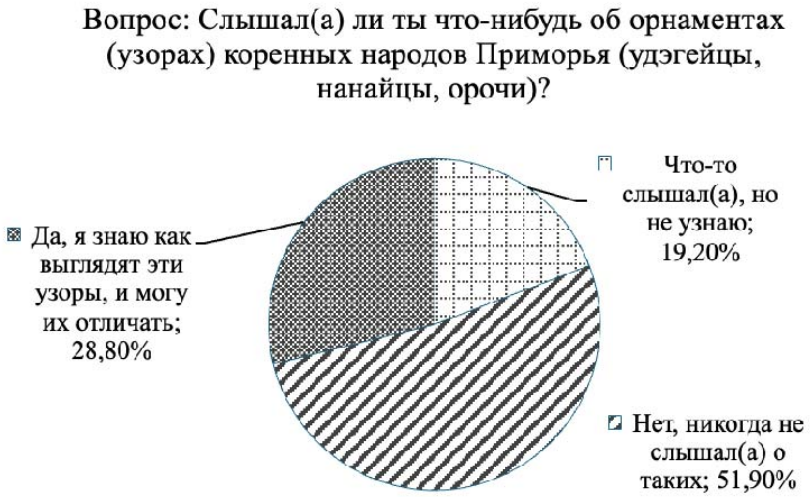
Художественная культура может, по нашему мнению, выступать в качестве инструмента компенсации. М.С. Каган подчеркивал, говоря: «…искусство есть единственный плод деятельности, воссоздающий человеческое бытие в его целостности» [3, с. 14]. В то время как медиа пространство дробит мир на информационные кластеры. Художественная культура и практика возвращает и выполняет компенсаторную функцию, восстанавливая подлинный диалог, изъятый цифровизацией. Отличительной особенностью диалога от монологичного потребления информации (контента) является структура, призывающая к со-участию, сотворчеству, со-вместной деятельности [3, с. 173]. Культурологи видят в этом способность глубоко понять и прочувствовать жизнь. М.С. Каган описывал процесс сопереживания искусству как катарсис. [4, с. 130]. Разделяя эту позицию, можно говорить о компенсации эмоциональной пустоты в медиапространстве ценностным опытом. Приобщение к художественной культуре восполняет эмоциональную пустоту и дефицит чувств. Вместо потребления цифровых симулякров оно обретает опору через связь с культурой и традициями страны, народа, региона. Стоит обратить пристальное внимание на механизмы трансляции культурных кодов.

Особенности виртуальной изоляции нужно рассматривать через региональный контекст. Эмпирической базой для обоснования тезиса стали результаты исследования учащихся г. Владивостока и установление их отношения к культурному наследию [Ширинян, Секисова]. Культурологический взгляд на проведенное исследование позволяет диагностировать глубокие сдвиги в приобщении к культуре. Фиксируется размывание культурных кодов и фрагментарность мышления.

Основываясь на результатах опроса, нами установлено, что 51,9% учащихся «слышали» о традиционных орнаментах Приморья, но испытывают затруднения с их визуальной идентификацией (рис. 1). В сознании молодежи происходит смешение местных промыслов с общероссийскими, такими как гжель, хохлома (ошибочно атрибутировали их 48%) (рис. 2). В разрезе культурологического анализа вышеупомянутые данные являются прямым следствием цифровой унификации, приводящей к размыванию представлений современных подростков о национальных культурных кодах, исторических корнях.

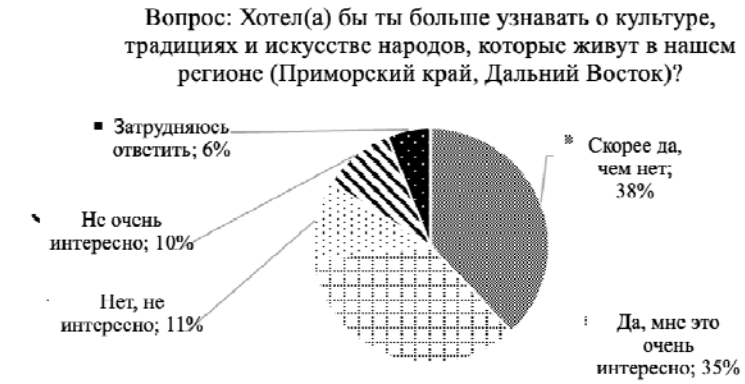
Одновременно с этим, результаты опроса иллюстрируют сдвиг доминирования институций. Например, значение роли музейных и образовательных пространств как трансляторов культурного наследия 69%, в то время как получение знаний из семьи (от родителей) значимы лишь для 26% респондентов (рис. 3). Несмотря на прогрессирование цифровизации, молодежь испытывает потребность в социокультурной укорененности. Это выражается посредством вы-

сокой мотивации и стремления к изучению региональных культурных кодов, традиций 72,1 % (рис. 4). Молодое поколение интуитивно ищет и находит «якорь» в историческом наследии, выступающим стабилизатором и опорой.

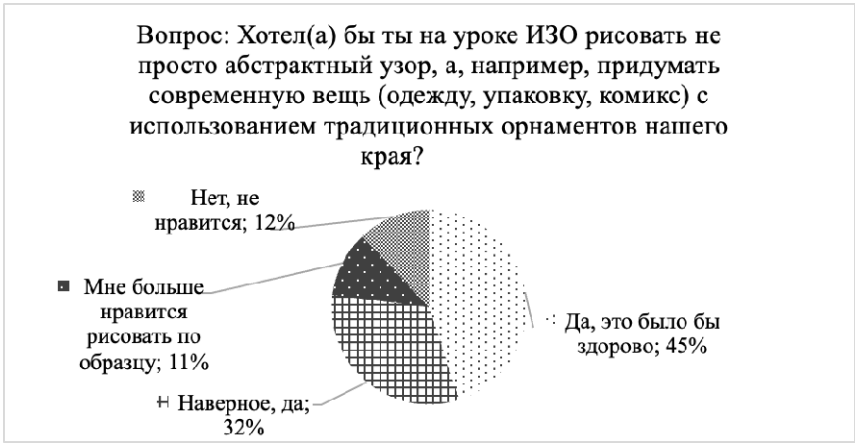

Рис 1. Результаты опроса

Запрос на сотворчество выступает доминирующим показателем нашего исследования. Подавляющее большинство (76%) респондентов отдают предпочтение созданию современно утилитарных форм (одежда, комикс, упаковка), а не пассивному копированию орнаментов (рис. 5).

По нашему мнению, актуализация традиционных национальных орнаментов способна возродить ценностный потенциал, этнические культурные коды. При этом формируется прочная локальная идентичность вопреки глобальной стандартизации. Данное утверждение поддерживается эмпирически, где 76% респондентов выразили потребность на проектирование объектов современного дизайна с интеграцией традиционных орнаментов(рис.5), это можно расценивать как сотворчество [3]. Подобное возрождение нивелирует фрустрацию, созданную виртуальной средой, тем самым активируя компенсаторную функцию культуры (по А.Я. Флиеру) [11, с. 96]. Посредством подобной деятельности, молодое поколение восстанавливает смысловые связи вопреки всепоглощающей цифровизации и несчетному количеству

созданий контента. Анализ социокультурных процессов демонстрирует глубокий кризис традиционных институтов ввиду глобальной цифровизации. Гомогенизация медиапространства приводит к обезличиванию и размыванию региональной идентичности, в то время как семья уступает место цифровым посредникам в вопросе трансляции культурного наследия. Естественной реакцией становится актуализация компенсаторной функции художественной культуры. Полученные эмпирические данные демонстрируют запрос и желание молодежи преодолевать цифровое отчуждение путем интеграции традиционной символики, орнаментов в современный контекст. Подобная интеграция и освоение регионального культурного наследия компенсирует эмоциональный дефицит.

Проявлением значимости потребности молодежи в культурных традициях выступает творческая деятельность на базе открытых институций (рассмотрена международная выставка-конкурс «Калейдоскоп») [7]. Изобразительные работы призеров можно интерпретировать как вещественное доказательство попытки подростков нивелирования влияния цифровизации. В категориях «Народный костюм» и «Народный художественный промысел» фиксируется творческая активность, направленная на создание нового сюжета, а не архаичная реплика орнаментальных паттернов. В рамках культурологического анализа визуальной репрезентации произведений молодежи прослеживается трансформация народных мотивов. Например, интеграция мезенской росписи (рис. 6) и трансформация традиционных гжельских мотивов (рис.7) иллюстрируют процесс интериоризации культурного наследия. Интегрируя орнаменты и традиции, авторы преодолевают социокультурный вакуум. Посредством традиционного визуального языка молодежь преодолевает культурное отчуждение и обретает аксиологическую опору.

Практической значимостью настоящего исследования могут служить выводы для корректировки и разработки стратегий региональной политики. Выявленный способ ревитализации культурного кода демонстрирует траектории направления развития для креативных индустрий, музеев (пространств), креативных кластеров ДВФО. Результаты эмпирических данных применимы для проектирования программ социокультурной адаптации молодежи. На фоне последствий глобального цифрового разобщения и отчуждения подобные проекты наделены ресурсами, позволяющими обрести локальную идентичность и укорениться в культурном контексте Дальнего Востока.

Научная новизна. Установлена взаимосвязь интереса представителей современного молодого поколения к художественной культуре, (в частности), традиционным орнаментам, содержащим скрытые сакральные культурные коды. В связи с чем приобщение молодежи к одной из форм художественной культуры – изобразительному творчеству может стать компенсаторным механизмом актуализации у нее российских ценностных установок, позволяющим восполнить экзистенциальный вакуум и обрести «онтологический якорь».

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. О. А. Печенкина. — Москва: Постмодерн, 2015. — С. 7–15.
2. ВЦИОМ. Более 40% россиян играют в видеоигры // Эксперт. — URL: https://expert.ru/news/vtsiom-bolee-40-rossiyan-igrayut-v-videoigry (дата обращения: 17.05.2026)
3. Каган М. С. Философия культуры. — Санкт-Петербург, 1996. — 310 с.
4. Каган М. С. Философская теория ценности. — Санкт-Петербург: ТОО ТК "Петрополис". — 205 с.
5. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Информационная эпоха. — Москва: ГУ ВШЭ, 2000. — С. 401–405
6. Лисенкова А. А. Культура в цифровом лабиринте: алгометрическая нормативность против уникальности. — Текст : непосредственный // Городская среда как культурный и образовательный ресурс. — Санкт-Петербург: Астерион, 2026. — С. 52.
7. Международный конкурс детского творчества "Калейдоскоп". — Текст: электронный // artprostranstvoamur.ru : [сайт]. — URL: https://artprostranstvoamur.ru/katalog/kaleidoscope2020 (дата обращения: 02.06.2026).
8. Подростки в цифровом мире: эксперты обсуждают угрозы // Коммерсантъ. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/8514441 (дата обращения: 17.05.2026)
9. Робертсон Р. Глобализация: social theory and global culture // Бек У. Что такое глобализация? — Москва: Прогресс-Традиция, 2001. — С. 142–148.
10. Солдатова Г. Цифровое детство: особенности социализации и безопасность. — Текст: электронный // narasputye.ru : [сайт]. — URL: https://narasputye.ru/wp-content/uploads/2019/04/Forum_TsG_Galina_Soldatova_28_03_2019.pdf (дата обращения: 27.05.2026)

11. Флиер А. Я. Культурология для культурологов: учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. — Москва: Академический Проект, 2000. — 496 с.
12. Флиер А. Я. Культурология для культурологов: учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. — Москва: Академический Проект, 2000. — 496 с.
13. Чубаров Н. А. Феномен цифрового неравенства: социальнофилософский анализ : специальность 5.7.7 «социальная и политическая философия» : дис. … канд. философ. наук. — Москва, 2024. — 165 с.
14. Castells Manuel The rise of the network society. — 2nd ed. — : Wiley-Blackwell, 2010. — 625 с.
15. Toffler Alvin. A Future Shock, 1970. Тоффлер, Элвин. Шок будущего / пер. на рус. Яз.: А. Мирер, И. Москвина-Тарханова, В. Кулагина-Ярцева, Л. Бурмистрова, К. Бурмистров, Е. Комарова, А. Микиша, Е. Руднева, Н. Хмелик. — Москва, 2001. – URL: https://gtmarket.ru/library/basis/4797/4798

Сведения об авторах

К.А. Секисова, ассистент каф. архитектуры, Института туризма и креативных индустрий (ИТКИ), Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

Н.А. Коноплева, доктор культурологии, профессор, профессор каф. ДЗТ, Института туризма и креативных индустрий (ИТКИ), Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 159.9:316.6

РЕАЛЬНЫЙ И ИДЕАЛЬНЫЙ ОТЕЦ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

О.А. Смакотина, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Представлены результаты эмпирического исследования представлений о фигуре отца у молодежи (N=61). Анализируется содержание идеального образа отца и его соотношение с субъективным восприятием реального отца. Результаты подтвердили гипотезу о значимом рассогласовании образов, наиболее выраженном в дефиците эмоциональной стабильности и открытости у реальных отцов при высокой значимости этих качеств в идеальном образе.*

Ключевые слова: *образ отца, идеальный отец, реальный отец, детско-родительские отношения, эмоциональная стабильность, вовлеченное отцовство, рассогласование образов, современная молодежь.*

THE CORRELATION OF THE REAL AND IDEAL IMAGES OF THE FATHER IN THE PERCEPTIONS OF MODERN YOUTH

Abstract. *The article presents the results of an empirical study of ideas about the father figure among young people (N=61). The content of the ideal image of the father and its correlation with the subjective perception of the real father are analyzed. The results confirmed the hypothesis of a significant mismatch of images, most pronounced in the deficit of emotional stability and openness in real fathers with a high importance of these qualities in the ideal image.*

Keywords*: father image, ideal father, real father, child-parent relationship, emotional stability, involved fatherhood, mismatch of images, modern youth.*

Актуальность исследования. Фигура отца представляет собой сложный, динамичный и социально-исторически обусловленный феномен, оказывающий глубинное влияние на развитие личности. В XXI веке мы наблюдаем радикальную трансформацию отцовства: историческая модель отца как авторитарного главы семьи, добытчика и отстраненного дисциплинатора уступает место идеалу эмоционально включенного, заботливого и ответственного родителя [5] [7, с. 12–15]. Многочисленные исследования доказывают, что положительно вовлеченный отец вносит уникальный и значимый вклад в развитие ребенка, дополняя материнский вклад [7, с. 67] [3, с. 22–24]. Однако большинство существующих работ посвящено объективной ро-

ли отца в развитии ребенка или внешним практикам отцовского поведения, тогда как внутренние, эмоционально-смысловые репрезентации этой фигуры — идеальный образ (как совокупность нормативных ожиданий, социальных и культурных эталонов «хорошего отца») и реальный образ (субъективное, эмоционально окрашенное восприятие собственного отца) — остаются менее изученными, особенно в контексте взрослеющей молодежи [8]. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью понять, каким должен быть отец в глазах современных юношей и девушек, и насколько их реальный опыт общения с собственным отцом соответствует идеальному образу.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые на российской выборке молодежи (студенты Владивостока) применен комплексный количественно-качественный инструмент, позволяющий не просто определить соотношение реального и идеального образов отца в представлениях современной молодежи, но и вычислить коэффициент рассогласования по каждому параметру, а также связать эти данные с субъективной оценкой значимости общения с отцом через контент-анализ открытых ответов. Тем самым преодолевается ограничение усредненных показателей.

Цель исследования – выявить на основе эмпирических данных и проанализировать особенности реального и идеального образов отца, а также характер их соотношения в представлениях современной молодежи.

Объект исследования – представления современной молодежи об отцовской фигуре.

Предмет исследования – взаимосвязь идеального и реального образов отца в представлениях современной молодежи.

Гипотеза– предполагается, что в представлениях современной молодежи существует значимое рассогласование между идеальным и реальным образами отца, и это рассогласование связано с дефицитом в эмоционально-коммуникативной сфере.

Задачи исследования:

– провести теоретический анализ научной литературы по проблеме формирования образа отца в психологии;

– определить методологическую базу и подобрать комплекс психодиагностических методик для исследования реального и идеального образов отца;

– эмпирически изучить содержательные характеристики реального и идеального образов отца у взрослых людей;

– проанализировать степень согласованности /рассогласованности реального и идеального образов отца в исследуемой выборке;

– проанализировать связь между рассогласованием образов и субъективной значимостью общения с отцом.

Выборка исследования – в исследовании принял участие 61 респондент в возрасте от 18 до 44 лет: 16 лиц мужского пола и 45 лиц женского пола. Большинство - студенты первого и второго курсов Владивостокского государственного университета направлений подготовки: «Организация работы с молодежью», «Менеджмент» и Тихоокеанского государственного медицинского университета г. Владивостока направления подготовки: «Клиническая психология». Был разработан инструментарий, включающий оценку значимости качеств идеального отца по 10-балльной шкале (на основе адаптированного перечня 16 факторов личности Р. Кеттелла и свободных ответов), оценку представленности этих качеств у реального отца (по шкале от 0 до 100%). На основе этих оценок для каждого качества рассчитывался средний процент представленности. А также опросник значимости общения с отцом на основе принципов шкалы Лайкерта, позволяющий оценить субъективную значимость общения с отцом для респондента.

Методы и методики исследования:

1. Оценка значимости качеств идеального отца (на основе адаптированного перечня 16 факторов личности Р. Кеттелла и свободных ответов - по 10-балльной шкале)**.**

2. Оценка представленности этих качеств у реального отца (в процентах от 0 до 100).

3. Расчет коэффициента рассогласования (КР) — разности между нормализованными показателями значимости и представленности для наглядной оценки рассогласования.

4. Опросник значимости общения с отцом на основе принципов шкалы Ликерта (Лайкерта), позволяющий оценить субъективную значимость общения с отцом для респондента.

На основе суммарных баллов был произведен расчет значимости качеств идеального отца и средний % его представленности у реального отца. Результаты расчетов представлены в таблице 1.

Таблица 1

Значимость качеств идеального отца, их представленность у реального отца и коэффициент рассогласования (N=61)

№	Качество идеального отца	Суммарное количество значимости качеств (балл)	Средний % представленности у реального отца	Коэффициент рассогласования (КР)
1	Эмоциональная стабильность	475	48,7%	+0,22
2	Сознательность	382	55,1%	+0,12
3	Интеллектуальность	390	63,1%	+0,01
4	Рассудительность	390	61,2%	+0,02
5	Социальная смелость	308	60,8%	+0,01
6	Поддержка (доб.)	214	57,2%	+0,04
7	Бдительность	258	49,9%	+0,04
8	Самодостаточность	296	58,3%	–0,02
9	Самостоятельность	238	53,8%	+0,02
10	Дипломатичность	238	57,4%	–0,06
11	Открытость к переменам	215	36,0%	+0,09
12	Ответственность (доб.)	190	64,2%	–0,24
13	Забота (доб.)	167	63,2%	–0,26
14	Доминантность	85	21,1%	+0,02
15	Мужественность (доб.)	86	69,8%	–0,51

Примечание: (доб.) – качество, добавленное респондентами самостоятельно.

Проведенное эмпирическое исследование позволило получить следующие результаты, структурированные в соответствии с примененными методиками. Эмоциональная стабильность имеет наивысший суммарный балл значимости (475) при одной из самых низких оценок реализации (48,7%), что подтверждается максимальным положительным коэффициентом рассогласования КР (+0,22). Открытость к переменам (КР +0,09) – низкая представленность (36,0%) при средней значимости указывает на проблему гибкости отцов.

Ряд важных социально-коммуникативных навыков (интеллектуальность, рассудительность, социальная смелость) имеют уровень представленности выше 60% при высокой значимости и низком коэффициенте рассогласования (близком к нулю), что указывает на их относительную реализованность. Такие качества, как ответственность (64,2%), забота (63,2%), мужественность (69,8%) имеют высокую представленность при сравнительно невысокой значимости, что отражается в отрицательных значениях КР (от –0,24 до –0,51). Это означает, что отцы, по мнению респондентов, вполне справляются с базовыми ролевыми обязанностями, но эти качества не являются главными в идеальном образе. Доминантность имеет крайне низкую представленность (21,1%) при низкой значимости. Следовательно, её дефицит не является источником сильного рассогласования.

Самостоятельно добавленные респондентами качества (поддержка, справедливость, сопереживание, любовь) демонстрируют запрос на эмоциональное участие и заботу, не просто присутствия, а эмоционально-поддерживающего поведения. Таким образом, в представлении респондентов идеальный отец — это, в первую очередь, эмоционально стабильный, сознательный и интеллектуальный человек, способный на поддержку и открытую коммуникацию. Традиционные черты «доминатора» и «дисциплинатора» отходят на второй план.

Для более глубокого понимания факторов, влияющих на восприятие отца, была разработана анкета на основе принципов шкалы Лайкерта, позволяющая оценить субъективную зна-

чимость общения с отцом для респондента. По итогам данного исследования все респонденты были разделены на три группы, демонстрирующие различное восприятие отцовской фигуры:

Группа 1. "Позитивная оценка отношений" (n=37): Респонденты, оценившие значимость общения с отцом положительно.

Группа 2. "Нейтральная/амбивалентная оценка отношений" (n=7): Респонденты, давшие нейтральный ответ.

Группа 3. "Негативная оценка отношений" (n=15): Респонденты, давшие отрицательный ответ.

Результаты анализа по значимости общения с отцом были описаны на основе контент-анализа ответов этих групп на открытые вопросы анкеты. Данные и ключевые категории, характеризующие их опыт и восприятие. представлены в таблице 2 (N=59*, 2 респондента не ответили на данный вопрос).

Таблица 2

Характеристика групп, демонстрирующих субъективную значимость общения с отцом (n=59)

Группа	Кол-во (n)	Ключевые категории восприятия (из контент-анализа, частота и характер упоминаний)
Группа 1 (Позитивная оценка отношений)	n = 37 человек (62.7% от ответивших)	Эмоциональная связь и поддержка, близкий человек, наставник**,** опора, забота**,** защита**,** безопасность, стабильность, «каменная стена», «крепкое плечо в трудные минуты», пример для подражания.
Группа 2 (Нейтральная оценка отношений)	n = 7 человек (11.9% от ответивших)	Дистанция, дефицит глубины общения, фокус на инструментальной роли: продолжитель рода, родитель, просто отец.
Группа 3 (Негативная оценка отношений)	n = 15 человек (25.4% от ответивших)	Дефицитарный или конфликтный профиль: «никак», думает только о себе, лучше бы его не существовало, не выполнил свои обязательства.

Полученное распределение (62,7% положительных оценок) указывает на то, что для большинства респондентов отец остаётся важной и, в целом, позитивной фигурой. Однако выделение групп с нейтральной и негативной оценкой (37,3%) позволяет выйти за рамки усреднённых показателей и выявить критические факторы риска в детско-родительских (отцовских) отношениях. Снижение значимости общения напрямую связано с дефицитом эмоционального контакта и неудовлетворённостью ключевыми ожиданиями (стабильность, поддержка). Ключевым фактором снижения значимости является неудовлетворенность ожиданиями стабильности и эмоциональной поддержки, что требует отдельного внимания в психолого-педагогической и профилактической работе.

Выводы исследования. Эмпирические данные подтвердили значимое рассогласование между эмоционально-психологическими качествами идеального отца (эмоциональная стабильность, сознательность, открытость к переменам) и их субъективно низкой реализованностью у реальных отцов. Субъективная значимость общения с отцом напрямую зависит от уровня эмоционального контакта. Дефицит последнего является ключевым фактором, приводящим к нейтральной или негативной оценке отношений. Исследование достигло своих целей, подтвердив гипотезу о значимом рассогласовании между идеальным и реальным образами отца в представлениях современной молодежи**,** и это рассогласование связано с дефицитом в эмоционально-коммуникативной сфере Полученные данные указывают на необходимость развития программ, направленных на формирование эмоционального интеллекта, навыков эмоциональной регуляции, открытой коммуникации и гибкости, у отцов, что может способствовать гармонизации детско-родительских отношений.

1. Авдеева А. В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. – 2012. – № 11. – С. 95. – 104 с.

2. Гурко Т. А. Трансформация института родительства в постиндустриальном обществе // Социологический журнал. – 2018. – № 4. – С. 70–85.

3. Калина О. Г., Холмогорова А. Б. Роль отца в психическом развитии ребенка. – Москва: Форум, 2023. – 110 с.

4. Ковалёва Е. О. Образ идеального отца: особенности представлений у юношей // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 1. Текст: электронный. – URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=12236 .
5. Кон И. С. Отцовство как компонент мужской идентичности // Демоскоп Уикли. –2006. – № 237–238. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/analit03.php.
6. Лэмб М. История исследований вовлеченного отцовства // Росотцовство. – 2018. Текст: электронный. – URL: https://rosotcovstvo.ru/2018/10/istoriya-issled/.
7. Лэмб М. Э. Роль отца в развитии ребенка. – Санкт-Петербург: Питер, 2020. –304 с.
8. Слученкова К. А. Образ реального и идеального отца: особенности представлений у подростков // Universum: психология и образование. – 2018. – № 3 (45) Текст: электронный. – URL: https://7universum.com/ru/psy/archive/item/5613

Сведения об авторе
О.А. Смакотина, магистрант, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 004.942

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ДОРОЖНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕТОДОВ ИМИТАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

О.О. Соколов, магистрант

П.В. Юдин, преподаватель

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Подробно описан этап создания цифровой имитационной модели, воспроизводящей транспортные потоки на пересечении улиц Гагарина и 1-й Рабочей в г. Артём. Особое внимание уделено алгоритмизации поведения водителей и реализации дискретно-событийной логики в виртуальной среде.*

Ключевые слова: *имитационное моделирование, транспортные потоки, перекрёсток, улично-дорожная сеть, автотранспорт.*

DESIGN OF ROAD INFRASTRUCTURE USING SIMULATION MODELING METHODS

Abstract. *This paper outlines the development of a digital simulation model replicating traffic conditions at the intersection of Gagarina Street and 1-ya Rabochaya Street in Artyom. The study focuses on the algorithmic representation of driver behavior and the implementation of discrete-event logic within the virtual environment.*

Keywords*: simulation modeling, traffic flow, intersection, road network, vehicles.*

Имитационное моделирование выступает одним из наиболее эффективных подходов к исследованию и оптимизации сложных динамических систем [1]. Сфера его применения охватывает широкий спектр отраслей: от расчёта аэродинамических характеристик и проектирования железобетонных конструкций до управления сельскохозяйственными предприятиями и анализа транспортных узлов [2, 3]. В контексте городской мобильности цифровые двойники дорожной инфраструктуры позволяют тестировать различные режимы работы, учитывая стохастическую природу дорожной обстановки и вариативность поведения участников движения. На фоне устойчивого роста автомобилизации, который, с одной стороны, стимулирует экономическую активность, а с другой — усугубляет транспортную загруженность, внедрение математических моделей становится стратегически необходимым.

Целью работы является описание процесса создания имитационной модели дорожного движения. Задача включает сбор данных об участниках движения, дорожной структуры и построение имитационной модели со статисткой.

Для программной реализации выбрана платформа AnyLogic, обеспечивающая гибкое моделирование агентного и дискретно-событийного типов. В качестве полигона рассмотрена транспортная развязка, соединяющая пос. Угловое и ул. 1-я Рабочая (г. Артём).

Исследуемый узел представляет собой регулируемое Т-образное пересечение. Въезд с ул. Гагарина и выезд на 1-ю Рабочую организованы через дублирующие проезды, расположенные под эстакадой. Внутри узла предусмотрено три подземных проезда для разворотных манёвров, движение в которых координируется светофорными объектами. Геометрическая основа модели формировалась на базе спутникового снимка (рис. 1).

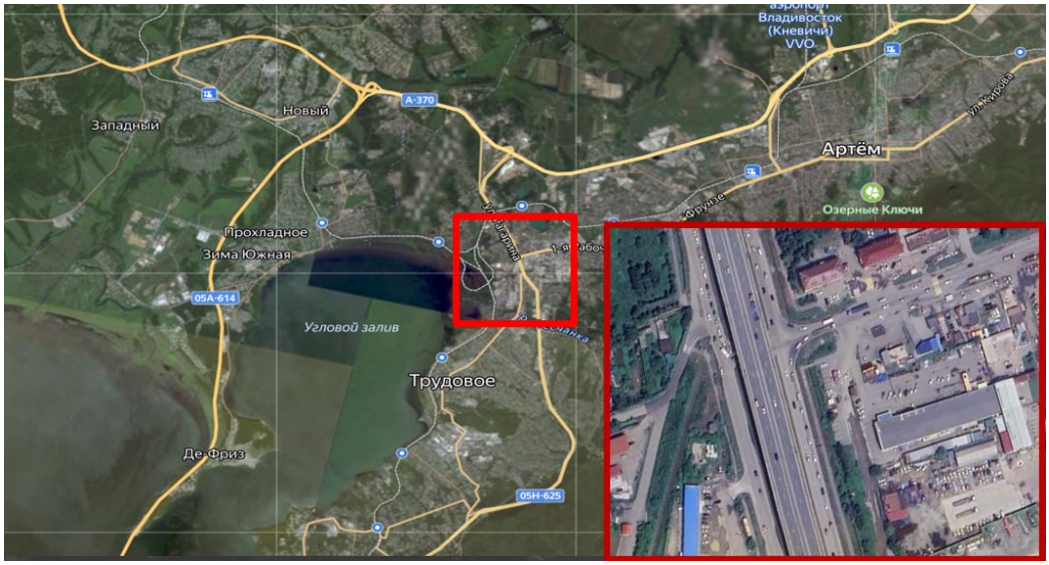

Рис. 1. Спутниковый снимок зоны пересечения ул. 1-я Рабочая и ул. Гагарина

В процессе исследования дорожной инфраструктуры была собрана информация о расположении и типах поворотов на главных магистралях. Также был проведен анализ размещения светофоров в ключевых узлах дорожной сети, включая их временные режимы и циклы переключения сигналов. Перед запуском модели пользователю в окне эксперимента представляется возможность установить размер входящих потоков, данное окно представлено на рисунке 2.

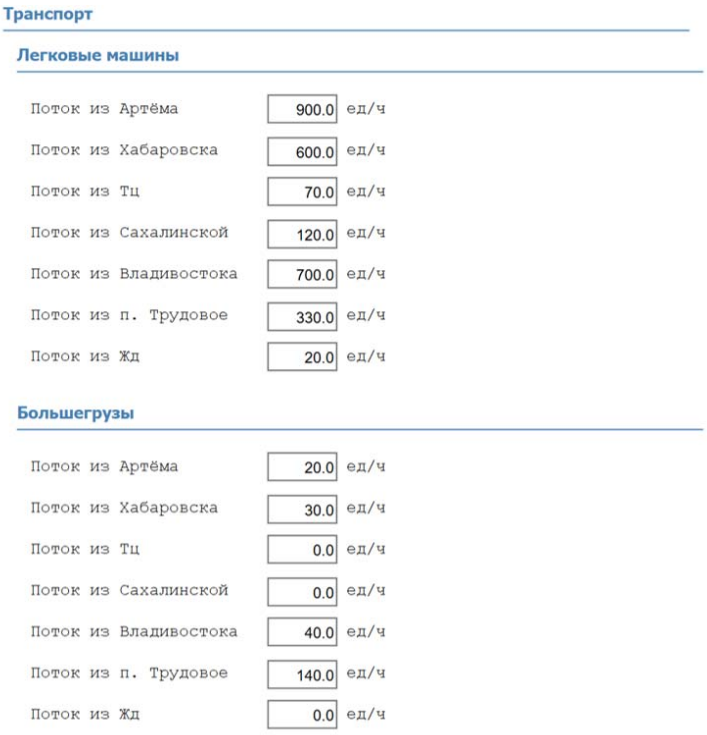

Рис. 2. Окно эксперимента в модели

В данном окне можно уставить только потоки легковых и грузовых автомобилей, в прототипе не было возможности задать вероятности движения, так как и их редактирование не было предусмотрено в прототипе модели.

Установка динамических характеристик (разгон/торможение) и размеров автомобиля продемонстрирована на рисунке 3.

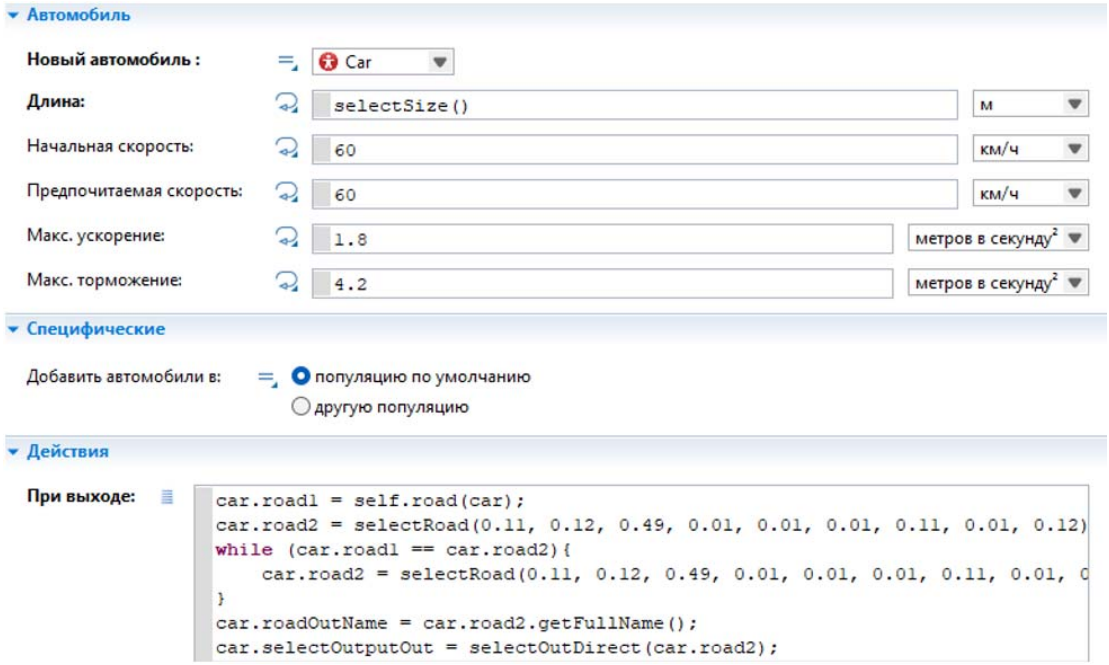

Рис. 3. Установка размеров автомобиля

Маршрутизация агентов реализована через пользовательскую функцию selectRoad(), которая опирается на предварительно сформированную матрицу вероятностей поворотов и прямых проездов.

Визуализация работы модели в двухмерном пространстве отражена на рис. 4.

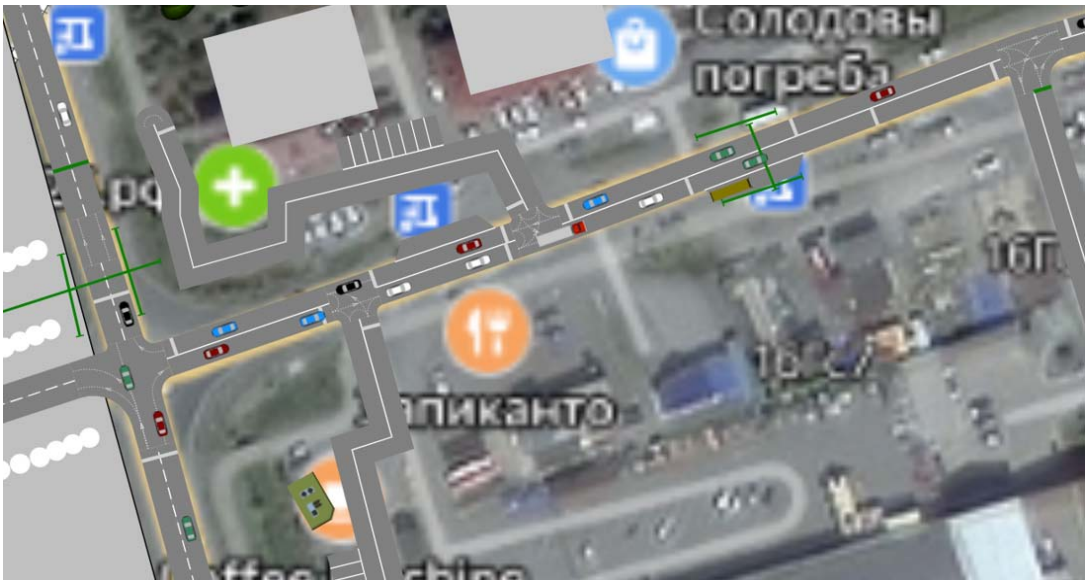

Рис. 4. Двухмерная визуализация процессов моделирования

В модели также расположены объекты, как и в реальности, например остановки и производственные здания. Трёхмерное отображение зоны остановки общественного транспорта представлено на рис. 5.

Рис. 5. Трёхмерный вид автобусной остановки с размещёнными транспортными средствами

Расчёты проводились в режиме повышенной нагрузки на протяжении 24 часов модельного времени. По итогам прогонов получены следующие показатели (рис. 6).

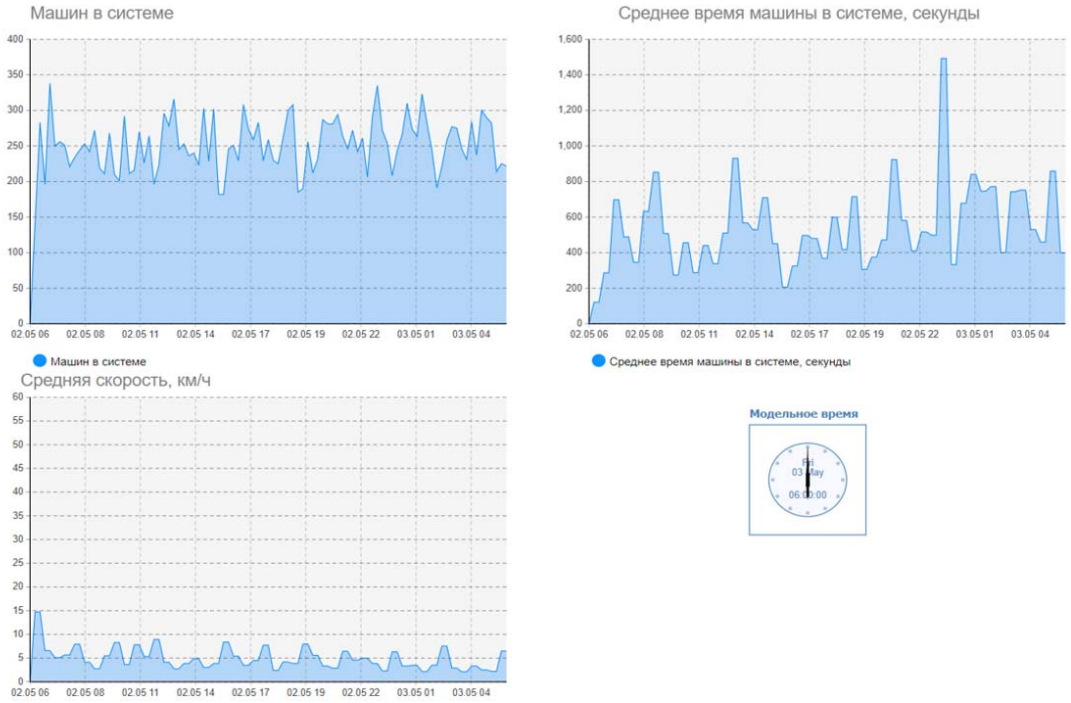

Рис. 6. Статистика модели

Моделирование входящих потоков осуществлялось в высоконагруженном режиме в течение 24 часов модельного времени. В результате моделирования были получены следующие средние значения:

1. Среднее число автомобилей, одновременно находящихся на развязке: **249 ед.**
2. Средняя скорость перемещения транспортных средств: **4,93 км/ч**.
3. Среднее время пребывания агента в системе: **533,9 с** (около 9 мин).

Таким образом модель была разработана, в будущих разработках при необходимости в модель можно добавить учёт погодных явлений и учёт потоков с примыкающих улиц.

1. Рочева О.А., Зарипова Р.С., Морозова И.Г., Хамидуллина Ф.Р. Конкурентоспособность транспортных коридоров России в системе международных транспортных коридоров // International Journal of Advanced Studies. – 2021. – Т.11, № 1. –С. 7–16.

2. Yudin P. V. Computational Hydrodynamics in Air Flows Modeling : Using the Unreal Engine based on the numerical solution of the Navier-Stokes equations / P. V. Yudin, M. I. Fedina, E. V. Strizh, O. V. Yudina // International Multi-Conference on Industrial Engineering and Modern Technologies (FarEastCon). – 2019. – P. 1 – 9.

3. Соколов О.О., Журавлёв Н. А., Юдин П. В. Имитационная модель производства железобетонных свай // Наука без границ: студенческое научное кружковое. – 2023. – № 1. –С. 876–881.

Сведения об авторах

О.О. Соколов, магистрант, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

П.В. Юдин Павел Владимирович, преподаватель, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 314.74

СУЩНОСТЬ И СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ИНТЕГРАЦИИ ГОСТИНИЧНОГО БИЗНЕСА И ОБРАЗОВАНИЯ

Б.А. Стаценко, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Исследование посвящено трансформации связей между отелями и учебными заведениями. Выделены шесть форматов кооперации, включая дуальную модель и цифровые платформы. Сделан вывод: российская практика находится в переходной фазе от имиджевых проектов к системному партнёрству, тогда как зарубежные образцы демонстрируют зрелые институциональные конструкции с измеримым экономическим эффектом.*

Ключевые слова: *Интеграция, гостиничная индустрия, профессиональное обучение, дуальное обучение, корпоративные кафедры, отраслевые кластеры, цифровые лаборатории.*

ESSENCE AND CURRENT INTEGRATION MODELS OF HOTEL BUSINESS AND EDUCATION

Abstract. *The study examines the transformation of linkages between hotels and educational institutions. Six cooperation formats are identified, including the dual model and digital platforms. It is concluded that Russian practice is in a transitional phase from image-building projects to systemic partnership, whereas foreign examples demonstrate mature institutional frameworks with measurable economic outcomes.*

Keywords: *Integration, hospitality industry, vocational training, dual education, corporate departments, industry clusters, digital laboratories.*

Современные интеграционные тенденции требуют интенсификации научных исследований механизмов взаимодействия институтов в сложных экономических системах. В первую очередь требует решения проблема управления, как самими процессами интеграции, так и вновь возникшей интегрированной структурой.

Исходный латинский термин «integratio» означает восстановление, восполнение некоего единства. В реальной практике под интеграцией могут пониматься различные процессы, обозначающие объединение двух и более субъектов (или частей чего-либо) с какой-либо общей целью [1]. Это может быть включение интегрирующейся единицы в уже существующее целое, но способное к расширению, либо создание совершенно новой интегрированной системы или структуры, либо её незначительное переформатирование. Интеграция затрагивает различные пространственные уровни и сферы и включает в себя композиционную и коммуникативную составляющие. Композиционная касается состава и структуры интеграции, изменения неформальных и нормативных границ объединяющихся субъектов, их специализации, пропорций. Коммуникативная затрагивает содержание и формы межсубъектной кооперации, связей и взаимодействия, изменения их принципов и механизмов в новых условиях.

Актуальность представленной работы обусловлена ускорением технологических изменений в отельном бизнесе (внедрение PMS-систем, автоматизация сервисов, персонализация обслуживания), что делает традиционные образовательные программы инертными и фрагментарными.

Цель заключается в теоретическом обосновании сущности интеграционных процессов между объектами гостиничного бизнеса и образовательными институтами, а также в систематизации актуальных форматов их взаимодействия.

Задачи:

1) изучить основные формы интеграции бизнеса и образования;

2) проанализировать существующие модели интеграции гостиничного бизнеса и образования;

3) разработать рекомендации по развитию интеграции гостиничного бизнеса и образования.

Научная новизна заключается в систематизации и уточнении сущности интеграции гостиничного бизнеса и образования в условиях перехода от простого сотрудничества к сетевым

формам (включая базовые кафедры и дуальное обучение), а также в выявлении новых интегрированных структур, как пример: отель – учебная лаборатория, которые ранее не рассматривались как целостный феномен.

Методы исследования: сравнительно-сопоставительный анализ, классификации, а также ретроспективный.

Интеграция бизнеса и образования – это процесс установления долгосрочных и взаимовыгодных связей между компаниями (бизнесом) и учебными заведениями (образованием) для решения общих задач, таких как подготовка квалифицированных кадров, проведение прикладных исследований и развитие инноваций [2].

Взаимодействие между индустрией гостеприимства и учреждениями профессионального образования следует рассматривать как стратегически важный союз, фундаментом для которого служат совпадающие цели и стремление к достижению создания добавочной ценности. Его глубинная природа состоит в формировании стабильного и воспроизводимого механизма кооперации, в рамках которого реализуются следующие взаимодополняющие задачи:

1. Для учебных заведений такое сотрудничество открывает доступ к экспертизе и передовым технологиям сектора, обогащает материально-технические ресурсы, существенно повышает прикладной характер реализуемых программ и, как следствие, улучшает показатели занятости выпускников в профильной сфере.

2. Для гостиничных компаний партнерство служит инструментом заблаговременного создания специализированного пула будущих сотрудников, максимально отвечающих внутренним корпоративным требованиям. Оно позволяет напрямую участвовать в формировании учебных курсов, способствует внедрению инноваций через привлечение научно-исследовательского потенциала университета и укрепляет репутацию компании как привлекательного и ответственного работодателя.

К основополагающим чертам, определяющим подобное партнерство, можно отнести: осознанность вступления в отношения, ориентацию на долгосрочную перспективу, баланс интересов (принцип win-win) и коллективную ответственность за итоговый результат, которым является выпуск квалифицированного и востребованного специалиста.

Таблица 1

Основные формы интеграции бизнеса и образования [2]

Форма интеграции	Формат	Примеры реализации
Образовательные	Встраивание бизнеса непосредственно в учебный процесс для повышения его практической orientированности.	Базовые кафедры: компания создает кафедру в вузе и участвует в разработке программ. Совместные программы: магистратура «Управление b2c-бизнесом» от ВШБ НИУ ВШЭ и X5 Group. Корпоративные кафедры и дисциплины: включение специфических курсов от «Ростелекома» в учебные планы
Практико-ориентированные	Погружение студентов в реальные бизнес-задачи и среду компании.	Стажировки и практики: ключевой канал найма и получения опыта для студентов. Проектное обучение и кейсы: решение студентами реальных задач бизнеса в рамках учебы. Лаборатории и мастерские: создание «технологических мастерских» и R&D-лабораторий на базе вузов («Ростелеком»). Кейс-чемпионаты и хакатоны: соревнования для поиска перспективных студентов и идей (например, чемпионаты ВТБ и Альфа-Банка)
Инвестиционные и инфраструктурные	Финансовая и материальная поддержка со стороны бизнеса для развития вузов.	Гранты, стипендии, инвестиции: финансирование талантливых студентов и перспективных исследований. Целевое финансирование: инвестиции компаний в конкретные исследовательские проекты университетов. Брендированные аудитории и пространства: создание современных учебных пространств («Аудитория будущего» Сбербанка в Финансовом университете)

Окончание табл. 1

Форма интеграции	Формат	Примеры реализации
Инновационные и стратегические	Создание новых структур и долгосрочных альянсов для генерации прорывных идей и стартапов.	Стартап-студии и акселераторы: инфраструктура для запуска студентами технологических стартапов (ДВФУ). Коммерциализация разработок: совместный вывод научных разработок на рынок через венчурное финансирование. Цифровые платформы: онлайн-платформы для коммуникации вузов, бизнеса и студентов, а также образовательные маркетплейсы. Консорциумы и сетевые партнерства: объединение усилий нескольких вузов и компаний (например, консорциум дальневосточных университетов)

Эти форматы стирают грань между учебной аудиторией и реальным производственным сектором, создавая среду для инновационного предпринимательства внутри университетов.

Интеграция перестала быть желательным дополнением – она превратилась в объективную необходимость, без которой невозможно ни качественное профессиональное образование, ни устойчивый рост высокотехнологичных компаний. Дальнейшее развитие пойдет по пути углубления уже существующих форм и появления новых гибридных конструкций, обусловленных цифровизацией и сетевыми принципами организации.

Для понимания сущности интеграции бизнеса и образования необходимо исходить из ключевой предпосылки: современный рынок труда и система профессиональной подготовки функционируют в разных логиках и темпах. Как отмечает кандидат физико-математических наук Ростислав Ковалевский (НИУ ВШЭ), школы, вузы и бизнес находятся в принципиально разных экосистемах: учителя ориентированы на успешную сдачу ЕГЭ, вузы – на реализацию образовательных программ, которые не всегда опираются на потребности высокотехнологичных компаний, а бизнес часто реализует «примитивную модель, не требующую глубоких научных знаний». Этот разрыв экосистем и призвана преодолеть интеграция.

Стратегическая интеграция: ключевая особенность которой – отношения, которые трансформируются в направлении совместного проектирования как образовательных стратегий, так и кадровой политики. Стороны перестают быть просто контрагентами, становясь равноправными соавторами единого процесса формирования человеческого капитала для отрасли.

Интенсивная цифровизация всех бизнес-процессов, глобальная конкуренция за высококвалифицированных специалистов и потребность в ускоренной адаптации к волатильным условиям рынка. Фокус взаимодействия смещается в область совместных прикладных исследований, технологических разработок и создания инновационных образовательных продуктов.

Рассмотрим рисунок 1, раскрывающий сущность интеграции бизнеса и образования как процесс формирования единой экосистемы.

Рис. 1. Сущность интеграции бизнеса и образования [3]

Проведённая систематизация, представленная в виде концептуальной схемы, позволяет сделать ряд выводов относительно сущности и структурного наполнения интеграционных процессов между бизнес-структурами и образовательными институтами. Если рассмотреть схему, увидим суть сращивания бизнеса и учёбы нельзя свести к чему-то одному. На практике она раскрывается сразу через три стороны.

Первая – взаимное действие, когда компании и университеты перестают быть чужими друг другу и убирают барьеры.

Вторая – постоянство, то есть обучение больше не заканчивается вместе с дипломом, а перетекает в работу, а работа – обратно в учёбу.

Третья – создание нового: речь не просто про знания, а про такие идеи и продукты, которые появляются только на стыке рынка и академии.

Из этого следует простая вещь: интеграция – это не застывшая форма. Это живой, подвижный процесс, где все три составляющие работают одновременно. Если нет хотя бы одной – полноценной связи уже не получается. Важный момент: влияние идёт не по одному пути, а сразу навстречу друг другу. Вот как это выглядит на деле.

Когда бизнес проникает в образование, компании приходят в университеты не просто с лекциями. Они открывают свои кафедры, помогают переписывать учебные планы, привлекают практиков к проверке знаний. В итоге учёба становится ближе к реальной работе, но при этом не теряет своей глубины. Студент по-прежнему получает теорию, но уже не оторванную от жизни. Но когда образование проникает в бизнес, т.е с другой стороны – сами компании начинают учить. Внутри предприятий появляются исследовательские лаборатории, проектные группы, корпоративные учебные центры для своих сотрудников. Обычный офис или завод превращается в место, где люди постоянно осваивают новое, а не просто выполняют одни и те же задачи.

Проанализировав рисунок 1, мы можем подытожить, что интеграция не перераспределяет выгоды между участниками, а создаёт добавленную ценность для каждого субъекта:

1) бизнес – подготовленные кадры без доучивания, доступ к академической науке, снижение издержек на адаптацию молодых специалистов;

2) образование – актуальные (не устаревшие) программы, внебюджетное финансирование, гарантированное трудоустройство выпускников как метрика качества;

3) студенты – практические (рыночные) навыки, ранний выход на рынок труда, выстроенная карьерная траектория вместо случайного поиска работы.

Самый главный признак настоящей интеграции – это польза для всех троих: для компаний, для учебных заведений и для самих студентов. И эта польза не случайная и не дополнительная, а прямая и запланированная. Бизнес получает готовых специалистов, университеты – актуальные программы и деньги, студенты – реальные навыки и рабочие места. Из этого следует, если взять отдельные кафедры, которые работают по старым программам, или разовые исследования без участия студентов – это ещё не интеграция. Такие вещи правильнее называть подготовительным этапом или начальными шагами. Настоящая, полная интеграция наступает только тогда, когда замыкается весь описанный цикл. Пока цикл разорван – нет и настоящего сращивания бизнеса, и образования.

Таким образом, интеграция бизнеса и образования представляет собой не просто сумму встречных усилий, а системное качество, при котором каждый элемент цикла «школа – вуз – предприятие» усиливает действие другого. Формирование замкнутой цепочки от профессиональной навигации через подготовку и трудоустройство к непрерывному развитию превращает разрозненные контакты в устойчивый механизм взаимного роста. Именно полнота этого цикла позволяет говорить о достижении синергетического эффекта, когда результатом становится не перераспределение ограниченных ресурсов, а генерация новой ценности – от коммерциализации разработок до формирования долгосрочных карьерных траекторий.

Историческая динамика взаимоотношений между бизнес-сектором и образованием в сфере гостеприимства демонстрирует последовательный переход от простых связей к комплексным, закрепленным институционально моделям, рассмотрим три этапа.

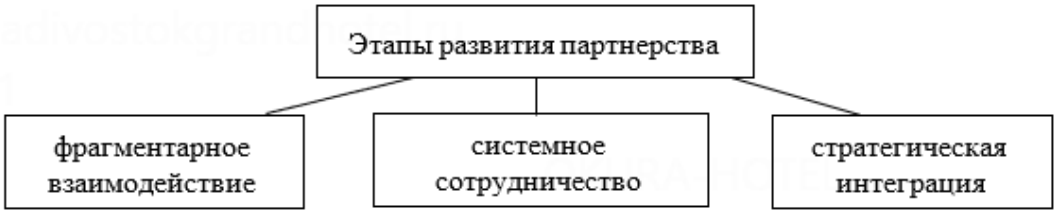

Рис. 2. Основные этапы развития партнерства [4]

Фрагментарное взаимодействие: единичные мастер-классы и выступления практиков, ознакомительные визиты студентов на предприятия, эпизодическое предоставление площадок для прохождения учебной практики. Связи носят случайный, нерегулярный характер и часто инициируются на уровне личных знакомств. Глубинного согласования образовательных траекторий с операционными нуждами бизнеса не происходит.

Становление системного сотрудничества: заключение долгосрочных рамочных соглашений, формирование экспертных советов с участием топ-менеджеров индустрии для корректировки учебных планов, проведение профильных конкурсов профессионального мастерства и чемпионатов по решению бизнес-кейсов при организационной и финансовой поддержке компаний.

Стратегическая интеграция: ключевая особенность которой – отношения, которые трансформируются в направлении совместного проектирования как образовательных стратегий, так и кадровой политики. Стороны перестают быть просто контрагентами, становясь равноправными соавторами единого процесса формирования человеческого капитала для отрасли.

Интенсивная цифровизация всех бизнес-процессов, глобальная конкуренция за высококвалифицированных специалистов и потребность в ускоренной адаптации к волатильным условиям рынка. Фокус взаимодействия смещается в область совместных прикладных исследований, технологических разработок и создания инновационных образовательных продуктов.

Таблица 2

Формы партнерства гностичных предприятий с образовательными организациями [5, 6]

Форма партнерства	Сущность и механизмы	Мировая практика	Отечественная практика
Дуальное обучение	Интеграция теоретического обучения в вузе/колледже с длительными практическими модулями на рабочем месте в гостинице. Учебный план составляется совместно.	Швейцария, Германия, Австрия: «Швейцарская модель» – эталон, где студенты до 60% времени проводят в отеле, обучаясь у мастеров. Выпускник получает и диплом, и гарантированное рабочее место.	Внедряется в рамках нацпроекта «Образование» (программа «Профессионалитет»). Пилотные проекты с сетями (AZIMUT, Cosmos). Вызовы: сложность правового регулирования, высокая нагрузка на бизнес.
Корпоративные кафедры, центры компетенций	Структурное подразделение вуза, созданное и софинансируемое гостиничной сетью. Занимается целевой подготовкой, повышением квалификации сотрудников, НИР.	The Emirates Academy of Hospitality Management (ОАЭ) – тесная интеграция с отелями Jumeirah Group. Cornell University (США) – партнерство с множеством мировых сетей для исследований и разработок.	Кафедры при поддержке Rocco Forte Hotels, Hilton в РАНХиГС, МГИИТ. Часто носят имиджевый характер, глубина интеграции варьируется.
Сетевые образовательные программы	Реализация программы силами нескольких организаций (вуз – гостиница – отраслевая ассоциация). Используются ресурсы всех партнеров.	Программы GLION, Les Roches: кампусы в разных странах, обязательные семестры стажировок в мировых сетях.	Пока редки. Примеры: сетевая магистратура «Управление в индустрии гостеприимства» (несколько вузов и Ассоциация туроператоров).
Отраслевые кластеры / Консорциумы	Объединение множества игроков: вузов, гостиниц, туроператоров, IT-компаний, органов власти для комплексного развития отрасли.	Финляндия, Швеция: «Hospitality & Tourism Clusters» – площадки для инноваций, стартапов, совместных грантовых заявок.	Создаются региональные туристско-образовательные кластеры (Казань, Сочи). Проблема: часто слабая вовлеченность бизнеса в оперативную работу.

Окончание табл. 2

Форма партнерства	Сущность и механизмы	Мировая практика	Отечественная практика
Цифровые платформы и совместные лаборатории	Совместные инвестиции в создание симуляторов, VR-тренажеров (например, для отработки check-in, работы с системой бронирования), аналитических центров.	Hilton и IBM создали платформу для подбора и обучения персонала на основе ИИ. Сингапур: Технологические лаборатории в вузах при поддержке отелей.	Начальный этап. Появление цифровых симуляторов в ведущих профильных вузах (РГУТИС, Финуниверситет). Чаще как инициатива вуза, а не совместный проект.

В мировой практике (Швейцария, Германия) данный формат доведен до институционального уровня: доля практических модулей достигает 60% от общего времени обучения, а выпускник покидает учебное заведение уже с действующим трудовым контрактом. Российская практика находится в фазе пилотирования (программа «Профессионалитет»). Ключевое противоречие: правовые барьеры (оформление студентов на рабочие места, налогообложение стипендий) и неготовность малых отелей брать на себя нагрузку по наставничеству.

Рассмотрим показательные кейсы: The Emirates Academy (связка с Jumeirah Group) и Cornell University (партнерство с глобальными сетями). В обоих случаях речь идет о стратегическом соинвестировании, отели не просто финансируют кафедру, а участвуют в формировании исследовательской повестки и обновлении оборудования. Российские аналоги (Hilton в РАНХиГС, Rossa Forte Hotels) охарактеризованы как «имиджевые» с варьирующейся глубиной. Выявленное расхождение демонстрирует системный недостаток, отечественные корпоративные кафедры зачастую имитируют партнерство, не будучи вплетенными ни в операционные алгоритмы отеля, ни в подлинную исследовательскую практику обучающихся [9, 10].

Российские сетевые программы «пока редки», а отраслевые кластеры (Казань, Сочи) страдают от «слабой вовлеченности бизнеса». В скандинавских странах кластеры работают как «инновационные площадки» с регулярными грантовыми конкурсами и стартап-акселераторами. Российская версия, чаще является формальным объединением без распределения финансовой ответственности и измеримых KPI.

Мировая практика уже использует VR-тренажеры для отработки check-in, системы подбора персонала на базе ИИ (кейс Hilton – IBM). Российская практика обозначена как «начальный этап», причем инициатором чаще выступает вуз, а не отель. В условиях цифровой трансформации гостеприимства Российские гостиницы предпочитают покупать готовые зарубежные LMS-системы (Oracle Hospitality), не инвестируя в совместные с вузами разработки. Партнерство эволюционировало от пассивной поддержки к активной к творческой деятельности. Мировая практика демонстрирует глубокую институциональную интеграцию, где бизнес является равноправным субъектом образовательного процесса. В России преобладают переходные формы от системного сотрудничества к стратегической интеграции. Основными барьерами для развития моделей мирового уровня являются: несовершенство нормативной базы для дуального обучения, недостаток долгосрочных инвестиций бизнеса в образование и зачастую сохраняющаяся пассивная роль гостиниц как «потребителей кадров». Тем не менее, тренд на усиление интеграции очевиден и поддерживается государственной стратегией.

Гостиничный бизнес – это динамичная отрасль сферы услуг, представляющая собой системно организованную деятельность по предоставлению временного проживания, питания и сопутствующих услуг путешествующим лицам и туристам на коммерческой основе. В современном понимании это многокомпонентная индустрия, интегрирующая элементы гостеприимства, логистики, управления недвижимостью и событийного менеджмента.

Ключевые характеристики современного гостиничного бизнеса включают:

1) гибкость форматов (от хостелов до апарт-отелей и бутик-отелей);

2) технологическую насыщенность (системы автоматизации, мобильные приложения);

3) экологическую ответственность (устойчивое развитие, green-технологии);

4) персонализацию сервиса (адаптация под индивидуальные потребности гостей).

В рамках исследования многоуровневой структуры гостиничного бизнеса как системообразующего элемента современной экономики представляется необходимым детально проанализировать его внутреннюю сегментацию. Дифференциация предложения, вызванная эволюцией потребительских предпочтений, глобализацией деловых процессов и технологизацией сервиса, привела к формированию чётко выраженных рыночных ниш. Каждый сегмент выполняет специфическую социально-экономическую функцию, обладает уникальной операци-

онной моделью и целевой аудиторией, что в совокупности определяет его вклад в общую эффективность индустрии гостеприимства.

Интеграционные процессы в отечественной сфере гостеприимства и профильного образования сегодня находятся на стадии перехода – от точечных проектов, носящих имиджевый характер, к строительству системного партнерства. Зарубежный опыт (в Швейцарии, ОАЭ, Германии) демонстрирует состоявшиеся институциональные формы, сопровождающиеся измеримыми хозяйственными результатами. Российская практика, напротив, характеризуется расхождением между декларируемыми нормативными посылами и фактической степенью включенности бизнеса. Цифровые платформы и совместные лаборатории выступают наиболее многообещающим, однако при этом и наиболее отстающим сектором. В этой области российские университеты вынуждены функционировать без активного участия со стороны гостиничных предприятий.

Одним из наиболее действенных, но при этом недооцененных механизмов углубления интеграции между образованием и гостиничным бизнесом является систематическое погружение преподавательского состава в реальную операционную среду отеля. Без регулярного обновления практических знаний педагогов любые изменения учебных программ остаются поверхностными.

Отель-партнер организует для группы преподавателей (5-10 человек) специализированные модульные интенсивы продолжительностью от 2 до 5 дней. Работа в современных PMS-системах: OPERA, Oracle Hospitality, 1С-Отель» – практическая работа в реальной (или демоверсии) системе; управление доходами (Revenue Management) в отеле – разбор тарифных сеток, прогнозирование загрузки; стандарты обслуживания и чек-листы: от приветствия до выезда – отработка сценариев; работа с негативными отзывами и конфликтными ситуациями – разбор реальных кейсов из практики отеля.

Обучение проводится на площадке отеля (конференц-зал, зона ресепшен, номерной фонд). В качестве тренеров выступают руководители подразделений отеля – директор по персоналу, руководитель службы приема и размещения, шеф-повар (для модуля по питанию), revenue-менеджер. По окончании выдается сертификат отеля, который вуз признает как повышение квалификации с зачетом часов.

Отель проводит обучение бесплатно в обмен на участие вуза в совместных маркетинговых активностях (упоминание отеля как стратегического партнера на сайте вуза), обучение оплачивается из средств вуза (в рамках ежегодной сметы на повышение квалификации), возможность финансирования 50/50, 50% оплачивает вуз, 50% компенсирует отелю региональный грант на развитие кадрового потенциала туризма.

Регулярное обучение преподавателей на базе гостиничных предприятий – это не дополнительная опция, а необходимое условие для перехода от имитационной интеграции к реальной. Без погружения педагогов актуальной отраслевой практикой любые изменения учебных программ остаются косметическими. Предложенная модель охватывает разные погружения – от двухдневных интенсивов до полноценной стажировки с выполнением операционных задач.

1. Алферов С.Ю. Непрерывное образование: опыт развитых стран // Советская педагогика. – 2020. – № 8. – С. 131–136.

2. Грузин Н.Е., Баштовой А.Е. Методика составления рабочих программ учебных дисциплин «Проблемы высшей школы»: Респуб. науч. метод. сб. – Киев, 1976. Вып. 25: Психолого-педагогические аспекты высшего образования. – С. 11–14.

3. Новиков А.М. Профессиональное образование в России. – Москва: Педагогика, 2022. –178 с.

4. Новиков А.М. Методология образования. – Москва: Эгвес, 2019.

5. Стандарты профессионального образования зарубежных стран. – Москва: НПО, 2018. – С. 42.

6. Чошанов М.А. Гибкая технология проблемно-модульного обучения: метод. пособие. – Москва: Народное образование, 1996 (Библиотека журнала «Народное образование», 1996, № 2). – С. 160.

7. Юцявичене П.А. Теория и практика модульного обучения. – Каунас, 1989. – С. 272.

8. COSMOS GROUP Текст: электронный. – URL: https://cosmosgroup.ru

9. Hilton Текст: электронный. – URL: https://www.hilton.com/en/locations/sri-lanka

10. РАНХиГС Текст: электронный. – URL: https://www.ranepa.ru/

11. Отель «AZIMUT» Текст: электронный. – URL: https://azimuthotels.com/ru/vladivostok/azimut-hotel-vladivostok

12. Московский государственный университет спорта и туризма Текст: электронный. – URL: https://msk.propostuplenie.ru/vuzi/mgiitimeni-yu-a-senkevicha/?ysclid=mptimg6k25290527276

Сведения об авторе

Б.А. Стаценко, магистрант, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 811.111

НАТИВИЗАЦИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В КНР: ОПОСРЕДОВАННАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В МИССИЯХ УНИВЕРСИТЕТОВ

В.С. Строганова, бакалавр

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Настоящая статья посвящена анализу репрезентации ключевых ценностных доминант китайского общества: патриотизм, гармония, практика и честность в текстах тридцати англоязычных миссий передовых университетов КНР. В рамках настоящего исследования проанализированы ценности Поднебесной, отражённые в миссиях посредством цитат влиятельных деятелей и аллюзий к историческим трактатам разных исторических эпох.*

Ключевые: *межкультурная коммуникация, китайский вариант английского языка, нативизация английского языка, миссия университета, ценностные доминанты, репрезентация ценностей.*

NATIVIZATION OF ENGLISH IN CHINA: MEDIATED REPRESENTATION OF NATIONAL VALUES IN UNIVERSITY MISSION STATEMENTS

Abstract. *This article analyzes the representation of key value dominants of Chinese society—patriotism, harmony, practice, and honesty—in the texts of thirty English-language mission statements of leading universities in China. The study examines the values of China as reflected in these mission statements through quotations from influential figures and allusions to historical treatises from different historical eras.*

Keywords: *intercultural communication, China English, nativization of English, university mission statement, value dominants, representation of values.*

Актуальность работы обусловлена интересом к процессу и результатам нативизации английского языка и его функционированию как lingua franca в разных регионах мира, последствия которых важны как для самих обществ, использующих английский язык, так и для их межэтнического и межкультурного взаимодействия, а поэтому нуждаются в описании, анализе и возможном прогнозировании со стороны исследователей.

Процесс нативизации приводит к формированию новых вариантов языка, обладающих выраженными особенностями – как уникальными для нации, так и общими для региона. В частности, наряду с китайским, японским и корейскими вариантами выделяют восточноазиатский вариант английского языка. Английский язык в Китае выполняет не только внешние функции, направленные на межкультурную коммуникацию и международное сотрудничество, но и внутренние, среди которых обслуживание сферы образования. В частности, в высшем образовании английский язык– не только средство и цель обучения, но и инструмент взаимодействия с международным сообществом, а также привлечения потенциальных партнеров и абитуриентов. В связи с этим особенно актуально изучение того, как в англоязычных текстах миссий университетов КНР отражены национальные ценности китайской культуры и как они изменяются в течение истории Китая, становится все более актуальным. Исследование миссий вузов КНР позволяет выявить способы репрезентации аксиологических доминант китайского общества, что способствует пониманию лингвокультурной специфики страны и выстраиванию эффективного сотрудничества.

Научная новизна исследования заключается в том, что отражение национальных ценностей Китая через цитаты и аллюзии анализируется впервые с позиций лингвоконтактологии, а также впервые проводится анализ аллюзий и цитат как средств выражения ценностных доминант в стратегических текстах университетов Китая. Новизна состоит также в выявлении средств вербализации национальных ценностей и классификации их по отдельным историческим периодам истории, что позволяет проследить эволюцию ценностных ориентиров в университетских стратегических текстах.

Целью настоящего исследования является выявление и анализ аллюзий и цитат в миссиях университетов КНР, отражающих ценности китайской культуры и соответствующих определённым периодам истории Китая.

Задачами исследования выступают установление ценностных доминант китайского общества, интегрированных в миссии университетов КНР, выявление и классификация цитат и аллюзий в зависимости от исторического периода Китая (Древний и Традиционный Китай, республиканский период, период становления КНР и правления Мао Цзэдуна, период реформ и открытости, новая эпоха развития).

В работе использовались следующие методы: аксиологический и контекстуальный анализ для выявления ценностных доминант, включённых в цитаты деятелей и аллюзии к трактатам и классификация цитат и аллюзий из миссий университетов КНР по отдельным историческим периодам Поднебесной: Древнего и Традиционного Китая, республиканского периода, периода становления КНР и правления Мао Цзэдуна, реформ и открытости и новой эпохи развития КНР.

С конца XX века английский язык (АЯ) стал lingua franca в Азиатско-Тихоокеанском регионе, то есть взял на себя роль посредника между разноязычными сообществами [14; 18; 17; 15]. В связи с этим английский язык нативизируется в регионе, что приводит к формированию ряда вариантов АЯ. Термин «нативизация», согласно переводу З.Г. Прошиной, означает «укоренение» языка в иных социокультурных условиях, то есть процесс адаптации языка для функционирования в тех обществах, где он не является родным [8]. На основе этого выделяется и восточноазиатский вариант АЯ, который формируется под влиянием социолингвистических и культурных факторов, представляет собой отдельный уникальный вариант с функциональными особенностями, отражающий идентичность и самобытность региона и используется при межкультурном обмене и деловом взаимодействии [7, с. 46-47]. В составе восточноазиатского варианта АЯ выделяются национальные варианты: китайский, корейский и японский.

В Китае английский язык наделён особым статусом и играет особую роль, выполняя целый ряд внутренних и внешних функций. На конец XX века пришёлся период реформ в Китае, который затронул все сферы жизни страны, что привело к превращению Поднебесной в мировую и технологическую державу. Английский язык при этом выступил в качестве значимого инструмента прогресса и интеграции КНР в глобальное сообщество [11, с. 74-75]. К сферам использования английского языка внутри страны относятся средства массовой информации, кино, экономика, медицина, реклама и образование [19]. Одним из значимых аспектов периода реформирования КНР стало включение английского языка в сферу образования, что поспособствовало стремительному росту англоязычных учебных программ, международных обменов и вовлеченности китайских студентов в англоязычные исследовательские проекты [11, с. 75]. За последнее десятилетие было выявлено, что контакт английского языка и китайского общества не только привёл к тому, что сегодня в КНР около 400 млн людей обучаются ему и говорят на нём, но и поспособствовал увеличению преподавательского состава английского языка, который насчитывает около 1 млн человек [12, с. 112]. В китайской средней школе прослеживается тенденция «двуязычного образования» (shuangyu jiaoyu), которое реализуется в преподавании математики, биотехнологии, международной торговли, экономики и права с использованием английского языка [9].

Помимо внутренних функций, английский язык выполняет в Китае и внешние, выступая связующим звеном в межкультурной коммуникации и посредником во взаимодействии с внешним миром. В сферах международной торговли и туризма китайские граждане напрямую общаются не только с носителями английского как родного, но и с представителями неанглоязычных стран, для которых английский является вторым или иностранным языком. Сотрудники гостиниц, крупных торговых центров и ресторанов, как правило, владеют английским на уровне, достаточном для выполнения повседневных обязанностей и оказания помощи туристам [3, с. 27].

Широкое распространение английского языка в Китае привело не только к увеличению числа его носителей и изучающих, но и к становлению особой национальной разновидности – китайского варианта английского языка (China English / Chinese English). Данный вариант развивается как самостоятельная форма, отражающая китайскую культуру во всей её уникальности и обладающая рядом отличительных признаков на лексическом, синтаксическом и фонетическом уровнях [16, с. 269].

Функционируя в особых социокультурных условиях принимающей страны, любой вариант АЯ приобретает языковые черты, вызванные влиянием национального языка и национальной культуры, и таким образом является средством «выражения национальной культуры, в частности, её ценностных доминант» [4, с. 3]. Как подчёркивают З.Г. Прошина и С. Нельсон, поскольку каждый вариант базируется на определённой лингвокультуре, «он способен выражать культурную идентичность своих пользователей и имеет черты, перенесенные из их родных языков и/или языков, с которыми вариант вступает в регулярный контакт [8, с. 4]. Следовательно, китайский вариант АЯ «под влиянием китайского лингвистического образа мышления развил определенные особенности, особенно в речи и синтаксисе» и, основываясь на стандартном английском, отражает культурные черты Китая и имеет китайские особенности в лексике и структуре предложений [16, с. 269; 20, с. 3]. Настоящее исследование, посвящено выявлению и анализу аллюзий и цитат в миссиях университетов КНР, отражающих ценности китайской культуры и соответствующих определённым периодам истории Китая.

На основе проведённого анализа установлены следующие ценности вузов и китайского общества в целом, которые интегрированы в миссии университетов КНР: служение стране и патриотизм, гармония и построение общего будущего, практика как критерий истины и честность. Тексты миссии университетов включают стратегические цели и задачи вузов, вербализованные различными средствами английского языка: как отдельными лексемами (инфинитивами, отглагольными существительными), так и словосочетаниями, и целыми предложениями (цитатами авторитетных деятелей КНР и аллюзиями к значимым историческим источникам Китая). В настоящем исследовании анализируются не изолированные лексемы, а целые высказывания, заимствованные в англоязычные тексты миссий университетов из китайского языка посредством калькирования и трансплантации. Данная особенность отражает нативизацию английского языка в Китае и обеспечивает трансляцию ценностных доминант страны, актуальных в определенный исторический период и сохранивших значимость до настоящего момента.

В ходе анализа установлено, что национальные ценности Китая представлены в стратегических текстах университетов в том числе через цитирование значимых личностей и ключевых источников соответствующих исторических эпох. Выделенные цитаты разделены на группы в соответствии с периодами истории страны: периоды Древнего Китая (конфуцианский канон) и Традиционного Китая [1], республиканский период (первая половина XX века) [10, с. 621], период становления Китайской Народной республики и правление Мао Цзэдуна (1949–1970-е) [1, с. 134], период реформ и открытости (1978–2000-е годы) [2], новая эпоха развития КНР (начало XXI века) [12].

1. В древнекитайский период и эпоху традиционного Китая формирование ценностей опиралось на конфуцианскую этическую традицию, где честность, добродетель и моральная чистота считались основой личностного развития и порядка в обществе. В миссиях современных вузов обращение к этой идее подчёркивает непрерывность культурной преемственности и важность нравственных принципов в образовании.

В тексте миссии Шанхайского университета приводится цитата из «Книги обрядов» (禮記, «Ли цзи») – древнего конфуцианского канона, известного также под названиями «Записки о правилах благопристойности», «Книга ритуалов», «Книга установлений» или «Трактат о правилах поведения». Согласно Конфуцию, изложенному в этом трактате, честное поведение и добродетельные поступки дарят человеку ясность восприятия при жизни и чистую репутацию после ухода из жизни: «The first phrase, '格高志远', meaning that one should have integrity and vision, originates from The Book of Rites, a core text of the Confucian canon, in which the Master says, 'Those who talk honestly and act with integrity will live with vision and die with a clean reputation.'» [5, с. 165-166]. Для включения данной китайской фразы в англоязычный текст применяется трансплантация, то есть запись с помощью китайских иероглифов 格高志远 (gé gāo zhì yuǎn), а также структурное калькирование, то есть прямой (поэлементный) перевод на английский язык («one should have integrity and vision»).

2. В республиканский период интеллектуальная элита ставила перед собой задачу формирования патриотически воспитанной молодёжи, готовой служить обществу и помогать решать общественные проблемы. В тексте миссии Нанькайского университета используются цитаты его основателей, а именно: Чжана Болина и Янь Сю, которые принадлежали к китайской интеллектуальной элите и выступали за равный доступ к образованию для всех слоёв населения [Там же]. Оба педагога подчёркивали, что приоритетными задачами университета являются формирование у студентов патриотизма, любви к родине и готовности служить обществу:

«Nankai aims to cultivate "passionate love for the country and the community" and "capacity to serve for the society"» (Zhang Boling); «...he told them "please always aspire to patriot rather than noble government officials"» (Yan Xiu). Данные высказывания вводятся в англоязычный текст посредством семантического калькирования, представляющего собой дословный перевод китайских словосочетаний и предложений.

3. В период формирования КНР и правления Мао Цзэдуна патриотизм являлся значимой ценностью китайского общества. Он в этот период понимался не только как чувство любви к Родине, но и как служение своей стране и вклад в помощь построения нового общества. В текстах миссий университетов он выражается в использовании аллюзий к важным историческим источникам и цитировании авторитетных деятелей данного периода.

В тексте миссии Пекинского университета Цзяотун содержится отсылка к мемуарам Цзиншань Ван, описывающей жизнь своей семьи в период с конца 1940-х до начала 1980-х годов, то есть в эпоху коммунистического режима в Китае. Заголовок книги восходит к широко известной китайской пословице 饮水思源 (yǐn shuǐ sī yuán), смысл которой заключается в том, что человек должен помнить о своих корнях и быть признательным тому источнику, который даровал ему благополучие, удачу и все достижения, воздавая должное Родине. В миссии Пекинского университета Цзяотун метафора «воды и источника» обретает дополнительное значение, которое отмечает необходимость помнить о том, что дано не только страной, но и учебным заведением «альма-матер»: «Think of the source while drinking the water, love the country and honor the alma mater». Пословица включена в текст посредством фразеологической кальки, поскольку в английском языке не существует идиомы с тождественным значением. Последующее добавление «love the country and honor the alma mater» («люби страну и уважай родной университет») представляет собой расширение исходного смысла и добавление значения пословицы.

4. В период реформ и открытости идеологический дискурс Китая сместился в сторону практического применения знаний для всестороннего развития страны. Университетские миссии отражают ценность практической деятельности и опыта посредством включения в тексты цитаты данного периода в Китае.

В тексте миссии Нанкинского института приводится цитата, которая подчёркивает ключевую роль практики и прикладного применения знаний: «... "Practice is the Sole Criterion for Testing Truth," which sparked off China's ideological liberation and paved the way for the Reform and Opening-up». Данное высказывание представляет собой точную кальку с китайского лозунга 实践是检验真理的唯一标准 (shíjiàn shì jiǎnyàn zhēnlǐ de wéiyī biāozhǔn), который был произнесён учёным и преподавателем Нанкинского университета Ху Фумином в 1978 году. Принцип «Практика – единственный критерий истины» занимает важное место в современной истории Китая, поскольку именно он сыграл решающую роль в подготовке почвы для реформ и политики открытости страны.

Также в миссии университета Нинбо используется цитата, выражающая стремление вуза к поиску истины на основе фактов и применению знаний на благо родины: «Pursuing the tradition of "seeking truth from facts and applying knowledge to the service of the nation" as its mission..."» Способ включения данного высказывания в текст миссии вуза представляет собой структурную кальку со знаменитого выражения лидера Коммунистической партии Китая Дэн Сяопина, которое было произнесено им на закрытии заседания Центрального комитета в 1978 году.

5. В этот период берётся во внимание ценность глобального коллективизма, взаимопонимания между всеми людьми и стремления построения общего будущего. Университетские миссии отражают эти идеи посредством употребления готовых фраз из политико-экономической концепции «китайской мечты», провозглашая готовность служить не только Родине, но и всему человечеству.

В миссии Даляньского университета употребляется выражение из политико-экономической концепции «китайской мечты». Данная фраза представляет собой прямой дословный перевод китайского внешнеполитического концепта 人类命运共同体 (rénlèi mìngyùn gòngtóng tǐ), который был озвучен Си Цзинпином в 2013 году: «building a community of shared future for mankind» («построение общего будущего для всего человечества»). Этот принцип опирается на идеи коллективной ответственности, взаимопонимания и совместных усилий, направленных на достижение всеобщего блага, тем самым подчёркивается стремление к созданию гармоничного мира для всего человечества. Способом включения является структурное

калькирование, поскольку каждый компонент китайского оригинала переведён на английский буквально.

Также в миссии университета провозглашается идея, выраженная словосочетанием «to serve our country and benefit mankind» («служить своей стране и приносить пользу человечеству») и отражающая готовность вуза служить как родине, так и всему человечеству, что демонстрирует принцип глобального коллективизма: «Our focus is on discovering and using knowledge while passing it on and have the will to take social responsibilities, to serve our country and benefit mankind.» С точки зрения способа включения в текст миссии университета, это выражение представляет собой структурное калькирование. Используется прямой перевод китайских лексем: 报效祖国 (bàoxiào zǔguó) и 造福人类 (zàofú rénlèi), которые определяются как «с благодарностью послужить Родине» и «трудиться на благо человечества» соответственно.

Результаты и выводы:

В 30 англоязычных миссиях университетов КНР выявлены ключевые ценностные доминанты Поднебесной, выраженные средствами английского языка, а именно: служение стране и патриотизм, гармония и построение общего будущего, практика как критерий истины и честность. Цитаты и/или аллюзии, включённые в тексты миссий университетов КНР с целью репрезентации национальных ценностей, были распределены по группам в соответствии с периодами истории Китая. Для каждого периода характерны определённые типы цитат и аллюзий. Так, период Древнего и Традиционного Китая характеризуется аллюзиями к древним ритуальным текстам и цитатами конфуцианского характера о честности и добродетели. В республиканский период и период становления КНР и правления Мао Цзэдуна наиболее значимыми ценностями являлись патриотизм и служение обществу, что продемонстрировано в цитатах и аллюзиях, включённых в миссии вузов. Период реформ и открытости характеризуется важностью практики как критерия истины, а также поиска истины из фактов и применения знаний на благо нации. В новую эпоху развития КНР зародилась политико-экономическая концепция «китайской мечты», отражающая идеи построения общего будущего для человечества и служения своей стране с принесением пользы человечеству, что напрямую транслируется в миссиях университетов КНР.

Английский язык, функционируя в Азиатско-Тихоокеанском регионе, является неотъемлемой частью жизни китайского общества, что привело к тому, что одна из областей его применения стала сфера высшего образования КНР. Англоязычные тексты миссий университетов КНР не только отражают идеи и ценности Китая, но позволяют проследить нативизации английского языка в Китае. Цитаты и аллюзии из китайских источников разных периодов истории КНР (от древних конфуцианских канонов до современных политико-экономических концепций) выступают средством трансляции национальных ценностей — патриотизма, гармонии и построения общего будущего, практики и честности.

1. Булдыгерова Л. Н. История Китая: учеб. пособие. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016. – 168 с.

2. Давыденко Е. Л., Чжан П. Эволюция политики реформ и открытости в Китае с 1978 по 2018 гг. в контексте использования прямых иностранных инвестиций // Новая экономика. – 2018. – № 2(72). – С. 84–89. – EDN MSFMZF.

3. Иванкова Т. А. Варианты английского языка в Восточной Азии: теория описания и практика опосредованного перевода на русский язык. – Владивосток, 2013. – 70 с.

4. Иванкова Т. А. Общие и специфические лингвокультурные характеристики опосредованных картин мира Китая и России / Межкультурная коммуникация: взаимодействие языков, культур и менталитетов: монография. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2014. – С. 176–188.

5. Новиков Б. М., Цуканова В. Е. Влияние образовательной и административной реформы на местах на процесс трансформации интеллектуальных и политических элит в Китае накануне Синьхайской революции // Наука. Искусство. Культура. – 2020. Вып. 1 (25). – С. 164–170. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-obrazovatelnoy-i-administrativnoy-reformy-na-mestah-na-protsess-transformatsii-intellektualnyh-i-politicheskih-elit-v?ysclid=mne0ymes2h640679527

6. Прошина З. Г. Английский язык и культура народов Восточной Азии. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2001. – 476 с.

7. Прошина З. Г. Межкультурная коммуникация: английский язык и культура народов Восточной Азии: учебник для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Юрайт, 2025. –399 с. – (Высшее образование). – URL: https://urait.ru/bcode/565610

8. Прошина З. Г., Нельсон С. Л. Варианты английского языка и Расширяющийся круг Качру // Russian Journal of Linguistics. – 2020. – Т. 24, № 3. – С. 523–550.

9. Сабирова Д. Р., Набережнова М. В. Английский язык в образовательном ландшафте Китая // Молодой ученый. – 2019. – № 30 (268). – С. 142–145. – URL: https://moluch.ru/archive/268/61817/
10. Тихвинский С. Л. (гл. ред.). История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. – Москва: Наука, 2013.
11. Чурсина О. В., Нефёдова Д. С. Культурные и лингвистические особенности взаимодействия английского и китайского языков // Евразийский филологический вестник. –2024. – Вып. 1 (5). – С. 71–85.
12. Юй Лань. Китайская мечта как идеологическая концепция новой эпохи развития КНР // Общество: политика, экономика, право. – 2022. – № 4. – С. 43–47. – DOI: https://doi.org/10.24158/pep.2022.4.6.
13. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // Qualitative Research in Psychology. – 2006. – Vol. 3, No. 2. – P. 77–101.
14. Kachru B. B. English as an Asian language / M. L. Bautista (ed.) // English is an Asian language: The Philippine context. Sydney: Macquarie Library, 1997a. P. 1–23.
15. Kirkpatrick A., Lixun W. Is English an Asian Language? // Is English an Asian Language? Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. i–ii.
16. Kirkpatrick A., Xu Z. Chinese pragmatic norms and 'China English' // World Englishes. 2002. Vol. 21. P. 269–279.
17. McArthur T. English as an Asian language // English Today. 2003. Vol. 19, No. 2. P. 19–22. – DOI: 10.1017/S0266078403002049.
18. Smith L. E. English is an Asian Language // Asian Englishes. 1998. Vol. 1, No. 1. P. 172–174. – DOI: https://doi.org/10.1080/13488678.1998.10801003.
19. Xu Zhichang, Zhang Danya. Exploring the functionality of English in China: A tale of two cities // Russian Journal of Linguistics. 2020. Vol. 24, No. 3. P. 589–611. – DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-3-589-611.
20. Yun H. China English, a Developing Variety of English // English Language and Literature Studies. 2013. P. 117–121.

Сведения об авторе
В.С. Строганова, бакалавр, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 81-13

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ПЕРСОНАЖА (НА ПРИМЕРЕ ВИДЕОИГРЫ «WARHAMMER 40000: ROGUE TRADER»)

Р.Е. Толкач, магистрант

О.Н. Гнездечко, доцент

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Речевой портрет языковой личности представляет собой набор речевых характеристик персонажа. В статье исследуются языковые средства создания речевого портрета персонажа в видеоигре «Warhammer 40000: Rogue Trader», которые способствуют созданию яркого и запоминающегося образа с учётом жанровой специфики игры, вселенной Warhammer 40000, реалий и целевой аудитории игроков*

Ключевые слова: *языковая личность, речевой портрет, речевые характеристики, вселенная, персонаж видеоигры, лингвостилистические средства.*

SPECIFICITIES OF CREATING A CHARACTER'S SPEECH PORTRAIT (EXAMPLIFIED BY THE VIDEO GAME «WARHAMMER 40000: ROGUE TRADER»)

Abstract. *A speech portrait of a linguistic identity is a set of speech features inherent in a character's image. The research reveals the means of language used to create a speech portrait of a character in the video game «Warhammer 40,000: Rogue Trader» which contribute to creating a vivid character's image with respect to the genre specifics of the game, Warhammer 40000 lore, culture-specific elements and the target audience.*

***Keywords**: a linguistic identity, a speech portrait, speech features, lore, a character of the video game, culture-specific elements, linguistic and stylistic means.*

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к вербальным и невербальным особенностям создания речевых портретов персонажей в видеоиграх. Для видеоигр жанра RPG особенно важны яркие и харизматичные персонажи, речевые портреты которых наделены характерным стилем речи и индивидуально избираемыми языковыми средствами (любимыми словечками, типичными конструкциями).

Научная новизна работы состоит в выявлении особенностей создания речевого портрета персонажа в видеоигре «Warhammer 40000: Rogue Trader». Полученные результаты могут быть полезны для создания учебных материалов, ориентированных на анализ речевого поведения персонажей в видеоиграх жанра RPG с учётом специфики игровой вселенной, что позволяет максимально точно донести до игрока внутреннюю форму и сюжетную логику оригинального фэнтезийного произведения.

Цель данного исследования – выявить и проанализировать особенности создания речевых портретов персонажей в видеоигре «Warhammer 40000: Rogue Trader».

Для достижения цели были определены следующие **задачи**:

1) изучить основные теоретические положения о речевом поведении персонажей;

2) описать особенности вселенной, которые влияют на создание речевого портрета персонажей;

3) выявить лингвостилистические средства создания речевых портретов персонажей;

4) проанализировать экстралингвальные средства создания убедительных игровых образов.

Для достижения поставленной цели были использованы следующие **методы анализа**: дистрибутивный, контекстуальный, сравнительный.

Согласно О.А. Мальцевой, **портрет** это одно из средств создания образа персонажа, которое заключается в описании его внешности, включая психологическую характеристику отдельных частей внешности, а именно: черты лица, мимика, жесты, одежда [1, с. 9].

Интересна точка зрения О.Г. Алюниной, согласно которой под **речевым портретом персонажа** понимается иерархически организованная структура, которая включает следующие компоненты: а) *социально-психологический портрет*, то есть социальные, психологические, биологические особенности, интересы и увлечения, а также социальный статус, занятость; б) *особенности речевой культуры* – особенности коммуникативного поведения, учет особенностей целевой аудитории, своеобразие лексики [2, с. 17].

Как считает Л.П. Крысин, речевой портрет представляет собой индивидуально избираемые, отраженные в речи человека социально маркированные способы выбора и употребления языковых средств. Интересно, что языковую игру автор классифицирует как характерную черту речевого поведения, которая и отличает друг от друга носителей языка, представителей разных возрастных категорий и социальных слоев, поэтому она является важной частью речевого портрета. К языковой игре относятся намеренной искажение слова, его звучания, связи с другими словами, каламбур [3, с 87.]

Г.Г. Инфантова считает, что **речевой портрет** складывается из экстралингвистических и лингвистических факторов. Под ***экстралингвистическими факторами*** подразумевается характеристика личности, то есть работа, социальное положение, уровень образования, возраст и род занятий. В состав ***лингвистических*** – входят языковые и речевые признаки. К языковым признакам относятся знания уровней языковой системы, владение устной и письменной формами речи, диалогическим и монологическим типами речи, средствами разных стилей речи (их отвлеченный, словарно-грамматический аспект, а также совокупность тенденций отбора и правил использования языковых средств в их нормативной разновидности). К ***речевым признакам*** относится реализация высказываний в соответствии с их внутренними программами, владение коммуникативными качествами речи (правильность, точность, выразительность, степень речевой свободы, степень соблюдения речевых этических норм и насыщенности текста выразительными средствами всех уровней, стандартность / нестандартность речи, простое воспроизведение языковой системы или ее творческое обогащение) [4, с. 21].

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно заключить, что речевой портрет персонажа представляет собой совокупность внешних (экстралингвистических), личностных и речевых характеристик, присущих персонажу, раскрывающих его характер.

При анализе речевого портрета персонажа необходимо учитывать и контекст, в котором находится персонаж. Подобный контекст произведения называется **вселенной**, которая подра-

зумевает некий вымышленный мир, где разворачиваются события произведения. В качестве материала для исследования была выбрана видеоигра во вселенной *Warhammer 40000*, которая известна своей сложной и запутанной историей, жестокой и мрачной атмосферой. Вселенную *Warhammer 40000* можно описать как «готическое технофэнтези». Речевые портреты персонажей этой вселенной определяются её характерными особенностями как составляющими авторского лора:

1) Религия: Государственная религия – фракция Имперский культ, который пронизывает все сферы жизни государства людей. Речь верующих персонажей носит торжественный, ритуальный и фанатичный характер [5].

2) Крайняя ксенофобия: Ненависть ко всему чужому – отличительная особенность вселенной *Warhammer 40000*. Речь персонажей наполнена словами-маркерами «чужого»: «ксенос», «еретик», «мутант» [5].

3) Идеология: Жесткая власть, основанная на страхе и ненависти к инакомыслию. Это проявляется в жестких формулировках, приказах, не терпящих возражений, и постоянном упоминании кары за отступничество.

4) Двойная языковая система – сосуществование двух языков: Высокого Готика (псевдолатынь, язык церкви, науки и элиты) и Низкого Готика (язык простолюдинов, имеющий множество диалектов). Переключение между ними служит важным маркером социального статуса [6] как индикатора речевого портрета персонажей.

5) Культ войны: Постоянное состояние войны является нормой. Речь воинов наполнена военными терминами, тактическими командами и боевыми кличами [5].

Рассмотренные выше фундаментальные черты вселенной *Warhammer 40000* создают для персонажей видеоигры «Warhammer 40000: Rogue Trader» не просто фон, а четкую **систему экстралингвистических факторов**, которые определяют речевые портреты персонажей. Имперская вера, ксенофобия и система с двумя языками обретают в диалогах живые голоса, превращаясь в узнаваемые лексические маркеры, синтаксические конструкции и ритмические рисунки, которые позволяют узнавать фракционную, профессиональную и психологическую принадлежность персонажей.

Наиболее ярким персонажем игры «Warhammer 40000: Rogue Trader» является Ульфар Громогласный, чей речевой портрет представляет интерес как объект исследования. Этот персонаж является воином, что определяет его характер и речь. Однако воинское подразделение, к которому принадлежит Ульфар, является уникальным. Ульфар и его подразделение, орден Космических волков, является отсылкой к скандинавской мифологии. Сам Ульфар до становления воином был мореходом и скъяльдом. По ходу игры он часто сочиняет «висы», то есть короткие стихи о том или ином подвиге. Все это определяет Ульфара как харизматичного и интересного персонажа, чей речевой портрет разнообразен.

Перейдём к анализу примеров, чтобы проследить, как именно характерные для вселенной *Warhammer 40000* экстралингвистические факторы проявляются в речевом портрете персонажа, создавая яркий и запоминающийся образ.

(1) Now this is a fine spectacle-the inhuman gets what she deserves! Let us all watch and laugh. [5]

Здесь ярко проявляется ксенофобия Ульфара по отношению к ксеносам. При сцене суда над пришельцем он радуется и даже называет это «представлением» (*a fine spectacle*).

(2) *Broke free the bold*
from captors grasping
Dark City's feeble dungeons
eternally disgracing!
Flows now this saga
in the hall of glorious feasting
Where all extol the Wolf mighty
and the Aett-Vater cunning! [5]

В примере (2) показана так называемая «виса» − короткое стихотворение, описывающие подвиги. Упоминаемый здесь «Волк» (*the Wolf)* − это сам Ульфар, а «Этфаттер» (*the Aett-Vater*) − главный герой, который спас Ульфара из плена.

(1) *Vlka Fenryka. That is our name in the old tongue of our world. We are the fiercest of the All-father's warriors, his executioners, his retribution.* [5]

На древнем наречии Низкого Готика, который сформировался на планете Фенрис, «Влка Фенрика» (*Vlka Fenryka*) означает «Волки Фенриса». Ульфар в своей речи часто переходит на

данное наречие. Тем самым его персонаж выделяется среди остальных, которые говорят на современном языке.

(4) *Our fearless Wolf King is Leman Russ, son of the Allfather. Our world is Fenris, and our home the Fang, which rises from the World Spine into orbit. We are the thunder in the bloody storm of battle that calls to us! That is who we are!* [5]

В отрывке (4) видна страсть Ульфара к войне и насилию (*We are the thunder in the bloody storm of battle ...*).

(5) *Should what I told you reach other ears, I shall take your tongue.* [6]

Когда главный герой благодарит Ульфара за ответы о его Ордене, Ульфар с улыбкой отвечает, что отрежет ему язык (*I shall take your tongue*), если главный герой расскажет об этом кому-либо (*Should what I told you reach other ears*), используя при этом инверсию. Присущая ему жестокость и юмор ярко проявляются в небольшом отрезке (5).

(6) *Both strong and wise is Ulfar*! [6]

При успешно выполненной задаче Ульфар произносит фразу (6). Инверсия (*Both strong and wise is …*) показывает особенности речи персонажа и его характер. Ульфар очень самоуверен и гордится своими достижениями.

(7) *Whose innards needt' take leave of their guts*? [6]

Во время боя Ульфар произносит эту фразу (7), показывая свою жестокость и жажду битвы. Ульфар намеренно показывает свое презрение к противникам.

(8) *Is that all you've got*? [6]

Даже при получении серьёзного урона Ульфар как будто насмехается над противником (8).

(9) *Fenrys faerir mord! Heidur Rus*! [6]

В начале любого боя Ульфар выкрикивает фразу (9) – древнее наречие Высокого Готика.

Проведённое исследование особенностей создания речевых портретов в видеоигре «Warhammer 40000: Rogue Trader» позволяет сделать следующие выводы.

Изучение теоретических положений работ О.А. Мальцевой, О.Г. Алюниной, Л.П. Красина, Г.Г. Инфантовой показало, что **речевой портрет персонажа** представляет собой иерархически организованную структуру, интегрирующую социально-психологические характеристики личности с индивидуально избираемыми языковыми средствами и коммуникативным поведением. Такой подход задал аналитическую рамку, позволившую рассматривать речь героя не как изолированный набор фраз, а как проекцию его идентичности в единстве экстралингвистических и лингвистических элементов.

Обращение к сеттингу *Warhammer 40,000* выявило, что именно вселенная «готического технофэнтези» формирует жёсткую систему экстралингвистических координат для речевого портрета пнрсонажей. Государственная религия Имперского культа, крайняя ксенофобия, тоталитарная идеология, двойная языковая система (Высокий и Низкий Готик) и культ войны выступают не просто фоном, а фундаментальными параметрами, которые предопределяют лексические маркеры, и само мировоззрение, транслируемое через речь. Эти особенности сеттинга создают матрицу, внутри которой разворачивается индивидуальная речевая вариативность.

Анализ речевого портрета Ульфара Громогласного, проведённый на конкретных примерах его реплик, выявил все фундаментальные черты вселенной: имперская ксенофобия проявилась в агрессивной браваде по отношению к «ксенос»; культ войны и жестокость — в боевых кличах, кровожадных шутках и метафорах битвы; двойная языковая система — в демонстративном переключении на древнее наречие Фенриса («Vlka Fenryka»), которое становится маркером уникальной культурной идентичности Космических Волков. При этом личная история Ульфара как бывшего морехода и скальда добавила к его портрету такие уникальные лингвистические черты, как стихотворные висы и особая ритмическая организация речи, что в совокупности с инверсиями создало многомерный, харизматичный и запоминающийся образ.

Таким образом, речевой портрет персонажа в «Warhammer 40000: Rogue Trader» создаётся на пересечении жёстких, идеологически нагруженных требований сеттинга и индивидуальных биографических черт героя, находя своё выражение в продуманной системе лингвостилистических средств. Именно этот синтез макроконтекста вселенной и микроконтекста личности обеспечивает глубину и убедительность игровых образов.

1. Алюнина О.Г. Понятие речевого портрета с современных лингвистических исследований Текст: электронный. – URL http://www.google.ru/ url?sa= t&rct=j&q=1

2. Мальцева О.А. Семантико-стилистическая интерпретация словесного портрета и повторной номинации в художественном прозаическом тексте / О.А. Мальцева. − Ленинград: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1986. − 168 с.
3. Крысин Л.П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) / Л.П. Крысин // Русское слово свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. − Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 475-483 с.
4. Инфантова Г.Г. Язык. Речь. Личность: монография / отв. ред. Н.А. Сенина. –Ростов-на-Дону: Легион, 2008. − 504 с.
5. Официальная страница игра в сервисе Steam Текст: электронный. – URL: https://store.steampowered.com/app/2186680/Warhammer_40000_Rogue_Trader/ Сборник фраз из игры «Warhammer 40000 Rogue Trader» Текст: электронный. URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1yVuh7cXosGwSAF_2CPEz7RaP09P1IhKjRSBpqcg3pv8/edit?gid=435361838#gid=435361838

Сведения об авторах
Р.Е. Толкач, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия
О.Н. Гнездечко, доцент, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 7.01

ПЕЙЗАЖНЫЙ ОБЪЕКТ В ПОНЯТИЙНОЙ СИСТЕМЕ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ: ОППОЗИЦИИ, ИЕРАРХИИ И ГРАНИЦЫ

И.Л. Тюкавкина, аспирант

Высшая школа архитектуры и градостроительства ТОГУ
Хабаровск, Россия

Аннотация. *Статья посвящена теоретическому осмыслению понятия «пейзажный объект» как самостоятельной понятийной единице искусствоведческого дискурса. На материале произведений художников Хабаровского края рассматриваются оппозиции, конституирующие пейзажный объект: натура/образ, единичное/всеобщее, локальное/универсальное, документальное/символическое, природное/культурное. Анализируется место пейзажного объекта в иерархии жанровой системы, его границы со смежными художественными явлениями. Обосновывается тезис о том, что пейзажный объект обладает специфической семиотической структурой, обусловленной геокультурной идентичностью региона и этнокультурой народов, локально расселенных в Приамурье*

Ключевые слова: *пейзажный объект, искусство, категория, жанровая система, Хабаровский край, дальневосточный пейзаж, семиотика, региональное искусство.*

THE LANDSCAPE OBJECT IN THE CONCEPTUAL SYSTEM OF ART CRITICISM: OPPOSITIONS, HIERARCHIES, AND BOUNDARIES

Abstract. *This article is devoted to the theoretical understanding of the concept of "landscape object" as an independent conceptual unit in art criticism discourse. Using works by artists from the Khabarovsk Krai, the article examines the oppositions that constitute the landscape object: nature/image, singular/universal, local/universal, documentary/symbolic, and natural/cultural. The place of the landscape object in the hierarchy of genres and its boundaries with related artistic phenomena are analyzed. The thesis is substantiated that the landscape object possesses a specific semiotic structure, conditioned by the geocultural identity of the region and the ethnoculture of the peoples locally settled in the Amur region*

Keywords: *landscape object, art, category, genre system, Khabarovsk Krai, Far Eastern landscape, semiotics, regional art*

Введение. В современном искусствоведческом дискурсе понятие «пейзажный объект» занимает семантически неустойчивое положение, т.к. при попытке зафиксировать его содержание в категориальном аппарате теории искусства обнаруживается, что пейзажный объект принадлежит нескольким понятийным рядам. Тем не менее, когда живописец выделяет из непрерывного пространства природы конкретный камень, дерево, излучину реки, фрагмент скалы и

превращает его в смысловой центр произведения — он совершает особую операцию, не вполне описываемую ни категорией «пейзаж» в её жанровом смысле, ни понятием «натюрморт», ни понятием «деталь». Именно этот операциональный зазор составляет предмет настоящего исследования.

Актуальность темы обусловлена тем, что в современной теории искусства наблюдается устойчивый интерес к проблематике «объектности», определяемой переосмыслением онтологического статуса вещи в художественном пространстве [6,7]. Кроме того, региональное искусствоведение нуждается в развитии собственного теоретического инструментария, способного адекватно описать специфику локальных художественных традиций. Творчество художников Хабаровского края обнаруживает устойчивую тенденцию к особому способу работы с пейзажным объектом, заслуживающему специального теоретического внимания.

Методологическую основу исследования составляют: семиотический подход к художественному тексту [Лотман], феноменологическая теория восприятия [4], теория жанра в искусствоведении [2, 5], а также исследования дальневосточного регионального искусства.

Учитывая, что понятие «пейзаж» (нидерл. landschap) вошло в профессиональный словарь европейского искусства в конце XV – начале XVI века, можно видеть, как формировалась внутрижанровая дифференциация, когда одни художники предпочитали изображения панорам и пространственных далей, а другие уделяли внимание конкретным природным фрагментам. Это различие фактически предвосхитило оппозицию «пейзаж» / «пейзажный объект».

Альбрехт Дюрер в акварелях конца XV – начала XVI века демонстрировал такой тип внимания: натурный фрагмент становится объектом исчерпывающего изучения, обретая черты автономного художественного высказывания. В голландском пейзаже XVII века дерево, мельница, излучина ручья, так же, обнаруживали статус смысловых фокусов картины.

В русской художественной традиции И. И. Шишкин подвел «объектный» подход к предельному выражению: его сосны, дубравы, камни представляют суверенные художественные высказывания, группируемые вокруг конкретного объекта. Характерно, что современники воспринимали работы Шишкина как «портреты деревьев», ощущая жанровое смещение, свидетельствующее о том, что пейзажный объект художника функционирует в логике, близкой портретному жанру.

В отечественной теории М. С. Каган разграничивает изображение как знак, образ и вещь [2], что создаёт предпосылки для трёхуровневого анализа пейзажного объекта. Д. В. Сарабьянов вводит понятие «пейзажной формулы», как устойчивой совокупности приёмов и мотивов, закреплённых за определённой природной темой [5]. Это понятие близко к тому, что определяется как «пейзажный объект» в его культурно-символическом измерении.

Первая и фундаментальная оппозиция основана противостоянием натуры и художественного образа. Пейзажист, работая с конкретным референтом (деревом, рекой, скалой и проч.), поднимает вопрос о характере отношений между этим референтом и его художественным воплощением, что является конституирующим теорию пейзажа.

В творчестве художников Хабаровского края эта оппозиция разрешается разными способами. Одни мастера тяготеют к «образному» полюсу: их пейзажи не являются точными топографическими описаниями конкретных мест и Амур прежде всего образ-архетип, обобщённый символ дальневосточной природы. Другие работают по принципу «художественного документа»: каждое произведение содержит точную привязку к конкретному месту, времени суток, атмосферной ситуации (А. М. Федотов, А.В. Гуриков, А.П. Лепетухин, А.Г. Авдеев и др.)

Осмысление этой оппозиции полагает, что пейзажный объект не является натурным или образно понимаемым, он представляет отношение между натурой и образом, в котором физические свойства прототипа переносятся в художественное пространство, свидетельствуя о трансформации, сохраняющей семантическую связь референса.

Пейзажный объект представляется одновременно конкретным (эта излучина реки, этот дом и т.д.) и репрезентирует нечто большее, нежели он сам. Способность единичного явления нести в себе всеобщее содержание обнаруживает механику становления художественного образа [Гегель], означающего типическое.

В дальневосточной традиции художник-график Г. Д. Павлишин [10] известен созданием системы, в которой единичный природный элемент становится мифологическим. Сюжеты и персонажи его иллюстраций к нанайским и нивхским легендам (рыба, тайга, скалы и проч.) не являются фиксирующими конкретные природные формы, представляя визуальные воплощения мифологических персонажей. Единичный объект таким образом демонстрирует культурную память, удерживающую традиции коренных народов Приамурья.

Теоретически этот механизм можно представить с помощью гегелевского понятия «конкретного универсального» (нем. konkrete Allgemeinheit), поскольку чем точнее художник воплощает природный фрагмент в его неповторимости, тем более универсальное содержание становится очевидным в этом воплощении [1]. Эта оппозиция имеет принципиальное значение для восприятия регионального пейзажа, искусствоведения в целом, т.к. возникает вопрос о локализации пейзажного объекта, определяющего какую-либо ситуацию и о том, обладает ли содержанием, значимым для художественной культуры. В советском искусствознании эта оппозиция снималась в пользу универсального, и региональная специфика признавалась только по мере обладания «национальной формой». Постсоветское искусствоведение часто абсолютизирует региональное своеобразие, замкнутость локальной идентичности.

Лучшие образцы дальневосточной пейзажной живописи предлагают рассматривать локальное как средства достижения универсального. Например, дома, деревья, написанные конкретно, принадлежат определенному месту и культуре, но становится одновременно миром как таковым в его онтологическом понимании (в работах В. П. Хрустова, например).

Значимо и то, что Хабаровский край расположен на пересечении нескольких культурных ареалов: российского, дальневосточного и автохтонного. Такая поликультурная принадлежность сообщает понятию «локального» множественные, внутренне противоречивые характеристики.

Оппозиция «документальное / символическое» акцентирует семиотическую функцию пейзажного объекта. Топографически верный пейзаж соответствует решению задачи точной фиксации конкретного места, а символический пейзаж превращает природный объект в носитель трансцендентного содержания. В дальневосточной живописи эта оппозиция приобретает особое звучание в связи с мифологическим наследием коренных народов Приамурья. В картине мира аборигенов природные объекты осмысливаются как физически реальные и в то же время полагаются персонажами мифологического универсума. Амур в этой традиции является живым существом, обладающим волей и характером. Эта двойственность преобразовала художественный язык дальневосточной живописи, определив взаимодействие документального и символического [11, 12].

Оппозиция «природное / культурное» затрагивает проблему присутствия человека в пространстве пейзажного объекта. В классической теории пейзажа считается, что пейзаж изображает только природу. Тем не менее, уже в русской живописи XIX века эта граница начала размываться: произведения А.К. Саврасова и И.И. Левитана свидетельствуют о нераздельности природного и культурного.

В дальневосточном пейзаже деревянные постройки русских переселенцев, возводимые из местных материалов, вписаны в ландшафт и воспринимаются как неотъемлемая часть природной идентичности региона. Это явление соответствует теоретическому понятию «культурного ландшафта», как природно-культурного комплекса, в котором природные и антропогенные компоненты взаимно определяют друг друга [8, 9].

Пейзажный объект, не будучи жанром, является принципом художественной организации различных жанровых форматов. Поэтому оппозиция «этюд/картина» пейзажный объект занимает особое положение. Сосредоточенность на конкретном природном фрагменте тяготеет к этюдной логике, определяющей взгляд на вещь. Однако художественная обработка этого фрагмента, его превращение в смысловой центр произведения, требует работы, ассоциируемой с картиной. В лучших образцах дальневосточной живописи эти крайности совпадают в формате «этюда-картины»: небольшое произведение, созданное на натуре, организовано с такой внутренней завершённостью, что воспринимается как полноценное художественное высказывание (композиции А. А. Паукаева, Д.А. Романюка, С.Г. Шаронова, например).

Граница между пейзажным объектом и натюрмортом представляется одной из демаркационных линий. Различие определяется не объектом, а его характером, пространственными отношениями, т.к. натюрморт «вынимает» объект из природной среды, в то время как пейзажный объект «встраивает» природный фрагмент в эту среду. Многие художники Хабаровского края неоднократно работали в зоне между этими жанрами, изображая природные объекты (коряги, камни, перья птиц, раковины), в которых жанровая идентичность намеренно оставалась (выставка к 80-летию Хабаровского отделения Союза художников России).

Учитывая семиотическую триаду Ч. С. Пирса и теорию художественного текста Ю. М. Лотмана [3], можно выделить три уровня семиотической организации пейзажного объекта:

- иконический уровень, определяющий визуальное сходство, т.к. пейзажный объект воспроизводит характеристики природного фрагмента и обеспечивает узнаваемость, идентифицирует тип ландшафта;

- индекс-уровень фиксирует причинно-следственные связи, поскольку живописный слой является следом присутствия художника в мире и свидетельством о встрече художника с ним;

- символический уровень, на котором пейзажный объект функционирует как знак культурной памяти, исторического опыта.

В этом смысле река Амур в дальневосточной живописи является символом не только в смысле «образа-обобщения», но и в конкретном семиотическом смысле, отсылая к истории освоения Дальнего Востока, формированию системы верований коренных народов. Амур, полагаемый пейзажным объектом, хранит в себе четыре слоя культурной информации: географический, исторический, мифологический, экзистенциальный.

Природа Хабаровского края обладает характеристиками, принципиально важными для понимания специфики регионального пейзажного объекта. Одним из факторов, определяющих особенность дальневосточного пейзажного объекта является этнокультура коренных народов Приамурья. В их мировоззрении природа включена в систему мифологических значений и духовных связей, ритуальных практик. Эта особенность восприятия природного мира определяет способ ее видения, заметный в профессиональном искусстве региона (Г. Д. Павлишин) [10].

Заключение. Осуществленный анализ позволяет предложить следующее рабочее определение понятия «пейзажный объект», как конкретного природного или природно-культурного фрагмента, выделенного художником из пространства природной среды, превращенный в смысл произведения посредством художественной трансформации, сохраняющей семантическую связь с натурным прототипом. Следовательно, можно полагать, что пейзажный объект характеризуется: конкретностью и индивидуальностью; художественной автономией; семиотической многоуровневостью, т.к. существует как знак [3]; временным измерение, выходящее за пределы изображённого момента.

Дальневосточный пейзажный объект в творчестве художников Хабаровского края обладает рядом особенностей, будучи организованным на фоне противостояния природных состояний, определяющих специфику пейзажного мышления. Ощущение границы пронизывает региональный пейзаж на всех уровнях его организации. Перспективы дальнейшего исследования подразумевают сравнительное изучение пейзажного объекта в различных региональных традициях России; компаративный анализ дальневосточного пейзажного объекта в русской и соседних культурах (китайской, японской, корейской).

1. Эстетика: В 4-х т. / Георг Вильгельм Фридрих Гегель; под ред. и с предисловием Мих. Лифшица. — Москва: Искусство, 1968-1973. – 621 с.

2. Каган М. С. Морфология искусства. – Ленинград: Искусство, 1972. – 440 с.

3. Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т., Т.1. – Таллин: Александра, 1992. – 447 с.

4. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. – Санкт-Петербург: Наука, 1999. – 122 с.

5. Сарабьянов Д. В. Русская живопись XIX века среди европейских школ. – Москва: Советский художник, 1980. – 261 с.

6. Харман Г. Четвероякий объект / пер. с англ. – Пермь: Гиле Пресс, 2015. – 147 с.

7. Мортон Т. Тёмная экология / пер. с англ. – Москва: Ad Marginem, 2019. – 160 с.

8. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – Москва: НЛО, 2001. – 573 с.

9. Веденин Ю. А. Очерки по географии искусства. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1997. – 226 с.

10. Нагишкин Д.Д. (1909–1961). Амурские сказки / Дмитрий Нагишкин; ил. Геннадия Павлишина; [послесл. А. П. Окладникова]. – Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1975. – 221 с.

11. Дьячкова Л.Г. Художественное моделирование мироздания в народном искусстве Приамурья. – Хабаровск: ТОГУ, 2014. – 150 с.

12. Древний свет. Сказки, легенды, предания народов Хабаровского края / очерки о фольклоре, запись и литературная обработка сказок Алины Чадаевой; [худож. Л.У. Пассар; ил. А.Д. Оненко]. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1990. – 249 с.

Сведения об авторе

И.Л. Тюкавкина, аспирант Высшей школы архитектуры и градостроительства, Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Россия

УДК 332.14

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ВЛИЯНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА ЭКОНОМИКУ СУБЪЕКТОВ ДФО

Ю.В. Усова, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Статья посвящена исследованию воздействия трансграничного экономического сотрудничества на социально-экономическое развитие субъектов Дальневосточного федерального округа в условиях современных геополитических вызовов. На основе анализа статистических данных и использования методов системного и сравнительного анализа, а также экономико-математического моделирования выявлены ключевые драйверы роста. Рассмотрены примеры успешной реализации крупных инфраструктурных и промышленных проектов с участием иностранного капитала, а также адаптация финансово-расчетных механизмов к современным условиям. Определены перспективные направления для усиления положительного эффекта от трансграничного взаимодействия*

Ключевые слова: *трансграничное сотрудничество, Дальневосточный федеральный округ, инвестиции, внешнеторговый оборот, региональная экономика, международные расчеты.*

STUDY OF THE INFLUENCE PROCESSES OF CROSS-BORDER ECONOMIC COOPERATION ON THE ECONOMY OF THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT SUBJECTS

Abstract. *The article examines the impact of cross-border economic cooperation on the socio-economic development of the constituent entities of the Far Eastern Federal District in the context of modern geopolitical challenges. Based on the analysis of statistical data and the use of methods of system and comparative analysis, as well as economic and mathematical modeling, key growth drivers are identified. Examples of successful implementation of large-scale infrastructure and industrial projects with foreign capital participation, as well as adaptation of financial and settlement mechanisms to modern conditions are considered. Promising directions for enhancing the positive effect of cross-border interaction are identified.*

Keywords: *cross-border cooperation, Far Eastern Federal District, investments, foreign trade turnover, regional economy, international settlements.*

В условиях трансформации системы мирохозяйственных связей, характеризующейся переориентацией товарных и финансовых потоков на страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), Дальневосточный федеральный округ (ДФО) приобретает ключевое геостратегическое значение для Российской Федерации. Приграничное положение, богатая ресурсная база и наличие логистических маршрутов создают объективные предпосылки для использования трансграничного сотрудничества как одного из основных драйверов экономического роста региона. Согласно данным Федеральной таможенной службы, за последние пять лет внешнеторговый оборот субъектов ДФО увеличился более чем на 45%, что подчеркивает эффективность реализуемых мер поддержки.

Особую актуальность исследование приобретает в контексте законодательного закрепления с 1 января 2026 года нового инструмента государственной поддержки – международных территорий опережающего развития (МТОР), призванного кардинально повысить инвестиционную привлекательность макрорегиона для партнеров из дружественных стран [1]. Помимо институциональных новаций, существенные изменения происходят в транспортно-логистической и финансово-расчетной инфраструктуре, что создает принципиально новые условия для ведения трансграничного бизнеса.

Целью данной работы является комплексный анализ процессов трансграничного сотрудничества и оценка их влияния на ключевые экономические показатели субъектов ДФО, а также выработка рекомендаций по совершенствованию механизмов управления для максимизации положительного эффекта. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: анализ динамики внешнеторгового оборота и инвестиционной активности; оценка эффективности новых институциональных механизмов (МТОР, альтернативные платежные сис-

темы); выявление ключевых инфраструктурных проектов и их вклада в региональное развитие; разработка рекомендаций по совершенствованию управленческих механизмов.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы, включая системный и сравнительный анализ статистических данных, методы экономико-математического моделирования, а также экспертные оценки (метод Дельфи, SWOT-анализ). Информационную базу работы обеспечили официальные данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата), отчеты Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики, Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики (КРДВ), Банка России, Федеральной таможенной службы, а также материалы авторитетных отраслевых изданий.

Динамика макроэкономических показателей. Проведенный анализ демонстрирует устойчивую положительную динамику основных макроэкономических показателей субъектов ДФО, прямо коррелирующую с интенсификацией трансграничного взаимодействия. Ключевым примером является Амурская область, где реализуются два крупнейших инвестиционных проекта восточной части страны. По состоянию на март 2026 года Амурский газоперерабатывающий завод (ГПЗ) компании «Газпром» завершил строительство пяти технологических линий, а готовность Амурского газохимического комплекса (ГХК) компании СИБУР достигла 90%. Запланированный запуск первой продукции на Амурском ГХК намечен на август 2026 года [2]. Валовой региональный продукт (ВРП) Амурской области за последние пять лет увеличился более чем вдвое, превысив 1 трлн рублей, что делает регион одним из лидеров ДФО по темпам экономического роста

Следует отметить также важность для Амурской области долгосрочного 25-летнего контракта на поставку электроэнергии в Китай, который действовал до 2026 года. Воздушная линия 500 кВ «Амурская – Хэйхэ», построенная в 2012 году и рассчитанная на максимальную мощность электропередачи в 750 МВт, задействована в транзите электроэнергии от крупнейших ГЭС Дальнего Востока — Бурейской и Зейской. Российский оператор экспорта-импорта «Интер РАО» поставлял электроэнергию в Китай в рамках долгосрочного контракта «бери или плати» с годовым объёмом экспорта около 3 млрд кВт·ч. С 1 января 2026 года Государственная электросетевая корпорация Китая (State Grid) приняла решение о прекращении импорта российской электроэнергии. По оценкам экспертов, основной причиной стала высокая цена поставки, которая перестала быть конкурентоспособной на фоне стабилизации внутреннего энергорынка КНР и развития собственной «зелёной» генерации [3]. Данный кейс демонстрирует уязвимость сырьевых моделей трансграничного сотрудничества и необходимость диверсификации экспортной корзины регионов ДФО в сторону продукции с высокой добавленной стоимостью.

Хабаровский край также демонстрирует уверенный рост: за 11 месяцев 2025 года темп промышленного производства составил 18%, что подкрепляется развитием высокотехнологичных секторов, включая производство беспилотных летательных аппаратов для внешних рынков. Республика Саха (Якутия) сохраняет лидерство по объему валового регионального продукта в ДФО – 2,6 трлн рублей, чему способствуют исторические максимумы по добыче угля и золота, а также развитие транспортной инфраструктуры. Приморский край демонстрирует ВРП на уровне 2,3 трлн рублей, обеспечивая 35% внешнеторгового оборота всего ДФО благодаря развитой портовой инфраструктуре и логистическим мощностям.

Таблица 1

Ключевые экономические показатели субъектов ДФО за 2025 год

№	Субъект ДФО	ВРП (трлн руб.)	Объем инвестиций (млрд руб.)	Ключевые драйверы роста
1	Республика Саха (Якутия)	2,6	782,1	Добыча угля (исторические максимумы), добыча золота
2	Сахалинская область	2,4	850,0	Нефтегазовые проекты (Сахалин-1, Сахалин-2), СПГ-терминалы, рыбопереработка, курильские острова (рыбопромысловый кластер)
3	Приморский край	2,3	300,0	Логистика, портовая инфраструктура, промышленные парки
4	Хабаровский край	1,6	н/д	Обрабатывающая промышленность, производство БПЛА
5	Амурская область	>1,0	1021,8	Газохимия, сельское хозяйство (соя), логистика

Транспортно-логистическая инфраструктура. Существенные изменения происходят в транспортно-логистической инфраструктуре региона. Особое внимание уделяется интеграции новых трансграничных объектов в существующую сеть железнодорожных и автомобильных коммуникаций.

Контейнерный терминал «Сухой порт Благовещенск» запускается 21 мая 2026 года. Стартовая мощность терминала составит 520 тыс. тонн грузов в год, с возможностью приёма до двух контейнерных поездов в сутки. К 2029 году планируется увеличение мощности до 800 тыс. тонн грузов в год. Проект, реализуемый компанией «Октет Сервис» на территории опережающего развития (ТОР), призван соединить автомобильный мост Благовещенск–Хэйхэ с Транссибирской магистралью [4; 5].

Параллельно завершается строительство первой в мире трансграничной канатной дороги Благовещенск–Хэйхэ, готовность которой оценивается в 97%. Ее запуск запланирован на май 2026 года. Ожидается, что пропускная способность составит 6,8 тыс. человек в сутки, а к 2030 году турпоток в Благовещенск вырастет в три раза [6; 7]. Эти проекты не только увеличивают грузо- и пассажиропоток, но и создают принципиально новое качество приграничного сотрудничества, объединяющего экономические, логистические и туристические аспекты.

Финансово-расчетная инфраструктура и альтернативные платежные системы. Особого внимания заслуживает адаптация финансово-расчетной инфраструктуры к современным вызовам. Санкционное давление 2022–2024 годов на традиционные каналы международных расчетов стимулировало создание альтернативных платежных систем, ориентированных на работу с валютами дружественных стран. По данным на апрель 2026 года, объем трансграничных платежей через дальневосточный офис российской системы международных расчетов А7 вырос с 897 млн рублей в январе до 1,49 млрд рублей в марте. За первый квартал 2026 года объем платежей достиг 2,9 млрд рублей [8].

Согласно данным Банка России, в 2025 г. страны Азии обеспечили около 73% российского товарооборота, при этом доля рубля во внешнеторговых расчетах превысила 53%, а совместно с валютами дружественных стран (китайский юань, индийская рупия, казахстанский тенге и др.) этот показатель впервые перешел отметку 85% [9]. Система А7 предлагает уникальные инструменты для защиты от курсовых колебаний: вексель, регулируемый Женевской конвенцией 1930 года, и рублевый стейблкоин А7А5, получивший в сентябре 2025 года статус цифрового финансового актива (ЦФА) в соответствии с Федеральным законом № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах». Общий объем транзакций в А7А5 за 2025 год превысил 100 млрд долларов США в эквиваленте [10]. Эти механизмы позволяют фиксировать обменный курс на момент заключения сделки, что особенно важно для долгосрочных инвестиционных контрактов.

Новые институциональные механизмы: международные территории опережающего развития (МТОР). Значимым прорывом в институциональном обеспечении трансграничных связей стало законодательное закрепление с 1 января 2026 года режима международных территорий опережающего развития (МТОР). В отличие от классических ТОР, МТОР ориентированы исключительно на проекты с иностранным участием, требующие капитальных вложений не менее 500 млн рублей и нацеленные на выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью. В соответствии с Федеральным законом № 285-ФЗ от 31 июля 2025 года, для резидентов МТОР устанавливаются беспрецедентные льготы: нулевая ставка налога на прибыль в федеральную часть на 10 лет, пониженные страховые взносы (7,6% вместо стандартных 30%) и режим свободной таможенной зоны, позволяющий ввозить оборудование и сырье без уплаты пошлин.

Пилотные площадки МТОР уже определены в пяти регионах: Приморский край (о. Русский, г. Владивосток), Хабаровский край (г. Хабаровск, г. Комсомольск-на-Амуре), Амурская область (г. Благовещенск), Еврейская автономная область (г. Биробиджан) и Забайкальский край. По оценкам Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики (КРДВ), реализация пилотного этапа позволит привлечь не менее 150 млрд рублей иностранных инвестиций и создать более 5 тыс. рабочих мест в течение первых трех лет. Потенциальные резиденты, включая китайские, индийские и вьетнамские компании, уже проявили интерес к созданию производств в сферах деревообработки, переработки сельхозпродукции и выпуска стройматериалов.

Важным направлением в рамках подготовки к полноформатному запуску МТОР является развитие сопутствующей инфраструктуры. В Приморском крае, например, прорабатываются проекты по созданию агропромышленных и логистических кластеров, ориентированных на

переработку продукции для последующего экспорта в страны АТР. Одним из примеров такой активности является проектная деятельность группы «ЛегендАгро» в бухте Суходол, где уже функционирует угольный терминал «Морпорт Суходол». Компания рассматривает возможность строительства специализированного зернового терминала, что позволило бы нарастить экспортный потенциал агропромышленного сектора региона. Реализация подобных проектов в значительной степени зависит от синхронизации мер государственной поддержки в рамках режима МТОР и частных инвестиционных инициатив.

Развитие трансграничного сотрудничества Приморского края не ограничивается портовой логистикой. Существенный вклад в экономику региона вносят совместные проекты в агропромышленном секторе. Ключевые инициативы систематизированы в таблице 2.

Таблица 2

Реестр совместных инвестиционных проектов в рамках международного трансграничного сотрудничества Приморского края

Наименование проекта	Отрасль	Направления деятельности
Строительство зернового терминала в бухте Суходол (АО «Легендагро Холдинг»)	Сельское хозяйство, логистика	Агропромышленный парк, перевалка зерновых культур, экспортная логистика
Модернизация ирригационных систем и рисовых чеков (ГК «ЛегендАгро» и «РусАгро»)	Сельское хозяйство, мелиорация	Выращивание риса и других сельхозкультур, восстановление мелиоративного фонда, импортозамещение в сфере продовольствия
Создание рыбоперерабатывающего кластера на Курильских островах (совместно с инвесторами из АТР)	Рыбная промышленность	Глубокая переработка водных биоресурсов, логистика, выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью

Данные проекты демонстрируют переход от простой сырьевой модели к созданию интегрированных структур, объединяющих производство, переработку и логистику. Их реализация способствует росту налоговых поступлений, созданию рабочих мест и технологическому развитию агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Приморского края.

Цифровизация управленческих процессов. Важным направлением повышения эффективности трансграничного сотрудничества является внедрение цифровых технологий в процессы стратегического планирования и межрегионального взаимодействия. Согласно последним данным, доля цифровых решений в управлении региональными проектами в ДФО увеличилась до 42% в 2025 году, что позволило сократить время на согласование документов на 30%. Создание единых информационных платформ для мониторинга и аналитики трансграничных проектов способствует повышению прозрачности деятельности, упрощению контроля и обеспечению своевременного реагирования на возникающие проблемы. Развитие электронного документооборота при прохождении таможенных процедур на российско-китайской границе позволило сократить время оформления грузов на 25-30%.

Человеческий капитал и кадровое обеспечение. Реализация масштабных трансграничных проектов требует соответствующего кадрового обеспечения. Вузы Дальневосточного федерального округа актуализируют образовательные программы, усиливая их восточноазиатской лингвистической подготовкой, модулями по международному коммерческому праву и цифровым финансовым технологиям, что соответствует потребностям формирующейся экономики международных территорий опережающего развития.

Экологический аспект трансграничного сотрудничества. При реализации крупных трансграничных проектов особое внимание уделяется экологической безопасности. Строительство Амурского ГПЗ и Амурского ГХК ведется с применением наилучших доступных технологий (НДТ), включая замкнутые циклы водоснабжения и системы очистки выбросов. Российско-китайские соглашения о совместном мониторинге качества воды в пограничных реках (Аргунь, Амур, Уссури) действуют с 2021 года и ежегодно подтверждают свою эффективность. Согласно совместным протоколам, в 2025 году превышений предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ на контролируемых участках зафиксировано не было. Синхронизация экологических стандартов и требований становится важным фактором формирования доверия между партнерами и устойчивости долгосрочных экономических связей.

По итогам проведенного исследования процессов влияния трансграничного экономического сотрудничества на экономику субъектов Дальневосточного федерального округа может быть сделан ряд обобщающих выводов. Трансграничное экономическое сотрудничество выступает ключевым и наиболее динамичным фактором социально-экономического развития субъектов ДФО. Реализация крупных инфраструктурных и промышленных проектов с участием иностранного капитала, включая Амурский газоперерабатывающий завод (завершено строительство пяти технологических линий), Амурский газохимический комплекс (готовность 90%, первая продукция запланирована на август 2026 года), нефтегазовые проекты «Сахалин-1» и «Сахалин-2», а также развитие рыбопромышленного кластера на Курильских островах, обеспечивает устойчивый мультипликативный эффект. Данный эффект выражается в росте валового регионального продукта (в Амурской области – более чем вдвое за пять лет с превышением 1 трлн рублей, Сахалинская область занимает второе место в ДФО с показателем 2,4 трлн рублей, Приморский край – 2,3 трлн рублей, Республика Саха (Якутия) лидирует с 2,6 трлн рублей), увеличении промышленного производства и налоговых поступлений. Создание с 1 января 2026 года нового преференциального режима – международных территорий опережающего развития (МТОР) – формирует институциональную основу для дальнейшего привлечения иностранных инвестиций в высокотехнологичные сектора экономики макрорегиона.

Создание альтернативных систем международных расчетов доказало свою эффективность в условиях внешних ограничений. По данным на апрель 2026 года, объем трансграничных платежей через дальневосточный офис системы А7 вырос с 897 млн рублей в январе до 1,49 млрд рублей в марте, а за первый квартал 2026 года достиг 2,9 млрд рублей. Доля рубля во внешнеторговых расчетах в 2025 году превысила 53%, а совместно с валютами дружественных стран (китайский юань, индийская рупия, казахстанский тенге и др.) этот показатель впервые перешел отметку 85%. Общий объем транзакций через стейблкоин А7А5 за 2025 год превысил 100 млрд долларов США в эквиваленте. Таким образом, удалось нивелировать риски, связанные с отключением от традиционных платежных систем, сохранить положительную динамику внешнеторгового оборота и достичь успешной переориентации товарных и финансовых потоков на партнеров из Азиатско-Тихоокеанского региона.

Интеграция новых транспортно-логистических проектов в существующую инфраструктуру ДФО создает основу для принципиально нового качества приграничного взаимодействия. Контейнерный терминал «Сухой порт Благовещенск», завершение строительства которого ожидается в 2026 году, станет связующим звеном между автомобильным мостом Благовещенск-Хэйхэ и Транссибирской магистралью. Начиная со второго квартала 2026 года терминал сможет отправлять по одному контейнерному поезду ежедневно, а к 2029 году его мощность достигнет 800 тыс. тонн грузов в год. Трансграничная канатная дорога Благовещенск-Хэйхэ, готовность которой оценивается в 97%, должна быть запущена летом 2026 года. Ее пропускная способность составит 6,8 тыс. человек в сутки, а к 2030 году прогнозируется рост туристического потока в Благовещенск в три раза. Ожидаемый эффект от реализации этих проектов - рост пропускной способности, сокращение времени перемещения грузов и людей, увеличение товарооборота и туристического потока.

Комплексное развитие системы управления трансграничным сотрудничеством требует одновременного движения по трем направлениям: цифровая трансформация, кадровое обеспечение и экологическая безопасность. Доля цифровых решений в управлении региональными проектами в ДФО увеличилась до 42% в 2025 году, что позволило сократить время на согласование документов на 30%, а время таможенного оформления на российско-китайской границе - на 25-30%. Более 40% специалистов, занятых в сфере внешнеэкономической деятельности на Дальнем Востоке, прошли профессиональную переподготовку за последние три года, а вузы ДФО (ВВГУ, ДВФУ) запустили специализированные программы подготовки кадров для работы в МТОР, включающие изучение восточных языков, международного коммерческого права и цифровых финансовых технологий. При реализации крупных трансграничных проектов (Амурский ГПЗ, Амурский ГХК) применяются наилучшие доступные технологии, включая замкнутые циклы водоснабжения и системы очистки выбросов. Российско-китайские соглашения о совместном мониторинге качества воды в пограничных реках (Аргунь, Амур, Уссури) действуют с 2021 года, и согласно совместным протоколам, в 2025 году превышений предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ на контролируемых участках

зафиксировано не было. Синхронизация экологических стандартов с партнерами из дружественных стран выступает важным фактором формирования долгосрочного доверия.

Практическая значимость работы заключается в обосновании рекомендаций по дальнейшему совершенствованию управления трансграничным сотрудничеством, включая развитие цифровой инфраструктуры для поддержки экспорта, унификацию правового поля для совместных предприятий и расширение образовательных программ в сфере международной экономики. Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом эффективности международных территорий опережающего развития после их практического запуска, а также с оценкой долгосрочных социально-экономических эффектов от реализации масштабных инфраструктурных проектов в субъектах ДФО.

1. Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 285-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части создания международных территорий опережающего развития). – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202507310016
2. Газ и не только. В. Орлов доложил президенту о реализации энергетических и газовых проектов в Амурской области Текст: электронный // Neftegaz.RU. – 2026. – 3 марта. – URL: https://neftegaz.ru/news/Gazohimija/917176-gaz-i-ne-tolko-v-orlov-dolozhil-prezidentu-o-realizatsii-energeticheskikh-i-gazovykh-proektov-v-amur/
3. Разворот энергомоста: почему Китай отказался от импорта российской электроэнергии Текст: электронный // Forbes.ru. – 2026. – 15 января. – URL: https://www.forbes.ru/mneniya/553927-razvorot-energomosta-pocemu-kitaj-otkazalsa-ot-importa-rossijskoj-elektroenergii
4. Первый контейнерный поезд из Сухого порта Благовещенска отправят уже в августе Текст: электронный // Амурская правда. – 2025. – 29 марта. – URL: https://ampravda.ru/2025/03/29/pervyjj-kontejjnernyjj-poezd-iz-sukhogo-porta-blagoveshchenska-otpravjat-uzhe-v-avguste
5. Контейнерный терминал «Сухой порт Благовещенск» достроят в 2026 году Текст: электронный // Морские вести России. – 2026. – 2 апреля. – URL: http://morvesti.ru/news/1678/120301/
6. Китайская часть канатной дороги Хэйхэ–Благовещенск готова на 97% Текст: электронный // РБК Приморье. – 2026. – 20 января. – URL: https://prim.rbc.ru/prim/20/01/2026/696f1cd09a794768f647a970
7. Запуск первой канатной дороги между РФ и КНР намечен на лето – губернатор Амурской области Текст: электронный // Интерфакс Россия. – 2026. – 3 февраля. – URL: https://www.interfax-russia.ru/index.php/far-east/main/zapusk-pervoy-kanatnoy-dorogi-mezhdu-rf-i-knr-namechen-na-leto-gubernator-amurskoy-oblasti
8. Дальневосточный бизнес за месяц провёл через А7 платежи почти на 1,5 млрд рублей Текст: электронный // AmurMedia.ru. – 2026. – 22 апреля. – URL: https://amurmedia.ru/news/2471381/
9. Трансграничные переводы бизнесменов ДВ на А7 за месяц – почти 1,5 млрд руб Текст: электронный // VladNews. – 2026. – 27 апреля. – URL: https://vladnews.ru/2026-04-27/267378/transgranichnye_perevody
10. Дальневосточный бизнес за месяц перевел через систему А7 почти 1,5 млрд рублей Текст: электронный // Новости Mail. – 2026. – 27 апреля. – URL: https://news.mail.ru/economics/70687151/

Сведения об авторе
Ю.В. Усова, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 391.7(510)

ИСТОРИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ СМЫСЛ ИЗУЧЕНИЯ ЖЕНСКИХ ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫХ УКРАШЕНИЙ КИТАЯ

Фань Лиминь, аспирант

Тихоокеанский государственый универтет
Хабаровск, Россия

Аннотация. *Статья посвящена комплексному исследованию женских церемониальных украшений Китая в историческом и культурном контексте. Рассматриваются ключевые периоды развития ювелирного искусства от эпохи Шан до династии Цин, анализируются семантические пласты орнаментальных программ, социальные функции украшений как маркеров статуса, ритуального участия и гендерной идентичности. Внимание уделяется символике материалов (нефрит, золото, серебро, жемчуг), иконографическим мотивам (феникс, пион, летучая мышь, дракон), а также трансформации декоративных канонов под влиянием конфуцианской этики, даосских представлений о природе и буддий-*

ской иконографии. Делается вывод о том, что изучение женских церемониальных украшений Китая представляет собой самостоятельное научное направление на стыке искусствоведения, культурной антропологии и истории гендера, обладающее значительным эвристическим потенциалом

Ключевые слова: *женские украшения Китая, церемониальные украшения, ювелирное искусство, нефрит, феникс, конфуцианская эстетика, головной убор фэнгуань, династийный костюм, символика украшений, гендер в искусстве.*

THE HISTORICAL AND CULTURAL SIGNIFICANCE OF STUDYING CHINESE WOMEN'S CEREMONIAL JEWELRY

Abstract. *This article is devoted to a comprehensive study of Chinese women's ceremonial jewelry in its historical and cultural context. The key periods of jewelry art development - from the Shang era to the Qing dynasty - are examined; the semantic layers of ornamental programs, social functions of jewelry as markers of status, ritual participation, and gender identity are analyzed. Special attention is paid to the symbolism of materials (jade, gold, silver, pearls), iconographic motifs (phoenix, peony, bat, dragon), and the transformation of decorative canons under the influence of Confucian ethics, Taoist ideas about nature, and Buddhist iconography. The conclusion is drawn that the study of Chinese women's ceremonial jewelry constitutes an independent scientific field at the intersection of art history, cultural anthropology, and the history of gender, with significant heuristic potential*

Keywords: *Chinese women's jewelry, ceremonial jewelry, jewelry art, jade, phoenix, Confucian aesthetics, fengguan headdress, dynastic costume, jewelry symbolism, gender in art*

Введение

Женские церемониальные украшения Китая представляют собой один из наиболее семантически насыщенных пластов материальной культуры Дальнего Востока. На протяжении истории своего существования они выполняли функции, выходящие за рамки эстетического украшения тела: служили знаками социальной иерархии, ритуальными объектами, средствами коммуникации между живыми и предками, а также инструментами конструирования и воспроизводства гендерных норм. Изучение этих предметов открывает возможность реконструировать не только историю ювелирного ремесла, но и историю женственности как культурного конструкта в имперском Китае [9].

Актуальность темы определяется несколькими факторами:

- усилением интереса к гендерным аспектам материальной культуры (украшения всё чаще рассматриваются не как второстепенные артефакты прикладного искусства, а как полноценные исторические источники, свидетельствующие об особенностях повседневной жизни, религиозных практиках и социальных структурах прошлого [13];
- недостаточностью изучения, т.к. множество работ ограничивается описанием отдельных типов предметов без системного анализа их культурного смысла [2];
- развитием музейного дела в КНР и расширением доступа к закрытым прежде коллекциям обеспечивает новые возможности для атрибуции и сравнительного анализа памятников [20].

Цель статьи – систематизация исторических, иконографических и культурных, антропологических сведений о женских церемониальных украшениях Китая, обоснование их значения как самостоятельных объектов искусствоведческого исследования. Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

- изучение эволюции типологии и иконографии украшений от эпохи Шан до конца династии Цин;
- анализ семантического наполнения орнаментальных мотивов;
- изучение украшений как инструментов конструирования социальной и гендерной идентичности;
- оценка состояния и перспектив изучения данной темы в отечественной и зарубежной науке.

Методологическую основу исследования составляют иконографический и иконологический методы (в традиции Э. Панофского), метод семиотического анализа предмета (У. Эко, Р. Барт), а также подходы, определяющие изучение материальной культуры (Д. Миллер) и гендерной истории искусства (Г. Поллок).

Источниковую базу образуют музейные коллекции (Национальный дворцовый музей в Тайбэе, Пекинский дворцовый музей, Шанхайский музей, Эрмитаж), письменные источники

(своды ритуальных установлений «Ли цзи», «Да Цин хуэйдянь», дворцовые описи), а также иконографические материалы (портреты императриц, жанровые свитки) [19].

Историографический обзор

Изучение китайских украшений имеет длительную традицию как в самом Китае, так и на Западе. Однако фокус на женских церемониальных предметах как самостоятельном объекте исследования оформился сравнительно недавно. В китайской традиции интерес к украшениям восходит к антикварной учёности эпохи Сун (960–1279), когда коллекционирование древностей приобрело черты систематической науки. Труды Оуян Сю и Люй Да-линя заложили основы описательного метода, однако женские предметы в них рассматривались лишь как часть более широкой категории «предметов учёного мужа» или ритуальной утвари. Систематическое описание женских украшений впервые появляется в сводах дворцовых установлений эпохи Мин и Цин – «Да Мин хуэйдянь» и «Да Цин хуэйдянь», где детально регламентируются материал, форма и количество украшений для женщин разных рангов [7]. Эти документы остаются важнейшим первоисточником для реконструкции церемониального костюма.

В западной синологии первые систематические описания китайских украшений появляются в конце XIX – начале XX века в работах С. У. Бушелла и Б. Лауфера. Лауфер в своём фундаментальном труде «Jade: A Study in Chinese Archaeology and Religion» (1912) [8, 11] подробно рассматривает нефритовые украшения, хотя гендерный аспект остаётся на периферии его внимания. В середине XX века К. Уильям описывает символику китайского декоративного искусства в целом, уделяя определённое место украшениям в главе о женском костюме.

Поворот к гендерной проблематике происходит в 1980–1990-е годы под влиянием феминистской истории искусства. Работы П. Бакли Эбри о женщинах в имперском Китае открыли возможность рассматривать украшения как инструмент гендерной нормализации. В 2000-е годы появляются специализированные исследования: монография Э. Уорнер «Chinese Jewelry» (2004) [15], каталог выставки «Adornment for Eternity» (Denver Art Museum, 1994) [13], труды Гао Чуньмин по истории китайского костюма и украшений [17]. В последнее десятилетие активно публикуются результаты археологических раскопок погребений эпохи Тан, Сун, Мин и Цин, существенно расширяющие корпус изученных памятников [18].

В российском искусствоведении украшения Китая рассматривались преимущественно в рамках общих работ по китайскому прикладному искусству (труды М.А. Неглинской, М. Л. Рудовой, Б. Л. Рифтина и др.) или в музейных каталогах коллекций Эрмитажа [2,3,4,5,7].

Женские церемониальные украшения Китая можно систематизировать по нескольким основаниям [19]:

- по месту размещения на теле (украшения головы и волос, в том числе головные уборы (гуань, фэнгуань), шпильки (цзань, чай), гребни (шу), заколки (буяо), подвески к головному убору. Эта группа является наиболее репрезентативной с точки зрения социального статуса и ритуального контекста [20];
- украшения ушей: серьги (эрхуань, эрчуй) [7]. В отличие от западной традиции, в Китае серьги долгое время считались украшением, допустимым лишь для женщин определённых социальных групп; при дворе их ношение регламентировалось;
- украшения шеи и груди: ожерелья (лянь), нагрудные медальоны (пэйдай), пекторали, нагрудники (дудоу с вышивкой и украшениями) [15];
- украшения рук: браслеты (чжуо, чуань), наручные обручи (вань), кольца (чжи хуань) [18].
- поясные украшения и подвески: пояс с нефритовыми бляхами (юйпэй), ароматические мешочки (сянбао), нефритовые подвески (пэйюй)[11].

Также украшения различаются в соответствии с материалами, которые были использованы в процессе их создания: нефрит, золото, серебро, позолоченная бронза, жемчуг, кораллы, бирюза, янтарь, черепаховый панцирь, перья зимородка (дяньцуй) и лаки [15]. В соответствии с функциональностью украшения делятся на ритуальные (церемониальные), статусные и оберегающие [13].

Древнейшие женские украшения на территории Китая, поддающиеся интерпретации как церемониальные, происходят из погребений эпохи Шан. Раскопки царского некрополя в Иньсюй (современная провинция Хэнань) обнаружили богатейший инвентарь гробниц, среди которых особое место отведено супруге (Фу Хао) правителя Шан и прославленного военачальника (ок. XIII в. до н. э.) [11, 12]. В её гробнице было найдено более 750 нефритовых предметов, включая украшения, а также многочисленные бронзовые и костяные изделия. Примеча-

тельно, что нефритовые украшения Фу Хао (подвески, кольца-цун, диски-би) обладали как декоративной, так и ритуальной функцией. В этот период украшения ещё не обладали жестко регламентированными характеристиками, но связь между качеством нефрита как материала для украшений и социальным статусом погребенной очевидна. Нефрит (юй) в китайской культуре с древнейших времён наделялся особыми онтологическими свойствами: он считался воплощением небесной благодати (дэ), посредником между мирами живых и мёртвых, материальным выражением добродетели [11].

В период Западной Чжоу сформировалась первая систематическая регламентация ритуального костюма и украшений. Свод «Чжоу ли» («Обряды Чжоу») описывал шесть типов нефритовых ритуальных предметов (лю жуй), чем определял соответствие ранга владельца и качества камней [4].

Эпоха Воюющих царств определила разнообразие предметов ювелирного искусства, т.к. культурные контакты обеспечивали появление новых форм и техник. В это время распространились золотые украшения, нередко выполненные в «звериных стилях», свидетельствующие об обмене с культурами кочевников [12].

Эпоха Хань стала временем кодификации конфуцианских норм и их распространения на все сферы жизни, включая женский костюм и украшения [1].

Проникновение буддизма в Китай обеспечило новые иконографические мотивы в ювелирное искусство: лотос, ваджра, «восемь буддийских сокровищ» (ба бао) [16]. Контакты с Центральной Азией и Средиземноморьем через Великий шёлковый путь обогатили китайское ювелирное дело техниками гранулирования, скани и вставок из цветных камней [11, 14].

В погребениях этого периода обнаруживаются украшения, сочетающие традиционные китайские формы с западными влияниями: золотые серьги с подвесками в форме виноградных гроздей, ожерелья из стеклянных бус, браслеты с инкрустацией гранатами [13]. Все это свидетельствуют о том, что женские украшения были одним из ключевых каналов культурного обмена, возможно потому, что женщины из аристократических семей иногда становились «живыми дарами» в дипломатических браках между государствами [9].

Династия Тан по праву считается «золотым веком» китайского ювелирного искусства. Политическое могущество, экономическое процветание и открытость к внешним влияниям создали условия для расцвета всех видов декоративного искусства. Женские украшения эпохи Тан отличаются исключительным богатством форм, техническим совершенством и иконографическим разнообразием [15, 18].

Одним из важнейших источников для изучения танских украшений является клад, обнаруженный в 1970 году в Хэцзяцунь (Сиань): среди более чем тысячи предметов (золотые и серебряные украшения, чаши, флаконы) значительную часть составляют женские украшения, предназначавшиеся, по всей видимости, для дворцового обихода [18]. Золотые шпильки с фигурками птиц, серебряные гребни с прорезным орнаментом, нефритовые браслеты: всё это свидетельствует о высочайшем уровне ювелирного мастерства и о том значении, которое придавалось женскому убранству при танском дворе.

В эпоху Тан проявилась устойчивость иконографической программы женских украшений, центральным элементом которой стал образ феникса (фэнхуана). Сюжетные изображения с фениксом, несущим в клюве жемчужину, двумя фениксами, летящими навстречу друг другу, указывали на канонически фиксируемые пожелания счастья, долголетия и супружеской гармонии [15].

Династия Сун принесла преобразования эстетических ценностей и на смену пышности пришла изысканная простота. Украшения стали легче, орнаменты заполнились зооморфными мотивами. В захоронениях сунских аристократок на территории провинций Цзянси, Фуцзянь и Чжэцзян, обнаружены уникальные золотые шпильки и гребни с изображениями садовых сцен, серебряные браслеты с гравированными стихотворными надписями. Последний тип предметов особенно интересен, т.к. свидетельствует о высоком уровне женской образованности.

Эпоха Юань (1271–1368) внесла в китайское ювелирное искусство монгольские элементы: массивные золотые серьги с крупными подвесками, широкие браслеты с бирюзой и кораллами, характерные для степной традиции. Династия Мин стала временем регламентации женского церемониального костюма и украшений. Именно в эту эпоху окончательно сложился образ «имперского женского убранства», не утрачивающий актуальности и в наши дни. Кроме фэнгуань, минский церемониальный ансамбль подразумевал нагрудное украшение霞帔 (сяпэй); золотые шпильки (цзиньцзань) в количестве, строго регламентированном по рангу; неф-

ритовый пояс (юйдай); серьги с жемчужными подвесками. Весь этот ансамбль носился во время определённых церемоний: храмовых жертвоприношениях, свадьбах и аудиенциях [4, 7, 9].

Маньчжурская династия Цин привнесла в китайское ювелирное искусство новые элементы, сохранив при этом преемственность с минской традицией. Маньчжурские женщины имели собственные традиции украшения, отличавшиеся от ханьских: в частности, они не практиковали бинтование ног и носили иной тип обуви и головных уборов. Цинский двор выработал синтетическую систему церемониального костюма, в которой маньчжурские и китайские элементы были тщательно разграничены по контексту использования [7].

Важнейшим нововведением цинской эпохи стало широкое использование «восьми буддийских сокровищ» (ба бао) и «восьми даосских эмблем» (ба аньсянь) в декоре украшений, что отражало религиозный синкретизм маньчжурского двора. Коралл, янтарь, бирюза и жемчуг - материалы, особенно ценившиеся в маньчжурской традиции, - заняли видное место в цинских украшениях наряду с традиционным нефритом.

Цинские головные украшения типа дяньцуй достигли исключительного технического и художественного совершенства. Мастерские Пекина и Сучжоу производили шпильки, гребни и заколки, покрытые перьями зимородка, с вставками из жемчуга, кораллов и полудрагоценных камней. Богатейшие коллекции этих предметов хранятся в Пекинском дворцовом музее и дают исчерпывающее представление об эстетике позднеимперского Китая [20].

В имперском Китае украшения выполняли функцию визуального кода социальной иерархии точно так же, как и официальный костюм. Например, согласно «Да Цин хуэйдянь», головной убор императрицы украшался специфическим набором драгоценностей, недоступным для женщин более низкого ранга [20]. Супруги принцев первого ранга имели право на несколько меньшее число украшений; жёны чиновников носили украшения из материалов, строго соответствовавших рангу их мужей. Нарушение этих предписаний каралось как нарушение ритуального порядка (ли) – одного из важнейших понятий конфуцианской этики. Такая система превращала женское тело в карту социальной структуры, позволяющую определить положение женщины в социальной иерархии в соответствии с ее украшениями [4, 7].

При всей унификации, создаваемой централизованной имперской системой, региональные традиции женских украшений в Китае отличались значительным разнообразием. Это разнообразие определялось доступностью местных материалов, этническими традициями, климатическими условиями и историческими контактами с соседними культурами. Одним из наиболее перспективных направлений представляется применение методологии агентности объектов (object agency), как концепции, разработанной в рамках акторно-сетевой теории (Б. Латур, А. Хенаре) [9, 15]. Согласно этому подходу, украшения являются не пассивными отражениями социальных норм, а активными участниками социальных процессов, определяющими идентичность, структуру ритуального пространство, устанавливающую отношения между людьми Изучение китайских церемониальных украшений с такой точки зрения может существенно обогатить понимание их культурного смысла.

Другим перспективным направлением является сравнительное изучение украшений различных этнических групп Китая в контексте определения идентичности и реконструкции памятников культурного наследия. Кроме того, цифровые технологии открывают принципиально новые возможности для изучения украшений: трёхмерное сканирование, компьютерная реконструкция церемониальных ансамблей, создание виртуальных музеев позволяют исследователям и широкой публике взаимодействовать с памятниками, недоступными для непосредственного изучения.

Заключение

Осуществленное исследование позволяет сделать ряд выводов об историческом и культурном смысле изучения женских церемониальных украшений Китая, т.к. они представляют:

- многомерный культурный феномен, несводимый ни к моде, ни к ремеслу;
- нормы, регламентирующие пространство выражения индивидуальности и способы трансляции культурной памяти поколений;
- семантическую системы, в которой соединены народные верования, даосские, буддийские и конфуцианские представления о мире;
- потенциал для развития исследований в профильной сфере.

Таким образом, изучение женских церемониальных украшений Китая является не узкоспециальной, но широкой и фундаментально значимой научной задачей, решение которой обогащает наше понимание одной из величайших цивилизаций человечества [2].

1. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Москва: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 1. – 382 с.

2. Виноградова Н. А. Искусство Китая. – Москва: Изобразительное искусство, 1988. – 254 с.

3. Завадская Е. В. Эстетические проблемы живописи старого Китая. – Москва: Искусство, 1975. – 440 с.

4. Кравцова М. Е. История культуры Китая. – Санкт-Петербург: Лань, 1999. – 416 с.

5. Рифтин Б. Л. Китайская мифология // Мифы народов мира: энциклопедия. – Москва: Советская энциклопедия, 1980. – Т. 1. – С. 652–662.

6. Рудова М. Л. Китайская народная картина. – Ленинград: Аврора, 1971. – 200 с.

7. Сычёв Л. П., Сычёв В. Л. Китайский костюм. Символика, история, трактовка в литературе и искусстве. – Москва: Наука, 1975. – 133 с.

8. Bushell S. W. Chinese Art. – London: Victoria and Albert Museum, 1904. – Vol. 1–2.

9. Ebrey P. B. The Inner Quarters: Marriage and the Lives of Chinese Women in the Sung Period. – Berkeley: University of California Press, 1993. – 334 p.

10. Gao Hanyu. Chinese Textile Designs / transl. by R. Scott, S. Whitfield. – London: Viking, 1992. – 228 p.

11. Laufer B. Jade: A Study in Chinese Archaeology and Religion. – Chicago: Field Museum of Natural History, 1912. – 370 p.

12. Rawson J. Chinese Ornament: The Lotus and the Dragon. – London: British Museum Publications, 1984. – 240 p.

13. Scott R. E. Adornment for Eternity: Status and Rank in Chinese Ornament. – Denver : Denver Art Museum, 1994. – 176 p.

14. Vainker S. J. Chinese Pottery and Porcelain: From Prehistory to the Present. – London: British Museum Press, 1991. – 240 p.

15. Warner E. Chinese Jewelry. – Hong Kong: FormAsia Books, 2004. – 192 p.

16. Williams C. A. S. Outlines of Chinese Symbolism and Art Motives. – Shanghai: Kelly and Walsh, 1932. – 472 p.

17. 高春明 中国服饰[Гао Чуньмин. Китайский костюм]. – 上海: 上海外语教育出版社, 2002. – 318 页.

18. 扬之水 中国古代金银首饰[Ян Чжишуй. Золотые и серебряные украшения древнего Китая]. – 北京: 故宫出版社, 2014. - Т. 1–3.

19. 周汛, 高春明 中国历代妇女妆饰[Чжоу Сюнь, Гао Чуньмин. Украшения и причёски китайских женщин в разные эпохи]. – 上海: 学林出版社, 1988. – 412 页.

20. 故宫博物院 清代宫廷首饰[Пекинский дворцовый музей. Придворные украшения эпохи Цин]. – 北京: 紫禁城出版社, 2008. – 286 页.

Сведения об авторе

Фань Лиминь, аспирант, Тихоокеанский государственый универтет, г. Хабаровск, Россия

УДК 332

МЕРЫ АДАПТАЦИИ СТРОИТЕЛЬНОГО СЕКТОРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К САНКЦИОННЫМ ОГРАНИЧЕНИЯМ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ

А.И. Федоров, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Статья посвящена анализу механизмов государственной поддержки строительного сектора Российской Федерации в условиях санкционного давления. Рассмотрены ключевые инструменты адаптации отрасли, дана оценка их результативности и выявлены ограничения реализуемой политики*

Ключевые слова: *строительный сектор, санкции, государственная поддержка, импортозамещение, льготная ипотека, субсидирование, адаптация экономики.*

MEASURES TO ADAPT THE RUSSIAN CONSTRUCTION SECTOR TO SANCTIONS: THE EFFECTIVENESS OF STATE SUPPORT

Abstract. *This article analyzes the mechanisms of state support for the construction sector in the Russian Federation amidst sanctions pressure. It examines key tools for the industry's adaptation, assesses their effectiveness, and identifies the limitations of the implemented policy.*

Keywords: *construction sector, sanctions, state support, import substitution, preferential mortgages, subsidization, economic adaptation.*

Меры адаптации строительного сектора Российской Федерации к санкционным ограничениям: эффективность государственной поддержки

Строительная отрасль является одним из системообразующих секторов экономики России: в 2022–2024 годах её доля в валовом внутреннем продукте стабильно удерживалась в диапазоне 5,8–6,2%, а численность занятых превышала 9 миллионов человек [1]. Введённые в 2022 году беспрецедентные санкционные ограничения сформировали комплекс вызовов для отрасли: разрыв устоявшихся цепочек поставок импортного оборудования и строительных материалов, уход зарубежных инжиниринговых компаний, удорожание проектного финансирования и резкое сокращение платёжеспособного спроса на фоне девальвации рубля и роста ключевой ставки. Вместе с тем государство оперативно развернуло масштабный инструментарий поддержки, что сделало строительство одной из наименее пострадавших от санкций отраслей реального сектора. Изучение эффективности применённых мер представляет значительный научный и практический интерес, поскольку позволяет выработать рекомендации по совершенствованию антикризисной политики в средне- и долгосрочной перспективе.

Научная новизна исследования состоит в комплексной оценке результативности государственных антикризисных мер в строительном секторе на основе актуальных статистических данных за 2022–2025 годы. В отличие от существующих работ, рассматривающих отдельные инструменты поддержки, в статье проведён критический анализ ограничений и побочных эффектов применяемой политики.

Цель исследования: систематизацию государственных мер поддержки строительного сектора РФ в условиях санкционного давления, выявить основные эффекты и ограничения их применения

Для достижения цели поставлены следующие задачи: определить используемые инструменты государственной поддержки; проанализировать динамику ключевых показателей отрасли в 2022–2025 годах; выявить ограничения и риски реализуемой политики; сформулировать рекомендации по повышению её результативности.

В работе использованы методы системного анализа, структурно-функционального подхода к изучению государственной политики, а также анализ ведомственной статистики и нормативных документов. Эмпирическую базу составляют данные Федеральной службы государственной статистики, Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ, Банка России, ДОМ.РФ и аналитических агентств за период 2022–2025 годов.

Санкционный шок 2022 года и первоначальная реакция отрасли. Введение санкций в феврале–марте 2022 года спровоцировало в строительном секторе комплексный кризис. По данным Росстата, в апреле–мае 2022 года индекс предпринимательской уверенности в строительстве опустился до –17 пунктов – минимума с 2015 года. Доля импортных строительных материалов и оборудования в крупных инфраструктурных проектах достигала 40–60%, а в сегменте промышленного строительства – до 70% [2]. Уход ведущих западных поставщиков инженерных систем (Siemens, Danfoss, Grundfos) создал угрозу срыва действующих контрактов.

Система государственных мер поддержки. Ответные действия государства можно структурировать по четырём ключевым направлениям.

Первое направление – поддержка спроса на жильё. Флагманским инструментом стала программа льготной ипотеки под 8% годовых, запущенная ещё в 2020 году и существенно расширенная в 2022–2023 годах. В 2022 году её объём составил 2,4 трлн рублей, в 2023 году – рекордные 3,1 трлн рублей [3]. Параллельно действовали «Семейная ипотека» (6%), «IT-ипотека» (5%) и «Дальневосточная ипотека» (2%). Совокупный портфель льготных ипотечных программ к концу 2023 года превысил 8 трлн рублей.

Второе направление – поддержка застройщиков и проектного финансирования. В марте 2022 года Правительство РФ утвердило субсидирование ставки по кредитам для застройщиков жилья в рамках проектного финансирования: компенсировалась разница между ключевой ставкой ЦБ и ставкой 15% годовых. На эти цели в 2022 году было выделено 15,7 млрд рублей из федерального бюджета. Введены мораторий на банкротство застройщиков (до 1 октября 2022 года) и упрощённый порядок изменения существенных условий договоров долевого участия [4].

Третье направление – импортозамещение в строительной индустрии. Постановлением Правительства РФ от 29 марта 2022 года № 506 утверждены перечни критически важных для строительства товаров, производство которых необходимо развернуть на отечественных мощностях. Субсидирование НИОКР в области строительных материалов в 2022–2024 годах составило 4,2 млрд рублей. Параллельно был сформирован реестр отечественных аналогов импортного оборудования, насчитывающий к 2025 году более 12 000 позиций [5]. Переориентация поставок на продукцию из КНР, Турции, Индии, Белоруссии и других дружественных стран позволила компенсировать около 65% выбывшего импорта.

Четвёртое направление — административное регулирование. В период санкционного давления принят ряд мер по дебюрократизации отрасли: введены упрощённый порядок согласования проектной документации, право применять типовые проекты повторного использования без повторной экспертизы, временные технические регламенты, допускающие замену ряда недоступных материалов без пересмотра проектной документации [6].

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Государство оперативно сформировало диверсифицированную систему антикризисной поддержки строительного сектора, включающую инструменты стимулирования спроса, поддержки застройщиков, импортозамещения и дебюрократизации. Это позволило отрасли избежать глубокого спада и зафиксировать рост объёмных показателей в 2022–2023 годах.

2. Наиболее значимым по масштабу воздействия инструментом стала льготная ипотека, однако её чрезмерное расширение породило ценовой пузырь на первичном рынке жилья, угрожающий финансовой устойчивости как застройщиков, так и домохозяйств.

3. Успехи в импортозамещении строительных материалов (рост доли отечественной продукции с 72 до 87%) носят преимущественно количественный характер; качественный разрыв с доступными ранее западными аналогами остаётся актуальной проблемой.

4. Для повышения долгосрочной устойчивости отрасли целесообразно: перенести акцент с ценовых субсидий в ипотеке на адресные программы поддержки нуждающихся категорий граждан; сформировать систему мониторинга качества параллельного импорта; расширить меры поддержки на сегменты промышленного и инфраструктурного строительства; ужесточить контроль за соблюдением временно упрощённых стандартов.

1. Федеральная служба государственной статистики. Строительство в России. — 2024 Текст: электронный. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/stroi2024.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

2. Абрамов Р.А., Соколов М.С. Санкционное давление на строительный комплекс России: вызовы и адаптационные стратегии // Экономика строительства. – 2023. – № 4. – С. 12–24.

3. ДОМ.РФ. Аналитика рынка жилья – 2024 Текст: электронный. – URL: https://xn--d1aqf.xn--p1ai/analytics (дата обращения: 15.03.2025).

4. Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. Антикризисные меры поддержки строительной отрасли 2022–2023. – Москва: Минстрой России, 2023. – 84 с.

5. Национальное объединение строителей (НОСТРОЙ). Реестр добросовестных производителей и поставщиков – 2025 Текст: электронный. – URL: https://nostroy.ru/registry (дата обращения: 10.04.2025).

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2022 г. № 575 «Об особенностях осуществления государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 15. – Ст. 2490.

Сведения об авторе

А.И. Федоров, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 657.632

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ РИСКОВ НЕДОБРОСОВЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ ПРИЗНАНИИ ВЫРУЧКИ: ОТРАСЛЕВАЯ СПЕЦИФИКА

Д.Д. Федорчук, магистрант

Т.В. Бубновская, канд. экон. наук, доцент

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье исследуются риски недобросовестных действий при признании выручки с учетом отраслевой специфики. Рассмотрены основные схемы манипулирования выручкой, факторы риска и риск-индикаторы. Предложена риск-ориентированная методика оценки рисков, основанная на учете отраслевых особенностей деятельности организаций*

Ключевые слова: *выручка, признание выручки, недобросовестные действия, финансовая отчетность, аудит, внутренний контроль, риск-индикаторы, отраслевая специфика.*

METHODOLOGY FOR ASSESSING THE RISKS OF FRAUDULENT ACTIONS IN REVENUE RECOGNITION: INDUSTRY-SPECIFIC ASPECTS

Abstract. *The article examines the risks of fraudulent actions in revenue recognition considering industry-specific characteristics. The study analyzes common revenue manipulation schemes, risk factors, and red flags. A risk-oriented methodology for fraud risk assessment based on industry-specific features of organizations is proposed*

Keywords: *revenue, revenue recognition, fraudulent actions, financial reporting, audit, internal control, red flags, industry-specific factors*

Достоверная финансовая информация на сегодняшний день приобретает особое значение в рамках ведения любого бизнеса. В первую очередь это вызвано меняющимися современными условиями развития экономики, которые характеризуются активным внедрением цифровых технологий, автоматизацией и расширением бизнес-процессов, как следствие, ужесточением требований к корпоративной отчетности. Со стороны инвесторов, кредиторов, контролирующих органов и иных заинтересованных стейкхолдеров вопросы качества бухгалтерской информации становятся предметом повышенного внимания. Существенное место среди искажений бухгалтерской отчетности занимают нарушения, связанные с признанием выручки. В связи с этим проблемы выявления и предотвращения недобросовестных действий при признании выручки становятся все более актуальными.

Выручка выступает одним из ключевых показателей эффективности деятельности компании и является одним из наиболее чувствительных объектов бухгалтерского учета, ведь она рассматривается не только как показатель объема реализованной продукции или предоставленных услуг, но и оказывает непосредственное влияние на формирование прибыли, оценку финансового состояния и инвестиционной привлекательности компании. Именно манипуляции с выручкой часто используются для искажения финансовой отчетности.

Причины возникновения подобных искажений носят комплексный характер. Абсолютно в любой компании показатели выручки служат основой для расчета премий, бонусов и иных стимулирующих выплат. Это в том числе отражает уровень выполнения установленного финансового плана сотрудниками, которые постоянно испытывают давление от топ-менеджмента из-за необходимости эти показатели достигать. Конечно, такие условия порождают дополнительные мотивы для искусственного увеличения финансовых метрик. Это давление может быть не только внешним, но и внутренним, мотивированным личной трудной финансовой ситуацией: долгами из-за азартных игр или просрочкой по очередному ипотечному платежу.

Дополнительная сложность заключается еще в том, что выявить сам факт искажения выручки бывает непросто. Люди и организации (банки, партнеры, инвесторы, кредиторы), кото-

рые анализируют отчетность компании, как правило, не располагают доступом к первичным внутренним документам и вынуждены формировать мнение о деятельности организации на основе опубликованной финансовой информации и результатов аудиторских процедур. Возможность появляется тогда, когда система внутреннего контроля работает недостаточно эффективно, обязанности сотрудников распределены нечетко, а отдельные операции сложно проверить или оценить однозначно. В таких условиях становится проще скрыть нарушения или представить информацию в более выгодном виде, а отдельные нарушения и недобросовестные действия при признании выручки могут оставаться незамеченными в течение продолжительного периода времени.

Если говорить о правилах учета выручки, то они не всегда позволяют однозначно определить, когда именно нужно признать доход и в каком размере его отразить. Во многих ситуациях бухгалтеры и руководство вынуждены самостоятельно принимать решения на основе своего профессионального опыта и оценки обстоятельств сделки, и эти решения не всегда могут быть однозначно формализованы. Например, может быть сложно определить, выполнены ли все условия договора, какую часть работ по долгосрочному контракту уже можно считать завершенной, как учитывать предоставленные клиентам скидки, бонусы или возможные возвраты товара. Поскольку такие решения содержат элемент субъективной оценки, появляется возможность намеренно представить показатели выручки более выгодными, чем они есть на самом деле. Именно поэтому наличие подобных оценочных допущений повышает риск манипулирования учетной информацией. Этот процесс можно описать как психологический, при котором человек оправдывает свои мошеннические действия, убеждая себя в том, что его поведение приемлемо. Люди, участвующие в подобных схемах, нередко убеждают себя, что действуют в интересах компании, помогают ей пережить сложный период или лишь временно корректируют показатели.

В научной литературе для объяснения подобных ситуаций широко используется концепция «треугольника мошенничества», предложенная Д. Кресси, согласно которой вероятность совершения мошеннических действий возрастает при наличии трех условий, описанных выше: давления, возможности и рационализации/оправдания, см. рис. 1 [23].

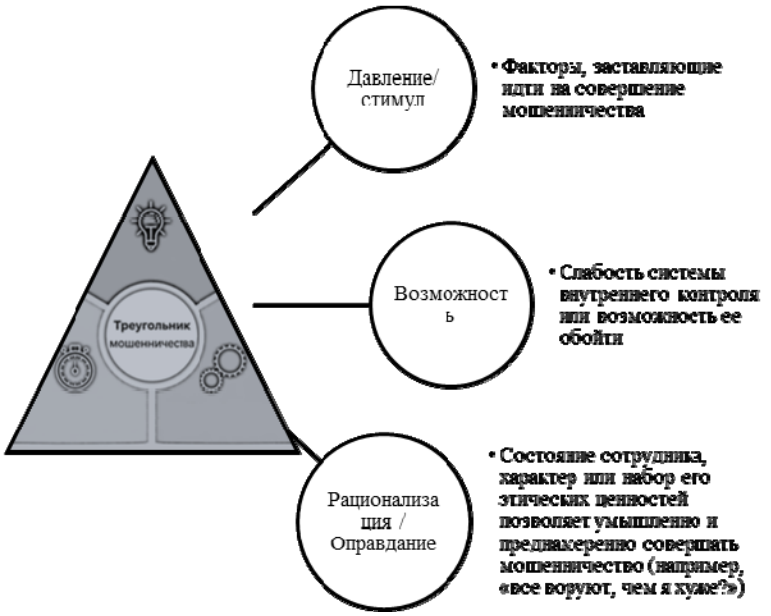

Рис.1. Концепция «Треугольника мошенничества»

Таким образом, мошеннические операции по формированию выручки традиционно рассматриваются как одна из наиболее рискованных областей бухгалтерского учета с точки зрения возможности совершения недобросовестных действий. Использование концепции «треугольника мошенничества» позволяет не только объяснить причины возникновения нарушений, но и определить направления совершенствования надзорных инструментов. При этом в последние годы наблюдается ужесточение требований к прозрачности бизнеса, усиливается внимание к вопросам внутреннего контроля, качеству аудита, корпоративного управления и управления рисками, как со стороны государства, так и со стороны других участников рынка.

В результате возрастает потребность в совершенствовании инструментов оценки рисков, внедрении эффективных контрольных процедур, позволяющих своевременно выявлять и предупреждать недобросовестные действия при признании выручки, что приведет к минимизации возможного искажения финансовой информации.

К сожалению, многие существующие на сегодняшний день подходы к оценке рисков сохраняют универсальный характер и не в полной мере учитывают особенности отдельных отраслей экономики. Неоспоримым остается тот факт, что механизмы формирования доходов, структура хозяйственных операций и специфика бизнес-процессов, условия взаимодействия с контрагентами и особенности договорных отношений существенно различаются в зависимости от сферы деятельности предприятия, будь то производственная сфера, строительство, торговля, телекоммуникации, IT-технологии и др. Соответственно, отличаются и способы возможного искажения информации о выручке. Это обстоятельство обусловливает необходимость совершенствования методических подходов, учитывающих отраслевую специфику при оценке рисков недобросовестных действий. В этом заключается актуальность данной работы.

Научная новизна

Работа представляет одну из первых в отечественной литературе попыток разработать методику оценки рисков недобросовестных действий при признании выручки, основанной на использовании системы риск-индикаторов и учитывающей отраслевую специфику формирования доходов в различных сферах экономической деятельности.

Целью работы является изучение особенностей возникновения рисков недобросовестных действий при признании выручки и обосновании необходимости учета отраслевой специфики при их оценке. Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**:

– исследовать особенности формирования выручки в различных отраслях экономики;

– выявить ключевые факторы возникновения рисков недобросовестных действий;

– разработать систему критериев оценки рисков;

– сформировать последовательность проведения риск-анализа;

– определить возможности применения методики в аудиторской и аналитической практике.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные **методы**: анализ научной литературы, сравнительный анализ, системный подход, классификация, метод экспертных оценок, а также риск-ориентированный подход. Применение системного подхода позволило рассматривать процесс признания выручки как совокупность взаимосвязанных элементов, оказывающих влияние на качество финансовой информации. Сравнительный анализ использовался для выявления отраслевых особенностей формирования доходов и связанных с ними рисков. Метод экспертных оценок был применен при определении значимости отдельных факторов риска и формировании системы риск-индикаторов.

Проблематика корпоративного мошенничества и преднамеренного искажения финансовой отчетности, а также вопросы предупреждения и выявления таких нарушений уже не первый раз становятся предметом изучения в академических кругах по исследованию бухгалтерского учета и аудита. Скорее всего данный интерес обусловлен качеством экономических решений, принимаемых под значительным влиянием недобросовестных действий, которые привели к недостоверности финансовой информации о деятельности компаний. Существенный вклад в развитие научного интереса к теме выявления и предупреждения недобросовестных действий внесли исследования многих отечественных и зарубежных ученых: Л.В. Сотниковой [9], В.П. Суйца [10], Н.В. Ферулевой [13], М.А. Штефан [12], В.Г. Когденко [5] и других авторов. В своих работах они рассматривают причины возникновения мошеннических действий, подходы к определению их сущности в целом, предлагают их классификацию, анализируют наиболее распространенные механизмы искажения отчетности и схемы их реализации, а также предлагают подходы к совершенствованию контрольных процедур.

Прежде всего необходимо дать определение недобросовестным действиям при признании выручки, в рамках данной работы это понятие предлагается понимать как умышленное искажение информации о доходах организации путем нарушения установленных принципов и правил бухгалтерского учета с целью получения экономических преимуществ либо достижения определенных финансовых показателей. На практике подобные действия могут проявляться в различных формах: от преждевременного признания выручки до отражения фиктивных операций, искусственного изменения условий сделок или завышения объемов реализации.

При формулировании данного подхода учитывались положения Международного стандарта аудита 240«Обязанности аудитора в отношении недобросовестных действий при прове-

дении аудита финансовой отчетности», согласно которому недобросовестные действия представляют собой преднамеренные действия одного или нескольких лиц из числа руководства, сотрудников либо третьих сторон, совершаемые посредством обмана и направленные на получение неправомерной выгоды [14]. Применительно к бухгалтерской отчетности подобные действия приводят к искажению финансовой информации и снижению ее надежности.

Следует отметить, что не каждое искажение отчетности связано с мошенничеством. Человеческий фактор приводит к возникновению ошибок, это может быть вызвано рядом причин: здесь и неверное определение отчетного периода, и неверная интерпретация договорных условий, некорректное отражение хозяйственных операций, любые арифметические неточности и погрешности. Кроме того, и технические сбои, и недостаточный уровень компетенций и навыков у сотрудников, и пренебрежение особенностей работы учетных систем — все это может повлиять на искажение финансовой отчетности. Принципиальное различие между ошибкой и недобросовестными действиями заключается в наличии умысла [14]. Если ошибка возникает непреднамеренно и является следствием заблуждения либо небрежности, то мошенничество предполагает сознательное воздействие на финансовую информацию для достижения заранее определенного результата. Именно наличие намерения рассматривается в международной аудиторской практике как основной критерий разграничения указанных явлений.

Способы искажения выручки могут различаться в зависимости от отраслевой специфики, однако большинство из них направлены либо на искусственное завышение доходов отчетного периода, либо на изменение момента их признания. Наиболее распространенными схемами являются отражение фиктивных продаж, преждевременное признание выручки, осуществление операций с аффилированными лицами, искусственное увеличение объемов реализации в конце отчетного периода, дробление договоров и манипулирование возвратами продукции [18].

В целях систематизации основных схем недобросовестных действий и признаков их возможного выявления сформирована таблица 1.

Таблица 1

Основные схемы недобросовестных действий при признании выручки и индикаторы их выявления

Схема недобросовестных действий	Содержание схемы	Возможные индикаторы риска
Фиктивные продажи	Отражение в учете операций, не имеющих реального экономического содержания	Отсутствие подтверждающих документов, расхождения между учетными данными и первичной документацией
Преждевременное признание выручки	Признание дохода до выполнения обязательств перед покупателем или передачи контроля над товаром (услугой)	Рост дебиторской задолженности, значительное количество корректировок после отчетной даты
Сделки с аффилированными лицами	Использование взаимосвязанных организаций для искусственного формирования выручки	Высокая доля операций со связанными сторонами, нетипичные условия договоров
Искусственное увеличение продаж в конце отчетного периода (канальное наполнение)	Форсирование отгрузок для улучшения финансовых показателей отчетного периода	Резкий рост объема продаж в конце месяца, квартала или года
Дробление контрактов	Разделение единого договора на несколько этапов или соглашений для ускоренного признания доходов	Необычная структура договоров, большое количество дополнительных соглашений
Манипулирование возвратами	Сокрытие либо перенос информации о возврате товаров на последующие периоды	Увеличение возвратов после отчетной даты, несоответствие объемов продаж и денежных поступлений

Одним из ключевых факторов, влияющих на вероятность возникновения недобросовестных действий при признании выручки, является отраслевая принадлежность организации. Несмотря на единые принципы бухгалтерского учета и формирования финансовой отчетности, механизмы возникновения выручки существенно различаются в зависимости от особенностей

бизнес-процессов, структуры договорных отношений и характера оказываемых услуг либо реализуемой продукции.

Вследствие этого схемы искажения финансовой отчетности, связанные с признанием выручки, также имеют отраслевую специфику. Например, в строительной отрасли повышенный риск связан с субъективной оценкой степени завершенности работ по долгосрочным контрактам, тогда как в сфере информационных технологий основные сложности возникают при распределении выручки по лицензиям, подпискам и комплексным договорам. В торговле существенное влияние оказывают возвраты товаров и бонусные программы, а в туристической отрасли – особенности агентских схем и посреднических вознаграждений.

Для систематизации отраслевых факторов риска и возможных схем недобросовестных действий автором разработана сравнительная матрица.

Таблица 2

Отраслевая специфика рисков недобросовестных действий при признании выручки

Отрасль	Основные факторы риска	Возможные недобросовестные действия
Строительство	Долгосрочные контракты, субъективная оценка стадии готовности объектов, значительная доля оценочных показателей	Завышение процента выполнения работ, преждевременное признание выручки, искажение стоимости выполненных работ
Розничная торговля	Большой объем однотипных операций, возвраты товаров, программы лояльности и скидочные механизмы	Сокрытие возвратов, завышение объемов реализации, перенос корректировок на последующие периоды
IT-компании	Подписочная модель бизнеса, лицензии, многоэлементные договоры, длительные контракты на сопровождение	Преждевременное признание выручки, некорректное распределение доходов между отчетными периодами
Туризм и гостиничный бизнес	Агентские схемы, предоплаты клиентов, посреднические комиссии, комплексные туристические продукты	Завышение агентской выручки, отражение доходов до фактического оказания услуг, неверное определение суммы вознаграждения
Производственные предприятия	Поэтапные поставки продукции, сложные условия перехода права собственности и рисков, отсрочки платежей	Досрочное признание выручки, отражение незавершенных поставок как завершенных продаж
Транспорт и логистика	Многоэтапное оказание услуг, использование субподрядчиков, международные перевозки	Признание выручки до завершения перевозки или оказания комплекса услуг
Консалтинговые и профессиональные услуги	Длительные проекты, поэтапная сдача результатов работ, высокая доля профессионального суждения	Завышение степени готовности проекта, досрочное признание выручки по незавершенным этапам работ

Проведенный анализ показывает, что универсальные подходы к оценке рисков недобросовестных действий не позволяют в полной мере учитывать особенности формирования выручки в различных секторах экономики. Следовательно, эффективная методика оценки рисков должна базироваться не только на общих индикаторах мошенничества, но и на отраслевых факторах, определяющих характер и вероятность возникновения искажений финансовой отчетности. Именно учет отраслевой специфики позволяет повысить точность идентификации рисков и обеспечить более обоснованное планирование контрольных и аудиторских процедур.

С учетом выявленных отраслевых особенностей и факторов возникновения недобросовестных действий предлагается риск-ориентированная методика оценки рисков при признании выручки. Методика направлена на комплексную оценку вероятности возникновения искажений финансовой отчетности и может использоваться в деятельности аудиторов, служб внутреннего контроля и подразделений управления рисками.

В основу методики положен принцип, согласно которому уровень риска определяется не только вероятностью возникновения недобросовестных действий и возможными последствиями их реализации, но и отраслевой спецификой деятельности организации.

Предлагаемая методика включает пять последовательных этапов (см. рис. 2).

Рис. 2. Этапы методики оценки рисков недобросовестных действий при признании выручки с учетом отраслевой специфики

Первым этапом является выявление факторов риска, способных создавать условия для искажения информации о выручке. В процессе анализа особое внимание уделяется операциям, связанным с использованием сложных договорных схем, значительным объемом оценочных показателей, наличием сделок со связанными сторонами, а также существенными колебаниями объема продаж в течение отчетного периода. Дополнительным источником риска могут выступать системы мотивации руководства, ориентированные преимущественно на достижение финансовых показателей, а также недостаточно эффективные процедуры внутреннего контроля. По результатам анализа формируется перечень факторов риска, характерных для конкретной организации. После определения факторов риска проводится **второй этап** анализ отраслевой специфики деятельности организации. Необходимость данного этапа обусловлена тем, что механизмы формирования выручки существенно различаются между отдельными секторами экономики. Учет этих особенностей позволяет определить отраслевой коэффициент риска, отражающий специфику конкретного направления деятельности и степень подверженности операций возможным искажениям.

Следующим **третьим этапом** является оценка вероятности возникновения недобросовестных действий. Для обеспечения сопоставимости результатов предлагается использовать пятиуровневую шкалу, в рамках которой минимальное значение соответствует крайне низкой вероятности реализации риска, а максимальное - высокой вероятности возникновения нарушений. Оценка формируется на основе профессионального суждения экспертов с учетом результатов предыдущих проверок, состояния системы внутреннего контроля и наличия выявленных риск-индикаторов.

Отдельное внимание уделяется на **четвертом** этапе оценке потенциального влияния риска на достоверность финансовой отчетности. В данном случае анализируется возможный масштаб последствий, включая размер предполагаемых искажений, вероятность принятия пользователями ошибочных решений, а также влияние выявленных нарушений на финансовое положение и деловую репутацию организации. Оценка также производится по пятибалльной шкале, где 1 – незначительный уровень влияния, 5 – критический.

На **пятом** этапе производится расчет интегрального показателя риска. Для получения итоговой оценки предлагается использовать интегральный показатель риска:

$$R = P \times I \times K,$$

где R – итоговый уровень риска; P – вероятность возникновения недобросовестных действий; I – степень влияния выявленного риска на достоверность отчетности; K – отраслевой коэффициент риска.

Использование отраслевого коэффициента позволяет адаптировать универсальную модель оценки к особенностям конкретной сферы деятельности. Чем выше неопределенность процесса признания. Полученное значение интегрального показателя используется для отнесения организации к одной из категорий риска: низкой, средней, высокой или критической.

Такая градация позволяет определить необходимый объем контрольных мероприятий и обосновать выбор дополнительных аудиторских процедур.

Практическая значимость разработанного подхода заключается в возможности его применения на этапе планирования аудита и организации системы внутреннего контроля. Результаты оценки могут использоваться для определения наиболее уязвимых участков учета, формирования программ проверок и разработки мероприятий по снижению вероятности возникновения недобросовестных действий. В качестве основных направлений минимизации выявленных рисков могут рассматриваться совершенствование контрольной среды, автоматизация процессов учета выручки, внедрение аналитических инструментов мониторинга и расширение перечня контрольных процедур в отношении наиболее рискованных операций.

Проведенный анализ показал, что риски недобросовестных действий при признании выручки определяются не только внутренними особенностями организации, но и отраслевыми условиями осуществления деятельности. Предложенная методика оценки рисков позволяет повысить точность оценки вероятности возникновения как качественных, так и количественных признаков потенциальных нарушений, основываясь на системе риск-индикаторов. Практическое применение предложенной методики может способствовать повышению достоверности финансовой отчетности, а также совершенствованию процедур выявления и предупреждения недобросовестных действий в организации.

1. Амзельт А.Г. Аналитические процедуры для выявления рисков существенного искажения в результате недобросовестных действий // Аудитор. – 2013. – № 12 (226). – С. 22–26.
2. Бычкова С.М., Филатова О.Н. Сущность мошеннических действий и роль аудита в их выявлении // Аудитор. – 2003. – № 1. – С. 18–28.
3. Итыгилова Е.Ю. Классификация искажений бухгалтерской (финансовой) отчетности в контексте качества бухгалтерского учета и аудита // Международный бухгалтерский учет. – 2015. – № 23 (365). – С. 35–46.
4. Кеворкова Ж.А. Искажение бухгалтерской (финансовой) отчетности как признак экономического преступления // Аудиторские ведомости. – 2014. – № 9. – С. 32–38.
5. Когденко В.Г. Корпоративное мошенничество: анализ схем присвоения активов и способов манипулирования отчетностью // Экономический анализ: теория и практика. – 2015. – № 4 (403). – С. 2–13.
6. Леонов П.Ю., Сушков В.М. Закон Бенфорда как инструментарий выявления признаков недобросовестных действий в бухгалтерском учете: монография. – Москва: Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, 2023. – 180 с.
7. Морозова Е.С. Оценка риска мошенничества в процессе аудита // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2020. – № 1-1. – С. 461–465.
8. Носова С.С., Норкина А.Н., Морозов Н.В. Типологии финансовых махинаций: учебник. – Москва: КноРус, 2021. – 474 с.
9. Сотникова Л.В. Мошенничество в финансовой отчетности: обнаружение и предупреждение: учебник. – Москва: Русайнс, 2019. – 394 с.
10. Суйц В.П., Волошин Д.А. Искажение корпоративной отчетности: выявление, противодействие и профилактика // Новые перспективы развития экономических наук: инновации и риски. – 2014. – С. 159–161.
11. Когденко В.Г. Корпоративное мошенничество: анализ схем присвоения активов и способов манипулирования отчетностью // Экономический анализ: теория и практика. – 2015. – № 4 (403). – С. 2–13.
12. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (ред. от 12.12.2023) Текст: электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/ (дата обращения: 04.06.2026).
13. Штефан М.А., Быкова Д.А. Аудит мошенничества: понятие и сущность // Международный бухгалтерский учет. – 2012. – № 40 (238). – С. 19–27.
14. Штефан М.А., Ферулева Н.В. Аудит фальсификации финансовой отчетности: специфические аспекты // Международный бухгалтерский учет. – 2017. – Т. 20. – № 2 (416). – С. 88–105.
15. Международный стандарт аудита 240 «Обязанности аудитора в отношении недобросовестных действий при проведении аудита финансовой отчетности» (ред. от 16.10.2023) Текст: электронный. – URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=334043 (дата обращения: 23.05.2026).
16. ACFE. Report to the Nations 2024 Текст: электронный // Association of Certified Fraud Examiners. – URL: https://www.acfe.com (дата обращения: 27.05.2026).
17. Al-Hashimy H.N.H. A review of accounting manipulation and detection: technique and prevention methods // International Journal of Business and Management Invention. – 2022. – Vol. 11. – No. 10. – P. 82–89.
18. Altuḫova N.V., Nalychaev S.A., Mogila N.A. Identification of fraud risks in corporate organizations: economic and psychological aspects // Financial Management. – 2022. – No. 6. – P. 97–109.
19. Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission (COSO). Fraudulent Financial Reporting: 1998–2007, An Analysis of U.S. Public Companies Текст: электронный. – URL:

https://www.coso.org/Documents/COSO-Fraudulent-Financial-Reporting-1998-2007.pdf (дата обращения: 28.05.2026).
20. Cygańska M., Bartoszewicz A. Socio-ethical determinants of operational and accounting manipulation: empirical research results // Zeszyty Teoretyczne Rachunkowości. – 2024. – No. 48 (1). – P. 81–97.
21. Demaline C.J. Financial disclosure manipulation: a virtue ethics perspective // Journal of Financial Crime. – 2024. – Vol. 31. – No. 5. – P. 1208–1221.
22. Fowler D.S. Ethical Implications of Deceptive Earnings Management Practices // Business Ethics and Leadership. – 2023. – Vol. 7. – No. 3. – P. 84–96.
23. Nguyen L.A., O'Connell B., Kend M., Pham V.A.T., Vesty G. The likelihood of widespread accounting manipulation within an emerging economy // Journal of Accounting in Emerging Economies. – 2021. – Vol. 11. – No. 2. – P. 312–339.
24. PwC. Global Economic Crime Survey 2022 Текст: электронный // PricewaterhouseCoopers. – URL: https://www.pwc.com (дата обращения: 03.06.2026).
25. Tickner P., Button M. Deconstructing the Origins of Cressey's Fraud Triangle // Journal of Financial Crime. – 2021. – Vol. 28. – No. 3. – P. 722–731.
26. Young S.D. Financial statement fraud: motivation, methods, and detection // Corporate Fraud Exposed: A Comprehensive and Holistic Approach. – Emerald Publishing Limited, 2020. – P. 321–339.

Сведения об авторах
Д.Д. Федорчук, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия
Т.В. Бубновская, канд. экон. наук, доцент, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 159

ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СТУДЕНТОВ IT-НАПРАВЛЕНИЙ С РАЗНЫМИ УРОВНЯМИ МАКИАВЕЛЛИЗМА: СВЯЗЬ С «БОЛЬШОЙ ПЯТЕРКОЙ» И ПРИНЯТИЕМ ДРУГИХ

Е.В. Фуркало, бакалавр

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье представлены результаты эмпирического исследования личностных характеристик, входящих в состав «Большой пятерки», а также критериев принятия-непринятия себя по методологии К. Роджерса и Р. Даймонд студентов IT-направлений (N=81), дифференцированных по уровню макиавеллизма*
Ключевые слова: *макиавеллизм, Большая пятерка, самопринятие, принятие других, IT-студенты.*

PERSONALITY CHARACTERISTICS OF IT STUDENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF MACHIAVELLIANISM: LINKS TO THE "BIG FIVE" AND ACCEPTANCE OF OTHERS

Abstract. *The article presents the results of an empirical study examining "Big Five" personality traits and criteria for self-acceptance/non-acceptance (based on the methodology of C. Rogers and R. Diamond) among IT students (N=81), differentiated by their level of Machiavellianism.*
Keywords: *Machiavellianism, Big Five, self-acceptance, acceptance of others, IT students.*

Введение

В условиях цифровой трансформации и повсеместного внедрения информационных технологий возрастает роль личностных характеристик специалистов IT-направлений. От их эмоционального интеллекта, стратегий коммуникации и этических установок зависит не только эффективность профессиональной деятельности, но и качество командного взаимодействия. Одной из значимых, но недостаточно изученных на IT-выборках черт является макиавел-

лизм – склонность к манипулятивному поведению, прагматичному отношению к межличностным интеракциям и эмоциональной дистанцированности [1; 2].

Современные исследования (В.В. Знаков, Д.Н. Джоунс, Д.Л. Паулхус) трактуют макиавеллизм как устойчивую личностную диспозицию, включающую когнитивный (циничная интерпретация мотивов других), эмоциональный (сниженная эмпатия) и поведенческий (манипуляции) компоненты [3; 4]. В рамках модели «Большой пятерки» макиавеллизм демонстрирует отрицательные связи с доброжелательностью и добросовестностью [5]. Однако специфика его проявления у студентов IT-направлений, чья деятельность связана с высокой когнитивной нагрузкой, абстрактным мышлением и частично виртуальной коммуникацией, оставалась недостаточно раскрытой.

Цель исследования: изучить личностные характеристики (черты «Большой пятерки», самопринятие, принятие других) у студентов IT-направлений с разными уровнями макиавеллизма.

Гипотеза: существуют качественные различия между личностными характеристиками студентов IT-направлений с разными уровнями макиавеллизма.

Методика

Выборка. В исследовании принял 81 студент IT-направлений (СПО и ВПО) Владивостокского государственного университета (преимущественно мужчины, средний возраст не указан, но выборка взрослая студенческая). Рандомизация проведена через онлайн-распространение (Google Forms) в Приморском крае.

Методики:

1. Шкала макиавеллизма личности Mach-IV (адаптация В.В. Знакова) – оценка склонности к манипуляциям.

2. Сокращенный опросник «Большая пятерка» BFI-2-XS (адаптация С.А. Щебетенко, А.Ю. Калугина и др.) – измерение экстраверсии, доброжелательности, добросовестности, негативной эмоциональности (нейротизма), открытости опыту.

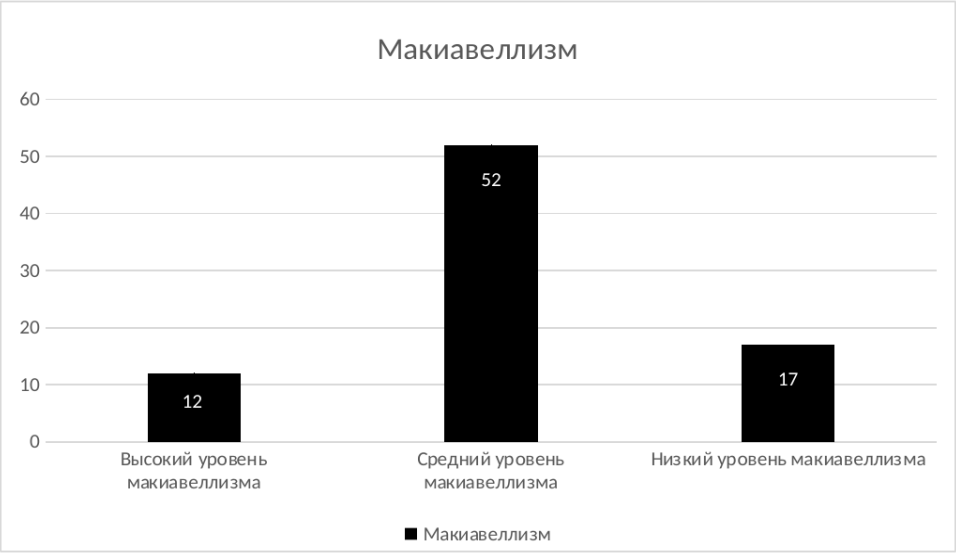
3. Тест социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд (адаптация А.К. Осницкого) – шкалы приятия/неприятия себя и других, интегральные шкалы S (самопринятие) и L (приятие других).

Статистическая обработка: U-критерий Манна-Уитни для межгрупповых сравнений (группа высокого макиавеллизма и объединенная группа среднего/низкого уровня) и коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты

Распределение уровней макиавеллизма

Большинство респондентов (64%, n=52) имели средний уровень макиавеллизма, 15% (n=12) – высокий, 21% (n=17) – низкий. Это указывает на умеренную выраженность макиавеллистических установок как норму в студенческой IT-среде.

Межгрупповые различия (U-критерий Манна-Уитни)

Группа с высоким макиавеллизмом (Группа А) статистически значимо отличалась от группы со средним/низким уровнем (Группа В) по следующим параметрам (Таблицы 5–6 в оригинале):

Ниже экстраверсия (Uэмп=578, p≤0,05)

Ниже доброжелательность (Uэмп=521, p≤0,01)

Ниже добросовестность (Uэмп=394, p≤0,01)

Выше нейротизм (негативная эмоциональность) (Uэмп=584, p≤0,05)

Ниже принятие других (Uэмп=465, p≤0,01)

Выше неприятие других (Uэмп=429,5, p≤0,01)

По шкалам открытости опыту, приятия/неприятия себя и S-шкале (самопринятие) достоверных различий не обнаружено.

Таблица 1

Различия факторов приятия-неприятия себя и других между группами с повышенным макиавеллизмом (Группа А) и средними или низкими показателями (Группа В) у студентов IT-направлений по Манна-Уитни. Ниже интегральная L-шкала (приятие других) (Uэмп=410,5, p≤0,01)

Критерии различия	Группы		UKp		UЭмп
	A	B	p≤0.01**	p≤0.05*	
Приятие себя	41,55	40,41	546	612	**796**
Неприятие себя	43,14	38,69			**729**
Приятие других	32,58	50,06			**465****
Неприятие других	50,27	31,01			**429,5****
S-шкала	39,99	42,09			**776,5**
L-шкала	31,27	51,47			**410,5****

Корреляционный анализ (Спирмен)

Выявлены значимые корреляции макиавеллизма (Таблица 7):

Отрицательные: с добросовестностью (ρ = -0,615**, самый сильный), доброжелательностью (ρ = -0,472), экстраверсией (ρ = -0,381), приятием других (ρ = -0,568), L-шкалой (ρ = -0,605).

Положительные: с негативной эмоциональностью (ρ = 0,381), неприятием других (ρ = 0,608).

Таблица 2

Статистические сравнения по Спирмену различных факторов у студентов IT-направлений

Критерии различия	ρ кр при N=81		ρ эмп
	p≤0.01**	p≤0.05*	
Макиавеллизм и экстраверсия	0.283	0.217	**-0.381****
Макиавеллизм и доброжелательность			**-0.472****
Макиавеллизм и добросовестность			**-0.615****
Макиавеллизм и негативная эмоциональность			**0.381****
Макиавеллизм и приятие других			**-0.568****
Макиавеллизм и неприятие других			**0.608****
Макиавеллизм и L-шкала			**-0.605****

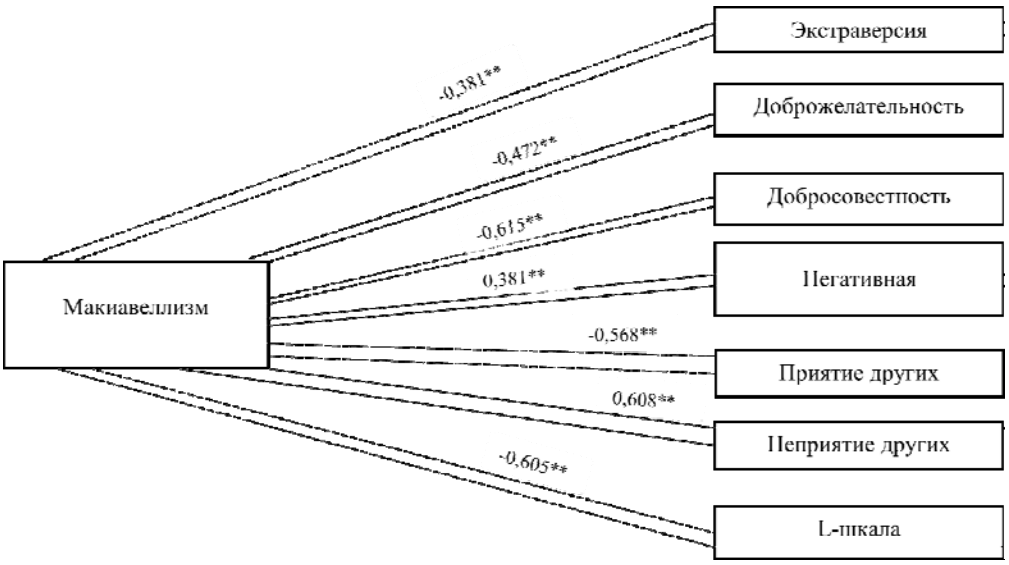

Рис. 1. Корреляционные плеяды по Спирмену черт личности и макиавеллизма у студентов IT-направлений

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают гипотезу о различиях в личностном профиле студентов IT-направлений в зависимости от уровня макиавеллизма. Наиболее важные выводы:

Макиавеллизм не связан с самоотношением. Отсутствие корреляций с приятием/неприятием себя и S-шкалой означает, что высокий макиавеллист не обязательно конфликтует с собой; его «мишень» – другие люди, а не собственная личность. Это согласуется с классической трактовкой макиавеллизма как интерперсонального феномена [1; 4].

Профиль «Большой пятерки» при высоком макиавеллизме: интроверсия + низкая доброжелательность + низкая добросовестность + высокий нейротизм. Особенно показательно сочетание низкой доброжелательности (недоверие, манипулятивность) и высокого нейротизма (эмоциональная нестабильность). Это опровергает миф о «хладнокровном» макиавеллисте: внешний контроль и расчет могут скрывать внутреннюю тревожность и уязвимость к стрессу.

Ключевой маркер – неприятие других. Самая сильная корреляция ($\rho = 0{,}608$) между макиавеллизмом и неприятием других показывает, что циничное, враждебное или инструментальное восприятие социального окружения является ядерной характеристикой высокомакиавеллистичной личности. Низкая L-шкала дополнительно указывает на сниженную социальную желательность и пренебрежение нормами взаимности.

IT-специфика. У студентов IT с высоким макиавеллизмом обнаружена также низкая экстраверсия, что может быть связано с профессиональным контекстом (индивидуальная работа, меньше потребности в широких контактах). Однако низкая добросовестность (неорганизованность) на первый взгляд противоречит требованию к системности в IT, но может компенсироваться высокой ситуативной адаптивностью.

Практические рекомендации. Для студентов с высоким макиавеллизмом целесообразны программы развития эмпатии, навыков командного взаимодействия и эмоциональной саморегуляции. Для студентов с низким макиавеллизмом – тренинги когнитивной гибкости и принятия обоснованного риска.

Заключение

В результате теоретико-эмпирического исследования подтверждено, что личностные характеристики студентов IT-направлений различаются в зависимости от уровня макиавеллизма. Высокий макиавеллизм ассоциирован с низкой доброжелательностью, низкой добросовестностью, интроверсией, высоким нейротизмом, а также с выраженным неприятием других и низким принятием других при сохранном самопринятии. Эти данные вносят вклад в понимание психологического портрета будущего IT-специалиста и могут быть использованы при разработке мер психологического сопровождения в вузе.

1. Андреева Г.М. Социальная психология. – Москва: Аспект Пресс, 2010. – 363 с.
2. Леонтьев Д.А. Психология смысла. – Москва: Смысл, 2003. – 487 с.

3. Знаков В.В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21, № 5. – С. 16–22.
4. Джоунс Д.Н., Паулхус Д.Л. Machiavellianism // Handbook of Individual Differences in Social Behavior. – NY: Guilford Press, 2009. – P. 93–108.
5. Паулхус Д.Л., Виллиамс К.М. The Dark Triad of personality // Journal of Research in Personality. – 2002. – Vol. 36. – P. 556–563.
6. Кристи Р., Гейс Ф. Studies in Machiavellianism. – NY: Academic Press, 1970. – 350 p.
7. Якобвиц С., Эган В. The dark triad and normal personality traits // Personality and Individual Differences. – 2006. – Vol. 40. – P. 331–339.
8. Сото Си.Дж., Джон О.П. The Big Five Inventory-2 // Journal of Personality and Social Psychology. – 2017. – Vol. 113. – P. 117–143.

Сведения об авторе
Е.В. Фуркало, бакалавр, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 332.1

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ КАМЧАТСКОГО КРАЯ

Н.И. Храповицкий, бакалавр

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Изучение социально-экономического состояния сельских муниципальных образований Камчатского края необходимо для выявления факторов, ограничивающих качество жизни населения и инвестиционную активность. Проведённое исследование позволяет определить проблемные зоны Новоавачинского сельского поселения, оценить результативность действующих программ и обосновать перспективные направления территориального развития, в том числе меры по совершенствованию инфраструктуры и повышению эффективности управления ресурсами региона*
Ключевые слова: *социально-экономическое развитие, муниципальное образование, сельское поселение, инфраструктура, управление, инвестиции, программы развития, Камчатский край.*

PROBLEMS AND PROSPECTS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RURAL MUNICIPALITIES OF THE KAMCHATKA TERRITORY

Abstract. *The study of the socio-economic state of rural municipalities in the Kamchatka Territory is necessary to identify factors limiting the quality of life and investment activity. The research determines problem areas of the Novoavachinskoye rural settlement, assesses the effectiveness of current programs and substantiates promising directions for territorial development.*
Keywords: *socio-economic development, municipality, rural settlement, infrastructure, management, investment, development programs, Kamchatka Territory.*

Актуальность исследования обусловлена тем, что развитие сельских муниципальных образований определяет сохранение населения, продовольственную безопасность и связанность дальневосточных территорий. Для Камчатского края это особенно значимо из-за транспортной удаленности, высоких энергозатрат, сложного климата и ограниченности бюджетов местных органов власти. При этом территории, обладающие значительным потенциалом (земельные, природные, аграрные ресурсы), нуждаются в системной государственной поддержке [1].

Цель работы — комплексная оценка состояния и перспектив социально-экономического развития сельских территорий Камчатского края на примере Новоавачинского поселения. Задачи исследования включают: анализ текущего состояния по инфраструктурным, финансовым, демографическим и управленческим показателям; проведение SWOT-анализа; оценку

эффективности действующих программ поддержки; формулировку рекомендаций по дальнейшему развитию.

Научная новизна заключается в системном подходе к оценке развития сельского поселения через сопоставление конкретных показателей состояния территории, анализа рисков и результатов реализации программных мероприятий.

Методологическая основа исследования включает системный, сравнительный, статистический и программно-целевой подходы, а также методику SWOT-анализа.

Информационная база исследования: данные администрации Новоавачинского сельского поселения, государственные программы Камчатского края, статистическая отчетность, научные публикации по вопросам регионального и муниципального развития [2].

Новоавачинское поселение представляет собой типичный пример сельской территории с противоречивым развитием. К основным преимуществам относятся: близость к административному центру края (Петропавловску-Камчатскому), наличие обширных земельных ресурсов сельскохозяйственного назначения (12,4 тыс. га). Среди ключевых проблем: высокий износ объектов ЖКХ (72%), значительная зависимость от межбюджетных трансфертов (более 65% доходной части бюджета) [3]. (Детальный анализ показателей развития представлен в таблице 1.)

Таблица 1

Ключевые показатели состояния Новоавачинского сельского поселения

Показатель	Значение	Вывод для социально-экономического развития
Площадь земель сельскохозяйственного назначения	около 12,4 тыс. га	Создает ресурсную базу для развития АПК и фермерских хозяйств
Износ коммунальной инфраструктуры	72 %	Формирует риск аварийности и требует модернизации ЖКХ
Доля межбюджетных трансфертов в доходах бюджета	более 65 %	Свидетельствует о высокой дотационной зависимости
Исполнение бюджета	97,8 %	Показывает наличие базовой управленческой дисциплины
Удовлетворенность населения управлением	52,4 %	Указывает на необходимость повышения качества обратной связи
Доля муниципальных услуг в электронной форме	28,6 %	Подтверждает недостаточный уровень цифровизации

Анализ показывает, что Новоавачинское сельское поселение демонстрирует противоречивую устойчивость: при хорошем исполнении бюджета (97,8%) сохраняется высокая дотационность и значительный износ инфраструктуры. Это указывает на несоответствие финансовых возможностей поселения его инфраструктурным потребностям.

SWOT-анализ выявил, что главные преимущества территории – выгодное географическое положение, земельные и туристские ресурсы. Однако их развитие сдерживают проблемы инфраструктуры, отток населения, слабая диверсификация экономики и низкий уровень цифровизации управления [4]. (Его результаты наглядно представлены в таблице 2.)

Таблица 2

SWOT-анализ социально-экономического развития Новоавачинского сельского поселения

Фактор	Содержание	Влияние на развитие
Сильные стороны	Близость к краевому центру; наличие сельскохозяйственных земель; природнорекреационный потенциал; стабильная эпизоотическая обстановка	Создают предпосылки для развития АПК, туризма и локального предпринимательства
Слабые стороны	Износ инфраструктуры 72 %; высокая дотационность бюджета; миграционный отток; низкая диверсификация экономики; недостаточная цифровизация	Ограничивают качество жизни, инвестиционную привлекательность и устойчивость управления

Окончание табл.2

Фактор	Содержание	Влияние на развитие
Возможности	Участие в федеральных и региональных программах; рост спроса на внутренний туризм и экологичную продукцию; развитие кооперации	Позволяют привлечь дополнительные ресурсы и расширить экономическую базу
Угрозы	Макроэкономическая нестабильность; рост стоимости ГСМ и оборудования; климатические и сейсмические риски; конкуренция за кадры	Усиливают бюджетные, инфраструктурные и кадровые риски

На основе SWOT-анализа были выделены три ключевых риска: финансовая неустойчивость, инфраструктурный коллапс и деградация человеческого капитала. Риск финансовой неустойчивости обусловлен долей трансфертов более 65 % и зависимостью от внешнего финансирования. Инфраструктурный риск связан с износом коммунальных сетей 72 %, что особенно опасно для территории с длительным отопительным периодом. Риск деградации человеческого капитала выражается в миграционном оттоке и сокращении кадровой базы, что ограничивает развитие АПК, социальной сферы и муниципального управления [5]. (Для детальной оценки этих рисков и их взаимосвязей представлена таблица 3.)

Таблица 3

Оценка ключевых рисков развития поселения

Риск	Вероятность, балл	Сила воздействия, балл	Уровень риска, балл	Интерпретация
Финансовая неустойчивость	4	5	20	Критический риск из-за высокой зависимости от трансфертов
Инфраструктур ный коллапс	3	5	15	Высокий риск из-за износа сетей и климатической нагрузки
Деградация человеческого капитала	5	4	20	Критический риск из-за устойчивого оттока населения и кадров

Оценка рисков подтверждает замечание о необходимости использования статистических и расчетных данных: наиболее проблемными являются не все направления развития одновременно, а прежде всего финансовая устойчивость и человеческий капитал, получившие по 20 баллов. Следовательно, перспективы поселения должны связываться не только с модернизацией инфраструктуры, но и с мерами по закреплению населения, созданию рабочих мест и расширению собственной доходной базы.

Для Новоавачинского сельского поселения наиболее значимыми являются Государственная программа Камчатского края «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Камчатского края» и программа «Комплексное развитие сельских территорий». Первая направлена на повышение конкурентоспособности агропромышленного комплекса, поддержку производства овощей и картофеля, обновление материально-технической базы и создание рабочих мест. Вторая ориентирована на улучшение жилищных условий, развитие социальной и инженерной инфраструктуры, благоустройство и повышение качества жизни сельского населения [6]. (Для детального ознакомления с полным перечнем действующих программ и проектов, влияющих на развитие сельских территорий Камчатского края, представлена таблица 4.)

Таблица 4

Программы и проекты развития, влияющие на сельские территории Камчатского края

Программа	Уровень	Целевые направления для поселения	Объем финансирования, млн руб.
Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Камчатского края	Региональный	Производство овощей и картофеля, модернизация АПК, создание рабочих мест	163,4 на 2023-2027 гг.; привлечено 98,7 за 2023-2025 гг.
Комплексное развитие сельских территорий	Федеральный	Жилье для работников АПК и социальной сферы, благоустройство, ремонт социальной инфраструктуры	89,2 на 20232027 гг.

Эффективность реализации программ оценивалась через сопоставление плановых и фактических значений ключевых показателей. Программа в целом реализуется эффективно, однако не все показатели достигнуты в полном объеме. Производство овощей защищенного грунта превысило план: 1318 т против 1250 т, что соответствует выполнению на 105,4 %. Производство картофеля оказалось немного ниже планового значения: 2744 т против 2800 т, или 98,0 %. Наиболее проблемным показателем стало создание рабочих мест: фактически создано 9 рабочих мест при плане 12, то есть 75,0 % [7]. (Для детального анализа показателей реализации программы развития сельского хозяйства представлена таблица 5, содержащая количественные данные по всем ключевым направлениям.)

Таблица 5

Оценка выполнения программы развития сельского хозяйства

Показатель	План	Факт	Коэффициент выполнения	Вывод
Производство овощей защищенного грунта, т	1250	1318	105,4 %	План перевыполнен
Производство картофеля, т	2800	2744	98,0 %	Показатель близок к плану
Создано новых рабочих мест в АПК, ед.	12	9	75,0 %	Требуется усиление кадрового эффекта
Интегральный коэффициент эффективности	-	-	0,967	Программа реализуется результативно

По программе комплексного развития сельских территорий интегральный коэффициент эффективности составил 0,834. Данный результат можно оценивать, как средний: отдельные мероприятия выполнены полностью, но ключевой социальный показатель по вводу жилья не достиг планового уровня. Ввод жилья для работников АПК и социальной сферы составил 160 кв. м при плане 240 кв. м, то есть 66,7 %. При этом благоустройство общественных территорий и ремонт объектов социальной инфраструктуры выполнены на 100 %, а освоение бюджетных средств составило 48,9 млн руб. при плане 52,4 млн руб., или 93,3 %. Следовательно, программа имеет положительный эффект для территории, но ее реализация ограничена по наиболее капиталоемким направлениям [8]. (Для детального анализа показателей реализации программы представлена таблица 6.)

Таблица 6

Оценка выполнения мероприятий комплексного развития сельских территорий

Показатель	План	Факт	Достижение	Вывод
Ввод жилья для работников АПК и социальной сферы, кв. м	240	160	66,7 %	Показатель не достигнут
Благоустройство общественных территорий, ед.	1	1	100,0 %	Выполнено

Окончание табл. 6

Показатель	План	Факт	Достижение	Вывод
Ремонт объектов социальной инфраструктуры, ед.	1	1	100,0 %	Выполнено
Освоение бюджетных средств, млн руб.	52,4	48,9	93,3 %	Освоение высокое, но неполное
Интегральный коэффициент эффективности	-	-	0,834	Средняя результативность

Результаты исследования демонстрируют, что программная поддержка выступает ключевым инструментом развития Новоавачинского сельского поселения. В агропромышленном секторе достигнуты существенные успехи, однако сохраняются проблемы с человеческим капиталом. Развитие поселения должно сосредоточиться на модернизации коммунальной инфраструктуры с износом 72%, расширении агропромышленного комплекса, развитии сельского и экологического туризма, повышении уровня цифровизации управления (сейчас — 28,6%). Практические выводы указывают на необходимость первоочередной модернизации инфраструктуры, усиления мер по закреплению кадров и обеспечению жильём, развития малого бизнеса и туристической сферы. Анализ подтверждает, что сельские территории Камчатского края сохраняют потенциал развития при условии системной поддержки. эффективность 0,967, а программа комплексного развития сельских территорий — 0,834. Устойчивое развитие требует сочетания программной поддержки с повышением внутренней устойчивости территории, что позволит улучшить качество жизни населения и снизить зависимость от внешних факторов.

1. Торгашев Р.Е. Социально-экономическое развитие территорий: теория и практика. – Москва: Инфра-М, 2021. – 215 с.
2. Гапоненко А.Л. Региональная экономика и управление. – Москва: Юрайт, 2022. – 165 с.
3. Шумпетер Й. Теория экономического развития. – Москва: Эксмо, 2019. – 480 с.
4. Сидорова А.А. Муниципальное управление и развитие территорий // Региональная экономика. – 2023. – № 4. – С. 52–59.
5. Макар С.В. Управление рисками социально-экономического развития территорий. – Санкт-Петербург: Питер, 2022. – 245 с.
6. Государственная программа Камчатского края «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Камчатского края» Текст: электронный. – URL: https://www.kamgov.ru.
7. Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» Текст: электронный. – URL: https://mcx.gov.ru.
8. Материалы администрации Новоавачинского сельского поселения Елизовского муниципального района Камчатского края за 2023–2025 гг.
9. Вифлянцева Е.А. Цифровизация муниципального управления в России // Государственное и муниципальное управление. – 2022. – № 3. – С. 66–72.
10. Полыгалов Г.В. Экономическая устойчивость муниципальных образований // Экономика региона. – 2021. – № 2. – С. 41–49.

Сведения об авторе
Н.И. Храповицкий , бакалавр, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 338.2

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ

А.А. Храпонова, Г.В. Ченцов, бакалавры

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье проведён комплексный анализ механизмов реализации государственной политики в социально-экономической сфере Приморского края. На основе данных сводного доклада за 2024 год выявлены ключевые тенденции финансирования и результативности, а также определены системные барьеры, препятствующие достижению плановых показателей. Целью исследования является оценка государственных программ как основного инструмента региональной политики и обоснование необходимости институциональных изменений для преодоления разрыва между высоким кассовым исполнением и умеренной итоговой эффективностью*

Ключевые слова: *государственная политика, Приморский край, государственные программы, мастер-план, инвестиции, социально-экономическое развитие, эффективность.*

IMPLEMENTATION OF STATE POLICY IN THE SOCIOECONOMIC SPHERE OF PRIMORSKY KRAI: EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF STATE PROGRAMS

Abstract. *The article provides a comprehensive analysis of the mechanisms for implementing state policy in the socio-economic sphere of Primorsky Krai. Based on the data from the 2024 consolidated report, the key trends in funding and performance are identified, and systemic barriers that hinder the achievement of planned indicators are identified. The purpose of the study is to evaluate state programs as the main tool of regional policy and to justify the need for institutional changes to bridge the gap between high cash execution and moderate overall effectiveness.*

Keywords*: public policy, Primorsky Krai, public programs, master plan, investments, socioeconomic development, efficiency.*

Реализация государственной политики в социально-экономической сфере является одним из ключевых направлений деятельности органов публичной власти в Российской Федерации. Для регионов Дальневосточного федерального округа данная задача приобретает особую значимость в силу их стратегического геополитического положения, значительного ресурсного потенциала и исторически сложившейся периферийности относительно общероссийских центров экономической активности.

Приморский край занимает особое место в данном контексте: являясь лидером ДФО по численности населения (около 30 процентов от общей численности округа) и объёму экономической активности, он одновременно сталкивается с комплексом системных вызовов – демографическим оттоком, дефицитом городской инфраструктуры и ограничениями, накладываемыми муссонным климатом на реализацию капиталоёмких проектов [1].

Актуальность исследования определяется тем, что, несмотря на значительный объём государственных инвестиций в социально-экономическую сферу края, разрыв между плановыми показателями и реально достигнутыми результатами сохраняется на протяжении ряда лет. Анализ механизмов и результатов реализации государственной политики позволяет выявить причины данного разрыва и сформулировать предложения по его устранению.

Цель исследования – провести оценку эффективности реализации государственных программ Приморского края как основного инструмента государственной политики в социально-экономической сфере и выявить системные ограничения, препятствующие достижению плановых показателей.

Для достижения цели решались следующие задачи: анализ финансового обеспечения государственных программ в динамике; оценка показателей кассового исполнения и эффектив-

ности в разрезе отдельных программ; выявление системных причин разрыва между исполнением и результативностью; анализ реализации мастер-планов городов Приморского края как инструмента территориально адресной политики.

Методы исследования: статистический анализ, метод динамических рядов, сравнительный анализ, программно-целевой метод, анализ документов органов исполнительной власти.

Эмпирическую базу исследования составили сводный годовой доклад об оценке эффективности государственных программ Приморского края за 2024 год [2], данные Информационной системы управления проектами (ИСУП) [3], материалы Министерства экономического развития Приморского края [4].

Основным инструментом реализации государственной политики в социально-экономической сфере Приморского края является система из 20 государственных программ, охватывающих все ключевые отрасли жизнеобеспечения региона от здравоохранения и образования до транспорта, энергетики и лесного хозяйства. В 2024 году совокупный плановый объём их финансирования составил 262,8 млрд рублей при фактическом кассовом исполнении 96,9 процента — 254,9 млрд рублей [2].

Анализ структуры финансирования в динамике за 2022-2024 годы выявил принципиальное перераспределение источников (таблица 1).

Таблица 1

Динамика структуры финансирования государственных программ Приморского края по источникам за 2022-2024 годы

Источник	2022, млн руб.	Доля, %	2023 млн руб.	Доля, %	2024 млн руб.	Доля, %
Краевой бюджет	147 297,4	66,8	168 871,4	71,7	204 488,3	77,8
Федеральный бюджет	44 688,8	20,3	37 362,9	15,9	28 085,8	10,7
Внебюджетные фонды	25 793,2	11,7	27 562,5	11,7	30 079,6	11,5
Иные источники	2723,7	1,2	1651,4	0,7	162,2	0,1
Итого	220 503,4	100	235 448,3	100	262 815,9	100

Ключевой тенденцией является сокращение доли федерального бюджета почти вдвое – с 20,3 до 10,7 процента – при опережающем росте краевого финансирования. Данная тенденция, с одной стороны, свидетельствует о повышении финансовой самостоятельности региона, с другой – повышает чувствительность системы государственных программ к состоянию собственных доходов краевого бюджета и формирует риски недофинансирования при ухудшении экономической конъюнктуры [4].

Оценка эффективности государственных программ по итогам 2024 года выявила существенную дифференциацию результатов. Средний уровень эффективности по системе составил 91,8 процента: 12 программ признаны эффективными, 8 – недостаточно эффективными. Анализ соотношения кассового исполнения и эффективности по ключевым программам представлен в таблице 2. Данные таблицы 2 выявляют устойчивую закономерность, которую авторы определяют, как «парадокс капиталоёмких программ»: программы, связанные преимущественно с капитальным строительством (здравоохранение, жильё и ЖКХ, транспорт), при высоком уровне кассового исполнения демонстрируют наиболее низкую эффективность. Напротив, программы с преобладанием трансфертных платежей населению и программы благоустройства обеспечивают наивысшие показатели эффективности при сопоставимом уровне исполнения.

Таблица 2

Сопоставление кассового исполнения и эффективности ключевых государственных программ Приморского края в 2024 году

Государственная программа	Факт, млн руб.	Исполнение, %	Эффективность, %	Оценка
Развитие здравоохранения	66 138,6	98,6	86,9	Ниже среднего
Развитие образования	47 079,5	97,4	91,9	Выше среднего
Социальная поддержка населения	31 768,9	99,2	95,6	Выше среднего
Обеспечение доступным жильём и ЖКХ	29 645,9	92,5	85,3	Ниже среднего
Развитие транспортного комплекса	24 431,9	91,8	81,0	Ниже среднего
Экономическое развитие	15 753,4	99,8	97,1	Высокая
Физическая культура и спорт	6 214,9	94,7	94,5	Выше среднего
Современная городская среда	3 183,1	98,5	96,2	Высокая

Причиной данного парадокса является разрыв между освоением бюджетных средств и достижением целевых показателей в капиталоёмких отраслях. Наиболее характерный пример – государственная программа «Развитие здравоохранения»: при 98,6 процента кассового исполнения её эффективность составила лишь 86,9 процента, поскольку строительство краевой клинической инфекционной больницы на 400 коек во Владивостоке остаётся незавершённым, что блокирует достижение ряда целевых показателей [2].

Системным фактором, определяющим данную закономерность, является ограниченность строительного сезона в условиях муссонного климата Приморья в сочетании с хроническим отставанием в подготовке проектно-сметной документации. По данным ИСУП, уровень контрактации по мастер-планам шести городов края – Владивостока, Уссурийска, Находки, Артёма, Арсеньева и Большого Камня – по состоянию на сентябрь 2025 года составлял в среднем 42,3 процента при общем объёме финансирования на 2025-2027 годы в 38,97 млрд рублей. При этом основной причиной незаключённости контрактов в 56 процентах случаев является отсутствие утверждённой проектно-сметной документации.

Сравнительный анализ уровня контрактации по городам выявляет значительную дифференциацию управленческих результатов. Артём демонстрирует наивысший показатель – 68 процентов к сентябрю 2025 года, – что обусловлено минимальной зависимостью от федеральных трансфертов (2,2 процента в структуре финансирования) и компактным портфелем мероприятий. На противоположном полюсе находится Большой Камень с регрессом контрактации с 27,3 до 20,0 процента при наибольшей доле федерального финансирования (61,8 процента). Данная зависимость свидетельствует о том, что высокая доля федеральных средств в структуре мастер-плана, требующих многоуровневых согласований, является одним из ключевых барьеров для оперативной контрактации [3].

Важным аспектом реализации государственной политики является динамика мероприятий государственных программ. В 2024 году к исполнению запланировано 990 мероприятий (против 958 в 2023 году), из которых в полном объёме выполнено 747, выполнено не в полном объёме – 157, не реализовано – 55. Позитивной тенденцией является снижение числа полностью нереализованных мероприятий – с 84 в 2023 году до 55 в 2024 году, то есть на 34,5 процента [2].

По результатам проведённого исследования сформулированы следующие выводы.

Во-первых, система государственных программ Приморского края обеспечивает высокий уровень кассового исполнения (96,9 процента) при умеренной средней эффективности (91,8

процента). Разрыв между данными показателями в 5,1 процентного пункта носит структурный характер и концентрируется в капиталоёмких отраслях.

Во-вторых, выявленный «парадокс капиталоёмких программ» обусловлен системными причинами: ограниченностью строительного сезона, отставанием в разработке проектно-сметной документации и недостаточной управленческой компетентностью муниципальных заказчиков. Устранение данных причин требует институциональных мер — введения персональной ответственности за своевременную подготовку ПСД и расширения практики цифрового мониторинга через ИСУП.

В-третьих, выявленная тенденция снижения доли федерального финансирования с 20,3 до 10,7 процента за 2022–2024 годы формирует риск концентрации финансовой ответственности на краевом уровне при сохранении прежних целевых показателей, что требует диверсификации источников финансирования через механизмы государственно-частного партнёрства и дальневосточной концессии.

В-четвёртых, опыт Артёма как города с наивысшим уровнем контрактации по мастер-плану демонстрирует, что компактный портфель мероприятий с преобладанием краевого финансирования и сильная муниципальная команда способны обеспечить результаты, кратно превышающие средние по краю. Данная практика заслуживает тиражирования на другие муниципальные образования посредством целенаправленного обучения команд и институционального сопровождения.

Анализ эффективности реализации государственных программ в Приморском крае выявил системное противоречие между высоким кассовым исполнением и умеренной результативностью госпрограмм в Приморском крае. Эффективность концентрируется в отраслях с трансфертными платежами, тогда как капиталоёмкие сферы демонстрируют разрыв между освоением средств и достижением показателей. Этот разрыв обусловлен климатическими ограничениями, отставанием в подготовке документации и зависимостью от федерального финансирования. Таким образом, эффективность системы госпрограмм в регионе определяется не столько объёмом инвестиций, сколько качеством управления проектным циклом и способностью преодолевать структурные барьеры на пути от финансирования к реальным результатам.

1. Стратегия социально-экономического развития Приморского края до 2030 года: Постановление Администрации Приморского края от 28.12.2018 № 668-па Текст: электронный. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2500201812290008.

2. Министерство экономического развития Приморского края. Сводный годовой доклад о ходе реализации и об оценке эффективности государственных программ Приморского края за 2024 год Текст: электронный. — URL: https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/gosudarstvennye-programmy/.

3. Инвестиционный портал Приморского края. Информационная система управления проектами Текст: электронный. — URL: https://invest.primorsky.ru/.

4. Министерство экономического развития Приморского края. Основные итоги социально-экономического развития Приморского края за 2024 год Текст: электронный. – URL: https://primorsky.ru/upload/medialibrary/c54/xpes0scrkj6o8bo7igjjgfgwm33nbod6.pdf.

Сведения об авторах

А.А.Храпонова, Г.В. Ченцов, бакалавры, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 7.01

МНОГОУРОВНЕВАЯ ЦЕННОСТНАЯ СТРУКТУРА БУМАЖНЫХ ИСТОЧНИКОВ В КИТАЙСКОМ ТРАДИЦИОННОМ ИСКУССТВЕ

Цзюй Чжо, аспирант

Тихоокеанский государственный университет
Хабаровск, Россия

Аннотация. *Статья посвящена исследованию многоуровневой ценностной структуры бумажных источников в китайском традиционном искусстве. Бумага, изобретённая в Китае и получившая широкое распространение в период династии Хань, являлась утилитарным материалом, обладая культурным, эстетическим, философским, сакральным смыслом. Семиотический анализ, используемый в рамках методологии комплексного подхода, обеспечивает историко-культурную реконструкцию и феноменологическую интерпретацию материальной культуры в границах от династии Хань до эпохи Цин*

Ключевые слова: *бумага, китайское традиционное искусство, гохуа, каллиграфия, ценностная структура, материальная культура, эстетика, семиотика.*

MULTILEVEL VALUE STRUCTURE OF PAPER SOURCES IN CHINESE TRADITIONAL ART

Abstract. *The article is devoted to the study of the multilevel value structure of paper sources in Chinese traditional art. Paper, invented in China and widely used during the Han Dynasty, was a utilitarian material with cultural, aesthetic, philosophical, and sacred meanings. Semiotic analysis, used within the framework of the methodology of an integrated approach, provides historical and cultural reconstruction and phenomenological interpretation of material culture within the boundaries from the Han Dynasty to the Qing era*

Keywords: *paper, Chinese traditional art, Guohua, calligraphy, value structure, material culture, aesthetics, semiotics*

Введение. Бумага, по общепринятым данным, изобретенная Цай Лунем в 105 году н.э., рассматривается как одно из фундаментальных оснований развития китайского традиционного искусства. Он вытеснила из обращения бамбуковые пластины и шёлк в качестве основного носителя письма, изменив облик онтологические основания и ценностные приоритеты китайского искусства [26, с. 1–40]. Бумага стала инструментом, объединившим в единое целое технологию, философию, эстетику и практику, определив культурное пространство, не имеющее аналогов в истории мирового искусства.

Актуальность. Изучение ценностной структуры бумажных источников представляет интерес для современного искусствознания, поскольку в европейской академической традиции материальный носитель произведения часто воспринимается как вторичный по отношению к художественному образу, а в китайской практике материал обладает самостоятельной художественной нагрузкой и является частью художественного высказывания [21, 1985, с. 10–25]. Бумажные источники в китайской традиции существуют как: технологический продукт, произведение искусства, сакральный объект и носитель культурной памяти [Лотман, 2000, с. 165–176].

Цель исследования – описание ценностной структуры бумажных источников, определяемых технологически, эстетически, философски, социально и сакрально.

Методология исследования определена феноменологическим подходом и составлена на основании историко-культурного и семиотического анализа [19; Kopytoff, 1986].

Источниковой базой исследования являются китайские труды: «Тяньгун кайу» Сун Инсина, «Чжи пу» Су Игань, работы Дун Цичана и Се Хэ.

Учитывая данные археологических изысканий (фрагменты произведений на бумажных носителях, найденные в Дуньхуане и Лобноре), можно полагать, что бумага была известна в Китае еще во времена Западной Хань. Тем не менее, история китайского искусства упоминает создание бумаги, как связанное с именем Цай Луня (эпоха Поздняя Хань), предложившего в 105 году н. э. изготавливать бумагу из древесной коры и пеньки [29, с. 1–35]. Эпоха Восточная Цзинь (317–420 н. э.) изучается как период развития искусства, соотносящего качество бумаги с типом художественного произведения. Это подтверждают тексты, приписываемые крупнейшему каллиграфу Ван Сичжи (303–361 н. э.), с указанием на конкретные сорта бумаги [18, 1997, с. 88–102].

Эпоха Тан (618–907 н. э.), будучи периодом расцветом китайской художественной культуры, обеспечила расширение бумажного производства. Государственные мастерские, частные предприятия производили разные сорта бумаги, ориентируясь на художественные задачи. Это позволило описать типологию бумажного производства, основанную на сырье и технологиях создания бумаги [14, 2012, с. 45–89].

История происхождения бумаги сюаньчжи (宣紙), производимой в уезде Сюань провинции Аньхой, раскрывает процесс создания материала для рисунка тушью и каллиграфии. Эпоха Сун (960–1279 н. э.) стала временем осмыслении ценности бумаги как художественного материала, распространения декорированных видов бумаги цзянь (箋), впоследствии опреде-

ливших самостоятельное явление искусства. Эстетика вэньжэньхуа, основанная значимостью духовного содержания произведения, обозначаемого понятием ци (氣, жизненная сила), обеспечила активность материального носителя, как участника художественного процесса, способного содействовать, или препятствовать выражению духовного содержания [8, с. 112–140].

Постепенное расширение рынка художественных товаров во времена эпохи Мин (1368–1644 н. э.) свидетельствует, что качественная бумага стала предметом коллекционирования наравне с живописью и каллиграфией [22, 1994, с. 65–90]. Трактаты эпохи Мин («Чжи пу» Су Игань, разделы «Тяньгун кайу» Сун Инсина) свидетельствуют о высоком уровне теоретической рефлексии по отношению к сортовой бумаге [6, с. 210–245].

Эпоха Цин (1644–1912 н. э.) определила культ бумаги, создаваемой для мастерских Жуй Юань. В этом периоде усилился интерес коллекционеров к «старой бумаге» (гу чжи, 古紙 как бумаге эпох Тан и Сун), которая будучи предметом собирательства, ценилась за уникальные физические свойства [15, с. 156–178].

Для понимания эстетической ценности бумаги значимым является понятие «отклика материала», описывающегося с помощью категории «инь» (應, отзываться) отношения художника с материалом. В отличие от европейской традиции, полагающей художника активным, воплощающим замысел в пассивном материале, китайская философия рассматривает эти отношения как диалог [13, с. 45–67]. Бумага, тушь, кисть и художник образовывают ансамбль, в котором каждый элемент самостоятелен.

Эта идея соответствует концепции юнь (韻, рифма, резонанс), использующей категорию юнь, ранее известную в каллиграфии и живописи эпохи Сун, для осмысления свойств бумаги [1, с. 43–58]. Бумага описывалась как обладающая собственным «резонансом», определяющим диалог с художником. В соответствии с данной концепцией существует специальная терминология, определяющая качества бумаги:

- бай (白, белизна), напоминающая даосскую концепцию пустоты (сюй, 虛) и не-деяния (у-вэй, 無為), предлагающая воспринимать белизну, как пространство, в котором Не-бытие переходит в Бытие [3, с. 76–78]. Поэтому сортовая бумага, обладающая различными оттенками белизны, воспринимается как эстетически значимая;

- жоу (柔, мягкость), гань (剛,упругость), сочетание которых обеспечивает качество бумаги, также, напоминает о фундаментальной даосской концепции взаимодействия мягкого и твёрдого начал [11, с. 312–345];

- шэн (生,сырость), шу (熟,зрелость) определяют уровень проклейки бумаги, необработанная бумага обеспечивает эффекты текучести, а проклеенные листы позволяют создавать тонкие линейные детали. Отчасти эти различия объясняют письмо в духе «спонтанного выражения» (сеи, 寫意), и шу чжи, применяемое для работ в духе гунби (工筆) [27, с. 34–56];

- цзю (舊, старина), как старение бумаги, придавало ей дополнительную ценность, поскольку Пожелтение, изменение фактуры под воздействием времени описывалось как «гу и» (古意, дух древности), признавалось эстетически желанным качеством [9, с. 445–460].

Для работ в области каллиграфии бумага оценивалась с помощью понятия «ди» (地, почва, основание), определяемого основанием для фиксации высказывания. Метафора предполагала, что бумага, подобна земле для растения [18, с. 210–240]. Кроме того, взаимодействие кисти и бумаги определялось понятием «цзинь» (勁, упругая сила линии), поскольку избыточное впитывание обеспечивало вялые линии, а излишне гладкая бумага лишала её четкости. Поэтому бумага с правильным балансом технических качеств позволяла полностью реализовать творческий опыт [25, с. 88–112]. Не только уровень поверхностного натяжения бумаги обеспечивал взаимодействие туши и волокна: понятие «чернильные игры» (мо си, 墨戲), объясняло текучесть туши, возможность создания ореолов, размывов (эффект «хуа», 化), ценящиеся как визуальное воплощение идеи непостоянства, восходящей концепциям даосизма и буддизма [8, с. 198–220].

Бумага, используемая для произведений в жанре гохуа, выполняла функцию, отличную от роли холста в европейской живописи, т.к. оставалась видимой в областях, не тронутых кистью [20, с. 112–145]. Эта особенность свидетельствует о принятии художниками принципа «люй бай дан хэй» (留白當黑, оставленное белым равно чёрному), согласно которому пустое пространство листа эстетически равноценно заполненному.

Белизна бумаги воплощала категорию «сюй» (虛, пустота, потенциальность), как одну из позиций даосизма [3, с. 54]. «Живая белизна» (хо бай, 活白), создаваемая тонкой текстурой волокон, противопоставлялась «мёртвой белизне» (сы бай, 死白) равномерно отбеленной бумаги как эстетически неприемлемой [7, с. 88–104].

Согласно классической китайской концепции, сформировавшейся ко времени эпохи Сун, художественная практика обеспечивалась «четырьмя сокровищами кабинета учёного» (文房四寶, вэньфан сыбао): кистью, тушью, тушечницей и бумагой. Этим объяснялась зависимость художественных практик от понимания конфуцианского идеала образованного человека (цзюньцзы, 君子) [24, с. 134–156].

Согласно данной концепции, бумага олицетворяла восприимчивость, открытость, способность к сохранению памяти, данных. В конфуцианской этике такие качества учитывались наравне с фундаментальными добродетелями, что объясняет почтительное отношение к бумаге: традиция «惜字紙» (сицзычжи) запрещала небрежное обращение с исписанной бумагой. Специальные печи для её сожжения (惜字亭) размещались только при храмах и в так называемых «учёных кварталах» [11, с. 418–425].

В рамках этической концепции даосизма бумага осмысливалась как продукт трансформации природного материала, прошедшего последовательные превращения: от живого дерева до бумажного листа. Этот процесс рассматривался как путь от «грубого» (чжи, 質) к «тонкому» (цзин, 精), от непросветлённой материи к очищенной материи [11, с. 256–278].

Концепция «ци юнь шэн дун» (氣韻生動, жизненная динамика духовного резонанса), первый из «Шести законов живописи» Се Хэ (V век н. э.), описывает качество произведения, позволяющее видеть в изображении не след кисти, а живое движение духа художника [Се Хэ, 1994, с. 3–8]. В этом контексте бумага оценивается как медиум, передающий это движение сквозь время. Поэтому каллиграфические работы воспринимаются как духовные встречи зрителя с ушедшим мастером.

Китайские коллекционеры наносили на произведения свои «печати собственности» (цзандин инь, 鑒定印) — не столько как знаки владения, сколько как свидетельства культурной встречи с живым духом мастера [22, с. 120–145]. Произведение с многочисленными печатями уважаемых коллекционеров превращалось в летопись культурных передач духовного опыта.

В китайском традиционном обществе качество бумаги считалось маркером социального статуса, что было закреплено в нормативных текстах, определявших этику письменных коммуникаций [9, с. 512–530]:

- на высшем уровне находилась «императорская бумага» (御紙, юй чжи) — бумага, специально изготовленная для нужд двора с применением редких материалов. Получение листа императорской бумаги само по себе было знаком высочайшей милости [Ли Шаочи, 2008, с. 88–110];
- «народная» бумага представлял собой средство художественного манифеста о том, что мастерство не зависит от качества материала [22, с. 88–100].

В системе культурных обменов качественная бумага занимала особое место, будучи предметом дарения среди образованных людей. Дарение редкого сорта бумаги было знаком особого уважения и культурной близости: оно предполагало, что даритель осведомлён об утонченных вкусах получателя [11, с. 398–412].

К эпохе Цин сложилась практика экспертизы бумаги («чжи цзянь» 紙鑒), определившая авторитеты на художественном рынке [15, с. 178–200] и свидетельствующая о том, что бумага рассматривалась как ценностный объект экспертизы. Наряду с художественными функциями бумага в китайской традиции обладала глубоким сакральным смыслом и использовалась в ритуалах даосизма, буддизма и народных верований. Наиболее известной формой ритуального использования является сожженея «жертвенной бумаги» (紙錢, чжицянь) в виде бумажных денег и предметов, предназначенных для умерших предков. Эта практика, восходящая к эпохе Тан, основывалась на представлении о том, что сожжённые бумажные предметы переходят в потусторонний мир [11, с. 504–520].

Таким образом, можно полагать, что с точки зрения исторического подхода бумажные источники представляют уникальный тип свидетельств, в котором материальная и текстуальная информация неразделимы. Каждый лист несёт информацию как в форме нанесённого текста, так и в форме физических характеристик [29, с. 45–78]. Подводя итог, можно представить

структурную модель многоуровневого ценностного пространства бумаги в китайском традиционном искусстве, подразумевающую пять уровней:

- технологический, связывающий ценности с физическими свойствами и технологией производства. Здесь бумага оценивается по критериям функциональности, качества, долговечности и соответствия художественному назначению [17, 2005, с. 12–45];
- эстетический, подразумевающий ценности, связанные с художественными свойствами бумаги. На этом уровне белизна прочитывается как воплощение философской пустоты, фактура поверхности, как диалог с жизненной силой художника [13, с. 67–89];
- семиотический, описывающий знаковые и символические функции бумаги, т.к. она является носителем культурной памяти, маркером социального статуса, символом конфуцианской образованности и даосской природности [10, с. 165–190];
- сакральный, представляющий ценности, связанные с религиозными и ритуальными функциями. На этом уровне бумага является медиумом между мирами и объектом ритуального почитания [12, с. 178–200];
- исторический, подразумевающий ценности, связанные с бумагой как носителем исторической памяти. Старение воспринимается не как деградация, но как обогащение — накопление «патины времени», превращающей утилитарный материал в культурную реликвию [23, с. 66–91].

Заключение

Взаимодействие уровней образует целостное ценностное пространство. Полная характеристика бумажного источника в китайском искусстве должна охватывать все пять уровней. Такая задача требует сочетания технических, искусствоведческих, философских, религиоведческих и исторических компетенций. Перспективы дальнейшего исследования подразумевают анализ корпуса китайских теоретических текстов о бумаге, значительная часть которых не введена в широкий научный оборот; развитие методов физико-химического анализа для историко-художественной реконструкции; а также исследование современных практик работы с традиционной бумагой, как в контексте традиционного искусства, так и в контексте современного художественного процесса.

1. Го Жосюй. Тухуа цзяньвэньчжи (圖畫見聞誌). – Пекин: Жэньминь мэйшу чубаньшэ, 1963. – 198 с.
2. Дун Цичан. Хуачань ши суйби (畫禪室隨筆). – Шанхай: Шанхай жэньминь мэйшу чубаньшэ, 1981. – 246 с.
3. Лаоцзы. Дао дэ цзин / пер. с кит. Л. Д. Позднеевой. – Москва: Мысль, 1990. – 176 с.
4. Се Хэ. Гухуапинлу (古畫品錄) // Хуапинь цунку / сост. Юй Аньлань. – Пекин: Жэньминь мэйшу чубаньшэ, 1994. – С. 1–12.
5. Су Игань. Чжи пу (紙譜) // Байчуань сюэхай. – Шанхай, 1920. – Т. 3. – С. 1–24.
6. Сун Инсин. Тяньгун кайу (天工開物) . – Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1978. – 374 с.
7. Виноградова Н. А. Китайская пейзажная живопись. – Москва: Изобразительное искусство, 1972. – 160 с.
8. Завадская Е. В. Эстетические проблемы живописи старого Китая. – Москва: Искусство, 1975. – 440 с.
9. Кравцова М. Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая. – Санкт-Петербург: Лань, 2004. – 960 с.
10. Лотман Ю. М. Семиосфера. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
11. Малявин В. В. Китайская цивилизация. – Москва: АСТ, 2000. –632 с.
12. Позднеева Л. Д. Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая. – Москва: Наука, 1967. – 400 с.
13. Роули Дж. Принципы китайской живописи / пер. с англ. В. В. Малявина. – Москва: Наука, 1989. – 158 с.
14. Ван Бочэн. Чжунго гудай чжи яньцзю (中國古代紙研究). – Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2012. – 398 с.
15. Ли Шаочи. Сюаньчжи яньцзю (宣紙研究). – Хэфэй: Аньхой мэйшу чубаньшэ, 2008. – 256 с.
16. Фань Цзинъи. Дуньхуан шухуа (敦煌書畫). – Ланьчжоу: Ганьсу жэньминь мэйшу чубаньшэ, 2000. – 412 с.
17. Цай Жунчан. Чжунго чуаньтун чжицзо гунъи яньцзю (中國傳統製紙工藝研究). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2005. – 318 с.

18. Чэнь Чжилян. Чжунго шуфа мэйсюэ ши (中國書法美學史). – Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1997. – 524 с.
19. Appadurai A. The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 329 p.
20. Three Thousand Years of Chinese Painting / R. M. Barnhart [et al.]. - New Haven: Yale University Press, 1997. – 402 p.
21. Bush S., Shih H. Early Chinese Texts on Painting. – Cambridge: Harvard University Press, 1985. – 398 p.
22. Cahill J. The Painter's Practice: How Artists Lived and Worked in Traditional China. – New York: Columbia University Press, 1994. – 210 p.
23. Kopytoff I. The Cultural Biography of Things // The Social Life of Things / ed. A. Appadurai. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – P. 64–91.
24. Ledderose L. Ten Thousand Things: Module and Mass Production in Chinese Art. – Princeton: Princeton University Press, 2000. – 260 p.
25. McNair A. The Upright Brush: Yan Zhenqing's Calligraphy and Song Literati Politics. – Honolulu: University of Hawaii Press, 1998. – 296 p.
26. Needham J. Science and Civilisation in China. Vol. 5, Part 1: Paper and Printing. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – 470 p.
27. Silbergeld J. Chinese Painting Style: Media, Methods and Principles of Form. – Seattle : University of Washington Press, 1982. – 111 p.
28. Sullivan M. The Arts of China / M. Sullivan. - Berkeley: University of California Press, 2008. – 336 p.
29. Tsien T.-H. Written on Bamboo and Silk: The Beginnings of Chinese Books and Inscriptions. – Chicago: University of Chicago Press, 2004. – 270 p.
30. Watt J. C. Y. The Art of the Book in China. – New York: Metropolitan Museum of Art, 1984. – 198 p.
31. Wen Fong. Beyond Representation: Chinese Painting and Calligraphy, 8th–14th Century. – New York: Metropolitan Museum of Art, 1992. – 540 p.

Сведения об авторе
Цзюй Чжо, аспирант, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск, Россия

УДК 332.14

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СТУДЕНЧЕСКОГО ТУРИЗМА НА ПРИМЕРЕ ФГБОУ ВО «ВВГУ»

А.А. Цитцер, бакалавр

В.Г. Ден, канд. культурологии, доцент кафедры туризма и гостинично-ресторанного бизнеса

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Студенческий туризм в России является динамично развивающейся сферой, получающей значительную поддержку на государственном уровне. Благодаря программе «Студенческий туризм» у обучающихся появляются возможности не только для получения знаний, но и для культурного обмена, а также установления социальных контактов. В контексте глобализации образования российские университеты активно реализуют проекты в сфере студенческого туризма, способствующие расширению кругозора и формированию профессиональных навыков. В данной статье исследуются ключевые аспекты и инфраструктура развития студенческого туризма на примере ФГБОУ ВО «ВВГУ».*

Ключевые слова: *студенческий туризм, инфраструктура, университет, студенческий туризм, молодежь.*

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF STUDENT TOURISM ON THE EXAMPLE OF THE VLADIVOSTOK STATE UNIVERSITY

Abstract. *Student tourism in Russia is a dynamically developing field that receives significant support at the state level. Thanks to the Student Tourism program, students have opportunities not only to gain knowledge, but also for cultural exchange, as well as establishing social contacts. In the context of the globalization*

of education, Russian universities are actively implementing projects in the field of student tourism, contributing to the expansion of horizons and the formation of professional skills. This article examines the key aspects and infrastructure of student tourism development using the example of the Vladivostok State University.
Keywords: *student tourism, infrastructure, university, tourism, youth.*

Введение. Студенческий туризм представляет собой важный сегмент туристической отрасли, который не только способствует обмену культурным опытом, но и формирует новые социальные связи среди молодежи. Приморский край, с его уникальным географическим положением и богатым культурным наследием, обладает значительным потенциалом для развития этого направления. Владивосток, как административный центр региона и место, где на протяжении 67 лет функционирует Владивостокский государственный университет, становясь базой для реализации инициатив в области студенческого туризма.

С учетом глобальных тенденций в области образования и туризма, а также растущего интереса студентов к активным путешествиям и культурному обмену, ставит задачу исследовать перспективы развития студенческого туризма в Приморском крае.

Актуальность заключается в том, что студенческий туризм способствует обмену культурным опытом, а это особенно важно в современных условиях. Владивостокский государственный университет как ведущий университет региона, может разрабатывать и реализовывать программы, которые способствуют углублению культурных связей и интеграции внутри страны. В Стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2030 года туризм обозначен как один из ключевых секторов экономики региона. Планируется, что к завершению программы количество туристов, посещающих край, достигнет 8–10 миллионов в год [1].

Объектом исследования выступает студенческий туризм как перспективная и развивающаяся сфера.

Предметом исследования является инфраструктура высших учебных заведений в аспекте развития студенческого туризма.

Целью исследования является изучение современного состояния инфраструктуры высших учебных заведений города Владивостока для развития студенческого туризма.

Для достижения цели необходимо решение ряда задач:

– проанализировать существующую инфраструктуру города Владивостока;

– выявление ключевых проблем и недостатков в инфраструктуре, которые оказывают влияние на студенческий туризм.

В работе были использованы общенаучные методы исследования, такие как анализ информационных источников и сравнение при исследовании вопросов, связанных с инфраструктурой университетов для студенческого туризма.

Основная часть. Студенческий туризм – представляет собой многогранное явление, включающее в себя образовательные, культурные, социальные и экономические аспекты, способствует личностному росту студентов, формированию межкультурных компетенций и расширению их мировоззрения. В условиях глобализации и увеличения мобильности молодежи значение студенческого туризма будет продолжать расти, открывая новые горизонты для будущих поколений. Анализируя современные условия и факторы развития студенческого туризма, в Приморском крае выявлены следующие факторы:

– географические преимущества и природный потенциал (уникальный природный ландшафт, морские побережья, горные массивы, заповедники и т.п.);

– развитая туристская инфраструктура (развитие экскурсионных программ и культурных фестивалей, поощрение туристской деятельности среди молодежи);

– образовательная и научная база (наличие федеральных и государственных высших учебных заведений);

– социально-демографические факторы (по данным доля молодёжи от 18 до 29 лет в населении Владивостока составляет 11,96%);

– технологический и информационный факторы (мобильные приложения для организации тура и поиска информации, проект «Цифровое Приморье» и т.п.).

Огромный потенциал заложен в региональной особенности Приморского края, однако его развитие зависит от усилий по созданию целостной инфраструктуры, внедрению современных цифровых решений, и активизации партнерства между университетами, государственными структурами, туристическими операторами и молодежными инициативными группами.

Организация студенческого тура включает в себя ряд необходимых объектов и услуг, с учетом основных составляющих (рисунок 1) [2].

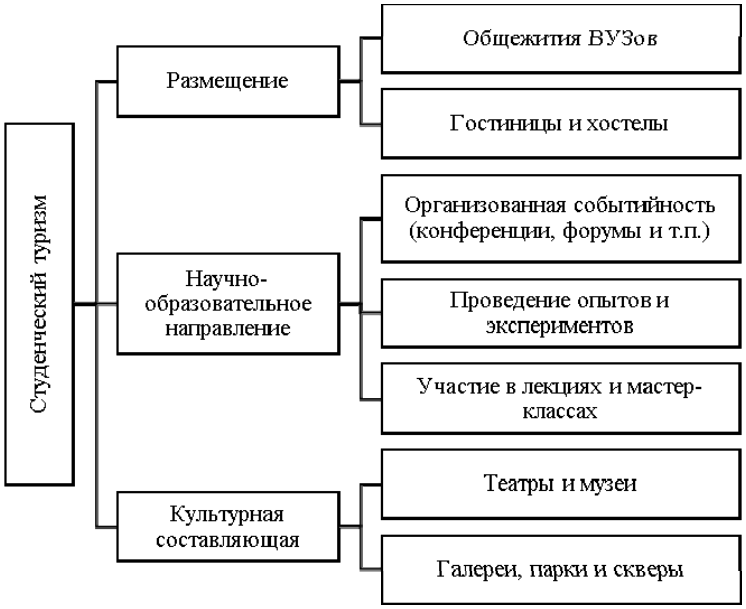

Рис. 1. Объекты студенческого туризма

Составлено автором по [2].

Студенческий туризм представляет собой специфическую форму туризма, ориентированную на учащуюся молодежь, которая стремится сочетать образовательные и культурные аспекты в процессе путешествий. Данная форма туризма может быть охарактеризована через несколько ключевых компонентов, включая размещение, научно-образовательные мероприятия и культурные составляющие.

Размещение студентов в рамках студенческого туризма осуществляется через различные типы учреждений, такие как общежития вузов, гостиницы и хостелы. Общежития вузов предоставляют студентам возможность проживания в непосредственной близости к учебным заведениям, что способствует интеграции в образовательный процесс и социальной среде. Гостиницы и хостелы, в свою очередь, предлагают более широкий спектр услуг и удобств, что может быть особенно важно для групповых поездок и мероприятий. Выбор типа размещения зависит от финансовых возможностей молодёжи, целей поездки и желаемого уровня комфорта.

Научно-образовательная составляющая студенческого туризма включает организованную событийность. Мероприятия предоставляют студентам платформу для обмена знаниями, обсуждения актуальных проблем и представления результатов собственных исследований. Проведение опытов и экспериментов в рамках программы студтуризма также является важным аспектом, который способствует практическому освоению знаний и развитию научного мышления. Участие в лекциях и мастер-классах позволяет студентам углубить свои знания в конкретных областях, а также развить профессиональные навыки, необходимые для будущей карьеры.

Культурная составляющая студенческого туризма включает в себя посещение театров, музеев, галерей, парков и скверов. Участие в выставках и театральных представлениях дает возможность познакомиться с местной культурой и искусством, а также развивает критическое мышление и художественное восприятие.

Оценка инфраструктуры города Владивостока в аспекте развития студенческого туризма показала, что в настоящее время все необходимые условия для организации могут быть соблюдены.

В таблице 1 представлены инфраструктурные элементы на территории города Владивостока [3–13].

Таблица 1

Инфраструктурные элементы на территории города Владивостока

Категория	Объекты инфраструктуры		Общая информация	Примечания
Транспортная инфраструктура	Железнодорожный вокзал		– ежегодно прибывает ~1,5–2 млн. пассажиров – до 3 млн. пассажиров в год (маршруты до Уссурийска, Находки и др.).	– историческое здание – ул. Алеутская, 2 – построено по образцу Ярославского вокзала в Москве
	Автовокзал «Владивосток»		Основные направления – междугородние – международные	– ул. Русская, 2 – ключевой элемент инфраструктуры пассажирских перевозок в крае
	Международный аэропорт Владивостока имени В. К. Арсеньева		– маршрутная сеть аэропорта: более 45 направлений – полёты совершают ведущие российские и азиатские авиакомпании	– располагается в 44 км. к северу от центра Владивостока (Артёмовский городской округ)
	Прокат	велосипедов	12–15 пунктов проката располагается в городе Владивостоке	– расположены в любой точке города (особенно центр) – удобное приложение для поиска и бронирования средств передвижения
		скутеров и самокатов	8–12 пунктов проката	
Размещение	Общежития вузов	ФГБОУ ВО «ВВГУ»	1750 койко/мест	– гостиничного типа
		ФГАОУ ВО «ДВФУ»	13 860 койко/мест	
		РАНХиГС	52 койко/мест	
		МГУ им. адм. Г.И. Невельского	2073 койко/мест	– секционного типа
		ФГБОУ ВО «Дальрыбвтуз»	1340 койко/мест	
Экскурсионная инфраструктура	Музей	– Военно-исторический музей Тихоокеанского флота – Музей-заповедник истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева	– в городе 38 музеев разных видов: исторические, художественные, краеведческие, музеи современного искусства и другие	Основные туристские объекты доступные для посещения в рамках студенческого туризма
	Океанариум	остров Русский	– представители всех океанов и климатических зон планеты – более 500 видов рыб и морских животных	
	Парки, скверы и видовые площадки	– Нагорный парк – Покровский парк – Парк Минного городка – Сквер Анны Щетининой – Видовая площадка на сопке Бурачка	– более 10 парков – 60 скверов – более 15 видовых площадок	
	Спортивные сооружения	– «Динамо» – «Авангард» – «Строитель» – «Фетисов Арена»	– более 12 спортивных сооружений	

Категория	Объекты инфраструктуры		Общая информация	Примечания
	Памятники	– памятник «Борцам за власть Советов на Дальнем Востоке» – Памятник адмиралу Г.И. Невельскому – Мемориал «Подводная лодка С-56»	– монументальные объект представляют историко-культурную ценность – зарегистрировано свыше 21 памятника	
	Набережные	– Набережная Спортивной гавани –Набережная Цесаревича – Корабельная – Университетская – Леопардовая	На территории города Владивостока насчитывается порядка 8 набережных	
Научно-образовательная инфраструктура ВУЗов	Точки кипения		2	Есть современные аудитории и мультимедийное оборудование
	Актовые залы, конференц-залы		14	
	Лаборатории		Более 300 научных лабораторий	
	Библиотеки		5	
	Спортивные залы		13	
	Коворкинги		10	

Составлено автором по [3-13].

Владивосток характеризуется развитой транспортной инфраструктурой, обеспечивающей высокий уровень мобильности для населения и гостей города. В рамках городской транспортной системы функционируют автобусные и трамвайные маршруты, а также доступны услуги такси. Ключевым элементом транспортной доступности является Владивостокский международный аэропорт, обеспечивающий регулярные авиасообщения как на внутренних, так и на международных направлениях.

Туристско-рекреационный потенциал Владивостока определяется наличием значимых историко-культурных объектов и уникальных природных ландшафтов. Развитая экскурсионная инфраструктура, включающая предложения множества туристических операторов, позволяет проводить комплексное изучение региональных особенностей, включая культурное наследие, исторические аспекты и природные ресурсы. Данные факторы формируют привлекательность города как для академической мобильности, так и для туристической деятельности, способствуя популяризации Дальневосточного региона России.

Владивостокский государственный университет занимает лидирующие позиции в системе высшего образования Дальневосточного региона, что подтверждается высокими показателями академической и научно-исследовательской деятельности. Университет обеспечивает качественную подготовку специалистов в соответствии с современными образовательными стандартами, интегрируя фундаментальные знания и прикладные исследования.

В вузе выпускаются журналы, в том числе включенные в Перечень ВАК. В 2024 г. ВВГУ выполнил 56 научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, общий объем финансирования которых составил 165,4 млн руб. На базе ФГБОУ ВО «ВВГУ» действует совет по защите диссертаций на соискание ученых степеней. Ежегодно проводятся научные конкурсы, форумы и фестивали [14].

Научно-образовательная инфраструктура университета представлена в таблице 2 [18].

Таблица 2

Научно-образовательная инфраструктура ФГБОУ ВО «ВВГУ»

Объекты инфраструктуры	Примечания
Лаборатории	– химии и технологии функциональных материалов – швейная – лаборатория инфокоммуникационных технологий систем связи – интеллектуальных систем
Аудитории для лекционных и практических занятий	– более 200 аудиторий
Компьютерные классы	– 16 аудиторий
Библиотека	– электронная образовательная информационная система – организация групповых обсуждений, семинары или презентации – тихое место для учебы и сосредоточенной работы – чтение книг, журналы и другие печатные издания
Образовательное пространство «Сбер»	– осваивать цифровые и финансовые технологии от экспертов Сбербанка, изучать финансовую грамотность, экономику, цифровизацию
Спортивные залы	– зал боевых искусств – зал бокса – зал борьбы – зал групповых программ – танцевальный зал
Актовый зал	– Посадочных мест 200
Молодёжный коворкинг «Пространство»	– проекты (стартапы, исследования, соц. инициативы) – мастер-классы и встречис работодателями (программы «Россия – страна возможностей», «Твой ход», «Большая перемена») – мозговые штурмы и командные обсуждения – отдых и общение (настольные игры, зоны релакса)
Мастерские	– Администрирование отеля – Парикмахерское искусство – Технология моды – Разработка виртуальной и дополненной реальности – Туризм – Визуальный мерчендайзинг – Промышленный дизайн – Реклама – Телевизионная видеостудия
Коворкинг от Альфа-Банка	– пространство для работы, учебы и взаимодействия – место с хорошим интернетом и инфраструктурой
Точка Кипения	– лекции и мастер-классы – хакатоны – нетворкинг-сессии – тренинги
Студ. Пространство	– современная зона для учебы, отдыха и внеучебной активности студентов – проекты, подготовка к занятиям, мероприятия, отдых между парами

Результаты анализа инфраструктуры ФГБОУ ВО «ВВГУ» показали, что инфраструктура вуза играет критически важную роль в формировании образовательного процесса и создании комфортной среды для студентов. Она включает в себя все элементы, необходимые для успешного обучения и развития: учебные корпуса, лаборатории, библиотеки, спортивные сооружения и зоны для отдыха. Хорошо развитая инфраструктура способствует не только академическому успеху, но и социальной адаптации студентов, их культурному и физическому развитию (таблица 2) [15, 16, 17, 18].

Таблица 3

Анализ инфраструктуры ФГБОУ ВО «ВВГУ»

Категория	Объекты инфраструктуры		Примечания
Транспортная инфраструктура	Остановка «Студенческая» Остановка «ВГУЭС» Остановка «Гоголя»		Автобусные маршруты и транспортные остановки, расположенные в непосредственной близости от университетского кампуса 550 м
	Пункт проката самокатов		На кампусе внедрен прокат самокатов, что делает передвижение по территории университета удобным и быстрым
	Служебный автобус (шаттл)		Позволяет значительно повысить мобильность студентов, а также организовывать экскурсионные и выездные мероприятия
Размещение	Студенческие общежития	№ 1	Располагается по адресу: г. Владивосток, ул. Державина, 57, на территории кампуса.
		№ 2А	Располагается по адресу: г. Владивосток, ул. Державина, 59, на территории кампуса.
		№ 2Б	Располагается по адресу: г. Владивосток, ул. Державина, 57, на территории кампуса.
		№ 3	Располагается по адресу: г. Владивосток, ул. Чапаева, 5, вне территории кампуса
		№ 4	Располагается по адресу: г. Владивосток, ул. Добровольского, 20 вне территории кампуса
	Гостиница «Аванта»		– 111 номеров разной категории – в пределах университетского кампуса – улица Гоголя, д.41, строение 3, Владивосток
	Учебная гостиница		– структурное подразделение ВУЗа – формирование и отработка практических навыков
Предприятия питания	Кафе «Republic»		– полноценное питание, включающее рацион с учетом диетических требований
	Пиццерия «Два кусочка»		Свежеприготовленная пицца и закуски
	Кофейня «Кофеин»		Кофейные напитки и десертные изделия.
	Кафе «Друзья кофе»		Комфортная атмосфера и вкусные напитки.
	Автоматы с едой и напитками		Автоматизированные торговые устройства с продуктами питания и напитками, предназначенные для оперативного удовлетворения потребностей потребителей с ограниченным временем.
Экскурсионная инфраструктура	Памятник Осипу Мандельштаму		– студенческие объединения, направленные на развитие студенческого туризма на территории ФГБОУ ВО «ВВГУ»
	Сад камней		– традиционный японский сад камней предназначен для созерцания и умиротворения. В университетской среде такое место помогает снимать стресс, сосредотачиваться перед экзаменами или просто отдыхать между занятиями
	Дендорпарк		– практика для студентов учащихся на направлениях «Ландшафтный дизайн», «Экология» и «Туризм» – дендропарк может служить базой для научных проектов по ботанике, сохранению биоразнообразия и устойчивому развитию.

Составлено автором по [15-18].

Владивостокский государственный университет выделяется своей потрясающей инфраструктурой, которая делает его идеальным местом для студенческой жизни. Современные учебные корпуса оборудованы всем необходимым для эффективного обучения: мультимедийные аудитории, специализированные лаборатории и доступ к современным технологиям создают условия для глубокого освоения знаний и навыков.

В рамках программы студенческого туризма ВВГУ предоставляет современные условия проживания в общежитиях, соответствующие актуальным стандартам комфорта. Учебные корпуса оснащены необходимым лабораториями и аудиториями, включая многофункциональные зоны для отдыха и учебной деятельности, что способствует формированию благоприятной образовательной среды. Библиотека ВВГУ предлагает обширный выбор учебных материалов и электронных ресурсов, что позволяет студентам легко находить необходимую информацию для учебы и научных исследований. Спортивные комплексы и зоны для активного отдыха способствуют здоровому образу жизни и укреплению командного духа среди студентов.

Кроме того, университет активно поддерживает студенческие инициативы и мероприятия, что создает уникальную атмосферу для социализации и развития лидерских качеств. ВВГУ – это не просто образовательное учреждение, а настоящая студенческая экосистема, где каждый может найти свое место и реализовать свои идеи.

Следовательно, проведённый анализ демонстрирует, что инфраструктура Владивостокского государственного университета действительно обладает достаточно развитой базой инфраструктуры для студенческого туризма: общежития, кафе, аудитории и конференц-залы, спортивные площадки и медицинское обеспечение имеются в полном объёме.

Вывод. На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что развитие инфраструктуры города и университетов играет ключевую роль в студенческом туризме. Наличие хорошо развитой транспортной сети, комфортных общественных пространств и современных образовательных учреждений создает привлекательные условия для студентов, стремящихся к обучению и путешествиям.

Городская инфраструктура, включая жилье, кафе, а также культурные и развлекательные заведения, формирует удобную и интересную среду для молодежи. Вузы с современными учебными корпусами, библиотеками и лабораториями не только предлагают качественное образование, но и становятся важными центрами притяжения для студентов.

Следовательно, гармоничное взаимодействие между городской инфраструктурой и университетами может значительно повысить привлекательность региона для студентов, способствуя развитию студенческого туризма и укреплению образовательного имиджа города.

1. Стратегия социально-экономического развития Приморского края до 2030 года Текст: электронный. – URL: https://invest.primorsky.ru/documents/155/strategy2030.pdf
2. ГОСТ туризм и сопутствующие услуги Текст: электронный. – URL: https://gostassistent.ru/doc/40cf79c5-eb07-45ab-b9d4-bf88b0c039fc
3. 2ГИС Текст: электронный. – URL: https://2gis.ru/
4. Аэропорт Владивосток Текст: электронный. – URL: https://aerovlad.ru/ru
5. Владивостокский государственный университет: Раздел «Проживание» Текст: электронный. – URL: https://www.vvsu.ru/life/residing/
6. Дальневосточный федеральный университет: Размещение в кампусе Текст: электронный. – URL: https://www.dvfu.ru/about/campus/accommodation/
7. Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского: Раздел «Проживание» Текст: электронный. – URL: https://мыморе.рф/24/poselenie
8. Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет: Студенческий городок Текст: электронный. – URL: https://dalrybvtuz.ru/uni/structure/studencheskiy-gorodok/
9. РАНХиГС – Приморский филиал: Раздел «Проживание» Текст: электронный. – URL: https://prim.ranepa.ru/abiturientu/prozhivanie/
10. Официальный сайт Государственного объединённого музей-заповедника истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева Текст: электронный. – URL: https://arseniev.org/
11. Парки города Владивостока Текст: электронный. – URL: https://primcult.ru/overviews/48/parki-vladivostoka
12. Спортивные сооружения Владивосток: Стадионы Текст: электронный. – URL: https://www.orgpage.ru/vladivostok/стадионы/
13. Набережные Владивостока Текст: электронный. – URL: https://dzen.ru/a/Y2IDFeTOzQc7i8oX
14. Научная жизнь ФГБОУ ВО «ВВГУ» Текст: электронный. – URL: https://www.vvsu.ru/science/scientific-life/
15. Гостиница «Аванта» Текст: электронный. – URL: https://hotel-avanta.ru/
16. Учебная гостиница Текст: электронный. – URL: https://uchebnaya.rhotel.site/
17. Предприятие общественного питания ФГБОУ ВО «ВВГУ» Текст: электронный. – URL: https://www.vvsu.ru/life/food/

18. Владивостокский государственный университет: Объекты инфраструктуры Текст: электронный. – URL: https://www.vvsu.ru/sveden/objects/

Сведения об авторах

А.А. Цитцер, бакалавр, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

В.Г. Ден, кандидат культурологии, доцент кафедры туризма и гостинично-ресторанного бизнеса, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 34.096

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЦЕНЗУРНУЮ ЛЕКСИКУ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

С.Г. Чебова, бакалавр

М.В. Вронская, канд. юрид. наук, доцент

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В современном обществе можно наблюдать, что нецензурная лексика стала обычной частью повседневного общения. Однако в условиях активного развития цифровой среды далеко не все участники коммуникации осознают, что подобные высказывания в информационном пространстве могут повлечь за собой реальную юридическую ответственность. Данная работа носит просветительский характер, демонстрирует понятие и виды юридической ответственности, к которым может быть привлечен гражданин за нецензурное высказывание в сети-интернет с целью формирования правовой культуры и правосознания российского общества.*

Ключевые слова: *Нецензурная лексика, юридическая ответственность, законодательство Российской Федерации, административная ответственность, гражданско-правовая ответственность, уголовная ответственность.*

LEGAL LIABILITY FOR PROFANITY IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Abstract. *In modern society, the use of profanity has become a common feature of everyday communication. However, amidst the rapid development of the digital environment, not all participants in communication realize that such statements made within the information space can entail real legal liability. This paper serves an educational purpose; it outlines the concept and types of legal liability a citizen may face for using profanity on the Internet, aiming to foster legal culture and legal awareness within Russian society.*

Keywords*: Profanity, legal liability, legislation of the Russian Federation, administrative liability, civil liability, criminal liability.*

Актуальность исследования данной темы обусловлена тем, что у граждан нет определённого понимания того, какие именно выражения и слова подпадают под правовые запреты. Это приводит к недостаточной степени уяснения вопросов, связанных с юридической ответственностью за использование определённых слов и словосочетаний в сети Интернет. Многие пользователи не осознают, что некоторые их высказывания могут быть признаны незаконными, и повлечь за собой различные меры юридической ответственности. Важно отметить, что отсутствие ясных критериев и четких границ, определяющих, какие именно выражения считаются неприемлемыми, создаёт дополнительную проблему. Кроме того, в действующем законодательстве и судебной практике нет формально и юридически закрепленного отсутствует однозначное определения термина «нецензурная лексика». Эта неопределённость затрудняет процесс доказывания фактов нарушения и применения юридической ответственности к нарушителям. В результате, как граждане, так и правозащитные органы сталкиваются с трудностями в оценке правомерности использования тех или иных выражений в публичном пространстве, включая социальные сети и другие платформы.

Цель исследования– изучить виды юридической ответственности за использование нецензурной лексики в цифровой среде и сформулировать проблематику применения этих мер. Задачи исследования:

1) провести анкетирование граждан об их уровне осведомленности о юридической ответственности за нецензурную лексику в цифровой среде;

2) дать определение понятию нецензурная лексика;

3) изучить виды юридической ответственности за употребление нецензурной лексике в цифровой среде;

4) изучить судебную практику;

5) разработать предложения для осведомленности граждан о юридической ответственности за нецензурную лексику в цифровой среде.

В рамках исследования было проведено анкетирование, в котором приняло участие более 100 человек. Целью анкетирования было выяснение уровня осведомленности граждан о понятии нецензурной лексики и их понимание правовых последствий, связанных с её использованием в интернете.

Результаты опроса показали, что большая часть участников не может сформулировать конкретное определение термина «нецензурная лексика». Тем не менее, большинство из них имеет общее представление о том, что это понятие подразумевает. Это свидетельствует о наличии определённой степени осведомленности, но отсутствие чётких формулировок указывает на необходимость дальнейшего разъяснения и просвещения в данной области. Интересно, что многие участники опроса признались в активном использовании нецензурной лексики в социальных сетях и мессенджерах. Это может свидетельствовать о нормализации такого поведения в онлайн-коммуникации, что поднимает вопросы о влиянии культурных и социальных факторов на восприятие языка в цифровой среде.

Однако стоит отметить, что порядка 70% опрошенных считает, что большинство людей не осознает правовых последствий использования нецензурной лексики в интернете. Это мнение подтверждает гипотезу о том, что многие пользователи свободно используют такие выражения в повседневном общении, не задумываясь о возможных юридических последствиях. Данная ситуация подчеркивает важность повышения правовой грамотности среди граждан, чтобы они могли осознанно подходить к вопросам использования языка в публичном пространстве.

В процессе исследования понятия «нецензурная лексика» был проведён лингвистический анализ различных источников, включая толковые словари, законодательные акты Российской Федерации и литературные произведения. Этот подход позволил выявить особенности, связанные с определением данного термина. Прежде всего, следует отметить, что в большинстве толковых словарей русского языка отсутствует чёткое и однозначное определение термина «нецензурная лексика» [1]. Это может быть связано с тем, что данный термин является скорее социолингвистическим понятием, чем строго языковым, и его значение может варьироваться в зависимости от контекста и культурной среды. Однако при анализе различных источников можно выделить несколько ключевых характеристик, которые позволяют сформулировать общее представление о нецензурной лексике.

Нецензурная лексика включает в себя слова и выражения, которые воспринимаются как грубые, непристойные или оскорбительные для окружающих. В русском языке к ней обычно относят так называемый «мат», который представляет собой особую категорию бранной лексики, включающей в себя слова с негативной коннотацией, часто связанные с сексуальной тематикой или насилием. Мат может использоваться как для выражения сильных эмоций (гнева, удивления и др.), так и в качестве оскорбления. Кроме мата, к нецензурной лексике можно отнести и другие формы бранных выражений, которые могут не быть матом в строгом смысле слова, но всё же обладают оскорбительным или уничижительным характером. Это могут быть ругательства, жаргонные слова и фразы, а также различные эвфемизмы, которые используются для смягчения грубости высказывания.

Анализ законодательства Российской Федерации показывает, что нецензурная лексика не имеет чёткого правового определения. Однако использование таких слов и выражений может подпадать под действие ряда норм, касающихся защиты общественной морали, нравственности и прав личности. Например, статьи Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях могут предусматривать ответственность за оскорбление личности или хулиганство, что подразумевает использование нецензурной лексики в определённых контекстах.

Проанализировав толковые словари, законодательство РФ и литературные источники выяснилось, что определение понятия «нецензурная лексика» отсутствует, но по совокупности анализа источника можно говорить о том, что: нецензурная лексика – это слова и выражения, которые считаются грубыми, непристойными и оскорбительными для окружающих.

Действующее законодательство Российской Федерации регулирует использование нецензурной лексики в сети Интернет, устанавливая различные виды ответственности за ее применение [2]. Эти меры направлены на защиту общественной нравственности, чести и достоинства личности, а также на поддержание правопорядка в цифровом пространстве. В зависимости от характера высказывания, его адресности и степени общественной опасности, законодательство предусматривает административную, гражданскую и уголовную ответственность.

1. Административная ответственность: наиболее распространенной мерой воздействия за использование нецензурной лексики является административная ответственность. Она может наступать по двум основным составам правонарушений:

а) Оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ)

Под оскорблением понимается унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, которая может быть охарактеризована как циничная и противоречащая общепринятым нравственным нормам. Важным аспектом данной нормы является часть 2 статьи 5.61 Кодекса об административных правонарушениях (КоАП) РФ, которая устанавливает ответственность за оскорбление, совершенное публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет. Квалификации подлежат, в частности, размещение оскорбительных выражений на страницах в социальных сетях, доступных для неопределенного круга лиц, или в групповых чатах мессенджеров. Размеры административных штрафов за данное правонарушение варьируются в зависимости от категории правонарушителя: для граждан штраф составляет от пяти тысяч до десяти тысяч рублей; для должностных лиц – от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей; для юридических лиц – от двухсот тысяч до семисот тысяч рублей [3].

б) Мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ)

Если нецензурная брань не адресована конкретному лицу и выражает явное неуважение к обществу, государству или его символам, то действия нарушителя могут быть квалифицированы по части 3 статьи 20.1 КоАП РФ. Эта норма охватывает распространение в сети Интернет информации, выраженной в неприличной форме, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность. При первичном правонарушении данное деяние влечет наложение административного штрафа в размере от тридцати тысяч до ста тысяч рублей.

2. Гражданско-правовая ответственность: помимо публично-правовой ответственности, лицо, чьи честь, достоинство или деловая репутация были умалены с использованием нецензурной лексики, имеет право обратиться в суд с иском о защите нарушенных прав. В рамках гражданского судопроизводства возможно взыскание с нарушителя компенсации морального вреда, а также требование опровержения распространенных сведений, которые могут порочить честь, достоинство и деловую репутацию гражданина. Размер компенсации будет зависеть от конкретного решения суда и обстоятельств дела [4].

3. Уголовная ответственность: в отдельных случаях использование нецензурной лексики в цифровой среде может повлечь уголовную ответственность. Это возможно, если высказывания содержат признаки клеветы (статья 128.1 Уголовного кодекса РФ), возбуждения ненависти либо вражды по признакам расы, национальности или религии (статья 282 УК РФ), а также оскорбления представителя власти (статья 319 УК РФ). Санкции указанных статей предусматривают значительные штрафы, которые могут достигать нескольких миллионов рублей, обязательные работы, а в ряде случаев – лишение свободы [5].

Проведённый анализ судебной практики Российской Федерации по делам, связанным с использованием нецензурной лексики (обсценной лексики) в цифровой среде (социальные сети, мессенджеры, комментарии на новостных порталах, видеохостинги), позволяет выявить устойчивую иерархию частоты рассмотрения дел в зависимости от вида юридической ответственности.

Наибольший массив судебных актов формируют дела об административных правонарушениях, квалифицируемых по ст. 5.61 КоАП РФ («Оскорбление»). Объяснить это можно относительной простотой квалификации: для установления состава правонарушения достаточно лингвистического заключения о наличии неприличной формы высказывания в публичном цифровом пространстве; не требуется доказывать распространение заведомо ложных сведений

(в отличие от клеветы) или наступление общественно опасных последствий (в отличие от уголовных составов) [6].

Среднее по количеству дел место занимают гражданско-правовые споры о защите чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ). Их умеренная распространённость в судебной практике по сравнению с административными делами обусловлена необходимостью активной инициативы потерпевшего. В отличие от административного производства, где заявление в прокуратуру может подать любое лицо, а прокурор – самостоятельно вынести постановление, в гражданском процессе истцу требуется: 1) идентифицировать ответчика (что в цифровой среде затруднительно без помощи оператора связи или судебного запроса); 2) сформулировать конкретные порочащие сведения, изложенные в неприличной форме, и доказать их несоответствие действительности (если оспариваются сведения как порочащие, а не просто оскорбительная форма); 3) оплатить государственную пошлину и лингвистическую экспертизу. Это создаёт дополнительные барьеры, особенно для типичных бытовых конфликтов в соцсетях с невысокой ценой иска. Тем не менее, дела возникают чаще уголовных, поскольку не требуется признак публичности в особо крупном масштабе или неоднократность.

Наименьшее количество дел составляют уголовные дела, прежде всего по ст. 128.1 УК РФ (клевета, в том числе квалифицированная – с использованием публичного выступления или СМИ) и реже – по ст. 148 УК РФ (оскорбление чувств верующих в публично демонстрируемых произведениях) в части нецензурной брани как способа унижения. Редкость уголовных дел объясняется сложным юридическим составом и высокой доказательственной базой, предъявляемой к цифровым следам. Для привлечения к уголовной ответственности требуется доказать не просто факт использования нецензурной лексики, а её направленность на конкретное лицо (или неопределённый круг лиц – при оскорблении группы по признакам религии), наличие прямого умысла, а по делам о клевете – ещё и заведомую ложность порочащих сведений. Кроме того, цифровая среда порождает проблемы фиксации и аутентичности доказательств, а также необходимость проведения комплексных (лингвистических, психологических, компьютерно-технических) экспертиз, что удорожает и удлиняет процесс. Правоприменитель традиционно отдаёт предпочтение административной или гражданско-правовой квалификации, когда отсутствует признак системности, крупного ущерба репутации или особого общественного резонанса. В результате уголовные дела встречаются в практике эпизодически, как правило, по наиболее резонансным или повторным эпизодам.

В связи с тем, что в законодательстве РФ нет четкого списка нецензурных слов, их определение в судебной практике и судебно-лингвистической экспертизе часто осуществляется с помощью лингвистических источников (словари). Однако обычному пользователю сети-интернет в ситуации, связанной с возможным использованием сомнительных слов, может оказать помощь специализированный чат бот, которому можно будет задать следующие вопросы:

1. Является ли данное слово нецензурным? (нейросеть умеет анализировать и судебную практику, словари и т.д.)

2. Изложить конкретную ситуацию, в которой будет упоминаться употребление такого слова в переписке с одним человеком в отношении другого лица, либо в комментариях в общей группе или на своей страничке в «ВК», куда имеют доступ другие люди.

3. Посмотреть, что будет за размещение на своих ресурсах видео, аудио, фотоматериалов и текстов, созданных другими лицами, содержащие те или иные высказывания.

Так, например, по статье 6.27. КоАП РФ «Распространение экземпляров аудиовизуальной продукции и фонограмм на любых видах носителей, экземпляров печатной продукции, содержащих нецензурную брань, без специальной упаковки и текстового предупреждения» даже за обычный репост чужой публикации, пользователь сети интернет может получить юридическая ответственность, даже не подозревая об этом.

В заключении исследования важно подчеркнуть, что в ходе работы были изучены различные виды юридической ответственности за использование нецензурной лексики в цифровой среде, а также проанализировали уровень осведомленности граждан по этому вопросу. Благодаря этому был сформулирован вывод, что многие пользователи интернет-пространства не полностью осознают правовые последствия своих действий, связанных с использованием ненормативной лексики. Проведенное анкетирование подтвердило, что значительная часть респондентов не имеет четкого представления о том, какие санкции могут быть применены к ним за подобные правонарушения.

В рамках исследования были также проанализированы основные виды юридической ответственности, включая административную и уголовную, а также рассмотрена существующая судебная практика. Это позволило выявить пробелы в правоприменительной практике и недостаток информации, доступной для широкой аудитории. На основании проведенного анализа были разработаны конкретные предложения по повышению правовой грамотности населения. Информирование граждан о возможных последствиях использования нецензурной лексики в интернете является важным шагом к формированию более ответственного поведения пользователей.

1. Русский язык и культура речи: учебник для вузов / Т. И. Сурикова, Н. И. Клушина, И. В. Анненкова, Г. Я. Солганик; под ред. Г. Я. Солганика. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 195 с. – URL: https://urait.ru/bcode/582547 (дата обращения: 04.04.2026).

2. Саенко Л. В., Щербакова Л. Г. Актуальные проблемы гражданского права и процесса: учебное пособие для вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 286 с. – URL: https://urait.ru/bcode/533596 (дата обращения: 04.04.2026).

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 25.05.2026) // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661// (дата обращения: 04.04.2026)

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 // (дата обращения: 04.04.2026)

5. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 04.04.2026)

6. Постановление от 2 сентября 2025 г. по делу № 05-0539/175/2025. – URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/sRv4r7sQQArv/

Сведения об авторах
С.Г. Чебова, бакалавр, г. Владивосток, Россия
М.В. Вронская, канд. юрид.х наук, доцент, г. Владивосток, Россия

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ САМООТНОШЕНИЯ У ЛЮДЕЙ С ВЫРАЖЕННЫМ СЕНЗИТИВНЫМ НАРЦИССИЗМОМ

И.И. Черемискина, канд. психологических наук, доцент

И.И. Яланжи, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Статья посвящена исследованию особенностей самоотношения у лиц с выраженными чертами сензитивного нарциссизма в рамках психологической нормы. На основе анализа отечественных и зарубежных теоретических подходов рассматриваются структурные модели нарциссизма как личностной черты с акцентом на разграничения грандиозного и сензитивного типов. Раскрываются особенности сензитивного нарциссизма, характеризующегося повышеной ранимостью, нейротизмом и гиперчувствительностью к социальным оценкам. Выдвигается гипотеза о зеркальном характере связей грандиозного и сензитивного нарциссизма в компонентах самоотношения: предполагается, что сензитивный нарциссизм обнаружит положительные корреляции со шкалами внутренней конфликтности и самообвинения при низких значениях по шкалам самоуважения и отражённого самоотношения. Результаты исследования могут представлять теоретический и практический интерес для специалистов в области клинической и личностной психологии.*

Ключевые слова: *нарциссизм, сензитивный нарциссизм, самоотношение, самооценка.*

CHARACTERISTICS OF SELF-ATTITUDE IN INDIVIDUALS WITH PRONOUNCED SENSITIVE NARCISSISM

Abstract. *The article investigates the characteristics of self-attitude in individuals with pronounced sensitive narcissism traits within the context of psychological norm. Drawing on an analysis of domestic and foreign*

theoretical frameworks the study examines structural models of narcissism as a personality trait, with particular emphasis on the distinction between grandiose and sensitive subtypes. The specific features of sensitive narcissism are characterized by a heightened vulnerability, neuroticism, and hypersensitivity to social evaluation. A hypothesis is put forward regarding the mirror-like nature of the associations between grandiose and sensitive narcissism and the components of self-attitude: it is proposed that sensitive narcissism will demonstrate positive correlations with the scales of internal conflict and self-blame against a background of diminished self-respect and reflected self-attitude. The findings may be of both theoretical and practical relevance for specialists in clinical and personality psychology.

Keywords: *narcissism, sensitive narcissism, self-attitude, self-esteem.*

В современном обществе проблема нарциссизма приобретает все большую значимость и, как следствие, большую распространенность. Часто можно слышать использование слова «нарцисс» в уничижительном контексте, описывающим достаточно высокомерного, эгоцентричного и самовлюбленного человека. Однако в последнее время исследователи все чаще обращают внимание на так называемый сензитивный нарциссизм, проявления которого значительно отличаются от общепринятого понимания нарциссизма. В противовес грандиозному нарциссизму сензитивный нарциссизм связан с эгоцентризмом, низкой и изменчивой самооценкой, недоверием к другим людям, широкой и стойкой негативной аффективностью, стыдом и повышенной чувствительностью к отказам или критике, социальной изоляцией. В этой связи ключевое значение приобретает вопрос об их самоотношении, которое включает самоуважение, самопринятие, внутреннюю конфликтность, положительное ожидаемое отношение от других.

Первоначально понятие нарциссизма относилось к психопатологии личности. Однако даже З. Фрейд уже говорил о том, что «нарциссизм должен занять законное место в процессе естественного и нормального психического развития человека» – это положение ознаменовало формирование отвлечённой концепции нарциссизма, которая сразу же породила многочисленные исследования в психологии [1].

В данный момент в современной науке существует несколько подходов. Один из таких подходов развивает современный теоретик нарциссизма О.Ф. Кернберг, который предложил и разрабатывал понятие нарциссизма как личностного расстройства. Однако, в последние десятилетия это явление все реже рассматривается авторами как личностная патология. На это указывает, в частности, то обстоятельство, что из МКБ-10 нарциссическое расстройство было исключено из категории, посвященной расстройствам зрелой личности. Тем не менее, нарциссическое расстройство личности входит в «Диагностическое и статистическое руководство по психиатрическим заболеваниям DSM-IV». Наиболее ярко выраженной формой патологического нарциссизма является форма деструктивного нарциссизма, разработанная Г. Розенфельдом, который полагал, что при нарциссизме имеет место идеализация деструктивных составляющих «Я», которые подчиняют себе положительные аспекты «Я» и удерживают их [4].

Второй подход отражает позицию Х. Кохута, который рассматривает нарциссизм как неотъемлемую часть нормального психического развития человека. Автор рассматривал различные степени проявления нарциссизма: от здорового до патологического.

Третья линия исследований нарциссизма связана с его многочисленными эмпирическими исследованиями в зарубежной психологии с позиции современных теоретиков нарциссизма К.К. Морфа и Ф. Родевальта, а также других клиницистов (S. Akhtar, J.A. Thompson, 1982; H. Rosenfeld, 1987; G. Gabbard, 1989; S.P. Gersten, 1991; P. Wink, 1991; A.M. Cooper, 1997 и др.), которые ставят своей целью валидизацию различных моделей, в основе которых лежит представление о личности, демонстрирующей имидж грандиозности, но маскирующей при этом чувство слабости и уязвимости представления личности о себе [1].

Первые работы, посвященные грандиозному и сензитивному нарциссизму, принадлежат Г.А. Мюррею. Он обнаружил двойственную природу нарциссизма. Нарциссизм может проявляться в эгоизме, доминировании над другими, но также в проживании негативных эмоций и состояний: недооценке себя, гиперчувствительности к чужому мнению, склонности избегать взаимодействия с окружающими, особенно в ситуациях угрозы позитивному представлению о себе [3].

Позже П. Уинк эмпирически подтвердил наличие минимум двух видов нарциссизма, выделив два относительно независимых фактора: Грандиозность – демонстративность и Уязвимость – чувствительность [3]. Согласно результатам его исследований, грандиозный и сензитивный нарциссизм статистически не связаны. Однако П. Уинк допускал, что грандиозный и

сензитивный нарциссизм могут иметь общее ядро, например, чувство собственного достоинства и грандиозные эгоистичные фантазии. В его исследованиях люди с высокими показателями по шкале «Уязвимость – Чувствительность» выглядели как защищающееся, гиперчувствиьтельные, тревожные и социально сдержанные личности [9].

Стоит отметить, что в работах по сензитивному нарциссизму часто встречаются термины «hypersensitive» (гиперчувствительный), «sensitive» (сензитивный) и «vulnerable» (уязвимый). Все они являются синонимами и описывают одну черту нарциссизма.

Необходимо сказать, что даже рассматривая нарциссизм как патологию О.Ф. Кернберг выделяет уязвимый нарциссизм как отдельный подвид наряду с грандиозным и злокачественным [5].

Выделение сензитивного нарциссизма в частную черту личности способствовало разработке структурных и процессных моделей грандиозного и сензитивного нарциссизма [3]. Так, трехфакторная модель Дж. Д. Миллера [Miller J.D. et al., 2021] интегрирует в нарциссизм базовые черты личности, выделяя их общее ядро — антагонизм, а также грандиозный тип, связанный с агентной экстраверсией, и сензитивный, связанный с нейротизмом. Сходным образом модель спектра З. Кризана и А. Д. Херлаха [Krizan Z., Herlache A.D., 2017] объединяет эти формы в непрерывный континуум вокруг ядра — чувства собственной важности, но разводит их по стратегиям: грандиозность ориентирована на сближение, а сензитивность — на избегание [Pincus A.L., Lukowitsky M.R., 2010; Krizan Z., Herlache A.D., 2017].

Следует отметить, что, описывая сензитивный спектр З.Кризан отмечает, что этот спектр обладает очень низкой самооценкой, нестабильным представлением о себе, низким чувством собственной ценности, а также чувством неполноценности, отравленным завистью и обидой на богатство других. Более того, сензитивный спектр отражает многочисленные социальные тревоги, озабоченность принятием со стороны социума, стыд и параноидные выводы о мире и поведении других людей. Именно такие когнитивные особенности приводят к тому, что люди, обладающие синзитивным нарциссизмом, оказываются в конфликтных отношениях с размытыми границами, проявляют высокую тревожность по поводу близости и страх отвержения [8].

Идею общего ядра подтверждает и круговая модель Р. Рогозы [Rogoza R. et al., 2019], которая через оси личностных черт (Альфа/Стабильность) наглядно демонстрирует близость обеих форм к антисоциальным тенденциям при их полярности по линиям поиска ощущений и дисгармонии.

В качестве альтернативы выступает комплексная иерархическая модель К. Седикидеса, которая не постулирует единого ядра. Эта модель разделяет нарциссизм на индивидуальный и коллективный. Индивидуальный в свою очередь делится на сензитивный и грандиозный - две во многом не связанные между собой формы [7]. Грандиозный далее подразделяется на общественный и агентный, который включает в себя соперничающий (защита самооценки через принижение других) и адмиративный (стремление к восхищению через самопрезентацию).

Выбор конкретной модели зависит от исследовательских задач: концепция Дж. Д. Миллера оптимальна для точной эмпирической операционализации черт; модель спектра З. Кризана и А. Д. Херлаха эффективна для изучения качественных переходов внутри нарциссического континуума; подход К. Седикидеса необходим для многоуровневого анализа личностных и групповых феноменов, в то время как круговая модель Р. Рогозы лучше всего отражает многогранность и динамику связей нарциссизма с общими свойствами личности.

Рассмотрим подробнее трехфакторную модель Дж. Д. Миллера. Данная модель разделяет нарциссизм как черту личности на два основных проявления и описывает их через три базовые личностные характеристики:

1. Грандиозный нарциссизм базируется на агентной эктсраверсии, которая включает в себя самоутверждение, настойчивость и социальную доминантность.

2. Сензитинвый нарциссизм опирается на нейротизм, выражающийся в нестабильной самооценке (при определенных условиях: при угрозе социальному статусу, риске разрыва отношений, социально неодобряемом поведении).

3. Антагонизм (общее ядро) – центральный фактор, объединяющий оба типа нарциссизма. Он проявляется через манипулятивность и экспуататорское поведение.

В нашем исследовании для определения особенностей самоотношения у людей с высоким сензитивным нарциссизмом планируется использовать следующие методики: опросник диагностики личностных черт «Темной триады»: апробация опросника «Темная дюжина» (Т.В. Корнилова, С.А. Корнилов, М.А. Чумакова, М.С. Талмач); опросник «Нарциссические

черты личности (НЧЛ) (О.А. Шамшикова, Н.М. Клепикова); тест «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд; модификация Т.В. Румянцевой), Методика исследования самоотношения С.Р. Пантелеева (МИС).

Опросник «Темная дюжина» направлен на измерение субклинических личностных свойств, входящих в так называемую «Темную триаду» – макиавеллизм, психопатия, нарциссизм. Нарциссизм определяется и как некоторое устойчивое длительное состояние, возникшее на основе искажения способов регуляции представлений личности о себе, и как личностная черта, которая характеризуется, в первую очередь, демонстрируемой грандиозностью.

Нарциссические черты, нарциссические способы регуляции представлений о себе и нарциссические стратегии исследуются различными диагностическими приемами. На российских выборках О. Шамшиковой и Н. Клепиковой был адаптирован опросник «Нарциссические черты личности» (НЧЛ), который выявляет два разных аспекта: нарциссические стратегии личности и нарциссические черты личности.

Опросник включает 67 пунктов и дает оценку для 9 шкал. Грандиозное чувство самозначимости, поглощенность фантазиями, вера в собственную уникальность, потребность в постоянном внимании и восхищении, ожидание особого отношения, манипуляции в межличностных отношениях, отсутствие эмпатии, сверхзанятость чувством зависти, дерзкое, заносчивое поведение.

Методика «Кто Я?» представляет собой нестандартизированное самоописание с открытой формой и (в некоторых модификациях) количеством ответов. Методика была предложена в 1954 году М. Куном и Т. Макпартландом, и имеет несколько модификаций на русском языке. Мы в нашей работе используем модификацию Т.В. Румянцевой.

Методика самоотношения С.Р. Пантелеева (МИС) предназначена для выявления структуры самоотношения личности, а также выраженности некоторых компонентов самоотношения: закрытости, саморуководства, отраженного самоотношения, самоценности, самопривязанности, внутренней конфликтности, и самообвинения [2].

В отечественной психологии определен ряд исследований отношения личности к самому себе. Так, грузинский психолог Н.И. Сарджвеладзе, который ввел термин «самоотношение» в 1974 году, описал трехкомпонентное строение, включающее в себя когнитивный, эмоциональный и конативный компоненты. Когнитивный компонент реализует отношение субъекта к самому себе посредством познавательных психических функций (ощущение, восприятие, представление, мышление, воображение). Конативный компонент выступает в качестве внутренних действий в собственный адрес или как готовность к таким действиям (ожидаемое отношение от самого себя или от других). Эмоциональный компонент приравнивается к термину «самоотношение», включая в себя эмоции.

В.В. Столин предложил оригинальную модель строения самоотношения: симпатия – антипатия (приязнь или неприязнь), уважение – неуважение (предполагает сравнение или внутреннее обоснование), близость – отдаленность (внутренние межличностные дистанции). Согласно его модели, макроструктурой самоотношения являются эмоциональные компоненты или измерения, образующие эмоциональное пространство, в котором разворачиваются соответствующие действия-установки (самоинтерес, самоуважение и т. д.).

С.Р. Пантилеев понимает самоотношение как выражение смысла «Я» для субъекта. За феноменологическими различиями между двумя способами выражения смысла «Я» стоит более глубокое и содержательное различение двух подсистем самоотношения – самооценочной и эмоционально-ценностной, которые находятся в отношении взаимного превращения и различным образом связаны со смыслом «Я» субъекта [6].

Целью планируемого исследования является комплексное изучение структуры сензитивного нарциссизма, особенностей самоотношения и маркеров идентичности у респондентов с разной степенью выраженности сензитивного нарциссизма. Мы предполагаем, что проявления грандиозного и сензитивного нарциссизма будут иметь противоположные маркеры в структуре самоотношения: грандиозные нарциссизм будет демонстрировать устойчивые значимые положительные связи со шкалами «Самоценность», «Самоуверенность», «Саморуководство» при отрицательной связи с внутренней конфликтностью, в то время как сензитивный нарциссизм будет обнаруживать обратную тенденцию: значимые положительные связи со шкалами «Внутренняя конфликтность» и «Самообвинения» на фоне дефицита «Самоуважения» и «Отраженного самоотношения». Также мы предполагаем, что будут наблюдаться значительные различия показателей компонентов идентичности: у респондентов с высокими показателями

грандиозного нарциссизма будут преобладать социальные, материальные и деятельные компоненты, в то время как у респондентов с высокими показателями сензитивного нарциссизма будут преобладать показатели рефлексивного Я, при низком количестве физического Я, а также возможно присутствие таких показателей как проблемная идентичность.

1. Шамшикова О.А., Клепикова Н.М. Операционализация понятия «нарциссизм» в пределах психической нормы // МНКО. – 2011. – №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/operatsionalizatsiya-ponyatiya-nartsissizm-v-predelah-psihicheskoy-normy (дата обращения: 03.06.2025).
2. Пантелеев С.Р. Методика исследования самоотношения. – URL://https://testoteka.narod.ru/lichn/1/41.html (дата обращения 02.05.2026)
3. Ничепорук Е.В. Современные модели нарциссизма как личностной черты в зарубежной психологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2025. – №4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-modeli-nartsissizma-kak-lichnostnoy-cherty-v-zarubezhnoy-psihologii (дата обращения: 25.05.2026).
4. Ермолова Е.О., Тютюникова Н.В. «Психопатология» повседневной жизни: к вопросу о нарциссизме и классификации нарциссических черт личности // Профессиональное образование в современном мире. – 2021. – Т. 11, № 2. – С. 231–242. – DOI: https://doi.org/10.20913/2618-7515-2021-2-23
5. Слепкова Т.Ю., Фисенко А.А. Теоретико-методологические положения изучения феномена нарциссизма // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2025. – Т. 14, № 2А. – С. 23-31.
6. Максимова Е.Ю., Солдатова О.Д. Самоотношение как проблема смыслообразующей деятельности личтности в юношеском возрасте // Гуманитарные науки. – 2022. – №4 (60). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/samootnoshenie-kak-problema-smysloobrazuyuschey-deyatelnosti-lichnosti-v-yunosheskom-vozraste (дата обращения: 31.05.2026).
7. Sedikides,C.(2021). In search of Narcissus. Trends in Cognitive Sciences, 25(1), 67-80. – URL: http://doi.org/10.1016/j.tics.2010.10.010 (дата обращения:05.06.2026)
8. Krizan Z., Herlache A. D. The Narcissism Spectrum Model: A Synthetic View of Narcissistic Personality // Personality and Social Psychology Review. – 2018. – Vol. 22, No. 1. – P. 3–31. – DOI: 10.1177/1088868316685018 (дата обращения 05.06.2026)
9. Wink, P. (1991). Two faces of narcissism. Journal of Personality and Social Psychology, 61(4), 590–597. – URL: https://doi.org/10.1037/0022-3514.61.4.590 (дата обращения: 08.06.2026)

Сведения об авторах

И.И. Черемискина, канд. психол. наук, доцент, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

И.И. Яланжи, магистрант, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 81’27

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ХАРБИНЕ

Чжан Жуйсинь, магистрант

Н.В. Хисамутдинова, д-р ист. наук

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье сообщаются результаты исследования особенностей межкультурной коммуникации в процессе обучения иностранным языкам в Харбине, который исторически сформировался как мультикультурный центр, где многоязычие и межкультурное взаимодействие стали неотъемлемыми характеристиками городской среды. Анализ научных концепций по проблемам межкультурной коммуникации и методике преподавания иностранных языков, а также эмпирические исследования позволили обосновать необходимость системной интеграции межкультурного компонента в процесс обучения языкам.*

Ключевые слова: *обучение иностранным языкам в Харбине, мультикультурный центр, многоязычие, межкультурное взаимодействие*

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING IN HARBIN

Abstract. *The article presents the results of researching intercultural communication features in the process of teaching foreign languages in Harbin. Historically this city has been a multicultural center where multilingualism and intercultural interaction have become integral characteristics of the urban environment. The analysis of scientific concepts on intercultural communication issues and methods of teaching foreign languages, as well as empirical research have made it possible to substantiate the need for the intercultural component being systematically integrated into the language learning process.*

Keywords: *foreign language teaching in Harbin, multicultural center, multilingualism, intercultural interaction*

В условиях глобализации и активного международного взаимодействия проблема эффективной межкультурной коммуникации приобретает особую значимость. Современное образование ориентировано не только на формирование языковых навыков, но и на развитие способности к межкультурному взаимодействию, что является необходимым условием успешной коммуникации в многонациональной среде.

Город Харбин, крупный образовательный и культурный центр северо-восточного Китая, исторически играет важную роль в развитии межкультурных связей, прежде всего между Китаем и Россией. Это обусловило устойчивый интерес к изучению иностранных языков, в частности русского языка, а также сформировало особую образовательную среду, в которой активно взаимодействуют представители разных культур. Однако различия в культурных нормах, коммуникативных стратегиях и ценностных ориентирах нередко становятся причиной затруднений, которые возникают в учебном процессе.

В связи с этим исследование особенностей межкультурной коммуникации в процессе обучения иностранным языкам в Харбине представляется актуальным как с научной, так и с практической точки зрения, поскольку позволяет выявить факторы, влияющие на эффективность обучения языкам, и определить пути совершенствования образовательного взаимодействия в мультикультурной среде.

Исследование базируется на трудах российских и зарубежных ученых в области межкультурной коммуникации [1], методики преподавания иностранных языков и лингвокультурологии [2], нормативных документах по обучению иностранным языкам и организации учебного процесса в Харбине [3], а также результатах эмпирического исследования (посещение уроков иностранного языка в школах и университетах Харбина летом 2025 г., анкетирование преподавателей и студентов, изучающих иностранные языки).

Харбин исторически стал центром межкультурной коммуникации на северо-востоке Китая. Предпосылками этому стало строительство и функционирование КВЖД, для чего в Харбин приехало большое число специалистов из России, а также появление в городе во время Гражданской войны в России и после ее окончания множества образованных русских эмигрантов. Благодаря большому числу русских в Харбине появились русские учебные заведения, школы, училища и институты, в которых учились и китайские дети. Это, как отмечают историки, заложило основы преподавания иностранных языков и создало почву для дальнейшего формирования многоуровневой языковой подготовки [4, с. 310].

Система преподавания иностранных языков в Харбине формировалась под воздействием исторических факторов, международных связей, экономических задач и особенностей городского культурного пространства. Многокультурная структура города стала естественной средой для развития многоязычных образовательных программ, что выделяет Харбин среди других городов Северо-Восточного Китая. Изучение иностранных языков закрепилось в школьных и вузовских программах не только как обязательная дисциплина, но и как стратегическая составляющая подготовки специалистов международного уровня.

В XXI веке Харбин остается центром международного взаимодействия. Среди межкультурных мероприятий, которые проходят сегодня в городе, можно назвать следующие:

– российско-китайская ярмарка культуры и искусства,

– форум российско-китайского сотрудничества,

– фестивали языков,

– конференции по межкультурной коммуникации.

В аналитическом бюллетене Российского совета по международным делам (РСМД) подчёркивается, что Харбин занимает заметное место в российско-китайском гуманитарном сотрудничестве [5, с. 12]. Это проявляется в развитии образовательных обменов, культурных форумов и языковых инициатив, объединяющих российские и китайские учреждения. Следовательно, современное гуманитарное взаимодействие поддерживает статус Харбина как значимого центра межкультурной коммуникации и обучения иностранным языкам.

С переходом в XXI век в школах Харбина утвердились обязательное изучение английского языка и факультативное изучение русского, японского и корейского языков. Многие школы участвуют в проектах двуязычного обучения и международных образовательных программах. Иноязычное образование в китайской школе регулируется системой общегосударственных нормативных документов Министерства образования КНР [3]. Иностранный язык входит в число обязательных предметов национального курса, а английский язык в обязательном образовании рассматривается как предмет, обладающий как инструментальной, так и гуманитарной ценностью [3, с. 8]. Одновременно государственный стандарт ориентирует обучение китайских школьников иностранному языку не только на усвоение языковых знаний, но и на развитие языковой способности, культурного сознания, мыслительных качеств и учебной способности учащихся [3, с. 11–12].

В стандарте прямо подчёркивается необходимость развивать у учащихся способность понимать культурные различия народов, участвовать в межкультурном общении, а также выбирать уместные, вежливые и корректные способы выражения в зависимости от ситуации, коммуникативной цели и статуса собеседника [3, с. 15; с. 30–31]. Следовательно, обучение иностранному языку в Китае уже нельзя сводить только к изучению лексики и грамматики; оно всё более явно выходит на уровень прагматики и культуры общения.

Необходимо отметить и то, что в китайской системе обязательного образования официальное место занимает не только английский, но и русский язык [3, с. 4–8]. Это особенно важно для исследования Харбина, поскольку в данном регионе русский язык имеет не только учебное, но и регионально-культурное значение. Стандарт по русскому языку, как и стандарт по английскому языку, связывает преподавание языка с развитием ключевых компетенций, культурного сознания и практической направленности обучения.

Исследование современной системы обучения иностранным языкам в школах и вузах Харбина выявило сочетание традиционных и инновационных методических подходов, а также высокую степень международной интеграции образовательных программ. Вместе с тем были обозначены проблемы, которые возникают при обучении языкам. Несмотря на то, что условия для межкультурной коммуникации, исторически сложившиеся в Харбине, способствуют развитию языкового образования, слабое формирование межкультурной компетентности снижает эффективность обучения иностранным языкам как средству общения.

Эту гипотезу о системном влиянии межкультурных различий на эффективность языкового обучения подтвердили эмпирические исследования, а именно анкетирование студентов (35 человек разного уровня подготовки) и преподавателей иностранных языков (30 человек). Разделение выборки на две группы позволило провести сравнительный анализ восприятия межкультурных трудностей и способов их преодоления с точки зрения как обучающихся, так и преподавателей.

Сравнительный анализ позволил выявить совпадения и различия в оценке межкультурных барьеров студентами и преподавателями, степени осознания проблем различными участниками образовательного процесса и отношении к способам разрешения этих проблем.

Интерпретация полученных данных осуществлялась на основе критериев оценки уровня межкультурной компетентности [6, с. 1450].

Анализ ответов студентов показал, что межкультурные трудности носят распространённый характер. Так, 34.29% студентов отметили, что «часто» сталкиваются с трудностями, связанными с культурными различиями народов, а 57.14% указали вариант «иногда». Таким образом, 91.43% респондентов в той или иной степени испытывали межкультурные затруднения.

Наибольшее число проблем у студентов возникает при следующих обстоятельствах:

– различия в стиле общения — 64.71%;

– культурные табу и чувствительные темы — 64.71%;

– трудности понимания юмора и скрытых смыслов — 55.88%;

– различия в речевом этикете, приводящие к трудностям — 47.06%;

– невербальные различия — 44.12%.

Наиболее часто коммуникативные затруднения у студентов возникает при следующих обстоятельствах:

– при общении с носителями языка — 64.71%;

– при взаимодействии с преподавателями — 58.82%;

– во время устных выступлений — 38.24%.

Нас интересовала и оценка влияния межкультурного фактора на мотивацию к изучению языков. Средний балл оценки составил 3,17 по 5-балльной шкале.

Анкетирование позволило также выявить, что 71.43% студентов считают необходимым усилить устную практику и коммуникативную подготовку; 57.14% респондентов указывают на необходимость более подробного объяснения культурных различий со стороны преподавателей. Данные результаты подтверждают, что межкультурный компонент воспринимается студентами как значимый фактор, влияющий на их мотивацию при изучении языка и уверенность при его применении.

Анализ ответов преподавателей показал, что они в высокой степени осознают наличие межкультурных проблем в учебном процессе. 70% респондентов указали, что студенты «часто» сталкиваются с межкультурными трудностями, а 26,67% отметили вариант «иногда». Таким образом, 96,67% преподавателей признают системность затруднений данного типа, что совпадает с ответами студентов и подтверждает объективный характер выявленных проблем.

Совпадение обнаружилось и при ответах на вопрос о наиболее распространённых межкультурных проблемах: они связаны преимущественно с когнитивным и коммуникативным компонентами межкультурной компетентности. Средний балл оценки преподавателей влияния межкультурных факторов на эффективность учебного процесса составил 3.33 по пятибалльной шкале. Сопоставление со студенческой оценкой (3.17) свидетельствует о согласованном восприятии значимости культурного аспекта в образовательном процессе.

63.33% преподавателей указали, что межкультурные трудности проявляются «на всех этапах обучения», что подтверждает гипотезу о системном характере данных барьеров.

Вопрос анкеты о методах преодоления межкультурных трудностей показал, что преподаватели активно используют в обучении элементы межкультурного общения:

– 70% применяют сравнительный анализ культур;

– 66.67% используют ролевые игры и моделирование ситуаций;

– 60% включают мультимедийные материалы.

Однако, согласно опросу, лишь 16.67% преподавателей регулярно организуют общение студентов с носителями изучаемого языка, что свидетельствует о недостаточной практической интеграции межкультурного взаимодействия.

Отвечая на вопрос об ограничениях в реализации межкультурного компонента, среди основных препятствий преподаватели отметили нехватку учебного времени — 66.67%; ограниченность учебных материалов — 60%; недостаточную профессиональную подготовку в области межкультурной коммуникации — 56.67%.

Данные результаты указывают на существование институциональных и организационных барьеров, влияющих на эффективность межкультурной подготовки при обучении иностранным языкам.

Результаты анкетирования студентов и преподавателей продемонстрировали высокий уровень согласованности оценок, что свидетельствует об объективном характере выявленных трудностей. Доминирующими оказались когнитивные и коммуникативные барьеры, связанные с различиями в культурном контексте, стиле общения и интерпретации речевого поведения. Таким образом, проведённое исследование подтверждает, что в условиях мультикультурного образовательного пространства эффективное обучение иностранным языкам невозможно без целенаправленного и системного формирования межкультурной компетентности как стратегического компонента языковой подготовки.

Следующим этапом исследования будет разработка многоуровневой модели совершенствования межкультурной подготовки, включающей методический, практико-ориентированный, организационный и цифровой уровни и направленной на системное развитие всех компонентов межкультурной компетентности.

1. Стернин И.А. Основы межкультурной коммуникации. – Воронеж: Истоки, 2013. –180 с.
2. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – Москва: Слово, 2008. – 288 с.

3. Yiwu jiaoyu yingyu kecheng biaozhun: 2022 nian ban [Стандарт курса английского языка для среднего образования: 2022 г.] / Министерство образования КНР. – Пекин, 2022. (На кит. яз.)
4. Хисамутдинова Н.В. Из Владивостока – в эмиграцию: судьбы дальневосточных профессоров // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2-6 (62). – С. 309-312.
5. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в Харбине: аналитический бюллетень РСМД. – 2020. – 45 с.
6. Жукова В.И., Фирскина М.С. Исследование уровня сформированности межкультурной компетенции студентов // Молодой ученый. – 2016. – № 11. – С. 1452–1455.

Сведения об авторах
Чжан Жуйсинь, магистрант, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия
Н.В. Хисамутдинова, преподаватель, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 339.1

ЭКСПОРТ ОБРАЗОВАНИЯ ИЛИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ: ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Чжан Итин, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В научных, литературных и нормативно-правовых источниках используются разные термины, по сути обозначающие обучение иностранных граждан в российских вузах, экспорт образования и экспорт образовательных услуг. Внутреннее содержание и соотношение этих двух терминов остаются в настоящее время предметом научных дискуссий. В статье сделана попытки разграничения области применения этих двух терминов.*
Ключевые слова: *экспорт образования, экспорт образовательных услуг, образовательная услуга*

EXPORTING EDUCATION OR EDUCATIONAL SERVICES: TERMINOLOGY ISSUES

Abstract. *Scientific, literary, and legal sources use various terms that essentially refer to the education of foreign citizens at Russian universities, the export of education, and the export of educational services. The meaning and relationship between these two terms remains a subject of scholarly debate. This article attempts to delineate the scope of application of these two terms.*
Keywords*: education export, educational services export, educational service*

Положительное сальдо внешнеторгового баланса является одним из признаков экономического развития страны. В настоящее время достичь определенного благополучия возможно экспортируя не только товары (экспорт сырьевых товаров в частности, является признаком не очень высокого уровня развития страны), но и услуги, а также капитал. Для Росси актуально наращивание объемов несырьевого экспорта, на что нацелен ряд государственных программ. Современный этап развития международных отношений характеризуется возрастающей ролью экспорта образования как важного инструмента «мягкой силы» и одного из источников несырьевого экспорта.

Россия традиционно считается экспортоориентированной страной. Российская Федерация продолжает укреплять свои позиций на глобальном рынке образовательных услуг, в том числе в системе экспорта технологического образования, что подтверждается реализацией с 2017 года приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» (далее – федеральный проект «Экспорт образования»), рассчитанного до 2025 года. Ключевая цель проекта – повысить привлекательность и конкурентоспособность российского образования на международном рынке и увеличить объём средств, полученных от экспорта российского образования, более чем в пять раз – до более чем 373 млрд рублей к 2025 году. Основные направления экспорта образования: страны СНГ, Азии, Африки и Латинской Аме-

рики. В этих регионах российские вузы традиционно пользуются популярностью, вследствие выгодного соотношения качества и стоимости образовательных услуг.

Однако, несмотря на активное использование в официальном дискурсе и нормативных правовых актах терминов «экспорт образования» и «образовательная услуга», их содержание и соотношение остаются предметом научных и общественных дискуссий. Более того, в последние годы российское законодательство претерпело существенные изменения, направленные на исключение самого понятия «образовательная услуга» из правового поля. Данное обстоятельство актуализирует вопрос о корректности использования термина «экспорт образовательных услуг» в стратегических документах и научной литературе. Цель настоящей статьи – проанализировать сложившиеся подходы к определению рассматриваемых понятий, выявить их различия и предложить пути унификации терминологии.

Первоначально понимание образования как услуги было определено министрами экономики стран Евросоюза 15 апреля 1994 года в рамках Генерального соглашения о торговле услугами [1]. Как отмечает А.Г. Кусов и другие [2], образовательная услуга понимается как «комплекс целенаправленно создаваемых и предлагаемых населению возможностей для приобретения определенных знаний и умений, для удовлетворения тех или иных образовательных потребностей». Таким образом, резюмирует А.С. Лолаева [3] подобные услуги представляют собой деятельность по передаче знаний, умений, а также деятельность по формированию определенных навыков и воспитанию. Часто возникает ситуация, при которой образовательная услуга отождествляется с услугами средств передачи знаний. Собственно, средствами передачи знаний являются методические материалы (программы, учебники, учебные пособия). Потребители выбирают учебные заведения, которые находятся в условиях конкуренции на рынке образовательных услуг. В таком случае образовательный процесс является содержанием образовательной услуги. С точки зрения экономической теории образовательная услуга представляет собой процесс предоставления образования. Она является результатом труда преподавателей, появляется в его процессе, а ее результат призван удовлетворять потребности субъектов [3].

Анализ литературы позволил Е.Ф. Мазанюк [4] выделить четыре основных научных подхода, согласно которым образовательная услуга рассматривается как нематериальное благо, комплекс образовательных достижений и возможностей для развития личности, процесс формирования человеческого капитала, результат данного процесса. В качестве важнейшего критерия непосредственно образовательной услуги часто рассматривается возмездность. В литературе понятие «образовательная услуга» иногда трактуется как осуществление образовательной деятельности по заданиям и за счёт средств физических и (или) юридических лиц по договорам об оказании платных образовательных услуг, но по мнению Тенихиной А.С. в данном случае логичнее делить образовательные услуги на платные и предоставляемые за чет средств государственного бюджета [4].

Однако в российском законодательстве в последние годы произошёл принципиальный пересмотр отношения к данному термину. В сентябре 2021 года Президент Российской Федерации В.В. Путин поручил скорректировать законодательство и убрать понятие «образовательная услуга» из нормативных правовых актов [5]. Во исполнение данного поручения в июне 2022 года Государственной Думой был принят закон, исключающий понятие «образовательная услуга» из Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» применительно к школам и средним специальным учебным заведениям. Принципиальная разница между образованием и услугой заключается в том, что услуга осуществляется исключительно в интересах заказчика и имеет конечный результат, по которому стороны могут сделать выводы о качестве оказанной услуги. Образование же представляет собой «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства». Таким образом, в услуге изначально задана потребность конкретного лица и нивелированы интересы семьи, общества и государства, а также будущее интеллектуальное и творческое развитие человека.

Что же касается обучения в российских вузах иностранных граждан, то здесь мы имеем дело с термином «экспорт образовательных услуг». В понятии экспорта образовательных услуг закреплена идея наращивания экономических показателей международной деятельности вузов, и сам термин означает как академическую мобильность студентов, получающих образование за пределами страны своего гражданства, так и открытие зарубежных филиалов учебных заведений.

В официальных документах Российской Федерации наблюдается определённая терминологическая двойственность. С одной стороны, утверждённый в 2017 году приоритетный проект носит название «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», а федеральный проект – «Экспорт образования». С другой стороны, в Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года, утверждённой распоряжением Правительства РФ от 14 августа 2019 г. № 1797-р, использовался термин «экспорт образовательных услуг», под которым понимается предоставление образовательных услуг иностранным учащимся, обучающимся очно или с помощью современных коммуникационных технологий (онлайн-обучение).

В литературе экспорт образования рассматривают чаще в широком смысле – как предоставление образовательной услуги либо на территории иностранного государства, либо иностранному гражданину на территории страны-экспортёра. Другие авторы выделяют четыре модели экспорта образовательных услуг [6]. Существует и подход, согласно которому экспорт образования – это привлечение иностранных студентов в российские вузы, а экспорт образовательных технологий – использование российских образовательных платформ, преимущественно цифровых, за рубежом [7].

Отмечается, что ключевое различие между «экспортом образования» и «экспортом образовательных услуг» лежит в содержательной плоскости. Экспорт образования как государственная политика направлен на продвижение национальных ценностей, культуры, языка, укрепление международного влияния страны и подготовку кадров для зарубежных государств. Экспорт же образовательных услуг акцентирует внимание на экономической составляющей – получении дохода от обучения иностранных граждан. Данное различие не является исключительно терминологическим: оно определяет целевые установки, инструменты оценки эффективности и даже правовой режим соответствующих отношений.

Выбор того или иного термина влечёт за собой существенные правовые последствия. Квалификация образовательной деятельности в качестве услуги автоматически распространяет на неё действие законодательства о защите прав потребителей, что создаёт риски для образовательных организаций. Студент вуза не может быть при этом заказчиком и потребителем услуги в гражданско-правовом смысле, поскольку он получает образование не только в своих личных интересах, но и в интересах общества и государства (если обучается на бюджете), в отличие от потребителя, приобретающего товары или услуги для личных бытовых нужд.

В официальных документах стратегического планирования и нормативных правовых актах, касающихся международной образовательной деятельности, целесообразно использовать термин «экспорт российского образования» как более точно отражающий комплексный характер данного явления, включающего не только экономическую, но и культурно-гуманитарную составляющую. Термин «образовательная услуга» может сохраняться в узком контексте – применительно к платным дополнительным образовательным программам, не связанным с реализацией основных образовательных программ, и только в случаях, когда речь идёт именно о гражданско-правовых отношениях возмездного оказания услуг.

В научной литературе следует более чётко разграничивать экономический аспект экспорта образования (который может описываться в категориях услуг) и содержательный, гуманитарный аспект (который требует использования термина «образование»). Проведённый анализ показывает, что унификация терминологии будет способствовать повышению эффективности государственной политики в данной сфере, укреплению позиций российского образования на международной арене и более точному определению целей и задач экспортной деятельности.

На сегодняшний день бизнес активно подключается к государственным программам экспорта образования. Иностранные студенты, окончившие российские вузы, могут трудоустраиваться в компании – партнеры российских промышленных корпораций за рубежом. Выпускники учебных заведений, таких как, например, РУДН и опорные вузы Госкорпорации «Росатом», продвигают российские технологии и образование в своих странах [8].

Таким образом, наш вывод, касающийся точности применения терминов «экспорт образования» и «экспорт образовательной услуги» заключается в том, что на уровне международной деятельности, в узком смысле, допустимо применение термина экспорт образовательной услуги, который фокусирует внимание именно на обучении иностранных граждан в российских вузах. Что же касается применения данного термина в контексте инструментов мягкой силы,

то есть образование иностранных граждан, как не просто обучение их знаниям и умениям в предметной области, а с включением культурных и геополитических аспектов, то в этом случае рекомендуется применять термин «экспорт образования».

1. Генеральное соглашение по торговле услугами // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов Текст: электронный. – URL: https://docs.cntd.ru/document/902340076.

2. Кусов А. Г., Дудаева Л. Р., Лолаева А. С. Понятие, виды и значение образовательных услуг // Научные междисциплинарные исследования. – 2021. – № 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-vidy-i-znachenie-obrazovatelnyh-uslug .

3. Лолаева А.С., Лолаева Д.Т. Цифровая трансформация образования: правовой и философский подходы // Образование и право. – 2021. – № 2. – С. 223-230.

4. Мазанюк Е. Ф. Научные подходы к определению сущности понятия «образовательная услуга» // Обучение, развитие, воспитание в современном образовательном процессе: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 05 апреля 2022 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2022. – С. 17-20. – EDN RMGBQP.

5. Тенихина А. С., Ожиганова М. В. Понятие образовательных услуг как объекта гражданских прав. — Текст: электронный // Весенние дни науки: сборник докладов Международной конференции студентов и молодых ученых (Екатеринбург, 20–22 апреля 2023 г.). — Екатеринбург: Издательство Издательский Дом «Ажур», 2023. – С. 1352-1354.

6. Путин утвердил исключение из закона об образовании понятия «образовательная услуга» // сайт ТАСС Текст: электронный. – URL: https://tass.ru/obschestvo/15216611.

7. Филиппова М. Ю. Экспорт образования как правовое явление // Вестник Академии права и управления. – 2019. – №1 (54). – С. 39-45.

8. Николаев В.К. Экспорт образования в вузах России в условиях новой реальности // Высшее образование в России. – 2022. – №2. – С.149-166.

9. Сергеев И. Российский образовательный экспорт: как трансфер знаний расширяет дорогу бизнесу // Ведомости: информационный портал Текст: электронный. – URL: https://www.vedomosti.ru/ideas/education/articles/2024/10/07/1066353-rossiiskii-obrazovatelnii-eksport.

Сведения об авторе

Чжан Итин, магистрант, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 81’42

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «МУЗЫКА» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Чжоу Ин, магистрант

Н.Ю. Пилюгина, преподаватель

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Статья посвящена анализу национально-культурной специфики лексико-семантического поля «музыка» в русском и китайском языках. На основе анализа словарных дефиниций, сочетаемостных свойств и частотности употребления предложена модель ядерной и центральной зоны поля «музыка» в двух языках. Выделены основные тематические группы поля, показаны национально-специфичные элементы. На основе результатов ассоциативного эксперимента русских и китайцев сформулирована специфика отражения поля в сознании современных носителей.*

Ключевые слова: *культура, язык, лексико-семантическое поле, музыка, тематические группы, ассоциации*

THE LEXICAL AND SEMANTIC FIELD "MUSIC": NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICS IN RUSSIAN AND CHINESE

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the national and cultural specifics of the lexico-semantic field "music" in Russian and Chinese. Based on the analysis of dictionary definitions, compatibility properties and frequency of use, a model of the nuclear and central zones of the "music" field in two languages is proposed. The main thematic groups of the field are highlighted, and nationally specific elements are shown. Based on the results of the associative experiment of Russians and Chinese, the specifics of the field's reflection in the minds of modern speakers are formulated.*

Keywords*: culture, language, lexico-semantic field, music, thematic groups, associations*

Актуальность исследования: интерес к сопоставительному изучению лексико-семантических полей (ЛСП) разных языков обусловлен усилением межкультурных контактов и потребностью в глубоком понимании национально-культурных особенностей языкового сознания. Лексико-семантическое поле «музыка» занимает особое место в языковой картине мира, поскольку музыка является универсальным, этнокультурно-маркированным феноменом, отражающим эмоциональную, эстетическую и социальную сферы жизни народа. Сравнение русского и китайского языков, принадлежащих к разным языковым семьям и культурным традициям, позволяет выявить как универсальные закономерности организации ЛСП, так и специфические черты, обусловленные различиями в мировосприятии. Несмотря на значительное количество работ по теории поля, сопоставительных исследований ЛСП «музыкальная культура» на материале русского и китайского языков до настоящего времени не проводилось, что определяет актуальность данной работы.

Объект исследования – лексико-семантическое поле «музыка» в русском и китайском языках.

Предмет исследования – структурно-семантические, синтагматические, ассоциативные и этнокультурные особенности ЛСП «музыка» в каждом из сопоставляемых языков, а также лингводидактический потенциал данного поля при обучении русскому языку как иностранному (РКИ) в китайской аудитории.

Цель исследования – выявить и описать этнокультурную специфику лексико-семантического поля «музыка» в русском и китайском языках на основе комплексного сопоставительного анализа, а также разработать рекомендации по использованию полученных результатов в практике преподавания РКИ.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

1) провести сопоставительный анализ словарных дефиниций лексем «музыка» и «音» (yīnyuè) с привлечением толковых и этимологических словарей русского и китайского языков;

2) выявить системные связи внутри ЛСП (сочетаемость, частотность) в русском и китайском языках;

3) построить модель ЛСП «музыка» для каждого языка, выделив ядро, центр и периферию;

4) описать основные тематические группы, входящие в состав поля, и выявить национально-специфическую лексику;

5) провести свободный ассоциативный эксперимент среди русских и китайских респондентов для выявления ассоциативных связей лексемы-стимула «музыка» / «音乐».

Теоретическая база исследования опирается на труды отечественных и зарубежных учёных в области теории поля (Й. Триер, Г. Ипсен, В.Г. Адмони, Ю.Н. Караулов, Г.С. Щур), лексической семантики (Ю.Д. Апресян, Л.М. Васильев), когнитивной лингвистики (А.В. Бондарко, Е.В. Гульга, Е.И. Шендельс) [2; 3]

Методы исследования: в работе используется комплексная методика, включающая описательный метод, реализуемый в методиках компонентного анализа, дефиниционного анализа, количественного анализа, свободного ассоциативного эксперимента, моделирования, а также используется сопоставительный метод.

Материал исследования включает**:**

- данные толковых и этимологических словарей русского языка (словари С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, Д.Н. Ушакова, С.А. Кузнецова, В.И. Даля) и китайского языка («Современный словарь китайского языка», «Море слов», «Большой словарь китайского языка»);

- контексты употребления лексем «музыка» и «音乐», извлечённые из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и корпуса CCL Пекинского университета (по 500 контекстов в каждом языке);

- данные свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 200 респондентов (100 русских, 100 китайцев).

Научная новизна работы заключается в том, что впервые проводится системное сопоставительное исследование ЛСП «музыкальная культура» на материале русского и китайского языков с использованием комплекса методов, включая ассоциативный эксперимент.

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой «музыка» определяется как «искусство, отражающее действительность в звуковых художественных образах, а также сами произведения этого искусства» [4, с. 364]. В словаре Д.Н. Ушакова добавляется значение «мелодия, напев» [5, с. 431]. «Большой толковый словарь» под ред. С.А. Кузнецова также фиксирует переносное значение: «звучание чего-либо, отличающееся стройностью, гармоничностью» [1, с. 672]. В китайских словарях лексема «音乐» определяется как «искусство, использующее звуки для выражения чувств и эмоций» [6, с. 1661]. В «Словаре современного китайского языка» также отмечается, что музыка – это «форма искусства, которая организует звуки для передачи смысла» [6, с. 1661].

Важно отметить, что в китайских дефинициях присутствует указание на эмоциональную составляющую музыки, тогда как в русских словарях акцент делается на художественном отражении действительности. Кроме того, важное различие заключается в этимологии лексем музыка в двух языках: в китайском языке базовой лексемой поля выступает иероглиф 乐 (yuè), который в древнекитайском языке обладал широкой семантикой, обозначая не только музыку, но и радость, удовольствие. Современная лексема 音乐 (yīnyuè) – двусложное образование, где первый иероглиф 音 означает «звук», второй 乐 – «музыка», «радость». Этимологическая связь с эмоциональной сферой в китайском языке прослеживается более отчетливо, чем в русском, где акцент делается на виде искусства.

Анализ сочетаемости лексемы «музыка» / «音乐» проводился на материале Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) и корпуса современного китайского языка CCL (Center for Chinese Linguistics Peking University). Всего было проанализировано 500 контекстов употребления в каждом языке. Результаты анализа показывают, что в обоих языках наиболее частотными являются оценочные и эмоциональные прилагательные, что свидетельствует о высокой эмоционально-оценочной значимости музыки для носителей обоих языков. Однако в китайском языке несколько выше частотность жанровых прилагательных, что может указывать на более рациональное восприятие музыки. В обоих языках доминируют глаголы восприятия (*слушать*), что указывает на примарную аудиальную природу музыки. Глаголы исполнения (*играть, музицировать, петь*) и создания (*сочинять, писать*) также имеют высокую частотность. Интересно отметить, что в китайском языке глаголы воздействия (*волновать, успокаивать, радовать*) встречаются несколько реже, чем в русском, что может свидетельствовать о более активной эмоциональной реакции на музыку в русской культуре. В таблице 1 показаны модели лексико-семантического поля «музыка» в русском и китайском языках.

Таблица 1

Модель ЛСП «музыка» в русском и китайском языках

Зона поля	Русский язык	Китайский язык
Ядро	музыка, музыкальный, музыкант, петь, песня	音乐 (yīnyuè), 音乐家 (yīnyuèjiā), 唱歌 (chànggē), 歌曲 (gēqǔ)
Центр	мелодия, ритм, гармония, тон, звук, композитор, исполнитель, оркестр, концерт, опера, балет	旋律 (xuánlǜ), 节奏 (jiézòu), 和声 (héshēng), 声音 (shēngyīn), 作曲家 (zuòqǔjiā), 演奏家 (yǎnzòujiā), 音乐会 (yīnyuèhuì)
Ближняя периферия (составляющие и жанры)	нота, аккорд, такт, тембр, дирижёр, симфония, соната, романс	音符 (yīnfú), 和弦 (héxián), 拍子 (pāizi), 指挥家 (zhǐhuījiā), 交响乐 (jiāoxiǎngyuè)
Дальняя периферия (направления)	джаз, рок, поп, фольклор, блюз, кантри	爵士乐 (juéshìyuè), 摇滚乐 (yáogǔnyuè), 流行音乐 (liúxíng yīnyuè), 民间音乐 (mínjiān yīnyuè)
Крайняя периферия	музыкальные термины (форте, пиано, адажио, allegro), звукоподражания (динь-дон, бах-бах)	музыкальные термины (заимствованные из европейских языков), звукоподражания

Внутри ЛСП «музыкальная культура» выделяются следующие тематические группы:

Музыкальные инструменты: *скрипка, фортепиано, гитара, барабан, флейта, труба, арфа, виолончель, альт, контрабас, гобой, кларнет, фагот, валторна, тромбон, туба, ксилофон, аккордеон, баян, гармонь, балалайка (национальный инструмент), домра, гусли.*

Музыкальные жанры: *опера, балет, симфония, соната, романс, джаз, рок, поп, классика, народная музыка, мюзикл, рэп, хип-хоп, электронная музыка, кантри, блюз.*

Музыкальные профессии: *композитор, музыкант, исполнитель, певец, певица, дирижёр, пианист, скрипач, гитарист, барабанщик, флейтист, вокалист, хормейстер.*

Действия и процессы: *петь, играть, сочинять, исполнять, слушать, танцевать, дирижировать, репетировать, импровизировать, аккомпанировать.*

Результаты деятельности: *песня, произведение, концерт, опера, симфония, соната, альбом, запись, пластинка, диск.*

Музыкальная теория: *нота, аккорд, такт, мелодия, ритм, гармония, тон, полутон, гамма, тональность, лад, интервал.*

Музыкальная акустика: *звук, шум, тишина, высота звука, тембр, динамика, резонанс.*

В китайском языке значительно шире представлена национальная музыкальная лексика, что отражает богатство и древность китайской музыкальной традиции. В русском языке также имеются национальные музыкальные инструменты и жанры, но их количество уступает китайскому.

Сопоставление наиболее частотных ассоциаций в русском и китайском языках выявляет значительные различия. В русском языке доминируют эмоциональные ассоциации (радость, грусть, счастье), в то время как в китайском языке наряду с эмоциональными присутствуют и рациональные (классика, поп, искусство). Ассоциация «душа» занимает 9 место в русском языке, в китайском языке аналогичная ассоциация отсутствует в топ-10. Для русских респондентов наиболее важным элементом музыки является мелодия (35%), для китайских – также мелодия, но с меньшим процентом (28%). Ритм важнее для китайцев (22% против 18%), что может быть связано с особенностями китайской музыкальной традиции.

Ассоциативные связи, выявленные в ходе свободного ассоциативного эксперимента (200 респондентов, по 100 в каждой языковой группе), показали значительные различия. Для русских респондентов музыка в большей степени связана с эмоциональной сферой (радость, грусть, счастье, душа) – 34,5% реакций. Для китайских респондентов преобладают жанровые характеристики (классика, поп) – 24,6% реакций, что подтверждает более рациональное восприятие музыки. Главным элементом музыки русские называют мелодию (35%), китайцы – также мелодию, но с меньшим процентом (28%), при этом ритм важнее для китайской аудитории (22% против 18%). Символом национальной музыки в России является балалайка (65%), в Китае – 二胡 (72%).

Таким образом, проведённое сопоставительное исследование подтвердило наличие как универсальных черт в организации ЛСП «музыкальная культура» (структура ядро – центр – периферия, преобладание оценочной и эмоциональной лексики, ключевая роль глаголов восприятия), так и этнокультурной специфики, проявляющейся в различиях дефиниций, сочетаемости, ассоциативных связей и наборе национально-маркированной лексики.

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – Санкт-Петербург: Норинт, 2001. – 1536 с.

2. Бондарко, А.В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. – 1972. – № 3. – С. 20-35.

3. Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. –1972. – № 1. – С. 57-68.

4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.

5. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка . – Москва: Адепт, 2013. – 800 с.

6. 现代汉语词典 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编 – 北京: 商务印书馆, 2016. 1800 с. (Словарь современного китайского языка / Институт языкознания АОН КНР. Пекин: Коммерческое издательство, 2016.1800 с.)

Сведения об авторах

Чжоу Ин, магистр, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

Н.Ю. Пилюгина, преподаватель, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 004.946:316.7

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВИДЕОИГР: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АНАЛИЗ

Н.С. Чунихин, аспирант кафедры ДЗТ

Е.И. Васильева, канд. культурологии, доцент кафедры ДЗТ

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В статье рассматривается формирование и развитие понятия «видеоигра». Авторы прослеживают семантическую эволюцию термина от технического обозначения электронного развлечения до концепта, описывающего сложный социокультурный феномен современности*

Ключевые слова: *видеоигры, цифровая культура, медиа, интерактивность, культурная практика.*

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF VIDEO GAMES: AN INTERDISCIPLINARY ANALYSIS

Abstract. *The article discusses the formation and development of the concept of "video game". The authors trace the semantic evolution of the term from a technical designation of electronic entertainment to a concept describing a complex socio-cultural phenomenon of our time.*

Keywords: *video games, digital culture, media, interactivity, cultural practice*

Введение. В современном научном дискурсе видеоигра рассматривается как значимый элемент экранной культуры, трансформирующий пространство социальной повседневности. Как отмечают А. Н. Тарасов и Д. А. Беляев, видеоигры представляют собой этап эволюции экранной культуры, зародившейся в конце XIX в [1].

Основная часть. Термин «видеоигра» формируется в последней трети XX в., фиксируя синтез визуальной и игровой составляющих. В-М. Кархулахти указывает на прагматические различия между конкурирующими терминами («компьютерные игры», «электронные игры», «цифровые игры») и отмечает тенденцию к использованию более общих понятий («гейминг», «киберспорт»), что свидетельствует о расширении смыслового поля термина [2]. Видеоигры наследуют и трансформируют универсальные характеристики игры, выделенные в классических теориях (Й. Хейзинга [3], Р. Кайуа [4], Б. Сьютс [5]). Согласно высказыванию Бернарда Сьютса, игры определяются как «добровольная попытка преодолеть излишние препятствия», что сохраняет свою силу и для видеоигр [5, с. 55].

С начала 2000-х годов видеоигры становятся легитимным объектом научного изучения. Возникают специализированные исследовательские центры (Center for Computer Games Research в Копенгагене) [6], международные ассоциации (DiGRA) [7], издаются профильные журналы (Journal of Gaming & Virtual Worlds [8], Eludamos: Journal for Computer Game Culture [9]). Это знаменует институционализацию Game Studies наравне с Film Studies или Media Studies.

В России изучение видеоигр развивается преимущественно на философских факультетах и в междисциплинарных лабораториях: Московский центр исследований видеоигр (МГУ) [10], Лаборатория исследований компьютерных игр (СПбГУ) [11], Лаборатория виртуалистики (Пятигорский госуниверситет) [12] и др. [13]. Однако, несмотря на это, Д. А. Лапин и В. А. Малушенко указывают на отсутствие терминологического консенсуса в российской и зарубежной традициях: даже спустя несколько десятилетий с момента выхода первого специализированного журнала по видеоиграм методологическое единство не достигнуто [14].

В становлении Game Studies центральное место заняла дискуссия между нарратологами (рассматривающими видеоигры прежде всего, как новые формы нарратива, сравнимые с литературой и кино) и людологами (настаивающими на специфичности игрового опыта, несводимого к повествованию; ключевым элементом является геймплей, а не сюжет). Современные

исследователи стремятся выйти за рамки этого противостояния, признавая, что видеоигра одновременно является и системой правил (игровая механика), и пространством для производства смыслов (нарратив). Продуктивные подходы лежат на пересечении этих перспектив. Согласно работе Лапина Д.А. и Малушенко В.А, анализ статей в журнале Game Studies в период за 2010 – 2023 года показывает преобладание теоретических исследований над эмпирическими, что отражает продолжающийся поиск определений.

А. Н. Тарасов и Д. А. Беляев обосновывают тезис, согласно которому видеоигры являются качественно новым этапом развития экранной культуры. Ключевым отличием выступает принцип интерактивности, преодолевающий рецептивную позицию субъекта и максимизирующий его включённость в экранный процесс. Н. Йодович с соавторами утверждают, что повседневность современного человека «колонизирована логикой и механикой видеоигр» [15]. Эмпирические примеры демонстрируют экспансию игровых механик в здравоохранение, урбанистику, образование (Kahoot, Duolingo, Influent), сферу психического здоровья (Finch, Headspace) и навигационные сервисы (Waze). Вслед за А. Энсслин, предлагается рассматривать язык видеоигр как сложную систему, объединяющую вербальный текст, визуальный ряд, звуковое сопровождение, интерфейс и игровую механику. Каждый из этих модулей вносит вклад в производство смысла [16]. Медиалингвистическая оптика позволяет исследовать видеоигры не просто как тексты, но как дискурсивные практики, формирующие определенные субъектные позиции, режимы видения и способы взаимодействия с миром. Это открывает возможности для анализа идеологических и культурных аспектов игр. Мультимодальный дискурс-анализ позволяет преодолеть ограничения как чисто формального (структуралистского), так и содержательного (тематического) анализа, связывая микроуровень игровых взаимодействий с макроуровнем культурных процессов.

Видеоигры так же выступают инструментом культурной репрезентации. Т. К. Ермаков с соавторами на примере инди-игры (Компьютерная игра, созданная отдельным разработчиком или небольшим коллективом без финансовой поддержки издателя) «Чёрная книга» показывают механизм визуализации и геймификации традиционной русской культуры, обеспечивающий погружение в культурную среду и синтез развлекательной и просветительской функций [17]. Видеоигры отражают актуальные политические и социальные дискуссии (Papers, Please; This War of Mine) и используются в военно-промышленном комплексе и государственном управлении.

Анализ репрезентации маргинализированных групп выявляет системные диспропорции: в 2023 г. только 29,7 % персонажей в ролевых играх были представлены как женщины, доля женщин в европейской игровой индустрии составила 23,7 %, 90 % сотрудников индустрии в Великобритании идентифицируют себя как белые. В то же время инклюзивный дизайн видеоигр способен снижать барьеры исключения для различных социальных групп. Способы видения, предлагаемые видеоиграми, не являются изобретенными «с нуля», но воспроизводят и трансформируют визуальный опыт, сложившийся в других медиа (телевидение, кино). Например, базовая точка обзора в спортивных симуляторах копирует позицию телезрителя. Это позволяет изучать видеоигры в контексте истории визуальной культуры. Виртуальные пространства видеоигр могут быть проанализированы как мифологические реальности, функционирующие на основе архетипов, устойчивых сюжетных схем и сакральных элементов. Игры выступают пространством репрезентации и трансформации культурных мифов. Жанр фэнтези в видеоиграх (на примере произведений Джона Рональда Руэл Толкина) демонстрирует процессы создания современных неомифов (авторский миф, созданный писателем как аналог классического мифа, результат проекции мифологического мышления на современную жизнь), где игровая интерактивность позволяет пользователю не только потреблять, но и участвовать в конструировании мифологического нарратива.

Происходит фундаментальная трансформация в восприятии видеоигр: от рассмотрения их исключительно как гедонистического развлечения (способа ухода от реальности, получения удовольствия) к их осмыслению в качестве актуального социокультурного нарратива [18]. Видеоигры начинают выполнять функции, выходящие далеко за рамки досуга: они становятся платформой для обсуждения социальных проблем, пространством конструирования идентичности, средой для образовательных практик и инструментом культурной рефлексии. Этот сдвиг требует обновления исследовательского инструментария: от методов, ориентированных на изучение эффектов воздействия, к подходам, позволяющим анализировать видеоигры как

сложные культурные тексты, участвующие в производстве и трансляции социокультурных смыслов.

Заключение. Констатация результатов исследования заключается в следующем. Понятие «видеоигра» прошло значительную семантическую эволюцию от узкотехнического обозначения развлечения до концепта, фиксирующего сложный социокультурный феномен. В нашей работе показано, что видеоигры наследуют классические характеристики игры, представленные авторами Й. Хейзинга, Р. Кайуа и Б. Сьютс, но привносят качественно новое свойство, а именно интерактивность, сильно меняющую характер взаимодействия человека с культурой. Институционализация Game Studies, а именно исследовательские центры, ассоциации и журналы, закрепила легитимность видеоигр как научного объекта, однако дискуссия между нарратологами и людологами до сих пор не привела к методологическому единству. В ходе проведённого исследования были выявлены: а) экспансия игровых механик в различные сферы социальной жизни, а именно в сферы образования, здравоохранения и урбанистики, б) роль видеоигр как инструмента культурной репрезентации и пространства конструирования идентичности, а также в) фиксируемые диспропорции в репрезентации различных социальных групп.

Несмотря на перечисленные достижения, в современной науке остаются не рассмотренными следующие проблемы: во-первых, отсутствие терминологического единства как в российской, так и в зарубежной традициях, что затрудняет сравнительный анализ и накопление знаний. Во-вторых, согласно данным Лапина Д.А. и Малушенко В.А. за 2010 – 2023 года, присутствует явное преобладание теоретических исследований над эмпирическими, что создаёт разрыв между идейными построениями и реальными игровыми практиками. В-третьих, наблюдается недостаточная разработанность методов мультимодального анализа применительно к видеоиграм как сложным системам, объединяющим вербальный, визуальный, аудиальный и интерактивный модули. В-четвёртых, малое количество исследований, системно связывающих микроуровень игровых взаимодействий с макроуровнем культурных процессов на эмпирическом материале, а не только на теоретическом уровне. Именно на решение этих проблем и направлено наше исследование.

1. Тарасов А.Н., Беляев Д.А. Феномен видеоигр в контексте генезиса экранной культуры и пространства социальной повседневности // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 5. – С. 53-58.
2. Karhulahti V.-M. Digital Games // Encyclopedia of Ludic Terms / ed. by P. Grabarczyk. 2022.
3. Хайзинга Йохан. Homo ludens. Человек играющий / сост, предисл. и пер, с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент, указатель Д. Э. Харитоновича. – Санкт-Петербрг: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.
4. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры / Роже Кайуа; Сост., пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – Москва: ОГИ, 2007. – 304 с. – (Нация и культура / Научное наследие: Антропология).
5. Suits B. The Grasshopper: Games, Life, and Utopia. – 2nd ed. – Ontario: Broadview Press, 2005. – P. 55.
6. Center For Computer Games. – URL: ccgr.netlify.app (Дата обращения 18.05.2026)
7. DiGRA. – URL: https://digra.org/ (Дата обращения 18.05.2026)
8. Journal of Gaming & Virtual Worlds. – URL: intellectdiscover.com›content/journals/jgvw (дата обращения 18.05.2026)
9. Eludamos: Journal for Computer Game Culture. – URL: eludamos.org (дата обращения 18.05.2026)
10. Moscow Game Center. – URL: https://vk.com/moscowgamecenter (дата обращения 18.05.2026)
11. Лаборатория исследований компьютерных игр. – URL: https://gamephilosophy.ru/ (дата обращения 18.05.2026)
12. Лаборатория виртуалистики. – URL: https://pgu.ru/information/structure/chairs/-labs/detail.php?ELEMENT_ID=827935
13. Видеоигры: введение в исследования / отв. ред. Е.В. Галанина. – Томск: Издат. Дом Томского гос. ун-та, 2018. – 396 с.
14. Лапин Д.А., Малушенко В.А. К вопросу об исследованиях видеоигр: зарубежные подходы и методы // Медиаскоп. – 2025. – URL: http://www.mediascope.ru/2866 (Дата обращения 20.03.2026)
15. Yodovich N., Bagnall G., Crawford G., Gislam C., Stukoff M. Video Games in/as Culture: The Evolving Cultural Significance of Video Games // International Journal of the Sociology of Leisure. – 2025. – Vol. 8. – P. 339-355.
16. Беляев Д.А. Мультимодальная и медиалингвистическая дискурс-аналитика видеоигр (размышление над книгой Astrid Ensslin “The Language of Gaming”. Basingstoke and New York: Palgrave Macmil-

lan, 2012. 208 p.). – URL: http://dspace.bsuedu.ru/bitstream/123456789/60864/1/Belyaev_Multimodalnaya_-23.pdf (дата обращения 23.03.2026)

17. Гарт А. А. и др. От обряда к экрану: механизмы визуализации и геймификации традиционной русской культуры в инди-игре. – URL: https://research.sfu-kras.ru/publications/publication/82800994 (Дата обращения 22.03.2026)

18. Тарасов А.Н., Беляев Д.А. Трансформация феномена видеоигр: от гедонистического к актуальному социокультурному нарративу. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-fenomena-videoigr-ot-gedonisticheskogo-k-aktualnomu-sotsiokulturnomu-narrativu/viewer (дата обращения 24.03.2026)

Сведения об авторах

Н.С. Чунихин, аспирант кафедры ДЗТ, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

Е.И. Васильева, канд. культурологии, доцент кафедры ДЗТ, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 658.8.012.12

РАЗВИТИЕ СБЫТОВЫХ КАНАЛОВ ПРЕДПРИЯТИЯ НА ОСНОВЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

А.Е. Шишкина, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Исследование посвящено цифровизации сбытовой логистики для повышения конкурентоспособности компаний. В работе анализируется трансформация каналов сбыта под влиянием ИТ, выявляются проблемы и перспективы, а также рассматриваются инновационные методы оптимизации (омниканальность, ИИ, блокчейн) для создания гибкой и клиентоориентированной бизнес-модели.*

Ключевые слова: *сбытовая логистика, каналы сбыта, омниканальная интеграция, инновационная оптимизация, цифровые технологии, конкурентоспособность.*

DEVELOPMENT OF THE COMPANY'S SALES CHANNELS BASED ON THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Abstract. *The study focuses on the digitalization of sales logistics to enhance the competitiveness of companies. It analyzes the transformation of sales channels under the influence of IT, identifies challenges and opportunities, and explores innovative optimization methods (omnichannel, AI, blockchain) to create a flexible and customer-centric business model.*

Keywords*: sales logistics, sales channels, omnichannel integration, innovative optimization, digital technologies, and competitiveness.*

Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием электронной коммерции, что требует от предприятий внедрения новых информационных технологий для эффективного управления сбытовыми процессами. Цифровизация каналов сбыта и оптимизация цепей поставок становятся ключевым фактором повышения эффективности логистических операций, сокращения сроков доставки и адаптации к динамичным потребительским запросам. Внедрение цифровых инструментов позволяет трансформировать функциональные области логистики, что делает исследование востребованным в современных экономических условиях.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе трансформации сбытовых каналов под влиянием цифровых инструментов, а также в выявлении новых тенденций персонализации логистики на основе интеграции современных аналитических подходов.

Целью работы является выявление роли и разработка эффективных решений по применению информационных систем для цифровизации сбытовой логистики с целью повышения конкурентоспособности компаний на рынке.

Для достижения поставленной цели необходимо проанализировать теоретические основы сбытовой логистики и принципы построения каналов сбыта, выявить ключевые проблемы и

определить перспективы их развития, а также рассмотреть инновационные методы оптимизации.

В работе использованы такие методы научного исследования, как анализ литературных источников по исследуемой проблеме, методологические подходы к изучению информационных систем в логистике, включая анализ современных ИТ-решений.

Деятельность по реализации продукции является ключевым фактором, определяющим эффективность работы предприятия. Грамотная организация и профессиональное управление продажами позволяют компании не только закрепиться, но и добиться успеха на высококонкурентном рынке. Отсутствие контроля над этим процессом неизбежно ведёт к проигрышу в конкурентной борьбе. Поэтому к построению системы сбыта следует подходить с максимальной ответственностью. Для этого необходимо внедрять передовые, высокоэффективные инструменты управления материальными потоками, в том числе современные логистические решения. На сегодняшний день логистика стала неотъемлемой и фундаментальной частью системы управления любым предприятием.

Многие авторы по-своему трактуют понятие сбытовой деятельности, рассмотрим толкование разных авторов в таблице 1.

Таблица 1

Понятие сбытовой деятельности

Автор	Понятие
Новиков О.А., Семененко А.И.	В широком смысле сбыт – это целостный процесс доведения товара от производителя до конечного потребителя, при котором процесс товародвижения является одним из этапов всего производственного цикла. В узком смысле – это собственно продажа (реализация), то есть фаза непосредственного общения продавца и покупателя
Шеховцов А.В.	Сбыт – это системная деятельность в сфере товарных отношений, формирующая инфраструктуру рынка. Её предназначение – организация продаж и продвижение товаров от производителя к покупателю. Основные цели – наиболее полное удовлетворение потребителей и обеспечение прибыли изготовителей продукции
Баркан Д.И.	Сбыт определяется как сфера деятельности предприятия-производителя, имеющая своей целью реализацию продукции на соответствующих рынках
Костоглодов Д.Д., Харисова Л.М.	Под сбытовой деятельностью следует понимать процесс продвижения готовой продукции на рынок и организации товарного обмена с целью получения предпринимательской прибыли
Белинский В.И.	Сбытовая деятельность – это процесс донесения готовой продукции потребителям и организация товарообмена с целью получения прибыли

Из таблицы 1 можно совокупно выделить общее понятие о сбытовой деятельности. Сбыт – это процесс продвижения и реализации готовой продукции от производителя к потребителю с целью получения прибыли. При этом ряд авторов дополнительно подчёркивает важность удовлетворения потребностей клиентов.

Инструментом реализации этого процесса выступает канал сбыта (также известный как канал распределения или канал продаж). Это сложная система, представляющая собой совокупность всех независимых посредников, торговых организаций и логистических путей, через которые товар или услуга перемещаются от производителя к конечному потребителю. Принципы функционирования таких каналов опираются на широкий комплекс взаимосвязанных задач: от физического перемещения продукции и управления запасами до активного стимулирования потребительского спроса, проведения маркетинговых коммуникаций и сбора рыночной информации для обратной связи с производителем [1].

Основополагающим принципом построения эффективной сбытовой сети является стратегический подбор вида канала сбыта. Этот выбор должен базироваться на глубоком анализе принятой корпоративной стратегии предприятия, а также учитывать ключевые свойства самого товара (его стоимость, сложность, срок годности) и специфику целевой аудитории. В зависимости от этих факторов компания может отдать предпочтение прямому или косвенному методу реализации. Основные разновидности таких каналов, их сравнительные характеристики и условия применения систематизированы и наглядно представлены в таблице 2.

Таблица 2

Типы каналов сбыта

Тип канала	Описание	Примеры
Прямые каналы сбыта	Производитель продает товар напрямую конечному потребителю без посредников. Позволяет контролировать цену, сервис и обратную связь	Собственные фирменные магазины, интернет-магазины, продажи по каталогам
Косвенные каналы сбыта	В процессе участвуют независимые посредники (оптовики, дистрибьюторы, дилеры, розничные сети)	Продажа через крупные ритейлеры (супермаркеты), дистрибьюторские компании
Смешанные каналы сбыта	Комбинация прямых и косвенных каналов. Часто используется крупными компаниями для охвата разных сегментов рынка	Наличие собственных магазинов и одновременная продажа через партнерские сети

Таблица 2 наглядно демонстрирует, что производители могут реализовывать продукцию через прямые каналы, косвенные или использовать смешанный подход. Прямые каналы обеспечивают полный контроль над ценой и сервисом, косвенные позволяют расширить охват рынка, а смешанные сочетают эти преимущества для работы с разными сегментами аудитории. Таким образом, наиболее эффективная сбытовая сеть формируется за счёт стратегического подбора типа канала в соответствии с целями компании и спецификой продукта [2].

Для эффективного продвижения товаров на рынок производителю необходимо грамотно выстроить систему сбыта. Ключевым элементом этой системы является выбор канала распределения – пути, по которому товар движется от изготовителя к конечному потребителю.

На рисунке 1 представлена типология каналов сбыта, наглядно демонстрирующая различия между прямыми и косвенными схемами дистрибуции, а также градацию каналов по их длине (количеству посредников). Рассмотрим основные модели, выделенные на схеме (рис. 1).

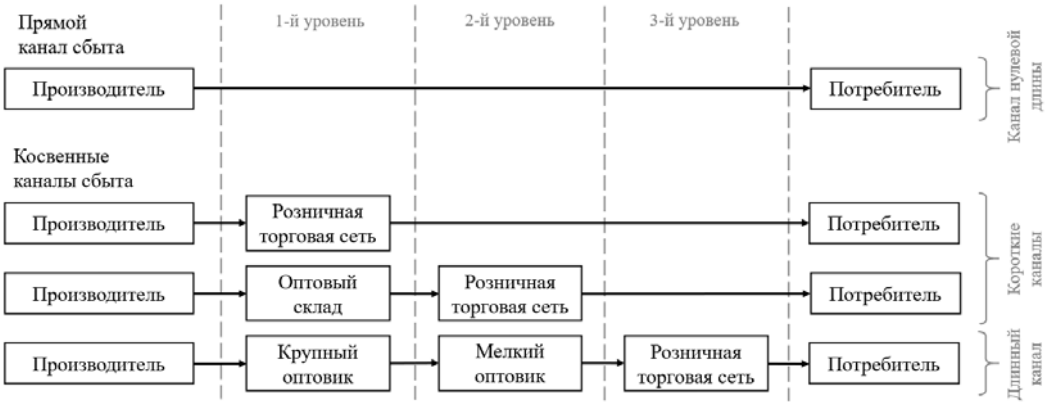

Рис. 1. Схема организации сбыта

Как видно из рисунка 1, каналы сбыта классифицируются по двум важнейшим признакам: наличию посредников и протяженности (длине) цепочки товародвижения. Прежде всего, стоит выделить прямой канал (нулевой уровень). Его суть заключается в том, что производитель взаимодействует с потребителем напрямую, полностью исключая любых посредников. Ключевым преимуществом такой модели является максимальный контроль над ценообразованием, качеством обслуживания и получением обратной связи от клиентов. В практике это реализуется через такие форматы, как собственный интернет-магазин, фирменные салоны или прямые B2B-продажи между предприятиями.

Второй крупной группой являются косвенные каналы, которые включают в себя от 1 до 3 уровней посредников – таких как оптовые склады, крупные и мелкие оптовики, а также розничные торговые сети. Внутри этой группы можно провести дополнительную классификацию по длине канала:

– короткие каналы (1–2 уровня) – такие модели считаются оптимальными для массового рынка, так как обеспечивают относительно быструю доставку товара до покупателя при сохранении разумного уровня контроля;

– длинные каналы (3 уровня) – характерны для сложной многоуровневой дистрибуции. Типичный пример: «Производитель → Крупный оптовик → Мелкий оптовик → Розничная сеть → Потребитель».

Косвенные каналы обладают своими весомыми преимуществами: они позволяют существенно расширить географию продаж, оперативно использовать уже готовые сбытовые сети и заметно снизить логистические затраты для производителя. Однако здесь же кроются и определенные риски, в частности, частичная утрата контроля над конечной ценой продукта и над тем, как именно бренд представлен на полках магазинов [3].

Выбор оптимальной модели сбыта, будь то прямой или косвенный канал, а также конкретная длина цепи посредников, не является универсальным решением. Он должен строиться исходя из специфики самого товара, масштабов производства и долгосрочной стратегии компании. Производитель всегда стоит перед необходимостью находить тонкий баланс между жестким контролем над сбытом и стремлением обеспечить максимально широкий охват рынка.

Для систематизации задач и процессов в рамках сбытовой деятельности функции логистики целесообразно классифицировать по уровням управления. Такой подход позволяет разграничить операционную деятельность на уровне отдельного предприятия и стратегическое управление всей цепью поставок. В таблице 3 представлена детализация ключевых функций для каждого из этих уровней – микроуровня (на уровне предприятия) и макроуровня (в рамках всей цепи).

Таблица 3

Функции сбытовой логистики по уровням управления

Уровень	Основные функции
Микроуровень (на уровне предприятия)	Планирование процесса реализации; получение и обработка заказов; выбор упаковки, комплектация; организация отгрузки; контроль транспортировки; послепродажное обслуживание; учёт движения запасов на складах
Макроуровень (в рамках всей цепи)	Построение структуры распределительных каналов; дислокация дистрибьютивных центров и складов; управление запасами в сети; транспортировка готовой продукции; складирование; передача прав собственности на товар

Как показано в таблице 3, функции сбытовой логистики охватывают широкий спектр операций: от тактических действий внутри компании до стратегических решений во внешней среде. Выбор конкретной классификации и схемы сбыта является стратегическим решением для любого бизнеса. Он должен основываться на тщательном анализе рынка, логистических издержек, характеристик продукта и конечных целей компании. Таким образом, эффективное управление функциями, перечисленными в таблице 3, напрямую влияет на конкурентоспособность предприятия и его способность удовлетворять потребности клиентов.

В настоящее время предприятия сталкиваются с рядом системных вызовов при построении и развитии своих сбытовых каналов. Одной из ключевых проблем является высокая конкуренция, которая вынуждает компании бороться за внимание потребителя в условиях перенасыщенного рынка. Это усугубляется изменением потребительского поведения: клиенты становятся более требовательными к скорости доставки, качеству сервиса и персонализации предложений. Кроме того, интеграция онлайн- и офлайн-каналов (омниканальность) требует значительных инвестиций в IT-инфраструктуру и логистику, что для многих компаний является серьёзным барьером. Не стоит забывать и о внешних факторах, таких как экономическая нестабильность и санкционное давление, которые нарушают сложившиеся цепочки поставок и увеличивают издержки на транспортировку и хранение товаров [4].

Вместе с тем текущая ситуация открывает перед бизнесом значительные перспективы для роста и трансформации. Цифровизация экономики позволяет компаниям напрямую взаимодействовать со своей аудиторией через собственные интернет-магазины и маркетплейсы, минуя традиционных посредников и снижая конечную стоимость продукта. Развитие современных технологий управления, включая искусственный интеллект и предиктивную аналитику, даёт возможность точно прогнозировать спрос, оптимизировать складские запасы и выстраи-

вать гибкую логистику. Внедрение CRM-систем способствует удержанию клиентов и повышению их пожизненной ценности. Таким образом, способность быстро адаптироваться к новым реалиям, внедрять инновации и фокусироваться на потребностях клиента становится главным конкурентным преимуществом, определяющим успех предприятия на рынке [5].

Развитие сбытовых каналов предприятия на основе использования цифровых технологий представляет собой комплексную задачу, требующую перехода от статичных моделей дистрибуции к гибким и клиентоориентированным экосистемам. В современных условиях оптимизация сбыта достигается за счёт внедрения инновационных инструментов, которые позволяют не только повысить операционную эффективность, но и укрепить долгосрочные отношения с клиентами [6].

Одним из фундаментальных направлений является внедрение омниканальных стратегий. Этот подход стирает границы между онлайн- и офлайн-каналами продаж, создавая для клиента бесшовный покупательский опыт. Технологическую основу омниканальности составляет интеграция CRM-систем и создание единой базы данных о товарах и клиентах. Это позволяет предприятию собирать полную информацию о взаимодействии с потребителем в любой точке контакта и формировать персонализированные предложения, обеспечивая одинаково высокий уровень сервиса как на сайте, так и в розничном магазине.

Другим мощным инструментом развития выступает предиктивная аналитика и искусственный интеллект (ИИ). Применение этих технологий переводит управление сбытом из реактивного режима в проактивный. Алгоритмы машинного обучения анализируют большие массивы исторических данных (Big Data) – статистику продаж, сезонные колебания, поведение клиентов и рыночные тренды. На основе этого анализа системы с высокой точностью прогнозируют будущий спрос. Для предприятия это означает возможность оптимизировать товарные запасы, избегая дефицита или затоваривания складов, а также автоматизировать процесс динамического ценообразования для максимизации маржинальности в реальном времени [7].

Революционные изменения происходят и в области физической логистики благодаря концепции «Индустрия 4.0». Автоматизация складских комплексов с использованием робототехники и беспилотных летательных аппаратов для инвентаризации значительно сокращает время обработки заказов и снижает влияние человеческого фактора. Системы управления транспортом (TMS) оптимизируют маршруты доставки, что ведёт к снижению затрат на логистику. Кроме того, внедрение технологии блокчейн обеспечивает полную прозрачность и прослеживаемость товаров по всей цепочке поставок, повышая доверие со стороны потребителя и упрощая документооборот.

Чтобы классифицировать и наглядно представить методы оптимизации, далее мы рассмотрим сравнительную таблицу 4, где анализируются основные характеристики инновационных подходов.

Таблица 4

Сравнительная характеристика инновационных подходов

Метод оптимизации	Ключевая технология / Инструмент	Основной эффект для сбыта
Омниканальная интеграция	Интегрированные CRM-системы, e-commerce платформы	Создание единого клиентского опыта, рост лояльности
Предиктивная аналитика и ИИ	Машинное обучение, Big Data	Точное прогнозирование спроса, минимизация издержек
Автоматизация логистики	Робототехника, системы WMS/TMS, дроны	Ускорение обработки заказов, снижение затрат на логистику
Блокчейн-платформы	Распределённые реестры данных	Прозрачность цепочки поставок, борьба с контрафактом

Таким образом, исходя из таблицы 4, развитие сбытовых каналов на базе цифровых технологий является многоаспектным процессом. Его суть заключается в построении гибкой бизнес-модели, где технологические решения служат прочным фундаментом. Предприятия, эффективно интегрирующие эти инструменты, получают весомое конкурентное преимущество. Они достигают его путём повышения операционной эффективности за счёт автоматизации, снижения себестоимости реализации продукции через оптимизацию цепочек поставок и укре-

пления отношений с клиентами посредством персонализированного сервиса. Совокупность этих факторов создаёт синергетический эффект, который напрямую способствует росту чистой прибыли и обеспечивает высокую устойчивость бизнеса к внешним вызовам и рыночным колебаниям.

1. Кочеткова Н.Н. Влияние логистики и маркетинга на эффективность сбытовой деятельности компании: – Текст: электронный / Н.Н. Кочеткова, О.В. Дрозд // Вестник евразийской науки. – 2025. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=82291159
2. Святохо Н.В. Методический поход к выбору оптимального канала сбыта продукции в рамках разработки стратегии сбытовой деятельности предприятия: – Текст: электронный / Н.В. Святохо // Экономика и эффективность организации производства. – 2022. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48558015
3. Старикова С.В. Организация сбыта продукции и её роль в посреднических звеньях: – Текст: электронный // Вестник науки. – 2025. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=89184693
4. Мозговой А.В., Русаль Н.Д. Барьеры развития рынка логистических услуг России и их влияние на сбытовую деятельность компаний: – Текст: электронный // Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. – 2025. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=88928363
5. Формирование сбытовой стратегии предприятия: понятие, содержание и значение сбыта продукции: – Текст: электронный / Р.Х. Денильханова, Н.М. Алиева, Л.А. Гаджиалиева // Журнал монетарной экономики и менеджмента. – 2023. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54766822
6. Ветров А.С., Матушкина В.С. Современные тенденции и инструменты сбытовой политики в цифровую эпоху: – Текст: электронный // Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития. – 2025. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=83210744
7. Переплетчикова М.О., Кублин И.М. Применение искусственного интеллекта в сбытовой политике компаний: – Текст: электронный // Информационно-вычислительные технологии и их приложения. – 2025. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=82875396

Сведения об авторе

А.Е. Шишкина, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 811.161.1

РУССКИЕ И КИТАЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, СОДЕРЖАЩИЕ НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ

Шэнь Чжунянь, магистрант

Е.Н. Гускина, канд. фил. наук, преподаватель

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В данной работе анализируются русские и китайские фразеологизмы, содержащие названия животных (заяц/兔, лиса/狐, медведь/熊). Эмпирический материал классифицируется по семантико-тематическим группам, отражающим ценности русского и китайского народов через призму восприятия вышеуказанных животных.*

Ключевые слова: *русский язык, китайский язык, фразеологизм, фразеология, животные, лиса, заяц, медведь.*

RUSSIAN AND CHINESE PHRASEOLOGICAL UNITS CONTAINING ANIMAL NAMES

Abstract. *This paper analyzes Russian and Chinese phraseological units containing animal names (hare/兔 fox/狐 bear/熊. The empirical material is classified into semantic and thematic groups reflecting the values of the Russian and Chinese peoples through the prism of the perception of the above-mentioned animals.*

Keywords: *Russian, Chinese, phraseology, phraseology, animals, fox, hare, bear.*

Животный мир с древнейших времен был важной частью человеческой жизни. Люди охотились на животных из-за мяса и шерсти, одомашнивали их и, конечно, наблюдали за их повадками и характером. **Актуальность** данного исследования обусловлена тем, что фразеологический фонд любого языка – это зеркало народной души, в котором отражаются менталитет, история и верования. Изучение названий животных в составе фразеологизмов позволяет нам заглянуть вглубь культурного кода России и Китая, чтобы обнаружить не только точки соприкосновения, но и фундаментальные различия в восприятии окружающего мира. **Научная новизна** исследования состоит в сопоставлении русских и китайских фразеологизмов с названиями животных. **Целью** данного исследования является классифицирование русских и китайских фразеологизмов с названиями животных по семантико-тематическим группам, а также их сопоставление и выявление сходств и различий в восприятии мира русских и китайцев.

В нашей работе мы пользуемся терминами «фразеологизм», «пословица», «поговорка». Фразеологическая единица (фразеологизм, фразеологический оборот) – лексически неделимое, устойчивое в своем составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы [6]. Пословица – образное законченное изречение, имеющее назидательный смысл, обычно характеризующееся особым ритмо-интонационным и фонетическим оформлением (параллелизм построения, стихотворный размер, звуковые повторы, рифма и т. п.). <...> [6]. Поговорка – образное, иносказательное выражение, метко определяющее какое-либо жизненное явление, лаконичное по форме, в отличие от пословицы не заключающее в себе прямого поучительного смысла, с чем часто связана синтаксическая незаконченность. <...> [6]. По степени устойчивости и семантической ограниченности сочетаний слов фразеологизмы делятся на фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания [3].

Материалом исследования стали 109 русских фразеологизмов (с компонентом *заяц* – 31, с компонентом *лиса* – 34, с компонентом *медведь* – 44) и 150 китайских фразеологизмов (с компонентом *兔 (заяц)* – 63, с компонентом *狐 (лиса)* – 46, с компонентом *熊* (*медведь)* – 41) из различных словарей и сборников фразеологизмов ([1], [2], [4], [5], [7]).

Результатом семантического и тематического анализа стали следующие группы фразеологизмов.

Тематические группы фразеологизмов с компонентом «заяц» в русском языке

1. Быстрота, резвость

Без собаки зайца не поймаешь. Обогнать зайца (быстро побежать).

2. Трусость, боязливость

Вор, что заяц; и тени своей боится. Труслив, что заяц, блудлив, что кошка.

3. Усилия и результат неравны

Коня положили, да зайца уходили. Не дорог конь, дорог заяц. Цена зайцу две деньги, а бежать сто рублёв.

4. Охота на зайца как процесс

Поспешать – за зайцем гнать. И по заячьему следу доходят до медведя.

5. Приметы и суеверия

Заяц дорогу перебежит, к несчастью. Заяц по селенью бегает, к пожару.

6. Свадебный обряд

Ловить зайца (в свадебном обряде: перегораживать улицу для выкупа невесты)

7. Небылицы, вздор

Сказывать зайца в верше, щуку в капкане.

8. Сравнения с зайцем, его внешностью и повадками

Забегать зайцем вперёд (заискивать лестью). *Черепашка с зайцем навыпередки пошла. Заяц от лисицы, а лягушка от зайца бежит. Собака за зайцем, а заяц за волей.*

Тематические группы фразеологизмов с компонентом «兔» (заяц) в китайском языке

1. Быстрота, хитрость, предусмотрительность, осторожность

动如脱兔 (стремителен, как вырвавшийся заяц); *穿兔子鞋的 – 跑得快* (обутый в заячьи туфли – быстро бегает); *狡兔三窟* (у хитроумного зайца три норы)

2. Даже у слабых может быть свирепая сторона

兔子急了也咬人 (доведённый до крайности, и заяц кусается); *兔子回头凶似虎* (заяц оглянется – страшнее тигра)

3. Несуществующее, невозможное, бесполезное

龟毛兔角 (черепашьи рога и заячья шерсть); *兔角牛翼* (заячьи рога и бычьи крылья)

4. Усилия и результат неравны

逮只兔子跑了马 (поймал зайца – упустил коня); *开着拖拉机撵兔子* (гоняться за зайцами на тракторе)

5. Внешность и повадки зайца

兔子尾巴 – 长不了 (заячий хвост — недолговечен); *兔子的耳朵 – 听得远* (заячьи уши – далеко слышат); 兔子的腿 – 跑得快 (заячьи ноги – быстро бегают)

6. Мастерство важнее инструмента

兔毫无优劣，弄管有巧拙 (Сама заячья кисточка не имеет хороших или плохих качеств, но мастерство того, кто пишет и рисует ею, бывает искусным или неумелым.)

Тематические группы фразеологизмов с компонентом «лиса» в русском языке

1. Хитрость, лукавство, изворотливость, ложная доброта

У доброй лисы по три отнорка. Лиса семерых волков проведет.

2. Осторожность, предусмотрительность

Близ норы лиса на промыслы не ходит. У лисы и во сне ушки на макушке.

3. Лиса и курица

Лиса и во сне кур считает. Где я лисой пройду, там три года куры не несутся!

4. Хвост лисы

Лиса всё хвостом прикроет. Всякая лиса свой хвост хвалит.

5. Сказочные и шутливые образы

Трудно лисе, лапку положит, а то и вся уберется. Лиса и журавль.

Тематические группы фразеологизмов с компонентом «狐» (лиса) в китайском языке

1. Хитрость, лукавство, изворотливость, ложная доброта

狐假虎威 Лиса пользуется силой тигра (прикрывается чужим авторитетом); *狐埋狐撅*Лиса зарывает и раскапывает (непостоянство, подозрительность)

2. Внешность и повадки лисы

狐狸尾巴 – 藏不住 Лисий хвост не спрячешь; *狐狸毛色可变灰，但是本性难移* Шерсть седеет, но природа не меняется; *愈看愈稀* Лиса сторожит кур – чем дальше, тем их меньше.

3. Тоска по родине, верность родной земле

狐死首丘，代马依风 Лиса умирает – головой к родному холму; лошади с севера всегда тоскуют по северному ветру, дующему с их родины; *狐死首丘，豹死首山* Лиса умирает – головой к родному холму; леопард умер, повернув голову к холму, где он жил.

4. Лиса – хищник, делающий вред

与狐谋皮 С лисой о шкуре советоваться – бессмысленно; *狐狸给鸡拜年 – 不怀好意* Лиса поздравляет кур с Новым годом – злые намерения.

5. Коллективный труд, общее дело

狐皮之裘，非一狐之腋 Лисья шуба — не из одной лисьей подмышки.

6. Многовластие и беспорядок

狐裘蒙茸，一国三公 Лисья шуба всклокочена – в одном царстве три правителя.

7. Трудная или безвыходная ситуация

狐狸遇上地老鼠 – 没辙 Лиса встретила крота – ничего не поделаешь.

Тематические группы фразеологизмов с компонентом «медведь» в русском языке

1. Сила, мощь, хозяин леса

Богатый силен, что медведь. Хозяин в дому, что медведь в бору: что как хочет, так ворочат.

2. Неуклюжесть, неповоротливость, неловкость, глупость

В медведе думы много, да вон нейдет. Медведь всю зиму лапу сосет.

3. Охотничьи приметы, повадки, быт

Силен медведь, да в болоте лежит. Два медведя в одной берлоге не живут (не уживутся).

4. Цирк, пляска медведя (поневоле)

Медведь пляшет, а цыган деньги берет. Не охоч медведь плясать, да губу теребят.

5. Сравнение с делом, товаром, работой

Не продавай шкуры, не убив медведя. Где медведь, там и шкура.

6. Справедливость, мораль

Не прав медведь, что корову съел: не права корова, что в лес зашла.

7. Внешность и повадки медведя

Брови, что медведь лежат, густые. И косматo, да не медведь.

Тематические группы фразеологизмов с компонентом «熊» (медведь) в китайском языке

1. Сила, мощь, богатырское телосложение

虎背熊腰 Спина тигра, поясница медведя; 老熊当道 Старый медведь сторожит дорогу

2. Благоприятные знамения

熊罴入梦 Медведь явился во сне (благоприятное знамение, предвещающее рождение сына); *飞熊入梦* Крылатый медведь явился во сне (рождение или явление великого стратега, опоры государства)

3. Материнское воспитание, жертвенность

画荻丸熊 Рисовать тростником и растирать медвежью желчь (символ жертвенной материнской заботы о воспитании детей и развитии их ума в бедности)

4. Выбор между двумя равноценными благами

鱼与熊掌（不可兼得） Рыба и медвежья лапа (нельзя получить одновременно)

5. Глупость, неловкость, неумелость

狗熊掰玉米棒子，掰一个丢一个 Медведь-губач обрывает кукурузные початки, один сорвал – другой бросил; *掉进陷阱里的狗熊 – 熊到底了* Медведь-губач, попавший в ловчую яму – медведь дошел до дна (хуже некуда).

6. Плохое отношение к людям

黑瞎子挨鞭子– 耍坏啦 Черного слепца хлещут кнутом – совсем распоясался; *北极熊打呵欠 – 尽吹冷风* Белый медведь зевает – только холодным ветром обдает (неприветливое отношение; неконструктивная критика)

Выводы исследования. Во фразеологизмах с компонентом *заяц/兔* общим признаком для обеих культур стала быстрота животного. В Китае говорят: «动如脱兔» – стремителен, как вырвавшийся заяц, в России – «обогнать зайца». Китайское выражение *赶两只兔子* полностью совпадает по смыслу с русской пословицей *За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь*. В русских пословицах заяц – это эталон пассивной трусости («труслив, что заяц»), а в китайских – персонаж умный, хитрый и осторожный: фразеологизм «狡兔三» (у хитрого зайца три норы) восхваляет предусмотрительность. Более того, в китайском менталитете слабость имеет предел: 兔子急了也咬人 (доведенный до крайности заяц тоже кусается) показывает, что даже самое беззащитное существо способно проявить свирепость, что нехарактерно для русского образа трусливого зайца.

Образ лисы (狐) признан символом хитрости и корысти в обоих языках. В России это сказочная Лиса Патрикеевна, в Китае – классический чэнъюй «狐假虎威» (лиса пользуется силой тигра). Кроме того, в русском сознании лисий хвост – это инструмент, которым лиса заметает свои следы, а в китайском это улика, которую невозможно спрятать, символ разоблачения обмана. Главное различие кроется в мифологическом образе лисы. В китайской культуре лиса – это опасный, мистический лисий дух («狐狸精»). Корень опасности: искушение и катастрофа. Главная опасность, исходящая от лисьих духов, заключается в их способности очаровывать мужчин своей красотой, что приводит к разорению семьи и болезням. В русской фразеологии мистики нет, образ сугубо бытовой. Кроме того, существуют китайские фразеологизмы, в которых образ лисы ассоциируется с тоской по родине. Идиома «狐死首丘» (лиса, умирая, обращает голову к родному холму) символизирует верность истокам. В русском языке такого образа нет. Физическая мощь медведя (熊) признается обеими культурами: русское «силен как медведь» перекликается с китайским «虎背熊腰» («Спина тигра, поясница медведя»). Но концептуальные парадигмы восприятия совершенно разные. В Китае медвежья лапа – это символ

деликатеса и метафора философского выбора. Изречение Мэн-цзы «鱼与熊掌不可兼得» («Рыба и медвежья лапа – нельзя получить одновременно») учит тому, что в жизни приходится чем-то жертвовать ради главного. Китайский образ медведя дуалистичен: с одной стороны, это символ великой воинской доблести («熊罴百万» – огромное войско), с другой – символ глупости и неудачи (狗熊» – бездарный неудачник). В России же медведь – это стихийная сила, хозяин леса («Хозяин в дому, что медведь в бору»). Также образ медведя тесно связано с народной ярмарочной культурой («Медведь пляшет, а цыган деньги берет»).

Перспективами нашего исследования может быть изучение и сопоставление русских и китайских фразеологизмов с названиями других животных и птиц (например, *волк*, *свинья*, *воробей, ворона* и др.).

1. «Большой словарь китайских просторечий», «Синьхуа юйдянь» (Словарь речений «Синьхуа») – гл. ред. Вэнь Дуаньчжэн, Шанхайское лексикографическое издательство / Издательство «Шанъу иньшугуань» Текст: электронный. – URL: http://www.cp.com.cn
2. Большой словарь китайских фразеологизмов. – Лексикографический центр издательства «Шанъу иньшугуань», издательство «Шанъу иньшу гуань», 2026 г. Текст: электронный. – URL: http://www.cp.com.cn
3. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – Москва, 1977. – С. 140-161 Текст: электронный. – URL: http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradov-77d.htm
4. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка Текст: электронный. – URL: https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar
5. Мокиенко В.М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. – Москва: Олма Медиа Групп, 2007 Текст: электронный. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/ Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов Текст: электронный. – URL: http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/index.htm
6. Толковый словарь Даля онлайн Текст: электронный. – URL: https://slovardalja.net/ «Юйхай» (Море речений) (в 6 томах). – ил. ред. Вэнь Дуаньчжэн, Шанхайское лексикографическое издательство, 2021. Текст: электронный. – Режим доступа: https://cishu.com.cn/BookDetailShow.aspx?ID=4795

Сведения об авторах

Шэнь Чжунянь, *магистрант, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия*

Е.Н. Гускина, канд. фил. наук, преподаватель, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 338.48

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РАЗВИТИЯ ДЕТСКОГО ТУРИЗМА В ПРИМОРСКОМ КРАЕ

А.П. Щипачева, ассистент

В.А. Кульмяев, бакалавр

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Исследование посвящено анализу современных тенденций и проблем развития детского туризма в Приморском крае. Отдельное внимание уделено динамике вовлечения детей в организованные формы отдыха, изменениям в структуре лагерного фонда, объёмам бюджетного финансирования и новым векторам развития, в том числе созданию семейных курортов и активизации международных обменов*

Ключевые слова: *детский туризм, тенденции, инфраструктура лагерей, туристский поток, Приморский край.*

THE CURRENT STATE OF DEVELOPMENT OF CHILDREN'S TOURISM IN PRIMORSKY KRAI

Abstract. *The study is devoted to the analysis of current trends and problems in the development of children's tourism in Primorsky Krai. Special attention is paid to the dynamics of children's involvement in organized forms of recreation, changes in the structure of the camp fund, the volume of budget financing, and new development vectors, including the creation of family resorts and the activation of international exchanges*
Keywords: *children's tourism, trends, camp infrastructure, tourist flow, Primorsky Krai*

Детский туризм является стратегическим сегментом индустрии путешествий, объединяющим функции оздоровления, воспитания, образования и социализации молодого поколения [1, 2, 14]. Современная геополитическая и экономическая ситуация в России способствует устойчивому росту интереса к внутренним туристическим направлениям, и детская составляющая здесь не исключение [13]. Жители страны всё чаще выбирают детский туризм, причём данный вид отдыха получает правительственную поддержку и демонстрирует потенциал развития именно в Приморском крае [12].

Цель исследования заключается в анализе современного состояния развития детского туризма в Приморском крае.

Развитие детского туризма в Приморском крае тесно связано с общей туристической привлекательностью региона [16]. Анализ динамики турпотока за 2020-2025 гг. показывает выраженный положительный тренд, несмотря на глубокий спад в 2020-2021 гг., вызванный пандемией COVID-19 и сопутствующими ограничениями [1] (табл. 1).

Таблица 1

Динамика туристского потока в Приморский край [1, 3, 18]

Год	2022	2023	2024	2025
Турпоток, тыс. чел.	2 767	3 800	3 900	4 069

Проанализировав динамику туристского потока в Приморский край за 2022–2025 гг., можно отметить устойчивый рост: с 2 767 тыс. чел. в 2022 году до 4 069 тыс. чел. в 2025 году. Наибольший абсолютный прирост (более 1 000 тыс. чел.) зафиксирован в 2023 году, после чего темпы роста несколько замедлились: в 2024 году прирост составил 100 тыс. чел., в 2025 году – 169 тыс. чел. В целом за четыре года турпоток увеличился на 1 302 тыс. чел. (или на 47%). Положительная динамика свидетельствует о растущей привлекательности региона для туристов.

Таблица 2

Относительные изменения туристского потока (в % к предыдущему году) [1, 3, 18]

Период	2022/2021	2023/2022	2024/2023	2025/2024
Изменение, %	+60,0%	+37,3%	+2,6%	+4,3%

Как видно из данных табл. 1, после резкого падения в 2021 году (снижение более чем втрое по сравнению с доковидным уровнем) начался устойчивый восстановительный рост [18]. Уже в 2024 году показатель практически вернулся к значениям 2019 года [1], а по итогам 2025 года, по оценкам регионального министерства туризма, общее число турпоездок составило 4 068,9 тысячи [16]. В 2026 году ожидается дальнейшее увеличение до 5,1 млн поездок, что соответствует целевым ориентирам государственной программы [1]. Как дополнительно показано в табл. 1а, наиболее значительный прирост зафиксирован в 2022 году (+60% к 2021 году) и прогнозируется в 2026 году (+25,3%).

Примечательно, что, по данным исследования Platforma, за летний сезон 2025 года число туристов младше 18 лет на дальневосточных направлениях увеличилось в 3,7 раза за год [3]. При этом Приморский край сохраняет лидерство по темпам роста, аккумулируя 82% всего турпотока Дальневосточного региона [17].

Наличие и состояние инфраструктуры детского отдыха - один из ключевых индикаторов развития детского туризма [6, 15]. В Приморском крае за 2020–2026 гг. произошли заметные количественные и качественные изменения [7] (табл. 2).

Таблица 3

Динамика количества организаций детского отдыха в Приморском крае по типам [6-10, 12, 15, 19]

Тип организации	2022	2023	2024	2025	2026
Всего организаций отдыха, ед.	526	567	578	556	590
Загородные лагеря	24	27	26	29	30
Пришкольные лагеря	470	499	508	519	517
Лагеря труда и отдыха	23	33	33	33	33
Детские лагеря различной тематической направленности	-	6	6	6	5
Санаторно-оздоровительные лагеря	-	2	3	4	4
Палаточные лагеря	-	0	2	1	1

Проанализировав динамику организаций детского отдыха в Приморском крае за 2022–начало 2026 гг., можно отметить общий рост числа таких организаций с 526 до 590 единиц (+12,2%), при этом основную массу (87–89%) традиционно составляют пришкольные лагеря, количество которых увеличилось с 470 до 517. Загородные лагеря выросли с 24 до 30, лагеря труда и отдыха – с 23 до 33 и стабилизировались. С 2023 года появились новые типы: тематические (6 ед., в 2026 году – 5), санаторно-оздоровительные (выросли с 2 до 4) и палаточные лагеря (от 2 до 1). Таким образом, наблюдается позитивная тенденция расширения сети и диверсификации форм детского отдыха, хотя доминирующее положение сохраняется за пришкольными лагерями.

В интервале с 2023 по 2026 годы общее число организаций детского отдыха увеличилось с 567 до 590 единиц [7-8]. В 2025 году работало 556 учреждений - небольшое снижение по сравнению с предшествующими периодами, обусловленное оптимизацией и перепрофилированием части объектов [19]. Однако на начало 2026 года число организаций достигло рекордных 590. В текущем году запланирована работа 517 пришкольных, 30 загородных, пяти тематических, четырёх санаторно-оздоровительных лагерей, одного палаточного и 33 лагерей труда и отдыха [8].

Несмотря на положительную динамику, сохраняется структурный дисбаланс: преобладают лагеря дневного пребывания на базе школ [18, 20]. В 2025 г. из 556 организаций 519 были пришкольными [7]. Доля детей, охваченных организованным летним отдыхом в Приморском крае, неуклонно растёт, что наглядно показано в таблице 4 [5, 19]. Эта структура в целом соответствует общероссийской картине, где из 40 000 детских оздоровительных лагерей всех типов 31 000 лагеря дневного пребывания [18].

Таблица 4

Динамика охвата детей организованным летним отдыхом в Приморском крае [5, 7, 9, 12, 14, 21]

Показатель	2022	2023	2024	2025	2026
Всего отдохнувших детей, чел.	~75 000*	192 939	192 735	194 474	до 200 000
Охват детей летним отдыхом, %	~30-40***	~60%	~60%	~60%	100% (цель)

Проанализировав динамику охвата детей организованным летним отдыхом в Приморском крае за 2022-начало 2026 гг., можно отметить значительный рост как абсолютного числа отдохнувших детей, так и процентного охвата. Если в 2022 году отдохнуло около 75 тыс. детей (охват оценивался в 30-40%), то уже с 2023 года показатели вышли на стабильный уровень: порядка 192–194 тыс. детей ежегодно, что соответствует охвату около 60%. В 2026 году поставлена цель достичь 100% охвата (до 200 тыс. детей). Таким образом, за период с 2022 по 2025 год удалось увеличить охват примерно в 1,5-2 раза, выйдя на устойчивые значения, а на

2026 год запланирован выход на стопроцентный охват детей организованными формами летнего отдыха.

Количество детей, отдохнувших в организованных формах, последовательно возрастает: в 2023 году - 192 939 человек [12], в 2024 году - 192 735 [5], в 2025 году - 194 474 [7]. На 2026 год плановый показатель составляет до 200 тыс. детей [8].

Достигнутая положительная динамика объясняется как ростом финансирования, так и системной работой по возвращению в государственную собственность незаконно приватизированных детских лагерей с последующей модернизацией [9, 17].

Таким образом, анализ динамики охвата детей организованным летним отдыхом в Приморском крае свидетельствует о последовательном и устойчивом росте данного показателя в период 2022–2026 гг. [5, 19]. Численность детей, отдохнувших в лагерях различных типов, увеличилась с приблизительно 75 тыс. человек в 2022 году [21] до 194 474 человек в 2025 году [7], а плановый показатель на 2026 год составляет уже 200 тыс. детей [8]. При этом доля охвата выросла с 30–40% до 60% и поставила цель достичь 100% к концу 2026 года [12]. Достигнутая положительная динамика стала возможной благодаря наращиванию бюджетного финансирования и возврату в государственную собственность ранее приватизированных лагерей с их последующей модернизацией [9, 17]. Несмотря на прогресс, для полного охвата всех нуждающихся детей требуется дальнейшее расширение стационарных загородных лагерей и повышение доступности путёвок [18, 20].

В период с 2020 г. и по начало 2026 гг. объёмы бюджетного финансирования детского отдыха в Приморском крае значительно выросли [9, 10] (табл. 5).

Таблица 5

Динамика бюджетного финансирования детского отдыха в Приморском крае [9-12, 15, 21]

Показатель	2022	2023	2024	2025	2026
Расходы краевого бюджета (млн руб.)	195,5	242,7	299,0	~300-320	552,0

Проанализировав динамику бюджетного финансирования детского отдыха в Приморском крае за 2022–2026 гг., можно отметить устойчивый рост расходов краевого бюджета: с 195,5 млн руб. в 2022 году до 552,0 млн руб. в 2026 году. Особенно заметен скачок в начале 2026 году – более 552 млн руб., что почти вдвое выше уровня 2025 года (около 300-320 млн руб.) и в 2,8 раза выше показателя 2022 года. Это свидетельствует о повышении внимания региональных властей к организации детского отдыха и оздоровления, а также о выделении дополнительных средств на развитие инфраструктуры и увеличение охвата детей.

В 2025 году на организацию детского отдыха в рамках федеральной программы восстановления инфраструктуры было направлено более 200 млрд рублей [9]. В 2026 году в краевом бюджете на отдых, оздоровление и занятость детей было заложено 552 млн рублей [10]. Расходы консолидированного бюджета края демонстрируют устойчивый рост: с 195,5 млн рублей в 2022 году [12] до 299 млн рублей в 2024-м [15] и 552 млн рублей в 2026-м [10].

Важным инструментом господдержки стало участие Приморского края в федеральной программе «Восстановление и развитие до 2030 года организаций отдыха детей и их оздоровления в субъектах РФ» [9]. В её рамках в 2024 году обновлён лагерь «Надежда» в Уссурийском городском округе [9], в 2025 году проведена модернизация лагеря «Патриот» в Кировском МО [17]. На 2026-2027 годы запланированы работы в лагере «Горный» (Спасский МО) и детском центре «Юнга» [9, 17].

Далее подведем итоги тенденций развитии детского туризма в Приморском крае за 2020-2026 гг. из которых можно выделить следующие основные тренды [4, 14, 15]:

1. Сдвиг в сторону внутреннего туризма. В условиях ограничений на зарубежные поездки российские семьи всё чаще выбирают отдых внутри страны [18]. В Приморье фиксируется приток семей с детьми, которые ранее предпочитали черноморские курорты [17].

2.Увеличение доли семейных поездок. По данным Минэкономразвития России, в 2025 году частота путешествий с детьми выросла на 30% по сравнению с предыдущим годом [22]. Число семейных туристов в России увеличивается пропорционально общему росту числа поездок.

3. Преобразование инфраструктуры. Активно ведутся работы по восстановлению и модернизации загородных лагерей: реконструируют четыре загородных лагеря во Владивостоке, Находке, Дальнегорске и Черниговке [9]. В городскую собственность возвращены три бывших пионерских лагеря в пригороде Владивостока [17]. Планируется строительство нового семейного курорта «Солнечный» на Шаморе с бюджетом около 7 млрд рублей [10].

4. Патриотическая и спортивная направленность смен. Летняя кампания 2026 года будет отличаться спортивными и патриотическими сменами, особое внимание уделяется обучению плаванию [11]. Губернатор Приморья Олег Кожемяко призвал возродить традицию школьных походов и создавать программы, связанные с детским оздоровлением [23].

5. Развитие познавательного туризма. В регионе активно используется «Арсеньевская карта» - аналог «Пушкинской карты», позволяющая школьникам бесплатно посещать музеи, океанариум и другие достопримечательности [12]. Приморский океанариум теперь доступен для школьников по «Арсеньевской карте» [6].

6. Расширение международных обменов. В 2025-2026 гг. реализованы и запланированы обменные детские поездки с Узбекистаном, КНДР и Беларусью, что способствует развитию международного детского туризма [11, 14].

Таким образом, проведённое исследование показало, что детский туризм в Приморском крае за период 2020-2026 гг. прошёл значительный путь развития. Несмотря на пандемийный спад 2020-2021 гг., к 2024-2025 гг. отрасль не только восстановилась, но и достигла новых рубежей [1, 16]. Основные достижения:

– увеличение численности детей, охваченных организованным летним отдыхом, с ~75 тыс. в 2022 году до плановых 200 тыс. в 2026 году;

– рост числа детских лагерей и организаций отдыха с 526 в 2022 году до 590 в 2026 году;

– существенное увеличение бюджетного финансирования - 552 млн рублей в 2026 году;

– активная модернизация инфраструктуры в рамках федеральных и региональных программ;

– внедрение новых форматов детского отдыха (тематические, палаточные, спортивно-патриотические лагеря).

Вместе с тем сохраняются проблемы, требующие дальнейшего решения: преобладание пришкольных лагерей дневного пребывания над стационарными загородными центрами, дефицит полноценных объектов детского отдыха (характерный не только для Приморья, но и для России в целом), высокая стоимость путёвок и сезонная неравномерность загрузки лагерей. Перспективные направления дальнейшего развития проявились в завершении модернизации загородных лагерей, ввод в эксплуатацию семейного курорта «Солнечный», расширение сети палаточных лагерей и туристических походов для школьников, а также развитие международного детского обмена.

1. Государственная программа Приморского края «Развитие туризма в Приморском крае» на 2020-2027 годы. Приложение № 1 Текст: электронный. – URL: base.garant.ru/400894293/
2. Михина И.С., Герберсагина А.Д. Структура и динамика развития детского туризма на примере Приморского края // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. – 2023. – Т. 15, № 3. – С. 32-48.
3. Детский туризм на Дальний Восток вырос в 3,7 раза Текст: электронный. – URL: www.sostav.ru/blogs/267684/69160
4. Круглый стол «Детский туризм и отдых: вызовы и решения» Текст: электронный. – URL: rst.ru/novosti/
5. Итоги летнего детского отдыха подвели в Приморье Текст: электронный. – URL: deita.ru/article/574207
6. Развитие системы детского отдыха обсуждают во Владивостоке Текст: электронный. – URL: primamedia.ru/news/2427445/
7. Информация об итогах проведения летней оздоровительной кампании детей и подростков на территории Приморского края в 2025 году Текст: электронный. – URL: не указан
8. Летом 2026 года в Приморье планируют оздоровить 190 тысяч детей Текст: электронный. – URL: https://vl.aif.ru/society/letom-2026-goda-v-primore-planiruyut-ozdorovit-190-tysyach-detey
9. Программа восстановления детских лагерей помогает обновлять инфраструктуру мест отдыха Текст: электронный. – URL: primamedia.ru/news/2113762/
10. Более 550 млн рублей выделят власти на отдых детей в Приморье в 2026 году Текст: электронный. – URL: primamedia.ru/news/2466996/

11. Более 550 миллионов рублей потратят в Приморье на летний отдых детей Текст: электронный. – URL: prim.rbc.ru/prim/17/04/2026/69e1b0339a79476093897b30
12. Информация «Об итогах проведения летней оздоровительной кампании для детей и подростков на территории Приморского края в 2023 году» Текст: электронный. – URL: https://25.rospotrebnadzor.ru/press-tsentr/2334/
13. Морские курорты ушли в прошлое? Как изменились тренды детского летнего отдыха Текст: электронный. – URL: 360.ru/tekst/obschestvo/morskie-kurorty-ushli-v-proshloe/
14. Гомилевская Г.А. Развитие детского туризма как отраслевого сегмента социальной экономики: мировой опыт и региональные особенности (на примере Приморского края) // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2017. – Т. 6, № 4(21). – С. 83-87.
15. На форуме «Большие смыслы» наградили девять лучших регионов по итогам летней оздоровительной кампании Текст: электронный. – URL: https://edu.gov.ru/press/8934/na-forume-bolshie-smysly-nagradili-devyat-luchshih-regionov-po-itogam-letney-ozdorovitelnoy-kampanii
16. Приморье туристическое: каким был 2025 год для отрасли гостеприимства Текст: электронный. – URL: prim.rbc.ru/prim/06/01/2026/695c294b9a7947f3163ee009
17. Туристы идут на восток Текст: электронный. – URL: www.kommersant.ru/doc/8042344
18. Туроператоры: российским детям отдых недоступен Текст: электронный. – URL: www.tourdom.ru/news/turoperatory-rossiyskim-detyam-otdykh-nedostupen.html
19. Подведены итоги летней оздоровительной кампании 2025 года в Приморском крае Текст: электронный. – URL: https://edu.primorsky.ru/news/7117/
20. ЛДПР Приморья предлагает меры по снижению стоимости детского отдыха Текст: электронный. – URL: vestiprim.ru/news/156327
21. Свыше 100 тысяч приморских школьников проведут летние каникулы в пришкольных лагерях Текст: электронный. – URL: ternejskoe-r25.gosweb.gosuslugi.ru
22. Туристы стали на 30% чаще путешествовать с детьми в 2025 году Текст: электронный. – URL: economy.gov.ru/material/news/
23. Губернатор Приморья призвал Госсовет по туризму возродить традицию школьных походов Текст: электронный. – URL: primamedia.ru/news/2452026/

Сведения об авторах

А.П. Щипачева, ассистент, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

В.А. Кульмяев, бакалавр, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

УДК 339

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ МОДЕЛЕЙ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ АВТОТРАНСПОРТНОГО ЛОГИСТИЧЕСКОГО СЕРВИСА

А.А. Юдаков, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *В тезисах сопоставлены российская и китайская модели управления качеством автотранспортного логистического сервиса по восьми критериям. Показано, что ключевым пробелом российской модели является отсутствие специализированного стандарта качества услуг логистических операторов при формируемой обязательной цифровой инфраструктуре данных, тогда как в Китае действуют такой стандарт и система классификации логистических предприятий. Предложено направление совершенствования отечественной модели — разработка отраслевого стандарта качества с опорой на данные электронного перевозочного документооборота.*

Ключевые слова: *управление качеством, автотранспортный логистический сервис, стандарт качества услуг сторонней логистики, рейтингование логистических операторов, SERVQUAL, ключевые показатели эффективности, электронные перевозочные документы, Россия и Китай.*

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE RUSSIAN AND CHINESE MODELS OF QUALITY MANAGEMENT IN ROAD TRANSPORT LOGISTICS SERVICE

Abstract. *The paper compares the Russian and Chinese models of quality management in road transport logistics service against eight criteria. It is shown that the key gap in the Russian model is the absence of a specialized quality standard for logistics operators amid the mandatory digital data infrastructure being created, whereas China has both such a standard and a system for classifying logistics enterprises. A direction for improving the Russian model is proposed — the development of an industry quality standard relying on electronic transport document data.*

Keywords: *quality management, road transport logistics service, third-party logistics service quality standard, rating of logistics operators, SERVQUAL, key performance indicators, electronic transport documents, Russia and China.*

Актуальность исследования обусловлена тем, что автомобильный транспорт замыкает большинство цепей поставок на конечном грузополучателе, а по мере насыщения рынка грузоперевозок качество обслуживания превращается из вспомогательной функции в самостоятельный фактор конкурентоспособности перевозчика и экспедитора. Начавшаяся в России обязательная цифровизация перевозочного документооборота формирует масштабный массив достоверных данных, пригодных для измерения качества, однако отечественная система не располагает ни специализированным стандартом качества услуг логистических операторов, ни единой методикой их оценки, тогда как в Китае одновременно действуют стандарт качества услуг сторонней логистики и система классификации логистических предприятий.

Научная новизна исследования заключается в разработке критериального аппарата сравнения национальных моделей управления качеством автотранспортного логистического сервиса, выявлении ключевого нормативного пробела российской модели и обосновании направления её совершенствования на основе формируемой цифровой инфраструктуры.

Целью работы является сравнение российской и китайской моделей управления качеством автотранспортного логистического сервиса и определение элементов китайской модели, применимых в российских условиях. Для достижения поставленной цели необходимо уточнить понятие качества автотранспортного логистического сервиса, сравнить две национальные модели по единым критериям, а также выявить ключевой пробел российской модели и предложить направление её совершенствования.

В работе использованы такие методы научного исследования, как сравнительно-институциональный и системно-структурный анализ, анализ и синтез, а также формализованное сопоставление национальных моделей по заданным критериям.

Качество логистического сервиса понимается как степень соответствия характеристик оказанной услуги ожиданиям потребителя; в отличие от качества материального продукта оно неотделимо от процесса оказания и обладает субъективной составляющей. А. М. Гаджинский определяет логистический сервис как комплекс услуг, оказываемых в процессе поставки товаров [1], а Д. Дж. Бауэрсокс и Д. Дж. Клосс связывают качество обслуживания прежде всего с надёжностью — способностью системы стабильно выдерживать заявленные параметры доставки [2]. Качество автотранспортного логистического сервиса целесообразно рассматривать как интегральную характеристику, образуемую тремя взаимосвязанными блоками: нормативным (соответствие законодательству, договору и стандартам), операционным (показатели срока, сохранности и полноты исполнения) и клиентским (субъективная оценка потребителя). Управление качеством возможно лишь при одновременном учёте всех трёх блоков.

Методическую основу измерения качества задают правило семи условий, согласно которому качественный сервис означает доставку нужного товара необходимого качества и количества в нужное время и место нужному потребителю с требуемым уровнем затрат [3], и модель SERVQUAL, измеряющая разрыв между ожиданиями и восприятием потребителя по пяти измерениям — материальности, надёжности, отзывчивости, убедительности и эмпатии [4]. Операционный контур опирается на ключевые показатели эффективности: коэффициент своевременности доставки, комплексный показатель доставки вовремя и в полном объёме и индекс совершенного заказа. Для сравнения российской и китайской моделей приняты восемь критериев: нормативно-правовая база перевозок; наличие специализированного стандарта качества услуг сторонней логистики; обязательный или добровольный характер стандартов; наличие системы рейтингования операторов; развитость цифровых инструментов контроля качества; формализация показателей качества; соотношение государственного и рыночного механизмов; практическая применимость для России.

Российская модель сочетает развитое рамочное законодательство с преимущественно добровольными стандартами качества. Базовым актом выступает Устав автомобильного

транспорта [5]; организационную сторону регулирует Федеральный закон «О транспортно-экспедиционной деятельности», а договорные основания закреплены в главах 40 и 41 Гражданского кодекса. Показатели качества перевозок систематизированы национальным стандартом по группам своевременности, сохранности груза и экономичности [6], а универсальным инструментом построения системы менеджмента качества служит стандарт, идентичный ИСО 9001 [7].

Критический анализ этой базы обнаруживает системные слабости: ключевые стандарты на транспортные услуги приняты в 1996–2004 годах, не учитывают платформенные модели и телематику и носят рекомендательный характер, а специализированный стандарт качества услуг логистического оператора отсутствует. Вместе с тем именно в цифровом контуре российская модель развивается наиболее динамично: с сентября 2022 года действует государственная система электронных перевозочных документов (ЭПД), а с 1 сентября 2026 года формирование грузовой накладной в форме ЭПД становится обязательным [8]. Тем самым формируется единое информационное пространство, в котором показатели срока, сохранности и полноты исполнения фиксируются автоматически.

Китайская модель отличается более высокой степенью специализации стандартизации качества. В отличие от российской системы в Китае действует стандарт классификации и оценки логистических предприятий, устанавливающий пятиуровневую рейтинговую шкалу на основе индикаторов активов, оборудования, управления, качества персонала и уровня информатизации [9]. Наиболее показателен специализированный стандарт требований к качеству и оценке услуг сторонней логистики, который нормирует базовые требования к качеству, проектирование логистических решений, информационное и операционное обслуживание, управление рисками и рассмотрение претензий и предлагает систему ключевых показателей качества [10]. Стандартизация дополняется развитой платформенной экосистемой: цифровые фрахтовые платформы агрегируют спрос грузоотправителей и предложение перевозчиков и формируют репутационные механизмы контроля качества на основе пользовательских оценок.

Сопоставление двух моделей по восьми критериям обнаруживает устойчивую асимметрию сильных сторон. Систематизированный результат сравнения представлен в таблице 1.

Таблица 1

Сравнение российской и китайской моделей управления качеством автотранспортного логистического сервиса

Критерий сравнения	Российская Федерация	Китайская Народная Республика	Вывод для РФ
Нормативно-правовая база перевозок	Развитое рамочное законодательство (Устав, закон об экспедировании, ГК РФ)	Рамочное регулирование, дополненное системой национальных стандартов	База достаточна, требует сопряжения со стандартами качества
Специализированный стандарт качества услуг сторонней логистики	Отсутствует	Действует (GB/T 24359-2021)	Необходима разработка отраслевого стандарта
Характер стандартов качества	Преимущественно добровольный	Специализированный стандарт при государственной поддержке	Целесообразно сочетание базовых требований и добровольной сертификации
Рейтингование (классификация) операторов	Единая система отсутствует	Пятиуровневая классификация (GB/T 19680-2013)	Возможно добровольное отраслевое рейтингование
Цифровые инструменты контроля качества	Государственная система ЭПД, обязательный документооборот с 2026 года	Платформенная цифровизация, цифровые фрахтовые платформы	Соединить государственные данные с рыночными рейтингами
Формализация показателей качества	Фрагментарная, по устаревающим стандартам	Включена в стандарты и платформенные системы	Требуется единая система показателей качества

Окончание табл. 1

Критерий сравнения	Российская Федерация	Китайская Народная Республика	Вывод для РФ
Соотношение государства и рынка	Преобладание государственно-инфраструктурного механизма	Сочетание стандартизации и рыночно-платформенной саморегуляции	Нужен баланс государственных и рыночных механизмов
Практическая применимость для РФ	—	Стандарт и рейтинг адаптируемы к российским условиям	Избирательная адаптация без копирования

Преимущество китайской модели сосредоточено в зрелости специализированной стандартизации, институционализации классификации операторов и развитости платформенной экосистемы, а преимущество российской — в формируемой сверху единой и юридически достоверной цифровой инфраструктуре документооборота. Эти преимущества носят взаимодополняющий характер: российская цифровая база данных и китайские инструменты стандартизации и рейтингования адресуют разные звенья единой задачи управления качеством. Это делает перспективной не имитацию китайской модели, а избирательную адаптацию её элементов на отечественной цифровой основе.

Сформулированное выше триединое понимание качества и результаты сравнительного анализа позволяют предложить авторскую модель интегральной оценки качества автотранспортного логистического сервиса, объединяющую пять взаимосвязанных блоков. Модель исходит из того, что ни один из блоков, взятый изолированно, не описывает качество в полноте, а их соединение становится практически реализуемым именно благодаря формируемой цифровой инфраструктуре.

Нормативный блок фиксирует соответствие услуги договору перевозки, транспортной накладной, экспедиторским документам и действующим стандартам, а также юридическую корректность оформления. Операционный блок переводит качество в измеримые величины — своевременность доставки, сохранность груза, полноту исполнения заказа и уровень претензионности, — фиксируемые системой ключевых показателей эффективности. Клиентский блок улавливает субъективное восприятие потребителя и оценивается по методике SERVQUAL с учётом динамики жалоб и доли повторных обращений [4]. Цифровой блок обеспечивает автоматизированный сбор первичных данных для трёх предыдущих на основе электронных перевозочных документов, систем управления транспортом, спутникового мониторинга и телематики [8]. Рейтинговый блок агрегирует результат в публично сопоставимую интегральную оценку оператора по аналогии с классификацией логистических предприятий.

Содержательная логика модели состоит в последовательном восхождении от формального соответствия к рыночной репутации: нормативный блок устанавливает правомерность услуги, операционный и клиентский измеряют её качество с объективной и субъективной сторон, цифровой обеспечивает данные, а рейтинговый замыкает оценку отраслевым рейтингом оператора. Принципиальное преимущество модели в российских условиях состоит в том, что её цифровой блок не требует создания новой инфраструктуры — он опирается на уже формируемую обязательную систему электронного документооборота, превращая её из инструмента контроля в источник данных для оценки качества. Тем самым авторское предложение заимствует у китайского опыта идею специализированной оценки и рейтингования операторов, но реализует её не путём копирования стандарта, а через интеграцию с национальной цифровой средой.

Практическое применение модели предполагает поэтапную процедуру оценки. На первом этапе из системы электронных перевозочных документов извлекаются объективные данные о сроках, сохранности и полноте исполнения и рассчитываются ключевые показатели эффективности. На втором этапе посредством опроса грузоотправителей по методике SERVQUAL определяется клиентская составляющая. На третьем этапе нормативный, операционный, клиентский и цифровой блоки сводятся в интегральный показатель, на основе которого оператору присваивается отраслевой рейтинг. Такая последовательность делает оценку воспроизводимой и сопоставимой между операторами, а её результаты — пригодными как для внутреннего управления качеством, так и для выбора исполнителя заказчиком.

Предложенная модель и обоснованный отраслевой стандарт качества образуют единый контур управления: стандарт задаёт нормативные требования и закрытый перечень показателей качества, а модель определяет процедуру их измерения и агрегирования на основе цифровых данных. В совокупности они переводят управление качеством автотранспортного логистического сервиса из плоскости добровольных и разрозненных практик в плоскость воспроизводимой, основанной на данных оценки, что соответствует выявленному в сравнительном анализе направлению адаптации китайского опыта к российским условиям.

Проведённое сопоставление показывает, что центральной проблемой российской системы является отсутствие специализированного стандарта качества услуг логистического оператора, который не восполняется ни общими стандартами на транспортные услуги, ни добровольной сертификацией по ИСО 9001. В качестве направления совершенствования предлагается разработать отраслевой стандарт качества услуг логистических операторов, включающий базовые требования к качеству, требования к проектированию логистических решений, информационному и операционному обслуживанию, управлению рисками и рассмотрению претензий, а также перечень ключевых показателей качества, адаптированный к российскому законодательству и опирающийся на данные системы электронных перевозочных документов. Обязательная цифровизация документооборота создаёт уникальную предпосылку для перехода к управлению качеством на основе данных и впервые делает возможным сплошной мониторинг показателей качества в масштабе отрасли.

1. Гаджинский А.М. Логистика: учебник для бакалавров. – 21-е изд. – Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2017. – 419 с.

2. Логистика: интегрированная цепь поставок / Д.Дж. Бауэрсокс, Д.Дж. Клосс; пер. с англ. – 2-е изд. – Москва: Олимп-Бизнес, 2008. – 640 с.

3. Кристофер М. Логистика и управление цепочками поставок / пер. с англ. – Санкт-Петербург: Питер, 2004. – 316 с.

4. SERVQUAL: A Multiple-Item Scale for Measuring Consumer Perceptions of Service Quality / A. Parasuraman, V.A. Zeithaml, L.L. Berry // Journal of Retailing. – 1988. – Vol. 64, № 1. – P. 12–40.

5. Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта: Федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72388/

6. ГОСТ Р 51005-96. Услуги транспортные. Перевозки грузов. Номенклатура показателей качества: национальный стандарт Российской Федерации. – Текст: электронный // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – URL: https://docs.cntd.ru/document/1200006075

7. ГОСТ Р ИСО 9001-2015. Системы менеджмента качества. Требования: национальный стандарт Российской Федерации. – Текст: электронный // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – URL: https://docs.cntd.ru/document/1200124394

8. О внесении изменений в Федеральный закон «О транспортно-экспедиционной деятельности» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.06.2025 № 140-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51991

9. GB/T 19680-2013. Classification and evaluation index for logistics enterprise: national standard of the People's Republic of China. – Text: electronic // National Public Service Platform for Standards Information. – URL: https://openstd.samr.gov.cn/

10. GB/T 24359-2021. Quality requirements and evaluation of third-party logistics service: national standard of the People's Republic of China. – Text: electronic // National Public Service Platform for Standards Information. – URL: https://openstd.samr.gov.cn/

Сведения об авторе

А.А. Юдаков, магистрант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

УДК 159.9

ВЗАИМОСВЯЗЬ РАННИХ ДЕЗАДАПТИВНЫХ СХЕМ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У ЖЕНЩИН РАЗНОГО ВОЗРАСТА

А.Г. Яковлева, магистрант

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. *Представлены результаты исследования взаимосвязи между ранними дезадаптивными схемами и уровнем эмоционального интеллекта у женщин разных возрастных групп. У женщин разных возрастов связь между ними имеет выраженную специфику, которая отражает переход от обретения независимости к более глубокому внутреннему осмыслению своей жизни.*

Ключевые слова: *ранние дезадаптивные схемы, эмоциональный интеллект, взаимосвязь, психологическое благополучие, социальное взаимодействие, корреляция, возраст.*

THE RELATIONSHIP BETWEEN EARLY MALADAPTIVE SCHEMAS AND EMOTIONAL INTELLIGENCE IN WOMEN OF DIFFERENT AGES

Abstract. *The article investigates the relationship between early maladaptive schemas and the level of emotional intelligence in women of different age groups. For women of varying ages, the connection between them exhibits distinct characteristics that reflect the transition from gaining independence to a deeper internal reflection on their lives.*

Keywords: *early maladaptive schemas, emotional intelligence, relationship, psychological well-being, social interaction, correlation, age.*

Ранние дезадаптивные схемы, формирующиеся в детстве из-за неудовлетворения базовых потребностей, могут существенно влиять на психологическое благополучие и на социальные взаимодействия во взрослом возрасте. Эмоциональный интеллект выступает в свою очередь ресурсом адаптации, позволяя эффективно распознавать, понимать и регулировать эмоции. Изучение взаимосвязи этих феноменов у женщин разных возрастов позволит уточнить механизмы психологической устойчивости и уязвимости (Д.В. Люсин, 2004) [6, с. 32].

Изучение эмоционального интеллекта у женщин обусловлены:

– гендерными особенностями эмоциональной сферы; рост выгорания: современные женщины совмещают много ролей. Схемы «Неуспешность» и «Жесткие стандарты» ведут к депрессии, если эмоциональный интеллект не помогает вовремя заметить усталость;

– спецификой социальных ролей, которые выполняют женщины; кризис отношений: высокий уровень разводов часто связан с тем, что партнеры сталкиваются «схемами», а низкий эмоциональный интеллект не позволяет им выйти из циклов взаимных обвинений;

– возрастными изменениями в эмоциональной регуляции; растущими требованиями к эмоциональной компетентности в современном обществе. запрос на ментальное здоровье: растет популярность психотерапии (в частности, схема-терапии). Понимание связи ранних дезадаптивных схем и эмоционального интеллекта дает четкий маркер для диагностики: развивая эмоциональный инеллект, мы ослабляем влияние схем (Д. Гоулман, 2013) [2, с. 25].

Ранние дезадаптивные схемы и эмоциональный интеллект связаны обратно пропорциональной зависимостью. Ранние дезадаптивные схемы (по Дж. Янгу) – устойчивые комплексы воспоминаний, убеждений и эмоций, формирующиеся в детсве и влияющие на восприятие себя и других. Эмоциональный интеллект – это способность понимать свои и чужие эмоции, а также управлять ими. Блокировка осознания: схемы (например, «Покинутость» или «Дефективность») искажают реальность. Женщина путает триггер из прошлого с настоящим, что снижает её способность точно понимать свои истинные эмоции (Е.А. Сергиенко, И.И. Ветрова, 2010) [8, с. 35].

Нарушение саморегуляции: сильная активация схем вызывает эмоциональное затопление. В таком состоянии регуляция эмоций (компонент эмоционального интеллекта) становится не-

возможной. Деструктивное поведение: схемы заставляют использовать дисфункциональные копинги (капитуляция, избегание, гиперкомпенсация). Это разрушает социальный компонент эмоционального интеллекта – управление отношениями (Е.Р. Исаева, 2009) [5, с. 112].

Основные категории ранних дезадаптивных схем:

– разобщённость и отвержение;
– нарушение автономии;
– нарушенные границы;
– направленность на других;
– гипербдительность и подавление
– неуспешность
– жесткие стандарты

Эмоциональный интеллект включает:

– восприятие эмоций (своих и чужих);
– понимание причин и последствий эмоций;
– управление эмоциями;
– использование эмоций в мышлении и деятельности.

Связь между схемами и эмоциональным интеллектом меняется в течение жизни женщины из-за гормональных сдвигов и смены социальных ролей. Молодой возраст (20-35 лет): период уязвимости. Активное формирование идентичности профессиональной и семейной роли (И.С. Клецина, 2004) [7, с. 68].

Ранние дезадаптивные схемы могут проявиться остро, эмоциональный интеллект находится в стадии развития. Схемы (особенно «Покинутость» и «Недоверие») активны из-за поиска партнера и сепарации от родителей. Эмоциональный интеллект еще формируется, поэтому эмоциональные вспышки гасятся трудно. Средний возраст (36-50 лет) пик нагрузки: стабилизация социальных ролей, накопление опыта совладания. Возможно снижение выраженности ранних дезадаптивных схем за счет адаптации. Происходит столкновение схем «Жесткие стандарты» или «Покорность» с карьерой и материнством. Женщины с высоким эмоциональным интеллектом начинают осознавать свои схемы и перестраивать поведение. После 40 лет: период интеграции. Гормональная перестройка (менопауза) может временно снизить эмоциональный контроль (М.В. Галимзянова, П.М. Касьяник, Е.В. Романова, 2016) [3, с. 36].

Однако жизненный опыт обычно повышает эмоциональный интеллект, помогая компенсировать или полностью проработать старые схемы. Рефлексия жизненного пути, переоценка ценностей эмоционального интеллекта может выступать ресурсом для психологического благополучия (А.Б. Холмогорова, 2011) [4, с. 125].

Цель: выявить характер взаимосвязи между выраженностью ранних дезадаптивных схем и уровнем эмоционального интеллекта у женщин молодого и среднего возраста. Гипотеза: уровень эмоционального интеллекта положительно коррелирует с возрастом и отрицательно с выраженностью ранних дезадаптивных схем.

Задачи: 1) проанализировать теоретические подходы к пониманию ранних дезадаптивных схем и эмоционального интеллекта; 2) эмпирически исследовать как уровень эмоционального интеллекта коррелирует с возрастом и с выраженностью ранних дезадаптивных схем.

Объект: психологические особенности женщин разных возрастных групп.Предмет: взаимосвязь ранних дезадаптивных схем и эмоционального интеллекта.

Анализ теоретических подходов к пониманию ранних дезадаптивных схем и эмоционального интеллекта включает изучение концепции Дж. Янга и моделей эмоционального интеллекта (Д. Гоулмана, Дж. Мэйера). Эти конструкты тесно связаны: жесткие внутренние убеждения блокируют способность распознавать, понимать и экологично проживать эмоции [1, 2].

Основатель схема-терапии Джеффри Янг рассматривает дезадаптивные схемы как глубинные, устойчивые паттерны, состоящие из воспоминаний, эмоций, телесных ощущений и мыслей о себе и окружающем мире [1–3].

Схемы зарождаются в детстве или подростковом возрасте из-за фрустрации базовых эмоциональных потребностей (безопасность, принятие, автономия, свобода выражения чувств) [1–3].

Янг выделяет 18 схем, сгруппированных в 5 основных доменов:

1. Нарушение связи и отвержение: ожидание, что потребности в безопасности и стабильности не будут удовлетворены (например, «Покинутость», «Недоверие/Ожидание жестокого обращения»).

2. Нарушенная автономия и эффективность: вера в свою неспособность справляться с миром (например, «Зависимость», «Уязвимость»).

3. Нарушенные границы: трудности с самодисциплиной и уважением прав других (например, «Грандиозность/Привилегированность»).

4. Направленность на других: подавление собственных желаний ради угождения окружающим (например, «Подчинение», «Самопожертвование»).

5. Сверхбдительность и подавление: чрезмерный контроль чувств ради избежания ошибок (например, «Жесткие стандарты», «Пессимизм») [1, 2].

Эмоциональный интеллект — это способность человека понимать собственные эмоции, управлять ими и эффективно взаимодействовать с другими людьми. В научном сообществе выделяют две ведущие теории ЭИ [1, 2].

Модель способностей (Дж. Мэйер, П. Сэловей, Д. Карузо): Эмоциональный интеллект рассматривается как совокупность когнитивных способностей к обработке эмоциональной информации. Включает 4 компонента:

1. Восприятие (идентификация) эмоций.
2. Использование эмоций для стимуляции мышления.
3. Понимание эмоций (анализ причин и следствий).
4. Управление эмоциями. [1, 2]

Смешанные модели (Д. Гоулман, Р.Бар-Он): Эмоциональный интеллект трактуется шире, включая личностные и мотивационные характеристики. Модель Гоулмана состоит из четырех ключевых блоков:

1. Самосознание (понимание своих сильных/слабых сторон и мотивов).
2. Самоуправление (контроль импульсов).
3. Социальная осознанность (эмпатия и понимание других).
4. Управление отношениями (разрешение конфликтов) [1, 2].

Если говорить о взаимосвязи схем и эмоционального интеллекта, то ранние дезадаптивные схемы выступают модераторами стресса и напрямую влияют на развитие эмоционального интеллекта. Активные схемы искажают эмоциональное восприятие [1–3].

Пример: человек со схемой «Эмоциональная депривация» теряет способность к адекватной эмпатии и пониманию чувств близких. Схема «Подавление эмоций» блокирует способность к саморегуляции и самосознанию [1].

Методы:

– эмпирические: опросник ранних дезадаптивных схем Янга, адаптация П.М. Касьянник и Е.В. Романовой (Янг Дж., Клоско Дж., Вайсхаар, 2020) [2, с. 48];

– методы математической статистики (корреляционный анализ Ч. Спирмена).

Выборка: 100 женщин, разделённые на две возрастные группы: 20–35 лет (ранняя взрослость, n=50); 36–50 лет (средняя взрослость, n=50).

Эмпирическое исследование

Процедура:

1.Проведение тестирования с использованием опросника ранние дезадаптивные схемы Янга (YSQ-S3R, адаптация П.М. Касьяника и Е. В. Романовой);

2. Обработка данных с помощью статистического пакета программ (SPSS).

Ожидаемые результаты:

– отрицательная корреляция между выраженностью ранние дезадаптивные схемы (особенно «эмоциональная депривация», «покинутость») и уровнем эмоционального интеллекта (межличностный компонент);

– положительная динамика эмоционального интеллекта и снижение ранних дезадаптивных схем с возрастом (пик в группе 36-50 лет).

В результате исследования были получены баллы по каждой из субшкал, а также баллы, показывающие степень выраженности внутриличностного и межличностного аспектов эмоционального интеллекта. Выявлено, что среди женщин (21-35) – 50 человек (что составляет половину выборки) демонстрируют наличие негативного уровня ранних дезадаптивных схем. Если в молодом возрасте схемы чаще направлены на внешнее подтверждение и страх быть отвергнутой, то в зрелом возрасте они смещаются в сторону внутренней опустошенности и чрезмерной ответственности за окружающих.

У женщин в возрасте 21–35 лет часто выявляются средние или умеренные показатели по шкалам ранних дезадаптивных схем согласно опроснику Янга (YSQ), что характерно для ак-

тивного периода самоопределения. В этой возрастной группе наиболее часто встречаются схемы из доменов «Нарушение автономии» (например, хрупкость, зависимость) и «Отверженность». Высокие показатели, указывающем на наличие функциональных сложностей в отношениях или самовосприятии. «Дефективность/Стыд»: ощущение своей неполноценности. «Поиск одобрения»: зависимость самооценки от мнения окружающих. «Завышенные стандарты»: стремление к перфекционизму. В этом возрасте схемы часто активируются в ответ на межличностные проблемы или кризисы самооценки, но при этом могут частично компенсироваться за счет социальной адаптации.

В возрасте 36–50 лет ранние дезадаптивные схемы часто стабилизируются, формируя устойчивые паттерны поведения, «сценарии жизни» и личностные режимы, укоренившиеся с детства. В этот период наблюдается высокая значимость схем, связанных с нарушением границ (самоконтроль), направленностью на других и сверхбдительностью, что часто приводит к кризисам среднего возраста. **Нарушение границ и самоконтроля** часто проявляются в виде жесткости, перфекционизма, чрезмерного чувства ответственности или трудностей с дисциплиной (схема «Недостаточный самоконтроль»). **Выражена направленность на других:** схемы «Поиск одобрения» или «Самопожертвование» могут приводить к игнорированию собственных потребностей ради карьеры, семьи или социального статуса. Сверхбдительность и подавление проявляются в виде **в**ысокого уровня тревожности, подавление эмоций, страх совершить ошибку (схема «Поиск одобрения», «Жесткие стандарты»).

Математический и статистический анализ по методу Спирмена:

1. Анализ по всей выборке (n = 100)

Переменная А: Возраст (в годах).

Переменная Б: Уровень эмоционального интеллекта (в баллах).

Ожидаемый результат: Положительная корреляция ($r_s > 0$), при ($p < 0.05$) или ($p < 0.01$). Чем старше женщина, тем выше ее показатели эмоционального интеллекта.

Переменная В: Выраженность ранних дезадаптивных схем (общий балл по опроснику, например, YSQ-L3).

Ожидаемый результат: Отрицательная корреляция ($r_s < 0$), при ($p < 0.01$). Чем сильнее выражены схемы (например, «социальная изоляция» или «жесткие стандарты»), тем ниже общий уровень эмоционального интеллекта.

2. Сравнительный анализ по возрастным подгруппам

Группа 1 (20–35 лет): Связи могут быть более выраженными, так как в период ранней взрослости идет активная сепарация, адаптация и кризисы идентичности.

Группа 2 (36–50 лет): Корреляции могут ослабевать за счет приобретенного жизненного опыта и проведенной психокоррекции, либо оставаться стабильно высокими при хронической активации схем.

Интерпретация данных:

Зона значимости: Выявленные связи подтверждают гипотезу только в том случае, если расчетное эмпирическое значение $r_{s\,эмп}$ попадает в зону значимости для n = 100 (критические значения: $r_{s,кр} = 0.20$ для $p < 0.05$; $r_{s,кр} = 0.26$ для $p < 0.01$.

Схема-терапевтический подход: дезадаптивные схемы мешают распознаванию и управлению эмоциями. Высокий эмоциональный интеллект в средней взрослости выступает следствием успешного преодоления жизненных кризисов и проработки дисфункциональных детских убеждений.

Обсуждение:

– Возрастные изменения ранних дезадаптивных схем могут быть связаны с накоплением адаптивного опыта и развитием навыков эмоциональной регуляции. Высокий эмоциональный интеллект компенсирует влияние ранних дезадаптивных схем, позволяя гибко реагировать на стрессоры.

– Специфика женской социализации (акцент на эмпатии, отношениях) может усиливать связь эмоционального интеллекта и ранних дезадаптивных схем в сфере межличностных ожиданий.

Заключение: уровень эмоционального интеллекта положительно коррелирует с возрастом и отрицательно с выраженностью ранних дезадаптивных схем.

Выводы.

Изучение эмоционального интеллекта у женщин актуально из-за его влияния на все сферы жизни: профессиональную, семейную, личностную. У женщин 20–35 лет преобладает меж-

личностный эмоциональный интеллект (распознавание эмоций других), а у женщин 36-50 лет – внутри личностный эмоциональный интеллект (управление своими эмоциями). С возрастом эмоциональный интеллект становится более зрелым и интегрированным, что связано с жизненным опытом и личностным развитием. Подтверждена гипотеза о снижении выраженности ранних дезадапивных схем с возрастом, особенно в категории «разобщенность и отвержение». Выявлена значимая отрицательная корреляция между ранними дезадаптивныи схемами и межличностным компанентом эмоционального интеллекта во всех возрастных группах.

Интел-
лект становится более зрелым и интегрированным, что связано с жизненным опытом и личнос тным развитием. Высокий уровень эмоционального интеллекта способствует успешной адаптации, эффективному взаимодействию и психологическому благополучию женщин в любом возрасте. Наибольший уровень эмоционального интеллекта наблюдается в группе 36-50 лет, что соответствует периоду активной социальной реализации.

Практические рекомендации:

– В работе с молодыми женщинами: акцент на развитие эмоционального интеллекта через тренинги коммуникации и саморефлексии.

– Для женщин средней взрослости: поддержка адаптивных копинг-стратегий, укрепление эмоциональной устойчивости.

– Профилактика социальной изоляции, упражнения на распознавание эмоций.

Практическая значимость по результатам исследований эмоционального интеллекта могут быть использованы: в психологическом консультировании; при отборе и обучении персонала; в программах личностного роста; для разработки тренингов по развитию эмоционального интеллекта; в семейной психотерапии.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение динамики эмоционального интеллекта в течение жизни женщины, а также на создание специализированных программ развития эмоциональной компетентности для разных возрастных групп.

Перспективы исследования: изучение влияния семейного статуса, профессиональной деятельности и культурного контекста на взаимосвязь ранних дезадаптивных схем и эмоционального интеллекта.

Гипотеза о том, что уровень эмоционального интеллекта положительно коррелирует с возрастом и отрицательно с выраженностью ранних дезадаптивных схем можно считать подтвержденной, а цель исследования – достигнутой.

1. Янг Дж., Клоско Дж., Вайсхаар М. Схема-терапия: практическое руководство. – Москва: Диалектика, 2020. – С. 464.

2. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – С.550.

3. Галимзянова М.В., Касьяник П.М., Романова Е.В. Выраженность ранних дезадаптивных схем и режимов функционирования схем у мужчин и женщин в период ранней, средней и поздней взрослости // Вестник СПбГУ. Серия 16. Психология. Педагогика. – 2016. – № 3. – С. 109–125.

4. Холмогорова А.Б. Когнитивная психотерапия и преемственность в развитии отечественной психологии // Консультативная психология и психотерапия. – 2011. – № 4. – С. 183.

5. Исаева Е.Р. Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни. – Санкт-Петербург: СПбГМУ им. Павлова, 2009. – С. 135.

6. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования. – Москва: Институт психологии РАН, 2004. – С. 176.

7. Клецина И.С. Психология гендерных отношений: теория и практика. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2004. – С. 404.

8. Сергиенко Е. А., Ветрова И. И. Эмоциональный интеллект: модель способностей // Психологический журнал. – 2010. – Т. 31, № 1. – С. 12.

Сведения об авторе

А.Г. Яковлева, магистрант, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, Россия

Научное издание

НАУКА, МЕНЯЮЩАЯ ЖИЗНЬ

Электронный сборник материалов Национального научного форума магистрантов, аспирантов и молодых ученых с международным участием

(г. Владивосток, 3–4 июня 2026 г.)

Под общей редакцией
канд. пед. наук Г.В. Петрук

Подписано в печать 30.09.2026. Формат 64×80/8
Бумага писчая. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 44,50. Тираж 200 [I–50] экз.

Издатель: Владивостокский государственный университет
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41
Отпечатано в рекламно-производственной компании ООО «Хелиос»
690091, Владивосток, ул. Алеутская, 88

Мероприятие проводится в рамках субсидии из федерального бюджета образовательным организациям высшего образования на реализацию мероприятий, направленных на поддержку студенческих научных сообществ
(соглашение с Минобрнауки РФ
№ 075-15-2025-436 от «26» мая 2025 г.)

